UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324798 8

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie sochineniĭ

СОЧИНЕНІЙ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

6. izd.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

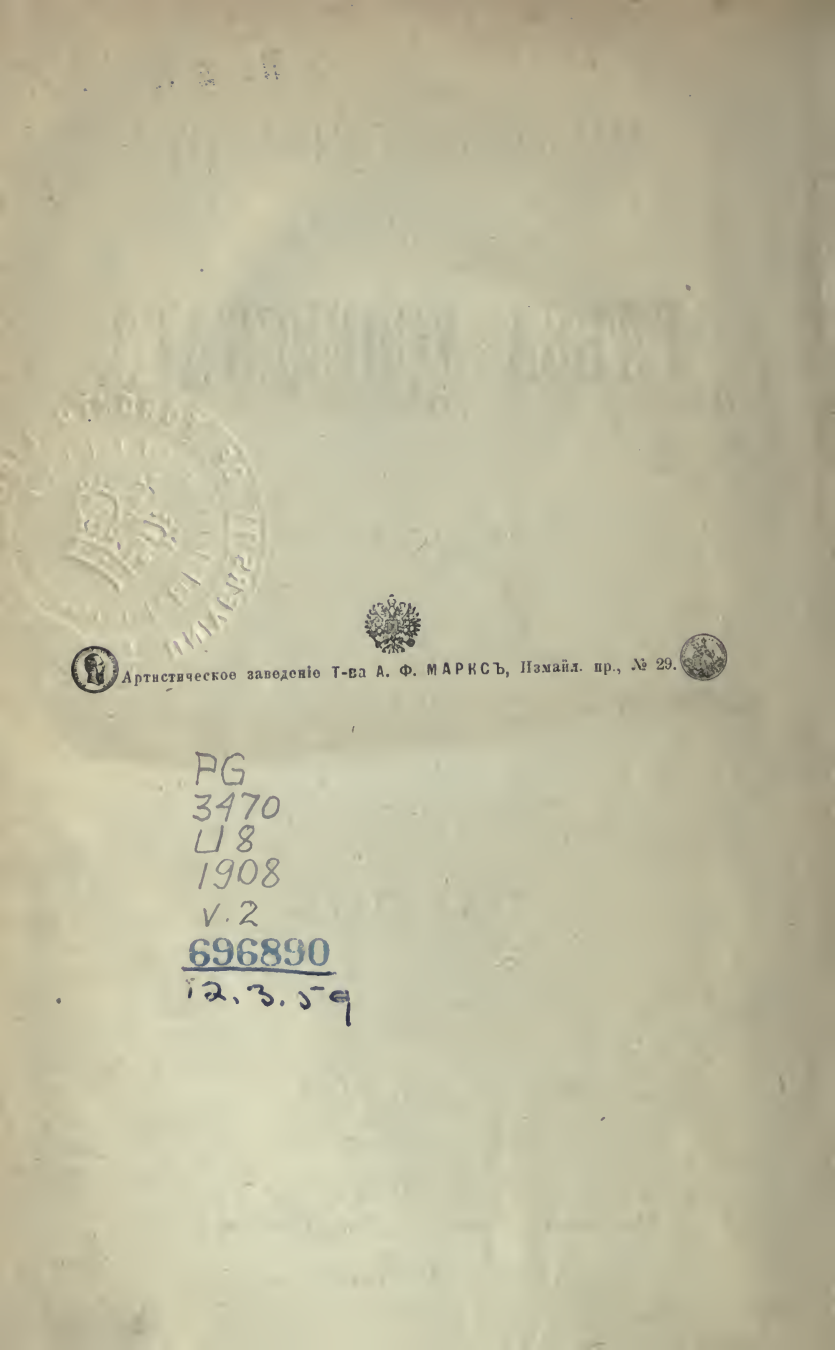
Съ критической статьей Н. К. Михайловскаго и съ приложеніемъ портрета Г. И. Успенскаго.

v. 2

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1908.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Измайл. пр., № 29.

PG
3470
U8
1908
v.2
696890
12.3.59

П. Данич.

НОВЫЯ ВРЕМЕНА, НОВЫЯ ЗАБОТЫ.

I. Книжка чековъ *).

(Эпизодъ изъ жизни недоимщиковъ).

I.

Иванъ Кузьмичъ Мясниковъ, купецъ и фабрикантъ, покончивъ дѣла, за которыми нарочно пріѣзжалъ въ губернскій городъ, возвратился въ грязноватый номеръ грязноватой гостиницы, приказалъ запрягать лошадей и сталъ собираться въ дорогу.

— Что-жъ, Иванъ Кузьмичъ, мало погостили у насъ?— помогая уложить весьма небольшое количество вещей отъѣзжавшаго, говорилъ трактирный слуга.—Право, совсѣмъ и не погуляли въ городѣ-то...

— Нагуляюсь потомъ... Слава Богу, хоть отдѣлался!

— Все ли благополучно покончили?

— Все!.. Хорошо!.. На-ка, вотъ погляди эту штучку.

Мясниковъ вынулъ изъ-подъ жилета и подалъ коридорному какую-то маленькую книжку, которую тотъ съ недоумѣніемъ взялъ въ руки и долго съ тѣмъ же недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.

— Это что же будетъ?—спросилъ наконецъ коридорный.

— А это, другъ любезный,—съ довольнымъ и веселымъ лицомъ проговорилъ Мясниковъ:—эта штучка стоитъ пятнадцать тысячъ рубликовъ! Вотъ что это такое!

— Этакая муха? Пятнадцать тысячъ?..

*) «Отеч. Записки», 1876 г. Люди и нравы. Очерки.

— Да-да, муха, пятнадцать тысячъ... Какъ ты думаешь? Что?

— Да тутъ все бумага... все одно, какъ книжка... Тутъ денегъ-то нѣтъ нисколько...

— То-то вотъ и хорошо! Поди-ка, узнай, что это— деньги!.. Чистая бумага, а пятнадцать тысячъ въ ней вѣсу!.. Называется—чекъ!

При этомъ словѣ лакей повернулъ передъ собою книжку, поглядѣлъ на нее съ другого бока и уставилъ ничего не понимающіе глаза на купца.

— Это видишь что... Сейчасъ ты отодралъ лоскутъ и получай деньги!..—пробовалъ-было объяснить Мясниковъ, но такъ какъ и при этомъ коридорный ровно ничего не понялъ, то хозяинъ книжки чековъ долженъ былъ начать разсказывать ему банковыя дѣла со всѣми подробностями. Нельзя сказать, чтобы изложеніе этихъ дѣлъ, продолжавшееся довольно долго, уяснило коридорному значеніе книжонки, которую онъ не переставалъ держать въ рукахъ, по временамъ останавливая на ней внимательный взглядъ; тѣмъ не менѣе, когда рѣчь купца была наконецъ кончена, коридорный вздохнулъ и въ какомъ-то раздумьѣ произнесъ:

— Да-да!.. мала-мала штучка, а какую прорву денегъ вобрала!

Это выраженіе очень понравилось хозяину книжки.

— Питательная книжка, точно! Именно, что впитала!

— Пятнадцать тысячъ!—продолжалъ коридорный:—вѣдь это въ старые годы деревня, да сколько душъ крестьянъ, да лѣсу... И этакая-то муха слопала!

Слуга замоталъ головою въ знакъ полнаго недоумѣнія и отдалъ книжку купцу, который, продолжая быть вполнѣ довольнымъ, спряталъ ее опять подъ жилетъ.

— Грѣхи-грѣхи! — почему-то пришло коридорному въ голову.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ кучера, который доложилъ, что все готово.

II.

Черезъ часъ телѣжка, въ которой, закутавшись въ мерлушечью шубу (на случай ночныхъ осеннихъ заморозковъ), сидѣлъ Мясниковъ, ѣхала далеко за городомъ по проселочной дорогѣ. Иванъ Кузьмичъ дремалъ, болтая головой справа налѣво и спереди назадъ. По временамъ онъ шарилъ у себя на груди подъ шубой, желая удостовѣриться,

тутъ ли книжка, и всякій разъ, когда рука ощупывала ее, ему почему-то тотчасъ же припоминалось выраженіе трактирнаго слуги: «вобрала»; это слово оживляло его и заставляло невольно припоминать, что̀ именно она вобрала въ себя. Но чѣмъ яснѣе представлялись ему составныя части этихъ тысячъ и этой книжонки, которая такъ искусно всосала ихъ, тѣмъ менѣе хотѣлось спать и становилось какъ-то скучнѣе.

Однажды Иванъ Кузьмичъ даже вздохнулъ.

Отчего это? Неужто книжонка «вобрала» въ самомъ дѣлѣ ужъ очень много? Съ другой стороны, неужели въ самомъ дѣлѣ Иваномъ Кузьмичомъ положено въ эту книжку такъ много труда, что мысль объ этомъ трудѣ, явившаяся вслѣдъ за вздохомъ, совершенно успокоила его,—до того успокоила, что онъ уже не вздыхалъ больше ни разу, а скоро и совсѣмъ заснулъ?

Необходимо обстоятельнѣе познакомиться съ Иваномъ Кузьмичомъ и его дѣятельностью, чтобы отвѣтить на всѣ вопросы, толпящіеся вокругъ книжки чековъ.

Иванъ Кузьмичъ, какъ уже сказано, принадлежитъ къ купеческому званію, хотя ровно ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ типомъ «купца», къ которому привыкъ читатель, котораго онъ видѣлъ и въ лавкѣ, и на сценѣ. Между Иваномъ Кузьмичомъ и «купцомъ» стараго типа ни въ фигурѣ, ни во взглядахъ, ни въ манерѣ дѣятельности—нѣтъ никакого сходства.

Старомодный купецъ, какъ скажетъ всякій, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, жилъ обманомъ, богатство приходило къ нему темными путями, и слова: «темный богачъ» такъ же справедливы по отношенію къ старомодному купцу, какъ поговорка: «не обманешь—не продашь» справедлива относительно его дѣятельности. Въ немъ все было обманъ. Женился онъ обыкновенно не на женщинѣ, а на сундукѣ, но притворялся, что онъ—семейный человѣкъ и живетъ въ страхѣ Божіемъ, зная, что всѣ въ его семьѣ точно такъ же притворяются и лгутъ, какъ и онъ самъ. Обходительность и ловкость, которыми онъ щеголялъ передъ покупателемъ, пришедшимъ къ нему въ лавку, были не болѣе какъ средствомъ «отвести» покупателю глаза, «заговорить зубы» и всучить тѣмъ временемъ гнилое, линючее или спустить противъ настоящей мѣры на вершокъ, а то и на цѣлый аршинъ, если удастся... Такъ думали про старинаго купца всѣ, да такъ думалъ и онъ самъ, потому что,

хоть иной разъ онъ и наживалъ большіе капиталы, хоть иной разъ и ловко удавалось ему «обойти» покупателя,— въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что дѣло его «нечисто», что каждую минуту его могутъ уличить и поступить на законномъ основаніи, да и на томъ свѣтѣ, пожалуй, будетъ не очень хорошо. Вотъ почему старомодный купецъ считалъ своею глубокою обязанностью радѣть ко храму Божію, заглушать голосъ совѣсти стопудовымъ колоколомъ или пудовой свѣчкой мѣстному образу, съ которою онъ обыкновенно, пыхтя и обливаясь потомъ, пробирался посреди толпы, наполнявшей храмъ, толкая публику направо и налѣво. Жертвы храму Божьему успокаивали его душу, сознавшую, что она не очень чиста, но едва ли онѣ могли успокоить его насчетъ неумолимаго закона, которому нельзя ставить никакихъ свѣчекъ, который не нуждается въ колокольномъ звонѣ. И дѣйствительно, законъ, начиная будочникомъ и кончая губернаторомъ, постоянно стоялъ надъ старомоднымъ купцомъ въ самомъ угрожающемъ видѣ. Купецъ былъ дойною коровою всѣхъ, кто представлялъ собою какую-нибудь власть. Онъ давалъ взятки, подносилъ хлѣбъ-соль, жертвовалъ, подписывалъ на альбомъ видовъ, который общество задумало поднести значительному лицу, проѣзжавшему изъ столицы, дѣлалъ иллюминаціи «въ честь»..., участвовалъ карманомъ въ какомъ-то аллегри «въ пользу» и т. д., не говоря о томъ, что пирогъ съ приличной закуской— при чемъ всегда должна быть отличнѣйшая икра и рѣдкостнѣйшая рыба (двѣ вещи, неразрывно связанныя съ словомъ «купецъ», какъ неразрывно связана съ этимъ же словомъ «лисья шуба» и возгласъ: «кипяточку!») — этотъ пирогъ не сходилъ у него со стола для званыхъ и незваныхъ. Квартальный, городничій, частный приставъ, брандмейстеръ, судейскій крючокъ, ходатай и т. д.—все это шло къ нему въ домъ, въ лавку и брало деньги, ѣло икру, рыбу, пило водку, постоянно грозилось и требовало благодарности за снисхожденіе. Старомодный купецъ всѣмъ платилъ, всѣхъ кормилъ, чувствуя себя виновнымъ, и только миновавъ всѣ эти препоны, т.-е. накормивъ, одѣливъ всѣхъ, могъ завтра опять «заговаривать зубы» и «отводить глаза». Недаромъ стародавній купецъ одѣвался въ лисій мѣхъ; нѣчто лисье было во всей его дѣятельности, а травля, гораздо болѣе оживленная и дѣятельная, чѣмъ бываетъ травля на настоящую лисицу, преслѣдовала старомоднаго купца изо дня въ день, изъ года въ годъ. И вотъ, налгавшись вдоволь,

напотѣвшись за часомъ и изъ страха наказанія за свои плутни, этотъ лиса-человѣкъ кончалъ тѣмъ, что подъ конецъ жизни пряталъ свои деньжонки, скопленныя обманомъ и криводушіемъ, въ сундукъ и, чтобы спокойно дожить остатокъ дней, долженъ былъ притворяться нищимъ, увѣрять всѣхъ и каждаго, что у него за душой нѣтъ копейки, а въ доказательство справедливости этихъ словъ—питался одной только рѣдькой.

Ничего общаго съ этого рода типомъ Иванъ Кузьмичъ Мясниковъ не имѣетъ; въ физіономіи его нѣтъ ни той слащавости, которая замѣчалась у прежняго купца въ моменты спусканія аршина на четверть противъ настоящей мѣры, ни страха, являвшагося при появленіи квартальнаго. Напротивъ, физіономія Ивана Кузьмича—физіономія смѣлая, увѣренная, и эту открытую смѣлость Иванъ Кузьмичъ не спрячетъ даже въ бороду, потому что «по нынѣшнему времени» онъ эту бороду бреетъ. Такая существенная разница между старымъ и новымъ представителемъ капитала объясняется тѣмъ, что старый типъ считалъ свое дѣло въ глубинѣ души «не совсѣмъ чтобы по-божески», а новый, напротивъ, ничуть не сомнѣвается въ томъ, что его дѣло—настоящее, и что отечество также обязано ему благодарностью за то, что онъ жертвуетъ своимъ капиталомъ на общую пользу, и хотя дѣйствуетъ изъ личныхъ выгодъ, но зато даетъ другимъ хлѣбъ, оживляетъ «мертвыя мѣстности» и капиталы, какъ пишутъ въ газетахъ (съ которыми Иванъ Кузьмичъ частью знакомъ),—капиталы, которые, по словамъ газетъ и по убѣжденію Ивана Кузьмича, Богъ знаетъ сколько времени лежали бы безъ движенія, если бы онъ, Мясниковъ, не приложилъ къ нимъ своихъ рукъ. Въ этомъ убѣжденіи Ивана Кузьмича укрѣпляетъ общественное мнѣніе, мнѣніе печати и та дѣйствительная нищета, среди которой его капиталы, его хлѣбъ—дѣйствительно благодѣяніе. Вотъ почему взглядъ его прямъ и простъ, вотъ почему ему нѣтъ надобности ни вилять ни бояться: онъ дѣйствуетъ на законномъ основаніи. И нѣтъ поэтому Ивану Кузьмичу никакой надобности тащить къ мѣстному образу пудовую золоченую свѣчку, чтобы тѣмъ успокоить свою совѣсть,—совѣсть эта покойна, потому что Иванъ Кузьмичъ «даетъ просто оборотъ своимъ капиталамъ», а это не запрещено и въ писаніи ничего грознаго на этотъ счетъ не сказано. Вотъ почему и причтъ того прихода, къ которому принадлежитъ Иванъ Кузьмичъ, ужъ и не ждетъ отъ него ника-

кого финансоваго поощренія, разъ навсегда рѣшивъ, что тутъ много «не пообѣдаешь», «не разъѣшься». Дѣйствуя на законномъ основаніи, Иванъ Кузьмичъ совершенно покоенъ и съ этой стороны, зная навѣрное, что его никто не посмѣетъ тронуть: на все у него есть патенты, вездѣ заплачено, что̀ слѣдуетъ; безъ заискиванія, безъ страха, не съ задняго крыльца, не тайкомъ въ темномъ углу сунуто, «дадено» въ руку, а прямо «заплачено», «что̀ вамъ слѣдуетъ», и благодаря этому начальство не только не можетъ принять относительно его той угрожающей позы, въ которой оно постоянно фигурировало предъ купцомъ стараго типа, но по примѣру духовенства знаетъ, что тутъ «больше не ухватишь», и держитъ себя въ почтительномъ отъ Ивана Кузьмича отдаленіи. Словомъ, сознаніе, что капиталъ—сила, что прятать его въ сундукъ—глупость, что дѣлать на этотъ капиталъ оборотъ, что покупать и продавать можно рѣшительно все, что̀ продается и покупается, что полученіе барыша тоже вполнѣ разрѣшено и допущено,—все это проводитъ рѣзкую границу между старомоднымъ купцомъ и купцомъ новаго типа и дѣлаетъ послѣдняго спокойнымъ, увѣреннымъ и не боящимся ничего ни здѣсь ни тамъ.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы по старому обычаю, отправляясь въ дорогу по дѣламъ, отслужить съ водосвятіемъ напутственный молебенъ, какъ это дѣлалъ прежній купецъ, когда ѣхалъ за гнилымъ товаромъ въ Москву, вмѣсто того, чтобы дать окропить себѣ лицо и окропить внутренность кибитки и даже внутренность шапки ямщика, Иванъ Кузьмичъ, въ качествѣ «новаго типа», кладетъ въ карманъ шестиствольный, заряженный шестью пулями револьверъ и совершенно спокойно отправляется «оживлять» мертвыя мѣста и капиталы, отправляется въ глубину русской глуши, гдѣ этихъ капиталовъ вездѣ лежатъ непочатые углы, совершенно недоступные для купца стараго закала.

И, словно сказочный богатырь, надѣленный непомѣрною силою денегъ, Иванъ Кузьмичъ начинаетъ буквально двигать горами. Прикоснется онъ съ своими капиталами къ дремучему темному бору, грозно шумѣвшему тучамъ и грозамъ: «вороти назадъ, держи около» и съ материнскою заботливостью дававшему пріютъ тысячамъ звѣрей и птицъ, и—глядишь — въ двѣ-три недѣли послѣ появленія въ этомъ лѣсу Ивана Кузьмича лѣсъ исчезъ, и ужъ больше нѣтъ этого дремучаго богатыря! Разбѣжался звѣрь, съ шумомъ, кар-

каньемъ и плачемъ разлетѣлись птицы, и остались одни бревна, кое-гдѣ придавившія зайца, спасавшагося бѣгствомъ, полѣнницы дровъ, брусья. А скоро и это исчезнетъ отсюда, и останется голое, изрытое мѣсто да деньги въ карманѣ Ивана Кузьмича, какія-то разноцвѣтныя маленькія бумажки, которыя тотчасъ вновь идутъ въ дѣло, и—глядишь — гдѣ-нибудь въ другомъ глухомъ уголкѣ идетъ стонъ и ревъ и рѣкою льется кровь быковъ, свиней и овецъ... Стадо превращается въ мясо, въ солонину, въ сало, въ шкуру, въ пуды, въ фунты—и все это скоро исчезаетъ, уѣзжаетъ на скрипучихъ возахъ, оставивъ послѣ себя пустое пастбище да бумажки разноцвѣтныя въ карманѣ Ивана Кузьмича, тотчасъ идущія на какое-нибудь новое дѣло... Но какого бы рода дѣло это ни было, всегда что-то очень похожее на опустошеніе, на исчезаніе, на смерть чего-то, что̀ было и чего не стало, остается по приведеніи этого дѣла къ окончанію. Надо отдать справедливость твердости характера и нервовъ Ивана Кузьмича: онъ никогда почти не испытывалъ этого ощущенія смерти—ни тогда, когда, треща и крича испуганными птицами и не хотѣвшими сдаваться топору стволами, падали тысячи деревьевъ, ни тогда, когда подъ ножомъ умирали тысячи быковъ, тысячи рыбъ, ни тогда, когда тысячи другихъ тварей, оставленныхъ живыми, съ ревомъ, хрюканьемъ или безпомощнымъ блеяньемъ биткомъ набитыя въ вагоны, крѣпко-накрѣпко запертые, увозились на убой невѣдомо куда. Все это было для него: триста двадцать пять саженъ дровъ, пятьсотъ пудовъ сала и столько-то головъ скота. Покончивъ со всѣми этими еще недавно живыми саженями и пудами, онъ чувствовалъ только усталость, утомленіе и убѣждался, что деньги достаются не даромъ, что труда онъ кладетъ въ нихъ много, и что прозвища: «благодѣтель», «кормилецъ», которыя иной разъ приходилось Ивану Кузьмичу слышать въ оживляемыхъ имъ глухихъ мѣстахъ, «пожалуй-что» и справедливыя прозвища.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ, въ сущности, ни проста система оборотовъ капитала, которой придерживается Иванъ Кузьмичъ, какъ ни простъ пріемъ обогащенія, основанный на томъ, чтобы въ корень извести все, что̀ произвели природа или чужія руки, какъ ни просто, проглотивши этотъ многолѣтній трудъ природы и человѣка, положить потомъ себѣ въ карманъ чистыя деньги, но условія жизни глухихъ мѣстъ бываютъ иной разъ таковы, что и такая система дѣйствія, такая голая купля готоваго добра, такое безслѣд-

ное уничтоженіе естественныхъ и трудовыхъ богатствъ могутъ по истинѣ считаться благодѣяніями, а Иванъ Кузьмичъ—дѣйствительнымъ благодѣтелемъ...

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое было, напримѣръ, въ деревнѣ Распоясовѣ, гдѣ теперь властвуетъ Иванъ Кузьмичъ и куда онъ теперь ѣдетъ, прежде нежели появились въ ней капиталы Ивана Кузьмича?

III.

Лѣтъ шестнадцать-семнадцать тому назадъ вся «округа», нынѣ облагодѣтельствованная Иваномъ Кузьмичомъ, смѣло могла быть причислена къ одной изъ самыхъ обыкновенныхъ на Руси глухихъ мѣстностей... Поля были безконечныя, оживленныя только скачущими галками и воронами или фигурой крестьянина съ сохой, издали весьма напоминавшаго собою тоже ворону. Лѣсъ, темнѣющій по окраинамъ этой холмистой равнины, былъ лѣсъ глухой и дремучій; лѣтомъ, въ самый разгаръ полуденнаго зноя, въ глубинѣ этого лѣса чувствовалась прохлада, пахло влажной землей, и нога вязла въ грудахъ сгнившей и тоже влажной листвы. Солнцу было трудно проникнуть сквозь густую чащу вѣтвей и листьевъ, и только иногда лучъ его, какъ алмазъ, блестѣлъ гдѣ-нибудь на поверхности быстраго ручья, гремящаго по оврагу, совершенно затерявшагося въ обильной растительности... Глушь и тишина царствовали здѣсь поразительныя; лѣсъ стоялъ словно въ заколдованномъ снѣ. Привольно жилось здѣсь звѣрю и птицѣ; великое множество было здѣсь кустовъ съ ягодами; великое множество рыбы сновало въ быстрой рѣчкѣ... И никто не прикасался къ этимъ сокровищамъ, и никто, казалось, не вспоминалъ и не думалъ о нихъ... Разъ или два въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, въ лѣтнюю или осеннюю пору, удавалось кой-кому увидать выбѣгающаго изъ лѣсной чащи сетера, и по этой собакѣ догадывались, что баринъ воротился изъ-за границы и охотится въ своихъ владѣніяхъ. Нагнувъ голову и заложивъ руки назадъ, разсѣянно бредетъ онъ вслѣдъ за обезумѣвшей отъ обилія дичи собакой и о чемъ-то, повидимому, скучаетъ, о чемъ-то крѣпко думаетъ; ружье лѣниво болтается у него за спиной... О чемъ же думалъ баринъ? Думалъ онъ, несомнѣнно, объ очень многомъ, но выходило всегда какъ-то такъ, что думы эти ничуть не измѣняли печальнаго положенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ бродилъ онъ; несмотря на обиліе всего, что̀ росло и жило въ лѣсу и рѣ-

кахъ, находившихся во власти этого барина, несмотря на громадныя пространства полей,—лѣса эти, и поля, и рѣки и послѣ его отъѣзда за границу (онъ былъ боленъ) оставались въ томъ же забвеніи; кое-гдѣ среди безконечныхъ владѣній его торчали черныя, нищенскія деревеньки, видѣлся тощій скотъ и тощій человѣкъ, носившій уже кличку «вора» и «неплательщика», потому что дѣйствительно покушался прорваться въ эти дебри за дровами, за ягодами, за рыбой, норовилъ урвать тайкомъ, а что «слѣдовало» платить—платилъ не иначе, какъ изъ-подъ палки.

Богатство стояло забытое, никому ненужное и никому недоступное. У барина пропадалъ аппетитъ охотиться въ лѣсу, гдѣ каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль,—такъ было много всякой твари; у мужика не было дровъ зимою, и онъ зябъ въ разоренныхъ лачужкахъ, выводился со связанными руками изъ лѣса, если, конечно, попадался на глаза сторожу, или уходилъ безъ ружья, если тотъ же сторожъ замѣчивалъ въ немъ намѣреніе убить тетерьку. Вотъ въ какомъ видѣ была распоясовская округа лѣтъ шестнадцать тому назадъ: всего много, и никому нѣтъ отъ этого пользы. Баринъ скучалъ, страдалъ меланхоліей, мужикъ бѣдствовалъ и тоже терялъ аппетитъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Освобожденіе крестьянъ сразу покончило съ этою обоюдною меланхоліей барина и мужика. Какъ только, благодаря этому событію, что-то такое «отошло» отъ мужиковъ къ господамъ, отъ господъ къ мужикамъ, тотчасъ же и въ тѣхъ и въ другихъ появились первые проблески чувства собственности; какъ только какой-то кусокъ лѣса или поля сталъ чужимъ, баринъ сообразилъ, что все это — «мое», и какъ только увидѣлъ это же самое мужикъ, то и онъ тоже сообразилъ, что вѣдь это—«наше».

«Мое» и «наше»—ощущенія до такой степени были новыми для меланхоликовъ и до такой степени оказались кстати какъ для души барина, такъ для души и желудка мужика, что аппетитъ къ «моему» и «нашему» сталъ возрастать не по днямъ, а по часамъ — и у барина и у мужика.

У стариннаго управляющаго распоясовской округой явилась въ это время довольно счастливая мысль; оказалось, что мѣста, на которыхъ издавна сидѣли распоясовцы, какъ разъ подходятъ подъ что-то такое, что ежели это что-то «округлить» съ чѣмъ-то—какъ разъ вчетверо можно получать доходу болѣе противъ прежняго. Для этого стоитъ

только переселить распоясовцевъ куда-то въ другое мѣсто, гдѣ имъ все подстать и «еще лучше прежняго».

Управляющій сообщилъ этотъ планъ барину, и хотя баринъ долго колебался въ своемъ рѣшеніи, но проклятый, совершенно прежде невѣдомый аппетитъ къ «моему» довелъ его наконецъ до того, что онъ какъ бы приросъ къ сознанію, что это—его собственность.

«Ей-Богу же, вѣдь это мое!» — стало все чаще и чаще думаться ему среди всякихъ соображеній за предложеніе управляющаго и противъ него, и наконецъ, уѣхавъ за границу, онъ написалъ изъ Лозанны управляющему, чтобы онъ дѣйствовалъ, какъ знаетъ, «какъ лучше».

Управляющій принялся за дѣло, «наши» тоже ощетинились, началась свалка.

Сильно ощетинились «наши». Жажда свалки и побѣды, имѣвшей цѣлью, какъ уже сказано, удовлетвореніе весьма простыхъ стремленій желудка, усиливались тѣми мечтаніями насчетъ лучшей жизни, которыя тоже какъ бы пробудились въ моментъ освобожденія. Эти мечтанія были неопредѣленны, вырастали подъ вліяніемъ разсказовъ древнихъ беззубыхъ стариковъ о старинѣ, наполнялись нравоученіями прохожаго богомольца, бѣглаго солдата, но, благодаря почти непроницаемой темнотѣ крестьянской избы во время сумерекъ, когда, «сумерничая», мужикъ обыкновенно слушалъ эти разсказы солдатъ и богомольцевъ и предавался мечтамъ, мечты эти, хоть и неопредѣленныя, уносили его мысли высоко-высоко и далеко-далеко отъ крестьянской избы... Такъ далеко, что, начавъ пѣсню надъ ребенкомъ, въ которой говорилось, что поневá, лежащая подъ нимъ, «поневочка худая, ровно три года гнила», и заслушавшись разсказовъ и замечтавшись, крестьянка бросала этотъ грустный мотивъ и, обращаясь къ ребенку, почти съ увѣренностью говорила: «вырастешь великъ, будешь въ золотѣ ходить...». Таковы были вполнѣ несбыточныя мечты распоясовскаго мужика, воспитанныя темными, угрюмыми зимними вечерами; онѣ до такой степени подняли духъ распоясовскихъ обывателей, что обыватели эти рѣшились въ предстоящей битвѣ не жалѣть своего добришка, такъ какъ, думали они, «наше дѣло вѣрное!».

— Распоясывайся, ребята! — галдѣли они. — Не жалѣй! втрое воротимъ... Вынимай кошели-то! Эй, старикъ! Что у кого есть подъ печкой—волоки... Обчисво!.. Надо въ городъ посылать человѣка вѣрнаго. Дѣдушка Парменъ! Постой за міръ! Расправь кости, обхлопочи!

— Пожалѣйте меня, православные! — говорилъ дѣдушка Парменъ, восьмидесятилѣтній старецъ. — Охъ, натерпѣлась моя спинушка!

— Уважь сиротскія слезы! — надвигались на него распоясовцы.—Кто, окромя тебя, имѣетъ въ себѣ умъ? Мы—народъ черный, путемъ свѣта не видали. А ты изжилъ вѣкъ,—стало, все какъ по писанному видишь... Постой за наши животы! Дѣдъ, а дѣдъ! Побойся Бога, не дай въ обиду!

— Охъ-о-охъ, пожалѣйте мою древность ветхую, дѣтушки! о-о-охъ-охъ...

— Дѣдъ! Парменъ! — вопіяли распоясовцы: — али тебѣ крестьянскаго разоренья не жалко? Чисто всѣ помремъ...

Долго ревѣла толпа, и долго, обливаясь слезами, оборонялся отъ нея старый дѣдъ, но наконецъ-таки сдался.

— Н-ну!—сказалъ онъ, выпрямившись и осушивъ глаза рѣшительнымъ движеніемъ мозолистой, корявой руки.—Коли такъ, такъ, стало, Божья воля мнѣ потерпѣть еще на старости лѣтъ!

— Авось Богъ, наше дѣло чистое!..

— Видно, ужъ Господь, батюшка Никола милостивый такъ осудилъ меня вѣнцомъ... Иду!

— Дай тебѣ Господи! Пошли тебѣ Царица Небесная!— голосила воодушевившаяся толпа.

— А что деньги дадите, такъ я единой копейки не покорыстуюсь...

— Дѣдъ! Дѣдъ! Грѣхъ тебѣ, старому, этакъ-то говорить...—упрекали его распоясовцы:—такія слова про своего брата. Дѣлай по своему уму, какъ тебя Господь вразумитъ... Ступай съ Богомъ, постой за своихъ!

И вотъ старый дѣдъ, съ котомкой за плечами, съ длинной палкой въ сухой рукѣ, неровною поступью худыхъ тонкихъ ногъ, обутыхъ на мірской счетъ въ новые лапти, пошелъ «воевать» за правое дѣло. Давненько-таки, признаться, онъ не бывалъ въ городѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ сидѣлъ въ городскомъ острогѣ, изъ котораго и пошелъ прямо въ Сибирь. А послѣ Сибири, когда по манифесту ему вышло прощеніе, онъ не показывалъ въ городъ и глазъ, и отвыкъ отъ всѣхъ городскихъ порядковъ. А порядки съ тѣхъ поръ шибко измѣнились; подъячій, который, взявъ взятку, дѣлалъ въ прежнее время то, что хотѣлъ, то, что выходило по деньгамъ, вывелся. Пармену оставалось одно: положиться во всемъ на

Бога, на Его милость и указаніе. Для большаго успѣха въ своемъ дѣлѣ онъ не ѣлъ, не пилъ по цѣлымъ днямъ, желая постничествомъ угодить Богу, а мірскія деньги ревностно раздавалъ тѣмъ, кто обѣщалъ постоять за распоясовцевъ, при чемъ онъ слезно плакался и умолялъ не погубить... Но въ то время, когда старецъ Парменъ постился и слезно плакалъ передъ лицами, бравшими его деньги, какъ-то незамѣтно пропускались очень важные сроки къ подачѣ прошенія, къ выслушанію рѣшенія, къ изъявленію несогласія, къ апелляціи въ законный срокъ. Пропускались эти маленькіе пустячки потому, должно-быть, что Парменъ не зналъ ихъ, не могъ о нихъ упоминать и въ молитвахъ, или потому, что кому-то, знавшему эти штучки, выгодно было молчать о нихъ передъ темнымъ мужикомъ. Такимъ образомъ выходило какъ-то такъ, что едва Парменъ, возвратившись изъ губерніи, объявлялъ міру, что все—слава Богу, что приказано ждать «тайнаго чиновника», который все повернетъ противъ «ихъ», являлся исправникъ или становой и объявлялъ, что:

— На основаніи тома... статьи... и на основаніи статьи... тома... уложенія... и по случаю пятнадцатаго примѣчанія къ тому... статьѣ... и параграфу... опредѣлено: объявить крестьянамъ деревни Распоясово, что просьба ихъ возвращается безъ послѣдствій за пропущеніемъ срока, и «постановленіе» входитъ въ законную силу...

Такъ какъ во время отсутствія Пармена крестьяне тоже возлагали надежды на Бога, а убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла основывалось у нихъ исключительно на мечтаніяхъ въ темные осенніе и зимніе вечера и ночи, то, не понимая путемъ того, что̀ читалъ пріѣхавшій чиновникъ, они догадывались однако, что въ бумагѣ нѣтъ ничего насчетъ того, чтобы все «повернуть къ нимъ», какъ обѣщано, и поэтому говорили, что эта бумага «не та», что подписывать ее не будутъ...

— Согласу нашего нѣтъ!—говорили они.

— Несогласны?

— Никакъ нѣтъ. Эта бумага фальшивая, наше дѣло правое. Дѣдушка Парменъ, такъ аль нѣтъ?

— Фальшивая, дѣтушки, бумага! Не она, не наша! Ступай ты, баринъ, съ ней, откуда пришелъ!

— Такъ несогласны?—переспрашивалъ пріѣзжій.

— Будетъ зубы-то заговаривать! — отвѣчала толпа. — Бери ее себѣ, бумагу-то... а намъ она не нужна! Поддѣлка!

Пріѣзжій все это вноситъ въ протоколъ, при чемъ Пармена разспрашиваютъ особенно подробно, и затѣмъ, написавъ все это на нѣсколькихъ листахъ, отправляютъ по назначенію. Распоясовскій мужикъ везетъ эту бумагу куда слѣдуетъ и погоняетъ лошадь. На распоясовскихъ лошадяхъ уѣзжаетъ и чиновникъ. Распоясовцы не знаютъ, что, пропустивъ по своему невѣжеству сроки, они впутались еще въ новое дѣло. Напротивъ, послѣ этой «фальшивой» бумаги они какъ будто ожесточаются относительно размѣровъ жертвъ, которыя нужно принести за свое дѣло правое.

— Ну-ну, робя, распоясывайся! Распоясывайся, міряне! Закипаютъ дѣла, не жалѣй, покоряй ихъ своими животами! Неужто такъ пропадать?..

— Зачѣмъ пропадать? Послѣднее надоть отдать, а не токмо что...

— Дѣдушка Парменъ, постой и во вторительномъ подвигѣ! Окромѣ тебя кто же?

— Ты ужъ ходилъ—знаешь!

— Приму свою кончину за свое племя!.. Собирайте въ дорогу!.. Отдаю вамъ свой животъ, только молите Бога о грѣхахъ моихъ... Можетъ, это отъ грѣховъ моихъ бумага офальшивилась противъ насъ... Прощайте, православные!.. Простите, чѣмъ обидѣлъ!

И вновь отправляется Парменъ, еще болѣе длинный, еще болѣе худой, вновь принимается молить Бога и поститься, и—увы!—не возвращается. Отыскивать Пармена берется дьячковъ сынъ, служившій уже въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ въ губернскомъ городѣ и знающій, по его словамъ, всѣ порядки. Онъ вызывается ѣхать въ городъ, обѣщается дѣлать все скоро и дешево: міръ, подумавъ, даетъ и ему денегъ, но не пускаетъ его одного, а наряжаетъ въ спутники ему мужика изъ своихъ, такъ какъ человѣкъ этотъ хоть и мастеръ въ бумажныхъ дѣлахъ, въ перепискѣ и отпискѣ, но давно уже извѣстенъ всему Распоясову, какъ пьяница и человѣкъ ненадежный. Передъ отъѣздомъ ему рекомендуютъ вспомнить Бога и поминать о сиротскихъ слезахъ... и т. д.

Дьячковъ сынъ не жалѣетъ мірскихъ денегъ на взятки и угощенія. Въ номерѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ онъ остановился вмѣстѣ съ мужикомъ, идетъ непробудное пьянство нѣсколько дней кряду и такое безчинство, что депутатъ и проводникъ только дивится на господъ и «ужахается». Пробовалъ-было онъ заикнуться о «нашихъ» дѣлахъ, но

дьячковъ сынъ, будучи пьянъ, только обругалъ его и какъ будто даже доказалъ, что дѣло ихъ давно пропало, что хлопотать тутъ ужъ больше нечего, и что все давно пошло своимъ чередомъ противъ нихъ. Но на утро онъ оправился и отпустилъ мужика домой, сказавъ, что онъ, дьячковъ сынъ, останется ждать въ городѣ какой-то бумаги, въ которой именно и будетъ сказано все, что̀ слѣдуетъ...

И опять идетъ бумага, и опять ее везетъ становой, и опять въ бумагѣ что-то какъ будто «не такъ». Оказывается, что въ то время, какъ они галдѣли съ дядей Парменомъ о вторичномъ его путешествіи, и въ то время, какъ пьянствовалъ въ городѣ дьячковъ сынъ, «истекъ» еще какой-то срокъ, день или часъ, въ который можно бы было что-то сдѣлать, а послѣ котораго уже рѣшительно «все пропало».

— И поэтому говорю вамъ по чести: сдѣлайте переселеніе добровольно...—прибавилъ становой.—Это будетъ вамъ выгоднѣе; если же вы будете продолжать упорствовать, то... и т. д.

Несмотря на полную справедливость того, что̀ говорилъ становой приставъ, распоясовцы видѣли, что это — вовсе «не то», что̀ имъ нужно, и опять не дали «согласу».

— Такъ несогласны?

— Никакъ нѣтъ! Согласу не даемъ.

— Не подписываете?

— Храни Богъ грѣха...

— Но вѣдь ваше дѣло проиграно?..

— Это—не та бумага!

— Фальшь!..

— Какъ твоя фамилія? Кто это сказалъ: «фальшь»? — выходи сюда: кто ты таковъ?

— Братцы! Не выдавай!..

— Что̀-о-о?..

Въ шумѣ и гамѣ пишется новый протокольчикъ, и новый распоясовскій мужикъ везетъ его куда слѣдуетъ, погоняя лошадь. И становой уѣзжаетъ тоже на распоясовскихъ лошадяхъ.

Эти два неожиданные удара, эти двѣ бумаги, такъ жестоко обманувшія надежды распоясовцевъ, такъ много поглотившія денегъ, разрушившія такъ много мечтаній, въ первую минуту до того потрясаютъ распоясовцевъ, что они не знаютъ, что̀ дѣлать. Нѣтъ у нихъ никого, къ кому бы обратиться—узнать, какъ быть: дьячковъ сынъ пропалъ, Парменъ пропалъ, никто ничего не знаетъ. Старшина

гнетъ на «ихнюю» сторону, въ сторону фальшивой бумаги. Что тутъ дѣлать? «Да неужто нѣтъ правды на свѣтѣ?.. Время теперь не прежнее!..» И, какъ только эта мысль о правдѣ вступаетъ въ головы распоясовцевъ, остолбенѣніе ихъ тотчасъ же замѣняется жаждою борьбы, въ сотни разъ сильнѣйшею той, которая двигала ими въ первыхъ двухъ попыткахъ.

— Али правды нѣтъ на свѣтѣ? — гремитъ «коноводъ», вдругъ взявшійся незнамо откуда. — Подымай, ребята, послѣдними животами!.. Все одно помирать!

— Выпускай послѣдній духъ!.. Авось сыщется правда-то!..

— Богъ-то на небѣ, чай, есть! Н-но! заодно!

Этотъ моментъ въ жизни распоясовцевъ былъ полонъ такимъ удивительнымъ самоотверженіемъ, какое бываетъ только въ самыя рѣшительныя минуты. Выворотивъ все, что «оставалось», «выпустивъ послѣдній духъ», распродавъ «коровенокъ, овченокъ», распоясовцы стали доходить до Москвы, которая казалась имъ выше губернскаго города, стали доходить въ Петербургъ, послѣ того какъ Москва «просолила дѣло». И когда въ Петербургѣ тоже оказалось что-то плохо, то, воодушевившись мыслью, что Петербургъ сошелся не клиномъ, стали распоясовцы достигать до Сената и т. д., пока не уперлись въ пересылочную тюрьму. Оставшіеся дома распоясовцы ждали результатовъ съ непоколебимымъ терпѣніемъ. Не было случайно проходившаго или проѣзжавшаго черезъ ихъ деревню человѣка, къ которому они не адресовались бы съ разспросами о своемъ дѣлѣ и не совали бы ему поросенка, чтобы онъ сказалъ все, что знаетъ. Сами они не знали ничего.

— Гдѣ у васъ бумаги?—спрашивалъ заинтересовавшійся проѣзжій.

— Бумаги даны Пармену.

— А Парменъ гдѣ?

— Въ губерніи.

— А гдѣ такая-то бумага?

— Дьячковъ сынъ, Антипкинъ, взялъ.

— Гдѣ же онъ?

— Неизвѣстно...

— А такая-то?

— А такой и не было.

— Должна быть...

— Можетъ, у Пахомки... У Пахомки нагдысь оглядѣлъ я бумагу.

— Кае у Пахомки? У Радивона! Радивонъ сказывалъ, говоритъ, у него, вишь!

— У Радивона воспяная бумага, эво ты! Припущать оспу...

— А може...

— Такъ нѣтъ бумагъ?

— Бумагъ у насъ, надо говорить прямо, нѣту!

— Ну, такъ ничего и нельзя дѣлать!

— Ничего?

— Ничего нельзя!..

Таковъ былъ большею частью отвѣтъ всѣхъ, кто понималъ дѣло или хотѣлъ понять его. Всякій разъ распоясовцы послѣ такихъ разспросовъ становились грустнѣе и все больше и больше чувствовали желѣзную силу незнанія и безсиліе разорвать эту паутину «сроковъ», «просрочекъ», «апелляцій», «кассацій», «скопій». Спасибо, большое спасибо прохожимъ богомольцамъ, отставнымъ солдатамъ и прочему захожему люду, тоже, какъ и распоясовцы, не понимавшему въ этомъ дѣлѣ ровно ничего. Тѣ всегда говорили, что ихъ дѣло вѣрное, что повернуть его можно какъ угодно, что стоитъ только дойти куда выше, а тамъ только черкнуть и сразу перевернуть всю округу. Солдаты особенно ярко представляли возможность успѣха. Они сами бывали въ Петербургѣ и видѣли все, и знаютъ, «а что ежели становой тамъ что-нибудь, такъ въ Петербургѣ становые продаются по грошу пара!» Точно сахаръ, вѣсти эти расплывались по сердцу распоясовцевъ... Однажды Миронъ Петровъ, распоясовскій мужикъ, ѣздившій къ Троицѣ-Сергію, привезъ подобную же вѣсточку и отъ питерскихъ ходоковъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не зналъ, а слыхалъ, что на станціи одному купцу кто-то сказывалъ, что вышло распоясовскимъ «въ пользу», а купецъ все это разсказалъ Мирону, да и купецъ-то какой-то незнакомый...

«Должно, доберъ купецъ-то!»—думали распоясовцы.

Но покуда шли эти разспросы, разсказы, покуда распоясовскіе мужики медленно шли и перевозились по этану домой, сроки всѣ были пропущены окончательно и безвозвратно, и при наступленіи осени уѣздный исправникъ, явившійся въ деревню на тройкѣ собственныхъ лошадей, съ колокольчикомъ и бубенцами, очень коротко и просто объявилъ, что съ завтрашняго дня распоясовцы должны переселяться.

Онъ прочелъ имъ всѣ бумаги, которыя когда бы и куда

бы то ни было подавали распоясовцы, прочелъ рѣшеніе по бумагамъ петербургскихъ ходоковъ и повторилъ, что послѣ всего этого разговаривать нечего. Если же, прибавилъ онъ, распоясовцы попрежнему будутъ упорствовать, то переселеніе будетъ сдѣлано полиціей на ихъ счетъ, что рабочихъ теперь—сколько угодно, потому что—осень.

Распоясовцы ничего не понимали.

Исправникъ растолковалъ имъ опять дѣло съ начала и до конца; они все-таки не могли понять ничего.

И въ третій разъ было все имъ разъяснено и доказано. И въ третій разъ они не понимали и не вѣрили.

Очнулись они только тогда, когда имъ предложили подписать что-то. Тутъ они опять увидѣли «фальшь» и подписать отказались.

И опять три раза было, какъ по пальцамъ, разсказано все дѣло, и опять предложено подписаться, и опять они не тронулись съ мѣста и «согласу» не дали.

Составленъ былъ третій протоколъ, и третій распоясовскій мужикъ отвезъ его, погоняя лошадь, куда слѣдуетъ.

Предложеніе «подписать», напоминавшее распоясовцамъ два такихъ же «фальшивыхъ» предложенія и изворотливость, съ которой они отстояли «свои права» и не подписали ихъ, на нѣкоторое время было-оживило ихъ и воскресило нѣкоторую надежду, что еще будутъ добрыя новости, что вотъ-вотъ придутъ петербургскіе ходоки, что вотъ-вотъ пріѣдутъ какіе-нибудь «особенные» чиновники и повернутъ все дѣло по-свойски. Но на слѣдующій день, съ восходомъ солнца, восемьдесятъ человѣкъ народу, собраннаго со всѣхъ окрестныхъ деревень, пришли въ Распоясово.

— Вы что, ребята? Здорово!—спрашивали распоясовцы.

— Здравствуйте! Да вотъ нанялись...

— На переселъ, вишь, сгоняли...

— Али это насъ разорять пришли?

— По дѣламъ такъ, что въ родѣ какъ васъ!

— Ни-ча-во!

— Намъ что же? Восемь гривенъ въ день!.. Суди самъ!

— Цѣна хорошая!..

— Наше дѣло, сами знаете, чай...

— Такъ-то такъ! По восьми гривенъ?..

— По восьми...

— Шабашъ, значитъ!..

Это событіе сразу разрушило всѣ распоясовскія надежды. Въ довершеніе бѣды скоро вслѣдъ за рабочими пріѣхалъ

исправникъ и подтвердилъ, что рабочіе наняты насчетъ распоясовцевъ, и если поэтому распоясовцы добровольно не исполнятъ того, что̀ слѣдуетъ имъ исполнить, то рабочіе сейчасъ же приступятъ къ дѣлу.

Минута была тяжелая для распоясовцевъ. Надежды и мечты были разрушены окончательно; они ничего не могли сообразить въ виду очевидности ихъ неудачи, и вмѣсто того, чтобы негодовать, шумѣть и буйствовать, чего такъ ожидалъ исправникъ, они совершенно ослабли духомъ, отчаялись, впали въ глубоко-упорную апатію. «Помереть!»— было единственнымъ желаніемъ почти всѣхъ распоясовцевъ, а фразою: «намъ легче помереть»—они отвѣчали на новыя безконечныя доказательства безразсудности ихъ упорства и окончательно проиграли дѣло.

Истощивъ всѣ усилія въ борьбѣ съ этимъ окаменѣлымъ состояніемъ народа, исправникъ скомандовалъ наконецъ:

— Ломай!

Рабочіе принялись за дѣло.

Три недѣли шла ломка распоясовскихъ дворовъ; три недѣли надъ деревней стояла пыль густымъ облакомъ отъ развороченной соломы крышъ, разломанныхъ печей; три недѣли отъ Распоясова тянулись возы съ бревнами, съ рамами, съ досками отъ крышъ, съ оторванными дверями и проч. и проч. Исправникъ ходилъ весь черный отъ пыли и еле таскалъ ноги отъ усталости. Онъ совершенно охрипъ,— такъ много было работы.

Распоясовцы молча, словно каменныя статуи, смотрѣли на это разрушеніе. Они, дѣйствительно, какъ бы окаменѣли, ничего не ѣли, не слыхали и не видали.

— Прими ребенка-то, сумасшедшая! — кричалъ исправникъ распоясовской бабѣ.—Вѣдь убьетъ! Дура этакая! видишь, стропило падаетъ!..

Баба стоитъ и не слышитъ, и только Богъ спасъ ребенка: стропило упало рядомъ съ нимъ.

— Ишь! — буркнулъ распоясовецъ, глядя, какъ бревно проносилось надъ ребенкомъ.

Въ другомъ мѣстѣ никто не тронулся съ мѣста, когда среди разрушающагося дома раздался раздирающій женскій вопль. Оказалось, что тамъ лежала беременная женщина въ послѣднихъ мукахъ...

— Православные! — обращались рабочіе къ распоясовцамъ:—помогите старичка снять съ печи, что̀ вы столбами-то стоите? Дьяволы этакіе!

И на это приглашеніе никто не отвѣчалъ: всѣмъ было «все равно», всѣ были словно каменные.

Черезъ три недѣли Распоясово представляло такой видъ: груды содранной съ крышъ соломы валялись на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были дома, амбары, сараи; отъ домовъ остались заваленки, отъ погребовъ—ямы, отъ сараевъ кое-гдѣ торчали столбы. И среди этихъ грудъ соломы безъ призора бродила скотина, тщетно взывая къ какому-нибудь вниманію хозяина; въ этой же соломѣ возились дѣти и спали родители, не раздѣваясь и не перемѣняя бѣлья и одежды съ перваго же дня разоренія деревни. Что они ѣли?—отвѣчать трудно. Хлѣба они не сѣяли и не собирали. На берегу рѣки кое-гдѣ виднѣлись вырытыя въ землѣ печи, по временамъ дымившіяся, около которыхъ возились женщины.

Распоясовцы не шли на новыя мѣста и держались попрежнему убѣжденія, что «лучше помереть».

Настали осенніе дожди... Распоясовцы сказали себѣ:

— Ну, робя, тепериче чистая приходитъ наша смерть! Отдавай, ребята, Богу душу... Помирай!

И все-таки не шли съ старыхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ больными ребятами мокли они въ мокрой соломѣ, въ ямахъ, оставшихся послѣ погребовъ и выломанныхъ печей.

И дѣйствительно стали помирать...

Наконецъ всѣхъ ихъ отдали подъ судъ.

IV.

Пропустившій «сроки» распоясовецъ ослабъ духомъ совершенно; онъ, очевидно, потерялъ все; онъ, очевидно, не зналъ, въ чемъ дѣло, былъ дуракъ, невѣжа, и это сознаніе своей глупости отозвалось въ характерѣ распоясовцевъ полнымъ презрѣніемъ другъ къ другу. Они, какъ собаки, грызли и вредили другъ другу на новыхъ мѣстахъ: всякому было отвратительно видѣть въ другомъ набитаго дурака, который изъ-за своего невѣжества и дурости разорился самъ, да и другихъ разорилъ. Поэтому при слѣдствіи «объ упорствѣ и неисполненіи и т. д.»—они валили всѣ другъ на друга: валили на Пармена, на всѣхъ, кто первый кричалъ: «постоимъ за свои животы», «подымай, ребята, своими животами», и на всѣхъ, кто «первый» отдавалъ эти животы...

Закончивъ долголѣтнюю исторію своего терпѣнія и бѣдности сознаніемъ своей глупости, ничтожества, — такого ничтожества, которое можетъ быть во всякое время выкинуто вонъ, какъ соръ, распоясовецъ чувствовалъ внутри

себя полный разгромъ, развратъ и сталъ пропивать все, что оставалось, сталъ воровать, изнаглѣлъ до того, что прямо подходилъ къ проѣзжему купцу и говорилъ:

— Ну что-жъ, купецъ, давай на чаекъ-то?

— За что?

— А за разговоръ. Мало тебѣ этого? Вынимай-ка желтую-то бумажку!

И вотъ, въ такую-то минуту нравственнаго паденія, грозившаго потопить распоясовца въ морѣ самой крайней нищеты, однажды по осени, въ самое трудное для распоясовцевъ время, когда приходилось вносить недоимки, въ маленькой телѣжкѣ, запряженной добрымъ меренкомъ, появился Иванъ Кузьмичъ вмѣстѣ съ управляющимъ. Они, очевидно, объѣзжали и осматривали «округу». Меренокъ шелъ свободно и весело по дорогѣ, Иванъ Кузьмичъ просто и прямо оцѣнивалъ, «что чего стоитъ», и скоро стало извѣстно, что «купецъ снялъ» у барина «все» — и лѣсъ дремучій, и рѣки, и поля,—все, все до нитки. Скоро новораспоясовцы узнали, что и ихъ Иванъ Кузьмичъ «тоже снялъ» всѣхъ до единаго: «полтина въ сутки пѣшему и рубль конному; кто хочетъ *по этой цѣнѣ* идти на станцію за пятнадцать верстъ принять оттуда паровикъ—иди».

Такова была прокламація Ивана Кузьмича къ народу.

«*Человѣкъ-полтина*»—вотъ суть теоріи, принесенной имъ въ распоясовскую среду. Тутъ не предполагалось никакихъ разсужденій о томъ, что—наше, что—ваше. Насчетъ какихъ бы то ни было «правовъ» тутъ разговора быть уже не могло. Просто: хочешь полтину—иди, не хочешь—не надо. Все это потерявшему внутренній смыслъ распоясовцу было какъ нельзя лучше по душѣ: у него послѣ полнаго нравственнаго разгрома оставались цѣлыми руки, ноги, мускулы и желудокъ. Иванъ Кузьмичъ только того и требовалъ, назначивъ желудку полтинникъ въ сутки и, самое главное,—водку.

— Повеземъ, ребята,—говорили его приказчики, скликая распоясовскій народъ:—повеземъ *одной водкой!*

— Дай вамъ Богъ за это!..—кричали распоясовцы.

— Насчетъ водки не робѣй: сколько хошь пей, только дѣло дѣлай!

— У насъ вотъ какъ дѣло закипитъ—ключомъ!

И дѣйствительно, скоро закипѣло дѣло.

Тысячепудовое чудовище наконецъ пріѣхало изъ Москвы на станцію желѣзной дороги и, окруженное массою распоя-

совскаго народа, тронулось оживлять мертвую округу. Широко разинуло оно свою нелѣпую желѣзную пасть, какъ бы грозясь поглотить всю эту благодать, которая открывалась передъ нею, всю эту рвань, которая копошилась вокругъ нея. Медленно и грозно двигается она впередъ, то затрещитъ и рухнетъ подъ нимъ гнилой мостъ, то застрянетъ она на крутомъ подъемѣ. Визгъ кнутьевъ по ободраннымъ, обезумѣвшимъ отъ усталости лошаденкамъ, оранье обезумѣвшихъ отъ водки распоясовцевъ, оранье хриплое и изо всѣхъ кишекъ, оранье, переполненное ругательствами, бранью, пѣснями, цѣлою тучей виситъ надъ этимъ чудовищемъ, и оно кой-какъ вылѣзаетъ изъ ямы и идетъ дальше. То вдругъ, на крутомъ поворотѣ, когда разойдутся и лошади и люди и съ гиканьемъ мчатъ его впередъ, оно вдругъ свернется на-бокъ и растянется на пашнѣ, раздавивъ подъ собою и дядю Егора, и дядю Пахома, да Микишку, да Андрюшку... Долго лежитъ тутъ душегубецъ-чудовище, ожидая судебнаго слѣдователя и слѣдствія, и полчище распоясовцевъ долго, нѣсколько дней подъ-рядъ пьянствуетъ, ругается другъ съ другомъ... Много разбитыхъ въ дракѣ во время этого продолжительнаго бездѣлья лицъ, совершенно черныхъ шишекъ у глазъ, запекшейся крови на вискахъ видно въ то время, когда чудище снова двигается впередъ, и снова выбиваются изъ силъ лошаденки, хлещутъ кнуты, и пьяное оранье наполняетъ воздухъ.

Кое-какъ этотъ «человѣкъ-полтина» дотащилъ чудовище до мѣста, до быстрой рѣчки, пробѣгавшей въ лѣсу, котораго теперь почти уже не было... Масса распоясовцевъ, превращенныхъ уже въ «полтинники», сводила его самымъ усерднымъ образомъ, превращая въ сажени, въ срубы и т. д. Съ трескомъ валились деревья, громко разносились пѣсни, звонъ пилъ и стукъ топоровъ, и вечеромъ, когда все это замолкало, начиналъ гудѣть и дрожать отъ плясу, брани и драки выстроенный Иваномъ Кузьмичомъ изъ этого же лѣсу кабакъ.

— Голова только нашъ Кузьмичъ, братцы! — охмелѣвъ, бурчалъ распоясовецъ.—И-и, башка!

— Довольно чисто поворачиваетъ дѣлами, надо сказать прямо, — себѣ имѣетъ пользу, да и нашему брату способно.

— Хлѣбъ даетъ бѣдному, во-отъ!—прибавлялъ третій.

— Ав-вось не помремъ... Налей-ка еще стаканчикъ!

— Во-ота! Еще то ли будетъ! Сказываютъ, взрывать

все хочетъ начисто... Деревянный камень какой-то есть... Наливай!

— Эхъ, ребята, попьемъ, погуляемъ!.. Денежки-то вотъ онѣ... Новаго чекану, по старинному счету два рубля... Наливай, наливай, другъ!

— Ужъ и мнѣ, старухѣ, стаканчикъ пожалуй-что придется съ вами, съ молодцами, выкушать... И у насъ Кузьмичовы есть деньги, три пятака, пожалуй-что полтина,— чего-жъ и не погрѣться старухѣ?

— Пей, старуха! У Кузьмича денегъ много!.. Пойдемъ деревянный камень рыть,—все воротимъ. Наливай!

И дѣйствительно, послѣ того какъ исчезъ лѣсъ, Иванъ Кузьмичъ попалъ на камень и сталъ рыться за нимъ въ глубь земли, таскать его оттуда и продавать до тѣхъ поръ, покуда не вытаскалъ весь, и покуда вырытыя имъ пещеры не обвалились и не задавили нѣсколько десятковъ человѣкъ. Тогда оказалось, что и желѣза въ этихъ мѣстахъ видимо-невидимо! Иванъ Кузьмичъ принялся за желѣзо. Рылъ, вывозилъ и продавалъ, а деньги возилъ въ банкъ и получалъ книжки чековъ.

Вотъ что мы знаемъ объ этихъ книжкахъ, которыя онъ почти каждый годъ привозилъ съ собою изъ города. Много ли впитали онѣ въ себя добра? Объ этомъ пусть судитъ читатель.

V.

...Иванъ Кузьмичъ только вечеромъ того дня, когда получилъ въ городѣ послѣднюю изъ своихъ книжекъ, доѣхалъ до своего мѣстопребыванія, въ распоясовскую округу. Ярко горѣли окна фабрики, гдѣ дымилъ и свисталъ чудовище-паровикъ. Шумѣла мельница, стучали толчея и крахмальный заводъ. Иванъ Кузьмичъ все скупалъ, все мололъ, толокъ и продавалъ. Тысячи народу копошились на фабрикѣ, на заводѣ. Сюда была согнана вся распоясовская округа— по рублю, по полтиннику, по четвертаку, и даже самые маленькіе мальчики и дѣвочки могли зарабатывать по гривеннику въ день, занимаясь щипаніемъ корпіи, которую доставляли изъ больницъ въ гною и крови и которая шла на бумажный заводъ. Все было поставлено къ дѣлу и оцѣнено.

Иванъ Кузьмичъ жилъ въ центрѣ этого поселка, въ маленькомъ домикѣ, съ окнами на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ было видно все, что ни дѣлалось вокругъ него.

Когда онъ вошелъ въ свой домикъ, въ комнатѣ было жарко натоплено, и на столѣ уже кипѣлъ самоваръ. Онъ не былъ женатъ, но прислуга у него была ловкая, знающая, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Иванъ Кузьмичъ напился чаю. Пилъ онъ его долго, часа три, разспрашивалъ про то, что было безъ него. Все, оказалось, обстояло благополучно...

По окончаніи чаю Иванъ Кузьмичъ прилегъ.

Все было, кажется, хорошо, а чего-то—это Иванъ Кузьмичъ чувствовалъ постоянно—какъ будто ему и недоставало. Нѣсколько разъ мысли его останавливались на женитьбѣ. Но, подумавъ хорошенько, онъ находилъ, что это—чистая глупость... Поэтому-то и теперь онъ рѣшился отдѣлаться отъ скуки такъ, какъ отдѣлывался обыкновенно.

— Иванъ!—сказалъ онъ какъ-то серьезно.

Явился лакей.

— Что на толчеѣ?

— На толчеѣ нонѣ плохо, Иванъ Кузьмичъ.

— Какъ плохо?

— Всего двѣ бабы, и то старухи... Вотъ на мельницѣ—есть.

— Кто такая?

— Андронова—изъ Большихъ Озеръ.

— Ну хорошо!..

— Мужъ съ ей...

— Сунь ему зеленую!

Лакей съ улыбкой вышелъ вонъ и отправился на мельницу.

Все это еще недавно была вещь вполнѣ невозможная. Но послѣ того, какъ человѣкъ сталъ цѣниться въ рубль, въ полтинникъ,—и полтинникъ и рубль стали—все!

— Иди, иди, любезная!.. Торопись, матушка! Потаскайка вотъ этакую пасть съ собой—узнаешь, каково они сладки, платки-то красные да мелочь-серебро...

Такъ говорила какая-то женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, проходившая мимо дома Ивана Кузьмича въ то время, когда вслѣдъ за его лакеемъ бѣгомъ вбѣгала по ступенямъ крыльца какая-то женщина.

— О, дуры, дуры набитыя!—вздыхая, говорила женщина съ ребенкомъ.—Одной ѣсть нечего, а тутъ и другое горло таскай... Чай, онъ отцомъ-то не хочетъ быть...

Слово «онъ» относилось къ Ивану Кузьмичу. Ребенокъ апатично смотрѣлъ черезъ плечо матери куда-то вдаль.

Что ждетъ его?

Никакихъ золотыхъ нарядовъ, которые сулила своему сыну размечтавшаяся крестьянка, фабричная женщина сулить не можетъ: она знаетъ, что цѣна ея мальчонкѣ долгое время будетъ гривенникъ, потомъ двугривенный, и такъ до рубля, а ужъ дальше ничего, ничего не будетъ! Сама она про себя знаетъ, что цѣна ей ничтожная, что хватаетъ только кормиться... Что же она скажетъ своему мальчишкѣ? Что же можетъ выйти изъ него, кромѣ человѣка, который нуженъ въ дѣлахъ Ивана Кузьмича — какъ сила, какъ дрова, какъ тряпки?..

II. Неплательщики *).

I.

Для полной послѣдовательности въ изложеніи исторіи распоясовскаго кармана съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, необходимо было бы, тотчасъ за разсказомъ о появленіи въ распоясовскихъ палестинахъ Ивана Кузьмича съ его теоріей оборотовъ капитала, начать разсказъ о появленіи въ тѣхъ же мѣстахъ новой питательной желѣзнодорожной вѣтви, такъ какъ «Иваны Кузьмичи» и «питательныя вѣтви» составляютъ между собою неразрывный союзъ и другъ безъ друга рѣшительно не могли бы существовать. Иванъ Кузьмичъ потому только находитъ выгоду рубить, копать, рыть, пилить и вообще опустошать распоясовское добро, что желѣзная питательная вѣтвь тотчасъ же, въ мгновеніе ока, можетъ за тридевять земель унести все это выкопанное, расколотое, распиленное, поваленное на землю и вывернутое съ корнемъ изъ земли... Точно такъ же и новая питательная вѣтвь потому только не занесена сугробами, что съ каждымъ днемъ растетъ количество Ивановъ Кузьмичей, а стало-быть, и количество нарубленнаго, вырытаго, распиленнаго,—словомъ, количество опустошаемаго, или, говоря газетнымъ языкомъ, «количество грузовъ». Не будь дороги, Иванъ Кузьмичъ не сталъ бы рубить и рыть: куда бы онъ дѣвался со всѣмъ этимъ добромъ?.. Не будь Ивана Кузьмича, что бы взяла желѣзная дорога

*) «О. З.», 76 г. Люди и нравы. Очерки.

съ распоясовскаго населенія, у котораго нѣтъ почти ничего, кромѣ бѣлаго, довольно кислаго квасу? Неразрывность связи питательныхъ вѣтвей и Ивановъ Кузьмичей подкрѣпляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ однѣ, такъ и другіе одинаково развиваютъ въ распоясовскомъ населеніи вкусъ получать *за все* чистыми деньгами: «чистыми деньгами» платитъ Иванъ Кузьмичъ за эти дремучіе лѣса, каменныя горы, за всѣ эти «нѣдра земли»; за «чистыя деньги» тащитъ онъ всѣ эти нѣдра, при посредствѣ, конечно, все тѣхъ же распоясовскихъ обывателей, на желѣзную дорогу, а дорога, нагрузивъ добычу Ивана Кузьмича въ свои новые вагоны, немедленно уноситъ ее за тридевять земель, оставляя распоясовскимъ обывателямъ за нагрузку увезеннаго добра ни много ни мало — *по восьми гривенъ съ тысячи пудовъ*, — конечно, «чистыми деньгами» и, конечно, по взаимному соглашенію.

Несмотря на крайне юмористическій, хотя и вполнѣ дѣйствительный размѣръ вышеупомянутой цифры, тотъ фактъ, что распоясовскій обыватель такъ или иначе получаетъ «за все» имъ самимъ утраченное восемь гривенъ серебромъ барыша чистыми деньгами, этотъ фактъ самъ по себѣ уже достаточенъ для того, чтобы тотчасъ же со всею обстоятельностью изслѣдовать цѣли, средства и результаты, имѣющіе быть отъ появленія въ глухихъ мѣстахъ новорожденныхъ питательныхъ вѣтвей. Но, при всемъ нашемъ желаніи теперь же сосредоточиться на этомъ новомъ, продолжающемъ и развивающемъ теоріи Ивана Кузьмича, явленіи, мы не дѣлаемъ этого сію минуту потому, во-первыхъ, что боимся слишкомъ долго останавливать вниманіе читателя на одномъ и томъ же, и притомъ такомъ непривлекательномъ предметѣ, какъ мужицкій карманъ,—на предметѣ, сухость и тягость котораго еще болѣе увеличивалась бы развитіемъ такой трагической подробности, какъ физіологія питательной вѣтви, а во-вторыхъ, потому, что питательная вѣтвь, несмотря на свои молодые годы, уже успѣла ознаменовать себя такими яркими проявленіями, которыя невольно охлаждаютъ охоту умиляться передъ шестнадцатью пятаками, оставляемыми ею распоясовскому мужику, и невольно заставляютъ подумать о другомъ. Чтобы не ходить далеко за такими неловкими проявленіями, упомянемъ хотя бы о томъ плачевномъ фактѣ съ этими же шестнадцатью пятаками, по которому оказывается, что, выдавая ихъ распоясовцу чистыми деньгами чрезъ посредство какого-нибудь начальника станціи,

питательная вѣтвь совершенно иными путями, словно и не она, а кто-то другой, извлекаетъ эти шестнадцать пятаковъ (пятакомъ больше, пятакомъ меньше — не все ли равно?) въ бездонную пропасть своего трехмилліоннаго бюджета... Фактъ печальный, но дѣйствительный. Въ ту самую минуту, когда распоясовецъ, превращенный Иваномъ Кузьмичомъ въ истиннаго Лира и затѣмъ вновь возвращенный въ мужическое званіе восемью гривнами, въ ту самую минуту, когда этотъ не король Лиръ, а Лиръ-мужикъ сталъ-было увѣрять себя, что «вотъ, молъ... *по крайности, все же деньги*»—въ эту-то минуту къ нему явился трехмилліонный бюджетъ питательной вѣтви и потребовалъ заплатить за него полмилліона рублей гарантіи... Оказывалось, что, несмотря на всѣ старанія Ивановъ Кузьмичей опустошить отечество, дорога не можетъ покрыть расходовъ, не можетъ заплатить процентовъ на тѣ кучи денегъ, которыя нахватали тамъ и сямъ, приготовляясь обогащаться и обогащать... Трехмилліонный бюджетъ громко ропщетъ на распоясовца за то, что онъ ничего не производитъ, а умѣетъ торговать только своими «готовыми нѣдрами», которыя слишкомъ дешевы и постоянно требуютъ пониженнаго тарифа... Оказывалось, кромѣ того, что не понижать тарифа на эти нѣдра невозможно, такъ какъ все, что имѣлъ бюджетъ въ виду, кромѣ распоясовскихъ нѣдръ, точно также обмануло его, и обмануло самымъ жестокимъ образомъ: мука гречневая, мука пшеничная, пеклеванная, ржаная, — словомъ, всѣ сорта всевозможной муки, на безчисленное количество грузовъ которой разсчитывала вѣтвь, эта безсовѣстная мука не поѣхала по вѣтви... совсѣмъ не поѣхала... На всѣхъ парахъ разлетѣвшись къ избенкѣ на берегу Волги, гдѣ проживала эта мука, красноглазый локомотивъ новой питательной вѣтки увидѣлъ, что у той же избенки уже свѣтятся десятки красныхъ глазъ другихъ локомотивовъ отъ другихъ питательныхъ вѣтвей, пріѣхавшіе къ избенкѣ тоже за этой мукой. «Гдѣ тутъ пеклеванная? Гдѣ тутъ пшеничная? Гдѣ мука ржаная?..»—орали красноглазые кулаки, а изъ избенки кашель и какой-то больной голосъ едва слышно отвѣчалъ: «Как-кая тамъ мука-а!.. Самимъ нечего... кха-кха... все дочиста обобрали... кха-а!.. Нѣту ничево!..» Какъ ни орали, какъ звонко ни гаркали локомотивы питательныхъ вѣтвей, а должны были убѣдиться, что нѣтъ муки, что какая была, та ужъ уѣхала... Посвисталъ-посвисталъ и нашъ красноглазый покупатель, да и поплелся

назадъ, таща за собою въ бюджетъ весьма основательный и тоже «чистый» убытокъ... То же, что и съ мукой, случилось и со всѣмъ прочимъ, что должно было ѣхать по нашей вѣтви. Должно было, кромѣ муки, ѣхать сѣмя льняное, сѣмя конопляное, сѣмя горчичное, сѣмя сорочинское,—и не поѣхало. «Какое тутъ сѣмя-а...—отвѣчали съ кашлемъ изъ избенки на Волгѣ.—Ступайте отседа... Ну васъ, кха!..» Долженъ былъ ѣхать копченый балыкъ, мороженый бершъ, бѣлорыбица, бѣлуга, лососина, стерлядь... Должны были тучей нестись сухая вобла, окунь, осетеръ, сазанъ малосольный и сухой, сельдь иностранная и русская семга, севрюга, сомъ, малосольная сопа, жерихъ, судакъ, тарань, чехонь, шемая... Должны были—и не поѣхали! Частью потому, что ужъ были увезены давнымъ-давно, частью, какъ, напримѣръ, вобла сухая, по невѣжеству; эта неповоротливая тварь прямо объявила, что не поѣдетъ въ заграничное путешествіе, потому, молъ, что непригоже копеечной дамѣ объявляться за границей въ рубль серебромъ. «У господъ иностранцевъ, поди, какія свои есть?..» И снова улеглась на берегу Волги вмѣстѣ съ бурлаками, продолжая свою копеечную торговлю и не обращая вниманія на то, что трехмилліонный бюджетъ твердилъ ей о совершенно готовомъ и притомъ пониженномъ до крайности тарифѣ на ея перевозку. «Ну ужъ, что ужъ!..»—бормотала тупоумная вобла. И бюджетъ остался ни съ чѣмъ. Соображая всѣ эти несчастія бюджета, распоясовецъ рѣшительно не зналъ, чѣмъ помочь барину: все, что было, увезъ этотъ самый баринъ вмѣстѣ съ Иваномъ Кузьмичомъ; прежде были, правда, соленые огурцы, но съ тѣхъ поръ, какъ прошла чугунка, и солить не на что стало, потому что нѣтъ уже заработка извозомъ. Кромѣ восьми гривенъ, которыя, дай Богъ здоровья, далъ вотъ этотъ самый трехмилліонный баринъ, у распоясовца не было почти ничего. Эти-то восемь гривенъ и потребовалъ баринъ, прося «честью». Распоясовецъ зналъ, что можетъ послѣдовать за выраженіемъ: «честью тебѣ говорю», и сказалъ поэтому: «Н-ну, Богъ съ вами... получай!»—Отдалъ деньги и ушелъ.

Такой по малой мѣрѣ неджентльменскій поступокъ бюджета новой питательной вѣтви самъ по себѣ настолько ярокъ и вѣсокъ, что, и не вдаваясь въ особенныя подробности, можно ужъ имѣть общее понятіе о достоинствахъ такого новаго явленія глухихъ мѣстъ, какъ желѣзная дорога... И вотъ, принимая во вниманіе какъ смыслъ этого явленія, такъ и смыслъ всего, что до него происходило въ распоясовскихъ

мѣстахъ, невольно устаешь, утомляешься отъ непомѣрно однообразной сути и старыхъ и новыхъ формъ распоясовской жизни и думаешь: — кто же тѣ, кто по каплямъ выпиваетъ эту рѣку бюджетовъ, сливающуюся изъ безчисленныхъ распоясовскихъ ручейковъ? Какъ и чѣмъ живутъ тѣ, кто не рубитъ, не возитъ, не пилитъ, не глушитъ, какъ распоясовскій мужикъ, но для которыхъ на потребу идетъ распоясовскій трудъ, глупость — все!.. Счастливы ли, довольны ли эти люди, стоящіе у готоваго, у настоящихъ «чистыхъ» денегъ, эти истинные неплательщики, хотя и не недоимщики?

Эти невольно родившіеся вопросы заставляютъ насъ покинуть распоясовскій карманъ, покинуть деревню, перенестись въ городъ и обратить вниманіе уже не на карманъ, а вообще на состояніе духа городского жителя, такъ какъ всякій городъ, даже такой крошечный, какой предстоитъ намъ видѣть, непремѣнно стоитъ и держится потому, что изъ него идетъ ручеекъ изъ общаго широкаго и глубокаго бюджета, и такъ какъ, живя на готовое, городской бюджетный человѣкъ блюдетъ, несомнѣнно, какіе-нибудь высшіе духовные интересы...

Въ этихъ-то видахъ мы и приглашаемъ читателя, забывъ всѣ бѣды и радости распоясовцевъ, послѣдовать за нами въ современный губернскій городъ и хоть мелькомъ взглянуть, что у него на душѣ?

II.

Физіономія современнаго губернскаго города какъ снаружи, такъ и внутри, это—нѣчто такое, что сразу, съ одного дня, разслабляетъ нервную систему и сразу, съ одного дня, дѣлаетъ жизнь какою-то досадною путаницею. Путаница явленій, поражающая вашъ глазъ, наравнѣ съ путаницею явленій, поражающей вашъ умъ, лишаетъ физіономію современнаго города всякаго образа и подобія, образуя вмѣсто какой бы то ни было физіономіи нѣчто неуклюжее, разношерстное, какую-то кучу, свалку явленій, не имѣющихъ другъ съ другомъ никакой связи и, несмотря на это, дѣлающихъ безплодныя усилія ужиться вмѣстѣ...

Старинный тарантасъ, запряженный пятерикомъ мухортыхъ лошаденокъ, какъ нельзя лучше подходилъ къ глубинѣ той лужи, въ которой онъ обыкновенно застревалъ, и изъ которой, тоже обыкновенно, вытаскивали его народомъ; все это вмѣстѣ, т.-е. тарантасъ, лужи, люди съ дубинами,

какъ нельзя лучше подходило къ широкому постоялому двору, густо застланному мягкимъ навозомъ и широко распахнувшему свои тесовыя ворота выбравшимся изъ бѣды путешественникамъ. Трактиръ, — грязный, темный, какъ уголъ, заплетенный паутиной,—трактиръ этотъ, помѣщавшійся въ верхнемъ этажѣ постоялаго двора, какъ нельзя лучше подходилъ къ толстому купцу, пришедшему поговорить съ худенькимъ приказнымъ по кляузному дѣлу, а къ обоимъ вмѣстѣ какъ нельзя лучше подходила подстать трактирная машина, гудѣвшая «Лучинушку» и заглушавшая кляузные разговоры... А въ хорошій морозный день какую удивительную гармонію представлялъ обыватель, весело несущій за ногу живого поросенка или гуся и, несмотря на пронзительный вопль животнаго (которое чуетъ, что люди его сейчасъ съѣдятъ), не упускающій случая приторговывать все встрѣчное и поперечное, — какую гармонію представлялъ этотъ обыватель вмѣстѣ съ хрюканьемъ и ораньемъ, со скрипомъ замороженнаго снѣга и съ веселымъ буханьемъ въ большой соборный колоколъ по случаю парраднаго дня!.. Гармонія во всемъ этомъ была полная. Тряпье, дикость, невѣжество, хрюканье и пр.—все это было пригнано и прилажено все къ тому же невѣжеству, тряпью, хрюканью и дикости и, стало-быть, не могло не только поражать вашего глаза, но даже ни на волосъ не обижало его...

Теперь не то.

Гармонія подлиннаго тряпья нарушена пришествіемъ рѣшительно несовмѣстныхъ съ нимъ явленій. Изъ превосходнаго вагона желѣзной дороги пассажиръ вылѣзаетъ прямо въ лужи грязи, грязи непроходимой, изъ которой никто не придетъ васъ вынуть, потому что машина прошла въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отъ роду не было ни народу ни дорогъ...: Ощущеніе гибели, безпомощности вдругъ овладѣваетъ вами нежданно-негаданно, и съ перваго же шага нежданность явленій и ощущеній ужъ не покидаетъ васъ: въ новомъ судѣ изо дня въ день тянется передъ глазами слушателей одна и та же до мелочей однообразная повѣсть о крайнемъ убожествѣ, объ убійствѣ спьяну, о кражѣ спьяну, о кражѣ съ голоду—повѣсть о круглой голи, о какой-то маленькой, зеленой копейкѣ, а обстановка этой копейки стоитъ рубля; на сцену ставятъ дѣло о несчастнѣйшей, бѣднѣйшей, забитѣйшей женщинѣ, которая не помнитъ, какъ родила гдѣ-то въ хлѣву ребенка, не помнитъ, живой онъ былъ или мертвый, а только умѣетъ ревѣть, ничего не въ силахъ

будучи сообразить, а на обстановку этого несчастія идетъ ничуть не меньше, чѣмъ на постановку «Аиды» и «Африканки».

Прежняя, старинная грязь и лужи, прежніе гнилые заборы съ нищими на углу, поющими: «подайте Христа ради!»—а надъ головой нищей, на томъ же углу, «Парижская жизнь», оперетка, изуродованные куплеты которой заглушаются буханьемъ въ колоколъ у Никитья, гдѣ завтра престолъ... *Вдругъ*, нежданно-негаданно, налетитъ по желѣзной дорогѣ Рубинштейнъ, Давыдовъ... *Вдругъ* забѣжитъ волкъ и перекусаетъ возвращающихся съ концерта меломановъ... Лохмотья, до послѣдней степени разстроенные нервы, волкъ, Рубинштейнъ, вѣнская карета и первобытная мостовая, мигрень и тифъ рядомъ съ простымъ угаромъ, все это проходитъ одно за другимъ, желая представить изъ себя нѣчто общее, нѣчто переплетенное въ одну книгу подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Губернскій городъ такой-то», и нисколько не достигаетъ чего-нибудь подобнаго, а только поражаетъ, заставляя на каждомъ шагу спрашивать себя: зачѣмъ и откуда взялась вѣнская карета въ этой лужѣ? Почему не просто соленый огурецъ, а какой-то соленый конкомбръ? Зачѣмъ Рубинштейнъ? Зачѣмъ волкъ? Зачѣмъ «Парижская жизнь»?.. Зачѣмъ желѣзная дорога?..

Словомъ,—полная неизмѣнность первобытныхъ условій, при которыхъ по городу свободно могутъ бѣгать волки, при которыхъ даже и состоятельный человѣкъ считаетъ долгомъ по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ угорѣть такъ, что его «вытаскиваютъ» замертво,—полная неизмѣнность условій, при которыхъ вполнѣ возможны и законны сугробы, лохмотья и т. д., и въ то же время несомнѣнное присутствіе или напоръ въ среду этихъ условій—мигреней, вѣнскихъ каретъ, оперетокъ, громадныхъ окладовъ, разстроенныхъ нервовъ и множества другихъ новостей, рѣшительно не подходящихъ къ старому, но смѣшанныхъ съ нимъ какою-то невѣдомою и невидимою силою,—дѣлаетъ эту смѣсь, эту толкучку явленій досадною до послѣдней степени. Въ самомъ дѣлѣ, что должна перенести ваша мысль, если разговоръ о литературѣ, который вы сейчасъ вели въ весьма просвѣщенномъ обществѣ, смѣняется темною, какъ могила, улицею, по которой вамъ приходится идти, думая только о спасеніи себя отъ лужъ, собакъ, а то и прямо отъ волковъ? Нормальна ли будетъ ваша мысль, если грустныя впечатлѣнія горемычнѣйшаго процесса, видѣннаго въ судѣ, непремѣнно должны быть либо

просто забыты, либо изглажены впечатлѣніями разныхъ маркизъ и виконтовъ, Богъ знаетъ какъ переведенныхъ съ французскаго, возвратившихся изъ ободраннаго еловаго Булонскаго лѣса, которыхъ вы видите на театрѣ?.. Крайняя разнородность, полная разорванность явленій, которыхъ невольно должна касаться ваша мысль въ продолженіе хотя одного дня, къ вечеру этого дня истомляетъ васъ, разслабляетъ. Приходится неожиданно думать о неожиданныхъ вещахъ и неожиданно прекращать случайно начатую мысль ради чего-нибудь также неожиданнаго, а въ результатѣ—нуль, скука, досадная зѣвота...

Вотъ въ рѣзкихъ, грубыхъ чертахъ тоскливая, искаженная физіономія современнаго, реформированнаго губернскаго города. Потребность уйти изъ него, которая начинаетъ мелькать у васъ очень скоро послѣ знакомства съ этой пріятной физіономіей, оказывается потребностью весьма распространенною—конечно, подъ весьма разнообразными формами. Одни просто готовы бѣжать куда глаза глядятъ, другіе только сегодня «не знаютъ, куда дѣться», а завтра, можетъ, и дѣнутся куда-нибудь, третьи вообще «чувствуютъ неудовольствіе». Кой-кто изъ всей этой массы народа, чувствующей досадное иго и бремя досадной дѣйствительности, не задумывается долго и уходитъ; но неизмѣримое большинство живетъ, ежеминутно чувствуя неудовлетвореніе.

И вотъ, почему-нибудь оставшись среди этой досадной путаницы жизни, оставшись надолго, начинаешь мало-помалу покойнѣе всматриваться въ нее, изучать ее въ виду того, что не одинъ ты влачишь это иго и бремя, а тысячи и десятки тысячъ, и благодаря тому совершенно теряешь всякую возможность досадовать на какую бы то ни было неожиданность, прибавляющую къ существующимъ нелѣпицамъ нелѣпицу новую, теряешь эту способность потому, что приходишь къ такому убѣжденію: да вѣдь это все—не здѣсь дѣлается; вѣдь это все—только отраженныя движенія нервной системы, мозговые центры которой не здѣсь. Оказывается, что здѣшній мѣстный мозгъ почти парализованъ, почти не дѣйствуетъ, а если и дѣйствуетъ, то очень слабо, едва-едва. Оказывается, что явленія здѣшней жизни—«явленія» въ буквальномъ смыслѣ, потому что буквально «являются» сюда и перевертываютъ все вверхъ дномъ, не давая здѣшнему мозгу опомниться, пріучивъ его молчать, обезсилѣвъ и обезкровивъ его.

Ниже мы фактами новѣйшей исторіи постараемся показать какъ внезапность, случайность явленій нашей досадной жизни, такъ и вліяніе этой случайности, пришлости явленій на состояніе мысли и расположеніе духа мѣстнаго бюджетнаго потребителя. Теперь же прежде всего необходимо сказать два слова въ подтвержденіе сказаннаго вообще о случайности появленія новинъ въ нашихъ мѣстахъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этой случайности, лучше всего посмотрѣть на мѣстнаго «жителя», на коренника, на потомка тѣхъ коренниковъ, тѣхъ подлинныхъ «жителей», которые насидѣли мѣсто, называемое теперь: «городъ такой-то», которые застроили его этими домиками въ три окна, этими церквами, этими базарами, которые горѣли и погорали до тла и все-таки опять выстраивались на насиженномъ мѣстѣ. Каковъ же это потомокъ, каковъ этотъ теперешній коренникъ, фундаментъ города, житель, или—что то же—«предполагаемый на будущій годъ доходъ съ недвижимыхъ имуществъ», каковъ-то онъ, этотъ недвижимый человѣкъ? Оказывается, что этотъ недвижимый человѣкъ какъ двѣ капли воды такой же самый, какъ и его предокъ... Чего-чего ни перебывало съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней на томъ мѣстѣ, которое насидѣлъ доисторическій коренникъ, а онъ хоть бы на булавочную головку измѣнилъ суть своей жизни. Чѣмъ жилъ предокъ, откуда бралъ онъ силу чуть не ежегодно строиться вновь, ежегодно погорая отъ собственнаго самовара,—опредѣлить нѣтъ возможности; точно также нѣтъ никакой возможности опредѣлить, чѣмъ живетъ, откуда беретъ силу жить и теперешній житель, населяющій эти безконечные трехъ-и четырехоконные, каменные и полукаменные дома; но, точь-въ-точь какъ и предокъ, онъ погораетъ отъ собственнаго самовара и точь-въ-точь какъ предокъ — невѣдомо какъ—умѣетъ выстроиться. Подлинный житель непостижимъ безъ собственнаго дома. Домъ и житель—это то же, что мышь и нора; житель потому не просто человѣкъ, а такъ сказать—человѣко-домъ; и въ этомъ видѣ и смыслѣ онъ—двѣ капли воды тотъ же самый человѣко-домъ, какъ и его доисторическій предокъ.

Идутъ мимо него реформы, оперетки,—а онъ все бухаетъ да бухаетъ у Никитья къ ранней и поздней, къ первому, ко второму и третьему звону. Среди бездонныхъ лужъ, устроенныхъ этимъ самымъ жителемъ, появляются вѣнскія кареты, и въ каретахъ сидятъ въ высшей степени

разстроенные нервы, а житель, не обращая на эти нервы никакого вниманія, продолжаетъ терзать ихъ хрюкомъ и ревомъ своихъ базарныхъ площадей и по-старинному тащитъ поросенка за заднюю ногу, ни капли не разстраивая своихъ доисторическихъ нервовъ его воплемъ. Мимо него идутъ линіи желѣзныхъ дорогъ, открывающія ему ворота на дороги всего свѣта, а онъ все-таки продолжаетъ ѣздить въ одну только Оптину пустынь. Придутъ вмѣсто желѣзныхъ дорогъ аэростаты,—и онъ все-таки и на аэростатѣ поѣдетъ въ ту же Оптину пустынь или ужъ (благо, скоро ходитъ) съѣздитъ къ Троицѣ-Сергію, потому давно (лѣтъ 30) собирался. Во имя чего онъ дубаситъ у Никитья, толкается на базарѣ, горитъ и строится—я не знаю, точно такъ же, какъ не знаю почему мышь проявляетъ себя только въ прогрызаніи дыръ, но что мышь и житель одинаково непоколебимо тверды въ упомянутыхъ проявленіяхъ, это я вижу ясно. Чѣмъ же объяснить такую удивительную непоколебимость нравовъ человѣко-дома, если не тѣмъ, что почти ни одно изъ «явленій» послѣднихъ дней не началось въ его норѣ, а прилетало, являлось со стороны? Въ пору жителя доходилъ только звукъ, свѣтъ явленія; «нонѣ пошло» вотъ то-то, говорилъ онъ, и на томъ оканчивалъ связь съ тѣмъ, что̀ «пошло»... «Пошло земство», «пошелъ шиньонъ», «пошли банки», «пошла стуколка»... Кое-что—напримѣръ, шиньонъ, необходимость билета на желѣзную дорогу—онъ удерживалъ у себя; но, принимая шиньонъ, онъ все-таки отправлялъ въ немъ свою дочь къ тому же самому Никитью, куда ходила и бабушка, хоть и безъ шиньона, а по желѣзной дорогѣ, какъ уже сказано,—ѣздитъ все въ ту же Оптину пустынь.

При этомъ необходимо упомянуть, что и принятіе такихъ вещей, какъ шиньонъ и билетъ, всегда обходилось ему необыкновенно дорого. Такъ, прежде нежели онъ научился брать билеты, у него было и долго тянулось дѣло по оскорбленію начальника станціи словами. Онъ пять разъ подходилъ къ кассѣ и спрашивалъ билетъ въ Оптину пустынь, пять разъ ему говорили, что нѣтъ такой станціи, пять разъ онъ отвѣчалъ на это, что «какъ же, молъ, Иванъ-то Петровичъ ѣздилъ?»—«Проходите, проходите!»—говорилъ ему жандармъ, и пять разъ житель влѣзалъ за перила и вылѣзалъ изъ нихъ безъ всякаго результата. Такъ какъ прежде, до чугунки, всѣ ѣздили въ Оптину пустынь весьма благополучно, и такъ какъ Иванъ Петровичъ

ѣздилъ туда же по чугункѣ, то отказывать въ билетѣ— это значитъ просто желать взять взятку.—«Это вы, я вижу, господинъ, помазаться захотѣли, что, молъ, въ Оптину пустынь нельзя... видно, и тутъ съ нашего брата норовите слизать...»,—въ шестой разъ пробравшись къ кассѣ, съ полною увѣренностью заявилъ житель.—«Что-о-о-о?»—загремѣло на это изъ глубины кассовой будочки и загремѣло именно такимъ голосомъ, послѣ котораго непремѣнно долженъ слѣдовать протоколъ: такъ и вышло. Дѣло это, тянувшееся полтора года, стало жителю въ копейку, но научило его брать билеты въ Оптину пустынь. «Ты у меня спроси,—говорилъ онъ какому-нибудь юному жителю:—какъ, напримѣръ, по нонѣшнему времени въ Оптину-то пустынь ѣздятъ, такъ я тебѣ могу объяснить это... Оно у меня вотъ гдѣ сидитъ,—слѣдовательно я знаю, какъ билеты берутся... вотъ!»... А шиньонъ? Тутъ ревѣла не день, не два, а два-три года кряду цѣлая масса дѣвицъ, изнывающихъ въ душныхъ жителевыхъ норахъ, женъ и матерей, понимающихъ, что по нонѣшнему времени нельзя «безъ этого», бабушекъ и прабабушекъ, тронувшихся рыданіями внучекъ, и т. д. И только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ этого рева, просьбъ и рыданій, возобновлявшихся аккуратно передъ каждой всенощной и обѣднёй, житель, который все время упирался единственно только потому, что все новое, приходящее со стороны, непріятно ему, наконецъ разрѣшаетъ купить шиньонъ, прибавляя такъ, ни къ селу ни къ городу:

— Да смотри у меня! Ежели чуть что—изъ дому выгоню! Хоть околѣй на улицѣ—не пущу.

Но, принимая кое-что изъ новаго, онъ суть дѣла оставляетъ всегда прежнею, какъ уже это и было показано на исторіи съ билетомъ и шиньономъ, и принимаетъ это «кое-что» послѣ продолжительнаго самоистязанія, воплей семьи, расходовъ по дѣлу и т. д. Все же остальное новое, что не подходитъ такъ близко къ его основнымъ убѣжденіямъ, какъ подошелъ шиньонъ и билетъ на желѣзную дорогу, все являлось къ нему въ видѣ повѣстокъ, просовываемыхъ въ его нору какимъ-то сѣрымъ рукавомъ и требующихъ 1 р., 2 р., 5 р. и т. д., только оплачивалось и оплачивается имъ, при чемъ житель кряхтитъ, чешется и подъ конецъ все-таки платитъ. Оплаченныя такимъ образомъ новости какъ будто бы осуществляются въ дѣйствительности, но въ нравственномъ мірѣ коренного жителя—отъ нихъ ни тепло ни холодно. Вѣритъ онъ, въ сущности

все-таки только въ то, во что вѣрилъ его древнѣйшій предокъ.

III.

Таковъ коренной, фундаментальный житель города. Притерпѣвшись ко всевозможнымъ перемѣнамъ, закалившись съ одной стороны въ увѣренности, что появленіе «этихъ несчастій» неизбѣжно (всякій, даже и ни въ чемъ не виноватый изъ жителей увѣренъ, что отъ сумы да отъ тюрьмы отказываться нельзя), съ другой стороны—въ томъ, что оно, это явленіе перемѣнъ, не отъ насъ и «намъ не требуется», житель хоть и кряхтитъ, хоть и платитъ, но основы, то-есть пироги, храмовые праздники, пожары и т. п., завѣщанные ему предками, узаконяютъ въ его собственныхъ глазахъ его существованіе. Вѣря въ эти основы, онъ чувствуетъ нѣкоторое тепло близъ нихъ, имѣетъ на бѣломъ свѣтѣ нѣкоторый уютъ. Выстроившись, отправившись благополучно къ Троицѣ-Сергію, житель можетъ имѣть въ своей норѣ минуты истиннаго счастія,—особливо когда увѣренъ, что ближе будущаго года горѣть ему не придется, что ворота заперты, собаки спущены, что около кровати старшей дочери, свернувшись клубочкомъ подъ шубкой на полу, лежитъ старая бабушка и всю ночь, не показывая виду, не спускаетъ съ своей внучки глазъ. Въ такія минуты, когда житель вполнѣ увѣренъ, что въ такой поздній часъ не придутъ съ повѣсткой, что не влѣзетъ воръ, что Господь сохранитъ отъ пожара, что дочка замужъ пойдетъ по-божески,—въ такія минуты житель можетъ быть вполнѣ счастливъ. На душѣ его въ такія минуты тихо, тепло; тихо и тепло въ такія минуты въ его спальнѣ, въ его перинѣ и весело отъ ровнаго, тихаго свѣта лампадки.

Но каково тому, кто не глупитъ, какъ распоясовскій мужикъ, каково тому, кто не сѣетъ, не жнетъ, не рубитъ и не опустошаетъ, кто не терпитъ, какъ коренной житель, отъ новыхъ временъ и отъ пожаровъ, но кто поставленъ къ этимъ временамъ для того, чтобы «дѣлать ихъ», кому заплачено чистыми деньгами и сказано: «не хлопочи ни о чемъ, а думай, дѣлай и получай за это!» — каково-то на душѣ у этого человѣка, лишеннаго совершенно того уюта душевнаго, который есть у жителя, который поставленъ внѣ условій, заставляющихъ распоясовскаго мужика, получившаго восемь гривенъ, успокаивать себя фразой: «по

крайности — деньги?». Каково-то состояніе духа этого подлиннаго неплательщика (иные называютъ этотъ сортъ людей интеллигенціей, въ данномъ случаѣ — провинціальной) въ виду все той же случайности появленія новыхъ дѣлъ, къ которымъ ставятъ его и за которыя ему такъ хорошо платятъ?..

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что состояніе духа лучшаго экземпляра современнаго провинціальнаго интеллигентнаго неплательщика поистинѣ ужасное. Именно ужасъ этого душевнаго состоянія и заставилъ насъ оторваться на время отъ распоясовскихъ интересовъ. Чтобы это опредѣленіе не показалось читателю голословнымъ, мы постараемся разобрать, хотя въ общихъ чертахъ, элементы, изъ которыхъ слагается это опредѣленіе, а такъ какъ корень и источникъ положенія, опредѣляемаго въ концѣ концовъ словомъ: «ужасный», все-таки та же «случайность», то прежде всего намъ необходимо взять какое-нибудь явленіе, случайность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію и ясна для всѣхъ.

Возьмемъ поэтому такое явленіе, какъ желѣзная дорога. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что городъ, о которомъ идетъ рѣчь, никоимъ образомъ не могъ имѣть надобности въ этомъ новомъ явленіи. Погорая ежегодно, онъ былъ бѣденъ, какъ бѣдна была вся округа. Поэтому на предложеніе еще только проектированной дороги войти городу съ нею въ какія-то соглашенія и сдѣлать въ ея пользу какія-то уступки городъ отвѣчалъ прямымъ отказомъ. Онъ зналъ свои средства и находилъ, что соглашаться ему «не расчетъ». Въ чемъ другомъ, а въ этомъ дѣлѣ можно повѣрить опытности жителя, и стало-быть, если, несмотря на этотъ отказъ, дорога все-таки явилась въ нашихъ мѣстахъ, то появленіе ея можно смѣло считать вполнѣ неожиданнымъ, случившимся вопреки мѣстнымъ надобностямъ. Но такъ или иначе, мысль, родившаяся изъ какихъ-то до насъ ни на волосъ не касавшихся расчетовъ, приведена въ исполненіе: локомотивы свистятъ, поѣзда приходятъ и отходятъ. Фактъ совершился, и волей-неволей приходится подчиниться ему.

Кряхтя и почесываясь, городъ принужденъ строить шоссе къ станціи желѣзной дороги, которая, послѣ отказа въ соглашеніи, выстроилась гдѣ-то необычайно не у мѣста. Прошла дорога и стала возить все дешевле, чѣмъ на лошадяхъ; лошадиная ѣзда стала невозможностью, и хотя то,

что̀ городъ и округа возили на лошадяхъ въ старину, съ проходомъ дороги не могло увеличиться, но неволя заставляетъ и для этихъ маленькихъ грузовъ строить шоссе, потому что возить людей и товаръ по такимъ мѣстамъ, гдѣ отъ роду не было никакихъ дорогъ, не представляется никакой возможности; и вотъ изъ доходовъ города выламывается нежданно-негаданно кушъ въ сто пятьдесятъ тысячъ рублей. Въ расходахъ, кое-какъ удовлетворявшихся мѣстными средствами, образуется новый, на который еще вчера никто не разсчитывалъ и который нечѣмъ покрыть, такъ какъ и прежніе едва-едва удовлетворялись. Мѣстное самоуправленіе, выломивъ изъ своихъ доходовъ такой кушъ, вдругъ съеживается въ удовлетвореніи самыхъ настоятельныхъ потребностей, только-что пробужденныхъ другими, тоже большей частью случайно вторгнувшимися въ жизнь явленіями. Положено поэтому закрыть Христорождественское училище, отложить до будущаго года проектъ о водопроводѣ, уменьшить, сократить, отклонить, отложить. Въ дѣятельности городского самоуправленія, предположимъ, даже такого, которое одушевлено самыми благими намѣреніями, внезапное исчезновеніе такой кучи денегъ, какая пошла на мостовую, сразу дѣлаетъ прорѣху, и люди, даже самые лучшіе, стоящіе впереди этой прорѣхи, неизбѣжно должны сознать ее, чувствовать, что дѣло ихъ—не дѣло, а такъ—вокругъ чего-то толкотня, и что, покуда не заполнится чѣмъ-нибудь эта прорѣха, всѣ остальныя потребности города, еще вчера крайне настоятельныя; должны удовлетворяться только обиняками, могутъ поддерживаться только въ перепискѣ, на бумагѣ, замазываться и размазываться особенно искусно придуманнымъ для выраженія несуществующихъ вещей языкомъ...

Такъ отзывается внезапность явленія желѣзной дороги на хозяйствѣ города. На хозяйствѣ «округи» она отзывается появленіемъ Ивана Кузьмича. До появленія дороги у жителя округи, у распоясовскаго обывателя, было очень мало; все, что̀ у него было, онъ весьма удобно увозилъ въ городъ на продажу на своихъ дровнишкахъ. Съ появленіемъ дороги размѣръ его имущества не увеличился. Распоясовскому обывателю отъ нея ни тепло ни холодно, но Ивану Кузьмичу отъ нея тепло несомнѣнно. Отъ нея тепло хищнику, тепло человѣку, имѣющему что-нибудь. Иванъ Кузьмичъ, благодаря новому пути, является въ глушь и беретъ то, что̀ есть. У обывателя очень мало; Иванъ Кузь-

мичъ беретъ у помѣщика, беретъ лѣса, камни, словомъ— нѣдра, т.-е. безжалостно разстраиваетъ благосостояніе распоясовца, уничтожая, покупая и увозя такія вещи, потеря которыхъ невознаградима. Неудивительно поэтому, если на будущую сессію окружнаго суда число дѣлъ о кражѣ значительно увеличится.

Такимъ образомъ, кромѣ городского самоуправленія, прорѣха, благодаря внезапности явленія, должна обнаружиться на другой же день по проходѣ желѣзной дороги еще въ двухъ новыхъ инстанціяхъ. Она, во-первыхъ, обнаружится во всей громадной организаціи новой желѣзной дороги со всѣми безчисленными ея службами, отдѣленіями, конторами, и, во-вторыхъ, задѣваетъ отчасти дѣятельность учрежденія, повидимому, вовсе къ дорогѣ не прикосновѣннаго, именно— новаго суда.

До появленія Ивана Кузьмича громадная, требующая трехмилліонныхъ расходовъ, организація дороги не дѣлаетъ ровно-таки ничего. Телеграфы ея гудятъ: — «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...». Въ отчетахъ и вѣдомостяхъ, надъ которыми сидитъ не одна сотня народу, проставляется, пишется, докладывается о томъ, что грузовъ не было и нѣтъ, и весь этотъ хоръ, стоящій три милліона рублей, на разные голоса, разными почерками поетъ и пишетъ: «ноль, ноль, ноль, нѣтъ, и нѣтъ, и нѣтъ — и ничего, и ничего, и ничего, не было, не было, не было», квакаютъ, кудахтаютъ и стонутъ по конторамъ, по отдѣленіямъ и т. п. Тутъ ужъ не просто прорѣхи—тутъ прямо пустое мѣсто, дыра бездонная, вокругъ которой стоитъ масса неплательщиковъ и получаетъ «за это» чистыми деньгами.

Въ такомъ положеніи находится «дѣло» до появленія Ивана Кузьмича. Съ появленіемъ же этого оживителя глухихъ мѣстностей дорога начинаетъ работать: «Лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ»—начинаютъ гудѣть телеграфы... «Лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ»— проставляютъ и записываютъ въ вѣдомостяхъ, въ отчетахъ, въ книгахъ и бумагахъ... «Лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ»—бѣжитъ по всей линіи, наполняетъ всѣ вагоны до тѣхъ поръ, пока вдругъ не прекратится этотъ «грузъ» подъ топоромъ Лянунова Ивана Кузьмича и не побѣжитъ по всей линіи изъ-подъ его лопаты уголь или камень. То, что дорога съ появленіемъ Ивана Кузьмича «начала работать», это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ уже извѣстно, что, благодаря этой работѣ дороги, у распоясовскаго обывателя появилось одно время до восьмидесяти копеекъ серебромъ

чистыми деньгами, но, несмотря на несомнѣнность «работы», едва ли такая работа можетъ связать съ собою интеллигентныя силы неплательщиковъ, такъ какъ если, благодаря Ивану Кузьмичу, и нельзя уже назвать ея дѣла пустымъ мѣстомъ, то язвою и раною не назвать невозможно.

Кромѣ всего этого, внезапный толчокъ новаго явленія отдается даже и въ такомъ мѣстѣ, которое, повидимому, не имѣетъ съ этимъ внезапнымъ явленіемъ никакой связи,— въ новомъ судѣ. Кража бревна, кража, кража, кража— безконечнымъ потокомъ тянется на скамью подсудимыхъ... Распоясовскій обыватель начинаетъ занимать въ острогахъ и на скамьѣ подсудимыхъ видное мѣсто. Его хватаютъ, везутъ, содержатъ въ тюрьмахъ, кормятъ, допрашиваютъ, дѣлаютъ очныя ставки, говорятъ рѣчи, для его оправданія и обвиненія толчется и получаетъ деньги цѣлая толпа народу, пишущаго, разъѣзжающаго по казенной надобности, сочиняющаго бумаги, рѣчи. Но и тутъ, въ этомъ постороннемъ новому явленію мѣстѣ не оказалось ли, благодаря этому явленію, пустого мѣста, чего-то ненужнаго, чего-то такого, о чемъ не стоило бы ни хлопотать, ни писать, ни говорить рѣчей, такъ какъ все дѣло ясно, какъ дважды-два: пришла чугунка, пріѣхалъ Иванъ Кузьмичъ, все вырубилъ, выкопалъ; даже украсть стало негдѣ, ну, вотъ и все... Гг. присяжные говорятъ, правда: «нѣтъ, не виновенъ», но вѣдь они за то и не стоятъ бюджету ни копейки. Все же, что стоитъ денегъ, чувствуетъ, что, говоря объ этомъ бревнѣ, утащенномъ распоясовцемъ, объ этомъ взломѣ и прочихъ распоясовскихъ преступленіяхъ, оно не имѣетъ подъ собою реальной почвы, не ощущаетъ дѣйствительнаго дѣла, по крайней мѣрѣ, большею частью не ощущаетъ его, а что-то пустое, хлопотливое, что-то совершенно не серьезное, не «настоящее» ощущается и тутъ, среди всей дорого стоящей обстановки, съ которою это, якобы серьезное, совершается.

Итакъ, вотъ какимъ образомъ въ самыхъ общихъ чертахъ отзывается внезапность того или другого новаго явленія,—на этотъ разъ внезапное явленіе новой желѣзной дороги. Въ трехъ пунктахъ новыхъ дѣлъ оно отозвалось появленіемъ пустого мѣста, чего-то такого, чего нечѣмъ наполнить; оно пустымъ мѣстомъ отозвалось въ городскомъ самоуправленіи, образовало новое пустое и даже больное мѣсто въ видѣ всей организаціи новой дороги и внесло хлопотливые и дорогіе пустяки въ серьезное дѣло суда.

Только въ общихъ чертахъ, только на единичномъ случаѣ внезапнаго нововведенія показали мы результаты этой внезапности, — результаты, происходящіе тотчасъ, на другой день послѣ того, какъ невозможное почему-то стало возможнымъ. Но если мы предположимъ, что и кромѣ новой питательной вѣтви почти всѣ явленія жизни нашего городка имѣютъ тотъ же характеръ неожиданности въ своемъ появленіи, что всѣ они, появляясь неожиданно, нарушаютъ существовавшій до нихъ обиходъ, то будетъ понятно, почему вокругъ новыхъ дѣлъ не чувствуется особенной жизни, а, напротивъ, въ каждомъ такомъ явленіи замѣчается какая-то дыра, образовавшаяся оттого, что нашу провинціальную шкуру принялись тянуть въ разныя стороны, да разорвали въ двадцати мѣстахъ. Не явись чугунка — не пришлось бы строить шоссе, полтораста тысячъ пошли бы на другое, Христорождественская школа существовала бы, приготовила бы лишній десятокъ грамотныхъ. Иванъ Кузьмичъ не пріѣхалъ бы къ намъ съ своими капиталами, и распоясовскіе лѣса хотя кое-какъ грѣли бы распоясовскаго обывателя, а, быть-можетъ, случилось бы и такъ, что, нуждаясь въ деньгахъ, баринъ и самъ бы вошелъ въ сдѣлку съ этими обывателями. Не было бы пустыхъ дѣлъ въ судѣ, не было бы такого, какъ теперь, очень часто совершенно непроизводительнаго расхода на тюрьмы. Но дорога, на зло всѣмъ возможностямъ, прилетѣла и все перевернула вверхъ дномъ. Благодаря ей является шоссе и закрывается Христорождественская школа, гдѣ учился десятокъ бѣднѣйшихъ мальчишекъ; благодаря ей является Иванъ Кузьмичъ, платитъ за распоясовскіе лѣса чистыми деньгами; деньги эти являются въ городѣ, и въ ту самую минуту, когда закрывается Христорождественская школа, — открывается театръ съ оперетками, и въ то же время окружный судъ наполняется ворами, укравшими у Ивана Кузьмича бревно. Обиліе «какихъ-то» денегъ отъ проданныхъ лѣсовъ и отъ денегъ, которыя тратитъ организація новаго явленія, помогая Ивану Кузьмичу, начинаетъ бить запахомъ денегъ въ носъ обывателямъ, и вотъ батюшка, лицо духовное, прекращаетъ у себя маленькую школу, ибо за ту комнату, въ которой она помѣщается, теперь можно получить втрое противъ того, что давала школа при ежедневномъ трудѣ въ ней.

Мы бы никогда не кончили съ этой путаницей барышей и убытковъ, если бы стали подробно разбирать, что и какъ

происходитъ въ провинціальной жизни отъ неожиданности вторгающихся въ нее явленій. Работа эта трудна, а у насъ нѣтъ достаточно досуга, чтобы заняться съ подобающею ей тщательностью, но какъ бы ни было велико количество сцѣпляющихся съ неожиданностью явленій, фактовъ, общій ихъ смыслъ—нарушеніе распорядковъ въ мѣстномъ карманѣ и, главное,—мышленіи. Къ какому бы новому либо старому явленію мы ни подошли, въ сущности его всегда будетъ прорѣха, — недостаетъ чего-то или окажется хвачено черезъ край... Тамъ чувствуется что-то ненужное, тамъ прямо невозможное, а въ иномъ мѣстѣ—просто чортъ знаетъ что, вообще же все какъ будто не настоящее, растопыренная нищета, уголовная бѣдность и т. д. Отдать такимъ полудѣламъ, такимъ «какъ будто бы» дѣламъ свою душу, кровь, мозгъ, умъ—словомъ, все—нѣтъ никакой возможности. Сегодня я отдаюсь дѣлу всей душой, а завтра нагрянетъ такое явленіе, которое Богъ знаетъ какъ далеко отшвырнетъ меня отъ этого дѣла; возможность такого явленія отнимаетъ охоту отдаваться всей душой. Такимъ образомъ мысль интеллигентнаго неплательщика и простое, здоровое, совѣстливое ея развитіе во всемъ этомъ—рѣшительно не при чемъ, такъ что вообще распоясовскій обыватель рѣшительно не можетъ — да и не долженъ — завидовать интеллигентному неплательщику; дѣла, за которыя этотъ неплательщикъ получаетъ готовыя денежки,—въ сущности не дѣла, а какія-то рубища, которымъ надобно придавать благопристойный видъ, какая-то толкотня около и вокругъ почти пустыхъ мѣстъ съ обязательствомъ придавать имъ видъ воздѣланныхъ полей; на мой взглядъ, куда не сладка такимъ путемъ достающаяся копейка!.. Тратить всю жизнь *невзаправду*, уставать отъ хлопотъ вокругъ пустого мѣста — да этакой мукѝ не вознаградить никакими деньгами...

Но въ исторіи состоянія духа интеллигентнаго неплательщика это горе, происходящее отъ отсутствія связи его совѣсти съ тѣмъ дѣломъ, къ которому онъ приставленъ,— это еще только цвѣточки, ягодки будутъ впереди! Самая глубокая бѣда для него еще не въ этомъ, а въ томъ,—отчего интеллигентный неплательщикъ, невзирая на то, что онъ не получаетъ взамѣнъ жалованья ничего, кромѣ горькаго сознанія, что «уходятъ» года, все-таки стоитъ у этихъ полупустыхъ или пустыхъ мѣстъ? Почему онъ, зная, что уголовное дѣло о пропажѣ у Ивана Кузьмича двухъ овчинъ произведено въ сущности самимъ Иваномъ Кузьмичомъ,—

все-таки бурчитъ что-то для проформы противъ распоясовскаго обывателя и бурчитъ, скучая, цѣлые годы? Какая сила держитъ этого неплательщика около дѣла, гдѣ нѣтъ ровно ничего, кромѣ «не было», и «нѣтъ», и «не будетъ»? Какая сила подавляетъ его негодованіе на это дѣло о «не было», на эту безплодную потерю дней и годовъ, которые— онъ отлично это знаетъ — никогда не воротятся къ нему? Вообще же кто и что превратило его въ интеллигентный гвоздь, который вбиваетъ на извѣстное мѣсто посторонняя рука и который оказывается способнымъ держать все, что эта посторонняя рука на него ни повѣситъ? О, глядя на этотъ гвоздь, глядя на то, какъ, интеллигентно ворча что-то, онъ все-таки продолжаетъ крѣпко сидѣть тамъ, гдѣ его вбили, негодованіе, боль, скорбь, гнѣвъ и слезы задушили бы, замучили бы сразу человѣка, рожденнаго внѣ случайностей нашей жизни, но мы, рожденные тутъ, въ самомъ центрѣ пустого мѣста, не умѣемъ ни плакать ни негодовать столь глубоко, тѣмъ болѣе, что у насъ есть ключъ къ этому явленію.

Этотъ ключъ — все тотъ же случай.

IV.

Намъ приходится такимъ образомъ перейти къ явленіямъ, которыя происходятъ во внутреннемъ мірѣ интеллигентнаго неплательщика; при этомъ прежде всего необходимо сказать два слова о томъ, что безконечный рядъ предшествующихъ случайностей сумѣлъ воспитать, довести до степени породы значительный классъ болѣе или менѣе мелкихъ неплательщиковъ, которые ни по натурѣ ни по умственному развитію *не могутъ*, въ буквальномъ смыслѣ слова, дѣлать никакихъ дѣлъ, кромѣ дѣлъ, составляющихъ голое, пустое мѣсто. Возня вокругъ «ничего» въ этихъ рѣдкихъ экземплярахъ, служеніе пустому мѣсту возведено въ настоящее дѣло, въ такое дѣло, на которое уходятъ всѣ движенія души, вся страсть... Бѣлое поле бумаги, на которой надобно съ осторожностью мухи ползать перомъ, чтобы въ растопыренныхъ выраженіяхъ не сказать большей частью ровно ничего, это поле бумаги, бѣлой и сыроватой, производитъ на такія организаціи впечатлѣніе почти женской, дѣвственной красоты... Стальное перо почти сладострастно впивается въ это бѣлое тѣло, бережетъ его, дрожитъ за него... Съ какимъ захватывающимъ духъ восторгомъ взлетаетъ это перо вверхъ, чтобы, секунду подержа-

вшись на вершинѣ заглавной буквы, вдругъ сорваться и торчмя головой ринуться смѣлымъ, даже отчаяннымъ завитком внизъ, въ бездну, въ эту бѣлую бездну, чистаго листа «министерской» писчей бумаги! Положительно можно сказать, что эти рѣдкіе экземпляры, рожденные въ самой срединѣ всевозможныхъ, кружащихся вокругъ пустого мѣста обиняковъ, въ такія минуты живутъ настоящею жизнью, и именно тутъ, близъ этой бумаги, отъ душнаго воздуха этихъ гнилыхъ обиняковъ, бьется ихъ сердце, волнуется кровь, человѣкъ оживаетъ, унываетъ, груститъ, вообще — живетъ.

Этотъ удивительный экземпляръ, выработанный условіями жизни исключительно на пользу пустыхъ мѣстъ, — экземпляръ рѣдкій, и безъ примѣси пьянства, мелкой алчности и какой-то грязи во всѣхъ другихъ своихъ чисто-личныхъ и дѣйствительно живыхъ отношеніяхъ встрѣчается очень рѣдко. Но и въ чистомъ видѣ, безъ малѣйшихъ признаковъ чего-либо живого, онъ тоже есть, и въ такомъ видѣ ему положительно нѣтъ цѣны. Грустно вымолвить, а нельзя утаить, что въ этомъ олицетвореніи обиняка нуждаются всѣ, даже самоновѣйшія учрежденія. Онъ, этотъ обинякъ, появившись тамъ, гдѣ люди, чувствуя передъ собой пустоту, теряются и не знаютъ, что дѣлать съ ней, чѣмъ ее наполнить, вдругъ въ мгновеніе ока вноситъ въ эту пустоту всѣми желаемую атмосферу дѣла, хлопотъ и заботъ. Тамъ, гдѣ всѣ дѣла передѣлывались въ полчаса и затѣмъ оставалось нѣсколько часовъ, которые приходилось убивать кое-какъ, кой-чѣмъ, тамъ съ появленіемъ обиняка вдругъ начинаетъ не хватать цѣлыхъ сутокъ для того, чтобы исполнить хоть часть дѣлъ, и становится нестыдно получать жалованье. Непритворность и страстность этого обиняка необычайно сильно дѣйствуютъ на всѣхъ, невольно покоряя своею искренностью, какъ вообще покоряетъ человѣка все подлинно-искреннее. Кто, кромѣ обиняка, можетъ такъ искусно балансировать надъ бездонной дырой, открывающейся передъ всякимъ живымъ человѣкомъ, балансировать, «отклонять», «отклоняться», «обходить», «откладывать», «умалчивать», «заслушивать» и т. д.? Только онъ, одинъ онъ въ силахъ изъ «ничего» создать «засѣданіе», да не одно, а пять, десять, исписать по этому случаю вороха бумагъ, взбудоражить или, по крайней мѣрѣ, сцѣпить въ кучу не одинъ десятокъ человѣкъ, изложить въ тысячѣ пунктовъ то, чего бы никто не замѣтилъ, даже пристально разсматривая на собственной своей ладони... Нѣтъ никакой

возможности исчислить всю необычайную пригодность для пустыхъ дѣлъ этого чистѣйшаго экземпляра обиняка, равно какъ нѣтъ возможности съ точностью и ярко представить внѣшній и внутренній видъ этого экземпляра: и то и другое до безконечности неуловимо... Это—духъ, невидимо присутствующій во всѣхъ новыхъ и старыхъ дѣлахъ обиняковаго содержанія.

Такіе цѣльные экземпляры необыкновенно дороги и рѣдки; рѣдки оттого, что для выработки такого экземпляра необходимо нѣсколько поколѣній, на которыхъ бы случайности жизни, отнимающія вѣру во все живое, дѣйствовали бы съ неумолимою настойчивостью въ одномъ и томъ же смертоносномъ направленіи болѣе или менѣе продолжительное время. А такая систематичность выдается на долю немногихъ и есть тоже случай; поэтому-то чистый типъ обиняка хотя и одушевляетъ собою всѣ пустыя мѣста, но къ числу интеллигентныхъ неплательщиковъ причисленъ быть не можетъ. «Безъ меня тамъ сядутъ. Я одинъ работаю за всѣхъ!» — говоритъ такой экземпляръ обиняка гдѣ-нибудь на именинномъ пирогѣ подъ хмелькомъ, и говоритъ сущую правду, потому что онъ одинъ живетъ и дышитъ и искренно преданъ всѣмъ этимъ обиняковымъ дѣламъ; но потому-то именно, что онъ искрененъ въ своемъ пустомъ дѣлѣ, онъ и не принадлежитъ къ интеллигенціи, ибо неискренность—вообще удѣлъ интеллигентнаго неплательщика. Да наконецъ, несмотря на то, что онъ все невидимо наполняетъ и движетъ, ужъ одно то обстоятельство, что онъ почти всегда получаетъ отъ бюджета мѣдный грошъ, крупицу,—ужъ это выдѣляетъ его изъ полчища неплательщиковъ, удѣлъ которыхъ, кромѣ неискренности, также и способность съѣдать очень много... Повторяемъ: это духъ, олицетвореніе озабоченной серьезностью лжи, а не интеллигентный неплательщикъ, лгущій только изъ-за денегъ.

Грустно положеніе человѣка, у котораго бьетъ сѣдина и который, содрогаясь, что «ушли годы», и вспоминая ихъ, эти безвозвратно исчезнувшіе годы, къ ужасу своему видитъ, что ему нельзя отстать отъ этого «обиняка», къ которому его принесла рѣка случайностей жизни. Нельзя потому, что тутъ, по крайней мѣрѣ, «вѣрный» кусокъ хлѣба — именно хлѣба, пропитанія... То, что съ нимъ случилось, отняло у него охоту цѣнить свою мысль, свои симпатіи, отучило его даже слушаться своей натуры, того, что безъ его вѣдома прирождено ему... Тихій и кроткій, онъ

«попалъ» въ разрядъ «озлобленныхъ». Неожиданность! Когда его наказывали, онъ неожиданно чувствовалъ себя хорошо; когда его прощали, это было его наказаніемъ. Смолоду это весело и чудно. Жизнь выдѣлываетъ такія неожиданности, сталкивая съ хорошимъ тамъ, гдѣ должно бы быть дурное, и, наоборотъ, ставя въ положенія, въ которыя ни за что бы не попалъ, если бы распоряжался самъ, и т. д. Но эта комедія случайностей, съ той минуты, когда неразборчивая, грубая рука ея начинаетъ рвать живое тѣло (тоже по недоразумѣнію), съ этой минуты шутовская комедія превращается въ глубокую драму. Сила случая, дающая себя знать такъ больно, ясно доказываетъ свои громадные размѣры, заставляетъ жаться отъ нея подальше, беречься, чтобы сильная и безтолково дѣйствующая рука ея не достала, не дохватила. И вотъ человѣкъ съеживается, забивается въ уголъ. И, весь израненный, говоритъ себѣ: «по крайней мѣрѣ, вѣрный кусокъ хлѣба» — и становится къ пустому, иной разъ и не совсѣмъ чистому дѣлу.

Все это яркіе продукты случая — явленія крупныя, видныя, но и вся остальная бюджетная братія, если и не подвержена такимъ заботливымъ попеченіямъ случая, извѣдала его власть на безчисленныхъ мелочахъ. Тысячи системъ воспитанія и образованія, пережитыя съ дѣтства и всякій разъ обязательно связанныя съ кускомъ (бо́льшимъ или меньшимъ — все равно), уже въ ранней юности ослабили, если не совсѣмъ умертвили мысль, пріучивъ человѣка только къ страху передъ такимъ будущимъ, въ которомъ могутъ и не дать этого куска хлѣба. Затѣмъ, если, несмотря на эти способы превратить человѣка въ автомата, ему по врожденной силѣ мысли удалось сохранить въ нее вѣру и въ послѣдующіе годы, то заботливая рука случая не замедлитъ и здѣсь показать свою власть, вырвавъ изъ рукъ его любимую книгу, или понесетъ его по волнамъ такихъ случайностей, о которыхъ уже говорено выше и которыя все-таки приводятъ къ страху потерять кусокъ хлѣба (большой или маленькій—опять-таки все равно).

Мы не говоримъ о тѣхъ изъ числа бюджетныхъ неплательщиковъ, которые чуть не съ дѣтства знаютъ уже, что́ «вѣрно» въ этой земной юдоли, и хотя прямо тоже не принадлежатъ дѣйствительно къ интеллигентнымъ неплательщикамъ, но сами несомнѣнно причисляютъ себя къ нимъ и уже во всякомъ случаѣ могутъ дѣйствительно назваться неплательщиками. Мы не говоримъ о нихъ потому, что

слово «*ротъ*» вполнѣ достаточно для того, чтобы опредѣлить и ихъ личные взгляды и ихъ отношенія къ тѣмъ новымъ или старымъ дѣламъ, благодаря которымъ этотъ ротъ постоянно и плотно набитъ... Но—увы!—и подлинный интеллигентный неплательщикъ, мы должны это сказать скрѣпя сердце, тоже связанъ съ своимъ дѣломъ тоже только однимъ ртомъ... Къ длинному, большому бюджету онъ несетъ только свой ротъ...

Теперь, подведя всему сказанному итогъ, потрудитесь представить себѣ состояніе духа наилучшаго интеллигентнаго неплательщика. Дѣла, которыя онъ дѣлаетъ, не связываются (если, конечно, привычка не возьметъ свое) съ его мыслью надлежащимъ образомъ плотно и крѣпко; отдать на служеніе имъ силу души — нельзя: завтра можетъ вломиться такое явленіе, которое сразу высадитъ цѣлый уголъ только-что съ любовью начатаго зданія; возиться надъ разбросанными осколками и щепками невозможно: послѣзавтра можетъ нагрянуть новое, даже и отрадное явленіе, которое, опять-таки втиснувшись внезапно и не туда, куда надо бы, расшвыряетъ и щепки... Дѣло, превращенное въ прорѣху, требуетъ медленнаго утомительнаго штопанья, толченья вокругъ полупустяковъ, вокругъ словъ, хотя бы и громкихъ, но пустыхъ... И у такихъ-то пустыхъ дѣлъ стоитъ человѣкъ, у котораго точно такія же дырья и прорѣхи сдѣланы ужъ въ самой душѣ, у котораго мысль отвыкла совать свой носъ на сторону, словомъ—у котораго случай все помялъ, все испугалъ, на все прикрикнулъ и прикрикнулъ основательно. Ослабленный и испуганный внутри себя, интеллигентный неплательщикъ стоитъ у разслабленнаго дѣла, знаетъ это, видитъ, какъ это пусто и пошло, каждую минуту чувствуетъ если не всю пошлость положенія, то ужъ всю его холодную пустоту, и стоитъ потому, что «по крайней мѣрѣ»—вѣрный кусокъ хлѣба!.. Жить въ постоянной атмосферѣ «*не настоящаго*», «*не заправскаго*», дышать постоянно воздухомъ «неискренности» — и все потому, что только при такихъ условіяхъ неплательщику дается возможность жить,—это чистое мученье!..

Предоставляю читателю самому соединить воедино сотни индивидуумовъ, хотя и разнохарактерныхъ, но, несомнѣнно, зараженныхъ одинаковымъ недугомъ искренности, и представить себѣ, что за жизнь, что за взаимныя отношенія могутъ сложиться изъ всего этого... Чтобы недалеко ходить за результатами такой жизни, спросите любого изъ интел-

лигентныхъ неплательщиковъ, и онъ вамъ скажетъ, въ откровенную минуту, что это—мученье, что это—ужасъ что̀ такое, только не жизнь. «Но вѣдь такъ жить, дѣйствительно, нельзя!» — скажетъ читатель. Было бы, дѣйствительно, невозможно въ такомъ положеніи просуществовать и дня, если бы въ неплательщикѣ и кругомъ него все было опустошаемо систематически. Но, благодаря тому же случаю, иное въ дѣлахъ и лицахъ какимъ-то чудомъ остается нетронутымъ, живымъ, обманываетъ глазъ... Велико ли въ самомъ дѣлѣ обиліе силъ русской души, велика ли ихъ живучесть,—только присутствіе и существованіе ихъ несомнѣнно почти въ каждой, какъ бы грубо ни распаханной душѣ неплательщика и изумительной по своей стойкости, по своему умѣнью съежиться до послѣдней степени и все-таки жить, хоть урывками, но жадно вглядываясь въ бѣлый свѣтъ... Книга—вотъ прибѣжище всего съежившагося, притаившагося, но вполнѣ живого въ неплательщикѣ... Боже милосердый, какъ жаденъ онъ до книгъ! Чего-чего ни поглотилъ онъ на своемъ вѣку, и, несмотря на бездну проглоченнаго, мозгъ его до сей поры голоденъ, какъ будто бы ничего и не ѣлъ никогда, и все проситъ, и все проситъ еще... Книга, чтеніе — единственное прибѣжище и отрада, но только отрада, и отрада—увы!—весьма безплодная! Чего-чего только ни перенесъ, ни испыталъ, благодаря непрерывному чтенію, этотъ мозгъ! Но, не имѣя возможности, даже утративъ отчасти самую мысль о возможности куда-нибудь нести то, что̀ перенесъ, въ чемъ убѣдился этотъ мозгъ, онъ привыкъ наслаждаться мыслью самъ для себя, онъ привыкъ и пріучилъ себя къ ощущенію чтенія и — что̀ дѣлать! — превратился въ какую-то бездонную прорву, въ которую можно валить томы, вороха напечатанныхъ мыслей и которая все-таки будетъ пуста... Пишите, валите туда написанное всѣми перьями, существующими на бѣломъ свѣтѣ, — все мало; давай еще новаго, а дѣла онъ все-таки будетъ дѣлать пустыя и вѣрить искренно въ одно—хлѣбъ насущный. Нѣтъ, незавидное, бѣдовое положеніе интеллигентнаго неплательщика! Удивительно, какъ онъ живетъ еще. Но что̀ особенно грустно среди всего этого, такъ это—дѣти!

Распоясовецъ! Мужикъ! Дай ты этимъ ребятишкамъ, этимъ подрастающимъ неплательщикамъ, дай ты имъ своихъ сказочекъ, простыхъ деревенскихъ пѣсенокъ! Повесели ты ихъ цвѣточками, и звѣрьками, и зайками... Пошути, пова-

луйся съ ними! Вѣдь они чахнутъ въ этомъ воздухѣ неискренности, утайки, неправды, а главное—въ этой дорогой пустотѣ!.. Спаси ихъ твоей простою правдой, дай дохнуть свѣжаго здороваго воздуха, услышать прямое слово — вѣдь они будутъ глубоко несчастны и глубоко гадки безъ тебя, безъ твоего правдиваго и горькаго опыта, безъ твоей искренней, забывающей худое шутки.

V.

Такъ изо дня въ день и изъ года въ годъ тянется унылая, пустая, скучная и нищенски пестрая неплательщичья жизнь. Довольно значительнымъ количествомъ интеллигентныхъ ртовъ съѣдается довольно значительное количество бюджетныхъ цифръ, а въ результатѣ—«словно корова лизнула языкомъ». Въ этой атмосферѣ «не настоящаго», «не заправскаго» нѣтъ минуты веселья, нѣтъ здоровья, нѣтъ дѣла, нѣтъ сознанія простого покоя... Всякаго что-то точитъ, вертитъ въ душѣ, особливо когда этотъ всякій остался одинъ самъ съ собой и улучилъ минутку, когда можетъ если не лгать прямо, то хоть не вывихивать себя, что̀ почти составляетъ всеобщую привычку... Лучшее, задушевнѣйшее желаніе большинства неплательщиковъ — уйти другъ отъ друга, и, несмотря на это, завтра, напившись утромъ чаю, все желающее разбѣжаться вновь сцѣпляется въ тѣсный хороводъ вокругъ пустого мѣста и вновь продолжаетъ почти безплодную толчею, вырабатывая или, вѣрнѣе, «вылыгая» себѣ хлѣбъ. Какая-то непроглядная, жалкая безтолковщина, что-то тягучее и крайне больное непрерывно тянется въ этой жизни изо дня въ день (если не считать моментовъ, которые веселы даже и для птицъ и мухъ—любовныя дѣла и пр.), пронизывая воздухъ, которымъ приходится дышать, и душнымъ туманомъ застилая будущее... Бываютъ моменты, когда одновременно въ разныхъ концахъ неплательщичьяго міра чувствуется полное удушье... вотъ-вотъ, кажется, дальше нѣтъ возможности выносить... И вдругъ какъ молнія блеснетъ: «Слышали? Варенька-то!.. Вѣдь застрѣлилась?.. Какъ? Что̀ такое? Неужели?..» И точно могучимъ ударомъ могучаго кулака ударитъ та вѣсть по разслабленной неплательщичьей душѣ... — «Стало-быть, и вправду душно и трудно!» — думаетъ она... «Вправду, вправду!..» — говоритъ совѣсть, отвыкнувшая признавать за правдой какой-нибудь существенный смыслъ. И все, что̀ уцѣлѣло въ этой душѣ хорошаго, все выйдетъ на Божій свѣтъ. Боже, какъ

реветъ иной закоснѣлый неплательщикъ въ такія минуты!.. Какъ онъ много начинаетъ видѣть и страшиться,—хотя къ пустому мѣсту все-таки продолжаетъ ходить аккуратно каждый день въ половинѣ двѣнадцатаго утра и, скрѣпя свое дѣйствительно больное сердце, все-таки усердно трудится надъ отвиливаніемъ отъ «насущныхъ вопросовъ».. А туманъ, духота мало-по-малу опять сгущаются кругомъ... Опять тянутся скучные и сѣрые дни... тянутся, тянутся, и вдругъ опять какъ громъ грянетъ, гдѣ-нибудь не вытерпитъ и прорвется «сущая правда»... Отъ этихъ неожиданныхъ проявленій сущей правды не застраховано рѣшительно ни одно изъ тѣхъ гнѣздъ, гдѣ засѣдаютъ вокругъ пустого мѣста обремененные жалованьемъ неплательщики.

III. Хочешь-не-хочешь *).

I.

Заговоривъ съ читателемъ о нѣкоторыхъ какъ бы случайныхъ проявленіяхъ «сущей правды» среди насыщенной всевозможною тяготою современной дѣйствительности, я возымѣлъ намѣреніе остановиться на этихъ проявленіяхъ поподробнѣе и съ этою цѣлью, какъ и всегда, обратился за матеріаломъ къ единственному моему источнику—моей памятной книжкѣ. И что же? Несмотря на то, что книжка эта представляетъ собою самую безпорядочную кучу разныхъ замѣтокъ, вырѣзокъ, выписокъ, набранныхъ случайно и на лету, кое-гдѣ и кое-какъ, записанныхъ тоже какъ пришлось (одинъ разъ даже шпилькой, а раза два спичкой),—несмотря на все это, то-есть на безпорядочность и отрывочность всего попавшаго въ мою книжку, вся эта безалаберная куча въ концѣ концовъ убѣждаетъ меня, что въ проявленіяхъ того, что я позволилъ себѣ назвать «сущей правдой», не только нѣтъ ничего случайнаго, но, напротивъ,—и именно въ настоящее время,—повсюду обнаруживается усиленная жажда ея, этой самой сущей правды, что именно теперь, когда романиста начинаетъ замѣнять зоологъ, когда патентованные сердцевѣдцы находятъ возможнымъ опредѣлить самыя трудныя минуты въ жизни современнаго

*) «Отеч. Записки», 76 года. Люди и нравы. Очерки.

человѣка выраженіемъ: «просто свинство», когда, въ подтвержденіе доведенныхъ до такой простоты взглядовъ на человѣческую породу, ежедневная дѣйствительность то и дѣло выдвигаетъ факты, какъ нельзя лучше подтверждающіе, что человѣкъ — дѣйствительно звѣрь, животное, достойное только холоднаго изученія зоолога, именно въ такую-то минуту это доказанное и выясненное животное никогда не болѣло такъ *сердцемъ*, какъ теперь. Безалаберная и растрепанная книжонка моя необыкновенно упорно старается доказать мнѣ, что именно *это* и есть новое, настоящее, то-есть заправское въ настоящее время; что человѣкъ если и не изжилъ въ себѣ звѣря, то во всякомъ случаѣ узналъ, что, дѣйствуя только во имя *себя*, во имя *своей* берлоги, *своей* породы, *своей* силы, захватывая для себя—кулакомъ, мечомъ, хитросплетеннымъ закономъ — все, что подходило ему подъ руку, и разгоняя направо и налѣво все, что ему мѣшало, онъ хотя и достигъ полной независимости въ своей берлогѣ, но оказался одинъ-одинешенекъ, потерялъ смыслъ и интересъ жизни и почуялъ, что для того, чтобы ощущать жизнь, ему надо волей-неволей выползти изъ этой берлоги, идти къ тѣмъ «другимъ», которыхъ онъ разгонялъ отъ себя и которыхъ согнулъ передъ собою въ три погибели; дать мѣсто въ своемъ сердцѣ новому ощущенію—любви къ этимъ «всѣмъ», «другимъ»... Почуялъ, что это необходимо сдѣлать волей-неволей, что безъ этого онъ—нищій съ пустою, хотя и золотою сумой, и что безъ этого жизнь — не жизнь, а только *доживаніе* вѣка, начинающееся съ самаго дня рожденія.

Такими чертами можно опредѣлить современную болѣзнь звѣринаго сердца, — впрочемъ, только тамъ, гдѣ возможны самыя характерныя и рѣзкія проявленія этой болѣзни, а именно — на западѣ Европы. Въ странахъ, гдѣ человѣкъ-звѣрь для собственнаго своего благополучія сумѣлъ продѣлать все, что звѣрю продѣлать возможно, гдѣ этотъ человѣкъ не церемонился, именно только во имя своихъ личныхъ удобствъ, сотни лѣтъ губить цѣлыя поколѣнія, не поморщивъ бровью,—здѣсь явленія нищаго съ золотой сумой начинаютъ обнаруживаться, хотя и не столь повсемѣстно, но зато съ поразительной ясностью. Потомокъ древняго рода, сотни лѣтъ воевавшаго во имя одного только права личнаго благополучія своей породы, этотъ потомокъ въ наши дни, получивъ въ свои молодыя руки плоды долгой и упорной борьбы своихъ предковъ, дѣлаясь обладате-

лемъ накопленныхъ ими богатствъ, угодій, покоя, полной возможности собственнаго счастія, вдругъ обнаруживаетъ отсутствіе аппетитовъ, завѣщанныхъ предками, чувствуетъ кругомъ себя пустоту и безсодержательность жизни въ разолоченной берлогѣ и не видитъ другого исхода для своего жаждущаго жизни сердца, какъ уйти изъ этой берлоги, проникнуться сильными, долгими, ежедневными страданіями другихъ. Факты такого рода во всей поучительной чистотѣ встрѣчаются на Западѣ, среди наиотборнѣйшихъ человѣческихъ породъ; правда, они еще довольно рѣдки, но зато неизбѣжность ихъ повторенія дѣлаетъ эти рѣдкіе факты въ высшей степени поучительными и весьма ясно рисующими будущее.

На Руси факты заболѣванія сердца «сущею правдою» встрѣчаются не только не рѣже, чѣмъ тамъ, у заправскихъ звѣрей, но, напротивъ, какъ утверждаетъ все та же растрепанная книжонка,—составляютъ почти всеобщее явленіе; захватываютъ почти сплошь весь неплательщичій міръ, да и къ плательщикамъ иной разъ перебираются. Но при такомъ сплошномъ заболѣваніи движеніе во имя сущей правды въ общемъ не имѣетъ у насъ той чистоты, ясности, естественности, какую имѣютъ факты подобнаго заболѣванія на Западѣ — а постоянно или, по крайней мѣрѣ, очень и очень часто заключаетъ въ себѣ подмѣсь совершенно непдущихъ къ сущности движенія осложненій, подмѣсь иной разъ просто скверную или просто смѣшную... Такія червоточины въ движеніяхъ отечественной мысли происходятъ, разумѣется, все отъ того же «случая», о которомъ уже было обстоятельно говорено въ предыдущемъ очеркѣ и который не только властвуетъ надъ отечественнымъ карманомъ, но распоряжается и совѣстью. Сегодня вдругъ, неожиданно дѣлается не только возможнымъ, но прямо обязательнымъ то, что еще вчера считалось не только необязательнымъ, а прямо невозможнымъ, противозаконнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что какъ бы ни было хорошо это ставшее возможнымъ нынче и невозможное вчера, — въ самый день появленія его на бѣлый свѣтъ въ немъ уже есть червоточина— принудительность; запрещая вчера, оно сегодня начинаетъ гнать къ тому же, вчера запрещенному; появляясь внезапно, оно застигаетъ постоянно врасплохъ даже друзей своихъ, и потому надъ всѣмъ этимъ внезапно поднятымъ народомъ постоянно виситъ «хочешь-не-хочешь». Стало-быть, именно во «внезапности» разнаго рода возможностей лежитъ при-

чина какъ того, что всякая хорошая и дурная возможность сразу захватываетъ громадную уйму народа, такъ и того, что народъ этотъ, вообще *погоняемый* къ новой возможности, въ большинствѣ вовсе не приготовленъ къ ней, не нуждается въ ней и плетется за ней хочешь-не-хочешь; широкое и большое, по количеству захваченнаго народа, движеніе осложняется присутствіемъ множества ненужныхъ элементовъ и вообще не имѣетъ той естественности, неизбѣжности, чистоты, какими отличаются подобныя же, хотя и рѣдкія явленія на Западѣ.

Въ настоящей «болѣзни русскаго сердца»—болѣзни, составляющей самую видную черту нашего времени—главную существенную роль играетъ, разумѣется, отмѣна крѣпостного права, т.-е. отмѣна цѣлой крѣпостной философской системы. Для громаднаго большинства русскихъ людей на другой день по освобожденіи крестьянъ оказалось необходимымъ ввести въ собственное сознаніе такія понятія, которыя вчера еще были совершенно не нужны, а сегодня сдѣлались необходимы. Оказывалось необходимымъ дать мѣсто въ своемъ сознаніи идеѣ равноправности, — идеѣ, которая вчера была преступленіемъ; оказывалось необходимымъ признать неизбѣжность труда, допустить вмѣшательство правды въ человѣческія отношенія. Понятія равноправности труда внезапно и неожиданно вторглись въ сознаніе громадныхъ массъ народа, предстали передъ помѣщикомъ, передъ портнымъ, который шилъ на помѣщика, передъ ямщикомъ, возившимъ въ городъ, передъ хозяиномъ постоялаго двора, передъ трактирнымъ служителемъ, угождавшимъ барину, передъ чиновникомъ, хлопотавшимъ за него въ судахъ, передъ женой чиновника, его сыновьями, дочерями и т. д. и т. д.—до безконечности. И весь этотъ народъ, еще вчера не знавшій о существованіи этихъ новостей, сегодня долженъ былъ знать, что эти новости и суть «настоящія», а та философія, которою онъ жилъ,—не заправская, не настоящая... И вотъ является неисчислимая масса народа, обязанная «думать» объ этомъ неожиданномъ новомъ и жить во имя этихъ новыхъ понятій, обязанная непремѣнно носить ихъ съ собою каждый день и каждый часъ... Ясно, что это народъ—больной «сердцемъ», непремѣнно больной, потому что въ общемъ надъ всей этой кучей виситъ неизбывное «хочешь-не-хочешь».

Большого художника съ большимъ сердцемъ ожидаетъ полчище народу, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, на-

рода немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и несомнѣнно къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ... Сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу, сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ, сколько злыхъ, оскалившихъ отъ злости зубы!.. И все это— рвущееся съ пути, разбѣшенное, немощное, все это рвется съ дороги только потому, что это — новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не можетъ или не хочетъ помириться съ новою мыслью. Словомъ,—все это скопище терзается или радуется и смѣло идетъ впередъ потому только, что надъ всѣмъ тяготѣетъ одна и та же болѣзнь сердца, боль вторгнувшейся въ это сердце правды, убивающая и мучащая однихъ и наполняющая душу другихъ несокрушимою силою. Минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который, несомнѣнно, долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій.

Такъ именно осмѣливается разглагольствовать моя растрепанная подруга, записная книжонка, и, не претендуя на самомалѣйшую возможность даже попробовать рисовать эту удивительную картину, тѣмъ не менѣе по силѣ возможности всегда готова представить сценку, замѣтку или случайно встрѣченный фактъ. Указываетъ она, напримѣръ, на такое очень часто повторяющееся явленіе: общественный дѣятель. Человѣкъ, долгіе годы работавшій надъ тѣмъ, чтобы въ душное время полнѣйшей засухи достать хоть капельку свѣжей воды, рывшійся до нея сквозь каменные слои, называющіеся «нельзя, не смѣй»; проникавшій за нею сквозь сыпучіе пески, называющіеся «не надо, не нужно, на что намъ»; человѣкъ, наконецъ добившійся этой капли воды съ неимовѣрными трудами, накачивавшій ее своимъ маленькимъ поршнемъ изъ своего маленькаго насоса,—что значитъ, что этотъ человѣкъ вдругъ начинаетъ роптать на тѣхъ, для кого онъ работалъ и кого поилъ, роптать и браниться именно тогда, когда съ такими трудами добытая имъ живая вода дѣлается всеобщимъ достояніемъ?.. А между тѣмъ такой фактъ встрѣчается поминутно, и нельзя ничѣмъ другимъ объяснить его, кромѣ вышесказанной внезапности появленія живой воды. Вчера человѣкъ въ потѣ лица добывалъ каплю этой воды, да и той воды, да и этой капли было много, а сегодня, благодаря позволенію, воды нахлынуло столько, что и насосъ вылетаетъ съ корнемъ, и поршень начинаетъ упираться отъ ея

напора, и самъ общественный труженикъ унесенъ, какъ щепка, этимъ вдругъ нахлынувшимъ потокомъ. И вотъ, погибая, онъ вопіетъ противъ губящей его стихіи, которую самъ же всю жизнь вызывалъ на Божій свѣтъ. Фактъ очень частый и ничѣмъ другимъ необъяснимый.

Указавъ на факты, подтверждающіе именно внезапность пришествія новыхъ идей, памятная книжка въ подтвержденіе того, что эта внезапность захватываетъ *всѣхъ*, и притомъ врасплохъ, также представляетъ аргументы по силѣ возможности. Въ то время, какъ нахлынувшія волны уносятъ, какъ щепку, дѣйствительнаго и много потрудившагося работника, заставляя его роптать на то, что отъ всей его дѣятельности не осталось и праху, тутъ же рядомъ съ нимъ этотъ же потокъ несетъ по тому же самому направленію толпы не только не работниковъ, не только не дѣятелей, но, очевидно, людей приневоленныхъ: кто не знаетъ этого визгу о собственномъ ничтожествѣ, этого воя о собственной немощи, ежеминутно оглашающихъ дни наши то тамъ, то сямъ? Книжонка можетъ привести множество примѣровъ, изъ которыхъ явствуетъ, что человѣкъ, гонимый новымъ временемъ, ничего не издаетъ кромѣ визгу, ничего не дѣлаетъ кромѣ именно «самаго стараго» и, ознаменовывая каждый приневоленный шагъ разнаго рода скверностями, ни на минуту не перестаетъ оплакивать эти скверности, сокрушаться о нихъ, продолжая дѣлать ихъ ежеминутно и ежеминутно о нихъ визжать?.. Какъ попалъ бы сюда, на эту новую дорогу, этотъ совершеннѣйшій обломокъ стараго, если бы его неожиданно, «хочешь-не-хочешь», не унесло сюда?

Если всякому знакомы эти визжащія фигуры, приводимыя моей книжонкой въ примѣръ всеобщности движенія, то точно также должны быть знакомы и фигуры другого рода, подтверждающія то же положеніе: это—фигуры людей, знающихъ, что время уноситъ ихъ по настоящей дорогѣ, и съ страшною силою воли заглушающихъ въ себѣ все, что въ натурѣ ихъ, въ ихъ привычкахъ, въ воспитаніи есть враждебнаго этому новому пути. Книжонка указываетъ на множество типовъ людей немолодыхъ, которые вяжутъ въ себѣ старое по рукамъ и по ногамъ, чтобы служить новому, хотя обыкновенно служатъ недолго, потому что постоянная война съ самимъ собой разрушаетъ тѣло и мозгъ. Работники, взявшіеся за работу потому, что некому, потому, что *надо* стоять на этой работѣ кому-нибудь, ставшіе на ра-

боту потому, что *нельзя* не работать, нельзя не служить дѣлу, для котораго еще нѣтъ настоящихъ работниковъ, такіе работники—довольно-таки примѣтныя фигуры въ этомъ громадномъ движеніи къ свѣту. И, къ счастью, въ такого рода людяхъ на русской землѣ нѣтъ недостатка. Книжонка указываетъ на кроткихъ, какъ агнцы, людей, людей неспособныхъ обидѣть мухи, которые однако являлись передъ публикой, напримѣръ, въ печати, чуть не кровопійцами и являлись потому только, что *надо* было являться такими, потому что настоящихъ не являлось. Книжонка указываетъ на множество людей, заглушавшихъ въ себѣ кротость для необходимой въ данную минуту вражды со зломъ, заглушавшихъ въ себѣ отвращеніе для необходимой теперь именно потому-то и потому-то любви... Все это, конечно, не первый сортъ, не первый нумеръ, но все это говоритъ о появленіи новой мысли врасплохъ, говоритъ и о силѣ и неотразимости этой мысли, заставляющей людей переламывать, уничтожать въ себѣ врожденное несочувствіе къ ней...

Эту движущуюся по новому пути толпу людей, большею частью вовлеченныхъ туда невольно, неожиданно, хочешь-не-хочешь, книжонка заканчиваетъ указаніемъ съ одной стороны—на типы, все понимающіе и ничего не могущіе, съ другой—на типы, ровно ничего не понимающіе, но *подавленные всѣмъ вообще.* На одномъ изъ составляющихъ книжонку лоскутовъ значится слѣдующее: «*Въ настоящее время очень дорогъ человѣкъ, съ которымъ можно свободно молчать,* т.-е. думать не разговаривая, и притомъ такъ, чтобы молчаливый гость не просто молчалъ, а тоже постоянно бы думалъ, но не говорилъ, такъ какъ разговоръ при такомъ положеніи дѣла всегда оказывается чистымъ вздоромъ и только конфузитъ обоихъ». Не знаю, по какому именно случаю записаны эти слова и кѣмъ именно произнесены они, только фигуры людей, въ полномъ смыслѣ *глубокомысленно молчащихъ*, мнѣ очень коротко знакомы. Не разъ встрѣчался мнѣ человѣкъ пожилой, много думавшій, видѣвшій много, знающій все, что выдумано мыслью относительно будущаго, знающій все, что выдумано тою же мыслью относительно невозможности этого будущаго, сознающій, какъ все это вѣрно и глубоко, и ежеминутно убѣждающійся, что изъ всего этого, какъ ни кинь—все клинъ. Я встрѣчалъ людей, молча обѣдающихъ другъ съ другомъ часа два-три, молча идущихъ по улицѣ цѣлыя версты и знающихъ, что они *обо многомъ* молчатъ въ это время,

даже какъ бы разговаривающихъ молча. Такой типъ—всегда старикъ, у котораго жизнь прожита, а остался одинъ голый умъ. Благодаря кой-какому достатку, сидитъ онъ гдѣ-нибудь въ своей квартирѣ у окна, или тихо идетъ по улицѣ, или чужимъ толчется на чужой сторонѣ, и все молчитъ, и цѣлые томы можно бы написать о томъ, «о чемъ онъ молчитъ».

А вотъ другой, совершенно ничего уже не умѣющій сообразить, но *всѣмъ* подавленный человѣкъ. Въ прошломъ году зимой явился въ Парижъ мѣщанинъ Б—въ, приказчикъ чайнаго магазина. Какъ добрался онъ сюда—рѣшительно непонятно; ни на какомъ языкѣ онъ не говорилъ ни одного слова, кромѣ русскаго. Это былъ молодой человѣкъ самой ординарной наружности приказчика, довольно чисто выбритый, по-гостинодворски одѣтый, очень кроткій, непьющій и на видъ вовсе не больной, хотя и задумчивый. Зачѣмъ онъ явился въ Парижъ? Онъ хорошенько не могъ объяснить, хотя, кажется, желалъ бы сказать многое, но, очевидно, не могъ... Не объяснивъ ничего относительно появленія своего въ Парижѣ, онъ обыкновенно замолкалъ, смотрѣлъ въ землю, теръ ладони и вдругъ скороговоркой произносилъ: «Больше ничего... застрѣлюсь!» Въ гостиницѣ, гдѣ онъ остановился, смерти его ждали со дня на день, и всѣ ходили безпрестанно въ его номеръ. Пришелъ и я. Я началъ разговаривать съ нимъ о чайномъ дѣлѣ: долго ли онъ служилъ, сколько получалъ жалованья, выгодное ли это дѣло? Б—въ говорилъ, отвѣчая на мои вопросы вполнѣ опредѣленно и ясно. Онъ даже увлекся и съ жаромъ принялся расписывать, какія штуки употребляются для поддѣлки чаю, какъ лучше всего обанкротиться и т. д. Онъ оживился, и ни единой капельки какой-нибудь болѣзни не было замѣтно ни въ его глазахъ ни въ его лицѣ. Невозможно было представить себѣ, чтобы у этого, такъ всецѣло поглощеннаго своею торговою спеціальностью человѣка была хоть тѣнь мысли о самоубійствѣ. Но, на бѣду, господинъ (тоже русскій), бывшій въ то же время со мной, совершенно неожиданно прервалъ разговоръ, сказавъ: «Нѣтъ, вы спросите-ка, отчего онъ застрѣлиться-то хочетъ?» Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ, очевидно, въ шутку, но Б—въ вдругъ измѣнился:—«Ну ужъ и стрѣляться!»—сказалъ я.—«Ничего не подѣлаешь!»—какъ бы въ отчаяніи произнесъ, измѣнившись въ лицѣ, бѣдный Б—въ и сталъ объяснять, почему именно ничего не подѣлаешь... Найти въ этихъ

объясненіяхъ какой-нибудь смыслъ или хоть чуть-чуть понять—не было никакой возможности. Если бы удалось стенографически записать все, что онъ говорилъ, и потомъ тщательно все перечитать и передумать, то и тогда едва ли бы получились какіе-нибудь мало-мальски удовлетворительные результаты... Вотъ, примѣрно, какъ онъ говорилъ и что именно: «Потому, такая линія... Что-жъ дѣлать!.. (Молчаніе). Одного платья сколько было—панталоновъ однихъ лѣтнихъ шесть паръ, у Корпуса... да что! Тьфу... Неужели изъ-за этого?.. Господи помилуй! вотъ ужъ стоитъ!.. Тьфу! (Молчаніе). Нѣтъ, а есть надъ человѣкомъ перстъ—вотъ что!.. Теперь я приказчикомъ, все хорошо... Приглашали къ Пеструхину на Невскій на семьдесятъ пять рублей... и съ удовольствіемъ принимали,—самъ не захотѣлъ!.. потому что... да что! Мѣста! Вотъ ужъ наплевать-то!.. (Молчаніе). Изволили бывать въ академіи художествъ? Ну, такъ тамъ есть одна картина... представлено, какъ страждетъ невинная дѣвица въ молодомъ своемъ возрастѣ, и какъ невинно... Ну, не стоитъ и говорить... Перстъ!.. Нѣтъ, тутъ особая штука... У меня это все нарисовано на планѣ... (плана онъ не показалъ, а сказалъ: все особенное). А то мѣста, панталоны!.. Господи, очисти живота отъ всего отъ этого... Одно осталось—музыка, оркестръ, серьезная игра!.. Послушать и помереть — вотъ! (Молчаніе). А вотъ, что правды нѣтъ ни капли—такъ ужъ это съ тѣмъ возьмите! Перстъ!.. Ловки, очень ловки они!.. Боже сохрани, какая канитель!.. Вы только посудите одно: былъ я на цвѣточной выставкѣ и вижу растеніе, фіалку... И думаю:—столь удивительно хорошо, столь премудро... Или, напротивъ того, возьмемъ человѣка, положимъ, хоть меня: прихожу къ хозяину: — «позвольте получить за два мѣсяца»... Да нѣтъ, нѣтъ—тутъ болтать нечего! Что пустое разговаривать... Послушаю музыки и съ Богомъ—на тотъ свѣтъ!» Вотъ, примѣрно, какъ и въ какихъ выраженіяхъ этотъ бѣдный человѣкъ объяснялъ причину необходимаго для него самоубійства. Слушая его, я ничего не понималъ, но не могъ не видѣть, что въ его бѣдной головѣ толпилось многое множество нежданныхъ-негаданныхъ мыслей, цѣлой тучей нахлынувшихъ въ его бѣдную слабую голову, искалѣченную узкой спеціальностью. Какой случай внесъ въ его сознаніе эти совершенно для него непереваримыя мысли—я не знаю; очень можетъ-быть, что это была какая-нибудь практическая неудача, рана, нанесенная мелкому самолюбію; но что

мученія его были серьезны и ничего «просто свинскаго» не заключали—это можно видѣть и изъ его безсвязнаго разговора и изъ факта его дѣйствительнаго самоубійства: Б—въ застрѣлился осенью того же года въ Павловскѣ. О смерти его напечатано въ дневникѣ происшествій всѣхъ русскихъ газетъ за сентябрь мѣсяцъ прошлаго года.

Около этихъ четырехъ-пяти главныхъ фигуръ—труженика мысли, погибающаго въ общемъ стремительномъ потокѣ движенія и ропщущаго на него; человѣка, уныло воющаго, оплакивающаго свои несовершенства и ежеминутно эти несовершенства предъявляющаго; того, который ломаетъ въ себѣ все неидущее къ задачѣ, считаемой имъ за подлинное дѣло; того, кто молчитъ и думаетъ, не видя для себя никакого исхода; и наконецъ того, кто не умѣетъ думать, а прямо пораженъ, задавленъ и разбитъ всѣмъ полчищемъ нахлынувшихъ на его бѣдную голову мыслей,—около этихъ главныхъ фигуръ группируется безчисленное множество разновидностей, въ которыхъ не трудно узнать при нѣкоторой внимательности черты, сходствующія съ вышеприведенными, особенно замѣтными типами. Одинъ не воетъ вслухъ, воетъ внутри себя; другой хотя и чувствуетъ, что его несетъ, сорвало, но не показываетъ виду, а притворяется, будто даже очень радъ, хотя и тотъ и другой въ сущности испытываютъ точно то же, что̀ и тѣ, которые воплями и ропотомъ, не церемонясь, оглашаютъ каждый шагъ, дѣлаемый ими на новомъ пути. Все это,—какъ разновидности, такъ и главные представители разновидностей,—все это составляетъ ту массу идущаго по новому пути народа, который загнанъ на этотъ путь неожиданно ставшими необходимостью идеями простоты и правды. Все это идетъ, страдая и болтая, упираясь и падая на пути, негодуя и злясь. Все это попалось въ лапы новымъ идеямъ и, хочешь-не-хочешь, своими глубокими страданіями, своимъ глубокимъ негодованіемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что эти новыя идеи, эти новыя потребности сердца пришли, вотъ тутъ гдѣ-то, и идутъ все ближе и ближе. Можно *на нихъ* лаять, можно *отъ нихъ* рваться, можно *ихъ* опровергать, можно *на нихъ* просто плевать, притворяться, что не видишь, можно просто не видать *ихъ*; но лаять, негодовать, бѣжать, опровергать, словомъ, продѣлывать все вышеизображенное «безъ нихъ» — никакъ ужъ невозможно.

II.

Всѣ эти толпы больныхъ, страдающихъ, стонущихъ и проклинающихъ, на которыя указываетъ памятная книжка въ подтвержденіе вывода, что настоящее время болѣе всего страдаетъ «сердцемъ», весь этотъ трудно занемогшій народъ не составляетъ однакожъ еще главнаго въ общей картинѣ этого необыкновеннаго нравственнаго движенія, которое къ тому же большею частью насильно втянуло его въ себя. Вся бѣда этого народа заключается почти только въ борьбѣ съ самимъ собою, съ собственными ненужными, мѣшающими освѣженному сознанію, старыми привычками. Несомнѣнная трудность этой борьбы, громадность массы народа, захваченнаго ею, могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что въ сознаніе русскаго человѣка вошло нѣчто большое, небывалое, что это небывалое—сильно и велико. Но ни громадность захваченной небывалымъ толпы ни самые размѣры страданій не могутъ убѣдительно доказать наблюдателю, что «новое и небывалое»—явленіе вовсе не случайное, а, напротивъ,—неизбѣжное. Поэтому всѣ муки и хлопоты, свалившіяся на случайно захваченнаго въ движеніе неплательщика, состоятъ какъ бы въ отвиливаніи, въ придумываніи разныхъ штукъ, чтобы какъ-нибудь обойти, дать другое направленіе уносящему его потоку. Мысль его постоянно работаетъ надъ всевозможными средствами, которыя бы облегчили ему эту борьбу; онъ постоянно норовитъ что-то гдѣ-то устроить, учредить, сдѣлать сначала то, а лѣтъ черезъ пятьсотъ это, тогда какъ все дѣло и вся бѣда заключается въ немъ самомъ, и не позже, какъ сію минуту, и время требуетъ передѣлки не на сторонѣ гдѣ-то, не въ какомъ-то чужомъ углу, а тутъ, въ сердцѣ самого неплательщика, куда съ такою настойчивостью пробирается идея хотя бы «полнѣйшей простоты и правды» въ человѣческихъ отношеніяхъ. А эта идея дѣйствительно идетъ, вырастаетъ сама собою и уже имѣетъ въ своей власти число сердецъ, ничуть не меньшее числа случайно занемогшихъ и захваченныхъ движеніемъ невольно. Памятная книжка даетъ немало указаній и на такихъ людей, у которыхъ уже нѣтъ никакой нравственной связи ни съ чѣмъ прошлымъ, у которыхъ ни капли нѣтъ себя для себя, у которыхъ есть только одно: невозможность существовать, не глядя дѣйствительности въ лицо прямо и смѣло и не повинуясь одной только сущей правдѣ.

Это—не спеціалисты новыхъ идей и новыхъ дѣлъ, знающіе доподлинно, что и къ чему; нѣтъ, это—простые, очень часто необразованные люди, стоящіе на новомъ пути почти одиноко; но люди, которые могутъ чувствовать только совершенно правдиво и только повинуясь владѣющей ихъ сердцемъ правдѣ, которые идутъ... куда?—я не знаю. Въ появленіи ихъ на свѣтъ нѣтъ никакой случайности, нѣтъ никакихъ постороннихъ вліяній; напротивъ, это—продуктъ самый чистый и самый послѣдовательный недавняго прошлаго,—продуктъ, явившійся именно тамъ, гдѣ прошлое особенно блистало своими наинепривлекательнѣйшими сторонами.

Беру изъ моей книжки наудачу небольшой отрывокъ, записанный со словъ одного русскаго человѣка, лѣтъ подъ тридцать, встрѣченнаго мною за границей года два тому назадъ.

III.

«...Вы вотъ все не вѣрите, думаете, что это только такъ, одна либеральная праздность, нежеланіе дѣлать какое-нибудь простое, но серьезное дѣло... Ужъ навѣрное (я знаю,—это я тысячи разъ слышалъ) вы думаете, что такъ вотъ, болтаясь да разговаривая разныя разности, я просто-напросто живу, ничего не дѣлая, на чужой счетъ—и все... И знаете, вѣдь такъ думаютъ иной разъ очень добрые люди... «Врешь, каналья»—и все тутъ... Или такъ еще: «Нахватался верхушекъ, прочелъ книжонку—и задралъ носъ... ну и, натурально, пошли эти разныя идолослуженія и все такое...». Главное, допекаютъ нашего брата деньгами; а деньги откуда ты берешь? «Попробовалъ бы ты, говоритъ, зарабатывать такъ, какъ я... повозился бы ты съ этой канителью, да тогда бы и разговаривалъ». Что отвѣчать на это, кромѣ того, что *не могу* я такъ, какъ вы, зарабатывать, что *не могу* жить такъ, какъ вы, потому просто, что нѣтъ у меня такихъ заботъ, такихъ огорченій, ради которыхъ я бы такъ испугался жизни, что взялъ бы да и подалъ прошеніе къ какому-нибудь православному жиду. Мнѣ ничего не нужно. Но именно этому-то и не вѣрятъ, да и вы не вѣрите... Еще вотъ какъ иные называютъ: «новомодное дармоѣдство», а одинъ дѣлопроизводитель по коммерческой части на какой-то желѣзной дорогѣ, гдѣ нѣтъ никакой коммерціи, такъ тотъ вотъ какъ ощетинился: «Вы,—говоритъ,—все равно, что странники преж-

няго времени: придетъ, напуститъ на всѣхъ туману, получитъ даяніе—и маршъ; а тутъ сиди да отрабатывай своимъ хребтомъ...» Очень все это натурально... Я только хочу сказать, что я именно и могу только, какъ вотъ дѣлопроизводитель сказалъ, туманъ пускать... Если бы я *могъ* не пускать его, я бы, разумѣется, гдѣ-нибудь на желѣзной дорогѣ очень обстоятельно доказывалъ отправителю, что, обливъ его рожь керосиномъ, я доставилъ ему только удовольствіе, и что не только мнѣ за это платить ему не приходится, но, напротивъ, еще онъ обязанъ мнѣ внести уйму рублей. Въ томъ-то и горе, а можетъ, и счастье, что не могу! Ужъ крѣпко сидитъ во мнѣ эта жажда туманъ распускать! А то бы почему окладами не побаловаться—самое любезное дѣло! И знаете ли: кто, какого рода человѣкъ воспиталъ меня такимъ образомъ? Отъявленный казнокрадъ, человѣкъ, вся жизнь котораго, почти вплоть до самой минуты, когда нежданно-негаданно онъ сдѣлалъ для меня добро, была длиннымъ безобразіемъ, исполненнымъ всякой самой отвратительной скверности старыхъ порядковъ... мой отецъ... Такова именно была жизнь моего отца... Лѣтъ до тринадцати я совершенно не зналъ его... Смутно помню какую-то фигуру, пьяную, на городскомъ извозчикѣ догоняющую нашъ возокъ, въ которомъ я и мать ѣхали въ деревню. Помню что-то небритое, осклабившееся въ окнѣ возка, что-то очень грубо говорившее съ матерью; помню, что я ревѣлъ, и что мать велѣла во всю мочь погонять лошадей... Не могу забыть какого-то звѣрскаго рева, несшагося вслѣдъ за мчавшимся возкомъ: пьяный городской извозчикъ и пьяная фигура—оба ревѣли и гнались, не щадя ни лошади ни своихъ глотокъ. Ревъ этотъ, эта неистовая скачка возка, эти комья снѣгу, врывающіеся въ окна возка и бьющіе меня, мать и няньку по головѣ, врѣзались въ моей памяти навсегда, какъ нѣчто ужасное, а главное, что это—отецъ... Представленіе объ отцѣ у меня съ этихъ поръ постоянно соединялось съ этимъ ревомъ, съ чѣмъ-то такимъ, отъ чего у меня замирало сердце... Къ этому неизгладимому впечатлѣнію чего-то ужаснаго и нехорошаго, по мѣрѣ того, какъ я вырасталъ, присоединялись новыя, уже осмысленныя причины ненависти къ нему; постоянно я видѣлъ предъ собой фигуру моей матери, окруженную фигурами разныхъ добрыхъ старушекъ, которыя только и дѣлали, что жалѣли ее... Моя мать никогда не жаловалась—она была безропотна... Она сохла и чахла

въ молчаливомъ сознаніи своего несчастія, всей трудности жизни. Несомнѣнно, она искренно страдала, но я потомъ разскажу кое-что о мотивахъ къ этимъ страданіямъ; теперь же,—что долгіе годы жалобъ, раздававшихся вокругъ моей матери и подтверждаемыхъ ея вздохами и дѣйствительными страданіями, привели меня, мальчика лѣтъ десяти-одиннадцати, къ такимъ мыслямъ: выросту большой, наживу много-много денегъ, куплю мамѣ большое имѣніе, она будетъ ѣздить въ каретахъ, и предводительша не посмѣетъ передъ нею пикнуть. Такія мысли я увозилъ съ собой изъ деревни въ городъ, въ гимназію; такія мысли руководили мною на школьной скамьѣ, и съ ними я опять возвращался домой... Всѣ тогда меня хвалили въ домѣ у матери, всѣ мнѣ говорили: «не сынъ, а ангелъ, утѣшеніе растетъ матери, примѣрный мальчикъ...» Примѣрнымъ меня называло начальство. Помню, что я дѣйствительно всей душой страдалъ за обиды и несчастія моей матери...

«Я забылъ сказать, что она жила въ деревнѣ, въ собственномъ небольшомъ имѣніи, верстахъ въ сорока отъ губернскаго города, въ которомъ я находился въ гимназическомъ пансіонѣ. Мнѣ некогда было быть ребенкомъ, проказить, шутить: у меня было дѣло, серьезная обязанность—счастье матушки... Серьезнѣе меня не было во всемъ пансіонѣ ни одного ребенка. Я не только серьезно былъ занятъ своею мыслью, но умѣлъ уже ненавидѣть тѣхъ, кто мѣшалъ мнѣ отдаваться моей цѣли... Я научился понимать людей, познакомился съ ихъ побужденіями, взглядами, научился презирать и жалѣть, словомъ—узналъ жизнь; но руководитель мой въ этихъ наблюденіяхъ, побудительная причина къ нимъ была «матушка», «много-много денегъ» и «утру носъ предводительшѣ».

«Переносилъ я обидъ и непріятностей много, много передумалъ, перечувствовалъ, и тринадцати лѣтъ могъ уже иной разъ дать матери моей хорошій практическій совѣтъ. Пріѣзжая въ деревню, я ужъ не могъ не страдать страданіями хозяина, настоящаго деревенскаго хозяина, ужъ меня тянуло входить во все.

«...Вотъ въ такую-то минуту моего развитія, однажды, когда я пріѣхалъ на праздникъ домой,—дѣло было за двѣ недѣли до Рождества, — случилось со мною такое происшествіе:

«Озабоченный горестями матушки по хозяйству, я на другой же день по пріѣздѣ, ранехонько, чѣмъ свѣтъ, вско-

чилъ съ постели и намѣревался отправиться развѣдывать о разныхъ хозяйственныхъ упущеніяхъ. Чтобы никого не безпокоить въ домѣ, я зашелъ умыться въ людскую. Какъ теперь помню, виситъ на веревкѣ въ грязныхъ и мокрыхъ сѣняхъ рукомойникъ; торопливо плещу я въ лицо холодною водою; около меня стоитъ старый-престарый кучеръ Филиппъ, съ полотенцемъ въ рукахъ, и слышу я сквозь плескъ воды, словно бы онъ всхлипываетъ. Поднялъ я голову, гляжу—плачетъ...

«—О чемъ ты?

«Только замоталъ головой и залился.

«Я изумился. У меня ужъ мелькнуло-было: «не шутки ли тутъ?» (я ужъ зналъ, что на нихъ не надо смотрѣть, не надо класть пальца въ ротъ и т. д.); но слезы у такого древняго старца тотчасъ отогнали эти невыгодныя мысли, и я опять спросилъ его:

«—Да что-жъ такое? О чемъ ты плачешь?..

«—Глянь-ка вонъ на плетень-то...—промолвилъ онъ, указавъ на сѣнную дверь и сжавъ запрыгавшія отъ волненія губы, точно старая старуха.

«Глянулъ я въ сѣнную дверь, вижу: плетень, половина его обвалилась; около плетня валяется полузанесенное снѣгомъ колесо; недалеко стоитъ бочка, за плетнемъ плетется какой-то старичокъ, должно-быть, больной, еле передвигая ноги по размякшему снѣгу и хватаясь за плетень старческой рукой. Пристально смотрѣлъ я, почти вытараща глаза, и на старичка, и на плетень, и на колесо, и все-таки не понималъ: о чемъ плачетъ Филиппъ и о чемъ тутъ возможно плакать?

«—Что-жъ тамъ?—проговорилъ я въ полномъ недоумѣніи.

«—Да вѣдь родитель это твой!—съ сильнымъ порывомъ глубокаго чувства завопилъ старикъ:—отецъ вѣдь твой...

«—Кто?

«—Да во-отъ нищій-то этотъ... Вотъ пробирается... Господи, Царица Небесная!

«Тутъ я дѣйствительно остолбенѣлъ.

«—Какъ?.. Этотъ?.. Отецъ?—безсвязно шепталъ я, весь какъ бы скованный, какъ холодъ вдругъ сковываетъ воду, и оцѣпенѣло глядѣлъ на нищаго-старика.

«—Онъ, батюшка, онъ!..—шепталъ Филиппъ.

«И вдругъ во всемъ моемъ окаменѣломъ тѣлѣ, по всѣмъ жиламъ (буквально «по всѣмъ»—я это чувствовалъ и никогда не забуду) пробѣжало что-то ужасно острое и,

главное, горячее (не жгучее, а именно горячее, какъ кипятокъ), жаромъ ударило въ голову, и заревѣлъ-заревѣлъ я!.. Изъ-подъ моей ранней практичности, изъ-подъ моей озабоченности хозяйственными дѣлами вдругъ вырвался ребенокъ; какъ солнышко изъ-за тучъ, выскочило, ярко пылая, простое дѣтское сердце. Такъ, какъ былъ, съ мокрымъ лицомъ, повалился я на какой-то мѣшокъ съ угольемъ и ревѣлъ. Я чувствовалъ ужасную жалость и ужасную вину. Чѣмъ виноватъ—я еще не зналъ, но сознаніе моей необыкновенной виновности я очень хорошо помню.

«—Второй годъ, родимый ты мой, вѣдь онъ здѣся-тко!..—шепталъ Филиппъ.—Маменькѣ-то Христа ради не донеси... Господи помилуй!.. Какъ не скажешь-то? Смотрѣть-то жалость одна! какой человѣкъ-то!.. Истинно, что Божій человѣкъ родитель твой—право слово... И знати и духу-то нѣтъ прежняго... что̀ стало!.. Маменькѣ-то не болтай, ради Христа... Пуще всего, чтобы ты не зналъ, всѣмъ наказано... Не въ примѣту чтобъ, тихимъ манеромъ надобно повидаться... вотъ какъ... А не болтай... а повидаться—повидайся... родной вѣдь отецъ, самъ ты посуди... охъ... и на что и сказалъ-то!..

«Каждое слово Филиппа наполняло меня чѣмъ-то совершенно новымъ, что̀ однакожъ увеличивало мои слезы каждую минуту, и помню, что мнѣ необыкновенно хотѣлось плакать... И гимназія, и мать, и товарищи, и мои заботы, и хозяйскія хлопоты, и отецъ *тотъ*, который лѣзъ въ возокъ, и отецъ *этотъ*—все это проходило безпорядочною толпою въ моемъ мозгу и гнало потоки слезъ... Что-то простое и теплое принесла эта сцена въ мою душу, которую до этой минуты все пріучало ожесточаться, хотя тоже во имя любви...

«—И не радъ, что сказалъ-то!—хлопая себя по бедрамъ, шепталъ Филиппъ тревожно.—Ну, придутъ... увидятъ... Ахъ, дуракъ старый, дырявый мѣшокъ... Хоть въ другое мѣсто пошелъ бы, все бы не такъ... барчукъ! а барчукъ! Ахъ, и дѣла только... Ну, семъ въ сарай бы пошелъ... Право, въ сарай-то способнѣй... Митрофанъ Петровичъ! барчукъ!.. У-эхма-а!..

«Какъ ужъ я очутился въ сараѣ—не помню. Должно-быть, Филиппъ просто взялъ меня за руку и привелъ туда.

«—Ну, вотъ такъ-то лучше будетъ...—сказалъ онъ и сталъ ожидать уже молча окончанія моихъ слезъ.

«Не буду разсказывать, какъ моя мать и ея пріятельницы заахали, увидавъ мои опухшіе глаза, какъ они приняли это за простуду, уложили меня въ постель, принялись лѣчить и т. д. Кромѣ величайшей тоски я не испытывалъ ничего отъ всего этого, но терпѣлъ, ожидая дня, когда увижу отца, и придумывалъ всевозможные планы, чтобы достигнуть этого свиданія. Двѣ недѣли однако пришлось мнѣ проболѣть ожиданіемъ этого свиданія, потому что двѣ недѣли продержали меня дома, не выпуская изъ комнаты. Наконецъ на праздникахъ, передъ Новымъ годомъ, я такъ настоятельно заявилъ о своемъ здоровьѣ, что мнѣ ужъ не пытались возражать.

«Прежде всего я отправился, конечно, разыскивать Филиппа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ придумать случай выѣхать изъ нашей деревни; дѣло въ томъ, что отецъ жилъ въ деревенькѣ, версты за двѣ отъ нашей, въ семьѣ одного дворовaго человѣка. Скоро предлогъ былъ отысканъ: въ хозяйствѣ оказался недохватъ какого-то продукта, не то веревокъ, не то дегтю—и надо было ѣхать за ними въ большое торговое село Покровское. Покровское лежало совершенно въ противоположной сторонѣ отъ той деревни, гдѣ жилъ мой отецъ, но мы рѣшили, закупивъ въ Покровскомъ, что было нужно, не мѣшкая ѣхать назадъ, а затѣмъ, свернувъ съ дороги, объѣхать нашу усадьбу и хоть на короткое время, но непремѣнно завернуть къ отцу.

«Все было сдѣлано такъ, какъ мы придумали. Всю дорогу,—и въ Покровское и обратно,—продолжавшуюся добрыхъ пять или шесть часовъ, — я ни минуты не былъ спокоенъ: предчувствіе какого-то переворота, имѣющаго совершиться въ моей жизни, держало меня въ постоянно напряженномъ состояніи... Филиппъ, сидѣвшій въ саняхъ рядомъ со мной, постоянно говорилъ про отца: отъ него я узналъ, какой это былъ звѣрь «характерный» въ молодости, какъ онъ маменьку обижалъ, какъ онъ маменьку бросилъ, имѣя большія деньги, гдѣ-то прокутилъ ихъ, пришелъ въ деревню весь въ долгахъ; но маменька его не приняла, а только дала на дорогу въ городъ; какъ потомъ, спустя много лѣтъ, онъ опять явился, но ужъ совсѣмъ другимъ: тихимъ, робкимъ, безъ всякихъ признаковъ буйнаго духа, и уже попросилъ у маменьки только помочи въ съѣстномъ продуктѣ, самъ обѣщался не касаться ни до нея ни до имѣнія, а сталъ жить «по-христіански», то-есть по-мужицки, съ мужиками, у старыхъ своихъ дворовыхъ людей;

живетъ, какъ простой мужикъ, лапти точаетъ, зимой ребятишекъ учитъ, а лѣтомъ работаетъ, когда въ силахъ, и лѣчитъ... Филиппъ особенно восхвалялъ его даръ лѣчить и приводилъ безчисленные примѣры удивительныхъ исцѣленій. Говорилъ онъ, что отецъ принесъ отъ святыхъ мѣстъ какую-то книгу, въ которой сказано «все», и вотъ эта-то книга особенно помогаетъ ему въ его врачебномъ искусствѣ... Изъ разсказовъ Филиппа я убѣдился, что отецъ мой пользуется въ народѣ славою человѣка, обладающаго громадными свѣдѣніями, чуть ли не такими, какими обладаетъ только колдунъ. Филиппъ даже и этотъ эпитетъ попробовалъ-было приложить къ моему отцу, но спохватился... «И-и! какъ это можно!.. только дураки и болтаютъ такъ-то... «колдунъ, колдунъ»... знамо, по глупости, а прямо сказать:— божественный человѣкъ... все съ молитвой, все крестомъ... Нешто такъ колдунъ можетъ?.. Тотъ все съ чернымъ словомъ... Опять же у святыхъ мѣстъ былъ, да и опять собирается... Не можетъ этого быть!» Разговоры и разсужденія Филиппа не прекращались до самаго въѣзда въ деревеньку, гдѣ жилъ отецъ...

«Были сумерки... По деревенской улицѣ, загроможденной сугробами, носились тучи и столбы мелкаго, промерзлаго снѣгу... Былъ морозъ и вѣтеръ... Огня въ деревнѣ не было нигдѣ. Тамъ и сямъ на снѣгу чернѣли кучки ребятишекъ съ ледянкой или санками, и въ перемежкахъ вѣтра слышались ихъ спорящіе голоса... Я все это помню какъ нельзя лучше... Не забуду минуты, когда сани по рыхлымъ сугробамъ стали подъѣзжать къ длинному, въ шесть оконъ, дому. Какъ нарочно, въ эту минуту вѣтеръ совершенно упалъ, стало невозмутимо тихо; неслышно ступала лошадь по глубокому снѣгу, не слышно было полозьевъ — домъ стоялъ темный и молчаливый; огня въ немъ не было; крыльцо было заперто и занесено снѣгомъ; мы взбирались по немъ, какъ по перинѣ, безъ малѣйшаго шума. Но въ продолженіе этой минуты почти мертвой тишины сердце мое било меня въ грудь словно молотомъ, а кровь съ какимъ-то свистомъ въ ушахъ приливала къ головѣ...

«Вы думаете, пожалуй, что я, изображая такъ подробно минуту, предшествовавшую моей встрѣчѣ съ отцомъ, представлю вамъ и родителя моего въ какомъ-нибудь особенномъ видѣ, производящемъ нравственное потрясеніе какими-нибудь необыкновенно сильными и оригинальными свойствами своей натуры, мысли?.. Нѣтъ, ничего подобнаго не

будетъ!.. Переворотъ въ моихъ взглядахъ начался дѣйствительно съ минуты этого перваго свиданія съ нищимъ-отцомъ, но именно, можетъ-быть, и начался-то только потому, что я попалъ съ этой минуты въ среду самыхъ простыхъ людей; все тутъ было такъ голо, просто и ясно, что никоимъ образомъ не могло произвести такъ-называемаго потрясающаго впечатлѣнія. Было только впечатлѣніе новой для меня простоты—и больше ничего.

«Филиппъ долго грохоталъ кольцомъ въ сѣнную дверь прежде, нежели заскрипѣла дверь и какой-то женскій голосъ спросилъ:

«— Кто тамъ?

«— Отвори-ка-сь, Марья Андреевна, свои... Филиппъ...

«— О-о... сейчасъ, дай башмаки надѣть...

«— Ладно. Поторапливайся...

«— Сейчасъ, сейчасъ...

«Скоро, дѣйствительно, послышались въ сѣняхъ торопливые шаги; засовъ стукнулъ, и передъ нами, сколько можно было разобрать въ темнотѣ, очутилась высокая пожилая женщина въ шубейкѣ на плечахъ.

«— Съ кѣмъ Богъ принесъ?

«— Дома, что-ль, Петръ-то Василичъ?—задыхаясь и волнуясь чуть ли не болѣе меня, произнесъ Филиппъ.

«— Ишь спитъ... Недужаетъ поясницей.

«— Взбуди-ка-сь... Сынокъ яво...

«— Охъ, батюшки родимые!.. Неужто Митрофанъ-то Петровичъ?

«— Я...

«— Охъ, отцы наши... Какъ же это?

«— Взбуди, ничего... Время-то на счету, потревожь, ничего...

«— Охъ... что-жъ это?.. Надо возбудить. Подожди-ка-сь, я пойду...

«Волненіе обуяло и эту женщину. Помню, что въ темныхъ сѣняхъ, гдѣ мы ждали, отворялись двери то направо, то налѣво, выходили какіе-то люди... Кто-то кого-то звалъ, торопливо шелъ куда-то... Словомъ, помню какую-то вдругъ поднявшуюся суматоху, показавшуюся мнѣ необычайно долгой, покуда наконецъ меня не позвалъ со свѣчкой въ рукѣ какой-то старичокъ, весь въ слезахъ, весь въ лихорадкѣ и растерянный до послѣдней степени...

«Это и былъ мой отецъ.

«Между нами произошла не встрѣча, а, прямо сказать,

свалка: обхватывалъ онъ меня и за шею, и подъ мышку къ нему какъ-то попадала моя голова, и онъ то цѣловалъ мой затылокъ, то уши мои сжималъ и тянулъ голову кверху, и ронялъ теплыя слезы и на лицо мое, и на шею, и на затылокъ... Всхлипыванья раздавались во всѣхъ углахъ сѣней, но никто почти не произносилъ ни слова... Отецъ только шевелилъ губами, но ничего произнести не могъ.

«Не помню, какъ уже мы очутились въ комнатѣ, т.-е. въ большой, довольно ветхой избѣ, раздѣленной перегородкою на три части. Въ комнатѣ у отца былъ длинный и узенькій столъ изъ двухъ тесинъ, — столъ, очевидно, для учениковъ, потому что весь былъ изрѣзанъ и исписанъ разными рожами и каракулями; по бокамъ его стояли двѣ длинныя лавки, въ углу самодѣльная кровать, т.-е. такія же тесины, приколоченныя однимъ концомъ прямо къ стѣнѣ и подпертыя съ другого бока двумя чурками. На такой кровати валялся полушубокъ, а въ головахъ — большая, ужъ вовсе не деревенская подушка; впослѣдствіи я узналъ, что подушка эта принадлежала женщинѣ, отворявшей намъ дверь.

«Въ эту комнатку мы вошли цѣлой гурьбой: отецъ, я, Филиппъ, парень какой-то, какіе-то ребятишки, женщина въ шубейкѣ и еще нѣсколько женщинъ и мужчинъ, — все это были сожители отца, поднятые изъ темныхъ угловъ большого дома нашимъ неожиданнымъ пріѣздомъ. Чтобы отношенія моего отца къ этой крестьянской семьѣ были ясны, я теперь же скажу о нихъ то, что̀ узналъ только впослѣдствіи. Домъ и хозяйство принадлежали брату той женщины, которая намъ отворяла. Братъ этотъ,—звали его Никифоръ,—будучи крѣпостнымъ, сумѣлъ чѣмъ-то угодить господамъ, былъ отпущенъ на волю, перебрался на житье въ городъ и долгое время жилъ въ извозчикахъ—хозяиномъ. Ему постоянно везло счастье, постоянно «утрафлялъ» на хорошихъ господъ,—словомъ, умѣлъ наживать деньгу, которую и посылалъ старикамъ и братьямъ въ деревню. Старики выстроились, и домъ ихъ считался самымъ богатымъ, покуда шелъ этотъ притокъ денегъ изъ города и покуда старики крѣпко держали въ рукахъ домашніе порядки. Съ освобожденіемъ крестьянъ и смертью стариковъ, порядокъ домашній ослабъ. Старшій братъ, извозчикъ, воротившись изъ города, поотвыкъ отъ деревенскаго хозяйства, а, главное, вожжаясь съ «хорошими господами», и самъ поиспортился, поразвратился, любилъ выпить и любилъ побуянить,

какъ глава; другіе братья стали дѣлиться, и теперь весь домъ держался почти только старшей сестрой, женщиной (она не была замужемъ) съ характеромъ (ее звали почему-то раскольницей), много натерпѣвшейся въ крѣпостномъ правѣ и сохранившей къ нему глубокую ненависть... Кажется, въ тѣ дни, когда мой отецъ былъ тоже въ числѣ хорошихъ для извозчика, ея брата, господъ, было что-то у него съ нею... Сужу такъ по ея сильной къ нему привязанности, постоянному заступничеству за отца передъ всѣми, кто посмѣлъ бы сказать хоть шутливое слово относительно его теперешняго положенія. Ненависть ея къ прошлому постоянно поддерживала ея уваженіе къ настоящему положенію отца, и она всегда стояла за него горой, если иной разъ ея братъ, бывшій извозчикъ, которому отецъ немало въ свои хорошіе дни переплатилъ денегъ (извозчикъ—тотъ самый, на которомъ отецъ догонялъ насъ съ матерью когда-то), въ пьяномъ видѣ затѣвалъ съ нимъ какую-нибудь исторію, всегда имѣвшую оттѣнокъ насмѣшки надъ господами, которымъ вотъ теперь и мужичку стало надо поклониться и уголка попросить. Впрочемъ, такія насмѣшки были не особенно часты; въ трезвомъ видѣ Никифоръ не могъ не поминать отца добромъ: заработалъ онъ съ него много, да и вообще весь домъ, все крестьянство, знавши исторію отца, не могло не цѣнить и дѣйствительно цѣнило, какъ я впослѣдствіи убѣдился, его рѣшимость покарать свое прошлое такой жизнью. Всѣ обитатели Иванова дома, сосѣди и крестьяне сосѣднихъ деревень, всѣ почти съ благоговѣніемъ разсказывали про ту минуту, когда отецъ мой, когда-то бывшій бариномъ, жившій во всю барскую спесь, пришелъ съ котомкой за плечами простымъ странникомъ къ простому мужику и сказалъ:

«— Ну, Никифоръ, корми, братъ, меня!.. Буду помогать, покуда сила есть; приказывай, а туда (т.-е. къ матери и опять «въ господа»)—я ужъ не пойду...

«— Вѣдь чего это стоитъ! — говорилъ всякій, знавшій эту исторію.

«Всякій зналъ, какъ трудно каяться, тѣмъ паче — барину... Въ домѣ такимъ образомъ жили: Никифоръ, его сестра Марья Андреевна и мой отецъ въ одной половинѣ, а въ другой сторонѣ— старуха-бабка и средній братъ съ женой и дѣтьми... При домѣ былъ работникъ и работница, какая-то дальняя Никифору родня, солдатка.

«Вотъ вся эта компанія и явилась въ каморку отца за

перегородку: всѣ стояли толпой, ожидая, что̀ будетъ происходить между нами. Всѣ были очень тронуты, а маленькія дѣти, такъ тѣ прямо были испуганы и не вѣдали, что̀ такое творится?.. Но ничего особеннаго не произошло. Отецъ держалъ меня у себя на колѣняхъ, что̀ мнѣ было очень неловко: я былъ вѣдь ужъ большой, а отецъ чуть не нянчилъ меня, какъ маленькаго ребенка. Онъ гладилъ меня по головѣ, плакалъ и поминутно шепталъ: «Ну, слава Богу... слава Тебѣ, Господи... И не чаялъ!.. И въ мысляхъ-то не было увидать, а ужъ ныло сердце, ужъ ныло... Ну, слава Тебѣ, Господи!.. Спасибо... Спасибо, Филиппушка!..» Я былъ очень смущенъ тѣмъ, что вдругъ обратился въ маленькаго ребенка, которому расточаются такія безумныя ласки; но все-таки, несмотря на смущеніе, мнѣ удалось подробно разглядѣть отца. Глаза его прежде всего обратили мое вниманіе: это были глаза человѣка, у котораго угасъ оживлявшій ихъ когда-то огонь; это были блѣдные, тусклые, необыкновенно наивные, почти дѣтскіе глаза. Тогда мнѣ показалось, что онъ не въ «полномъ разумѣ» — такъ ужъ я привыкъ считать «полнымъ разумомъ» взглядъ, въ которомъ «надо» угадывать что-нибудь, который сейчасъ же даетъ знать, что о тебѣ думаютъ такъ-то и такъ-то, и заставляетъ настораживаться, заставляетъ отвѣчать такимъ же означающимъ что-нибудь взглядомъ, ходить съ той масти, которую ходятъ къ тебѣ... Тутъ же былъ именно дѣтскій взглядъ, взглядъ «неполнаго ума», оставляющій тебя совершенно свободнымъ, не поднимающій въ тебѣ никакой жажды пойти съ той или другой карты, потому что игры-то тутъ никакой нѣтъ: просто смотритъ на тебя человѣкъ, слушаетъ тебя, вѣря каждому слову, понимая то, что̀ непонятно, и отвѣчаетъ такъ же просто на то, что̀ слышалъ и понялъ, отвѣчаетъ такъ, какъ понялъ. Такой взглядъ меня конфузилъ; я былъ ужъ развитъ настолько, что ужъ умѣлъ «дать замѣтить» или «не дать»; словомъ, ужъ пріучилъ себя къ достаточному количеству разныхъ пріемовъ лжи и умѣнью сохранить среди нихъ свою цѣль. У отца этого не было. Оно уже пропало. Мнѣ было неловко этого простого взгляда и стыдно за мое умѣнье понимать «не простые».

«Стоило разъ взглянуть въ эти глаза, чтобы у меня на вѣки вѣковъ исчезло воспоминаніе о томъ ужасномъ отцѣ, который гнался за нами когда-то. Добродушный взглядъ, худенькій, короткій полушубокъ, какой носятъ солдаты, борода почти вся сѣдая, голова почти голая и какое-то

изможденіе всего тѣла этого старика поселяли сразу необыкновенную жалость. Такъ и хотѣлось увезти его отсюда, изъ этой неуютной длинной комнаты, съ лубочными картинами и тараканами, съ этимъ народомъ, совершенно чужимъ для меня въ ту пору... Эта мысль — увести его домой, уговорить мать помириться—сильно овладѣла мною; но среди моихъ напряженныхъ мечтаній о томъ, какъ сдѣлать, произошелъ разговоръ, который заставилъ меня призадуматься надъ необходимостью и благодѣтельностью этой мѣры.

«Продолжая ласкать меня, отецъ, не осушавши глазъ, спросилъ наконецъ:

«— Мать-то знаетъ ли?

«— Ни-ни, Боже мой! — не давъ отвѣтить мнѣ, убѣдительнѣйшимъ шопотомъ произнесъ Филиппъ. — Ни-ни-ни, сохрани Богъ...

«— Ну, и слава Богу... Ужъ потаись отъ нея, братъ...— прибавилъ отецъ, обращаясь ко мнѣ.

«— Какъ можно!—сказала Марья: — да тогда она насъ со свѣту сживетъ... и-и-и...

«— Ну что тамъ, — продолжалъ отецъ:—чего сживать... У нея своя часть, у меня своя... Я вины моей не таю передъ нею, а что только мѣшаться не хочу!.. Будетъ!..

«— Живого мѣста не оставитъ,— продолжала Марья:— ужъ намъ довольно извѣстенъ ейный характеръ... Слава Богу...

«Не безъ значительной ненависти были произнесены эти слова; но отецъ, казалось, не слышалъ и продолжалъ:

«— Ничего, какъ есть ничего-то мнѣ не надо. И за то благодаренъ, что теперь-то даетъ—слава Богу! Больше мнѣ ничего не нужно! Довольно пожадничалъ на своемъ вѣку... будетъ!

«— Пожадничалъ да покаялся!—прибавила Марья значительно.

«— Это пуще всего!—присовокупилъ Филиппъ: — это у Бога за самое первое сочтено...

«— И пожалуйста ужъ,—продолжалъ отецъ:—и ты-то не разжалобься! Ей-Богу, ей-ей тебѣ говорю, ничего не надо... И не пойду я туда никогда... Я-было ужъ совсѣмъ ото всего отъ этого отвыкъ... Да и есть, что отвыкъ ужъ. И трогать-то васъ не мечталъ... Тебя только иной разъ поглядишь... Видывалъ я тебя-то!..

«— И-и матушки, что слезъ-то бываетъ! — проговорила

Марья.—Какъ увидитъ гдѣ случаемъ—и плачетъ... Нажгутъ они его тамъ, говоритъ,—пуще собаки сдѣлаютъ...

«— Ну, будетъ, Марья, эко нашла объ чемъ....

«— Съ чего-жъ не сказать? тамъ ужъ и такъ, надо-быть, напѣто ему про тебя...

«— Ужъ да-алл-жно быть!—протянулъ сразу весь хоръ.

«— Да и надобно, а какъ ты думаешь! — обратился къ хору отецъ:—хвалить что ли меня надо?..

«— Ужъ что за худое хвалить!

«— А что ужъ хотѣлъ все это оставить, прекратить, — продолжалъ отецъ прерванную рѣчь свою:—вотъ и наказываюсь... Какъ же я могу въ эвтакую жизнь хоть бы и сына родного сбивать? Мнѣ-то она по сердцу, а другому и совсѣмъ не годится—зачѣмъ? Другому-то, можетъ, и каяться не въ чемъ, такъ какъ же я его силкомъ-то возьму?.. Такъ и отрѣзалъ. Не стану вамъ, молъ, мѣшать — только и вы мнѣ ужъ дайте хоть послѣдній конецъ жизни по совѣсти пожить... И Бога ради—и не хлопочите, и въ умѣ не имѣй обо мнѣ,—прибавилъ отецъ, опять обращаясь ко мнѣ: — и даже, передъ Богомъ говорю, и вспомнить-то боюсь, ну-ка да опять въ господскую шкуру попасть—и подумать-то объ этомъ страшуся... Тамъ—все мало, все недохватъ, все надо больше... Все забудешь, точно пустыня кругомъ тебя — только и глядишь, нѣтъ ли гдѣ чего тебѣ подходящаго... Я ужъ это знаю—о-охъ, какъ знаю... маменька твоя — не осужденіе говорю: мнѣ ли кого судить?—а нельзя утаить— препугливая женщина... Есть, другъ ты мой, этакія женщины, что окромя страха жить на бѣломъ свѣтѣ — ничего у нихъ нѣту: точно вотъ завтра гибнешь... Я помню, какъ я женился на матери-то на твоей; такъ что-жъ, братецъ ты мой? Чуть не на другой день послѣ свадьбы ровно бы чего испугалась, ровно бы вотъ сдѣлала грѣхъ какой! Страсть какъ пуглива была до жизни!.. Такъ ей все представлялось, словно бы среди лютыхъ людей живешь: раскрадутъ, растащутъ, разворуютъ, пустятъ по міру, обидятъ, подведутъ, и видимо-невидимо всего этого представлялось ей... веселаго лица и въ первый день-то не видалъ — передъ Богомъ! Кажется, такъ поглядѣть — никакой бѣды нѣтъ нигдѣ, и сама она видитъ, что нѣтъ,— такъ вѣдь такой характеръ пугливый, начнетъ за десять лѣтъ впередъ убытки высчитывать, да такъ высчитаетъ, что только сердце замретъ, думаешь: ну, пропалъ... «Что ты за людьми не смотришь? вонъ у сосѣдей сожгли хлѣбъ, и у тебя подожгутъ; чѣмъ

будешь жить, чѣмъ отдашь?—такой-то не подождетъ, имѣніе отниметъ, пуститъ по міру, куда дѣнешься? Отецъ ужъ не дастъ, на тетку не разсчитывай...» То-есть страсть что высчитываетъ... слушаешь, слушаешь, просто даже ощетинишься — думаешь: нѣтъ, проклятые, не дамся я вамъ въ обманъ, и пойдешь обдѣлывать дѣла! Тамъ подрядъ схватишь, обдуешь (что ужъ церемониться), тамъ что еще подвернется—ужъ не разбираешь! Сосѣдъ подвернется—сосѣда, мужикъ — мужика; со всѣхъ, что подъ руку попадетъ, цапаешь... потому — страсть! кромѣ страху жить на свѣтѣ, ничего нѣтъ — ну, и свирѣпствуешь... Такая ужъ была у ней душа пугливая: все на нее идетъ, идетъ ее обижать! Ну, молодъ былъ, жалко: нахватаешь на службахъ, на мѣстахъ, на подрядахъ—успокоишь... Только чуть-чуть затихло, а ужъ въ головѣ опять у нея начинается какая-нибудь новая страсть: гляди—ужъ на тридцать, а то и на сорокъ лѣтъ бѣду раскидываетъ впередъ... И опять перепугаешься... А тамъ устанешь, очнешься, думаешь: да за что-жъ это, Господи? Зачѣмъ я народъ-то обижаю? что я за звѣрь? И такъ станетъ скверно, такъ горько—и пустишь по вѣтру все, что натащилъ...

«Сдержанный радостный смѣхъ слышался въ толпѣ зрителей...

«— Начнетъ душа-то оттаивать—и пошло! Ну, ужъ тутъ... и вспоминать страшно! И слава Тебѣ, Царю Небесному Создателю, вразумилъ меня Господь! Отшибъ онъ у меня эту жадность, этотъ страхъ жить на бѣломъ свѣтѣ... Чего мнѣ надо? Вонъ попъ мнѣ за лѣченіе подарилъ валенцы—вотъ мнѣ и тепло всю зиму... Сейчасъ вотъ Мишутку азбукѣ выучилъ — вотъ у меня кошолка яицъ — и сытъ я... Чего мнѣ? За что мнѣ лютовать съ бѣлымъ свѣтомъ? Изъ-за чего звѣрствовать?.. Что лучше: ударить пса палкой, или хлѣба ему дать?.. Господи батюшка! да изведи же меня изъ этого омута! Вотъ Господь и помогъ мнѣ... И ничего-то, ничего-то мнѣ не надо... Ходи ко мнѣ, погляди, какъ простые люди живутъ, — и ты вѣдь тожъ случаемъ въ непростыхъ-то,—а къ себѣ не зови... нѣтъ, сохрани Богъ!.. Тамъ сейчасъ ожесточишься... лапти сними—купи сапоги, шубу, съѣзди къ тому-то... И-и-и пошло... Весь вывернешься, какъ змѣй, въ одну недѣлю... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... У меня вотъ тутъ ребятишки, больные... вотъ лѣчебникъ, я съ нимъ добра сдѣлаю много... У меня вотъ шляпа поярковая, коровьимъ составомъ я ее вымазалъ, запекъ въ

печи—она у меня на двѣсти лѣтъ, а тамъ, въ нашихъ-то мѣстахъ, отдай пять да десять... да невѣдомо сколько другого причендалу потребуется хоть бы къ одной къ одежѣ... Не надо этого... Стыдно! Вотъ ребятишки иной разъ листа бумаги ждутъ по полугоду, а я буду въ лорнетъ смотрѣть?

«Всѣ захохотали.

«— Нѣтъ, нѣтъ...—продолжалъ отецъ. — Я хочу просто. «Ожесточилося сердце ваше!» — вотъ что сказано въ писаніи... И вѣрно... Я знаю, что говорю. Я всю жадность эту перепробовалъ: дай волю — конца ей нѣтъ, этой жадности... а зачѣмъ?.. Нѣтъ, Митрофанушка, ужъ ты меня не выдай, не жалобься, не жалѣй... Право, мнѣ хорошо... Думаешь—что бы добраго сдѣлать... а вѣдь тамъ это трудно!.. Одной зависти сколько... да что... И вспоминать-то не хочется... Разскажи-ка ты, хорошо ли учишься-то?.. Чему учатъ-то васъ?.. Марья? что же ты? авось самоварчикъ надо...

«Марья точно проснулась вдругъ, да и всѣ точно очнулись.

«— И что-жъ это я, матушки мои?—спохватилась Марья Андреевна и тотчасъ подняла суматоху съ самоваромъ. Народъ, понявшій, что «самое любопытное» кончилось, понемногу отхлынулъ. Остались вмѣстѣ только я съ отцомъ, да Филиппъ, да парнишка лѣтъ 13-ти. Я что-то разговаривалъ про гимназію, меня слушали прилежно; но я видѣлъ, что меня не понимали и что все, что я говорю, вовсе тутъ не нужно и неинтересно. Отецъ, какъ я понялъ, просто наслаждался тѣмъ, что видѣлъ меня, что слышалъ мой голосъ, но едва ли находилъ что-нибудь интересное въ моихъ словахъ. Филиппъ, усѣвшись къ столу и положивъ на него локти, только щурился и наконецъ не вытерпѣлъ:

«— Эка наукъ-то у васъ, въ емназіи... Что ужъ, на что такъ-то! Больно много... Право, ей-Богу...

«Отецъ только покрутилъ головой...

«— Нѣтъ,—перебилъ онъ Филиппа:—у насъ вотъ съ Мишуткой все недостатки... Вотъ теперича гражданской печати нужна книжка, а ея нѣту...

«— Какую книгу вамъ надо? Я привезу... — сказалъ я.

«— Да какую-нибудь историческую, русскую бы исторію, ежели есть... Намъ изъ старыхъ, если случится, мы не брезгуемъ... Ходилъ я въ городѣ по книжнымъ лавкамъ — рубъ да два—меньше нѣтъ, хоть ты вотъ что...

«— Я вамъ привезу, какихъ хотите.

«— Ты ужъ давай какія ненужныя. А мы за тебя Бога помолимъ съ Мишуткой...

«Мишутка, тринадцатилѣтній паренекъ, находившійся въ этой же комнатѣ, весь вспыхнулъ, даже вспотѣлъ отъ извѣстія о книгахъ, которыя я обѣщалъ прислать... А я почувствовалъ, глядя на эту радость, что-то сильное въ сердцѣ — вотъ я могу сдѣлать такъ, что обрадую, осчастливлю... Сквернымъ манеромъ пробудилась во мнѣ мысль быть полезнымъ другимъ — а ужъ пробудилась, и за то я благодарю этого обрадовавшагося Мишутку.

«— Азбучковъ, — продолжалъ между тѣмъ отецъ: — грифельковъ бы охъ бы намъ хорошо тоже... да гдѣ! Ужъ только бы мать не догадалась, избави Богъ—и такъ какънибудь... Тутъ одна дѣвочка Марѳутка, семилѣтняя, ухъ зла учиться-то! ну—бѣдность! Все углемъ учится на стѣнѣ— вонъ посмотри...

«Я поглядѣлъ: вся стѣна была измазана углемъ.

«— Нѣту!—какъ-то безпомощно произнесъ отецъ: — что будешь дѣлать!.. Бѣдность! И уголь-то еще дадутъ ли... Намедни вотъ Марья и то закричала на нее: — «что ты тутъ все таскаешь? не напасешься»... Вотъ какъ у насъ насчетъ этого...

«Отецъ засмѣялся. Я былъ удивленъ.

«— Идѣ-жъ взять-то!.. Мать-то, чай, сама по-міру ходитъ?—продолжалъ Филиппъ.

«— А то что-жъ? о какихъ тутъ грифеляхъ думать?.. Что меня есть — даю, а ужъ чего нѣтъ—ну, не взыщи... Вотъ священныхъ исторій тоже безпремѣнно бы надо.

«— Я привезу непремѣнно! — сказалъ я, чувствуя, что меня съ каждой минутой захватываетъ жажда помогать и дѣлать что-нибудь доброе въ дѣлѣ, совершенно для меня чужомъ; этого до сихъ поръ я еще не испытывалъ и потому такъ же радостно вспотѣлъ отъ новаго ощущенія, какъ и Мишутка.

«— Охъ,—сказалъ отецъ, вздохнувъ:—много, много надо... И ничего-то нѣтъ... Ну, зато ужъ,—вдругъ необыкновенно радостно воскликнулъ онъ: — ужъ и разжился я штучкой одной... Погляди-ка-сь, какая штука-то!

«Онъ проворно вскочилъ съ лавки, еще проворнѣе побѣжалъ къ кровати, вытащилъ оттуда сундучокъ, долго рылся въ немъ и вытащилъ наконецъ что-то въ бумагѣ.

«— Вотъ!—сказалъ онъ съ торжествомъ.

«Бережно развертывалъ онъ бумагу; всѣ столпились

вокругъ отца и съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣли,— что̀ тамъ будетъ; въ бумагѣ оказалась завернутая машинка чинить перья,—штука для меня очень простая, давно знакомая; но не такъ смотрѣли на нее всѣ другіе зрители, начиная съ отца. Когда онъ разсказывалъ, какъ надо эту машинку употреблять, когда онъ показалъ, какъ скоро она чинитъ,—неподдѣльный и неописуемый восторгъ охватилъ всѣхъ.

«— Вѣдь это что̀! — весь сіяя, говорилъ отецъ:—вѣдь я сколько хошь накатаю имъ перьевъ-то! Дуй, ребята, не робѣй...

«— Штучка!.. Ну, такъ ужъ—ахъ!.. Что̀ выдумаютъ!— говорилъ Филиппъ въ восторгѣ.

«— А то, братецъ ты мой, бьешься-бьешься съ перочиннымъ-то ножикомъ—смерть. Семь человѣкъ, семь перьевъ, да руки-то трясутся, да мозоли, что̀ ни хватишь — да и раскололъ... То ли дѣло—это?

«— Ужъ чего же лучше! — сказалъ Филиппъ, радуясь за отца.

«Не перескажешь всего, что̀ говорилось въ этотъ вечеръ моего перваго свиданія съ отцомъ. Разговоръ, попавшій разъ на тему нуждъ, недостатковъ, ужъ ни разу не имѣлъ случая коснуться чего-нибудь другого: такъ было много всего, чего надо и чего нѣтъ, чего негдѣ взять, чего не дадутъ. Глаза мои точно впервые открылись на такія вещи, которыя я видѣлъ милліоны милліоновъ разъ и которыя теперь, подъ этотъ почти спокойный, почти хладнокровный разговоръ о нихъ отца и Филиппа, представились мнѣ совершенно въ иномъ видѣ. Сколько разъ я видѣлъ босоногаго мальчишку, деревенскаго полураздѣтаго ребенка, и ни разу до сей минуты у меня не мелькнула мысль о томъ, что ребенку хорошо бы быть одѣтымъ! Проѣзжая въ тарантасѣ мимо такихъ разутыхъ и раздѣтыхъ ребятъ, я обыкновенно не чувствовалъ ровно ничего; мнѣ не приходило въ голову никакой мысли, въ сердцѣ не являлось никакого ощущенія, точно полуголый мальчикъ — такое же нормальное явленіе, какъ обросшій шерстью баранъ или покрытая перьями курица. И баранъ и курица никогда и ни въ комъ не возбуждали, надѣюсь, желанія улучшить ихъ костюмъ: именно такъ вотъ и деревенская голь не производила на меня никакого впечатлѣнія... Теперь же какое-нибудь словечко отца о томъ, что, молъ, дай Богъ здоровья писарю, подарилъ Васькѣ опорки, производило на меня необычайное

впечатлѣніе. Оказывалось, что не подари писарь опорковъ— Васька всю бы зиму просидѣлъ дома и не могъ бы ходить учиться грамотѣ, потому что онъ—сирота: нѣтъ у него ни отца ни матери, и живетъ—гдѣ день, гдѣ ночь. «Тоже — человѣкъ!» — во время разговора о Васькѣ сказалъ совершенно просто Филиппъ и проткнулъ мое сердце, точно иглой, ужасомъ за «человѣка», который не можетъ выйти учиться, потому что нѣтъ сапогъ, потому что некому дать ихъ. «*У самихъ нѣтъ!*» — «Гдѣ-жъ взять-то?» — «Кабы кто далъ бы». — «Такъ и дадутъ — какъ же!..» — «Иной бьется, бьется». — «Ужъ и бьется же только...» — «Бился, бился, братецъ ты мой», и т. д. и т. д. Этими фразами, точно бисеромъ, усѣивался всякій безъ исключенія разсказъ, выходившій изъ устъ отца, Филиппа или кого-нибудь изъ другихъ крестьянъ, участвовавшихъ въ нашемъ разговорѣ, и касавшійся совершенно новой для меня среды. Не могу въ точности передать, какого рода разговоръ происходилъ у насъ за самоваромъ, который наконецъ-таки пожаловалъ на исписанный учениками-ребятами столъ, сопровождаемый вновь цѣлымъ полчищемъ народа, норовившаго при случаѣ повеселить чайкомъ и себя. Помню, что во время чаепитія разговоръ принялъ отчасти шутливое направленіе и по временамъ, и довольно часто, прерывался смѣхомъ; но шутки и смѣхъ не занимали меня. Думая о слышанномъ, я только удивлялся, какъ они могутъ еще смѣяться, и не понималъ ни смѣха ни шутокъ.

«Уговорились мы съ отцомъ видѣться еще разъ, именно при отъѣздѣ моемъ послѣ Крещенья въ гимназію; я обѣщалъ опять заѣхать къ нему. На прощанье были повторены просьбы насчетъ «перушковъ», «азбучекъ», «священныхъ исторіевъ», да «ежели *паче чаянія* (выраженіе одного крестьянина, присутствовавшаго при разговорѣ) сапоги старые попадутся или шапка, то ужъ не пожалѣть и ихъ...» Все это я обѣщалъ непремѣнно доставить и уѣхалъ съ кучею обязательствъ, совершенно новыхъ для меня,—новыхъ по своему внутреннему, незнакомому до сихъ поръ для меня смыслу: обязательства эти были у меня передъ другими, передъ чужими; обязательства во имя чужихъ нуждъ, чужихъ потребностей!.. Несказанно благодаренъ я отцу за эту новую для меня задачу.

«Скажу еще разъ: въ отцѣ моемъ не было ничего необыкновеннаго, выдающагося; образованія у него не было никакого: училъ онъ по-старому—по псалтырю; не было у

него и широкаго пониманія ни своей прошлой жизни ни теперешней, простой и трудовой. Очень можетъ-быть, что онъ просто выбралъ эту жизнь, какъ лучшее, что̀ оставалось ему дѣлать. Можетъ-быть, скрыться, такъ сказать, въ народѣ его побудилъ страхъ быть на виду, гдѣ могли его всегда замѣтить, что̀ неудобно было въ то обличительное время, тѣмъ болѣе, что прошлое отца небезупречно. Что̀ бы ни загнало его въ среду бѣдныхъ, босыхъ и темныхъ людей— я несказано благодаренъ за то, что, благодаря ему, благодаря тому, что онъ — мой отецъ, я, пойдя къ нему, пришелъ къ новому для меня міру, къ новымъ для меня интересамъ, которые дали мнѣ живую мысль, а стало-быть, и жизнь. Помню, что, возвращаясь отъ него домой, я чувствовалъ, что кругомъ меня точно стало просторнѣе, шире, и что во мнѣ сразу прибавилось и росту и силы. И въ самомъ дѣлѣ, съеженный до настоящей минуты на несчастіяхъ моихъ, потому что несчастія матери были нераздѣльны съ моимъ существованіемъ,—съеженный на этомъ маленькомъ мѣстечкѣ личнаго горя (оно теперь и горемъ-то мнѣ почти не казалось) недоброжелательствомъ, невниманіемъ къ этому горю всего бѣлаго свѣта, я начиналъ уже ожесточаться противъ жизни, начиналъ убѣждаться, что жизнь—борьба, и притомъ довольно безпощадная. И вотъ послѣ одного вечера, проведеннаго въ кругу крестьянъ, я неожиданно узналъ, что могу дѣлать бездну добра, что желаніе добра увеличиваетъ силы въ сотни разъ болѣе, чѣмъ то, что̀ отецъ назвалъ «жадностью». Я впервые ощутилъ удовольствіе отдѣлаться отъ этого ужаснаго бремени: «себя», «своихъ» бѣдъ и несчастій, забывъ ихъ въ общемъ горѣ, въ жадности общаго блага.

«Влачить всю жизнь этотъ ничтожный и маленькій, но бьющійся по ногамъ при каждомъ шагѣ грузъ своего благополучія или «своихъ» бѣдъ—что̀ это за каторжная работа! Путаться въ этихъ тонкихъ нитяхъ, чтобы связать себя ими по рукамъ и по ногамъ, чтобы замучиться въ борьбѣ съ этими ничтожными, но крѣпко связывающими путами, или разорвать ихъ, бросить навсегда и идти свободнымъ навстрѣчу всему, на что отзовутся самыя лучшія струны сердца,— эти двѣ дороги, эти два рода предстоящей борьбы какъ нельзя яснѣе выступили предо мною среди занесенной снѣгомъ ухабистой дороги, по которой я возвращался домой, плотно закутавшись въ воротникъ шубы. Вьюга была на дворѣ. Мерзлый снѣгъ тучами носился по бѣлымъ полямъ и знобилъ ноги.

«— Дай Богъ здоровья писарю!—помимо моей воли сказалось во мнѣ, такъ какъ тоже помимо моей воли вспомнились мнѣ голыя ноги Васютки.

«А отъ Васюткиныхъ ногъ мысль пошла опять перебирать все, что было прежде и что случилось теперь, и опять я благодарилъ и благодарилъ отца.

«Нестерпимую какую-то духоту, даже тѣсноту ощущалъ я въ теченіе тѣхъ дней, которые пришлось пробыть мнѣ дома до отъѣзда въ городъ послѣ праздниковъ. Я не говорилъ о томъ, что видѣлъ отца, потому главнымъ образомъ, что, кромѣ глубокой обиды, я ничего бы не сдѣлалъ всѣмъ обитателямъ нашего дома, начиная съ матери и кончая послѣдней приживалкой, если бы объявилъ, что теперь у меня на душѣ. Но зато тѣмъ тяжелѣе было мнѣ самому; съ каждымъ днемъ для меня дѣлались все невыносимѣе и невыносимѣе эти тоскующія рѣчи нашего дома, это кропотливое подбираніе одно къ одному ничтожнѣйшихъ собственныхъ несчастій, доходившее иной разъ до высочайшей степени мелочности...—«Второй день, голубчикъ мой,—говорила, напримѣръ, съ глубокой тоской пожилая тетка моей матери:—второй день ѣмъ безъ всякаго аппетита!» И всѣ, слышавшіе объ этомъ горѣ, вздыхали и если не сочувствовали, то ужъ непремѣнно охали и принимались высчитывать собственныя свои несчастія, еще болѣе ничтожныя... Хоть бы разъ, думалось мнѣ, хоть бы на минуту кто-нибудь изъ нихъ подумалъ о чемъ-нибудь другомъ, пересталъ рыться въ собственномъ желудкѣ и поглядѣлъ или подумалъ о несчастіяхъ чужого человѣка, да не только о несчастіяхъ, а хоть бы вообще о чемъ-нибудь кромѣ себя. Колоритъ унынія и грусти лежалъ на всѣхъ обитателяхъ нашего дома, благодаря, конечно, несчастіямъ матери. Отъ нея всѣ зависѣли и всѣ вторили ей, и хотя я очень хорошо зналъ, что она дѣйствительно страдаетъ, хотя я и жалѣлъ ее, но не могъ не видѣть, что всякое слово мое о безплодности ропота на всѣхъ и вся, ропота, не дающаго утѣшенія и совершенно несправедливаго въ виду бездны безднъ еще болѣе сильныхъ страданій, чѣмъ наши,—всякое такое слово можетъ только разсердить ее, сдѣлать хуже, злѣй и, стало-быть, кромѣ страданій ей же ничего не принесетъ. Тяжело было мнѣ молчать, но говорить я не могъ. Я уже видѣлъ передъ собою какую-то другую дорогу: чуялъ, что рано ли, поздно ли и я и мать разстанемся непонятыми другъ другомъ, съ камнемъ на сердцѣ—но разстанемся...

«Съ такимъ-то камнемъ на сердцѣ и уѣхалъ я въ городъ, въ гимназію. Не буду разсказывать второго свиданія съ отцомъ—оно было долгое и положительно уже дѣловое; разъ попавъ въ новый для меня міръ, кричащій самому поверхностному наблюдателю о своихъ нуждахъ, я во второе посѣщеніе отца ужъ не только слушалъ, а самъ разспрашивалъ его и узналъ вещи, которыя у всѣхъ передъ глазами и на которыя всякій смотритъ, и однако никто не видитъ... Въ этотъ разъ я ужъ забѣгалъ впередъ желаніямъ отца и всѣхъ окружающихъ; если отецъ просилъ десять азбучекъ, то мнѣ тотчасъ представлялись сотни домовъ, гдѣ живутъ сотни дѣтей, которымъ надобны, стало-быть, не десятки, а сотни азбучекъ... «Надо-то надо, да гдѣ-жъ взять-то?—говорилъ отецъ.—Этакъ, пожалуй, если все то, что нужно, давать—такъ и безъ рубахи пойдешь!»—Отецъ, какъ видите, не отвыкъ цѣнить свою рубаху; повторяю, въ немъ не было ничего необыкновеннаго. Но на меня эта фраза производила иное впечатлѣніе. Мнѣ видѣлось, что снятіе своей собственной рубахи—прямой выводъ изъ слышаннаго и видѣннаго мною. «Какъ же мать?»—съ ужасомъ думалъ я... И, каюсь, отгонялъ эту мысль: мнѣ было жаль мать, я любилъ ее...

«Въ гимназію я возвратился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Любовь къ матери, двигавшая меня до сихъ поръ, заставлявшая меня прокладывать себѣ дорогу между людьми, съ тѣмъ, чтобы потомъ отмстить этимъ людямъ, была отравлена, пожалуй, даже разрублена тяжелымъ ударомъ чужихъ несчастій, внезапно, неожиданно вторгнувшихся въ мое пониманіе,—несчастій, съ которыми меня связывалъ отецъ, человѣкъ,—такъ ли, сякъ ли,—жившій въ средѣ людей, обуреваемыхъ этими бѣдами, по мѣрѣ силъ старавшійся искупить помощью и пособіемъ этимъ людямъ всѣ безконечныя вины своего прошлаго, всѣ преступленія своей прошлой жадности, какъ говорилъ онъ. Между этими двумя привязанностями къ матери и къ отцу, которыя съ каждымъ днемъ стали поглощать меня все сильнѣе и сильнѣе, съ каждымъ днемъ становилось все меньше и меньше мѣста для мысли о чемъ-нибудь, не касавшемся того или другого. Учителя были удивлены, увидавъ, что я совсѣмъ пересталъ учиться; и дѣйствительно, наука гимназическая вдругъ потеряла для меня всякое значеніе и смыслъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, писать мнѣ сочиненіе на тему хотя бы о пользѣ химіи. Матери я этимъ не помогу, потому что ея бѣда—въ пожирающемъ ее эгоизмѣ; не помогу и нуждамъ

отца и его новыхъ друзей, потому что тамъ Мишутка не ходитъ въ школу оттого, что онъ — босой, а на дворѣ— морозъ и снѣгъ. Въ этихъ смыслахъ оказалась малополезною, какъ выражался нашъ законоучитель, и географія и всякая другая наука... Сторонились онѣ и разступались въ разныя стороны предъ выраставшею во мнѣ потребностью идти заступаться, жертвовать, радовать, чтобы радоваться самому,— потребностью, пробужденной примѣромъ отца и постоянно имъ же поддерживаемой. Да и дальнѣйшимъ развитіемъ во мнѣ не только потребности, а прямо необходимости жить для «чужихъ» я тоже обязанъ отцу. Не проходило недѣли, чтобы ко мнѣ на гимназическую квартиру не являлись отъ него посланные, То являлись за бумагой, за перьями, то просили написать письмо, а потомъ прямо пошли обращаться съ дѣлами, съ тяжбами, какъ къ какому-нибудь адвокату. У меня съ каждымъ днемъ прибывало такихъ, нисколько меня лично не касавшихся дѣлъ, и съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе входилъ въ самую суть условій русской жизни потому, что въ то время, когда мои товарищи—впослѣдствіи сдѣлавшіеся адвокатами или хорошими желѣзнодорожными дѣятелями—продолжали заниматься гимназическими науками, я разыскивалъ какое-нибудь пропащее дѣло о землѣ, толковалъ съ чиновниками, подавая прошенія,—словомъ, уже вступилъ на такъ-называемое поприще жизни. Я не могъ отказать ни въ одной просьбѣ, я не могъ сказать: «поди спроси тамъ-то», потому что зналъ, что «тамъ» не отвѣтятъ, что «тамъ» запутаютъ только... Если бы я даже просто изъ одного приличія исполнялъ всѣ эти получаемыя мною черезъ отца порученія, то и тогда мнѣ предстояло увидѣть бездну такихъ вещей, которыхъ бы не разрѣшила ни одна изъ безчисленныхъ гимназическихъ наукъ. Но я дѣлалъ не изъ приличія: во мнѣ говорилъ молодой задоръ, превращавшійся понемногу въ задачу всей жизни,—задоръ, дававшій возможность чувствовать глубже, сильнѣе, служа другимъ.

«Скоро однако положеніе мое стало съ каждымъ днемъ усложняться и становиться тяжелѣе. Иной разъ, позабывъ и про гимназію и про горе матери, и весь поглощенный исходомъ какого-нибудь предпринятаго при моемъ содѣйствіи дѣла, я не безъ тревоги вдругъ ощущалъ, что иду по какой-то невѣдомой, нетореной дорогѣ. Въ такія минуты я вдругъ видѣлъ, что ужъ очень-очень далеко отбился отъ стараго пути, что ужъ мнѣ трудно, если бы я и хотѣлъ, бросить все

и опять стать прилежнымъ ученикомъ... Убѣждаясь въ этомъ, я убѣждался и въ томъ, что рано ли, поздно ли мать будетъ знать эту перемѣну, происшедшую во мнѣ, будетъ знать все въ мельчайшихъ подробностяхъ и, стало-быть, будетъ страдать не вдвое и не втрое, а въ тысячи разъ сильнѣе противъ прежняго. Въ моемъ сношеніи съ отцомъ она увидитъ измѣну, предательство, она будетъ думать, что, сойдясь съ человѣкомъ, который загубилъ ей жизнь, я предалъ ее, разрушивъ всѣ ея надежды на меня въ будущемъ,—надежды, которыми она только и жила,—оставивъ ее безпомощною, покинутою, одну-одинешеньку... Все это непремѣнно должно было случиться—я знаю это навѣрное; зналъ даже, что это случится не больше какъ черезъ нѣсколько недѣль, когда я извѣщу ее, что не перешелъ въ слѣдующій классъ, и представлю свидѣтельство, испещренное единицами. Съ другой стороны, въ такія же минуты размышленія собственно о себѣ, передо мною являлась и фигура отца, то въ видѣ безобразнаго кутилы, то въ видѣ простого, больного человѣка, который въ дымной и темной избѣ чинитъ дрожащими руками перо для крестьянской дѣвочки. Представлялся весь этотъ народъ, окружавшій отца, всѣ эти простые, темные люди, всѣ эти сѣти, въ которыхъ путаетъ его и темнота и всякая случайность... И мнѣ такъ же страшно становилось—измѣнить этимъ людямъ, какъ страшно было измѣнить матери. Какъ бы могъ я сказать отцу или посланному отъ него крестьянину, что «нѣтъ, молъ, теперь мнѣ не время заниматься вами—я самъ занятъ!». Сдѣлать этого я положительно не могъ. Я зналъ, что я нуженъ тутъ, что никто не можетъ, не пойдетъ и не сдѣлаетъ «такъ» и «просто», какъ именно и надо этимъ людямъ. Я зналъ также, что и матери своей я тоже не могу сказать: «некогда мнѣ хлопотать о нашемъ благополучіи, потому что у меня есть вотъ какія дѣла». И тамъ и тутъ подобными отвѣтами я бы дѣлалъ явную жестокость, прямо бросалъ бы людей на произволъ судьбы... Съ другой стороны, меня также иной разъ (а потомъ все чаще и чаще) стала знобить (буквально) мысль о томъ, да что же я могу сдѣлать одинъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ, если, завязавъ глаза и повѣривъ только тому, «что надо», стану открыто на ту или другую сторону? Чувствовалъ я, что мои усилія—капля въ морѣ, и чувствовалъ это съ каждымъ днемъ все ощутительнѣе. Не было у меня ни товарищей ни поддержки, ниоткуда и ни въ чемъ. Я даже почти ничего не читалъ

до настоящей минуты; я сталъ думать о задачахъ дѣйствительности не по книгамъ, а по самой дѣйствительности, въ которой мнѣ некому было указать, что̀ къ чему, гдѣ начало, гдѣ конецъ, вообще—откуда что̀ идетъ? Необходимость думать объ этомъ, т.-е. «откуда что̀», надвигалась на меня поистинѣ неумолимо. Она выходила изъ моего труднаго положенія межъ двухъ огней, изъ желанія какъ-нибудь облегчить себя, уяснить себѣ, что никому измѣны я не сдѣлаю, если стану открыто туда или сюда, — желаніе, которое частенько посѣщало меня, какъ реакція послѣ размышленій о видимой безвыходности моего положенія. «Чѣмъ же меньше Аксютки и Михайлы страдаетъ моя мать?» — думалось мнѣ въ такія минуты. И я принимался высчитывать и сравнивать ея страданія и страданія Михайлы, и находилъ, что они одинаково сильны, что они одинаково требуютъ заботливой руки, и тутъ мысль моя стремилась къ пониманію именно самой сути всего этого запутаннаго положенія людей, стремилась съ страшными мученіями, измаивала меня почти безъ всякаго результата. Нужна была книга—я не зналъ еще этого, не зналъ еще людей, которые измаялись на томъ же прежде меня.

«Необходимость, благодаря порученіямъ, получаемымъ черезъ отца, дѣлать какое-нибудь не хитрое, но хлопотливое дѣло, идти купить или идти узнать въ судѣ, въ конторѣ и т. д., отвлекала меня отъ угнетавшихъ мою голову мыслей, но зато, опять вернувшись къ нимъ, я чувствовалъ себя еще хуже и еще труднѣй, чѣмъ прежде.

«И такъ пошло съ каждымъ днемъ, все сложнѣй, все тяжелѣе. Временами я рѣшительно терялъ голову, — какъ мнѣ быть, что̀ дѣлать, что̀ думать? Не знаю, чѣмъ бы кончился этотъ хаосъ моего душевнаго состоянія, если бы сама жизнь не позаботилась вынести меня изъ него. Пожираемый разными соображеніями и размышленіями, лежалъ я однажды на своей городской квартирѣ, въ домѣ мѣщанки Семиглазовой, какъ вдругъ отворилась дверь, и я увидалъ матушку. Въ жизнь не забуду ея ужаснаго лица.

«— Ты подружился съ отцомъ?—было первымъ ея словомъ.

«Я не могъ ничего отвѣтить. Я былъ испуганъ за мать, понималъ всю глубину страданій, которую испытываетъ она отъ моей измѣны, и только всей душой желалъ, чтобы *она-то* сумѣла выбраться изъ этого неожиданнаго для нея положенія; я былъ весь поглощенъ ея несчастіемъ и не

могъ увеличивать его, сказавъ: «*да,* подружился», потому что и безъ того она была, очевидно, разбита вся.

«Словно каменный, ничего не чувствуя и готовый покориться всему, подставилъ я голову подъ удары этой давно, впрочемъ, жданной грозы. Рыданія, прерываемыя бранью, доказательствами моей безжалостности, доказательствами очень вѣскими,—рыданія, переполненныя зубнымъ скрежетомъ на отца, на его долгія тиранства, измѣны, рыданія на пропащую собственную свою жизнь—все это я покорно принялъ на свою голову. Я страдалъ въ это время едва ли не сильнѣе матери, потому что даже не могъ говорить, не могъ думать... Разсказывать подробно объ этой сценѣ, т.-е. объ этихъ рыданіяхъ, продолжавшихся не часъ, не два, а двѣ недѣли кряду, не покидавшихъ мать ни дома ни на улицѣ, ни днемъ ни ночью и съ каждой минутой осложнявшихся новыми свѣдѣніями о моей преступности, — я рѣшительно не въ состояніи. Глаза матери не пересыхали ни на одну минуту: то она узнавала, что я бросилъ гимназію, и градомъ слезъ оплакивала мое будущее, да не сегодняшнее только, а самое далекое; я увѣренъ, что даже та пора, когда я буду съ сѣдыми волосами, и та была оплакана ею... А за извѣстіемъ о томъ, что я бросилъ учиться, смотришь, идетъ извѣстіе о томъ, что я хлопоталъ въ судѣ противъ человѣка, который, какъ на грѣхъ, былъ самый лучшій другъ матери, былъ благодѣтелемъ нашимъ, безъ котораго она теперь не имѣла бы куска хлѣба, а я, ея сынъ, ходилъ бы безъ сапогъ. Наоборотъ, люди, за которыхъ я хлопоталъ, были постоянные враги матери, воры, поджигатели, мошенники, грубые невѣжи... Отецъ, пріютившійся въ кругу этихъ людей, казался истиннымъ злодѣемъ, хитрецомъ, систематически подстраивающимъ противъ матери всевозможныя гадости. Съ ея точки зрѣнія, измѣна моя была поистинѣ ужасна. Я самъ видѣлъ это и не могъ шевельнуться, подавленный ея горемъ...

«Рыдая и проклиная, матушка съ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ принялась исправлять надѣланныя мною бѣды. Она спасала свою вѣру въ меня, свою цѣль жизни и такъ глубоко жаждала своего спасенія, что я вполнѣ подчинился этой жаждѣ. Не помню и не знаю, какимъ образомъ случилось, что я могъ ходить съ матушкой по учителямъ, къ директору, къ инспектору и просить у всѣхъ извиненія, прощенія. Не помню также, какъ могъ я рѣшиться идти не только къ моему гимназическому начальству, но и къ

тѣмъ благодѣтелямъ-помѣщикамъ, противъ которыхъ настраивали меня отцовскія дѣла. Знаю только, что все это я продѣлалъ, покоряясь почти истерическому состоянію матери.

«Опомнился я на квартирѣ у учителя математики, оказавшагося моимъ хозяиномъ и начальникомъ. Матушка помѣстила меня на всѣ каникулы съ тѣмъ, чтобы онъ не спускалъ съ меня глазъ, и съ тѣмъ, чтобы я могъ воротить утраченный мною годъ. Предполагалось, что цѣлое лѣто я буду учиться, догонять своихъ товарищей, предполагалось, что я подъ хорошимъ надзоромъ не буду продолжать связываться съ отцомъ и его пріятелями. Учитель, который взялъ съ матери хорошія деньги, дѣйствительно добросовѣстно принялся за меня. Не покладаючи рукъ, работалъ онъ со мною и, не смыкаючи глазъ, наблюдалъ за каждымъ моимъ шагомъ; связь моя съ отцовской компаніей дѣйствительно была прервана: я не видѣлъ ужъ ни посланныхъ ни ходоковъ, не получалъ ни порученій ни писемъ. Но зато тѣмъ сильнѣе стало просыпаться во мнѣ сознаніе, что я—измѣнникъ, и ужъ на этотъ разъ—настоящій измѣнникъ... Этой мысли я ужъ не могъ заглушить въ себѣ никакими науками. Волей-неволей я узналъ цѣлый невѣдомый для меня міръ людей и положеній—и вотъ теперь покинулъ его на произволъ случая, силу котораго надъ этимъ міромъ я уже зналъ... Я, несомнѣнно, былъ предателемъ.

«Сознаніе это росло во мнѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и ощущалось мною все больнѣй и больнѣй. Съ каждымъ днемъ все яснѣе казалась мнѣ моя глубокая вина передъ этими людьми. Кромѣ меня, я зналъ это, у нихъ *никого* нѣтъ... *никого.*

«Мнѣ такъ глубоко было трудно въ эти минуты, что я (рѣшительно ужъ не помню, какимъ путемъ) пришелъ къ необходимости пить... Кухарка доставляла мнѣ водку *на свои:* она видѣла, что на мнѣ лица нѣтъ, и по опыту знала, что рюмка помогаетъ... Отъ одной рюмки я неимовѣрно быстро перешелъ къ бутылкѣ, къ штофу, къ дракѣ и т. д. Это случилось необыкновенно быстро, т.-е. сегодня, положимъ, я выпилъ первую рюмку украдучи, а завтра я ужъ одолѣлъ цѣлую бутылку и лѣзъ къ учителю съ кулаками.

«Немедленно пріѣхала мать и поселилась въ городѣ. Этотъ пріѣздъ и ежедневныя свиданья съ матерью связали меня по рукамъ и по ногамъ. Я зналъ, что не выдержи я хотя одинъ разъ — я убью ее своимъ поведеніемъ тутъ же на

мѣстѣ... Я мучился молча, связанный по рукамъ и по ногамъ неизбѣжностью смерти моей матери въ томъ случаѣ, если я дамъ волю съѣдавшей меня тоскѣ... Голова моя въ эту пору была точно пустая тыква, но зато вся боль, вся мука сосредоточилась въ сердцѣ, и тотъ міръ, которому я измѣнилъ изъ страха погубить мать, сталъ съ каждымъ днемъ принимать все болѣе и болѣе плѣнительные образы... Иной разъ эта деревенька, занесенная снѣгомъ, всѣ эти босоногіе мальчишки, ходоки съ сосульками на бородахъ — все это мнѣ стало представляться обѣтованною землею... Этою мыслью я только и жилъ...

«Очень можетъ-быть, что мысль эта, разъ успокоивъ меня, т.-е. ослабивъ силу тоски и сознанія виновности, продолжала бы успокаивать меня все больше и больше и наконецъ, при скверности моей натуры (я узналъ это, когда думалъ *обо всемъ*), просто бы сдѣлалась средствомъ отдѣлываться отъ насущнаго дѣла. Очень можетъ быть, что, суля себѣ журавля въ небѣ, я бы полегоньку проникнулся сознаніемъ необходимости похлопотать сначала и о самомъ себѣ, т.-е. сначала запастись, а потомъ уже и расходовать, умѣло, дѣльно... Но случилось нѣчто другое, что ни на минуту не давало мнѣ успокоиться.

«Неожиданно скончался мой отецъ. Узналъ я о его смерти въ самый разгаръ жажды искупить мою вину и въ самый сильный моментъ сознанія этой вины.

«— Сходите проститься съ вашимъ родителемъ... — сказалъ мнѣ однажды осенью мой гувернеръ, учитель математики.

«Я остолбенѣлъ.

«— Онъ тутъ лежитъ въ части... въ полицейской больницѣ...

«Я не понималъ, какъ могъ отецъ очутиться въ полиціи.

«— Ваша матушка, — продолжалъ учитель: — позволила вамъ сходить... отдать послѣдній долгъ... Что же нейдете? Это тутъ за угломъ.

«У меня мелькнула мысль, что я убилъ отца... Я весь похолодѣлъ отъ нея и только тогда очнулся, когда учитель повторилъ мнѣ:

«— Торопитесь: его могутъ схоронить безъ васъ...

«Опрометью побѣжалъ я въ полицейскую больницу. Тамъ отца уже не было; оказалось, что его перевезли въ церковь при городской больницѣ.

«Въ простомъ сосновомъ гробу, въ сѣромъ больничномъ халатѣ лежалъ мой отецъ, покрытый большимъ кускомъ

бѣлой холстины. Я приподнялъ холстину и увидалъ его лицо—глубокое страданіе замерло на немъ. Я увидалъ измучившагося человѣка и зарыдалъ... Въ одно мгновеніе мнѣ представилась вся его жизнь; кутежи и неправедная нажива денегъ, распутство, развратъ и эта черта глубокаго страданія, которая вотъ теперь лежала на его лицѣ, какъ результатъ, какъ итогъ всей жизни, мгновенно отняла отъ всего дурного и скверная, что вспомнилось мнѣ, именно этотъ дурной и скверный оттѣнокъ и представила все въ видѣ невольной необходимости, почти даже въ видѣ страданія... Отъ дурного прошлаго я перенесся мыслью къ послѣднимъ годамъ его жизни, вспомнилъ его нищету, его фигуру, плетущуюся съ палкой, въ лаптяхъ по грязи, а главное — его истинно-дѣтскую радость, когда ему удалось добыть машинку чинить перья. Мнѣ представилось его засіявшее радостью лицо, когда я сказалъ, что привезу азбучку, и я почувствовалъ, что понесъ въ отцѣ великую утрату. «Только-было человѣкъ добился до уголка, гдѣ сталъ чувствовать себя хорошо, гдѣ нашлось ему по силамъ дѣло, гдѣ ему явилась возможность дѣлать добро, которое онъ, быть-можетъ, желалъ дѣлать всю жизнь, но не дѣлалъ потому, что жилъ въ кругу людей, требовавшихъ отъ него совсѣмъ другого,—и въ эту-то минуту пришлось разстаться съ жизнью». Страдальческія черты лица какъ бы говорили все это. Я смотрѣлъ на нихъ и плакалъ о томъ, что я покинулъ этого бѣднаго человѣка, это дитя — такъ мнѣ казался невиненъ и чистъ отецъ — въ самую дорогую для него минуту,—въ минуту, когда онъ только-что было-началъ жить сердцемъ и сознаніемъ.

«Сторожъ попросилъ меня уйти изъ церкви, объявивъ, что похороны будутъ завтра. Тутъ же рядомъ съ отцовымъ гробомъ стояло еще нѣсколько гробовъ другихъ покойниковъ, которыхъ должны были отпѣвать вмѣстѣ: всѣ эти бѣдняги лежали въ простыхъ, кое-какъ сколоченныхъ гробахъ; всѣ безъ исключенія съ измученными лицами, говорившими о томъ, какъ трудно жить на бѣломъ свѣтѣ... Я находилъ въ ту минуту, что ничего не можетъ быть прекраснѣе этихъ изуродованныхъ болѣзнью лицъ.

«Укоръ въ измѣнѣ отцу жестоко мучилъ меня. Вотъ этотъ самый дорогой для меня человѣкъ унесъ въ могилу съ собою горькое сознаніе моей измѣны — измѣны родного сына, котораго онъ любилъ всей душой, я это зналъ. Мнѣ такъ хотѣлось умереть въ эту минуту!

«Я вышелъ изъ больничныхъ воротъ и поплелся, самъ не зная куда... и неожиданно наткнулся на тротуарѣ подлѣ больницы на Филиппа.

«— Митрофанъ Петровичъ! Отецъ ты нашъ родной! — возопилъ старикъ: — Петръ-то Василичъ никакъ померъ, другъ ты мой горькій!

«— Померъ, братъ...—сказалъ я.

«— Матушка, пресвятая Царица Небесная!.. И что-жъ это они сдѣлали? Вѣдь извели они его...

«— Кто извелъ? — вдругъ припомнилъ я неожиданность смерти отца почему-то въ городѣ и почему-то въ полиціи.

«— Да ужъ кому-нибудь надо было... Вѣдь онъ подъ судомъ былъ...

«— Какъ подъ судомъ?

«— Да маменька-то твоя, какъ развѣдала все—и зачала противъ него... Чтобы духу, то-есть, его не было... И стали черезъ докторовъ дѣйствовать, что, молъ, фальшивымъ лѣченіемъ занимается и народъ травитъ... Ужъ тутъ была бѣда неосвѣтимая: и обыскивали-то, и дознались, что Иванъ Кузьмичъ отъ его лѣченія умеръ, и еще врачъ одинъ донесъ, что, молъ, травой какой-то отецъ твой его опаивалъ, чуть-было не уморилъ,—ну, вотъ и взяли его въ острогъ, либо въ часть...—дѣло пошло... Ну, знать, кто-нибудь тутъ и подсудобилъ ему...

«Впослѣдствіи я узналъ, что подозрѣнія Филиппа не имѣли никакого основанія.

«Образъ выросталъ въ моемъ воображеніи уже прямо въ видѣ мученика. Онъ дѣлался для меня святыней, и я чувствовалъ, что онъ гдѣ-то тутъ, что онъ пристально смотритъ на меня и какъ будто ждетъ увидѣть, что длинная вереница его страданій не останется безъ результата...

«Филиппъ разсказалъ мнѣ кромѣ того, что та же участь, то-есть преслѣдованіе, постигла и всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ отецъ посылалъ съ просьбами ко мнѣ и за которыхъ я хлопоталъ по судамъ. Даже бабу, сестру извозчика, и ту таскали почему-то къ допросу и два дня продержали въ части: полагали добиться отъ нея чего-то насчетъ расколу, такъ какъ ее съ давнихъ поръ считали на деревнѣ раскольницей, хотя и неизвѣстно почему. О себѣ Филиппъ разсказалъ, что онъ ужъ давно не живетъ у насъ въ кучерахъ: маменька отказали. Говорилъ онъ, что живетъ теперь гдѣ день, гдѣ ночь: сегодня сытъ, а завтра—что Богъ дастъ...

«Спрашивается, за что разогнали это гнѣздо?

«Совершенно покойнымъ и серьезнымъ воротился я вмѣстѣ съ Филиппомъ на мою квартиру къ учителю и объявилъ, что оставляю гимназію, ѣду въ деревню и намѣренъ сдѣлать это завтра же. Я такъ категорически заявилъ мою волю, что никто и не думалъ мнѣ противорѣчить.

«Похоронивъ на другой день отца, я унесъ съ собою свѣтлый образъ погибшаго добраго человѣка, унесъ его радость къ доброму дѣлу, унесъ обязанность искупить мою измѣну ему—и съ этимъ запасомъ въ душѣ воротился въ деревню. Я сказалъ матушкѣ, что не поѣду болѣе; она не противорѣчила, потому что чуяла, что меня заставляютъ это дѣлать неотразимые доводы. Со смертью отца въ матери съ каждымъ днемъ исчезала причина чувствовать себя обиженной, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезало и то, что̀ ее держало на свѣтѣ... Быть-можетъ, и она подъ конецъ жизни поняла, что не была права передъ отцомъ; быть-можетъ, вспоминая и думая, она и сама задумалась о безтолковщинѣ жизни. Во всякомъ случаѣ она со дня моего пріѣзда затосковала, стала задумываться, худѣть, чахнуть, а черезъ годъ и скончалась.

«Я остался одинъ. За годъ передъ этимъ я успѣлъ еще ближе познакомиться съ семьей, гдѣ жилъ мой отецъ, и со всѣми знавшими его. Воспоминанія о немъ въ крестьянской средѣ принимали съ каждымъ днемъ какой-то легендарный оттѣнокъ. Если бы я не имѣлъ на душѣ ничего кромѣ своекорыстія, то и тогда обязанъ бы былъ хоть изъ приличія непремѣнно походить на отца, продолжать его доброе дѣло, чтобы пользоваться сочувствіемъ и любовью...»

На этомъ Митрофанъ Петровичъ окончилъ свой разсказъ.

IV. На старомъ пепелищѣ *).

I.

— Былъ на почтѣ?
— Сейчасъ бѣгалъ.
— Ну, что̀ же?
— Да ничего нѣту.

*) «Отеч. Записки», 76 года.

— Да ты бы попросилъ хорошенько посмотрѣть!

— Да я ужъ просилъ... нѣтъ, говорятъ, ничего нѣту...

Такой разговоръ происходилъ у меня съ служителемъ одной изъ гостиницъ губернскаго города N., гдѣ меня задержало ожиданіе необходимыхъ писемъ и бумагъ, происходилъ разъ по пяти и болѣе въ сутки, а сутокъ этихъ прошло уже немало: протянулась безплодно ужъ цѣлая недѣля и пошла тянуться другая. Съ каждымъ разомъ появленія въ моемъ номерѣ бѣгавшаго на почту Тимоѳея (онъ дѣйствительно *бывалъ,* и даже безъ шапки) становились все непріятнѣе, тяжелѣе, потому что по всей его фигурѣ, по невольному движенію его рукъ, готовыхъ при самомъ входѣ въ комнату растопыриться врозь, выражая неудачу, я уже догадывался, что онъ принесъ все то же: «нѣтъ», «ничего, говорятъ, не было». Я чувствовалъ, что въ дѣлахъ моихъ произошло то, что̀ знатоки условій русской жизни и судебъ, которыя, благодаря имъ, испытываетъ всякій русскій «расчетъ», называютъ словомъ: «*заколодило*». Все до сихъ поръ шло какъ по маслу, было принято во вниманіе и соображено, кажется, все, что̀ надо для успѣха дѣла, дѣло пошло— и вдругъ отъ какой-то невѣдомой вамъ причины (которая окажется только впослѣдствіи и окажется всегда чепухою) все стало, замерло—и замерло самымъ безсмысленнымъ образомъ, прекратилось вопреки всѣмъ смысламъ; непремѣнно нужно увѣдомленіе, дорогъ каждый часъ, каждая минута,— и нѣтъ увѣдомленія; нужно и должно произойти свиданіе,— свиданіе, необходимое не столько для меня, сколько для того, кто долженъ видѣться со мной,—и нѣтъ этого свиданія. Дѣло, задуманное давнымъ-давно, стоящее и силъ и денегъ, расшатывается, валится, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ закипаетъ неистовая злость. Впослѣдствіи, долго спустя, оказывается, что и письмо было послано, да только не туда, куда надо, а совсѣмъ въ другое мѣсто—ошибся писарь адресомъ; окажется, что и человѣкъ, нужный вамъ, самъ спѣшилъ къ вамъ на свиданіе, даже чуть не загналъ лошадь, да вдругъ встрѣтилъ хорошаго человѣка (котораго самъ же называетъ «скотиной») и заговорился, напримѣръ, про охоту на зайцевъ, и заговорился-то какъ-то нечаянно, даже шубы и шапки не снялъ, даже валенковъ не снялъ:—все спѣшилъ ѣхать, да такъ въ дорожномъ костюмѣ и просидѣлъ двое сутокъ за закуской... Я чувствовалъ, что и въ моихъ дѣлахъ произошло непремѣнно тоже что-нибудь въ родѣ этого, какая-нибудь нежданная-негаданная чепуха, которая можетъ по-

губить у меня не только эти двѣ-три недѣли безплоднаго ожиданія, а можетъ годъ, можетъ два—погубить такъ, ни за что ни про что, просто потому, что тамъ-то забыли «совсѣмъ», тамъ-то «описались», а тамъ «заговорился» кто-нибудь или «просидѣлъ» нечаянно, иной разъ просидѣлъ все ваше будущее. Я чувствовалъ, что меня застигла именно эта мертвая минута, когда депеши перевираются и ходятъ по недѣлямъ, Богъ знаетъ гдѣ, когда письма идутъ тоже невѣдомо куда, когда вообще презрѣніе къ своему дѣлу, лежащее едва ли не въ корнѣ рѣшительно всѣхъ сортовъ дѣлъ, какія только ни дѣлаются на Руси, даже для личнаго своего благополучія, когда это желаніе плюнуть на свое дѣло, убѣжать отъ него куда-нибудь подальше вдругъ прорвется гдѣ-нибудь неряшливостью, небрежностью, забывчивостью и начнетъ цѣплять одну на другую, забывчивость на неряшливость, и такъ до безконечности, въ безчисленныхъ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ, покуда съ одной стороны не заставитъ васъ бросить все, плюнуть, а съ другой—покуда все не разъяснится самымъ простымъ манеромъ: «И забылъ *совсѣмъ*, простите, Христа ради... Покупалъ шапку, *вдругъ*» и т. д.,—говоритъ виновникъ всей гибели и такъ искренно цѣлуетъ въ знакъ извиненія, что не извинить невозможно, тѣмъ болѣе невозможно, что знаешь, что и самъ точно такъ же, какъ и всѣ, заговаривался о зайцѣ, когда за плечами стояло дѣло, что и самъ «совсѣмъ» забывалъ очень важныя вещи... На все негодовать, иной разъ умѣть (русская жизнь учитъ) на все (рѣшительно на все) смотрѣть съ самой дурной точки зрѣнія и въ то же время все, самое скверное, самое дурное прощать, безслѣдно забывать—такова, видно, уже участь вообще русскаго сердца.

Не скажу однакоже, чтобы въ ту минуту, о которой идетъ рѣчь, я ждалъ чего-нибудь иного кромѣ необходимыхъ для меня вѣстей, или чтобы я былъ расположенъ кого-нибудь прощать или извинять за эту содѣянную со мною чепуху. Напротивъ: помимо того, что я еще не зналъ, гдѣ произошла эта чепуха, эта роковая описка, тутъ гдѣ-нибудь подлѣ меня, или тамъ, откуда я ждалъ вѣстей; помимо настоятельной надобности узнать, что̀ именно и гдѣ именно случилось, были и другія обстоятельства, которыя съ каждымъ днемъ увеличивали раздраженіе нервовъ именно тѣмъ, что заставляли меня даже насильно принуждать себя думать объ этой несчастной почтѣ и письмахъ, которыхъ я ждалъ, думать въ такія минуты, когда мнѣ этого вовсе бы и не хотѣлось...

Бѣда моя была въ томъ, что городъ, въ которомъ я остановился, былъ мнѣ городъ родной, знакомый вдоль и поперекъ: здѣсь я провелъ свое дѣтство, отсюда ушелъ странствовать по бѣлу свѣту и не бывалъ здѣсь до сей минуты, лѣтъ по малой мѣрѣ пятнадцать. Бѣда была въ томъ, что въ эти пятнадцать лѣтъ я натерпѣлся на бѣломъ свѣтѣ всякой напасти, настрадался, намучился вволю, по горло, и, претерпѣвая эти страданія «среди добрыхъ людей», я каждую минуту не добромъ, скажу по совѣсти, поминалъ мою родину, мои первые, казавшіеся мнѣ счастливыми, молодые годы. Тысячи тысячъ разъ я былъ бы радъ Богъ знаетъ что̀ дать, чтобы забыть мое дѣтство, мою раннюю юность; сбросить съ себя эти вериги, наложенныя на мои плечи любовью родины, внушившею мнѣ жажду самаго ограниченнаго счастія, ослабившею во мнѣ силу мысли, силу сердца, ослабившею ради, разумѣется, только того, чтобы, будучи силенъ и тѣмъ и другимъ, я не изорвался, не измучился, не истерзался, а прожилъ бы не волнуясь, покойно, счастливо, былъ бы здоровъ и веселъ. Ошиблись добрые люди, и благодаря имъ я измучился въ тысячу разъ больше, чѣмъ измучился бы, если-бъ былъ мыслью силенъ и смѣлъ, а сердцемъ лютъ. Винить въ этомъ некого! Жизнь научила понимать этихъ измученныхъ, но добрыхъ людей, но зато жизнь эта такъ меня измучила, благодаря этимъ же добрымъ людямъ, такъ всего меня изожгла, что забыть эту страшную услугу добрыхъ людей стало потребностью просто-напросто физической. При малѣйшей вѣсти съ родины меня всегда точно обжигало, я чувствовалъ самую настоящую физическую боль, какъ бы меня царапали раскаленнымъ желѣзомъ по тѣлу. Не всякому подъ силу перенести такую боль, и я боялся думать о прошломъ, чтобы не изболѣть безплодно, старался всегда гнать эти тѣни прошлаго, чтобы не пробудить въ себѣ того мучительно-негоднаго для меня хлама, который съ такой любовью былъ нанесенъ въ мою совѣсть этою изстрадавшеюся, во мнѣ одномъ сосредоточившею всю силу любви, родиною. За эти ласки я расплатился основательнѣйшими страданіями и не хотѣлъ вспоминать ихъ, такъ какъ у меня была уже другая родина, именно—вотъ эти самыя страданія...

Догадала меня нелегкая на одинъ только день остановиться въ этомъ родномъ городѣ, чтобы только взглянуть на него, получить что̀ нужно съ почты и тотчасъ уѣхать, и вотъ случилось совсѣмъ другое: я сижу въ этомъ городѣ вторую недѣлю. Кругомъ меня тутъ подъ окнами все до

мелочей мнѣ знакомо, каждая человѣческая фигура, каждое деревцо въ сосѣднемъ саду, звонъ соборнаго колокола, вонъ та красная крыша,—словомъ, все до послѣдней мелочи было мнѣ знакомо, и со всѣмъ были связаны тысячи воспоминаній, впечатлѣній, которыя неудержимо стали воскресать въ ничѣмъ незанятомъ воображеніи, а вмѣстѣ съ этими воспоминаніями жгучею болью отзывались впечатлѣнія, которыя я вынесъ благодаря «счастливой» юности, проведенной въ этомъ городѣ, на этихъ улицахъ. Этотъ двойной рядъ неожиданно возникшихъ во мнѣ ощущеній—ощущеній счастія, пережитаго здѣсь, и ощущеній глубокихъ несчастій, которыя оно дало мнѣ—были поистинѣ мучительны. Будь это какой-нибудь незнакомый, чужой, новый для меня городъ, я бы шатался отъ скуки по бульвару, зашелъ бы въ судъ, въ театръ, поговорилъ бы съ философомъ-обывателемъ, сидящимъ одиноко на набережной и любующимся видомъ, и много бы узналъ отъ него интереснаго; такъ ли, сякъ ли, но мнѣ было бы легче перенести это безконечное ожиданіе странствующихъ по свѣту бумагъ и писемъ. Здѣсь, въ знакомомъ родномъ городѣ, я буквально боялся ступить шагъ по улицѣ, боялся выглянуть въ окно; какъ причина, изъ-за чего я страдалъ такъ долго и такъ больно, меня пугало именно физическимъ ощущеніемъ боли рѣшительно все; я боялся самъ сходить на почту, потому что зналъ, какъ будетъ мнѣ дурно, когда я увижу этотъ желтаго цвѣта домъ, эту дверь, обитую мочалками, громаднаго почтальона Архангельскаго (онъ живъ—я видѣлъ, какъ онъ прошелъ по улицѣ)... Я боялся выйти на улицу, чтобы не встрѣтить знакомаго лица, которое въ дѣтствѣ съ любовью улыбалось мнѣ; боялся заглянуть въ ту улицу, гдѣ и до сихъ поръ стоялъ нашъ домъ, въ которомъ я родился; боялся увидѣть своими глазами гимназію, мѣсто, гдѣ служилъ отецъ,—все это было переполнено для меня такими болѣзненными воспоминаніями о безгранично-любовной для меня лжи, такъ мучительно отдалось на моей душѣ впослѣдствіи, что я не могъ бы глядѣть на все это безъ того, чтобы не захворать... При видѣ ли моихъ земляковъ, при видѣ ли знакомыхъ мнѣ мѣстностей, домовъ, садовъ (какъ разрослись-то, если бы вы знали!) я бы поминутно долженъ былъ испытывать ощущеніе упрека, который словами можно бы было передать такъ:

«Все-то вы меня, господа люди, госпожи улицы и господа деревья и сады, все-то вы меня обманывали!.. Отчего эте вы ни разу не сказали мнѣ, какъ вы измучились, какъ вы

много утаили отъ меня вашего горя? Отчего это, государи глухіе переулки, не сказали вы мнѣ ни единаго слова о томъ, что мнѣ надо идти стоять за васъ горой, что мнѣ надо имѣть руки желѣзныя, сердце лютое и око недреманное? Отчего вы, бѣдняги мои, старались всегда «укачать» меня, заговорить меня веселыми словами, когда я плакалъ отъ безсознательной тоски; говорили мнѣ: «не думай!»—вмѣсто того, чтобы разбудить, сказать: «думай, братъ, за насъ, потому нашихъ силъ нѣту больше!..» Убаюканный вами, я спокойно спалъ и не зналъ, что въ темныя осеннія и зимнія ночи, когда на дворѣ хлещетъ дождь или воетъ вьюга, вы поѣдомъ ѣли, ни въ чемъ неповинные, другъ друга и проклинали свою адскую жизнь. Зачѣмъ ничего-то этого вы мнѣ не сказали? Зачѣмъ я не зналъ, что измучили васъ эти ночи, измучили дни, измучили эти дома и сады—развѣ я такой бы былъ? Развѣ бы я не постоялъ за васъ, горемычные мои? А вы все молчали, да таили, да прятали... посмотрите-ка, какъ я измучился-то, покуда узналъ!..»

«— Да вѣдь это мы любя! вѣдь мы всю душу-то, какова она есть... тебѣ!» — отвѣчали бы мнѣ на мой упрекъ всѣ эти знакомыя мѣста, эти разросшіеся сады, знакомые звуки колоколовъ...

Вотъ это-то и было трудно, невозможно перенести... Они клали въ меня всю душу, а я приду упрекать ихъ—это нехорошо, обидно, а не упрекать невозможно... Если бы я такъ, просто, безъ всякихъ монологовъ, явился къ нимъ, то одинъ видъ мой сразу бы измучилъ ихъ. Они чутки, ужасъ какъ чутки на мученіе — и сразу бы при одномъ взглядѣ поняли, что ихъ любовь не спасла меня... а это еще хуже всякаго упрека.

Вотъ почему я рѣшился никуда не показывать глазъ изъ моего номера: я даже опустилъ шторы въ окнахъ и усиливался представить себѣ, что я не дома, не на родинѣ, а тамъ, въ какой-то невѣдомой странѣ, гдѣ неаккуратно доходятъ письма, гдѣ перевираютъ депеши. Но, несмотря на спущенныя шторы, тучи, вереницы воспоминаній такъ и рвутся, такъ и лѣзутъ въ эту комнату...

Морозное утро; я ѣду въ гимназію, ѣду веселый, довольный; я знаю, что мнѣ не поставятъ единицы, не оставятъ безъ обѣда, не тронутъ пальцемъ... Тамъ ужъ позаботились, чтобы ничего этого не было... Даже такъ позаботились, что учителя явно несправедливо ставятъ мнѣ отличныя отмѣтки... Нѣтъ!

— Тимоѳей! — отгоняю я эти воспоминанія и кричу въ коридоръ. Тимоѳей несется на всѣхъ парахъ и на ходу возвѣщаетъ:

— Не приходила!..

— Какъ не приходила?..

— Да стало-быть, что не было... Сейчасъ бѣгалъ... говорятъ, нѣту!

— Какъ нѣту?

Я говорю это, чтобы отдѣлаться отъ воспоминанія о томъ, что̀ было въ классѣ, въ который вошелъ я... Воспоминанія такъ непріятны, что я ужъ самъ не знаю, какой еще задать Тимоѳею вопросъ, чтобы только слушать какой-нибудь другой голосъ, а не тотъ, какой звучитъ во мнѣ...

— Сабашникову, — бормочетъ Тимоѳей: — точно было письмо. Еще было этому... какъ его?.. Щекотуркину... толстое... Ну, а Болтушкину — такъ ужъ ахъ сколько оказалось пакетовъ—чистая страсть!

— Болтушкину?

— И Болтушкину и Животову... Что̀ Животову, что̀ Болтушкину—такъ это одно поглядѣнья достойно... И что̀ такъ много пишутъ?

Тимоѳей философствуетъ довольно долго, и я внимательнѣйшимъ образомъ слушаю его. Въ самомъ дѣлѣ: отчего такъ много получаетъ писемъ этотъ Болтушкинъ? И объ чемъ ему пишутъ?—стараюсь сообразить я и, чтобы удержать разговорившагося Тимоѳея, говорю:

— Животовъ тоже много получаетъ?

— Животовъ? Животовъ писемъ получаетъ цѣлую прорву!.. Вотъ какъ я скажу...

— А Болтушкинъ?

— Ну, и Болтушкинъ... тоже хорошо... довольно деликатно ведетъ дѣло...

— Болтушкинъ-то?

— И Болтушкинъ, и еще вотъ молодой тутъ есть одинъ, Кузнецовъ, купецъ... въ родѣ какъ сумасшедшій; ну что доберъ — такъ ужъ нѣтъ его добрѣй, надо сказать прямо. Болтушкинъ что̀? Или тотъ Семиглазовъ! — положимъ, что само собой — ну, что Кузнецовъ или, опять взять, еще дьяконъ у насъ есть Гвоздевъ—ну, и басище же!—владыко живота моего!

Передаю рѣчи Тимоѳея такъ, какъ они доходили до моего пониманія; многаго я не слыхалъ, отгоняя свои разговоры; по всей вѣроятности, въ его рѣчахъ была связь, но я этой

связи уловить не могъ. Я слышалъ что-то про дьякона, про пакеты, Кузнецовъ, Болтушкинъ, «а то вотъ еще скворецъ у меня былъ» — только я былъ очень благодаренъ Тимоѳею за его разговорчивость. Мало-по-малу, благодаря ему, я начинаю ровно ничего не понимать и задумываюсь надъ какимъ-нибудь совершенно постороннимъ вопросомъ, возникшимъ изъ разговоровъ Тимоѳея, и долго послѣ его ухода думаю или о дьяконѣ, о басѣ, или скворцѣ, и задаю себѣ вопросъ: можно ли выучить скворца пѣть «Коль славенъ»? Тимоѳей говоритъ, что можно... Иной разъ, благодаря Тимоѳею, подвернется такая тема, что понемногу унесешься за тридевять земель... а тамъ устанешь и кой-какъ заснешь... Но и во снѣ постоянно меня что-то грызло, что-то ѣло; не письма, не бумаги, а все тѣ же воспоминанія, тотъ же несправедливый упрекъ, закаменѣвшій у меня въ сердцѣ, тяготилъ и давилъ меня... Просыпался я чуть свѣтъ, больной, точно избитый, и сразу вспоминалъ, гдѣ я, что около меня, и почти съ испугомъ опять вопилъ къ бѣдному Тимоѳею.

— Да ты какъ спрашивалъ-то?—вопіялъ я въ страстномъ нетерпѣніи уѣхать изъ этого мучительнаго мѣста.

— Да вамъ спрашивалъ.

— Какъ же именно?

— Да собственно на ваше имя... Нѣтъ ли, молъ—говорю... нѣтъ, говорятъ, нѣтъ...

— Да какъ же, какъ, молъ, фамилія?

— Тамъ въ запискѣ сказано.

— Да цѣла ли записка-то?

— Куда ей дѣться?—извѣстно, цѣла.

— Нѣту?

— Нѣтъ, говорятъ, не было... Животову есть и Звѣреву есть, а вамъ нѣтъ...

И такъ вновь начинается мучительный день.

А на дворѣ іюль, раскаленные, нестерпимо жаркіе дни... Пыль несется на окна съ пустой улицы... Въ номерѣ мухи, запахъ кухни... Поваръ неистово стучитъ ножомъ гдѣ-то очень близко и колотитъ имъ, повидимому, по чемъ ни попало... «По грушу, по грушу!» — долго, по крайней мѣрѣ съ полчаса, визжитъ (буквально) торговка, и этотъ визгъ опять напоминаетъ кой-что... Стараясь заглушить это кой-что размышленіемъ о томъ, что будутъ дѣлать съ моимъ письмомъ, если его занесетъ куда-нибудь въ Тифлисъ вмѣсто Москвы... Ударъ въ колоколъ «къ вечернѣ»... Представляю

себѣ, какъ чешетъ косы дьяконъ, басъ, какъ онъ откашливается послѣ сна и пьетъ квасъ... и опять кой-что вспоминаю... Слава Богу—кто-то гаркнулъ, не то на дворѣ, не то на улицѣ: «Что-жъ салме-то, черти этакіе? Сидитъ баринъ — чуть живой...» — «Чортъ и съ бариномъ-то съ твоимъ»,—отвѣчаетъ тоже невѣдомо откуда другой голосъ... Обдумываю — почему не несутъ салме?.. Вдругъ — подъ окнами раздается какое-то неистовое царапанье по камнямъ... Это плетется пьяный мужикъ, плетется почти безъ памяти. Я не глядѣлъ въ окно, шторы у меня были опущены, но я твердо зналъ, что это именно плетется пьяный мужикъ; зналъ, какъ именно онъ плетется и что̀ чувствуетъ, и какъ у него едва-едва что-то брезжитъ въ головѣ; зналъ, что захмелѣлъ онъ такъ неистово не больше какъ отъ одного стаканчика, выпитаго на тощій желудокъ безъ закуски, на которую мужикъ пожалѣлъ денегъ; зналъ, что первый тротуарный столбъ, подвернувшійся ему подъ ногу, свалитъ его въ канаву, откуда ужъ ему не будетъ никакой возможности выбраться... Не глядя въ окно, я видѣлъ, какъ на этого мужика, барахтающагося и всего вымазаннаго грязью, безсильнаго, очевидно, ничего не понимающаго, будутъ смотрѣть и посмѣиваться лавочники, приговаривать: «Такъ, такъ—ишь разукрасился какъ, вотъ такъ ловко! Ха-ха-ха! — совсѣмъ съ головой въ лужу юркнулъ: утка, одно слово!..» Видѣлъ, какъ на этого мужика смотрѣлъ изъ окна чиновникъ, только-что вставшій отъ послѣобѣденнаго сна, и зналъ, что этому зрителю будетъ скучно, когда наконецъ уведутъ этого мужика въ часть; а уведутъ его непремѣнно и безчеловѣчно... Медленно подойдетъ городовой и, какъ спеціалистъ своего дѣла, сначала разгонитъ публику, наблюдающую безпомощное валянье безсильнаго человѣка въ грязи, а потомъ приступитъ и къ самому этому человѣку... Онъ будетъ приставать къ нему съ разспросами, зная, что онъ отвѣчать ничего не можетъ, потому что ничего не понимаетъ... Будетъ его гнать, кричать: «ступай, ступай!.. нашелъ мѣсто!», зная, что онъ не можетъ идти, не можетъ сдѣлать шагу; будетъ дергать его за руки и тѣмъ еще болѣе ставить въ безпомощное положеніе... «Гас-сс-спадинъ!»—одолѣетъ кое-какъ произнести безрукій, безногій, ничего не понимающій человѣкъ, какъ бы приглашая войти въ его положеніе, но всякій служащій обществу русскій человѣкъ считаетъ за службу именно только необходимость не входить ни въ чье положеніе... Его пріучили

думать, что слугою онъ будетъ только тогда, когда выработаетъ въ себѣ способность поступать противъ собственныхъ соображеній и противъ движеній собственнаго сердца. Надъ мужикомъ поэтому не только не сжалятся, а, напротивъ, начнутъ его рвать и трепать; поставивъ кое-какъ на ноги, его вдругъ поволокутъ что̀ есть духу, такъ что непремѣнно придется упасть снова... Вотъ онъ ударился головой объ уголъ стѣны, ударился крѣпко, больно, такъ больно, что даже закряхтѣлъ... хотѣлъ поднести руку къ затылку, но его рванули за руку и опять поволокли... Всю дорогу его осыпаютъ ругательствами, всю дорогу онъ получаетъ пинки... «Чего сталъ? Н-оо! ид-ди! нажрался, ненасытная твоя утроба!» Зналъ я, что такъ его протащатъ улицы двѣ-три, что онъ дорогою весь изобьется объ стѣны и объ камни, что у него непремѣнно раздерется мѣстахъ въ десяти рубаха, что онъ потеряетъ шапку, рублевую бумажку, паспортъ, за который потомъ расплатится еще горше... Зналъ, что его такъ толконутъ въ темную кутузку, что онъ, ударившись вискомъ объ скамейку, совсѣмъ ошалѣетъ и повалится безъ всякаго «знаку», то-есть безъ памяти... Очнувшись ночью, весь больной и избитый, ничего не понимая, не зная, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ, онъ догадается, что у него пропали деньги, будетъ охать и стонать и отъ боли и отъ пропажи, будетъ стараться выйти изъ этой темноты, будетъ стучать въ дверь, въ стѣну, будетъ просить «испить», но ему никто не отвѣтитъ ни единаго слова... «Охъ, смерть моя... Ахъ, ахъ, охъ.. а-а-а-ахъ-ты, Царица Небесная!.. Жжетъ!..»—безъ отвѣта будетъ раздаваться въ темнотѣ кутузки всю-то, всю темную, длинную ночь...

— Тимоѳей, Тимоѳей! — кричу я опять въ коридоръ. — Да что̀ же это?.. Когда же наконецъ?

Но на этотъ разъ даже Тимоѳея не оказывается въ коридорѣ, и мнѣ приходится оставаться одному.

II.

Такъ прошла цѣлая недѣля и потянулась другая... Болтушкинъ, Животовъ и Кузнецовъ аккуратно получали каждый день «удивленье даже» (слова Тимоѳея) сколько писемъ, а я все ничего не получалъ... Я сталъ понемногу затихать, точно опускался на дно глубокой рѣки, точно тонулъ въ неизвѣстности и темнотѣ сегодняшняго и завтрашняго дня. Этому помогло еще слѣдующее обстоятельство: догадало меня попросить Тимоѳея сходить въ книж-

ную лавку, принести какую-нибудь книгу; онъ принесъ романъ: «Похожденія Рокамболя»... Съ большимъ, признаться, презрѣніемъ посмотрѣлъ я на эту книгу и почти съ отвращеніемъ прочелъ первую страницу: все до того глупо и неестественно съ самой первой строки, что, казалось бы, надо просто бросить сейчасъ же книгу подъ столъ— не тутъ-то было. Мое неестественное состояніе оторванности отъ окружающей дѣйствительности, мое желаніе забыть мѣсто, гдѣ я былъ теперь, и все, что̀ съ этимъ мѣстомъ связано, заставило меня именно заинтересоваться неестественностью романа и среди полнаго моего душевнаго одиночества отдать господину Рокамболю всѣ мои симпатіи... Я понялъ въ эти минуты, почему нелѣпый, ничего живого не заключающій въ себѣ французскій романъ маленькихъ газетокъ съ такою жадностью читается бѣднымъ рабочимъ классомъ; болѣе ужаснаго одиночества, въ которое поставленъ европейскій рабочій, трудно себѣ представить; революція, увѣривъ его, что онъ — не скотъ, а человѣкъ, все-таки до сей минуты не дала ему уюта, а оставила одного среди пустой площади и сказала: «ну, братъ, теперь живи, какъ знаешь». Кругомъ него все чужіе — и вотъ почему Рокамболь, сто разъ умирающій, сто разъ воскресающій, можетъ заставлять грустить и радоваться одинокое сердце... Пожалуйста, господа романисты, берите краски для романовъ, которые пишете вы рабочему одинокому человѣку, еще гуще, еще грубѣе тѣхъ, какія вы до сихъ поръ брали... Одиночество человѣка становится все ужаснѣе, судьба загоняетъ его все въ болѣе и болѣе темный уголъ, откуда не видно свѣта, не слышно звуковъ жизни... Бейте же въ барабаны, колотите что̀ есть мочи въ мѣдныя тарелки, старайтесь представить любовь необычайно жгучею, чтобы она въ самомъ дѣлѣ прожгла нервы, также въ самомъ дѣлѣ сожженные настоящимъ, заправскимъ огнемъ... Не церемоньтесь поэтому, господа дешевые романисты, рисовать все, что̀ есть хорошаго въ жизни, самыми аляповатыми красками, доводить черты красиваго, великаго до громадныхъ размѣровъ, чтобы намъ было видно ихъ изъ такой страшной дали... Пусть невинность въ вашихъ романахъ не продается ни за какія деньги, пусть бѣдная, умирающая съ голоду прачка будетъ въ вашихъ произведеніяхъ настолько невѣроятна, что не только не согласится продать себя, а, напротивъ, вопреки всякимъ смысламъ, возьметъ и сожжетъ на свѣчкѣ, тутъ же, передъ

глазами ея покупателя и передъ изумленными глазами читателей, банковый билетъ (смѣло пишите цифру и не церемоньтесь съ сотнями тысячъ и даже милліонами), который ей даютъ въ руки и который въ одну минуту можетъ возвеличить ее. Пусть она непремѣнно этотъ билетъ сожжетъ, а сама все-таки умретъ съ голоду... Такъ же невѣроятно и невозможно представляйте вы, господа романисты, и всѣ другія человѣческія отношенія... Красота женщинъ должна изображаться особенно нелѣпо: грудь непремѣнно должна быть роскошна до неприличія; сравнивайте ее съ двумя огнедышащими горами, съ геркулесовыми столпами, съ египетскими пирамидами... Только такими невѣроятными преувеличеніями вы можете заброшенному въ безысходную тьму одиночества человѣку дать приблизительное понятіе о томъ, что̀ другимъ доступно въ настоящемъ безыскусственномъ видѣ дѣйствительной красоты... Безъ этихъ преувеличеній ему нѣтъ возможности ощутить и пережить хоть что-либо подобное, нѣтъ возможности узнать ни красоты души ни красоты формъ... Грудь работящихъ женщинъ сохнетъ рано—и ужъ какія же формы послѣ пяти-десяти лѣтъ поденной работы? И гдѣ въ этой тьмѣ кромѣшной найдутся такія прачки, которыя бы подорожили своею невинностью за сумму и гораздо меньшую, чѣмъ сотни тысячъ и милліоны?.. Если бы не являлся нелѣпый романистъ и не вралъ намъ, темнымъ людямъ, про этихъ прачекъ, про этихъ красавицъ, не нагородилъ бы намъ съ три короба про разныя какія-то добродѣтели необыкновенныя, то, право, жизнь, т.-е. одна только голая дѣйствительность, сумѣла бы совсѣмъ отучить темныхъ одинокихъ людей отъ самомалѣйшей тѣни представленій добродѣтели, красоты, невинности... Слѣдуя этому плану, господа нелѣпые романисты могутъ быть увѣрены, что ихъ Рокамболь можетъ воскресать сто тысячъ разъ, и всякій разъ его примутъ съ распростертыми объятіями... Онъ въ этой тьмѣ одиночества—другъ и пріятель, вокругъ котораго жизнь кипитъ ключомъ, какъ вода вокругъ пароходнаго колеса; возможно ли съ нимъ разстаться когда-нибудь?

Въ этой невозможности я убѣдился на собственномъ опытѣ. Среди полнаго моего одиночества Рокамболь окружилъ меня такою чепухой и въ такое короткое время, что я, самъ не замѣчая этого, радъ былъ принять эту чепуху за дѣйствительность (такъ какъ настоящую-то дѣйствительность я старался забыть)—и зачитался... Когда подъ конецъ

третьяго тома Рокамболю пришлось плохо (ему обожгли рожу порохомъ), я очень его жалѣлъ,—и жалѣлъ потому, что боялся: ну-ка онъ не переживетъ, и я останусь одинъ?.. Къ великой моей радости, Тимоѳей, возвратясь изъ книжной лавки, подалъ мнѣ продолженіе, называвшееся: «Воскресшій Рокамболь», съ помѣткою—томъ 1-й. «Э!—подумалъ я, обрадовавшись:—томъ 1-й! стало-быть, ихъ пойдетъ еще много», и съ величайшею радостью принялся за чтеніе... Оказалось, что рожу Рокамболю вылѣчили какъ пельзя лучше (я почувствовалъ уваженіе къ наукѣ), и онъ снова пошелъ въ ходъ, а я съ легкимъ сердцемъ поплелся за нимъ... Но подъ конецъ третьяго тома положеніе мое сдѣлалось весьма затруднительнымъ... На сценѣ явился русскій казакъ, ростомъ въ полторы сажени, съ кулаками по полупуду, а то по цѣлому пуду, и я видѣлъ, что теперь Рокамболю предстоитъ явная смерть... Дѣйствительно, казакъ бросилъ Рокамболя въ воду... Я все ждалъ, что онъ какъ-нибудь выплыветъ, но авторъ заставилъ испытать мое чувство глубокой жалости, на цѣломъ десяткѣ страницъ поддерживая эту надежду, и подъ конецъ объявилъ, что—не выплылъ. Подъ этимъ подписано: «конецъ». Я почувствовалъ, что и мнѣ теперь—«конецъ». Тимоѳей понесъ книги въ лавку, а я вновь долженъ былъ отдаться ужъ настоящей дѣйствительности, что̀, послѣ столь отдаленныхъ странствованій, казалось поистинѣ невыносимымъ... Что̀ дѣлать?—думалъ я...

Поистинѣ неописуемое счастье испыталъ я, когда Тимоѳей возвратился изъ лавки съ запиской, въ которой было сказано: «*Ево ище много будетъ, воскрещева... Какъ отдастъ Животовъ биззамедленія предоставлю. Покудова посылаю журналъ; Будетъ вторительно воскресать въ пяти частяхъ*». Точно манна небесная была для меня эта записка. Ужъ какъ я былъ благодаренъ этому «книжному лавочнику»! Я зналъ его, этого придурковатаго мѣщанина, пріютившагося на базарѣ въ маленькой лавчонкѣ съ разною мелочью (табакъ, спички), покупавшаго у гимназистовъ книги и снабжавшаго чтеніемъ бѣдный людъ. Тимоѳей сказалъ мнѣ, что этотъ лавочникъ—все тотъ же самый; «пьетъ шибко! — прибавилъ онъ:—а человѣкъ ничего...» Надо быть золотымъ человѣкомъ, чтобы такъ понять тоску читателя и предупредить его, чтобы онъ не скучалъ, что еще будетъ много «ево», «воскрещева»... Сколько добра сдѣлалъ на своемъ вѣку этотъ человѣкъ, подумалъ я, и сколько

перенесъ онъ всякаго горя. Одинъ лавочникъ, торгующій папиросами, у котораго нанимаетъ онъ уголокъ для своихъ книгъ, одинъ этотъ лавочникъ вотъ уже лѣтъ двадцать ругаетъ его за то, что у него нѣтъ никакой торговли, такъ какъ дѣйствительно ея нѣтъ: книгу возьмутъ и не отдадутъ; это—ужъ такой провинціальный законъ... А онъ все терпитъ, все похлопываетъ пальцемъ по оберткѣ «Тайнъ мадридскаго двора»—и читаетъ о нихъ лекцію и табачному лавочнику, и писцу съ почты, и мѣщанину, который хочетъ «почитаться» чего-нибудь...

Воспоминанія о книжной лавкѣ на толкучкѣ, о вѣчно красномъ носѣ ея хозяина, о его страсти къ литературѣ и его литературныхъ мнѣніяхъ снова повернули мою мысль на старое, на прошлое, и я, чтобы забыться, волей-неволей взялся за книгу, которую принесъ мнѣ Тимоѳей вмѣстѣ съ запиской... Это былъ одинъ изъ старыхъ нумеровъ лучшаго русскаго журнала... Все было знакомо, прочитано; одинъ видъ и форматъ страницъ, одни названія статей сразу напоминали необычайно много, что, послѣ Рокамболя, послѣ полнаго забвенія дѣйствительности, было вовсе некстати... Что-нибудь однакоже надо было дѣлать съ этой книгой, она была у меня въ рукахъ... Послѣ Рокамболя, который меня совершенно вывихнулъ, перевернулъ вверхъ ногами «вся внутренняя моя», мнѣ и тутъ, въ этой очень дорогой книгѣ, хотѣлось отыскать что-нибудь такое, что бы хоть отчасти поддерживало эту вывихнутость,—что-нибудь такое, что бы не имѣло съ дѣйствительностью никакого соотвѣтствія... И къ великому моему удовольствію я дѣйствительно нашелъ въ ней, именно теперь, ни съ чѣмъ несоотвѣтственную страничку... «Парижскія моды»—прочиталъ я—и обрадовался. «Вотъ, подумалъ я, штука, которую я никогда не читалъ... «Моды»... Въ этакомъ журналѣ!.. Это что-то, должно-быть, очень интересное...» «На послѣднемъ придворномъ балу въ Тюйльери бѣлый фай окончательно затмилъ собою атласъ... Герцогиня де-Б***, вопреки существовавшимъ предразсудкамъ, вновь ввела въ употребленіе живые цвѣты и тѣмъ самымъ навсегда упрочила за собою авторитетъ изящнаго вкуса, на ряду съ своей высокой покровительницей, императрицей Евгеніей, которая, несмотря на кратковременность своего царствованія, уже успѣла далеко двинуть задержанное революціей сложное дѣло женскаго туалета... Теперь, когда крахмаленныя юбки съ такимъ позоромъ уступаютъ мѣсто .. и когда «жокей-клубъ»

пораженъ въ самое сердце «ес-букетомъ», не мѣсто было бы задумываться надъ тѣмъ, что должны дѣлать наши соотечественницы... Короче, неизбѣжность, помимо утренняго неглиже, практиковать также и неглиже вечернее—не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Потребность облагородить вкусы массъ сознана учеными всѣхъ вѣковъ и народовъ, и графиня де-В*** первая показала примѣръ необходимой въ этомъ отношеніи развязности, граничащей почти съ античною наготою... Нельзя не отдать справедливости изящному вкусу французовъ, неистощимости ихъ фантазіи, и вообще нельзя не признать за этими, нынѣ нашими врагами...»

Статейка была написана довольно мило и такъ серьезно держала себя среди самыхъ безсмысленныхъ словоизверженій, что я могъ чувствовать одно только тихое удовольствіе. Неожиданно наткнувшись на фразу: «нынѣ нашими врагами», я какъ бы очнулся и невольно перевернулъ книгу съ послѣдней страницы, гдѣ помѣщаются моды, на первую, чтобы взглянуть, когда именно происходили подвиги этого необычайнаго самоотверженія герцогини Б*** и графини В***. Перевернулъ книгу—и обомлѣлъ! Батюшки! да вѣдь это—1854 г., самый разгаръ войны!.. При началѣ книги было приложено объявленіе, въ которомъ редакція говоритъ, что «успѣхъ превзошелъ всѣ ея ожиданія, и изъ двухъ тысячъ печатаемыхъ экземпляровъ въ настоящее время не осталось ужъ ни одного»... Двѣ тысячи читателей на всю Россію, на шестьдесятъ милліоновъ народу, двѣ тысячи читателей, для одной части которыхъ нужно писать о модахъ (именно *нужно* писать, потому что такъ, ни съ того ни съ сего, издатель, какъ коммерческій человѣкъ, не станетъ дѣлать этого), писать о модахъ въ такую ужасную минуту, какъ война, и какая война!.. Точно варомъ обдало меня отъ одного взгляда на эту первую страничку, на это объявленіе; отъ Рокамболя не осталось слѣда, потому что въ одно мгновеніе предо мною пронеслась картина тогдашняго положенія русской земли вообще и моей родины въ особенности, обнаруженная и то частью только, и я съ ужасомъ вспомнилъ, что въ то именно время, когда герцогиня Б*** дѣлала такія смѣлыя нововведенія, толпа, то-есть милліоны русскихъ людей родились, росли и развивались въ зараженной атмосферѣ безсознательности, точно въ самомъ свѣжемъ воздухѣ... Страшный опытъ одинъ только научилъ эту толпу задумываться надъ своей совѣстью; помимо его, этого ужаснаго опыта, для всѣхъ этихъ без-

численныхъ милліоновъ народа, составляющихъ русскую землю, не было ниоткуда словечка правды о ея положеніи... Вотъ книга, духовная мать всего, что̀ есть въ толпѣ мало-мальски сознательно хорошаго; эта книга, какъ копеечная свѣчка, одна только свѣтила на всю землю. Да и той приходилось ухаживать за почтенной публикой, раздавать ей модныя картинки, чуть не пряники, чтобы просунуть въ глубину этихъ милліоновъ страничку, много листъ, замаскированной, наглухо запутанной правды... Могла ли книга прямо и грозно назвать вещи по именамъ, могла ли вмѣсто парижскихъ модъ дать рисунки свороченныхъ скулъ, говорила ли, что всѣ вы, всѣ эти милліоны, давно ужъ прогнѣвали Бога? Могла ли она сдѣлать это? Должно-быть, не могла, потому что не говорила или говорила робко, приниженно... Въ то время, какъ общественная душа, душа толпы, была ужъ окончательно искалѣчена, двѣ тысячи читателей умилялись надъ несчастьями помѣщичьяго будуара... Выводя на сцену самаго лучшаго человѣка тогдашняго времени съ рѣчью о благѣ человѣчества на устахъ, можно было какъ нельзя лучше обойтись безъ присутствія на сценѣ мужика, которому однакожъ очень бы нужно было въ то время доброе слово... Даже въ художественномъ отношеніи, отсутствіе въ романѣ матеріала (пропалъ мужикъ) для приложенія извѣстныхъ идей нисколько не вредило произведенію. Авторъ могъ держать своего героя исключительно въ одной только помѣщичьей гостиной, могъ показать его здѣсь во всей его широтѣ, и читатель ни разу бы не спросилъ себя: почему же онъ не оставитъ этой гостиной и не пойдетъ по грязи въ эту размоченную деревеньку, которая тутъ, подъ самымъ бокомъ у этой гостиной? Такъ глубоко была толпа проникнута безсердечіемъ, отвычкою отъ совѣсти и любви! Откуда же сразу взять все это?..

Разъ задумавшись о томъ, о чемъ до сихъ поръ я старался не думать, я ужъ не могъ остановиться. Тимоѳей съ торжествомъ принесъ мнѣ «Воскресшаго Рокамболя», но я его не читалъ, а потребовалъ журналовъ, такихъ же старыхъ, если только есть; я просилъ прислать всѣ, какіе есть. Лавочникъ прислалъ мнѣ цѣлую кучу; все это были разрозненные нумера разныхъ изданій, начиная въ шестидесятыхъ годовъ... Я былъ радъ повторить все пережитое и передуманное; заперъ номеръ, улегся и принялся за чтеніе. Боже милосердный, какъ мучительно было мнѣ смотрѣть на автора новыхъ временъ, на романиста новыхъ людей!..

Мнѣ было поистинѣ страшно за него, особенно въ виду только-что вновь пережитаго мною прошлаго, страшно за «необходимость» во что бы то ни стало создавать новыхъ, совсѣмъ-совсѣмъ новыхъ людей. Въ этихъ людяхъ у всей толпы дѣйствительно была самая настоятельная надобность: она, толпа, какъ и авторъ, представитель этой толпы, узнала самымъ обстоятельнымъ образомъ, что съ прошлымъ разорвана всякая связь, разорвана вдругъ, въ одинъ прекрасный день; давайте самой чистой «нравственности, самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей, самой сущей правды»... Изъ чего онъ вылѣпитъ все это?—думалъ я и ужасался... Во что одѣнетъ онъ свои благородныя желанія и мысли, откуда возьметъ чистую, незараженную кровь, здоровую, сильную, чуткую плоть? Но авторъ, несмотря на безвыходность своего положенія, покоряясь общественному требованію и требованію своей совѣсти, принялся лѣпить новыхъ людей, а я съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на его работу... Откуда взять ему героя?.. Изъ народа? Бѣда его, что народа онъ совсѣмъ не знаетъ, да и какіе тамъ герои?.. Изъ господъ?—Ну ужъ... Изъ купцовъ? Аршинники и архиплуты... Куда ни кинь—клинъ. И вотъ надо выводить его изъ какихъ-нибудь необычайныхъ условій... Надобно изолировать дѣтство его отъ всѣхъ условій, при которыхъ шло дѣтство толпы (въ одной повѣсти герой росъ почти между жеребятами), надобно отучить отъ всѣхъ привычекъ прежней толпы, отъ всѣхъ ея вкусовъ, обычаевъ, свойствъ, и волей-неволей авторъ заставляетъ своего любимца питаться чуть не бекасиною дробью, вмѣсто разносоловъ; дѣлаетъ сильнымъ невѣроятно и устраиваетъ ему обстановку необыкновенную. Купается онъ не какъ всѣ—днемъ, а въ полночь; не какъ всѣ—идетъ въ воду съ берега, а бросается со скалы. Эти невѣроятныя краски, преувеличенія, выдумки какъ нельзя лучше говорили мнѣ, въ какомъ ужасномъ положеніи осталась отъ прошлаго душа толпы. Каждую черту надо выдумывать, изобрѣтать, потому что нѣтъ ея подъ рукою, или не знаешь, гдѣ взять... Я съ глубокимъ почтеніемъ къ неномѣрнымъ усиліямъ удовлетворить настоятельную жажду общественной совѣсти въ великомъ, сильномъ и честномъ—перечитывалъ всѣ эти сказанія о новыхъ людяхъ, но не могъ не чувствовать, что между этими крайностями, то-есть между недавнимъ, безпримѣрнымъ нравственнымъ паденіемъ и безпримѣрною жаждою новаго и возвышеннаго, есть третья черта, черта подлиннаго состоя-

нія общественной души, забытая авторами и старыми и новыми: эта черта—страданіе. Новый авторъ, рисуя для пробужденной совѣсти образцы, въ которые должно бы облечься это пробужденіе, но не говоря ни слова о страданіяхъ, о борьбѣ съ самимъ собою,—страданіяхъ и борьбѣ, которыя неизбѣжно должны были обрушиться на всякаго обезсиленнаго нравственно человѣка, поставленнаго въ необходимость быть нравственно сильнымъ,—авторъ дѣлалъ большой промахъ, предоставляя измученному представителю толпы биться какъ рыба объ ледъ, и давалъ полную возможность врагамъ своихъ идеаловъ во все горло хохотать надъ ошибками, безсиліемъ, недомысліемъ человѣка, торопившагося перебраться съ одного берега на другой, торопившаго отъ неправды, безсовѣстности уйти къ совѣсти и правдѣ во всемъ...

Начинало разсвѣтать, когда я кончилъ какой-то новый романъ (ни одинъ почти изъ такихъ романовъ не конченъ, и дѣйствительно автору впору было только въ общихъ чертахъ обрисовывать героя, а жить этому герою еще не было никакой возможности—стало-быть, не было возможности и писать романа)—и задумался объ этомъ мучительно-нравственномъ состояніи толпы, послѣдовавшемъ вслѣдъ за пробужденіемъ ея мертво спавшей совѣсти, и мгновенно предо мною пронеслась цѣлая вереница смертей, — смертей отъ испуга при видѣ подлинной сущности самого себя... Одинъ рванулся къ свѣту и съ ужасомъ увидалъ, что онъ безъ ногъ, что какъ бы онъ ни желалъ идти,—онъ не можетъ сдѣлать шагу... Другой вдругъ нежданно-негаданно увидалъ и узналъ, что вмѣсто сердца у него — деревяжка или пустое мѣсто, а жизнь какъ нарочно потребовала сердца, да еще какого большого!.. Правда и совѣсть нежданно-негаданно, среди заматорѣлой безсовѣстности, среди прочно укрѣпившейся, довольной, покойной неправды, точно прикосновеніе свѣжаго воздуха къ трупамъ—произвели разложеніе этихъ труповъ, которые до сего времени почти невредимо сохранялись въ лишенномъ воздуха мѣстѣ... Толпы этихъ невинно убіенныхъ совѣстью людей, буквально толпы, неслись въ моемъ воображеніи, не прекращая своего мрачнаго шествія ни на минуту и не обѣщая конца... Да,—подумалъ я:—еще долго, безконечно долго, еще въ большомъ количествѣ поколѣній будутъ отдаваться слѣды вѣковой неправды! Долго еще состояніе души его будетъ одинъ подавленный, скрытый крикъ, прежде нежели пере-

болитъ онъ и, очистившись въ глубокомъ страданіи, покорится тернистому пути, который ему предлежитъ, всѣмъ сердцемъ, всею душою поймётъ и почувствуетъ, что этотъ-то путь и есть настоящій, и есть настоящая правда и жизнь...

А тѣни погибшихъ друзей, товарищей, знакомыхъ такъ и гнались одна за другою... Что̀ были за лица! То измученныя, то искаженныя злобой... Благодаря разстроеннымъ нервамъ, безсонной ночи, мучительнымъ воспоминаніямъ, навѣваемымъ родиной, я въ полусумракѣ начинавшагося утра сталъ довольно явственно различать то въ томъ, то въ другомъ углу комнаты мельканье и какъ бы легкій шорохъ какихъ-то фигуръ, и даже не фигуръ, а просто стало мнѣ казаться, что въ комнатѣ есть что̀-то или кто-то кромѣ меня... Разъ даже почудилось мнѣ, что въ головахъ моей кровати о желѣзо (кровать была желѣзная) что-то чуть-чуть стукнуло, какъ стучитъ капель... Разъ и два (я думалъ объ одномъ застрѣлившемся товарищѣ)... Ужъ не кровь ли это капаетъ? — мелькнуло у меня, и я проворно вскочилъ съ постели—такъ мнѣ стало жутко... Разумѣется, ничего не было, но спать я ужъ не могъ. Что̀ бы ни было, я рѣшился уѣхать, какъ только настанетъ день. Ѣхать было необходимо,—шелъ десятый день моего бездѣйствія... Я рѣшилъ дождаться, пока встанетъ Тимоѳей, уложиться и, не дожидаясь больше ничего, ѣхать на желѣзную дорогу...

На улицѣ понемногу начиналось движеніе; я одѣлся, отворилъ окно и сталъ смотрѣть на мертво спавшій городъ. Нехотя, вяло, медленно поднимался житель: мужикъ, разумѣется, проснулся давно и уже шелъ на рынокъ за медленно двигавшимся возомъ сѣна, стучалъ гдѣ-то далеко топоромъ, подметалъ улицу и крестился широкимъ крестомъ, заслышавъ ударъ колокола... Долго и съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на эти молящіяся фигуры рабочаго народа, появлявшіяся на перекресткахъ, на тротуарахъ... Но вотъ прошелъ чиновникъ съ краснымъ околышемъ; вслѣдъ за нимъ продребезжалъ на извозчикѣ другой, съежившись и, какъ погибающій, прижавшись къ портфелю, который былъ у него подъ мышкой. Прошли кучами гимназисты, гимназистки. И точно громъ небесный грянулъ на улицѣ—промчался къ губернатору полицеймейстеръ... Иноходецъ въ корню, пристяжная кольцомъ, и даже не кольцомъ, а какъ-то совсѣмъ невѣроятно, точно она хотѣла откусить у себя хвостъ. «Пад-ди!»—басъ какъ изъ бочки

гудѣлъ изъ груди кучера. Никого почти не было на улицѣ, а при видѣ этой группы невольно мелькнула мысль—«раздавитъ!» Въ глубинѣ этой группы (т.-е. вообще всей совокупности лошадей, полицеймейстера, кучера и дрожекъ), казалось, было скрыто (гдѣ именно — опредѣлить невозможно) нѣчто разрывное, какой-то динамитъ, который вотъ-вотъ грянетъ... И сразу, при одномъ взглядѣ на нее, на эту группу, исчезли впечатлѣнія просто утра, превратившагося мгновенно въ утро губернскаго города,—утра, за которымъ потянется скучный, утомительный губернскій день... Захотѣлось ѣхать какъ можно скорѣй...

Тимоѳей всталъ и стучалъ уже въ коридорѣ посудой, шаркалъ сапожной щеткой. Я попросилъ его принести чаю и сталъ понемногу собираться; собравъ съ полу перечитанные ночью журналы, я связалъ ихъ веревочкой, но случайно при этомъ замѣтилъ, что забылъ ихъ обернуть бумагой, въ которую они были завернуты. Бумага эта—какой-то газетный листъ — валялась скомканная на полу. «N—скій справочный листокъ»—разглядѣлъ я и поднялъ его. Любопытно было поглядѣть на газетку родного города, почитать, что̀ такое пишется въ ней. Нумеръ газеты былъ старый, мѣсяца четыре тому назадъ, и очень изорванъ; тѣмъ не менѣе я все-таки могъ узнать, что на такое-то число назначено къ продажѣ за неплатежъ безчисленное количество имѣній, что на Крещеніе была сказана архіереемъ Леонтіемъ проповѣдь о послушаніи и повиновеніи, что умеръ въ уѣздномъ городѣ *** отставной генералъ-майоръ Леонидъ Леонидовичъ Непоколебимовъ, въ послѣдніе дни жизни своей «всецѣло отдавшійся садоводству, преимущественно разведенію рододендроновъ, что̀ поставило его энергію лицомъ къ лицу съ неблагодарною нашею природою»; прочиталъ о несостоявшемся земскомъ экстренномъ собраніи за неприбытіемъ гласныхъ, о пользѣ разведенія шелковичнаго червя, о бумагѣ изъ конскихъ волосъ, о маслѣ изъ дерева, о говядинѣ изъ бумаги, о мѣщанинѣ Петровѣ, по неизвѣстной причинѣ утонувшемъ, о другомъ мѣщанинѣ Ивановѣ, по неизвѣстной причинѣ избившемъ третьяго мѣщанина Кузьмина, о пожарѣ, по неизвѣстной причинѣ истребившемъ 125 домовъ, на сумму 165.677 руб. съ копейками, и т. д. Множество случаевъ изъ ежедневной жизни, причина которыхъ никому не была извѣстна, пронеслось передо мною, благодаря листку, и я уже хотѣлъ выпустить его изъ рукъ, когда въ самомъ верху первой

страницы съ оторваннымъ угломъ замѣтилъ знакомую фамилію: «...жденная (должно-быть, урожденная) Вѣра Андреевна Калашникова, 21-го года, въ отсутствіи мужа приняла растворъ... отчаяніе мужа не знаетъ границъ... Погребеніе на городскомъ кладбищѣ... причина остается неизвѣстной»... Батюшки! да вѣдь я зналъ Калашниковыхъ, я зналъ, что въ ихъ семьѣ (изъ разоренныхъ) была дѣвочка, Вѣрочка... Ужъ не она ли?..

Въ одну минуту я совершенно забылъ, что надо ѣхать, что мнѣ больно оставаться на родинѣ, вѣющей такими больными воспоминаніями, и почувствовалъ, напротивъ, непреодолимую жажду бѣжать именно туда, въ самое гнѣздо этихъ болѣзненныхъ воспоминаній, и узнать тамъ рѣшительно все, что̀ *они*, несчастные, пережили... Вѣрочка непремѣнно должна быть та самая; ей какъ разъ должно было быть двадцать или двадцать одинъ годъ... Фамилія ея Калашникова—кто же другая?.. Непремѣнно это она.

— Вотъ еще прислалъ! — сказалъ Тимоѳей, являясь съ новой пачкой книгъ въ то время, какъ я, ничего не слыша и не понимая, торопливо одѣвался.—Насилу у Животова отнялъ—не отдавалъ...

— Ты не знаешь, не слыхалъ ли,—перебилъ я его:—что̀ за исторія была у васъ—барышня какая-то отравилась?..

— Это зимой никакъ?

— Да, зимой.

— Ну, какъ не слыхать? Это тутъ вотъ, у столяра, на нашей улицѣ. Столярова жена...

При словѣ: «столярова жена» я было-подумалъ: «нѣтъ, это—не она: она была барышня»... Но Тимоѳей тотчасъ же разрушилъ эту надежду.

— Какъ не знать, весь городъ говорилъ... Вышла за столяра, за молодого... сама изъ благородныхъ...

— Отчего же это? Какъ это случилось?

— Кто-жъ ее знаетъ... Нешто это возможно знать?.. Болтали много, не упомнишь всего... Мужъ-то у ней попался — такъ, невѣдомо что̀... Столяръ не столяръ—такъ, невѣсть что̀... Все мастерство-то отцовское порѣшилъ въ конецъ... И неизвѣстно, гдѣ скрылся... Вотъ тутъ, въ нашей улицѣ, заведеніе было.

— Тутъ она и умерла?

— Въ этомъ самомъ мѣстѣ. Да вонъ домъ-то ихній.—Тимоѳей показалъ мнѣ въ окно, гдѣ именно находился этотъ домъ.—Трактиръ теперь тамъ будетъ.

Я посмотрѣлъ на домъ. Вспомнилъ маленькую Вѣрочку, какою я зналъ ее. Представилъ себѣ ея смерть... и грустно мнѣ стало глядѣть на домъ, который отдѣлывали, штукатурили и красили подъ трактиръ, какъ бы закрашивая пролитую здѣсь кровь... Черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, домъ будетъ отдѣланъ заново. Въ комнатахъ будутъ бѣгать половые съ чайниками и чашками, ходить чиновники и купцы, будутъ стучать бильярдные шары, загудитъ машина... Отъ Вѣрочки, отъ всей ея исторіи не останется ничего, никакого признака ея несчастія...

— Конечно, это Божіе дѣло! — произнесъ Тимоѳей грустно.—Ужъ, стало-быть, не отъ хорошаго она это...

«Да,—подумалъ я:—дѣло это дѣйствительно Божіе!..»

А маляръ между тѣмъ продолжалъ бойко и проворно закрашивать старую почернѣвшую стѣну стараго дома, въ которомъ умерла Вѣрочка. Полосы яркой желтой охры, ложась одна подлѣ другой, все меньше и меньше оставляли мѣсто старой копоти и, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ навѣки погребутъ подъ собою вмѣстѣ съ этой копотью и Божіе дѣло Вѣрочкиной жизни... Надо было (такъ мнѣ казалось), непремѣнно надобно было хоть что-нибудь захватить, хоть что-нибудь узнать объ этой жизни, и я, не думая болѣе ни о чемъ, торопливо, почти бѣгомъ направился въ самое сердце стараго пепелища.

III.

Признаюсь, невольная дрожь чувствовалась въ моихъ колѣняхъ, когда я съ большой главной улицы города свернулъ въ одну изъ боковыхъ,—ту самую, гдѣ именно и было то гнѣздо, на старое пепелище котораго я теперь шелъ узнавать о Вѣрочкѣ. Когда-то въ этой улицѣ во множествѣ собственныхъ домовъ жирно, неряшливо, нерасчетливо жило множество семействъ, отростковъ одного и того же древа, корень котораго, значительная въ то время въ губернской іерархіи особа съ давнихъ поръ поселилась въ этой самой улицѣ. Особа эта имѣла много дочерей, много сыновей; дочери выходили замужъ за тѣхъ, кого особа, корень этого дерева безпечальныхъ людей, выбирала имъ, считала достойными; сыновья особы брали женъ также по указанію родителя, и все это селилось въ собственныхъ домахъ, служило подъ сѣнію особы, даже подъ его большею частью непосредственнымъ начальствомъ. Пустынная когда-то часть города, въ которой впервые поселился родо-

начальникъ всей группы (довольно значительной) упомянутыхъ выше семей, мало-по-малу, съ выходомъ дочерей замужъ и женитьбой сыновей, постепенно заселилась этими семьями, обстроилась новыми домами и какъ бы образовала какое-то особое поселеніе подъ двойною верховною властью главы этой семьи,—властью его, какъ родоначальника, отца и какъ начальника, подъ вѣдомствомъ котораго большинство зятьевъ и родныхъ дѣтей состояло на службѣ. Впослѣдствіи, когда подросли внуки и внучки, семьи эти разрослись еще болѣе, разселились по разнымъ мѣстамъ (по главнымъ образомъ все-таки въ этой же улицѣ) и осложнились родственными связями съ самыми разнообразными слоями общества. Къ этому осложненію сословнаго состава семьи много способствовали также и кое-какія непредусмотрѣнныя верховною властью главы семьи обстоятельства. Такъ, одна изъ дочерей, потерявъ мужа, выбраннаго ей отцомъ, самовольно вышла замужъ во второй разъ за купца, довольно богатаго, и такимъ образомъ ввела въ родню элементъ, близкій къ простому народу... Въ роднѣ этого купца было духовенство: священники, дьяконы, дьячки, которые вслѣдствіе этого брака также вошли въ составъ этой большой колоніи. Съ другой стороны, семья, имѣвшая въ числѣ родни купцовъ и дьяконовъ, могла похвастаться родственными связями и съ значительными помѣщиками (большей частью вышедшими изъ чиновниковъ), и съ чиновниками, значительно выслужившимися... Но, несмотря на все разнообразіе сословныхъ элементовъ, входящихъ въ семью, между всѣми ними было одно сходство: всѣ они уже разорвали связь съ народомъ, изъ котораго вышли. Велико, громадно было это семейное древо, но уже въ самомъ началѣ его была червоточина, которая впослѣдствіи должна была обнаружиться въ невѣроятно быстромъ и ужасающемъ гніеніи и безплодіи. Червоточина состояла именно въ оторванности отъ правды народной, оторванности отъ совокупности условій, въ которыхъ можно и должно жить русскому народу. Глава семьи также происходилъ изъ простого званія и росъ въ крайней бѣдности; натура эта была одарена сильнымъ характеромъ, сильною волею, которые бы много сдѣлали, если бы имъ удалось быть поборниками «подлинныхъ» народныхъ нуждъ. Семейныя преданія говорятъ, что многіе изъ этой семьи, изъ которой произошелъ глава изображаемаго семейнаго древа, покоряясь именно этимъ подлиннымъ условіямъ народной жизни, были простыми

разбойниками среди большихъ дорогъ; многіе сидѣли въ тюрьмахъ и въ кандалахъ, хаживали въ Сибирь и даже участвовали въ шайкахъ Пугачева. На долю нашего героя (главы упомянутаго громаднаго семейства) выпало другое: съ молодыхъ лѣтъ онъ попалъ въ монастырь, сталъ любимцемъ настоятеля, который, замѣтивъ его способности, не оставилъ ихъ втунѣ. Помощью своихъ связей архимандритъ-настоятель далъ ходъ мальчику, по своей живой натурѣ не подходившему къ монашеской жизни (которая однако значительно оторвала его отъ пониманія непривѣтливой дѣйствительности родной ему среды), и съ шестнадцати лѣтъ опредѣлилъ его на какую-то незначительную гражданскую должность. Здѣсь «интересъ казны», интересъ такого отвлеченнаго представленія, какъ государство, могущество, которымъ располагалъ этотъ интересъ, начали понемногу захватывать большія природныя силы молодого мальца. Онъ понемногу сталъ «влюбляться» въ интересы этой могучей власти, интересы широкіе, ничуть не напоминающіе той дѣйствительной духоты жизни, той нищенской правды, въ условіяхъ которой ему пришлось родиться... И вотъ (такъ какъ его искренняя любовь къ «казенному интересу» была замѣчена, такъ какъ она была дѣйствительная любовь) изъ этого мальчика мало-по-малу сталъ вырабатываться истинный виртуозъ, истинный мученикъ того блага, которое шло сверху...

Во имя этого блага ему ничего не стоило погубить роднаго отца; во имя этого блага онъ самъ былъ готовъ идти въ огонь и въ воду. Въ рукахъ власти это было несомнѣнное копье, передъ которымъ сторонилось все личное,—все, что посмѣло бы хотя пикнуть противъ этого блага, или все, что бы посмѣло заявить о собственномъ взглядѣ на идеалъ этого блага... Истинно безпримѣрно честнымъ служеніемъ своей идеѣ, идеѣ «государственной пользы», истинно безстрашнымъ приведеніемъ ея въ исполненіе онъ былъ обязанъ своимъ медленнымъ постепеннымъ возвышеніемъ. Исполнительность, настойчивость, точность, неустрашимость, даже жестокость какая-то во всемъ этомъ—только эти качества дали ему возможность возвыситься изъ ничтожества до почестей и достигнуть значительнаго матеріальнаго обезпеченія, при чемъ онъ съ чистой совѣстью могъ сказать, что каждая копейка досталась ему кровью. Весь отдавшись безпрекословно служенію своей идеѣ, онъ безстрашно порвалъ всякую связь какъ съ горькою долей

семьи, въ которой родился, такъ и вообще съ вопросами вообще личной жизни, какъ своей, такъ и съ вопросами личной жизни и убогихъ интересовъ толпы, надъ которою онъ такъ безстрашно выполнялъ все, что повелятъ. Собственная семья его—жена и дѣти—были какъ бы маленькимъ образчикомъ его отношеній къ дѣйствительнымъ, негосударственнымъ интересамъ жизни. Къ ихъ негосударственнымъ, простымъ желаніямъ, къ ихъ индивидуальнымъ стремленіямъ онъ относился поистинѣ безъ пощады. Дѣти съ ранняго дѣтства, а жена съ перваго дня замужества должны были отказаться отъ всякаго права на какую-нибудь свободу, на какое-нибудь самое органическое самостоятельное желаніе. Ему въ исполненіи его обязанностей (считавшихся имъ священными, хотя большею частью эти обязанности ничего не заключали въ себѣ кромѣ жестокости и безчеловѣчія) никто не долженъ былъ мѣшать ни крикомъ, ни стукомъ, ни привязанностью къ чему бы и къ кому бы то ни было, ни характерною чертою права, словомъ—ни какимъ бы то ни было, самымъ малѣйшимъ проявленіемъ самостоятельности... У ребенка проявляется стремленіе къ живописи, къ музыкѣ—чепуха и вздоръ, который надо вырвать теперь же съ корнемъ: ребенокъ этотъ долженъ вырасти чиновникомъ, такимъ же безпримѣрнымъ и безотвѣтнымъ, какъ и отецъ,—въ этомъ высшая цѣль жизни, въ этомъ вся заслуга человѣка и предъ Богомъ и предъ родиной... Дочь хочетъ выйти замужъ за человѣка, который ей понравился, но этотъ человѣкъ не служитъ—и браку этому не бывать: ее самъ отецъ выдастъ за того, кого онъ полюбилъ за исполнительность и за какія-нибудь другія, тоже выгодныя для казеннаго интереса качества... И такъ было во всемъ: желѣзною волею этого человѣка была раздавлена въ самомъ корнѣ семьи всякая живая самостоятельность, вся жизнь сердца, ума, во имя чего-то высшаго дѣйствительной жизни, во имя чего-то неизмѣримо далеко отстоящаго отъ скромныхъ требованій и желаній живого человѣка. Личность была до того подавлена въ этой семьѣ, что въ поколѣніи внуковъ замѣтна была даже какъ бы боязнь чего-либо мало-мальски самостоятельнаго. Замѣтно было даже какъ бы предпочтеніе ко всему «не настоящему» (впослѣдствіи это выраженіе будетъ разъяснено подробнѣе) предъ подлиннымъ и правдивымъ. Этому, т.-е. искаженію индивидуальныхъ требованій человѣка, искаженію его природныхъ инстинктовъ и желаній, способ-

ствовало, кромѣ того, неизбѣжное присутствіе въ отношеніяхъ составлявшихъ семью лицъ лжи всякаго рода и всякаго содержанія. Корень лжи лежалъ въ необычайномъ фанатизмѣ, необычайной преданности главы семьи своимъ административнымъ фантазіямъ. Такіе фанатики, хотя и были въ обиліи въ русскомъ обществѣ въ дни нашего дѣтства, но число ихъ сравнительно съ массою, прилѣпившейся къ этимъ административнымъ фантазіямъ только изъ-за куска хлѣба или пирога, было почти ничтожное. Напротивъ, взяточничество, казнокрадство было распространено повсюду, считалось настоящимъ дѣломъ жизни, доходило до «аматерства». Нажива легкая и умѣлая поглощала плохо или почти не развитой умъ большинства неплательщичьихъ классовъ, знавшихъ большей частью на своей близкой роднѣ, а то и на собственномъ дѣтствѣ, что̀ такое нужда, что̀ такое голодное брюхо. Въ наживаніи не было другихъ цѣлей, кромѣ этого наживанія, кромѣ простой волчьей потребности удовлетворить аппетитъ, голодъ желудка. Большинство мужей, выбранныхъ «главой» для своихъ дочерей, были именно такіе люди. Безкорыстіемъ и прочими административными добродѣтелями имъ надо было только прикрываться, чтобы заслужить любовь главы, получить его дочь, а стало-быть, и протекцію и покровительство. Это былъ народъ, добивавшійся выйти въ люди и тоже разрывавшій съ правдою, начинавшій свое освобожденіе прямо съ отказа отъ своего родства съ этою правдою убожества, чтобы на ея счетъ завоевать себѣ кусокъ хлѣба—только кусокъ и больше ничего. Правда, большинство изъ нихъ шло на эту неправедную наживу изъ крайности и даже изъ благихъ побужденій: напримѣръ, изъ желанія пособить матери, выдать замужъ сестру и т. д., но не ставя ни во что ту жизнь, которая станетъ на дорогѣ къ осуществленію этихъ благихъ желаній: такъ, напримѣръ, женясь по расчету и губя чужую жизнь, эти люди уже вносили съ собою въ жизнь поврежденіе совѣсти, ложь... Такимъ-то образомъ, выдавая дочерей и женя сыновей на дочеряхъ такихъ же, «просто жадныхъ» людей, родоначальникъ семьи разводилъ вокругъ себя поколѣніе, въ корнѣ попорченное безправственностью... Въ каждой семьѣ было притворство, подавленность личная и личная другъ передъ другомъ ложь; зависимость отъ главы семьи, въ однихъ вкорененная съ дѣтства, въ другихъ (напримѣръ, въ мужьяхъ всѣхъ его дочерей) необходимая въ

виду того, что глава этотъ—кромѣ родства и начальникъ, заставляли эти насильственныя семьи вырабатывать самое лицемѣрное обличье, заставляли ежеминутно лгать, притворяться и рабствовать. И поколѣніе, которое росло въ этой средѣ, должно было дышать ложью, привыкать лгать въ каждомъ своемъ движеніи, помышленіи, взглядѣ, считать умѣнье поступить не по правдѣ, не по-настоящему за умѣнье жить, т.-е. именно за правду, за настоящую задачу жизни.

Все это могло лгать и притворяться и изощрять свои способности въ томъ и другомъ, покуда помощью этого достигалась извѣстная желанная цѣль. Цѣль эта при подавленности личности не могла быть ничѣмъ другимъ, какъ наживой, деньгами, средствами. Нажива, матеріальное благополучіе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, только одно и было дѣйствительно настоящее, непритворное жизненное побужденіе во всей этой массѣ лжи, и поколѣніе внуковъ непремѣнно должно было по инстинкту угадать эту настоящую черту, всосать ее съ молокомъ матери. Жажда грубыхъ животныхъ наслажденій поэтому ключомъ кипѣла въ глубинѣ этихъ притворно-благочестивыхъ семей. Скотскія (не совремъ, употребивъ это выраженіе) побужденія пробуждались въ дѣтяхъ рано и въ сильнѣйшей степени. Но подъ давленіемъ двойного деспотизма — зависимости отъ власти главы семьи и зависимости отъ необходимости постоянно лицемѣрить — эти грубыя, дикія животныя побужденія глубоко таились на днѣ даже самыхъ юныхъ дѣтскихъ душъ этой громадной семьи, разъѣдая эту душу жаждой грубаго наслажденія, — душу, въ которой не было уже почти возможности жаждать правды, любви къ ближнему, такъ какъ все было уже запугано въ матеряхъ и попрано примѣромъ отцовъ, женившихся изъ расчета.

Съ другой стороны, если нажива, пирогъ, кусокъ составляли корень и суть, которыми держались эти исполненныя лжи семьи, то, съ исчезновеніемъ возможности наживать все это, такъ широко разросшееся семейное дерево, о которомъ идетъ рѣчь, должно было засохнуть, сгнить, рухнуть... Такъ оно и было. Бѣдный старикъ, глава семьи, только подъ конецъ жизни увидѣлъ (и умеръ отъ этого), что, кромѣ зла, онъ не дѣлалъ ничего... Исчезла нажива—разорвалась и притворная связь мужей и женъ, отцовъ и дѣтей... Всякій норовилъ уйти отъ бѣды, всякій чувство-

валъ, что надъ нимъ виситъ Божья гроза, всякій видѣлъ передъ собой пустоту, холодную, непривѣтливую, видѣлъ, что жизнь его загублена, что спасенія ему нѣтъ... Освобожденіе крестьянъ, то-есть одно только понятіе объ *освобожденіи*, сразу внесло невозможный для разслабленныхъ семей, но великій идеалъ жизни,—жизни, основанной на честномъ трудѣ, на признаніи за мужикомъ брата: вся прошлая жизнь была именно полнымъ, безпощаднѣйшимъ и безцеремоннѣйшимъ нарушеніемъ этого смысла—и вотъ настала гибель... И въ эту-то минуту явились люди, воспитанные въ самой густотѣ неуваженія чужой личности, въ самыхъ затхлыхъ разлагающихъ понятіяхъ, напримѣръ, что не думать легче и лучше, чѣмъ думать,—что не работать лучше, чѣмъ работать,—что работать долженъ мужикъ, а я выросту большой, женюсь на богатой, поѣду за границу и т. д. Этому-то поколѣнію, воспитанному въ образцовой школѣ безсовѣстности, пришлось лицомъ къ лицу стоять съ суровой русской дѣйствительностью...

Началась съ этой минуты на Руси драма; понеслись проклятія, пошли самоубійства, отравы... Послышались и благословенія.

IV.

Вѣрочка, очевидно, была не изъ благословляющихъ. Она родилась гдѣ-то тутъ, въ этой кучѣ семей, о которой я говорилъ: она дышала этимъ скернымъ губительнымъ воздухомъ, господствовавшимъ въ семьяхъ,—и умерла. Я твердо былъ увѣренъ, что Вѣра Андреевна Калашникова—та самая Вѣрочка, какую я помнилъ маленькой дѣвочкой. Подъ впечатлѣніемъ всего вспомнившагося мнѣ о прошломъ большинствѣ русскихъ неплательщичьихъ семей, я почти со страхомъ вступилъ въ улицу, гдѣ сосредоточивалось большинство моихъ воспоминаній объ ужасномъ прошломъ времени...

Улица обстроилась, ее нельзя было узнать... Не было, какъ прежде, длинныхъ заборовъ, не было рытвинъ посреди дороги. Все приняло благообразный, приличный видъ. Кое-гдѣ виднѣлись фонарные столбы, чего прежде не было и въ поминѣ. Большинство домовъ были новенькіе, уютные или, по крайней мѣрѣ, казавшіеся уютными; тѣхъ прежняго времени сараевъ, въ двѣнадцать оконъ по лицевому фасаду, какъ прежде, не было, кромѣ стариннаго, хорошо мнѣ знакомаго дома главы и родоначальника всей этой

улицы. который я сразу увидѣлъ издали, едва только вступилъ въ улицу. Его длинная желѣзная крыша, какъ громадная спина допотопнаго животнаго, отливала на солнцѣ порыжѣлой красной краской, угнетая собою длинный деревянный корпусъ съ дюжиною по меньшей мѣрѣ, одно около другого, оконъ... Много вспомнилось мнѣ, едва я только глянулъ на желѣзную спину этого ископаемаго. Мнѣ именно крыша, спина, была виднѣй всего—домъ стоялъ на горѣ, улица шла въ гору. Такъ много вспомнилось и перевернуло внутри, что я тотчасъ, самъ не знаю почему, перешелъ на другую сторону улицы и шелъ, не видя уже этой крыши. Мѣста все были знакомыя, но все другое—не то... Не было почти ни одной знакомой фамиліи на дощечкахъ вновь выстроенныхъ домовъ; нѣкоторые изъ прежнихъ домовъ я узналъ и въ новыхъ: оказывалось, что перемѣна произошла отъ того, что подъ старый домъ подвели новый фундаментъ, но и тутъ фамиліи владѣльцевъ были другія; чиновниковъ, конечно, было больше всего; много было вдовъ чиновниковъ и военныхъ и очень много купцовъ и мѣщанъ; но ни одна фамилія не была мнѣ знакома... Кромѣ фамилій, исчезли и другіе знакомые мнѣ признаки стараго жилья: такъ, почти у всѣхъ домовъ были подъѣзды, чего прежде не было. Прежній чиновникъ наживался тайкомъ, старался даже продѣлать дверь для пріема мужиковъ на другую улицу и огораживался заборомъ съ гвоздями, свидѣтельствуя этимъ свою недоступность. Теперешній владѣлецъ-чиновникъ, напротивъ, выдвигалъ подъѣздъ далеко впередъ своего дома и большими золотыми буквами писалъ: «даютъ совѣты» и пр., такъ какъ не боялся наживать на законномъ основаніи и желалъ, чтобы всѣмъ видно было число и обиліе приходящихъ просителей: это—реклама... Только у купеческихъ домовъ сохранился еще старый обычай строить крыльцо на дворѣ, потому что дѣла купца съ крестьяниномъ еще не настолько уяснились, чтобы можно было совершать ихъ со всею публичностью. Купцу еще требуется дворъ, обнесенный заборомъ съ гвоздями, и большія сѣни, изъ которыхъ ни въ комнаты его степенства ни къ сосѣдямъ не могли бы доноситься неизбѣжныя при хорошемъ расчетѣ причитанья мужика: «Бога-то въ тебѣ нѣтъ, Купидонъ Купидонычъ!» и т. д. Тѣмъ не менѣе и тутъ, при сохраненіи этого исконнаго обычая, были ужъ замѣтны нѣкоторыя новыя черты: такъ, изъ оконъ одного такого купеческаго дома—съ заборами и цѣпными соба-

ками доносились на улицу звуки фортепіано; нетвердые пальцы и, очевидно, непослушныя руки съ большой поспѣшностью разыгрывали нѣчто изъ «Прекрасной Елены»... Этого прежде не было. И какъ въ глубину Африки цивилизація пробирается легче всего съ помощью шарманки (читай Бекера), такъ съ помощью Оффенбаха проберется что-нибудь (не знаю именно что) и за эти наглухо запертыя ворота... Домъ, въ которомъ еще обсчитываютъ мужика, но ужъ играютъ Оффенбаха, несомнѣнно, весьма отличается отъ дома, гдѣ прежде только обсчитывали и служили молебны. Что-то новое, несомнѣнно, уже есть въ этомъ домѣ.

Такъ, походивъ по почти незнакомой теперь для меня улицѣ, поглазѣвъ на незнакомые мнѣ дома, фамиліи, я наконецъ рѣшился подойти и къ самому чудовищу... Поистинѣ какъ къ чудовищу подходилъ я къ этому длинному дому. Что увижу я въ первое окно, съ которымъ поровняюсь? Новыя ли, незнакомыя лица, или какое-нибудь старое, измученное, искаженное страданіемъ лицо?.. Знакомое лицо произвело бы на меня очень болѣзненное впечатлѣніе, и я предпочиталъ бы встрѣтить лицо незнакомое или совсѣмъ никого не встрѣтить, хотя мнѣ и надо было добиться совсѣмъ другого... По счастью, роковое окно успокоило меня; гора бумагъ, синихъ обертокъ съ надписью: «Дѣло», заваливала это окно почти до половины. Во второмъ окнѣ — тоже бумаги и голова, наклоненная къ столу: очевидно, пишетъ человѣкъ, и, очевидно, въ этомъ домѣ помѣщается какая-то канцелярія, потому что фигуры людей съ бумагами стали мелькать все чаще и чаще во всѣхъ двѣнадцати окнахъ... У подъѣзда сидѣли, кто на ступенькахъ, кто на тротуарной тумбѣ, нѣсколько человѣкъ и стояло два-три извозчика... Очевидно, — канцелярія. Остановившись и оглядѣвъ домъ, я увидѣлъ вывѣску, гласившую: «Контора движенія кавказско-погибельной желѣзной дороги» — и окончательно успокоился... На воротахъ не было никакой фамиліи; въ отворенныя ворота видны были густо заросшій травою дворъ, полузавалившійся частоколъ, отгораживавшій садъ, и необыкновенно разросшіяся деревья этого сада..

Надо было узнать, чей это домъ.

— Домъ-то? Хозяина, что-ль?

— Да, хозяина...

— Это—госпожи Морозовой домъ.

Къ удивленію, это и была прежняя фамилія владѣльца. Человѣкъ въ чуйкѣ, съ сѣдой подстриженной бородой, не замедлилъ объявить, что фамилія эта ему извѣстна, и прибавилъ:

— Это Морозова будетъ, стало-быть, его сына Владиміра — стало-быть, Кузьмича — жена... Ей и домъ-то достался...

— Девятьсотъ рублей получаетъ... — прибавилъ другой изъ числа ожидавшихъ чего-то у крыльца.

Все это были мѣстные коренные жители, знали всю подноготную, а, главное, — знали, кто сколько получаетъ — до тонкости. Не успѣлъ одинъ заявить, что Морозова получаетъ девятьсотъ рублей, какъ другой прибавилъ:

— Велики ли это деньги?.. У нихъ вѣдь сколько охотниковъ на эти деньги-то... Ихъ нешто мало...

— Рожали не въ свою голову—извѣстное дѣло!

— Ну то-то и есть!—какъ бы обидѣвшись чѣмъ-то, заявилъ человѣкъ, начавшій говорить о деньгахъ.

— Фамилія была большая... Много ихъ было, фамилевъ-то такихъ... Нонче все больше пошло такъ, что домъ подъ желѣзную отдадутъ, а сами на желѣзную—служить...

Посмѣялись этой остротѣ.

— Она, матушка (то-есть желѣзная дорога), много ихняго брата кормитъ. Иной такъ бы и сгинулъ съ голоду,—анъ, глядишь, побалуетъ что-нибудь въ конторѣ,— сто рубликовъ и есть...

— Нашему брату отъ этого баловства-то только достается... Я вонъ почесть годъ дожидаюсь арбузовъ... Неизвѣстно гдѣ...

— Да вотъ извольте почитать эту штучку... — вдругъ оживившись и весь вспыхнувъ, заговорилъ одинъ изъ разговаривавшихъ. Очевидно, его задѣло за живое. Онъ выхватилъ бумагу и подалъ мнѣ. Въ ней было сказано:

«На предписаніе ваше отъ 15 сего іюля, чтобы получить мнѣ по накладной мороженаго судака, погруженнаго въ Астрахани ноября прошлаго 187* года, то позвольте вамъ замѣтить, которая рыба имѣетъ полную свою протухлость, и тое рыбы я принять несогласенъ. А что взыскиваете вы за провозъ онные рыбы по всѣмъ дорогамъ, и даже загнали вагонъ въ Прусскую землю, и тамъ онную рыбу таскали невѣдомо по какимъ мѣстамъ, покуда въ полную ее скверность не превратили, то двухъ тысячъ шести сотъ рублей семи гривенъ за этакое безобразіе

платить я несогласенъ, въ томъ смыслѣ, что и онная рыба сама того не стоитъ, и тогда штуку придется продавать по восьми рублей судакъ, окромѣ потѣхи въ эфтомъ не будетъ ничего, а за порчу взыщетъ начальство. Посему имѣю я донести объ онной рыбы господину министру, объ неудовлетвореніи меня въ мерзломъ судакѣ».

— Ей-Богу, вотъ передъ Создателемъ — дойду до министра... — повторялъ, задыхаясь, товароотправитель, покуда я читалъ эту бумагу. И едва я кончалъ одну, какъ тотчасъ являлась другая, въ которой тоже вопіяли противъ какой-то ни съ чѣмъ несообразной ошибки господъ служащихъ... Мнѣ грозило неожиданно превратиться въ судью такихъ дѣлъ, которыя были мнѣ совершенно неизвѣстны; несмотря на то, что люди эти видѣли, что я — человѣкъ совершенно посторонній и имѣю свое, не касающееся ихъ дѣло, несмотря на то, что я почти не отвѣчалъ имъ, потому что не зналъ, въ чемъ дѣло, они одинъ передъ другимъ старались излить передо мной всѣ обиды, причиненныя имъ желѣзной дорогой. Я даже думаю, что именно совершенно постороннее желѣзной дорогѣ лицо и было то лицо, которое могло понять ихъ и сочувствовать имъ по человѣчеству, тогда какъ всякій спеціалистъ желѣзнодорожнаго дѣла, именно вслѣдствіе своей спеціальности, непремѣнно будетъ понимать не по человѣчеству, то-есть взыскивать за рыбу, которую надо выкинуть въ помойную яму, налагать штрафъ за собственную свою ошибку и т. д. Ничего не понимая, я продолжалъ молча слушать эти изліянія, когда на подъѣздѣ вдругъ появилась какая-то фигура. Изліянія замолкли... Просители сняли шапки. Фигура оглянула ихъ, оглянулась на извозчика, который тотчасъ зашевелилъ вожжами, и произнесла:

— Опять вы... я говорилъ, что нельзя.

Сразу всѣ просители возопили о судакахъ, объ арбузахъ и т. п. Фигура надѣвала перчатку и говорила:

— Нельзя, господа, нельзя... я говорилъ вамъ—нельзя...

Вопли усилились, и голоса вопящихъ поднялись на два тона выше.

— Нельзя, нельзя и нельзя! — спускаясь съ трехъ ступенекъ, три раза произнесла фигура. Занося ногу въ пролетку, она еще разъ сказала:

— Нельзя-съ.

Затѣмъ, уложивъ портфель на колѣняхъ, прибавила:

— Невозможно-съ.

— Ну вотъ и поди!..

Я чувствовалъ вмѣстѣ съ этими людьми какую-то физическую усталость отъ этого «нельзя». Точно всѣ мускулы размякли у меня и нервы упали—такъ это «нельзя» было неминуемо и непреклонно... Вялость какая-то вмѣсто кажущагося негодованія напала на всѣхъ, и уѣзжавшая на извозчикѣ фигура казалась окруженною какою-то невидимою, но ничѣмъ непреоборимою атмосферою. Просители, еще недавно горячившіеся, какъ осеннія мухи, разбрелись въ разныя стороны.

Покуда у насъ шли эти разговоры, покуда я былъ судьею совершенно чуждыхъ мнѣ дѣлъ и интересовъ, цѣль моего прихода въ область стараго пепелища не покидала меня, и я продолжалъ припоминать лица, на которыя мнѣ указали случайные мои знакомые. Вспомнилъ я Владиміра Кузьмича, одного изъ сыновей главы угаснаго рода, и вспомнилъ его жену... Признаюсь, мало было надежды мнѣ узнать что-нибудь путное отъ этой особы... Это было что-то (такъ помнилось мнѣ), что-то жирное и молчаливое; было ли это существо молчаливо отъ забитости или отъ бездарности—я не помнилъ. Помнилъ я только ея портретъ, написанный масляными красками и висѣвшій рядомъ съ портретомъ ея мужа въ ихъ гостиной собственнаго дома, и этотъ портретъ теперь припомнился мнѣ во всемъ величіи царившей въ немъ неуклюжести и тупости... Теперь, думалъ я, эта женщина съ тупымъ взглядомъ, молча и непрерывно рожавшая дѣтей, которыя росли кой-какъ, безъ всякаго разумнаго присмотра, безъ всякаго смысла, теперь эта женщина — старуха, и старуха, должно-быть, не особенно понятливая... Что она можетъ сказать мнѣ о Вѣрочкѣ, о ея бѣдѣ? Всю жизнь она ѣла, спала, рожала дѣтей и молчала — и теперь она, вѣроятно, продолжаетъ дѣлать то же самое, благо достался домъ, кусокъ хлѣба, благо безъ хлопотъ нарожденное племя усѣлось на легкой службѣ, большомъ жалованьи... Такъ казалось мнѣ, и я ужъ думалъ поискать кого-нибудь изъ уцѣлѣвшихъ на старомъ пепелищѣ, но выскочившій отъ-нечего-дѣлать за ворота сторожъ неожиданно уничтожилъ мое колебаніе, спросивъ:

— Вамъ кого угодно?

Сказать «никого» и толкаться у воротъ безъ всякой причины было неловко, и я долженъ былъ отвѣтить:

— Госпожу Морозову.

— Хозяйку? Она вотъ тутъ въ саду. Пожалуйте, я васъ проведу.

Нечего дѣлать,—я поплелся за сторожемъ.

V.

Мы вошли въ давно знакомый садъ. Помню, что здѣсь была бесѣдка, гдѣ иной разъ собиралась вся многочисленная семья попить чаю или пообѣдать, когда была хорошая погода. Помню, что была здѣсь баня... Теперь бесѣдки не было, но, къ удивленію моему, садъ не производилъ впечатлѣнія заброшеннаго мѣста, что̀ я думалъ встрѣтить. Вмѣсто бесѣдки стояли новыя, только-что поставленныя качели; средняя дорожка, по которой мы шли, была тщательно расчищена, подметена и посыпана пескомъ; вмѣсто бани стоялъ опрятный, очевидно, недавно выстроенный флигелекъ въ четыре окна съ подъѣздомъ, который былъ открытъ... Въ открытыя окна флигелька неслось какое-то жужжанье, оказавшееся хоромъ учащихся дѣтскихъ голосовъ.

— Тутъ школа?—съ изумленіемъ спросилъ я.

— Школа-съ...—спокойно отвѣтилъ сторожъ.

— Чья-жъ? кто-жъ ее держитъ?

— Сами хозяйка занимаются.

Представить себѣ жену Владиміра Кузьмича учительницей, представить себѣ портретъ, который только-что со всею яркостью нарисовался въ моемъ воспоминаніи, измѣнившимся мало-мальски осмысленно,—воображеніе мое рѣшительно не могло, и я спросилъ сторожа:

— Можетъ, не сама учитъ-то? молодая, можетъ, какая барышня изъ Морозовыхъ?

— Какая молодая!—молодыхъ тутъ нѣту... сказываю—сама старуха, хозяйка, Анна Ѳедоровна...

Волей-неволей приходилось повѣрить чуду — и дѣйствительно скоро я увидѣлъ дѣйствительное чудо.

Въ комнатѣ, уставленной школьными партами, за которыми сидѣло десятка три дѣтей разнаго возраста и пола, я засталъ пожилую женщину въ черномъ платьѣ и черномъ чепцѣ, покойно, толково разсказывавшую дѣтямъ какую-то, должно-быть, очень интересную вещь, потому что ее слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Оказалось изъ нашихъ объясненій, что эта женщина-учительница и была та самая Анна Ѳедоровна, портретъ которой когда-то запечатлѣлся во мнѣ своимъ тупоуміемъ; перемѣна, какую на-

шелъ я въ ней, была поразительна: ни одной черты не оставалось въ ней, которая бы хоть мало-мальски напоминала памятный мнѣ портретъ. Худое, но не изношенное, а запечатлѣнное думой лицо вовсе не напоминало того сплошного жира, который я помнилъ; глаза, когда-то не выражавшіе ничего, кромѣ тупоумія, были теперь проницательны, полны жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили возможность быть дѣтски-наивными (такою дѣтской наивной радостью они сверкнули, когда я сказалъ, кто я такой); и вотъ эта-то простота, чистота души, выражающаяся въ такомъ наивномъ взглядѣ, когда-то, въ старыя времена, подъ толстымъ слоемъ сала и вліяніемъ окружающаго безсмыслія, должно-быть, и казалась мнѣ тупоуміемъ. Теперь я ясно видѣлъ, что въ этомъ человѣкѣ была чистая, благородная, хотя и изстрадавшаяся душа, и что только этотъ огонь совѣсти и держалъ ея разбитое и, очевидно, изболѣвшее тѣло... Движенія ея худого, какъ бы съежившагося тѣла были болѣзненны, дѣлались какъ бы съ усиліемъ, словно и руки и ноги при каждомъ движеніи давали ей чувствовать боль...

Въ сосѣдней комнатѣ я съ полчаса ожидалъ ея прихода (она оканчивала урокъ, послѣ котораго распустила дѣтей) и не могъ надивиться удивительной перемѣнѣ, происшедшей съ этою женщиной. Очевидно, она перегорѣла въ какомъ-то сильномъ, но благотворномъ огнѣ, который растопилъ этотъ жиръ, это безсмысленное существованіе и на старости лѣтъ пробудилъ въ ней и чистую дѣтскую душу и свѣтлую мысль, такъ глубоко и, казалось, навсегда зарытыя подъ толстымъ слоемъ безсмыслія. Но что̀ именно сдѣлало ее такою, какой огонь пересоздалъ это существо? — думалъ я, дожидаясь ея прихода, и когда она наконецъ вошла въ комнату, проворно ступая плохо повиновавшимися ногами, я не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Да вы ли это, Анна Ѳедоровна! Гляжу на васъ и глазамъ не вѣрю!

— И сама я не вѣрю, другъ мой... Ужъ извини, не буду величать тебя по отчеству,—ребятишки пріучили меня къ простотѣ-то...

Говоря это, она суетилась, устраивая чай. Она отпирала шкапы, доставала варенье, сходила въ сосѣдню комнату и тотчасъ возвратилась, говоря:

— Да какъ же ты меня знаешь-то? Вѣдь, чай, не помнишь совсѣмъ?..

— Я портретъ вашъ помню.

— Какой это портретъ?

— А масляными красками-то нарисованъ... Помните, у васъ въ гостиной...

— Будетъ, будетъ! Не говори... Помню все!.. Вмѣстѣ съ домомъ купили... Не поминай мнѣ этого ничего... Говори о себѣ... Вѣдь и тебя-то я почти не знаю... Я знаю, что родня, а въ первый разъ вижу и ребенкомъ не помню. Говори о себѣ — а про это оставь: слава Богу, что миновало...

— А именно про это и хотѣлъ говорить-то... Я прочелъ сегодня, что какая-то Калашникова...

— Вѣрочка?.. Да, да, умерла, отравилась...

— Такъ это дѣйствительно — та самая, маленькая Вѣрочка?..

— Та самая, та... Ну вотъ, какъ же не перемѣниться-то? Хоть эта исторія съ Вѣрочкой на десять лѣтъ состаритъ...

— Да, вы очень перемѣнились...

— Охъ!.. что я вынесла!

Слезы ручьемъ полились по ея худому лицу, и она такъ же быстро, какъ лились ея слезы (а лились онѣ градомъ), заговорила:

— Вѣдь у меня мужъ зарѣзался; вѣдь у меня сынъ въ Сибири за мошенничество; вѣдь у меня дочери... (тутъ она просто захлебнулась). Вѣдь я вдругъ, ничего не зная, ничего не понимая, попала точно подъ каменный дождь... Вся избита...

Анна Ѳедоровна рыдала; я молчалъ, видя, что этихъ слезъ мнѣ не остановить. Рыданія, почти истерическія, продолжались нѣсколько секундъ; наконецъ она немного успокоилась, хотя не переставала плакать...

— Вѣдь пойми ты, я до этого погрома ничего не знала... Меня шестнадцати лѣтъ изъ купеческой семьи отдали за чиновника замужъ, произвели въ благородныя, и я всю жизнь была точно каменная... Мнѣ, помню, все казалось съ самаго перваго дня свадьбы, что это только такъ, что это когда-нибудь кончится... Вотъ точно такъ, какъ, бывало, стоишь у обѣдни и думаешь только о томъ, — скоро ли кончится. И такъ я думала лѣтъ двадцать, покуда совсѣмъ не одурѣла; дѣти у меня рождались—и тоже я думала, что это — какія-то не настоящія дѣти... Я не понимала, что̀ именно кончится,—глупа была, у отца въ домѣ тоже многому не научишься... Что̀ мы знали? Сидѣли за семью замка̀ми и ждали чего-то... Тутъ, какъ я въ благородную-то

семью попала, гдѣ-жъ мнѣ было что̀ разобрать? Двадцать лѣтъ жила, какъ сонная... Всѣ считали дурой, да и была-то я дура сущая... Ничего какъ есть не понимала; только вотъ чуяла, что это кончится, «отойдетъ», — и отошло... Вдругъ вѣдь это поднялось... тогда ревизіи разныя... Гляжу, Владиміръ Кузьмичъ руки наложилъ на себя... И повѣришь? Только испугалась, а жалости во мнѣ не было... Ужасъ какой-то на меня напалъ—больше ничего... Когда его похоронили, вмѣсто слезъ-то весело мнѣ да и только: вдругъ меня молодость обуяла,—а ужъ мнѣ было 37 лѣтъ... хоть танцуй... Ночью боялась и огня не гасила, а днемъ—то-то веселье... Чувствую, что—грѣхъ, знаю, что во всей семьѣ печаль,—а нѣтъ... Отстояла я какую-то тяжелую службу—и рада... Заиграла во мнѣ молодость — и, право, дай мнѣ волю,—у родныхъ бы дочерей женіховъ стала отбивать... (Ужъ невѣсты были!). Увѣряю тебя, я теперь чувствовала себя совершенно равной имъ и чужой... За ними ухаживаютъ, а мнѣ досадно... И непремѣнно бы что-нибудь такое (мало ли старухъ за гимназистовъ выходятъ да за молоденькихъ юнкеровъ) — непремѣнно бы что-нибудь такое, если бы Господь не покаралъ во мнѣ родительскихъ грѣховъ... Въ дѣтяхъ эта кара-то Господня отозвалась... Какъ засудили моего родного сына за поддѣлку, тутъ я узнала, что я — мать, и мать виноватая... (Анна Ѳедоровна опять залилась слезами). Приду къ нему въ острогъ-то, а онъ меня ругать... «Дура, да подлая»... да-а-а!.. «Чему вы меня учили...» (Анна Ѳедоровна плакала горько). «Сами за сестриными женихами волочаетесь, примѣръ подаете...» Каково это? Правда вѣдь, все правда... Онъ тоже изъ-за какой-то безстыдницы впутался въ бѣду-то... Рѣшили его въ Сибирь-то—пошла я жить точно [просгрѣленная... Осталось на мнѣ проклятіе вѣдь... гнѣвъ, его укоръ... А вслѣдъ за сыномъ двѣ дочери, одна за одной, подобрали, что̀ оставалось денегъ, да въ актрисы, да обѣ съ любовниками... Да обѣихъ любовники-то бросили... (Каждая фраза Анны Ѳедоровны прерывалась всхлипываніемъ, и говорила она едва слышно). Да обѣ мнѣ ругательныя письма, да позоръ, да срамъ... да жаль-то, жаль-то какъ!.. Вотъ въ какомъ огнѣ-то, милый другъ, горѣла я десять лѣтъ безъ умолку, вотъ какъ узналось, что лучше быть прачкой, лучше быть сапожникомъ, лучше нищимъ быть... Вотъ, другъ ты мой, какъ пришло намъ на умъ повиниться и прощенія попросить... Вотъ какъ и я-то за умъ взялась... Учиться вѣдь

пришлось съ начала, съ азбуки... И теперь вотъ распущу дѣтей-то, да сама урокъ-то по Ушинскому тверзу, покуда силъ хватаетъ... Кругомъ виновата, другъ мой, кругомъ... Вотъ когда опомнилась старая дура! (Анна Ѳедоровна улыбнулась сквозь слезы). Да хоть чужимъ-то дѣтямъ скажу правду, хоть чужихъ-то ребятишекъ не загублю, какъ своихъ родныхъ, какъ меня самоё загубили.

Анна Ѳедоровна была сильно взволнована этимъ разсказомъ. Разспрашивать о грустной исторіи Вѣрочки мнѣ было трудно, надо было дать успокоиться ей, утихнуть... Я спросилъ поэтому о домѣ, о другихъ родственникахъ, узналъ, что большинство изъ нихъ кончило нехорошо, что, кромѣ Вѣрочки, были и другіе такіе же горькіе случаи въ нашей роднѣ, что отъ всего состоянія всѣхъ семей уцѣлѣлъ только домъ, на доходы съ котораго выстроенъ флигель. Узналъ я также изъ этихъ разспросовъ, что не все худо и скверно въ новѣйшей исторіи остатковъ этой громадной когда-то семьи,—что есть и живое и хорошее. Объ этомъ живомъ и хорошемъ я узналъ, впрочемъ, только тогда, когда наконецъ-таки рѣшился заговорить о Вѣрочкѣ...

— Какъ же это съ Вѣрочкой-то случилось?—произнесъ я въ минуту раздумья, наставшаго въ разговорѣ.

— Да вотъ и съ Вѣрочкой — тоже, тоже — наша родительская вина...

— Что вы уже такъ на родителей нападаете?—произнесъ я:—вѣдь и они не весело кончили...

— Ну, другъ любезный, мнѣ, старухѣ, некогда разыскивать виноватаго. Я знаю, что онъ есть, знаю, что и сама виновата... Вотъ ты о Вѣрочкѣ заговорилъ,—подумай хорошенько: авось виноватый-то и очень близко найдется... Ты вѣдь знаешь, что у старика (такъ она называла вышеупомянутаго главу), кромѣ своей воли, не было закона другого никакого... Особливо женить или замужъ выдавать... Какъ самъ считалъ хорошимъ, такъ и дѣлалъ. Такимъ-то вотъ манеромъ отдалъ замужъ онъ своихъ дочерей; первыхъ трехъ отдавалъ все за дѣльцовъ, за служакъ, за людей скучныхъ, тяжелыхъ, ничего, кромѣ бумагъ, не знавшихъ и умѣвшихъ только наживать деньгу... Такъ онъ находилъ нужнымъ, такъ и дѣлалъ... Четвертую, самую младшую дочь, ожидала та же участь, т.-е. лѣтъ шестнадцати выйти за какой-нибудь гробъ повапленный. Случилось однако не такъ: старику полюбился простой молодой малый, ничего не умѣвшій дѣлать, кромѣ какъ пѣть цыган-

скія пѣсни и участвовать въ попойкахъ... Это — изъ той кучи безчисленной помѣщичьей родни, которую потомъ только война севастопольская облагообразила сколько-нибудь, нарядивъ въ ополченскій мундиръ... Ну, невозможно, невозможно сказать, зачѣмъ родились такіе люди, зачѣмъ жили, какое право ихъ было жить... не знаю!.. Да это не люди были, право, не люди... Мнѣ все представляется, что это—какія-то человѣческія животныя... Вотъ это-то—т.-е что малый былъ животное, просто животное и больше ничего—и понравилось старику... (Онъ иной разъ шутилъ...) Ему было весело свести этихъ молодыхъ животныхъ, молодого малаго и свою молодую дочь... для собственнаго удовольствія... Что? тебѣ кажется это страннымъ? Не вѣришь, какъ это такіе постные люди обнаруживали такія непостныя желанія?.. Да у нихъ и не было никакихъ желаній, кромѣ непостныхъ,—это было то, изъ-за чего они лгали, разбойничали и притворялись... Старикъ, всю жизнь заковывавшій себя въ служебныя обязанности, устроивъ (кажется, дня въ три либо въ недѣлю свадьбу сыграли) этотъ бракъ, въ самомъ-то дѣлѣ давалъ волю себѣ, самъ распутничалъ и, какъ видишь, очень неопрятно... Разумѣется, насладившись этимъ скоромнымъ зрѣлищемъ, старикъ думалъ взять малаго въ ежовыя рукавицы, пристроить къ мѣсту и «сдѣлать человѣка», какихъ онъ ужъ сдѣлалъ много. Онъ въ эту пору ужъ вѣрилъ въ свое всемогущество, въ свою силу и умѣнье дѣлать людей и вообще въ свою неограниченную власть—безгранично... Вышло-то не такъ. Молодыя животныя, разъ отвѣдавъ полной свободы, не поддались потомъ ежовымъ рукавицамъ. Малый, котораго стали преслѣдовать, загонять въ семейное стойло, отбился отъ рукъ, въ короткое время спился и умеръ... Вѣрочка родилась послѣ его смерти черезъ два мѣсяца; вдову, ея мать, хотѣли опять воротить въ родное гнѣздо, чтобы теперь ужъ вновь «устроить» въ какомъ-нибудь прочномъ гробѣ, такъ какъ думали: «будетъ, отвѣдала, теперь надо и притихнуть»; но это не удалось, и, почти бросивъ дочь, какъ бремя, она въ очень скоромъ времени вышла по собственному желанію за молодого купчика. Это былъ несчастнѣйшій бракъ, и она недолго прожила. Вѣрочка такимъ манеромъ осталась сиротой и жила и росла почти безъ призора, среди нашей громадной семьи... У ней не было отца, не было матери, она рано узнала сиротство, рано поняла, что она—чужая въ этой семьѣ, но что безъ семьи

ей жить нельзя... Вотъ теперь и считай, что̀ дали мы этому бѣдному ребенку... Ужъ къ непостному-то въ ней было посѣяно желаніе безграничное: вспомни свадьбу... Это желаніе непостнаго-то въ ней ужъ безъ всякой воли ея было, и если бы она росла съ перваго дня рожденія въ монастырѣ или въ лѣсу дремучемъ, и то сказалось бы (потомъ оно и сказалось)... Такъ было это ужасно сдѣлано, что Вѣрочка не могла уже считать, что въ жизни есть что-нибудь выше этого... Это—разъ, что̀ мы ей дали. Потомъ припомни, что̀ такое было въ нашихъ семьяхъ?.. Я уже говорила, что мнѣ казалось, будто *это* кончится, а Вѣрочкѣ и казаться ужъ не могло: она прямо должна была думать, что это—настоящее, то-есть, что всякая неправда и есть правда. Вѣдь у насъ во всемъ была ложь... Отца мы не любили, а притворялись, что любимъ и уважаемъ и благоговѣемъ; мужей мы не любили, а жили и повиновались потому, что они намъ покупаютъ салопы и платья, кормятъ и дарятъ, а то—потому, что и бьютъ. Мужья наши притворялись, что служатъ, приносятъ пользу, а въ сущности хлопотали только о томъ, какъ бы побольше схватить... Зачѣмъ? Чтобы пожирнѣй, поскоромнѣй прожить сегодня, и завтра, и до конца жизни. Бога боялись, какъ камня, который можетъ свалиться съ крыши и убить; боялись тьмы кромѣшной и иногда трепетали (трусости, самой безграничной, въ нашей средѣ было много мѣста), но, видя, что камень этотъ долго насъ не разитъ, успокаивались, а иной разъ прямо думали обмануть и Бога, отслуживъ молебенъ, пожертвовавъ ризы... Такъ вотъ, другъ ты мой, въ какомъ омутѣ росло это дитя... Жить, она думала, это... какъ бы тебѣ сказать?.. это именно значитъ... глотать, что ли (Анна Ѳедоровна очень затруднялась опредѣленіемъ, искала словъ—и не могла найти)... то-есть чтобы тѣломъ, даже желудкомъ чувствовать веселье. Вотъ этакое... это вотъ и считалось самымъ настоящимъ, изъ-за чего надо жить... Это вотъ былъ самый корень Вѣрочкиной души... Это—мы вѣдь? Или кто другой?

Я промолчалъ.

— А потомъ ложь... Любовь—это неправда, а поддѣлка подъ любовь—это правда... Трудъ—это такъ только, чтобъ не замѣтили какой-нибудь гадости, больше ничего; вся задача—увильнуть отъ труда, да и жизнь-то человѣческая—всѣхъ перехитрить, надуть, провести и дорваться... Не умѣю я говорить-то, а то бы я тебѣ не такъ все объяснила...

Ну, вотъ тебѣ примѣръ скажу: сѣсть, напримѣръ, къ подоконнику и барабанить по немъ часа четыре, будто играешь на фортепіано, — это очень пріятно; посмотри на нее—артистка; а за настоящее фортепіано сѣсть—слезы, мученье; все этому, настоящему, сопротивляется въ ней... Надо работать—это выше силъ ея... Это—если хочешь—лѣнь, но самая глубочайшая, то-есть природная, непобѣдимая... Полюбить человѣка и жить съ нимъ, раздѣляя его труды и заботы, это — бремя, скука, тоска, мученіе; легче лечь въ гробъ, это просто, это—правда; а вотъ выскочить за старика, притворяться любящей, наивной, въ то же время — обманывать его на каждомъ шагу, вести три интриги заразъ, это и интересно, и весело, и хлопотно,— словомъ, это не просто, не правда, это-то вотъ по натурѣ ей, это-то ей и нужно, она тутъ пополнѣетъ, повеселѣетъ. Словомъ, изъ этой несчастной дѣвочки мы выработали существо на явную гибель. Дѣтей своихъ учили мы кое-какъ (за деньги можно было, не учась ничему, получать дипломы и что угодно), а Вѣрочка, какъ сирота, которая жила то тутъ, то тамъ, еще меньше знала что-нибудь. Стало-быть, только дѣйствительность, только безплодная путаница нашей жизни, пропитанное ложью влаченіе дней и годовъ, только это и учило ее. А какъ сирота, она пристально присматривалась ко всему, и вотъ вышелъ человѣкъ, который можетъ жить только изъ жажды дорваться, и притомъ только въ такой обстановкѣ, гдѣ все ложь, гдѣ все — неправда, выдумка... Ну, и нельзя ей было жить, потому что на эту бѣдную неповинную голову гроза-то грянула ужъ совсѣмъ нежданно-негаданно. У нея, бѣдняжки, и жиру-то не было еще, какъ у нашего брата, про запасъ. Ее, другъ ты мой, вѣдь прямо сожгло огнемъ...

Анна Ѳедоровна вздохнула и съ грустью прибавила:

— Да—народили мы уродовъ!..

— Какъ вы думаете, Анна Ѳедоровна, надолго хватитъ этихъ уродовъ-то?..

— Не знаю, голубчикъ... Кажется, что надолго, а, впрочемъ, не знаю... Въ Россіи вѣдь до сихъ поръ чудеса творятся воочію... Вѣдь въ нашей семьѣ-то — вѣдь и въ этомъ омутѣ—какія сокровища вдругъ оказались! Не все—несчастныя Вѣрочки... Не знаю, какъ это случилось, а есть... Кажется, и семья такая же гнусная, еще гнуснѣй нашихъ, кругомъ гнилушки, соръ, пыль—смотришь: выходитъ такое диво, что совсѣмъ новый человѣкъ, совсѣмъ

новый, прямой, умный, здоровый, честный,—ну, однимъ словомъ, новый какъ есть, то-есть для насъ-то, для гнилушекъ-то, новый... Вотъ я про Вѣрочку-то говорила, что гроза-то на нее нагрянула... Надо тебѣ сказать, что не въ одной нашей только семьѣ Вѣрочки вырастали—нѣтъ, во всѣхъ семьяхъ, сколько я ихъ ни знала на своемъ вѣку,—какъ грянула гроза-то, вездѣ нашлись и Вѣрочки, совсѣмъ хорошія, совсѣмъ новыя... И много такихъ-то... Опять скажу тебѣ: какъ онѣ выходили изъ этого содома невредимыми—понять не могу, только выходили, и много ихъ есть на Руси... Прямо изъ семей, въ которыхъ цѣлыми поколѣніями не было ни о чемъ думушки, кромѣ какъ о карманѣ, прямо изъ этакихъ-то семей стали выходить люди вполнѣ самоотверженные и ничуть ни капельки о себѣ не думающіе... Изъ этихъ омутовъ и болотъ появлялись молодые ребятки, дѣвушки и юноши, и—точно кто научилъ ихъ—вдругъ все отлично понимали, принимались за работу... Да вотъ у насъ, рядомъ съ нами, жила одна такая семья... Сколько они на своемъ вѣку замяли, перегубили народу, что это были за тираны—пересказать невозможно... А изъ ихъ семьи (очень богатые люди были) вотъ двѣ дочери вышли—не надивлюсь, что за красота... Пробудешь у насъ, увидишь: одна, напримѣръ, пріѣзжаетъ иной разъ зимой въ полушубкѣ, въ мужицкихъ сапогахъ, силища, здоровье—живетъ акушеркой въ деревнѣ... Поговори-ка съ ней, поузнаешь, какъ она занята дѣломъ, какъ она много знаетъ правды, которой никто не знаетъ, и не пишутъ о ней... Ни одного словечка у ней нѣтъ о себѣ—все о чужомъ горѣ, чужой бѣдѣ... Есть чудеса, есть, другъ мой любезный...

Анна Ѳедоровна помолчала.

— Такъ вотъ о Вѣрочкѣ-то... Какъ грянулъ это громъ-то, стало это все валиться, падать, рѣзаться... А съ другой стороны (что чудомъ-то уцѣлѣло)—стало учиться, работать, позабыло и спесь дворянскую и всякія претензіи... въ эту-то пору Вѣрочкѣ пришлось очень туго. Еще въ то время успѣлъ народиться тотъ веселый народъ, какого теперь развелось видимо-невидимо... Посмотри-ка, теперь у насъ три театра, поютъ французскія пьесы... А пьянство-то! Слава Богу, теперь есть на что попить-погулять... Жалованья какія-то явились необыкновенныя, прежде и во снѣ такихъ не снилось... Деньги появились, Богъ ихъ знаетъ откуда, у людей, которымъ бы, кажется, и получать-то ихъ не за что... Теперь, говорю, уже есть этотъ веселый и жирный омутъ, ужъ за-

велся онъ,—а тогда его не было; тогда думали, что пришлось погибать... Тогда Вѣрочки не знали еще, что будутъ красные дни. Прямо приходилось идти въ прачки, прямо приходилось зарабатывать тяжкимъ трудомъ хлѣбъ насущный... И иные—я уже говорила тебѣ—прямо и взялись за дѣло, точно готовились къ этому; вотъ и Вѣрочка пробовала-было дѣломъ-то заняться, пробовала пристать къ подругамъ, взялась за умъ... Ходила къ нимъ, вмѣстѣ читали, готовились кто въ учительницы, кто въ акушерки, кто въ телеграфистки... Ходила и она, но ничего не вышло... Нельзя и выйти-то было ничему!.. Глупо кажется ей, скучно!.. Не вѣритъ ничему. Какая-нибудь изъ ея пріятельницъ скажетъ: «выучусь акушерству, буду жить въ деревнѣ, всѣмъ помогать, работать...»—Не вѣритъ... думаетъ, что просто докторъ, который лекціи читаетъ, красивъ—вотъ и бѣгаетъ она, а вовсе не для ученья! Что прикажешь дѣлать!.. Пробовала въ школѣ заниматься—и это кажется ей притворствомъ... Не понимаетъ, не можетъ понять, что оборваннымъ нищимъ ребятишкамъ нужна наука, что и они—люди... Просто не понимаетъ этого!.. Учитъ она ихъ, но знаетъ, что это она дѣлаетъ только изъ приличія (всѣ тогда бросились учить), и что не въ этомъ главное... Да и изъ мужчинъ много и сію минуту есть такихъ, которые тоже думаютъ, что главное не въ этомъ, а притворяются... Теперь есть такіе и тогда были... Вотъ Вѣрочка и сошлась съ такимъ; онъ ужъ былъ женатъ на ея подругѣ (хорошая, прямая женщина), и обоимъ имъ было по вкусу это... То-есть оба они знали, что все это тамъ, «дѣлать добро» и прочее и прочее, что все это—только такъ... а главное-то вовсе не то, и что безъ этого главнаго-то, то-есть безъ обмана-то,—скука, тоска, что безъ этого «настоящаго-то»—то-есть безъ ихъ отношеній, основанныхъ, какъ видишь, на обманѣ—и жизнь не въ жизнь, и давно бы пора разогнать всѣхъ этихъ оборванныхъ мальчишекъ и прекратить всякія акушерства... Ну, можешь представить, что была за связь... Припомни о томъ, что я тебѣ сказала, о томъ, что именно наши старыя семьи пріучали считать правдой, изъ-за которой стоитъ жить, изъ-за которой живутъ люди?.. Изъ этихъ-то людей потомъ и образовался тотъ веселый омутъ, который теперь вотъ купается въ деньгахъ и поетъ французскія пѣсни... И Вѣрочка вкусила этого веселья въ самомъ началѣ... Пошло для нея, другъ мой милый, не годъ и не два, веселье, спрятанное и темное, прикрытое плутнями, хитростями, обманами... Идетъ

къ «знакомымъ», а пробудетъ на свиданіи... въ гостиницахъ, оказалось, бывала... Ѣдетъ въ Москву къ родственницѣ,— оказывается, была не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, и родила... То дрожитъ, какъ осиновый листъ, то весела, какъ ребенокъ... Оказывается, хотѣла провести кого-нибудь—и боялась; а провела, все устроила какъ слѣдуетъ—и весела, довольна... и вѣдь не изъ корысти, не отъ избытка силъ, которымъ некуда дѣться,—нѣтъ, силъ уже не было, цѣны средствамъ она не знала... А просто потому продѣлывала она все это, что тутъ, въ веселыхъ омутахъ, ей попадалось все, въ чемъ ее воспитали, чѣмъ могла она жить, а тамъ, гдѣ работали, гдѣ страдали, гдѣ хотѣли жертвовать собой, ей было не по себѣ, скучно. Просто даже невозможно было дышать— такъ было скучно тамъ... Всѣ эти плутни, все это распутство я только потомъ узнала... До того ли мнѣ было!.. Но и тогда я подозрѣвала, что съ Вѣрочкой что-то творится нехорошее... И по лицу видно было, что она не чиста... Такъ она путалась въ этомъ омутѣ не годъ и не два, а пожалуй, что и цѣлыхъ пять лѣтъ подъ-рядъ... И вдругъ— опомнилась!.. То-есть вдругъ ее что-то какъ будто осѣнило... Ослабло ли ея здоровье, надоѣла ли ей вся гадость эта— только вдругъ она заскучала, задумалась и иной разъ реветъ ревмя... А иной—зла, какъ бѣсъ, и рветъ и мечетъ на всѣхъ... Въ эту пору она часто приходила ко мнѣ, плакала, жаловалась на судьбу. Сдѣлалась скромна, аккуратна—я тогда жила въ большой бѣдности, нанимала комнату на чердакѣ—ухаживаетъ, хлопочетъ, помогаетъ... И вотъ разъ объявила: «Я, говоритъ, выхожу замужъ...»—«За кого?»— «За такого-то...»

— За столяра?—перебилъ я, вспомнивъ газетное извѣстіе.

— Да, за столяра... Съ давнихъ поръ у насъ славилась столярная мастерская Обручева. «Въ прежнее время» Обручевъ умѣлъ нажить деньги, сдѣлаться тузомъ... Но вѣдь ты ужъ знаешь, какъ «въ прежнее время» деньги наживали... Отстать отъ всѣхъ и быть богатымъ было невозможно; надо было идти вмѣстѣ со всѣми; поэтому какъ наживалъ деньги чиновникъ, такъ и купецъ и мастеровой... То-есть все тѣ же дѣлались стачки и обманы на поставкахъ, все такъ же «по знакомству» съ квартальнымъ драли мастеровыхъ въ части и т. д. Былъ въ то время одинъ хороводъ, отстать отъ него значило сгинуть, а чтобы не сгинуть, надо было плясать вмѣстѣ съ нимъ... Вотъ въ числѣ этихъ счастливцевъ того времени былъ и столяръ Обручевъ; онъ, простой

мужикъ, умѣлъ понять, въ чемъ дѣло, и добился своего, съ настоящей мужицкой неустрашимостью... то-есть, если бы надо было убить человѣка, который мѣшалъ, онъ убилъ бы, а дѣло бы замазалъ—говорю примѣрно. Семья его, стало-быть, была такая же, какъ и всѣ, то-есть такъ же, какъ и вездѣ, царили въ ней деспотизмъ и ложь... Когда грянула гроза, то захватила она, разумѣется, и Обручева... Открылись всѣ эти увѣчья, фальшивыя поставки, полученія денегъ за то, чего не дѣлалось, не поставлялось, и т. д. Пошли дѣла въ палатахъ, исторіи у мировыхъ судей, ну, словомъ—все то же самое, что и со всѣмъ хороводомъ... Пошло вмѣстѣ съ этимъ и въ семьѣ, то-есть въ совѣсти-то семейной, крушеніе и разореніе... «Что я съ тобой, съ чортомъ, добра видѣла?»—говорила старуха-жена...—«Ты меня зарѣзала!»—вопилъ мужъ... Осторожные старшіе сыновья, выученные въ гимназіи состоятельнымъ отцомъ, ужъ настолько понимали новыя времена, что поторопились разбѣжаться... Отправились учиться и занялись заботою объ устройствѣ своей карьеры по-новому, а отецъ, разоренный и въ карманѣ и въ душѣ, остался одинъ отсиживать сроки въ острогахъ по приговорамъ судей, пьянствовать, драться съ мастеровыми и опять попадать въ судъ... Вѣрочкинъ женихъ, самый младшій изъ сыновей Обручева, одинъ только и оставался въ семьѣ, на него-то, молоденькаго мальчика, и обрушилась въ самомъ нецеремонномъ видѣ вся грязная правда его семьи. Съ ранней юности видѣлъ онъ отвратительныя семейныя ссоры, проявленія дикаго деспотизма, отъ котораго его отца не могли отучить ни штрафы ни мировые судьи, видѣлъ и слышалъ, какъ все это было осмѣяно работниками, которыхъ теперь уже безнаказанно нельзя было колотить чѣмъ ни попало, и вышелъ изъ него удивительный человѣкъ... У него не могло быть симпатій ни къ отцу ни къ матери—онъ видѣлъ ихъ въ такомъ отвратительномъ видѣ; хохотъ простого рабочаго человѣка надъ этими мучащимися стариками открылъ ему глаза на то, что было въ нихъ дурно, и заставилъ понять и положеніе рабочаго человѣка, надъ которымъ такъ долго орудовалъ отецъ... Вышло поэтому изъ малаго что-то... да я, право, и не видывала никогда ничего такого... Отецъ былъ силачъ и звѣрь, этотъ мальчикъ—одни нервы и одна доброта, одна жалость, одно сознаніе виновности. У отца была жадность захватить, притянуть къ себѣ, у этого—полное равнодушіе къ себѣ... Словомъ, онъ просто ничего не понималъ и *не могъ* понимать ничего такого, что не было

бы самоотверженіе... Отецъ думалъ, гдѣ бы взять подрядъ; сынъ только и ждалъ, чтобы ихъ не было; отецъ не доплачивалъ рабочимъ; сынъ отдавалъ все, что у него было... Ослабѣвшій старикъ Обручевъ, постоянно полупьяный, осмѣянный и опозоренный, разубѣжденный такъ горько въ своей правотѣ и своей задачѣ жизни, потерялъ сметку и волю, и все... Остатками мастерской завѣдывалъ сынъ, женихъ Вѣрочки... Если бы не старинныя, отцовскія знакомства, мастерской этой давно бы не было; сынъ вовсе не заботился о барышахъ, потому что это было не въ его натурѣ... Вотъ съ этимъ-то парнемъ, который ровно ничего этого не понималъ, и познакомилась Вѣрочка... Онъ былъ моложе ея годомъ или двумя. Образованія у него не было никакого... (Надо сказать,—какъ бы въ скобкахъ прибавила Анна Ѳедоровна:—вотъ что: одѣвался онъ въ сюртукъ; это надо знать, чтобы не думать, что Вѣрочка могла пойти за лапотника; кромѣ того, у него былъ домъ и лошадь—остатокъ прежняго величія). Образованія у него не было; но было больше того, что даетъ самая обширная начитанность,—натура, не желавшая ничего, кромѣ жертвы собой... Прошлаго у него не было никакого: онъ точно родился безъ родителей; ничего въ прошломъ, какое онъ пережилъ, глядя на разгромъ семьи, у него путнаго не было; было одно такое, отъ чего хотѣлось убѣжать; онъ весь смотрѣлъ впередъ, весь желалъ отдаться другому, чѣмъ тому, что было у него за плечами... Но гдѣ это другое, гдѣ его разыскать, какъ его представить, что дѣлать съ собой,—онъ не зналъ этого... Читалъ онъ стихи, самъ писалъ стихотворенія, слушалъ, что скажетъ книжный лавочникъ на толкучкѣ,—вотъ какія у него средства понять свое положеніе и употребить на дѣло свою удивительную натуру... Вотъ съ такимъ-то добрымъ уродомъ (у насъ теперь и злые и добрые—всѣ уроды)... въ клубѣ, кажется, въ клубной библіотекѣ встрѣтились... Это было именно въ то время, когда Вѣрочка впала въ тоску; тутъ она стала читать... Разговорились о чемъ-то... о какой-то книгѣ и, разумѣется, о томъ, что дѣлать... Вѣрочка, сравнительно съ Обручевымъ, была знатокъ дѣла... Она наслышалась о томъ, что нужно дѣлать, и отъ своихъ подругъ и въ школѣ, да и вообще, какъ наблюдательный человѣкъ, она знала, что надо дѣлать теперь, чтобъ быть не хуже другихъ, только не вѣрила, только не могла дѣлать-то—вотъ ея бѣда! А поговорить, растолковать—сколько угодно. Вотъ тутъ она ему:—«я бы на вашемъ мѣстѣ и то—и то...» И

книги ему указала, какія читать, словомъ, освѣтила малому тьму, въ которую онъ глядѣлъ, всѣ его мысли привела въ порядокъ, распутала все, чего тотъ не понималъ... Малый влюбился въ нее, отдался ей всѣмъ сердцемъ... Откуда что взялось, проснулась отцовская энергія, прямота...

— До женитьбы я часто видала его; по-моему, это было сокровище, золото. Вѣрочка тоже въ это время была очень хороша; подъ вліяніемъ его чистоты, искренности, и въ ней самой какъ будто окрѣпла вѣра въ то, что есть какая-то настоящая правда, кромѣ той, которой научили ее мы... Глядя на нихъ (почти ежедневно у меня происходили ихъ свиданія и строились планы), я радовалась за Вѣрочку и думала—авось исцѣлѣетъ?.. Увы!.. Женились,—я часто бывала у нихъ... Вѣрочка никуда не выходила изъ дому и никого почти, кромѣ меня, не хотѣла видѣть... Изъ мастерской сдѣлали артель: всѣ работали; даже старика-отца поставили къ станку; даже громадная родня, которая ничего не дѣлала и, ссорясь, доживала вѣкъ,—и ту приладили къ дѣлу. Сдѣлалось это до такой степени быстро, съ такой удивительной энергіей, что, именно благодаря ея силѣ, ей почти безропотно покорились и мастеровые, и родня, и самъ старикъ. Все сдѣлалось хорошо. Молодой мужъ, съ необыкновенной, просто необыкновенной, даже щепетильной честностью, принялся за свое дѣло быть повѣреннымъ артели, и вотъ въ эту минуту, когда дѣло сдѣлалось, когда надо было просто дѣлать его, Вѣрочка заскучала... Дѣло оказывалось простымъ, не представляло никакого интереса... Скучно!

Анна Ѳедоровна развела руками и пристально посмотрѣла на меня, какъ бы желая удостовѣриться: достаточно ли я понимаю эту трагическую минуту въ жизни Вѣрочки.

Я понималъ.

— Захотѣлось съѣздить въ клубъ... Поднялись старыя дрожди... Съѣздила — воротилась; мужъ продолжаетъ щелкать на счетахъ, подводить итоги... Скучно... а черезъ недѣлю—просто невыносимо, потому что она видитъ, что мужъ не можетъ свернуть съ этой дороги... Простота и подлинность дѣла такъ ясны ей и такъ дѣйствительно жизненны, что ей нечѣмъ дышать... Ее тянетъ въ омутъ... Ее тянетъ въ омутъ потому, что она сознаётъ, что, отдавшись дѣлу, мужъ ничего ужъ не видѣлъ другого, ничего другого кромѣ этого не понимаетъ... Безпредѣльной любви, которую онъ молча питалъ къ ней, ей не нужно; формы этой любви такъ просты и такъ обыкновенны, что ей душно...

— Начались на моихъ глазахъ необыкновенно грустныя сцены... То вдругъ захочетъ помочь мужу, хлопочетъ съ нимъ день-два, то вдругъ представитъ себѣ, что она—дура, что никто этого не дѣлаетъ, что связалась она съ идіотомъ, что надъ ней всѣ смѣются, что такой-то сватался за нее и теперь женился на другой, что она несчастна, что она непремѣнно возобновитъ прежнее знакомство... Все это терзало и мучило ее потихоньку отъ мужа, все это она въ себѣ вымучивала, или мнѣ иной разъ разскажетъ. И я подозрѣваю, что она потихоньку отъ мужа возобновляла старыя связи, окунулась въ веселые омуты... И, разумѣется, ей становилось еще хуже, потому что, отведя душу во лжи, которую она считала протестомъ, она встрѣчала дома все ту же непоколебимую вѣрность мужа и ей и дѣлу... Эта-то преданность ей и дѣлу и терзала ее... Тутъ была настоящая, всей душой, всѣмъ сердцемъ, преданность и вѣрность — и даже глядѣть-то на нихъ Вѣрочкѣ было не по силамъ... Она каждую минуту должна была чувствовать, что въ ней нѣтъ этого ничего... Она не могла понять, какъ это можно быть *просто вѣрнымъ* всю жизнь, какъ былъ вѣренъ ей мужъ... Ей надо было чего-нибудь еще къ этому, какой-нибудь приправы, а приправы не было, была одна чистая, безъ примѣси любовь... Ей никакъ нельзя понять, какъ это можно служить дѣлу каждый день, каждый часъ, служить такъ аккуратно и однообразно, наслаждаясь только вѣрою въ это дѣло. Ей нужно было что-нибудь другое, чтобы ощущать удовольствіе этого дѣла. А ощущать его можно было только вѣрой, чего въ ней не было. Къ этимъ ощущеніямъ мы не пріучали нашихъ дѣтей... Въ этихъ ощущеніяхъ—все постное, все неосязаемое, а этого-то она и не могла. Она ужасно мучилась... И я думаю, что мужъ, дѣйствительно, замучилъ ее, заставляя ее постоянно видѣть предъ собою человѣка, непоколебимо преданнаго ей и дѣлу... Постоянно видѣть передъ собою укоръ, живой и любящій къ тому же, въ томъ, чего у меня нѣтъ,—да, это, дѣйствительно, мука. Она ея и не вынесла.

— Такъ вы думаете... отчего же именно она умерла?

— Я думаю, что мужъ просто убилъ ее своей искренностью... что, постоянно, изо дня въ день, изъ минуты въ минуту, сохраняя ее, эту искренность, вѣрность любви, сознаніе важности дѣла, онъ заставлялъ ее ежеминутно, изо дня въ день, изъ часа въ часъ, ощущать въ себѣ именно недостатокъ того, что есть въ немъ; она, должно-быть, каж-

дую минуту чувствовала, что она—фальшивая, что она—хитрая, что она — нелюбящая. Покуда она не понимала, что съ ней дѣлается, она мучилась, протестовала, сваливала вину на то, на другое; но мужъ, продолжая дѣлать все одно и то же, должно-быть, довелъ ее наконецъ до того, что она поняла, кто она и что съ ней... Она поняла, что въ ней нѣтъ ничего, что нужно для жизни, въ которой нѣтъ лжи... Словомъ, поняла себя и отравилась...

— Что же съ мужемъ?.. Неужели онъ не замѣчалъ ея страданій?

— Я тебѣ говорю, онъ *не могъ* ихъ видѣть, не могъ понимать *ничего этого*... Говорю тебѣ, что это былъ уродъ... Смерть жены для него была такая же неожиданность, какъ если бы камень упалъ съ неба... Впрочемъ, объ этомъ долго разсказывать, а я устала... Скажу только, что ему, этакому-то любящему, все потомъ разсказали про жену... Нашлись добрые люди... Это я разскажу тебѣ на досугѣ... Теперь опять собираются мои ребятишки.

Въ классной комнатѣ, дѣйствительно, возилось и смѣялось нѣсколько человѣкъ дѣтей.

— Вѣдь ты зайдешь еще?—спросила Анна Ѳедоровна.—Авось увидимся?

— Непремѣнно!..

Я возвратился домой отъ Анны Ѳедоровны, сильно подавленный впечатлѣніемъ ея разсказа.

Тимоѳей, встрѣтившій меня въ коридорѣ, по обыкновенію, объявилъ о томъ, что онъ «бѣгалъ», что «ничего не было», и что лавочникъ прислалъ новыхъ книгъ — «Рокамбольсынъ» съ запиской, что и «Отца» еще будетъ много... О письмахъ я уже давно пересталъ думать и о «Рокамболѣ» также не безпокоился...

Поглядѣвъ въ окно, я увидѣлъ, что домъ, гдѣ умерла Вѣрочка, былъ совсѣмъ выкрашенъ, смотрѣлъ ново, весело, и это опять навело меня на грустныя мысли... Думалъ я объ этомъ страдальческомъ поколѣніи, припоминалъ знакомыя личности, гадалъ о будущемъ...

Стало темнѣть; пришли сумерки, а я все скучалъ и думалъ о томъ же... «Не пропадутъ же эти страданія такъ, ни за что ни про что,—думалъ я:—сдѣлаютъ же они что-нибудь...»

— Къ вамъ человѣкъ пришелъ! — появляясь въ моей комнатѣ, объявилъ неожиданно Тимоѳей.

— Какой человѣкъ?

— Вотъ глядите, другой разъ приходитъ...
— Да меня ли спрашиваетъ-то?
— Какъ же, помилуйте... Нешто я не знаю?..
— Зови...

Дверь растворилась, и въ комнатѣ появился молодой купчикъ въ новой чуйкѣ съ напомаженными волосами. Купчикъ былъ мнѣ совершенно незнакомъ.

— Вотъ они!—пояснилъ ему Тимоѳей, указавъ на меня.

— Очень пріятно познакомиться!—произнесъ купчикъ.— Съ господиномъ Камилавкинымъ имѣю честь говорить?

— Нѣтъ, я не Камилавкинъ.

Купчикъ сдѣлалъ шагъ назадъ и обернулся къ Тимоѳею.

— Ты что же это, любезный?—сказалъ онъ ему обиженно.

— Ты это Камилавкину письма-то спрашивалъ!..—накинулся и я на Тимоѳея.

— Нешто намъ можно всѣхъ упомнить?.. — оторопѣло пробормоталъ Тимоѳей.

Признаюсь, мы съ купцомъ не пощадили Тимоѳея... Оба мы накинулись на него: купецъ съ нравоученіями, а я съ гнѣвомъ и ожесточеніемъ. «Какъ! самыя важныя мнѣ письма, и этотъ человѣкъ не далъ себѣ труда узнать мою фамилію! Бѣгалъ и спрашивалъ писемъ чортъ знаетъ кому». Я припомнилъ, что за эту бѣготню я неоднократно давалъ ему на водку, и теперь мнѣ казалось необыкновенною наглостью съ его стороны — брать деньги и обманывать. Тимоѳей въ молчаніи выслушивалъ эти монологи наши, но, когда они стали къ концу понемногу ослабѣвать, онъ вдругъ вспыхнулъ и въ свою очередь прочиталъ свой монологъ... Вдругъ онъ разразился о томъ, что за шесть рублей ему не разорваться, что на его рукахъ двадцать номеровъ, что всякій требуетъ, что онъ работаетъ изъ-за денегъ, а денегъ ему не очень-то щедро даютъ за услуги—все только требуютъ; онъ и за письмами бѣгай, онъ и купцу угоди, и фамиліи всѣ помни—за что?.. «Слава Богу,—закончилъ онъ:—авось и у нашего брата есть о чемъ о своемъ подумать... У меня вонъ въ деревнѣ...»

И тутъ онъ, горячась и волнуясь, сталъ разсказывать, что такое у него въ деревнѣ... Не говоря о томъ, что деревенская повѣсть Тимоѳея сама по себѣ была необыкновенно трогательна и извиняла всѣ его промахи, одна его фраза: «авось и у нашего брата есть о чемъ подумать о своемъ»—какъ нельзя лучше завершала всѣ мои сегодняшнія размышленія. И послѣ того, какъ Тимоѳей разсказалъ,

что̀ такое у него въ деревнѣ, разсказалъ драму съ овцами, съ коровами, съ пожарами, съ родней, которая выгоняетъ вонъ родню, я увидѣлъ, что у него, дѣйствительно, есть такое «свое», которое ни капельки не вяжется ни съ моими размышленіями ни съ интересами купца, который, быть-можетъ, очень много потерялъ, наткнувшись, вмѣсто Камилавкина, на меня и прождавъ этого свиданія цѣлый день. Да, у нихъ есть свое!.. Такое «свое», при которомъ некогда смотрѣть и замѣчать Вѣрочкиныхъ несчастій, некогда входить въ мои интересы, заботы, огорченія или въ убытки обманутаго купца... Вся связь между мной, купцомъ и Тимоѳеемъ держится только на копейкѣ, изъ-за которой Тимоѳей не пожалѣетъ ногъ и рукъ, сбѣгаетъ, «предоставитъ», «вычиститъ», а чтобы помнить все, да еще думать, у кого изъ насъ какая фамилія. — извините. Думать-то Тимоѳей будетъ о «своемъ».

На этомъ размышленіи окончилось мое сокрушеніе о судьбахъ отечества и о собственныхъ своихъ несчастіяхъ. Отправившись на почту тотчасъ послѣ того, какъ мнѣ пришлось узнать, что фамилія моя—вовсе не Камилавкинъ, я нашелъ кучу писемъ на мое имя, изъ которыхъ узналъ, что всѣ дѣла сдѣлались такъ, какъ я думалъ. Теперь мнѣ можно было уѣхать, но такъ какъ и у меня, какъ у Тимоѳея, было тоже о чемъ подумать о своемъ, то я и рѣшился остаться въ городѣ еще нѣсколько дней, чтобы отъ Анны Ѳедоровны узнать еще кое-что изъ нашего современнаго горя и радостей.

V. Неизлѣчимый.

I. Глухой городокъ.

...Лѣтніе мѣсяцы прошлаго года мнѣ пришлось провести въ одномъ маленькомъ уѣздномъ городкѣ средней полосы Россіи. Жилъ я у моего стараго знакомаго, занимавшаго въ этомъ городкѣ должность уѣзднаго врача... Скучное это было житье... Если бы не частыя поѣздки въ уѣздъ, которыя моему пріятелю по обязанностямъ службы приходилось дѣлать чуть не каждую недѣлю, — поѣздки, въ которыхъ и я принималъ постоянное участіе въ качествѣ про-

стого наблюдателя,—я не знаю, помянулъ ли бы я добромъ эти лѣтніе мѣсяцы, проведенные «въ гостяхъ у друга».

Городокъ принадлежалъ къ числу самыхъ заброшенныхъ, самыхъ бѣдныхъ и глухихъ провинціальныхъ угловъ, въ которомъ, кромѣ всѣхъ видовъ бѣдности и всѣхъ видовъ неразлучнаго съ бѣдностью невѣжества,—то забитаго, робкаго, безпомощнаго, то самодовольнаго и поэтому еще болѣе, чѣмъ другіе сорта, отвратительнаго,—помимо всего этого, хорошо и давно знакомаго всѣмъ знающимъ русскія захолустья, городокъ этотъ поражалъ всякаго, даже посторонняго зрителя, и поражалъ очень непріятно явными признаками вымиранія тѣхъ ничтожныхъ крупицъ жизненной силы, которая въ прежнее время давала ему хоть и «кой-какую», но все-таки «возможность существовать», жить, имѣть хоть и крошечныя, но все-таки дѣйствительныя цѣли, побуждавшія его, перебиваясь изо дня въ день, надѣяться на что-то въ будущемъ... Новыя времена сразу убили эти крошечныя цѣли существованія, оставили городокъ внѣ круга желѣзныхъ дорогъ, а слѣдовательно и внѣ приносимыхъ ими денегъ, внѣ новыхъ родовъ заработка, новыхъ пунктовъ труда. Инстинктивное сознаніе собственнаго всегдашняго безсилія подсказало городку, что ни этимъ новымъ дорогамъ, ни этимъ новымъ деньгамъ и заработкамъ не зачѣмъ и никогда не придется идти въ этакую глушь, и вслѣдствіе этого сознанія все, что было побойчѣй, помоложе, ушло изъ города, покинувъ свои дѣдовскіе, почернѣлые, съ переломленной пополамъ высокой гнилой крышей дома, и оставило въ нихъ доживать свой вѣкъ тѣхъ, кто не умѣлъ жить и наживать деньги «по-новому», кто отчаялся и махнулъ рукой...

Городокъ подгнивалъ, разваливался, заколачивалъ гнилыми досками гнилыя окна и двери опустѣвшихъ домовъ и лавокъ, и безпрестанно, ежеминутно ропталъ, — ропталъ на бѣдность, на то, что нечѣмъ оплатить патента, что вонъ еще идутъ какія-то права, за которыя «опять же отдай», что не только отдавать и получать новыя права, а и кормиться не на что, что торговли нѣтъ никакой, что хорошо бы было, ежели бы Господь призвалъ къ Себѣ и успокоилъ... Эти жалобы и причитанья слышались всегда и повсюду: причиталъ лавочникъ, продавая захожему солдату пучокъ махорки, причиталъ за стойкой кабатчикъ, наливая проѣзжему мужичку стаканчикъ вина, причитала торговка рубцами и печенкой, сидя на горячемъ горшкѣ съ своимъ то-

варомъ и чувствуя, что скоро совсѣмъ переведется на бѣломъ свѣтѣ всякій покупатель... Словомъ, гдѣ бы ни находился уѣздный человѣкъ, что бы онъ ни дѣлалъ, — стоялъ ли за прилавкомъ, или такъ дома сидѣлъ на крылечкѣ передъ отходомъ ко сну, — онъ постоянно роптalъ, причиталъ и постоянно приходилъ къ той мысли, что ему осталось одно—съ міромъ принять праведную кончину. Такого рода уныніе проникло всюду, гдѣ прежде было относительное довольство, гдѣ по воскресеньямъ дымился пирогъ и гдѣ всегда нашлась бы новая чуйка или шалевый платокъ, чтобы пройтись къ обѣднѣ или погулять... Что же сказать объ унынiи того уѣзднаго люда, у котораго никогда отъ сотворенія міра не было ни прилавка, ни пирога, ни чуйки и который всегда жилъ кое-какъ и кой-чѣмъ? Существованіе этого народа въ данную минуту было поистинѣ фантастическое. Нижеслѣдующій разговоръ, который однажды пришлось вести мнѣ съ толпою этого уѣзднаго люда, дастъ читателю, я полагаю, нѣкоторое понятіе объ этомъ сказочномъ существованіи.

— Какъ же вы живете-то?—спрашивалъ я.

— Да Богъ ее знаетъ какъ!—отвѣчали мнѣ.

— Да какъ же именно?

— Да такъ вотъ именно, что кое-какъ...

— Толчешься будто вокругъ пустого мѣста,—объяснялъ болѣе обстоятельно понимавшій дѣло житель: — ну, ан-но будто и пропитываемся, въ родѣ какъ пропитаніе!..

— Покуда Богъ грѣхамъ терпитъ, то и живы!—объяснилъ другой, болѣе скромно глядѣвшій на дѣло обыватель.

И, должно-быть, объясненіе это было очень вѣрное и правильное, потому что тотчасъ, какъ только было произнесено слово «Богъ», въ толпѣ обывателей произошло значительное оживленіе.

— Да что же ты думаешь?—заговорило сразу нѣсколько человѣкъ:—тутъ только и есть, что Господь явно не покидаетъ...

— Явно!..—подтвердилъ хоръ.

— Послушайте-ка-сь, православные, — живо заговорилъ одинъ изъ этого хора: — что было со мной!.. Пришло мнѣ дѣло такъ, что ложись да помирай... Покуда у Пастуховыхъ дѣло шло, все ничего, — жили кое-какъ, а какъ пошло у нихъ на разладку, хоть вотъ, говорю, иди да тонись... Бился-бился, туда-сюда,—нѣтъ!.. Пришло помирать голодной смертью... Выскочилъ я, не помню и что и куда, вы-

скочилъ я такъ-то изъ хибарки-то, самъ не знаю, не то топиться, не то давиться,—хвать...

Всѣ притихли, потому что это «хвать» было произнесено удивительно весело и, очевидно, предвѣщало какое-то удивительное проявленіе Божія милосердія.

— Хвать, братцы мои, а какъ есть передо мной на снѣгу два зайца сидятъ...

— То-то чудеса-то!..

— Божіе произволеніе... Господь-батюшка...

— Два?

— Какъ есть, братцы мои, два зайца, и сидятъ рядышкомъ, не шелохнутся...

— Истинно Божіе, напримѣръ, указаніе...

— Ты вотъ что разсуди, отчего они не шелохнутся-то, кто ихъ держитъ-то, словно мнѣ подаетъ:—«на, молъ, Кузнецовъ, возьми ихъ!»—ты вотъ что раскуси!..

Многіе вздохнули: такъ было ясно всѣмъ, что тутъ былъ Богъ.

— Ну, я ихъ сгребъ, конечно, — закончилъ разсказчикъ, когда всеобщее умиленіе нѣсколько ослабло: — и сволокъ къ исправнику, за полтинникъ... Ну и перебился.

Немедленно со всѣхъ сторонъ послышалось желаніе подтвердить собственнымъ опытомъ эту явную заботу Провидѣнія о бѣдномъ народѣ. Очевидно, со всякимъ былъ такой или подобный этому случай, но изъ массы начавшихся разсказовъ всѣхъ заинтересовалъ одинъ, въ которомъ всѣ были поражены очень трогательнымъ окончаніемъ. Уѣздный житель, съ которымъ приключилось это трогательное событіе, тоже, какъ и первый разсказчикъ, прежде жилъ «вокругъ купцовъ Пастуховыхъ», а какъ пошли они на разладку, «стало ему такъ, что помирай!». Хотѣлъ онъ такъ-то разъ топиться или давиться, хорошенько онъ этого не помнитъ, и самъ не знаетъ, зачѣмъ побѣжалъ къ рѣкѣ... И только было-хотѣлъ бухнуть, вдругъ что-то подъ нимъ заорало благимъ матомъ.

— Гляжу, братцы мои, гусь, зда-ар-раве-енный-прездаравенный дикій гусь!

Сдержанный гулъ пріятнаго изумленія пронесся между слушателями...

— Фунтовъ отъ восьми, братцы мои, — какимъ-то жирнымъ басомъ продолжалъ разсказчикъ:—этакимъ вотъ манеромъ, чисто какъ окорокъ... Одно слово, вѣрный цѣлко-

вый!.. Отдавилъ я ему ногу и крыло, глянулъ такъ-то, вижу, рубъ серебра, не меньше, Господь мнѣ послалъ.

— Восемь фунтовъ?.. Цѣлковый смѣло!

— Дикій гусь завсегда рубъ.

— Цѣна извѣстная!..

— И что же апосля этого случилось, братцы вы мои!— жалобно возгласилъ разсказчикъ и остановился. Въ публикѣ почувствовалась ясно видимая тревога насчетъ этого рубля, посланнаго Богомъ въ видѣ гуся.

Всѣ примолкли.

— Поволокъ я его на базаръ, — жалобно продолжалъ разсказчикъ:—хоть бы тѣ вотъ одна душа!.. Ходилъ-ходилъ, братцы мои, нѣтъ никого да и шабашъ!.. Я къ исправнику — не взялъ... я къ лѣкарю — нѣтъ дома... Я туда, я сюда, хоть вотъ ложись да помирай... то дома нѣтъ, то «не надо»... Что-жъ ты думаешь?

Послѣдняя фраза была произнесена такимъ отрывистымъ тономъ и съ такимъ рѣшительнымъ ужасомъ въ чертахъ лица разсказчика, что всѣ просто онѣмѣли, ожидая страшной развязки.

— Вѣдь такъ самъ и съѣлъ гуся-то!

Загудѣла и зачмокала толпа, сожалѣя.

— Такъ, братецъ ты мой, и слопалъ самъ!

— Эко не поладилось какъ!

— Эх-ма-хма-хма!.. Рубликъ-то серебреца!..

— Такъ и сожралъ!..—подбавляя масла въ огонь, прибавилъ разсказчикъ.

— Эх-хе-хе!

— Да жирный, пострѣлъ, какой—страсть! Такъ у меня все нутро и переворачивалось. Какъ гляну на него, не идетъ въ горло, да и шабашъ!..

— Эх-хе-хе-е!..

— Такъ вотъ всѣ внутренности и перевертываются, какъ гляну... Вотъ какое дѣло... Въ самую коронацію было, какъ теперь помню, въ какой,—какъ поросенокъ!..

Словомъ, существованіе этого люда было, безъ всякаго преувеличенія, сказочное, фантастическое. «Какъ Богъ пошлетъ» и «коли пошлетъ Богъ!»—вотъ что они по сущей справедливости могли объяснить въ разгадку этого существованія: вдругъ забѣжитъ чуть не въ сѣни волкъ, ну, убьютъ, сдерутъ шкуру: слава Богу, это хорошо, Господь посылаетъ, а не забѣжитъ волкъ, или не наступишь случайно на гуся, или не наткнешься какъ-нибудь, купаясь, на щуку, не

поймаешь ее рукой за жабру, не продашь,—тогда хоть ложись да помирай, или такъ «кой-какъ» толкись вокругъ «пустова» мѣста. Уныніе, предчувствіе, что все дѣло обывателей должно кончиться только могилой, сознаніе, что лучше всего махнуть рукой,—такое утомительное и тяжелое состояніе духа проникало всѣхъ и вся, пропитывало даже, кажется, самый воздухъ, которымъ дышалъ городокъ. Никто изъ скучавшихъ и изнывавшихъ обывателей не зналъ путемъ, отчего это вдругъ не стало на свѣтѣ житья; почти никто не могъ бы объяснить этого, напримѣръ, помощью новыхъ путей и пунктовъ торговли; всѣ только «чуяли» свою погибель, и чуяли ее тѣмъ сильнѣе, что на глазахъ всѣхъ жителей совершался въявь фактъ, для нихъ весьма знаменательный. Съ давнихъ, съ незапамятныхъ временъ «всей округой» владѣлъ и всѣ торговыя и вообще всякія дѣла велъ старинный основательный домъ купцовъ Пастуховыхъ, и вотъ въ настоящую минуту этотъ-то капитальный домъ, эта древняя фамилія, которая составляла, можно сказать, всю денежную и всю дѣйствующую силу во всемъ уѣздѣ, фамилія, вокругъ которой пропитывались сотни уѣздной мелкоты, которая украшала храмы Божіи, которая уважалась въ губерніи, имѣла медали и проч.,—эта-то фамилія, этотъ корень древа жизни несчастнаго уѣзда, явно, на глазахъ всѣхъ, изводилась въ конецъ, вымирала... Божеское ли это было попущеніе, отзывались ли этимъ изморомъ волку овечьи слезки, какъ думалъ иной злопамятный обыватель, или просто фамилія увидѣла, что въ нонѣшнее время не такъ и не съ такими капиталами орудуютъ люди, или просто отъ слишкомъ долгаго и прочнаго благополучія выродился въ ней всякій умъ и талантъ, или заѣла ее совѣсть, или все это вмѣстѣ осадило и одолѣло ее, — только стали твориться въ ней недобрыя дѣла, отъ которыхъ всѣмъ обывателямъ стало тяжело, уныло и тошно жить на свѣтѣ... Въ какіе-нибудь два года съ Пастуховыми случилось множество бѣдъ. Во-первыхъ, старшій братъ, бывшій по смерти родителя главою фирмы и державшій всѣ дѣла на должной высотѣ и въ строгомъ порядкѣ, вдругъ сталъ «задумываться» и сошелъ съ ума... Его отвезли въ сумасшедшій домъ въ Москву... Послѣ него осталось двое дѣтей, оба пожилые и холостые; но одинъ—горькій пьяница, босикомъ и въ рубищѣ бѣгаетъ по городу съ ругательствами на свою семью, а другой, какой-то полуидіотъ, постоянно шатается по церквамъ и стоитъ гдѣ-нибудь въ углу съ закрытыми

глазами... Ихъ зналъ городъ и прежде, но почему-то не придавалъ значенія ни ругательствамъ пьянаго ни богомолью трезваго; теперь же, когда *вдругъ ни съ того ни съ другого* помѣшался, сошелъ съ ума самый старшій братъ, глава фирмы, воротило, оба полуидіота обратили на себя всеобщее вниманіе, и въ пьяномъ ораньи одного, какъ и усердномъ богомольѣ другого стали видѣть и понимать предвѣстіе чего-то дурного... Дѣйствительно, едва успѣлъ заступить мѣсто старшаго брата средній, только-что женившійся въ Москвѣ на богатой и засадившій своихъ идіотовъ-племянниковъ по конурамъ, какъ вдругъ молодая скончалась, неизвѣстно отъ какой болѣзни, скончалась вдругъ, поболѣвъ часа два-три. Тутъ ужъ на городъ нашелъ страхъ и уныніе, тѣмъ болѣе, что эти бѣды прямо отразились на торговыхъ оборотахъ... Они сразу уменьшились, упали: вдовецъ сталъ съ горя пьянствовать, дрался и бушевалъ, и наконецъ не такъ давно найденъ въ банѣ съ перерѣзаннымъ горломъ: онъ самъ наложилъ на себя руки... Дѣла стали; приказчики крали и разбѣгались, ужасъ и страхъ напалъ на всѣхъ жителей. Домъ Пастуховыхъ стоялъ мертвый, какъ могила, съ запертыми воротами... Жители боялись пройти мимо этого дома ночью; многіе изъ нихъ слышали въ такую пору какой-то жалобный стонъ, который будто бы леталъ вокругъ дома... Главою фирмы и владѣтелемъ капиталовъ оставался младшій братъ, до такой степени напуганный предшествовавшими несчастіями, что только усилія мѣстнаго духовенства и исправника могли отговорить его отъ поступленія въ монашество... Худой, блѣдный, трепещущій чего-то и предчувствующій что-то недоброе, отправился онъ, вслѣдствіе всеобщаго настоянія, жениться въ Москву. Но напуганные московскіе отцы и невѣсты отказывали ему, сторонились его, какъ чумы, и только съ ужасными усиліями наконецъ удалось ему выискать невѣсту въ Коломнѣ, въ бѣдной семьѣ (чего не бывало съ Пастуховыми), да и та поѣхала съ мужемъ, словно на смерть, дрожа и заливаясь слезами.

Мнѣ пришлось быть въ городкѣ въ ту самую минуту, когда ждали родовъ этой жены послѣдняго представителя дома, ждали съ напряженнымъ вниманіемъ, чуя въ то же время, что опять что-то случится нехорошее. Голоса и вой вокругъ дома Пастуховыхъ слышались все чаще и чаще... Идіотъ-пьяница какъ на грѣхъ вырвался и бѣгалъ по городу, неистовствуя пуще прежняго. Это уныніе, этотъ

страхъ, эти смерти, похороны, этотъ вой вокругъ дома, призывающій что-то недоброе, о которомъ всѣ думаютъ и котораго всѣ ждутъ, до такой степени сильно повліяли на меня, человѣка, повидимому, посторонняго, что въ короткое время пребыванія нервы мои сильно разстроились, и я, на ряду со всѣми обывателями, сталъ чего-то бояться, чего-то съ тревогой ждать.

Ударъ соборнаго колокола, ударъ протяжный и унылый, однажды ночью, сразу далъ знать всему городу, что «оно», это недоброе—случилось...

— У Пастуховыхъ несчастіе! — колотя съ улицы въ ставню нашей квартиры, что̀ есть мочи кричитъ перепуганный голосъ. — Неблагополучно!.. Пожалуйте лѣкаря скорѣя...

— Кто?.. Съ кѣмъ... Господи помилуй!..—слышатся ужъ голоса на улицѣ.

Но новый ударъ въ колоколъ мѣшалъ слышать отвѣтъ пастуховскаго посланнаго. Не слышно ничего, кромѣ:

— Неблагополучно... Очень непріятно!..

— Господи помилуй! Помилуй насъ, Царица Небесная!

— Самъ или сама?.. Съ кѣмъ?..

Но опять нельзя разобрать, съ кѣмъ «неблагополучно». Опять ударъ колокола по покойникѣ, и вѣтеръ, хлопающій ставней, и стукотня бѣгущихъ ногъ, и опять гдѣ-то, не то на дворѣ, не то на улицѣ, шопотъ и причитанье:

— Господи помилуй! Господи помилуй!

— Согрѣшили, грѣшные, предъ престоломъ твоимъ, отче Макаріе!

— О-охъ-охъ-охъ...

И колоколъ и вѣтеръ.

Такія сцены навѣрное бывали во дни паденія Новгорода и Пскова. Умирала и тамъ и тутъ идея, державшая городъ и народъ...

Цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ... Къ утру воротившійся докторъ объявилъ, что умерла молодая жена. Роды были такіе ужасные, что̀ еще болѣе омрачило всеобщее состояніе духа. Носились слухи, что и *самъ* недолго выживетъ.

Начался похоронный звонъ, толки о панихидахъ, выносахъ. Мы уѣхали въ уѣздъ и только тамъ отдохнули отъ всего этого немного... Воротившись дня черезъ три, я нашелъ въ общественномъ состояніи духа сильный упадокъ... Покойницу похоронили съ честью, но ясно увидѣли, что

дому Пастуховыхъ нечѣмъ держаться на свѣтѣ... Видѣли, что тутъ совершается дѣло, которому не пособить никакими капиталами. Очевидно, «все пойдетъ прахомъ»... *Самъ* бросилъ всѣ дѣла и тоже сталъ задумываться. Наживетъ недолго; кому все это достанется? Пріѣдутъ какіе-нибудь «ахахи-блинники» изъ родни, заберутъ капиталъ, домъ отдадутъ подъ солдатъ, а не то оставятъ размывать дождямъ и развѣвать вѣтрамъ и снѣгамъ!.. И при этой мысли жалость обывателю щемила сердце. Пастуховы такъ давно властвовали надъ нимъ, такъ давно грабили народъ (какъ иногда осмѣливался болтать иной злой языкъ), и такъ долго и неизмѣнно-хорошо все это сходило имъ съ рукъ, что горожане даже полюбили ловко обдѣлывавшій дѣла домъ, и имъ жалко было, если все это изведется прахомъ.

— Вотъ она, жизнь-то человѣческая! Прахъ, тлѣнъ!..— Все это носилось въ воздухѣ, въ жизни городка—и все дѣлало лѣтнее пребываніе мое здѣсь не особенно веселымъ...

Кромѣ такого похороннаго настроенія, господствовавшаго въ городкѣ, подъ самымъ бокомъ у насъ происходило нѣчто еще болѣе непріятное, чѣмъ это похоронное настроеніе. Мы жили въ домѣ, который представлялъ собою тоже обреченное на гибель чиновничье гнѣздо, какъ на грѣхъ одаренное непомѣрною живучестью, волчьею жаждою куска и поставленное обстоятельствами также въ необходимость погибнуть изморомъ. Главою этого дома была какая-то старая отставная надворная совѣтница, госпожа Антонова; ей принадлежалъ домъ, ей принадлежали какія-то деньжонки, которыя она отдавала подъ проценты, и вотъ вокругъ этой женщины, пропитанной насквозь запахомъ жирныхъ подачекъ, взятокъ, вообще запахомъ какихъ-то денегъ, падающихъ съ неба, безъ трудовъ и хлопотъ, около этого центра, какъ около стараго гнилого пня, словно куча червей, копошилась тоже куча всякой родни, зятьевъ, свояковъ и проч. Это было дѣйствительно гнѣздо животныхъ, кажется, родившихся уже съ открытою, приготовившеюся глотать пастью. Никогда мнѣ не приходилось испытывать болѣе отталкивающаго, даже отвратительнаго впечатлѣнія отъ физіономій, какое внушали мнѣ физіономіи почти всѣхъ представителей этой семьи. Рѣдко, почти никогда нельзя чувствовать продолжительное отвращеніе даже къ самымъ неискреннимъ физіономіямъ; всегда, рано ли, поздно ли, вдругъ проглянетъ черта, которая объяснитъ сразу и неискренность и отвратительность, и объяснитъ, какъ, по

крайней мѣрѣ, знаю я, всегда въ лучшую, въ добрую сторону. Ничего подобнаго не удалось мнѣ примѣтить въ этомъ гнѣздѣ надворной совѣтницы; кромѣ чего-то наглаго, плотояднаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, я никогда ничего не замѣчалъ ни въ одномъ изъ этихъ обитателей гнѣзда... Все это былъ здоровенный, плотный народъ, съ лоснившимися гладкими, какъ налимья кожа, лицами, съ жадными глазами, толстыми подбородками и холоднымъ взглядомъ (большей частью у нихъ были черные глаза), который вдругъ дѣлался рабскимъ, сверкая радостью голодной собаки передъ кускомъ мяса, когда кто-нибудь изъ должниковъ приносилъ проценты или когда вообще гдѣ-нибудь близко пахло деньгами... Весь этотъ народъ, несмотря на то, что былъ молодъ, уже успѣлъ проворваться и быть подъ судомъ: такъ велика у нихъ была жажда глотать, и такъ они были приготовлены десятками лѣтъ подьячества... Почти мальчиками, не учась, они поступали на разныя должности и тотчасъ же принимались за свое дѣло. Но, должно-быть, они были слишкомъ щедро надѣлены инстинктами грабительства, или такъ же, какъ и Пастуховы, не знали, «какъ это дѣлается» въ нынѣшнее время — только, проглотивъ по куску, тотчасъ же и попались... Тотъ слишкомъ поторопился запустить руку въ кассу на какой-то станціи желѣзной дороги, этотъ поддѣлъ, да тоже «не какъ слѣдуетъ», вексель, а тотъ прямо перекусилъ пополамъ какого-то мужичонку, надъ которымъ ему была дана власть и котораго онъ долженъ бы былъ истощать медленно, какъ паукъ муху... Словомъ, всѣ они попались на первомъ же глоткѣ, и, имѣя понятіе о свойствѣ ихъ натуръ, потрудитесь, если можете, представить, что̀ за зрѣлище представляло это семейство. Аппетитъ у нихъ былъ раздраженъ въ высшей степени; воспитаніе и среда развили его въ ужасныхъ размѣрахъ; тотъ маленькій кусокъ, который имъ удалось отвѣдать на своемъ вѣку, былъ хорошъ и манилъ, тянулъ отвѣдать еще, да и ко всему этому самымъ раздражающимъ образомъ дѣйствовало на всѣхъ постоянное созерцаніе пахнувшей удачнымъ грабежомъ маменьки... Запахъ этотъ злилъ ихъ и ссорилъ между собой ежеминутно, и ежеминутно они боялись пикнуть, боялись громко сказать словечко, чтобы не потерять во мнѣніи главы этого клоповника, и шипѣли поэтому другъ на друга, какъ змѣи.

Имѣть за стѣной такое сосѣдство, знать, что тутъ, за нашей спиной, копошится что-то злое и жадное,—ощуще-

ніе было въ высшей степени непріятное и, вмѣстѣ съ унылымъ настроеніемъ духа всего городка, дѣлало пребываніе въ немъ далеко не отдохновеніемъ; повторяю, насъ спасали только поѣздки за городъ, въ деревню, послѣ которыхъ можно было на нѣкоторое время позабыть всѣ скучныя и дрянныя мелочи, окружавшія насъ... Но и несмотря на эти поѣздки, я бы не могъ прожить здѣсь долго, если бы меня въ этомъ самомъ отвратительномъ гнѣздѣ госпожи Антоновой не заинтересовала одна личность, жизнь которой навела меня на нѣкоторыя, къ концѣ концовъ очень утѣшительныя, относительно повсюду свирѣпствующаго унынія размышленія.

Съ этимъ субъектомъ я и познакомлю теперь читателя.

II. Разсказъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ моего пріѣзда въ городокъ, когда мы, отобѣдавъ, отдыхали, — одинъ въ одной, другой въ другой комнатѣ, — и когда въ домѣ, на дворѣ и на улицѣ царствовала невозмутимая тишина, въ пустой залѣ вдругъ раздался голосъ:

— Иванъ Иванычъ, а Иванъ Иванычъ.

— Что вамъ? — отвѣчалъ мой пріятель изъ своего кабинета.

— Да мнѣ бы два словечка хотѣлось...

Говорившій, повидимому, стоялъ на улицѣ или на дворѣ и говорилъ въ отворенное окно.

— Что такое, какія словечки? — шлепая туфлями и направляясь къ окну, говорилъ мой пріятель.—Здравствуйте, отецъ-дьяконъ! Какія словечки?..

— Добраго здоровья!.. Да я было-хотѣлъ...

— Вы вотъ что скажите прежде всего, — перебилъ его Иванъ Иванычъ: — бросили вы пить или нѣтъ, и принимаете ли желѣзо?

— Бросаю...

— Бросаете? Прекрасно... А желѣзо?

— Да вотъ я объ этомъ и хочу съ вами потолковать.

— Что же такое?

— Да вступаетъ ли?

— Что вступаетъ ли?

Какъ ни прискорбно, а надо сказать, что пріятель мой, попавъ въ такую непроходимую глушь, какъ этотъ несчастный городокъ, и видя постоянную бѣдность и невѣжество самыя поразительныя, сталъ чувствовать себя и по своимъ знаніямъ и по средствамъ неизмѣримо выше всего этого люда и усвоилъ себѣ нѣкоторую покровительственную развязность въ обращеніи со всѣмъ этимъ народомъ. Не знаю, виноватъ ли онъ въ этомъ.

— Что такое,—продолжалъ онъ, усаживаясь у окна:— что такое «вступаетъ»? Что вы тутъ толкуете? Куда «вступаетъ»?

— Да желѣзо-то... Точно ли, молъ, вступаетъ въ это... какъ его?..

— Въ кровь, что ли? Въ организмъ?

— Вотъ-вотъ... въ это самое... Точно ли, молъ?..

— Ахъ, отецъ Аркадій, или какъ тамъ васъ, отецъ вы или кто, ужъ не знаю... Сколько разъ я вамъ говорилъ— да! да! вступаетъ! И именно вступаетъ въ кровь! За какимъ же чортомъ, спрашивается, я вамъ его прописывалъ? Ну скажите ради Бога, за какимъ чортомъ?

Отецъ-дьяконъ кашлянулъ.

— Вы,—продолжалъ докторъ, отдѣляя каждое слово:— вы пили, кровь у васъ теперь—не кровь, а сусло... Понимаете?.. Сусло, а не кровь!..

— Позвольте,—перебилъ дьяконъ:—Господи помилуй! Да развѣ я объ этомъ? Конечно, пьешь... да нешто я объ этомъ? Сусло! Я и самъ знаю, что сусло...

— Ну такъ что же тутъ, о чемъ же тутъ разговаривать? Принимайте желѣзо—и все!

— И, то-есть, ужъ въ самый корень вступить?

— Я не знаю, что это за корень... Вамъ куда надо-то?

— Да по мнѣ бы въ самую настоящую точку...

— Еще куда?.. Въ корень, въ точку, еще куда?

— То-есть чтобъ въ самую, напримѣръ, въ жилу?..

Дьяконъ ждалъ отвѣта.

— Знаете, что я вамъ скажу, отецъ-дьяконъ?—довольно строгимъ тономъ заговорилъ докторъ: — такъ говорить нельзя... Помилуйте! Да этакаго разговора самъ чортъ не разберетъ... Что это значитъ—въ самую точку? Гдѣ самая жила, а гдѣ не самая? Вѣдь это—просто чортъ знаетъ что такое! Что такое вы говорите?..

Дьяконъ и самъ засмѣялся.

— Чортъ ее знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, плетешь языкомъ невѣсть что!..

— Ей-Богу, вѣдь это невозможно!.. Въ точку да въ жилу...

— Ха-ха-ха!..—хохоталъ дьяконъ.

— Ей-Богу невозможно!..

Послѣ незначительнаго молчанія, во время котораго докторъ, надо думать, смягчился, разговоръ возобновился вновь.

— Я вамъ говорю,—началъ докторъ спокойно и категорически:—желѣзо вступаетъ въ кровь! разъ!

— Такъ!

— Поправляетъ и укрѣпляетъ нервы!

— Два! — тоже категорически отчеканивалъ дьяконъ. — Далѣе?

— Да чего-жъ вамъ еще?

— А въ душу?

— Что въ душу?

— Да въ душу-то вступаетъ ли?

Этотъ вопросъ снова какъ будто встревожилъ доктора.

— Знаете, батюшка, что я вамъ скажу... Мнѣ кажется, что вы—большой охотникъ разговаривать! Вы сначала попробуйте — перестаньте пить да полѣчитесь, а потомъ и увидите, что будетъ съ душой...

— И возобновляетъ?

— Нѣтъ, отецъ Аркадій, это невозможно! Это... это... Такъ вы хотите, чтобъ я вамъ душу возобновилъ, что ли? Такъ? Да?..

Докторъ, очевидно, озлился.

— Да какой же мнѣ, помилуйте, — тоже, повидимому, ощетинившись, заговорилъ дьяконъ: — какой мнѣ расчетъ тамъ нервы эти самые, ежели оно не попадетъ въ самую точку?

Докторъ бѣгалъ по комнатѣ въ очевидномъ гнѣвѣ и молчалъ.

— Никакого мнѣ нѣтъ расчету его пить, ежели оно только обопало болѣзни ходитъ, тамъ, въ эти въ нервы въ разные, а въ самую, значитъ, суть-то—и нѣтъ!..

— Нѣтъ! Ради Бога, оставьте! Я не могу. Я не могу больше разговаривать такъ... Дѣлайте, что хотите...

Дьяконъ замолкъ и кашлянулъ. Взволнованный пріятель мой, большими шагами ходившій по залѣ, вдругъ повернулъ въ мою комнату и проговорилъ:

— Какъ тебѣ нравится такого рода разговоръ? Слышалъ?

— Да...—отвѣчалъ я.—Кто это такой?

— Не въ томъ дѣло,—перебилъ меня озлобленный другъ:— но представь себѣ, какова пытка каждый Божій день слушать объясненія въ такомъ родѣ: «Нельзя ли въ самую жилу?»—«Не пущаетъ», и такъ далѣе. Извольте ихъ лѣчить!.. У одного не пущаетъ, у другого какой-то, изволите видѣть, растетъ въ сердцѣ горохъ... Что такое? Что за чертовщина? А это — порокъ сердца... такъ въ Москвѣ сказали—горохъ, говорятъ...

Нечего сказать, любитъ провинціальный дѣятель, поймавъ терпѣливаго слушателя, поразсказать о своемъ самоотверженіи, терпѣніи и о множествѣ другихъ достоинствъ, которыхъ не видятъ и не цѣнятъ. Добрую четверть часа слушалъ я эту похвалу собственнымъ достоинствамъ моего пріятеля, излагаемую имъ въ видѣ фактовъ невѣжества окружающихъ, — невѣжества, переносимаго имъ вотъ ужъ пятый годъ и за такое ничтожное жалованье (и объ этомъ была рѣчь). Наконецъ онъ какъ будто усталъ, потому что остановился.

— Ты спрашивалъ, кажется, кто это такой?—вспомнивъ мой вопросъ, переспросилъ онъ и, принявшись возиться съ своими карманными часами, заводить ихъ, прикладывать къ уху, продолжалъ: — это какой-то сельскій дьяконъ. Теперь онъ подъ судомъ за что-то... кажется, за пьянство,— хорошенько не знаю. Когда мнѣ съ нимъ пускаться въ откровенность? Н-ну, знаю, т.-е. по крайней мѣрѣ слышалъ, что жена ушла отъ него и, кажется, гдѣ-то учится въ родильномъ домѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Потомъ отлично знаю, что пьянствуетъ и поминутно лѣзетъ съ разными нелѣпыми разговорами, съ точками съ разными да съ жилами. Надоѣлъ онъ мнѣ ужасно!

— Иванъ Иванычъ! а Иванъ Иванычъ! — робко послышался опять голосъ дьякона.

— Какъ? вы еще здѣсь?—совершенно утихнувъ и успокоившись, изумился докторъ и пошелъ въ залу. — Что вы тутъ дѣлаете? Я думалъ—вы уже ушли.

— Не сердитесь, Бога ради, Иванъ Иванычъ! что же такое! Мнѣ надо разузнать, въ чемъ дѣло...

— Я вовсе не сержусь,—мягко заговорилъ Иванъ Иванычъ: — а повторяю вамъ, что такъ нельзя говорить, и всякій вамъ скажетъ то же.

— Ну, я больше не буду. Слѣдовательно на томъ дѣло стало—принимать?

— Что такое?

— То-есть желѣзо-то принимать, стало-быть?

— Конечно, принимать...

— Превосходно! Стало-быть, такъ и будетъ. Только я васъ еще хотѣлъ спросить объ одномъ...—робко прибавилъ дьяконъ.

— Сдѣлайте милость, спрашивайте.

— Извольте видѣть,—тихо, убѣдительно заговорилъ дьяконъ:—теперь вы говорите порошки тамъ, нервы, напримѣръ, органы и все этакое—вѣдь это физика?

— То-есть какъ физика? Я не понимаю, что вы хотите сказать?

— То-есть матерія, но не духъ, вотъ какъ я думаю.

— Порошки-то не духъ?

— Не порошки, а, напримѣръ, все прочее, весь составъ?

— А-а, ну хорошо, ну матерія.

— Изволите видѣть... даже и въ «Русскомъ Словѣ» не сказано прямо такъ, что, молъ, это все одно... Ежели бы такъ, то взять палку—вотъ тебѣ хребетъ, обмоталъ бечевкой—нервы, еще чего-нибудь наддалъ—и хоть въ мировые посредники выбирай: только шапку съ краснымъ околышемъ одѣть...

— Ишь, какъ у насъ отецъ-дьяконъ-то! Остроты отпускаетъ!

— Да ей-Богу, ежели такъ-то.

— Продолжайте! продолжайте... Н-ну, матерія? Ну?..

— Ну, а духъ, я говорю, слѣдовательно—часть особая, изволите видѣть!

— Положимъ, особая. Далѣе?

— А далѣе, вотъ я и сомнѣваюсь, чтобы оно на пользу было... напримѣръ, для духа...

— Это, кажется, вы опять начинаете старую пѣсню?—перебилъ Иванъ Иванычъ и, должно-быть, такъ ясно выразилъ нежеланіе слушать эту пѣсню, что собесѣдникъ его почти тотчасъ же и во всю мочь своего голоса заговорилъ:

— Нѣтъ! Ей-Богу, нѣтъ! Иванъ Иванычъ! Сдѣлайте одолженіе! не о порошкахъ...

Онъ какъ будто останавливалъ этими торопливыми и крикливыми фразами намѣревавшагося уйти доктора.

— Какъ не о порошкахъ? Вѣдь опять договорились до того, что «вступаетъ» и такъ далѣе?

— Передъ Богомъ, не объ этомъ! Куплю, ей-ей куплю, сію минуту...

— Такъ объ чемъ же въ такомъ случаѣ? Я, ей-Богу, васъ не понимаю.

— Два словечка! Позвольте, дайте мнѣ досказать, я сію минуту объясню вамъ. Сдѣлайте ваше одолженіе!

Коротко и рѣзко стукнулъ стулъ: докторъ, очевидно, сѣлъ и рѣшился слушать.

— Какъ матерія,—съ разстановкою и тономъ отвѣчающаго на экзаменѣ ученика, началъ дьяконъ:—какъ матерія имѣетъ на свою пользу разныя спеціи, такъ равно и духъ ихъ имѣетъ...

И замолкъ.

— Все?

— Все.

— Очень пріятно,—по крайней мѣрѣ, коротко.

— И такъ какъ...—началъ-было дьяконъ тѣмъ же тономъ.

— Да вѣдь все?

— Только еще полслова! Сдѣлайте ваше одолженіе! То-есть чуть-чуть... И такъ какъ для тѣла, слѣдовательно, есть разные порошки или тамъ примочки, то для духа они пользы не даютъ. То слѣдовательно...

— То, что̀ то̀?

— То̀, что духъ имѣетъ свои, напримѣръ...

— Примочки?

— Примочки не примочки, а тоже средства... Порошки для тѣла, а для духа—надо другое... Вотъ какое дѣло! Я, какъ передъ Богомъ вамъ говорю, сейчасъ куплю желѣза этого, а для духа-то нѣтъ!..

Надоѣло ли доктору слушать все это, только онъ на этотъ разъ не придирался къ собесѣднику, а довольно кротко сказалъ:

— Что-жъ такое для духа, по-вашему, надо?

— То-то и мудрено—«что̀»... Объ этомъ-то и разговоръ.

— Ну, объ этомъ вы посовѣтуйтесь съ кѣмъ-нибудь другимъ, я тутъ ужъ—пасъ!

— Съ кѣмъ же мнѣ совѣтоваться? Да тутъ во всемъ городѣ ни одинъ человѣкъ не знаетъ, что у него есть духъ и есть тѣло... Имъ бы только жалованье получать... Мнѣ спрашивать объ этомъ некого...

— Ну, и я вамъ тоже не могу помочь.

— А чтеніе, напримѣръ? Какъ вы думаете?

Докторъ барабанилъ пальцемъ по подоконнику и молчалъ.

— Ежели, напримѣръ, основательное чтеніе?.. Вѣдь, я думаю, оно возстановляетъ! Какъ вы думаете?

— Конечно...—совершенно разсѣянно отвѣчаетъ докторъ.

— Ей-ей? Я такъ и думалъ!.. Порошки — для тѣла, книги—для духа? Да пить перестану!

— Это-то самое было бы лучшее...

— Ей-ей, перестану. Будь я проклятъ! Вотъ какъ! А? какъ вы думаете? И порошки, напримѣръ, и чтеніе,—анъ, можетъ-быть, и возстановится?

— Очень можетъ быть! — вовсе не интересуясь этимъ разговоромъ и думая о чемъ-то другомъ, пробормоталъ докторъ.

— Ей-Богу? Ну и отлично!.. Иванъ Иванычъ! будьте отцомъ роднымъ! батюшка!—жалобно заговорилъ дьяконъ.

— Что такое?

— Одолжите книжечекъ! Сдѣлайте милость!..

— Какія есть, берите, хоть сейчасъ...

— Я сейчасъ, и желѣзо сейчасъ...

— Заходите.

Скоро въ комнату вошелъ тщедушный, худенькій человѣкъ, въ истасканномъ подрясникѣ, и робко, на цыпочкахъ, направился вслѣдъ за Иваномъ Ивановичемъ въ его кабинетъ; проходя залой, онъ обернулся въ мою сторону, и я увидѣлъ прежде всего крайне странные, не то восторженные, не то испуганные, даже сумасшедшіе глаза, ярче всего выдававшіеся на худомъ, блѣдномъ, еще не старомъ лицѣ, съ жидкими, длинными бѣлокурыми волосами и маленькой бородкой, которую онъ постоянно щипалъ, пробираясь на цыпочкахъ въ кабинетъ. Тщедушное, робко согнувшееся тѣло, это больное, испуганное лицо и глаза, полные чего-то пугливаго и неопредѣленно оживленнаго, производили впечатлѣніе чего-то жалкаго и хилаго.

— Вотъ все, что есть, выбирайте!.. Вамъ какія книги надо?—спрашивалъ мой пріятель, когда они очутились въ кабинетѣ.

— Да мнѣ бы пофундаментальнѣе.

— Ну, вотъ выбирайте... Вотъ журналъ не хотите ли?

— Нѣтъ, это все мимолетное.

— А вамъ надо не мимолетнаго? да?

— Да ужъ, что-нибудь по... того, поздоровѣй.

— Поздоровѣй?..—роясь въ книгахъ, болталъ докторъ.—

Поздоровѣй вамъ? Не хотите ли взять вотъ Шлоссера; это, я думаю, будетъ довольно здорово...

— Это что̀ такое—Шлоссеръ?

— Исторія.

— Сдѣлайте милость, это мнѣ въ самый разъ..

— Ну, такъ вотъ и берите...

— Мнѣ бы только, Иванъ Иванычъ, ужъ съ самаго начала... что-нибудь...

— Да вотъ, что̀ тутъ? «Греки...» Вотъ тутъ съ самаго начала...

— Очень вамъ благодаренъ... То-есть какъ вы говорите—съ самаго начала? Съ самаго начала только греческая исторія?

— Только одна греческая... А вамъ что̀ же?

— А раньше грековъ нѣтъ ли чего?

— Разумѣется, есть. Вотъ исторія Индіи... Это раньше грековъ.

— А еще чего не было ли раньше?

— Ужъ я, ей-Богу, не знаю... Да зачѣмъ вамъ?

— Да мнѣ бы хотѣлось ужъ, чтобы начать, напримѣръ, съ самаго корня...

— Опять самые корни?

— Да ей-Богу, Иванъ Иванычъ, что-жъ мнѣ хватать верхушки? Ужъ ежели поправляться, такъ надо какъ слѣдуетъ... Вновь... Съ самаго, напримѣръ, съ кор... съ корня... Что̀ вы смѣетесь? Ей-Богу, право... Что-жъ такъ-то?..

— Да такъ, такъ... Только я не знаю, что-жъ бы такое?.. Не хотите ли «До человѣка»?

— Это—книга такая?

— Книга... Понимаете—до! Ужъ тутъ самый корень.

— Вотъ, вотъ, вотъ!—какъ-то даже сладострастно зашепталъ дьяконъ:—до! Это самое и есть—«до» всего еще?

— То-есть до всего на свѣтѣ!..

— Ну, ну, ну... Это мнѣ и надо... Съ самаго...

— Съ самаго, съ самаго!.. На-те, берите!

— Ну, дай вамъ Богъ здоровья... Сейчасъ примусь! Вотъ это мнѣ и нужно...

— Очень радъ.

— Очень вамъ благодаренъ! А то что-жъ мнѣ, ей-Богу,—журналы тамъ?.. Мнѣ ужъ надо все наново... Иначе что-жъ такъ-то? Ужъ ежели...

— Ну, ладно, ладно!

Поблагодаривъ и бормоча все то же, то-есть, что «ежели

поправляться, такъ надо не какъ-нибудь» — дьяконъ поспѣшно, съ явнымъ намѣреніемъ сейчасъ же приняться за дѣло, вышелъ изъ кабинета, перебѣжалъ залу и направился къ банѣ, держа подъ самымъ носомъ развернутую книгу.

— И представь себѣ, — заговорилъ пріятель, вновь появляясь въ моей комнатѣ:—вѣдь такіе разговоры у насъ съ нимъ идутъ чуть не каждый Божій день... «А вступаетъ ли?», «а что душа?», «въ душу!»... чортъ знаетъ что... Часа по два битыхъ тиранитъ меня, а кончится ничѣмъ... Въ тотъ же вечеръ напьется и надѣлаетъ разныхъ гадостей.

— Онъ какой-то чудной!

— Пьетъ!.. куралеситъ... дѣла разстроены, да и жена бросила—ну вотъ и хочетъ «все вновь»... То порошками, то книжками... Да извольте видѣть, чтобъ въ самую жилу... въ точку... Надоѣло... А что, не пойти ли намъ погулять?

Скоро мы отправились за городъ и воротились очень поздно. Былъ душный лѣтній вечеръ. Во время нашей долгой загородной прогулки меня не покидала мысль объ этомъ бѣдномъ человѣкѣ, думающемъ вылѣчить свою душевную боль книгами и порошками. Что это за душевная рана? Что это за боль? Какъ? Откуда нанесло ее на бѣднягу? Все это очень занимало меня. Я рѣшилъ непремѣнно найти случай поговорить съ нимъ, разспросить его.

III. Вечеркомъ въ глухомъ уголкѣ.—Разсказъ.

Два или три дня, слѣдовавшихъ за разговоромъ подъ окномъ, я почти не видалъ дьякона. Онъ сидѣлъ въ своей банѣ, должно-быть, прилежно занимаясь чтеніемъ сочиненія «До человѣка», сидя до поздней ночи, и только разъ или два во всѣ эти дни, и то на минуту, подбѣгалъ къ окну спальни моего пріятеля, чтобы задать вопросъ и уйти...

— Хеліасты, Иванъ Иванычъ, что такое? — спрашивалъ онъ.

— Хеліасты?

— Вотъ тутъ сказано: «*такъ же, какъ тысячелѣтнее царство для хеліастовъ...*»

— То-есть, какъ же это «такъ же»? Надо прочесть всю фразу...

Дьяконъ прочелъ какой-то очень сложный періодъ, спотыкаясь на каждомъ шагу—точно плелся онъ безъ дороги по какому-то изрытому полю, не зная, что̀ сзади, что̀ впереди...

По прочтеніи этой фразы докторъ принялся соображать, а дьяконъ стоялъ и ждалъ молча...

— Чортъ ее знаетъ — наконецъ произнесъ мой пріятель.—Да вы это просто пропускайте...

— Ну ужъ что-жъ это—пропускъ.

— Ну, я не знаю... Читайте дальше, тамъ будетъ видно...

— Гм!—сдѣлалъ дьяконъ, помолчалъ и пошелъ.

Въ другой разъ онъ поймалъ Ивана Иваныча въ ту самую минуту, когда тотъ совсѣмъ было-ушелъ на практику.

— Вотъ,—прямо началъ онъ, входя и держа раскрытую книгу:—«*или почему взрослое животное лучше новорожденнаго?*» Почему, Иванъ Иванычъ?

— Что̀ такое? Какое животное?

— Вообще, тутъ сказано, напримѣръ, такъ, что яйцо, напримѣръ... да вотъ: «*или что̀ лучшаго въ новорожденномъ животномъ?..*»

— Дайте сюда книгу! Гдѣ это?

Дьяконъ подалъ книгу, указалъ и ждалъ.

Минутъ пять читалъ Иванъ Иванычъ указанное мѣсто, перевертывая страницы и впередъ и назадъ, и наконецъ сказалъ:

— Вѣдь я такъ не могу—выхватить прямо изъ середки и объяснить. Чортъ его знаетъ, что̀ это такое? Такъ нельзя!

— Гм!—опять сдѣлалъ дьяконъ.

— Я долженъ прочесть, по крайней мѣрѣ, нѣсколько страницъ, чтобы знать... Яйцо какое-то!.. Вы придите завтра, послѣ обѣда, мы прочтемъ.

Дьяконъ помолчалъ, перелистовалъ нѣсколько страницъ и задалъ-было еще вопросъ:

— А что̀ вотъ еще означаетъ «комбинація формъ»?

— Не теперь...—перебилъ докторъ. — Я сейчасъ ухожу. Приходите завтра на цѣлый вечеръ, мы все это разберемъ.

— Ну, ладно... Ужъ и трудно же написано!..

— Ничего, послѣ!..—торопясь уходить, говорилъ Иванъ Иванычъ.—Приходите.

Дьяконъ помолчалъ, повертѣлъ страницы и пошелъ, сказавъ, впрочемъ, что придетъ, «непремѣнно придетъ».

Въ назначенный для ученаго разговора вечеръ произошло однако совсѣмъ не то, что̀ должно было произойти. Отправившись по обыкновенію за городъ, мы совершенно забыли, что «сегодня вечеромъ» долженъ придти дьяконъ, и спохватились только тогда, когда на дворѣ была почти ночь.

Спохватившись, мы торопливо пошли домой.

Въ комнатахъ нашей квартиры было темно, окна отворены, и со двора доносился какой-то шумъ.

Оказалось, что «*ругаются*»!

Въ будничной жизни глухого русскаго уголка нѣтъ, какъ мнѣ кажется, другихъ болѣе тягостныхъ минутъ въ теченіе цѣлаго дня, какъ тѣ, которыя опредѣляются словами: «посидѣть вечеркомъ на крылечкѣ», «отдохнуть вечеркомъ», словомъ—побыть *такъ,* ничего не дѣлая, нѣсколько вечернихъ часовъ. Вездѣ, гдѣ есть настоящая жизнь, хоть и трудная и неприглядная, въ самыхъ глухихъ уголкахъ европейскихъ большихъ городовъ, на каторжныхъ фабрикахъ, вечеръ — дѣйствительно время отдыха, потому что день—дѣйствительно время тяжелаго труда, время устали, и какъ ни труденъ этотъ рабочій день, но вечеръ веселъ или, по крайней мѣрѣ, тихъ... Совсѣмъ не то въ глухомъ русскомъ уголкѣ. Притворяясь по чьему-то приказанію городомъ, уголокъ заставляетъ невольно притворяться все, что̀ ни живетъ въ немъ. Притворяется начальствомъ исправникъ и все чиновное, все распоряжающееся, притворяется потому, что не надъ чѣмъ въ сущности начальствовать и нечѣмъ распоряжаться. Притворяется учитель, знающій очень хорошо, что наука его плоха и проку отъ нея мало, и т. д. И вотъ все это, не могущее по совѣсти не сознать, что прожитый день былъ—«одна канитель», «промаявшись» этотъ день кое-какъ, чувствуетъ вечеркомъ, когда прекращается эта «тягота маяты», потребность облегчить душу отъ ига призрачной дѣятельности, призрачной жизни... Повсюду—тихо, вездѣ заперты ворота и ставни, нигдѣ не видно огня, и кажется, что глухой уголокъ спитъ мертвымъ сномъ. Ничуть и ебывало—напротивъ: вездѣ, въ темныхъ спальняхъ, на «крылечкахъ», куда обыватель выползъ «посидѣть» послѣ ужина, идетъ шопотомъ, во имя потребности облегчить душу, сваливаніе душевной дряни другъ на друга... «Завезъ въ какую гибель!—шепчетъ молодая жена.—Да что̀ это? Да лучше я въ монастырь уйду. Али у меня женіховъ не было?..» «А изъ-за кого бьюсь?

Изъ-за васъ, чертей, все-жъ и бьюсь-то!.. Былъ бы я одинъ, — сердито шепчетъ отецъ семейства: — такъ сталъ бы я тутъ торчать, въ этакой пропасти?» Тамъ, въ темнотѣ, кто-нибудь пьетъ и проклинаетъ свою участь; въ другомъ темномъ, какъ смоль, углу кто-нибудь пьетъ и молчитъ... И вездѣ за этими запертыми ставнями, въ темныхъ душныхъ спальняхъ, подъ темнымъ душнымъ небомъ, на крылечкахъ уѣздный людъ пилитъ другъ друга, пилитъ тихо, чуть слышно, какъ чуть слышно зудитъ пила, которою перепиливаютъ человѣческія кости.

Вотъ именно такого рода «отдохновеніе» происходило и на нашемъ дворѣ, гдѣ на крылечкѣ отдыхала послѣ ужина вся подсудимая семья госпожи Антоновой... И—увы!—въ общемъ шипѣньи этихъ звѣрей другъ на друга громче всѣхъ раздавался голосъ, въ которомъ не было ни тѣни недавняго подобострастія и робости. Напротивъ, нагло, грубо и до послѣдней степени пьяно звучалъ онъ теперь, ругательствами обрушиваясь на всѣхъ и на вся.

— Что это? — заслышавъ знакомый голосъ, произнесъ Иванъ Иванычъ, появляясь въ моей комнатѣ.—Пьянъ?

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, онъ сталъ прислушиваться. Дьяконъ ругалъ госпожу Антонову и зятьевъ, благочиннаго, свою жену, книги, журналы, словомъ—все, въ ужаснѣйшемъ, невообразимомъ безпорядкѣ осаждавшее его пьяную голову...

— Акушерство!—кричалъ онъ.—Акушерство! Нѣтъ, взять бы хорошую дубину... Как-кая силоамская купель, скажите, пожалуйста... Эхъ, вы-ы... акушерки!..

— Отецъ-дьяконъ!—перебилъ рѣчь Иванъ Иванычъ.— Вы что-жъ это? Опять?

— Да!—твердо и вызывающе отвѣчалъ дьяконъ.

— Отлично!

— Превосходно! А вы полагали, что дурака нашли? Передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ по порошку?.. На-ка вотъ съѣшь!..

Сконфузило это Ивана Иваныча. Онъ такъ и не отвѣтилъ ему ни слова, а стоялъ и молчалъ.

— Эхъ, вы-ы,—продолжалъ между тѣмъ дьяконъ:—ученые! Что ни спросишь — ничего не знаете... Какого вы чорта смыслите? Порошки... Дубье вы со всѣми вашими книгами!.. У человѣка душа болитъ, а вы, прохво...

— Затворите окно!—сказалъ Иванъ Иванычъ, очевидно, совершенно разгнѣванный.—Пусть его! Это постоянно... А завтра опять прилетется...

Долго за запертымъ окномъ слышался голосъ ругавшагося дьякона... «Эхъ, вы, акушерки-молодки...» «Порошковъ бы вамъ, ворамъ, принять желѣзныхъ, авось вы перестанете красть...» «Хеліасты поганые! Почитай-ка, что у Бокля сказано — свинья!» «Охъ, если-бъ Бисмаркъ васъ распалилъ!»

— Только ужъ больше я съ нимъ разговаривать не буду! Нѣтъ! — говорилъ Иванъ Иванычъ. — Нѣтъ, это мнѣ надоѣло...

На слѣдующій день, какъ того ожидалъ Иванъ Иванычъ, готовившійся отдѣлать дьякона за вчерашнее, послѣдній не показывалъ глазъ. Не было видно его и вечеромъ, при чемъ семейство Антоновой ругалось одно, собственными средствами. И только черезъ два дня, вечеромъ, я снова увидѣлъ его.

Онъ былъ худъ, еле живъ, грустенъ, боленъ. Долго сидѣлъ онъ молча, на приступкѣ дверей своей бани, не отвѣчая ни одного слова на остроты, направленныя изъ полчища отдыхавшихъ на крылечкѣ подсудимыхъ, хотя послѣдніе, видя, что онъ совершенно безсиленъ сегодня, направили на него весь запасъ ненависти, которую должны бы были сегодня израсходовать другъ на друга. Вслѣдствіе этого обстоятельства они были очень веселы.

— Принять бы и мнѣ порошокъ!—говорилъ кто-то на крыльцѣ:—авось меня изъ-подъ суда освободятъ...

— Что-жъ, попробуй... Вонъ-отецъ дьяконъ принимаетъ... говоритъ—совсѣмъ, говоритъ, поправляюсь...

— Да, ловко онъ третьяго-дня поправился!..

— Не ту положилъ пропорцію... Надо бы полштофъ—и порошокъ, полштофъ—и порошокъ. А онъ полштофовъ-то выпилъ штукъ шесть, а порошокъ-то одинъ... Вонъ оно и...

— Да-да-да! А то бы и ничего?

— Чего-жъ лучше! Вполнѣ облегчаетъ... Даже такъ, что и жена опять возвращается къ мужу...

— О-о-о! Какое чудесное лѣкарство...

— Не вѣришь! Ей-Богу!.. Отецъ-дьяконъ! Сдѣлайте милость, скажите... Что ежели, напримѣръ, заняться чтеніемъ и, напримѣръ, штофа четыре?..

Смѣхъ не даетъ говорить. Долго хохочутъ. Дьяконъ молчитъ и третъ лобъ.

— А что, супруга опять же къ вамъ возвратится?

— Чего-съ?—сиплымъ голосомъ спросилъ дьяконъ.

— Супруга, говорю, возвратится къ вамъ?.

— А зачѣмъ ей въ этомъ хлѣву быть, позвольте узнать?

— Вы. значитъ, это ее колотили, чтобъ она въ хлѣву не была?

— Значитъ, изъ хлѣву гнали по шеѣ-то ее?

— Да замолчите ли вы, мерзавцы, наконецъ!—внѣ себя, вдругъ больнымъ, надорваннымъ голосомъ заговорилъ дьяконъ, вскакивая.—Что это такое? Когда меня Господь вынесетъ отсюда!.. Господи! Билъ, билъ я!.. Мерзавцы этакіе! Отъ этого я и боле-снъ! О-о! Господи! Да это—омутъ!

Хохотъ не прекращался. Омутъ чувствовалъ, что онъ—дѣйствительно омутъ, и, сознавая въ себѣ это качество, былъ безжалостенъ.

— Колотитъ жену по шеѣ, а самъ боленъ! Какая удивительная болѣзнь!

— О, Господи! Изверги!!

— Ха-ха-ха...

— Отецъ-дьяконъ!—не вытерпѣлъ я:—подите сюда, пожалуйста!

Участіе посторонняго человѣка сразу прекратило сцену. Омутъ ужасно пугливъ; заслышавъ чей-то чужой голосъ, увидавъ чье-то постороннее вмѣшательство, онъ сразу струсилъ, притихъ и помаленьку-помаленьку сталъ расползаться.

— Это вы, животныя,—кричалъ дьяконъ, направляясь ко мнѣ:—не понимаете, что вы—свиньи, я-то знаю!.. Вотъ ужъ именно животныя... Да помилуйте,—торопливо вбѣгая ко мнѣ въ комнату, весь блѣдный и дрожащій, продолжалъ онъ:—помилуйте! Я и боленъ отъ свинства; отчего-жъ это я лѣчусь-то, какъ не отъ свинова элементу? Господи помилуй! Да не только билъ,—невѣсть что творилъ! Вспомню только—и моря водки мало, чтобъ залить это... А они, негодные, еще разжигаютъ...

— Отдохните, отецъ-дьяконъ! Сядьте!..—сказалъ я.

— О, Господи... Я и не поздоровался!.. Да что! Совсѣмъ пропадаю... Ей-Богу... Ничего не подѣлаешь!

Онъ сѣлъ къ столу, устало наклонивъ голову и тяжело дыша.

— Что-жъ такое?

— Да совѣсти ужасть сколько надо... а душа-то у нашего брата свиная, вотъ и разрываешься на части!.. Это зачѣмъ я поросенка требую? все для этого!.. И книжки тоже,—все для того же...

— Для чего?

— Да душу-то хочу свою изъ свиной въ человѣчью обра-

тить... вотъ для чего!.. Ну и начнешь... Индія, обезьяны какія-то... горшки подземные... нѣтъ, не убавляетъ свинова элементу!.. Примешься лѣчиться, пьешь-пьешь, и передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, и вдругъ пожелаешь сдѣлать гадость — ну и кончено, и все бросишь, и... вонъ какъ третьяго-дня — напьешься и проклянешь всѣхъ... О-охъ! Странное дѣло—совѣсть!.. И сколько она теперешнее время народу ѣстъ!.. Страсть!

— Какъ теперешнее время,—а прежде?

— Прежде этого не было. Это только теперь стало.

— Будто?

— Вѣрно вамъ говорю. Что такое новое время, позвольте узнать, какъ по-вашему?

— Говорите вы!

— По-моему такъ—правда во всемъ, чтобы по чистой совѣсти, вотъ!.. а прежнее — кривда, кривая струя... вотъ какъ... Ну и помираешь!..

— Почему же?

— Да не прямъ, а кривъ, и душа крива, и совѣсть—туда-сюда... и къ свинству любовь...

— Будто любовь?

— А то что же! И я это все вижу и ничего сдѣлать не могу... А отчего? Отъ совѣсти! Совѣсть проснулась въ душѣ и, какъ ключъ подъ навозной кучей, развезла эту кучу по всему двору, стало все расползаться — грязь! Умирай! И мрутъ, страсть какъ мрутъ...

— Отецъ-дьяконъ!—перебилъ я его.—Не можете ли вы разсказать мнѣ, какъ все это случилось съ вами?

— Какъ случилось?—переспросилъ онъ и задумался.—То-есть какъ совѣсть-то проснулась и какъ куча-то расползлась?

— Да! все, что было съ вами!

— То-есть вообще про болѣзнь?

— Ну да!

— Извольте! Видите, какъ я заболѣлъ-то... Видите, какъ... Надо вамъ сказать, что случилось это со мной годовъ пять тому назадъ. Былъ я въ то время не такимъ прохвостомъ, какъ теперь, не пьяницей, не распутникомъ, не запрещеннымъ; былъ я тогда, какъ слѣдуетъ быть отцу-дьякону: степенно, солидно ходилъ въ рясѣ, имѣя молодую, здоровую жену, и читалъ съ полнымъ удовольствіемъ многолѣтія,—словомъ, жилъ и во снѣ не видалъ стать пропащимъ человѣкомъ... Было у меня въ дѣтствѣ, въ семинаріи, когда

я былъ мальчикомъ лѣтъ сдмнадцати, было у меня что-то грустное, тяжелое на душѣ, что-то какъ будто саднило... Тянуло меня куда-то прочь; но что-то другое, чего я еще не зналъ и что потомъ оказалось свинымъ элементомъ, держало и не пускало... Саднило, говорю, отъ этого на душѣ, и такъ даже было однажды, что купался я, схватила меня судорога, пошелъ я ко дну и думаю: «вотъ-вотъ этого мнѣ... какъ хорошо — не жить!..» Ну, вытащили... Помню, принесли меня на квартиру чуть живого—и, какъ на грѣхъ, въ ту самую минуту пріѣхалъ изъ деревни мой отецъ, тоже дьяконъ, старый-престарый... Какъ увидѣлъ я слезы его (когда онъ узналъ, что я тонулъ), какъ представилъ я всю его жизнь, съ пирогами, крестинами, со всѣми мученіями его ни съ чѣмъ несообразной жизни, мнѣ стало такъ совѣстно, что я хотѣлъ умереть—что и сказать не могу. И не то, чтобы жить мнѣ захотѣлось или жалко стало отца — нѣтъ: у меня только перестало саднить на душѣ, перестало меня тянуть куда-то, и мнѣ представилось, когда я припомнилъ жизнь отца, что и мнѣ почему-то нужно тянуть ту же лямку, что она для меня почему-то неизбѣжна... Мнѣ стало покойно, и я сталъ тянуть эту лямку... Первымъ долгомъ женился я такъ, кой-какъ; любви тутъ не было никакой, а свинство было. Когда я увидалъ невѣсту — мнѣ не понравилось ея лицо. Какая-то тѣнь мечтаній зашевелилась у меня въ головѣ: не такую невѣсту представлялъ я свою... Но это было недолго... «У нея домъ!»—сказали мнѣ,—и мнѣ стало легче... И стало мнѣ легче, и пробудилось во мнѣ что-то еще: не понравилось мнѣ у невѣсты лицо, глаза, но стали нравиться мясистыя плечи, шея бѣлая и толстая... Я вамъ говорю ужъ все по чести.

— Пожалуйста...

— Ужъ что-жъ... Я даже не говорилъ съ ней, а ужъ чувствовалъ, что могу обнять ее, и—что-то жадное пріятно текло въ крови... словомъ, свиной человѣкъ преоборолъ и побѣдилъ... Это—первое. Второе явленіе свинаго элементу было въ посвященіи въ дьяконы, и тутъ на первомъ планѣ болѣе важнымъ и существеннымъ казались мнѣ такія вещи, какъ то, что мнѣ достанется «домъ» и «садъ», что доходъ хорошъ, чѣмъ то, что налагаетъ на меня санъ, чѣмъ мои нравственныя обязанности... Помню, когда посвящали меня, мнѣ пришло въ голову: «Не грѣхъ ли это? Не безсовѣстно ли?» Но домъ, да садъ, да жирный бокъ жены... онъ пред-

ставлялся мнѣ во время посвященія, въ церкви... упругій, молодой бокъ этакій — и сомнѣнія исчезли... Видите, какъ было мало совѣсти-то у меня! Да у всѣхъ-то больше ли ея было? Все, что жило тогда вокругъ меня, было воспитано уважать домъ, землю, деньги больше, чѣмъ правду своей души... «По крайности домъ, по крайности деньги»,— говорилъ всякій, оправдывая какой-нибудь глубочайшій проступокъ противъ своей совѣсти. И никому это не казалось удивительнымъ. Теперь пошло какъ разъ навыворотъ... Ну, да что... буду разсказывать, какъ было!.. Вотъ какъ попралъ я такимъ манеромъ свою совѣсть-то, сталъ я жить поистинѣ припѣваючи. Правда, когда я ѣхалъ съ молодой женой послѣ посвященія въ село,—случилось со мной что-то въ родѣ прежняго: засаднило будто опять. Оглянулся я такъ-то на нее (сидѣли мы въ телѣгѣ) и думаю: зачѣмъ? Хочу сказать ей что-нибудь—и вижу, что нечего... потому что совсѣмъ чужой человѣкъ со мной сидитъ... Хотѣлъ подумать объ этомъ, тяжело какъ-то стало, страсть какъ тяжело, заломило во всѣхъ суставахъ... взялъ и обнялъ ее... и легче... Это случилось только разъ... А потомъ, какъ только пріѣхали, устроились, все пошло какъ по маслу. Мой начальникъ—отецъ Иванъ, священникъ—сильно успокоилъ меня и сразу установилъ меня на настоящей точкѣ... Рубль, гривенникъ, «бумажка»—словомъ, деньги во всѣхъ видахъ и качествахъ; это былъ его Богъ, это была его подлинная вѣра, надежда, любовь и Софія премудрость — все! Онъ, отецъ Иванъ, есть не болѣе, какъ кошелекъ—я думаю, онъ и самъ такъ представлялъ себя — кошелекъ одушевленный. Это былъ кошелекъ, да и самъ онъ если не считалъ себя кошелькомъ, то не отказался бы отъ этого прозванія, а вся вселенная, все, что есть между небомъ и землей, все это не болѣе, какъ вмѣстилище разнаго рода крупныхъ и мелкихъ денегъ, которыя частью должны перейти въ кошелекъ отца Ивана. И какъ только какая-нибудь монета, вращавшаяся во вселенной, попадала къ нему, онъ былъ счастливъ и доволенъ, и цѣль его жизни поддерживалась какъ нельзя лучше. Любо было смотрѣть на его маленькіе глазки, когда въ рукахъ его оказывался рубль, гривенникъ... Онъ самъ былъ маленькій, грязненькій, толстенькій и неряшливый человѣкъ; но когда ему попадала бумажка, все грязцо, и сало, и масло, которыми онъ былъ пропитанъ и пахнулъ, таяло, сверкало и расплывалось отъ тепла душевнаго. Уже одна эта искренняя

радость при видѣ денегъ необычайно успокоительно дѣйствовала на меня: міросозерцаніе дѣлалось опредѣленнымъ, особливо если принять въ расчетъ, что разговоры отца Ивана, разговоры искренніе, безъ сомнѣній и колебаній, тоже были исключительно о деньгахъ и дѣйствовали поэтому не менѣе сильно... «Вотъ онъ, червь-то!»—говорилъ онъ, пряча рубль, полученный съ мужиковъ за молебствіе противъ червя, и, добродушно улыбаясь, звонкимъ поворотомъ ключа запиралъ его въ столикъ. И мнѣ было такъ легко, когда я глядѣлъ на него въ это время. Въ самомъ дѣлѣ, что же могло выйти изъ всей исторіи о червѣ? Кто правъ въ ней? Мужики ли, которые служили молебенъ, или отецъ Иванъ, запиравшій рубль? Разумѣется, онъ... Я теперь ни за что, кажется, не сумѣю пересказать вамъ, какъ онъ изощрилъ свой умъ на то, чтобы знать, видѣть, гдѣ и какъ и у кого можно получить копейку... И какъ онъ былъ приспособленъ достать ее!.. Какъ онъ извивался передъ помѣщикомъ, какъ грустно упрекалъ мужика въ нерадѣніи къ храму Божію, какъ искусно притворялся передъ начальствомъ, выпрашивая пособіе на учебныя принадлежности, какъ добродушно и ядовито улыбался, запирая въ столикъ деньги, полученныя отъ барина, какъ самодовольно поглаживалъ бороду, когда растроганный мужикъ, радѣя къ храму Божію, цѣлый день возилъ, напримѣръ, изъ лѣсу дрова на дворъ къ отцу Ивану. Всего не перескажешь; но по совѣсти скажу, что этотъ человѣкъ съ такими опредѣленными, непоколебимыми взглядами на Божій свѣтъ, какъ на рубль или гривенникъ, а, главное, искренность этого взгляда произвели на меня самое успокоительное впечатлѣніе. Мало-по-малу я сталъ терять возможность иначе смотрѣть на бѣлый свѣтъ: все устроено, чтобы намъ получать, и не намъ однимъ, а всѣмъ. Тревоги этого полученія—трудъ, а жизнь—это отдыхъ съ женой, ѣда, сонъ... Вотъ и все! Положеніе мое въ денежномъ отношеніи было недурное: у жены былъ домъ и деньги; жили мы одни, потому что вдовый отецъ ея пошелъ въ монастырь доживать свой вѣкъ. Жажды въ копейкѣ у меня не было, да я и не нуждался въ ней... Я даже могъ, какъ бы сказать, либеральничать надъ теоріей отца Ивана,—но что теорія эта настоящая, я не могъ или перестадъ сомнѣваться.

— Стало мнѣ очень покойно...

— Любо мнѣ было, завалившись съ женой на кровать,

проспать до утра, потомъ отправиться съ требой, поѣсть, попить и воротиться съ деньгами... Серьезно вамъ говорю— ѣсть, знаете ли, жрать — было пріятно. Выпьешь водки, поѣшь и ляжешь... Вотъ какое животное... Разговаривать идешь къ отцу Ивану и тутъ тоже хорошо проводишь время... Сидитъ какой-нибудь гость съ загорѣлымъ лицомъ, съ таліей, перетянутой ремнемъ, — человѣкъ, очевидно, практическій (у отца Ивана знакомые все — практичные люди) и ведетъ какой-нибудь разговоръ, ну, напримѣръ, такой.

«— И сталъ онъ, какъ полая вода, ѣздить на лодкѣ по моему лугу и рыбу ловить... Думаю, вѣдь лугъ-то мой... да и вода-то, стало-быть, хошь она и полая, — тоже моя, ежели она на моей землѣ, а слѣдовательно и рыба вѣдь тоже моя... Такъ ли я говорю?

«— Тва-ая! чистое дѣло, твоя!—глубоко убѣжденно вторитъ отецъ Иванъ.

«— Н-ну,—продолжаетъ собесѣдникъ: — ну, судари мои, думаю, вѣдь надо бы мнѣ съ него взыскать?.. За рыбу-то... Думалъ - думалъ — нѣтъ! Поймать ежели — насильство!.. Честью говорить — не дастъ ни копейки!.. Что же ты думаешь?»

— Замирали мы съ отцомъ Иваномъ въ такія минуты. Ожидаешь какого-то чуда, чего то восхитительнаго... А восхищалъ насъ процессъ поимки рубля, который, повидимому, совершенно не дается...

«— Что-жъ ты думаешь? Вѣдь придумалъ!..»

— Тутъ обыкновенно разсказчикъ останавливался; онъ зналъ, что доставляетъ намъ удовольствіе, что длить это удовольствіе — вещь пріятная, и пріостанавливался. Вся потная отъ жару и отъ чаю попадья наливала новыя чашки, батюшка вскочилъ и захлопнулъ дверь, чтобы не мѣшали цыплята, и все приготовилось слушать, у всѣхъ настоящая жажда, даже въ горлѣ саднитъ отъ предстоящаго удовольствія. Наконецъ разсказчикъ начинаетъ, но не сразу.

«— Думалъ-думалъ, — говоритъ онъ опять: — ничего не придумалъ, не выходитъ! такъ ежели взять — попадешься, а такъ — промахнешь!.. Что тутъ дѣлать?... Совѣтовался тамъ-сямъ... Заплатилъ одному адвокату три рубля... Помямлилъ-помямлилъ — путевого ничего нѣтъ... Погоди-жъ, думаю!»

— Опять перерывъ съ самымъ напряженнымъ ожиданіемъ.

«— Взялъ я... — по словечку, точно по золотому даря насъ, медленно и отчетливо говорилъ разсказчикъ:—взялъ я и засадилъ лугъ-то яблонями... пять яблоночекъ посадилъ...

«— А-а-а... — шипитъ отецъ Иванъ, прищуривая глазъ и догадываясь.

«— И вышелъ у меня, — тоже шопотомъ, тихо-тихо и тоже прищуривая глазъ, захлебывается разсказчикъ: — и выш-шелъ у меня—садъ!

«— Х-ха!—точно къ студеному ручью припадая въ жгучей жаждѣ, издаетъ отецъ Иванъ.

«— Да какъ пришла полая-то вода, — возвышая голосъ съ каждымъ слѣдующимъ словомъ, продолжаетъ разсказчикъ: — да какъ поѣхалъ онъ, судари вы мои, по лугу-то лодкой, и наткнись на дерево, да и сломай!..»

Это слово разсказчикъ кричитъ, потому что это означаетъ побѣду!..

«— Ну, и...

Разсказчикъ не продолжаетъ. Мы и такъ уже понимаемъ, въ чемъ дѣло. «Ну, и...» Это значитъ — ну, и подалъ къ мировому, что въ фруктовомъ саду поломано деревьевъ на сумму, примѣрно, до полутораста рублей пятидесяти трехъ копеекъ... и т. д.

Договаривать этого нечего и не зачѣмъ.

«— И много-ли-жъ?—спрашиваетъ отецъ Иванъ.

«— Пять-де-ся-тъ рубликовъ!..

«— Барзо!—говоритъ отецъ Иванъ».

— И смѣемся мы потомъ за чайкомъ довольно весело. Любо намъ толковать о томъ, какъ *онъ* не хотѣлъ платить, вертѣлся, изворачивался, а все-таки заплатилъ... Любо было знать, что мало того, что заплатилъ, да и еще сколько денегъ извелъ—бѣда!.. Иной разъ—вѣрите ли?—вспомнишь теперь, такъ просто страшно!.. Точно разбойники собрались или волки—такіе у насъ бывали звѣриные разговоры...

«— Да заплатитъ ли?—спрашиваетъ отецъ Иванъ.

«— Запла-атитъ!

«— Да есть ли деньги-то у *него*?

«— Пятнадцать тысячъ въ банкѣ!

«— Справку, что ли, дѣлалъ?

«— А то какъ же? Извѣстно, справился...

«— А ну, какъ упрется?

«— А въ острогъ не хочешь? Вѣдь онъ — надворный

совѣтникъ, неужто захочетъ на старости лѣтъ подъ арестомъ сидѣть? Отдастъ!

«— Много ли ты съ него кладешь?

«— Пятьсотъ.

«— Ничего... Хорошо, какъ отдастъ-то...

«— Отдастъ! Подведу подъ обухъ, такъ отдастъ!.. У меня шрамъ-то, какъ ударилъ, посейчасъ цѣлъ... Отдастъ!

«— Дѣло хорошее!..»

— Вотъ такимъ-то родомъ звѣринствовали мы. И говорю вамъ, что въ это время, по совѣсти, потому что совѣсть-то моя оказалась свиною, по совѣсти, полагалъ я, что только рубль — настоящее дѣло, что только кусокъ въ желудкѣ да жена ночью рядомъ — настоящее удовольствіе, а все остальное—*только такъ*. Какъ ни совѣстно, а скажу вамъ, что и на свои служебныя обязанности я смотрѣлъ только такъ... Для виду, казалось мнѣ, устроена школа, ибо чувствовалось мнѣ, что никакой науки не надо, и все это — средство только «получить со школы» что-нибудь. «Только такъ» разъѣзжаетъ посредникъ и другое начальство, а что крестьянинъ, мужикъ работалъ, воротилъ и зябъ, такъ это мнѣ казалось вполнѣ законнымъ. Я ни капельки не думалъ объ этомъ, потому что мужикъ такъ былъ самъ пропитанъ сознаніемъ своихъ обязанностей, что не давалъ труда подумать о немъ, особливо человѣку съ такими свиными наклонностями, какъ у меня. Я не приневоливалъ его давать мнѣ свои деньги, своихъ куръ, свои пироги, не приневоливалъ его служить молебенъ отъ червя; онъ не обижался на меня, если молебенъ не помогалъ ему. Отслуживъ и получивъ съ него деньги, я въ случаѣ неудачи ничуть не чувствовалъ на душѣ укора, потому что ни разу не слышалъ я отъ мужика упрека себѣ въ этой неудачѣ моей молитвы. Напротивъ, онъ, мужикъ, приписывалъ неудачу своему грѣху, считалъ себя виновнымъ, недостойнымъ милости Божіей, а я, дьяконъ, вмѣстѣ съ отцомъ Иваномъ, мы ходатайствовали за него. «Не умолили Царицу Небесную!» — говорилъ съѣдаемый червемъ крестьянинъ.—«Да,—грустно говорилъ ему отецъ Иванъ:—прогнѣвался на васъ Господь — и отчего?—прибавлялъ онъ. — Все отъ того, что не радѣете къ храму Божію. Ты бы вотъ, ежели бы, конечно, былъ въ васъ Богъ, взялъ бы да подсобилъ когда-нибудь отцу-то твоему духовному. Анъ бы и зачлось у Бога... А то вотъ тогда только и приходите въ сознаніе, когда уже Господь совер-

шенно разгнѣвается и нашлетъ кару». — «Это вѣрно!» — говоритъ мужикъ. — «Ну, то-то и есть, поди-ка вонъ да перевози мнѣ дубки изъ Егоркиной рощи, анъ и легче будетъ». — «Съ моимъ удовольствіемъ!» — говоритъ мужикъ и дѣйствительно съ великою охотою принимается возить дубки, вѣря, что черезъ это онъ угождаетъ Богу. Поглядишь на эту непритворную охоту, желаніе возить дубы и ворочать камни для тебя, посредника между деревней и небомъ, и, право, повѣришь, будто всѐ это такъ и надо.

— Коротко вамъ сказать, черезъ пять-шесть лѣтъ и совѣсть и сердце мое сильно позатянулись толстымъ слоемъ равнодушія ко всему... Уважать я уже почти никого не уважалъ, зная, что почти всѣ плутуютъ, норовятъ поддѣть другъ друга, чтобы больше захватить самому. Былъ доволенъ, что и мнѣ отведенъ на землѣ участокъ и дана возможность не оставаться съ пустыми руками. И болѣе не думалъ ни о чемъ и не вѣрилъ ничему, что̀ не было простымъ свинствомъ... И въ такой-то дѣвственной душѣ вдругъ проснулась совѣсть... Не чистое ли это наказаніе Божіе?

IV. Учительница.

— Случилось это совершенно неожиданно. Еще бы годикъ-другой — и на моей совѣсти наросла бы такая кора, которой не прошибить бы никакими пулями. Но вышло иначе. Дѣло произошло самымъ простымъ манеромъ. Пріѣхала къ намъ въ село учительница въ земскую школу, госпожа Абрикосова. Фигурка изъ себя довольно поджарая, хлябковатая... и *изъ новыхъ*. Очень это насъ смѣшило съ отцомъ Иваномъ. Привыкнувъ смотрѣть на всѣ людскія дѣла и помышленія, какъ на средство получить кому-нибудь съ кого-нибудь рубль, мы не могли безъ смѣха видѣть того, кто думалъ иначе. Кромѣ того, все *новое*, само по себѣ, намъ уже казалось глупостью. У насъ были примѣры помѣщиковъ, затѣвавшихъ въ своемъ хозяйствѣ новые порядки и кончавшихъ разореніемъ, при всеобщемъ смѣхѣ сосѣдей и всѣхъ опытныхъ людей. У насъ были передъ глазами тысячи нововведеній правительственныхъ, которыя оканчивались ничѣмъ или подтверждали только нашу теорію, т.-е. нововведеніе было *только такъ*, а суть состояла въ умѣньи,

во имя этого нововведенія, какъ можно больше получить пособій, прибавокъ, разъѣздныхъ, подъемныхъ, и наконецъ награду, конечно, если можно — денежную. *Только такъ* смотрѣли мы и на крестьянскую школу. «Все рубликовъ пять дай сюда»,—говорилъ отецъ Иванъ, опредѣляя этими словами и цѣль существованія школы и личныя къ ней отношенія. Судите теперь, какъ было намъ смѣшно смотрѣть на госпожу Абрикосову, которая на нашихъ одеревенѣлыхъ, свинцовыхъ глазахъ стала добиваться чего-то отъ сельскаго общества, суетилась, бѣгала изъ угла въ уголъ и роптала. Очевидно, она хотѣла произвести какое-то нововведеніе, а мы, глядя на то, какъ къ ней относилось сельское общество, тоже смотрѣвшее на ея нововведеніе *только такъ*, какъ оно надувало ее и сердило, могли только хохотать, сидя за чайкомъ, и удивляться вновь прибывшей учительницѣ.

«— Получала бы себѣ свои десять рублей да сидѣла бы смирно... — говорили мы.

«— Чего еще?—говорилъ отецъ Иванъ.—Десять рублей— хорошія деньги!

«— Еще бы!.. Задаромъ-то!..

«— Это и я бы, пожалуй, взялся такъ-то... Право... да что же! — говорилъ отецъ Иванъ. — Все — *дай сюда!*»

— Вотъ этакимъ манеромъ смотрѣли мы на госпожу Абрикосову. Кромѣ того, и изъ себя она, какъ я уже говорилъ, была не очень, чтобы... Такъ что вообще — была она у насъ въ полномъ равнодушіи.

— Не помню, какъ, когда и по какому случаю, только однажды зашелъ я къ ней. Общество отвело ей сырую и разоренную избу; ни лавокъ ни скамеекъ не было, ничего еще не приготовлено, хотя давно было все обѣщано. Засталъ я ее въ такомъ видѣ: сидитъ на полу — разостланъ платокъ этакій, ковровый, на полу — закутана отъ холоду въ какія-то тряпочки, а кругомъ ея штукъ десять ребятъ — и мальчики и дѣвочки. Тоже укутаны кой-чѣмъ: должно-быть, это госпожа Абрикосова ихъ укрыла, потому тряпки-то не деревенскія были. Сидятъ они такимъ манеромъ и учатся. — «Что вамъ, говоритъ, угодно, отецъ-дьяконъ?» — «*Я*, молъ, *такъ*». — «Ну, извините, говоритъ, теперь мнѣ некогда». И продолжаетъ. Это меня озадачило. Все же таки, какъ бы тамъ ни было, пришелъ человѣкъ, очевидно, въ гости и этакъ... хорошій человѣкъ, по-нашему, сейчасъ бы разогналъ всѣхъ этихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, сейчасъ

самоваръ бы, да передъ чаемъ по рюмочкѣ. А тутъ какъ-то довольно сухо и этакъ... непріятно... Даже я заскучалъ отъ этого. Сѣлъ, самъ не знаю зачѣмъ, на полъ и сижу. Сконфузился я весьма. Такъ вѣдь что-жъ вы думаете? Битыхъ два часа ни словечка съ гостемъ не сказала — все учитъ. Толкуетъ-толкуетъ, разъ двадцать одно и то же повторитъ, да разсказываетъ-то все что-то непонятное. Утомился я, себя не помню. Голодъ сталъ чувствовать: захотѣлось закусить, водочки, селедочки, на желудкѣ ворчитъ, а она все ду-ду-ду... Встать, уйти — не могу, ужъ очень я сконфузился отъ пріему, а слушать, — устанешь, не привыкъ долго быть безъ угощенія! Просто смерть! Разломило всего, въ бокахъ боль, потъ!.. Такая меня взяла досада на ребятишекъ на этихъ — такъ бы всѣхъ и разогналъ по шеямъ. Наконецъ ужъ кое-какъ кончили. — «Ну, говоритъ, идите теперь по домамъ, а вечеромъ опять приходите, кто хочетъ — сказку буду читать!» — «Всѣ придемъ!» — закричали и стали съ ней цѣловаться, говорятъ: «милая Марья Васильевна», «желанная». Точно родная семья. И это мнѣ очень непріятно показалось, очень нехорошо. То-есть хорошо-то хорошо, я вижу, что такъ и надо, а и-непріятно какъ-то... И даже какъ будто не въ душѣ, а на желудкѣ у меня стало непріятно; у меня тогда все на желудкѣ больше обозначалось. Что-то въ родѣ какъ садитъ... Ушли всѣ. — «Вотъ теперь, говоритъ, пожалуйте ко мнѣ!» Пошелъ. За перегородкой столъ и кровать. На столѣ книги. Окно все въ снѣгу. — «Вотъ, говоритъ, тутъ я сама работаю!» — «Дурное, говорю, у васъ помѣщеніе. Вы бы, говорю, сударыня, жалобу *на нихъ* (на мужиковъ, конечно)». Засмѣялась. Стало мнѣ нѣсколько легче. Оправился я, почувствовалъ въ себѣ развязность, говорю: «Да въ самомъ дѣлѣ, что *на нихъ* смотрѣть?.. *Имъ*, говорю, смотри въ зубы-то!.. Вотъ какъ пріѣдетъ посредникъ да разузнаетъ, какъ слѣдуетъ, такъ и явится все. Нѣтъ, сударыня, говорю, тутъ безъ палки ничего не будетъ». Смѣется все. А у меня еще болѣе прибавилось развязности, и сталъ я въ юмористическомъ этакомъ родѣ описывать ей, какъ мы Христа славимъ; изобразилъ этакъ ей, что вотъ, молъ, и въ нашемъ духовномъ дѣлѣ нельзя безъ этого обойтись. Придешь къ иному, отславишь — хвать, въ избѣ никого нѣтъ: хозяинъ спрятался, за дверью гдѣ-нибудь стоитъ, вытянулся. — «А, говоришь, другъ любезный, ты что-жъ это, такъ-то почитаешь отца своего духовнаго!» — «Прости, говоритъ, батюшка, ей-

ей ничего нѣтъ». А между прочимъ курица по сѣнямъ бѣгаетъ, что уже явный обманъ... Естественно — ухватишь курицу и уйдешь, только такимъ манеромъ съ ними и можно.

— Излагаю я это все въ юмористическомъ этакомъ видѣ, въ насмѣшливомъ, веселомъ тонѣ, и вижу: таращитъ на меня глаза и уже не смѣется. — «Неужели, говоритъ, это правда?» — «Истинная правда»,—говорю, да и еще этакимъ же манеромъ, въ юмористическомъ же, въ этакомъ игривомъ тонѣ, изобразилъ ей нѣсколько шутливыхъ анекдотовъ. Заключеніе вывелъ ей такое, что смотрѣть *имъ* въ зубы—невозможно, что надо съ ними не очень чтобы тонко... И вдругъ, не давши мнѣ окончить, — «батюшка, говоритъ, да вѣдь вы проповѣдуете прямой разбой!..» И встала вся зеленая. «Это—денной грабежъ»,—говоритъ. И забѣгала по горницѣ. У меня въ зобу ровно колъ засѣлъ отъ этого. «Какъ разбой?» Разинулъ я ротъ и не понимаю. Главное, въ совершенно шутливомъ и юмористическомъ тонѣ происходилъ разсказъ, и такъ непріятно поразить человѣка, съ этакою неделикатностью прямо ему, можно сказать, въ морду.—«Какъ, говорю, разбой?» —«А какъ же, говоритъ: — вы проповѣдуете просто грабежъ. Рекомендуете мнѣ жаловаться посреднику, чтобы съ нихъ взыскать силой, — мнѣ, которой они изъ послѣднихъ копеекъ платятъ жалованье, когда, говоритъ, имъ приходится работать, работать на всѣхъ, платить въ сотни мѣстъ, когда еще отецъ ихъ духовный придетъ и возьметъ послѣднюю курицу. Неужели же это не денной грабежъ?» — «Какъ же иначе-то? Какъ же, какимъ манеромъ, говорю, получишь за труды? Ежели человѣкъ за свои труды не получаетъ, то какимъ же родомъ иначе? Слѣдовательно, говорю, если описываютъ по приказанію начальства имущество неплательщиковъ — и это грабежъ? Да ежели бы не этакимъ манеромъ, такъ и вы бы, говорю, вашего жалованья, сударыня, не получили вовѣки. Ежели бы, то-есть, безъ понужденія...» — «Да неужели-жъ, говоритъ, вы думаете, что у меня руки подымутся взять съ нихъ хотя мѣдный грошъ! Я сама готова отдать имъ все, что у меня есть, — и это жалованье и все, что я заработаю. Брать съ нихъ! съ этихъ босыхъ дѣтей, съ этихъ отцовъ, которые прячутся за дверь отъ духовнаго отца... Брать съ нихъ!.. Да неужели это возможно? Неужели серьезно, въ самомъ дѣлѣ, вы можете схватить курицу? Вы шутите, батюшка, не правда ли?..» — «Къ прискорбію, го-

ворю, хватаемъ и куръ... когда видишь уклоненіе...» — «Отъ чего уклоненіе?» — «Отъ вознагражденія». — «За что?» — «Да за трудъ, сударыня, за трудъ...» — «Да что такое именно вы дѣлаете, за что вамъ надо платить?» И опять у меня отъ этого вопроса стало очень непріятно, какъ-то даже досадно. Отчего, и самъ не знаю. Даже взбѣсило это меня. Да, въ самомъ дѣлѣ, неужели не трудно человѣку встать до свѣту, къ заутренѣ? Иной бы преотлично почивалъ съ супругой, а тутъ изъ теплой-то постели да на морозъ... Да съ требой по холоду, да къ «боли» ночью, въ слякоть... Какъ же не брать за труды? Попробовала бы, молъ, ты сама этакъ-то, такъ и узнала бы, какъ это куръ ловятъ. Разозлила меня. — «Какъ знаете, говорю, сударыня. Очень непріятно, что огорчилъ васъ». И ушелъ. И такъ мнѣ было непріятно. Главное, что внезапно случилось. Шелъ себѣ человѣкъ *такъ*, просто попить чаю, напримѣръ, и вдругъ ему этакъ... чуть не «воръ»! Поплелся я отъ нея въ этакомъ разстроенномъ положеніи: и такъ, будто стыдно, и сердишься. Въ очень скверномъ былъ я отъ этого визита состояніи. Но какъ только разсказалъ я отцу Ивану, такъ все и прошло — и не стыдно ничего, и опять очень весело. Отецъ Иванъ сразу разобралъ это дѣло такъ: во-первыхъ, все это — не болѣе какъ *штука*. Денегъ она брать не будетъ, положимъ, — бывали такіе примѣры, — но это только подвохъ, чтобы быть на виду, потомъ забрать въ руку что-нибудь почище, выскочить въ прогимназію и ужъ тамъ зацапывать, сколько хватитъ. Во-вторыхъ, это — земство дѣлаетъ контру начальству; посредникъ Гамлетовъ самъ будетъ платить учительницѣ, чтобы она отказывалась отъ жалованья, чтобы тѣмъ пробраться... И тутъ отецъ Иванъ сплелъ удивительный, тонкій, какъ кружево, планъ, по которому посредникъ, по его мнѣнію, долженъ былъ путемъ разныхъ штукъ пробираться къ чему-то такому, гдѣ можно зацапывать, сколько влѣзетъ. Наконецъ, ужъ ей-ей не могу вамъ теперь разсказать, какъ, на какомъ основаніи, только всѣ мы — я, отецъ Иванъ, жена отца Ивана и моя жена — всѣ мы поняли и рѣшили, что учительница — просто любовница мирового посредника. Почему? Да потому что *изъ-за чего же* ему платить ей свои деньги? *Изъ-за чего же* ей отказываться отъ своего жалованья, если у ней съ посредникомъ нѣтъ стачки, помощью которой онъ и она вытаскиваютъ другъ друга къ какимъ-то выгоднымъ мѣстамъ? Такъ тонко плутуютъ только проданныя любовницы. На этомъ мы и по-

рѣшили. Намъ необходимо было порѣшить на чемъ-нибудь такомъ, отчего бы намъ было попрежнему покойно. Непремѣнно намъ хотѣлось и на душѣ и на желудкѣ сохранить то же благополучіе и ту же ясность, что̀ была у насъ всегда, и намъ надо было придумать что-нибудь, чтобы непріятный фактъ былъ подлаженъ подъ наши взгляды. Подладили мы его, какъ сами видите, очень топорно; но для насъ было и это хорошо. Правда, въ ту же ночь, когда мнѣ случалось проснуться, мнѣ, несмотря на составленную нами насчетъ госпожи Абрикосовой теорію, становилось какъ-то неловко. Точно сонъ какой-то дурной видѣлъ. Припоминалась она мнѣ въ ту минуту, когда, позеленѣвъ отъ гнѣва, сказала: «да это — грабежъ...» Припоминался ея горькій вопросъ: «да неужели вы хватаете куръ?» и другой вопросъ: «да точно ли вы въ самомъ дѣлѣ дѣло дѣлаете? точно ли, молъ, вамъ надо платить?..» Становилось мнѣ отъ этого какъ-то очень и очень тоскливо, какъ будто что-то мелькало въ глубинѣ совѣсти, что-то начинало чуть-чуть свѣтиться тамъ, едва обрисовывая какія-то неопредѣленныя, безобразныя фигуры. Я торопился улечься въ постель подъ горячій, неподвижный, какъ каменная стѣна, бокъ жены и, чтобы успокоиться, задавалъ себѣ вопросъ: *изъ-за чего же она-то?* И такъ какъ вопроса этого я *не могъ,* положительно *не могъ* разрѣшить чѣмъ-нибудь, кромѣ выгоды, то и возраженія госпожи Абрикосовой на мои мнѣнія о понужденіи мужиковъ, и ея гнѣвъ на курицу, и безкорыстіе казались мнѣ не болѣе, какъ штуками. Если это — не штуки, думалъ я, такъ *изъ-за чего же* бьется она съ утра до ночи съ мальчишками и дѣвчонками, *изъ-за чего* она не требуетъ себѣ хорошаго помѣщенія, а зябнетъ въ какомъ-то хлѣву, *изъ-за чего* не беретъ жалованья?..

— И вотъ этого-то *«изъ-за чего»* я тогда уже не былъ въ состояніи понимать. Сердце-то мое ужъ обухло и совѣсть-то попримерла... Порѣшивъ такимъ манеромъ, мы съ полнымъ спокойствіемъ продолжали смотрѣть на продолженіе учительницею ея штукъ. Скоро мы даже забыли о томъ, изъ-за чего все это происходитъ, хотя на нашихъ глазахъ штуки ея завоевывали на ея сторону все крестьянское населеніе, хотя на нашихъ глазахъ не умѣющіе ничего сдѣлать безъ палки крестьяне устроили ей школу въ новомъ помѣщеніи и снабдили всѣмъ необходимымъ. «Хитра штучка», — говорилъ отецъ Иванъ, и я думалъ тоже, т.-е. что хитра, должно-быть. Въ такомъ положеніи

было состояніе моего духа, когда случилось новое неожиданное обстоятельство, заставившее всѣхъ насъ снова обратить вниманіе на госпожу Абрикосову...

— Сплетничали мы разъ такъ-то съ отцомъ Иваномъ и съ какимъ-то практическимъ гостемъ за чайкомъ, и, между прочимъ, зашелъ разговоръ и объ учительницѣ. Всѣ мы посмѣялись надъ ней и порядочно-таки загадили своими соображеніями ея поступки...

«— Да какая это Абрикосова госпожа? — спросилъ гость. — У насъ въ губернскомъ городѣ былъ купецъ Абрикосовъ...

«— Это — не тѣхъ! — сказалъ батюшка. — Тѣ Абрикосовы — извѣстные богачи, я ихъ довольно хорошо знаю... Одинъ изъ нихъ женатъ на молодой, тоже богачкѣ, дочери купца Овсяникова, Василья Иванова, извѣстнаго мошенника и кулака... Это — не тѣхъ, тѣ — богачи... Куда тѣмъ въ учительницы...

«— Охъ, — сказалъ гость: — не тѣхъ ли?.. Овсяниковато, про которую говорите, что̀ выдана была замужъ за Абрикосова, вѣдь она отъ мужа-то ушла...

«— Что-жъ такое? Ужъ навѣрное же она ушла съ любовникомъ и съ капиталомъ... У той капиталу тысячъ пятьдесятъ своихъ... А у этой одинъ шишъ.. Станетъ этакая госпожа да сидѣть въ конурѣ... Нѣтъ, это — не тѣхъ Абрикосовыхъ, это — такъ какая-то, должно-быть, изъ проходимокъ.

«— Охъ,—говоритъ гость:—не та ли?.. Что-то мнѣ чудится, что она и есть... Какъ звать-то ее?

«— Марья Васильевна.

«— Охъ, что-то какъ будто она самая и есть... Ей-Богу, право...

«— Нѣтъ, быть не можетъ!—говоритъ отецъ Иванъ.— Изъ-за чего ей идти въ такую трущобу? Посуди самъ! Или какимъ манеромъ уйдетъ она безъ капиталу, кто можетъ бросить свои деньги? Спрашивается, *изъ-за чего* я брошу пятьдесятъ тысячъ и пойду къ мужикамъ работать за десять рублей? Посуди самъ! Вѣдь это только съ ума сойдешь, такъ тогда развѣ... Да нѣтъ, не можетъ-быть... Это — не та Абрикосова, эта — такъ какая-нибудь изъ мелкихъ...

«— Такъ-то такъ,—твердилъ гость:—а что-то мнѣ чудится...

«— Нѣтъ, нѣтъ...

«— Можетъ, и нѣтъ... Да вотъ я въ городѣ буду, поспрошу...

«— Ну вотъ, спроси... Увидишь, что не та!..»

— Каково же было наше удивленіе, когда недѣли черезъ двѣ тотъ же самый гость, снова посѣтивъ насъ, привезъ намъ извѣстіе, что госпожа Абрикосова, теперешняя наша деревенская учительница, есть именно та самая Абрикосова, о которой онъ думалъ,—та самая Марья Васильевна Овсяникова, дочь богача, вышедшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ замужъ тоже за богатаго купеческаго сына Абрикосова... Мы узнали, что, поживъ съ мужемъ годъ или два, она ушла отъ него, ушла не къ родителямъ, богатымъ купцамъ, а въ какое-то чиновничье семейство, и не только не захватила съ собой денегъ, но не взяла даже ни одной тряпки... Узнали мы, что у нея есть и деньги и домъ, и что все это она бросила и ушла.

«— Да не можетъ быть!—совершенно изумленный, даже поблѣднѣвшій отъ изумленія, говорилъ батюшка.—Это что-нибудь не такъ... Собственный домъ, говоришь?

«— Двухъэтажный каменный домъ и лавки.

«— Это невозможно! Это что-нибудь неправильно. Домъ, лавки... Нѣтъ, тутъ штука какая-нибудь... Домъ... Неужто домъ?..

«— Предъ истиннымъ Богомъ... Каменный двухъэтажный, лавки, напримѣръ, и питейные дома...

«— И не касается?..

«— Ни-ни-ни Боже мой!..

«— Да это—не та Абрикосова! Это ты не то...

«— То, тѣ самые!

«— Да нѣтъ, не тѣ... Изъ-за чего, посуди ты самъ, бросить ей домъ и биться изъ-за куска хлѣба?.. Лавки! Питейные дома!.. Нѣтъ, это неправильно... Это—не та...»

— Несмотря на недовѣріе батюшки къ словамъ гостя, послѣдній уѣхалъ, упорно утверждая, что это—та самая Абрикосова, которая имѣла богача-отца, потомъ богача-мужа, и которая, бросивъ теперь и богатыхъ родителей и богатства супруга, доходные кабаки, сидитъ въ бѣдной деревенской школѣ и учитъ бѣдныхъ деревенскихъ ребятъ.

«— Нѣтъ!—очевидно, ничего не умѣя сообразить, говорилъ отецъ Иванъ по уходѣ гостя.—Нѣтъ, это—не тѣхъ Абрикосовыхъ, это не та...»

— И, помолчавъ, прибавилъ:

«— Нѣтъ, это что-нибудь не такъ. Иначе изъ-за чего же? Нѣтъ, это не такъ...»

— Почти ужъ вполнѣ согласный со взглядами отца Ивана на вещи, я тоже думалъ, что это была не та Абрикосова... Я тоже не понималъ, изъ-за чего это можно бросить домъ, деньги, лавки и сидѣть въ деревенской школѣ... Но увѣренность гостя, утверждавшаго, что это—именно та самая Абрикосова, невольно заставляла меня задумываться надъ труднѣйшимъ для меня вопросомъ: изъ-за чего?.. И опять что-то въ родѣ какихъ-то зарницъ пробѣгало у меня въ темной ночи моей совѣсти. Бросить домъ, деньги, питейные дома, идти въ бѣдную деревенскую избу, сидѣть день и ночь въ душной атмосферѣ, съ полураздѣтыми ребятишками, отдавать имъ свое трудовое жалованье, негодовать на захватъ куръ во время христославленья, называть это грабежомъ... все это вмѣстѣ не одинъ разъ припомнилось мнѣ и стало мнѣ думаться...

— Вотъ съ этого самаго времени, должно-быть, я и заболѣлъ. Стало мнѣ думаться, что есть на свѣтѣ люди, которые живутъ не изъ-за своей только выгоды, какъ мы съ отцомъ Иваномъ, что есть что-то другое, кромѣ нашихъ утробъ и кошельковъ. Стало мнѣ очень тяжело отъ этого!.. главная причина—думать совершенно отвыкъ, то-есть, собственно, и не привыкалъ думать-то. И ужъ такъ-то мнѣ стало тяжело! Словно вотъ камни ворочаешь двадцатипудовые, когда начнешь думать,—болитъ все, ей-ей, и въ поясницу хватаетъ, и на желудкѣ саднитъ. Такъ что всѣми мѣрами ухитряешься не думать, либо какъ-нибудь такъ отдѣлаться отъ этого всего... Водки, напримѣръ, выпьешь рюмокъ шесть, ну, и уснешь.

— Полегчало мнѣ немного, когда отецъ Иванъ придумалъ еще новую исторію для объясненія поведенія госпожи Абрикосовой. Изобразилъ онъ это дѣло такъ, что якобы она ушла отъ мужа съ любовникомъ и зацѣпила при этомъ деньги. Любовникъ же деньги отъ нея, конечно, взялъ, а самоё госпожу Абрикосову прогналъ; вотъ она и поджала хвостъ на десяти рубляхъ, ибо къ мужу боится ужъ показать носъ. По нашимъ свинымъ взглядамъ, объясненіе это было очень, можно сказать, удовлетворительнымъ, такъ что день или два, благодаря ему, я вновь какъ бы вошелъ въ настоящіе мои аппетиты: и на желудкѣ стало спокойно, и ночью стало спокойно, и ночью спалъ хорошо. Но «домъ, лавки» вдругъ припомнились мнѣ и все разстроили. При-

помнились они мнѣ какъ-то вдругъ, ночью, впросонкахъ... «Ужъ ежели бы госпожа Абрикосова была распутница, то не только бы не оставила втунѣ собственнаго дома, а зацѣпила бы съ помощью любовника и чужихъ домовъ и лавокъ столько, сколько бы можно было захватить...» И припомнилось мнѣ ея лицо, худое, больное, ужъ вовсе не распутное; и припомнилась мнѣ первая встрѣча, когда я засталъ ее на полу въ избѣ, окруженную ребятами. И припомнился мнѣ ея гнѣвъ за христославную курицу, и сразу такъ опять стало скверно, такъ скверно, что даже злость взяла меня за сердце. Разозлился я на отца Ивана за глупость, которую онъ сочинилъ, разозлился на курицу, которая заставляетъ силою хватать себя, разозлился на то, что вотъ ночь, добрые люди спятъ, а ты вотъ тутъ, чортъ знаетъ отъ чего, лежишь съ вытаращенными глазами, думаешь обо всякой дряни... Всталъ я съ кровати, выпилъ рюмки три водки, походилъ, поглядѣлъ въ сѣни, заглянулъ на дворъ,—а на дворѣ кучи навозу и въ сѣняхъ кучи сору, и корыто съ помоями, и грязь повсюду Въ первый разъ я это замѣтилъ и удивился: зачѣмъ, молъ, вокругъ нашего брата такая гибель навозу? Ей-ей, въ первый разъ подумалъ:—точно свиньи, молъ. И еще больше огорчился... Выпилъ даже еще рюмки четыре—заснулъ и проснулся злѣе злого чорта... потому что пилъ не отъ удовольствія. Цѣлый день потомъ я бѣсновался: оралъ на работниковъ, на жену, придирался ко всему. И вѣдь что вышло-то: сталъ ругаться за навозъ, за нечистоту; гляжу, что ни шагъ, все больше и больше грязи. Платье на женѣ—хуже грязной тряпки. Въ чаю волосы попались, кровать—и не говори!.. Вижу—дѣйствительно, свиной хлѣвъ!.. А и не замѣчалъ этого, такъ пригрѣлся къ навозу! А за этою грязью, гляжу, лѣзетъ другая. «Авось, мы—не господа!»—возражаетъ мнѣ жена, то-есть насчетъ того, что только у господъ все вылизано и вытерто, на то тамъ и лакеи...—«Авось, мы не господа!» Эти слова показались мнѣ столь глупыми, что жена вдругъ какъ бы совершенно мнѣ опротивѣла. Главное, что при свиной моей жизни никогда мнѣ не было надобности ни въ умѣ ни во взглядахъ жены... Нуженъ былъ только теплый бокъ. А тутъ, какъ коснулся я этого предмета,—напримѣръ, ума,—и вдругъ сообразилъ, что въ умѣ этомъ Богъ знаетъ сколько всякой дряни. Одна фраза сразу припомнила мнѣ всю умственную дичь и чушь, господствовавшую между нами, и я свѣту не

взвидѣлъ отъ отвращенія. Въ первый разъ я жестоко поругался съ женой, и она не уступила мнѣ въ умѣньи отвѣтить значительнымъ запасомъ всякой словесной грязи. Хорошо, что во время этой перепалки позвали служить напутственный молебенъ отъѣзжавшей за границу нашей помѣщицѣ. Это меня отвлекло. А то бы я и опился бы со зла и изозлился бы въ конецъ. На молебнѣ я рвалъ и металъ; отецъ Иванъ и помѣщица нѣсколько разъ оглядывались на меня, какъ я швырялъ кадиломъ чуть не по мордасамъ присутствовавшихъ... Но, какъ вы думаете, что̀ меня усмирило? Деньги! Ощутивъ въ рукѣ двѣ рублевыя бумажки, я почувствовалъ вдругъ какую-то нѣжность въ душѣ. Тепло какое-то... И почти сразу опомнился. Думаю:— «Что̀ это я натворилъ? Изъ-за чего?..» И затихъ. И съ женой помирился... Правда, воротясь, я засталъ ее хоть и злою, но уже въ чистомъ платьѣ и въ прибранной комнатѣ. И на ней отозвались добромъ эти лавки и домъ, покинутые Абрикосовой!.. Вотъ какое умиротворяющее вліяніе имѣли на меня матеріальныя блага!.. На недѣлю или даже больше вновь освинѣлъ и успокоился я, благодаря этимъ двумъ рублевымъ бумажкамъ.

— Но—увы!—какъ бы я ни желалъ этого, совсѣмъ успокоиться и освинѣть въ той мѣрѣ, какъ это было недавно, я уже не могъ. Меня побуждала думать на этотъ разъ та грязь домашняя, которую я разрылъ совершенно случайно, благодаря тоскѣ, заброшенной въ мою душу небывалою потребностью понять небывалый фактъ. Тысячи разнаго рода мелочей, на которыя я уже совершенно привыкъ смотрѣть какъ на неизбѣжное, стали вдругъ почему-то тревожить меня. «Иди, что-ль, спать-то, до котораго часу будешь сидѣть!»—скажетъ мнѣ изъ-за перегородки жена, и, самъ не знаю отчего, станетъ ужасно скверно какъ-то... А прежде этого совсѣмъ не бывало... Стала захватывать мою душу какая-то пустота... Какая-то слабость въ тѣлѣ одолѣла меня, зѣвота... Ни спать, ни ѣсть, ни пить не хочется. Кто что̀ ни скажетъ—все не такъ, не по мнѣ. А какъ именно надобно—не знаю!.. И стало со мной съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Разъ такъ пришло, что думаю: «хоть почитать что-нибудь!» Надумалъ пойти къ учительницѣ книжечки попросить. Кое-какъ собрался, пошелъ. Прихожу. Сидитъ, пишетъ. «Помѣшалъ, молъ?»—«Нѣтъ, говоритъ, успѣю, я устала. Давайте, говоритъ, пить чай...» Принялась ставить самоваръ, и у меня какъ-то хо-

рошо стало на душѣ. Вижу, и она не имѣетъ злобы. Ставила самоваръ и говорила: «я, говоритъ, сегодня очень довольна, можно и покутить».—«Чѣмъ же такъ?»—спрашиваю.—«А, говоритъ, очень много поработала; на четвертную, кажется, наработала-то; рублей, слѣдовательно, на двадцать на пять, этакъ вотъ».—«Деньги, говорю, хорошія!»—«Я рада, говоритъ, что моимъ ребятишкамъ будутъ и книги, и карты, да гостинцевъ немножко купимъ. Ахъ, если бы, говоритъ, можно было еще работы достать! То-то бы мы зажили съ ребятами. Чулки бы у насъ, говоритъ, были бы, и сапоги, и рубашекъ бы мы нашили себѣ». И стала тутъ убиваться, что нѣтъ работы, окромѣ что съ иностраннаго, да и ту, говорила, расхватываютъ... еле-еле ухватишь, говоритъ, какой клочокъ, и то хорошо, что знакомые есть въ Москвѣ—присылаютъ кой-когда хоть немножко, а то бы и совсѣмъ ничего не было. «И не знаю, какъ бы тогда я на ребятишекъ смотрѣла. Я бы, говоритъ, не вынесла ихъ нищеты». Тѣмъ временемъ поспѣлъ самоваръ. Пьемъ мы чай, и говоритъ она: «Разскажите, говоритъ, отецъ-дьяконъ, что-нибудь про крестьянъ. Вы, говоритъ, должны ихъ знать».—«Да что это, говорю, сударыня, у васъ за охота до всего до этого? Вы ужъ очень, говорю, убиваетесь».—«Ахъ, говоритъ, батюшка, по-моему, такъ всѣмъ, въ комъ есть совѣсть, надобно только объ этомъ объ одномъ и убиваться. Изъ-за чего же жить?» говоритъ. — «Какъ изъ-за чего? говорю. Вотъ, говорю, разсказываютъ, не знаю, правда ли, нѣтъ ли, будто бы домъ у васъ каменный и лавки... и, напримѣръ, нужды, слѣдовательно, мало, собственное хозяйство». И разъясняю ей такъ, что и въ хозяйствѣ хлопотъ довольно, окромѣ что съ мальчишками (чуть-было не брякнулъ: «съ этими съ поросятами»). Засмѣялась она на эти слова и вздохнула.—«Нѣтъ, говоритъ, батюшка, думать о своемъ хозяйствѣ—это будетъ чистый грѣхъ, когда...»—«Да вашъ ли, говорю, домъ-то?»—«Мой!»—«И лавки?»—«И лавки, говоритъ, и кабаки, и лабазы».—«Такъ что же вы, говорю, этакъ-то?» У меня даже подъ ложечкой заболѣло отъ зависти.—«Какъ же я, говоритъ, могу взять чужое? Все это мой отецъ и отецъ моего мужа нажили чужими трудами, какъ же я могу взять для себя грошъ?.. Вѣдь это—кровь и потъ»... И тутъ загорѣлись у нея глаза, и вся она ровно бы въ лихорадкѣ какой принялась объяснять... И что-жъ? Часъ, по малой мѣрѣ, толковала она, и, ей-ей, такъ явно увидалъ я, что

это правда...—«Гдѣ же, говоритъ, у людей совѣсть-то послѣ этого? А безсовѣстно я поступать не могу... Вотъ я и бросила всѣ эти лавки»... Такъ вѣрно объяснила она мнѣ, что я не могъ ни единаго слова возразить ей.—«А супругъ, говорю, вашъ?»—«А супруга, говоритъ, я оставила потому, что не любила его».—«Ну, говорю, а бракъ-то?»—«Что-жъ, говоритъ... Бракъ требуетъ любви... Что-жъ мнѣ дѣлать, если я не люблю, а лгать я не могу».—«Такъ и ушли?»—«Такъ, говоритъ, и ушла».—«И отъ приданаго отказались?»—«Да, отъ всего отказалась».—«Отъ всего?»—«Да, все оставила мужу, лишь бы онъ не трогалъ меня. Кромѣ того, говоритъ, онъ наживаетъ деньги тоже нечестнымъ трудомъ, и, стало-быть, онъ—мой врагъ».—«Такъ неужели, говорю, изъ-за этого?»—«Да, изъ-за этого! Я не могу притворяться... Я не люблю мужа и ушла отъ него, мнѣ страшны деньги, нажитыя неправдой,—и я бросила ихъ... Я сознаю, что всю душу надо отдать на помощь бѣдному, и что̀ могу—дѣлаю для него... Но я, говоритъ, почти ничего не могу сдѣлать, а если бы вы знали, какъ это меня мучаетъ...»—«То-есть изъ-за чего же мучаетесь?»—спрашиваю.—«Да мнѣ больно смотрѣть на бѣдныхъ, и я такъ мало могу сдѣлать для нихъ».—«Собственно изъ-за этого?»—«Да!.. Да вы думаете, это не стоитъ мукъ?» Въ первый разъ у меня заныло сердце... Все, что̀ она разсказывала, я видалъ сотни разъ, но никогда не пришло мнѣ въ голову подумать о томъ, точно ли это все такъ должно быть... А тутъ она все мнѣ вывернула на изнанку... Я сидѣлъ и слушалъ, точно пойманный воръ, и не знаю, когда бы я ушелъ отъ нея, если бы на грѣхъ не позвали «къ боли». Именно случилось это на грѣхъ. Наслушавшись ея разговоровъ, я чуть не заревѣлъ въ мужицкой избѣ, гдѣ помиралъ старикъ. Вся семья ждала смерти его, съ трудомъ дѣлая плаксивыя физіономіи и думая о томъ, кто изъ наслѣдниковъ возьметъ новыя ременныя вожжи, кому достанутся ульи и кто захватитъ гнѣдого жеребца. Отецъ Иванъ притворно-умиленнымъ тономъ читалъ отходную и думалъ о томъ (я это зналъ какъ дважды-два), сколько ему перепадетъ въ руку. И, тяжело дыша, лежалъ труженикъ, всю жизнь работавшій, не разгибая спины, всю жизнь прикованный къ землѣ цѣпями нужды. Хрипѣло у него ужъ въ груди, и дыханіе по временамъ почти прекращалось, остатки мысли еще не совсѣмъ угасли, и по временамъ старикъ что-то шепталъ. «А хомутъ... Ивану...—открывая полу-

мертвые глаза, хрипѣлъ старикъ:—а мерина... чтобъ безъ ссоры... безъ свары...» И на этомъ старикъ умеръ. Эта смерть, которыхъ я видѣлъ сотни на своемъ вѣку, ударила меня ножомъ въ сердце. Сколько умираетъ труженниковъ съ мыслью о хомутѣ, о меринѣ, какъ о чемъ-то глубоко дорогомъ, доставшемся неусыпными трудами!.. Вспомнились мнѣ эти неусыпные труды, изъ которыхъ и я, на ряду со множествомъ другого рода охотниковъ до готоваго, тоже рвалъ куски и на свою долю. Вспомнилось мнѣ все это и захватило дыханіе. Даже деньги не порадовали меня. Я чувствовалъ тяжесть въ карманѣ, гдѣ лежали онѣ, хотя это были только два серебряныхъ двугривенныхъ. Я унылъ глубоко и, сидя съ отцомъ Иваномъ въ телѣгѣ, всю дорогу молчалъ. Теперь тоска моя была уже не на желудкѣ: я теперь уже ясно видѣлъ—*изъ-за чего!..* Да, милостивый государь, госпожа Абрикосова живетъ во имя правды, а нашъ братъ жилъ во имя утробы... Это я теперь очень хорошо понялъ!

V. Болѣзнь.

— ...Вотъ такимъ-то манеромъ и настигла меня, милостивый государь, бѣда, мученія и болѣзнь... Нежданно-негаданно въ освинѣлую мою душу вдругъ влетѣло что-то божеское—и стала мнѣ чистая смерть отъ этого... И откуда бы этому всему взяться? Что такое эта госпожа Абрикосова? Истинно говорю вамъ—никогда она не представляла для меня интересу—и нехороша, и все... А вотъ поди-жъ!.. нѣтъ, ужъ это, надо думать, время такое настало, что совѣсть начала просыпаться даже и совсѣмъ въ непоказанныхъ мѣстахъ... Примѣрно взять ежели мою душу: мѣсто тутъ для чистой совѣсти весьма неудобное—ни стать ни сѣсть, а вѣдь пришла же! И на г-жу Абрикосову тоже какъ-нибудь нашло. Этакимъ манеромъ, хоть какъ и на меня... И ее выгнало изъ каменныхъ палатъ... Такое время... судебное...

— Какъ бы тамъ ни было, а засѣла у меня въ головѣ мысль о правдѣ... И сталъ я по ночамъ не спать—думать... Даже безъ ужина ложился. А это въ нашемъ свиномъ обиходѣ очень много означаетъ — не поужинавши лечь... По ночамъ не спишь... Чешешься безпрерывно... Что значитъ,

напримѣръ, — мысль!.. И надумалъ я такъ, что нѣтъ во мнѣ правды ни на единый волосъ... По совѣсти ли я взялся за духовную часть?—Нѣту. По совѣсти ли вступилъ въ бракъ?—Нѣтъ... Исполнилъ ли обязанности мои, какъ лица духовнаго, да и просто какъ человѣка, которому Господь далъ сердце и совѣсть,—исполнилъ ли, говорю, ихъ относительно своего ближняго? — Нѣтъ и нѣтъ... Заныло, заболѣло мое сердце!.. отъ роду не чувствовалъ я такой боли. И съ каждой минутой все сильнѣй становилась эта боль, потому что думалось все дальше и больше... Радъ бы, всей бы душой радъ былъ я думать меньше, даже бы совсѣмъ не думать—еще того было бы превосходнѣе,—нѣтъ! Лѣзетъ вотъ все дальше и дальше, безъ всякой жалости... Что говорятъ—не слышу, поддакиваю, въ церкви стою съ кадиломъ, какъ сумасшедшій, и не понимаю — что это у меня въ рукахъ такое мѣдное?.. Ей-ей!.. Страсть какъ я мучился въ ту пору...

Долго ли шло это, коротко ли — только почти-что безъ остановки думалъ я до самаго корня: выходило такъ, что надо бросить все, домъ, имущество, духовное званіе—и во вретищѣ идти въ потѣ лица своего вырабатывать хлѣбъ... Вышло это совершенно для меня явственно и обстоятельно, т.-е. вотъ какъ на ладони. Оставалось только взять котомку на плечо, сдѣлать все какъ слѣдуетъ, какъ по мыслямъ то-есть выходило—и шабашъ. Вотъ тутъ-то и проснулся во мнѣ свиной человѣкъ... Какъ сталъ я думать, что придется мнѣ съ тачкой, напримѣръ, гдѣ-нибудь на пристани возиться,—тутъ свиной-то человѣкъ и объявился. «Да что ты, говоритъ, очумѣлъ, что ли? У насъ теперь домъ, покой, все слава Богу,—а ты бросишь все, да въ поденщики...» Да такъ смѣшно мнѣ представилъ, что просто-напросто покатился я со смѣху... Ха-ха-ха!.. что я въ самомъ дѣлѣ за дуракъ!.. Да за что же это я спокою-то своего лишусь?.. И стало мнѣ представляться, какъ это хорошо дома, съ женой, и все прочее такое... И отецъ Иванъ вдругъ представился чистый агнецъ (а то я его видѣть не могъ), и все прежнее такъ мнѣ понравилось, что не разстаться—да и полно! Повеселѣлъ я такъ-то, аппетитъ получилъ, и ужъ такъ-то весело было мнѣ у отца Ивана, что и сказать не могу.

— Вышло такимъ образомъ, что сильна была совѣсть, измучила она меня въ какую-нибудь недѣлю, а свиной человѣкъ былъ во мнѣ еще сильнѣе ея. Такъ и пошло. Только

я было-обрадовался, что не думаю, что нѣту такого безпокойства, какое бываетъ у человѣка, ежели зашумитъ совѣсть; только было-сталъ думать, что все пойдетъ по-старому, что пусть *это* дѣлаетъ кто-нибудь другой, а я, моль, отказываюсь,—а на дѣлѣ-то стало выходить еще хуже да хуже... Труднѣй да труднѣй.

— Не бросилъ я ни должности ни семейства, какъ выходило по совѣсти, и сталъ поэтому притворствовать. Теперь уже я зналъ, что поступаю безсовѣстно, а все-таки поступалъ... Сталъ я поэтому чувствовать себя не просто свинымъ человѣкомъ, а обманщикомъ — обманщикомъ и правды и кривды—и такая завелась на душѣ у меня гадость, что и пересказать вамъ ее, право, нѣтъ никакой возможности... И съ каждымъ часомъ становилось все гаже и хуже, потому что совѣсть стала кричать все громче и громче, да и свиной человѣкъ тотъ сталъ наравнѣ съ совѣстью неистовствовать... Совѣсть-то меня вонъ куда вознесетъ, а свиной человѣкъ—низвергнетъ... Больно мнѣ, мучительно, несказанно было больно!.. Кажется, чего бы проще—взялъ да и сдѣлалъ бы по правдѣ, вотъ какъ госпожа Абрикосова: не выходитъ по совѣсти—взяла и бросила все!.. Нѣтъ! Свиной человѣкъ такіе мнѣ аппетиты разожжетъ, что и не пошевельнешься свернуть съ дороги. Совѣсть-то ужъ больно коротка... А вѣдь больно, передъ Богомъ, больно было, жестоко больно... Что же дѣлать-то? Какъ облегчить?.. Естественно, начинаешь извинять себя, валишь на кого-нибудь. Вотъ такимъ манеромъ я и сталъ валить все «на сосѣда». Во-первыхъ, ближе всего жена—на нее; потомъ на отца Ивана, на мужиковъ... Но на жену, конечно, валилъ я больше всѣхъ. А такъ какъ чувствуешь, что виноватъ-то самъ, что если они животныя, то ты только посодѣйствовалъ имъ быть ими, а не что-либо другое сдѣлалъ,—чувствуешь это и пьешь, конечно... Вотъ откуда и пьянство началось. Ну, а потомъ меня и жена бросила. Тутъ ужъ я совсѣмъ растерялся. Надо вамъ сказать, что между пьянствомъ и ругательствомъ частенько-таки бѣгалъ я къ госпожѣ Абрикосовой, жаловался на свою участь. Принимала она во мнѣ участіе, и такъ какъ мнѣ очень грустно было жить на свѣтѣ, то вотъ я къ ней и хаживалъ... Жена-жъ, съ которою я ежеминутно почти ссорился, принимала это за любовь. Бѣсновалась и была для меня въ тысячу разъ хуже, чѣмъ прежде. Ужъ и мучилъ ее я—надо мнѣ отдать честь. Все, что въ самомъ скверно,—все

это я открылъ въ ней и все это ругалъ. Впослѣдствіи оказалось это ей на пользу; но тутъ какъ-то вышла она изъ всякаго терпѣнія и пришла въ неистовство, грозилась жалобой архіерею и обѣщалась изуродовать госпожу Абрикосову собственноручно. Вражда поэтому была между нами смертная, ибо я заступался за госпожу Абрикосову, что̀ еще болѣе разжигало нашу взаимную ненависть. Вотъ разъ, послѣ хорошей схватки, супруга, недолго думая, и въ самомъ дѣлѣ явилась къ госпожѣ Абрикосовой. Явилась она съ намѣреніемъ драться, но, вѣроятно, оробѣла, зато осыпала ее всякими ругательствами. Главное, разумѣется, «отбиваешь мужа» и «архіерею»... и этакое... Та, т.-е. госпожа Абрикосова, тоже взбѣсилась... Потому ужъ очень было все это несправедливо,—и погнала мою жену вонъ... Та не пошла, а ревмя заревѣла, стала жаловаться на свою участь, на меня, на мои неистовства и звѣрства, и госпожа Абрикосова такъ этими ея разсказами растрогалась, что и сама заревѣла и стала ее цѣловать и успокаивать.

— Съ этихъ поръ пошла между ними неразрывная дружба... Обѣ онѣ отшатнулись отъ меня—и остался я одинъ со своими свинскими наклонностями да съ водкой... Жена моя, которой очень много досталось отъ меня горя, стала даже благодарить меня за эти ругательства мои, обличенія ея дикости и грубости... Это ее подготовило понимать то, что̀ ей стала толковать госпожа Абрикосова. А какъ только она поняла все, то и ушла отъ меня... Она моложе, въ ней меньше грязи, да и то, что̀ есть, жестоко обличено мною. Вотъ она и ушла—учиться... Ну, тутъ я совсѣмъ ослабѣлъ и упалъ... Тяжело это даже разсказывать...

— Оставаться среди общества отца Ивана и его практическихъ знакомыхъ—мнѣ было не по себѣ, скверно... Уйти—коротка душа. Поэтому остаюсь—и лгу. Напьюсь—выскажу все и ругаюсь. А главное, послѣ того, какъ ушла жена,—мнѣ еще виднѣе стало, что я-то не уйду, что именно не могу уйти.

— Захотѣлось умирать...

— А какъ только увидѣлъ я, что надо мнѣ умирать—тотчасъ страсть какъ захотѣлось мнѣ жить. И тутъ я, очертя голову, пустился во всѣ тяжкія. За бабами, напримѣръ...

— Пошли доносы: въ пьяномъ видѣ обругалъ отца Ивана, ругался въ храмѣ, безчинничалъ на свадьбѣ съ бабой... Ну, выгнали и засудили...

— Подъ началомъ, въ монастырѣ—я отрезвѣлъ какъ будто,

и стало мнѣ въ самомъ дѣлѣ ясно, что либо помирать мнѣ, либо все вновь. Вотъ я и думаю: возможно ли какими-либо манерами фундаментально излѣчить и душу и тѣло? Тѣло, напримѣръ, возстановлять медицинскими спеціями, а душу — одновременно чтеніемъ?.. Какъ вы полагаете, не возможно ли будетъ этими средствами себя возобновить, дабы вновь уже жить честно и благородно?

На этомъ вопросѣ окончился разсказъ дьякона. Предоставляя рѣшеніе его знатокамъ, я, какъ простой наблюдатель нравовъ современной жизни, могу обратить вниманіе читателей на существованіе въ этой глуши небывалой доселѣ болѣзни. Эта болѣзнь—мысль. Тихими-тихими шагами, незамѣтными, почти непостижимыми путями пробирается она въ самые мертвые углы русской земли, залегаетъ въ самыя неприготовленныя къ ней души. Среди, повидимому, мертвой тишины, въ этомъ кажущемся безмолвіи и снѣ, по песчинкѣ, по крупинкѣ, медленно, неслышно перестраивается на новый ладъ забытая и запуганная, забывшая себя русская душа, а—главное—перестраивается во имя самой строгой правды.

VI. Не воскресъ.

(Изъ разговоровъ про войну).

...Поѣздъ, увозившій въ Россію русскихъ добровольцевъ, отошелъ отъ Базіаша на Пештъ часу въ десятомъ вечера; на дворѣ было темно, шелъ проливной дождь; не было поэтому никакой возможности облегчить грусть-тоску чудными видами, открывающимися по обѣимъ сторонамъ дороги на Дунай, на горы — тьма была кромѣшная... Волей-неволей приходилось убивать время въ разговорахъ; но висѣвшее надъ всѣми соотечественниками сознаніе непреложности факта возвращенія на родину отбивало охоту отъ веселой болтовни... Всякій зналъ, что... «все равно» пріѣдемъ въ Россію. Что-то очень близко подходящее къ тоскѣ гимназиста, возвращающагося въ гимназію послѣ каникулъ, тяготило и возвращавшихся на родину добровольцевъ... Такіе ли были они, когда ѣхали на войну! Новизна положенія дѣлала тогда всѣхъ смѣлыми до дерзости, веселыми до...

ну, хоть до безобразія, храбрыми до звѣрства... Геройство, храбрость, мужество, подвиги великодушія, жертвы—все это трогало сердце и воображеніе каждаго... а теперь—поди-ка вотъ опять въ тотъ самый департаментъ обиняковъ, изъ котораго съ такою радостью мѣсяца два-три тому назадъ пошелъ на смерть... Изволь-ка теперь опять пожаловать въ лоно супружескаго счастья, къ пяти малолѣтнимъ соотечественникамъ... Поди-ка теперь опять поклонись такому-то и сякому-то и попроси его, чтобъ онъ опять принялъ тебя на низшій (да и то дай Богъ) окладъ!.. Русская земля припоминалась всѣмъ въ видѣ какого-то недоразумѣнія, чего-то не имѣющаго результатовъ, но ужасно труднаго, — и вотъ почему поѣздъ, наполненный добровольцами, былъ угрюмъ и скученъ... Не веселило его также и все то, что̀ онъ во время сербскаго каникулярнаго времени узналъ самъ о себѣ... Прежде онъ думалъ, что онъ, русскій человѣкъ, — жертва интригъ, несправедливостей, притѣсненій, жертва людской неблагодарности, жадности, бѣдности, и былъ твердо увѣренъ, что, освободись онъ хоть на одну минуту отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ бѣдъ, такъ сейчасъ же, сію минуту, всѣ увидятъ, какъ онъ добръ, благороденъ, великодушенъ, вѣжливъ, щедръ, непоколебимъ и честенъ... А теперь вотъ послѣ этого долго жданнаго отдыха онъ чувствуетъ что-то совсѣмъ другое...—«Былъ данъ тебѣ отдыхъ, или нѣтъ?»—вопрошаетъ его совѣсть.—«Былъ!»—долженъ отвѣтить онъ.—«Какъ же ты воспользовался имъ?..» — «Безобразно!» — «Свинья!»—говоритъ совѣсть и продолжаетъ:—«Дали тебѣ денегъ?»—«Дали».—«Много ли?»—«Очень довольно».—«Послалъ ли ты женѣ, какъ обѣщалъ?»—«Н-нѣтъ...»—«Куда-жъ ты ихъ дѣвалъ?..»—«Такъ...»—«Нѣтъ,—пристаетъ совѣсть:—ты говори, куда именно: это—деньги кровныя, это—копейки, гроши, данные на святое дѣло. Куда ты ихъ дѣвалъ?»—«Пропилъ...»—«Еще?»—«Ну... тамъ...» — «Свинья!»—еще разъ утверждаетъ совѣсть и опять продолжаетъ:—«Еще куда? не всѣ-жъ ты «тамъ...» оставилъ?..»—«Какъ можно!—почти вслухъ восклицаетъ унылый доброволецъ и хочетъ высчитать по пальцамъ. — Сапоги...—припоминаетъ онъ съ удовольствіемъ.—Шутка сказать—три дуката!.. Потомъ? Чай, сахаръ, табакъ... ну, это вздоръ, пустяки... а еще что̀, куда же я дѣлъ?..» И—увы!—кромѣ сапогъ, капитальныхъ пріобрѣтеній никакихъ нѣтъ возможности припомнить...—«Неужели я все это тамъ?..» — «Свинья!»—заключаетъ совѣсть.

Унылый доброволецъ вышиваетъ изъ горлышка бутылки нѣсколько глотковъ вина и, освѣжившись немного, рѣшаетъ, что̀ прошло, молъ,—не воротишь... Но совѣсть не молчитъ и тотчасъ же вновь затягиваетъ пѣсню...

—«Ты зачѣмъ ѣхалъ-то сюда? За что ты деньги-то взялъ?..»—«Давали! Я бралъ... За славянъ!»—«За что?»—«За... въ пользу славянъ...»—«Это ты въ пользу славянъ дебоширничалъ-то?» Ничего не можетъ отвѣтить добровольцъ, но съ глубокимъ огорченіемъ чувствуетъ, что хорошо бы было, если бы его убили тамъ...—«Велика важность!»—говоритъ совѣсть...—«И вправду»,—рѣшаетъ добровольцъ со вздохомъ... и молча смотритъ въ темное окно, по которому льютъ и льютъ струи проливного дождя...

— А хорошо, право, хорошо жилось въ Сербіи!..—произноситъ кто-то со вздохомъ.

Унылый доброволецъ подъ вліяніемъ этихъ словъ начинаетъ припоминать что-то дѣйствительно хорошее, пріятное... но совѣсть и тутъ осаживаетъ его...—«Смотри, смотри... вотъ въ Россію пріѣдешь, такъ тамъ, братъ...» И мечтанія немедленно прекращаются...—«Выпей, братъ, и смотри въ темное окно, да ужъ молчи!»—сжалившись, совѣтуетъ совѣсть. Добровольцъ, дѣйствительно, тотчасъ же выпиваетъ и твердо рѣшается ни о чемъ не думать: «Все одно,—рѣшаетъ онъ:—пріѣдешь!» Нѣкоторое время опытъ не думать удается ему, т.-е. нѣкоторое время онъ ровно ни о чемъ не думаетъ, но скоро изъ стука колесъ по рельсамъ, изъ звона цѣпей, сцѣпляющихъ вагоны, начинаетъ довольно явственно выдѣляться какъ бы шопотъ чей-то, ежеминутно повторяющій что-то въ родѣ: «свинь-свинь-свинь...»

И добровольцъ волей-неволей опять начинаетъ непріятную бесѣду съ своей совѣстью.

Въ томъ отдѣленіи вагона, гдѣ пришлось сидѣть пишущему эти строки, было бы, пожалуй, благодаря присутствію необычайно унылаго человѣка, еще скучнѣй и тоскливѣй, если бы присутствіе двухъ вполнѣ счастливыхъ соотечественниковъ не парализовало тоску и уныніе, распространявшіяся отъ унылаго пассажира.

Эти двое были веселы и счастливы, каждый по-своему: одинъ только вчера выигралъ въ карты порядочный кушъ и, ухвативъ его, на всѣхъ парахъ рвался въ Вѣну, въ веселое мѣсто, расправить когти, попить, погулять на всѣ руки, на всѣ деньги... Его словно лихорадка какая трясла

всю дорогу: такъ и тянуло—скорѣй, скорѣй къ веселому вѣнскому разгулу; заснуть онъ не могъ, и хотя закрывалъ глаза и откидывалъ голову къ спинкѣ, но видно было, что онъ не спалъ, а грезилъ и волновался предстоящими удовольствіями, поминутно прерывая свои попытки заснуть насвистываніемъ мотивовъ изъ Оффенбаха... Другой довольный пассажиръ былъ доволенъ покойно, солидно, основательно; это былъ военный, не менѣе майора чиномъ, плотный, здоровый человѣкъ; онъ возвращался къ семьѣ, былъ доволенъ, что попадаетъ къ Рождеству и привезетъ съ собою, кромѣ полнаго здоровья (раненъ онъ не былъ), еще и три сербскихъ ордена. Еще на станціи, въ Базіашѣ, объяснивъ всѣмъ желавшимъ съ нимъ разговаривать причину своего благополучія, что вотъ, молъ, ѣду къ Рождеству, слава Богу здоровъ, ордена получилъ всѣ и т. д., онъ уже не входилъ ни въ какіе другіе разговоры, а просто распространялъ вокругъ себя своимъ здоровымъ и довольнымъ лицомъ покой и благополучіе... Войдя въ вагонъ, этотъ счастливый человѣкъ уложилъ по мѣстамъ свои вещи, плотно и удобно сѣлъ и, поморгавъ немного глазами, сталъ ихъ закрывать съ такимъ предвкушеніемъ непробуднаго, дѣтски-покойнаго сна, что даже и неугомонный любитель вѣнскихъ удовольствій поддался-было снотворному вліянію своего сосѣда и пробовалъ дремать... Эти двое довольныхъ, счастливыхъ смягчали нѣсколько то тягостное впечатлѣніе, которое производилъ третій, необычайно унылый пассажиръ.

Онъ былъ точно потерянный: исхудалый, щеки ввалились, носъ вытянулся, взглядъ казался пугливымъ, даже вполнѣ испуганнымъ, костюмъ плохонькій, холодный не по погодѣ и надѣтый кое-какъ. Не желая спать, я поневолѣ долженъ былъ довольно часто встрѣчаться глазами съ этимъ унылымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что онъ сидѣлъ какъ разъ противъ меня, и только послѣ многихъ часовъ ѣзды могъ признать въ немъ человѣка, который мнѣ отчасти знакомъ, котораго я нѣсколько разъ въ жизни уже видалъ, хотя и съ большими-большими промежутками. Было ему теперь лѣтъ тридцать пять или около того, но не больше; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я встрѣчалъ его за границей въ разныхъ городахъ и главнымъ образомъ въ кружкахъ русской заграничной молодежи. Долбежниковъ (такая фамилія была у унылаго пассажира) хоть и вращался въ тѣхъ же кружкахъ, но былъ какъ-то чуждъ

всѣмъ имъ и всѣмъ и каждому изъ лицъ, его составлявшихъ. Какая-то печать уныніи и тогда уже лежала на его нездоровомъ, худосочномъ лицѣ, и что-то гложущее его душу тяжело всегда дѣйствовало во время его посѣщеній, всегда, впрочемъ, краткихъ, торопливыхъ и большею частью ненужныхъ; придетъ торопливо, озабоченно, какъ будто хочетъ что-то сказать очень важное, но не скажетъ ничего, и вдругъ какъ-то соскучится, раскиснетъ и уйдетъ. Въ рукахъ его постоянно была какая-нибудь книга, читалъ онъ много, что-то писалъ, но никто его не разспрашивалъ о его работѣ, и вообще имъ мало интересовались.—«Былъ Долбежниковъ!»—«Ну, что же?»—«Ничего... Ушелъ». Вотъ и все, что можно было сказать о немъ въ то время, послѣ каждаго его посѣщенія. А между тѣмъ нельзя было не замѣтить, что его что-то мучитъ, что хотя онъ и не возбуждаетъ ни въ комъ симпатіи настолько, чтобы кто-нибудь тронулся его измученнымъ лицомъ и разузналъ подноготную его души, тѣмъ не менѣе нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ настоящимъ образомъ мучится... По нѣкоторымъ отрывочнымъ выраженіямъ, помнившимся мнѣ, и по характеру людей, съ которыми онъ зналъ, можно было думать, что онъ—человѣкъ убѣжденій крайнихъ. Такъ я, по крайней мѣрѣ, думалъ о немъ тогда, лѣтъ пять назадъ, и былъ, признаюсь, несказанно удивленъ, увидавъ этого самаго унылаго, измученнаго человѣка, мѣсяца два тому назадъ, въ Бѣлградѣ, въ костюмѣ добровольца съ длинной саблей и, что особенно поразило меня, въ самомъ цвѣтущемъ видѣ, безъ всякаго подобія чему-нибудь, что бы напоминало его прежній, страдальческій видъ. Долго, помню, смотрѣлъ я на него, встрѣтивъ случайно въ одной изъ бѣлградскихъ «кафанъ», вмѣстѣ съ толпой другихъ сабле-гремящихъ и веселыхъ офицеровъ, и не могъ повѣрить, чтобы это былъ Долбежниковъ, «тотъ самый». Откуда этотъ цвѣтъ лица, этотъ нѣкоторый форсъ, эта развязность военнаго, любующагося звономъ своихъ шпоръ, своей саблей?.. Несомнѣнно было, конечно, то, что все это было «напущено» на Долбежникова обществомъ военныхъ, среди которыхъ онъ теперь находился, но несомнѣнно было также и то, что и самъ Долбежниковъ значительно измѣнился; онъ поглядѣлъ на меня — тогда при встрѣчѣ въ кафанѣ, — узналъ, слегка кивнулъ съ высоты величія (ясно начертаннаго на всемъ его ликовавшемъ лицѣ) и

тотчасъ присоединился къ веселой компаніи, которая шумно разсѣлась вокругъ круглаго стола, застучала ножами, солонками, стаканами и потребовала три бутылки самаго лучшаго неготинскаго... Долбежниковъ, къ удивленію моему, также стучалъ ножами и стаканами и, какъ мнѣ казалось, даже желалъ показать именно мнѣ, какъ человѣку, знавшему его въ уныломъ видѣ и въ другомъ обществѣ, что вотъ, молъ, теперь и онъ сталъ молодцомъ, и что ему, молъ, все равно, что̀ будутъ думать о немъ въ «томъ», въ заграничномъ обществѣ... Правда, смѣшноватъ былъ немного этотъ худощавый, длинный и все-таки болѣзненный человѣкъ среди румяныхъ, громкоголосыхъ, здоровыхъ и сильныхъ новыхъ своихъ товарищей, но сравнительно съ тѣмъ, что̀ онъ былъ, лично мнѣ онъ казался вполнѣ переродившимся, необыкновенно поздоровѣвшимъ, расцвѣтшимъ, словомъ—человѣкомъ, передѣланнымъ «наново». Я порадовался этому, хотя и удивился этой перемѣнѣ, въ виду убѣжденій, которыя я ему приписывалъ.—«А! вотъ,—подумалъ я:—отчего онъ стоналъ и страдалъ... Ему надо было шпоры, саблю, да разливанное море военной стоянки...» И, признаться, не очень радовался этой способности русскаго человѣка необычайно рѣзко перемѣнять свои взгляды и, глядя на пирушку Долбежникова съ товарищами, невесело думалъ о томъ, что способность эта есть и не въ одномъ Долбежниковѣ...

Оставивъ Долбежникова, подъ вліяніемъ этихъ размышленій, пировать въ кафанѣ, я ушелъ и до сей минуты, то-есть до встрѣчи въ вагонѣ на возвратномъ пути въ Россію, не видѣлъ ужъ его нигдѣ. И опять онъ меня тутъ изумилъ: куда дѣвался его расцвѣтъ, его бодрый духъ, бодрый видъ? Что̀ скомкало его опять въ комокъ, скомкало въ тысячу разъ больше, чѣмъ онъ былъ прежде, до своего расцвѣтанія? Видъ его былъ такой убитый, измученный, жалкій, что, повторяю, если бы не тѣ два пассажира, которые распространяли отъ себя покой и жажду удовольствія, такъ было бы просто тяжело смотрѣть на человѣка, который, казалось, вотъ-вотъ что-нибудь надъ собой сдѣлаетъ,—такъ ему скверно и трудно.

Задернутый синей занавѣской фонарь наполнилъ вагонъ полумракомъ, мѣшая мнѣ, вмѣстѣ съ перемѣною, происшедшею въ Долбежниковѣ, узнать его лицо; но когда я узналъ, что это именно Долбежниковъ, то мнѣ стало его какъ-то ужасно жаль и захотѣлось разузнать наконецъ,

что такое происходитъ въ этомъ человѣкѣ, отчего онъ расцвѣтаетъ и отчего вянетъ. Я заговорилъ съ нимъ... Онъ обрадовался и тотчасъ же сообщилъ мнѣ, что онъ уже давно узналъ меня, что онъ меня помнитъ, что онъ меня видалъ тамъ-то и тамъ-то, и въ мельчайшихъ подробностяхъ припомнилъ тѣ рѣдкія минуты, когда я случайно сталкивался съ нимъ—пять лѣтъ назадъ (избѣгая почему-то бѣлградской встрѣчи); припомнилъ тотчасъ же и тоже съ мельчайшими подробностями всѣхъ прочихъ нашихъ заграничныхъ знакомыхъ, съ какой-то жадностью разспрашивалъ,—гдѣ такой-то, что съ этимъ, что съ тѣмъ, и вдругъ съ какимъ-то страстнымъ порывомъ произнесъ:

— Ахъ, какіе это люди! Это именно необыкновенные люди!

— Необыкновенные?—переспросилъ я.

— Необычайные!—возвышая голосъ и широко раскрывъ какъ бы помѣшанные глаза, произнесъ онъ.—Необычайные, это вѣрно, я теперь это узналъ... Всѣ рѣшительно они—необычайные...

— Кто же именно?

Я назвалъ нѣсколько фамилій.

— Всѣ до одного... Всѣ, кто «тамъ»!

— Всѣ, кто «тамъ»?—переспросилъ я.—Сколько знаю, никакихъ особенно крупныхъ дѣлъ...

— Вотъ никакихъ-то дѣлъ,—перебилъ онъ меня, ужъ совершенно какъ сумасшедшій, схвативъ за плечо:—вотъ именно—вотъ кто дѣлъ-то никакихъ не дѣлаетъ... вотъ всѣ они и необыкновенные и передовые.

— И передовые?

— И передовые!.. То-есть именно вотъ тѣ!..

Говоря послѣднюю фразу, онъ необыкновенно волновался и положительно казался мнѣ сумасшедшимъ.

— Послѣ этой войны я только ихъ и считаю настоящими героями... Ужъ и въ томъ непомѣрный подвигъ, что они не пристаютъ къ этому свинству, какъ вотъ я пристадъ. Можете себѣ представить, вѣдь я убилъ человѣка... За что,—скажите, пожалуйста?

Послѣднюю фразу онъ проговорилъ такъ, какъ будто бы совершенно не понималъ случившагося съ нимъ.

— Убили? Кого?

— Турка убилъ.

— Такъ что же? вѣдь вы были волонтеромъ, военнымъ, а вѣдь на войнѣ убиваютъ...

— За что?

— За Сербію, я полагаю, вы убили его.

Долбежниковъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и молчалъ.

— За Сербію?—переспросилъ онъ.

— Я думаю—да!

— Нѣтъ, не за Сербію.

— Не за Сербію? За что же?

— За сви-ни-ну...

— Какъ это такъ?

— Да-съ, за свинину...

Я сказалъ, что не понимаю его, и Долбежниковъ пустился мнѣ самымъ подробнѣйшимъ образомъ разъяснять свой взглядъ на сербскую войну. Сербскимъ купцамъ оказывалось нужнымъ отдѣлаться отъ торговыхъ трактатовъ, которые до сихъ поръ заключала съ сосѣдними державами Турція, какъ опекунша Сербіи; трактаты эти были до сихъ поръ такіе, что сербскимъ капиталистамъ нельзя было дать ходу своимъ капиталамъ, нельзя было имѣть фабрикъ, заводовъ, нельзя было выдѣлывать кожъ. Можно было торговать сырьемъ, которое возвращалось въ Сербію выдѣланнымъ продуктомъ и стоило втрое дороже. Такъ вотъ теперь, говорилъ Долбежниковъ, купцы и хотятъ пріобрѣсть оружіемъ право получать больше барышей, т.-е. продавать свинью, которая теперь продается только сырая и продается крайне дешево, продавать ее копченою и получать дороже. Оружіемъ они хотятъ добиться этого права, потому что при мирныхъ переговорахъ — необходимы уступки въ родѣ предоставленія иностранцамъ права пріобрѣтенія поземельной собственности, что сразу дастъ возможность хлынуть въ Сербію иностраннымъ капиталамъ, и, разумѣется, мѣстные капиталисты не устоятъ.

Когда онъ наконецъ окончилъ довольно длинное изложеніе своего взгляда на войну, то спросилъ:

— Вѣдь изъ-за свинины?

Дѣйствительно, выходило, какъ будто изъ-за свинины вышло все дѣло...

— Ну, вотъ видите... Я... убилъ человѣка... Да сколько тамъ убито народу!..—съ какимъ-то ужасомъ произнесъ онъ, прижавъ ладонь къ виску, какъ бы отъ боли.

— И я,—продолжалъ онъ ужъ самъ съ собой:—смѣлъ когда-то критиковать «тѣхъ», придираться къ мелочамъ, къ вздорамъ... Нѣтъ,—оживленно произнесъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — не вѣрьте никому, кто бы онъ ни былъ, если

онъ скажетъ, что...—кромѣ, конечно, мужика (всемірнаго мужика... не только русскаго, прошу замѣтить)—что есть что-нибудь лучшее...

Длинный панегирикъ прочиталъ онъ вслѣдъ за этими словами. Не напускное, а что-то болѣзненное—ненормально-страстное было въ его словахъ. Необыкновенно было странно смотрѣть на этого, очевидно, изломаннаго человѣка, убивающагося о какой-то свининѣ, о туркѣ и волнующагося страстными порывами любви къ какимъ-то людямъ, которые, по его же словамъ, тѣмъ и плѣнительны, что ничего не дѣлаютъ. Странно было смотрѣть на этого больного чудака, въ виду дѣтски-спокойно спавшаго майора, возвращавшагося съ той же самой битвы и не только не убивавшагося объ убитомъ туркѣ, но, напротивъ, получившаго за то же самое ордена и чувствовавшаго дѣтское удовольствіе отъ этого, знавшаго, что удовольствіе это раздѣлитъ съ нимъ вся семья, къ которой онъ поспѣетъ «какъ разъ на Рождество...» Закинувъ голову на спинку дивана и полураскрывъ ротъ, военное дитя спало сномъ невинности... Легкое дыханіе, легкое, какъ паръ, только слегка колебало кадыкъ, едва замѣтный среди плотныхъ, жирныхъ мускуловъ шеи... А тутъ рядомъ сидѣлъ исхудалый, зеленый человѣкъ и, не смыкая глазъ, мучился тѣмъ самымъ, отъ чего сосѣдъ его былъ совершенно счастливъ... А оба были изъ той же Святой Руси.

Панегирикъ былъ такъ длиненъ и запутанъ, что я рѣшился прервать его и спросилъ:

— Вы теперь куда-жъ направляетесь? Къ нимъ?

— Ни-ни-ни...—какъ бы даже съ ужасомъ прошепталъ онъ.—Я теперь такъ благоговѣю передъ ними, что ни за что не приближусь къ нимъ, по крайней мѣрѣ, на тысячу верстъ...

— Отчего же такъ?—съ удивленіемъ спросилъ я.—Благоговѣете и не хотите видѣть? Это трудно понять.

— Боюсь видѣть, боюсь жить съ ними... съ кѣмъ бы то ни было... Не умѣю жить!.. Вотъ именно—жить не умѣю. Непремѣнно выйдетъ какой-нибудь вздоръ и скука.

Я не понималъ его и смотрѣлъ на него молча, думая, не скажетъ ли онъ чего потолковѣе.

— Я знаю,—говорилъ онъ, глядя въ сторону:—я уродъ. Это я знаю самымъ прекраснымъ образомъ... Но такихъ уродовъ, какъ я, много... По крайней мѣрѣ я, т.-е. лично я, видалъ такихъ уродовъ: не умѣютъ жить, да и полно!..

Я самъ происхожу изъ купцовъ... т.-е. изъ среды (да и всѣ наши среды такія же), гдѣ какъ-то ужъ въ крови лежитъ убѣжденіе, что «мы какъ-нибудь обойдемся», гдѣ не живутъ (вспомните Островскаго), а какъ-то «бьются» объ жизнь. Деньги еще кой-какъ держатъ этихъ людей на свѣтѣ, но выньте оттуда, изъ любой такой семьи деньги — все развалилось, всѣ беззащитны, одиноки, потеряны... Я вотъ изъ такой идеально-неживой семьи... Семья эта изъ тѣхъ, которыя валятся, расползаются... Я отбился отъ нея больше всѣхъ... Случай ли, или что̀ другое нанесло меня на разныя думы, на книги... Думы понесли меня къ людямъ—и тутъ-то я и узналъ, что не умѣю жить... Представьте себѣ, что вотъ я обдумалъ такое-то дѣло, или кто-нибудь другой обдумалъ, или затѣяли дѣло, которому я сочувствую, которое люблю, считаю вѣрнымъ и т. д. Если только (онъ говорилъ, отдѣляя каждое слово) въ это дѣло войдетъ три-четыре человѣка такихъ, какъ я, — все пойдетъ къ чорту, т.-е. не только даже обличья дѣла не будетъ, а будетъ непремѣнно вздоръ. Совершенно дѣтское непониманіе жизни, совершенно дѣтское неумѣніе жить сейчасъ дастъ себя знать... Обижусь какими-нибудь пустяками, не захочу быть дружнымъ съ тѣмъ-то потому, что... ну, хоть потому, что манеры мнѣ его не нравятся... Носъ скверный... И такъ этотъ вздоръ начинаетъ гнести меня, тяготить, начинаетъ завладѣвать мною всѣмъ, что я хочу бѣжать... бѣжать... И самъ я отвратителенъ себѣ, да и въ другомъ пробужу своей мелочностью тоже дурныя и мелкія черты—ну, и пошло... И выйдетъ вздоръ... Я такъ все и бѣгалъ... Я ужъ узналъ себя... Все бѣгалъ... Меня братъ, купецъ, назвалъ даже «пассажиромъ» за эту бѣготню. «Не человѣкъ ты, говоритъ, а пассажиръ». И правда... Вотъ и теперь я боюсь ѣхать туда. Я знаю: пріѣду и начну замѣчать носы... да разные вздоры, да обижаться пустяками, да отыскивать въ человѣкѣ скверное... Вотъ еще ужасная черта! Самъ плохъ и въ другомъ, въ самомъ лучшемъ, точно чтобъ себя успокоить, только и ищешь вздоровъ, чтобъ сказать себѣ: «да и онъ такое же тряпье...» Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не поѣду!.. Издали, когда меня жизнь не трогаетъ... мнѣ лучше...

Подошла какая-то станція. Доброволецъ, выигравшій деньги, и мы двое (военное дитя продолжало спать) вышли изъ вагона и выпили по маленькой бутылочкѣ жидкаго венгерскаго вина. Вино не развеселило насъ: Долбежникову, хотя онъ и поуспокоился немного, все-таки, видимо, было

тяжело послѣ безотрадныхъ наблюденій надъ самимъ собою, а мнѣ было тяжело смотрѣть на выложенныя имъ передо мною больныя внутренности... Спать не хотѣлось... Стали опять разговаривать.

— Какъ вы въ Сербію-то попали? что вы тамъ дѣлали?..—спросилъ я.

II.

— Какъ?.. Да вотъ все оттого же!.. Представьте себѣ, каково должно быть состояніе духа у человѣка, если этакъ лѣтъ пять кряду ни отъ себя ни отъ другихъ не выносишь ни одного добраго впечатлѣнія... Я встрѣчаюсь съ самыми лучшими людьми (теперь я знаю, что это—самые лучшіе люди), съ людьми, которыхъ — не живя съ ними... а, какъ я вамъ говорилъ, издали... размышляя о нихъ—я уважалъ, благоговѣлъ... Но, сойдясь по-людски—для простого ли разговора, для маленькаго ли дѣла—терялся!.. Позабывалъ даже ихъ достоинства, позабывалъ ихъ значеніе, потому что они были обыкновенные живые люди... Этого ужъ довольно, чтобы я тотчасъ охладѣвалъ... начиналъ бы цѣпляться за мелочи... и такъ далѣе, доводилъ бы дѣло до того, что и меня никто не хотѣлъ видѣть, да и я былъ золъ на всѣхъ... Ну, лѣтъ пять такой жизни измучили меня... Я переполнился наблюденіями такихъ вздоровъ (онъ вдругъ озлился, ударилъ себя кулакомъ по колѣнкѣ и воскликнулъ: — «И отчего я только и способенъ наблюдать вздоры!..» — плюнулъ и долго молчалъ, тяжело дыша отъ гнѣва)... Ну, и самъ опротивѣлъ себѣ, и все мнѣ опротивѣло... смерть!—Смерть въ это время показалась мнѣ такимъ наслажденіемъ, такимъ удовольствіемъ... буквально лакомствомъ, что я сію минуту даже и не подберу сравненія... именно лакомствомъ... И, разумѣется, я бы покончилъ съ собою, если бы не эта исторія съ нехристями...

— Почему же *именно эта* исторія спасла васъ, оставила васъ живымъ?..—спросилъ я, особенно налегнувъ на слова: *именно эта.*

— *Именно эта*, — тоже налегая на эти слова, отвѣчалъ Долбежниковъ:—исторія помогла мнѣ остаться въ живыхъ потому только, что никакой другой исторіи съ подобнымъ драгоцѣннымъ для нашего брата свойствомъ въ ту пору не было... А свойство этой исторіи то, что она изъ глубины народа... Это значитъ, что народъ наконецъ взялся... а разъ онъ взялся—вывезетъ, будьте покойны!.. Удивительное

дѣло! (разсказчикъ остановился). Подъ этими разломанными деревянными крышами, въ этой глуши, холодѣ, бѣдности, живутъ же вотъ какія-то идеи, спасающія общество отъ гибели! Чѣмъ онѣ живутъ — рѣшительно непостижимо! По двадцать-тридцать лѣтъ ихъ буквально ничѣмъ не кормятъ, никто объ нихъ не заботится, не безпокоится... Живутъ онѣ подъ сгнившими или разнесенными вѣтромъ крышами, какъ мужицкія клячонки, тощія, маленькія, некормленныя, сущіе одры... Кормятъ ихъ изрѣдка, эти одры-идеи, захожіе солдаты, богомолки, кормятъ старой соломой, такой старой, что я вотъ, благородный человѣкъ, и ногъ-то объ нее не оботру... Живетъ!.. Благородный человѣкъ, сотрудникъ дождя и вѣтра, разрушающихъ соломенныя крыши, ни на клячу, ни на крышу, ни на владѣльца того и другого обыкновенно не обращаетъ никакого вниманія; заполучивъ, что ему надо, онъ знать не хочетъ, что дѣлается тамъ, подъ этими крышами, полагая, должно-быть, что можно танцовать, отрубивъ собственныя свои ноги, и, разумѣется, ошибается, гибнетъ... Отказавшись признать своими и главными интересами интересы этихъ крышъ, этихъ крупинокъ собственной своей крови, и полагая, что онъ можетъ прожить (и еще веселѣй) *самъ*, сотрудникъ вѣтровъ и дождей оказывается недолговѣчнымъ и въ двадцать лѣтъ обыкновенно успѣваетъ только расточить эту собственную кровь чортъ знаетъ на что... Щедрою рукою раздаетъ ее актрисамъ, проматываетъ за границей, душной пылью сыплетъ въ несмѣтномъ множествѣ на возню съ собой, одинокимъ въ безсодержательной семьѣ, покуда наконецъ настаетъ истощеніе... Человѣкъ обезсилѣлъ, весь вывалялся въ грязи, не знаетъ, что съ собой дѣлать... «Вывози!—вопіетъ:—спасай!» И, глядишь, мужикъ запрягаетъ одра... Въ такую ужасную для сотрудника въ разрушеніи крышъ минуту, сотрудникъ начинаетъ откармливать одра ужъ не старой соломой, а жирной газетной трухой, и—глядишь — одеръ отъѣлся въ одну недѣлю... «Гляди, баринъ!—говоритъ хозяинъ:—какъ бы худо не было... Лошадь у меня стоялая, дернетъ съ мѣста — держись только». — «Ничего, ничего, тамъ подержатъ...»—«А ежели, примѣрно, мы Европію твою кишками, напримѣръ, завалимъ человѣчьими, и это ничего?»—«Заваливай, — кричитъ сотрудникъ дождей: — заваливай! Только вывози!..» И откормленный газетной трухой одеръ-идея, напутствуемая ударами кнута, выхватила погибающаго изъ грязи и поставила на сухое мѣсто... Кишекъ, разумѣется,

выпущено безъ смѣты, — ужъ объ этомъ говорить нечего... Слава Богу, что баринъ-то не утонулъ и опять вышелъ на дорогу... А какъ только вышелъ—и опять говоритъ: «Теперь веди своего одра куда хочешь, а я *самъ* дойду...» И, разумѣется, не дойдетъ во вѣки вѣковъ... Я это говорилъ къ тому...

Разсказчикъ остановился и, перемѣнивъ тонъ, сказалъ:

— Вы слышали, что̀ я говорилъ?

— Слышалъ все.

— Ну, какъ вы находите?.. Правильно я... т.-е., по крайней мѣрѣ, хоть во внѣшнемъ-то отношеніи прилично ли я... излагаю?..

— Что-жъ тутъ непрѝличнаго?..—не понимая, спросилъ я.

— Нѣтъ, я хочу знать: можно ли, слушая такую рѣчь, подумать, что я хоть сколько-нибудь народомъ заинтересованъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія...

— Ну такъ вотъ: сію минуту я именно такъ и думаю и дѣйствительно сокрушаюсь... А поди я сейчасъ же съ такими самыми мыслями въ деревню—и вздоръ выйдетъ, начнутъ дѣйствовать на нервы дырявые лапти, грязь... ухабы—чортъ знаетъ что̀... Кончишь злостью и бѣгствомъ... Будешь проклинать и себя и раскрытыя крыши... Не понимаешь живыхъ людей... Не умѣешь быть живымъ... Вѣдь вотъ какая скотина!—вновь сверкнувъ озлившимися глазами и возвысивъ голосъ, заключилъ онъ и прибавилъ:

— Нѣтъ, лучше я послѣ... Надоѣло! такая скверность... не человѣкъ ты, а пассажиръ! да! именно не человѣкъ!..

Разговоръ возобновился черезъ нѣсколько часовъ, когда ужъ совсѣмъ разсвѣло и когда мы уже проѣхали Пештъ... Разсказчикъ былъ спокойнѣй и чувствовалъ себя гораздо бодрѣе, чѣмъ вчера.

— Ну такъ вотъ—на чемъ я остановился? да!.. Мужикъ началъ вывозить... Съ дѣтства воспитанная привычка, чтобы за насъ дѣлали дѣло другіе, привычка къ «прими», «подай», откликнулась во мнѣ въ эту минуту какъ нельзя болѣе сильнѣй. Что-жъ, думаю,—«вывози, братъ, и меня», рѣшилъ я, зная навѣрно, что, разъ взявшись вывозить, одеръ непремѣнно *куда-нибудь* да вывезетъ... Мнѣ было теперь все равно, хоть куда-нибудь... а убьютъ — что-жъ? Я и самъ хотѣлъ умереть... И вотъ, ввалившись въ мужичьи дровни, я сразу почти совершенно успокоился... Все, что̀ меня мучило, все, о чемъ я думалъ, читалъ, разговаривалъ, что̀

меня бѣсило, злило, волновало въ себѣ и другихъ, я, разъ рѣшивъ, что «теперь не мое дѣло»—все это позабылъ, точно ни разговоровъ, ни плановъ, ни безпокойствъ, ни мыслей безпокойныхъ и не бывало... Обо всемъ этомъ я пересталъ думать, положившись на кого-то, кто теперь занялся моими дѣлами, и съ каждымъ днемъ сталъ чувствовать себя лучше и лучше... Тѣмъ и хороша война, что, разъ произнесено это слово, милліоны людей прекращаютъ думать, безпокоиться, прекращаютъ трудныя попытки рѣшать роковые вопросы, къ которымъ привела мирная жизнь. «Война!»—Никто не отвѣчаетъ за себя, за свои поступки; милліоны людей получаютъ разрѣшеніе ни о чемъ не думать, ни о чемъ не безпокоиться; никто не взыщетъ, да и не можетъ взыскать, потому—война!—то-есть такое положеніе дѣлъ, въ которомъ никто ничего не понимаетъ, никто ничего не разсчитываетъ, никто ни за что не отвѣчаетъ... Словомъ, положеніе, при которомъ люди начинаютъ ходить распояской, неумывкой, неодѣвкой... Все, что за недѣлю еще было напряжено, измучено, запутано, тайно страдало, ненавидѣло,—все выпущено этимъ словомъ «война» на волю... Купецъ не платитъ по векселямъ — и не виноватъ, не отвѣчаетъ... Онъ можетъ разогнать свою фабрику — и разогнанный народъ не пикнетъ, зная, что война... Ничего не стоитъ въ такое время вчера еще очень аккуратному человѣку взять чужое, поймать чужого гуся и съѣсть... Кто тутъ будетъ разбирать? Война!.. Его гуси точно также съѣдены неизвѣстно кѣмъ... Непрочный семейный союзъ, держащійся только общественными приличіями, распался, развалился самъ собой... Развѣ виновата жена, что къ нимъ въ домъ нахлынуло такое множество офицеровъ, да еще молодыхъ, охваченныхъ вліяніемъ времени, въ которое никто ни о чемъ не думаетъ и не безпокоится ни о чемъ?.. Она—слабое существо... А это, посмотрите, какіе верзилы... Наконецъ завтра этихъ верзилъ и слѣдъ простылъ. Къ тому же и мужъ, освобожденный отъ срочныхъ уплатъ, смотритъ на бѣлый свѣтъ поснисходительнѣе; не проходитъ дня, чтобы онъ не былъ подъ хмелькомъ... и почти не живетъ дома... На улицѣ такая гибель новаго: то войска вступаютъ, то выступаютъ... музыка, то веселая, то грустная, гремитъ то и дѣло... Гостиницы, кофейни биткомъ набиты... Всякій говоритъ: «нѣтъ никакихъ дѣлъ, все стало — война!..» И тратитъ накопленное... «Будь, что будетъ!»—сказали себѣ милліоны людей и отдались случайности... Сотни и тысячи смертей,

какъ ни странно это кажется, не только не развиваютъ чувствительности въ живыхъ (о живыхъ я только и говорю), но, напротивъ, пріучаютъ глядѣть на смерть совершенно хладнокровно. Не диво становится каждому смотрѣть на кровь, слушать стоны, видѣть оторванныя руки, ноги, пробитыя головы. Жизнь человѣческая начинаетъ цѣниться ни во что—и въ человѣкѣ, еще недавно обремененномъ именно человѣческими-то заботами, сладко потягиваясь, просыпается звѣренокъ... Эта атмосфера, созданная войной, охватила меня тотчасъ, какъ только я ступилъ на сербскую землю. Правда, въ первую минуту появленія моего среди новаго для меня военнаго общества я одно только мгновеніе почувствовалъ, что предо мной совершается что-то необыкновенно старое, завалящее, что-то такое, про что всѣ давно забыли, потому что выросли... Одно мгновеніе мнѣ показалось, что я словно началъ читать Еруслана Лазаревича послѣ книгъ, касающихся трудныхъ философскихъ и общественныхъ вопросовъ. Но я это отогналъ отъ себя; да и безъ моего участія военная атмосфера, окружавшая меня, сдѣлала то же дѣло—очень скоро. «Не думай ни о чемъ»,—говорила она—и здоровье мое стало быстро улучшаться. Я сталъ отлично спать, потому что ни о чемъ не думалъ — не мое дѣло; будетъ такъ, какъ будетъ, рѣшилъ я и спалъ сномъ невиннаго младенца... «Ожидать приказаній»—тоже вещь для меня новая — пришлась мнѣ по вкусу и много способствовала улучшенію аппетита и поправленію здоровья... Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ мнѣ безпокоиться? Какъ прикажутъ... тамъ знаютъ!—Не мое дѣло... «Завтра выступать!» Ладно, выступимъ... Завтра такъ завтра. И выступаешь, не думая, куда, зачѣмъ. Какъ легко, отказавшись отъ всего прошлаго, не имѣя никакой тяжести на плечахъ, идти куда-то, по новымъ мѣстамъ, идти къ неизвѣстному!.. Уставать, ѣсть, спать и ждать приказаній... Какой-то раздраженный военный, всю дорогу брюзжавшій на начальство, на неполученіе какого-то пособія, представлявшій какіе-то проекты, планы, критиковавшій военныя операціи и т. д., до того былъ противенъ всѣмъ «порядочнымъ» людямъ, въ общество которыхъ я попалъ, что съ нимъ рѣшительно никто не хотѣлъ говорить. Его опредѣлили, какъ мелочнаго человѣка, интригана, проныру, и—бросили. Такъ была въ эту пору странна для всѣхъ (по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось) всякая попытка о чемъ-нибудь думать, что-нибудь объяснить, о чемъ-нибудь безпокоиться...

— Въ такомъ блаженномъ состояніи былъ я нѣсколько недѣль сряду... Я поздоровѣлъ, пополнѣлъ, одеревенѣлъ, даже одурѣлъ, если хотите, но расцвѣлъ вполнѣ, чувствовалъ себя необыкновенно здорово и весело... Словомъ, я совсѣмъ воскресъ и жадно держался за это новое, невѣдомое мнѣ состояніе духа, и съ каждымъ днемъ воскресеніе мое становилось для меня яснѣе и ощутительнѣе. Тотчасъ по пріѣздѣ, какъ я вамъ говорилъ, я почувствовалъ-было, что вмѣсто книгъ принимаюсь за чтеніе Еруслана Лазаревича, Гуака; но съ выступленіемъ на позицію этого ощущенія не осталось и слѣда—все прошло, потому что я все забылъ. Тутъ, на позиціи, случай завладѣлъ мной окончательно: тутъ не только не нужно было о чемъ-нибудь думать, безпокоиться, а просто невозможно было дѣлать что-нибудь подобное. Тутъ не знаешь ни дня ни часа, въ онь же хлопнутъ тебя пулей въ голову — и конецъ, стало-быть, оставь всякую надежду на какой-либо смыслъ... Вотъ въ это-то время я и турка убилъ; пріѣхали къ намъ на позицію товарищи, привезли лютой роміи, вина, жаренаго поросенка. Выпили, поболтали... опять выпили. (Пилъ я, празднуя свое воскресеніе, много, но пьянъ не былъ). Стали стрѣлять, пробовать берданки. У одного изъ товарищей, помню, была очень хорошая берданочка. Такъ вотъ ее пробовали. Стали пробовать, разумѣется—въ людей, въ турокъ... Убить турка—точно такъ же, какъ и турку убить серба—ничего не значило. Для обоихъ было неизвѣстно, зачѣмъ все это дѣлается; но оба, разъ отказавшись думать, вѣрили, что бить другъ друга надо. Ну, стрѣляли, пили, ѣли поросенка... и я выпалилъ и убилъ... И у насъ у одного офицера оторвало ногу — такъ съ кускомъ поросенка въ рукѣ и повалился... Ни то ни другое убійство не оставило ни въ комъ почти никакого впечатлѣнія. Всѣ были такъ искренно деревянны и искренно безсмысленны, что самое сожалѣніе—по крайней мѣрѣ, мнѣ—казалось уже фальшью. «Я тутъ не виноватъ, это не мое дѣло» — вотъ что война пробудила въ каждомъ и чѣмъ каждый жилъ въ эти минуты... На позиціи я пробылъ недѣли съ полторы и не помню, зачѣмъ-то (кажется, по какому-то дѣлу, что-то въ родѣ заказа сабель или покупки какихъ-то веревокъ—что-то въ этомъ родѣ) пріѣхалъ въ Бѣлградъ. Состояніе духа было превосходное. Свѣже-недумающихъ людей было вдоволь; ихъ радость — перестать думать и жить, вѣря пробудившемуся звѣрушкѣ—еще болѣе подкрѣпила меня. Помню одинъ ве-

черокъ въ такой веселой компаніи... Хорошо, чудесно провели мы вечерокъ этотъ... Послѣдній (съ сожалѣніемъ сказалъ разсказчикъ), послѣдній веселый день моего воскресенія.

— Что-жъ случилось?—спросилъ я.

— Случилось нѣчто очень знаменательное... Нѣчто такое, что̀ разбило, расшибло меня, мое окаменѣніе въ мелкія дребезги... Вотъ какъ это было. Часовъ въ 11 ночи вдругъ пришлось намъ, т.-е. веселой нашей компаніи, ѣхать въ Землинъ. Поѣхали на лодкахъ... Орали, конечно, пѣсни пѣли, захватили вина, пили... Сцена тутъ съ австрійскими солдатами произошла, не хотѣли пускать на берегъ, но на счастье у насъ были русскіе паспорта и большая готовность вступить въ открытый бой... Пропустили... Пошли мы по Землину, взбудоражили двѣ-три гостиницы и т. д., — словомъ, провели время весело, т.-е. вполнѣ по-свински... На утро я, не знаю почему-то, проснулся довольно рано; въ первый разъ почему-то заныло у меня сердце: оттого ли, что много пилъ вчера, оттого ли, что погода была сѣрая, пасмурная, только какая-то болѣзненная тревога зашевелилась во мнѣ... Какъ-то скучно стало мнѣ въ номерѣ, переполненномъ спавшими богатырями францыль-венеціанами. Я поспѣшно одѣлся и пошелъ пройтись. Было еще довольно рано, гостиницы были заперты, негдѣ было достать ни вина ни кофе. Вы были въ Землинѣ? Это—чистенькій, маленькій городокъ, расположенный на низменномъ берегу Дуная. Узенькая, низкая набережная, усыпанная черною пылью каменнаго угля, тянется вдоль по Дунаю почти какъ по ниткѣ. Я пошелъ по этой набережной. Никого почти не было на ней; только на судахъ, стоявшихъ у берега, видны были поднимавшіеся на работу люди. Выбравъ на набережной сухое мѣстечко, я сѣлъ, протянувъ по травѣ ноги, и сталъ курить и смотрѣть... Дунай былъ мутный и сѣрый; медленно шевелилъ онъ привязанныя къ берегу лодки, на которыхъ обыкновенно (пароходъ ходитъ только два раза въ день) происходитъ сообщеніе съ Бѣлградомъ рабочаго люда. Мелкій дождь, какъ сквозь сито, сѣялъ безпрестанно, чуть-чуть шумѣлъ по листьямъ деревъ, которыя кой-гдѣ растутъ по набережной. Я сидѣлъ и, кажется, ничего не думалъ, просто смотрѣлъ. И вижу: на берегу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, опрокинута лодка — ее чинятъ; одинъ бокъ ея и дно задѣланы новыми досками, кругомъ валяются стружки. Рабочіе еще не приходили, и предста-

вилось мнѣ, что подъ этой лодкой что-то или кто-то есть. Что-то какъ будто стукнуло изнутри, зашевелило стружками и затихло. «Вѣроятно, собака забралась туда отъ дождя!»—рѣшилъ я и продолжалъ молчать, курить и смотрѣть. Ни шороха ни звука ужъ не слышно было въ лодкѣ. Такъ прошло болѣе часа. Часовъ около семи народъ вдругъ повалилъ на пристань; я всталъ и пошелъ въ кофейню, находящуюся тутъ же. Но не успѣлъ я выпить чашку кофе, какъ услыхалъ въ отворявшуюся безпрестанно дверь какой-то пронзительный крикъ, доносившійся съ улицы. Крикъ былъ раздирающій душу и рѣзалъ по сердцу точно ножомъ... Я не допилъ кофе и вышелъ посмотрѣть, что̀ такое. Большая толпа народа стояла около той самой лодки, подъ которой я слышалъ шорохъ. Я пробился сквозь ряды деревенскихъ женщинъ, дамъ и мужчинъ, собиравшихся въ Бѣлградъ на первомъ пароходѣ, купцовъ, солдатъ и полицейскихъ, молча столпившихся на берегу,—и увидѣлъ слѣдующую сцену:

— Два здоровенныхъ нѣмца, въ пиджакахъ на овчинномъ мѣху, въ высокихъ сапогахъ, тащили изъ подъ лодки маленькаго семилѣтняго мальчика, отбивавшагося отъ нихъ и руками и ногами. «Майко! майко!» (матушка!)—кричалъ онъ, кажется, всѣми своими внутренностями. Двое рабочихъ, простые крестьяне, помогали нѣмцамъ вытащить ребенка изъ-подъ лодки, загораживая ему дорогу съ противоположной стороны. Нѣмцы дѣлали свое дѣло молча, систематически ползая на четверенькахъ вокругъ лодки, и наконецъ одному изъ нихъ удалось поймать худенькую грязную дѣтскую ногу... Поймавъ ребенка за ногу, нѣмецъ потащилъ его стремительно и вытащилъ тотчасъ же, обѣими руками схвативъ за худенькую дѣтскую руку, которая судорожно сжимала какой-то крошечный узелокъ. Другой нѣмецъ также обѣими руками схватилъ за другую руку, и — тутъ началась поистинѣ ужасная сцена. Маленькое существо собрало все, что̀ могло противопоставить силѣ этихъ двухъ верзилъ... Ни на минуту ребенокъ не переставалъ кричать, до того, что минутами у него захватывало дыханіе: его старались поднять съ земли; онъ виснулъ на рукахъ, употреблялъ всѣ силы, чтобы сѣсть; его несли, онъ упирался, съ нечеловѣческими усиліями напрягая свои худенькія ножонки, и вдругъ, когда онъ видѣлъ, что его тащатъ-таки, хоть и съ остановками, и волокутъ, онъ въ полномъ отчаяніи дѣлалъ попытки вырваться, — попытки

ужъ совершенно безплодныя. При видѣ, какъ его худенькое тѣло все извивалось змѣей, при видѣ тисковъ этихъ двухъ нѣмцевъ, изъ которыхъ нѣтъ возможности выбиться, слеза прошибла меня... Мальчикъ-сербъ — узналъ я въ толпѣ — отданъ былъ матерью дня три тому назадъ въ ученье къ нѣмцу-слесарю и хотѣлъ убѣжать назадъ къ матери въ Бѣлградъ. Подъ лодкой онъ просидѣлъ всю ночь, думалъ какъ-нибудь пробраться на пароходъ... Въ узелкѣ онъ унесъ свою рубашку... Теперь хозяинъ поймалъ его и тащилъ домой, тащилъ, какъ собственную свою вещь, тащилъ «силою», на законномъ основаніи... «Вотъ война-то настоящая! — мелькнуло у меня. — Поди-ка, герой, которому ничего не стоитъ быть убитымъ и убить, не думая объ этомъ, не отвѣчая за это, — поди-ка, подумай объ этомъ мальчикѣ, отвоюй его, заступись... Поди-ка, постой—сознательно постой—за права этого человѣка, за права его сердца, переполненнаго любовью къ майкѣ, за права ребенка, которому еще нужно играть, а не задыхаться въ мастерской: поди заступись, положи-ка вотъ тутъ свои кости!..» Деревянное благополучіе покинуло меня... Что я дѣлалъ? Что я дѣлаю?— зашумѣло во мнѣ, но мальчишка не далъ хлынуть скорби широкимъ потокомъ въ сердце, такъ какъ приковывалъ къ себѣ все мое вниманіе. Обезсилѣвъ, онъ какъ будто рѣшился идти. Хозяинъ и его помощникъ, обрадовавшись этому, проворно пошли впередъ, почти побѣжали... Мальчикъ тоже бѣжалъ... Его узелъ былъ въ рукахъ хозяина... Прошли такъ шаговъ двадцать, какъ вдругъ малый вырвался... и понесся... Понесся—куда глядѣли глаза... Соскочилъ въ канаву, въ грязь... За нимъ бросился хозяинъ, помощникъ, полицейскій, какой-то мужикъ... Они кричали, горланили, звали помочь... Мальчишка несся молча, закусивъ удила, не помня себя... Бѣдное маленькое существо!.. Поймали! Не буду больше говорить объ этой ужасной сценѣ, объ этомъ ужасномъ терзаніи ребенка, объ его отчаянномъ крикѣ, безпомощномъ сопротивленіи... Сцена была въ полномъ смыслѣ ужасная, звѣрская и прямо ударила меня въ сердце, сразу пробудила во мнѣ все, что я старался забыть, о чемъ я хотѣлъ не думать, сказавъ себѣ: «вывози!..»

— «Ты,—говорилъ я себѣ, чувствуя, что меня душатъ слезы: — ты, котораго безконечныя, неисчислимыя жертвы научили понимать бѣды человѣческія, которому поставили великія задачи, трудныя, громадныя хлопоты, — какъ ты

могъ успокоиться на забвеніи всего, что выстрадано, вымучено для тебя?.. Жалкая, отвратительная тварь! Чтобы чувствовать себя живымъ, легко живущимъ, тебѣ надо поддерживать вещи, которыхъ никто уже сознательно не считаетъ нужными, разумными. У тебя есть задачи, полныя глубокаго значенія, и если онѣ владѣютъ хоть одною каплей твоей крови, стой за нихъ, потому что все другое— вздоръ, старый хламъ, тряпье... Ты измучился скучать, ты измучился отъ продолжительныхъ размышленій, не имѣющихъ результата, такъ начинай же жить, бейся за то, о чемъ ты думалъ. Воюй за твою мысль, за движеніе твоего сердца, которое воспитано или, по крайней мѣрѣ, пріучено страдать за ближняго...»

— ...И тутъ мнѣ представилась эта новая война... Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, если бы я вздумалъ защитить этого мальчишку, то-есть дѣйствовать такъ, какъ говоритъ мой просвѣщенный (это слово онъ произнесъ иронически) разумъ, посмотрите-ка, какая масса силъ, какой героизмъ, стоицизмъ, какая энергія нужна бы была мнѣ... Истинно— поле битвы страшнѣе въ тысячи разъ всякой свалки, въ которой избиваютъ тысячи человѣкъ въ нѣсколько минутъ и которая якобы кого-то освѣжаетъ!..

— Положимъ, что я пошелъ бы и ударилъ этого нѣмца, взялъ бы мальчишку и отдалъ матери; нѣмецъ за обиду тянетъ меня въ судъ, штрафуетъ, сажаетъ въ тюрьму. А главное—противъ меня является свидѣтельствовать родная мать ребенка; она, заливаясь слезами, скажетъ, что мальчикъ поступилъ къ нѣмцу по ея желанію, что она вдова, мужа убили на войнѣ, у ней пятеро дѣтей,—и меня посадятъ подъ арестъ, а мальчика опять отдадутъ нѣмцу. Если я человѣкъ вѣрный своей мысли, я отсидѣлъ срокъ—и вновь берусь за то же дѣло. Я начинаю дѣйствовать путемъ печати, разсуждать вообще. Представьте себѣ, какую гибель трудностей долженъ преодолѣть я здѣсь... Издателей штрафуютъ, и не всякій поэтому рѣшится напечатать... Я же не хочу, чтобы статья печаталась въ искаженномъ или смягченномъ видѣ... Послѣ тысячи мытарствъ, раздраженный и взволнованный издательской трусостью, я пишу мою защиту «силою» попираемыхъ мальчишекъ отдѣльной книгой и выпускаю въ свѣтъ, истративъ все, что имѣлъ. Книгу берутъ, уничтожаютъ, меня приговариваютъ къ тюрьмѣ (предполагается, что все это за границей происходитъ) и дѣлаютъ это какъ разъ въ то время, когда у меня

больна жена... Я сажусь въ тюрьму, она остается безъ средствъ, болѣетъ, умираетъ... Я выхожу на свободу одинокимъ, обнищалымъ, поруганнымъ; но силъ на борьбу у меня больше: я хочу, чтобы слышали объ этихъ неправдахъ, чтобы опомнились... Ну-те-ка, сочтите, сколько надобно трудовъ, ума, хитрости, настойчивости, — словомъ, сколько надо геройства, непоколебимости и преданности своей идеѣ, чтобы преодолѣть все это, добиться права публично, громко, въ теченіе не болѣе десяти минутъ (больше не дадутъ) говорить о томъ, изъ-за чего я бился... Что-жъ, это не поле битвы? Это не война? Не герой я, если выдержу этотъ подвигъ? А задача постоять за мальчишку развѣ мала, развѣ можетъ она идти въ сравненіе съ задачей завоевать право коптить сóлоно ветчину или дубить кожу?.. Мальчикъ разбилъ все мое спокойствіе, все мое здоровье — все, въ одну минуту... Товарищи, спавшіе въ номерѣ, были для меня невыносимы. Я просто не могъ ихъ видѣть теперь. Мысль, что теперь нужно совсѣмъ иное,— была мнѣ совершенно ясна.

— Я взялъ лодку и одинъ переѣхалъ въ городъ...

— Разъ сорвавшись съ высоты своего благополучія, я стремительно несся въ бездну тоски, горя, тяжести мысли... Все приняло въ моихъ глазахъ другой видъ. Мнѣ представилось, что самый послѣдній изъ самыхъ недумающихъ, простонародныхъ добровольцевъ нашихъ дерется съ турками не потому, чтобы ненавидѣлъ ихъ, какъ бусурманъ, а потому, что измучился совершенно другимъ и хватается за бусурмана потому, что не сообразитъ, не въ силахъ и не можетъ сообразить всей тяжести тяготящихъ умъ вопрóсовъ... Недаромъ, думалось мнѣ, наши пьютъ передъ дракой водку, а турки — опіумъ, и лѣзутъ драть другъ другу животы въ пьяномъ видѣ... Въ трезвомъ—всѣ давно ужъ не звѣри. У всѣхъ накипѣла на душѣ бездна страданій, нужды, но никто не поможетъ разобраться. Вамъ знакóмъ, конечно, очень часто встрѣчающійся въ русской крестьянской жизни фактъ ожиданія страшнаго суда? Вотъ сію минуту, когда я разсказываю вамъ свои подвиги, непремѣнно въ какой-нибудь русской глухой деревенькѣ бѣдные, робкіе люди ждутъ страшнаго суда, второго пришествія, ложатся въ гробы, рыдаютъ... Завтра будутъ ждать въ другой. Это какіе-то припадки вдругъ овладѣвающаго народомъ глухой деревеньки отчаянія... Откуда это отчаяніе? Изъ чего оно слагается? Мнѣ кажется, что этотъ припа-

докъ есть результатъ обилія неразрѣшенныхъ сомнѣній, неразъясненныхъ мыслей, глубоко чувствуемой неправды, накоплявшихся необычайно долго, но ничѣмъ никѣмъ не уясненныхъ, не приголубленныхъ... Тутъ гнѣзда идей, гнѣзда глубокихъ душевныхъ страданій, не распутанныхъ, не имѣющихъ возможности развиться... Человѣка вдругъ охватываетъ ощущеніе какой-то глубочайшей неправды въ себѣ, въ другихъ, во всемъ свѣтѣ; онъ вдругъ на одно мгновеніе видитъ узы жизни, и ему кажется, что насталъ конецъ свѣта... Когда я представилъ себѣ, что самая глухая деревушка волнуется тѣмъ самымъ, чѣмъ волнуются самые первые великіе умы, за что пролито столько крови и слезъ, мнѣ стало просто ужасно. Не безстыдство ли поддѣвать жаждущую свѣта душу живого человѣка на чемъ-то такомъ, что̀ дѣлаетъ его звѣремъ, что̀ изъ его жажды жить, жертвовать собой, преслѣдовать зло—дѣлаетъ какую-то безсмысленную тварь, которая проткнула штыкомъ животъ другому, такому же человѣку, и видитъ геройство въ томъ, чтобы поднять этого человѣка на томъ же штыкѣ, да перевернуть его на немъ раза четыре, чтобы все разодрать у него внутри? Нѣтъ, это—неправда, обманъ, ложь... Никто не хочетъ быть такимъ, никто не хочетъ быть звѣремъ...

— Когда я переѣхалъ Дунай и вылѣзъ изъ лодки на другомъ берегу, у Бѣлграда, я уже не узналъ ни другихъ ни самого себя. Я былъ раздавленъ сознаніемъ моего ничтожества передъ громадностью пробужденныхъ во мнѣ мальчикомъ задачъ жизни и, признаться, полнымъ негодованіемъ, даже презрѣніемъ къ моимъ недавнимъ пріятелямъ. Я не могъ слышать звона сабли, не могъ видѣть этого гарцующаго молодца. Ни въ чемъ не было смысла, все было безжалостное безсердечіе и глубочайшая неправда, безсовѣстность и притворство...

— Разумѣется, я уже больше не служилъ. Я снялъ мундиръ, одѣлся вотъ въ это старое тряпье и сталъ жить только тѣмъ, что терзался собой и другими... Конечно, на меня стали смотрѣть, какъ на сумасшедшаго.

Разсказчикъ замолкъ.

— Ну,—помолчавъ, снова началъ онъ: — вотъ въ это время я и вспомнилъ *тѣхъ*...

И опять Долбежниковъ прочиталъ длинный панегирикъ. Я приводить его не буду, скажу только, что благоговѣніе его было такъ велико, что онъ и бездѣйствіе возводилъ въ подвигъ.

— Хоть и мыслію-то продержаться изъ-за мальчишки, продержаться всю жизнь—и то какое мужество, когда кругомъ все противъ тебя, даже иной разъ тѣ же самые мальчишки!..

Гензендорфъ—станція, съ которой поѣзда идутъ въ разныя стороны: одни на Вѣну, другіе на Варшаву.

— Ну,—спросилъ я Долбежникова:—куда же вы?

— Ей-Богу, не знаю.

Видъ его былъ необыкновенно жалокъ: зеленый, иззябшій, испуганный, онъ былъ такъ одинокъ, такъ безпомощенъ...

— Ей-Богу, не знаю, куда и дѣться!—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Сказалъ онъ это и замолкъ. Молчалъ и я...

VII. Голодная смерть.

...Плохой клубный ужинъ былъ съѣденъ, плохое клубное вино выпито, но небольшое общество, успѣшно совершивши и то и другое, не расходилось и продолжало сидѣть за жиденькимъ клубнымъ столикомъ.

Пять человѣкъ, сидѣвшіе за этимъ столомъ: медицинскій студентъ, его сестра, сельская учительница, неудавшійся и скучающій своимъ фракомъ и бѣлымъ галстукомъ адвокатъ, проклинающій свою газету фельетонистъ и такъ «просто человѣкъ», служащій въ банкѣ,—все это общество испытывало по окончаніи ужина только Петербургу свойственное вялое утомленіе — результатъ суетливаго, но ни капли не интереснаго дня... Вяло велись разговоры, поминутно перерываясь длинными паузами и касаясь тысячи разнохарактернѣйшихъ предметовъ, что не только не способствовало оживленію бесѣды, но, напротивъ, дѣлало изъ нея какое-то несносное, не имѣющее цѣли бремя... Такъ тянулось довольно долго, когда случайно кто-то изъ собесѣдниковъ заговорилъ о самоубійствахъ. Грустная тема эта — какъ ни странно это покажется — вдругъ оживила разговоръ: въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы манія самоубійства черною тучей пронеслась надъ всѣмъ русскимъ обществомъ, и едва ли въ немъ найдется кто-нибудь та-

кой, котораго бы эта бѣда не интересовала, помимо бѣды общественной, еще и съ личной точки зрѣнія. У каждаго бѣда эта унесла кого-нибудь, съ кѣмъ была близкая или дальняя связь родства, близкое или дальнее знакомство.

Оживившійся разговоръ пяти клубныхъ посѣтителей сразу показалъ, что вопросъ о преждевременной смерти занималъ каждаго изъ собесѣдниковъ едва ли не болѣе всѣхъ другихъ вопросовъ, которыхъ въ такомъ обиліи касался сегодняшній вялый, скучный разговоръ за ужиномъ. Оказалось, что всякій подумывалъ объ этомъ дѣлѣ и подумывалъ не разъ, и у всякаго былъ матеріалъ, разработанный каждымъ на свой образецъ, и разработанный довольно тщательно.

Случайно подвернувшаяся тема была такъ всѣмъ близка и интересна, что немедленно и единогласно было потребовано еще двѣ бутылки клубнаго вина, что̀ предвѣщало всеобщее желаніе толковать, и толковать обстоятельно, т.-е. предвѣщало еще двѣ или три бутылки въ окончательномъ результатѣ.

Поддерживаемый первыми бутылками разговоръ пошелъ оживленно и бойко; припоминались случаи, видѣнные, слышанные, приводились всевозможныя объясненія: ревность, любовь, запутанныя дѣла, оскорбленное самолюбіе и проч. и проч., и вмѣстѣ съ тѣмъ пытались взглянуть на дѣло вообще, подвести итогъ своимъ наблюденіямъ, своимъ мыслямъ по этому предмету.

Крайне разнообразны были общіе взгляды на коренныя причины эпидеміи самоубійствъ; но то обстоятельство, что манія эта могла появиться и разрастись только въ настоящее время,—это всѣми признавалось единогласно. Всѣ были согласны, что новое время русской жизни было главною причиною къ тому, чтобы началось это поголовное самоизбіеніе, и что главная, существенная черта этого новаго времени—необходимость жить своимъ умомъ, самому отвѣчать за самого себя, необходимость, осѣнившая сразу сотни тысячъ народу, благодаря крѣпостному праву со всѣми его многочисленнѣйшими развѣтвленіями, въ видѣ всевозможныхъ родовъ дармоѣдства и дармобытія, не имѣвшихъ ни возможности, ни силъ, ни умѣнья распознать въ себѣ образъ и подобіе Божіе.

Фельетонистъ, проклинающій свою газету и свою профессію, утверждалъ, и притомъ самымъ настоятельнымъ образомъ, что холопство, вбитое въ русскаго человѣка,—

главная причина и корень всѣхъ ненормальныхъ, безобразныхъ явленій современной дѣйствительности. Несомнѣнно, одностороннее мнѣніе это фельетонистъ обставилъ рядомъ нахватанныхъ оттуда и отсюда доказательствъ, изъ которыхъ вышло примѣрно слѣдующее: русскій человѣкъ до такой степени лично уничтоженъ, что совершенно отвыкъ видѣть въ себѣ человѣка, т.-е. разумное существо, созданное, какъ утверждаютъ, по образу и по подобію Божію, имѣющее право жить, дышать, думать и поступать; онъ утверждалъ, что замордованный русскій человѣкъ цѣнитъ въ глубинѣ души только жестокость, несчастье, палку; полагаетъ кровью и плотью своею, что нѣчто постороннее, жестокое, трудное и, главное, мало или даже почти непонятное есть его единственные и самые подлинные и жизненные руководители, его судьба, предопредѣленіе; что замордованный такимъ образомъ русскій человѣкъ, поставленный новыми порядками русской жизни въ необходимость обдумать собственное свое положеніе, долженъ былъ потеряться, такъ какъ моменты, когда надо самому за все отвѣчать, въ настоящіе дни возможны, по крайней мѣрѣ, относительно мелочей личной жизни; мысль эту, то-есть потерю русскимъ человѣкомъ почвы подъ ногами, потерю имъ сознанія законности и цѣли своего существованія, охватывающую его въ минуты, когда надъ нимъ не гремятъ громы небесные, когда его «не пужаютъ» справа и слѣва,—фельетонистъ обставилъ примѣрами, взятыми и изъ личныхъ наблюденій и изъ фактовъ общественной жизни, знакомыхъ всѣмъ слушателямъ по газетамъ. Сгруппированные имъ факты производили впечатлѣніе не столько, правда, глубиною и тонкостью наблюденій, сколько поспѣшностью, съ которой г. фельетонистъ выбросилъ ихъ, одинъ за другимъ, предъ заинтересованной публикой. Онъ указалъ, между прочимъ, на ту странную черту, вообще господствующую во всемъ русскомъ обществѣ, вслѣдствіе которой оно, это общество, не замѣчаетъ и совершенно не видитъ, не слышитъ такихъ явленій, которыя стоятъ у него подъ носомъ сотни лѣтъ, и вдругъ начинаетъ видѣть и слышать все это, какъ только разрѣшатъ. «Почему это, — спрашивалъ онъ:—разные комитеты обнаружили такую страстную жажду дѣлать добро болгарскимъ и черногорскимъ бѣднымъ отцамъ и нищимъ дѣтямъ, когда у нихъ на глазахъ явленій, могущихъ трогать тѣ самыя струны сердца, которыя пробуждаются бѣдствіями Болгаріи, великое множество, и

притомъ сотни лѣтъ и каждый день? Однихъ подкидышей въ томъ самомъ городѣ, гдѣ живутъ они, сколько мерзнетъ на церковныхъ папертяхъ, въ подворотняхъ богатыхъ купцовъ, сколько мретъ дѣтей по деревнямъ, по крестьянскимъ избамъ! А какое обиліе нищихъ шатается по городу! Каждую субботу непремѣнно какой-нибудь благодѣтель раздаетъ по копейкѣ на каждаго нищаго, и каждую субботу можно видѣть тутъ подъ бокомъ, каково обиліе этого народа, какъ онъ жаждетъ копейки, какъ онъ терпѣливъ, ожидая ее, и какъ онъ золъ, когда ее перехватятъ другіе... Кто не видалъ, какъ *съ кровь* дерутся изъ-за этой копейки? А это безпрерывное нытье за окномъ: «па-а-адайте... Христа... ради... слѣпенькому... погорѣлому... убогому... нищему...» Вѣдь этотъ тихій стонъ слышитъ каждый изъ насъ всю свою жизнь; вѣдь объ этихъ подкидышахъ, объ этихъ слѣпенькихъ и погорѣлыхъ всякій изъ насъ знаетъ испоконъ вѣка—и что же? — все это ни капли не трогаетъ, точно такъ это и должно быть».—«Я самъ,—прибавилъ фельетонистъ:—очень хорошо помню, какъ однажды въ провинціи я самъ закричалъ даже на какого-то солдата, который охалъ у меня подъ окномъ въ то время, когда я сидѣлъ за работой, компилируя французскую книгу о ліонскихъ работницахъ: я семерыхъ послалъ въ кухню,—и этотъ восьмой вывелъ меня изъ терпѣнія... Отчего вотъ на такія, подъ самымъ носомъ совершающіяся бѣдствія я молчаливъ и терпѣливъ? Отчего даже и на черногорцевъ и герцеговинцевъ я сталъ жертвовать только тогда, когда пришелъ квартальный и сказалъ: «можно!» Да потому, мнѣ кажется, что я именно себя-то и потерялъ... Только чужое, мнѣ постороннее и дѣйствуетъ на меня — будь это приказъ квартальнаго, газетная горячая статья или книжка о ліонскихъ рабочихъ... Безъ этихъ постороннихъ приводовъ мое существованіе неподвижно, тупо и равнодушно. Собственное «я» безъ палки, безъ указки и тумака («Ну, это—ужъ очень!»—замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ) такъ отношусь къ явленіямъ жизни: вотъ герцеговинцевъ рѣжутъ, вотъ нищіе ходятъ, вотъ дѣти умираютъ на папертяхъ и подворотняхъ. Я-то тутъ при чемъ? У меня даже мысли нѣтъ, что бы такое слѣдовало изъ всего этого... Но я дѣлаюсь совершенно другимъ, когда на меня заорутъ: «Ты что-жъ это на герцеговинцевъ-то не жертвуешь? Ты что-жъ это не спасешь погибающихъ дѣтей?.. Ты что-жъ это (такъ и такъ) нищихъ-то развелъ? О ліонскихъ мастерскихъ пишешь, а

тутъ подъ бокомъ люди расшибаютъ себѣ лица въ кровь изъ-за копейки серебромъ, изъ-за бутылки, выкинутой въ помойную яму?.. Эй!..» Тутъ я вдругъ очнусь, и все доброе откроется у меня во всю ширь! «Можно!»—завопію я всѣми суставами и ринусь... Но и тутъ еще надо указать мнѣ, куда ринуться и какъ... Надо съ точностью научить, что пожертвованія принимаются тамъ-то и тѣмъ-то, все надо перечислить по пальцамъ, а то я постоянно буду затрудняться разными совершенно безсодержательными вопросами: напримѣръ, можно ли чулки пожертвовать болгарскимъ дѣтямъ, или нельзя?—хотя я очень хорошо знаю, что дѣти эти безъ чулокъ, что чулки имъ нужны, и что наконецъ, кромѣ этихъ чулокъ, мнѣ пожертвовать нечего. Даже самое понятіе-то слова «пожертвованіе», отлично мною понимаемое, я считаю настоящимъ подлиннымъ пониманіемъ не у себя, а у тѣхъ, кто мнѣ разрѣшаетъ...»

Протестъ большинства присутствовавшихъ за клубнымъ столомъ лицъ, усомнившихся-было въ дѣйствительности существованія въ русскомъ человѣкѣ странной любви къ палкѣ, былъ заглушенъ все болѣе и болѣе разгорячавшимся фельетонистомъ помощью усиленной торопливости, съ которою онъ перешелъ къ новому ряду доказательствъ, не давъ хорошенько разобрать и обдумать только-что сказанное. Коснувшись сербской войны и объяснивъ эту русско-сербскую толкучку именно тѣмъ, что тутъ соотечественники пытались попробовать сдѣлать дѣло сами, безъ указки и безъ палки, и не давъ, по обыкновенію, никому возразить, онъ тотчасъ перешелъ къ ежедневнымъ явленіямъ современной жизни и сталъ выхватывать одни примѣры за другими. По его словамъ, неумѣнье жить безъ непріятностей видно повсюду. Онъ зналъ супруговъ, которые не могли ужиться при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ и отлично жили при неблагопріятныхъ. Вотъ образцовая пара: оба добрые, умные люди, оба сошлись не изъ расчета, а по любви, и согласны по мысли... И что-жъ, скука, тоска, холодъ... Ни одно дѣло не удается, ничего въ прокъ нейдетъ. Разошлись наконецъ. И глядишь: сошелся супругъ просто съ нѣмкой Каролиной Карловной, у которой только однѣ потребности: имѣть на рукѣ мѣшокъ съ деньгами и елико возможно больше извлекать этихъ денегъ изъ всего міросданія, — и все пошло, какъ по маслу. Каролина Карловна каменной тучей своего грубѣйшаго непониманія виситъ надъ человѣкомъ, надъ его развитіемъ и умомъ; человѣкъ этотъ ропщетъ, но ожилъ,

бѣгаетъ по вселенной, «достаетъ» и—ужъ повѣрьте!—никогда не уйдетъ отъ этой каменной тучи. «Самъ» своею охотою не уйдетъ. Потому что безсмысленныя, нестерпимыя условія, въ которыя попалъ человѣкъ, благодаря этой женщинѣ съ каменными мозгами и сердцемъ, онъ считаетъ подлинными, заправскими, а доброту, умъ и простоту прежней привязанности считаетъ только сномъ дѣтскимъ, изъ котораго ничего не выйдетъ, и съ которыми страшно и холодно жить на свѣтѣ. Не запряженный, пущенный на волю русскій человѣкъ пропалъ, погибъ въ большинствѣ случаевъ, и единственное спасеніе ему — крѣпкія оглобли, тяжелый возъ... Такъ привыкъ, такъ заѣзженъ. Продолжая не слушать возраженія собесѣдниковъ, тщетно спрашивавшихъ: «при чемъ же тутъ самоубійство?» — авторъ теоріи любви къ палкѣ выдвинулъ еще новое наблюденіе: именно, онъ сказалъ, что даже такъ-называемыя новыя идеи и дѣла для многихъ-многихъ россіянъ важны и значительны только какъ бремя, какъ упряжка, какъ постоянная борьба съ самимъ собой, постоянное мученіе, испытываемое въ этой борьбѣ, происходящей отъ полнаго разногласія всего существа субъекта съ требованіями новыхъ идей. Иной и рвется къ нимъ, потому что исповѣдываніе ихъ почти для него невозможно... Въ подтвержденіе этого положенія онъ разсказалъ про одну дѣвушку, долго и безуспѣшно отбивавшуюся отъ своего истиннаго призванія—быть хорошей хозяйкой и матерью многочисленнаго семейства, забывавшей въ одинъ день все, что выдолблено ею въ годъ въ родѣ экзамена на сельскую учительницу, и никогда не выучившейся понимать и различать общественныя дѣла отъ необщественныхъ. Нужно было видѣть, что это была за мученица! Она едва не умерла, какъ вдругъ вышла замужъ, родила ребенка и расцвѣла, т.-е. все забыла и стала тѣмъ, чѣмъ должна была быть, влача иное, свойственное ея натурѣ, бремя хозяйства и домоводства. Разсказалъ онъ еще и про одного мужчину, своего товарища по гимназіи, который отдался новымъ идеямъ, тоже какъ будто съ испугу и тоже потому, что въ натурѣ и существѣ его именно и не было ничего нужнаго для того, чтобъ идеи эти были живыми въ живыхъ людяхъ. Испугавшись разъ, въ первые дни пріѣзда въ кругъ молодежи одного провинціальнаго университета, онъ ужъ сталъ потомъ все дѣлать съ испугу и поступалъ во всемъ противъ собственныхъ желаній. Женился потому, что жена рѣшительно ему не нравилась, и потому, что именно это обстоя-

тельство (жена была изъ новыхъ) дѣлало его причастнымъ къ тѣмъ кружкамъ, идеи которыхъ были для него почти невозможны... Словомъ, человѣкъ этотъ, разъ узнавъ, что въ немъ нѣтъ матеріала для исповѣдыванія новыхъ идей, испугался самого себя и сталъ поступать противъ себя во всемъ.

Собесѣдникамъ показалось все это до такой степени трудно постижимымъ и неудобоваримымъ, что нѣсколько голосовъ нашли нужнымъ прервать разсказчика вопросомъ: «Да при чемъ наконецъ тутъ самоубійство? Зачѣмъ вы приводите такихъ уродовъ, идіотовъ и глупцовъ?» Фельетонистъ, очевидно, хватившій въ послѣдовательности своихъ наблюденій чрезъ край, категорически объявилъ однако, что этихъ глупцовъ, этихъ людей, желающихъ ярма, такъ много на русской землѣ, что изученіе странной любви къ ярму можно считать достойнымъ вниманія образованнаго россійскаго общества, и что къ самоубійствамъ все вышесказанное также имѣетъ отношеніе довольно близкое, именно: самоубійствомъ непремѣнно долженъ кончить всякій изъ такихъ умѣющихъ жить въ ярмѣ, какъ только жизнь поставитъ его въ необходимость почерпать силу жизни въ собственномъ желаніи и мысли. Такой человѣкъ въ такія минуты съ ужасомъ видитъ, что въ немъ нѣтъ источника жизни и почерпать не изъ чего. Умираютъ такіе люди собственно «отъ испуга»... самихъ себя.

Этими словами, показавшимися всѣмъ похожими на правду, наблюдатель окончилъ изложеніе своихъ наблюденій, залпомъ выпилъ стаканъ вина и обѣщалъ все это разработать въ своемъ фельетонѣ, прибавивъ:

— Вотъ тогда увидите...

— Нѣтъ,—перебилъ его медицинскій студентъ:—я вотъ не понимаю... Я не понимаю, какъ можно умереть съ голоду... Мнѣ понятно, что въ минуту отчаянія, испуга, какъ вы говорите, можно пустить пулю, принять яду, но морить себя десять-пятнадцать дней голодомъ, умереть онъ самовольнаго истощенія— этого я не понимаю... Какой тутъ испугъ? Вообще я не понимаю тутъ ни капли...

— Болѣзненное состояніе...—произнесъ было банковскій чиновникъ.

— Я объ этомъ не говорю, — я спрашиваю только: какимъ путемъ доходятъ до этого состоянія?..

— Тоже отъ испуга...—нерѣшительно произнесла сестра студента, сельская учительница.

Это была одна изъ тѣхъ много думающихъ, но робкихъ дѣвушекъ, которыя въ рѣдкихъ случаяхъ, и то вспыхнувъ отъ сознанія неловкости, рѣшаются произнести свое словечко.

Обыкновенная форма разговора этихъ натуръ такая: «Мнѣ кажется... я думаю...». Начнетъ она — и тотчасъ замолчитъ.—«Говорите же, что̀ вы думаете?.. Говорите, пожалуйста».—«Нѣтъ я такъ... Я ничего не понимаю...»—«Что̀ за вздоръ! какъ ничего не понимаете?.. Говорите, ради Бога».—«Я думаю... Нѣтъ, я—дура...»

И только послѣ многихъ ободрительныхъ словъ, большею частью въ ту минуту, когда ужъ и не ждутъ никакихъ отъ нея объясненій, вдругъ выскажется торопливо, кратко и вѣрно.

Такъ было и на этотъ разъ. Всѣ присутствовавшіе знали, что словечко, сказанное этой дѣвушкой, не будетъ пустымъ, и разомъ налегли на нее съ требованіемъ сказать, что̀ именно она думаетъ, когда на замѣчаніе брата о томъ, что ему непостижимо, кого и чего можно такъ испугаться, чтобы морить себя голодомъ, мучить самимъ жестокимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы пустить пулю въ лобъ, она отвѣтила обычнымъ порядкомъ, то-есть начала словами: «мнѣ кажется» и кончила тотчасъ выраженіемъ: «Нѣтъ, я такъ... Я не понимаю...». Послѣ усиленныхъ и всеобщихъ настояній изъ этого молчаливаго существа было извлечено мнѣніе, что съ голоду умираютъ, испугавшись *«всѣхъ» и «всего...»* то-есть и себя и всего бѣлаго свѣта; кромѣ этого, она сказала, что знала одного человѣка, который именно *такъ* и умеръ, и, повидимому, неизвѣстно зачѣмъ прибавила: «Онъ былъ крестьянинъ...»

— Ну, — перебилъ ее братъ: — положимъ, это-то... ужъ ничего не значитъ...

— Нѣтъ, значитъ... Я знаю, что̀ такое — деревня и крестьянская жизнь... Ни для кого такъ не страшна дѣйствительность, какъ для крестьянина... Въ его жизни нѣтъ прикрасъ и снисходительности ни въ чемъ... Все—отъ неба, которое хлынетъ градомъ, отъ земли, которая не уродитъ, до отца и брата, которые не пощадятъ его, если не будутъ сами пощажены,—все можетъ раздавить его въ мгновеніе...

— Ну, разсказывай лучше,—перебилъ братъ:—кто такой этотъ твой знакомый... Разсказывай все обстоятельно...

Запинаясь и конфузясь поминутно, дѣвушка разсказала

одну очень простую исторію, которую я и записалъ такъ, «какъ понялъ», не ручаясь за точность и подлинность выраженій.

На Окѣ, въ одной деревенькѣ, гдѣ останавливаются пароходы, на краю селенія, много лѣтъ тому назадъ жила солдатка съ маленькимъ сыномъ. Жили они у самаго берега, въ нищенской лачужкѣ и въ страшной бѣдности, ни кола, ни двора, ни куринаго пера... Чѣмъ жила эта женщина? Некрасивая, худая и оборванная, ходила она на поденщину,—на поденщину деревенскую, гдѣ гривенникъ за цѣлый день—деньги громодныя... Когда же приходили барки и заночевывали въ деревенькѣ, въ хибаркѣ солдатки слышались гармонія и пѣсни; пѣли и веселились такіе же, какъ она, нищіе люди, бурлаки... Такіе грѣхи солдатки, весьма понятные въ ея положеніи и случавшіеся только ради ея крайней бѣдности,—грѣхи, дававшіе ей возможность только-только не умереть съ голоду,—однако ставились ей строгимъ деревенскимъ крестьянствомъ въ вину и даже вредили ей въ поденной работѣ...

Долгіе годы билась она такъ, какъ рыба объ ледъ, работая и голодая, гуляя съ бурлаками и тоже голодая, и никогда не имѣла ни средствъ ни времени ходить за своимъ ребенкомъ. Росъ онъ безъ всякаго призора, голодный, буквально раздѣтый, вѣчно выброшенный на улицу; на улицѣ ёрзалъ онъ, когда у матери пили и гуляли гости; на улицѣ торчалъ, когда она гдѣ-нибудь мыла полы, или стирала, или работала какую-нибудь другую поденную работу. И тутъ и тамъ онъ мѣшалъ, корявый, неуклюжій и совершенно дикій. Онъ мѣшалъ даже и въ дѣтской компаніи—его гнали прочь, потому что онъ всему завидовалъ и тянулъ къ себѣ, а когда не давали, то ревѣлъ. Ни о чемъ никакихъ понятій онъ не имѣлъ: не было ни одного человѣка, который бы сказалъ ему слово. Всѣмъ было видно, что ни матери его ни ему жить нечѣмъ. И вотъ жестокая русская дѣйствительность: ни въ чьемъ вниманіи, ни въ чьей заботѣ ни онъ ни мать не занимали ни капельки мѣста.

Никому не было жалко ихъ, точно это — не люди, а гнилое, захудалое дерево, которому нечѣмъ жить и которое засохнетъ непремѣнно. Эта жестокость имѣетъ свои основанія хотя ужъ въ томъ, что всякій изъ крестьянъ живетъ въ такихъ же условіяхъ и твердо знаетъ какъ про себя, такъ и про другихъ, что «если у него *ничего* нѣтъ, то

никто ничего ему и не дастъ», никто ничѣмъ не поможетъ... Но объ этомъ распространяться нечего долго... Словомъ, полное одиночество, одиночество необитаемаго острова... Хуже! Что̀ необитаемый островъ! Необходимость пищи заставляетъ такъ думать, искать, наблюдать... Тутъ же и мысль не смѣла дѣйствовать, потому что обитавшіе мѣсто люди взглядами, отношеніемъ говорили, что твое, мое положеніе самое беззащитное; ничего у тебя нѣтъ, ничего не будетъ — и дѣло твое пропащее въ конецъ. Слабая, едва-едва теплившаяся надежда, что вотъ, молъ, воротится изъ полка отецъ—одна только, и то какъ неосуществимый сонъ, мелькала иногда у матери дикаго ребенка и передавалась ему такъ же въ слабой, чуть-чуть слабой степени. Онъ, какъ и всѣ его односельцы, уже ребенкомъ маленькимъ, начинающимъ ходить ребенкомъ зналъ, что ему надежды нѣтъ ни на что, что ему никто ничего не дастъ, и что самъ онъ — ничто... Голая земля подъ нимъ и голый онъ самъ на этой землѣ: вотъ его положеніе, средства, надежды—все.

Какъ-то на лѣто пріѣхали въ деревню господа, очень долго жившіе за границей и въ столицѣ. Тогда только-что началось вполнѣ выясненное теперь и очень смутное въ ту пору стремленіе слитія и пр. и пр... Поденщица попала къ господамъ на работу и, какъ людямъ чужимъ, посторонним, за два за три дня работы разсказала свое горемычное житье, все въ подробности... Изумились, растрогались, сжалились, набавили цѣлый рубль, дали мальчишкѣ старые сапоги своего сына, накормили... Тонко наблюдателенъ голодный народъ! И мать дикаря-мальчишки увидѣла, что надо пользоваться добротой господъ: «подай барчуку лопаточку»... «повези колясочку»... «прогони собаку, видишь—баринъ, пужается»...—стала она поминутно твердить своему неуклюжему волчонку.

— Да ты присылай его къ намъ играть съ Мишей!— былъ результатъ этихъ стараній голодной матери.

Съ этого дня Ѳедоръ (такъ звали волчонка) сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ барскаго дома, ничего не понимая, зная только, что ему лучше. Молча возилъ Ѳедюшка колясочки, таскалъ песокъ для пирожковъ, отгонялъ собакъ и терпѣливо ждалъ новыхъ и новыхъ приказаній, зная, что его дѣло — ихъ исполнять; его кормили здѣсь, и онъ тотчасъ убѣгалъ домой, когда ему ласково говорили: «ну, ступай, ужъ поздно — тебя, должно-быть, мать ждетъ»... Ѳедюшка хорошо зналъ, что это ласковое вниманіе къ ма-

тери означало—«ты больше не нуженъ, Миша будетъ спать». Но ни капли этимъ не обижался, потому что и мысли не могъ допустить, чтобы онъ былъ что-нибудь значащее. Онъ былъ брошенный на улицу опорокъ, свалившееся съ возу полѣно, словомъ — никому ни на что ненужное созданіе. Спасибо, что хоть кормятъ. Онъ служилъ за кормъ, за воду и ничего не понималъ даже въ окружавшей его обстановкѣ барскаго дома; это все было чужое...

Скорѣй на несчастье, чѣмъ на счастье Ѳедюшки, это сознаніе себя чужимъ не только въ барскомъ домѣ, но вообще на всемъ бѣломъ свѣтѣ, было мало-по-малу по капелькѣ разрушено матерью ребенка, которому Ѳедюшка услуживалъ въ благодарность за ѣду. Барыня эта была одна изъ тѣхъ странныхъ матерей, которыя никакъ не могутъ пользоваться тѣмъ, что дано ихъ дѣтямъ природою, тѣмъ, что въ нихъ есть и что можетъ быть. Еще до рожденія составила она насчетъ своего будущаго сына (иныя прямо опредѣляютъ, что у нихъ родится сынъ, непремѣнно сынъ, или непремѣнно дочь, и бываютъ ужасно недовольны всю жизнь, если выйдетъ иначе) самые опредѣленные планы: опредѣлила цвѣтъ волосъ, цвѣтъ глазъ, походку, выговоръ, складъ губъ и длину носа; она крайне была обижена, когда, по рожденіи ребенка, примѣты и качества его оказались вовсе не такія, о какихъ она фантазировала: ни волоса, ни носъ, ни ротъ не соотвѣтствовали предначертаніямъ предусмотрительной матери: все было другое, другихъ размѣровъ, цвѣта и выраженія... Не такой былъ голосъ, не такою оказалась походка, когда онъ сталъ ходить, словомъ — все не то. Это до того огорчило мать съ перваго дня рожденія ребенка, что она, несмотря на то, что ребенокъ принадлежалъ именно ей, никогда не могла уничтожить (да и мало объ этомъ старалась) въ себѣ какой-то холодной къ нему отчужденности. Разъ сказавъ себѣ, что «это не то, это—не тотъ ребенокъ», она не могла отдѣлаться отъ этого страннаго мнѣнія и ровно ничего не понимала (а впослѣдствіи привыкла не понимать) въ томъ, что дано было ея ребенку, и въ томъ, что онъ по своей натурѣ совершитъ... Всѣ дни этого мальчика были испещрены недоумѣвающими вопросами матери: «Что онъ дѣлаетъ? Что это за фантазія? Откуда это? Я не понимаю — зачѣмъ? Что ты хочешь?» И въ концѣ концовъ: «Ужасъ, что за ребенокъ! Я просто не знаю, въ кого... на что... что такое?..» Что бы онъ ни сдѣлалъ, что бы ни сказалъ, куда

бы ни пошелъ,—все выходило не такъ, не то, не туда, все было не такъ, какъ предположила мать и какъ поступилъ бы ея предначертанный сынъ... Обыкновенно такія матери въ конецъ задергиваютъ своихъ дѣтей и дѣлаютъ ихъ своими заклятыми врагами. И въ маленькомъ Мишѣ вмѣстѣ съ забитостью уже развивались сѣмена злости и мести.

Какъ ни страннымъ это покажется, однако случилось, что Ѳедюшка, дикій, ничего не понимающій, голодный желудокъ, голодный и неуклюжій, и неразвитой, выступилъ неожиданно въ новой роли—не простого служащаго господскому барчуку, не простого поденщика, таскающаго, по барчукову приказу, лопаточки и телѣжки,—нѣтъ, онъ внезапно выступилъ, какъ *примѣръ* этому барчуку... Чего только ни выдумаетъ иная сообразительная мать!

Ѳедюшка—*примѣръ* господскому ребенку! Это такъ же правдоподобно, какъ если бы сѣдло было примѣромъ для коровы или если бы господскій ребенокъ былъ примѣромъ для всѣхъ Ѳедюшекъ на свѣтѣ. А между тѣмъ вышло же, что Ѳедюшка сталъ примѣромъ, образцомъ ума, изящества, словомъ—образцомъ невозможныхъ добродѣтелей. Конечно, добродѣтели эти приписывались ему, какъ деревянному болвану, какъ куклѣ, которой, какъ говорятъ, бываетъ больно, когда ее бьютъ, которая будто пришла въ гости и т. д. Ѳедюшка такъ это понималъ и долгое время смотрѣлъ на себя не иначе, какъ на деревяжку, когда его ставили примѣромъ какого-нибудь хорошаго качества. «Посмотри, какъ Ѳедюшка... Видишь, какой умный Ѳедюшка... Какъ тебѣ не стыдно! вонъ Ѳедюшка даже смѣется. Правда, Ѳедюшка, какъ это нехорошо? Да? Ну вотъ видишь: Ѳедюшка говоритъ». Безчисленное количество такихъ указаній на Ѳедюшку, на Ѳедюшкинъ умъ, понятливость и прочія хорошія качества послѣдній, въ качествѣ деревянной куклы, переносилъ съ величайшимъ терпѣніемъ, памятуя, что все это его не касается, и что слава Богу, что кормятъ.

Но черезъ годъ-другой (господа стали жить въ деревнѣ даже по зимамъ) такія увѣренія въ какихъ-то превосходныхъ качествахъ Ѳедюшкиной особы, по капелькѣ, на мгновеніе начали протачивать его съ дѣтства обезличенное сердце. Однажды во время такихъ похвалъ бѣлое, безцвѣтное лицо его вспыхнуло, и онъ, не позволявшій себѣ сказать никогда ни одного своего слова, произнесъ ко всеобщему удивленію какъ-то необыкновенно радостно и тор-

жественно: «*ко мнѣ батька вотъ придетъ ишо!*» Даже на лбу при этихъ словахъ у него загорѣлось красное пятно, точно звѣзда. Никто не могъ сообразить, какая связь между мнимыми похвалами мнимымъ качествамъ деревянной куклы и необычайнымъ восторгомъ этой послѣдней, въ виду того, что у нея есть какой-то батька, который *ишо вотъ придетъ*. А связь была несомнѣнная. Ѳедюшка, постоянно ободряемый,—впрочемъ, не раньше, какъ черезъ два года этихъ непрерывныхъ одобреній,—сталъ позволять себѣ вѣрить, хоть на мгновеніе, на одинъ мигъ, что онъ—не совсѣмъ пропавшая тварь, что онъ на самомъ дѣлѣ такой же человѣкъ, а, можетъ, еще и лучше, чѣмъ другіе Ѳедюшки... Вѣдь говорятъ же ему объ этомъ каждую минуту?.. И вотъ, чтобы самому себѣ доказать, что онъ—не пропащій, онъ припомнилъ, какъ уже извѣстно, единственный серьезный резонъ, имѣвшійся у нихъ съ матерью, связывавшій ихъ, хотя очень отвлеченно, съ обществомъ живыхъ людей и дававшій хотя какое-нибудь объясненіе ихъ горемычнѣйшему, безнадежнѣйшему существованію... И вотъ почему онъ неожиданно буркнулъ о своемъ отцѣ. Онъ хотѣлъ сказать, что недаромъ его хвалятъ: онъ вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, настоящій, не кукольный Ѳедюшка, къ нему даже еще отецъ вотъ придетъ, тоже настоящій... И звѣзда у него во лбу загорѣлась оттого, что онъ на мгновеніе позволилъ себѣ узнать, что онъ—не кукольный Ѳедюшка...

Повторяю, только мгновеніями въ сознаніи мальчика мелькало что-то похожее на увѣренность, что онъ — не ничтожество, не бросовый ошметокъ... Да и трудно было укрѣпиться этой увѣренности. Каждый день, исполнивъ амплуа «примѣра», Ѳедюшка возвращался вечеромъ въ лачугу матери, въ атмосферу все той же безысходной бѣдности, которая выняньчила его и вскормила. Каждый Божій день ему представлялась необходимость убѣждаться, что настоящее-то его существованіе—именно въ этой лачугѣ, въ этой бѣдности, одиночествѣ, а вовсе не тамъ, гдѣ, хоть для примѣра, смотрятъ на него, какъ на живое существо. Сознаніе, что онъ, Ѳедюшка — ничто, было такъ глубоко вкоренено въ немъ, такъ глубока была его увѣренность въ томъ, что онъ только для примѣра имѣетъ право быть въ другомъ мірѣ, дышать другимъ образомъ, что даже нѣкоторое развитіе, нѣкоторое пониманіе, пріобрѣтенное имъ въ господскомъ домѣ, онъ считалъ также принадлежащимъ не ему, а кому-то другимъ, чужимъ. Онъ, напримѣръ, давно

уже выучилъ, стоя за спиной господскаго барчука, не только азбуку, которой того учили, но склады, зналъ, какъ надо читать, но не могъ бы прочесть ни строки, ни слова, такъ какъ все въ немъ твердило ему: это—не твое дѣло, это—дѣло чужихъ людей, не такихъ, какъ ты. Не знаю, какъ выразить и выяснить лучше это состояніе: не яснѣе ли будетъ оно, если я скажу, что Ѳедюшка смотрѣлъ на незамѣтно пріобрѣтаемое имъ развитіе, какъ на чужую собственность, и не умѣлъ обращаться съ этой собственностью, употребленіе которой могли знать только другіе...

Но въ рѣдкія минуты, когда у него на низкомъ маленькомъ лбу, закрытомъ рѣдкими, бѣлыми, шершавыми волосами, загоралась звѣзда радости, онъ вдругъ, изумляя всѣхъ и самъ изумляясь едва ли не болѣе другихъ, вдругъ обнаруживалъ и узнавалъ, что онъ ужъ давно знаетъ читать и что умѣетъ прочесть слово въ какой угодно книгѣ...—«Да онъ отлично знаетъ читать!»—уже не какъ о куклѣ, а съ явнымъ удивленіемъ произнесли однажды родители Миши, когда Ѳедюшка, самъ не помня и не понимая, что съ нимъ дѣлается, задыхаясь отъ радости, вдругъ безъ ошибки промахалъ цѣлую страницу и мгновенно доказалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ способнѣй и умнѣй господскаго Миши, что онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ на этотъ разъ служить ему неподдѣльнымъ примѣромъ. Но если бы Ѳедюшку заставили читать самого, то-есть дѣлать свое, а не чужое дѣло (умѣть читать—чужое дѣло), онъ бы спутался, все перезабылъ, потому что самому ему суждена иная участь и на роду ему написано пресмыкаться въ ничтожествѣ... И сознаніе этого постоянно бы мѣшало ему быть такъ же свободнымъ въ своемъ дѣлѣ, какъ совершенно свободенъ онъ въ чужомъ.

Однако развитіе Ѳедюшки, несмотря на его забитость, несмотря на то, что свою горемычную участь онъ съ каждымъ днемъ могъ различать яснѣе и яснѣе, шло да шло понемногу, и звѣзда во лбу, вопреки всяческимъ резонамъ, представляемымъ суровою дѣйствительностью, загоралась все чаще и чаще... Разгоралась она, несмотря даже на то, что, кромѣ горемычнаго существованія, съ нѣкотораго времени на его пути стала новая бѣда: понемножку, съ крайней деликатностью и гуманностью, ласковое обращеніе господъ съ Ѳедюшкой начало измѣняться въ худую сторону... Нѣтъ ничего хуже, жестче и неумолимѣй родительскаго сердца, разъ оно тронуто за живое... А Ѳедюшка не разъ трогалъ его... Ужъ одно то, что онъ

выучился читать, будучи куклой, раньше, чѣмъ настоящій Миша выучилъ азбуку, — ужъ это одно какъ обидѣло барыню и барина, несмотря на то, что для барыни сынъ ея былъ не настоящій, не тотъ, котораго она желала. Едва только Ѳедюшка оказался въ самомъ дѣлѣ Ѳедюшкой, а не куклой для примѣра, тотчасъ проснулось родительское сердце и тотчасъ ожесточилось: сначала на судьбу, которая дала вовсе не того ребенка, какого слѣдовало (тотъ бы заткнулъ за поясъ всѣхъ этихъ Ѳедюшекъ), потомъ на ненастоящаго ребенка, который ставитъ мать постоянно въ непріятное положеніе, и наконецъ на Ѳедюшку, который Богъ знаетъ зачѣмъ тутъ толкается и только еще болѣе дѣлаетъ непріятностей и такъ ужъ огорченной матери... Потомъ ужъ по особенной логикѣ вышло такъ: Ѳедюшка только мѣшалъ, и только отъ Ѳедюшки Миша и не успѣлъ въ ученьи...

И отецъ Миши и мать одинаково сознавали въ тѣ минуты, разумѣется, когда Ѳедюшка изумлялъ ихъ появленіемъ во лбу звѣзды, что онъ тутъ—лишній, что онъ мѣшаетъ... Но такъ какъ они были люди совѣстливые и гуманные, то и не прогнали его, а продолжали пускать въ хоромы, только деликатно давая замѣтить, что онъ, Ѳедюшка, не Богъ знаетъ что̀ такое... «Не сбивай, пожалуйста... Ты, Ѳедя, постоянно мѣшаешь... Ты видишь, Миша учится, а ты стучишь... Иди на улицу стучать»... и т. д. Понемножку, по капелькѣ, Ѳедюшкѣ стали доказывать совсѣмъ другое: т.-е. что онъ — вовсе не примѣръ, и что онъ—мужикъ и неучъ, и что настоящее мѣсто его вовсе не тутъ... Все это, разумѣется, въ высшей степени деликатно...

Но что̀ подѣлаешь съ разъ начавшей разгораться во лбу звѣздой! Правда, и лобъ-то этотъ былъ маленькій, низенькій, весь заросшій по краямъ и сверху бѣлыми, шершавыми, какъ солома, волосами, и звѣзда-то въ немъ разгоралась рѣдко, свѣтила робко-робко... А все-таки, разъ начавъ свѣтить, стала свѣтить несмотря ни на что: ни на то, что горѣла она въ лачугѣ, разрушавшейся все болѣе и болѣе, что передъ ней была непроглядная тьма будущаго, и что ее застилали, кромѣ того, холодныя тучи въ видѣ холоднаго господскаго равнодушія...

И случилось съ замореннымъ, обреченнымъ на явную гибель существомъ нѣчто весьма странное, хотя случающееся на Руси именно въ настоящее время съ великимъ

множествомъ простого народа... То-есть онъ прямо отъ складовъ принялся за чтеніе книгъ, отвѣчающихъ самымъ настоятельнымъ и насущнымъ требованіямъ мысли... У господъ не было ничего, кромѣ книгъ, которыми интересовалась тогда вся грамотная Россія. На просьбы Ѳедюшки дать ему «книжечки почитать» баринъ и барыня обыкновенно говорили: «Какія-жъ тебѣ книжки? право, ничего нѣтъ такого!..» И давали ему первую попавшуюся подъ руку книгу, будь это — иностранный романъ, политическая экономія или послѣдняя книжка журнала. — «На вотъ, — прибавляли они: — вѣдь не поймешь ничего...» — «Мнѣ такъ!» — говорилъ Ѳедя, которому дѣйствительно книжка была нужна просто такъ... такъ какъ звѣзда не меркла во лбу... Но какую бы книгу тогдашняго времени (а господа были «слѣдящіе») они ему ни сунули, достаточно вспомнить самый тонъ времени, чтобы понять, что всякая тогдашняя книжка, независимо отъ формы, въ сущности своей отвѣчала именно Ѳединому положенію, говорила, хотя и робко и нѣжно, о его бѣдовомъ житьѣ-бытьѣ...

И вотъ къ такимъ-то книгамъ Ѳедюшка перешелъ прямо отъ складовъ, минуя Еруслановъ Лазаревичей, псалтырь, житія святыхъ, минуя сонники и письмовники и т. д. и т. д. Въ настоящее время, когда псалтырь и часословъ ужъ не составляютъ главнѣйшихъ основаній грамоты, грамотному простому человѣку приходится прямо переходить къ газетѣ, къ «Вѣдомости», такъ какъ существующая литература, ни лубочная ни такъ-называемая изящная, одинаково не могутъ служить пособіемъ для дальнѣйшаго, послѣ новой школы, развитія, главное, не могутъ попадать новому грамотному въ руки: лубочная литература—по своей глупости, изящная — по дороговизнѣ и, пожалуй, нѣкоторой ненужности: все въ этой литературѣ посвящено чуждымъ интересамъ, иному міру, чѣмъ міръ грамотнаго пахаря. Единственными пособниками являются газета и трактиръ, дающій право даромъ читать эту газету всякому, кто пришелъ выпить пару чаю. Пересмотрите дешевыя газеты, попадающія въ дешевые сельскіе трактиры, да и не однѣ дешевыя, а дорогія и длинныя современныя газеты, припомните ихъ ревностное стремленіе «угодить» непритокимъ вкусамъ почтеннѣйшей публики; припомните ихъ вилянье, ихъ вообще неправдивое, неискреннее, не дѣльное направленіе—и вы не безъ сожалѣнія подумаете, что это—очень и очень плохая школа для начинающаго быть грамотнымъ народа.

Но вернемся къ Ѳедюшкѣ. Что могъ понимать онъ въ тѣхъ книгахъ, которыя въ то время писались и которыя онъ бралъ отъ господъ? Вопросъ этотъ весьма любопытенъ, въ виду того, что книги того времени, дѣйствительно, имѣли вліяніе на тугой, неразвитой, мало способный и забитый умъ Ѳедюшки, тѣмъ еще болѣе любопытенъ, что, развиваясь на этихъ книгахъ, Ѳедюшка ровно-таки ничего въ нихъ не понималъ. Онъ «разбиралъ слова», какъ Петрушка, разбиралъ ихъ цѣлыми десятками, сотнями страницъ, не находя между ними ни смысла ни связи, а развивался и именно въ томъ самомъ направленіи, какимъ книги были проникнуты. Тайна такого непостижимаго умѣнія развиваться книгой, ничего въ ней не понимая, заключается въ томъ, что развитіе тутъ идетъ не помощью ума или пониманія, а исключительно помощью сердца. Сердце автора подаетъ вѣсть сердцу не понимающаго «слова» чтеца. Кто и когда изъ самыхъ завзятыхъ знатоковъ писанія понималъ не только доподлинно, а такъ, хоть изъ пятаго въ десятое, что такое читается въ церкви, какая начетчица понимаетъ, что такое написано въ псалтыри, который она зудитъ по годамъ? Что такое написано въ Апостолѣ? Никто никогда, ни одинъ самый завзятый начетчикъ и грамотей крестьянскаго званія не могъ и не можетъ разсказать (развѣ что вызудивши дѣло до тла), о чемъ-такомъ ему читаютъ, но всякій знаетъ, въ чемъ дѣло, потому что сердцемъ понимаетъ сердце автора, будь то царь Давидъ, апостолъ, самъ Христосъ... Скрытое въ глубинѣ и массѣ словъ чувство, руководившее авторомъ книги, только оно и улавливается слушателями или чтецомъ, и, уловя его, чтецъ или слушатели продолжаютъ только чувствовать въ данномъ сердцу направленіи, думая о себѣ. Попробуйте спросить вотъ этого стараго старика, всхлипывающаго на печкѣ отъ чтенія псалтыри, такого чтенія, въ которомъ никто ничего разобрать не можетъ, потому что тутъ нѣтъ ни остановокъ ни связи, тутъ раздѣляется пополамъ одно слово и произносится такъ, что одинъ конецъ прилипаетъ къ предшествовавшему слову, а другой къ послѣдующему, — спросите этого плачущаго старика: что такое растрогало его въ этихъ, какъ разваленный плетень, натыканныхъ его внукомъ словахъ? — То, что онъ вамъ отвѣтитъ, будетъ непремѣнно годиться въ горбуновскій разсказъ: непремѣнно выйдетъ что-нибудь въ родѣ: «наслѣжу, говоритъ, слѣдовъ (плачетъ), а ты... гов... (плачетъ) говоритъ, по нимъ и ходи»

(рыдаетъ). Словомъ, выйдетъ непремѣнно какой-нибудь смѣшной вздоръ, сразу обнаруживающій, что рыдающій старикъ глупъ, какъ пробка... А между тѣмъ онъ рыдаетъ тѣми слезами, какими рыдалъ и царь... Сердце его такъ же мучится своими прегрѣшеніями, какъ мучилось также своими прегрѣшеніями и сердце пророка... Оба одинаково страдаютъ, каждый о своемъ... Старику передалось только направленіе книги; онъ только почуялъ, что мучился человѣкъ, который писалъ, и простое сердце отвѣчало слезами...

Такимъ порядкомъ читаютъ въ трактирахъ и газеты, не понимая ни этой «фанатизмы», не зная, что Царьградъ, Стамбулъ и Константинополь — одно и то же, не понимая, что̀ такое пишется въ романѣ, переведенномъ съ французскаго, что̀ такое поется въ театрѣ Буффъ и въ «Ливадіи», — словомъ, не понимая почти никакихъ словъ газетъ, еле грамотный чтецъ отлично-хорошо чуетъ общее шерамыжнически-практическое и плутовски-улыбающееся сердце газеты и отвѣчаетъ ему смѣлостью, съ которою шерамыжничество возрастаетъ въ народѣ въ значительной степени. Точно такъ вліяли непонятныя книги и на Ѳедюшку. Разсказать прочитанное и передать своими словами онъ не могъ, выходилъ всякій вздоръ, но сердце книги онъ чуялъ, понималъ, а сердце въ то время было у книги чистое и доброе... Оно было открыто именно только Ѳедюшкину горю.

Въ плохо кормленномъ, плохо развитомъ, малосильномъ, малоспособномъ этомъ человѣкѣ, выросшемъ въ холодной и непривѣтливой обстановкѣ, — человѣкѣ, отчаявшемся въ своемъ правѣ на жизнь, — зашевелилось въ сердцѣ отъ этихъ непонятныхъ страницъ непонятныхъ книгъ что-то похожее на жалость. Жалко какъ-то ему стало дѣлаться все сильнѣй съ каждымъ днемъ... И мать жалко, и себя жалко, и жаль, что господа его бросятъ непремѣнно, и жаль, что на него съ матерью никто и глазомъ не взглянетъ... О Богѣ, о Его волѣ въ дѣлахъ человѣческихъ онъ не зналъ; матери было недосугъ, а господа тоже мало Бога помнили, какъ вообще всѣ господа... Не имѣя поэтому возможности объяснить себѣ своего положенія указаніями Провидѣнія, Ѳедюшка — теперь ужъ Ѳедоръ (ему ужъ было 14 лѣтъ, когда началось его жалостное состояніе) — только убивался. Не понимая, отчего и что̀, онъ жалѣлъ, скучалъ и сокрушался сердцемъ... Нѣжное что-то было пробуждено въ этомъ засыпанномъ снѣгомъ горя сердцѣ, нѣжное, какъ подснѣжный цвѣтокъ...

Эта нѣжность, ласковость обнаружилась по отъѣздѣ господъ на матери. Ужъ какъ онъ старался ей помогать: и чемоданы таскалъ съ пристани, ходилъ по дворамъ, собиралъ старыя бутылки... Благодаря непонятнымъ книгамъ, пробудившимъ жалость и сожалѣніе къ незаслуженнымъ страданіямъ, только эта жалость и оживляла его, только она и росла въ немъ... Придетъ время — перестанутъ на нихъ рычать и сердиться сосѣди, перестанутъ бранить мать, станетъ онъ учиться и въ благодарность за то, что никто не сердится на нихъ, самъ никогда не будетъ сердиться. «Всѣ будутъ ласковы другъ къ другу; за копейку, за бутылку драться не будетъ никто... Стоитъ только всѣмъ быть добрыми...» Такъ у него ныло въ сердцѣ, несмотря на то, что по отъѣздѣ господъ у него даже и книгъ не было. Помогая матери, онъ и ее-то вывелъ изъ безнадежно-голоднаго состоянія, и она стала скучать, и у нея стало мелькать: «за что это?» — и она, какъ Ѳедюшка, чувствовала, что это все неправильно и, должно-быть, когда-нибудь перемѣнится... «Вотъ придетъ отецъ!» Эта мысль послѣ отъѣзда господъ стала единственною мыслью ихъ обоихъ; этотъ приходъ былъ бы, увѣрили себя они, началомъ освобожденія; отецъ поможетъ имъ выйти изъ-подъ гнета всеобщаго презрѣнія, а они, и въ особенности онъ, Ѳедоръ, покажетъ тогда, какъ онъ добръ, какъ онъ всякому радъ. Тогда всѣ узнаютъ, что были къ нему жестоки, несправедливы, и, раскаявшись, сдѣлаются добры и мягки. Будетъ тогда всѣмъ и легко и весело.

«Вотъ только пусть придетъ отецъ!»

Съ годами мысль объ отцѣ, мысль довольно фантастическая, ни на чемъ не основанная, стала дѣлаться и для сына и для матери чѣмъ-то почти реальнымъ. Потребность подняться изъ бездны, заставить людей оглянуться на нихъ, заставить ихъ раскаяться и понять, что «мы съ мамкой» ни въ чемъ не виноваты, дѣлалась все настоятельнѣе и сильнѣе. Только приходъ отца, этого, по всей вѣроятности, сильнаго, справедливаго человѣка, котораго всѣ будутъ уважать сразу, съ перваго дня, — только его приходъ и помощь могли помочь имъ выйти изъ беззащитнаго положенія и добиться отъ людей того, чтобы они раскаялись, смягчились, сдѣлались добрѣй... Бывали дни, когда и мать и сынъ, оба вмѣстѣ, и именно сегодня, ждали прихода избавителя... «Что-то, думается мнѣ, какъ бы батька твой не пришелъ? Что-то ужъ мнѣ стало очень скучно... Право,

поди, не пришелъ бы... Пора-бъ придти-то». Ѳедюшкѣ самому было тоже такъ скучно, что онъ ни капельки не сомнѣвался въ справедливости предположеній матери и твердо былъ увѣренъ, что отецъ придетъ непремѣнно, того и гляди.

Было Ѳедюшкѣ шестнадцать лѣтъ, и вдругъ сбылись предчувствія и надежды. Отецъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ-таки, и пришелъ въ ту самую минуту, когда имъ стало скучно, такъ скучно...

Пришелъ — и не прошло двухъ дней, какъ при всемъ честномъ народѣ, передъ пѣлымъ сходомъ, на площади между волостнымъ правленіемъ и кабакомъ, несчастный, измученный мальчикъ былъ жестоко выпоротъ по желанію своего долго-жданнаго родителя... Два ведра вина, которыя родитель не поскупился поставить міру, сдѣлали свое дѣло: Ѳедюшку выпороли на славу; дюжія руки, укрѣпленныя сивухой, не жалѣли худыхъ Ѳедюшкиныхъ реберъ и засыпали ему въ худые бока безъ счету... «Хорошенько! — вопіяла пьяная орда:—заслуживай, ребята, Силанью Ивановичу!..»

Пусть читатель самъ представитъ себѣ, что должно было произойти въ душѣ Ѳеди отъ такого неожиданнаго оборота дѣла, покуда я скажу нѣсколько словъ въ объясненіе того, какъ могло случиться такое несказанно-жестокое дѣло.

Воротившійся отецъ оказался вымуштрованнымъ, вышколеннымъ, хорошо откормленнымъ бульдогомъ, едва ли ужъ умѣвшимъ понимать какія-нибудь профессіи, кромѣ профессіи вцѣпляться своими крѣпкими зубами въ чье-нибудь горло. Это была одна изъ тѣхъ жесткихъ, тупыхъ тварей, которыя невѣсть за что готовы съѣсть родного отца... Вѣрный и жестокій, какъ пёсъ, онъ былъ золотымъ человѣкомъ тамъ, гдѣ нужно было караулить, ловить, не пускать, вообще *исполнять* какой угодно безчеловѣчный приказъ. Приказъ, и именно трудный, жестокій, какъ нельзя лучше приходился по его жестокой, сухой, бульдожьей натурѣ. Эти собачьи качества, эта собачья выдержка, неумолимость и вѣрность сдѣлали ему хорошую карьеру на службѣ у богатыхъ господъ, которые не нахваливались имъ въ то время, когда «свой братъ», простой человѣкъ, загрызаемый имъ безъ всякой пощады, смотрѣлъ на него, какъ на бѣшеную собаку. Нѣсколько разъ его собирались убить, стрѣляли въ него изъ ружья, когда онъ караулилъ у одного богатаго помѣщика лѣсъ: подъ его хищнымъ взглядомъ нельзя было унести ни одного сучка, сорвать ягоды — все видѣлъ, всѣхъ хваталъ, связывалъ, представлялъ, куда слѣдуетъ, и разо-

рялъ иной разъ до тла цѣлыя семьи крестьянскія изъ-за этого сучка, изъ-за этой ягоды. Самъ онъ былъ безукоризненно честенъ; всякій рубль, нажитый имъ, нажитъ за вѣрную, безпощадную службу — себя онъ на этой службѣ «не жалѣлъ», безстрашно лѣзъ въ огонь и въ воду, если только было ему велѣно. Онъ и домой-то не шелъ такъ долго, потому что считалъ безчестнымъ оставить *такъ*, безъ призору то или другое врученное ему дѣло. Всякую службу онъ дослуживалъ до конца, до послѣдней точки той цѣли, съ которой его брали на службу.

Вотъ такой-то желѣзный и прямой, какъ желѣзная палка, человѣкъ, уставъ служить чужимъ людямъ, пришелъ домой. Не было въ немъ нѣжности никогда, а поведеніе его жены, сдѣлавшееся ему яснымъ съ перваго дня прихода, еще болѣе окаменило его каменное сердце. Она, по его мнѣнію, не должна была безчестить его распутствомъ, какъ онъ не обезчестилъ ее. Она была бѣдна — да вѣдь и онъ нищимъ вышелъ изъ полка; однако онъ прожилъ честно, а она опозорила его на весь свѣтъ. Онъ всю жизнь бился для того, чтобы добыть имъ же, — отчего же не билась она? Живутъ же люди безъ распутства.

Начались съ первой минуты свиданія жестокія, звѣрскія сцены. Разозленный и обиженный звѣрь вгрызался въ пропащую женщину безъ всякаго милосердія... Онъ и мстилъ этимъ и одновременно хотѣлъ поднять свою репутацію, сразу поставить себя среди земляковъ на хорошую ногу. Какъ ни покажется это страннымъ, а было дѣйствительно такъ: солдатъ показывалъ, что онъ — не кто-нибудь, а человѣкъ, знающій порядокъ, знающій, что значитъ жить честно, благородно. Въ одну изъ такихъ семейныхъ дражъ, Ѳедюшка, изумленный и ошеломленный неожиданнымъ появленіемъ такого звѣря, не помня себя, вцѣпился ему въ нафабренныя бакенбарды, — и вотъ бульдогъ отомстилъ ему. Два ведра вина, какъ уже сказано, сдѣлали дѣло. Міръ выпилъ ихъ, выпоролъ, на славу выпоролъ несчастнаго Ѳедюшку... Солдатъ требовалъ безпощаднаго дранья — и міръ, исполняя это требованіе, понималъ, что этой жестокостью, обрушившеюся на жену и на сына, солдатъ доказываетъ собственное свое превосходство надъ ихъ грязной и позорной жизнью и поведеніемъ, доказываетъ, что онъ честенъ, порядоченъ и почтененъ, и что этимъ ужъ оченно высокимъ пониманіемъ своей чести онъ даже и семью свою хочетъ оградить отъ всякой тѣни позора. Рѣшительно не

нахожу словъ, которыя бы могли съ достаточною ясностью представить читателю то, что испыталъ Ѳедоръ отъ этихъ вдругъ постигнувшихъ его жестокихъ, безчеловѣчныхъ неожиданностей. Онъ весь былъ раздавленъ ими, сломанъ, скомканъ въ комокъ. Ничего не чувствуя, не понимая, онъ весь какъ бы задохнулся и окаменѣлъ.

Черезъ часъ послѣ ужасной сцены у волостного правленія, Ѳедоръ, не зная какъ, очутился на одной изъ барокъ, стоявшихъ на рѣкѣ, и, трясясь всѣмъ тѣломъ, на всѣ разспросы барочниковъ слабымъ, до смерти испуганнымъ шопотомъ могъ произнести только: «бо-юсь!», «бо-юсь!..» Къ нему нельзя было въ это время прикоснуться пальцемъ: немедленно шопотъ превращался въ отчаянный крикъ. «Боюсь!»—взвизгивалъ онъ, бросаясь въ сторону и расшибая голову о дрова, о что попало, точно до него дотрогивались не пальцемъ, а каленымъ желѣзомъ. Какъ онъ ухитрился спрятаться на баркѣ, я не знаю: только барочники, не зная о томъ, что онъ скрывается у нихъ, увезли его съ собою, направляясь къ Нижнему. Испуганный и трепещущій, два дня безъ пищи просидѣлъ онъ въ самомъ глухомъ, непримѣтномъ углу барки, покуда случайно не открыли его тамъ. Поругавъ и покормивъ, барочники оставили мальчишку, рѣшивъ: «пущай!», и не обращали уже больше на него никакого вниманія. Истерическій ужасъ, въ которомъ мальчикъ очутился на баркѣ, началъ понемногу проходить, замѣняясь совершенно опредѣленнымъ испугомъ передъ всѣми и передъ всѣмъ. Все для него было страшно жестоко. Люди, весь бѣлый свѣтъ испугали его—неизлѣчимо, на вѣки вѣковъ. Какъ могъ онъ понять и объяснить себѣ все, что съ нимъ случилось съ первыхъ дней дѣтства?.. Онъ—комаръ, котораго, не задумываясь и не безпокоясь, убиваетъ всякій, кому онъ мѣшаетъ! Но чѣмъ, кому онъ мѣшалъ? Онъ ничего не могъ понять и зналъ одно—что невѣдомо почему его всѣ хотятъ уничтожить, раздавить, стереть съ лица земли... Нѣтъ спора, что жизнь можетъ напугать всякаго, что всякій можетъ иной разъ почувствовать ужасъ своего существованія на бѣломъ свѣтѣ, но такъ испугаться бѣлаго свѣта, какъ испугался его Ѳедоръ, едва ли приходится или приходилось кому-нибудь другому. Въ немъ навѣки запечатлѣлся страхъ, испугъ и увѣренность, что ни отъ кого ничего онъ не имѣетъ ни права ни возможности ждать, кромѣ жестокости, непонятной и необъяснимой.

— Что ты? Куда ты? Ай ты угорѣлъ?—окликнулъ Ѳедора одинъ барочникъ въ то время, когда подошли уже къ нижегородской пристани и ночевали тамъ.

— Утоплюсь!—отвѣчалъ Ѳедоръ.

— Ребята! глянь-ка, что малый-то вздумалъ!..

Нѣсколько человѣкъ проснулось и обступило Ѳедюшку.

— Это что-жъ ты, паршивецъ, дѣлаешь? а? Это ты за нашу хлѣбъ-соль-то насъ хочешь подвести подъ сикурсъ? Ахъ, ты, дурья твоя порода!—загалдѣли вокругъ него барочники.

— Захотѣлъ топиться, шутъ тебя возьми,—пошелъ топись!

— Да не пачкай компаніи, къ отвѣту не подводи.

— Мало тебѣ мѣста-то, корявой дубинѣ?

— Прогнать его, шельму, прочь!

— Пшолъ, пшолъ!

— Обыскать его, анаѳему!

Стали обыскивать; оказалось, что Ѳедоръ для лучшаго выполненія задуманной операціи наклалъ за пазуху подъ рубашку множество камней, кирпичей и туго подвязалъ подъ ними поясъ. Ему казалось, что такъ онъ скорѣй пойдетъ ко дну.

Всеобщій гнѣвъ замѣнился смѣхомъ, а Ѳедюшкинъ испугъ разрѣшился слезами. Онъ объявилъ, что не пойдетъ топиться, что виноватъ. Просилъ, чтобы его не гнали, спрашивалъ: «куда ему теперь?»

— Иди въ половые... нонѣ ярмарка стоитъ... еще деньги наживешь.

Какой-то добрый человѣкъ свелъ его въ одно изъ безчисленныхъ въ ярмарочное время трактирныхъ заведеній, и Ѳедоръ сталъ половымъ за харчи и за доходы, какіе случатся, но безъ жалованья. Ежеминутно чувствуя себя совершенно чужимъ на бѣломъ свѣтѣ, чужимъ между всѣми этими орущими, пьющими и дерущимися людьми, онъ рѣшительно не замѣчалъ, что такое кругомъ него творится, и работалъ, какъ неустанная машина.

Такъ прошла вся ярмарка.

У Ѳедора вдругъ оказалось рублей тридцать денегъ,—сумма, накопившаяся незамѣтно, и Ѳедоръ тотчасъ, какъ только сосчиталъ деньги, вспомнилъ о матери. А какъ только вспомнилъ о ней, такъ и о себѣ вспомнилъ, и въ пришибленномъ мозгу опять замелькалъ какой-то свѣтлый лучъ... Опять ему стало ужасно жаль... Жаль «всего этого»,

жаль до слезъ. И ревѣлъ онъ надъ своими деньгами долго-долго. Хозяинъ даже отобралъ у него эти тридцать рублей себѣ подъ сохраненіе, прибавивъ:

— Такъ-то оно лучше будетъ, меньше будешь нюни-то разводить.

Ѳедоръ однако и безъ денегъ нерѣдко обливался горючими слезами; во снѣ онъ плакалъ каждую ночь и кричалъ, причиняя посѣтителямъ номеровъ постоянныя безпокойства; тѣмъ не менѣе хозяинъ держалъ его у себя и послѣ ярмарки, дорожа его покорностью, выносливостью и безкорыстіемъ.

Ѳедоръ жилъ, не думая о будущемъ. Вновь пробудившаяся жизнь сердца сильнѣй, чѣмъ въ первый разъ, овладѣла имъ... Его уже не просто брала жалость къ себѣ и ко всему, что съ нимъ случилось, мысль его пошла дальше: онъ сталъ понимать, что всѣ эти на смерть испугавшіе его — люди, такіе же испуганные, какъ и онъ, что кто-то или что-то исковеркало, изуродовало ихъ, и ему еще жальче стало всѣхъ ихъ, чѣмъ было жалко прежде. Вѣдь надо же какъ-нибудь имъ узнать это? Какъ же это такъ? За что они бьютъ, губятъ другъ друга? Вѣдь тутъ только два слова сказать — и ничего не будетъ. Какъ же можно все это оставлять такъ, зря? Вотъ, примѣрно, какіе стали волновать вопросы этого некрасиваго полового, подающаго кипятокъ. Онъ крайне удивлялся, что какъ это ничего никто не скажетъ? отчего это не придетъ какой-нибудь умный человѣкъ и не растолкуетъ?.. Что растолковать и какъ — этого Ѳедоръ не зналъ... Рѣчь, которую онъ предполагалъ въ устахъ умнаго человѣка, имѣющаго придти, въ головѣ Ѳедора никакъ въ порядокъ не приходила.— «Вы что же это, ребята? такъ вѣдь невозможно...» Эту фразу хорошаго человѣка онъ слышалъ ясно, но дальше не зналъ, что будетъ хорошій человѣкъ говорить. Дальше были только вопросы: какъ? зачѣмъ это? да развѣ это хорошо? и т. д.

Отъ этихъ вопросовъ Ѳедоръ рѣшительно не могъ отдѣлаться — и какъ бы вы думали? — сталъ писать...

Заведеніе запиралось въ два часа ночи; только къ тремъ успѣвали убраться и вывести запоздавшихъ гулякъ, и съ трехъ до бѣла свѣта Ѳедоръ, не смыкая глазъ, при свѣтѣ сальнаго огарка, выводилъ карандашомъ по клочку бумаги, положенному на колѣно, каракули печатными буквами. Писалъ онъ стихами и плакалъ... Не берусь передать, что это были за стихи. По всей вѣроятности, кромѣ непонят-

ной чепухи и безграмотности, они не представляли бы никому ничего интереснаго. Тѣмъ не менѣе Ѳедоръ крѣпко берегъ ихъ и тщательно пряталъ въ тайныя мѣста.

И съ каждымъ днемъ необходимость передать бумагѣ накопившіяся думы овладѣвала Ѳедоромъ все сильнѣе и сильнѣе. А вмѣстѣ съ этимъ сами собой выросли и думы.

Не менѣе года просидѣлъ онъ на чердакѣ и выработалъ довольно смѣлый, довольно нелѣпый, но довольно понятный планъ: ѣхать съ этими сочиненіями и думами въ столицу; тотъ, кто пишетъ книги, тотъ человѣкъ (такъ выдумалъ Ѳедоръ) и есть тотъ самый хорошій человѣкъ, который одинъ только и можетъ сдѣлать добро. Ѳедоръ зналъ это по себѣ: онъ писалъ по ночамъ, потому что ему было жаль людей, потому что онъ хотѣлъ, чтобы люди не пугали другъ друга, какъ пугаютъ людей бѣшеныя собаки. Такъ и всѣ, кто пишетъ книги. Онъ зналъ, что сочиненія его плохія, что пишетъ онъ нехорошо, и что даже почеркъ у него Богъ знаетъ какой (хотя въ теченіе года онъ съ невѣроятными усиліями выучился писать по-«писанному», а не по-печатному)—все это онъ зналъ; но жизнь такъ страшно обошлась съ нимъ, онъ такъ ясно видѣлъ, что она запуталась, что въ ней какая-то фальшь, отъ которой людямъ нѣтъ житья, что, несмотря на все, не покидалъ этого плана. Онъ полагалъ, что тамъ разберутъ, испугаются, когда онъ разскажетъ, и закричатъ на весь бѣлый свѣтъ: «Что вы, ребята? Развѣ такъ возможно? Это, братцы, не модель! Что вы, полоумные, очумѣли, что ли?»

Еще черезъ годъ онъ осуществилъ этотъ фантастическій планъ. Какъ онъ это сдѣлалъ—не знаю. Знаю, что цѣлый годъ онъ копилъ пятаки и гривенники, сколотилъ деньги на покупку сюртука, шапки, сапоговъ и жилета, и пр. и пр., и почти уродомъ прибылъ въ столицу. Корявый, маленькій, пугливый, дикій, въ платьѣ, которое было сшито на чужой ростъ, онъ былъ и жалокъ, и неуклюжъ, и вообще ужасно страненъ.

Въ это время его и узнала разсказчица—дѣвушка, готовившаяся тогда въ сельскія учительницы. Онъ ютился въ углу меблированныхъ комнатъ, работая по ночамъ, когда всѣ ужъ спали, и приводя въ порядокъ свои сочиненія.

Съ полгода шуршалъ онъ своими бумагами, порядочнотаки надоѣдая жильцамъ; наконецъ выступилъ въ походъ: понесъ рукописи въ газету. Воротился онъ, весь сіяя, и

самъ первый вступилъ въ разговоръ съ разсказчицей, разсказалъ ей всю свою исторію и въ заключеніе всѣхъ переразсказанныхъ несчастій радостно произнесъ:

— Отнесъ!

Такъ онъ сказалъ это слово, какъ будто невѣсть какое счастье случилось съ нимъ...

— Велѣно придти черезъ недѣлю.

Черезъ недѣлю между Ѳедоромъ и редакторомъ происходилъ такой разговоръ:

— Это все—одинъ стихъ?—стоя полуоборотомъ къ Ѳедору и тыкая въ корявую рукопись пальцемъ, небрежно спрашивалъ редакторъ.

— Все одинъ...

— И это онъ же тянется?

— Это? Онъ, онъ.

— Какой же это—стихъ? Развѣ такіе бываютъ стихи? Это—шестъ, а не стихъ!.. Этимъ шестомъ только голубей гонять.

— Тамъ дальше и короче есть... вотъ извольте...

— Неудобно, не годится.

Редакторъ ушелъ.

Глубоко былъ опечаленъ несчастный поэтъ. Какъ убитый, сидѣлъ онъ по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю на окнѣ въ коридорѣ, покуда его не ободрилъ какой-то добрый человѣкъ, узнавшій, въ чемъ состоитъ его горе. Человѣкъ этотъ подарилъ ему книгу о стихосложеніи, и съ этихъ поръ еще не менѣе, какъ на полгода, Ѳедоръ вновь отдался своему задушевному дѣлу. Къ шуму бумаги, нарушавшему сонъ жильцовъ по ночамъ, на этотъ разъ присоединился какой-то непрерывный стукъ то ногой, то рукой: это Ѳедоръ учился стопосложенію, вгонялъ свои длинныя, какъ шесты, строки въ надлежащія границы и вытягивалъ, какъ вытягиваютъ подошву, короткія... Какъ онъ мучился, какъ онъ трудился, какъ онъ страдалъ—передать нѣтъ возможности. Часто на него нападало полное отчаяніе, такъ какъ перерубленные пополамъ и вытянутые вдвое стихи его явно утрачивали цѣну правды, которую онъ въ нихъ только и видѣлъ.

Наконецъ, кое-какъ оболванивъ свои произведенія, онъ вновь пошелъ въ редакцію и на этотъ разъ уже съ замираніемъ сердца ожидалъ рокового дня.

Черезъ недѣлю, по обыкновенію редакцій, день наступилъ. Дрожа какъ листъ, Ѳедоръ отправился за отвѣтомъ.

Не скрывая презрѣнія, редакторъ съ перваго же слова почти завопилъ на Ѳедора:

— Да что вы хотите? Что такое вы тутъ выводите? Что вамъ хочется сказать?

— Я...

— Что богатые—богаты, бѣдные—бѣдны? Да?

— Я...

— Что бѣдные—такіе же люди, какъ и богатые? Такъ? а? да?

— Такъ...

— Что несправедливо обижать, заѣдать? Да? Это? Потомъ—кисельные берега, молочныя рѣки... Всеобщій лимонадъ-газесъ? Такъ?

— Я этого не писалъ... Я тамъ...

— Такъ я вамъ скажу,—внѣ себя завопилъ редакторъ, чуть не по носу хлопая Ѳедора его рукописью:—что, во-первыхъ, все это давно всѣмъ надоѣло и безъ вашей белиберды, а во-вторыхъ, за эти идеи... вы знаете—что за это?

И онъ прибавилъ внушительнымъ шопотомъ такихъ два словечка, отъ которыхъ Ѳедоръ вновь ощутилъ приступъ необычайнаго испуга и едва не закричалъ, какъ помѣшанный: «боюсь!»

Отчаяніе овладѣло бѣднымъ малымъ въ сильнѣйшей степени. Онъ шатался по коридору меблированныхъ комнатъ, никого и ничего не замѣчая, ничего не видя и не слыша, и только по временамъ, останавливаясь, какъ вкопанный, передъ первымъ встрѣчнымъ, бормоталъ:

— Всѣмъ извѣстно! Кабы всѣмъ было извѣстно, ничего бы не было.

Или что-нибудь въ такомъ родѣ:

— Въ тюрьму!.. Да хоть въ каторгу... Извѣстно!.. Совѣсти-то въ тебѣ нѣтъ!..

Чтобы мало-мальски помочь ему, успокоить его, разсказчица, со словъ которой написана Ѳедорова повѣсть, пыталась вступить съ нимъ въ разговоры, пыталась успокоить его тѣмъ, что не съ нимъ однимъ такія неудачи, указывала ему, какъ умѣла, на большихъ, крупныхъ поэтовъ, великихъ людей... Ѳедоръ, не произнося ни слова, напряженно-внимательно вслушивался въ ея рѣчи—вѣдь ничего онъ этого не зналъ. Не зналъ онъ, что и до него писалось—и, Боже мой, сколько!—стиховъ на тѣ же темы, что и до него были люди, знавшіе бѣду и желавшіе помочь общему горю...

Ничего онъ этого не зналъ и только ужасался, слушая эти разсказы. Когда разсказчица прочла ему два-три сильныхъ стихотворенія, касавшихся поглощавшаго Ѳедора предмета, онъ заревѣлъ и проговорилъ:

— И ничего?

— Что ничего?

— Такъ ничего и послѣ этого?..

— Покуда ничего...

Ѳедоръ ревѣлъ.

Чтобы успокоить его, она приводила ему еще болѣе сильный примѣръ неудачи, разсказала ему почти всѣ главнѣйшія событія исторіи и вмѣсто успокоенія только ужасала его и ужасала...

— И тутъ ничего не вышло?

— И тутъ... Да еще что?..

Корявый, безграмотный, измученный человѣкъ съ каждымъ словомъ своей собесѣдницы все неотразимѣе убѣждался, что онъ—ничто, мразь, ничтожество сравнительно съ тѣми, кто и до него печалился о дѣлахъ свѣта бѣлаго. Разсказы дѣвушки доказали ему все его безсиліе, все его безправіе, всю безнадежность его существованія...

Испуганъ онъ былъ прошлымъ и еще больше испугался теперь, узнавъ, что «покуда ничего не вышло».

Онъ окончательно ошалѣлъ, и всѣ жильцы комнатъ думали, что онъ худо кончитъ... Какъ помочь ему—никто не зналъ. Какъ увѣрить его, что онъ не безграмотенъ, что у него есть будущее, что ужасъ прожитой дѣйствительности можно забыть, и что есть какая-нибудь возможность сдѣлать то, что на чердакѣ нижегородскаго трактира задумалъ дѣлать Ѳедоръ?

Многимъ было жаль его, но всѣ молчали и ждали... Наконецъ дождались.

Однажды Ѳедоръ неожиданно исчезъ съ утра и воротился въ два часа ночи, съ шумомъ подкативъ на извозчикѣ. Онъ былъ жестоко пьянъ. Полагали, что косушка и будетъ прибѣжищемъ этому нескладному несчастливцу: однако вышло не такъ... Очнувшись, Ѳедоръ сталъ что-то смутно припоминать, и по мѣрѣ того, какъ память возстановляла ему прошлый день, имъ начинало овладѣвать что-то ужасное, какой-то необычайный испугъ... Такого полнаго безсмыслія, въ которое впалъ несчастный, съ нимъ никогда не было. На разспросы разсказчицы онъ только отвѣчалъ: «Свинья!» «Продалъ!»—«Кто, что продалъ?»—«Я...» «Все!»

«Всѣхъ!» Потомъ, послѣ новыхъ продолжительныхъ попытокъ привести его въ сознаніе, онъ пробормоталъ: «Онъ мнѣ самъ сунулъ... въ руку»...—«Что сунулъ? кто?»—«Да этотъ... злодѣй... надоѣло всѣмъ... вотъ...» — «Редакторъ, что ли?» — «Онъ самъ сунулъ...» — «Что сунулъ-то?» — «Деньги... Я такъ шелъ... онъ мнѣ ткнулъ... Свинья, христопродавецъ я...»

«Я,—говорила разсказчица:—несмотря на всѣ старанія, ничего болѣе отъ него не могла добиться. Но думаю, что дѣло было такъ: шелъ онъ, должно-быть, по улицѣ и наткнулся на редактора, который такъ его недавно озадачилъ. Быть-можетъ, видъ его былъ очень жалокъ, или редакторъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, только послѣдній могъ предложить, «сунуть» ему бумажку... Почему-нибудь, очень можетъ-быть, что по разсѣянности, Ѳедоръ взялъ ее— по разсѣянности и не соображая, что дѣлаетъ, выпилъ, напился... И вотъ теперь, очнувшись и сообразивъ, что сдѣлалъ, ужаснулся. Съ его точки зрѣнія, поступокъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ казаться ужаснымъ. Взявъ деньги отъ человѣка, который объявилъ ему, что ему надоѣли всѣ эти страданія, о которыхъ Ѳедоръ болѣлъ душою, Ѳедоръ продалъ свое право страдать за людей, самъ оказался дрянью, которая можетъ отъ рюмки водки забыть двадцать лѣтъ возмутительной неправды... До этой минуты онъ зналъ, что онъ — ничтожество, зналъ, что онъ беззащитенъ на бѣломъ свѣтѣ, и что нѣтъ защиты у этого свѣта ни отъ кого: теперь онъ убѣдился, что объ этомъ ничтожествѣ и хлопотать-то не стоитъ... Прежде онъ былъ испуганъ людьми, а теперь испугался самъ себя. Теперь онъ всего испугался и въ такомъ испугѣ не замѣчалъ, что не пьетъ, не ѣстъ и умираетъ съ голоду.

«Я думаю, это было такъ. Впрочемъ, можетъ, и ошибаюсь...»

На этомъ разсказчица кончила.

Третій звонокъ торопилъ клубную публику выходить изъ залъ. Собесѣдники стали прощаться, унося домой невеселое впечатлѣніе.

VIII. Три письма.

(изъ воспоминаній «безнадежнаго»).

I.

— Вы что это пишете?
— Письмо...
— Кому это?
— Матери...
— О чемъ?
— Да такъ, обо всемъ.
— Ужъ что-то вы больно долго!..

Такіе вопросы, ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ одинъ скучный осенній вечеръ самымъ недовольнымъ тономъ задавалъ я моему сожителю по комнатѣ. Дѣло происходило въ Москвѣ, на Живодеркѣ, въ одномъ изъ несчастнѣйшихъ деревянныхъ домишекъ, въ оборванныхъ, грязныхъ, нищенскихъ комнаткахъ котораго обитало великое множество народа. Въ этотъ памятный мнѣ вечеръ (почему онъ мнѣ памятенъ, читатель узнаетъ ниже) я былъ особенно разстроенъ и ворчливъ. Не послѣднее мѣсто въ этомъ состояніи духа занимало то, что изъ дому вотъ ужъ второй мѣсяцъ мнѣ не присылали денегъ, и это обстоятельство, понемногу раздражая меня напраснымъ ожиданіемъ, наконецъ довело до значительнаго разстройства, именно въ тотъ унылый осенній вечеръ, 15 лѣтъ тому назадъ. Все мнѣ было противно, пошло, тоскливо и враждебно. Отвратительны были всхлипыванія квартирной хозяйки, доносившіяся изъ кухни: эта старая дура вотъ уже шестой мѣсяцъ, т.-е. все время моего пребыванія въ ея скверныхъ комнатахъ, «разъѣзжается» съ своимъ возлюбленнымъ, хромымъ портнымъ, подъ-рядъ шесть мѣсяцевъ они каждый день напиваются пьяны, плачутъ, ругаются и засыпаютъ тутъ же въ кухнѣ, поникнувъ головами на столъ, а съ утра вновь начинаются упреки, слезы, похмелье, пиво, словомъ—полное прощаніе. — «Иди, иди! сдѣлай одолженіе!» — утирая носъ грязнымъ подоломъ, хрипѣла хозяйка. — «И уйду! Разорительница моя! Уй-ду!..» — «Иди! иди!» — «Уй-ду! У-у...» И это съ утра до ночи, и никто не уйдетъ, и оба цѣлый день пьютъ и въ самомъ дѣлѣ разоряются.

Такъ бы вотъ пошелъ и разогналъ ихъ въ разныя стороны... Сердила меня и эта засаленная нищенская комната

и эта кровать, на которой нельзя было повернуться маломальски либерально, чтобы не провалились либо ноги, либо голова; скверно дѣйствовалъ и этотъ тусклый свѣтъ низенькой лампы, и табачный дымъ, и холодъ, и низкій потолокъ, и дождь... Но болѣе всего возмущалъ меня мой сожитель по комнатѣ, терпѣливо скрипѣвшій перомъ вотъ ужъ безъ малаго третій часъ и рѣшительно, казалось, не чувствовавшій, не понимавшій того, что я испытывалъ, лежа на кровати. Когда-то, лѣтъ пять-шесть ранѣе этого скучнаго вечера на Живодеркѣ, мы учились съ этимъ человѣкомъ (его называли въ гимназіи «иностранецъ», такъ какъ отецъ его былъ швейцарецъ, хотя самъ «иностранецъ» родился въ Россіи и отъ русской матери); въ гимназіи мы провели вмѣстѣ четыре года до четвертаго класса, но потомъ я перешелъ въ другую гимназію, въ другой городъ, уѣхалъ по окончаніи курса въ Петербургъ въ университетъ и, прошатавшись цѣлый годъ (зиму, весну и лѣто), перебрался въ Москву... Если читатель припомнитъ, какое впечатлѣніе могли произвести на провинціальнаго гимназиста 61 и 62 годы, то онъ пойметъ, разумѣется, что, явившись послѣ этого года «посвященія» въ Москву «для продолженія моего образованія», я не столько былъ объятъ желаніемъ посѣщать университетскія лекціи, сколько стремленіемъ—увы!—въ высшей степени неопредѣленнымъ — стремленіемъ къ дѣятельности. Чтобы не вводить читателя въ обманъ, скажу прямо, что изъ меня не вышло дѣятеля (это все будетъ ниже), и что, слѣдовательно, ему нѣтъ никакихъ резоновъ разсчитывать на то, чтобы на нижеслѣдующихъ страницахъ были воскрешены въ его памяти какія-нибудь минуты тѣхъ дней. Пишущій эти мемуары не оправдалъ надеждъ на самого себя и въ смыслѣ «дѣятеля» ровно ничего представить не можетъ... Но пятнадцать лѣтъ тому назадъ ожиданія эти у меня были и, сливаясь вообще въ представленіе о необходимости «дѣятельности», и притомъ гдѣ-то не здѣсь, въ пошлой и мучительно глупой дѣйствительности, а гдѣ-то тамъ, неизмѣримо выше ея, заставляли меня съ большимъ пренебреженіемъ смотрѣть на мелкую людскую гомозню. «Всѣ связи», — какъ я тогда былъ совершенно увѣренъ,—«со всѣмъ этимъ — я порвалъ». Для меня не существовало ни родителей, ни родины, ни желанія выбиться въ люди и для этого ходить на лекціи, словомъ—не существовало ничего «стараго», все это осуждено было въ виду чего-то громаднаго, новаго, которое принадлежитъ

не «имъ», а «намъ»... «Они» — пожалуй, могутъ высылать мнѣ нѣсколько денегъ «пока», — но и только... Такъ казалось мнѣ въ первыя, самыя ясныя минуты моего пробужденія, и вотъ въ такомъ-то настроеніи встрѣтился я на одной изъ московскихъ улицъ съ этимъ «иностранцемъ». Я былъ радъ старому товарищу, радъ былъ поразсказать о чудесахъ, которыя я видѣлъ, снисходительно пропуская мимо ушей его разсказы о гимназическомъ начальствѣ, но очень скоро оказалось, что онъ меня «не удовлетворяетъ». Правда, онъ также не ходилъ въ университетъ, но не потому, чтобы «презиралъ», а потому, что у него не было денегъ, потому, что онъ долженъ былъ давать уроки, посылать ежемѣсячно деньги матери, которая также жила уроками въ томъ же городѣ, который я ужъ изъ головы выкинулъ... Какая-то узость цѣли и притомъ однообразіе недѣль и дней, посвященныхъ на ея достиженіе, свидѣтельствовали о несомнѣнной ограниченности этого человѣка... Правда, не получая изъ дома денегъ и не посѣщая университета, я не дѣлалъ ничего другого, какъ сопровождалъ этого же самаго ограниченнаго человѣка по Москвѣ въ его поискахъ уроковъ, поджидалъ его гдѣ-нибудь въ садикѣ или просто на улицѣ, покуда онъ заходилъ въ тотъ или другой домъ, согласно объявленію въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», вызывавшему учителя; правда также и то, что я былъ очень обязанъ ему за то, что онъ внесъ за меня деньги хозяйкѣ, что я курилъ его табакъ, пилъ его чай и т. д. и т. д.; но все это— и эти одолженія, и это праздное мое шатаніе — я ставилъ подъ рубрику «*Пока*» и не придавалъ ни тому ни другому особеннаго значенія. Я не ставилъ себѣ въ вину и этихъ праздныхъ ежедневныхъ прогулокъ по Москвѣ, потому что въ продолженіе ихъ я ни на минуту не прекращалъ выяснять (насколько понималъ самъ) мои новые взгляды, надежды и ожиданія и вовсе не замѣчалъ, что уже третій мѣсяцъ «шатаюсь», да еще «по Москвѣ». И не то чтобы несочувствіе къ моимъ разговорамъ и новымъ стремленіямъ обижало меня въ этомъ «иностранцѣ»,—нѣтъ, онъ, напротивъ, ни разу не прервалъ меня, ни разу не поспорилъ со мной, скажу даже болѣе: онъ, казалось, даже внимательно прислушивался къ каждому моему слову; но я видѣлъ, къ великому моему огорченію, что слова мои ни на волосъ не измѣняютъ ни его поведенія, ни его взглядовъ, ни желаній... Слушаетъ-слушаетъ, кажется, внимательно, потомъ неожиданно вздохнетъ и скажетъ: «ахъ, уроковъ, уроковъ!»—

точно обольетъ холодной водой. И притомъ каждый день одно и то же: утромъ чѣмъ свѣтъ — чтеніе «Полицейскихъ Вѣдомостей», трехкопеечная булка съ чаемъ въ прикуску, потомъ бѣготня по адресамъ, разсказы самые подробнѣйшіе о томъ, кого онъ видѣлъ, что ему сказали, когда велѣли придти, и затѣмъ описаніе всей этой скуки то матери, то брату, то сестрѣ... Кажется, никакими барабанами нельзя было, хоть на единую минуту, расшевелить эту ограниченность, заставить его почувствовать всю прелесть предстоящей всему молодому дѣятельности. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ иной разъ вздохнетъ и какъ будто задумается, но это еще неизвѣстно, потому ли онъ вздыхаетъ, что восчувствовалъ, или все потому же, что нѣтъ уроковъ. Глядя на эту неподвижность мысли «иностранца», я тогда же рѣшилъ, что изъ него ничего не выйдетъ, «выйдетъ» учитель и больше ничего, — а ужъ это что-жъ за будущность и что за поприще!.. Всѣ его знакомые, посѣщавшіе насъ, также крайне меня стѣсняли, такъ какъ блистали также ограниченностью: это были какіе-то иностранцы портные, чуть не сапожники, служащіе въ какихъ-то конторахъ и т. д. Всѣ они говорили про мѣста, кто сколько получаетъ, бранили хозяевъ, всѣ поголовно желали прибавки на скромныя суммы, рублей въ пятнадцать, въ десять, звали въ свободное время въ портерную—и только; узость ихъ цѣлей и желаній была ниже всякой критики. Съ этимъ народомъ я не находилъ возможности сказать ни единаго слова, а между тѣмъ «иностранецъ», повидимому, такъ сжился съ ними, что иной разъ покидалъ меня, и покидалъ въ самыя патетическія для меня минуты, когда мнѣ непремѣнно нуженъ былъ слушатель, — покидалъ для того, чтобы идти къ какому-нибудь изъ этихъ провизоровъ, этихъ портныхъ на свиданіе для разговоровъ о какомъ-то письмѣ, полученномъ отъ родственниковъ, или для полученія свѣдѣній насчетъ тѣхъ же уроковъ. Я ужъ давно подумывалъ разойтись съ этой «утомительно-узкой» сферой взглядовъ, въ которой мнѣ пришлось быть, благодаря иностранцу, его пріятелямъ и безденежью, но безденежье, а, главное, что-то хорошее, что я не трудился опредѣлить въ ту пору, невольно какъ бы связывало меня съ нимъ, даже влекло къ нему... Возвращаясь домой, въ тѣхъ случаяхъ, когда я не сопровождалъ его, онъ всегда радовался совершенно по-дѣтски, что я дома...—«Ѣли?»— всегда былъ первый вопросъ, который онъ мнѣ задавалъ, входя въ комнату, и всегда вслѣдъ за этимъ съ сіяющимъ

лицомъ вытаскивалъ булку и колбасу или яйцо. Онъ всегда разспрашивалъ меня о томъ, что со мной было, пока онъ уходилъ, а потомъ уже начиналъ разсказывать, что дѣлалъ онъ самъ и гдѣ былъ. Что-то нѣжное, женское проглядывало въ безчисленныхъ мелочахъ, и, должно-быть, эта-то черта и смягчала мою къ нему холодность, потому что бывали минуты, когда я, «разорвавшій со всѣмъ», уже чувствовалъ холодъ одиночества... «Есть ли у васъ платокъ?» «Есть ли табакъ?» «Полотенце тамъ и мыло тамъ!»—указывалъ онъ и спрашивалъ меня непремѣнно всякій разъ, когда уходилъ на поиски; выглянетъ въ дверь и спроситъ:— «все есть?» — и, только получивъ утвердительный отвѣтъ, уйдетъ, сказавъ: «ну, прощайте!» — и послѣ того еще непремѣнно раза два второпяхъ воротится: «если уйдете— приходите скорѣй!..»

И я почему-то въ самомъ дѣлѣ, уходя безъ него изъ дому, торопился придти «поскорѣе», а встрѣтившись, не могъ иначе какъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ выслушивать его разсказы, какъ онъ пришелъ, какъ позвонилъ, кто вышелъ и т. д. И вотъ этого-то неудовольствія, какъ мнѣ тогда казалось, онъ и не замѣчалъ во мнѣ, весь погруженный въ свои уроки и разныя мелочи.

Но въ тотъ памятный мнѣ осенній вечеръ я былъ такъ раздраженъ всѣмъ и всѣми, что ни въ комъ и ни въ чемъ не могъ видѣть что-нибудь привлекательное. Тѣмъ болѣе мнѣ былъ ненавистенъ этотъ человѣкъ, который имѣетъ терпѣніе чуть не пять часовъ кряду скрипѣть перомъ надъ моимъ ухомъ, не обращая вниманія на то, что мнѣ надобно откуда-нибудь слышать хоть какое-нибудь человѣческое слово для того, чтобы поговорить и тѣмъ облегчить кипѣвшую раздраженіемъ грудь. Никогда этотъ человѣкъ не представлялся мнѣ въ такой степени рутиннымъ, сухимъ, думающимъ только о себѣ самомъ, о какомъ-то вздорѣ, который никому не нуженъ и никому на свѣтѣ не интересенъ.

Такъ я бѣсновался внутренно, а онъ все скрипѣлъ перомъ и пускалъ клубы дыма.

— Да объ чемъ вы можете такъ много писать?—не вытерпѣлъ я.

Я проговорилъ это громко, неожиданно и сѣлъ на кровать, приготовляясь завязать обличительный разговоръ. Иностранецъ покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ и, не поднимая головы отъ письма, какъ-то жалобно улыбнулся.

— Ей-Богу!—продолжалъ я.—Вотъ я бы... я бы рѣшительно не зналъ, что̀ мнѣ писать, если-бъ пришлось писать такъ много... матушкѣ... Тутъ непремѣнно надо врать что-нибудь, т.-е. писать то, что̀ вовсе не интересуетъ...

При словѣ «врать» жалобная, какъ бы извиняющаяся улыбка, лежавшая на его лицѣ, черезчуръ ярко освѣщенномъ низенькой лампочкой, исчезла. Какая-то грусть легла на немъ, и онъ съ легкимъ неудовольствіемъ въ голосѣ произнесъ:

— Какъ врать?.. Я думаю, вашу матушку также интересуетъ все, что̀ съ вами дѣлается?..

— Къ несчастью, то, что̀ со мною дѣлается, я думаю, не очень-то можетъ ее интересовать!—язвительно произнесъ я, радуясь возможности освѣжить среди томившей меня тоски главную причину моего «особеннаго» положенія на бѣломъ свѣтѣ, т.-е. того, что я «со всѣмъ этимъ разорвалъ».—Ее не только не интересуютъ мои интересы, но, я думаю, если бы я былъ такъ же откровененъ съ ней, какъ вы съ вашею матушкой,—я бы навѣрное привелъ ее въ ужасъ... Я былъ бы источникомъ мученій и слезъ... А то, что̀ интересуетъ ее, ни капли не занимаетъ меня, и вотъ почему я бы долженъ былъ врать...

— Ну, а у меня съ ней, — перебилъ меня «иностранецъ»:—одни интересы...

— А!

Это «а» я произнесъ, какъ я думалъ, самымъ пренебрежительнымъ тономъ. Но въ то же время я почувствовалъ, что я совершенно сконфуженъ, и не только сконфуженъ, а даже какъ будто еще и завидую этому, обуянному всяческими мелкими «интересами» и всякими пустяками, человѣку... Да, я позавидовалъ ему и позавидовалъ тому, что онъ могъ сказать такія слова, позавидовалъ и почувствовалъ еще бо̀льшее раздраженіе и злость.

Сказавъ «а», я не находилъ ни единаго слова, которое могъ бы прибавить къ нему; слова: «у насъ съ ней интересы одни», лишили меня всякой возможности подсмѣиваться и иронизировать, и я, какъ самый плохой провинціальный актеръ, съ самымъ фальшивымъ ироническимъ дрожаніемъ въ голосѣ, съ великимъ трудомъ могъ произнести послѣ значительнаго молчанія:

— А!—ну, это другое дѣло... Но все-таки ужъ черезчуръ что-то... Я не знаю...

Я чувствовалъ, что мнѣ ничего не остается, какъ за-

молчать, и раздумывалъ, какъ бы совершить это непріятное дѣло съ большею или меньшею безпечностью. И «иностранецъ», казалось, также понялъ неловкость моего положенія, потому что онъ опять закраснѣлся, подергалъ свою бородку и нѣсколько разъ поправилъ свои бѣлокурые, густые, въ русскую скобку обстриженные волосы и еще ниже наклонился надъ своей бумагой, шопотомъ перечитывая написанную страницу и, очевидно, стараясь показать мнѣ, что онъ совершенно занятъ «своимъ» и не замѣчаетъ моего неловкаго положенія. Несмотря на то, что я всѣми силами также старался не выказать своего смущенія, для чего довольно развязно подошелъ къ столу, за которымъ писалъ «иностранецъ», и медленно принялся набивать папиросу, несмотря на то, что я старался удержать въ себѣ мысль о мелочности этихъ «ихнихъ» общихъ интересовъ, что я старался представить себѣ всю громадную разницу между тѣмъ, что волнуетъ меня, и тѣмъ, что держитъ на свѣтѣ «его»,— я никакъ не могъ побѣдить въ себѣ чувства зависти къ нему, не могъ почему-то не чувствовать, что онъ съ своими мелочами прочнѣй меня чувствуетъ себя на бѣломъ свѣтѣ, и ясно видѣлъ, что ему теплѣй и веселѣй жить, тогда какъ мнѣ и холодно и даже—обидно...

Я набивалъ папиросу, онъ писалъ, и оба мы молчали... Неловкое было это молчаніе... Его прервалъ какой-то шумъ и разгогоры за дверью, и вслѣдъ затѣмъ съ шумомъ распахнутая полупьяною хозяйкой дверь впустила въ комнату двухъ незнакомыхъ лицъ: мужчину въ енотовой шубѣ и даму.

— Здѣсь... объявляли? уроки?..

— Это къ вамъ!—сказалъ я «иностранцу» и вышелъ въ коридоръ, чтобъ не мѣшать ихъ разговору. Несмотря на сумракъ, распространяемый лампой, я, идя къ двери, могъ замѣтить, что мужчина походилъ на какого-то дьякона или священника—такъ оросъ онъ волосами, и въ такомъ безпорядкѣ они были. Ростъ его былъ громаденъ, но глаза не выражали здоровья и силы: что-то вялое, тупое и будто полупьяное виднѣлось въ нихъ. Сопровождавшая этого господина дама была очень маленькаго роста, широкоплечая и плосколицая, съ плоскими бѣлесоватыми глазами, выражавшими однако какую-то ненатуральную игривость... Черезчуръ маленькая шапочка, сидѣвшая какъ-то набекрень, и въ то же время явные признаки недостатка зубовъ, выражавшіеся въ старческомъ складѣ губъ, все это произво-

дило непріятное впечатлѣніе аляповатой искусственности, какой-то вычурности, разсчитанной на очень плохіе вкусы...

Едва я вышелъ въ коридоръ, какъ тотчасъ же послышалась немолчная рѣчь дамы, еще болѣе усилившая дурное впечатлѣніе, такъ какъ голосъ ея звучалъ какой-то разбитой хрипотой... Мужчина только покашливалъ и молчалъ. Переговоры продолжались добрый часъ, въ теченіе котораго я то ходилъ по коридору, то выходилъ на деревянную лѣстницу съ стеклянной галлереей.

«Что если онъ кончитъ съ ними и уѣдетъ?»—думалъ я, смотря сквозь разбитыя, кое-какъ склеенныя стекла галлереи, по которымъ лились потоки дождя, въ непроницаемую тьму осенняго вечера.

И мнѣ было жалко его, самъ не знаю почему... Потому ли, что я оставался одинъ въ этой противной квартирѣ, потому ли, что онъ добился своего, хоть и ничтожнаго дѣла, а я еще какъ будто и не начиналъ моего большого — не знаю. Но когда въ самомъ дѣлѣ «иностранецъ» послѣ ухода посѣтителей сказалъ мнѣ, что онъ уѣзжаетъ, что дѣло кончено, я съ невольной грустью спросилъ его:

— Когда же?

— Завтра, непремѣнно!

Я почувствовалъ, что мы надолго разстаемся, что пойдемъ по разнымъ дорогамъ, и скоро мысль о «моей дорогѣ» разогнала мою грусть. Да не только разогнала, а еще заставила меня додуматься до обвиненія этого же иностранца въ томъ, что я столько времени ничего не дѣлалъ; происходило это именно отъ того, что я связался съ совсѣмъ неподходящими мнѣ людьми и оттого осовѣлъ.

— Ну, счастливой вамъ дороги! — сказалъ я ужъ совершенно спокойно, чувствуя въ себѣ силу, безъ всякихъ постороннихъ пособій въ видѣ булокъ, табаку и т. д., выдержать предстоящую мнѣ борьбу.

— Спасибо вамъ...—сказалъ «иностранецъ», возившійся надъ чемоданомъ:—я вамъ очень, очень благодаренъ...

Это было сказано такъ искренно, что я невольно смутился.

— За что?

— Такъ! Очень, очень... спасибо! — затягивая веревку, бормоталъ онъ.

Вечеромъ мы роспили на прощанье не одну бутылку пива, каждый говоря «о своемъ» и не мѣшая этимъ другъ другу, а на другой день простились.

II.

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ. Мы, точно, шли разными дорогами, — но что-жъ оказалось? Оказалось, что я не только не осуществилъ ни одной крупицы изъ моихъ обширныхъ плановъ, но, напротивъ, въ ту минуту, когда пишутся эти воспоминанія, я вижу единственную возможность существованія для себя—только подъ условіемъ «хлопотать только о себѣ»; а переполненный мелочными интересами, мелкими заботами и прочими ничтожными качествами «иностранецъ», ни на минуту не измѣняя этимъ качествамъ, этимъ «мелочамъ», дѣлалъ и дѣлаетъ то самое дѣло «не для себя», о которомъ я мечталъ въ дни юности и которое теперь замѣнилось, какъ я уже сказалъ, желаніемъ жить, никому и ничему не позволяя себя трогать, сознаніемъ, что исполненіе этого желанія есть удовольствіе и очень, очень большое удовольствіе.

Какъ же это могло случиться? И отчего?

Я уже сказалъ въ началѣ этого разсказа, что считаю себя изъ совершенно безцвѣтныхъ людей послѣдняго періода русской жизни, но при всей моей неважности я если и не былъ «избраннымъ», то «званнымъ» былъ, и вмѣстѣ съ цѣлыми такими же толпами этихъ неизбранныхъ начинаю новую эру русской жизни, жизни *только* на себя, только въ своемъ углу, только подъ условіемъ: «не мѣшай мнѣ», а я мѣшать никому не буду... Я вотъ очень, очень радъ, что сообразно моей незначительности я все-таки имѣю обезпечивающее мои труды мѣсто, щелкая счетами въ с—мъ банкѣ губ. города N., и очень радъ, что мнѣ почти не приходится «жить». Я хожу въ должность, возвращаюсь домой, ѣмъ, сплю, читаю, сижу въ театрѣ, въ концертѣ, бываю въ гостяхъ, разговариваю о чемъ придется и т. д. и т. д.; но, какъ ни однообразно и пошло все это,—я все-таки не перестаю во всѣхъ этихъ пошлыхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ чувствовать удовольствіе отъ сознанія, что все это, во-первыхъ, не жизнь, а такъ что-то, что̀ меня не трогаетъ, и во-вторыхъ, что во всемъ этомъ я рѣшительно могу не тревожить своей мысли. Существовать среди людей, смотрѣть на людей и сознавать, что если ты не захочешь самъ, то тебя никто изъ нихъ не тронетъ,—вотъ, въ сущности, въ чемъ состоитъ мой теперешній идеалъ и, какъ надѣюсь, идеалъ великаго множества русскихъ людей того же самаго калибра и нравственнаго совершенства, какъ и

я. Что такое вліяніе или направленіе вторгается подъ разными видами въ русскую жизнь, въ русскую мысль, — въ этомъ я не сомнѣваюсь, иначе я бы и не рѣшился излагать моихъ размышленій по этому случаю. Нѣчто враждебное ко всѣмъ этимъ мечтаніямъ и опытамъ молодости слышится повсюду и, главное, отъ тѣхъ же самыхъ людей, которые именно и предавались этимъ мечтаніямъ всей душой. Именно у этихъ-то людей, у этой-то толпы, когда-то «вытолкнутой» на свѣтъ Божій изъ тьмы, и отыскиваются доводы, доказывающіе безсмыслицу, глупость, даже подлость всевозможныхъ мечтаній; именно въ этой-то толпѣ и вырабатывается, конечно, прикрытая разными соображеніями, теорія «апатіи...» Теорія основательная, прочная и обѣщающая большіе успѣхи въ будущемъ, такъ какъ въ основаніи ея лежитъ совершенно непритворное и притомъ продолжительное, испытанное «страданіе».

Ради вотъ только этого-то основанія новой теоріи — «жить, по возможности, не зная людей»—я и осмѣливаюсь говорить о себѣ, о своихъ ничтожныхъ мечтаніяхъ и размышленіяхъ... Да, и меня и всѣхъ, мнѣ подобныхъ, привелъ къ этому безотрадному выводу опытъ, переполненный всякой муки, всякой горечи, всяческаго страха и ужаса передъ самимъ собою, — и это главное. Я радъ, что могу цѣлое утро щелкать счетами, а вечеромъ разговаривать съ знакомыми всякій вздоръ, потому именно радъ, что это— вздоръ, что это меня «не касается», такъ какъ, гдѣ бы и что бы меня ни коснулось,—мнѣ вездѣ и все больно... Но такъ какъ и у самаго трудно-больного бываютъ минуты облегченія, просвѣтлѣнія ума и бодрости духа, то иногда и меня посѣщаетъ сознаніе того, какое я—ничтожество со всѣми своими страданіями, со своею боязнью жизни. И то, что прожито, и то, что когда-то «безразсудно думалось», начинаетъ казаться мнѣ куда какъ хорошимъ, чистымъ и умнымъ сравнительно съ тѣми жвачными взглядами, которые я теперь исповѣдую. Въ такія минуты все прошлое представляется мнѣ необыкновенно завиднымъ, и я начинаю предаваться воспоминаніямъ этого прошлаго, припоминая лица, событія, горькія, гнусныя, глупыя минуты — и все, и горькое, и гнусное, и глупое, начинаетъ казаться мнѣ гораздо лучше того, на что я теперь смотрю, что дѣлаю... До того лучше, что иной разъ мнѣ приходитъ въ голову мысль: «взять да уйти!». Но эта мысль приходитъ только на мгновенье, только на мигъ, такъ какъ «уйти»—значитъ

вновь вступить въ жизнь, а «жить» — для меня такъ страшно, такъ мучительно, что представленіе о возможности новаго повторенія того, что я испыталъ ужъ, мгновенно прекращаетъ всякія смѣлыя мысли въ родѣ «уйти», и я вновь съеживаюсь въ своемъ углу, вновь радуюсь, что я одинъ, что окно занесено снѣгомъ, что, несмотря на раннюю пору вечера, на улицѣ нѣтъ ужъ ни единой живой души... «Слава Богу,—думаю я:—я теперь одинъ... никто меня не тронетъ, никого не трогаю и я...»

Но, сознавая всю пріятность такого положенія, я никакъ не могу не видѣть, что къ нему привели меня страданія, всякій разъ ярко выступающія въ моемъ воображеніи, какъ только я задумаю что-нибудь посмѣлѣй; и я не могу не думать о нихъ, не искать имъ причины, не объяснить самому себѣ:

— Отчего такое обиліе страданій и такой полный нуль въ результатѣ?

Когда я думаю о прошлыхъ годахъ, я вспоминаю великое множество разныхъ лицъ, между которыми однако нѣтъ «иностранца»; но какъ только въ сознаніи моемъ выступаетъ роковой вопросъ о томъ, почему я такъ много и такъ безплодно страдалъ, и такъ мало получалось въ результатѣ,—образъ «иностранца» тутъ какъ тутъ...

Кстати сказать, выводя въ этомъ очеркѣ «иностранца», я не имѣю никакой иносказательной цѣли. Такъ случилось, что на извѣстныя мысли наводитъ меня эта фигура, и такъ случилось, что фигура эта — «иностранецъ», и больше никакого особеннаго значенія она для меня не имѣетъ, потому что на тѣ же самыя мысли могъ бы меня, какъ увидитъ читатель, такъ же легко навести россіянинъ, какъ и иностранецъ,—стоитъ только быть такимъ же, какъ этотъ послѣдній, живымъ человѣкомъ... Да, онъ, этотъ мелочной, «ползкомъ» живущій человѣкъ, оказался точно и «живымъ» и «человѣкомъ»... Это я теперь подлинно знаю, послѣ того, какъ не одинъ разъ передумалъ въ тяжелыя минуты и свою и его жизнь, а главное, послѣ послѣдняго его письма, полученнаго мною на-дняхъ черезъ какого-то крестьянина: изъ письма этого оказалось, что «иностранецъ» живетъ поблизости того города, гдѣ и я обрѣлъ успокоеніе, и что онъ совершаетъ и ужъ совершилъ, — не переставая быть тѣмъ, чѣмъ былъ,—то дѣло «не для себя», о которомъ я, смѣявшійся надъ его мелочностью, стараюсь забыть. Какое это дѣло, читатель узнаетъ, когда я буду

продолжать мой разсказъ объ «иностранцѣ»; теперь же я никакъ не могу не сказать нѣсколько словъ собственно о себѣ, такъ какъ близость этого когда-то осмѣяннаго человѣка особенно настойчиво побуждаетъ меня вспоминать прошлое.

Итакъ, отчего же?

При этомъ вопросѣ мнѣ прежде всего припоминается описанный уже осенній вечеръ. Потому «прежде всего», что именно съ этого вечера мы разошлись надолго по разнымъ дорогамъ, а главное, потому, что никогда въ другое время я не чувствовалъ между мной и «иностранцемъ» такой существенной разницы во всемъ — во взглядахъ на людей и жизнь,—и никогда наконецъ не была между нами такъ выяснена одна изъ главныхъ причинъ этой разницы, которая привела насъ къ такимъ неожиданнымъ результатамъ: меня—къ нулю, его—къ живому дѣлу.—«А у меня,— сказалъ тогда «иностранецъ»:—интересы съ семьей одни». А я еще тогда гордился, что «разорвалъ всякую связь»! Теперь же я нахожу корень моего пораженія именно главнымъ образомъ въ этой разницѣ нашихъ семей.

Семья «иностранца» жила на той же улицѣ, гдѣ жила и моя семья; обѣ семьи были велики; мы были побогаче, они побѣднѣй. Мой отецъ служилъ, его отецъ, да и не только отецъ, а и мать, и старшій братъ, и онъ самъ, «иностранецъ», о которомъ идетъ рѣчь, — всѣ они давали уроки, при чемъ сыновья должны были и учиться, ходить въ гимназію, и давать уроки, зарабатывать хлѣбъ. У насъ было не то: у насъ ни мать, ни бабка, ни родственницы и родственники, ни тѣмъ болѣе дѣти — никто не зналъ, какъ получаются деньги, какимъ трудомъ онѣ достаются, откуда берется эта лошадь и т. д., и отецъ не только не открывалъ секрета, но, напротивъ, тщательно скрывалъ свою битву съ жизнью за хлѣбъ. Въ этой битвѣ не могъ принимать никакого участія никто изъ домашнихъ, не могъ, стало-быть, жить сознательнымъ участіемъ къ человѣку, работающему на цѣлый домъ, а всякій только понималъ, что его «кормятъ» и что это трудно; но какъ трудно — никто не зналъ. Не было, стало-быть, главнаго основанія для того, чтобы уважать другъ друга, по разумному основанію взаимной помощи, не было развивающей понятіе о жизни связи живыхъ людей. Всякій, напротивъ, чувствовалъ нѣчто утомляющее, именно отъ непониманія, почему все это дѣлается. Скучновато было готовить обѣдъ

и скучно его ѣсть, и какъ будто ѣда, пропитаніе, хотя и довольно жирное, и было единственно понятнымъ, для всѣхъ связующимъ звеномъ. Всѣ какъ будто жили вмѣстѣ только потому, что никому и нигдѣ въ свѣтѣ нельзя было найти другого мѣста, гдѣ бы можно быть въ теплѣ и сытымъ безъ всякихъ къ этому затратъ труда, ума, знанія, каковыя тутъ, въ этой семьѣ, и не требовались, потому что тутъ были иныя (всѣми, впрочемъ, считаемыя обузой), только родственныя офиціальныя связи, а внутренней живой связи людей, сошедшихся по взаимному вкусу, даже по расчету, опредѣляемому людьми живого общества, — этого-то и не было. Живя въ такой органически некрѣпкой семьѣ, можно было только получить скуку къ жизни, зависть и даже ненависть къ людямъ, которые не страшатся жизни, и пріобрѣсти очень прочное убѣжденіе въ необходимости имѣть только деньги. Вотъ почему, когда новое мѣсто, новые люди, новые идеи и взгляды обступили меня по пріѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ необходимо было прервать «связь» съ самымъ воспоминаніемъ объ этой жизни въ семьѣ. Я знаю очень хорошо, что отецъ не откровенничалъ, потому что ему было стыдно, и что онъ полагалъ, накопивъ денегъ, окружить своихъ дѣтей всѣми удобствами; но я знаю, что именно отъ этого я не понимаю и не интересуюсь живыми людьми, вообще человѣкомъ, потому что вся жизнь самаго близкаго мнѣ человѣка, т.-е. именно такого человѣка, отъ котораго я и могъ имѣть понятіе о жизни, она-то была сокрыта отъ меня и безчисленныхъ, мнѣ подобныхъ. Теперь я вижу, что всѣ такого же рода, какъ наша, семьи старались и хлопотали именно только о томъ, чтобы отгородиться отъ людей, чтобы обстроиться такими заборами, чрезъ которые не перелѣзешь, не схватишь, не достанешь, и въ самомъ дѣлѣ отгораживались всѣми правдами и неправдами, такими неправдами, что объ нихъ даже нельзя было знать. Самое понятіе о томъ, что въ людскомъ обществѣ надобно «жить», а не только дѣлать туда экскурсіи, чтобы выхватить что-нибудь на молочишко, притащить это «что-нибудь» домой и съѣсть, — самое понятіе это было не воспитано. Вотъ почему, при мало-мальскомъ просторѣ, при мало-мальскомъ знакомствѣ съ тѣмъ, что есть въ дѣйствительности, тотчасъ же, въ одинъ день, въ одинъ часъ, можно было совершенно безслѣдно забыть и десятки лѣтъ жизни въ семьѣ и рѣшительно всѣхъ такъ-называемыхъ близкихъ, и, не

понимая людей, не уважая постороннихъ живыхъ существъ, исповѣдывать теорію любви къ человѣчеству, какъ это и было со мною.

Не знаю, точно ли я выразился, но именно въ этомъ и вся бѣда. Не принять, не проникнуться этими идеями не было возможности, потому что въ нихъ была правда, радость и жизнь, потому что онѣ были воздухъ, но, принявъ ихъ, я и тысячи мнѣ подобныхъ позабыли, что мы не умѣемъ жить, не умѣемъ уважать человѣческое существованіе, что мы, напротивъ, воспитаны во враждебныхъ отношеніяхъ къ человѣку, къ тому вотъ, который ходитъ по улицѣ, къ себѣ самимъ. Въ одно и то же время и самая полная, ничѣмъ не стѣсняемая ширь взглядовъ, и самая широкая невнимательность къ сосѣду, именно къ тому, для котораго эти широкіе взгляды и нужны, съ которымъ и надо жить этими взглядами.

Совсѣмъ не такая семья и не такая закваска была у «иностранца». Они тоже бились изъ-за куска хлѣба, но въ этомъ не было не только неприличной къ обнародованію тайны, но, напротивъ, былъ связующій интересъ, источникъ взаимной связи и взаимнаго уваженія. Всякій зналъ про всякаго и всякій видѣлъ, что обязанъ работать столько же для себя, сколько и для другихъ. Да и столкновенія съ посторонними людьми основывались у нихъ не на томъ, что тотъ или другой человѣкъ мнѣ «подверженъ» по моему мѣсту и должности, а на томъ, что человѣкъ нуждается во мнѣ и нуждается не по какой-нибудь бумажной глупости, а потому, что въ самомъ дѣлѣ знаетъ, что я ему могу сдѣлать добро. Въ то время, когда въ нашей семьѣ таинственно пріобрѣтенный достатокъ велъ только къ тупой скукѣ, къ какому-то у всей семьи скрытому, подавленному страданію, велъ (для отдохновенія) ко всенощной, напоминалъ о смерти напоминалъ о томъ, что хорошо бы для облегченія отслужить по всѣмъ умершимъ родственникамъ какую-нибудь грандіознѣйшую панихиду, словомъ, велъ къ мысли о смерти и о томъ, что все — суета суетъ, и что не суета — только деньги въ карманѣ, въ это же время въ семьѣ «иностранца» жило ясное, всѣмъ понятное убѣжденіе, что жизнь вовсе не кладбище, но что свободные часы дороги, что ими надо пользоваться и жить. Они читали, самъ отецъ игралъ на скрипкѣ; они любили цвѣты, животныхъ, испытывали удовольствіе водить компанію съ людьми, съ которыми пріятно, и не только потому, что эти

люди «приходятся» намъ родственниками, или просто «нужны», или просто «подвержены».

И какъ ни мелки, какъ ни малы, можетъ-быть, интересы этой семьи, но въ ней была «жизнь», а не «терпежъ» жизни, какъ въ семьяхъ, подобныхъ моей. Въ ней можно было узнать, какъ трудно достаются маленькія минуты счастья, въ ней можно было познакомиться съ необходимостью и удовольствіемъ жить для ближняго, для другого, а не только для себя. Не боясь жизни и не ограничивая отношенія свои къ ней «захватываніемъ» кусковъ съѣстного и питейнаго, эта семья должна была отлично знать свою связь съ остальнымъ бѣлымъ свѣтомъ, уважать въ этомъ бѣломъ свѣтѣ все, что̀ уважала въ себѣ. А въ нашей семьѣ этого не могло быть, такъ какъ никто по совѣсти другъ друга не уважалъ, да и на другихъ смотрѣлъ тоже безъ уваженія.

Благодаря всему этому, въ моемъ «иностранцѣ» было именно все, что̀ нужно для того, чтобы жить между людьми, понимая ихъ нужды, ихъ радости такъ же, какъ и свои, и поэтому уважая ихъ. У меня же именно не было ничего этого, то-есть не было никакихъ резоновъ уважать себя, не было умѣнья жить и понимать чужихъ людей; поэтому и оставалось, не существуя для себя, существовать для идей, отрѣшая ихъ отъ себя. Словомъ, я бы могъ жить, чувствуя себя свободнымъ и ощущая подъ ногами почву только въ томъ случаѣ, если бы мнѣ всю жизнь пришлось стоять внѣ людской толкучки, фигурировать *надъ* нею; тогда какъ онъ, «иностранецъ», умѣлъ и могъ жить только съ ней. Въ отношеніи личной жизни я могъ жить, кое-какъ скомкавъ въ кучу всѣ личныя желанія, симпатіи и съ тѣмъ же пренебреженіемъ относясь къ подобнымъ же желаніямъ и симпатіямъ населяющихъ бѣлый свѣтъ людей, лишь бы мнѣ быть увѣреннымъ, что я исполняю нѣчто высшее; напротивъ, «иностранецъ» жилъ именно такъ, какъ лично ему казалось нужнымъ, честнымъ, совѣстливымъ. Изъ моей породы выходятъ «слѣпые» исполнители великихъ и малыхъ идей, изъ породы «иностранца» выходятъ «живые люди». Вотъ въ этомъ-то и была между нами коренная разница.

III.

— Пишите! — говорилъ я иностранцу, разставаясь съ нимъ.

— Непремѣнно, непремѣнно!.. Вы-то пишите, вѣдь я

Богъ знаетъ куда заѣду... Пишите, что думаете, что новаго... о вашихъ дѣлахъ—все!

Я обѣщалъ; но такъ какъ это была мелочь и вздоръ («о чемъ я буду писать?»), то я и забылъ, конечно, свое обѣщаніе, такъ забылъ, что когда черезъ три мѣсяца пришло на мое имя письмо изъ самой глубины оренбургскихъ степей, то я долго не могъ догадаться, отъ кого бы оно могло быть?

Письмо было длинное-предлинное и такъ аккуратно и четко написано, вытянуто въ такія правильныя, прямыя строчки, уставленныя мелкими буквами нѣмецкой архитектуры, что мнѣ тотчасъ же припомнилась вся сухая мелочность «иностранца», и стало скучно. Но такъ какъ до появленія письма мнѣ было еще скучнѣй, то я принялся за чтеніе, хотя и безъ должнаго вниманія.

Вотъ это первое его письмо:

«Простите, что до сихъ поръ ничего не написалъ вамъ о себѣ...»

«Вѣдь этакое идіотство!—подумалъ я не безъ злости.—Человѣкъ увѣренъ, что я жду не дождусь знать о немъ всевозможныя подробности! Извиняется, что «о себѣ» меня такъ давно не увѣдомлялъ... Рѣшительно, кромѣ себя, ничего не видитъ и не знаетъ...»

«Все время я испытывалъ такія незнакомыя мнѣ ощущенія, видѣлъ такія удивительныя вещи, что и самъ не могъ опомниться и сообразить, какъ мнѣ быть...»

«Три строки и три раза «мнѣ» и «самъ»!»

«Я уже...»

««Я!» опять!»

«Я уже думалъ-было совершенно отказаться отъ мѣста, но взятыя мною впередъ деньги, семьдесятъ пять рублей, тому препятствовали... Часть изъ нихъ я изъ Нижняго (въ Москвѣ не успѣлъ) отправилъ матери въ К., другую же часть...»

Но тутъ я пропустилъ, не читая, почти полстраницы; мнѣ было ненавистно это подчиненіе рублю серебромъ въ то время, когда человѣкъ готовъ былъ «уйти». Начавъ затѣмъ читать отъ точки, опять наткнулся на фразу—«И не столько деньги, сколько...». Слово «деньги» опять заставило меня пропустить еще большой кусокъ письма, и, только перевернувъ цѣлую страницу и убѣдившись, что на слѣдующей страницѣ уже не упоминается о деньгахъ, я сталъ читать далѣе.

«... Прежде всего необходимо вамъ сказать, что я попалъ въ самое безобразное семейство, какое только можно себѣ представить. Много на своемъ вѣку, давая уроки, я видѣлъ и самодуровъ-купцовъ, хотя бы, напримѣръ, Псунова, вамъ извѣстнаго, который устроилъ у себя на дворѣ гипподромъ и заставлялъ скакать на купленной въ циркѣ лошади беременную жену; но все это не то или, по крайней мѣрѣ, не производило на меня такого тяжелаго впечатлѣнія. Эти безобразники были самодуры купцы-тузы, стало-быть, спеціалисты всякаго буйства. Семья же, въ которую я попалъ, не принадлежитъ ни къ тузамъ ни къ самодурамъ, но нравственное разложеніе въ ней необыкновенное. Псуновъ послѣ пьяныхъ безобразій вытрезвлялся и опять начиналъ «дѣлать дѣла», наживать капиталъ, здѣсь же я не замѣтилъ не только способности дѣлать какое-нибудь дѣло, но даже и соображать что-нибудь. Нееловы—помѣщики, обладающіе тысячами десятинъ степей, которыя, впрочемъ, стоятъ очень мало. Два года тому назадъ, когда русскіе двинулись за границу цѣлыми стадами, изъ башкирскихъ степей выѣхали и мои патроны, заложивъ все, продавъ все, что было покупаемо, занявъ у всѣхъ, кто давалъ, и теперь въ буквальномъ смыслѣ безъ копейки, съ громадными долгами, сдѣланными за границей, возвращались домой, повидимому, на явную смерть. Семьдесятъ пять рублей, которые я отъ нихъ получилъ, были послѣднія деньги, если не считать небольшого количества десятковъ рублей, котораго едва хватило на полдороги. Все это обнаружилось немедленно же по выѣздѣ изъ Москвы. Мужъ, котораго вы видѣли и который походилъ на неповоротливаго медвѣдя, въ мало-мальски трезвыя минуты дѣлался какимъ-то звѣремъ и не могъ сказать женѣ слова безъ самаго страшнаго раздраженія. Жена не только не уступала ему въ ненависти, но, какъ мнѣ кажется, превосходила его, стараясь даже по возможности дѣлать ему непріятности, непріятности самыя глупыя, въ родѣ того, что: «снимите ваши сапожищи: вы мнѣ ногу раздавите, мужикъ!» — «Сама вѣдь любишь,—отвѣчалъ обыкновенно мужъ:—чтобъ мужчины наступали тебѣ...» — «Не такіе балбесы, какъ ты...» — «То-то вотъ, если-бъ поменьше съ этими балбесами, у насъ бы и было что жрать...» Во время этихъ разговоровъ мужъ смотрѣлъ на меня, ища поддержки и указывая наклоненіемъ головы на жену, какъ бы говоря: «какова штука!», а жена дѣлала то же самое, указывая на мужа, съ тою разницею, что она въ эти ми-

нуты пожимала плечами и закрывала глаза, какъ бы говоря: «это ужасъ что̀ такое...» Признаюсь вамъ, оба они для меня были отвратительны, такъ какъ взаимное отвращеніе ихъ другъ къ другу было поистинѣ безпредѣльно, и въ особенно острыя минуты они не совѣстились говорить при дѣтяхъ и при мнѣ, постороннемъ человѣкѣ, такія вещи, которыя заставили бы покраснѣть... я не знаю кого... И, что̀ всего удивительнѣе, мадамъ неоднократно заводила рѣчь объ освобожденіи женщинъ, какъ бы о правѣ—такъ понялъ я, по крайней мѣрѣ—подставлять свою ногу подъ тѣ именно мужскіе сапоги, владѣльцы которыхъ нравятся...—«Никогда, Леля, не выходи замужъ»,—совѣтовала она своей дочери... И тутъ же шла рѣчь о «подводныхъ камняхъ», даже о трудѣ, чего ужъ я и понять не могъ, потому что привычки и его и ея, въ особенности ея, были такія, что исключали всякую возможность представить себѣ, чтобы они могли что-нибудь дѣлать. Чтобы вылѣзть изъ тарантаса и влѣзть въ него, необходимо было сначала подозвать трехъ или четырехъ мужиковъ, и при этомъ возня продолжалась четверть часа, сопровождаясь бранью, пискливою и непріятною... Ни онъ ни она не умѣли даже уложить дѣтей спать, и если дѣлали это, то съ такимъ раздраженіемъ, съ такимъ тиранствомъ, какого я не видалъ нигдѣ. Слова: «наказаніе! это проклятіе, а не дѣти!» слышались при этомъ поминутно. Трудную обязанность ухода за дѣтьми я долженъ былъ взять на себя, хотя дѣти мнѣ также ужасно не нравились, о чемъ я скажу послѣ. Деньги, бывшія у меня, были отобраны не дальше, какъ черезъ сутки по выѣздѣ изъ Москвы, такъ что я съ большимъ трудомъ удержалъ при себѣ небольшую сумму для матери. Жажда *тратить* была у обоихъ пожирающая. Впрочемъ, онъ тратилъ болѣе на водку и былъ почти постоянно пьянъ, она же тратила Богъ знаетъ на что: даже въ глухихъ деревняхъ, у маленькихъ деревенскихъ лавочекъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ баранокъ,—и тутъ мы непремѣнно останавливались: ее тянула лавка, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо. Однажды даже дѣвочка, маленькая ея дочь, сказала ей: «Ну зачѣмъ ты покупаешь, мама? Вѣдь отъ этихъ пряниковъ тошнитъ!» — «Мама—глупая!»—сказала она въ другой разъ, очевидно, наслушавшись ругательствъ родителя. И хотя нельзя сказать, чтобы эти сужденія были резонны въ очень испорченной дѣвочкѣ, но они были правильны: вся эта женщина была какая-то смѣсь разгильдяйства и дѣтства самаго ранняго, интересующагося куклами и пряниками.

«Никакихъ умственныхъ способностей, даже никакой умѣлости думать о чемъ-нибудь я не замѣчалъ въ нихъ довольно долго и, признаюсь, немало удивлялся причинѣ существованія на свѣтѣ подобныхъ людей. Они оба не умѣли отвѣтить ни на одинъ дѣтскій вопросъ: «отчего тучи», «отчего вѣтеръ» и т. д. Если и случалось кому-нибудь изъ нихъ обмолвиться однимъ или двумя приблизительно справедливыми отвѣтами на одинъ или два дѣтскіе вопроса, то третій вопросъ уже утомлялъ ихъ, и всегда, рѣшительно всегда, вмѣсто отвѣта дѣти получали что-нибудь въ родѣ: «отстань», «отвяжись, несносный!», «заладилъ: зачѣмъ? зачѣмъ?—сиди смирно и молчи...» Единственное дѣло, которое они дѣлали не только легко, но съ удовольствіемъ, съ истиннымъ дарованіемъ, какъ самые безукоризненные артисты, это было—лганье. Лганьемъ они успокаивали плачущихъ дѣтей, говоря, что: «Вонъ-вонъ, видишь? какая летитъ птица...» Или: «Вотъ сейчасъ пріѣдемъ, тамъ будетъ музыка, игрушки» и т. д. Съ обѣщаніями всевозможныхъ подарковъ и удовольствій, которыя должны быть «завтра», они укладывали ихъ спать. Затѣмъ лгали поутру, когда дѣти не видѣли исполненія обѣщаній, и лгали цѣлый Божій день, какъ бы умышленно стараясь дать ненастоящій отвѣтъ—иной разъ самый обыкновенный, а непремѣнно вздорный и лживый. Эта черта немало мучила меня въ теченіе первыхъ дней дороги: я видѣлъ, что имъ гораздо было легче врать самыя несообразныя вещи, чѣмъ говорить правдиво и выражаться точно о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Но—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Съ каждымъ днемъ талантъ лганья сталъ выказываться въ нихъ не только по отношенію къ дѣтямъ, но въ несравненно бо̀льшихъ, грандіознѣйшихъ размѣрахъ, убѣдившихъ меня, что въ людяхъ этихъ не одинъ только сонъ, аппетитъ и лѣнь, но есть и умъ, и умъ довольно острый, хотя не могущій проявляться ни въ чемъ, кромѣ лганья.

«Первые признаки этой удивительной способности стали обнаруживаться съ той минуты, когда на какой-то изъ почтовыхъ станцій у насъ вышли всѣ деньги. Не было возможности доѣхать не только до мѣста, но и до ближайшаго губернскаго города, до котораго оставалось верстъ сто съ небольшимъ. Какъ только обнаружился фактъ отсутствія денегъ, тотчасъ же и отецъ, и мать, и дѣти даже (!) какъ бы соединились въ какой-то общей заботѣ, общемъ

стараніи выйти изъ затрудненія, и сосредоточились на изобрѣтеніи средства къ выходу изъ затруднительнаго положенія. Они молчали, не говорили ни другъ съ другомъ ни со мной ни слова. Но видно было, что у нихъ что-то созрѣвало... И точно... Когда мы пріѣхали на станцію, съ которой намъ далѣе не было возможности ѣхать, я не узналъ нашихъ растеряхъ и разгильдяевъ. Это были принцы, князья, которыхъ надо было выносить на рукахъ, которые были всѣмъ недовольны, капризничали и на всѣхъ прикрикивали; относясь ко мнѣ всю дорогу съ истинно-мужичьей простотой, тутъ вдругъ стали обращаться со мной какъ съ лакеемъ, придавая голосу какой-то небрежный оттѣнокъ и говоря непремѣнно по-французски, даже при мужикахъ... Оказалось, что эта грубость и свинство, расточаемыя ко всѣмъ (чтобы дать всѣмъ понятіе о томъ, что это господа «хорошіе, строгіе»), были только фундаментомъ для предстоявшей постройки грандіознаго вранья. За чаемъ (который тянулся чуть не полсутокъ: барыня не могла ѣхать, она была нездорова) шли разспросы, такъ, мимоходомъ, у смотрителя станціи, у его жены, у старосты, у пріѣзжихъ и т. д., повидимому, о самыхъ ненужныхъ пустякахъ; но въ то же время (разспросы велъ самъ Нееловъ) какъ-то незамѣтно, благодаря этимъ пустякамъ, оказывались самыя для меня невѣроятныя вещи: оказывалось какъ-то, что губернаторъ—родной братъ жены моего патрона, что жена—фрейлина двора, что въ городѣ у моего патрона сложено 200 тысячъ четвертей ржи, и Богъ знаетъ что... Жена, которая лежала въ другой комнатѣ, по временамъ слабымъ, изможденнымъ голосомъ привирала что-нибудь отъ себя, задавая какой-нибудь вопросъ, въ родѣ того, что: «Николя, спроси у него—съ кѣмъ ты тамъ говоришь—въ городѣ ли мой братъ?.. спроси просто—дома ли губернаторъ?..» Я сидѣлъ и не зналъ, что сказать, что думать; но, къ удивленію своему, видѣлъ, что это наглѣйшее вранье производитъ впечатлѣніе. Что всего удивительнѣе, такъ это то, что и дѣти поняли тонъ родителей, поняли въ одинъ мигъ и держали себя на той высотѣ положенія дѣтей богатѣйшихъ родителей, которое было ловко (судя по впечатлѣнію) создано лганьемъ ихъ родителей. Въ разговорѣ съ отцомъ и матерью они стали также употреблять французскія слова, произнося ихъ съ отвратительнымъ пришепетываніемъ, сюсюканьемъ и тому подобными оскорбительными для уха и сердца пріемами притворства и фальши.

Въ концѣ концовъ я былъ совершенно огорошенъ и уничтоженъ; не умолкая въ лганьѣ, мой патронъ неожиданно указалъ на меня старостѣ и произнесъ съ улыбкой: «Вотъ везу дѣтямъ француза—три тысячи счистилъ, бусурманъ...»—«Сссс...»—прошипѣлъ староста, поглядывая на меня, какъ на человѣка, который умѣетъ обчищать «нашего брата, русскаго». Я вспыхнулъ до корней волосъ отъ этого разговора; у меня захватило дыханіе, и я не могъ сказать ни единаго слова даже и тогда, когда патронъ прибавилъ: «Ничего не подѣлаешь! дѣти... вѣдь имъ нужно выходить въ люди...»—«Чего тутъ! Рубашку отдашь послѣднюю!»—прибавилъ староста и опять поглядѣлъ на меня, но уже суровымъ, даже какъ бы враждебнымъ взглядомъ, и переспросилъ: «Французъ?»—«Чистый французъ...»—«Ишь ты, дьяволъ, какой... и цѣна-то ему двугривенный, а поди-ка—три тыщи... тьфу ты, каторжный! По нашему-то знаетъ?»—«Н-ни одного слова!» Все это было такъ поразительно, такъ одуряюще-изумительно, такъ просто-нагло, что я буквально не могъ раскрыть рта, не могъ сообразить, что̀ это такое, какъ мнѣ быть и что̀ дѣлать? А когда я опомнился, понялъ, что все это врутъ обо мнѣ, и врутъ самымъ наглымъ образомъ,—я также молчалъ, но молчалъ отъ страха. Я испугался. Мнѣ стало страшно за нихъ всѣхъ; я бы не перенесъ самъ той сцены, которая могла бы послѣдовать, если бы я вдругъ сказалъ, что все это вздоръ, и все это врутъ, и что все это я понимаю. Я испугался этой сцены и боялся проронить слово. «Нельзя, батюшка!—сказалъ мой патронъ по уходѣ старосты:—назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ!.. Ничего не подѣлаешь! Ужъ вы молчите». Это было сказано такъ просто, было такъ имъ все понятно, что я и не могъ не чувствовать необходимости исполненія этого требованія. Я видѣлъ, что дѣлается дѣло, котораго я не понимаю; понималъ, что я хожу въ какой-то тьмѣ, гдѣ не знаю, что̀ сулитъ слѣдующій шагъ—ровное мѣсто или яму, и долженъ былъ отдать руку проводнику, который шелъ впереди меня и, очевидно, зналъ дорогу. Но я рѣшился тотчасъ по пріѣздѣ въ губернскій городъ уйти; я рѣшилъ отправиться въ гимназію, попросить у директора уроковъ и остаться жить гдѣ-нибудь въ маленькой квартиркѣ, распродавъ изъ своего имущества все, что̀ можно. Задавшись этимъ рѣшеніемъ, я молчалъ и ждалъ, но считалъ себя уже совершенно чужимъ и ему, и ей, и дѣтямъ; я ждалъ не дождался пріѣхать по-

скорѣй въ городъ, но все-таки не понималъ, какъ это можетъ случиться? Мало, что мы не имѣли ни копейки, мы еще наѣли и напили у станціоннаго смотрителя на громадную сумму (конечно, громадную при отсутствіи денегъ). Мнѣ съ ужасомъ представилась минута, когда должно было открыться, что намъ нечѣмъ платить и что мы все врали и лгали. Но, къ удивленію моему, все это вранье, лганье, всѣ эти безпрестанныя требованія то того, то другого, требованія совершенно ненужныя, сдѣлали свое дѣло. И станціонный смотритель, и жена, и староста, и мужики и бабы, толпившіеся вокругъ станціи, поняли, что ѣдутъ безтолковые, неразсчетливые господа, прихотники, что ихъ можно обчистить, поживиться. И благодаря этому, едва только больная madame объявила, что она не поѣдетъ на почтовыхъ, а хочетъ ѣхать на вольныхъ, едва она пожелала, чтобы ей отыскали вольныхъ ямщиковъ, у которыхъ такіе широкіе, просторные и покойные тарантасы,—какъ немедленно вся станціонная комната была запружена этими ямщиками, наперерывъ предлагавшими услуги. Толкая другъ друга, они лѣзли на барина и кричали: «Я... меня... Василія-то!». Баринъ не торговался и не хотѣлъ никого обидѣть; до сей поры мы ѣхали въ одномъ экипажѣ, теперь понадобилось два: одинъ для него и больной, другой для меня съ дѣтьми. Баринъ взялъ эти два экипажа отъ разныхъ владѣльцевъ. Въ сущности, дѣло было въ томъ, что, желая укрѣпить за собой работу, ямщики совали свои задатки, и баринъ взялъ съ двухъ по красной бумагѣ, т.-е. по десяти рублей, тогда какъ, возьми онъ оба тарантаса отъ одного, у него было бы въ карманѣ не двадцать, а только десять рублей. Такимъ образомъ неистовое лганье выручило насъ изъ бѣды и кромѣ того давало деньги, которыхъ у насъ копейки не было. «Дивны дѣла Твои, Господи!» — подумалъ я, усаживаясь вмѣстѣ съ дѣтьми въ покойный, просторный тарантасъ... Толпа народа, провожавшая насъ, весело желала счастливаго пути, низко кланяясь; смотритель, староста, жена смотрителя — всѣ говорили: «дай Богъ вамъ!»—всѣмъ хватило одной красненькой, полученной отъ ямщиковъ.

«Едва мы выѣхали за селеніе, какъ меня отъ дѣтей позвали въ экипажъ господъ... Ни злобы, ни ненависти, ни вражды не было у обоихъ ни капли. Они дѣйствовали, работали, благополучно окончили предпріятіе и были въ самомъ веселомъ расположеніи духа... Извинившись передо мной и

насуливъ мнѣ въ будущемъ золотыя горы, которымъ я ужъ, конечно, не вѣрилъ, они наперерывъ другъ передъ другомъ старались расположить меня къ себѣ, засыпали разговорами и воспоминаніями о заграничной жизни... Не могу представить, что̀ это были за воспоминанія! «Ахъ, Парижъ!»— говоритъ мадамъ, хватаясь за голову отъ восхищенія, и внезапно прибавляетъ, обращаясь къ мужу:—«помнишь, у Вефура маленькія птички и такая поджаренная штучка... что̀ это такое!..»—«А вино-то, а вино-то, а вино-то?.. Ахъ, а-ахъ, ахъ, ахъ!..» И цѣлый потокъ винъ, счетовъ, туалетовъ, перемѣшанныхъ съ винами и ѣдами, именъ кокотокъ и очаровательныхъ мужчинъ, перемѣшанныхъ съ туалетами и винами, и наконецъ сплошное и длинное признаніе во всевозможномъ распутствѣ. Въ этомъ они оба какъ бы сливались воедино, были нераздѣльны, великодушны другъ къ другу, гуманны и человѣчны до послѣдней степени. Въ этомъ-то потокѣ воспоминаній, къ удивленію моему, поминутно то онъ, то она произносили что-нибудь въ родѣ: «Чувство не можетъ быть стѣснено...» «Никто не имѣетъ права распоряжаться чужимъ сердцемъ...» и т. д., и къ каждому такому изреченію то онъ, то она присоединяли разсказъ, отъ котораго я горѣлъ со стыда... а они, прямо сказать, облизывались. Подъ конецъ они до такой степени изумили меня избыткомъ взаимной преданности другъ къ другу, что я поторопился перебраться въ тотъ экипажъ, гдѣ были дѣти.

«Когда я подошелъ къ дѣтямъ, они о чемъ-то оживленно разговаривали, другъ друга перекрикивая, громко смѣясь, «заливаясь смѣхомъ», но, завидѣвъ меня, замолкли, сохраняя возбужденное выраженіе лицъ.

«— Что̀ же вы замолчали?—разговаривайте!—сказалъ я. Дѣти переглядывались другъ съ другомъ, хитро улыбались и молчали.—«О чемъ вы разговаривали? разскажите мнѣ». Нѣкоторое время они молчали, но одинъ изъ нихъ не выдержалъ и торопливо проговорилъ:—«Какъ мы были влюблены!..»—«Кто—мы?»—«Мы всѣ... Я, Вася, Лиза...»—«Я только разъ,—сказалъ мальчикъ, какъ мнѣ показалось, угрюмо-туповатый: — а Ѳедя—пятнадцать — тридцать — милліонъ!» (Вася былъ девяти лѣтъ, но не умѣлъ ни считать ни читать и по развитію былъ не больше четырехлѣтняго ребенка).—«У мамы тоже тридцать милліоновъ!»—прибавилъ Ѳедя (старше Васи двумя годами).—«Глупый!»—сказала Лиза и состроила скромное лицо.—«А у самой тоже семь мальчиковъ!»—сказали оба мальчика. Лиза, дѣвочка по

одиннадцатому году, понимавшая больше всѣхъ дѣтей и болѣе всѣхъ зараженная фальшью, только было-хотѣла сдѣлать обиженное презрительное лицо, какъ Вася, откровенный, хотя и дубоватый, торопливо заговорилъ, обращаясь ко мнѣ:—«А моя мама меня, разъ случилось, забыла въ фіакрѣ... Вы знаете Шарль?»—«Нѣтъ, не знаю».—«Это изъ контуаръ... Папа называлъ его «карамора...» Они меня и забыли... Поѣхали о-буа, тамъ такой есть кафе... изъ маленькихъ рюмочекъ пьютъ... Они пили, а я захотѣлъ спать... Шарль взялъ и снесъ меня въ фіакръ, а потомъ они ушли пѣшкомъ и забыли... Я проснулся у солдатъ. Вотъ такъ смѣшное».—«Смѣшное?»—«А какъ тебя домой привезли?»—напоминала Лиза.—«Я у нихъ былъ два дня... На третій день пришелъ папа... и взялъ... Тогда было страшно, теперь нѣтъ...»—«А папа вывалился изъ фіакра...—заговорилъ Ѳедя:—а я сижу, испугался, плачу... Его ударила Камиль...»—«А онъ?»—спросилъ Вася.—«Онъ упалъ и лежитъ. Потомъ его посадили опять и повезли, привезли въ церковь—вызвали людей и стали спрашивать, гдѣ живетъ мосьё, а папа спитъ... Меня тоже Алиса ударила. Я не бранился и папа не бранился... А потомъ я ее ударилъ за бисквитъ...»—«А Лиза!—опять началъ Вася:—такъ ее били, страсть какъ, и Пьеръ, и Фредъ, и консьержень Андрэ... дубина чистая, а ей нравится... Этакая вертушка!»—«Какія ты все говоришь глупости. Непріятный мальчикъ!.. И мама вѣдь упала съ лѣстницы, помнишь? а на меня говоришь».—«Мама плакала, а ты рада. Ты говоришь: выросту—поѣду къ Андрэ, и онъ тебя изобьетъ палкой. Ужъ Фредъ—вотъ чудо, какъ у мамы этотъ бѣленькій, Антуанъ... до-добрый, а она его обругала... Она тогда сердилась... А папа—такъ тотъ никогда не билъ... Только разъ палкой ударилъ лакея... Помнишь? (обращался онъ то къ Ѳедѣ, то къ Лизѣ). У обезьянъ... Помнишь ибисы?..»—«Кра-а-асные!..»—«Розовые,—поправила Лиза:—и голосъ у нихъ, какъ въ мѣдный тазъ бить палкой... громко звенитъ!»—«Нѣтъ, вотъ слонъ,—сказалъ Вася:—левъ, бегемотъ; у бегемота, знаете,—голова съ этотъ тарантасъ...»—«Ну, ужъ врешь!»—«Нѣтъ, будетъ, и онъ въ водѣ и весь въ...»—«Какой отвратительный мальчикъ!—скорчивъ непріятную гримасу, сказала Лиза:—все у тебя на умѣ гадости».—«А у тебя консьерженъ адрюнька-горюнька...» При этой фразѣ Васи всѣ захохотали, не исключая и самого Васи.—«Что же это значитъ: влюбиться?»—спросилъ я.—«Пѣловаться!—сказалъ угрюмый Вася катего-

рически.—Еще есть тамъ штуки».—«А мама,—неожиданно произнесъ Ѳедя:—вѣдь любитъ папу, она его только такъ бранитъ... онъ пьетъ... А когда его посадили въ... знаешь?.. Она плакала... Помнишь, мы ходили?—высоко-высоко... А потомъ поѣхали всѣ, я, мама, Ѳедя, Лиза пить шоколадъ на бульваръ, а тамъ ужъ «карамора» и есть... И насъ всѣхъ угостили...»—«А еще мы видѣли,—начала Лиза:—верблюда!» Мальчики покатились со смѣху.—«Вотъ такъ заговорила! Говорили объ одномъ, а она Богъ знаетъ о чемъ... Верблюдъ! Умна! Очень умна!..»—«Дуракъ и отвращенье!—сказала Лиза со злостью.—Я скажу мамѣ про то... помнишь?» (это было сказано угрожающе).—«Говори! Все ты врешь. А я про тебя скажу. Что ты дѣлала?.. Помнишь? а? Небось! Ну, говори, говори...»—«Лгунишка, гадкій мальчикъ!..»—«Она, знаете, что дѣлала (это ужъ Вася обращался ко мнѣ)? Я вошелъ въ кабинетъ-туалетъ: вдругъ...»—«Ни! ни! ни!»—не сердясь, а лукаво улыбаясь и грозя пальцемъ, какъ колокольчикъ зазвенѣла Лиза.—«То-то!»—«А ты лучше представь, какъ папа зоветъ гарсона, когда придетъ поздно». Вася тотчасъ же сдѣлалъ осоловѣлые, пьяные глаза, искривилъ станъ и во всю мочь, самымъ *толстымъ*, какъ говорятъ дѣти, голосомъ проревѣлъ раза три: «гарсонъ», съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе выражая нетерпѣніе и даже злясь... — «Это онъ въ темнотѣ,—прибавилъ Вася:—такъ гаркнетъ—весь отель проснется...»—«А мама?»—подсказалъ Ѳедя.—«А мама совсѣмъ по-другому: — «не ори, пожалуйста!»—жеманясь, кокетничая, проговорилъ онъ.—Ну, можно ли такъ орать (это она папѣ),—это ужасъ. Дай, я...» И, поднявъ голосъ до самаго высшаго подобія птичьему, Вася, ко всеобщей потѣхѣ, необыкновенно смѣшно произнесъ то же слово, растягивая его и стараясь придать ему самый утонченный тонъ, и, окончивъ, прибавилъ:—«и у обоихъ тутъ... (онъ повертѣлъ пальцами у лба) шумитъ...»

«Съ тѣхъ поръ, какъ я твердо рѣшился оставить ихъ, я смотрѣлъ на нихъ, какъ на чужихъ, постороннихъ мнѣ людей, и не могъ надивиться: ни родители ни дѣти, казалось мнѣ, не знали, да и не думали о томъ, зачѣмъ они существуютъ на свѣтѣ? Эта семья была какой-то грибъ, выросшій на гнилой и жирной почвѣ крѣпостного права, жизнь для нихъ—грубое удовольствіе, вѣчное отдохновеніе отъ ничегонедѣланія... Что ожидало ихъ въ будущемъ? На это я не могъ дать отвѣта.

«Весь этотъ день мы, то-есть семейство Нееловыхъ, было

очень весело; на слѣдующій день, по мѣрѣ приближенія къ городу, гдѣ предстояло расплатиться съ ямщиками, вновь все семейство сосредоточилось и притихло. Папа не былъ особенно хмеленъ и, очевидно, что-то соображалъ; мама тоже о чемъ-то крѣпко думала. А ямщики между тѣмъ, чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ веселѣй прикрикивали на лошадей, тѣмъ звончѣй звонили колокольчики—и весь нашъ мрачный, обремененный черными мыслями поѣздъ со свистомъ и гарканьемъ мчался въ какую-то темную даль неизвѣстнаго.

«Пріѣхали мы поздно вечеромъ и остановились въ лучшей гостиницѣ города. Ямщикамъ дали рубль на чай и велѣли приходить завтра поутру, въ девятомъ часу. По удаленіи ихъ, немедленно потребованъ былъ чай и ужинъ въ самыхъ широчайшихъ размѣрахъ: вся прислуга въ гостиницѣ сбилась съ ногъ, подавая то то, то другое. Всѣ суетились, норовили услужить, угодить, наперерывъ другъ передъ другомъ: умерло крѣпостное право, но не умеръ баринъ, умѣющій «барствовать», и лакей, умѣющій угодить барину.

«Подъ конецъ этого ужина мнѣ стало страшно за всѣхъ ихъ и, признаюсь, частью даже жалко. Но утромъ я рѣшился объявить имъ о томъ, что оставлю мѣсто. Однако, проснувшись въ девять часовъ, я уже не нашелъ ни папы ни мамы. Мальчики въ однѣхъ рубашонкахъ и босикомъ выглянули ко мнѣ изъ другой комнаты съ веселымъ утреннимъ смѣхомъ и скрылись назадъ, толкая и щекотя другъ друга и шлепая по голому полу босыми ногами.—«Они ушли!..»—отвѣчали мнѣ они всѣ трое изъ спальни и вновь принялись смѣяться и хохотать, толкать другъ друга и бросаться подушками... Въ коридорѣ, куда я вышелъ, чтобы попросить принести чаю, толкались два мужика, выражая на лицахъ напряженное ожиданіе и держа шапки въ обѣихъ рукахъ, какъ бы приготовляясь напялить ихъ на голову и уйти, конечно, получивъ деньги.—«Скоро ли придутъ господа?»—спросилъ я у лакея.—«Ничего не изволили сказать-съ... Надо-быть, скоро; ямщики вонъ вчерашніе ихъ дожидаются... велѣли придти». И, оставивъ подносъ на столѣ, слуга удалился на этотъ разъ, какъ мнѣ показалось, уже съ оттѣнкомъ недовѣрія во взглядѣ. Дѣти кой-какъ одѣлись и принялись за чай. Глядя на ихъ шершавыя, запущенныя головы, ихъ неряшливость, неразвитость, мнѣ стало очень жаль ихъ; но дѣлать было нечего, надо было идти. «Я пойду,—сказалъ я дѣтямъ:—а вы побудьте смирно,

Я попрошу къ вамъ дѣвушку; если что будетъ нужно, спросите у нея».

«— Мы привыкли одни!—отвѣчали дѣти хоромъ.—Только вы приходите скорѣй!»

«Я взялъ свой небольшой саквояжъ, тотчасъ же заложилъ его у перваго закладчика, отыскалъ комнату въ три рубля, уговорился насчетъ обѣда, по пятнадцати копеекъ за разъ, и отправился къ директору гимназіи. Здѣсь мнѣ пришлось прождать его пріема до половины третьяго,—до тѣхъ поръ, пока не кончились уроки. Причину моего появленія въ чужомъ городѣ я старался высказывать въ болѣе мягкой для моихъ патроновъ формѣ, сказалъ о размѣрахъ моихъ свѣдѣній, и директоръ далъ мнѣ слово похлопотать объ урокахъ.

«Зашелъ я на новую квартиру, поѣлъ и отправился въ гостиницу, чтобъ объявить о своемъ рѣшеніи и взять назадъ мои документы. Сцена, которую я засталъ тамъ, ошеломила меня совершенно... Еще снизу я услыхалъ какой-то неистовый ревъ и топотъ и, къ ужасу моему, узналъ въ этомъ ревѣ голосъ моего патрона. Поднявшись во второй этажъ, я увидѣлъ, что патронъ, сильно пьяный, весь красный и неистово злой, оралъ, гналъ вонъ и лѣзъ съ кулаками къ ямщикамъ, которые были окружены тѣснымъ кольцомъ прислуги и праздныхъ зрителей. Всѣ, не исключая и этихъ зрителей, принимали участіе въ галдѣньи, сливавшемся изъ самыхъ разнородныхъ звуковъ. Тутъ было и поминутное упоминаніе словъ: «нѣтъ, не такое время!..», «коротки руки», «не имѣешь права» и «правовъ такихъ нѣтъ», «какое ты имѣешь право?» Съ другой стороны, раздавались и рѣзко отчеканенныя ругательства въ родѣ: «баррринъ тоже... губернаторскій племянникъ, шутъ его знаетъ!..» и просто: «въ морду тресну!..» или «расшибу!» и т. д. Весь этотъ хоръ, увеличиваясь поминутно новыми участниками, съ каждымъ мгновеніемъ выросталъ въ отношеніи безобразія и рева, въ которомъ до хрипоты надсаженный голосъ моего патрона не умолкалъ ни на минуту. Я осторожно пробрался въ номеръ, куда тотчасъ же вслѣдъ за мной явился и патронъ, хлопнулъ за собой дверью и произнесъ: «жалуйся!»—слово, которое онъ не успѣлъ договорить въ коридорѣ... Къ удивленію моему (не помню, почему я тогда удивился этому), онъ былъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ,—словомъ, онъ былъ одѣтъ безукоризненно, хотя и безукоризненно пьянъ... Онъ вошелъ въ комнату до того стремительно, что едва не сбилъ съ ногъ свою

дочь, которая робко толкалась у двери, слушая, что дѣлается въ коридорѣ.—«Ты что тутъ вертишься?»—съ тою же разъяренною хрипотою накинулся онъ на нее, едва произнесъ слово: «жалуйся!». Дѣвочка попятилась и молчала, подъ вліяніемъ неописаннаго страха.—«Что ты толчешься у дверей?»—стиснувъ зубы, прошипѣлъ онъ и, наступая крошечными шагами, пальцемъ задѣлъ ее и зло и больно по виску...—«Э!—э!..»—злясь все болѣе и болѣе и, какъ кажется, самъ не понимая, что дѣлаетъ, мычалъ онъ, замахиваясь уже рукою... Вдругъ раздирающій плачъ двухъ мальчиковъ, наблюдавшихъ молча эту сцену, къ которымъ немедленно присоединилась и дѣвочка, огласилъ всю комнату; но это не только не остепенило его, но, напротивъ, точно подлило жару.—«Вы что тутъ, каннальи!»—напустился онъ на мальчиковъ и съ сжатыми кулаками направился къ нимъ. Мгновенно всѣ разбѣжались съ визгомъ и ревомъ.—«Бѣж-жать!..» И съ этимъ словомъ патронъ ринулся за ними, и скоро изъ другой комнаты раздался ударъ, за нимъ другой...—«Папа! папа! папа! ай, ай!..»—«Молчи! молчать! ни пик-кнуть...» Къ этому требованію молчанія примкнула и мать, голосъ которой съ неменьшею злостью выкрикивалъ изъ спальни:—«Сейчасъ замолчи! сейчасъ выгоню на улицу...»

«Не берусь во всѣхъ подробностяхъ представить эту сцену; ничего болѣе возмутительнаго и варварскаго не видалъ я въ теченіе всей моей жизни. Битье, оранье, топанье, несмотря на то, что я вступился и оттаскивалъ несчастныхъ дѣтей отъ этихъ безжалостныхъ родителей, продолжалось, какъ мнѣ показалось, безконечное количество времени. Дѣти, найдя во мнѣ защитника, вцѣпились въ меня со всѣхъ сторонъ, не отходили, дрожа и всхлипывая: они были избиты и исщипаны. Такъ мы цѣлой, неразрывной группой и сидѣли, не разставаясь ни на минуту, и слушали ужасную, безстыдную брань между родителями, въ которой уже разъ замѣченное мною въ нихъ взаимное отвращеніе выразилось въ самыхъ невозможныхъ размѣрахъ... Я сидѣлъ съ ребятами, чувствуя вокругъ себя ихъ колеблющіеся отъ нервной дрожи маленькіе пальцы, и думалъ: «Что же я буду дѣлать? Уйти отъ нихъ?..» Но я не могъ уйти, они держались за меня обѣими руками, и мнѣ было ихъ жаль. «Остаться? Что тогда будетъ со мной, съ сестрой, съ матерью?..» Ни того ни другого вопроса я не рѣшилъ и сидѣлъ, уже не думая о себѣ, а только чувствовалъ, что дѣтей мнѣ бросить нельзя, что я этого

сдѣлать не могу, что это будетъ злое, безсердечное дѣло... Такъ я и сидѣлъ съ ними. Я молчалъ, и они молчали. Я ихъ уложилъ спать, остался съ ними въ комнатѣ, ночевалъ съ ними, а на утро уже почувствовалъ, что рѣшительно не могу уйти отъ нихъ. Не потому, чтобы я полюбилъ ихъ, но мнѣ просто было ясно, что нельзя сдѣлать этого, что, сдѣлай я это, я уйду съ сознаніемъ злого дѣла на душѣ. Я понималъ очень хорошо, что съ этой семьей мнѣ предстоитъ гибель, что такая же гибель ожидаетъ и бѣдную мою матушку и сестру: все это я понималъ какъ нельзя быть яснѣе, но какая-то новая, высшая обязанность, какая-то новая высшая сила взяла меня въ свою власть и приковываетъ неразрываемыми цѣпями къ участи этихъ дѣтей... Оставить ихъ я—не могу.

«И вотъ я въ деревнѣ. Какъ добрались мы сюда, какіе фортели выдѣлывали мои патроны для того, чтобы продолжать путешествіе (заемъ денегъ у архіереевъ, въ монастыряхъ, продажа 200 тысячъ пудовъ несуществующаго хлѣба, телеграмма отъ министра о наградѣ и т. д. и т. д., до безконечности),—этого я вамъ описывать не буду. Все это грустно въ высшей степени. Теперь же мы живемъ въ холодномъ, растасканномъ, пустомъ домѣ, безъ денегъ, почти безъ достаточной пищи, въ непрестанномъ ожиданіи полиціи, которая неминуемо должна увѣковѣчить различные эпизоды нашего путешествія въ видѣ протоколовъ и судебныхъ взысканій. Ни малѣйшихъ слѣдовъ европейской цивилизаціи незамѣтно ни въ обстановкѣ ни въ насъ самихъ; ходя по комнатѣ въ валенкахъ, «самъ» не снимаетъ ни шапки ни полушубка даже за обѣдомъ, «сама» въ мужскихъ калошахъ, съ подвязанными щеками, съ милліонами капризовъ и вообще въ такомъ непривлекательномъ видѣ, что подробно я вамъ изображать не желаю. Ссоры и брань, угрюмыя, хладнокровныя—ежедневны и ежечасны между обоими супругами. Дѣти не отходятъ отъ меня, осаждая тысячами вопросовъ, и обнаруживаютъ при этомъ въ себѣ сущихъ дикарей. Ни книгъ, ни бумаги, ни перьевъ въ достаточномъ количествѣ нѣтъ. Вчера удалось добыть у священника цѣлую десть—и вотъ я строчу вамъ это письмо. Завтра или вообще на-дняхъ я напишу вамъ еще письмо, въ которомъ мнѣ хочется предложить на ваше обсужденіе нѣсколько вопросовъ, тѣмъ болѣе, что они возникли отчасти благодаря вамъ. Помните, мы шли въ Лефортовѣ, я заходилъ по адресу «Полицейскихъ Вѣдомо-

стей»? Вы тогда сказали, что у меня на умѣ только я, да моя мать, да рубль? Ну, такъ вотъ по этому поводу... О жалованьи теперь ни патронъ ни патронесса и не говорятъ даже, не упоминаютъ ни слова, да и у меня языкъ не повертывается сказать. Что̀ меня ожидаетъ, рѣшительно не знаю; но знаю, что у меня есть значительныя обязанности, которыми я не могу манкировать. Пожалуйста, отвѣтьте на мое письмо, которое получите вслѣдъ за этимъ, и будьте здоровы...»

Но ни «на-дняхъ», ни черезъ мѣсяцъ, ни черезъ годъ я не получалъ отъ моего «иностранца» никакого письма и не имѣю о немъ вообще никакихъ извѣстій. Правда, не прошло и полугода послѣ разлуки съ «иностранцемъ», какъ я самъ покинулъ Москву, но въ тѣ мѣсяцы, которые прошли послѣ полученія перваго письма, я не разъ встрѣчался съ его знакомыми, нѣмецкими портными и т. д., и спрашивалъ ихъ о нашемъ общемъ знакомомъ. Всѣ они отвѣчали, что ничего не знаютъ... Такъ я и забылъ его, отдавшись теченію личной моей жизни или, вѣрнѣе, моей личной каторгѣ,—и только черезъ два съ половиною года, въ одномъ изъ глухихъ уголковъ русской земли, я неожиданно получилъ письмо отъ забытаго мной «иностранца». Письмо долго странствовало по русскимъ городамъ и весямъ, все было исписано справками и измято штемпелями почтовыхъ конторъ. Оно было такъ же длинно, такъ же аккуратно написано, но содержаніе его на первыхъ же порахъ вовсе не напоминало мнѣ того разсчетливаго, аккуратнаго, съ маленькими потребностями маленькаго уютнаго сердца, какимъ мнѣ казался иностранецъ въ былое время. «Вотъ уже два года, какъ мы разстались,—писалъ онъ:—и сколько перемѣнъ и удивительныхъ происшествій въ моей жизни! Во-первыхъ, я болѣе полутора года женатъ на m-me Нееловой; ея мужъ умеръ черезъ полгода...» Прочитавъ это, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: что̀ это такое?—спрашивалъ я самого себя. Женатъ на той особѣ, которую онъ изобразилъ такими красками и которая никакъ не могла внушить ему не только любви (я вспомнилъ ея видъ, манеры, голосъ, жеманство—все, что̀ видѣлъ въ тотъ осенній вечеръ), но и уваженія. Какъ же могло произойти это? Письмо должно было разъяснить мнѣ эту тайну, и я принялся за него.

IV.

Съ величайшимъ недоумѣніемъ принялся я за чтеніе письма, въ которомъ «иностранецъ» извѣщалъ меня о своемъ невѣроятномъ бракѣ, стараясь поскорѣе добраться до уясненія себѣ причинъ такого поистинѣ неблагообразнаго союза.

«Пишу вамъ,—говорилось въ письмѣ:—объ этомъ событіи такъ подробно потому, что, кромѣ васъ, у меня нѣтъ человѣка, который бы могъ понять и безпристрастно посмотрѣть на этотъ поступокъ. Ни мать ни сестра естественно не могутъ смотрѣть на это дѣло иначе, какъ на мою собственную гибель, и, разумѣется, напиши я имъ подробно «обо всемъ», я заставлю ихъ только плакать и ужъ не знать покоя... Вы не повѣрите, какъ я опечаленъ этимъ для матери и сестры «несчастіемъ», какъ мнѣ нужно теперь постороннее, разумное, доброе слово, не одобреніе—нѣтъ, а просто словечко сочувствія. Это мнѣ необходимо для того, чтобы оправдать въ моихъ собственныхъ глазахъ то жестокое дѣло, которое я сдѣлалъ съ матушкой, и укрѣпить во мнѣ вѣру въ трудное дѣло, за которое я взялся. А дѣло точно трудное; надо много воли, надо много терпѣнія окаменѣлаго, не на мѣсяцъ, а на десятки лѣтъ, т.-е. до старости, до конца жизни... Вы пишите мнѣ. Поддержите, будьте другомъ; пишите, Бога ради, побольше о служеніи, о презрѣніи къ мелочамъ жизни—мнѣ дорого имѣть теперь катехизисъ самопожертвованія: я выдолблю его наизусть, наполню имъ и умъ и сердце—отдамъ всего себя... А вы такъ много и такъ складно разсуждали на эту тему... Вы можете написать мнѣ хорошее письмо... и вы его пишите скорѣе, какъ можно скорѣй... Я буду его постоянно хранить при себѣ, какъ спиртъ, для тѣхъ минутъ, когда кружится голова... А она у меня часто кружится; но покуда я еще не падалъ въ обморокъ; покуда держусь на ногахъ и продержусь еще долго, потому что надо...

«Трудное это дѣло я взвалилъ на свои плечи все потому же, почему, думая бѣжать съ дороги, не могъ это сдѣлать и остался, пріѣхалъ въ глушь,—т.-е. потому, что ко мнѣ привязались покинутыя, одинокія, одичалыя дѣти. Въ этомъ все. Съ каждымъ днемъ по пріѣздѣ въ деревню я убѣждался, что только во мнѣ они находятъ вниманіе къ ихъ безчисленнымъ дѣтскимъ нуждамъ и интересамъ, и

что только отъ меня зависитъ не погубить ихъ. Я могу ихъ оставить; у меня есть къ этому всѣ основанія—я долженъ помогать матери, сестрѣ; кромѣ того, я не виноватъ, что на свѣтѣ есть тысячи взбалмошныхъ отцовъ и матерей, не сознающихъ своихъ обязанностей къ своимъ дѣтямъ; наконецъ я, какъ живой человѣкъ, долженъ жить и для себя; мнѣ тоже хочется больше знать, любить, хочется выработать себѣ нѣкоторыя удобства жизни, хочется имѣть возможность оплачивать моими трудовыми деньгами такой уголокъ, гдѣ бы я могъ отдохнуть отъ труднаго дня, гдѣ бы мнѣ было тепло... И, безъ всякаго сомнѣнія, я могу все это сдѣлать, всего этого достигнуть. Для этого стоитъ только нанять лошадей за полтора цѣлковыхъ до города, подождать тамъ денегъ отъ матери (на это освобожденіе она навѣрное достанетъ необходимую сумму)—и вновь быть свободнымъ... Однако могъ ли я это сдѣлать? Могъ ли уѣхать? Чтобы сдѣлать это—я долженъ бы былъ оставить на произволъ судьбы три человѣческія существа, три человѣческія души... Я долженъ былъ ихъ бросить, сказавъ имъ примѣрно слѣдующее: «Милые мои ребята! Я долженъ васъ оставить, но вы на меня не сердитесь; я не виноватъ, что судьба послала вамъ такихъ безумныхъ родителей, что вамъ грозитъ въ будущемъ нищета, невѣжество, и что единственнымъ спутникомъ и пособникомъ вашимъ въ жизни будетъ только громадная лѣнь, воспитанная въ васъ примѣромъ вашихъ родителей. Не виноватъ я также въ томъ, что вы ничему никогда не выучитесь, что будете праздными ртами, и что, можетъ-быть, желаніе и привычка жить не трудясь доведутъ васъ и до преступленій. Очень можетъ случиться, что вотъ ты, Ѳедя, въ трудную минуту не задумаешься стянуть у калашника калачъ, у пьянаго—деньги; что ты, Вася, способный, сообразительный мальчикъ, быть - можетъ, станешь шулеромъ, поддѣлывателемъ чужихъ подписей, а ты, Лиза... Во всемъ этомъ, милые друзья мои, я не виноватъ; обвиняйте въ этомъ вашихъ родителей, но меня пустите; у меня есть матушка, которой я долженъ помогать; я хочу жить для себя, учиться, больше знать. Посудите вы сами, за что-жъ я отдамъ вамъ мою жизнь? А чтобы спасти васъ, чтобы оградить васъ отъ угрожающей вамъ праздной, а можетъ-быть, и позорной жизни—нужна моя жизнь, жизнь не виноватаго ни въ чемъ человѣка...» Не правда ли, что я могъ бы въ оправданіе своего удаленія привести

множество самыхъ вѣскихъ доводовъ? Вѣдь весь же свѣтъ живетъ, повинуясь правилу: «Я иду мимо твоихъ страданій потому, что не я причинилъ ихъ тебѣ»; отчего-жъ мнѣ-то не поступить такимъ же точно образомъ,—тѣмъ болѣе, что вѣдь я прохожу мимо чужой бѣды не только во имя собственнаго спокойствія, но главнымъ образомъ во имя спокойствія моей старухи-матери, во имя необходимости дать покой ея больнымъ костямъ? Вѣдь эта старушка трудилась всю жизнь, ѣла трудовой хлѣбъ, каждый кусокъ булки, каждая ленточка на ея изломанной шляпѣ—вѣдь это все добыто варварскимъ трудомъ учительницы, которой нужно было всю жизнь бѣгать по купеческимъ домамъ и въ то же время вскармливать, учить, выводить въ люди троихъ собственныхъ дѣтей. Могу ли я жертвовать ею для этой семьи дармоѣдовъ, праздныхъ ртовъ, людей лѣни, желудка и животныхъ удовольствій?.. Моя труженица-старушка—не чета этимъ расхлябаннымъ, развинченнымъ, безсодержательнымъ людямъ: она—живой, любящій человѣкъ, а это—грибы на крѣпостной кучѣ, и кромѣ погибели вмѣстѣ съ кучей, на которой они выросли, имъ ничего не предстоитъ въ будущемъ, да и не можетъ предстоять... Такія соображенія, какъ видите, вполнѣ основательныя, да и не соображенія даже, а искреннія движенія сердца, исполненнаго глубокой любви къ моей дорогой старушкѣ, однако разбивались вдребезги при мысли о томъ, что точно ли «не можетъ» выйти ничего путнаго? Я ясно видѣлъ, ясно какъ на ладони, что «не можетъ» выйти только тогда, когда я уйду. Я видѣлъ, что я буду причиною гибели трехъ человѣческихъ существъ, которыя только на меня и надѣются, только во мнѣ одномъ и чаютъ спасеніе. Я видѣлъ, что, повинуясь движенію собственнаго сердца и покидая ребятъ, я съ минуты отъѣзда изъ деревни дѣлаю сразу трехъ человѣкъ, могущихъ быть честными людьми, людьми праздными и вредными; эти три несчастныя существа стали на моей дорогѣ, загородили мнѣ путь, и я долженъ бы былъ спихнуть ихъ, отогнать отъ себя, чтобы открыть себѣ путь туда, куда мнѣ надо... Мнѣ такъ представилось это: я отрываю отъ себя ихъ тоненькія ручонки, вцѣпившіяся въ меня изъ страха упасть въ бездну, отрываю потому, что мнѣ тяжело отъ нихъ, что я самъ могу упасть вмѣстѣ съ ними, и вотъ одинъ за другимъ, плача и жалуясь, падаютъ и безъ звука исчезаютъ въ темной безднѣ эти маленькіе люди,

мое иго и бремя... И тогда я, облегченный отъ ноши крестной, безпрепятственно продолжаю «мою» дорогу. Можно ли было сдѣлать это? Хватило ли бы у васъ, у кого хотите, духа сдѣлать такую жестокость, и что же бы была тогда моя жизнь, мои труды для спокойствія старушки-матери, если каждый мигъ, каждый часъ я долженъ бы былъ чувствовать на душѣ тяжесть трехъ смертей? А что это были бы дѣйствительно три нравственныя смерти, три невинно убіенныхъ—это я зналъ, видѣлъ. И вотъ отчего я не уѣхалъ. Не правда ли, какъ все это странно, удивительно? Что мнѣ они? Чужіе, не мной рожденные, не мной испорченные люди... Надо бы идти мимо, пожалѣть, посочувствовать и уйти... А поглядите поближе, и окажется, что если въ васъ есть стыдъ—не уйдете, потому что «нельзя» уйти, нельзя уходить, потому что на эти-то чужія дѣла, несчастія, ошибки и надо отдавать свою жизнь... Вѣдь такъ? Вѣдь правда это? Вотъ вы меня тутъ-то и поддержите! Напишите мнѣ объ этомъ что-нибудь сильное, что-нибудь такое, что бы высоко поднимало душу надъ всѣмъ человѣческимъ муравейникомъ... Пришлите, если можете, мнѣ книгъ о мученикахъ, о самопстязателяхъ, о людяхъ, которые не пикнутъ, если ихъ жгутъ каленымъ желѣзомъ, загоняютъ имъ подъ кожу деревянныя занозы,—о людяхъ, которые умираютъ за другихъ, которые за чужое благо томятся въ тюрьмахъ десятки лѣтъ,—о людяхъ, отъ которыхъ остались скелеты, прикованные къ стѣнѣ тюрьмы цѣпями... все это мнѣ надо, все это меня укрѣпитъ, и все это умно, хорошо, все это нужно... Я вѣдь вамъ разсказалъ только цвѣточки моей теперешней жизни, т.-е. только мою привязанность къ дѣтямъ—и вы не поймете, почему я говорю о каленомъ желѣзѣ, до тѣхъ поръ, покуда я не разскажу вамъ другихъ обязательствъ, которыя я уже «долженъ» былъ принять на себя, разъ у меня не хватило духа скинуть съ моей дороги троихъ ребятишекъ. Вотъ про эти-то другія, болѣе трудныя обязательства я и поведу теперь рѣчь.

«Шли дни за днями, и моя личная жизнь все болѣе и болѣе переполнялась заботами о чужихъ людяхъ и о чужихъ интересахъ. Мнѣ выяснились характеры моихъ тюремщиковъ-ребятъ, ихъ желанія и нужды, и мысль моя незамѣтно, но послѣдовательно стала работать надъ этими желаніями и нуждами. Сегодня, напримѣръ, меня огорчаетъ какая-нибудь звѣрская, дурная привычка въ томъ или дру-

гомъ питомцѣ, и я думаю, какъ мнѣ выбить ее изъ него. Завтра я обрадованъ открытіемъ необыкновенной наблюдательности въ Лизѣ и также не могу пройти молча мимо этого открытія... А чего стоитъ любовь къ вамъ дѣтей и ихъ взаимная ревность! Право, бываютъ минуты, когда стоитъ подумать и подумать крѣпко о равновѣсіи ихъ душъ, не дать одному заѣдать другого, не дать ихъ дѣтской хитрости, дѣтской практичности пользоваться моимъ вліяніемъ во вредъ своему товарищу. Все это заботы, тревоги, все это требуетъ наблюденія и напряженной дѣятельности. Какъ доктору надо помнить лѣкарство, которое онъ далъ больному мѣсяцъ тому назадъ, такъ и мнѣ надо помнить каждое свое слово, потому что иначе меня обличатъ три свидѣтеля, которые отлично помнятъ каждое мое слово.

«Такихъ заботъ, такихъ тонкихъ, едва замѣтныхъ, но крѣпко опутывавшихъ меня нитей прибавлялось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, такъ какъ все больше и больше я и дѣти оставались одни, безъ всякаго вмѣшательства родителей. Отецъ былъ близокъ къ смерти, и мать—можетъ-быть, и не изъ одного только приличія—была при немъ почти всегда. Нееловъ, собственно, умиралъ или старался умереть со дня возвращенія въ деревню; единственной силы, которая давала ему жизнь,—денегъ,—не было и не предвидѣлось. А безъ нихъ онъ былъ пустъ и холоденъ, и только водка держала его на ногахъ и поддерживала кой-какія надежды, конечно, фантастическія и только въ пьяномъ видѣ возможныя. Но мѣсяца черезъ три-четыре по пріѣздѣ онъ слегъ, съ нимъ сталось что-то въ родѣ бѣлой горячки, не бѣшеной и шумной, а тихой, жалобной, съ робкимъ, безмолвнымъ выраженіемъ грусти въ глазахъ. Необычайно жалокъ былъ онъ въ эти минуты, жалокъ, какъ умирающее кроткое животное. Оно не понимаетъ, почему оно прожило жизнь такъ, а не иначе; оно не раскаивается и не жалѣетъ жизни, потому что навѣрное чуетъ смерть... Быстротѣ приближенія смертнаго часа въ особенности помогъ мѣстный врачъ, человѣкъ холостой, пожилой, давно утратившій вѣру въ науку и признававшій только водку, которая его однако никогда не была въ силахъ свалить съ ногъ, хотя онъ употреблялъ ее безпрерывно. Его паціенты, купцы, чиновники, приказчики и т. д. особенно любили его за то, что, онъ, несмотря ни на какую болѣзнь, позволялъ все. «Вотъ такъ докторъ,—ужъ, прямо сказать, ха-арошій человѣкъ. Поди-ка вотъ къ нѣмцу: онъ тебѣ ни

рыбы, ни грибовъ, ни квасу, ни капусты—ни Боже мой! Постъ не постъ—онъ вниманія не обращаетъ—ѣшь скоромное, пакости душу! Ну, этотъ не то! У него «все можно», все позволяетъ...—«А капусты можно, в. б-діе?»—«Можно! Жри, говоритъ, все, что̀ хочешь!» Вотъ это такъ... Ну, конечно, что рубликъ лишній надо ужъ наддать за позволенье, ужъ безъ этого нельзя, зато—все вѣдь можно, ни въ чемъ нѣтъ остановки!» Такую же систему лѣченія онъ примѣнилъ и къ Неелову. Онъ лѣчилъ его отъ пьянства, давалъ лѣкарство, но самъ же при каждомъ визитѣ требовалъ водки и приглашалъ принять въ ней участіе своего паціента.—«Да не вредно ли ему?»—спроситъ жена.—«Ну вотъ! съ докторомъ-то вредно! Вѣдь я тутъ! Пей, любезный другъ, не прерывай. Обрывать хуже!»—«Обрывать хуже!»—шепчетъ умирающій и слѣдуетъ совѣту. Визитъ оканчивался только по опустошеніи всего, что̀ бывало въ домѣ питейнаго, спиртного. Умирающій, не поднимавшійся съ кровати, засыпалъ свинцовымъ тяжелымъ сномъ, румяный, съ налитыми водкой щеками, докторъ уѣзжалъ лѣчить какого-нибудь другого больного тѣмъ же самымъ способомъ. Въ утѣшенье, на прощанье, онъ обыкновенно прибавлялъ что-нибудь успокоительное.—«Пусть спитъ, это хорошо!.. Испарина... Накройте потеплѣе, а потомъ лѣкарство дайте... Ничего! Завтра я заѣду». А завтра опять спаивалъ больного.

«Нееловъ умеръ послѣ одного изъ такихъ визитовъ, умеръ во время тяжелаго, пьянаго сна... Похороны его раскрыли для меня новый, невѣдомый міръ—народное пониманье, народную доброту... Кажется, чѣмъ бы, кромѣ худого, помянуть этого барина, который сумѣлъ все расточить, все проѣсть, который буквально только «проѣдалъ»—сначала души, потомъ выкупныя свидѣтельства, оброки, земли и лѣса... Кажется, чѣмъ помянуть, какъ не худымъ, человѣка, который, имѣя въ рукахъ бездну средствъ, не сдѣлалъ ближнему ни капли добра и только подъ пьяную руку давалъ на водку, и то тоже пьянымъ. А между тѣмъ вышло все иначе: вся деревня не только не негодовала на него, но жалѣла, понимала, что этотъ уродъ-баринъ не могъ прожить жизни какъ-нибудь не такъ, какъ прожилъ. Всѣ жалѣли, что «на роду» этому человѣку было написано такое праздное существованіе. Но праздная, безтолковая, безпутная жизнь никѣмъ не ставилась ему въ вину, какъ калѣкѣ или слѣпому не ставится въ вину слѣпота и хромота.

«Крестъ», «несчастье»—вотъ какъ опредѣляли они причину и смыслъ существованія покойнаго барина. Не было во всей деревнѣ ни одного мужика, ни одной бабы, ни одного подростка, который бы не пришелъ проститься съ нимъ и простить его. Мнѣ кажется даже, что они и приходили, уже простивъ его: такъ тихи и добры были ихъ лица, такъ усердно они молились у гроба, какъ бы стараясь помочь своими молитвами этому несчастному человѣку на томъ свѣтѣ... Нѣчто глубоко-умное и доброе было внесено толпами простого народа, приходившими на панихиды, въ пустыя комнаты барскаго дома, въ которыхъ до сей поры не жило ни одной—ни доброй ни худой мысли... Вопросы о наслѣдствѣ, объ имуществѣ, о томъ, кому достанется столъ, кому сани и т. д., обыкновенно цѣлой тучей возникающіе вокругъ всякаго мало-мальски не нищенскаго гроба и наполняющіе, кажется, самый воздухъ комнаты, гдѣ лежитъ покойникъ, какимъ-то трудно сдерживаемымъ, злостнымъ и жаднымъ раздраженіемъ—эти мелочные вопросы были подавлены, уничтожены тѣми глубокими философскими и религіозными мыслями, которыя вносили безмолвныя толпы простыхъ крестьянъ. Ихъ усердныя молитвы заставили всѣхъ задумываться надъ уродливою жизнью покойника, заставили думать о жизни вообще, напоминали о прощеніи, о невольности прегрѣшеній—словомъ, заставляли думать не о саняхъ, не о стульяхъ и лошадяхъ, а о чемъ-то высшемъ, хватающемъ за душу и развивающемъ ее.

«Я не знаю, сумѣлъ ли бы я и не въ такое время, какъ три-четыре дня панихидъ и похоронъ, заставить ребятъ съ такою серьезностью задуматься надъ словами и понятіями: «жизнь», «хорошая жизнь», «жизнь худая, неугодная», «доброе», «злое», какъ это безъ всякихъ усилій сдѣлали крестьяне въ эти короткіе три-четыре дня. Ребята мои послѣ смерти отца замѣтно стали серьезнѣй, задумчивѣй, да и лично въ моемъ сознаніи съ этихъ поръ народъ сталъ занимать почти такое же мѣсто, какъ и ребята. Не обязанъ ли я, стало приходить мнѣ въ голову, измѣнить отношеніе будущихъ господъ къ этимъ умнымъ, трудящимся въ потѣ лица людямъ? Это было только начало тѣхъ идей, къ осуществленію которыхъ, какъ увидите впослѣдствіи, привела сама жизнь, обстоятельства, и притомъ самыя-самыя будничныя, простыя... Теперь же, въ виду смерти человѣка, безплодно и неумно пользовавшагося положеніемъ, мы, то-есть дѣти, только задумывались надъ предстоящею намъ

задачею жизни, хотя уже и сознавали свое сравнительное безсиліе и начинали стыдиться.

«Обстоятельства однако скоро разсѣяли это неопредѣленное ощущеніе стыдливости за свое малосодержательное существованіе, потому что очень скоро представился случай думать о своихъ отношеніяхъ вполнѣ опредѣленно. По смерти отца моихъ ребятъ, надъ всѣмъ имѣніемъ назначена была опека и опекуномъ былъ сдѣланъ дядя покойнаго помѣщика, одинъ изъ сосѣднихъ владѣльцевъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова дѣлецъ-крѣпостникъ, не баринъ, а скорѣй кулакъ, человѣкъ, умѣющій молотить рожь на обухѣ. Собственное его имѣніе процвѣтало, то-есть онъ получалъ много доходу и не растрачивалъ этотъ доходъ, а копилъ и копилъ, хотя былъ человѣкъ вдовый и имѣлъ отъ покойной жены только одну дочь, дѣвушку не менѣе его практическую и холодную. Народъ звалъ ихъ антихристами и жидоморами, господа считали примѣрными хозяевами. Я видѣлъ въ немъ несомнѣнную любовь къ труду, впрочемъ, только къ такому, въ результатѣ котораго непремѣнно получался доходъ, деньги. По виду это былъ человѣкъ громаднаго роста, громадной силы, съ краснымъ, съ синими веснушками, лицомъ, маленькими веселыми глазами, съ бѣлыми тараканьими рѣсницами, съ грузнымъ, но крѣпкимъ корпусомъ и тяжелой поступью. Онъ явился въ наше имѣніе на другой же день по назначеніи его въ опекуны и тотчасъ принялся за дѣло, то-есть съ 6-ти часовъ утра въ разныхъ концахъ деревни сталъ раздаваться его хриплый, прерываемый свистящимъ кашлемъ голосъ, грозившій, прикрикивавшій, обрывавшій, распекавшій и т. д. Буквально цѣлый день онъ пробылъ на вѣтру и дождѣ въ своей демикотоновой шинели, осматривая сараи, конюшни, погреба, чердаки, отдирая доски отъ дому и ударомъ топора въ бревно сруба удостовѣряясь въ прочности постройки, опредѣляя, сколько простоитъ, и т. д. Вечеромъ за чаемъ онъ тѣмъ же сиплымъ голосомъ съ неподдѣльнымъ негодованіемъ разругалъ всѣхъ и вся: покойника, его вдову, мужиковъ, приказчиковъ, безцеремонно указывалъ на глупость хозяевъ, на подлость подчиненныхъ и т. д. Мы почувствовали, что это настоящій хозяинъ и баринъ, что этотъ человѣкъ принимается за дѣло «серьезно», невольно подчинились его строгому на всѣхъ насъ взгляду и притихли. Очень скоро и насъ и мужиковъ онъ взялъ въ ежовыя рукавицы. Величайшихъ трудовъ стоило вытребовать отъ него самое

незначительное количество денегъ на самыя необходимыя нужды; но, къ удивленію нашему, онъ сумѣлъ изъ имѣнія, въ которомъ, казалось, ничего не оставалось непроѣденнымъ, извлекать доходы въ размѣрахъ, поистинѣ неожиданныхъ. Онъ «приструнилъ» мужиковъ, потянулъ съ нихъ недоплаченные оброки, возстановилъ забытыя обязательства, откопалъ и разузналъ о такихъ участкахъ, которые принадлежали Неслову и по нерадѣнію послѣдняго находились въ пользованіи у крестьянъ, завелъ десятки процессовъ о порубкѣ, о потравѣ, и выигрывалъ всѣ до одного, и притомъ въ самые короткіе сроки. Въ два-три мѣсяца такого управленія крестьяне оказались на законномъ основаніи почти неоплатными должниками, людьми закабаленными: на каждомъ, кромѣ долговъ денежныхъ, лежали долги рабочихъ дней и на иномъ доходили до громадной цифры 100, 150, даже и до 200. Наложивъ такимъ образомъ на все населеніе медвѣжью лапу, опекунъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, и доходы полились къ нему.

«И крестьяне и мы—«господскій домъ»—очутились въ однѣхъ и тѣхъ же ежовыхъ рукавицахъ, одинаково чувствовали надъ собою хозяйскую власть и волей-неволей сближались, входили въ положеніе другъ друга. И дѣлалось все это, какъ видите, безъ всякихъ предвзятыхъ идей насчетъ «сближенія». Дѣло происходило совершенно просто: мужики стали посѣщать насъ съ жалобами, разсказывали про то, какъ онъ ихъ разоряетъ, просили защиты. Защиты мы, конечно, дать не могли; напротивъ, мы сами жаловались мужикамъ на этого же самаго кровопивца, но, не дѣлая разоряемымъ людямъ добра, мы—по крайней мѣрѣ, я и дѣти—на самомъ дѣлѣ узнавали исторію того куска хлѣба, который мы ѣли... Всѣ эти описи имуществъ и распродажи крестьянскаго добра, всѣ эти моментальныя рѣшенія въ пользу нашу разныхъ судовъ и инстанцій, и годовыя, десятками лѣтъ тянущіяся дѣла, затѣянныя крестьянами, словомъ, вся эта процедура хозяйства—все это невольно, но неотразимо доказывало намъ, что такъ жить и дѣлать, какъ дѣлали до насъ хорошіе и нехорошіе хозяева, нельзя. Я, по крайней мѣрѣ, а за мной и дѣти не могли себѣ представить, не могли понять, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ человѣческаго сердца можетъ находиться источникъ той хозяйственной жадности, которою, напримѣръ, обладалъ нашъ опекунъ. Мы не понимали, совершенно не понимали, что за соображеніе, что за логика руководитъ всѣми этими хоро-

ними хозяевами въ ихъ неусыпныхъ трудахъ по притѣсненію и озлобленію постороннихъ имъ людей? Что поддерживаетъ въ нихъ, въ этихъ хорошихъ хозяевахъ, неутомимость во всѣхъ этихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ? Однимъ словомъ, и я и дѣти—мы одинаково недоумѣвали, какъ можно всю жизнь быть сердитымъ: вставая въ 6 часовъ утра, тотчасъ же начинать злиться, жаловаться, притѣснять для того, чтобы вечеромъ съ ругательствами выпить рюмку водки и съ сознаніемъ тяготѣющей надъ собою непріязни сотенъ людей тревожно заснуть до 5 часовъ другого дня, чтобы и его ознаменовать такою же самою изобрѣтательностью всякихъ непріятностей для ближняго. Намъ такъ была ясна безсмысленность, глупость, а, главное, пошлость такого рода отношеній къ людямъ, что мы не имѣли надобности ни въ какихъ гуманныхъ книгахъ, ни въ какихъ «печатанныхъ» доказательствахъ несправедливости подобныхъ порядковъ. Убѣжденіе въ этомъ вошло въ меня и въ ребятъ такъ же просто и залегло въ душѣ такъ же прочно, какъ входитъ въ понятіе ребенка убѣжденіе въ томъ, что зимой нуженъ снѣгъ, а лѣтомъ цвѣты, что собаки не ходятъ въ птичьихъ перьяхъ, что рыба не бываетъ покрыта шерстью. Словомъ, сознаніе неизбѣжности съ нашей стороны прекратить все это залегло въ самую глубину чувства, родилось и стало жить безъ разговоровъ, безъ доказательствъ, безъ опредѣленій и разъясненій.

«Интересы, надежды и радости деревни до такой степени оказались важными и дѣйствительно правдивыми интересами, что въ самомъ непродолжительномъ времени отодвинули на самый задній планъ всѣ интересы нашего господскаго дома. Наравнѣ со всей деревней мы сегодня ожидали сходки и съ такимъ же нетерпѣніемъ интересовались ея рѣшеніемъ по какому-нибудь деревенскому дѣлу; наравнѣ со всей деревней мы желали, чтобъ начатый деревней процессъ противъ опекуна былъ выигранъ мужиками. Мы вмѣстѣ съ деревней тосковали наканунѣ описи и продажи, перебирая и разбирая характеры и натуры разныхъ кулаковъ, которые нахлынутъ завтра на мужиковъ, дѣлали предположенія, кому что достанется, кто что купитъ... Словомъ, мы жили тѣмъ же самымъ, чѣмъ жила и деревня. Благодаря ей получилась совершенно опредѣленная цѣль и для нашихъ учебныхъ занятій. Мы стали учиться уже не просто для того, что нужно быть грамотнымъ и вообще нужно знать, а для того, чтобы, выучи-

вшись, сдѣлаться мировымъ судьей и рѣшать дѣла по справедливости; мы учились для того, чтобы поступить въ адвокаты и защищать, а денегъ за это не брать. Лиза должна была выйти замужъ за министра и сослать опекуна въ Сибирь. Это были самые первообразные планы, въ моихъ ребятахъ еще не угасло сознаніе своего привилегированнаго положенія, и при полномъ сочувствіи чужой бѣдѣ они полагали, въ качествѣ барчатъ, помогать этой бѣдѣ какъ-то со стороны, и вовсе еще не подозрѣвали, что червь любви къ ближнему, разъ онъ сталъ точить сердце человѣческое, насквозь проточитъ его и докажетъ, что сочувствіе со стороны — не вся правда. Во всякомъ случаѣ я вѣрю, да и вы сами видите, что зародышъ любви къ ближнему въ ребятахъ моихъ не выдуманный, не напускной, и онъ будетъ расти, хочешь-не-хочешь, какъ и всякое зерно...

«Пишу вамъ такое громадное подробное письмо, потому что мнѣ надо, для самого себя надо и необходимо объяснить крупный фактъ моей жизни, мой бракъ, а этого сдѣлать нельзя безъ всѣхъ изложенныхъ подробностей. Постараюсь однако разсказывать покороче. Наши отношенія съ госпожой Нееловой все время были самыя обыкновенныя отношенія чужихъ, хоть и знакомыхъ другъ съ другомъ людей. Такъ, по крайней мѣрѣ, относился я къ ней; я живу у нея для дѣтей, живу потому, что не могу бросить ихъ; она понимала это, не мѣшалась и, казалось, была очень довольна и покойна. Но «мужчина»—не семья, не любовь, а именно представленіе, понятіе «мужчины»—игралъ въ ея міросозерцаніи и жизни значительную роль: повдовѣвъ мѣсяцевъ шесть-семь, она стала по временамъ заводить рѣчь со мной на ту тему, что, молъ, вся прошлая жизнь ея была какой-то дурной сонъ, а теперь вотъ начинается нѣчто новое, «новая жизнь». Выходило даже такъ, что теперь только и начинается собственно жизнь, а прежде было Богъ вѣсть что. Разсказывала она въ такихъ случаяхъ о своемъ бракѣ, о томъ, какой молоденькой дѣвочкой выдали ее за покойнаго мужа, который не смотрѣлъ на нее иначе, какъ на молодое животное. Оказывалось, что и самъ покойникъ не былъ ничѣмъ инымъ, какъ животнымъ... Вотъ теперь, оставшись безъ этого дурного вліянія дурного мужа, она только начинаетъ жить, понимать жизнь, сознавать свои обязанности; она съ ужасомъ видитъ, что ничего не знаетъ, ничему не училась, и не разъ говорила мнѣ, что теперь бы она охотно сѣла за книжку вмѣстѣ съ своими дѣтьми... Все

это было справедливо, вѣрно, и я бы охотно сочувствовалъ ей, если бы не видѣлъ, что начало «новой жизни» она связываетъ не столько съ «книжкой», сколько съ «новымъ» мужчиной. Она «сейчасъ будетъ другая»,—такъ можно было понять, зная ея натуру,—но только рука-объ-руку съ другимъ, новымъ мужчиной. И это бы все ничего, но, за неимѣніемъ мужчинъ, ни новыхъ ни старыхъ, въ нашихъ глухихъ мѣстахъ, я видѣлъ, что она не прочь была пойти въ путь и со мной... Однажды какъ-то вышло такъ, что она нашла предлогъ придти ко мнѣ въ комнату, когда я ужъ собирался спать, завела рѣчь о своей горькой долѣ и заплакала; потомъ съ ней сдѣлалась истерика, потомъ обморокъ, среди котораго она однако могла еще сдѣлать мнѣ указаніе и слабо произнесла: «разстегните!». Я разстегнулъ ей платье, но почему-то придалъ всему этому иное толкованіе, которое и она, должно-быть, поняла, потому что сердилась и не говорила нѣсколько дней кряду. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, я хотя и понималъ ея положеніе и прошлое и настоящее, но держался отъ нея въ сторонѣ, былъ съ нею чужой; жажда личной свободы хоть въ этомъ-то отношеніи какъ-то особенно была сильна во мнѣ, послѣ того, какъ я отдался чужимъ интересамъ. Именно это-то право также въ свою очередь идти съ кѣмъ-нибудь рука-объ-руку я и хранилъ за собой, какъ единственное, что̀ осталось отъ моего «я». Въ довершеніе всего, она мнѣ не нравилась, была физически мнѣ непріятна, не говоря о несимпатичности, которою вѣяло отъ ея душевной изломанности. Въ самомъ дѣлѣ, чего-чего ни было пережито этимъ праздднымъ существомъ въ эти праздные и растлѣнные годы замужества! Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что обстоятельства *заставляютъ* меня быть мужемъ этой женщины, что я долженъ буду жениться на ней,—увѣряю васъ, я бы только засмѣялся, такъ это было невѣроятно, глупо и подло. «Ужъ этого-то я не сдѣлаю никогда, что̀ бы со мною ни случилось»... Да я и представить не могъ, чтобы кто-нибудь или что-нибудь могло «отдать» меня въ мужья... Ну возможно ли это, посудите сами?

«А вѣдь «отдали»! И опять все тѣ же ребята!

«И отдали такъ скоро, что я до сихъ поръ еще не опомнился!.. И какъ все просто вышло!

«Опекунъ сталъ ухаживать за вдовой. Два или три раза онъ пріѣхалъ «такъ», не по дѣламъ, разговаривалъ со вдовой о «постороннемъ», даже—представьте себѣ!—«о Па-

рижѣ». Волчье лицо его улыбалось ровно полчаса: полчаса губы у него были сдвинуты на сторону: это онъ желалъ понравиться. И какъ ни покажется это невѣроятнымъ, а онъ имѣлъ успѣхъ у вдовы... Волкъ этотъ дѣлалъ, конечно, «свое же дѣло»: онъ добирался до имѣнія, желалъ быть полнымъ хозяиномъ, отчего же не повѣнчаться на этой дурѣ, которую, конечно, онъ сумѣетъ привести къ одному знаменателю? И любительница идти рука-объ-руку съ первымъ встрѣчнымъ нимало не возмутилась мыслью о подобномъ бракѣ. Посредники между опекуномъ и ею, явившіеся немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ самъ опекунъ обнаружилъ свои намѣренія получасовой улыбкой, сумѣли выставить на видъ, что дѣти при такомъ хорошемъ хозяинѣ будутъ обезпечены на всю жизнь, что сама она вновь вступитъ въ свѣтъ, который отворачивался отъ нея, помня ея заграничныя экскурсіи, но главное, что̀ выставлялось на видъ, было то, что опекунъ — мужчина свѣжій, и что, живя съ нимъ, она попрежнему «ничего не будетъ знать»... Отсутствіе всякой сообразительности и благоговѣніе предъ словомъ «мужчина» стали быстро укрѣплять въ пустой головѣ моей будущей жены мысль о бракѣ съ волкомъ... И я съ ужасомъ увидѣлъ, что мнѣ необходимо разрушить этотъ планъ, этотъ бракъ; но я не могъ иначе этого сдѣлать, какъ женившись на ней самъ.

«Что я не уживусь съ опекуномъ, когда онъ женится на моей теперешней женѣ,—это было ясно; онъ начнетъ все по-своему и прогонитъ меня. Что онъ поведетъ дѣтей иначе—это также было ясно. Ясно было, что онъ ихъ заброситъ вмѣстѣ съ матерью; что деревня, мужики будутъ разоряемы свободной рукой—также не подлежало сомнѣнію. Какъ тутъ быть?

«Добрыя сѣмена, посѣянныя въ сердцахъ моихъ ребятъ, онъ непремѣнно будетъ «искоренять», онъ будетъ имъ отцомъ, передъ которымъ «не смѣй пикнуть»; онъ «пристроитъ ихъ къ мѣсту» и покоритъ непокорныхъ... Представьте себѣ, что̀ можетъ сдѣлать такой волкъ съ дѣтьми, что̀ онъ сдѣлаетъ съ мужиками, съ деревней, сдѣлавшись «полнымъ» хозяиномъ?

«И опять мнѣ представился случай уйти; теперь ужъ я бы могъ уйти съ полнымъ сознаніемъ моей невинности: я не могъ давать ложной клятвы въ любви... Не правда ли, какъ честно и благородно! А честно оставлять на съѣденіе трехъ честныхъ людей, честно обрывать начавшее про-

буждаться въ нихъ сознаніе любви къ ближнему? Честно покидать этого ближняго, для котораго на моихъ рукахъ растутъ три добрыя существа?

«Подумайте!

«Я подумалъ и женился. Чего мнѣ это стоило и какъ случилось—я въ подробности разсказывать не буду. Я женился съ тѣмъ, чтобы самому быть опекуномъ (теперь я ужъ добился этого) и также быть полнымъ хозяиномъ въ тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя установились между мною, дѣтьми и деревней... Но могильный холодъ оковалъ мою душу... Я зарѣзалъ себя, и меня теперь нѣтъ на свѣтѣ... Когда я стоялъ подъ вѣнцомъ и когда услыхалъ слова: «разстоящая соединивый», я думалъ о соединеніи не себя съ моей женой, — людей, видимо разстоящихъ другъ отъ друга,—а о чемъ-то другомъ—и радовался умомъ, хотя самъ былъ мертвъ и даже зябъ отъ внутренняго холода... Я радовался тому, что, умирая, соединяю «разстоящая»—моихъ ребятъ и деревню, въ общей симпатіи другъ къ другу, въ сознаніи общаго труда, общей жизни... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ имъ быть «разстоящими»? Развѣ это справедливо? Развѣ не въ этомъ вся неправда, все зло?

«А вѣдь они были бы разстоящими, если-бъ я не зарѣзалъ самого себя... Теперь этого не будетъ... Вотъ этимъ сознаніемъ и живу я, и радуюсь, и веселюсь всякій разъ, когда только представлю себѣ, сколько было бы сдѣлано зла, если бы я пожалѣлъ самого себя...

«Невелика бѣда, что меня нѣтъ въ живыхъ — зато сколько растетъ живого, хорошаго на моей могилѣ..

«Однако Бога ради, Бога ради, пишите...

«Вашъ...»

«PS. Дѣлаю небольшую приписку о томъ, какимъ образомъ пошли наши дѣла, когда сталъ опекуномъ я. На другой же день моего вступленія въ должность—имѣніе перестало давать доходъ. Совершенно перестало. Съ Ивана Абрамова слѣдуетъ получить оброку 32 р., но у Ивана Абрамова всего-навсего 1 р. денегъ, и онъ долженъ лавочнику 8 съ полтиной, а рессурсовъ на уплату того и другого—корова и телушка. Точно такъ же во всѣхъ дворахъ... Вмѣсто 5 тысячъ рублей, которые въ теченіе одного года сумѣлъ «извлечь» прежній опекунъ, мы теперь получаемъ рублей 15 въ мѣсяцъ, и то когда 1 р., когда полтинникъ... Однажды я цѣлый вечеръ шлепалъ по грязи, просилъ во всѣхъ дворахъ тридцать копеекъ—«нѣту!»—говорятъ. Такъ

и воротился ни съ чѣмъ... Вообще я вижу, что «хорошая доходность» имѣній находится въ прямой связи со строгостью. Чтобы былъ доходъ, необходимо ежеминутно кому-нибудь и о чемъ-нибудь «жаловаться». Хорошо также и судиться—тогда урожаи получаются самъ-100. Но все это, къ сожалѣнію, намъ съ ребятами «не подходитъ». Такимъ образомъ, видя невозможность, и притомъ самую полную, получать какіе-нибудь мало-мальски опредѣленные доходы, мы уже не фантазируемъ ни объ адвокатурѣ ни о замужествѣ съ министромъ.

«Мы не можемъ уже и мечтать о гимназіи—нѣтъ денегъ! Волей-неволей приходится выбирать профессіи попроще».

V.

«Не выдержитъ!»—рѣшилъ я, дочитавъ письмо до конца, а спустя нѣсколько дней написалъ «иностранцу» отвѣтъ, въ которомъ старался доказать всю трудность и, съ моей точки зрѣнія, безполезность жертвы, взятой имъ на себя. Я изложилъ эту мысль по возможности въ самыхъ мягкихъ, необидныхъ выраженіяхъ, такъ какъ не могъ не слышать, читая второе письмо, что «иностранцу» моему крѣпко трудно, крѣпко больно... Мнѣ не хотѣлось дѣлать ему еще больнѣй. Я разсчитывалъ только дать ему возможность придти въ себя, очувствоваться, посмотрѣть на вещи здраво. Доказательства безполезности единичныхъ жертвъ, приводимыя мною, были всего больше аллегорическія: необходимо измѣнить порядки, а съ ними измѣнятся и люди; измѣнять людей, не измѣняя порядковъ — все равно, что на каменистой почвѣ сѣять рожь, и т. д. Безплодность иностранцевой жертвы была доказана самымъ явственнымъ образомъ, и въ концѣ концовъ я рекомендовалъ ему, предварительно расхваливъ его душу, его сердце—отдать себя общественному дѣлу.

Отвѣта на письмо я не получилъ... Теперь я знаю, что «иностранецъ» ожидалъ отъ меня не такого письма, не такой поддержки. Теперь я знаю, что онъ «въ самомъ дѣлѣ» не могъ разорвать естественно возникавшихъ въ его сердцѣ связей и привязанностей, именно потому, что онъ былъ живой человѣкъ. Тогда же мнѣ казалось, что онъ просто запутался, «втюрился», такъ какъ я самъ не понималъ еще достаточно того, что лично мнѣ присущая легкость жертвовать «мелкими» интересами людей, съ которыми сталкиваетъ меня судьба, во имя интересовъ общихъ—есть

несовершенство, неразработанность моей нервной системы, моего человѣческаго достоинства, а вовсе не признакъ высшаго развитія, высшаго порядка моихъ убѣжденій... Я охотно бы благодѣтельствовалъ весь родъ человѣческій, но только подъ условіемъ, чтобы онъ безпрекословно повиновался моимъ повелѣніямъ, чтобы онъ не пикнулъ, не сталъ со мной торговаться, жалѣть чего-нибудь такого, что̀ я считаю вздоромъ... Вся русская исторія научила меня ни во что не ставить отдѣльную личность и ея мелкіе человѣческіе интересы. Во мнѣ самомъ та же исторія воспитала и отсутствіе уваженія къ самому себѣ съ моими «ничтожными» интересами, и отсутствіе не только уваженія, но даже терпимости къ тому же въ другихъ; мы привыкли сливаться въ плотную массу обыкновенно разрозненныхъ, безсодержательныхъ атомовъ—только въ какой-нибудь посторонней, не отъ насъ пришедшей заботѣ, въ родѣ ига, въ родѣ войны, голода и т. д. Но какъ только такая подавляющая, со стороны нахлынувшая тяжесть событій переставала давить насъ, переставала возбуждать въ насъ дѣятельность ума и сердца, какъ только мы оставались «сами по себѣ»,— прекращался всякій интересъ жить на свѣтѣ, наставала пустота, тоска, самогрызеніе и нетерпѣливое ожиданіе вновь какого-нибудь удара, какой-нибудь бѣды, тяжести, чтобы чувствовать, что, свергая ее, живешь... У такихъ людей, какъ я, еще нѣтъ нравовъ, нѣтъ разработки своей личности...

А между тѣмъ время все болѣе и болѣе идетъ къ «человѣческому образу жизни», все болѣе требуетъ, чтобы человѣкъ-то былъ хорошъ, чтобы личность-то берущагося за дѣло человѣка была хороша... Увы!.. подобныхъ личностей оказывается покуда вовсе не такое количество, какое бы требовалось даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Откуда они возьмутся — я не знаю; но знаю навѣрное, что мое личное несовершенство (подобное такому же несовершенству множества моихъ двойниковъ) было причиною того, что мы, начавъ за здравіе, всеобщее здравіе, кончали упокоемъ собственнымъ своимъ въ банкахъ, въ желѣзнодорожныхъ правленіяхъ и во всякаго рода учрежденіяхъ, приносящихъ пользу... только ужъ не знаю кому?

«Иностранецъ» былъ не таковъ, и онъ «выдержалъ», вопреки твердой увѣренности моей въ противномъ. Я и мемуары-то эти принялся писать именно потому только, что иностранецъ «выдержалъ» и заставилъ меня задуматься

и о немъ и о себѣ... Убѣдило меня въ этомъ третье письмо «иностранца», полученное мною уже здѣсь, въ г. N., на мѣстѣ новаго служенія отечеству или, вѣрнѣе, наживающему деньги купечеству.

Нѣсколько дней назадъ, возвратясь изъ «должности» домой, я нашелъ коротенькую записочку, на сѣрой бумагѣ:

«Нашъ деревенскій мужикъ, бывающій по дѣламъ въ вашемъ банкѣ, сообщилъ мнѣ вашу фамилію, говоритъ: «служитъ». Вы ли тотъ самый (слѣдуетъ мое имя, отчество и фамилія), съ которымъ мы когда-то жили, помните, на Живодеркѣ? Если вы, то я очень, очень этому радъ и счастливъ... Какъ намъ повидаться? Въ городѣ я бываю рѣдко. Не пріѣдете ли въ свободный денекъ — посмотрѣть на наше житье-бытье?.. Надоѣстъ вѣдь сидѣть въ банкѣ-то... А до нашего обиталища близко — третья станція и отъ станціи семь верстъ, деревня Залѣсье...

«Вашъ N. N.»

Какъ онъ могъ попасть сюда? Чѣмъ «кончился» этотъ бракъ? Гдѣ дѣти?—всѣ эти вопросы невольно возникли по прочтеніи этой записки, и желаніе видѣть «иностранца» овладѣло мною въ самой сильной степени. Я рѣшилъ непремѣнно съѣздить въ первое же воскресенье, но не выдержалъ и уѣхалъ въ субботу вечеромъ.

Часовъ въ одиннадцать ночи лошади привезли меня въ бѣдную нищенскую деревушку, къ бѣдному, низенькому, въ одно окно, крестьянскому дому. И деревня и домишко спали мертвымъ сномъ.

— Кто тамъ? — на стукъ въ дверь, низенькую и квадратную, отозвался молодой басистый голосъ.

Я назвалъ себя и произнесъ фамилію «иностранца».

— Здѣсь, здѣсь!.. Я его сейчасъ разбужу... Подождите въ сѣняхъ, я вынесу свѣчку, а то вы тутъ спотыкнетесь...

Огарокъ освѣтилъ сѣни, заставленныя досками, только-что сдѣланными ящиками; вся стѣна, у которой стоялъ верстакъ, была увѣшана разными столярными инструментами: рубанки, пилы, шершебели, навертки и т. д. Молодой парень босикомъ, одѣтый въ парусинную блузу, сонно и молодо улыбаясь, проговорилъ, указывая на всю обстановку сѣней:

— Все хламъ!

И провелъ меня въ избу.

«Боже мой! Это ли тотъ «иностранецъ», молодой, приличный, разсудительный, здоровый!» Я не вѣрилъ глазамъ,

увидавъ передъ собой совершеннаго старика. Въ красной полосатой фуфайкѣ, какія носятъ дворники, плотно обхватывавшей его станъ, онъ походилъ на скелетъ, такъ былъ онъ худъ; длинныя худыя ноги, худыя руки, рѣдкіе волосы съ сильной сѣдиной и длинная, узкая, также съ значительной сѣдиной борода — все это говорило о томъ, что человѣкъ былъ сломленъ и разбитъ, что прожитые имъ годы были мучительно-трудны...

Тихимъ, ослабѣвшимъ, но такимъ же мягкимъ, женскимъ, какъ и въ старые годы, голосомъ онъ говорилъ мнѣ, какъ онъ радъ меня видѣть, какъ хорошо, что мы встрѣтились; радость непритворная свѣтилась въ его добрыхъ, простыхъ глазахъ, слышалась въ голосѣ.

— Гдѣ же ваши дѣти?—спросилъ я.

— А вотъ одинъ изъ нихъ... — указалъ онъ на парня, который отворялъ мнѣ дверь.—Это Ѳедя,—прибавилъ онъ:— а Василій учительствуетъ... Дѣвочка Лиза учится въ фельдшерскихъ курсахъ... И потомъ сюда...

— Въ земствѣ будетъ служить?

— Нѣтъ, просто будетъ сама... Нельзя брать неисполнимыя обязанности только потому, что даютъ жалованье. Будетъ жить съ нами и дѣлать что возможно...

— А средства?

— Ну, что дадутъ... Яйцо, курицу...

Ѳедоръ, оставаясь попрежнему босикомъ, возился около самовара...

— А вы съ Ѳедей?

— А мы, вотъ видите... столярничаемъ... Есть тутъ крахмальный заводъ, мы поставляемъ ящики...

И затѣмъ онъ разсказалъ, какъ попали они сюда.

— Мы разошлись, — сказалъ онъ коротко:—съ женою... Нельзя было жить тамъ, не было подходящихъ заработковъ... Мы продали крестьянамъ, что можно было, и вотъ я вздумалъ вернуться въ наши края... Отсюда вѣдь близко до города, гдѣ мы съ вами когда-то учились... Вотъ мнѣ тамъ и посовѣтовалъ одинъ человѣкъ арендовать лоскутокъ земли—здѣсь земли немного, только самимъ хлѣба, правда, хватаетъ, но мало всего другого. Лизѣ надо, Василью не всегда хватаетъ... Да и намъ...

Я не рѣшился разспрашивать его о супругѣ, такъ какъ въ этомъ преждевременномъ старчествѣ, одряхленіи человѣка бракъ его несомнѣнно игралъ большую роль... Впослѣдствіи я узналъ, что она живетъ у богатыхъ родствен-

никовъ. Не рѣшился я разспрашивать «иностранца» и о томъ, какъ онъ находитъ свою теперешнюю жизнь, но не потому, чтобы находилъ эти вопросы нескромными для него, а потому, что не было въ нихъ надобности: въ самомъ «иностранцѣ», теперь походившемъ на стараго русскаго крестьянина, не было никакой тѣни сомнѣнія въ томъ, что положеніе его могло бы быть какое-нибудь иное, чѣмъ то, въ которомъ онъ находился; къ этому положенію привела его жизнь, его убѣжденія и необходимость, а какъ же противиться необходимости? Не было ни въ немъ ни въ Ѳедѣ и мысли о какомъ-либо иномъ образѣ жизни... Глядя на эту спокойную покорность результатамъ, къ которымъ привела самая жизнь, не было никакой возможности завести какихъ-нибудь теоретическихъ разговоровъ.

Неудивительно поэтому будетъ, если я скажу, что послѣ нѣсколькихъ минутъ перваго свиданія, наполнившихъ насъ оживленіемъ и радостью, я скоро сталъ ощущать нѣкоторую скуку. Съ большими промежутками молчанія пили мы чай, говорили о мелкихъ ежедневныхъ трудахъ... и—увы!—опять припомнилась мнѣ мелочность «иностранца»! Ничего ни смѣшного, ни остроумнаго, ни громкаго... Нѣтъ, все однообразно, блѣдно и такъ неинтересно, какъ неинтересно заказчику платья или сапоговъ быть долгое время въ кругу портныхъ и сапожниковъ, долгое время слушать ихъ портновскіе разговоры. Такъ и мнѣ неинтересно было сидѣть со столярами, потому что «иностранецъ» и Ѳедя были въ самомъ дѣлѣ столяры... *только* столяры!

«Чужіе мы другъ другу!»—рѣшилъ я. На другой день съ трудомъ дотянулъ до вечера, когда надо было уѣзжать... Вся великость подвига этого человѣка утратилась для меня, когда я увидѣлъ тѣ скудныя формы, въ которыя вылился этотъ подвигъ... «И все-таки и тутъ ограниченность!» — опять рѣшилъ я, уѣзжая... Но, когда на меня нападаетъ гложущая, самобичующая тоска, я невольно опять склоняюсь предъ сердцемъ и дѣлами «иностранца» и стараюсь помнить только одно: «онъ возвратилъ въ трудовую массу троихъ человѣкъ, которые приготовлялись быть дармоѣдами».

IX. Больная совѣсть.

I.

«— Не совѣтую вамъ встрѣчаться за границею съ русскими...» Когда я ѣхалъ прошлый годъ за границу, эту назидательную фразу мнѣ пришлось слышать отъ многихъ соотечественниковъ, ужъ бывавшихъ тамъ и, стало-быть, имѣвшихъ понятіе о европейской жизни. Всѣ причины, которыя приводили мнѣ въ объясненіе необходимости быть въ сторонѣ отъ соотечественниковъ, рѣшительно, по моему мнѣнію, ничего не значили; говорили: «непріятно», «скучно», «да вотъ увидите сами...»—словомъ, ни одной основательной причины на мой взглядъ не было, и я уѣхалъ, совершенно забывъ эти совѣты. И что же? Впослѣдствіи, когда я поглядѣлъ на чужіе нравы, я невольно долженъ былъ вспомнить этотъ совѣтъ, ибо я на самомъ дѣлѣ испыталъ какую-то душевную боль, что-то садящее, какую-то наваливающуюся на душу массу—боли, желчи, тоски — всякій разъ, когда только «видѣлъ» русскаго, даже не разговаривая съ нимъ ни слова, и увѣренъ, что и моя особа, тоже русская, производила на другого соотечественника то же самое ощущеніе...

Опредѣлить это ощущеніе какимъ-нибудь однимъ вѣскимъ словомъ рѣшительно невозможно; оно пріобрѣтается тогда только, когда длинный рядъ чужеземныхъ картинъ, даже самыхъ непривлекательныхъ, сдѣластъ съ вами великое чудо: именно заставитъ васъ выздоровѣть, если вы были больны, заставитъ васъ успокоиться, если вы были обезпокоены,— словомъ, когда чужая сторона сдѣлаетъ на душѣ у васъ хорошо... Теперь, сидя въ глуши и опять заболѣвая понемногу какою-то мнимою болѣзнью, я съ особеннымъ удовольствіемъ припоминаю этотъ процессъ, по которому на душѣ становится хорошо.

Ни длина и дешевизна нѣмецкихъ бутербродовъ, ни чистота нѣмецкой прислуги, ни роскошь и дешевизна извозчиковъ, у которыхъ все по таксѣ (какая прелесть!), человѣческое достоинство которыхъ дѣлаетъ то, что они ѣдутъ потише, когда ихъ просятъ ѣхать пошибче, ни газовые рожки, ни вообще какія бы то ни было таксы, цѣны и пр. и пр.— ничто подобное не будетъ предметомъ нижеслѣдующихъ замѣтокъ: ни одною изъ этихъ прелестей я не посмѣю

плѣнять читателя. Да не только не посмѣю плѣнять именно вещами подобнаго сорта, а просто нахожусь въ полной невозможности плѣнять его хоть чѣмъ-нибудь, если только онъ хоть мало-мальски заинтересованъ въ современныхъ порядкахъ и хочетъ, чтобы они хоть чуть-чуть были поновѣй. Съ этой точки зрѣнія я по совѣсти могу сказать, что тамъ *все хуже* нашего, ибо тамъ всему дѣлу корень; съ этой точки зрѣнія я даже и говорить не могу ни о чемъ, кромѣ самыхъ-самыхъ непріятныхъ вещей, но въ концѣ концовъ—какъ бы ни было дурно то, что попадается вамъ на глаза,—на душѣ будетъ хорошо...

Въ самомъ дѣлѣ, только переѣхали вы границу, только было-стали облизываться отъ дешевизны бутербродовъ — хвать, стоитъ Берлинъ, съ такой солдатчиной, о которой у насъ не имѣютъ понятія и которая заставляетъ васъ сразу терять аппетитъ ко всѣмъ этимъ прелестнымъ газовымъ рожкамъ, мостовымъ, «по таксѣ» и т. д. Палаши, шпоры, каски, усы, два пальца у козырька, подъ которымъ въ тугомъ воротникѣ сидитъ самодовольная физіономія побѣдителя, попадаются на каждомъ шагу, поминутно; тутъ отдаютъ честь, здѣсь смѣняютъ караулъ, тамъ что-то выдѣлываютъ ружьемъ, словно въ помѣшательствѣ, а потомъ съ гордымъ видомъ идутъ куда-то... Въ окнѣ магазина—побѣдитель въ разныхъ видахъ: пропарываетъ животъ французу и потомъ, возвратившись на родину, обнимаетъ свое семейство; бакенбарды у героевъ расчесаны совсѣмъ не въ ту сторону, куда бы имъ слѣдовало... У иныхъ одно лицо сдѣлано величиною въ аршинъ (изъ мрамора, изъ металла), при чемъ усы, какъ бычачьи рога, стремятся васъ запороть, положить на мѣстѣ. Насмотрѣвшись на это, подите укрыться въ портерную, но и тамъ то же: сабли и палаши ѣздятъ по ногамъ, повсюду шевелятся усы, одни другимъ отдаютъ честь и всѣ вмѣстѣ вновь пришедшему... Но существеннѣйшая вещь — это полное *убѣжденіе* въ своемъ дѣлѣ, въ томъ, что бычачьи рога вмѣсто усовъ есть красота почище красоты прекрасной Елены. Спросите любого изъ этихъ усовъ о его врагѣ и полюбуйтесь, какой въ немъ сидитъ образцовый сознательный звѣрь. Проглотивши такую заграничную картину, невольно думаешь: «нѣтъ, ужъ этого у насъ нѣтъ!» И въ темнотѣ вагона припоминается нашъ солдатикъ Кудинычъ, который, прослуживъ двадцать пять лѣтъ Богу и государю, теперь доживаетъ вѣкъ въ караулкѣ на огородѣ, пугая воробьевъ... Онъ тоже весь израненъ,

избитъ, много дрался и имѣлъ враговъ изъ разныхъ націй, а поговорите-ка съ нимъ, врагъ ли онъ имъ.

— А поляки? Какъ?

— Поляки тоже народъ ничего, народъ чистый...

— Добрый?

— Поляки народъ, надо сказать, народъ добрый, хорошій... Она, полька, ни за что тебя, напримѣръ, не допуститъ въ сапогахъ... напримѣръ, заснуть ежели...

— Не допуститъ?

— Ни Боже мой!.. ходи чисто! благородно!

— А черкесы? Ты дрался съ черкесами?

— Эва! Мы черкеса перебили смѣты нѣтъ! Довольно намъ черкесъ извѣстенъ; лучше этого народу, надо такъ сказать прямо, не сыщешь.

Всѣ его враги—добрые люди, неизвѣстно, зачѣмъ бунтуютъ... Всѣхъ онъ усмирилъ, и вотъ теперь сидитъ въ караулкѣ, тачаетъ что-то, разговариваетъ съ собачонкой и, вспоминая прошлое, говоритъ: «охъ, грѣхи-грѣхи тяжкіе!» Какое же сравненіе: здѣсь доброта,—тамъ свинство и зло. Нѣтъ, у насъ лучше.

Благодаря превосходно устроеннымъ путямъ сообщенія, не успѣли вы еще простыть отъ умилительнаго воспоминанія о Кудинычѣ, какъ чужая земля предъявляетъ вамъ новый сюжетъ для размышленія. Поѣздъ остановился на какой-то маленькой станціи—кажется, въ Бѣльгіи: нѣмецкія деревеньки съ зеленью и бѣленькими домиками, выглядывающими изъ нея, давно прекратились; давно уже пошли каменныя глыбы съ боковъ дороги, горы (буквально) золы, облака дыму, тысячи трубъ, изрыгающихъ дымъ и пламя, и исчезли всякіе слѣды деревни; видны только фабрики и казармы для рабочихъ, узенькія, низкія одноэтажныя зданія, съ крошечными окнами, маленькими дверцами, обвѣшанныя всякою рванью, просушивающеюся на солнцѣ; людей стало почти не видно, они всѣ гдѣ-то подъ землею, въ огнѣ и дымѣ... Изрѣдка у дороги увидишь женщину-сторожа—она босикомъ, въ рубищѣ, изможденная и худая. Это точно Бельгія. Поѣздъ останавливается ночью. Повсюду зарево пылающихъ горновъ; вотъ вдали на какой-то широкой трубѣ, изъ которой вылетаетъ бѣлое пламя, толчется какой-то человѣкъ: черная скорченная фигурка его то подскочитъ къ огню съ какимъ-то шестомъ, то отскочитъ назадъ,—очевидно, отъ нестерпимаго жару,—и потомъ опять лѣзетъ туда... Слѣва, немного ниже насыпи желѣз-

ной дороги, расположилась фабрика, подъ прорванной и прогорѣлой желѣзной крышей, держащейся на столбахъ; въ огнѣ и дымѣ, въ тучахъ разлетающихся искръ копошится масса рабочаго народа, худого, оборваннаго, измученнаго; сколько тутъ дѣтей, совершенно голыхъ, безъ рубахъ... Вотъ одинъ тщедушный мальчикъ безъ рубашки, босикомъ, нагнувшись головой чуть не до земли и ухватившись руками черезъ плечо за конецъ длинной желѣзной полосы, раскаленной почти до половины, тащитъ ее съ видимымъ трудомъ, раздувая свои голые бока съ отчетливо обозначившимися ребрами. Да, тутъ работаютъ въ потѣ лица, тутъ виденъ страхъ смерти, если только руки выпустятъ этотъ молотъ... Представляя себѣ хозяина этого ада кромѣшнаго, вы никакъ не сочтете его другомъ всѣхъ этихъ голыхъ людей,—да, вы убѣждаетесь, что выколотить изъ этого «хозяина» прибавку въ копейку серебромъ можно только кровью, дракой, невыносимымъ взрывомъ ненависти... У насъ нѣтъ ни такого дыму, ни такого огня, ни такой злобы рабочаго и хозяина (говорятъ, будетъ), ни этой злости въ работѣ... Хозяйскій приказчикъ Купріяновъ, правда, ходитъ между рабочими и покрикиваетъ: «поспѣвай, ребята, поспѣвай»; но потомъ присядетъ на обрубокъ дерева и скажетъ: — «И исторія тоже, ребята, вчерашняго числа вышла со мной... Тутъ смѣху было, Боже мой... Иду это я... Ѳедотъ! ты что это чешешься-то?.. Надо бы, купидончикъ, поспѣвать... Иду это я вчерась отъ кумы...»—и пошла исторія, отъ которой, глядишь, идетъ смѣхъ по всей фабрикѣ... Подъ исторію и «поспѣвать» легче.—«Ужъ и плутъ только этотъ Купріяновъ, братцы,—разговариваютъ фабричные:—ну одначе человѣкъ, надо говорить прямо,—человѣкъ ничего...»

Нѣтъ, у насъ лучше!

Мы въ Парижѣ. Тутъ ужъ я не знаю, какимъ орудіемъ таскать массы всяческаго безобразія... но, чтобъ ужъ до конца въ этихъ сопоставленіяхъ мое отечество являлось въ лучшемъ противъ *нихъ* видѣ, приведу суды. У насъ судъ скорый и правый, а тамъ идетъ какой-то скорый и быстрый разбой, но не судъ. Я говорю о версальскомъ военномъ судѣ. Нижній этажъ неряшливыхъ солдатскихъ казармъ въ Версалѣ кое-какъ, на скорую руку, перегороженъ досками на маленькія клѣтушки, совершенно такого же изящества, какъ деревянныя, на два дня устраиваемыя по случаю сельской ярмарки, «выставки водокъ»—и въ

каждой этакой клѣтушкѣ засѣдаетъ военный судъ и печетъ приговоры десятками въ минуту. Изъ-за этихъ перегородокъ (которыя далеко не достигаютъ до потолка) раздаются рѣзкіе, скорые, очевидно, для проформы задаваемые вопросы, робкіе отвѣты, преимущественно: «нѣтъ», на которое не обращается никакого вниманія... Посмотрите на эти лица, засѣдающія за краснымъ столомъ, подъ запыленнымъ маленькимъ распятіемъ изъ кости надъ ихъ головами—это такая коллекція удавовъ, какой, пожалуй, и въ Берлинѣ скоро не подберешь. Стоитъ взглянуть на этихъ судей, чтобы понять, что подсудимый,—тщедушный мастеровой, совершенно напоминающій нашего отечественнаго портного, работающаго «перешивку на дому»,—что этотъ испуганный человѣкъ съ трясущимися пальцами рукъ, протянутыхъ по швамъ (я такого именно и видѣлъ), что онъ вовсе даже и не подсудимый, а прямо «попался» въ волчью яму. Въ двѣ-три минуты допросили десять свидѣтелей, которые всѣ показали, что онъ вполнѣ невиненъ, что онъ не могъ не держать въ рукахъ ружья, когда ему его навязывали подъ страхомъ смерти... Словомъ, дѣло такого рода, что у насъ бы непремѣнно его оправдали и денегъ еще собрали бы. А тутъ—нѣтъ: прокуроръ, стуча кулакомъ, прямо объявляетъ, что онъ знать не хочетъ ничего, кромѣ того, что подсудимый взятъ съ оружіемъ. Повернувъ, по французскому умѣнью говорить, эту фразу на разные лады разъ двадцать, онъ умолкаетъ въ большомъ негодованіи; за прокуроромъ встаетъ защитникъ, очень изящный молодой человѣкъ въ военной формѣ. «Ну,—думаете вы:—вотъ тема-то разойтись...» Ничуть не бывало. Защитникъ съ крайнимъ сожалѣніемъ объявляетъ, что вина преступника такъ несомнѣнна, что ему остается только просить о снисхожденіи: онъ знаетъ, что есть милосердіе; и затѣмъ совершенно спокойно садится безъ малѣйшаго стыда и жалости. Невиноватый ни въ чемъ человѣкъ былъ приговоренъ къ пяти годамъ работъ въ крѣпостяхъ. Семейство разорено, и вся жизнь цѣлаго семейства пошла къ чорту... Несомнѣнно, что у насъ въ Россіи никто ничего подобнаго не видалъ.

Но довольно примѣровъ. Одинъ мой соотечественникъ изъ простонародныхъ, попросту русскій мѣщанинъ, волею Божіей попавшій въ Парижъ и проживающій здѣсь около пятидесяти лѣтъ,—соотечественникъ, о которомъ будетъ сказано обстоятельно ниже,—говорилъ мнѣ за вѣрное, что

здѣсь, во Франціи, особливо въ Парижѣ, «всѣ порядки приведены въ большую огромность». Въ доказательство того, что это правда, онъ весьма оригинально указалъ мнѣ на статуи великихъ людей, разставленныхъ по площадямъ европейскихъ городовъ и Парижа въ особенности... «Это отечество,—говоритъ онъ:—становитъ тому, кто ему дѣлалъ добро, установлялъ порядки... Почему у нихъ у всякаго въ рукахъ либо палка, либо сабля, либо дубина? Потому: «не бить—добра не быть»,—бабушка говорила... У иного просто бумага въ рукахъ, а тоже ровно треснуть хочетъ... А потому—на пользу; отъ этого-то здѣсь и чистота... Одному только Нею на Санъ-Мишель поставили монументъ за измѣну»... При такомъ прочномъ насажденіи порядковъ, можно бы было здѣсь представить читателю великое множество такихъ цвѣтовъ этихъ порядковъ, которыхъ у насъ не только нѣтъ, но дай Богъ, чтобы и не было ихъ; но теперь покуда довольно будетъ разсказать окончаніе послѣдняго примѣра съ судомъ, чтобы можно было видѣть, отчего даже такія мерзости, какъ этотъ судъ и другія, мною вышеуказанныя, поучительны и чѣмъ именно онѣ не мерзки...

Окончаніе исторіи съ судомъ было таково:

Послѣ того, какъ, по обыкновенію, именемъ французскаго народа былъ произнесенъ приговоръ (подсудимаго въ это время нѣтъ въ залѣ суда), публика, находившаяся въ камерѣ, вышла на дворъ, заставленный пустыми пушечными станками, и обступила растерянную жену несчастнаго. Публики этой было очень немного: два-три свидѣтеля, въ томъ числѣ двѣ женщины, семинаристъ-іезуитъ съ толстомясымъ лицомъ и флегматически-сложенными назади руками, да два-три иностранца. Женщины ахали, совѣтовали что-то, жена подсудимаго плакала, прочіе стояли и смотрѣли. Въ это время по случаю перерыва засѣданія прокуроръ и защитникъ, да, кажется, кто-то и изъ судей неправедныхъ вышли на крыльцо курить и болтать... Зная наши отечественные добрые нравы, я подумалъ: «А вотъ сейчасъ эти прокуроры и судьи подойдутъ къ несчастной и станутъ соболѣзновать ея горю... ну, хоть изъ приличія»... Мнѣ потому пришло въ голову, что у меня есть множество пріятелей прокуроровъ, которые именно такъ поступаютъ; эти мои пріятели, они вовсе, напримѣръ, не злы на мужика, который вырубилъ дерево и котораго нужно засадить въ острогъ; въ *сущности* они душевно жалѣютъ этого мужика,

они научились любить народъ, и если иной разъ упекутъ въ Сибирь, то это по обязанности, а *сами лично* они даже жалѣютъ, даютъ деньги... Одинъ изъ моихъ пріятелей былъ даже такъ огорченъ какимъ-то дѣломъ въ этомъ родѣ, что мало того, что далъ упеченному денегъ, а даже... подалъ прошеніе о переводѣ въ другой городъ... Когда мнѣ все это пришло въ голову, я того и ждалъ, что эти звѣри теперь, когда засѣданіе прервано, вдругъ сдѣлаются незвѣрьми (какъ мои пріятели) и покажутъ намъ свои лучшія свѣтлыя стороны... «Вотъ, сейчасъ», думалъ я. Но они стояли и курили, заложивъ руки въ карманы своихъ красныхъ панталонъ.—«Да что же это такое?—стало приходить мнѣ въ голову.—Неужели они даже и въ перерывахъ засѣданія остаются такими же звѣрьми?..»—Мнѣ показалось, что на нашу группу они смотрятъ не съ сожалѣніемъ, а съ какимъ-то веселымъ сарказмомъ въ глазахъ... «Да неужели же они считаютъ себя правыми?»—думалъ я въ недоумѣніи. И, чтобы удостовѣриться, сдѣлалъ даже нѣкоторое неприличіе—попросилъ у одного изъ нихъ закурить (хотя простонародный соотечественникъ и внушилъ уже мнѣ, что французскіе порядки требуютъ, чтобы спички держать свои). Мнѣ хотѣлось послушать, что такое они болтаютъ: я нарочно возился съ сигарой, склеивая ее, перевертывалъ другимъ концомъ, чтобы протянуть время. И что же? Одинъ изъ нихъ ругательски ругалъ коммунаровъ, а другой предложилъ на будущее время просто «сбривать имъ головы съ плечъ», и, сколько я могъ замѣтить, сказалъ это съ подлинною ненавистью... Тогда я убѣдился, что они дѣйствительно злы и дѣлаютъ такъ, а не иначе, именно потому, что злы.

II.

Такимъ образомъ и версальскій неправедный судія, и берлинскій звѣрь, и всѣ, кто въ вышеприведенныхъ замѣткахъ являлся дуренъ ли, хорошъ ли,—всѣ они дѣлаютъ только то, къ чему влекутъ ихъ личныя нравственныя требованія. Неправедный версальскій судія, убивая въ коммунарѣ ненавистную ему идею, дѣлаетъ это потому, что, допустивъ идею врага, онъ долженъ отказаться отъ своей, которою онъ живетъ и которую онъ *считаетъ справедливою*... Звѣровидный берлинецъ потому такъ охотно исповѣдуетъ религію пропарыванія кишекъ ближняго, что вслѣдствіе множества мельчайшихъ причинъ, о которыхъ можете

прочитать въ книжкахъ, эта религія составляетъ идею его личной жизни; она ему нужна за кружкой пива, за трубкой. Съ своей точки зрѣнія онъ можетъ представить тысячи по его головѣ совершенно логическихъ доводовъ, которые его совершенно оправдываютъ. На своемъ знамени въ данную минуту онъ можетъ написать такое словечко, которое ему дороже жизни. Вамъ, постороннему наблюдателю, онъ можетъ показаться сумасшедшимъ, но онъ лично совершенно правъ, честенъ предъ своею совѣстью, живетъ... Ощути онъ за своей трубкой, за своей пивной кружкой потребность не пропарывать кишекъ—и на знамени надо будетъ писать другое слово, а старымъ, пожалуй, не стащишь его съ мѣста. Заберись коммунарская идея въ голову, въ сердце, словомъ, въ будничный обиходъ версальскаго неправеднаго судіи—и, пожалуй, не онъ будетъ убивать, а его.

Негодуйте, сочувствуйте—какъ скажетъ ваша совѣсть. Что же дѣлаетъ мой пріятель Петровъ? Въ залѣ суда онъ упекаетъ крестьянина Андронова за порубку дубковъ, въ перерывахъ засѣданія сочувствуетъ ему и дастъ деньги, а дома является демагогомъ... Что тутъ правда, что тутъ настоящее? гдѣ тутъ результатъ кромѣ того, что крестьянинъ Андроновъ отправляется въ острогъ и благодаритъ прокурора за пожертвованіе: «дай тебѣ Богъ»? Что тутъ живого, по совѣсти считаемаго нужнымъ?.. Я знаю одно, что версальскій жидоморъ чувствуетъ себя хорошо, а Петровъ скучаетъ и хочетъ исцѣлиться, подавъ прошеніе о переводѣ... Да и мнѣ, помню, съ этимъ Петровымъ было необыкновенно скучно.

Гдѣ больше правды: въ иностранномъ ли фабрикантѣ, согнувшемъ рабочаго въ дугу, или въ другомъ моемъ пріятелѣ, недавно умершемъ отъ скуки и отъ чахотки, помѣщикѣ Федосѣевѣ, на винокуренномъ заводѣ котораго распоряжается извѣстный уже читателю Купріяновъ... Фабрикантъ прямо смотритъ на свою фабрику, какъ на учрежденіе, которое должно дать ему деньги на жизнь, слагающуюся изъ потребностей весьма опредѣленныхъ, удовлетвореніе которыхъ ему необходимо и которыя онъ, по свойственному всѣмъ чужестранцамъ крайнему эгоизму, считаетъ выше всего на свѣтѣ. Онъ—свинья (если такъ да позволено мнѣ будетъ благосклоннымъ читателемъ выразиться), но онъ лично полагаетъ, что поступаетъ справедливо, стараясь получить изъ рукъ голаго рабочаго больше, а не меньше.

Съ господиномъ же Федосѣевымъ происходили слѣдующія обстоятельства: онъ былъ, во-первыхъ, человѣкъ «добрѣйшій, честнѣйшій и благороднѣйшій»; винокуренный заводъ онъ открылъ, самъ не зная какъ («рѣшительно не понимаю, говорилъ онъ, какъ могло мнѣ придти въ голову!»), и, какъ утверждалъ онъ при жизни, видѣть его равнодушно не могъ... Когда доходили до него слухи, что Купріяновъ обсчитываетъ и грабитъ, съ нимъ дѣлались истерики, и онъ иной разъ самъ раздавалъ обсчитаннымъ рабочимъ деньги—по пяти, по три рубля... Каждый годъ онъ собирался закрыть заводъ, но не закрывалъ, совершенно не зная, какъ это случилось... Заводъ между тѣмъ, управляемый Купріяновымъ, шелъ кое-какъ, приносилъ кой-какой доходъ, который баринъ принималъ «съ омерзѣніемъ» (собственное его выраженіе) и собственно лишь для того, чтобы поѣхать въ Петербургъ послушать хорошей музыки и вообще отдохнуть отъ всей этой слякоти. Спрашивается теперь, что въ немъ, въ господинѣ Федосѣевѣ, я, посторонній человѣкъ, могу считать дѣйствительнымъ и живымъ: тонкое ли пониманіе собственно музыки, демократическія ли его идеи или идеи фабрикантскія? Я полагаю, что ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ отвѣтить невозможно утвердительно. «Жду смерти, какъ избавленія, какъ манны»,—сказалъ онъ мнѣ однажды и дѣйствительно умеръ съ большимъ удовольствіемъ... И дѣйствительно на душѣ у него должно было происходить Богъ знаетъ что. А рабочій? Согнутый головой къ землѣ, иностранный рабочій знаетъ, кто его согнулъ; несчастный, онъ живетъ злостью, которая рано ли, поздно ли разогнетъ его!.. Положеніе же Андрона, работающаго на фабрикѣ Федосѣева, совершенно неопредѣленное. Послѣ того какъ Купріяновъ обсчиталъ Андрона, а баринъ далъ ему пять цѣлковыхъ, Андронъ пьянствовалъ двѣ недѣли, похваливая господъ, и пропился до того, что жена Андрона сама пришла къ Купріянову и просила его образумить пьянаго дурака. И дѣйствительно Андронъ крайне нуждался въ какой-нибудь доктринѣ. Очнувшись, онъ рѣшительно не могъ понять, онъ ли, Андронъ, виноватъ, Купріяновъ ли виноватъ, или баринъ... Но когда оказалось, что, напротивъ, баринъ ему сдѣлалъ благодѣяніе, то мысли его до того перепутались, что онъ чувствовалъ себя дуракъ-дуракомъ и, говоря по совѣсти, былъ въ душѣ очень благодаренъ Купріянову, когда тотъ его образумилъ. Купріяновъ, во-первыхъ, далъ ему хорошую пощечину, потомъ повто-

рилъ ее раза три-четыре и оштрафовалъ за всѣ прогульные дни. «Дуракъ я былъ»,—думалъ Андронъ, принимаясь за дѣло.

Кудинычъ—старый воинъ и добрая душа! Я часто посѣщаю Кудиныча (онъ у насъ караульщикомъ на огородѣ), веду съ нимъ разговоры и рѣшительно жалѣю его... Что̀ за существованіе?.. Онъ обыкновенно сидитъ въ своей караулкѣ, что-нибудь тачаетъ или штопаетъ, или жуетъ свою печеную картошку, кровью выслуженную на войнѣ, приговаривая всякій разъ: «Господь напиталъ—никто не видалъ, а кто видѣлъ—не обидѣлъ»... Это человѣкъ, который самъ дѣйствительно мухи не обидитъ. А сколько онъ обидѣлъ на своемъ вѣку народу, и все народу, по его мнѣнію, добраго, хорошаго!.. «Много мы ихъ тогда перебили... народъ все чистый, ладный народъ, ничего!»—скажетъ онъ иной разъ, заговоривъ о войнѣ и о своихъ подвигахъ; но, отдѣлавшись отъ нихъ, онъ почти не интересуется ими и толкуетъ о нихъ рѣдко. Отдыхая теперь на покоѣ, онъ живетъ самъ по себѣ—и вотъ, послушавъ разъ-другой его разговоры съ мальчишками, я вполнѣ убѣдился, что «самъ по себѣ» онъ совсѣмъ другой человѣкъ... Посмотримъ, что̀ его интересуетъ, какими небылицами набита его голова.

— И горитъ, братецъ ты мой, — разсказываетъ онъ босоногому мальчишкѣ:—этотъ самый гацъ безъ фитиля и безъ лучины... И какъ бы ты думалъ, откудова онъ идетъ, этотъ гацъ? — вопрошаетъ онъ удивленнаго слушателя и, долго помолчавъ, почти съ ужасомъ произноситъ:

— Изъ собаки! да! Изъ дохлой, изъ [падали изъ собачьей!.. Наберутъ дохлятины, сейчасъ ее въ особое мѣсто,—въ варку,—ну, а изъ варки она ужъ и выфыркиваетъ полымемъ... Значитъ, этотъ духъ... напримѣръ, жаръ... сталобыть, эта сволочь самая...

Или разсказываетъ о томъ, что близъ Ярославля одинъ дьяконъ откопалъ мѣшокъ съ тараканами; они лежали въ землѣ тысячу лѣтъ—и живы!.. Дьяконъ будто бы тотчасъ же явился съ этимъ мѣшкомъ въ соборъ и подалъ его архіерею на самомъ амвонѣ, за что вышла изъ Петербурга награда. Онъ вѣритъ, что въ Кіевѣ существуетъ мостъ, на двадцать верстъ длины, вылитый цѣликомъ изъ желѣза, что если зайцу отстрѣлить хвостъ и зарядить этимъ хвостомъ ружье, то ружье будетъ стрѣлять безъ промаху.

Удивленіе его всѣмъ этимъ чудесамъ, въ которыхъ одна «премудрость», ничуть не меньше удивленія его деревен-

скихъ слушателей-ребятъ; да, онъ—ребенокъ добрый, тихій, религіозный (въ молодости онъ намѣревался поступить даже въ монахи)... Но всѣ эти личныя его качества—теперь на возрастѣ десятилѣтняго ребенка. Почему же имъ не суждено было развиваться? Почему въ видахъ высшей пользы они должны были замѣниться совершенно другими качествами... и притомъ какими?.. Я часто пытался разузнать, какая сила таскала его по черкесамъ и по венгерцамъ, и, признаюсь, кромѣ словъ: «тамъ, братъ, не разговариваютъ», я почти ничего не слыхалъ, объясняющаго дѣло. Одинъ только разъ, какъ мнѣ показалось, онъ произнесъ магическія слова своего знамени. Это была солдатская пѣсня такого содержанія:

Мы съ героемъ—дѣти славы...
. . . . . .
Есть у насъ своя семейка,
Невеличка и добра.
Съ нею жизнь для насъ копейка—
Сухарь, чарка и ура!

Но когда я захотѣлъ потолковать съ нимъ насчетъ этой пѣсни, то оказалось, что онъ въ ней понимаетъ очень мало и сердится, такъ что разговоръ пресѣкся на первомъ словѣ. Прежде всего онъ произнесъ не: «съ героемъ дѣти славы», а съ «хероимъ». Когда я спросилъ: что̀ это значитъ?—онъ насупился и отвѣчалъ уже — «херуфь»; на вопросъ, что̀ означаетъ это слово, онъ еще болѣе насупился и забурчалъ:

— Какъ что̀ значитъ? Васъ учили въ училищахъ?

— Учили...

— Такъ вы сами, кажется, должны понимать, что̀ и въ чемъ и какъ...

— Ей-ей не понимаю...

— А видали въ церквахъ...

— То хоругвь...

— Ну да! Я и говорю про то... Чего-жъ вамъ тутъ все не къ мѣсту? Мы — люди неученые... Небось, васъ терли-терли мочалкой-то въ наукахъ...

Старикъ, очевидно, сердился, и разговоръ нашъ пресѣкся. Такъ что, по тщательномъ размышленіи, знаменемъ всей его жизни должно было признать любимую его поговорку:

— Охъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе!..

Нѣтъ, берлинскій звѣрь не скажетъ: «грѣхи, грѣхи!». А Кудинычъ покорный вздыхаетъ!

Такимъ образомъ, если счесть содержимое этихъ параллелей, окажется, что личная совѣсть любого изъ вышеупо-

мянутыхъ соотечественниковъ какъ будто ровнешенько ничего не значитъ въ великихъ дѣлахъ, имъ совершаемыхъ; она не развиваетъ своихъ силъ, не имѣя возможности питать ихъ, и формы ея въ высшей степени неопредѣленныя, а велики или малы силы этой совѣсти — сказать утвердительно тоже невозможно. Тамъ, напротивъ, все дѣло въ крайне маломъ—въ эгоизмѣ, и притомъ самомъ злѣйшемъ,—эгоизмѣ каждой единицы, каждаго сверчка, который за свой шестокъ (худъ ли, хорошъ ли онъ, судить не мое дѣло) постоитъ крѣпко. Для насъ этого очень мало; но вѣдь эта малость и дѣлала явленія, которыя считаютъ великими...

Здѣсь мнѣ припоминается слѣдующее обстоятельство:

Въ праздникъ Троицы я вмѣстѣ съ извѣстнымъ уже читателю простонароднымъ соотечественникомъ моимъ отправился въ церковь Парижской Богоматери. Служба шла со всею торжественностью: служилъ парижскій архіепископъ, гремѣлъ органъ, гудѣли віолончели и т. д. Но церковь мы нашли совершенно пустой; кромѣ небольшой кучки народу да иностранцевъ, шатавшихся вокругъ пустыхъ стульевъ и разсматривавшихъ расписныя цвѣтныя стекла, — хоть шаромъ покати. «Ослабѣла вѣра», — замѣтилъ мой соотечественникъ. И что-жъ? при самомъ выходѣ изъ церкви мы натолкнулись на слѣдующую сцену. Солдатъ подъ хмелькомъ, съ сигарой въ зубахъ и подъ-руку съ подругой, болтая и смѣясь, разспрашивалъ сторожа, пускаютъ ли теперь посмотрѣть церковь? Онъ такъ съ сигарой и въ кепи пошелъ-было въ самый храмъ... Онъ—изволите видѣть — идетъ «смотрѣть» церковь. Если бы мнѣ пришлось видѣть побольше фактовъ хотя такого рода, я бы могъ заключить, что дѣйствительно ослабла вѣра, что ухо отвыкло понимать эти віолончели и хоры дискантовъ; но если мнѣ будутъ попадаться факты въ родѣ того, который я сію минуту приведу ниже, то я не знаю, въ какой мѣрѣ прочны и увѣренны могутъ быть мои умозаключенія. Года два тому назадъ ѣхалъ я по Волгѣ изъ города С. На палубѣ попался купецъ-раскольникъ, котораго я только-что передъ этимъ видѣлъ въ томъ же С. во время публичныхъ диспутовъ въ С—скомъ соборѣ, разрѣшенныхъ мѣстнымъ начальствомъ. Диспутъ происходилъ между разными раскольничьими сектами и православнымъ духовенствомъ. Нетрудно представить, что споры могли держаться на самыхъ схоластическихъ темахъ, на словахъ, никому не нужныхъ уже, потерявшихъ смыслъ и внутреннее содержаніе. Словомъ, кромѣ

схоластиковъ-диспутантовъ, слушатели почти всѣ скучали, сохраняя видъ дѣла (черта наша). Здѣсь-то я встрѣтилъ и купца, который тоже стоялъ и какъ будто внималъ разглагольствованію. Теперь мы съ нимъ встрѣтились опять на палубѣ и заговорили. Тутъ же на полу подъ одѣялами, совершенно какъ дома, на перинѣ лежала жена раскольника, окруженная собственной своей чайной посудой. Она слушала наши разговоры. Мы толковали о диспутѣ. Все, что я ни говорилъ, купецъ все подтверждалъ и со всѣмъ былъ совершенно согласенъ.—«Вѣдь просто скучно»,—говорилъ я.—«Не приведи Богъ!—говорилъ купецъ.—Что ни слово скажутъ, меньше какъ четырехсотъ лѣтъ тому слову нѣтъ отъ роду! Заведутъ-заведутъ канитель,—упаси Господи...»—«Развѣ дѣло въ этихъ пустякахъ, о которыхъ спорятъ»,—говорилъ я, напримѣръ, и купецъ отвѣчалъ:—«Вѣстимо, ужъ какое тутъ дѣло», и т. д. Словомъ, онъ соглашался со всѣмъ и даже, соглашаясь, непремѣнно приводилъ свой доводъ, болѣе высокій, въ пользу моего мнѣнія. Эти разговоры и дорога подружили насъ.—«Пойдемте пить чай»,—сказалъ я. Купецъ началъ мяться и поглядывать на жену и наконецъ заговорилъ, улыбаясь: «Такъ-то бы такъ, чайку отчего бы... да...» Оказалось, что нельзя пить изъ чужой посуды.—«Да вѣдь, по совѣсти, вѣдь глупость это».—«Оно такъ, дѣйствительно, не съ большого ума... ну, какъ-то такъ ужъ...» Помолчавъ и подумавъ, онъ прибавилъ:—«Али ужъ мнѣ тебя чаемъ напоить?» — «Ну напой!»—сказалъ я.—«Напоить-то тебя я бы вотъ какъ напоилъ, да опять же нельзя тебя къ нашей посудѣ допустить»... Словомъ, онъ зналъ отлично, что все это вздоръ и глупость, все понималъ и со всѣмъ былъ согласенъ, и все-таки дѣлалъ что-то. Такъ какъ напиться чаю вмѣстѣ намъ оказалось невозможнымъ, то купецъ со вздохомъ легъ къ женѣ подъ одѣяло и закрылъ глаза—будто бы спитъ, а я ушелъ. Чему тутъ вѣрить? Что тутъ дѣйствительно нужно человѣку и что не нужно, умерло? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ утвердительно отвѣтить невозможно. Только скучно.

Если съ этими вопросами подойти къ любому изъ современныхъ явленій русской жизни и, спустившись до отдѣльнаго лица, дѣлающаго это явленіе, встрѣтить въ этомъ лицѣ вовсе не то, что оно дѣлаетъ (чему я приводилъ примѣры), если убѣдиться къ тому же, что лицо это можетъ дѣлать какъ угодно, ни въ чемъ лично не нуждаясь и будучи на все готовымъ, то легко поймется томительная тоска, сви-

рѣиствующая всюду, равно какъ и то, что причина этой тоски—несвободная, въ грошъ не ставящаяся совѣсть.

III.

Имѣя намѣреніе со временемъ разсказать кое-что изъ міра этой больной совѣсти, ненужной личной жизни, я долженъ прежде всего указать на два типа, которые припоминаются мнѣ теперь и личная жизнь которыхъ, словно въ укоръ мнѣ, совершенно свободна и чиста.

Это, во-первыхъ, типъ, руководствующійся тѣмъ, что «все Богъ», и совершенно спокойно живущій среди всевозможной сумятицы. Образецъ такого типа мнѣ совершенно случайно пришлось встрѣтить за границей, именно въ Парижѣ,—я говорю о моемъ простонародномъ соотечественникѣ, русскомъ мѣщанинѣ N. Въ двадцатыхъ годахъ, когда этому соотечественнику было отъ роду не болѣе девятнадцати-двадцати лѣтъ, какой-то русскій купецъ, желая завести иностранную торговлю, завезъ его въ Парижъ, но промотался и умеръ. Соотечественникъ остался въ чужомъ городѣ и съ тѣхъ поръ живетъ тамъ до настоящаго времени. Профессія его—показывать русскимъ Парижъ; онъ знаетъ, кому какой памятникъ, гдѣ платокъ Наполеона, въ который тотъ не успѣлъ высморкаться, сколько милліоновъ стоитъ дворецъ и т. д. Во время выставки онъ очень успѣвалъ во мнѣніи московскаго купечества; если умретъ въ Парижѣ русскій, простонародный соотечественникъ непремѣнно явится его обмывать, укладывать въ гробъ, читать псалтырь; кромѣ того, онъ постоянно служитъ сторожемъ при одномъ русскомъ учрежденіи въ Парижѣ и благодаря этому, то-есть тому, что учрежденіе это считается собственникомъ, владѣльцемъ, въ качествѣ представителя отъ этого владѣльца служилъ въ національной гвардіи въ теченіе всѣхъ крупныхъ событій послѣднихъ лѣтъ. Чего только, стало-быть, ни видалъ и ни перенесъ этотъ честный человѣкъ, прекрасный семьянинъ (онъ женатъ на француженкѣ и имѣетъ уже взрослыхъ дѣтей, которыя всѣ пристроены къ мѣсту). И вотъ подъ вліяніемъ этихъ соображеній я вступилъ съ нимъ однажды въ разговоръ; результатомъ этого разговора было то, что теорія, основаніемъ которой—«все Богъ», уяснилась мнѣ весьма обстоятельно, ибо находилась въ этомъ человѣкѣ въ самомъ чистомъ видѣ. Удаленный изъ Россіи довольно рано, молодымъ парнемъ, онъ не успѣлъ пропитаться болѣе глубокими философскими

взглядами, которыми живетъ и дышитъ, напримѣръ, купецъ, получившій медаль, а за границей не могъ по натурѣ усвоить чуждыхъ взглядовъ—осталось «все Богъ» въ самомъ чистомъ видѣ.

— Да какъ же не Богъ-то? — говоритъ онъ. — Зачѣмъ бы мнѣ это надо въ Парижъ изъ Курска — скажите, сдѣлайте милость? А ужъ стало-быть, что такъ Богу угодно было... Или теперь: у меня есть медаль за спасеніе погибавшихъ, при Луи-Филиппѣ получилъ я... А по совѣсти говорить, развѣ я знаю, могу, напримѣръ, объяснить, какъ это я спасъ?.. Вы видите, какой я (онъ намекаетъ на свой ростъ; росту онъ небольшого): какъ же я могъ справиться съ верзилой съ этакимъ... да что!—съ двумя! Видите, какъ было. Шелъ я поздно ночью черезъ Елисейскія поля (тогда этого великолѣпія не было, темень). А разбойничьяго народу—страсть сколько было... Иду такъ-то, слышу, въ кустахъ кричитъ будто кто-то... Ровно мнѣ ущемило за сердце, какъ брошусь — ке-фетъ-ву-ля (такъ и такъ, по-русски), хвать одного верзилу за шиворотъ, другой убѣжалъ, ну, кричать: стражу! Сбѣжались, и тогда только я увидалъ, что они человѣка душили... Лежитъ человѣкъ безъ чувствъ... Я даже самъ удивился... Поглядѣлъ на верзилу, обомлѣлъ даже — этакая махина, упаси Господи! Потомъ въ судъ призвали свидѣтелемъ. — «Узнаёте, — говоритъ предсѣдатель:—этого господина (котораго я спасъ-то)?»—«Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, не узнаю...»—«Да вы его спасли!» Тутъ онъ мнѣ такую рѣчь сказалъ, расхвалилъ меня:—«Вы благородны, честны... у васъ добрая душа—человѣколюбіе... Что вы хотите: деньги или медаль?» — «Ничего, говорю, ваше превосходительство, я не хочу — потому я тутъ не при чемъ, и какъ тогда это случилось, не знаю... Ежели бы, говорю, теперича, вотъ сейчасъ при мнѣ этакій верзила сталъ бы душить человѣка—ни во вѣки вѣковъ бы я не бросился спасать—мнѣ, говорю, самому жизнь дорога...» Стало-быть, ужъ Богу такъ угодно было...

Помолчавъ немного и понюхавъ табаку, сѣдой старичокъ этотъ, какъ бы въ раздумьѣ, прибавилъ:

— Въ Сену тоже бросился разъ—человѣкъ тонулъ, вытащилъ... А дай мнѣ сейчасъ тыщу франковъ — «окунись, молъ»—такъ и трехъ не возьму, да и милліоновъ мнѣ не надо... Стало-быть, Богъ все... Или опять женился я — я изъ Курска, она изъ Бретани — судите теперича: чье это, какъ не Божье дѣло?

— Вы по любви женились?

— Какъ же мнѣ это помнить? Этому сколько лѣтъ-то! У меня сынъ, милостивый государь, сорока лѣтъ, комми-вояжеръ, мнѣ объ этомъ помнить нельзя было... я бился всю жизнь, всѣхъ воспиталъ...

— А не было скучно вамъ за границей?..

— Какъ не было скучно? Скучалъ... До женитьбы совершенно даже скучалъ; ну, а пошли дѣти — какая тутъ скука?.. Вся тутъ скука и окончилась... Развѣ мало хлопотъ-то? Тутъ норовишь для семейства, анъ хвать—переворотъ какой-нибудь затѣяли: бери ружье, стой!.. Ужъ какъ они меня черти-французы при Луи-Филиппѣ разсердили, такъ это забыть не могу!.. Внучка лежитъ больна, жена больна, а ты стой съ ружьемъ. Думаю, ахъ, чтобъ вамъ пусто было! Что васъ нелегкая поднимаетъ?.. — «Что вы, говорю, господа, все безпокоите себя? Можетъ-быть, другимъ семействамъ отъ этого худо бываетъ... У меня вонъ все семейство хвораетъ, а вы тутъ революцію затѣваете...» Ужъ тогда я бѣсился на нихъ шибко... Да что! бѣшеный народъ... Ему все мало! Какого императора спихнули, безумные!..

— Какого?

— А Наполіона! Ка-к-ой императоръ!.. Да и Луи-Филиппъ? Чего имъ еще надо?.. Вы знаете, почемъ была всякая провизія при Луи-то Филиппѣ, или хоть при Наполіонѣ?.. Спросите, молъ, почемъ, напримѣръ, стоилъ лукъ, овощь, мясо, — и что теперь? «Репюбликъ, репюбликъ», а поди-ка прицѣнись, во что вогнали картошку?.. да!.. Нѣтъ, я такъ думаю, они и Бога застрѣлятъ, попадись только во-время! Ей-ей... Кто имъ худо дѣлаетъ? сами себѣ...

— А нѣмцы?

— Да что-жъ нѣмцы?.. Нѣмцы, нѣмцы! ругаютъ, кричатъ всѣ, а нѣмцы во время осады сами намъ пропитаніе доставили. Помню, сынъ у меня захворалъ, а купить нигдѣ нѣтъ. Прошу Христомъ Богомъ хоть капусты кочанъ, за что хочешь—нѣту ничего, нигдѣ... А нѣмцы дали; цѣлый возъ дозволили пропустить въ городъ. И очень хорошо бы было нѣкоторымъ семействамъ, ежели бы какъ слѣдуетъ разсортировать, а они что же? Французы-то? Налетѣли на возъ съ капустой, растрепали все, расхватали по листочку, никому ничего... Нѣмцы всей душой хотѣли...

— Да!—заключилъ мой соотечественникъ.—Эти перевороты мнѣ въѣхали довольно!.. Какъ зачуешь, что «что-нибудь» начинается...

— А какъ вы это узнаёте?

— Какъ узнаёшь? Чуешь!.. То же все какъ будто, а понюхаешь кругомъ—и нѣтъ, что-то есть... Порохомъ пахнетъ, народъ начинаетъ бѣситься... Вѣдь народъ этотъ ничего, только съ бѣсиной... Словно какъ найдетъ на него что̀... Ужъ я этого довольно наглядѣлся, теперь ужъ, братъ, меня не оставишь безъ провизіи, какъ при Луи-Филиппѣ или при Шарлѣ-Дисъ... Какъ, говорю, зачуешь—сію же минуту капусткы, рѣпки, огурчиковъ — всего припасу, пали! шутъ съ тобой!

Такъ онъ откровенничаетъ только съ соотечественникомъ,—съ французами же держитъ себя «по-ихнему», притворяется развязнымъ, поддакиваетъ, — словомъ, представляетъ барина. Иной разъ, желая вдуматься хорошенько въ тамошніе порядки, посмотрѣть на нихъ не съ точки зрѣнія больной внучки и дороговизны картошки, онъ попробуетъ высказать что-то, но на второмъ же словѣ остановится, махнетъ рукой и скажетъ:

— Огромность это все... По крайности, слава Богу, живъ-здоровъ, и за то слава Тебѣ, Господи!

Вотъ каковъ мой простонародный парижскій соотечественникъ. Сколько есть такихъ соотечественниковъ, но еще больше есть другого сорта типовъ, которые живутъ, повидимому, тоже во имя «все Богъ», съ тою только разницею, что формула эта перенначивается въ такую: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Здѣсь подъ именемъ свиньи подразумѣвается весь родъ людской, среди котораго живешь и съ которымъ приходится дѣлать дѣла. Парижскій соотечественникъ—звѣрекъ тихій, смирный, волокущій въ свое гнѣздышко по щепочкѣ, по перышку, «что̀ Богъ даетъ»; тогда какъ типъ послѣдняго сорта обязанъ вырвать у свиней то, что̀ ему требуется. Зналъ я на своемъ вѣку одну бабу-крестьянку. Она пришла въ Петербургъ изъ Пинеги, потому что въ Пинегѣ стало нечего ѣсть. Это была грубая, черномазая женщина высокаго роста. Въ Петербургѣ она отъѣлась скоро, и такъ какъ «ѣсть»—до сего времени составляло все, что̀ ее держало на бѣломъ свѣтѣ, то житье ей стало въ Питерѣ плохое. Она жила у нѣмки въ меблированныхъ комнатахъ, била посуду,—ибо что̀ такое посуда и зачѣмъ? — спала какъ мертвая и огрызалась, когда ее будили. Не могла упомнить фамиліи того или другого жильца, не могла выучиться узнавать, который часъ. Въ церковь она никогда не ходила, потому что это ей было не нужно.

Словомъ, это было созданіе, способное покуда только ѣсть. За разгильдяйство ее колотили жестоко, но это ей было ни почемъ: она даже улыбалась, видя, какъ нѣмка дуетъ на руку, онѣмѣвшую отъ удара по каменному плечу Марьи. Иной разъ она вдругъ заскучаетъ, сидитъ, плачетъ.

— Что съ тобой?—спросятъ ее.

— Хлѣбъ у насъ, пожалуй, хорошъ уродился...

— Ну такъ что же?

— Дѣвки замужъ идутъ...

Но вотъ въ жизни ея случился переворотъ, именуемый любовью, хотя здѣсь это слово неумѣстно. Прислуга меблированныхъ комнатъ утащила ее однажды на иллюминацію, а съ иллюминаціи Марья возвратилась уже утромъ, и дня черезъ два ее нельзя было узнать. Въ этомъ она сходна съ парижскимъ соотечественникомъ, у котораго скука прекратилась, какъ только пошли дѣти. Марья, почувствовавъ, что она тоже будетъ мать, тоже какъ будто сразу скинула съ себя лѣнь и дурь и принялась обѣими руками тянуть кусокъ изъ пасти свиньи, то-есть всѣхъ, кто ей ни попадался. И фамиліи жильцовъ она узнала, и знала, что у кого есть, и часы вдругъ стала узнавать, и узнала, кто добръ, кто золъ изъ жильцовъ... «Теперь еще четвертый часъ,—стала она шептать:—господинъ Федоровъ приходятъ въ пятомъ» — и она смѣло входитъ къ г-ну Федорову въ номеръ, запустила руку въ сахарницу, взяла сахару, отсыпала чаю; галстукъ валяется—и галстукъ взяла, спрятала... Или вотъ другой господинъ, «простой», подгулялъ съ пріятелями—и ужъ Марья тутъ; какъ, оказывается, тонко понимаетъ она этого простого господина! «Сестра четвертый мѣсяцъ въ больницѣ... сумасшедшая... маленькая дѣвочка у ней осталась, пить-ѣсть нечего... Что на себѣ было—отдала...»—жалобно причитаетъ она. И баринъ все вынимаетъ мелочь, все вынимаетъ... «А кумъ ей голову прошибъ, да еще говоритъ: убью...» А баринъ все вынимаетъ, и Марья примѣчаетъ, гдѣ водится у барина эта мелочь, и, когда баринъ спитъ, обыщетъ этотъ карманъ. Она стала изворотлива какъ кошка: куда она прятала, что тащила, — никто никогда не находилъ. Отецъ будущаго ребенка попробовалъ было ее разыскать и повидаться, но такъ какъ и онъ изъ числа свиней, которымъ надо не дать возможности съѣсть, то черезъ десять минутъ и у него куда-то дѣлся платокъ, въ одномъ уголкѣ котораго былъ завязанъ рубль. Съ тѣхъ поръ этотъ человѣкъ и глазъ не показывалъ, что, конечно,

еще болѣе укрѣпило Марью въ томъ, что «всѣ свиньи». И вотъ она стала родить,—тащить съ праваго и съ виноватаго, перешивать и одѣвать ребятъ... Какъ она обращается съ дѣтьми? Любитъ, бьетъ и пичкаетъ всѣмъ, что̀ попало подъ руку, что̀ нашлось «у господъ». Когда отвозятъ ребенка въ деревню, она плачетъ и потомъ удваиваетъ свою хищническую дѣятельность...

Да, здоровый, настоящій человѣкъ и Марья,—а страшновато. Ну, а затѣмъ начинается великое море болѣзней и печалей ненормально живущаго духа!

IV.

Послѣ трехмѣсячнаго шатанья въ чужой сторонѣ, преимущественно въ Парижѣ, въ одинъ вечеръ, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, идти куда-нибудь и что-нибудь видѣть, мнѣ захотѣлось въ первый разъ остаться дома, ибо въ первый разъ я почувствовалъ, что «пора собираться домой»... Чужимъ въ этой чужой жизни я чувствовалъ себя давно, постоянно: въ театрѣ, на улицѣ, въ танцующей на общественномъ балу толпѣ, — словомъ, вездѣ ощущалась полная невозможность быть такъ, какъ они, не притворившись... А что̀ уже притворяться! Мнѣ захотѣлось уѣхать, и не потому, что мнѣ надоѣла «правда», о которой я только-что говорилъ и которая живетъ во всемъ, что̀ видишь, и дѣлаетъ живымъ все, что̀ держится ею; я почувствовалъ потребность уѣхать именно изъ боязни утратить это хорошее впечатлѣніе правды явленій, такъ какъ самыя явленія «ягодки» существующаго на бѣломъ свѣтѣ порядка—иной разъ весьма непривлекательныя — здѣсь и подавно непривлекательны, потому что они «настоящія»... Настоящее стремленіе вѣрить только въ копейку; настоящій развратъ, настоящая безысходная бѣдность и другіе продукты современныхъ порядковъ безъ особеннаго труда бросаются здѣсь въ глаза на каждомъ шагу. — «Кромѣ Наполеона четвертаго — никто не будетъ!» — говоритъ знакомый мнѣ сапожникъ (извините, что примѣры все простонародные) и показываетъ на пальцахъ четыре. «Вотъ! больше никого».— «А такой-то принцъ?»—Сапожникъ молча черкаетъ пальцемъ по горлу.—«А этотъ?»—Сапожникъ повторяетъ тотъ же жестъ сниманія съ плечъ головы...—«Да почему же именно Наполеонъ?»—«Потому что при Наполеонѣ я имѣлъ пять тысячъ франковъ доходу...»—«Больше ничего?»—«Чего вы хотите? Больше ничего (показываетъ опять 4 пальца). Вотъ! — и

больше никто!» А вотъ другой простолюдинъ, попросту мужикъ заграничный (опять извините!), онъ живетъ одиннадцать лѣтъ въ Парижѣ и—повѣритъ ли кто?—не знаетъ, гдѣ Нотръ-Дамъ, Булонскій лѣсъ... онъ даже не разбираетъ, что будетъ—республика ли, или имперія! Ему бы только получать аккуратно, что ему слѣдуетъ, аккуратно класть въ банкъ и лелѣять мечту о собственномъ отелѣ въ провинціи, чтобы получать и класть. Кромѣ лѣстницы съ номерами по бокамъ, откуда онъ получаетъ франки, кромѣ метлы, щетки, сапогъ, тазовъ и рукомойниковъ, онъ не знаетъ ничего — и совершенно веселъ на этой лѣстницѣ. Жестами рѣшаетъ онъ всѣ вопросы, посторонніе копейкѣ. — Что такое любовь?—Жестъ простой и ясный. — Что такое женщина?— Опять жестъ, и т. д. Онъ такъ вѣритъ, что, кромѣ копейки, все остальное вздоръ, такъ спокоенъ за свою философію, что на его довольное и веселое лицо завидно смотрѣть. А настоящій, основательный, до послѣдняго слова, до послѣдней точки доведенный развратъ и неразлучный съ нимъ разлагающій «запахъ» денегъ, золота, запахъ, котораго я никогда не ощущалъ, напримѣръ, на Невскомъ... А бѣдность, которая тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ залитыхъ золотомъ бульваровъ и кафе, — бѣдность, которая угрюмо «терпитъ» свою долю, словно въ насмѣшку обставленную какими-то якобы удобствами... Бѣдность эта терпитъ какой-то якобы обѣдъ въ кафе, освѣщенномъ газомъ, пьетъ какое-то якобы вино, такого же самаго цвѣта и названія, что и у президента республики; будто бы весело проводитъ вечера, часы отдыха на пятикопеечныхъ балахъ, танцуя съ своими дамами, которыя будто бы одѣты совершенно прилично, хоть иной разъ при хорошемъ взмахѣ юбки кверху оказывается, что, кромѣ ботинокъ да того, что надѣто сверху,— все остальное въ отсутствіи. Сколько нужно этому бѣдняку имѣть умѣнья притворяться, что онъ не замѣчаетъ, какъ его якобы подруга, того и гляди, уйдетъ за золотомъ какихъ-то пьяныхъ франтовъ, явившихся на пятикопеечномъ балу съ цѣлью охоты на «дичь» женскаго пола. Какъ мало этой дичи, однако! Все обстрѣлено и видало виды, все чувствуетъ большой аппетитъ къ чужому золоту... Да, цвѣтовъ и ягодъ современнаго порядка много, и любоваться ими долгое время рѣшительно невозможно, — вотъ почему я и почувствовалъ, что пора собираться домой, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, собрался чуть ли не на слѣдующій день и уѣхалъ...

Много хорошаго и дурного видѣлъ я въ чужомъ городѣ и равно благодаренъ ему какъ за то, такъ и за другое, да, даже и за другое, потому что, если я—человѣкъ, дѣйствительно любящій человѣка, то, видя передъ собою «настоящее» положеніе дѣла, я могу еще болѣе укрѣпить мою любовь, вѣрить, что она нужна... И, кромѣ того, что̀ значатъ эти безчисленные слѣды пуль, которыми прострѣлѣны зеркальныя стекла, исцарапаны фасады дворцовъ, церквей, изборождены монументы, арки?.. Глядя на эти безчисленные бѣлые кружки съ темнымъ ободкомъ дыма кругомъ, невольно представляешь себѣ, что въ этихъ улицахъ и переулкахъ находилась какая-то бѣснующаяся, сумасшедшая толпа, которая хотѣла, повидимому, разбросать, спихнуть, разрушить все, что̀ есть кругомъ. Чѣмъ виноваты, напримѣръ, эти каменныя тріумфальныя ворота, на которыхъ изображены аллегорическія фигуры царей, голыхъ воиновъ, игрушечнаго вида и задора лошади, колесницы и т. д.? Чѣмъ виноваты эти ничтожныя воротцы? А между тѣмъ они сплошь съ верху до низу исщелканы пулями, отбившими носы у древнихъ царей, хвосты у лошадей и т. д. Очевидно, что здѣсь бился и метался какой-то обезумѣвшій человѣкъ, и этотъ-то человѣкъ—тотъ самый, который задохнулся отъ крѣпкаго букета вышеупомянутыхъ цвѣтовъ... Тутъ, въ толпѣ этихъ сумасшедшихъ, вышедшихъ изъ терпѣнія, былъ, навѣрное, и лакей, которому надоѣла метла и лѣстница, тутъ и камелія, которая могла бы и хотѣла быть матерью, сестрой, женой и которая зла на порядки, не давшіе ей ни того, ни другого, ни третьяго... Тутъ былъ навѣрно и бѣднякъ, которому надоѣли якобы обѣды, якобы жены, якобы семья, и который мстилъ за невозможность имѣть это въ настоящемъ видѣ и смыслѣ, мстилъ, какъ сумасшедшій, ломая и разрушая все, что̀ ни попадется подъ руку...

Глядя на эти пули, невольно думаешь и убѣждаешься, что всему этому, порожденному старыми порядками, въ концѣ̀ ими испорченному народу жить такъ̀ дольше нельзя, что ему не только скучно такъ̀, какъ скучно вамъ, постороннему зрителю,—а просто нельзя, невозможно дольше жить, и, вѣря въ правду явленія, вы надѣетесь, что дѣйствительно *такъ̀* продолжаться дольше не можетъ... Уѣзжая, я думалъ, что все будетъ лучше, правдивѣй, умнѣй... Какъ же не благодарить за это чужую сторону!.. Съ этимъ хорошимъ ощущеніемъ я возвращаюсь назадъ и дня черезъ два снова вижу Петербургъ...

Въ тотъ же вечеръ въ бесѣдѣ съ пріятелями я слышу и отъ соотечественника моего тоже, что «такъ жить нельзя». Картину онъ нарисовалъ при этомъ раздирающую; матеріала для того, чтобы нарисовать картину раздирающую, у пріятеля были полны руки. Но потомъ какъ-то такъ вышло, что въ тотъ же вечеръ тотъ же самый пріятель мой нарисовалъ и другую картину, умилительную, съ блестящимъ будущимъ, ибо и для этой картины матеріалу тоже у него оказалось въ рукахъ довольно много. И обѣ картины были какъ будто справедливы... И вотъ, съ легкой руки этого пріятеля,—пошли мнѣ встрѣчаться коммунары съ возможностью довольствоваться и философіей копейки серебромъ, пошли ретрограды, думающіе въ глубинѣ души, что имъ бы слѣдовало быть либералами, и либералы, которые, быть-можетъ, въ сущности и не либералы... Потянулось, словомъ, что-то въ родѣ ни да ни нѣтъ, ни два ни полтора, ни тпру ни ну...

Стало мнѣ скучно.

Поѣхалъ я въ деревню къ пріятелю. Здѣсь, правда, есть кое-что «настоящее», поучиться кое-чему можно, но и сюда уже проникаетъ нравственное «ни да ни нѣтъ»... Встрѣтилъ я здѣсь пьянаго мужика, возвращавшагося съ бабой изъ сосѣдняго села. Баба не давала ему денегъ на водку; онъ пристадъ ко мнѣ и, чтобы угодить, прочиталъ мнѣ апостолъ (очень искусно) собственнаго сочиненія, смотря въ ладони, какъ въ книгу,—но такого содержанія, что баба ушла прочь, плюнувъ и обругавъ мужа «безбожникомъ» и проклятымъ. И дѣйствительно мужикъ былъ безбожникъ, если только чтеніе (котораго я привести не могу)—собственное его изобрѣтеніе... Ему все трынъ-трава до такой степени, что я долгое время не могъ опомниться и не замѣчалъ, что онъ уже давно ждетъ «награды».—«Станови, что ли...—говорилъ мужикъ.—Али не уважилъ? Хошь пива... Ей-ей, послѣднія нонѣ отдалъ попу, нечѣмъ охмелиться...»—«Зачѣмъ попу?»—«Да вѣдь надо молитву дать этому щенку (у бабы былъ на рукахъ ребенокъ)—али нѣтъ? Кажется, мы хрещеные... Поставь, баринъ!.. будетъ тебѣ!.. Я тебѣ еще такую ли скажу!..»

Пожилъ я въ деревнѣ, показалось мнѣ, что будто бы я заболѣлъ—и вотъ поѣхалъ я будто бы лѣчиться на однѣ русскія минеральныя воды. Здѣсь въ первый же день за общимъ обѣдомъ въ гостиницѣ попался бравый мужчина съ нафабренными по-военному усами и баками и какъ-то

невзначай проболтался о томъ, что онъ посланъ на минеральныя воды однимъ отдѣленіемъ одной канцеляріи для... «изученія народнаго быта»... Потомъ, послѣ обѣда, я собственными ушами слышалъ, какъ этотъ господинъ, желая изгладить не совсѣмъ удовлетворительное впечатлѣніе, произведенное на умы публики этимъ извѣстіемъ, отвелъ въ уголъ одного молодого человѣка и, держа его за пуговицу, говорилъ: «Согласитесь сами, что ежели бы это было и такъ, то-есть ежели бы ваше предположеніе было справедливо,—согласитесь, что гораздо лучше, если это гнусное (и по-моему совершенно справедливо!) дѣло будетъ находиться въ рукахъ честнаго человѣка... Согласитесь, что это такъ». Но молодой человѣкъ, повидимому, не высказывалъ согласія, по всей вѣроятности полагая, что гораздо бы было лучше, если бы гнуснымъ занимался гнусный, а честный брался только за честное... «Въ сущности,—пояснилъ бравый мужчина:—я самъ глубоко презираю ту печальную необходимость... но...» и т. д.

Сталъ я лѣчиться, а факты изъ области «ни да ни нѣтъ» все не прекращались...

V.

Изъ ближайшаго уѣзднаго города пріѣхалъ тоже лѣчиться на воды одинъ монахъ изъ благородныхъ; онъ велъ себя солидно, носилъ окладистую бороду и уединялся отъ публики съ книгой, когда въ саду играла музыка. Черезъ два или три мѣсяца онъ долженъ былъ постричься окончательно (прислуга его называла «неокончательный» монахъ). Намъ пришлось жить въ одной гостиницѣ; номера наши были рядомъ, и потому будущій іеромонахъ часто заходилъ ко мнѣ. Разговоръ шелъ о духовныхъ предметахъ; монахъ разсказывалъ процессъ будущаго постриженія, довольно подробно и обстоятельно, мѣшая его съ такими взглядами и мнѣніями, которые среди духовныхъ разговоровъ звучали какъ-то странно...—«Не могу жаловаться,—говорилъ онъ между прочимъ:—я пошелъ довольно хорошо по духовной части... Въ военной мнѣ не повезло...»—«Вы были въ военной?»—«Какъ же! я два съ половиной года служилъ офицеромъ въ —скомъ пѣхотномъ полку принца Карла... Сами знаете, что за жизнь армейскому офицеру... Вознагражденія—грошъ... а... да наконецъ, если бы была протекція... тогда другое дѣло... я бы, конечно, можетъ-быть, и не пошелъ бы... Но теперь по духовной части у меня

есть рука довольно сильная... Настоятель меня любитъ.. кружечный сборъ доходитъ до... все готовое... и наконецъ мнѣ давно хотѣлось уединенія...» Ужъ и изъ этихъ объясненій можно было видѣть, въ какой мѣрѣ прочны основанія, на которыхъ зиждутся взгляды отца Виктора насчетъ разныхъ частей «духовной, военной» и т. д. Но это еще цвѣточки... Прямо изъ окна моего номера видна была лачуга съ вывѣскою портного и съ модными картинками, прилѣпленными къ заплѣсневѣлымъ окнамъ; бывая у меня, отецъ Викторъ часто посматривалъ на эту вывѣску и часто спрашивалъ:—«Какой-такой это Иванъ Купидоновъ, военный, статскій и дамскій... Ужъ не нашъ ли это дворовый? У насъ былъ одинъ Иванъ Купидоновъ и учился въ губернскомъ городѣ портновскому дѣлу». Оказалось, что этотъ Купидоновъ—именно тотъ самый. Прослышавъ стороной, что тутъ близко находится барчукъ—монахъ изъ военныхъ, бывшій дворовый явился повидаться. Свиданіе происходило у меня въ комнатѣ. Иванъ Купидоновъ, уже пять лѣтъ занимающійся своимъ дѣломъ «отъ себя», успѣлъ принять человѣческій образъ и съ большими усиліями дѣлалъ «рабское лицо» предъ бариномъ. Баринъ все-таки остался доволенъ. Когда оба они вспомнили прошлое, пожаловались на настоящее, вздохнули по нѣскольку разъ,—дворовый сталъ жалѣть и печалиться о баринѣ:—«Эхъ, Викторъ Сергѣевичъ,—говорилъ онъ, покачивая головой съ сдѣланнымъ рабскимъ лицомъ:—охота вамъ было въ монахи... То ли бы дѣло, ежели бы вы были попрежнему... танцы всякіе... все бы себѣ дозволить могли...»—«Будетъ,—сказалъ баринъ, вздохнувъ:—натанцовался».—«И безъ васъ есть кому стоять на молитвѣ... А ужъ костюмъ бы я вамъ уготовилъ—Шармеръ! ей-ей. Помѣряйте, вотъ сюртучокъ... (у портного былъ подъ мышкой узелокъ). Чего вы опасаетесь? Кажется, сукно, что на рясѣ, что въ сюртукѣ, одинъ даръ Божій».—«Такъ-то такъ...»—«Такъ что-жъ! Гляньте, помѣряйте-ка». Отецъ Викторъ помолчалъ и съ улыбкой пошелъ примѣривать сюртукъ. Просто *такъ*, примѣрить только. Я ушелъ куда-то. Вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, ко мнѣ входитъ Викторъ, но уже обстриженный и въ статскомъ платьѣ...

— Видите,—сразу началъ онъ:—такъ какъ постриженія еще не было, то по уставамъ не возбраняется... по крайней мѣрѣ, ничего опредѣленнаго нѣтъ... Если бы я шелъ по сбору, напримѣръ,—прибавилъ онъ:—я имѣлъ бы право

заходить въ трактиры, въ кабаки... Отчего же теперь я не могу быть въ вокзалѣ, на концертѣ, на танцовальномъ вечерѣ?.. Какъ вы думаете? Недурно сидитъ?..

Сидѣло недурно.

— Я заказалъ бѣлый жилетъ... вѣдь носятъ же жилетъ подъ рясой; отчего-жъ ихъ не поносить открыто... По крайней мѣрѣ честно!

За жилетомъ пошло бритье бороды (на что было взято однако докторское свидѣтельство), нафабриваніе усовъ, натягиваніе перчатокъ, подыскиваніе мѣста на желѣзной дорогѣ, не упуская въ то же время мысли и о постриженіи... Если мѣсто выходило, то Викторъ Сергѣевичъ говорилъ: «Хотя я люблю уединеніе, но уединяться можно и не надѣвая клобука, не загораживая себя каменными стѣнами... Богъ вездѣ... Да наконецъ великъ ли нашъ кружечный сборъ?» и т. д. Если же надежды на мѣсто ослабѣвали, то рѣчь шла примѣрно такая: «Да почему же вы думаете, что и въ монастырѣ нельзя быть полезнымъ обществу? Лучше же буду я, чѣмъ какой-нибудь отставной солдатъ, постригающійся исключительно ради даровыхъ хлѣбовъ и толкующій бѣдному народу, что самъ своими глазами видѣлъ дьявола. Во всякомъ случаѣ я-то уже не скажу этого... Кромѣ того, предполагаются постройки, и навѣрно будетъ поручено мнѣ...» Словомъ, безъ особеннаго труда, безъ особеннаго соображенія по-русски воспитанный умъ его могъ являться совершенно готовымъ на всякъ часъ. Онъ мнѣ показывалъ письма разгнѣванныхъ на его поведеніе родственниковъ и настоятеля. Какое разнообразіе взглядовъ, убѣжденій! «Ну что ты могъ бы получить на желѣзной дорогѣ, о которой бѣсъ вложилъ тебѣ въ умъ?—писалъ ему настоятель. — Много-много ежели ты получишь триста рублей, но замѣть—на своихъ харчахъ!.. Дьяволъ настолько ослѣпилъ твой умъ, что ты какъ бы совсѣмъ забылъ о дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, тогда какъ, идя по духовной части, ты получишь помимо кружечнаго сбора...» и т. д. «Врагъ рода человѣческаго (писала ему родственница), которому, безъ сомнѣнія, принадлежатъ всѣ содѣянныя тобою свинства, настолько опуталъ тебя, что ты ужъ не въ состояніи ясно видѣть, что карьера твоя должна ограничиться заботою о душѣ, молитвою, ибо князь Сергѣй Андреичъ, какъ тебѣ должно быть хорошо извѣстно, умеръ два года за границей, а безъ него, ты очень хорошо знаешь, тебѣ нѣтъ протекціи ни въ армію ни въ штатскую службу...

Молись и проси у Бога прощенія, зная, что на желѣзныхъ дорогахъ всѣ мѣста заняты и нигдѣ тебѣ не дадутъ ничего...»

— Да что же это такое?—воскликнулъ я, когда однажды почему-то вдругъ припомнилось мнѣ все видѣнное за послѣднее время.—Гдѣ же тутъ, во всемъ этомъ, въ этихъ неокончательныхъ монахахъ, изучателяхъ народнаго быта, безбожникахъ, и проч. и проч.,—гдѣ тутъ правда, совѣсть, могущая въ искренности, чистотѣ и силѣ потягаться съ совѣстью, напримѣръ, вышеупомянутаго лакея, то слѣпо вѣрящаго въ копейку, то слѣпо идущаго завоевать другую вѣру, когда копейки мало.

ОЧЕРКИ ПЕРЕХОДНАГО ВРЕМЕНИ.

Подъ общимъ названіемъ: «Очерки переходнаго времени», помѣщаются въ настоящемъ изданіи *) очерки и разсказы, написанные въ разное время, съ 64 г. до 90 г., но не вошедшіе ни въ первое ни во второе, полное, изданія, вслѣдствіе того, что на тѣ же темы были написаны впослѣдствіи очерки и разсказы, имѣющіе между собою нѣкоторую связь и послѣдовательность. «Нравы Растеряевой улицы», «Разоренье», безъ всякихъ дополненій и разъясненій, весьма достаточно омрачаютъ воспоминанія читателей о темныхъ временахъ русской жизни, и увеличивать этихъ омрачительныхъ впечатлѣній количествомъ жизненныхъ мрачныхъ фактовъ не было никакой надобности.

Если же эти омрачительные очерки я рѣшился помѣстить въ настоящемъ изданіи, то основаніемъ этому была та несомнѣнная особенность русской жизни, вслѣдствіе которой «переходное время» стало въ послѣднія тридцать лѣтъ какъ бы обычнымъ «образомъ жизни» русскаго человѣка. Ощущалось оно до севастопольской войны, до освобожденія крестьянъ, до судебной, земской, городской реформъ. Ощущалось и во время войны и послѣ войны, во время и послѣ каждой реформы; ощущается и въ настоящее время. Вотъ причина, послужившая основаніемъ собрать тѣ очерки, разсказы и замѣтки, которые касались неопредѣленныхъ условій жизни и колебаній мысли русскаго человѣка, подъ вліяніемъ новыхъ теченій, постепенно осложнявшихъ русскую жизнь.

*) 3-й томъ сочиненій, изд. Павленкова.

I. Отцы и дѣти *).

ВРЕМЯ ДО И ПОСЛѢ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ.

I.

Иванъ Матвѣевичъ Рудневъ, служащій въ губернскомъ правленіи, былъ «чиновникъ» въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. былъ уже титулярный совѣтникъ, въ скоромъ времени ждалъ пряжку за усердную и безпорочную службу, имѣлъ многочисленное семейство, упоминая о которомъ онъ не пропускалъ случая вставить словцо: «обремененъ!», давая тѣмъ знать, что въ многочисленности семьи онъ не виноватъ и терпитъ эту бѣду неизвѣстно изъ-за чего. Впрочемъ, подобныя оправданія Рудневу приходилось предъявлять уже тогда, когда обстоятельства скрутили его не на шутку и когда ему пришлось разнообразить жизнь исключительно нюхательнымъ табакомъ да попойками и слушать ежеминутные упреки жены, постоянно повторявшей ему: «Полно тебѣ цѣдить-то!.. Что это такое? Какъ ни бьется, какъ ни бьется,—а къ вечеру все пьянъ напьется!..» Жена смутно предчувствуетъ, что конца этому не будетъ никогда, потому что никогда не кончится печальное положеніе ея мужа. Мужъ ея дошелъ до этого положенія не вдругъ, а шагъ за шагомъ: и у него тоже былъ свой золотой вѣкъ, который, конечно, не повторится; все измѣнялось самымъ постепеннымъ образомъ. Неизмѣннымъ оставалось только ежегодное рожденіе дѣтей, которыя въ настоящую минуту составляютъ огромную массу ртовъ, требующихъ пищи. Разношерстныя эпохи, въ которыя родились и росли дѣти, развили ихъ совершенно различнымъ образомъ и раздѣлили ихъ на дѣтей, росшихъ съ *призоромъ,* и на дѣтей, росшихъ безъ *призору,* при чемъ главную роль играли учителя и воспитатели, подъ вліяніемъ которыхъ росли дѣти.

Золотой вѣкъ выпалъ на долю первенца-сына, Павла. Въ это время Рудневъ быстро шелъ въ гору; въ какихъ-нибудь два или три года изъ оборваннаго, смирнаго, но въ высочайшей степени прилежнаго писца онъ превратился въ секретаря; почти съ невѣроятной скоростью явились у него свой домикъ со службами и съ баней, хоть и плохонь-

*) «Русское Слово» 64 года, 12-я книга, подъ заглавіемъ: «Эскизы чиновничьяго быта». «Учителя».

кая, но своя лошадь, и наконецъ дородная жена, которая пришлась какъ разъ по мыслямъ молодого секретаря: была молчалива съ мужемъ, величая его по имени и отчеству, и, въ видахъ хозяйскихъ интересовъ, воевала съ кухарками и горничными. Картина семейнаго счастья была скоро окончательно пополнена рожденіемъ сына: стало-быть, Рудневъ обладалъ полнымъ довольствомъ: свой домъ, лошадь, супруга, дѣтки,—все какъ слѣдуетъ. Павлуша такимъ образомъ родился при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ; это глубоко сознавалъ его родитель и не сомнѣвался въ счастіи сына, хотя тотъ родился и не въ сорочкѣ. Толпы бабъ, нахлынувшія въ домъ Руднева неизвѣстно откуда и неизвѣстно какъ пронюхавъ про родины, сумѣли привести тысячи примѣровъ, по которымъ родившіеся въ сорочкахъ оказались самыми несчастнѣйшими людьми, негодяями, а, напротивъ того, родившіеся безъ сорочекъ были головы надъ многими головами. Стало-быть, и тутъ хорошо. Влюбленный отецъ, задолго еще до рожденія сына, далъ искреннѣйшій обѣтъ не щадить живота для того, чтобы сынъ вышелъ человѣкомъ какъ слѣдуетъ, т.-е. могъ бы выйти въ люди и прославить родъ свой.

Хлопоты и жертвы по этому поводу начались со дня рожденія. Сообразно блестящей будущности сына, Рудневъ, во-первыхъ, устроилъ великолѣпнѣйшія крестины; купель добыли новую, люлька была сдѣлана на заказъ: двѣ въ городѣ только и было такихъ люльки: у губернатора да у Руднева. Пиршество крестинъ совершалось шумно и торжественно. Пьянство затѣялось невыносимое, такъ что нѣкоторые изъ сослуживцевъ Руднева долго потомъ вспоминали, какъ проснулись они послѣ крестинъ въ какой-то чужой банѣ, и проч. и проч. Отецъ, въ приливѣ радости, какъ сумасшедшій совался съ бутылками, угощая гостей, и въ это время выслушивалъ разныя пожеланія и совѣты опытныхъ людей.

— Дай Богъ ростить—себѣ на утѣшенье!.. Вырастетъ—вельможей будетъ! Не забудьте насъ тогда! — говорили одни.

— Дитя есть мягкій воскъ! — вставлялъ приходскій батюшка.

— Ты вотъ что, Иванъ Матвѣевичъ...—совѣтовалъ Рудневу одинъ изъ сослуживцевъ, опытный въ битвахъ семейной жизни:—какъ ты думаешь дѣтей ростить?

— Какъ-нибудь... Какъ Богъ укажетъ... Выкушайте!..

— Ты постой... я выкушаю... А ты, я тебѣ откровенно скажу, даже не знаешь, какъ и пороть ребятъ... Знаешь ли?

— Кушайте, Семенъ Прокофьичъ! Истиннымъ Богомъ говорю вамъ—знаю.

— Врешь!.. Ничего ты не знаешь и долженъ слушать меня!..

И заботливый гость довольно тщательно объяснилъ способы наказыванія дѣтей розгами.

Но первенецъ былъ такъ счастливъ, что положительно не могъ разсчитывать на воспитаніе такого рода. Отецъ стыдился мысли учить такимъ образомъ будущаго замѣчательнаго человѣка и, поддакивая совѣтамъ товарищей, вовсе не хотѣлъ имъ слѣдовать. Онъ не хотѣлъ дать сыну своему печальнаго дѣтства, потому что уже заранѣе полагалъ его вполнѣ счастливымъ; при этомъ онъ не думалъ о развитіи его, ибо никогда не слыхалъ такого слова, не думалъ подмѣчать тѣ или другія его наклонности, потому что никогда бы не подмѣтилъ ихъ; вмѣсто этого онъ только твердо вѣрилъ въ счастье сына, не думая о томъ, какъ оно случится и чѣмъ возьметъ при этомъ его сынъ. Съ своей стороны, отецъ, по понятіямъ множества такихъ же отцовъ, дѣлалъ все: одни крестины чего стоятъ! сколько шуму и грому, сколько высыпано денегъ, и проч. и проч. Давши сыну хорошую кормилицу, отецъ такимъ образомъ сдѣлалъ все для дѣтства любимаго первенца и — не могу утаить—съ пріятностью ждалъ въ будущемъ процентовъ на затраченный капиталъ въ видѣ безпредѣльной преданности и безпредѣльной сыновней благодарности.

Павлуша былъ выкормленъ и сложенъ хорошо; все, что ни дѣлалось вокругъ него, все, что ни говорилось кругомъ, онъ сохранилъ навсегда въ своей памяти. Дѣлалось все для Павлуши, говорилось только о немъ и о желаніи ему всякихъ благъ,—а между тѣмъ въ настоящую пору, когда онъ имѣетъ время сознательно припомнить свое пряничное дѣтство, ему видится несчастье, корень всякихъ бѣдъ— именно въ этой безграничной и крайне безпутной любви, которая окружала его. Хороша награда за родительскія ласки! Отецъ, цѣлые дни занятый на службѣ, принужденъ былъ ограничивать изъявленія своей любви покупкою игрушекъ; игрушки эти были всегда дорогія и самыя лучшія,— лучше ихъ ужъ не было; но онѣ почему-то скоро бросались Пашей. Какой-нибудь покачивающійся на крутыхъ полозьяхъ конь или изящный домикъ съ окнами и дверями,

какъ у настоящихъ домовъ, скоро валялись заброшенными гдѣ-нибудь подъ кроватью и вовсе не занимали Павлушу. Разъ только отецъ купилъ ему коня, который самъ бѣгалъ на колесахъ по комнатѣ,—этотъ конь былъ тоже скоро заброшенъ, но не потому, чтобы не занималъ Павлушу, а потому, что весь былъ разобранъ, до послѣдней ниточки, и всѣ колесики, составляющіе скрытый механизмъ игрушки, были тщательно пересмотрѣны. Эту игрушку Паша долго помнилъ и все просилъ купить еще такую же; но любящій отецъ покупалъ ему другую игрушку втрое дороже: какой-нибудь раззолоченный киверъ или саблю, и вѣрилъ, что онъ дѣлаетъ для сына втрое больше, нежели тотъ хочетъ.

Цѣлые дни, по уходѣ отца въ должность, Павлуша оставался на рукахъ матери, которая тоже каждую минуту готова была положить за него жизнь и какъ будто въ силу этой безграничной любви старалась очистить голову сына отъ всякой работы. При этомъ она руководствовалась тѣмъ же правиломъ, *какъ и другіе;* у другихъ главнымъ достоинствомъ въ дѣтяхъ считалось, чтобы они не мѣшали и не шумѣли; настоящей хозяйкѣ куда какъ непріятно, если рѣзвый ребяческій смѣхъ и говоръ мѣшаетъ ей думать надъ шитьемъ мужниной манишки или заглушить бой часовъ въ залѣ: чего добраго, пропустишь, когда пробьетъ два—время прихода мужа и время обѣда. За этимъ, конечно, слѣдуютъ непріятности. Мать Павлуши принимала всѣ мѣры, чтобы сдѣлать изъ сына тихаго ребенка, который бы не нарушалъ гармоніи семейнаго быта, былъ вполнѣ прилаженъ къ ровному, тихому житью; въ видахъ достиженія своихъ цѣлей, она словно макомъ опаивала, нагружая его разными наставленіями о кротости и смиренствѣ. Мать была крайне счастлива, видя, что изъ Павлуши выходилъ не сорванецъ, а «дитё», имѣющее терпѣніе почти молча высиживать цѣлые дни около матери, смотрѣть на кухарокъ, являющихся за приказаніемъ: «класть ли корицы или нѣтъ?», слушать, какъ гдѣ-то вдали, въ кухнѣ, едва внятно стучатъ ножами. Такія доблести сына поощрялись лакомствами, развивавшими самыя назойливыя изъ всѣхъ прихотей — прихоти пріятныхъ, чувственныхъ ощущеній, что сдѣлало Павлушѣ много вреда впослѣдствіи. А въ ту пору отецъ, мать и толпы родни не нарадовались на такое послушное дитя, которое мало-по-малу дѣлалось вялѣе, апатичнѣе.

Подъ мертвящимъ вліяніемъ такого воспитанія, въ сознаніи Павлуши ослаблялись даже такія, хватающія за

душу впечатлѣнія, которыми изобиловали послѣдніе годы севастопольской войны, послѣдніе годы крѣпостничества и взяточничества. Такія впечатлѣнія Павлушѣ приходилось испытывать довольно часто, слушая вопли и видя слезы «просителей», и въ особенности тогда, когда этихъ просителей приводила къ его отцу нѣкая, весьма замѣчательная женщина, извѣстная подъ прозвищемъ «Семениха», всегда приносившая дѣтямъ Руднева лакомства.

II.

Семениха, со всѣми ея особенностями, сформировалась изъ условій всепоглощающаго въ тѣ времена значенія «чиновничества», царившаго надо всѣмъ городскимъ, сельскимъ и землевладѣльческимъ населеніемъ Россіи; чиновническое царство, насквозь проѣвшее кляузой и взяточничествомъ, допускавшимъ всякую неправду, и населеніе того города, о которомъ идетъ рѣчь,—зародило въ неглупой головѣ вдовы-мѣщанки Гребенкиной весьма практическую и несомнѣнно гуманную мысль: стать посредницей между простымъ, измученнымъ народомъ и взяточникомъ-чиновникомъ.

Въ то время, къ которому относится этотъ разсказъ (т.-е. въ 55—56 г.), ей было уже лѣтъ 40, стало-быть, по пословицѣ, бабій вѣкъ оканчивался, но, несмотря на это, въ иную пору морозъ могъ-таки поживиться насчетъ ея пухлыхъ щекъ, всегда подвязанныхъ и поэтому слегка сжатыхъ бѣленькимъ платочкомъ. Въ эту пору она уже давно работала на адвокатскомъ поприщѣ; слава ея росла съ годами, и имя Семенихи процвѣтало вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ искусства по части знакомства мужичьихъ кошелей со всѣми кошелями всякаго размѣра, вплоть до дыряваго кармана въ жилетѣ самой мелкой канцелярской сошки. Въ силу этого процвѣтанія, годъ отъ году больше и больше съѣзжалось на ея дворъ деревенскихъ мужиковъ съ просьбами, такъ что она должна была отворить наглухо заколоченную половину отцовскаго дома, а у воротъ, въ видахъ барышей отъ пріѣзжаго народа, бойкій мѣщанинъ распахнулъ лавчонку и скоро нашелъ удобнымъ къ дегтю и сѣну присоединить гербовую бумагу, чернила, перья, сургучъ; вмѣстѣ съ этимъ посреди Семенихина двора воздвигнулся навѣсъ, какіе бываютъ на постоялыхъ дворахъ.

Такъ какъ грамотѣ Семениха училась на мѣдныя деньги,

а пріѣзжимъ мужикамъ нужны были разныя прошенія, то шлялся къ ней для этого дѣла нѣкто, извѣстный подъ именемъ Борисыча. Когда-то онъ служилъ въ одномъ изъ судовъ, но оттуда выгнанъ; нищенствуя, онъ нанимался въ разныя канцеляріи дежурить за другихъ, получалъ за это четвертакъ и за такую сумму отдавалъ себя вполнѣ на общую жертву. Многіе шутники изъ неоперившихся писцовъ употребляли его на свою потѣху, заставляли пѣть пѣтухомъ, поили пьянымъ до изступленія, сажали на шкапъ, надѣвали на голову бумажный колпакъ и зажигали его... А Борисычъ и не чувствовалъ, какъ у него на срединѣ головы выгорала просторная плѣшь. Пѣніе пѣтухомъ обратилось у него впослѣдствіи въ привычку, и онъ съ особенною ловкостью и тонкостью могъ изобразить разницу въ пѣніи аглицкаго пѣтуха и курскаго или орловскаго. Съ этою забавою онъ по праздникамъ шлялся между чиновниками, старался попадать послѣ обѣдни, когда обыкновенно вездѣ ѣдятъ пироги, и получалъ тутъ рюмку или двѣ водки. Если ему наконецъ претило пить, онъ не возвращалъ рюмку назадъ, а выливалъ ее въ полштофъ, который былъ повѣшенъ у него на пуговицѣ. У Семенихи онъ обиталъ въ кухнѣ въ сборной комнатѣ, гдѣ и строчилъ просьбы, и за двугривенный могъ настрочить какую угодно кляузу.

Тутъ же въ кухнѣ прислуживала, взятая Семенихой изъ милости, старушка Митревна; ее считали полупомѣшанной отъ потери сына, котораго «угнали» въ солдаты. Она ходила просить за него, но оказалось, что всѣ дѣла она вела и просьбы подавала швейцару въ казенной палатѣ, который изумилъ ее своимъ видомъ и золотой палкой, перебралъ съ нея множество денегъ и наконецъ уговорилъ идти въ Питеръ, откуда ее, конечно, препроводили по этапу, и съ тѣхъ поръ она тронулась въ умѣ.

Борисычъ и Митревна были обитатели кухни. Сама Семениха помѣщалась въ чистой комнаткѣ, привѣтливо смотрѣвшей на улицу чистыми стеклами и чистыми занавѣсками. Здѣсь принимала она головъ, старостъ и водила съ ними чаи. Такая необычная дѣятельность Семенихи непремѣнно должна была злить сосѣдей и сосѣдокъ, — злить именно въ силу единственнаго обстоятельства, что «не нашего поля ягода». И поэтому, вмѣстѣ съ вступленіемъ Семенихи на ея служебное поприще, начались противъ нея всевозможныя козни и ухищренія, какъ бы ей отомстить, ущипнуть при случаѣ. Все это Семениха называла «злыд-

нями», продолжала безъ вниманія оставлять разные слухи о томъ, будто бы она, Семениха, хлыстовской вѣры, и дѣлала свои дѣла.

Дѣла эти ей удавались, потому что она умѣла «понадобиться» тому, въ комъ нуждалась сама. Отъ этого въ быту нужнаго ей чиновничества она была «своя». Дѣти ее любили и съ особенною радостью ждали ея появленія, ибо знали, что вмѣстѣ съ ней явится полфунта какихъ-нибудь сластей: пряниковъ, грецкихъ орѣховъ. Чиновныя жены души въ ней не чаяли, ибо не было другой такой душевной женщины, какъ Семениха. Случись заболѣть ребенку, онѣ не задумывались посылать за нею, и та мигомъ распознавала, откуда взялась лихая *болѣсть*. Для этого она клала въ самоварную крышку нѣсколько угольковъ, посыпала ихъ гвоздикой, становилась около больного, приговаривала и дула на уголья.

— Отъ дѣвичьяго глазу...

Не щелкаетъ.

— Отъ мужского...

Тоже.

— Отъ бабьяго...

Щелкнуло!..

Корень зла отчасти найденъ, и стоитъ только пустить въ оборотъ бабьи умы и соображенія, какъ тотчасъ отыскивается и самъ виновникъ зла.

Или вдругъ нападаетъ на чиновницу этакій необыкновенный стихъ: захочется ей и платье вытащить на солнце просушить, захочется ей пережечь всѣхъ насѣкомыхъ въ своихъ кроватяхъ, перемыть всѣхъ ребятъ, и стоитъ только Семенихѣ снять свою шаль, засучить рукава, какъ все это закипитъ и зашумитъ мигомъ.

Такими подвигами Семениха умѣла обставить такъ свою особу, что впослѣдствіи даже одно появленіе ея производило самое пріятное впечатлѣніе.

Заручившись такимъ образомъ, гдѣ нужно, Семениха смѣло принималась за свои ходатайства, но при этомъ далеко хоронила свою смѣлость отъ начальственнаго взгляда, твердо зная, что повиновеніе и почтеніе кому нужно — вещи не безполезныя.

Подступаетъ рекрутскій наборъ. Пронесся слухъ, что кто-то вывелъ мѣломъ на воротахъ одного дома стишокъ: «радуйся, воръ, близко наборъ». Нѣкто насажалъ на воротахъ двухтесные гвозди и распустилъ слухъ, что это отъ

безкорыстія: мужики все къ нему ходятъ; пускать не приказалъ, — черезъ заборъ полѣзли, такъ это все отъ этого. А на дворъ Семенихи валятся мужичьи дровни: полна народомъ горница, полна кухня, на полатяхъ, на печи — вездѣ народъ. Семениха ласково принимаетъ всѣхъ, горюетъ общимъ горемъ и, благословясь, принимается хлопотать по начальству. Собираетъ она горемычныхъ отцовъ, надѣваетъ свою заячью шубку, и плетутся они раненько куда нужно. Семениха идетъ впереди мужиковъ коноводовъ и все размышляетъ, какъ бы лучше этому дѣлу пособить? Съ этою цѣлью она часто оборачивается къ мужичкамъ, останавливаетъ и даетъ имъ разные совѣты:

— Тутъ скоро, милые мои, — говоритъ она: — совѣтникъ живетъ... У него теперича кучеру приказъ быдто не пущать... Ну, это только для виду... авось, неравно кто къ *самому* сходитъ, обжалится, дескать, у совѣтника не пущаютъ, избили... это имъ лестно... Ну, а вы, дѣтушки, сложитесь по семиткѣ, да кучеру ихнему Петру Петровичу и дадимъ... Авось Богъ дастъ!..

Просители вынимаютъ гривны, и шествіе продолжается.

У воротъ Семениха погремѣла кольцомъ, и скоро явился взбѣшенный кучеръ и тотчасъ былъ усмиренъ.

Въ сѣняхъ биткомъ набито народу; словно на Святой недѣлѣ, ждутъ, скоро ли отворятся двери, только жданье это, безъ сомнѣнья, не съ такими свѣтлыми чувствами. Кучеръ, пока не звонятъ у воротъ, толкается въ сѣняхъ. Старички робко пытаются завесть съ нимъ разговоръ.

— Я чай, жутко по перву-то началу?.. — спрашиваетъ одинъ.

— Нѣтъ, нашъ баринъ добрый.

— Ну, все, чай... должность большая у него?

— Это точно. Съ перву началу — точно... быдто оторопь... съ непривычки.

— Такъ-такъ!

— Бывало, дрожишь... Трясь такой тебя хватаетъ — стрась!

— Такъ-такъ!

— Ну, теперь привыкли.

Въ это время Семениха шепчетъ своимъ кліентамъ:

— Какъ передъ него... сейчасъ въ ноги!..

Семениха первая пробралась въ переднюю.

Мужики рухнули на колѣни.

— Рано, рано, никого нѣту... Эка грохнулись! — шепчетъ имъ Семениха.

— Что тамъ за шумъ? Затворите дверь!.. — послышался изъ сосѣдней комнаты совѣтницкій голосъ.

Скоро однако совѣтникъ вышелъ въ халатѣ, сѣлъ на стулъ и стаканъ чаю на колѣнкѣ держитъ. Семениха первая опускается на колѣни, подстилая на землю полу своей шубки.

— Ѳедоръ! Кузьма! — шепчетъ она мужикамъ и кланяется совѣтнику въ ноги.

— Явите божескую милость!

— Какъ Богъ, такъ и вы!

— Батюшка-заступникъ!.. — шепчутъ мужики, а совѣтникъ молча смотрѣлъ на нихъ, какъ должное принимая божескія почести, и прихлебывалъ съ блюдечка чай.

Вслѣдъ за Ѳедоромъ и Кузьмою Семениха подводила и другихъ кліентовъ и съ тонкостью излагала, въ чемъ дѣло, не забывая стоять постоянно на колѣняхъ.

За ней вползали новые просители, вводили «охотниковъ», нѣсколько бабъ выло и причитало.

И съ своими горемычными Семениха мытарилась въ эту пору дни и ночи. Къ ней адресовались «охотники», шли рукобитья; она сама зоркимъ глазомъ слѣдила, чтобы охотникъ, взявшій послѣднія мужицкія деньжонки, какъ-нибудь не улизнулъ. Тутъ же передавались «квитанціи», шли могорычи.

Такая бѣготня и возня шла вплоть до самаго пріема, и, очевидно, она была небезвыгодна для Семенихи. Но среди неизбѣжнаго горя теплое слово бываетъ дорого. Благодарность Семенихѣ иные посылаютъ хоть за то, что, лишившись дѣтей, что было неизбѣжно, они, благодаря ей, не лишились своихъ стариковскихъ зубовъ.

Сидитъ Семениха у чиновницы Рудневой, и пьютъ онѣ чай.

— Шла я изъ рядовъ, — говоритъ чиновница: — что народу-то тамъ, около пріему-то!

— Охъ, не говори!.. — искренно соболѣзнуетъ Семениха.

— Такое вытье!.. Что-жъ ты чаю-то?

— Не пьется что-то!..

Семениха вспомнила, что въ форточку отъ Рудневыхъ слышно, какъ «около пріема» воютъ бабы, потому что губериское правленіе было недалеко. Она встала на стулъ, открыла форточку, и, дѣйствительно, сначала стонъ чуть-

чуть слышался, но вѣтеръ дунулъ въ лицо, и ухо ясно различило въ принесенномъ воплѣ тысячи воющихъ человѣческихъ существъ, словно посаженныхъ въ печь огненную.

— Охъ, мать!.. Я пойду потолкаюсь! — шепчетъ Семениха съ смертельною болью въ сердцѣ.

— Что-жъ... и Пашу прихвати... Θекла! одѣнь Пашу-то!..

Пашу ловили гдѣ-нибудь въ саду съ салазками и, отчистивъ отъ снѣгу, вели къ пріему. На пути попадались рекруты съ истощенными, испуганными лицами, къ которымъ такъ не шли черные наушники и мелкія, плоскія фуражки; черезъ улицу переѣхали мужичьи сани, въ которыхъ сидѣли пьяные мужики, одинъ (охотникъ) безъ чувствъ лежалъ въ саняхъ, а ноги его волочились и подскакивали по снѣгу.

Семениха вела Пашу черезъ рекрутскій дворъ, запруженный крестьянскими санями, и сажала его на окно, въ которое было видно, какъ въ широкую и свѣтлую комнату, наполненную разными господами въ мундирахъ, вводили голыхъ мужиковъ и ставили подъ станкомъ. У одного мужика было на груди отъ загара черное пятно, лицо было блѣдно и на глаза свѣсилась прядь бѣлокурыхъ волосъ, которыхъ мужикъ поправлять въ эту минуту не думалъ, потому что дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Особенно дрожали руки и пальцы, мозолистыя и острыя колѣни подгибались. И въ это время какой-то человѣкъ, приподнявшись на цыпочки, провелъ между теменемъ мужика и верхней доской стѣнки бѣлый листъ бумаги, — съ такою точностью измѣрялись мужики, не давшіе взятки! И, должно-быть, эта операція страшно испугала мужика, потому что онъ почему-то вдругъ рухнулъ на колѣни.

— Лобъ! — прошептала Семениха, объясняя это Павлушѣ, такъ какъ именно это слово, произнесенное комиссіей, и рухнуло мужика объ землю *).

— Боюсь! — закричалъ Павлуша и бросился къ Семенихѣ, которая стояла вся въ слезахъ.

Когда произошелъ «всемірный потопъ», о чемъ будетъ сказано ниже, и когда, вмѣстѣ со взяточничествомъ, кончилось и заступничество Семенихи, все-таки она не утратила уваженія и почтенія, и ее, даже и послѣ ея смерти, вспоминая, называли «матушкой».

*) «Забрить лобъ» значитъ взять въ солдаты.

III.

Но и эти потрясающія впечатлѣнія изглаживались пустопорожнимъ существованіемъ семьи, и Павлуша даже самъ сталъ привыкать не давать воли своему сердцу. Случалось ли ему въ окошко глядѣть на улицу, при чемъ его хорошенькая головка приходилась между двухъ бутылей съ наливкою, говорившихъ о полномъ довольствѣ въ домѣ, — его иногда подзадоривало желаніе покататься на ледянкѣ, но это было невозможно, иначе пришлось бы сдѣлаться мужицкимъ мальчишкой, а Павлуша уже хорошо понималъ, что это весьма незавидное положеніе, старался тушить это желаніе и, не удовлетворивъ требованіямъ искренности, разражался продолжительными капризами. Все поощряло такое замираніе молодой жизни. Даже отцовъ начальникъ, упоминая о которомъ Рудневъ нѣсколько блѣднѣлъ и произносилъ слова съ какимъ-то страхомъ, что, конечно, видѣлъ Павлуша и невольно заражался отцовскимъ благоговѣніемъ, — и этотъ начальникъ назвалъ Павлушу: «умное дитя» и хотѣлъ поставить его въ примѣръ своимъ «сорванцамъ» за то именно, что на елкѣ, куда былъ приглашенъ Павлуша и его отецъ, они оба имѣли столько уваженія къ старшимъ, что цѣлый вечеръ недвижимо проторчали въ углу, робко посматривая на гостей и не рѣшаясь завязать съ ними разговора. Павлуша съ завистью смотрѣлъ на генеральскихъ дѣтей, обиравшихъ елку, но таилъ это въ душѣ и забылъ горе совсѣмъ, когда его *самъ* погладилъ по головкѣ. Поощренія были и другого рода.

Приходитъ вечеромъ къ отцу гость, сидитъ въ гостиной на диванѣ и куритъ трубку; Павлуша крадется по стульямъ, не спуская глазъ съ гостя, и хватается за ручку отцовскаго кресла.

— Вашъ сынокъ-то?..

— Мой!..

Онъ гладитъ Пашу по головѣ.

— Буянъ?

— Нѣтъ, благодаря Бога, тихъ... Я имъ доволенъ... «Я, говоритъ, папаша, шумѣть не буду... нешто я мальчишка?..»

— Умница!.. право, умница!—хвалитъ гость.

— И цѣлый день его не слыхать...

Отецъ опять гладитъ по головѣ.

Гость слишкомъ умильно и масляно смотритъ на Пашу и потомъ говоритъ:

— А рисовать любишь?

Паша молчитъ.

— Ну, скажи же, любишь или нѣтъ?—допрашиваетъ отецъ.—Коли спрашиваютъ, отвѣчай...

— Люблю...

— И краски есть?

Паша опять молчитъ.

— Ну, скажи же, будь учтивъ... Есть у тебя краски? Нѣту? ну, такъ скажи, молъ, нѣту!

— Нѣту...

— Ну вотъ!..—одобрительно произноситъ отецъ.

— Ну, поди же сюда...

— Поди,—говоритъ отецъ:—не бойсь!

Паша подходитъ. Гость запускаетъ руку, украшенную кольцами, въ карманъ и, погремѣвъ въ немъ деньгами, вынимаетъ золотой.

— На-ка вотъ...

— Напрасно вы, Иванъ Ѳедоровичъ...—вяло сопротивляется отецъ.

— Бери-ка, бери, молодецъ! У насъ съ нимъ свои счеты...

— Право, напрасно!

Паша не знаетъ: брать или не брать?..

— Ну, возьми!—говоритъ отецъ.—Когда даютъ, бери. Самъ не напрашивайся, а это ничего...

Паша беретъ золотой.

— Неси къ матери...—говоритъ отецъ.

Скоро Паша и золотой производятъ великій восторгъ въ дѣтской, въ присутствіи матери и множества старухъ-нянекъ.

— Ахъ, милое дитя! Вотъ ангельская душенька! Всѣ его любятъ, всѣ-то его жалуютъ!—слышится со всѣхъ сторонъ, и нѣсколько костлявыхъ рукъ поощрительно ползаютъ по головѣ Павлуши.

— Будешь слушаться—больше дадутъ! Только слушайся.

— Я слушаюсь.

— И слушайся! И всѣ будутъ довольны. Всѣ скажутъ: «умница!».

Въ такомъ-то родѣ шло воспитаніе со стороны родителей. На ряду съ этимъ ученьемъ, шло ученіе и по книжкамъ, но все какъ-то урывками. Голова у Павлуши была свѣжа, а поэтому въ короткое время, начиная съ довольно глубокомысленныхъ складовъ, въ родѣ фрю, хрю и пр., онъ

достигъ возможности разсказать св. исторію вплоть до столпотворенія вавилонскаго и во всѣхъ подробностяхъ излагалъ, какъ жена Лота превратилась въ соляной столбъ. Изъ ариѳметики зналъ, что счисленіе происходитъ отъ правой руки къ лѣвой, и съ прописи выводилъ: «*Мудрость у разумнаго предъ лицомъ, а глаза глупца ищутъ ее на концѣ свѣта*», или что-то въ этомъ родѣ. Иногда, среди такихъ рьяныхъ занятій, учитель Паши, большею частью семинаристъ, отбывалъ изъ города за посѣщеніемъ невѣсты, по случаю открывшагося дьяконскаго мѣста, и Паша оставался безъ учителя, имѣя счастливую возможность забыть всю недавнюю науку. И дѣйствительно, съ появленіемъ новаго учителя, Пашѣ большого труда стоило отыскать линейку, грамматику; чернильница дѣлалась обиталищемъ мухъ, а перо гусиное похищала нянька, находя очень удобнымъ обметать имъ клоповъ, населявшихъ малѣйшія трещины въ стѣнѣ около ея логовища. Каждый новый учитель приносилъ съ собою и новые порядки: все, что̀ ни дѣлалъ его предшественникъ, все было не такъ: линейку необходимо было сдѣлать длиннѣе и толще, учебники должны быть другіе. Прежде подъ именемъ горизонта было «пространство, на которое опирается сводъ небесъ»; новый же учитель говорилъ, что горизонтъ есть «какъ бы пространство, на которое какъ бы опирается хрустальный сводъ небесъ».

Много перемѣнилось учителей у Паши, а толку все не было. Наконецъ родители порѣшили все ученіе сынка начать снова, съ самаго начала, и притомъ благословясь; для этой цѣли рѣшено было подыскать хорошаго богослова и отслужить молебенъ пророку Науму. Но случай такой долго не представлялся. Наконецъ, передъ Рождествомъ, когда ходятъ съ разрѣшительной молитвой, дождались-таки молебна.

Послѣ молебна батюшка пожелалъ съ нимъ самъ почитать азбуку, утверждая, что это много будетъ способствовать къ преуспѣянію его. Явилась азбука московскаго изданія, гдѣ на оберткѣ изображены были какія-то долговязыя фигуры, весьма напоминавшія сидѣльцевъ въ мучныхъ лабазахъ, только одѣтыхъ въ женскія платьица и калоши; по всей вѣроятности, художникъ здѣсь изобразилъ особенно прилежныхъ дѣтей, ибо всѣ они ходили съ книжками, держа ихъ или передъ самымъ лицомъ, или даже выше головы,—это ужъ самыя прилежныя.

Пропустивъ *азы*, батюшка остановился на прописныхъ буквахъ и читалъ ихъ *по-нонѣшнему*, при чемъ выходило: пе, ре, се. Очевидно, что батюшка плохо зналъ, какъ по-нонѣшнему, да притомъ его развлекали приготовленія къ закускѣ: въ сосѣдней комнатѣ раздавался стукъ тарелокъ, ножей.

Попросили закусить; за столомъ пошли разговоры:

— Охъ, дѣти, дѣти!—говорила задумчиво мать.

— Дитя есть мягкій воскъ! — присовокуплялъ батюшка.

Въ передней, чавкая, закусывалъ дьячокъ, помѣщаясь на оконникѣ, около батюшкиной палки, шапки съ ушами и длинной, какъ колбаса, муфты.

— Благодаря Богу, Олуховъ купецъ лошадку прислалъ...—говорилъ священникъ отъ-нечего-дѣлать по окончаніи закуски...—все не такъ по морозу-то... А то ужъ очень сиверко!

— Съ вечера началось...—тоже отъ-нечего-дѣлать прибавила мать.

— Да!..

Въ передней кашлянулъ дьячокъ.

— Ну, намъ пора!

И священникъ поднялся съ своего мѣста.

Уходя, онъ снова благословилъ всѣхъ и обѣщалъ прислать знакомаго учителя, семинариста, утверждая, что человѣкъ онъ тихій и притомъ богословъ не изъ послѣднихъ.

IV.

Богословъ явился только великимъ постомъ, потому что отъ Рождества до масленицы никто объ дѣлѣ помышлять не могъ, точно такъ же, какъ не могъ опохмелиться. Великимъ постомъ какъ-то такъ случается, что опохмеляются разомъ и сразу принимаются за дѣло. Въ одинъ день послѣ обѣда по залѣ у Рудневыхъ кто-то дѣлалъ довольно медленные, но звучные шаги. Это и былъ присланный батюшкой богословъ.

Ожидая выхода хозяина, онъ по временамъ сморкался, при чемъ исходилъ весьма пріятный и гармоническій звукъ, и если случалось ему плюнуть, то выходилъ въ переднюю, выбиралъ самый темный уголъ и, харкнувъ туда, растиралъ непремѣнно ногою, желая такимъ образомъ изгладить самые ничтожные слѣды своего посѣщенія. Наконецъ хозяинъ вышелъ. Начались переговоры, при чемъ учитель, между прочимъ, сообщилъ, что онъ окончилъ

курсъ въ первомъ пяткѣ и особенной похвалы заслужилъ своимъ сочиненіемъ на какую-то мудреную тему.

— Да, мудрена!—сказалъ хозяинъ, когда учитель произнесъ и самую тему.

Настало небольшое молчаніе; подвели Павлушу, который засталъ бесѣду между отцомъ и учителемъ на слѣдующей фразѣ:

— Вотъ его...—говорилъ отецъ, указывая на Павлушу.

— Въ какое заведеніе?..

— Куда же?.. Въ гимназію хотѣлось бы.

— Въ гимназію?—спросилъ учитель и, очищая носъ платкомъ, смотрѣлъ на Павлушу такимъ взглядомъ, какимъ смотритъ портной на кусокъ сукна, соображая, можно ли выкроить изъ него жилетъ.

— Въ гимназію?—можно!—заключилъ онъ.

— Вы его поэкзаменуйте...—добавилъ отецъ.

Учитель запихнулъ платокъ въ боковой карманъ, сложилъ на животѣ руки, спрятавъ ихъ въ рукава, и произнесъ:

— Ну, скажите молитву ангелу-хранителю!

Павлуша закричалъ:

— «Ангелу мой святый, покровителю...»

— Не та!—холодно остановилъ учитель.—Тутъ есть молитва иная... Мы выучимъ ее... ну...—Учитель задумался и потомъ произнесъ:—что такое экваторъ?.. не знаете ли?..

— Кругъ...—робко отвѣчалъ Павлуша.

— А эклиптика?

— Кругъ...

— Все круги?

— Круги!..

Учитель ухмыльнулся и произнесъ снисходительно:

— Ну, это мы еще пройдемъ...

Во время экзамена отецъ бѣгалъ глазами съ Павлуши на учителя и подъ конецъ заключилъ, когда дѣло шло о кругахъ:

— Какъ же это, братъ, ты такъ? все круги... а? Видно, ты плохо училъ?.. Ужъ вы, Петръ Иванычъ, хорошенько его поучите... Комнату вамъ дадимъ особую... Что хотите, дѣлайте съ нимъ... Только не бить!

— Будьте покойны-съ!

— Пожалуйста!.. Такъ, стало-быть, когда же вы переѣзжаете?..

— Да я и теперь могу остаться...

И учитель остался.

V.

Съ появленіемъ учителя житье пошло нѣсколько разнообразнѣе. День проходилъ такимъ образомъ: просыпаясь, учитель торопился умыться, одѣться и отправлялся кушать чай.

— Съ добрымъ утромъ!—говорилъ онъ.—Павелъ Иванычъ, цѣлуйте ручки у папеньки и у маменьки...

Паша почтительно исполнялъ это, и затѣмъ, не спѣша, тянулся утренній разговоръ.

— Вотъ, Петръ Иванычъ, мы съ женой все думаемъ, что̀ бы это значило видѣть, напримѣръ, лошадь во снѣ?—говорилъ отецъ Паши.

— Лошадь-съ?

— Да... Мы вотъ вмѣстѣ одинъ сонъ видѣли...

Учитель откусываетъ сахаръ, отряхаетъ кусокъ въ блюдечко, дѣлаетъ нѣсколько глотковъ и говоритъ, держа стаканъ съ чаемъ на колѣнѣ:

— Да вѣдь какъ вамъ это сказать?—разное имѣютъ значеніе... Одинъ разъ то, другой—другое. Весьма это трудно постигнуть...

— Трудно!—говоритъ жена.—Иной разъ ничего не поймешь... а глядишь, къ прибыли отзовется.

— Вотъ и это!..—подтверждаетъ учитель, снова поднося полное блюдечко.—Въ послѣднее время снамъ даже никакой вѣры давать не стали...

— Поживешь, повѣришь...—опять говоритъ жена.

— Это точно... Какъ не вѣрить? По снамъ и живешь... Стало-быть, нужны они, когда Богъ посылаетъ!..

— Противъ Бога не возьмешь...—вставляетъ отецъ.

— Куда! Куда!—Учитель машетъ рукой, ставитъ опорожненный стаканъ на столъ и, садясь на прежнее мѣсто, говоритъ:

— А что вотъ лошадь изволили видѣть, то это означаетъ ложь... Облыжно обзовутъ или что̀...

— Ну вотъ, Иванъ Матвѣичъ, примѣчай, какъ кто!—совѣтовала жена.

Послѣ чаю начинались обыкновенные скучные будни. Мужъ уходилъ въ палату, жена хлопотала по хозяйству, а въ залѣ начиналось ученье.

Передъ началомъ урока учитель всегда соблюдалъ такого рода формальность: Павлушу посылалъ съ книгами и тетрадями въ залу, а самъ надѣвалъ шинель, шапку и

калоши, обходилъ дворомъ на парадный ходъ и являлся такимъ образомъ какъ совершенно чужой человѣкъ; дѣлалось это для того, чтобы ученикъ, видя не просто Петра Иваныча, который спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ и про котораго ученикъ не могъ имѣть особеннаго загадочнаго понятія, а чужого человѣка, чувствовалъ къ нему нѣкоторый страхъ и такимъ образомъ былъ бы особенно покоренъ во время урока.

Ученье Петръ Иванычъ началъ снова, то-есть чуть не съ азбуки, и живая голова Павлуши, которая въ эти минуты могла бы переварить здоровое развивающее свѣдѣніе, оставивъ его въ своей памяти навсегда,—принуждена была довольствоваться снова безсмысленными двусложными и многосложными словами въ родѣ: епархіальный, высокопревосходительство, и хотя и въ шутку, а учитель довольно долго добивался, чтобы Павлуша могъ выговаривать такое слово: данепреблагоразсмотрительствующемуся. Слова эти ломали только языкъ, но ничего не трогали въ головѣ.

Далѣе, какъ на главный предметъ, вниманіе было особенно обращено на Законъ Божій.

Послѣ Закона съ особенною ревностью занимались чистописаніемъ. Учитель цѣлые часы, стоя за стуломъ Паши, съ непритворнымъ страхомъ слѣдилъ за перомъ ученика, боясь, чтобы тотъ толще не вывелъ тамъ, гдѣ нужно тоньше.— «Косѣй, косѣй! — замирающимъ голосомъ шепталъ онъ: — налегайте! налегайте тутъ, ради самого Господа! Тоньше, тоньше!.. Какъ можно слабѣе, такъ, такъ, такъ... сссспрр!.. Что вы сдѣлали? Боже мой! Что это такое?» и проч. Учитель въ этихъ случаяхъ совершенно уходилъ всѣмъ своимъ существомъ въ разные почерки, раскѣпы, очинки, росчерки и пр. и пр. Онъ замиралъ надъ перомъ Павлуши, словно имъ совершалась какая-нибудь труднѣйшая операція, гдѣ отъ малѣйшей неосторожности могла произойти смерть. Паша, невольно поддаваясь вліянію учителя, самъ начиналъ вникаться въ интересы правильности буквъ и чувствовалъ великую провинность, гдѣ выходила буква брюхатая. Кромѣ учителя, необходимость чистоты почерка подтверждалъ и самъ отецъ.

— Какъ же можно! Письмо — это первое дѣло! — говорилъ онъ. — Вотъ у насъ Щукинъ... самый заскорузлый писчишко, какъ поналегъ на чистописаніе — сразу въ Петербургъ потребовали! Это, братъ, никогда за плечами не виснетъ.

Нагруженный такими знаніями, Паша къ концу урока просто-напросто застывалъ всѣмъ своимъ существомъ; поднятыя кверху брови, при напряженномъ вниманіи надъ безсмыслицами, дѣлали всю его физіономію совершенно глупою; члены ходили вяло; на губахъ бродила какая-то короткая, но безпрестанно повторявшаяся неопредѣленная и почти глупая улыбка. Павлуша начиналъ оттаивать только тогда, когда снова видѣлъ мать, няньку, кошку. По окончаніи урока учитель снова надѣвалъ шинель, опять черезъ дворъ и заднія сѣни возвращался въ свою комнату, раздѣвался и говорилъ:

— Ффу! усталъ... Пашенька! сходите къ мамашѣ, скажите, молъ, Петръ Иванычъ очень уставши.

Паша черезъ нѣсколько времени возвращался съ рюмкой водки въ одной рукѣ, а въ другой съ тарелкой, на которой лежали куски икры и булки. Петръ Иванычъ пилъ и, водя рукой по груди и животу, говорилъ:

— Какъ чудесно!.. По всѣмъ жилкамъ прошло! Такъ и расплылось!

— Петръ Иванычъ!—говорилъ Паша: — мамаша зоветъ васъ въ чайную... монашенки пришли,—чай пьютъ.

Петръ Иванычъ охотно принималъ приглашеніе, потому что, какъ и другіе, радъ былъ убить ненужное никуда время. А за самоваромъ оно исчезаетъ куда какъ скоро; въ эту пору какъ-то особенно клейко бѣжитъ разговоръ, поддерживаемый разсказами монашенокъ объ ихъ трудномъ, но и невыразимо радостномъ житіи.

Такъ тянется время до обѣда. Къ обѣду обыкновенно является братъ Руднева, Семенъ, живущій здѣсь изъ бѣдности и поэтому помѣщающійся въ общей съ Петромъ Иванычемъ комнатѣ, на длинномъ устойчивомъ сундукѣ. Господинъ этотъ, о которомъ я подробнѣе скажу нѣсколько ниже, всегда приходилъ изъ палаты прежде брата и такимъ образомъ торопилъ и хозяйку и кухарокъ къ приготовленію трапезы. Послѣ него приходилъ и самъ Рудневъ.

Раздѣвшись, онъ подходитъ къ графину и говоритъ Петру Иванычу:

— Ну-те-ка, передъ обѣдомъ...

Учитель пьетъ.

— Ну, какъ учились?

— Ничего... прилежно.

— Не лѣнился Павелъ?

— Слава Богу, не пожалуюсь.

Обѣдъ начинается молчаливо. Разговоры слышатся только подъ конецъ, при послѣднемъ блюдѣ.

Послѣ обѣда въ домѣ настаетъ спящее царство. Вездѣ раздается носовой свистъ и храпъ, только кухарка звонко икаетъ въ кухнѣ, прибирая посуду. Паша, закутанный въ теплую шубенку, гулялъ на дворѣ, и въ это время, даже среди дѣтскихъ забавъ, все-таки вспоминались ему сами собою отвратительныя книжки и отвратительное ученье, и онъ даже сердился на себя за то, что онъ одинъ только такъ не любитъ этихъ книжекъ, и что ихъ любятъ всѣ другіе. Желая быть какъ другіе, онъ противъ воли старался полюбить то, что̀ училъ, и поэтому мучился больше, чѣмъ слѣдуетъ. Только къ чаю возвращался онъ въ комнату, гдѣ уже встрѣчалъ проснувшихся отца, учителя, Семена Матвѣича и мать. Учитель сидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, держа стаканъ на колѣняхъ. Семенъ Матвѣичъ стоялъ у притолоки, держась рукою за дверь, такъ какъ росту онъ былъ гигантскаго. Отецъ, оставивъ безъ вниманія любимую чашку съ чаемъ, разсказывалъ учителю, какъ онъ видѣлъ во снѣ покойника-шурина.

— Подходитъ будто ко мнѣ... Желтый такой... Въ рукѣ безмѣнъ, и говоритъ: «Иванъ! Что̀ же ты, говоритъ, Споручницѣ обѣщалъ отслужить молебенъ». Тутъ я и проснулся... Что̀ бы это значило?

— Разное предвѣщаетъ... — тѣмъ же тономъ, какъ и утромъ, рѣшалъ учитель, наливая на блюдечко чай.

— Отслужить надо, вотъ и все!—рѣшаетъ жена.

— Надо! Самъ знаю... Что̀ будешь дѣлать? за хлопотами пообѣщаешься и забудешь.

Слышалось всхлебываніе съ блюдечекъ.

— Иной разъ Богъ знаетъ что̀ пригрезится!..—говоритъ чиновница.

— Проснешься и не вспомнишь... — добавляетъ она послѣ.

За чаемъ слѣдуетъ долгій и скучный вечеръ. Паша принужденъ зубрить уроки, его мать шьетъ, а отецъ, если не идетъ въ палату *спустить* двѣ-три срочныхъ бумажонки, то бесѣдуетъ въ залѣ съ Петромъ Иванычемъ. Въ бесѣдѣ съ учителемъ Иванъ Матвѣичъ вспоминалъ семинарію, какъ его сѣкли, какъ сидѣли они всѣмъ міромъ въ карцерахъ.

Во время разговоровъ друзья неоднократно прикладывались къ рюмкамъ и часовъ въ девять ужинали. А потомъ мирнымъ порядкомъ расходились спать. Дремавшій уже

Паша слышалъ, какъ дядя Семенъ и учитель, стоя рядомъ, шептали молитвы.

Затѣмъ наступала безмолвная ночь съ миріадами зловѣщихъ и радостныхъ сновъ.

Такимъ образомъ тянулось Пашино ученье. Учитель все больше и больше освоивался съ чужими людьми, и чужіе люди, въ свою очередь, за-панибрата сходились съ нимъ. Петръ Иванычъ существовалъ въ свое удовольствіе и, удѣляя на уроки все меньше и меньше времени, чаще посылалъ Пашу доложить, что онъ уставши, и получалъ водку. Кромѣ педагогическихъ занятій, на Петрѣ Иванычѣ лежала обязанность по субботамъ ходить съ ученикомъ ко всенощной и въ баню, при чемъ Паша замѣчалъ, что учитель всякій разъ посылалъ куда-то кучера, ожидая въ передбанникѣ его возвращенія, и потомъ уже влѣзалъ на полокъ. Паша никакъ не могъ понять, что̀ дѣлаетъ Петръ Иванычъ и зачѣмъ всегда ему велитъ идти впередъ. Вниманіе его всякій разъ привлекалъ запахъ водки и кусокъ ветчины, валявшійся на подоконникѣ, котораго онъ не видалъ при входѣ въ баню.

Житье учителю было покойное, и поэтому онъ не спѣшилъ подготовкой, стараясь какъ можно больше времени посадить на усовершенствованіе въ разной предварительной дребедени, почему-то считающейся необходимою. Вслѣдствіе такой учительской пытки, Павлуша могъ бы совсѣмъ отупѣть, если бы ему не пришлось еще разъ отдохнуть отъ наукъ и снова забыть ихъ. Этому помогъ отчасти Семенъ Матвѣичъ—дядюшка, а отчасти принадлежащій этому дядюшкѣ сюртукъ. Чтобы разсказать, какъ это случилось, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ Семенѣ Матвѣичѣ.

VI.

Въ то время, когда еще дядюшка Павлуши находился въ утробѣ матери, простой деревенской дьячихи, вся родня и въ особенности знаменитая бабка-голанка утверждала, что надо ждать если не тройней, то двойней по меньшей мѣрѣ; каково же было общее изумленіе, когда на свѣтъ Божій явился будущій Семенъ Матвѣичъ единственною персоною. Явившись такимъ образомъ сразу въ двойномъ изданіи, Сеня быстро началъ увеличиваться въ силѣ, но зато, къ несчастью, въ той же мѣрѣ былъ скорбенъ главою. Впрочемъ, этого положительно утверждать нельзя, потому что угрюмость, которая составляла отличительную черту Сени,

не давала ему большой возможности высказывать свои воззрѣнія. Съ самаго дня рожденія онъ былъ чѣмъ-то обиженъ, словно во время родовъ его разбудили на самомъ интересномъ мѣстѣ сна и такимъ образомъ заставили сразу исподлобья смотрѣть на все окружающее. Нелюдимость отталкивала отъ него братьевъ и родныхъ: всѣ называли его недотыкой и безцеремонно пускали ему въ глаза колкости, т.-е., попросту, лаяли на него, не боясь получить хоть какой-нибудь отвѣтъ, кромѣ самаго мертваго молчанія, говорившаго не о беззащитности, а о томъ, что его ничѣмъ не проймешь. Сенѣ больше всего хотѣлось спать, и все, что ни дѣлалось съ нимъ, дѣлалось будто впросонкахъ. Впросонкахъ очутился онъ въ духовномъ училищѣ; здѣсь, во время постояннаго пребыванія въ «камчаткѣ», не отличался ничѣмъ, кромѣ способности въ одну недѣлю истребить весь запасъ лепешекъ, присланный изъ деревни на трехъ братьевъ и на цѣлую треть. Впросонкахъ чувствовалъ онъ, что его сѣкутъ; впросонкахъ поднимался онъ на вопросъ учителя, напоминая своимъ поднятіемъ колеблющуюся гору, вралъ и городилъ всякій вздоръ, который для смѣху подсказывали ему сосѣди; смѣшилъ весь классъ, оставаясь вполнѣ серьезнымъ, ибо не понималъ и не хотѣлъ понять и прислушаться, что такое творится кругомъ. Нѣкоторое пробужденіе Сеня почувствовалъ, когда его выключили изъ семинаріи и когда кто-то почти надъ самымъ его ухомъ произнесъ: «Въ солдаты попадешь, Емелюшка-дурачокъ. Нониче исключенныхъ дьячковскихъ дѣтей-то въ милицію велѣно. Начнутъ тебя драть не розгами, а прутьями желѣзными...» Дѣло было, дѣйствительно, похоже на правду, потому что братъ Иванъ, служившій уже и удачно, тотчасъ же засадилъ его въ писцы, хоть и сознавалъ, что онъ годится только въ водовозы. И вотъ гигантъ Сеня съ силами, годными только свалить соборную колокольню, если бы это потребовалось когда-нибудь, принужденъ теперь выводить гусинымъ перышкомъ Богъ знаетъ что значащія слова и фразы. А кругомъ на него смотрѣли какія-то зеленыя, испитыя рожи и ухмылялись надъ его войной съ такимъ тщедушнымъ врагомъ, какъ перо, которое, словно муха льву, не давало минуты покою и мучило невыносимо. Съ горя или отъ истощенія силъ въ безполезной борьбѣ Сеня засыпалъ на бумагахъ и на чернильницахъ, и не обращалъ бы попрежнему ни на что вниманія, если-бъ его не разбудили здѣсь окончательно слишкомъ часто по-

вторявшіеся толчки брата и сослуживцевъ. Онъ, дѣйствительно, проснулся вполнѣ. Пробужденіе Сени было не для того, чтобы успокоиться, а для того, чтобы почти испуганно вытаращить глаза. Пробужденіе это скоро доказало ему, что онъ здѣсь совсѣмъ чужой; что въ немъ и слѣда нѣтъ того, что называется чиновничествомъ; это совсѣмъ какіе-то другіе люди, которые не понимаютъ, что такое онъ, Семенъ, и Семенъ не понимаетъ, кто они, про что говорятъ и что такое самъ онъ же, Семенъ. Оказывается, что онъ чиновникъ. Немного погодя оказывается, что онъ хуже всѣхъ... Не будь брата, его, можетъ-быть, давно бы гоняли сквозь строй. И Семенъ Матвѣичъ оскорбленъ и униженъ... Какъ спастись? Утопиться—грѣхъ: на томъ свѣтѣ за языкъ повѣсятъ и будутъ клещами огненными разжигать, — неудобно. Въ монахи пойти—все равно въ святые не попадешь... Надо, сталобыть, чиновникомъ, какъ слѣдуетъ, сдѣлаться... Но это было невыразимо трудно, ибо Семенъ Матвѣичъ рѣшительно терялся, какимъ образомъ попасть въ кругъ чиновничьихъ интересовъ? Съ какой стороны заходить? Дѣло въ высшей степени темное и непобѣдимое. Семенъ Матвѣичъ, дѣйствительно, не побѣдилъ, но и не помирился, а сталъ вѣковѣчнымъ угрюмымъ медвѣдемъ. Все это привело его къ мысли — никого не знать, жить своимъ хозяйствомъ и, по возможности, на все наплевать.

На такомъ рѣшеніи мы застаемъ Семена Матвѣича въ періодъ дѣтства Паши и самаго сильнаго разгара учительской дѣятельности Петра Иваныча. Съ цѣлью завести свое особое хозяйство Семенъ Матвѣичъ по воскресеньямъ шлялся по рынку, покупалъ разныя вещицы, необходимыя для хозяйства; такъ, въ короткое время онъ купилъ шкапъ, молочникъ и наконецъ сшилъ новый сюртукъ. Но и это не разсѣяло его несчастій. По временамъ ему ясно казалось, что и шкапъ и помѣщавшійся въ немъ молочникъ ведутъ между собой враждебные переговоры: шкапъ, сознающій свое назначеніе, недоволенъ мизерной посудиной, поставленной въ немъ хозяиномъ; молочникъ разыгрываетъ роль невиннаго страдальца, и оба вмѣстѣ принимаются трунить надъ хозяиномъ: «Ну, хозяинъ! — будто слышитъ Семенъ Матвѣичъ: — вотъ такъ хозяинъ!» Но злѣе всякихъ враговъ былъ сюртукъ: стоило Семену Матвѣичу надѣть его хоть на минуту, какъ его ударяло въ потъ, нападала страшная застѣнчивость, какое-то упорство къ застѣнчи-

вости, хотѣлось отворотить свою физіономію отъ людей и сунуть ее въ неисходную тьму, чтобы люди не видали,—а сюртукъ, какъ нарочно, хваталъ своего хозяина за плечи, насильно поворачивалъ его прямо на проклятые чужіе взгляды и будто говорилъ: «подивитесь, добрые люди, что это за харя!»

Однимъ словомъ, сюртукъ оказался какою-то казнью египетскою, и Семенъ Матвѣичъ принужденъ былъ его оставить. Нищенствующая чиновная братія пронюхала объ этомъ и въ отсутствіи хозяина являлась къ нему въ комнату, надѣвала сюртукъ, увѣривъ домашнихъ, что Семенъ Матвѣичъ самъ приказалъ, и таскала до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не ловилъ гдѣ-нибудь похитителя и собственными руками не стаскивалъ съ воровскихъ плечъ свое добро. Наконецъ, чтобы прекратить всякія посягательства на эту вещь, Семенъ Матвѣичъ обвязалъ сюртукъ веревками, повѣсилъ его на гвоздь, а концы веревокъ припечаталъ къ стѣнѣ, твердо вѣря, что ничья рука прикоснуться не посмѣетъ.

VII.

Настало лѣто; былъ Петровъ день. Павлуша, проснувшись, бойко открылъ свои быстренькіе глазки и увидѣлъ предъ собою учителя, который сидѣлъ напротивъ, около столика, и брился, обтирая бритву о колѣно, прикрытое рваньмъ халатомъ, и для ловкости во время бритья подкладывая языкъ то подъ одну, то подъ другую щеку; руки учителя какъ-то особенно неловко ходили во время работы, отчего на щекахъ и подбородкѣ были обрѣзы, заклеенные синими лоскутками отъ табачнаго картуза. Учитель объявилъ, что по случаю именинъ сегодня рекреація, учиться не будутъ, и тотчасъ же нужно проситься у матери къ обѣднѣ въ соборъ. Въ ожиданіи, пока одѣнется Павлуша, Петръ Иванычъ ходилъ по комнатѣ, по временамъ останавливался за перегородкой, запускалъ руку за сундукъ, доставалъ оттуда нѣкоторую посуднну, и Паша слышалъ черезъ нѣсколько времени довольно рѣзкій и рокочущій глотокъ, послѣ чего учитель тихими шагами возвращался назадъ и потомъ опять торчалъ за перегородкой, размышляя около заколдованнаго сюртука.

— Одинъ разъ-то?—слышалось Пашѣ.—Эка важность!..

Молчаніе.

— Развѣ надѣть?

Молчаніе.

— Надѣну!

Спустя нѣсколько времени послѣ этого рѣшенія послышался снова глотокъ, и веревки, обматывавшія сюртукъ, затрещали.

— Надѣну!—еще разъ, громче и рѣшительнѣе, сказалъ учитель и вошелъ въ дядюшкиномъ сюртукѣ. Одѣвшись въ чужое, учитель какъ будто вдругъ почувствовалъ за собою погоню и сталъ торопить Пашу. Скоро мать отпустила ихъ; они тронулись въ путь и провели день, полный самыхъ многообразныхъ впечатлѣній. Они были въ соборѣ, слушали пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ, среди котораго Петръ Иванычъ иногда пускалъ октавой, подымая кверху голову и долго оставляя недвижимымъ раскрытый ротъ. Въ это время подходитъ къ нимъ какой-то пріятель учителя; они жмутъ руки, шепчутъ что-то другъ другу на ухо, смѣются и, чтобы скрыть это, присѣдаютъ за народъ. Потомъ учитель беретъ Пашу за рукавъ, дѣлаетъ скорые, короткіе кресты, и выходятъ всѣ вонъ.

— Теперь въ ресторацію,—говоритъ учитель:—тамъ весело, органъ играетъ.

Тамъ, дѣйствительно, весело: органъ играетъ «По улицѣ мостовой», половые бѣгаютъ съ чайниками, пьяные подьячіе и чиновники горланятъ во всю мочь, и черезъ полчаса учитель выходитъ, усиленно держась за перила.

— Теперь, Павлуша, мы съ тобой въ Зарѣчье тронемъ... Никогда не бывалъ за рѣкой?..

— Не бывалъ.

— Ну, вотъ, пойдемъ.

Въ Зарѣчьѣ они зашли къ знакомому дьячку, но не застали его дома; дьячиха со слезами на глазахъ объявила, что мужъ допился до послѣднихъ границъ и теперь зачѣмъ-то побѣжалъ на паперть. Петръ Иванычъ заглянулъ и сюда: дьячокъ стоялъ, дѣйствительно, на церковной паперти, бурчалъ что-то подъ носъ и стаскивалъ черезъ голову рубашку; а кругомъ было полное безлюдье; въ зарѣченской рабочей слободѣ въ эту пору нѣтъ ни души, кромѣ бабъ, которыя занимаются стряпней; иногда вдали, среди тишины жгучаго полдня, слышалась звонкая-звонкая дѣвичья пѣсня, и только эта заунывная пѣсенка, пропѣтая свѣжимъ, молодымъ голоскомъ, будила мертвую повсюдную тишину. Очутившись нагишомъ, дьячокъ подперъ руками бока и сказалъ:

— Каковъ!

— Хорошъ!—сказалъ учитель.

Дьячокъ пристально началъ смотрѣть на учителя какими-то особенно оживленными глазами, потомъ началъ присѣдать, словно подкарауливая птицу, и, не спуская глазъ съ физіономіи учителя, загребалъ въ руку кусокъ кирпича...

Учитель и ученикъ бросились бѣжать; на дорогѣ ихъ обогналъ скакавшій по землѣ кирпичъ.

Посѣтивъ еще много знакомыхъ, поздно, темнымъ вечеромъ возвращались наши домой. Приближаясь къ дому, Петръ Иванычъ все больше и больше робѣлъ и приходилъ въ трезвость. Чувствовалась гроза.

Въ самыхъ воротахъ встрѣтилась какая-то фигура.

— Кто?—грозно спросила она.

— Я-съ!—робко произнесъ Петръ Иванычъ, узнавъ голосъ ожидаемой грозы.—Семенъ Матвѣичъ?..—ласково добавилъ онъ.

— Свои!—грозно брякнула фигура, хлопнувъ калиткой.

Совершенно оробѣвшій учитель счелъ необходимостью поскорѣе проникнуть въ гостиную, гдѣ пировали уже гости, и цѣлый вечеръ не могъ придти въ себя, боялся выйти за двери, чувствовалъ, что сюртукъ сковалъ его члены и огнемъ жегъ все существо.

Семенъ Матвѣичъ тотчасъ же вернулся изъ-за воротъ въ свою комнату, загасилъ свѣчу и лежалъ, пожираемый всяческими муками. Онъ рѣшился мстить, а месть, по его горькому опыту, только тогда сильна и имѣетъ смыслъ, когда наноситъ ущербъ и поражаетъ бока, спину и вообще наноситъ тѣлесныя поврежденія. Вооружившись этимъ взглядомъ, онъ въ настоящую минуту и разсчитывалъ исключительно только на бока Петра Иваныча.

Но Петръ Иванычъ не шелъ. Изъ отдаленной комнаты доносилось пѣніе пьяныхъ гостей, и среди нихъ иногда слышался голосъ учителя. Это еще больше обозлило Семена Матвѣича... «Забылъ,—думалъ онъ:—погоди-жъ! Не такъ запоешь!»

Паша между тѣмъ, утомленный ходьбой, засыпалъ за перегородкой, слушая стукъ неустойчиваго сундука, на которомъ поворачивается добѣла раскаленный злобой дядюшка...

Вдругъ раздается какой-то трескъ!.. Паша открываетъ глаза; не погаснувшая еще свѣчка валяется по полу, мѣдный подсвѣчникъ отлетѣлъ подъ стулъ... Дядюшка сидитъ

верхомъ на учителѣ, растянувшемся на полу навзничь, и, дѣлая какія-то тѣлодвиженія, повторяетъ сквозь стиснутые зубы:

— Нѣтъ врррешь!

— Ммммъ...—мычитъ учитель, вывертывая голову изъ-подъ могучей руки, захватившей все лицо въ горсть. Паша поспѣшно спряталъ голову подъ одѣяло.

— А?—слышался злобный голосъ дядюшки и—пощечина.

— А?..—рычалъ опять Семенъ Матвѣичъ, превратившійся въ лютаго звѣря.

А вдали орали пьяные гости...

...На другой день, когда Павлуша открылъ глаза, онъ увидѣлъ няньку съ половой щеткой въ рукахъ.

— Ишь волосищевъ-то натресъ!.. Меринъ!.. — говорила она, подметая.—Право, меринъ!.. Поди, теперича у Петра-то Иваныча ни единаго волоска не осталось... Живодеръ! Вставайте, Павелъ Иванычъ, нонече ученья вашего не будетъ...

— Не будетъ?—радостно спросилъ Паша.

— Учитель вашъ отошелъ въ лазаретъ... Дяденька, Господь съ нимъ, можетъ, ни одной косточки въ живыхъ не оставилъ у него!

Пашѣ было жаль переломанныхъ костей учителя, но зато онъ и радовался же, что не будетъ ученья!

Ему дали опять вздохнуть; потомъ снова служились молебны пророку Науму, снова подыскивались богословы и начинались многосложныя слова, новыя линейки,—все попрежнему! Въ такихъ работахъ стукнуло Павлушѣ десять лѣтъ, а онъ не годился въ первый классъ. Рудневъ принужденъ былъ взять гимназиста, которыхъ онъ вообще недолюбливалъ. Только послѣ цѣлаго года занятій набитая всякимъ мусоромъ голова стала привыкать къ занятіямъ сколько-нибудь осмысленнымъ. Все-таки поступленіе Павлуши въ гимназію не обошлось безъ того, чтобы Рудневъ и тутъ не *пожертвовалъ, не жалѣя*. Жертвы эти шли каждый годъ, пока не настали новыя времена, не дозволявшія никакихъ жертвованій, за отсутствіемъ жертвуемаго. Другой сынъ Руднева, которому пришлось явиться въ эту другую пору, оставался уже безъ всякаго «призору».

VIII.

Безпризорныя дѣти явились у Руднева совершенно въ другую пору его жизни. Эта другая пора, хлынувшая на чиновный людъ кучею разныхъ новинъ, прозвана въ провинціи *всемірнымъ потопомъ*. Потопъ этотъ поразилъ чи-

новниковъ своею неожиданностью и насталъ именно въ то время, когда люди беззаботно веселились и по возможности все устраивали къ своему благополучію.

Вода начала прибывать послѣ войны и прибывала помаленьку. Сначала съ почты притащили объявленіе о какой-то газетѣ, съ почтительнѣйшимъ письмомъ къ управляющему канцеляріей, въ которомъ просили содѣйствія и сочувствія *общему дѣлу* у чиновниковъ, находящихся подъ его управленіемъ,—сочувствія, необходимаго именно теперь, когда настала пора отличить истинное отъ ложнаго, злое отъ незлого, доброе отъ недобраго. Въ заключеніе говорилось, что настало время говорить своимъ голосомъ, и что подписка принимается тамъ-то. Въ доказательство же того, что онъ, редакторъ, отличилъ истинное отъ ложнаго,—прилагался нумеръ газеты, имѣвшій совершенно другое названіе, нежели «Московскія Вѣдомости». Это-то послѣднее обстоятельство и повергло чиновниковъ въ уныніе; до сего времени они полагали, что подъ словомъ *газета* разумѣются исключительно «Московскія Вѣдомости», а тутъ оказывается что-то не то. Ни воспоминаній о битвѣ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, ни о синопскомъ сраженіи, ни о генералѣ Андроникове, ни о какомъ-либо подвигѣ русскаго рядового, изловчившагося подъ пулями ставить самоваръ и сквозь тучу ядеръ умѣвшаго пронести горшокъ щей. Куда дѣвались всѣ эти герои, сіи чародѣи мужества? Неизвѣстно. Въ прилагаемомъ листкѣ о вышесказанныхъ герояхъ не упоминалось; словомъ, было совсѣмъ не то. Упоминалъ ли въ этой газетѣ авторъ о тротуарномъ столбѣ, о который онъ споткнулся, возвращаясь домой, онъ не пропускалъ случая сказать: «пора намъ наконецъ сознать, что въ настоящее время» и проч. Упоминалъ ли онъ о покачнувшемся фонарѣ,—онъ и тутъ прибавлялъ то же. Всѣ чувствовали, что пора; въ доказательство пробужденія провинціи приводилось, что вплоть отъ Шадринска до Мозыря и отъ Гиперборейскаго моря вплоть до Понта Евксинскаго все уже возликовало, все желаетъ кого-то благодарить, обнять, расцѣловать,—и, пользуясь этимъ радостнымъ временемъ, устраиваетъ литературные вечера, на которыхъ читаютъ «Бѣжинъ лугъ», «Разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ». Все, видимо, совершенствуется, растетъ не по днямъ, а по часамъ и, по примѣру столичныхъ счастливцевъ, порицаетъ мѣстные тротуарные столбы и покачнувшіеся фонари, и точно также заканчиваетъ эти порицанія *желаніемъ*, «что пора намъ *сознать*».

Эта газета произвела на всю братію палаты, въ которой служилъ Рудневъ, какое-то смутное, не предвѣщавшее добра впечатлѣніе. Не знали, куда дѣть ее и что съ ней сдѣлать. Наконецъ рѣшили поступить по законамъ. Для сего сочувствовавшіе общему дѣлу чиновники (оказалось, что всѣ до одного сочувствуютъ) расписывались собственноручно на письмѣ редактора: «читалъ и сочувствую». Контролеръ такой-то и т. д. Листъ съ подписями отправленъ къ редактору, съ почтительнѣйшимъ увѣдомленіемъ о готовности на все, не запрещенное закономъ (кромѣ подписки), а самая газета поступила въ архивъ, была насквозь проколота шиломъ, связана веревкой, конецъ которой припечатанъ казенной печатью. И теперь значится за нумеромъ, подъ названіемъ: «дѣло о журналѣ такомъ-то—на столькихъ листахъ,—началось и кончилось тогда-то».

Появленіе этой газеты, представляя собою совершенно небывалое доселѣ явленіе, почему-то считалось предвѣстіемъ недобраго; точно такъ, какъ комета съ хвостомъ непремѣнно наводитъ на мысль о войнѣ или холерѣ. Кромѣ того, изъ Петербурга доносились зловѣщіе слухи, что не только нельзя ждать прибавки, но, напротивъ, въ скоромъ времени воспослѣдуетъ отбавка. Народъ находится въ тревожномъ состояніи.

Въ такую пору, какъ снѣгъ на голову, обрушился въ губернское правленіе новый начальникъ. Сердца замерли. Старый начальникъ, удаляясь съ насиженнаго мѣста, заливался горючими слезами, присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ чиновниками въ складчину, на которомъ произносились самыя искреннія и задушевныя рѣчи или надгробныя слова прошлому. Рѣчи эти потому и были искренни, что говорившіе ихъ и сочувствовавшіе имъ чутьемъ догадывались, что здѣсь надъ всѣми ими совершается заупокойная литія.

Новый начальникъ началъ съ того, что самымъ деликатнѣйшимъ образомъ отказался отъ хлѣба-соли и просилъ его впредь не потчевать.

Сослуживцы начинали робѣть.

Изумленіе общее возрастало ежеминутно. Вслѣдъ за отказомъ отъ хлѣба-соли новый начальникъ изумилъ еще тѣмъ, что тутъ же, подавая всѣмъ руку, говорилъ: «надѣюсь найти въ васъ честныхъ и дѣльныхъ *товарищей*» и проч., и даже сторожамъ говорилъ «вы».

Ошеломленные невиданной доселѣ начальнической лаской, чиновники, послѣ пожатія руки, такъ и окаменѣли на своихъ

мѣстахъ. У каждаго рука оставалась протянутою впередъ; глаза, мутные, словно у замерзающаго человѣка, смотрѣли въ одну точку.

Когда страхъ прошелъ и чиновники сообразили все случившееся, то всѣ разомъ заключили, что съ такимъ мягкимъ начальникомъ можно жить за панибрата, и вслѣдствіе этого возликовали.

Но ликованіе было непродолжительно. Новый начальникъ, къ великому изумленію, не считалъ особеннымъ достоинствомъ годами пріобрѣтеннаго искусства подписыванія бумагъ, которое при его предшественникѣ выводило въ люди многихъ изъ чиновной мелкоты, не считалъ особенно полезнымъ для отечества—сидѣть въ присутствіи непремѣнно во фракѣ, и являлся просто въ пиджакѣ, что на начальника вовсе не походило. Не считалъ особенно вреднымъ для отечества закурить въ присутствіи сигару. Все это было чѣмъ-то необыкновеннымъ; представленіе о начальникѣ сходилось въ головахъ сослуживцевъ съ представленіемъ опять о кометѣ въ видѣ огненнаго меча; но новый мечъ этотъ не рубилъ головы ни одному изъ смотрѣвшихъ на него, а все-таки было жутко.

Взыгравшіе духомъ чиновники начинали снова пугаться и скоро испугались окончательно, когда начальникъ обратился къ цѣлому полчищу отборныхъ служакъ съ пожатіемъ руки и съ присовокупленіемъ къ этому фразы: «я бы васъ покорнѣйше просилъ пріискать себѣ другой родъ службы».

— Ваше п-во! Да у насъ дѣти! жены!—хоромъ заголосили пришибленные.

— Все, что только будетъ отъ меня зависѣть...—и проч. и проч.

Затѣмъ начальникъ удалился, а толпа чиновниковъ совершенно застыла съ разставленными руками и неподвижными глазами, смотрѣвшими въ полъ.

Такимъ образомъ всемірный потопъ обнаружилъ первыя попытки къ опустошенію. Нѣкоторые изъ развращеннаго рода человѣческаго или старались укрыться въ ковчегѣ, то-есть заблаговременно выхлопотать пенсію и закупориться въ благопріобрѣтенныхъ лачужкахъ, другіе же, подражая Ною, но не отъ избытка счастія, а отъ горя, нажали соку изъ виноградныхъ гроздей и валялись цѣлые дни безъ заднихъ ногъ.

Опустошеніе было ужасное.

Между множествомъ народа, снесеннаго при общемъ кру-

шенін, были оба братья Рудневы: Иванъ Матвѣичъ и Семенъ Матвѣичъ. Рудневы въ эту пору почти-что вышли въ люди, почти-что стали не хуже другихъ,—и въ этотъ моментъ вода поглотила ихъ. Иванъ Матвѣичъ въ послѣднее время былъ даже приглашенъ на обѣдъ къ губернатору по случаю какого-то табельнаго дня, и хотя онъ тамъ не рѣшался взять куска въ ротъ, боясь начальниковъ, но все-таки одно присутствіе, одинъ выборъ изъ цѣлаго стада желающихъ хоть глазкомъ взглянуть на это пиршество и потомъ умереть—что-нибудь да значитъ... И вдругъ потопъ!

Семенъ Матвѣичъ тоже нашелъ себѣ мѣсто въ ряду окружающихъ людей и предметовъ; говорю: «предметовъ», потому что, въ припадкѣ унынія и убѣжденія въ собственной ненужности и негодности, Семенъ Матвѣичъ часто сожалѣлъ, почему онъ не доска, не стулъ,—на немъ бы хоть рубашки гладили, на немъ хоть бы сидѣли. Обстоятельства однакожъ устроили ему иное тихое пристанище.

Новый начальникъ, осматривая комнаты палаты, мимоходомъ вопросительно взглядывалъ на попадавшіяся въ шкапахъ съ бумагами бутылки, колбасы и прочее съѣстное для подкрѣпленія силъ, отворилъ дверь въ чертежную и остановился, не рѣшаясь сдѣлать шага далѣе.

Чертежная была совершенно отдѣльная комната съ большимъ столомъ и высокими табуретами; въ комнатѣ этой не происходило никакихъ занятій, и Семенъ Матвѣичъ Рудневъ поэтому избралъ ее своей резиденціею. Въ послѣднее время этотъ мужъ совершенно приросъ къ палатѣ и никогда не оставлялъ ее, словно сросся съ ея стѣнами и поломъ. Послѣ долгой борьбы за существованіе, Семенъ Матвѣичъ вздумалъ повести атаку на чиновничьи карманы. Ближайшимъ средствомъ къ этому было наниматься за другого дежурить и получать за это четвертакъ. Такого рода занятія понравились ему; они не требовали никакихъ терзаній головы, исключали всякое присутствіе людей, надоѣвшихъ Семену Матвѣичу до тошноты, и такимъ образомъ доставляли ему и покой и нѣкоторый верхъ надъ прочей братіей, потому что скоплявшіеся мало-по-малу четвертаки навели его на мысль еще болѣе поэксплоатировать народъ. Чиновная братія, въ большинствѣ своихъ представителей ежедневно являющаяся съ похмелья, очевидно жаждала опохмелиться и въ такой крайности прибѣгала за четвертаками къ Семену Матвѣичу, который получалъ долгъ вдвойнѣ отъ самого казначея при мѣсячной раскладкѣ. Поведя такимъ

образомъ свои дѣла, Семенъ Матвѣичъ скоро держалъ въ рукахъ всю палату, всѣмъ говорилъ «ты» и знать никого не хотѣлъ.

Привыкнувъ дежурить чуть не каждый день, Семенъ Матвѣичъ счелъ удобнымъ переселиться совсѣмъ въ палату; съ этою цѣлью въ пустую чертежную комнату перетащились его сундукъ и шкапъ; въ углу помѣстилось множество образовъ съ лампадами въ черныхъ, закопченныхъ кіотахъ; спалъ онъ на столѣ, подложивъ подъ голову книгу о входящихъ и исходящихъ, и одѣвался шинелью, все болѣе и болѣе превращавшеюся въ лохмотья. Въ эту пору онъ не заботился объ одеждѣ и вообще о какихъ бы то ни было расходахъ на свою персону, такъ какъ чувствовалъ приливъ величайшей скупости и скопидомства, которое заставляло его вести войну со сторожемъ, претендовавшимъ на оставшіеся сальные огарки или разорванные конверты. Огарки эти, послѣ продолжительной схватки съ сторожемъ, оставались въ рукахъ Семена Матвѣича и помѣщались въ огромномъ лубочномъ ящикѣ изъ-подъ сальныхъ свѣчей, стоявшемъ подъ столомъ и заключавшемъ въ себѣ самое разнообразное содержаніе: старыя голенища, пуговицы, клубки нитокъ, ремешки, веревки, гвозди, оторванныя подошвы, сломанные и залитые саломъ мѣдные подсвѣчники, галуны и проч. и проч. Сургучныя печати Семенъ Матвѣичъ аккуратно вырѣзывалъ изъ отбитыхъ у сторожа пакетовъ и, перетопивъ ихъ въ печи, уступалъ регистратору, то-есть журналисту, занимавшемуся запечатываніемъ конвертовъ, который вслѣдствіе этого снюхался съ казначеемъ и дѣлилъ съ нимъ пополамъ сумму, назначенную на покупку новаго сургуча.

Никто поселившагося здѣсь Семена Матвѣича не смѣлъ пальцемъ тронуть: братъ секретаремъ, остальная братія въ рукахъ, старичокъ-управляющій до этого дѣла не доходилъ.

Поэтому понятно, что новый начальникъ, остановившись въ дверяхъ чертежной, впалъ въ нѣкоторое изумленіе: передъ нимъ, вмѣсто комнаты присутственнаго мѣста, открылось цѣлое хозяйство, свое житье; хозяинъ былъ, по обыкновенію, совершенно не въ парадной формѣ. Поверхъ рубашки и панталонъ надѣта была та же шинель, которою онъ покрывался; на ногахъ были сапожные опорки съ дырами, изъ которыхъ выглядывали пальцы; на столѣ избитый самоваръ съ проломанными боками, и проч. и проч.

- Что вы изволите здѣсь дѣлать? — спрашивалъ начальникъ.

— Живу...

— Служите?

— Писцомъ служу-съ.

— Да-съ... Да-съ... Да-съ.

Начальникъ помолчалъ, держа руки въ карманахъ и закусивъ нижнюю губу, и потомъ произнесъ:

— Ну, не смѣю вамъ мѣшать!—и ушелъ.

На утро Семену Матвѣичу стоило великаго труда одѣться въ панталоны, сапоги и напялить галстукъ. Дѣлать было нечего,—звалъ новый начальникъ.

Когда Семенъ Матвѣичъ вышелъ послѣ аудіенціи снова въ толпу братій, къ нему посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы:

— Что? какъ?..

— Ничего...

— Не кричалъ?

— Ни-ни...

— И ласковъ?

— Такой разсыпчатый...

— Руку жалъ?

— Жалъ.

— Ну, стало-быть, въ шею!

Когда, дѣйствительно, это предсказаніе сбылось, Семенъ Матвѣичъ вдругъ почувствовалъ, что рука, которую жалъ начальникъ, словно отвалилась, или кто отсѣкъ ее.

Черезъ недѣлю послѣ аудіенціи на пепелищѣ Семена Матвѣича суетилось нѣсколько поденщиковъ изъ отставныхъ солдатъ, съ искалѣченными членами послѣ битвы при Синопѣ, и, вооружившись метлами, скребками, швабрами, старались отчистить глыбы грязи, которую по всему огромному пространству комнаты расплодилъ недавній ея обитатель.

Чтобы покончить съ Семеномъ Матвѣичемъ, скажу, что онъ поселился гдѣ-то за заставой, въ лачужкѣ, и принималъ заклады. А когда всемірный потопъ прошелъ и животныя были выпущены изъ ковчега, то и Семенъ Матвѣичъ, сознавъ, что онъ ничуть не хуже любого изъ нихъ, выползъ и началъ проситься на службу опять...

Иванъ Матвѣичъ Рудневъ былъ въ большомъ загонѣ. Обстоятельства, видимо, перемѣнились, и сама судьба смѣялась надъ нимъ: каково было видѣть его мягкой и легко растрогиваемой душѣ, когда толпы мужиковъ, такъ недавно

приходившія не иначе, какъ къ нему, теперь идутъ съ обнаженными головами къ другому секретарю, проживающему напротивъ дома Руднева. Секретарь былъ изъ новыхъ, былъ холостъ, танцоръ и имѣлъ за душой какую-то темную исторію съ одной дѣвицей, не допущенной, впрочемъ, къ подачѣ жалобы на секретаря въ уголовную палату. Отставной секретарь терзался: совѣсть его была чиста; какъ голуби, ворковали они съ супругой десятки лѣтъ, но—увы!—наворковали много дѣтей...

Отставной секретарь сразу съежился; правда, у него были небольшія залежныя деньжонки, но такъ какъ, на виду у него, денежный потокъ направился совершенно въ другое бездонное море новаго секретарскаго кармана, то Иванъ Матвѣичъ считалъ долгомъ поскрѣпиться маленько и отдалъ поэтому въ наемъ полъ-дома... Кромѣ новаго секретаря, его весьма убивала возраставшая годъ отъ году семья. Рудневу стоило большихъ усилій настроить себя на радостный манеръ при всякой новой прибыли. Какихъ трудовъ стоило переносить ему утѣшенія и радости родни, являвшейся на каждыя крестины съ однѣми и тѣми же фразами:

— Вельможа будетъ... Не забудьте насъ...—говорилъ попрежнему родственникъ.

— Дитя есть мягкій воскъ!—повторялъ священникъ.

Дѣти, которымъ суждено было жить въ эту пору загона отца, не могли разсчитывать даже на самый незначительный уходъ. Съ первыхъ дней послѣдній сынъ Петръ видѣлъ, что на него смотрятъ, какъ на обузу. Для него не разыскивали лучшихъ и самыхъ свѣжихъ кормилицъ, не покупалось новыхъ люлекъ, не покупалось игрушекъ; все было старое,—изъ-подъ кроватей, изъ-подъ шкаповъ вытаскивались лошади съ оторванными ногами, хвостами и головами, люльку не смазывали даже въ петляхъ, чтобы она не скрипѣла,—а вмѣсто кормилицы кормили съ рожка, поручивъ Петрушу и процессъ ухода за нимъ старухѣ-нянькѣ, исполнявшей вмѣстѣ съ тѣмъ и должность кухарки. И такъ какъ ей поэтому нельзя было разорваться, чтобъ успѣть и за ребенкомъ ходить и въ кухнѣ стряпать, то Петруша бо́льшую часть дѣтства провелъ въ кухнѣ.

Здѣсь постоянно стоялъ столбомъ чадъ и царствовалъ горячій, удушливый воздухъ, подъ люлькой Петруши пищали гусенята, рядомъ на логовищѣ няньки вывелись кошки, и вмѣстѣ съ этой народившейся мелюзгой жилъ и развивался Петруша... Надъ нимъ нянька не разсказывала ска-

зокъ, въ которыхъ люди ходятъ въ золотѣ, всѣ счастливы и довольны,—ей некогда было; Петруша долженъ былъ быть благодаренъ и за то, что она хоть укачивала его иногда по вечерамъ при свѣтѣ сальнаго огарка. Закачивая Петрушу, старуха разсказывала ему свое прежнее житье. Разсказывая свою жизнь, старуха иногда брала ручонку Пети и, отыскивая ею подъ повойникомъ большую яму на своей головѣ, говорила:.

— Видишь, какъ господа-то? Это утюгомъ мнѣ... Да что, такъ ли тиранили!.. По двѣнадцатому году было, барыня пойдетъ гулять зимой въ морозъ, а я за ней босикомъ иди... Подожмешь ногу, потопчешься,—идешь... Мочи нѣтъ... А она видитъ и нарочно по вершочку шаги дѣлаетъ... Не стерпишь, покатишься по-земи замертво...

Сердце Петрушино болѣло за старуху.

— Терпѣла я, терпѣла,—разсказывала старуха въ другой разъ:—нѣту моей моченьки, вскочила чуть свѣтъ,—сбѣжала... куда бѣгу, сама не знаю. Иду босыми ногами, въ одной затрапезной рубашкѣ да юбкѣ по снѣгу, по сугробамъ... Нѣту дороги,—думаю: замерзну. Пришла къ рѣчкѣ,—дорожка санная, вижу, чернѣетъ,—къ ночи дѣло шло, и прорубь прорублена,—стала надъ прорубью,—думаю, утону... пущай утоплюсь, некому жалѣть... Вдругъ санки, священникъ ѣдетъ... «Что ты дрожишь?»—«Такъ и такъ...»—«Садись, дура...»—«Батюшка, увезите меня куда-нибудь... барыня узнаетъ, убьетъ...» «Садись, дурища»... Сѣла я въ сани, пріѣхали въ городъ, отыскали мнѣ мѣсто такое, что лучше и не надо... Только, спустя этакъ полгода, подъ самое Рождество, хожу я съ хозяйкой по базару за покупками,—вижу, барыня... Такъ я и обмерла: ноги, руки затряслись... «А, шлюха, садись!»—закричала барыня. Я нейду; взяли силкомъ, сбуторили, вдвалили въ сани, привезли домой... били-били... Тутъ мнѣ и голову-то прошибли. Вотъ они, люди-то каторжные!

Петруша только и слышалъ такіе разсказы... Онъ жилъ въ кухнѣ, вмѣстѣ съ народомъ, который работалъ для господъ и объ нихъ, слѣдовательно, думалъ и говорилъ не такъ, какъ они. Здѣсь, кромѣ вѣковѣчной труженицы няньки, всѣ окружавшіе Петрушу имѣли въ своемъ прошломъ одно и то же горе и жили одной надеждой на будущее; кучера, горничныя—все это на глазахъ Петруши думало и гадало о своей каторжной участи, и всѣ были обижены, только не своей братіей.

Призоръ няньки продолжался до тѣхъ поръ, пока Пе-

труша не выучился самъ бѣгать и самъ не находилъ для себя занятія. Петруша на свободѣ забавлялся, какъ умѣлъ. Отыскавъ какой-нибудь старый завалящій сапогъ, онъ находилъ удовольствіе въ темномъ уголку напяливать его на свою ножку и въ такомъ костюмѣ медленно путешествовалъ по двору. Друзьями его, какъ и всегда, были ужъ никакъ не чиновничьи ребятишки, а кучеръ или дворникъ. Петруша все больше и больше привыкалъ понимать мужицкія боли и все больше и больше отбивался отъ дома. Кучеръ иногда доставлялъ Петрушѣ удовольствіе: носилъ его на рукахъ подъ качели, кормилъ пряниками, водилъ даже въ театръ.

Мать Петруши, давнымъ-давно до безконечности утомленная дѣтьми, точно такъ же, какъ и отецъ, рада была, что ихъ меньше ползаетъ въ комнатахъ, и поэтому вспоминала о Петрушѣ только тогда, когда слышала его пронзительный плачъ гдѣ-нибудь въ заднемъ углу двора, плачъ, продолжавшійся нѣсколько времени. Только тогда она говорила:

— Что тамъ съ нимъ? Кто его? Посмотрите!

И если плачъ этотъ продолжался еще, то мать поднималась съ мѣста, шла узнать, не подавился ли онъ чѣмъ?

Какъ и мать, отецъ также желалъ, чтобы въ комнатѣ меньше шумѣли и болтались дѣти, и поэтому рѣдко вспоминалъ Петрушу. Какъ-то разъ онъ, впрочемъ, вспомнилъ объ немъ:

— Что тамъ Петька-то, какъ?

— Что ему!—отвѣчала мать.

— Покажите его... Чай, мужикъ-мужикомъ...

Чтобы показать барину его дѣтище, нянькѣ стоило большого труда очистить его отъ всякой грязи, покрывшей руки, ноги и щеки.

Когда Петруша былъ отскобленъ и принесенъ въ комнату, то сразу почувствовалъ, что ему всѣ здѣсь чужіе; и папашу, и мамашу, и всѣхъ и вся онъ готовъ былъ промѣнять на кухонныхъ котятъ и гусенятъ, своихъ первѣйшихъ друзей. Здѣсь особенно папаша какъ-то недоброжелательно смотрѣлъ на него.

— Ну,—сказалъ онъ серьезно:—что-жъ ты не говоришь ничего?..

Плебей дулся и хватался руками за шею няньки.

— Говори!—произнесъ отецъ.

Плебей молчалъ.

— Эге-ге, братъ! Такъ ты вотъ какой! — проговорилъ самымъ тоненькимъ голоскомъ отецъ.

И отецъ скоро показалъ сыну, что онъ дѣйствительно отецъ.

Нянька отняла изъ рукъ родителей плебея-ребенка и унесла его въ кухню, цѣлуя дорогою и говоря:

— Ахъ, ты, моя умница!..

Петруша не понималъ, за что его нянька называла умницей и за что отецъ такъ нехорошо съ нимъ поступилъ.

Такимъ образомъ мало-по-малу, съ годами, сама судьба незамѣтно развивала въ немъ любовь къ этимъ угнетеннымъ труженикамъ, и нѣсколько подозрительно глядѣлъ онъ на всѣхъ людей, именовавшихся господами. Онъ удивлялся, какъ могла жить со спокойною совѣстью та барыня, которая избила его няньку-старуху. Удивлялся, почему баринъ, который вчера избилъ его знакомаго солдата, и котораго Петрушѣ удалось какъ-то видѣть, не возбуждалъ ни въ комъ никакого негодованія?..

Отецъ его, замѣтивъ наконецъ, что Петруша на свободѣ совсѣмъ отбился отъ рукъ,—принужденъ былъ подумать о сынишкѣ: что теперь съ нимъ дѣлать, драть ли его или учить?

Мать тоже подумала и сказала:

— Ты сначала маленько похворостинь его, а потомъ, само собою, и учить.

X.

Наконецъ и Петрушѣ нашли учителя, гимназиста, который и началъ готовить его въ 1-й классъ. Петръ былъ, относительно ученія, счастливѣе брата тѣмъ, что имѣлъ возможность начать прямо съ того, до чего брату пришлось додуматься гораздо позже. Не скажу, чтобы ученіе Петруши шло особенно успѣшно: рваные и затхлые учебники не приковывали его настолько къ своимъ страницамъ, чтобы онъ могъ бросить бѣгать на рѣку купаться или ловить рыбу, играть на погостѣ въ лапту или устраивать змѣи. Все это предвѣщало въ немъ «сорванца».

Сорванецъ дѣйствительно вышелъ. И въ настоящую минуту, когда Павелъ стоитъ по срединѣ полнаго бездорожья, не зная, куда преклонить голову и зачѣмъ жить,—Петръ крайне надоѣдаетъ начальству ежеминутными продѣлками, требующими карцера, черной доски, и пока о дорогахъ не думаетъ.

II. Семейныя несчастія *).

I.

Итакъ, «сорванецъ» появился, и съ каждымъ днемъ все больше и больше стала возрастать непомѣрная разница во взглядахъ на жизнь родителей и дѣтей, а скоро не было ужъ такого отца и такой матери, которые не были бы огорчены до глубины души поступками своихъ дѣтей. Даже на воскресномъ пирогѣ, на именинахъ и вообще во всѣхъ тѣхъ обывательскихъ сходбищахъ, гдѣ рюмка развязываетъ языки и идетъ, по обыкновенію, безсмысленная болтовня, и тамъ «дѣти», непочтительныя, дерзкія, безбожники, были первѣйшею темою собесѣдованія. Горе было такъ велико, что даже и водка не развеселяла и пилась со вздохами, такъ же, какъ со вздохомъ шли жалобы и на дѣтей.

— Гдѣ же вашъ сынокъ тепериче, Марѳа Ивановна?— ехидно спроситъ одинъ изъ гостей, уже «оскорбленныхъ» своими дѣтьми.

— Спитъ еще, не вставалъ...—отвѣчаетъ Марѳа Ивановна, смотря въ землю.

— Это до одиннадцатаго-то часу?..—возвышая голосъ и обводя гостей выразительнымъ взглядомъ, произноситъ первый.

— Нынче все такъ!—прибавляетъ съ ироніей второй.

— А по-моему,—вскрикиваетъ третій:—взять бы хорошую палку, да...

И при этомъ дѣлается рукою взмахъ, соотвѣтствующій назначенію палки.

II.

Отъ обидъ такого рода въ особенности пострадало въ нашей глухой сторонѣ семейство Уполовниковыхъ. Самъ господинъ Уполовниковъ обиженъ до такой степени, что даже и упоминать не хочетъ о сихъ мерзостяхъ и только отмахивается рукою, если ему предложатъ какой-нибудь вопросъ по поводу его несчастій. Напротивъ, супруга его, Марѳа Ильинична, очень желала бы сообщить какой-нибудь теплой душѣ всѣ тайны своего сердца, но «держаніе уха востро» не подпускаетъ близко къ ней таковой души. Всякій норовитъ узнать сущность дѣла въ двухъ словахъ и уйти; Марѳа

*) «Женскій Вѣстникъ», 1867 г., подъ заглавіемъ: «Современная глушь. Несчастія семейства Уполовниковыхъ».

же Ильинична, напротивъ, желаетъ объяснить дѣло въ полномъ объемѣ.

Цѣлые дни сидитъ она подъ окошкомъ, выжидая необходимую ей теплую душу, и, за неимѣніемъ ея, повѣряетъ свои обиды толстымъ чулочнымъ спицамъ, которыя, не привыкнувъ къ такому довѣрію, поминутно спускаютъ петли, путаются и вводятъ госпожу Уполовникову въ немалое негодованіе.

Но вотъ подъ окнами, на противоположномъ тротуарѣ, мелькнула фигура знакомаго чиновника Кукушкина, и Уполовникова сразу рѣшается не выпускать его изъ рукъ. Она высовывается въ окно и вопіетъ своимъ старческимъ голосомъ:

— Батюшка! Семенъ Семеновичъ! Зайди на минуточку. Сдѣлай твое такое одолженіе!

— Не могу-съ!.. Не имѣю времени!

— Да сдѣлай же милость, хоть пирожка?

— Времени не имѣю-съ! Не имѣю времени! И притомъ... боюсь...

— Что такое, Господи! Кого-жъ бояться?..

— Да вашего, этого... господина... студента-то... Ну ихъ!

— Да нѣту его! Давно нѣту! Уѣхалъ!..

— Нѣ-ѣту?..—перебираясь черезъ дорогу, удивленно вопрошаетъ Кукушкинъ.—Изъ-за чего же собственно ихъ нѣту?

— Уѣхалъ, уѣхалъ!.. Да ты зайди хоть на минуточку-то...

— Ай-ай-ай!..—недоумѣваетъ чиновникъ.—Да будто бы нѣту ихъ?

Уполовникова подтверждаетъ это, и чиновникъ, покачивая головой, направляется къ воротамъ. Теплая душа входитъ въ горницу, раскланивается, оглядываетъ углы и, убѣдившись, что въ нихъ не притаилось ничего ужаснаго, въ родѣ «господина студента», принимается за закуску, во время которой теплая душа иногда поднимаетъ голову, разѣваетъ набитый ротъ и обращается къ Уполовниковой съ вопросомъ: «Да будто бы же? Да неужели же они ужъ?..» Уполовникова удовлетворяетъ его вопросамъ, но не перерываетъ спокойнаго теченія закуски, твердо зная, что теплой душѣ въ самомъ дѣлѣ не худо бы подкрѣпиться, прежде нежели на нее она навалится съ печалями. Наконецъ знакомый отираетъ ладонью ротъ и, всунувъ руки въ рукава, спрашиваетъ:

— Слѣдственно, матушка Марѳа Ильинична, упоминаете вы въ томъ смыслѣ, что ихъ какъ бы уже нѣту?

— Уѣхалъ, отецъ мой, и даже не простился!

Теплая душа изумленно смотритъ на хозяйку. но тотчасъ же, вытянувъ кверху брови, произноситъ сжатыми негодованіемъ губами:

— Просвѣщены!..

— Да ужъ должно-быть, что отъ просвѣщенія этого... отъ ихняго...

— Да-да-съ!.. Отъ обширнаго ихняго ума!—Гость съ сердцемъ плюетъ въ землю и прибавляетъ:—Ффу ты, Боже мой, до чего, можно сказать... Тьфу! Болѣе ничего!

Чиновница Уполовникова едва владѣетъ собою: руки ея дрожатъ, петли спускаются, и голова не совсѣмъ твердо сидитъ на плечахъ.

— Такъ какъ же вы, Марѳа Ильинична, изволили упомянуть-то? Изъ-за какихъ же, собственно, смысловъ уѣхали они?

— Изволишь видѣть, какъ было... На ѳоминой недѣлѣ. никакъ этакъ въ середу, али въ четвергъ, ужъ не упомню хорошенько-то, собираемся мы съ мужемъ, другъ ты мой, къ заутренѣ... Собрались этакъ-то, только выходимъ на крыльцо—хвать-похвать—подлетаетъ тройка, и сейчасъ сынокъ нашъ соскакиваетъ и прямо говоритъ:—«Я, говоритъ, папенька, къ вамъ отдохнуть... Ужъ сдѣлайте милость, говоритъ, позвольте...» Мы съ отцомъ такъ обрадовались, такъ рады, и, кажется, себя не помнимъ, сейчасъ самоваръ, то, другое...—«Нѣтъ, кричитъ сынокъ-то, ничего не нужно, сдѣлайте милость, дайте мнѣ гдѣ-нибудь прилечь... Ѣхалъ, изволите видѣть, семьсотъ верстъ,—усталъ...» И, ни слова не говоря, только-что поздоровался, бросился прямо въ горницу, въ эту вотъ самую комнату (слушатель испуганнымъ взглядомъ обводитъ стѣны и углы комнаты), вбѣжалъ и прямо такъ на диванъ и повалился... Спитъ. Поглядѣли мы на него—«ну что-жъ, думаемъ, съ дороги человѣкъ усталъ, пускай, въ самомъ дѣлѣ, отдохнетъ...» Оставили его, пошли своимъ путемъ къ заутренѣ. Отстояли честь-честью службу. выходимъ на паперть, встрѣчается Артамонъ Ильичъ съ Авдотьей Карповной. Кузьма Митричъ Чуйкинъ съ женой и прочіе наши знакомые. Встрѣчаемся.—«Здравствуйте».—«Что новенькаго?»—«Да вотъ, говоримъ съ мужемъ, сынокъ пріѣхалъ».—«Это Сережа-то?»—«Онъ, говоримъ, Сергѣй!» Любопытствуютъ знать, откуда? Отвѣчаемъ имъ: «такъ и такъ, изъ Санктпетербурга, молъ, прибылъ, на почтовыхъ».—«Кто же, спрашиваютъ, онъ,—то-есть по какой части?..» Отвѣчаемъ имъ, что главнѣе по просвѣщенію пошелъ и въ высокой наукѣ стоитъ... Всѣ оченно этому обрадовались, и тѣмъ

пуще всего любопытство ихъ взяло, что изъ Санктпетербурга!—«Не возможно ли, говорятъ, намъ будетъ на него взглянуть?..» Тогда отецъ отвѣчаетъ имъ:—«Господи помилуй! Что же это такое за диковина, что и взглянуть на него нельзя? Пожалуйте къ намъ чайку откушать, я вамъ его и покажу во всей формѣ». Пошли всѣ къ намъ пить чай. Пьемъ мы чай, а отецъ идетъ къ Сергѣю и говоритъ ему: «Дружокъ, говоритъ, многіе друзья наши, заинтересовавшись тѣмъ, какъ ты изъ Санктпетербурга и идешь по просвѣщенію, то очень желаютъ видѣть тебя... Пойдемъ къ нимъ...»

«— Папенька, говоритъ, сдѣлайте милость, увольте меня!

«— Но, дружокъ мой, говоритъ отецъ, вѣдь ждутъ и желаютъ поразспросить у тебя кое-что о столичныхъ новостяхъ.

«— Ради Бога, говоритъ, позвольте какъ-нибудь послѣ... Что я съ ними буду говорить, какія новости? Я никакихъ новостей не знаю...

«— Какъ же это ты не знаешь?

«— Ей-Богу, не знаю ничего... Не могу!.. Не пойду!.. Послѣ.

«Завалился и захрапѣлъ. А отецъ такъ съ носомъ и остался! Какъ это вамъ покажется? а?»

— Просвѣщены!

— Рожу свою не могъ на минуту въ другую комнату высунуть! Очень это отца огорчило; входитъ въ чайную, весь дрожитъ; однакоже деликатнымъ манеромъ удержался и объявляетъ: «что такъ какъ, говоритъ, съ дороги и заспался, то, сдѣлайте милость, извините его на нонѣшній разъ, а вотъ въ воскресенье покорнѣйше просимъ васъ откушать у насъ чаю, и тогда ужъ будьте покойны, я вамъ его предоставлю». Съ этимъ гости и разошлись... Какъ намъ въ ту пору было горько, кажется—ахъ!.. Ну однакоже мы виду не подали. Ни-ни!.. Приходитъ время замѣчаемъ мы—грубость. Что ни спросишь: «Ей-Богу, говоритъ, не знаю, никогда не видалъ...»

«— Какъ, молъ, дружокъ, — спрашиваемъ: — начальство васъ наказываетъ ли? Или же опять, въ какомъ чинѣ вашъ главноуправляющій вашимъ заведеніемъ?..

«— Ей-Богу, не знаю!» Только того и есть!

«Думаемъ-думаемъ, ума не приложимъ, какъ быть! А онъ тѣмъ временемъ каждый Божій день зачалъ съ ружьемъ по болотамъ шататься... Первое дѣло — то обидно: ну, неровенъ часъ, утонетъ?—долго ли до грѣха? А второе

дѣло—ружье; постоянно порохъ, пули,—ну, какъ да ляпнетъ ненарокомъ? Нѣшто ружье-то съ умомъ? Иной, случается, маленькія дѣти ходятъ,—хлопнетъ, вотъ тѣ и сказъ. Съ кого взыщутъ-то? Къ отвѣту-то отца потянутъ,—какъ дозволилъ сыну? Такъ ли я говорю? Ну, такъ это насъ безпокоило, такъ безпокоило, а тутъ пуще всего въ томъ опять обида, что глазъ домой не кажетъ.

«— Неужели, Сергѣй,—говоритъ отецъ ему:—неужели болото для тебя дороже отца?

«— Папенька, говоритъ, я это для отдыха...

«— Да, дружокъ мой, посуди же ты самъ, какой же эта стрѣльба составляетъ отдыхъ, когда, чего Боже избави, можешь ты пулею себя повредить?

«— Вотъ, говоритъ, пустяки!

«— Дружокъ мой,—говоритъ отецъ:—хотя я и говорю пустяки, и хотя, говоритъ, ты отдыхаешь, и болото для тебя милѣе отца и матери, то все-таки, другъ мой, ужъ извини, говоритъ,—отдыхать ты отдыхай, а отца все-таки уважать долженъ. Ужъ извини!

«— Да помилуйте, то-се, тиль-виль... — прикусилъ языкъ-то, не потрафитъ, что сказать, а отецъ, между прочимъ, продолжаетъ:

«— Я тебя, говоритъ, другъ мой, прошу въ воскресенье быть дома, ибо позваны мною многіе наши друзья, дабы видѣть тебя. Поэтому очень бы я хотѣлъ, чтобы ты одѣлся въ твою парадную форму, какъ-то: въ мундиръ, шпагу, и держалъ бы для виду каску свою; то-есть, чтобы гости, видя твой костюмъ, завидовали бы мнѣ и цѣнили бы меня... Такъ какъ имѣю я такого сына...

«— Хорошо-съ!—говоритъ. Согласился.

«Подходитъ воскресенье, пришли гости; выходитъ отецъ его,—«вотъ, говоритъ, сынъ мой, извольте полюбоваться!..» Гости, обыкновенно, радуются. Начинаютъ его разспрашивать. Одинъ чиновникъ былъ въ ту пору, хотѣлъ онъ въ Петербургъ жену везть къ ясновидящей, пользовать отъ полноты, такъ этотъ чиновникъ подходитъ къ Сергѣю и говоритъ:—«Позвольте, говоритъ, которыя теперича лучшія ясновидящія считаются?»—«Не знаю», говоритъ. Чиновникъ обидѣлся и ушелъ. Подходитъ другой и говоритъ:—«Какъ примѣрно, будьте такъ добры,—Исакіевскій соборъ, далеко ли въ вышину достигаетъ?»—«Не знаю», говоритъ... И этотъ посмотрѣлъ на него этакъ-то, осердился и отошелъ. Тутъ ужъ мы съ отцомъ никакихъ силъ болѣе

терпѣть не находили. Вызываемъ его въ другую комнату, вызываемъ и говоримъ:

«— Ты что же это, другъ любезный, дѣлаешь? Что же ты, уморить насъ хочешь?.. Иди сейчасъ, отвѣчай, что тебя спрашиваютъ.

«— Я не могу и не пойду...

«— Какъ не пойдешь?

«— Не могу!

«И уже опять пистолетиной своей подлой вертитъ: заряжаетъ.

«— Брось ружье!—закричалъ отецъ.

«— Оно, говоритъ, не заряжено!

«— Брось, говорю тебѣ! Отецъ я или нѣтъ?

«Въ отвѣтъ на это онъ вмѣстѣ съ пистолетиной идетъ къ дверямъ; мы за нимъ.

«— Брось!—Не бросаетъ и переодѣвается.

«Тутъ ужъ мы совсѣмъ обезумѣли отъ такой обиды. Отецъ какъ началъ причитать: «Это что такое? Сапогъ на столѣ стоитъ? Гдѣ долженъ сапогъ стоять? На столѣ хлѣбъ кладутъ, даръ Божій»,—и пошелъ, и пошелъ. Гости слышатъ, что неладно что-то, потому крикъ на весь домъ, тихимъ манеромъ за шапки да по домамъ... Отецъ-то и послѣ нихъ еще долго причиталъ. Наконецъ, того, видя его упорство,—«вонъ, говоритъ, изъ моего дома!» Сережка, долго не думая, хлопъ дверью да и былъ таковъ!.. Такъ и уѣхалъ. Сказывали, гдѣ-то съ товарищемъ, тоже этакимъ-то, избу наняли въ деревнѣ. Съ мужиками-то, видно, пріятнѣе, чѣмъ съ отцомъ, съ матерью...»

— Просвѣщены!

Голова и руки чиновницы дрожали, спицы подскакивали и спускали петли.

— Вотъ такъ-то, вотъ и рости дѣтей!..—говоритъ чиновникъ со вздохомъ.

— Да! Думали-гадали какое ни на есть удовольствіе получить, а замѣсто того на-ка вотъ!..

Вообще на бѣдныя головы стариковъ и старушекъ каждодневно валится множество всякаго рода обидъ; долго накипаютъ онѣ въ сердцахъ старичковъ и, не имѣя исхода, рождаютъ жажду самой отчаянной мести, оканчивающуюся обыкновенно горькими слезами.

III. Остановка въ дорогѣ.

I.

Шестая недѣля великаго поста была на исходѣ.

Изъ столицъ и губернскихъ городовъ, по желѣзнымъ дорогамъ, въ ямскихъ тарантасахъ, на перекладныхъ тройкахъ,—и въ особенности «на своихъ на двоихъ»,—неслось множество всякаго рода людей въ деревню, въ усадьбу, «ко дворамъ». Все это, измаянное зимнимъ сезономъ, измученное черной работой, стремилось отдохнуть, отдышаться, а главное, поспѣть домой къ празднику.

Весеннее солнце было до такой степени живительно, что весь этотъ утомленный, усталый, измученный народъ, съ его громкимъ говоромъ, раздававшимся въ вагонахъ, на вокзалахъ, на постоялыхъ дворахъ и въ толпахъ пѣшеходовъ, гремѣлъ такъ же шумно, весело, задорно, какъ гремѣла по всѣмъ буеракамъ разгулявшаяся весенняя полая вода.

Дилижансъ, въ которомъ я выѣхалъ изъ Москвы *), былъ также въ достаточной степени охваченъ всеобщимъ веселымъ расположеніемъ духа. Всѣ пассажиры какъ-то необычайно скоро перезнакомились другъ съ другомъ еще въ почтовой конторѣ, и черезъ пять или десять минутъ всѣ чувствовали себя закадычными друзьями. Единственнымъ исключеніемъ былъ кондукторъ, котораго омрачало именно это общее веселое настроеніе проѣзжающихъ. Постоянно высовывая изъ своей каморки (я сидѣлъ на переднемъ мѣстѣ) свой тощій еврейскій обликъ, онъ съ завистью смотрѣлъ на меня и, видя, что я чувствую себя хорошо и весело, тяжко вздыхалъ и со вздохомъ произносилъ какую-нибудь жалобную фразу:

— Всѣ ѣдутъ къ празднику... всѣмъ Богъ далъ! Только кондуктору нѣтъ праздника!

— Отчего такъ?

— Оттого, что нечѣмъ мнѣ, кондуктору, услужить проѣзжающему! Ежели дастъ проѣзжій двадцать копеекъ — такъ и то Бога благодаришь! Ямщики, старосты, смотритель—все отберутъ отъ проѣзжающаго! Подсадить не дадутъ, подъ ручку поддержать!.. А у кондуктора шесть че-

*) Московско-Курской дороги еще не существовало.

ловѣкъ дѣтей! У него тоже долженъ быть праздникъ—я вѣдь крещеный! Хоть бы чѣмъ-нибудь мнѣ услужить вамъ, господинъ!

Кондукторъ замолкъ, очевидно, что-то соображалъ, и наконецъ придумалъ, какъ «услужить»: захрипѣлъ онъ на своей исковерканной трубѣ какую-то чудовищную пѣсню,—чѣмъ поистинѣ отравилъ всѣ чарующія впечатлѣнія весны: впечатлѣнія оживающихъ дымящихся тепломъ полей, игривыхъ, радующихся, пѣвучихъ потоковъ, блестящую, свѣтлую звучность весенняго воздуха—все это кондукторъ растерзалъ воплями своей трубы. Къ счастію, шедшій впереди обозъ заставилъ его прекратить его терзающую музыку и затрубить такъ, какъ это полагается кондуктору. Обругавъ отборными словами мужиковъ, которые еле успѣли посторониться отъ мчавшагося дилижанса, онъ еще разъ выглянулъ изъ своей каморки, очевидно, желая убѣдиться, понялъ я его услугу или нѣтъ? Онъ игралъ и ругался,—неужели и это не рекомендуетъ его со стороны желанія услужить? Но, примѣтивъ, что этого для меня, очевидно, мало,—онъ и еще постарался увеличить мое удовольствіе и нашелъ для этого необходимымъ показать ямщику, что онъ—кондукторъ—начальникъ.

— Чего спишь, Мишка — Васька—Ѳедька—какъ васъ тамъ всѣхъ звать, не знаю? Пошелъ!

Но Мишка, или Васька, или Ѳедька сидѣлъ на облучкѣ, и впечатлѣніе этого облучка было свѣтлое: сидѣлъ тамъ человѣкъ, думающій не объ угожденіи господамъ, а о жизни въ деревнѣ, въ своей избѣ, въ своей трудовой свободѣ. Сѣрый армякъ, иногда смѣняющійся чернымъ армякомъ или изодраннымъ полушубкомъ, сдѣлаетъ тысячи услугъ, не зная о томъ, не считая ихъ. Этотъ армякъ одинъ, только одинъ изъ всѣхъ проѣзжающихъ въ дилижансѣ, добровольно мокнетъ на дождѣ, подставляетъ свою грудь вѣтру и лицо морозу, и благодаря именно ему мы спокойно мчимся впередъ.

Подошелъ вечеръ, стало темно, морозно, холодно; чувствовалась потребность надвинуть шапку на самыя уши, потеплѣе закутать колѣни, ноги, руки... Обаяніе весны значительно убавилось, а потомъ и совсѣмъ исчезло. Холодные порывы вѣтра усиливались по мѣрѣ приближенія нашего дилижанса къ большой станціи, стоявшей въ центрѣ большого подмосковнаго города на Окѣ. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту остановки, ямщикъ началъ особенно громко

и почти непрерывно кричать форейтору; форейторъ, почти не переставая, свисталъ и звонкимъ дѣтскимъ голосомъ кричалъ: «сва-арра-чивай!..», «съ даарроги!..» Желая угодить проѣзжающимъ, кондукторъ принялся трубить въ трубу; рѣзкій и хриплый звукъ его изломаннаго инструмента почему-то напоминалъ шесть человѣкъ дѣтей, которымъ надо пить и ѣсть... Несмотря на это гиканье ямщика, форейтора и кондуктора, дорога дѣлалась труднѣе съ каждымъ шагомъ. Фонарь, мерцавшій съ одного боку кареты (свѣчку другого фонаря кондукторъ везъ семейству), освѣщалъ мужицкія дровни, троечныя телѣги, толпы людей, двигавшихся къ городу; вотъ мелькаетъ какая-то окутанная рогожами карета; вонъ худенькая фигурка жеребенка отскочила отъ дилижанса, зацѣпивъ ногой за постромку и зазвонивъ колокольчикомъ, и карета вынуждена была ѣхать шагомъ.

Тѣснота отъ экипажей и людей, запрудившихъ улицы города, страшная. Вотъ какія-то освѣщенныя окна; какіе-то люди двигаются съ фонарями между каретъ и дымящихся лошадей.

— Станція!—говоритъ кондукторъ и, соскочивъ, принимается откидывать подножки у дверей кареты.

— Г-нъ смотритель!—взбѣжавъ на ступени станціи, зоветъ нетерпѣливый проѣзжающій.—Пожалуйста, прикажите поскорѣе запрягать!

— Запрягать нельзя-съ!..

— Какъ? Почему?

— Поврежденіе моста!.. Мостъ загороженъ... А перевозъ пріостановленъ...

— Почему пріостановили перевозъ?

— Ледоходъ оченно большой... Старожилы не запомнятъ...

Всеобщій протестъ, негодованіе, брань!

Ко всему этому оказывается, что на станціи уже переполнены всѣ помѣщенія, и что вновь прибывающіе должны переждать ледоходъ въ грязныхъ «номерахъ» и «гостиницахъ».

II.

Гвоздевское подворье, на которое пришли мы (я и еще одинъ купецъ), своимъ видомъ и устройствомъ напоминало, съ одной стороны, постоялый дворъ, съ другой—гостиницу изъ числа тѣхъ, которыя любятъ назвать себя какимъ-нибудь интереснымъ прозвищемъ — «Барнаулъ», «Карлс-

бадъ». Эти два рода качествъ, заимствованныхъ отъ гостиницы и постоялаго двора и соединенныхъ воедино для удобства господъ проѣзжающихъ, характеризуютъ вообще всякое подворье. Грязный дворъ, обнесенный навѣсомъ колодецъ съ желѣзной бадьей, громыхающей на желѣзной цѣпи; хозяинъ съ почтительными и тихими манерами, успокоительно дѣйствующими на проѣзжаго; жирная баба-солдатка, охотница до подсолнуховъ, кисейныхъ фартуковъ и проѣзжихъ молодцовъ, отъ которыхъ она, впрочемъ, любитъ увернуться, выскочивъ со звонкимъ смѣхомъ изъ жаркой кухни въ широкія сѣни,—вотъ главнымъ образомъ качества, заимствованныя отъ постоялыхъ дворовъ.

Качества, заимствованныя отъ гостиницы «Барнаулъ», гораздо замѣтнѣе и многочисленнѣе. Во-первыхъ, проѣзжему для ночлега отводятъ на подворьѣ, какъ и въ гостиницѣ, номеръ, а не кладутъ его, какъ на постояломъ дворѣ, рядомъ съ богомольцемъ или богомолкой близъ кровати молодого хозяйскаго сына съ супругой. Правда, въ коридорѣ, по которому проѣзжающій идетъ въ номеръ, носятся синія волны самоварнаго дыма; обстановка номера, съ темными стѣнами, самодвигающеюся и самопадающею мебелью, производитъ на него грустное впечатлѣніе,—но для успокоенія его существуетъ хозяинъ: онъ такъ искусно подтолкнетъ колѣномъ разрушенную кровать къ стѣнѣ, такъ незамѣтно сколупнетъ ногтемъ наросты сала со стола, съ окна и дивана, такъ солидно скажетъ: «будьте покойны», «не извольте безпокоиться», что проѣзжающій, дѣйствительно, успокоится и примирится со всѣмъ. Кромѣ того, водворяя проѣзжаго въ номерѣ, хозяинъ объявляетъ ему, «что, въ случаѣ, ежели что̀ потребуется,—человѣка кликните,—онъ завсегда тутъ... не отходитъ отъ буфету». Слѣдовательно проѣзжему, пожелавшему съѣсть или выпить, не нужно, какъ на постояломъ дворѣ, странствовать по пустыннымъ сѣнямъ, попадая то въ чуланъ, то въ спальню, отыскивая человѣка, который бы принялъ въ немъ участіе. Слѣдовательно на подворьѣ можно видѣть и буфетъ и человѣка. Буфетъ состоитъ изъ темно-краснаго двухъэтажнаго шкапа съ тусклыми стеклами, дающими, впрочемъ, возможность видѣть, что въ шкапу находится салфетка, вилка, пробка и синяя съ рисунками тарелка. Тутъ же можно видѣть и человѣка: онъ обыкновенно помѣщается противъ шкапа, на рукѣ его всегда надѣтъ чей-нибудь сапогъ, на оконникѣ всегда виднѣется черепокъ съ ваксой; человѣкъ

этотъ любитъ говорить: «ссію минуту», «подаю-съ!», любитъ разсказать проѣзжему, снявъ съ него сапоги, о томъ, что у одного барина украли шубу въ триста цѣлковыхъ, что недавно «у насъ» останавливалась генеральша съ двумя дочерьми и очень была благодарна; привыкъ онъ также, на вопросъ проѣзжаго насчетъ обѣда, вытаскивать изъ бокового кармана писанную карту кушаній, переминаясь съ ноги на ногу, внимательно слушать, какъ баринъ перебираетъ эти «бекштесы», «волованъ аля мушкадъ», «...скнелью» и проч., и затѣмъ также привыкъ сообщать, что «этого нѣту», не готовили, потому не требуется, а есть одна солонина; но въ особенности любитъ онъ забраться къ барину въ номеръ, перерыть въ чемоданахъ, выпить изъ бутылокъ съ крѣпкими напитками все, что въ нихъ содержится, и растянуться поперекъ коридора... Все это онъ дѣлаетъ съ человѣкомъ, не понимающимъ, что такое въ подворьѣ буфетъ, номера и проч. «Настоящій» посѣтитель подворья— мелкій уѣздный чиновникъ, проѣзжающій къ Троицѣ-Сергію съ женой и ребенкомъ, уѣздный купецъ, заѣхавшій въ городъ, чтобы посовѣтоваться съ приказнымъ, сельскій священникъ, чтобы посѣтить консисторію, — всѣ они всегда будутъ довольны подворьемъ; имъ не нужно ни буфета ни карточки кушаній. Исконный проѣзжающій прямо требуетъ солонину; онъ невзыскателенъ насчетъ грязи номеровъ, чашекъ, тарелокъ: все это ему знакомо у себя дома; онъ, напротивъ, здѣсь на подворьѣ чувствуетъ себя какъ дома, ему всѣ давно знакомы, всѣ друзья-пріятели: онъ любитъ разспросить, разузнать, зайти въ кухню поговорить съ кухаркой:

— Ну, что же, Авдотья, какъ безъ мужа-то? Скучно... а?..

Хорошо ему живется здѣсь. Къ нему привыкла прислуга и хозяинъ, и знаютъ, какъ угождать ему.

Проѣзжающіе, наполнившіе номера и общую комнату Гвоздевскаго подворья въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, большею частью были не «настоящіе» проѣзжающіе, что поставило хозяина, и буфетъ, и человѣка въ весьма неопредѣленное положеніе, почти равномѣрное тому, которое испытывали и проѣзжіе, укладываемые на голыя доски кроватей. Но практическій умъ хозяина и «понятіе» человѣка выручили ихъ изъ бѣды; видя, что въ подворье наѣхалъ народъ «благородный», хозяинъ порѣшилъ прежде всего заламывать за всякую бездѣлицу самыя несообразныя цѣны; человѣкъ сообразилъ, что тутъ надо бросить му-

жицкія привычки и дѣйствовать посредствомъ порцій; припомнилъ онъ также слова: «по-ганбурски», «съ гарниромъ», выпрямился, вскинулъ салфетку на плечо и принялся дѣйствовать такъ, что въ короткое время всѣ проѣзжіе единогласно вопіяли о какомъ-то будто бы дневномъ грабежѣ, происходящемъ здѣсь.

Между тѣмъ къ крыльцу подлетали поминутно новыя тройки и пары; въ коридоръ и номера подворья, набитые биткомъ тюками, чемоданами, людьми, входили какія-то новыя лица въ черкесскихъ шапкахъ, въ остроконечныхъ башлыкахъ, и такъ же, какъ и на почтовой станціи, громко требовали:

— Лошадей!

— Перевозу нѣту, вашескобродіе!—въ милліонный разъ отвѣчалъ мокрый и запотѣвшій староста.—Ледъ идетъ!

— Какъ ледъ? Я по казенной надобности!

Всякій новый проѣзжающій вносилъ своимъ появленіемъ новый элементъ, нѣсколько разнообразившій вялую бесѣду проѣзжаго общества. Общество это, несмотря на фактическія доказательства невозможности ѣхать далѣе, продолжало размышлять на тѣ же вопросы: «Какъ нѣтъ перевозу!», «Что такое ледъ, ледъ?» Появленіе новаго лица, его разспросы, почему нѣтъ проѣзду и проч., давали нѣкоторое право на продолженіе этихъ тлетворныхъ разговоровъ; но едва новый проѣзжій подзывалъ человѣка и приказывалъ принести себѣ чего-нибудь съѣсть, какъ весь интересъ новаго лица исчезалъ, потому что и онъ внезапно начиналъ толковать о какомъ-то будто бы дневномъ грабежѣ, происходящемъ здѣсь, то-есть становился въ разрядъ обыкновенныхъ проѣзжающихъ, рѣшившихъ уже этотъ вопросъ.

III.

Быть участникомъ такого времяпровожденія дѣлалось наконецъ совершенно невозможнымъ; нѣкоторые изъ проѣзжихъ торопились лечь спать; мы съ купцомъ выхлопотали себѣ каморку, гдѣ-то на чердакѣ подъ лѣстницей, которая почти загораживала наше окно, и принялись пить чай. Во время этого занятія шли у насъ разговоры о разныхъ, имѣющихъ болѣе или менѣе практическій интересъ, вещахъ; наконецъ мы попробовали спать, но въ комнатѣ было жарко, а съ дороги дѣлалось просто душно. Кромѣ того, въ коридорѣ и сосѣднихъ номерахъ шли безпрестан-

ные разговоры и ходьба, отъ которой въ нашемъ номерѣ шевелилась мебель и на самоварѣ дрожала крышка.

— Однако звѣрекъ-то покусываетъ! — шепталъ купецъ, ворочаясь на диванѣ подъ своей мерлушкой.—Они свѣжее мясо зачуяли... Ишь! такъ и рвутъ шкуру-то!..

Духота, соединенная съ непроницаемою тьмою, была вдвойнѣ невыносима. Я зажегъ свѣчку и сталъ курить.

Въ это время развинтившаяся ручка двери зашевелилась, и въ комнату высунулась голова.

Эта голова принадлежала кондуктору.

— Обезпокоилъ?—какъ-то вяло проговорилъ маленькій человѣкъ.

— Нѣтъ, мы не спимъ...

Кондукторъ былъ въ коротенькомъ и тѣсномъ казенномъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами; лицо его было усиленно-красно и плотно, и страдальческая черта на лбу вылегала еще примѣтнѣе, чѣмъ днемъ. Очевидно, его угостилъ станціонный смотритель. Медленно сѣлъ онъ на стулъ у двери, молча посмотрѣлъ на насъ и проговорилъ:

— Покойно вамъ было въ экипажѣ, молодой человѣкъ?

— Очень покойно.

— Н-ну... покорнѣйше васъ благодарю!.. Я всей душой... Я жизнью своей не дорожу для господъ пассажировъ. Прикажете чѣмъ-нибудь услужить?..

— Намъ ничего не надо.

— Я обязанъ угодить, потому мнѣ надо кормить семейство. Господинъ купецъ!.. Почиваетъ онъ?

— Нѣтъ, я не сплю.

— Позвольте, что я вамъ, г. купецъ, объясню... Я имѣю шесть человѣкъ дѣтей, жена, своячиница... Изволите видѣть!.. Я долженъ жить, получать свое продовольствіе... Стало-быть, я долженъ услуживать, угождать... И я готовъ передъ Богомъ!.. Ну, чѣмъ я могу услужить?

— Коли ежели кто желаетъ оказать услугу, онъ завсегда можетъ это...—проговорилъ купецъ.

— Господинъ купецъ! Разорваться готовъ!.. Я, кондукторъ, смотрю, какъ бы не было несчастья... Проѣзжающій этого не ставитъ въ заслугу! Чѣмъ же я могу угодить?

Купецъ поворочался на диванѣ.

— У меня на всемъ свѣтѣ одинъ уголокъ: въ каретѣ келья моя. Меня никто не видитъ и не замѣчаетъ. А вы думаете, что кондукторъ спитъ тамъ, въ кельѣ-то? Кондукторъ въ собачій воротникъ морду свою завернулъ,—

стало-быть, онъ хранитъ? Кондукторъ — ни дня ни ночи покою не имѣетъ, господинъ купецъ! Кондукторъ-то два раза въ годъ семью видитъ свою, а семья-то растетъ— есть о чемъ подумать. Какъ я сына своего старшаго водилъ въ гимназію на экзаменъ — угодно ли вамъ знать, легко это мнѣ было? Сколько я не спалъ ночей?

Мы молчали.

— Я, можетъ, вотъ этакъ-то вотъ колотился, какъ господа учителя начали его испытывать: «Что такое рыба?» «Что такое корова?» Извольте видѣть! Какъ вамъ, легко ли будетъ, коли ежели вы желаете вашему ребенку благополучія, и вдругъ ему этакія слова, что мы не можемъ дать отвѣта? Мы, ровно ребята, слезами заливались, какъ домой шли, когда насъ не удостоили на экзаменѣ...

Разсказчикъ остановился и отеръ рукавомъ глазъ.

— А почему мы не знаемъ отвѣтовъ? Потому, что намъ ѣсть нечего! Надо купить книжку, книжка рубъ серебромъ. Гдѣ я возьму? И остается, слѣдственно, одно—угождать!.. Кому я долженъ угождать? Проѣзжающимъ господамъ... А чѣмъ? И... нечѣмъ! И подножки и застежки — ямщики, староста, смотритель расхватали! Что же долженъ кондукторъ, бѣдный, нищій человѣкъ, дѣлать? Вотъ кондукторъ и начинаетъ трубить въ трубу... Кондукторъ думаетъ—пусть видятъ мое старанье! Трубитъ онъ что есть духу... а ему: «Замолчи, оселъ!» Кондукторъ прекращаетъ... Онъ думаетъ, авось этимъ угодитъ проѣзжающимъ, и молчитъ въ своей конурѣ... морду свою въ собачій воротникъ уткнулъ. А какъ да въ воротникѣ-то этомъ вспомнитъ онъ все, всякую свою домашнюю бѣду, — вотъ и начнетъ онъ соваться къ проѣзжему: «Угодно вамъ депешу? Угодно вамъ телеграмму?» Господа! Господинъ купецъ, сдѣлайте милость, прикажите услужить бѣдному человѣку!.. Господинъ купецъ, не пошлете ли вашей супругѣ телеграмму? Дайте хлѣбъ!

— Мошка! — произнесло какое-то новое лицо, высовываясь въ дверь.—Будетъ тебѣ! Пойдемъ!

Взволнованный своими несчастьями, кондукторъ при видѣ появившагося человѣка притихъ.

— Это я такъ... съ господами... Спокойной ночи, господа!

Онъ всталъ, помялся, что-то хотѣлъ сказать, опять сказалъ: «покойной ночи» — и вышелъ къ товарищу въ какомъ-то раздумьѣ.

Долго еще шумѣли вокругъ насъ, долго дрожала самоварная крышка. Наконецъ все успокоилось .

IV.

Городъ N. стоитъ на крутомъ берегу Оки, окаймленный со всѣхъ сторонъ глухимъ лѣсомъ, который виднѣлся намъ съ каждаго перекрестка, когда я и какой-то студентъ, также спѣшившій домой, на другой день поутру направлялись къ рѣкѣ. Городъ былъ большой, торговый. По сторонамъ улицы виднѣлись трактиры, постоялые дворы съ растворенными воротами; у однихъ воротъ былъ нарисованъ на заборѣ мужикъ въ такомъ видѣ: одной рукой онъ снялъ шляпу, а другой указывалъ на ворота, приглашая проѣзжающихъ пожаловать туда. Вездѣ, и на улицахъ и на постоялыхъ дворахъ, было множество народу. Повсюду котомки, узелки, возвышающіеся на крыльцахъ лавокъ, на ступеняхъ кабаковъ, вмѣстѣ съ разнымъ проходящимъ народомъ. Тутъ плотники, богомольцы, маляры, у которыхъ еще не сошли съ сапогъ и шапки признаки мѣлу и извести; солдаты съ разстегнутыми нагрудниками и съ трубками въ зубахъ. Особенно много было народу у самой рѣки, гдѣ на вязкомъ и топкомъ берегу были сложены кучи досокъ и камня для строящагося черезъ рѣку моста; здѣсь же виднѣлись колья, обмотанные толстымъ паромнымъ канатомъ, который лежалъ тутъ же на берегу, свернутый большими кольцами.

Мутныя волны широкой рѣки плескали только у береговъ, подбрасывая какіе-то мокрые плоты и почти наполненныя водою лодки. Вся поверхность рѣки была застлана льдинами; едва колеблясь то въ ту, то въ другую сторону, тянулись эти сѣрыя, иногда рыхлыя и синеватыя глыбы безконечною цѣпью, медленно вползая на острые, окованные желѣзомъ ледорѣзы и разламываясь на нихъ; у самой воды, при началѣ исправляемаго моста, стоялъ какой-то военный, съ подвязаннымъ воротникомъ, и кричалъ на кого-то. Кто-то, очевидно, былъ виноватъ, но кто именно—нельзя было понять, потому что на берегу былъ сильный и рѣзкій вѣтеръ, къ которому присоединялся еще шумъ разрушавшихся на ледорѣзахъ льдинъ. Около военнаго, имѣвшаго здѣсь, повидимому, власть, толпилось нѣсколько проѣзжающихъ благороднаго званія, которые объ чемъ-то очень серьезно разсуждали съ нимъ, озабоченно поглядывая на воду, но о чемъ они разсуждали — неизвѣстно. На этихъ основаніяхъ мы съ товарищемъ ушли отсюда и отправились бродить.

Незамѣтно миновали мы городъ и, продолжая идти по шоссе, были привлечены довольно привѣтливымъ видомъ какого-то подгородняго сельца. Сельцо это стояло на холмистомъ мѣстѣ, было не велико, но и не мало, и отъ-нечего-дѣлать мы туда и направились.

Въ одномъ изъ переулковъ, недалеко отъ старинной церкви съ массивной, разсѣвшейся оградой, мы увидѣли домикъ съ вывѣской: «Школа». На крыльцѣ этого домика сидѣлъ худенькій старикъ въ полушубкѣ, крытомъ синимъ ластикомъ; на сѣдыхъ, бѣлыхъ, какъ лунь, волосахъ его былъ надѣтъ картузъ съ широкимъ козырькомъ; въ рукахъ у него была палка. Старикъ сидѣлъ задомъ къ солнцу и, видимо, хотѣлъ погрѣть свою больную спину. Въ переулкѣ, защищенномъ домами, не было вѣтру, и мы захотѣли здѣсь присѣсть.

— Можно на крылечкѣ у васъ отдохнуть? — спросилъ я старика.

Старикъ пристально обвелъ насъ тусклыми глазами, туго поворачивая свою дрожавшую голову, помялся и ничего не сказалъ. Суровый видъ и угрюмость, которые рѣзкими чертами лежали на его лицѣ, вовсе не шли къ этимъ тихимъ сѣдинамъ его; несмотря на то, что онъ не отвѣтилъ намъ, мы вошли на крыльцо, сѣли на лавочкѣ и стали курить. Старикъ, кряхтя, повернулъ дрожавшую голову въ сторону и не глядѣлъ на насъ; суровость и грозность поминутно набѣгали на его почти дремавшее лицо. Несмотря на его преклонныя лѣта, суровость эта весьма была похожа на ту лакейскую гордость, которую любятъ или любили выказывать дворецкіе и другіе вѣрные рабы барина, любящіе употреблять фразы: «нашъ баринъ», «мы», «наше имѣніе». Въ древнія времена, какъ оказалось впослѣдствіи, онъ состоялъ, дѣйствительно, въ важныхъ чинахъ, возможныхъ для раба; когда же надобность въ немъ миновалась, его отправили караулить школу. Про старика забыли, бросили его; но тѣ черты, которыя наложили на его лицо борзые времена и нравы, не могла изгладить даже старость.

Молча сидѣли мы и курили. Внутри запертой школы кудахтали чьи-то куры. Старикъ молчалъ, шепталъ что-то; палка постоянно шевелилась въ его худыхъ, дрожавшихъ пальцахъ, словно онъ собирался замахнуться ею на кого-нибудь. И дѣйствительно, когда мимо школы прошелъ какой-то мальчикъ, старикъ схватилъ палку и, стуча ею въ полъ крыльца, крикнулъ:

— Я тебѣ дамъ слоны слонять!.. Куд-да бѣжишь-то, пострѣлъ? Вотъ я...

Мальчикъ, смѣясь, глядѣлъ на старика и на насъ и, не спѣша, прошелъ мимо; видно было, что угроза эта была знакома ему.

Вслѣдъ за мальчикомъ подошла къ крыльцу курица, и на нее старикъ ополчился:

— Кш, ш-шельма!.. Ишь шатаются, анаѳемы, своего дому не знаютъ! Хозяевъ бы за это бить надо... Управы на нихъ нѣту, разбойники!..

— Что ворчишь, старикъ! что шумишь! что шумишь!— панибратски проговорилъ какой-то человѣкъ, напоминавшій сельскаго писаря, и вошелъ на крыльцо.—Добраго здоровья, господа! Иду,—слышу, старикъ шумитъ, думаю, кто это старичку вредъ сдѣлалъ? Тебя кто обидѣлъ?..

— А-а... ты куды хвостъ-то дерешь?— какъ-то особенно гнѣвно проговорилъ старикъ, быстро повернувъ къ писарю свою сильно дрожавшую голову.—Куды тебя тотъ-то несетъ?

— Гуляю.

— Гул-ляешь?.. Да ты что за гуляльщикъ такой?.. Э?.. Ты къ чему приставленъ? Къ дѣлу приставленъ аль къ гулянью?.. Э?.. Н-нѣтъ упрравы на васъ... Н-нѣту! Кабы при покойникѣ-баринѣ, царство ему небесное... т-тэкъ онъ бы тебя! Т-тэкъ ужъ онъ бы!..

— Что-жъ бы онъ мнѣ сдѣлалъ?

Старикъ какъ будто задохнулся отъ негодованія; голова его тряслась еще сильнѣе; онъ жадно и гнѣвно смотрѣлъ въ смѣющееся лицо писаря и вдругъ произнесъ:

— Кнутьевъ? а? Что бы-ы?.. А кнутиковъ горрячихъ сотенки двѣ поболѣ? Э? Л-любо?.. Не х-хочешь?

Писарь тихо улыбался, покачивая ногой.

— За что-жъ это кнутьевъ-то?—сказалъ онъ.

— Вотъ тѣ и за что!.. За то вотъ, что... ременныхъ бы тебѣ вожгли! У него, у барина-то, можетъ, цѣлый полкъ съ кнутьями-то былъ... Завсегда при немъ... Ѣдетъ. Мужикъ попадается. Грязь на дворѣ, а у мужиковой лошади хвостъ не подвязанъ.—«Почему хвостъ не подвязанъ? (Тутъ старикъ помолчалъ). — Кнутьевъ!..» Ѣдетъ въ сухую погоду, видитъ, у мужиковой лошади хвостъ подвязанъ.— «Почему хвостъ подвязанъ? — Кн-нутьевъ!..» Т-экъ онъ бы тебя... Почему ты шатаешься?

— Усталъ. Отдыхаю.

— Усталъ? Засыпать ему!

— Что́ больно много?—сказалъ писарь, переставъ улыбаться.

Старикъ долго еще горячился и выкрикивалъ слова: «задрать», «горячихъ» и проч., замахиваясь и стуча палкой; но мало-по-малу онъ успокоился, хотя руки его не переставали сжимать палку и голова все еще тряслась отъ гнѣва.

— Нынче это прекращаютъ! — сказалъ наконецъ писарь. — Нынче на этотъ счетъ очень сокращено душегубство-то!

— Хуже!—рѣзко и рѣшительно сказалъ старикъ.

— Почему такъ?

— Много хуже!

— Да чѣмъ хуже-то? Хуже, хуже... чѣмъ хуже?

— И-и... и даже много-много хуже... Облюдѣло!

— Чего это?

— Облюдѣло! Слышишь, ай нѣтъ? Мѣста мало, народу невѣсть сколько стало. Другъ дружку ѣдятъ! Богъ прогнѣвался... Цвѣтовъ, травъ—нѣту... Сгасли!.. Бывало, какіе цвѣты-то—нѣту теперче ни одного! Богъ прогнѣвался... Въ старое время бросишь палку на голую землю, къ утру она вся въ травѣ. Эво какая трава была... Нѣту ничего! Хуже, и совсѣмъ ничего не стоитъ.

— Ну, это ты пустое говоришь!

Старикъ опять началъ сердиться.

— Я свое дѣло говорю!.. Я, братъ, восьмой десятокъ живу, а не пустое!.. Ну, что́ же, хорошо это, — вдругъ оживляясь, заговорилъ онъ:—мать за сына въ темной сидитъ? видано это когда?

— Не дерись! нонче, братъ, строго!..

— И не можетъ мать своего сына, сатану, учить?..

И опять старикъ пристально уставилъ на писаря гнѣвные глаза.

— Не въ томъ вещь,—коротко сказалъ писарь, отъ котораго мы съ любопытствомъ ждали объясненія этого факта, такъ возмутившаго старика:—ты, старичокъ, спину грѣешь, много не смыслишь.

— Ды-ть, родная она ему чать, ай нѣтъ? Звѣри вы!

— Я говорю, не торопись... Прожилъ ты много, а не все вызналъ. Чуточку тебѣ еще вызнать осталось.

— Тьфу, чтобъ вамъ!

И старикъ болѣе не говорилъ. Писарь обратился исключительно къ намъ:

— Многіе не понимаютъ порядковъ-съ!.. Такъ вотъ иной

шумитъ-шумитъ, а что такое? Дѣло точно что было, посадили одну женщину въ темную, ну, только это на томъ основаніи, что самовольно она сына изуродовала... Нонче этого нельзя. Первымъ долгомъ, въ настоящее время, надо подавать жалобу... Коли ежели бы она пришла къ господамъ судьямъ да попросила бы ихъ: «прошу васъ наказать моего сына,—я женщина слабая, не могу сына моего сама выучить... удержать, напримѣръ, не въ силахъ отъ пьянства»,—ни слова бы ей никто не сказалъ! Надобно первымъ долгомъ доложить, спроситься... А то эва, начала его трепать самовольно... Надо сказать суду!

— Нѣтъ, кабы барринъ... Он-нъ бы тѣ... — ворчалъ старикъ.

— Н-ну нѣтъ, братъ!.. нонче барину твоему тоже вышла бы какая слѣдуетъ статья... по положенію...—самодовольно проговорилъ писарь, закладывая ногу на ногу.— Довольно, братъ!.. Нонче, братъ, Европу стараются водворить... а не по-свински! Сначала поди-ка доложи да спросись... а потомъ бей! Да и то оглядывайся, какъ бы самого не чесанули... Такъ-то!

Старикъ не отвѣчалъ, но гнѣвно смотрѣлъ въ сторону, ища бѣгавшими глазами какого-нибудь предмета, на который бы можно было ополчиться. Писарь, очевидно, стоялъ за современность и Европу и былъ, видимо, доволенъ.

V.

Не успѣли мы познакомиться съ консервативнымъ и либеральнымъ элементами села N., предъявленными намъ въ лицѣ старика и писаря, какъ намъ пришлось познакомиться и еще съ новою личностью. Съ крыльца довольно чистенькаго домика, находившагося противъ школы, спустилась какая-то фигура, безъ шапки, и осторожными шажками стала приближаться къ намъ.

— Наставникъ!—сказалъ писарь.

Наставникъ, въ легкой рясѣ, шелъ вмѣстѣ съ маленькой дѣвочкой, держа руки въ карманахъ своего костюма. При появленіи его у крыльца писарь почтительно раскланялся, а старикъ, кряхтя и опираясь на крылечныя перила, поднялся съ своего сидѣнья и снялъ шапку.

— Накрывайся, накрывайся, старикъ!— мягкимъ, жирнымъ дискантомъ проговорилъ наставникъ.—Здорово, Андрей Ильичъ!—сказалъ онъ писарю и пристально поглядѣлъ на насъ тѣмъ взглядомъ провинціала, который является у него

только при появленіи новаго лица и въ которомъ ясно видно бореніе двухъ вопросовъ: «не ревизоръ ли это новое лицо» и «не покровитель ли оно, не благодѣтель ли?» Завидѣвъ этотъ взглядъ, мы тоже поклонились наставнику.

— Кто такіе будете?—тихо и осторожно спросилъ онъ, и въ голосѣ его ясно слышался вопросъ самому себѣ: «какъ бы не влетѣть...»

— Проѣзжающіе...

— Да-да-да! Полая вода... перевозу нѣтъ... да-да-да! Откуда изволите?

— Изъ Петербурга.

— Да-да-да!

«Какъ бы не влетѣть», еще явственнѣе выражалось на полномъ лицѣ наставника, напоминавшемъ нѣчто женственное по мягкости лица и формъ. Да и вообще въ фигурѣ его, тѣлосложеніи и манерахъ было много женственнаго.

— Что же это вы тутъ?.. Со старичкомъ?

— Да вотъ сидимъ, слушаемъ.

— Ветхъ старецъ-то! Ветхъ!

Наставникъ помолчалъ, подержалъ руку на темени, въ которое било уже ярко-горячо разгорѣвшееся солнце.

— Такъ со старичкомъ болѣе?—сказалъ онъ.—А у меня въ школѣ-то, признаться, непорядокъ... Такъ я и думаю, не насчетъ ли школы вы?..

— Нѣтъ-съ, мы такъ... гуляли...

— Да!.. Школа-то у насъ въ порядкѣ, только-что средствъ недостаточно... Вы по какому министерству?

— Я учитель.

— По народному просвѣщенію!.. Очень пріятно. Да не пожалуете ли въ горницу?.. Что же вамъ на вѣтру?

Мы согласились съ удовольствіемъ.

Вмѣстѣ съ нами отправился и писарь.

— Очень пріятно!..—говорилъ наставникъ, идя впереди насъ.—Настя! Скажи-ка матери, пусть тамъ...—сказалъ онъ дѣвочкѣ, бывшей съ нимъ.

Та бѣгомъ побѣжала впередъ.

Несмотря на то, что званіе наше, объявленное нами наставнику, не могло быть ни вреднымъ ни полезнымъ для него, тѣмъ не менѣе мысль, что «авось пригодятся» или «ну-ка да что-нибудь случится», повидимому, не оставляла его. Мнѣ часто приходилось встрѣчать въ глуши это настроеніе и этотъ взоръ, ожидающій или Ивана-царевича, который придетъ въ видѣ нищаго къ бѣдному мужику и

обогатитъ, или ревизора, который сначала будетъ поддакивать провинціалу, закусывать у него, да вдругъ и съѣстъ. По всей вѣроятности, только такого рода соображеніями руководствовался наставникъ, приглашая насъ къ себѣ; а онъ, видимо, изъ числа тѣхъ ожидающихъ, которые боятся ревизора.

Мы вошли въ чистенькую комнату, обставленную самымъ обыкновеннымъ образомъ. Надъ окномъ чирикалъ чижъ; на подоконникахъ стояли какіе-то цвѣты, изъ которыхъ иные сохранялись подъ опрокинутыми стаканами; на стѣнѣ—картинки: Серафимъ, Саровскій пустынникъ, стоящій подъ елью на камнѣ; Осипъ Иванычъ Коммисаровъ-Костромской съ надписью: «а ныне дворянинъ»; на треугольномъ столикѣ въ углу — требникъ, крестный календарь, какія-то книжки свѣтскаго содержанія, какихъ обыкновенно не встрѣчаешь нигдѣ,—напр., «Политическая экономія для служащихъ», «Поученіе въ сырную седмицу господамъ офицерамъ ...скаго пѣхотнаго полка о чревонерадѣніи».

— Прошу пожаловать!—сказалъ наставникъ, введя насъ въ горницу.—Андрей Ильичъ, — сказалъ онъ писарю, который, поглядывая на свои ноги, мялся въ дверяхъ:—что же ты? Сію минуту-съ! На минуточку!—прибавилъ наставникъ, спихнувъ кошку со стула, и удалился въ сосѣднюю комнату. Рядомъ съ писаремъ сѣлъ на стулѣ сынъ наставника, мальчикъ лѣтъ 12-ти; костюмъ его — сюртукъ, жилетъ и даже манишка—напоминали разодѣвшагося лакея. Разговоры между нимъ и писаремъ происходили шопотомъ.

— Ты что за шапку далъ?—спрашивалъ мальчикъ.

— Рубъ!

— Хочешь, я за гривенникъ куплю?.. Не вѣришь?.. Давай объ закладъ!.. Ну?..

— Ну тебя!..

— Нѣтъ! Давай, объ чемъ?

Наставникъ снова появился въ комнатѣ.

— Что вы это изволите? — ласково спросилъ онъ, подходя къ моему товарищу, который перелистывалъ какую-то книгу.—Календарь любопытствуете? хе-хе... Вретъ!.. Весьма фальшиво показываетъ.

— Не утрафишь на всѣхъ-то!—сказалъ писарь.

— И то, пожалуй... Кому какъ... И то справедливо... День на день не приходитъ.

Отвѣчать было нечего. Наставникъ вынулъ платокъ, табакерку, медленно принялся раскрывать ее, похлопывая

пальцемъ по крышкѣ, и, смотря вверхъ, почему-то со вздохомъ говорилъ:

— Не приходится день-то въ день.

Тема, предложенная на всеобщее обсужденіе, была весьма не плодовитая. Наставникъ тотчасъ же понялъ это, и такъ какъ онъ былъ «на всякъ часъ готовъ», то и перенесъ сужденія свои на другой предметъ.

— Такъ со старичкомъ болѣе?—необыкновенно ласково обратился онъ къ намъ.

— Да-съ!.. посидѣли...

— Ветхъ! Ветхъ деньми старецъ!..

— Серчаетъ на новые порядки...—сказалъ писарь.

— Серчаетъ?.. хе-хе... Ну, да вѣдь и года его... Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, порядки, порядки, а какъ угодно... тяжеловатые порядки!.. Это, дѣйствительно, надо правду сказать, что... тово они... порядки-то...

— Строгое время стоитъ!—сказалъ писарь.

— То-то и есть, другъ, время-то строговатое!.. Время-то, братецъ ты мой, не прелюбезное, время-то недоброхвальное!.. Все не такъ, не въ ладъ... Вонъ по нонѣшнему времени-то, ужъ что̀ такое курица? — а я долженъ за семью замками держать, да замо̀къ-то купи,—два человѣка найми. Все изъ кармана! Вотъ то-то! Курица, курица, — а тоже, поди-ка, подумай!..

Наставникъ энергически расправилъ платокъ, такъ же энергически скомкалъ его и тронулъ имъ носъ съ одной и съ другой стороны...

— Нѣтъ, въ прежнее время простѣй было... — продолжалъ онъ.—Довѣріе было... Признательнѣе былъ народъ... Нонче, братъ, ежели къ тебѣ на дворъ забѣжалъ цыпленокъ,—ты его и разсмотрѣть не успѣешь, чей, молъ, а ужъ за нимъ сто человѣкъ бѣгутъ... Да и къ мировому не угодно ли прогуляться. А, бывало, забѣжитъ, свернешь ему голову и съѣшь, и—ничего!

— Какъ же это можно чужому цыпленку голову свернуть?—спросилъ мой товарищъ.

— Да я почемъ знаю, чей онъ! Онъ на моемъ дворѣ или нѣтъ?.. Коли ты птицу держишь — гляди за ней... И мой забѣжитъ—и моему свернутъ голову.

— Ужъ это безъ сомнѣнія!—прибавилъ писарь.

Сожалѣніе о золотомъ времени взаимнаго поѣданія цыплятъ не представляло для меня надлежащаго ужаса на томъ основаніи, что мнѣ приходилось слышать вещи болѣе

эффектныя и до того невѣроятныя, что имъ никто не повѣритъ. На этихъ основаніяхъ я не счелъ нужнымъ входить въ разговоръ, будучи вполнѣ увѣренъ, что наставникъ предъявитъ кое-что еще, нѣсколько покрупнѣе, изъ своей нравственной философіи.

— Н-да!—произнесъ писарь, качнувъ головою:—въ нонѣшнее время дѣйствительно, что курица дороже человѣка.

— Д-дорроже! Много!.. Да что такое человѣкъ? Ну, что такое я, напримѣръ? Жилъ-жилъ—народилъ дѣтей... Умри—оставить нечего!.. Передъ Богомъ!.. Можетъ-быть, *тамъ* что-нибудь и есть, — ну, да что это?.. пустяки!.. А вѣдь обязанности-то изволите видѣть какія; вотъ у меня двѣ дочери... Обязанъ я ихъ пристроить? Теперь сынъ,—сертучишко, сапожишки, шапчонку надобно ему?.. Такъ или нѣтъ-съ?

Мы сказали, что такъ.

— То-то и оно-съ!.. Н-нѣтъ, какъ можно!.. А вы вотъ, господа, научите насъ, простыхъ людей, какъ тутъ быть... Мы вамъ спасибо скажемъ.

Научить мы не могли и отказались. Наставникъ засмѣялся и смягчился.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ:—вотъ вы изъ Петербурга, все, авось, что-нибудь посовѣтуете... Хочу я, признаться, о воспособленіи попросить. Учрежденъ, изволите видѣть, комитетъ, изъ коего назначаютъ, милостивые государи, вспомоществованія или воспособленія учащимъ въ видѣ единовременной выдачи. Какъ вы посовѣтуете?..

— Прошеніе подать надобно...—сказалъ писарь.

— То-то прошеніе ли?—обратился наставникъ къ намъ, недоумѣвая.

— Должно-быть.

— Гм... Да. Прошеніе... Ну, а въ томъ случаѣ, ежели рвеніе мое не будетъ уважено воспособленіемъ, могу ли я, безъ опасности, помощника просить? Дескать, десять лѣтъ состою на должности, но силъ моихъ нѣту...

— А много у васъ учениковъ?—спросилъ мой товарищъ.

— Да это учениковъ-то найдемъ какъ-нибудь... Не Богъ вѣсть... Это мы какъ-нибудь... Я веду рѣчь къ тому, что не извѣстно ли вамъ, не слыхали ли какъ-нибудь въ столицѣ-то, какое количество учащихся потребно, дабы выдано было воспособленіе? Или бы на помощника?

— Нѣтъ, не слыхали.

— Гм! Были слухи, будто бы комплектъ двѣсти уча-

щихся. Ну, предположимъ, я до пятисотъ младенцевъ обозначу, могу ли я въ то время претендовать безъ опасности? Даже предположимъ, я и до шестисотъ обозначу младенцевъ?

— Зачѣмъ вамъ помощника-то? вѣдь учениковъ не Богъ вѣсть?—сказалъ мой товарищъ.

— Не въ томъ!.. Помощника не помощника, а все бы я охотнѣе пятьдесятъ-то цѣлковыхъ въ карманъ положилъ... Годится!.. Вотъ расчетъ въ чемъ... Помощникомъ-то я бы вотъ сынишку зачислилъ... Такъ какъ же, господа?.. Не присовѣтуете?

Мы ничего не могли присовѣтовать.

— Не знаете? Гм...

— Первымъ долгомъ прошеніе!—повторилъ писарь.

Наставникъ пытливо поглядѣлъ на него сбоку, придерживая рукою подбородокъ.

— Прошеніе?—повторилъ онъ. — Ну, предположимъ, и прошеніе. Превосходно,—а ну-ка, да придерутся? Вѣдь нонѣшній народъ-то «лукавъ и преогорчаваяй»?

— Придраться могутъ... время строгое!—сказалъ писарь.

— Вотъ то-то вотъ! Ну-ка, да намылятъ шею?.. Прошеніе — что такое? Подать можно, отчего не подать. А ну-ка, да вцѣпятся?.. То-то, братъ!.. Мнѣ и самому частенько-таки въ голову забредаетъ — семъ, молъ, куда-нибудь прошеніе... попрошу... авось... Иной разъ даже и очень тебя буровитъ: «подай! подай!». Ну, боюсь! Время лютое. Кажется, и ничего бы, а боишься... Кажется, и резоны есть и законныя основанія, а подумаешь — и неловко! Возьмемъ, напримѣръ, хоть бы школу эту... Первое дѣло— староста дровъ жалѣетъ, слѣдовательно есть предлогъ не пойти. Резонное дѣло. Второй пунктъ—училище есть дѣло благотворенія—хочу иду, хочу нѣтъ. Можно, стало-быть, и совсѣмъ не утруждаться и возложить дѣло на помощника. Кажется, чего бы лучше? Какіе еще могутъ быть резоны? Хорошо. Вотъ и думаю я: семъ, помощника попрошу?.. Селеніе многочисленное, и слѣдовательно всѣ права я имѣю на помощника. И главное, имѣю въ расчетѣ то, что деньгами выдаютъ на помощника. Ну, и затѣешь просьбицу... все цѣлковыхъ тридцать, думаю себѣ; и затѣешь черничокъ, да вдругъ какъ влетитъ въ голову-то: «придерутся», и сядешь! Что будешь дѣлать! Времена тяжкія! Все не въ ладъ!

Наставникъ со вздохомъ обвелъ насъ грустнымъ взоромъ, тревожно потеръ ладонями колѣни и присовокупилъ:

— А что это вы говорите—прошеніе, то дѣйствительно: иное время не знаешь, куда дѣться, такъ тебя и суетъ: «подай-ка владыкѣ! подай въ земство! подай совѣту!». Такъ тебя ровно кто по головѣ молотитъ да приговариваетъ, потому, есть резоны. Н-ну, робокъ! Кажется, и не съ чего, а пугаюсь... Время не то!

И наставникъ глубоко задумался.

Все это онъ говорилъ необыкновенно нѣжнымъ дискантомъ, достаточно смягченнымъ въ глубинѣ жирнаго и короткаго горла. При помощи этого умилительнаго голоса и обворожительныхъ манеръ, напоминавшихъ, какъ уже сказано, нѣчто женское, престарѣлый пастырь предъявилъ публикѣ еще нѣсколько подобнаго рода сужденій, отъ которыхъ «свѣжій человѣкъ» легко могъ бы растеряться, если бы принялъ въ расчетъ, что сужденія эти высказываются при постороннихъ, въ которыхъ, быть-можетъ, скрываются ревизоры. Что же, стало-быть, хранится въ тайникахъ души этого наставника? какого свойства тѣ соображенія, которыя высказываются въ семьѣ съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей?.. Наслушавшись такихъ соображеній, мы взялись-было за шапки, какъ наставникъ торопливо побѣжалъ къ окну, завидѣвъ кого-то на улицѣ, и почти съ благоговѣйнымъ испугомъ произнесъ:

— Иванъ Абрамычъ! управляющій... нашей барыни!.. генеральши!..

Писарь кашлянулъ и выпрямился, выказавъ попытку къ бѣгству, но наставникъ сказалъ ему:

— Куда ты?.. ничего!..

— Разбойникъ первой степени! — шепнулъ онъ намъ, торопливо оправляясь, и, превративъ свое испуганное и за минуту грустное лицо въ умиленную улыбку, поспѣшилъ къ дверямъ, чтобы встрѣтить «разбойника».

Управляющій былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти и обладалъ манерами, въ которыхъ виднѣлась какая-то умышленная увѣсистость, желаніе вести себя по-генеральски, то-есть многозначительно наклонять голову, снисходительно благодарить за предложенную спичку и въ то же время внушать собесѣднику страхъ. Завидѣвъ чужихъ людей, управляющій вопросительно взглянулъ на наставника, который тотчасъ же весьма кротко произнесъ: «изъ Петербурга», кашлянулъ и взглянулъ вверхъ. Осанка и манеры управляющаго достаточно свидѣтельствовали о его пониманіи свѣта и людей; поэтому читателю будетъ ясно, что фраза:

«изъ Петербурга», подвергнутая вліянію этого пониманія, заставила управляющаго показать себя передъ нами во весь ростъ. Вслѣдствіе этого и были предъявлены публикѣ нижеслѣдующія слова и мысли.

Послѣ нѣсколькихъ визитныхъ фразъ о здоровьѣ супруги и дѣтокъ, о половодьѣ, разговоръ перешелъ на настоящее время; управляющій поднялъ высоко голову и, поглядывая заискивающими глазами на слушателей, какъ это дѣлаютъ профессора, довольно мелодическимъ голосомъ произнесъ:

— По моему разумѣнію, я такъ полагаю, старинные порядки надо выбросить, какъ мусоръ изъ грязнаго ведра. Не такъ ли?

Управляющій посмотрѣлъ на слушателей, сидѣвшихъ справа, и потомъ на сидѣвшихъ слѣва.

— Не такъ ли?—прибавилъ онъ.

Всѣ изъявили полное согласіе.

— На томъ основаніи,—продолжалъ управляющій:—что повсюду пошелъ новый духъ и форматъ. Для того намъ требуется, чтобы все, какъ бы сказать, повернуть противъ прежняго. Будемъ говорить такъ: я погноилъ двѣсти пудовъ сѣна, предположимъ. Зная науку, я не долженъ этого опасаться, потому въ то же время я получаю удобреніе. Справедливо ли?

— Да ужъ... Это дѣйствительно, что... вполнѣ! — соглашаясь, пробормоталъ наставникъ.

— Слѣдовательно я долженъ вводить новый порядокъ, фасонъ... Телѣги у меня будутъ ѣздить въ поле съ нумерами... Далѣе: устраивается деревянная башня для обзору, а равно и для набатовъ. Еще-съ: теперь, даже сію минуту, поспѣваютъ моего изобрѣтенія грабли. Изволите видѣть?

— Истинно хорошо!—сказалъ наставникъ въ умиленіи.— До чего дивно, такъ это даже и... и... Водочки не угодно ли?

— Благодарю. Слѣдовательно мы уже не можемъ оставаться при старыхъ порядкахъ, тѣмъ болѣе, что я съ работника моего могу стребовать самую послѣднюю каплю; ибо, коли ежели да при реформахъ... такъ вѣдь я его шельму...

Но тутъ управляющій остановился; профессорское выраженіе его лица, умягченное притомъ сознаніемъ собственнаго достоинства, вдругъ, почти мгновенно, измѣнилось самымъ неожиданнымъ образомъ: скулы лица какъ-то пере-

коснились, и слово «шельма» едва пролѣзло между сжатыми зубами. У оратора на мгновеніе захватило дыханіе; онъ медленно опустился на диванъ и алчными глазами смотрѣлъ на насъ и на наставника.

Въ комнатѣ настала минута оцѣпенѣнія. И наставникъ, и писарь, и мы нѣкоторое время какъ-то тупо смотрѣли по разнымъ угламъ, испытывая надъ собою что-то весьма неопредѣленное и очень тягостное.

Управляющій молча курилъ сигару, довольный каталепсіей слушателей, произведенной его рѣчами.

— Какъ вы полагаете, — обратился онъ къ наставнику: — какого бы цвѣта флагъ на башнѣ повѣсить?

— Да ужъ зеленаго, я думаю.

— Да такъ ли?.. Ловко ли будетъ?

— Превосходно, то-есть ужъ... И къ тому же казна предпочитаетъ.

— Казна? Гм!..

Поговоривъ еще минутъ пять въ этомъ родѣ, управляющій величественно поднялся съ дивана, почтительно раскланялся съ молчавшимъ обществомъ и удалился. Мы собрались тоже уходить, ожидая возвращенія наставника, который почти на цыпочкахъ провожалъ своего гостя, бормоча необыкновенно заискивающимъ голосомъ: «Приступочекъ... лѣсенка... ножку! Будьте здоровы. Дай Богъ вамъ!»

— Сущій разбойникъ! — какимъ-то зловѣщимъ шопотомъ заговорилъ наставникъ, торопливо возвращаясь въ горницу и оглядываясь на дверь. — Разорилъ, всѣхъ разорилъ! и барыню-то оплетаетъ! и ее по міру пуститъ... Этакого злодѣя, этакого змія...

Наставникъ въ волненіи ходилъ по горницѣ.

— Что же вы барынѣ не скажете? — спросилъ мой товарищъ.

— Сохрани меня Царица Небесная! З-защити меня Богъ! Что вы? Да онъ меня и со всей семьей-то въ гробъ вгонитъ... Что вы это?.. Какъ это можно? Этакого игемона, этакого душегуба...

— Вамъ же хуже!

— Мнѣ? Я его другимъ манеромъ свергну... Онъ мнѣ зла много сдѣлалъ... много! Ну, и я ему порадѣю... Я напрямикъ не пойду, а мы набросаемъ терминку-письмецо въ Тифлисъ генеральшѣ Палиловой... она нашей барынѣ родня... а она тайными путями дастъ знать въ Пермь къ родной сестрѣ нашей-то владѣтельницы, а та ужъ ей... Такъ оно

какъ будто бы и неизвѣстно мнѣ... Ужъ я ему! А прямикомъ нѣтъ: онъ злодѣй-злодѣй, а все пригодится... У меня семейство... Мнѣ лично слѣдуетъ не ко вреду его поступать, но къ пользѣ.

Наставникъ до того увлекся планами сверженія управляющаго въ пользу собственнаго семейства, что не удерживалъ насъ, когда мы окончательно собрались уходить.

— Куда же вы-съ? — спросилъ онъ какъ-то вяло, и въ глазахъ его виднѣлась посторонняя мысль. — Ну, счастливаго пути... Дай Богъ вамъ!.. Поѣдете обратно, милости прошу!.. Приступочекъ... Ваня! проводи господъ отъ собакъ.

Франтовитый мальчикъ лѣниво пошелъ рядомъ съ нами.

— Вы въ семинаріи учитесь? — спросилъ мой товарищъ.

— Да...

— Что же у васъ, какъ теперь тамъ?

— Обыкновенно. Что же можетъ быть тутъ интереснаго?

— Очень много. Напримѣръ, чѣмъ вы занимаетесь?

— Что же можетъ быть тутъ интереснаго? Обыкновенно... Вы эту палку гдѣ купили?

— Въ Петербургѣ.

— Много ли дали?

— Полтора цѣлковыхъ.

— Э-эхъ, вы! — укоризненно сказалъ мальчикъ. — А еще изъ Петербурга. Хотите, я вамъ такую палку за гривенникъ куплю? Угодно вамъ? Вы не вѣрите?.. Не угодно ли объ закладъ? Угодно?

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Ну, хорошо. Если я вамъ такую палку куплю за гривенникъ, вы свою мнѣ отдадите?

— У меня вѣдь есть палка. Зачѣмъ же мнѣ?

— Да вы передали. Я ихъ всѣхъ, лавочниковъ, знаю.

Копейки и гривенники сыпались изъ дѣтскихъ устъ довольно долгое время, но мы уже не слушали этого пріятнаго лепета и не замѣтили, какъ проводникъ нашъ отсталъ.

На крыльцѣ школы попрежнему сидѣлъ старикъ и замахивался палкой на какую-то деревенскую бабу, которая съ ребенкомъ на рукахъ тихо шла мимо него. Баба была неряшливая, грязная; грубый холстъ ея костюма и тряпки, въ которыя былъ завернулъ ребенокъ, были до того грязны, что казались вымазанными сажей. Баба даже не улыбнулась на угрозу старика; по лицу ея видно было, что она едва ли и слышала эту угрозу, — она тихо и задумчиво шла босыми ногами по сырой тропинкѣ, укачивая ребенка,

и на голосъ: «вырастешь великъ, будешь въ золотѣ ходить» — пѣла самую отчаянную, даже ужасную пѣсню, въ которой, между прочимъ, было:

Я поставила кисель
На вчерашней на водѣ...
Какъ вчерашняя вода
Ненакрытая была —
Тараканы налакали,
Сверчки ножки полоскали...
Накрывала полотномъ,
Паневеночкой худой...
Паневеночка худая
Подъ ребеночкомъ лежала,
Ровно три года гнила...

Въ какихъ ужаснѣйшихъ условіяхъ народной крѣпостной жизни могла сложиться такая ужаснѣйшая пѣсня?..

Баба долго шла за нами и долго пѣла эту пѣсню.

Больше намъ не зачѣмъ было ходить по селу. Мы случайно познакомились со всѣми партіями общества села N. Видѣли мы ретроградовъ, одиноко умирающихъ въ одинокомъ уголкѣ, съ сожалѣніями о ременныхъ кнутьяхъ покойника-барина; видѣли болѣе молодыхъ представителей этого направленія, имѣющихъ виды «на воспособленіе» своимъ попыткамъ къ безотвѣтному захвату чужихъ куръ, ожидающихъ даже признательности отъ авторовъ ужасной пѣсни. Видѣли либераловъ, рекомендующихъ сначала спроситься, а потомъ ужъ оторвать голову чужой курицѣ. Видѣли даже крошечныхъ подростковъ, которые, произрастая подъ охраною всѣхъ вышеизложенныхъ направленій и взглядовъ, далеко превосходятъ своихъ учителей, ибо чуть не съ дѣтскаго возраста знаютъ ужъ, гдѣ можно купить хорошую палку...

Больше намъ нечего было видѣть, и мы пошли на подворье.

VI.

Между проѣзжающими, собравшимися на Гвоздевскомъ подворьѣ, было замѣтно сильное уныніе, даже нѣкоторое отвращеніе другъ къ другу. Тотъ человѣкъ, который называется «попутчикъ», — хорошъ, даже незамѣнимъ никакимъ другомъ, если сходишься съ нимъ на минутку, на полчаса за чайнымъ столомъ на одинокой почтовой станціи; дорога, берущая проѣзжаго человѣка подъ свою защиту, помѣщающая его *между* тѣми безобразіями, отъ которыхъ бѣжитъ

человѣкъ, и тѣми, къ которымъ онъ стремится, властительно освобождаетъ его душу отъ этихъ безобразій; обставляетъ его далекими полями, глубокими снѣгами, лѣсами, и густитъ въ сердцѣ его все, что̀ уцѣлѣло въ немъ своего, дорогого, все, что̀ осталось въ немъ послѣ расплаты съ тѣмъ, отъ чего бѣжитъ онъ. Ни съ кѣмъ изъ соотечественниковъ моихъ — ни съ мужикомъ, ни съ купцомъ, ни съ чиновникомъ — нельзя ближе сойтись, ближе узнать его и, большею частью, полюбить его, какъ въ дорогѣ. Попутчикъ теряетъ свою прелесть, какъ только, доѣхавъ до мѣста, разстанешься съ нимъ и на другой день увидишь его идущимъ съ портфелемъ въ палату или сидящимъ въ лабазѣ. Не узнаёшь его въ эти минуты, и не хочется какъ-то узнать его. Пріятныя отношенія попутчиковъ коротки и скоропреходящи на томъ основаніи, что, «за расплатою», у нихъ остается очень немного, — мелочь, которая пріятно расходуется на первомъ постояломъ дворѣ за самоваромъ, и потомъ уже ничего не остается; остается, правда, возможность предъявлять тѣ мысли и сужденія, какія предъявилъ намъ управляющій, наставникъ, старикъ и проч. Но не всякому охота дѣлиться этими мыслями, особенно въ дорогѣ.

Поэтому-то на Гвоздевскомъ подворьѣ и царствовало всеобщее уныніе. Общество, собравшееся здѣсь, хотя и могло выражаться нѣсколько грамотнѣе наставниковъ и управляющихъ, но, будучи еще такъ недавно связано пріятными отношеніями попутчиковъ, не хотѣло портить этихъ отношеній заявленіями, свойственными откровенности простыхъ, необразованныхъ людей; все же, что̀ было *своего,* все это было переговорено нѣсколько разъ и надоѣло. Интересы общества снова было-направились къ разрѣшенію вопросовъ: «Почему нѣтъ перевозу?» — «Такъ нѣтъ перевозу-то?» — но и это опротивѣло. Настала какая-то другъ къ другу апатія, которая, какъ эпидемія, охватила, вмѣстѣ съ проѣзжающими, и коренныхъ обывателей подворья; староста уже не дрожалъ передъ проѣзжимъ, громко кричавшимъ, что у него казенная подорожная: онъ развалился въ коридорѣ на полу и спалъ, отрывисто и небрежно отвѣчая спросонокъ: «Нѣту проѣзду, больше ничего». «Человѣкъ», выказавшій вчера столько энергіи, стоя у буфета, спокойно обгладывалъ какую-то кость, несмотря на то, что изъ разныхъ пунктовъ раздаются возгласы: «Когда же это наконецъ? Человѣкъ!.. Что̀ же это такое?..»

— Подождешь! — говорилъ онъ, обглодавъ кость, и легъ

на конникъ спать. Точно такъ же поступала и прочая прислуга, старавшаяся болѣе забраться на печку и отдохнуть, нежели угождать.

Духъ корыстолюбія, овладѣвшій вчера хозяиномъ Гвоздевскаго подворья, теперь исчезъ подъ вліяніемъ довольства и всеобщей апатіи. Пожилой хозяинъ съ румяными щеками, вслѣдствіе пріятельской вышивки, сидѣлъ въ своихъ покояхъ съ нѣсколькими пріятелями и приготовлялся слушать соловья, котораго только-что принесъ какой-то черный и худой человѣкъ.

— Ну-ка! Вань!—говорилъ хозяинъ:—тронь вилочкой-то!

Ваня дергалъ вилкой объ столовый ножикъ...

Соловей копошился внутри клѣтки... Слушатели безмолвствовали.

— Ну-ка-ся... еще!.. — задохнувшись, шепталъ хозяинъ.

— Господинъ хозяинъ!—кричалъ проѣзжающій, вбѣгая:— сдѣлайте одолженіе! Что это такое?.. Никого не дозовешься!

— Будьте покойны!.. Пожалуйте въ горницу... Сію минуту пришлемъ!

— Пожалуйста... Что это?.. Это чортъ знаетъ что такое!

— Не извольте безпокоиться! Пожалуйте! Ваня! тронь!..

— Принесло лѣшаго!.. — говорили слушатели.—Совсѣмъ было соловей-то задумался... Чтобъ ему!

— Ваня! тронь... Шерманку тронь... раззадорь!..

Раздаются пискливые звуки маленькой шарманки.

— Вилочкой! Илья!.. возьми вилку-то...

— Это чортъ знаетъ что такое! — влетаетъ новый проѣзжій.

— Будьте покойны!.. пришлемъ!

И такъ далѣе. Апатія всѣхъ ко всѣмъ увеличилась, по мѣрѣ приближенія къ вечеру, до того, что никто не хотѣлъ ни идти, ни звать, ни услуживать, ни сердиться. Всѣ осовѣли и легли спать. Но и спать никто не могъ и не хотѣлъ.

Наконецъ на слѣдующій день, рано утромъ, по коридору подворья шелъ какой-то человѣкъ и громко говорилъ:

— Господа! пожалуйте! Перевозъ открытъ! Рѣка очистилась!..

Началась возня и суматоха. Всѣ проѣзжающіе, толкая другъ друга, бросились съ мѣшками и чемоданами изъ своихъ номеровъ; на дворѣ звенѣли бубенцы и звякали колокольцы подъ дугами, вскидываемыми на лошадей.

Погода была пасмурная... Мелкій дождь моросилъ, не

переставая. Поверхность рѣки очистилась, но на срединѣ ея все еще виднѣлась узенькая, словно пѣна, полоска мелкихъ льдинъ. На берегу была грязь, достаточно взмѣшанная лошадьми, колесами, людьми. Народъ толпами валилъ съ берега въ большія лодки, въ которыхъ начальство распорядилось перевозить проѣзжихъ.

— Осторожнѣй, господа! Сдѣлайте милость, не вдругъ!..— кричалъ кто-то съ берега, но его не слушали.

Шумъ и гамъ были значительны.

— Отваливай!.. Съ Богомъ! — послышалось наконецъ.

Одинъ изъ гребцовъ, натуживаясь, отпихнулся отъ берега; лодка наша какъ будто осѣла книзу и поплыла.

Весла работали неутомимо; проѣзжающіе большею частью стояли и молча смотрѣли на воду. Дно лодки было завалено тюками, чемоданами, шляпными футлярами, зонтиками. По всѣмъ этимъ предметамъ весьма нетвердыми шагами похаживалъ какой-то мастеровой и звалъ какого-то Сеню.

— Сень! — шепталъ онъ, проваливаясь между чемоданами.

— Ты, братъ, поосторожнѣй! — говорили ему.

— Будьте покойны. Сень!.. — продолжалъ онъ бормотать и вдругъ грузно шлепнулся въ какую-то яму между чемоданами.

— Послушайте, что же это наконецъ? — сердито проговорило нѣсколько голосовъ. — Вѣдь это чортъ знаетъ что такое!.. Вѣдь этакъ можно перевернуть лодку!

— Будьте спокойны!.. — слышалось изъ глубины чемодановъ, гдѣ ворочался мастеровой...

— Лежи! — сказалъ ему Сеня: — не шевелись!

— Пам-милуйте...

— Лежи, говорю!..

— Никто не смотритъ! — обиженно говорилъ какой-то господинъ въ клеенчатомъ картузѣ, съ испитымъ, хотя и не старымъ лицомъ. — Ни одинъ шагъ вашъ не обезпеченъ такъ, чтобы вы могли быть покойны за свою жизнь...

— Дѣйствительно!—отвѣчали ему.—Богъ знаетъ что такое! Вѣдь онъ насъ могъ всѣхъ опрокинуть...

— И, кромѣ того, самъ народъ положительно лишенъ какого-нибудь пониманія! Не говорю о вѣжливости... Тутъ, какъ хочешь, невольно предпочтешь сторониться отъ всего русскаго...

Отвѣта на это не послѣдовало. Молодой человѣкъ въ клеенчатомъ картузѣ былъ слегка взволнованъ.

— Я объѣхалъ всю Европу,—сказалъ онъ, не обращаясь собственно ни къ кому: — и рѣшительно не припомню ни одного столкновенія, даже съ грубою массою, которое бы не оставило во мнѣ болѣе или менѣе пріятнаго впечатлѣнія... Однако,—вдругъ обрывая рѣчь, быстро проговорилъ онъ:— посмотрите, на томъ берегу только двѣ кареты... А насъ, пассажировъ, по крайней мѣрѣ на шесть дилижансовъ!..

— Какъ-нибудь тамъ... — сказалъ-было кто-то, но тотчасъ же прибавилъ: — Кондукторъ! Послушайте, куда же насъ дѣнутъ? тамъ двѣ кареты?..

— Должна быть депеша!—робко произнесъ кондукторъ, находившійся здѣсь же.—Мы даемъ телеграмму... телеграфируемъ.

— Должно-быть, тамъ депеша! — заговорили въ толпѣ. Клеенчатый картузъ пристально смотрѣлъ на ничтожное количество дилижансовъ, виднѣвшихся на берегу.

— Потому мы желаемъ угодить проѣзжающимъ!—шепталъ кондукторъ.—Намъ тоже хлѣбъ надо.

По мѣрѣ приближенія къ полоскѣ льда, тянувшейся по срединѣ рѣки и оказавшейся довольно широкою, гребцы дружнѣе принялись за весла; лодка понеслась и съ шумомъ, на всемъ ходу, перервала эту цѣпь льдинъ, царапавшихъ ея бока.

— Слава Богу!—сказали всѣ.

Скоро мы были на берегу. Депеши никакой не оказалось. Дилижансовъ было только два, — а съ той стороны перевезти не было возможности. Какой-то приказчикъ отъ конторы почтовыхъ каретъ ходилъ съ бумажкой и карандашомъ въ рукѣ, говорилъ: «будьте покойны», подходилъ къ каретамъ, опять говорилъ: «не извольте безпокоиться», и опять шелъ куда-то. Очевидно, онъ отыскивалъ смыслъ въ собственныхъ своихъ поступкахъ; но такъ какъ усадить тридцать шесть человѣкъ въ двѣ кареты было невозможно, то весьма ясно было видно, что смысла въ своихъ поступкахъ отыскать для него было очень трудно, даже невозможно. Не желая долѣе оставаться въ области безтолковщины и имѣя въ виду тотъ резонъ, что мы, то-есть купецъ, я и другіе пассажиры нашего дилижанса, ждемъ перевоза почти два дня, т.-е. болѣе другихъ дилижансовъ и пассажировъ, пріѣхавшихъ послѣ насъ, мы заняли свои мѣста въ первомъ попавшемся дилижансѣ и, ожидая ямщика, слушали, какая идетъ перепалка изъ-за мѣстъ между тридцатью остальными пассажирами.

Вдругъ сбоку нашей кареты появилась фигура въ клеенчатой шапкѣ, объѣхавшая Европу. Господинъ этотъ посмотрѣлъ сначала на меня, потомъ на купца и проговорилъ:

— Г-нъ купецъ, я бы васъ попросилъ уступить мнѣ мѣсто.

— Самимъ требуется...

— Что же это наконецъ? Требуется! Я деньги заплатилъ за внутреннее мѣсто, должны же дать мнѣ хоть наружное-то?..

— Мы тоже не задаромъ ѣдемъ... Ты иди къ своему мѣсту...

— Я съ тобой вѣжливо говорю...

— Ды-ть и мы тебѣ отвѣчаемъ вѣжливо! Кто ты такой— я не знаю... Говорю, деньги заплачены... Ищи своего мѣста... Я на своемъ сижу...

— Я уступилъ дамѣ! понимаешь ли ты, невѣжа! Слышишь или нѣтъ! Женщинѣ уступилъ, свинья ты этакая!

— Понимаемъ,—да ты не больно ори-то... Я не погляжу, что ты баринъ-то... мы деньги...

— Кондукторъ! Кондукторъ! — завопилъ баринъ. — Г-нъ кондукторъ!..

И при шумѣ начинавшагося скандала дилижансъ нашъ тронулся въ путь.

IV. Старый бурмистръ.

I.

— Ишь вонъ нонѣ какіе порядки-то, — эва-а!.. Вотъ такъ богомолецъ: идетъ на богомолье, а въ обоихъ карманахъ по штофу водки!.. Паа-аррядокъ! Ужъ нечего сказать, хорошіе пошли порядки!

— Господи!—воскликнулъ одинъ изъ моихъ спутниковъ:— опять «порядокъ»! опять о «порядкѣ», опять «порядку нѣтъ»! И въ полѣ-то и въ лѣсу-то нѣтъ покоя отъ этихъ разговоровъ!

Дѣйствительно, дѣло было въ чистомъ полѣ.

Два гимназиста, гостившіе въ деревнѣ у родственниковъ, сельскій учитель и пишущій эти замѣтки въ одинъ славный лѣтній вечеръ шли путемъ-дорогою, направляясь вмѣстѣ

съ другими богомольцами въ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ, третьеклассныхъ монастырей, которыхъ такъ много въ Новгородской губерніи. Шли мы берегомъ рѣки Волхова, по старой Аракчеевской дорогѣ, густо обсаженной березняком, — шли, наслаждаясь самымъ процессомъ ходьбы, молчаніемъ дороги, молчаніемъ рѣки. Всѣ мы, отправляясь пѣшкомъ на богомолье, дѣлали это въ видахъ отдохновенія отъ разговоровъ объ этихъ «порядкахъ» и «непорядкахъ», которые уже достаточно истомили насъ въ столицѣ... И вотъ, едва только мы «разошлись», только стали входить во вкусъ физическаго утомленія, какъ опять уже преслѣдуетъ насъ мудрствованіе какого-то богомольца, похожаго на стараго отставного солдата, мудрствованіе, какъ намъ было хорошо извѣстно, всегда почти безплодное.

Дѣло въ томъ, что толки о порядкахъ и непорядкахъ, а вмѣстѣ съ толками и безплодность ихъ, въ настоящее время составляютъ не только достояніе столичной газетной или журнальной бесѣды, но сдѣлались необходимѣйшею принадлежностью и всякаго деревенскаго разговора. Если вы разговариваете не о хозяйствѣ, не объ умолотѣ или урожаѣ, то, навѣрное, ваша деревенская бесѣда идетъ о «порядкахъ и непорядкахъ», при чемъ безплодность этой бесѣды въ деревнѣ для васъ, посторонняго человѣка, осложняется тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что, во-первыхъ, сами вы, посторонній деревнѣ человѣкъ, крайне мало понимаете условія народной жизни и иногда въ цѣлыхъ, повидимому, весьма убѣдительно произнесенныхъ тирадахъ не можете видѣть ничего, кромѣ безсмыслицы: а во-вторыхъ, — и это главнымъ образомъ, — тѣмъ, что разговариваютъ о порядкахъ и непорядкахъ большею частью старики, люди, у которыхъ было извѣстное, опредѣленное прошлое и которымъ судьба судила дивоваться на нѣчто новое, крайне разнообразное и многосложное. Судите же теперь, въ какой мѣрѣ можетъ быть плодотворна бесѣда, если одинъ изъ бесѣдующихъ не понимаетъ ни точки зрѣнія собесѣдника ни его языка, а другой старается разобрать новыя, совершенно ему незнакомыя, небывалыя для него явленія, руководствуясь только старою точкой зрѣнія. Послушайте, для примѣра, о чемъ говорятъ вотъ эти двѣ старухи, сидящія вечеркомъ на завалинкѣ:

— Нонче, — почему-то укоризненно говоритъ одна изъ нихъ:—нонче нешто такой народъ-то сталъ?.. И-и, ра-адимая, кабы нонѣшнюю которую псовку да въ нашу бы шкуру,

такъ вѣдь она что̀ бы сраму-то натворила! Поглядѣть-то на нонѣшнюю срамоту, такъ и то сердце разрывается! Ну, а какъ же,—спросила бы я ее, псовку:—какъ же, молъ, мы-то терпѣли?.. Какъ же вотъ, примѣромъ, хоть я бы себя взяла,—какъ же, молъ, я-то со-о-орокъ годочковъ отъ слезъ свѣту бѣлаго, каковъ только свѣтъ бѣлый есть, не видала?.. Какъ же я-то понимала свою часть и терпѣла? Бывало, покойникъ-то вѣдь всеё-то меня истиранитъ: и зубушки-то болятъ, крохи просунуть не могу, скулы-то свело; и лицо-то, милая ты моя, бывало, измордуетъ покойникъ, что̀ чугунъ станетъ черное... А все терплю. Плачу, а терплю, — по-нимаю!.. А нониче?— Па-ади-ка, тронь ее, псовку, такъ вѣдь она тебя со свѣту сживетъ... Пальцемъ ты ее коснись—и то она насрамитъ на весь уѣздъ... Ни у нея нѣту стыда, ни у нея нѣтъ страху!

— А такъ вотъ,—прибавляетъ собесѣдница:—распустила хвостъ — и вся забота! Нешто, красавица ты моя, есть у нихъ стыдъ-то?—Да нисколько!.. Какъ же, родимая ты моя, спрошу я тебя, мы-то, окаянныя?..

И такъ идетъ длинный разговоръ, изъ котораго не-деревенскій слушатель не вынесетъ ничего, кромѣ недоумѣнія. Почему худо, что теперешнія «псовки» не позволяютъ мужьямъ тиранить себя? Почему онѣ — псовки? Почему старинное тиранство въ разговорахъ старухъ какъ бы предпочитается неудобствамъ этого тиранства теперь? Почему старинное тиранство переносилось съ такимъ желѣзнымъ терпѣніемъ?.. Все это для не-деревенскаго слушателя утомительная и безплодная тайна. — тайна, которая, разумѣется, разрѣшилась бы для него, если-бъ онъ далъ себѣ трудъ добиться подлиннаго смысла такихъ, напримѣръ, выраженій въ разговорѣ старухъ, какъ: «знала свою *часть*», «понимала», если бы онъ допытался у старухъ, что это за «часть» такая, во имя которой можно бить человѣка до того, что лицо у него станетъ «какъ чугунъ черное»? — и доподлинно бы узналъ, что̀ именно старуха выражаетъ словомъ «понимала». Тогда, разумѣется, онъ бы понялъ, почему нынѣшнее время, когда женщины не позволяютъ себя бить, хуже прошлаго, когда ихъ били до полусмерти. Но не-деревенскій слушатель деревенскихъ разговоровъ нетерпѣливъ: онъ, прежде всего, спѣшитъ отдыхать, затѣмъ онъ ждетъ не вопросовъ, а отвѣтовъ на вопросы, выраженные газетнымъ языкомъ, и нѣтъ ему ни времени ни возможности сосредоточивать свое вниманіе на такихъ выраже-

ніяхъ деревенскаго разговора, которыя значатъ въ немъ *все*, даютъ объясненіе всей кажущейся ему безсмыслицы и которыя, на бѣду, именно и проходятъ мимо его столичныхъ ушей.

Съ ранней весны, на наше общее несчастіе, всѣ мы, случайные деревенскіе посѣтители, постоянно, ежедневно и ежечасно разговаривали и слышали разговоры о порядкахъ и непорядкахъ. Болѣе двухъ самыхъ лучшихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ мы имѣли несчастіе ничего не понимать въ тѣхъ невозможныхъ (на нашъ взглядъ) параллеляхъ, которыя вели старики, сравнивая старое съ новымъ. Мы рѣшительно не понимали, почему, напримѣръ, разбранивъ нынѣшніе порядки, старикъ-собесѣдникъ давалъ имъ объясненіе выраженіемъ: «а все воля!». Не понимали, почему, говоря о томъ, что теперь все «чаи да сахары», необходимо прибавить выраженіе: «а какъ выдралъ бы его, всыпалъ бы ему пятьдесятъ, — такъ онъ бы и чувствовалъ!» Не понимали, почему, говоря о томъ, что теперешнія дѣвки норовятъ одѣться почище, слѣдуетъ закончить рѣчь словами: «а отчего?—Оттого, что страху нѣтъ!» Словомъ, если читатель представитъ себѣ, что мы два слишкомъ мѣсяца только и слышали: «порядки», «непорядки», «нѣтъ страху», «чаи да сахары», «воля», «хвосты распустила», «трубочки», «самоварчики», «нѣтъ, кабы взять бы палку» и т. д., и ничего въ этомъ не понимали, — то онъ пойметъ то негодованіе, котораго не могъ не высказать одинъ изъ нашихъ спутниковъ, когда, даже въ полѣ, вдали отъ столицы, отъ газеты, вдали даже отъ деревни, послышалась такъ безплодно-утомившая насъ рѣчь и о томъ же безплодно-утомительномъ предметѣ.

Мы было-хотѣли идти пошибче, чтобъ оставить собесѣдника за собой, но онъ самъ не отставалъ отъ насъ. Онъ радъ былъ поговорить и ускорялъ шагъ, замѣтивъ, что мы дѣлаемъ то же. Онъ былъ длиненъ, худъ, походилъ не то на стараго солдата, не то на деревенскаго бобыля. Длинныя, худыя ноги его, обутыя въ онучи и лапти, проворно и легко ступали по каменистой, плохо уѣзженной дорогѣ, а худая, костлявая рука спокойно дѣлала большіе размахи дорожною палкой. И, не отставая отъ насъ, онъ медленно произносилъ по словечку тѣ самыя премудрыя мнѣнія о «самоварахъ», «чаяхъ» и прочихъ непорядкахъ, отъ которыхъ мы съ такимъ нетерпѣніемъ стремились отдѣлаться хоть на одинъ день. Говорилъ онъ мягкимъ, надорваннымъ

голосомъ, который невольно располагалъ къ бесѣдѣ, но мы упорно воздерживались отъ нея.

— Нѣтъ,—наконецъ проговорилъ онъ, какъ бы оживившись:—ежели бы нонѣшніе порядки да при покойникѣ графѣ, такъ что̀ бы только было!.. И-и-и, Владыко праведный!.. И-и, сказать нельзя!..

Въ этой фразѣ чувствовалось уже «повѣствованіе», желаніе, прекративъ безплодныя разсужденія, показать разницу порядковъ на фактѣ. Неловко было не поддержать этого желанія.

— При какомъ графѣ?—спросилъ учитель.

— А при Аракчеевѣ графѣ. Я его оченно даже хорошо помню... Ужъ бы-лъ нача-альникъ! Чисто антоновъ огонь!

Сравненіе это разсмѣшило насъ.

— Передъ Богомъ!.. Кажется, коснись его хошь вотъ пальцемъ, такъ тебя и опалитъ всего полымемъ! Ужъ можно сказать, что ужъ... Бывало, кучера-то, которые его важивали, разсказываютъ: сидишь, говорятъ, на козлахъ, а у самого духъ мретъ, руки и ноги коченѣютъ; гонишь лошадей, а самъ бездыханенъ! Пригонишь къ станціи, такъ и хлопнешься объ земь.

— Отчего-жъ это?

— Страху имѣлъ въ себѣ. Столь много было въ немъ, значитъ, испугу этого самаго... Носъ у него, у покойника, былъ этакій мясистый, толстый, сизый, значитъ, съ сизиной... И гнусавый былъ, гнусилъ... Идетъ ли, ѣдетъ ли,— все будто мертвый, потому глаза у него были тусклые и такъ оказывали, какъ, примѣромъ сказать, гнилыя мѣста вотъ на яблокахъ бываютъ: будто глядитъ, а будто нѣтъ, будто есть глаза, а будто только гнилыя ямы... Вотъ въ этакомъ-то видѣ—ѣдетъ ли, идетъ ли—точно мертвецъ холодный, и носъ этотъ самый сизый, мясистый, виситъ... А чуть раскрылъ ротъ—и загудитъ, точно изъ-подъ земли или изъ могилы: «Па-а-л-локъ!». Да въ носъ,—гнусавый былъ... «Па-а-л-локъ!..» Это ужъ, стало-быть, что-нибудь запримѣтилъ... И только его и словъ было, а то все какъ мертвый. И ужъ точно, пуще огня боялись! Ужъ ежели бы ему на глаза попалъ поселенецъ, у котораго въ обоихъ карманахъ водка, такъ ужъ онъ бы далъ бы ему понятіе. Вовѣкъ бы помнилъ, что̀ такое значитъ винцо, и дѣтямъ бы заказалъ. Такъ вотъ какой былъ человѣкъ!.. Бывало, только крикнетъ кто-нибудь: «графъ идетъ!»—такъ и грохнешься объ земь безъ дыханія... Ну, а былъ порядокъ, ужъ этого

отнять нельзя: у-ухъ какой былъ—порядокъ во всемъ! За что ни возьмись: что скотина, что пашня—все первый сортъ! То-есть, бывало, до такой степени, напримѣръ, вникалъ, что ужъ на что, кажется, бабы или бабьи дѣла какія, а и то чувствовали графскій глазъ. Бывало, иная хлѣбы не домѣсила, или худо просѣяла,—ужъ это не пройдетъ ей даромъ: ужъ онъ ее, покойникъ, выучитъ хлѣбы печь!.. А нонче иная шкура печетъ хлѣбъ точно не людямъ, а свиньямъ: кажется, взять ковригу да хлопнуть объ стѣну, такъ она и прилипнетъ, какъ замазка. Что же это за хлѣбъ? Нешто это можно назвать печеньемъ?

Очевидно, опять началась одна изъ невозможныхъ и невыносимыхъ параллелей прошлаго съ настоящимъ, параллелей, гдѣ палки чередовались съ бабами, бабы съ плацъ-майорами, скотъ со строгостью и т. д. Учитель не выдержалъ этой пытки и воскликнулъ:

— Да что такое, скажи, пожалуйста, за порядки такіе были? Все палки да палки, а выходитъ, что были какіе-то порядки? Что такое было? Какіе порядки?

Вопросъ этотъ, требовавшій рѣшительнаго отвѣта, на мгновеніе озадачилъ старика, какъ озадачивалъ всѣхъ другихъ стариковъ, съ которыми намъ приходилось трактовать о порядкахъ. Но старикъ скоро оправился и съ какою-то особенною живостью сказалъ:

— Извольте! Вотъ какіе были порядки!..

Ужасы, о которыхъ въ сильномъ волненіи сталъ повѣствовать прохожій, перемѣшанные съ попытками объяснить ихъ въ нравоучительномъ смыслѣ, явно свидѣтельствовали, что разсказчикъ и самъ зналъ палку, былъ самъ изувѣченъ ею, изувѣченъ не только физически, но и нравственно. Она выбила въ немъ его добрую душу, первенствовала въ ней, затмевала впечатлѣнія Божьяго міра, и онъ, отвыкшій отъ пониманія жизни по-человѣчески, — разсказывалъ о палкѣ въ какомъ-то глубокомъ помраченіи ума. Къ концу разсказа онъ такъ былъ утомленъ напряженіемъ мысли, что нѣкоторое время не могъ произнести ни слова и, только очнувшись немного, могъ прерывающимся шопотомъ пролепетать:

— Такъ... былъ... порядокъ!..

И закашлялся.

Да и мы всѣ устали отъ этого разсказа и тоже сѣли отдохнуть. Старикъ ужъ болѣе ничего не говорилъ; ему казалось, что онъ вполнѣ разъяснилъ намъ всю суть поряд-

ковъ прошлаго. Онъ только дышалъ тяжело, вытиралъ рукавомъ потъ, кряхтѣлъ.

— Вотъ какой былъ сурьезный, дьяволъ!..

Послѣднее слово какъ-то внезапно сорвалось съ его языка, такъ что мы всѣ невольно улыбнулись, а старикъ поправился, прибавивъ:

— Прости, Господи, мое согрѣшеніе!

Опасаясь, чтобъ онъ вновь не началъ рѣчи все о томъ же, чтобы вновь не возвратился къ параллелямъ, мы предпочли продолжать путь.

— Ступайте, ступайте съ Богомъ! — сказалъ намъ старикъ на прощанье.—Слабы стали ноги-то... Посижу, подожду тутъ у дороги, не подвезетъ ли кто?

II.

Мы разстались, но, какъ увидитъ читатель, ненадолго: судьба сулила намъ новую встрѣчу въ томъ же родѣ. Не подозрѣвая однако этой бѣды, мы, оставивъ старика, почувствовали себя какъ будто посвободнѣе. Правда, Аракчеевская дорога, по которой мы шли, благодаря недавней встрѣчѣ, пробуждала въ насъ не совсѣмъ веселыя воспоминанія: носастая, гнусавая фигура, мертвая на видъ и мертво-молчаливая, съ тусклыми, холодными глазами, поминутно рисовалась нашему воображенію. По этой самой дорогѣ не разъ проносилась эта фигура, съ полумертвымъ отъ страха кучеромъ. Не разъ эти деревни, вытянутыя въ линію, съ остатками какихъ-то казенныхъ выдумокъ въ постройкахъ, съ душными, узенькими улицами, съ домишками, плотно, какъ солдаты въ шеренгѣ, прижатыми другъ къ другу, — оглашались гнусавымъ возгласомъ: «па-алокъ!», крикомъ, плачемъ или подавленнымъ стономъ среди гробового молчанія. Скоро однако эти пытки воображенія окончились, и мы, покинувъ Аракчеевскую дорогу, пошли по узкой лѣсной тропинкѣ, проторенной богомольцами къ монастырю. Дорога была узкая, а деревья густыя, высокія. Въ лѣсу было темно и холодно. Солнце сѣло; туманъ бѣлыми клубами сталъ показываться то тамъ, то сямъ въ лѣсной чащѣ. Скоро стало очень трудно различать дорогу, и мы подвигались впередъ, стараясь не отставать отъ другихъ богомольцевъ, которые въ темнотѣ могли быть узнаваемы только по шуму шаговъ да по разговору, такъ какъ различить въ темнотѣ, кто именно идетъ: солдатъ, купецъ, крестьянинъ, мужикъ или баба,—ужъ не было возможности.

Вверху, надъ лѣсомъ, едва бѣлѣлась полоска неба, гдѣ мигали звѣзды; но ни небо ни звѣзды не давали свѣта.

Добрались мы до обители часу въ первомъ ночи. Маленькій, старый, одинокій монастырь, сооруженный еще во времена «великаго» Новгорода, стоялъ на низменной полянкѣ, среди густого лѣса. Здѣсь было свѣтлѣй, чѣмъ въ лѣсу,—бѣлыя стѣны монастыря немало помогали этому, — но туманъ лежалъ на землѣ густымъ, какъ вата, бѣлымъ слоемъ, кое-гдѣ клубясь большими бѣлыми комьями. Въ туманѣ слышались разговоры, иногда смѣхъ. Вся монастырская ограда была обложена спавшимъ народомъ. Небольшая гостиница была также биткомъ набита народомъ: и въ комнатахъ, и въ коридорахъ, и даже на чердакѣ, вездѣ народъ лежалъ вповалку и, кажется, не спалъ, такъ какъ всѣ какъ будто шевелились, жались, вздыхали, а иногда довольно явственно слышалось неистовое чесанье кожи и шопотъ:—«Ахъ, ѣдятъ-то проклятые!.. Такъ и горитъ кожа-то».

Обойдя гостиницу и не найдя ни единаго свободнаго угла, мы долгое время гуляли вокругъ монастыря, не зная, какъ убить время. Трактиръ—холстинный балаганъ—былъ запертъ, и трактирщикъ, очевидно, улегшійся спать, велъ съ нами переговоры весьма неохотно. «Нѣту! — отвѣчалъ онъ сурово на всѣ наши требованія.—Завтра поутру». Но потомъ смилостивился и спросилъ: «Лимонаду не угодно ли?» Но лимонаду мы не пожелали, и трактирщикъ сдѣлалъ намъ новое предложеніе: «Вобла есть,—не угодно ли?» Когда и это предложеніе принято не было, трактирщикъ замолкъ, и мы опять пошли бродить. Кромѣ трактира, неподалеку отъ монастырской ограды выстроились двѣ палатки съ пряниками и орѣхами. Но и онѣ не торговали. Осмотрѣвъ все это, мы наконецъ должны были гдѣ-нибудь и какъ-нибудь отдохнуть. Разыскавъ небольшой стогъ сѣна, своевольно его растеребили и улеглись.

Холодъ ночи и сырая трава не представляли удобствъ для отдохновенія. Можно было лежать, но спать не представлялось никакой возможности. Лежимъ, молчимъ, смотримъ на бѣловатое, усѣянное блѣдными звѣздами небо. Народъ подходитъ изъ лѣсу и тоже устраивается гдѣ попало. Чѣмъ глуше ночь, тѣмъ меньше сна... На дворѣ холодно, а въ гостиницѣ «ѣдятъ». То и дѣло оттуда выходятъ, а иной разъ выбѣгаютъ мужчины и женщины и, шопотомъ проклиная что-то, стараются примоститься гдѣ-

нибудь на травѣ. Тамъ и сямъ все чаще и чаще слышатся разговоры. Даже пѣсня откуда-то донеслась.

И слышу я опять знакомую рѣчь:

— И что будетъ,—произноситъ знакомый голосъ аракчеевца:—единому только Богу извѣстно!

— Что будетъ?—прибавляетъ другой, но уже незнакомый голосъ.—Больше ничего не будетъ, окромя что Господь повелитъ, то и будетъ!

Итакъ, вмѣсто одного изслѣдователя старыхъ и новыхъ порядковъ, неумолимая судьба послала намъ въ тотъ же день и въ тотъ же вечеръ двухъ. Аракчеевецъ, вѣроятно, нашелъ себѣ попутчика и пріѣхалъ въ то время, когда мы разыскивали себѣ ночлегъ.

Хотя двухъ, вмѣсто одного, и было многовато на нынѣшній вечеръ, но волей-неволей пришлось слушать ихъ разговоры: спать не было возможности, а разговаривавшіе лежали недалеко.

— Конечно, — послѣ незначительнаго молчанія началъ незнакомый голосъ:—конечно, Господь, по Своему великому милосердію, еще жалѣетъ насъ, подлецовъ, не забываетъ насъ, даетъ указанія... Примѣромъ скажемъ, вотъ теперича скотъ падаетъ; или вотъ градомъ выбьетъ, или пожаромъ посѣтитъ, все это означаетъ, что Господь еще не совсѣмъ насъ оставилъ, а что насъ помнитъ, хочетъ вразумить, чтобы мы, безумные, очувствовались. Н-но... я такъ думаю, что мало намъ этого!

— Мало!—съ сокрушеніемъ сказалъ аракчеевецъ и тономъ своего голоса еще разъ доказалъ, что въ немъ была добрая, мягкая душа, только зачарованная могуществомъ палки.—Передъ Богомъ говорю: мало намъ этого, мало!

Оба собесѣдника вздыхаютъ, покряхтываютъ и опять вздыхаютъ.

— По нонѣшнимъ временамъ,—снова начинаетъ незнакомецъ: — намъ такъ требуется, чтобы Господь за наши грѣхи, за наше лицемѣрство, богоотступство и всякое свинство, чтобы Онъ безъ отдыху бы, безъ пощады бы сталъ искоренять нашего брата,—н-ну, тогда, быть-можетъ, и будетъ толкъ!

— Нѣтъ, — добродушно перебилъ аракчеевецъ: — мало! Повѣрь ты мнѣ, мало этого! Ничего это не составляетъ... Нѣтъ, не составляетъ,—не такой народъ! Ты его ежели бы, напримѣръ, огнемъ выжегъ весь или же потопомъ потопилъ,

и то онъ не очувствуется и не вступитъ въ раскаяніе! Вотъ какъ я думаю!

— Д-да!—многозначительно вздыхая, подтверждаетъ незнакомецъ.—Но ежели Господь оставитъ насъ, позабудетъ, ежели Онъ не будетъ насъ, негодяевъ, сокращать огнемъ ли, моромъ или какими прочими средствіями, то мы и вовсе станемъ подобны безумцамъ! И что будетъ—извѣстно единому Создателю!

— Буди Его святая воля!—произноситъ аракчеевецъ съ глубокимъ вздохомъ.

Послѣ этого разговаривавшіе замолкли. Очевидно, что, исчерпавъ всѣ казни египетскія, они затруднялись продолженіемъ разговора; но такъ какъ не разговаривать было нельзя, то скоро я услышалъ слѣдующее:

— Нѣтъ,—самымъ рѣшительнымъ тономъ произнесъ незнакомецъ:—главное дѣло состоитъ въ томъ, что нѣту начальства.

— Это самое и есть!—подтвердилъ аракчеевецъ.

— Начальства нѣтъ никакого! — еще рѣшительнѣе проговорилъ незнакомецъ. И эта формула, объясняющая современные безпорядки, до того показалась ему правильной и точной, что онъ оживился, поднялся и сѣлъ, проворно почесалъ голову и еще проворнѣе произнесъ: «Нѣтъ начальства! Некому взыскать!»

— Во-отъ, вотъ, вотъ! — тоже, какъ бы обрадовавшись ясности, проливаемой словами собесѣдника на всѣ вопросы современности, торопливо и какъ-то радостно произнесъ аракчеевецъ и тоже проворно сѣлъ противъ своего собесѣдника.—Нѣту! Начальства нѣтъ никакого!.. Ну, гдѣ ты его видѣлъ, спрошу я тебя?

— Нѣту его!

— Гдѣ оно?

— Нѣту!.. То-то и оно-то, что нѣту его!

— Про это-то про самое и я говорю! Ищи его днемъ съ огнемъ а его нѣтъ. Вотъ въ чемъ главная причина!..

III.

Признаюсь, послѣднія слова разговаривавшихъ рѣшительно ошеломили меня. Тонъ, какимъ они были сказаны, не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что собесѣдники дѣйствительно были убѣждены въ справедливости высказаннаго мнѣнія,—они развеселились, оживились, найдя такую точную формулу для объясненія обуревающихъ насъ бѣдъ.

«Но если, — подумалъ я: — они дѣйствительно не видятъ начальства и спрашиваютъ другъ друга, гдѣ оно, то что же это должно быть за удивительное міросозерцаніе, если оно позволяетъ имъ съ такой явной увѣренностью отрицать одинъ изъ несомнѣннѣйшихъ фактовъ дѣйствительности? Наконецъ, не видя теперь, въ наши дни, нигдѣ никакого начальства, они, очевидно, имѣютъ представленіе о какомъ-то своемъ, особенномъ начальствѣ, нисколько на существующее не похожемъ? Что-жъ это за невѣдомое начальство? Мягче оно теперешняго или жестче, добрѣй или злѣй? И вообще, если этимъ людямъ мало того, что есть, если имъ еще чего-то надобно, то что же это такое?»

Все это было до того неожиданно, до того ново для меня, что я, вопреки нежеланію разговаривать о порядкахъ и непорядкахъ, рѣшился вступить съ собесѣдниками въ разговоръ.

— Какъ такъ у насъ нѣтъ начальства? — спросилъ я автора этого мудраго изреченія, предварительно, конечно, познакомившись и поговоривъ о разныхъ разностяхъ. Между прочимъ, оказалось, что авторъ этотъ былъ сѣдой, какъ лунь, но крѣпкій, коренастый и румяный старикъ. При крѣпостномъ правѣ онъ былъ бурмистромъ у одного богатаго сосѣдняго помѣщика, теперь разорившагося. Теперь онъ живетъ на крестьянскомъ положеніи и, повидимому, принадлежитъ къ числу зажиточныхъ.

— Какъ нѣту-то?—переспросилъ онъ.—Да такъ и нѣтъ!

— Какъ не бываетъ-то? — въ свою очередь прибавилъ аракчеевецъ, по добротѣ своей какъ бы радуясь тому, что нѣтъ начальства.—Коли нѣтъ, такъ гдѣ-жъ возьмешь? Очень просто!

— То-то и есть,—многозначительно проговорилъ бывшій бурмистръ:—что нѣту, и взять негдѣ.

— Да помилуйте,—воскликнулъ я:—что вы говорите? Какого вамъ еще нужно начальства?.. Десятскіе и сотскіе есть?

— Какъ не быть!.. Есть и старосты и старшины...:— таинственно улыбнувшись, сказалъ бурмистръ.

— Этого-то добра сколь хошь,—дополнилъ аракчеевецъ:— это-то довольно! Десятскіе, сотскіе, старосты, старшины...

— Писаря, урядники, члены, предсѣдатели...— продолжалъ бурмистръ.

— Управы, братецъ ты мой, присутствія, правленія, слѣдователи,—торопливо исчислялъ аракчеевецъ; но бурмистръ перебилъ его.

— Это есть! Этого есть много всего, ну, а начальства, опять же я скажу, нѣту!

— Да что же это такое?—въ изумленіи спросилъ я.— Эти-то люди—что-жъ они такое? Зачѣмъ?

— А Господь ихъ вѣдаетъ. А зачѣмъ—это намъ неизвѣстно.

— Но вѣдь они начальники?—убѣждалъ я:—дѣйствительно начальники? Вѣдь они могутъ наказать, посадить въ темную, штрафуютъ, взыскиваютъ?.. А вы говорите: «некому взыскать».

— И есть некому!—рѣшительно сказалъ бурмистръ.

Аракчеевецъ только подмигнулъ въ подтвержденіе словъ бурмистра, а я замолчалъ и, ничего не понимая, ожидалъ, что будетъ дальше.

— Этого-то народу, другъ ты мой любезный,—началъ разсуждать бурмистръ:—сколь угодно! Вотъ мы считали ихъ, а все еще далеко до конца не досчитались... Это, братецъ ты мой, не наше дѣло: что, какъ, зачѣмъ... А мы говоримъ по нашему, крестьянскому мнѣнію, вотъ какъ!.. По нашему-то, по крестьянскому мнѣнію намъ и оказываетъ, что нѣту начальства, и нигдѣ мы его не видимъ.

— То-то и есть,—присовокупилъ аракчеевецъ:—что не видать его по нонѣшнимъ временамъ нигдѣ!

— Нешто можно назвать начальниками, хотя бы будемъ говорить, примѣромъ, старосту или старшину теперешняго? Положимъ, что дѣйствительно цѣпь ему дана, или медаль какая, ну, и дѣйствительно что правильно это вы сказывали, что, напримѣръ, онъ и наказываетъ, и сѣчетъ, и все прочее. Можно бы по всему признать начальникомъ? Ну, а коль скоро мы ежели коснемся до корня, то и оказывается: не начальникъ онъ, а живорѣзъ, больше ничего!..

— Вотъ это самое и есть!—подтвердилъ аракчеевецъ.

— Что ему требуется, нонѣшнему начальнику-то, живорѣзу-то?.. Сидитъ онъ въ своей цѣпи, дѣлаетъ народу пріемъ. Я говорю къ примѣру. Вотъ пришелъ къ нему мужикъ, вывалилъ на столъ деньги: «получай, молъ, Петръ Семенычъ, подати!» Петръ Семенычъ сосчиталъ: «вѣрно!»— расписку далъ, а деньги въ сундукъ заперъ. «Ступай, куда хошь! На всѣ четыре стороны... Молодецъ, скажетъ, спасибо!.. Такъ, молъ, вы, ребята, и всѣ бы поступали: отдалъ деньги—и ступай!..» А другой, тоже примѣромъ будемъ говоримъ, пришелъ тоже въ волость, а денегъ-то не принесъ. «Ты что же не принесъ денегъ?»—«Нѣту!» А

иной съ грубостью скажетъ: «Откуда, молъ, я тебѣ возьму денегъ-то?..» А за грубость-то его да за неплатежъ—сѣчь, въ темную и прочее подобное... Это не есть начальство, а одно разбойство!..

— Помилуйте,—сказалъ я:—человѣкъ принесъ деньги, поступилъ исправно, сдѣлалъ, что̀ ему нужно, старшина его похвалилъ,—что-жъ онъ еще долженъ дѣлать?

— Разбойство это, а не начальство!—настойчивѣе прежняго продолжалъ бурмистръ.—Ты вотъ выпоролъ неплательщика-то,—положимъ, что за неисправность слѣдуетъ попарить человѣка, это ужъ... безъ этого нельзя! Только я спрошу нонѣшняго-то начальника: а не самъ ли ты, негодный, виноватъ, что у него денегъ-то нѣтъ? Вѣдь вотъ пришелъ къ тебѣ мужикъ, отдалъ деньги, ты и пустилъ его на всѣ четыре стороны, да еще похвалилъ; а спросилъ ли ты его, откуда онъ деньги-то взялъ?

— Во-отъ это са-амое!—многозначительно шепнулъ аракчеевецъ.

— Да, спросилъ ли ты его? Знаешь ли ты, начальникъ, откуда эти деньги взялись?.. Вотъ теперича по веснѣ раздавали управскій овесъ на посѣвъ. Опять же, говоримъ примѣрно, овесъ давали по шести съ полтиной куль, до осени. Слѣдовательно, осенью его отдать требуется? Такъ, или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну хорошо. Взялъ я этотъ самый овесъ и сбухалъ его по четыре цѣлковыхъ, деньги нужны и подати требуютъ. Сбухалъ я его по четыре цѣлковыхъ, деньги старшинѣ принесъ; старшина меня похвалилъ, деньги заперъ, расписку далъ, «ступай куда хочешь!» Все честно, благородно,—на все есть расписка и похвала: «Берите, ребята, примѣръ!» Такъ ли я говорю?.. Пришла осень—опять подати, да овесъ изволь отдать съ процентомъ. А овесъ-то я продалъ еще весной и похвалу за это самое получилъ: «берите, ребята, примѣръ!» Да старшина-то тоже изъ города получилъ похвалу,—листы имъ за это даютъ, диплоны разные, какъ иной разъ вотъ у скотины хорошей бываютъ аттестаты. Все исправно. Пришла осень.—«Ты что̀ же подати не отдаешь?»—«Да нѣтъ у меня!»—«Какъ нѣту?»—«Да такъ, какъ не бываетъ-то?»—«Ты что̀ же грубишь-то?..» А какъ я не согрублю, когда я послѣднимъ дуракомъ сталъ? Беретъ меня зло, что я безъ всего остался, или нѣтъ? Вотъ я сталъ ему грубить, а онъ меня драть! Ну, не жи-

ворѣзы ли они послѣ этихъ моихъ словъ?.. Спрошу я васъ, господина, достойно ли этакій народъ назвать, чтобы какъ вполнѣ того достоинъ начальникъ?

— Разбойникомъ, пожалуй-что, а не иначе какъ...—пробормоталъ аракчеевецъ.

— А какъ же быть-то?—спросилъ я.

— Какъ быть? А вотъ какъ. Я буду говорить про себя, хоть я и не начальникъ, и цѣпи на мнѣ нѣту. Пускай, и такъ обойдется. Коли по мнѣ, такъ я тоже бы дралъ, это вѣрно, только дралъ бы я его не въ то время, какъ онъ разорился, а въ то время, какъ онъ овесъ-то продавалъ! Вотъ тутъ-то бы я его не похвалилъ, нѣтъ! Тутъ бы я ужъ не сказалъ: «берите, ребята, примѣръ», я бы тутъ похвальный дипломъ не далъ, а растянулъ бы за это за самое, да всыпалъ бы горячихъ безъ экономіи! Да и того подлеца, который овесъ-то купилъ, и того бы отстегалъ, да овесъ-то бы отобралъ, да заставилъ бы его посѣять, анаѳему, а послѣ посѣва опять бы его поддымилъ вѣничкомъ,— вотъ онъ у меня бы и съ хлѣбомъ былъ, и земству бы овесъ-то отдалъ, и подати бы отдалъ! Вотъ что есть начальство!.. А они что?.. Ему бы только деньги взять, въ сундукъ положить, а тамъ хоть околѣй съ голоду!.. Иные начальники-то сами, безсовѣстные, овесъ-то этотъ купятъ, а потомъ дерутъ. Нѣтъ, самого бы его надобно растянуть да поддымить!.. Ежели онъ начальникъ, онъ долженъ смотрѣть, чтобъ у мужика было съ чего взять... Что же, я васъ спрошу, ежели у мужика не будетъ хозяйства, то что изъ этого выйдетъ? Что вы съ него возьмете? Теперь вонъ на моихъ глазахъ мужики сѣно продаютъ, а съ чѣмъ они останутся осенью, чѣмъ будутъ кормить скотину, съ чего я буду взыскивать?.. Драть?.. А они меня жечь начнутъ— вотъ тебѣ и вся недолга!.. Я долженъ не допустить этого, а который не слушается, то и наказать. А понѣшніе-то и десятскіе, и сотскіе, и старосты, и весь легіонъ, прости Господи, имъ все одно—наплевать!.. Вотъ мужикъ сѣно продастъ, всю зиму скотину кормить нечѣмъ, а онъ идетъ мимо, ему и горя мало. Я-бъ его тутъ же на мѣстѣ запоролъ за эту продажу, а онъ, дуракъ безсовѣстный, только и думаетъ, что «вотъ, молъ, съ мужика можно рублишко въ подати ухватить», а о томъ не думаетъ, что мужикъ на его глазахъ разорятся... Анаѳемы этакія!.. Нѣтъ, сударь мой, не начальники это. Нѣтъ у насъ начальства!

— О-хъ, нѣту его!—вздохнувъ, прошепталъ аракчеевецъ.

Бурмистръ вынулъ тавлинку съ табакомъ, понюхалъ и сказалъ:

— И мы, братецъ мой, бивали народъ, и оченно даже жестоко его колачивали... Я вотъ пришелъ теперь угоднику помолиться. Думаешь, не вздохну я? Вздохну-у, милый мой, со слезами вздохну въ своей винѣ!.. Били, тиранили, но только-что мы били умѣючи: били мы, напримѣръ, человѣка за то, чтобъ *себя не разорялъ*, — вотъ за что мы били, — потому что мы понимали: ежели онъ себя разоряетъ, то и намъ ничего не будетъ... Вотъ какой былъ прежній смыслъ!.. А нонича? Скажи, пожалуйста!.. Иду я недавно съ нашимъ старостой (вѣдь тоже начальникъ, анаѳема, считается!), глядимъ—на болотѣ мужикъ коситъ траву, а сапоги на немъ новые. Я и говорю этому начальнику:— «Видишь, говорю, или нѣтъ?»—«Что такое?»—«Посмотри, молъ». Глядѣлъ-глядѣлъ, хлопалъ-хлопалъ буркалами-то,— ничего, молъ, не вижу...—«Да дуракъ ты этакій, говорю, вѣдь твой мужикъ-то коситъ въ хорошихъ сапогахъ!.. Вѣдь, говорю, онъ не милліонщикъ. Вѣдь онъ, говорю, ихъ въ одинъ мѣсяцъ этакъ-то издеретъ, а потомъ придетъ зима, въ чемъ онъ будетъ ходить? Ты же, говорю, съ него подати начнешь драть, а онъ будетъ дома сидѣть, выйти не въ чемъ. Вѣдь онъ же, говорю, долженъ будетъ въ долгъ сапоги-то втридорога взять? Вѣдь зимой-то и дрова возить нанимаютъ и сѣно возить, мало ли на зиму народу требуется, а онъ у тебя безъ сапогъ будетъ дома сидѣть, а ты его за это драть будешь, безбожная душа?.. А не то такъ за эти сапоги-то какой-нибудь, у котораго совѣсти нѣту, заставитъ его лѣтомъ проработать мѣсяца два, отъ хозяйства оторветъ, а отъ хозяйства человѣкъ оторвется— пойдетъ слабѣть, пьянствовать... А пойдетъ пьянствовать— подати перестанетъ платить, за это ты его будешь драть, а за дранье онъ тебѣ будетъ гадить... Чего-жъ ты смотришь, говорю? Какъ же ты не внушишь?»—«Какъ же, говоритъ, послушаютъ они тебя!.. Нонѣ, братецъ ты мой, говоритъ, поди-ка, босикомъ-то всякій стыдится ходить. Изъ послѣдняго вытянется, а ужъ насчетъ одежи постарается... Коего, говоритъ, рожна я ему внушу?»—«Коего рожна?.. Нѣтъ, по-нашему не такъ. По-нашему, по-старинному, ежели такое безобразіе увидалъ я, начальникъ, я-бъ такъ не оставилъ... Я бы первымъ долгомъ подошелъ да спросилъ:—«Кто ты такой?»—«Иванъ Ивановъ», примѣрно говоритъ.—«Чей?»—«Такихъ-то!»—«Велика ли семья-то у

васъ?»—«Да вотъ пятеро, молъ, всѣхъ-то».—«А работниковъ?»—«Да я, молъ!»—«Одинъ?»—«Одинъ!»—«Такъ какъ же ты, безумецъ, въ сапогахъ-то по мокротѣ осмѣлился ходить? Вѣдь сапоги-то, необузданный ты человѣкъ, семь съ полтиной, анаѳема ты этакая, а ты ихъ таскаешь зря! А зимой я пошлю тебя въ лѣсъ за дровами,—въ онучахъ поѣдешь? Ноги отморозишь, проваляешься безъ ногъ всю зиму, семью оголодишь, охолодишь? Н-ну-ка, поди-ка, я тебя переобую!» («Переобулъ изъ сапогъ въ лапти»,—припомнилась мнѣ поговорка народная...) Такъ онъ и будетъ у меня знать, когда ему въ сапогахъ щеголять, а когда въ лапоточкахъ! Небось, не трону, кто не заслуживаетъ этого... Иной хоть въ бархатныхъ штанахъ въ воду влѣзь, и то мнѣ наплевать... Спрошу только:—«Чей?»—«Такихъ-то!» Вижу, ежели люди въ силахъ, въ достаткѣ, что человѣку это не въ разореніе, такъ сдѣлай милость: хоть, говорю, въ золотой кафтанъ облачись да на навозъ ложись, такъ шутъ тебя и возьми,—все мнѣ равно!.. А нонѣ вѣдь какъ? Недавнись поѣхалъ я такъ-то на пароходѣ по своимъ дѣламъ въ городъ; гляжу: на палубѣ сидитъ дѣвочка одна, хорошая, работящая дѣвочка, ужъ невѣста, изъ нашей деревни. И ее-то я знаю, и мать-то ейную знаю... Ихъ только двѣ и есть съ матерью.

— «Куда, молъ?» — «У городъ». — «Зачѣмъ?» — «Покупать».—«Ну, говорю, слава Богу, что на покупку деньги есть... Свои ли?»—«Вѣстимо, не чужія...»—«Какія-такія?»—«Такія вотъ...» Цѣлую, вишь, весну кору ивовую драла (вѣдь зубами ее драть-то надо!), грибы собирала, стирала у попа, гряды копала, одно слово, билась, истинно, какъ говорится, до кроваваго пота... Ну, похвалилъ: «умница, молъ!..» Славная дѣвочка, одно слово! Ну, пріѣхали.—«Знаешь ли, молъ, гдѣ лавки-то?»—«Не знаю, дяденька».—«Ну, молъ, пойдемъ, покажу. Покуповала ли когда что въ городѣ-то?»—«Нѣтъ, говоритъ, и въ городѣ-то не бывала...» Вижу, надо дѣвчонку проводить, нельзя такъ бросить, оберутъ, ограбятъ... Да и самому кстати въ лавки-то требуется.—«Ну, пойдемъ, говорю, востроглазая, поведу я тебя, покажу... Какихъ, молъ, тебѣ лавокъ надо, съ какимъ товаромъ?»—«А мнѣ, говоритъ, дяденька, модныхъ лавокъ, съ модньмъ товаромъ».

— Ишь вѣдь что, — скажи, пожалуйста!—воскликнулъ аракчеевецъ.

Но бурмистръ не слушалъ его и продолжалъ:

— «Ахъ, ты, говорю, пострѣленокъ этакій! Какихъ-

такихъ модныхъ лавокъ тебѣ? Я вотъ до сѣдыхъ волосъ дожилъ и то не знаю, какой модный товаръ есть!» Ну, однакожъ дѣлать нечего, сталъ искать. Тамъ спросимъ, туда заглянемъ, видимъ наконецъ, того, лавку, чепцы да эти самыя перья всякія, чулки и все такое. Увидала, такъ туда и воткнулась. Я стою въ дверяхъ, гляжу... Вижу, шебаршитъ моя землячка разными товарами,—и красные, и зеленые, всякіе. И порядочно-таки она промаяла меня,—разгорѣлись глаза-то... Выскочила, какъ земляника красная. — «Теперь, говоритъ, въ башмачную лавку!» — «Ну, молъ, шутъ съ тобой, пойдемъ въ башмачную ужъ заодно». Пошли. Покупаетъ сапожки на каблучкахъ, на подковкахъ... Пригнала одни такіе-то по ногѣ, любуется,—хвать, а по деньгамъ-то не хватаетъ цѣлаго полтинника... Плачется, убивается, молитъ-проситъ.—«Я тебѣ, дяденька, и яичекъ, и того, и другого...»—«Ну, молъ, ладно»,—и далъ. Рада-радехонька, а осталась сама безъ копейки.—«Чай, спрашиваю, ѣсть хочешь? Взяла ли что съ собой?»—«Ничего нѣтъ!»—Ахъ ты, думаю, все на наряды!.. Далъ ей двугривенный на ѣду и за билетъ заплатилъ. Задолжала она мнѣ больше рубля. Ну, Богъ съ ней, думаю, да и не дать нельзя,—аккуратная дѣвчонка. Н-ну, хорошо... Проходитъ время, недѣля, двѣ ли, или тамъ мѣсяцъ, встрѣтилъ ее разъ,—гуляетъ, одѣлась ничего, опрятно: и платьице новенькое и ботинки съ каблучками... Не хуже другихъ, честно, благородно. Только, не помню, въ какой-то праздникъ пріѣхали барки сѣно грузить, кликнули лоцмана дѣвокъ, всѣ наши франтихи и повалили въ своихъ нарядахъ! Гляжу, и наша красавица: сапожки съ каблучками, платье съ бантами, а черезъ лобъ веревку перегнула, сѣно тащитъ, тридцать, вишь, копеекъ!.. А изорветъ-то сколько? Вѣдь труда-то, горькая, сколько она приняла, вѣдь это только подумать надобно!.. Погляди у ней, у сироты, въ домѣ ни пить ни ѣсть нечего; все, что горемычная выработала тяжкими своими трудами,—все на наряды, потому ей хуже другихъ нельзя быть, обидно,—это кого хошь возьми... Все на нарядъ убила, не допивала, не доѣдала, да издеретъ этотъ самый нарядъ, потому перемѣниться нечѣмъ, за тридцать копеекъ издеретъ на тридцать рублей. Вотъ какія горемычныя!.. Вѣдь вотъ нонѣ какіе стали порядки-то, а вникнуть некому.

— Досмотрѣть-то, главная причина, некому! — пояснилъ аракчеевецъ.

— Да какъ же и что тутъ можно досмотрѣть? — спросилъ я.

— Не знаю, нонѣшнихъ порядковъ судить не могу, а что въ наше время досматривали. Умѣли, знали. Конечно, наше время было крѣпостное, не дай Богъ и вспомнить-то иной разъ, а мы все-жъ понимали правду хозяйственную. Я про себя скажу: я двадцать лѣтъ вызудилъ у помѣщика, у барина, въ бурмистрахъ, много грѣха на душу принялъ,—а что, по совѣсти скажу, помнилъ Бога, наблюдалъ правду, и ужъ у меня, въ моемъ хозяйствѣ такихъ дѣловъ не бывало. Возьми ты вотъ хоть бы эту горемычную дѣвчонку. Изъ-за чего она, бѣдняга, убивается? Хочется ей, чтобы противъ людей не быть хуже. Вотъ она изъ всѣхъ силъ и бьется, чтобы нарядиться. Да не одна она, а много ихъ, горемыкъ, рвутся по нарядамъ другъ съ дружкой поравняться, потому что же онѣ, въ самомъ дѣлѣ, за горькія такія уродились, что имъ надо быть хуже всѣхъ? Вотъ онѣ и норовятъ съ прочими франтихами поравняться, не ѣдятъ, не пьютъ, не спятъ ночей, бьются. А позвольте спросить, какія-такія эти прочія? Кто такія эти модницы? Говорятъ: вотъ такого-то крестьянина, вотъ такого-то... «Ихнія, молъ, дѣвки нарядились, а намъ, что-жъ, въ грязи ходить?» Хорошо, поглядимъ, какіе-такіе эти крестьяне, откуда у нихъ берутся деньги дочерей наряжать. Пошли, поспрошали. Точно, крестьянинъ считается, за двѣ души платитъ, точно такъ же, какъ вотъ и этотъ двудушный, тѣ же самые двадцать два рубля серебромъ; только у него, окромя надѣлу, Господи благослови, покосъ пудиковъ тысячи на три, да овса у мужиковъ онъ управскаго накупилъ по дешевымъ цѣнамъ да перепродалъ по дорогимъ, да съ барином ъѣздилъ зиму и поболѣ сотни въ карманъ положилъ, да то, да другое. Глядь, анъ и есть изъ чего франтовство-то заводить; вотъ онъ и нарядилъ свою дочь, какъ королевну. А другой-то мужикъ, тоже двудушный, тоже двадцать два рубля платитъ, тотъ-то ужъ и бьется, тотъ-то ужъ и телушку продалъ за полцѣны, тотъ-то и сѣно прежде времени сбылъ, тянется за богатѣемъ всячески, изъ всѣхъ жилъ вылѣзаетъ,—глядь, а ѣсть-то ни ему, ни дочери, ни скотинѣ нечего, не только что дочери платье сшить!.. А не доплатилъ подати,—его драть! Вотъ и пошелъ человѣкъ со зломъ въ сердцѣ... А кабы по-нашему-то, такъ не такъ бы вышло. По-нашему-то, пошелъ бы я къ богатѣю-то этому,—ежели-бъ то-есть я былъ, примѣромъ сказать, на-

чальникъ,—пошелъ бы къ нему, да честь-честью поклонившись да Богу помолившись, и сталъ бы его успрашивать:— «Ты откуда, молъ, разжился?»—«Такъ, молъ, и такъ: овесъ покупалъ».—«Какой овесъ?»—«Управскій».—«По много-ль платилъ?»—«По четыре серебра».—«А по много-ль продавалъ?»—«По восьми». — «Хорошо ты, другъ мой, дѣлалъ! А между прочимъ, пойдемъ-ка мы съ тобой въ волость, да сниму я съ тебя бархатныя твои панталоны, да внушу тебѣ почитаніе къ закону. Ложись, анаѳема-проклятъ! Ты какъ смѣлъ управскій овесъ покупать, коль скоро онъ данъ на посѣвъ? Ты какъ же смѣлъ изъ нужды человѣку четыре цѣлковыхъ вмѣсто восьми давать? Такъ-то, братецъ мой, и волкъ богатѣетъ, чужое тащитъ! Не богатѣй ты, а разбойникъ, въ мутной водѣ рыбу ловишь!» Да и прописалъ бы ему диплонъ—вѣкъ бы не забылъ! Вотъ онъ бы у меня и не наряжалъ дочь-то королевной, не вводилъ бы въ грѣхъ другихъ, не стыдилъ бы нарядами-то бѣдноту, а бѣднота-то не лѣзла бы изъ всѣхъ силъ и жилъ, чтобы поравняться... Вотъ что есть начальникъ! А нонѣшніе? — Да для нонѣшнихъ этакій-то живорѣзъ—первый другъ и сватъ! Онъ грабитъ, а они дерутъ ограбленныхъ. Онъ грабитъ, а они на награбленное чаи распиваютъ, кофеи, все такое! Вотъ кого надо растянуть да поддымить березовымъ составомъ!

— Во-отъ!—прибавилъ аракчеевецъ.

Бурмистръ нюхалъ табакъ, волнуясь и торопясь.

IV.

Въ это время изъ-за верхушекъ лѣса, давно уже освѣщенныхъ румяною зарей, показался яркій золотой край солнца, и надъ лѣсомъ вспыхнуло «жаркое полымя» свѣта. Стало теплѣть. Народъ сталъ подниматься, но монастырскія ворота были еще заперты, и только сквозь маленькую калитку по временамъ выбѣгали послушники, направляясь то въ гостиницу, то въ трактиръ. Трактирщикъ затопилъ «кубъ» для кипятку. Торговцы орѣхами и пряниками стали разбирать свои товары.

Спрятавъ въ карманъ табакерку и перекрестившись на солнце, бурмистръ продолжалъ:

— Мы, конечно, люди стараго закону, въ новыхъ порядкахъ мы не указчики, а ежели глядѣть по-нашему, такъ большая идетъ неправда. По-нашему, я прямо скажу, мы глядѣли на народъ хозяйственнѣе. Конечно, что мы хотѣли отъ народа—больше ничего, что пользы для себя; но только мы

понимали, что ежели мы разоримъ, разстроимъ человѣка, такъ и пользы намъ не будетъ. Скажу про себя: были мы крѣпостные. Ужъ должно-быть, что такъ Богу было угодно, чтобы быть намъ въ рабствѣ, объ этомъ дѣло не наше разговаривать, стало-быть, ужъ такое было повелѣніе Божіе, чтобъ одинъ былъ баринъ, а другой былъ бы мужикъ, одинъ бы не работалъ, а другой бы работалъ на него. Вотъ поставляетъ, предположимъ, Господь надъ нами барина, а баринъ и говоритъ: «Вы, говоритъ, мои подданные, обязаны мнѣ вотъ то-то и то-то предоставить: денегъ мнѣ требуется столько, а провизіи столько, а всего прочаго этакое-то вотъ число». Хорошо. Призываетъ онъ, баринъ, положимъ, хоть меня, раба своего, и говоритъ:—«Миронъ! препоручаю тебѣ все сіе къ исполненію. Буде исполнишь, похвалю, а буде не исполнишь, то ожесточусь и всѣхъ васъ до единаго разорю и расточу. Помни и поступай!» Вотъ Миронъ и думаетъ: «Баринъ, дѣйствительно, всѣхъ насъ можетъ разорить и истязать, потому у него сила и все. Тутъ ужъ лучше же я какъ-нибудь по-божески». Вотъ я и гляжу на народъ: народу столько-то, рукъ столько-то, господской работы столько-то, гляжу и распредѣляю. Вижу я—одинъ силенъ, а другой слабъ; вижу—одинъ работящъ, другой лѣнивъ, а третій совсѣмъ ослабъ. Вижу я и думаю: «Ежели я ихъ такъ оставлю, да буду только съ нихъ взыскивать, да пороть ихъ на конюшнѣ, такъ они не только-что господскаго не отработаютъ, а и сами въ конецъ изведутся». Вотъ я и начинаю хозяйствовать; знаю я каждую семью и обсуждаю такъ, чтобы силъ въ ней не пропадало. Для примѣра обсудимъ хоть одно семейство. Отъ первой жены остался у хозяина одинъ сынъ, а отъ мачехи пятеро ребятъ выросло. Мачеха, конечно, ужъ мать, одно слово, своихъ дѣтей любитъ, а чужихъ ѣстъ: то не такъ, другое не такъ,—а малый скучаетъ, гадитъ ей, тоскуетъ, ни къ работѣ ни къ чему душа у него не лежитъ... Гляжу я на него и вижу, что у меня въ этомъ маломъ барская польза пропадаетъ. Пошелъ, выбралъ ему невѣсту подъ пару, отдѣлилъ изъ отцовскаго добра, что ему слѣдуетъ, помогъ обстроиться и наложилъ на него, что слѣдуетъ по препорціи. Такъ и смотришь по человѣку: — «Ты, молъ, что болтаешься?» — «Такъ и такъ, не хозяйственный я человѣкъ. Нѣтъ у меня на это талану... А жениться я вовѣкъ не соглашусь, лучше, молъ, я зарѣжусь, чѣмъ съ бабой связаться». Что сдѣлаешь съ такимъ человѣкомъ?.. А бываетъ.

Вотъ и надобно ему отыскать работу, а то такъ-то онъ изболтается, пожалуй, воровать начнетъ, такъ лучше же я его прилажу къ пользѣ. Обдумаешь и помѣстишь либо къ скотинѣ, либо къ птицѣ, либо по мастерству. Надо человѣка узнать, что̀ онъ можетъ, да на томъ ужъ и взыскивать. А то эка выдумали—драть! Думаютъ, палкой-то изъ него и невѣдомо что̀ выбьешь. Я однова какъ бился съ однимъ мальчишкой, годовъ пять мучился, а нѣтъ никакихъ способовъ. Я его къ овцамъ—плачетъ, бѣжитъ; накажу—опять плачетъ. Я его къ гусямъ—распуститъ, спрячется, испугается. Я его на кузню—слабъ, силовъ нѣтъ. Я его попу въ пѣвчіе—не можетъ. Туда-сюда, вбивалъ-вбивалъ его въ мѣста-то, выпираетъ его оттэдова сила нечистая, хоть брось. Думали-было продать его въ казачки, да случилось мнѣ какъ-то въ людскую зайти, и вижу я, что на двери чортъ нарисованъ уголемъ, да такой, что я такъ и отпрянулъ, съ испугу чуть въ погребъ не провалился. Кто, молъ, такую образину намалевалъ? Дознался,—Ѳеодоръ, этотъ самый безталанный. «А, думаю, вотъ гдѣ твоя часть-то!» Запрягъ лошадь и отвезъ его въ городъ къ живописцу. Въ два мѣсяца такой вышелъ молодецъ, — и вывѣски, и патреты, и наконецъ, того, образа̀ почалъ рисовать. Привезъ мнѣ Мирона мученика, моего ангела.—«Отпустите въ Петербургъ, а то я задавлюсь, ежели не отпустите!» Что̀ тутъ дѣлать? Отписалъ барину. Баринъ разрѣшилъ. Отправили... А года черезъ два, слышу-послышу, за четыре, милый другъ, тысячи его какая-то графиня выкупила да за границу! Да такимъ, братъ, сталъ бариномъ,—самъ нашъ баринъ сказывалъ,—рукой не достанешь. Такъ вотъ какъ! А что̀ бы, ежели бы безъ вниманія-то его оставить? Ежели бы я его дралъ, такъ, пожалуй, со страху онъ бы и сталъ бы мнѣ овецъ-то пасти, а настоящій-то доходъ пропалъ отъ него. Драть-то я его хоша и дралъ, а вникать тоже вникалъ, вотъ и нашелъ, въ чемъ его часть состоитъ. Такъ-то, другъ милый, и во всемъ надо! Вижу я, началъ у меня мужикъ толстѣть да богатѣть, такъ я и порцію съ него возьму сообразную.., Сталъ онъ медомъ разживаться, я у него и меду отломлю по размѣру. Сталъ онъ луга снимать, опять же отдай по сообразности. Сталъ онъ у меня въ двѣсти разъ богаче, я съ него въ двѣсти разъ больше и взыщу. Вотъ онъ у меня и растетъ ровненько противъ прочихъ. Онъ у меня вверхъ, а я ему макушку-то прочь! Вотъ и другимъ-то противъ его толстоты не обидно. Ужъ у меня бы

не было этакой, напримѣръ, несчастной дѣвчонки, какъ я сказывалъ: бьется, рвется, а ѣсть нечего. Я бы первымъ долгомъ приладилъ бы ее къ мужику, да посадилъ бы на землю, да далъ бы скотину, вотъ они бы и стали у меня по-человѣчьи жить. Конечно, бываетъ, что въ мужья-то злодѣй какой попадется, да вѣдь какъ это узнаешь? Это ужъ дѣло Божье, какъ Господь указалъ кому какое счастье... А что наша хозяйская часть—вѣрно говорю—была правильная! Взыскивали, когда было съ чего. Ѣздили, да и скотину кормили, смотрѣли, чтобъ не напоролась на колъ, не влѣзла въ оврагъ, ноги не сломала, потому она денегъ стоитъ. А нонче вотъ и нѣтъ хозяйскаго-то глазу. Хоть умри, только подати отдай; а отдалъ подати, хоть опейся. Это, другъ любезный, не хозяйство, а разбойство! А что ихъ тамъ тьмы темъ, такъ это мы даже и понимать не можемъ. Для нашего крестьянскаго житія *кто не хозяинъ, тотъ и не начальникъ!*

V.

Въ монастырѣ стали звонить. Ворота монастырскія отворились. Народъ поднялся и направился въ церковь.

Отряхая съ одежды разный приставшій къ ней соръ, направлялись къ церкви и аракчеевецъ съ бурмистромъ.

— Пойдемъ-ка, — сказалъ мнѣ послѣдній мимоходомъ:— пойдемъ-ка, я покажу тебѣ нашу Царицу Небесную... Кресть-ян-скую! — прибавилъ онъ какъ-то особенно выразительно. — Какъ было у насъ житье крестьянское, на крестьянскомъ положеніи, то и горести у насъ были свои, крестьянскія, и съ горестями съ этими мы къ Заступницѣ шли... И она, Матушка, тоже была наша, крестьянская... Да и посейчасъ есть... Вотъ погляди!

Протискиваясь сквозь толпу народа, мы вошли въ какую-то старинную маленькую церковку, гдѣ бурмистръ указалъ мнѣ на крестьянскую Божію Матерь. И точно, никогда не видалъ я такого изображенія: Божія Матерь была изображена съ веретеномъ! Дѣйствительно, изображеніе какъ нельзя лучше подходило къ общему тону крестьянства, т.-е. крестьянскаго хозяйства, которымъ исключительно жили народныя массы.

— А теперь, — сказалъ бурмистръ, помолившись предъ иконою Божіей Матери: — пойдемъ и къ угоднику нашему, тоже крестьянскій заступникъ. Изъ древнѣйшихъ временъ считаемъ мы его своимъ покровителемъ. Книжка тутъ про

его житіе продается, такъ тамъ сказано, что всѣ мы здѣшніе окрестные крестьяне къ монастырю этому были приписаны. Лѣтъ, поди, четыреста назадъ ужъ мы были подъ монастыремъ, когда еще Новгородъ Великимъ прозывался. Въ книжкѣ-то сказано, какъ угодникъ къ царю въ Москву ѣздилъ все хлопотать, чтобъ насъ-то царь не отбиралъ отъ обители. А царь-то въ ту пору собирался Новъ-то-городъ разорять. Ну, царь его и уважилъ. Вотъ, другъ мой любезный, мы и молимся угоднику-то нашему, крестьянскому, когда ежели постигнетъ насъ какая крестьянская бѣда. Видишь, вотъ что тутъ нарисовано? Погляди-ка!

Мы остановились подъ монастырскими воротами, гдѣ былъ изображенъ крестьянинъ съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ, выводимый угодникомъ изъ темницы; вверху было написано: «Святитель Іона *) освобождаетъ земледѣльца».

Эту надпись я прочиталъ вслухъ.

— Ну, вонъ, видишь! Это вонъ помѣщикъ какой-то заперъ земледѣльца, стало-быть, мужика, въ темную... И заперъ-то его занапрасно. Ну, вотъ нашъ-то святитель и вывелъ его тайно въ нощи. А то еще въ житіи пишется, какъ крестьянинъ въ лѣсу заблудился. Пошелъ, вишь, за ягодами, да и не найдетъ дороги-то назадъ... Лѣса-то, братъ ты мой, были втѣпоры темные, дремучіе... Вотъ мужикъ-то и взмолился разнымъ угодникамъ, — сначала одному, потомъ другому, все ему не было помощи. А какъ призвалъ да возопіилъ въ своему-то, къ нашему-то, тую-жъ минутою онъ его и вывелъ на дорогу... Истинно нашъ крестьянскій заступникъ!

Мы вошли въ церковь; тамъ шла панихида, — угодникъ лежитъ подъ спудомъ,—и громкимъ голосомъ читалась написанная въ похвалу угоднику молитва. Были въ этой молитвѣ такіе стихи:

«О, великій святителю, преблаженне отче нашъ!

«*Обидимымъ вдовамъ* скорый въ бѣдахъ заступниче!

«*Сиротамъ* напаствуемымъ милостивый въ напастѣхъ защитниче!

«*Заключеннымъ въ темницѣ,* бѣдствующимъ утѣшительный попечителю!

«*Тающимъ гладомъ* милосердый питателю!

«*Скитающимся убогимъ* странникамъ страннолюбивый страннопріимниче!

*) Іона Отенскій.

«О, заступниче *бѣдныхъ* дерзновенный!.. Услыши и насъ!»

. . . . . .

Панихида кончилась. Мы вышли изъ церкви и очутились опять въ толпѣ.

— А и нонче, черезъ четыреста лѣтъ, нѣту намъ другого заступника!—прошепталъ какой-то задумчивый крестьянинъ.

VI.

Разсказъ бурмистра, весь проникнутый восторженнымъ поклоненіемъ стараго раба крѣпостному праву и крѣпостнымъ порядкамъ, хоть и вѣялъ по временамъ непривѣтливымъ, могильнымъ холодомъ непривѣтливаго прошлаго, но я слушалъ его съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, такъ какъ чувствовалъ, что, благодаря этому крѣпостному панегирику, темная для меня деревенская дѣйствительность понемногу начинаетъ выясняться. Нѣтъ спора, что взгляды старика на современные порядки и непорядки, на современное положеніе народа вообще, исключительно съ «хозяйственной» точки зрѣнія, съ точки зрѣнія разстройства *земледѣльчески-хозяйственной* организаціи деревни, — нѣтъ спора, что взгляды эти узки, ограниченны, но ихъ опредѣленность и подлинность, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ, невольно овладѣвали моимъ вниманіемъ, такъ какъ давали возможность хотя что-нибудь уяснить себѣ въ многосложной, исполненной загадокъ, картинѣ народной жизни. Не говоря о томъ, что, благодаря разсказу бурмистра, я могъ понять тѣ безчисленныя темныя деревенскія мелочи, которыя становятъ втупикъ всякаго не-деревенскаго жителя, выражаясь, напримѣръ, въ такихъ мнѣніяхъ, какъ то, что «некому смотрѣть за мужикомъ», или что «надо драть мужика за то, что продалъ сѣно, управскій овесъ,— и за то, что купилъ его»; не говоря, повторяю, объ этихъ частностяхъ, даже крупныя загадки народной жизни, и тѣ какъ будто получили возможность быть разгаданными, и все благодаря тому же разсказу стараго крѣпостника.

Чтобы читатель могъ и самъ лично убѣдиться въ томъ, какую услугу оказалъ намъ старый бурмистръ, приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ загадокъ, а потомъ попробуемъ разгадать ихъ на основаніи мнѣній и взглядовъ бурмистра. Далеко ходить за этими загадками намъ не приходится, такъ какъ если у насъ съ вами, читатель, есть на столѣ два-три журнала, да если къ тому же мы имѣемъ привычку ежедневно просматривать по нѣскольку газетъ, такъ загадокъ этихъ у

насъ съ вами ежедневно, какъ говорится, полны руки дѣвать некуда... Возьмемъ для начала хоть такое явленіе, какъ прошлогодній самарскій голодъ.

Осенью прошлаго года во всѣхъ почти поволжскихъ губерніяхъ оказался страшный неурожай: хлѣбъ тотчасъ послѣ уборки достигъ огромной цѣны, почти двухъ рублей за пудъ, а спустя мѣсяцъ сталъ дороже двухъ рублей. Печеный хлѣбъ въ Самарѣ, Саратовѣ,—этихъ житницахъ Россіи,—началъ продаваться по небывалой цѣнѣ—4 и 5 коп. фунтъ. Неурожай и голодъ очевидны. Люди, принимающіе близко къ сердцу народное горе, писали корреспонденціи въ газеты, переполненныя ужасающихъ подробностей: то вы читаете, что въ такой-то деревнѣ вдова-крестьянка *повѣсилась отъ голода;* то вамъ разсказываютъ о цѣлыхъ деревняхъ, голодающихъ сплошь. Корреспондентъ посѣщаетъ жилища крестьянъ и въ каждомъ изъ нихъ находитъ истомленныхъ, опухшихъ людей, которые ничего не ѣли вторыя и третьи сутки. Хлѣбъ, присылаемый изъ голодныхъ мѣстъ въ редакціи газетъ, потрясаетъ своимъ ужаснымъ видомъ. Появляются описанія такихъ пищевыхъ изобрѣтеній, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ: одинъ мужикъ на глазахъ корреспондента вѣникомъ вымелъ амбаръ, въ которомъ остатки зерна были перемѣшаны съ куринымъ пометомъ, прибавилъ туда лебеды, осиновой коры и все это, замѣсивъ, поставилъ въ печь (которая очень часто бываетъ совершенно нетопленная, такъ какъ дровъ купить не на что). Но и этой *пищи* (!!),—прибавляетъ корреспондентъ:—едва ли хватитъ семейству, состоящему изъ семи душъ. Къ описаніямъ такихъ ужасныхъ съѣстныхъ припасовъ прибавлялось обыкновенно, что «скотъ проданъ за безцѣнокъ; коровы продавались за одинъ рубль и много два; жеребята двухлѣтніе покупались за 50 коп., телята по гривеннику, а лошадей отдавали почти даромъ». Подъ впечатлѣніемъ этихъ ужасовъ самый языкъ корреспонденцій какъ бы озвѣринился, такъ какъ о людяхъ начали писать только какъ о голодныхъ ртахъ: вмѣсто слова «человѣкъ» стали писать «ѣдокъ». Въ семьѣ столько-то «ѣдоковъ». Иногда писалось: «столько-то ртовъ». Одни ужасы слѣдовали за другими.

А въ то же время такіе совершенно непреложные, неопровержимые факты, какъ «голодъ» и «неурожай», начали осложняться новымъ неожиданнымъ и совершенно загадочнымъ явленіемъ, а именно: хлѣбъ, который *тотчасъ послѣ*

урожая стоилъ 2 р. пудъ, началъ дешевѣть. «Что это значитъ?—вопрошаетъ недоумѣвающій читатель. Въ августѣ онъ былъ два рубля, въ январѣ—около полутора, въ февралѣ — еще меньше, а въ мартѣ — 90 коп. Что за чудо? Откуда такая благодать? Въ самое обыкновенное, болѣе или менѣе урожайное время, всегда хлѣбъ дорожаетъ къ веснѣ, потому что какъ бы его ни было много, а его съѣдятъ за зиму, къ веснѣ его останется меньше и цѣна ему будетъ дороже. Тутъ же происходитъ что-то невѣроятное. Хлѣба *не могло* быть потому, что неурожай полный, видимый, ясный для всѣхъ и каждаго. Опухшіе мужики—не фантазія, а фактъ, удостовѣренный свѣдущими и добросовѣстными людьми. Кромѣ того, изъ этого неурожая сравнительно самая большая часть собраннаго зерна куплена-таки иностранными торговцами и увезена за границу. Хлѣба, стало-быть, осталась въ обращеніи ничтожная часть, да и изъ этой ничтожной части пріобрѣтена земствами голодающихъ мѣстъ тоже масса хлѣба, крайне по размѣрамъ недостаточная для самаго умѣреннаго прокормленія населенія. Но хотя земство и не могло пріобрѣсти столько, сколько требовалось, все-таки оно пріобрѣло столько, сколько было можно. Этотъ пріобрѣтенный земствомъ хлѣбъ долженъ быть съѣденъ народомъ. Хлѣба нѣтъ—очевидно, а хлѣбъ все дешевле да дешевле... Къ маю мѣсяцу, когда обыкновенно хлѣбъ ужасно дорогъ, онъ оказывается по 80 коп. пудъ, въ іюнѣ—70 коп.»

И въ концѣ концовъ недоумѣвающій читатель газетъ пораженъ такимъ извѣстіемъ, опубликованнымъ въ одномъ изъ весеннихъ нумеровъ любой газеты: «Крестьянинъ такой-то, выѣхавъ на базаръ продавать хлѣбъ, былъ несказанно изумленъ, узнавъ что цѣна хлѣба упала съ 2 рублей до 70 к. за пудъ. Возвратившись домой съ непроданнымъ хлѣбомъ, онъ затосковалъ и въ ночь съ такого-то числа на такое-то повѣсился въ ригѣ на вожжахъ».

— Господи Боже!—восклицаетъ читатель, у котораго всѣ эти извѣстія съ самой осени ложились камнемъ на душу:— да что-жъ все это означаетъ? То женщина вѣшается потому, что хлѣбъ 2 рубля, то мужикъ вѣшается потому, что онъ 70 коп. Что же будетъ, если, вмѣсто голода, Господь пошлетъ урожай, хлѣбъ упадетъ въ цѣнѣ, спустится до 25 коп.? Если вѣшаются отъ дешевизны, какъ и отъ дороговизны, то при хорошемъ урожаѣ должна развиться сущая эпидемія самоубійствъ. А урожай, какъ на грѣхъ, тутъ и есть. «Небывалые всходы!» «Зерно дало 14 ко-

лосьевъ по 80 зеренъ!» «Съ десятины получилось до 200 пуд. чистаго хлѣба!» Читаешь и не знаешь — радоваться или плакать. И дѣйствительно, несмотря на огромный, небывалый урожай, уже слышатся голоса: «Едва ли крестьянинъ улучшитъ свое благосостояніе... Дешевизна хлѣба при дороговизнѣ скотины... Самая плохая лошадь на Покровской ярмаркѣ продавалась не менѣе ста рублей, теленокъ 12 — 15 рублей, корова 40 — 60 руб.» и т. д. Чувствуете вы, что въ видѣ огромнаго урожая надвигается какая-то новая бѣда. «Буди воля Твоя!»—говорите вы со вздохомъ и все-таки въ концѣ концовъ не можете понять, откуда взялся хлѣбъ, когда былъ неурожай, и почему этотъ таинственный хлѣбъ началъ дешевѣть къ веснѣ вопреки всякимъ вѣроятіямъ?

Это загадка—нумеръ первый.

Не трудно намъ отыскать и загадку нумеръ второй и третій. Развертываемъ книжку журнала и читаемъ статью:— «Санитарное состояніе русской деревни». По словамъ автора, основаннымъ на самыхъ точныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ земскими управами, смертность въ нашихъ деревняхъ, благодаря невозможнымъ гигіеническимъ условіямъ, возросла за послѣднее десятилѣтіе до огромныхъ размѣровъ. Цифры рожденій и смертности, выведенныя авторомъ за десятилѣтній періодъ, несомнѣнно доказываютъ, что умираетъ больше, чѣмъ родится. Причиной такого опустошенія выставляется дурное питаніе, а причиной дурного питанія— недостаточность *земельныхъ надѣловъ*. Но, думаетъ читатель, если причина—въ малоземельѣ, то вѣдь по нашимъ общиннымъ порядкамъ земля убылыхъ душъ разлагается на живущихъ. Страшна и ужасна такая ужасная смертность, но остающіеся въ живыхъ, получая больше земли послѣ покойниковъ, могутъ улучшить свое благосостояніе хотя на время. Не тутъ-то было.

Вотъ другая статья:—«Объ отхожихъ промыслахъ»—доказываетъ, что, и помимо смертности, малоземелье гонитъ народъ изъ деревень. Массы брошенныхъ земель встрѣчаются повсюду. Избы съ заколоченными окнами и воротами свидѣтельствуютъ, что человѣку, поставленному въ невозможность существованія, оставалось одно — бросить все и уйти куда глаза глядятъ. Затѣмъ, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ земскими управами, приводится рядъ цифръ, изъ которыхъ видно, что отхожіе промыслы обезлюживаютъ деревню хуже, чѣмъ дифтеритъ, хуже, чѣмъ

смертность, непропорціональная рождаемости. Корень такихъ выселеній изъ деревень лежитъ, по словамъ автора, *въ малоземельѣ*, недостаточности надѣловъ, не обезпечивающихъ самаго элементарнаго пропитанія.

«Вѣдь остается же кому-нибудь земля-то, брошенная умершими и ушедшими въ отхожій промыселъ? Кому-жъ она достается?» — вновь вопрошаетъ недоумѣвающій читатель и рѣшительно теряетъ всякую способность опредѣлительно отвѣтить на вопросъ, когда третья статья—«О переселеніи»—доказываетъ ему на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ земскими управами, что деревня высылаетъ ежегодно цѣлыя толпы переселенцевъ. «Цѣлыми вереницами,—пишетъ корреспондентъ:—тянутся черезъ нашъ городъ переселенцы, направляясь въ Сибирь, въ Тобольскую губернію... Партія переселенцевъ въ 300 человѣкъ при ста подводахъ прослѣдовала черезъ нашъ городъ...»

Эти извѣстія являются на ряду съ извѣстіями объ опустошительной смертности и объ отхожихъ промыслахъ. Смертность опустошаетъ, отхожіе промыслы опустошаютъ, земель остается много пустыхъ, зачѣмъ же еще искать этихъ земель за тысячи верстъ? На этотъ разъ оказывается, что переселяются отъ густоты населенія. Какъ такъ? Люди мрутъ какъ мухи, санитарныя и гигіеническія условія безбожны, и вдругъ оказывается какая-то густота? Но густота налицо. Свѣдѣнія, доставленныя изъ достовѣрныхъ источниковъ, удостовѣряютъ, что за десятилѣтній періодъ времени густота населенія увеличилась до такой степени, что на каждую дѣйствительную, а не ревизскую душу, не хватаетъ и по четверти десятины во всѣхъ трехъ поляхъ, и вотъ этотъ-то излишекъ населенія, въ полномъ смыслѣ слова обреченный на голодную смерть дома, и ищетъ новыхъ мѣстъ. Итакъ, что же долженъ вывести изъ всего этого недоумѣвающій читатель? Отъ малоземелья народъ мретъ, народъ бросаетъ землю, идетъ въ отхожіе промыслы, идетъ на переселеніе отъ того же малоземелья и густоты народонаселенія. Мретъ, бросаетъ, уходитъ,—стало-быть, остается послѣ всего этого пустыня, пространство пустой земли?

Такихъ загадокъ мы могли бы привести множество, если-бъ и безъ того не чувствовали неудовольствія, которое долженъ испытывать всякій человѣкъ, болѣе или менѣе озабоченный народнымъ дѣломъ, читая написанное нами.

— Такъ что же.—слышится намъ негодующій вопросъ

недовольнаго читателя: — неужели по-вашему все, что пишется о народныхъ несчастіяхъ — вздоръ и чепуха? Неужели все это пустыя фразы и ложь? И наконецъ возможно ли издѣваться надъ народными несчастьями, когда я самъ, собственными своими глазами...

— Нѣтъ, — отвѣчаю я: — все, что пишутъ о народныхъ бѣдствіяхъ, все это сущая правда. Не только бываетъ то, что пишутъ, а ежедневно, ежеминутно въ деревнѣ случаются такія возмутительныя вещи, которыя могутъ привести нервнаго человѣка въ содроганіе, и крайне жаль, что такія вещи пишутся только въ экстренныхъ случаяхъ, выплываютъ на Божій свѣтъ только въ такія исключительныя минуты, какъ всенародныя бѣдствія въ родѣ поголовнаго мора или поголовнаго неурожая. Все это—и подлинность малоземелья, и подлинность голодовокъ, и подлинность необычайной смертности—я признаю; я признаю полную возможность самоубійствъ съ голоду, признаю достовѣрность описанной корреспондентомъ невозможной пищи (наконецъ я самъ видѣлъ эту пищу и помимо корреспондента); словомъ, все это я считаю совершенно вѣрнымъ, правильнымъ, достойнымъ сочувствія, гнѣва, скорби, помощи, и все-таки чувствую, что во всемъ этомъ полчищѣ ужасовъ есть еще что-то, что зависитъ и отъ особенныхъ качествъ, свойственныхъ современной деревнѣ, о чемъ именно и была рѣчь въ разсказѣ бурмистра.

VII.

Предположимъ, что нѣкоторое лицо, желающее вести бесѣду о проклятыхъ вопросахъ деревенской жизни, искренно сочувствуя народу, проникнутое искреннѣйшимъ благоговѣніемъ къ «общинному землевладѣнію», пожелало бы разъяснить вышеупомянутыя загадки и спросило бы меня:

— Откуда взялся хлѣбъ, когда былъ неурожай, и почему этотъ хлѣбъ подешевѣлъ, вмѣсто того, чтобы подорожать?

— Хлѣбъ, милостивый государь, — отвѣчалъ бы я подъ вліяніемъ разъясненій бурмистра:—былъ тамъ же и взялся оттуда же, гдѣ былъ и голодъ. Въ однѣхъ и тѣхъ же деревняхъ люди умирали съ голоду, ѣли кору, пухли и т. д.— и въ тѣхъ же самыхъ деревняхъ были люди, которые не умирали съ голоду, а, напротивъ, поправлялись и толстѣли; въ однѣхъ и тѣхъ же деревняхъ были люди, которые продавали лошадь за рубль серебромъ, и были другіе люди, которые ее покупали за этотъ самый рубль и которые

теперь продаютъ ее назадъ за сорокъ и пятьдесятъ рублей.

— При общинномъ землевладѣніи? — съ негодованіемъ (какъ мнѣ кажется) перебиваетъ меня воображаемый собесѣдникъ.

И какъ мнѣ ни трудно огорчить вопрошателя, но, скрѣпя сердце, я говорю:

— При общинномъ!.. Увы, при общинномъ землевладѣніи!

— Въ однѣхъ и тѣхъ же деревняхъ?

— Въ однѣхъ и тѣхъ же.

— А смертность?

— Точно то же и со смертностью; мрутъ больные, голодные, худородные, а отъѣвшіеся здравы и невредимы! Одни мрутъ, какъ мухи, а другіе толстѣютъ, какъ борова.

— Въ однѣхъ и тѣхъ же деревняхъ?

— Въ однѣхъ и тѣхъ же.

— И при общинномъ землевладѣніи?

— При общинномъ.

Лицо воображаемаго собесѣдника моего вспыхнуло яркой краской негодованія. Онъ, какъ мнѣ кажется, готовъ былъ отвернуться отъ меня, прекратить разговоръ; но оскорбленіе, которое нанесъ я ему своими отвѣтами, до того взволновало его, что, отворачиваясь и негодуя, онъ гнѣвно задаетъ мнѣ, такъ сказать «въ упоръ», такой вопросъ:

— Такъ вы, что же, думаете, что хлѣбъ былъ припрятанъ у однихъ въ то время, когда другимъ нечего было ѣсть?

Слово «припрятанъ», признаюсь, коробитъ меня. Я былъ бы очень доволенъ, если бы собесѣдникъ мой не произносилъ такого грубаго слова, требующаго отъ меня не менѣе грубаго, жестокаго отвѣта; но дѣлать нечего, и, собравшись съ силами, я рѣшаюсь произнести ужасное слово.

— Увы!—говорю я, содрогаясь:—припрятанъ!

Сказавъ это, я чувствую, что морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ. Я самъ до такой степени потрясенъ этимъ словомъ, что едва я выговорилъ его, какъ у меня является непреодолимое желаніе сказать что-нибудь другое, помягче: но, вопреки усиліямъ, слышу, хотя и самъ не вѣрю, что я опять, подобно ворону Эдгара Поэ, прокаркалъ:

— Припрятанъ!

Опять хотѣлъ поправиться и опять прокаркалъ:

— Увы, припрятанъ! Увы!..

— При общинномъ землевладѣніи? — весь багровый отъ

негодованія, вопрошаетъ воображаемый собесѣдникъ, видимо желая, чтобъ я очувствовался, опомнился.

Но я, какъ безчувственный истуканъ, не могу ни придумать ни вымолвить чего-нибудь иного, кромѣ того же грубаго отвѣта.

— При общинномъ землевладѣніи! — говорю я, не имѣя силы, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить непріятное впечатлѣніе моей грубости.

Но воображаемый собесѣдникъ уже не глядитъ на меня,— онъ не хочетъ на меня смотрѣть и не говоритъ со мною. Это меня задѣваетъ за живое. За что такая немилость? И почему такое высокомѣрное нежеланіе видѣть и знать правду текущей минуты? Не обращая поэтому вниманія на надутыя негодованіемъ щеки собесѣдника и не заботясь особенно о томъ, слушаетъ онъ меня или нѣтъ, я, собственно для того, чтобы доказать, что у меня нѣтъ личной причины распускать дурныя вѣсти о народѣ, рѣшаюсь сказать воображаемому собесѣднику слѣдующее:

— Если вы,—говорю я ему:—дѣйствительно печалуетесь вообще о судьбѣ народа, то вамъ нечего бояться и негодовать на новыя злобы народной жизни и рѣшительно вредно успокаивать себя на такихъ дѣленіяхъ деревенскаго общества, какъ такія двѣ группы: народъ, община, деревня— одно; кулаки, грабители — другое. Такое дѣленіе, хотя и вполнѣ опредѣленное, суживаетъ вашу задачу и вашу заботу и пріучаетъ какъ къ неосновательному негодованію на порицателей деревенскаго зла, такъ и къ не менѣе неосновательнымъ надеждамъ. Въ виду неосновательности такого дѣленія общества, приведу слѣдующій примѣръ:

Во время самарской голодовки земствомъ и государствомъ была оказана помощь народу выдачею хлѣба зерномъ. Помощь эта распредѣляется вполнѣ согласно правильности распредѣленія земли,—правильности, доведенной до совершенства. На дѣлѣ же оказывается, что при такомъ-то совершенно правильномъ распредѣленіи помощь вся оказывается въ рукахъ тѣхъ деревенскихъ обывателей, у которыхъ больше земельныхъ душъ, т.-е. больше земли, а у несчастныхъ безземельныхъ ничего не оказывается. Бѣдняки помираютъ, а сосѣди—первый, второй и третій—получаютъ «по препорціи», при чемъ больше всѣхъ получаетъ тотъ, у кого по богатству есть еще прошлогодній хлѣбъ и который на получаемую помощь дѣлаетъ оборотъ. Такую раздачу вы основываете на общинномъ ручательствѣ, по-

лагая, что здѣсь всѣ *другъ за друга*, а на дѣлѣ такая раздача заставляетъ даже припрятывать хлѣбъ, у кого онъ есть, чтобы даромъ *не отвѣчать* понапрасну за бѣдныхъ, безземельныхъ людей. Да наконецъ самаго поверхностнаго взгляда на современную деревню достаточно для того, чтобы не подводить «подъ одно» всѣхъ деревенскихъ жителей и всѣ деревенскія мнѣнія и желанія. Основывать однородность деревенскихъ интересовъ на общинномъ землевладѣніи такъ же несправедливо, какъ если бы на основаніи общиннаго владѣнія петербургскимъ водопроводомъ, изъ котораго вода равномѣрно распредѣлена по всѣмъ жилищамъ, отъ дворца до лачуги за Нарвскою заставой, и притомъ совершенно одинаковая вода, то-есть какъ во дворцѣ, такъ и въ лачугѣ вода эта одного цвѣта, свойства, вкуса, идетъ изъ одного и того же источника, по совершенно одинаковымъ трубамъ, и распредѣляется каждому по надобности его, — если бы, повторяю, на одинаковости и правильности распредѣленія воды я основалъ одинаковость цѣлей, желаній, стремленій, хотя бы только до извѣстной степени, между всѣми тысячами людей, населяющихъ тысячи квартиръ съ одинаково проведенною водой; или вздумалъ бы на основаніи того, что вода распредѣлена между всѣми на основаніи потребностей каждаго, «сколько кому надо», — вздумалъ бы представить себѣ, что и средства обывателей распредѣляются такъ же равномѣрно и притомъ «сколько кому надо»; конечно, едва ли бы съ моей стороны въ этомъ не было ошибки. А между тѣмъ на основаніи общиннаго землевладѣнія строятся именно такого рода фантазіи; правильность и точность межевыхъ отношеній переносятся въ отношенія нравственныя; равненіе *средствъ* къ жизни продолжается совершенно произвольно и въ сферѣ нравственныхъ отношеній до того, что будто бы нельзя помочь вдовѣ отдѣльно отъ «міра», и что «за такія дѣла» міръ поколотитъ благотворителя *). Нѣтъ сомнѣнія, у деревни есть общіе интересы — такіе, которые сплачиваютъ деревню и дѣлаютъ ее «какъ одинъ человѣкъ». Но если народъ единятъ вѣсти и слухи о землѣ, нужда въ землѣ, лугахъ и вообще потребности и заботы о *средствахъ* жизни, — если во имя такихъ потребностей онъ думаетъ и поступаетъ однородно, всѣ какъ одинъ, такъ вѣдь и Петербургъ воз-

*) Это безобразіе, дѣйствительно, было изображено въ какой-то повѣсти, доказывающей справедливость мірскихъ порядковъ.

станетъ *весь*, какъ одинъ человѣкъ, если я запру водопроводъ, да и Москва возликуетъ, — вся Москва отъ Кремля до Грачевки,—если я объявлю, что «будетъ водопроводъ»... И все-таки, дѣлаясь въ этихъ случаяхъ какъ одинъ человѣкъ, ни Петербургъ ни Москва не спасаютъ себя отъ тѣхъ общественныхъ разъединеній, которыя существуютъ въ нихъ сію минуту. Деревенская жизнь вступаетъ въ совершенно *новый* фазисъ, становится въ совершенно *новыя* условія, подъ совершенно новыя вліянія и давленія, благодаря которымъ возникаютъ совершенно новыя явленія, явленія огромнаго разстройства всего организма, а вы (я продолжаю обращаться къ воображаемому собесѣднику) упорно не желаете вникнуть во всю глубину этого разстройства, отворачиваетесь отъ нихъ, отдѣлываетесь отъ нихъ небрежнымъ выраженіемъ: «все кулаки!» — потому что вы якобы до такой степени «влюблены» въ народъ, что не можете переносить грубаго съ нимъ обращенія... Въ межевыхъ ямахъ и столбахъ (которые въ дѣйствительности только одни остаются въ полномъ вашемъ распоряженіи, такъ какъ во всемъ прочемъ вы, какъ говорится, и пикнуть не смѣете)— вы видите и спасеніе, и блестящее будущее, и прочее и прочее. Но межевые столбы были всегда, во всѣ дни и годы русской жизни, а *кромѣ нихъ* чего-чего ни произошло въ этой жизни! И помѣшали ли сіи ямы какому бы то ни было, самому злодѣйскому давленію? Помѣшали ли онѣ существенной изъ язвъ современной деревни, именно — *разрушенію однородности средствъ* къ существованію? Между бѣдствующими безземельными крестьянами, толпами идущими «на новыя мѣста», немало есть и родовитыхъ аристократовъ пашни, которымъ именно и принадлежитъ идея идти на *новыя* мѣста и начать жизнь *сызнова*. И онъ идетъ. Общинные порядки, межевые столбы, ямы, все это осталось такъ же, какъ и было, на его родинѣ; но стала пропадать та понятливость отношеній сосѣдскихъ и домашнихъ, въ которыхъ онъ выросъ и помимо которыхъ онъ ничего не понимаетъ. Онъ претъ за тридевять земель, чтобы, повторяю, начинать жизнь *сызнова,* съ земли; чтобы совѣтоваться только съ нею, съ солнцемъ и съ небомъ, чтобы, только слушаясь ихъ, имѣть безгрѣшное право приказывать домашнимъ то-то и то-то, взыскивать, требовать, хвалить и миловать. Отъ керосиновой лампы онъ идетъ къ лучинѣ, отъ полусапожекъ, въ которыхъ стали щеголять снохи, къ лаптямъ, отъ ситцевыхъ платьевъ къ домотканному холсту,—

словомъ, онъ желаетъ реставрировать весь понятный и въ мельчайшихъ подробностяхъ зависимый отъ безгрѣшнаго труда земледѣлія порядокъ. Въ этомъ порядкѣ, основанномъ на трудѣ, въ которомъ «нѣтъ грѣха», онъ обрѣтаетъ и свое достоинство, и свое спокойствіе духа, и свои права гнѣва, милости, доброты. Онъ не понимаетъ, а если и понимаетъ, то ненавидитъ этого сосѣда-шерамыжника, который понялъ духъ вѣка, сталъ скупать и перепродавать овесъ и, благодаря грѣхомъ наживаемому богатству, затмеваетъ его, природнаго крестьянина, богатѣющаго только праведнымъ путемъ, только по волѣ Божьей, дающей талантъ, силу, счастье. Не желая приставать къ шерамыгамъ и невинно терпѣть отъ разозленнаго бѣдняка, этотъ аристократъ пашни снимается съ мѣста и идетъ за тридевять земель. Да и вообще всякій переселенецъ идетъ на новыя мѣста потому, что на старыхъ стало худо, неловко жить чистому крестьянину-земледѣльцу, неловко потому, что *оказалось необходимымъ и возможнымъ наживать деньги грѣхомъ,*—не земледѣльческимъ только трудомъ, а разными иными способами, и, пользуясь своимъ крестьянскимъ сосѣдствомъ и крестьянскимъ положеніемъ, употреблять неправильно нажитыя деньги на еще бо̀льшее разстройство своихъ сосѣдей. Словомъ, въ настоящее время въ самой маленькой деревнѣ, какъ и въ такомъ громадномъ верзилѣ, какъ Лондонъ, становится возможнымъ жить не своимъ, а чужимъ трудомъ. Отъ этихъ непорядковъ обиженные ими хотятъ отдѣлаться «своими средствіями»; а такъ какъ эти «средствія» могутъ, въ концѣ концовъ, послѣ дальнихъ окольныхъ путей, привести къ тому, что̀ можно и должно сдѣлать теперь, и притомъ просто, спокойно, то воображаемый мною слушатель значительно воодушевилъ бы себя и укрѣпилъ свою энергію въ народномъ дѣлѣ, если бы сосредоточилъ свое безпристрастное вниманіе именно на огромности общественныхъ непорядковъ деревни, вмѣсто того, чтобы возлагать неосновательныя надежды на межевыя ямы и общинное землевладѣніе: оно не нуждается въ защитѣ, но оно не обороняетъ отъ непорядковъ, до того не обороняетъ, что какіе-нибудь живорѣзы нарочно «вкупаются» въ общество деревни, чтобы свободнѣе опустошать ее.

V. Заячья совѣсть.

(Изъ разговоровъ съ другимъ старымъ бурмистромъ).

I.

Однажды на письменномъ столѣ въ моей деревенской рабочей комнатѣ я нашелъ большой, неуклюжій конвертъ, запечатанный и закапанный сургучемъ; и, несмотря на многосложнѣйшій адресъ, занимавшій всю свободную отъ сургуча сторону конверта, я только съ большими усиліями могъ догадаться, что конвертъ адресованъ дѣйствительно мнѣ, а не кому-нибудь другому. Распечаталъ я этотъ конвертъ и нашелъ въ немъ слѣдующее письмо, старинным почеркомъ написанное на цѣломъ листѣ писчей бумаги:

«Вы много пишете и ищете ключа въ щекотулкѣ дѣйствительной жизни, желаете надавить пружину, чтобы обозначилось, въ чемъ заключается будущее народа и въ чемъ состоитъ дѣйствительное благо. Только щекотулка не поддается пытливости вашей!

«...Можетъ-быть, вы, пишущіе и обдумывающіе, и есть патріоты истинные, но навѣрное въ числѣ меньшинства, за громаднымъ большинствомъ подавляющимъ. Въ древле Богъ поддержалъ Савла: «Савле, Савле! Что Мя гониши? Трудно тебѣ противу рожна прати!» Слѣдовательно оказалъ поддержку: «Знаю, молъ, что тебѣ трудно, однако— крѣпись!» А нонiче изъ тьмы большинства тоже самое слышите вы гласъ, только это гласъ зла!..

«...Много я въ жизни претерпѣлъ разныхъ ролей и ничего не нашелъ; радъ, что семейство не помретъ съ голоду, — но и на этотъ спокой я уже впослѣдствіи только согласился, то-есть со взглядами мыслящихъ въ большинствѣ: «не та честь, которая честна, а та, которая въ карманѣ видна». А въ прежнее время я все смотрѣлъ на расхищеніе Бога по своимъ карманамъ, смотрѣлъ болѣзненно и безсильно. Скорбѣла моя душа, и даже проектъ обнародовалъ о благѣ, надѣялся на сильныхъ и славныхъ и именитыхъ; только сильные эти думали о себѣ, а не о благѣ, и все разрушилось!

«А какъ все разрушилось, такъ и сильные стали рыться на пепелищѣ, какъ послѣ пожарища, ища золота или чего

порядочнаго, и дорылись до моего проекта, да люди-то все тончайшіе для своего только блага; для нихъ, подобно Наполеону третьему,—

Хоть весь свѣтъ въ огнѣ горп—
Лишь бы быть мнѣ въ Тюльери!

«А вѣдь время идетъ, и прошло двадцать лѣтъ, и какъ я воротился въ свою сторону и увидѣлъ: думали, что вѣчные столбы тысячелѣтія простоятъ, и никто насчетъ ихъ пригодности не любопытствовалъ, и такъ, молъ, прочны для зданія,—и что же? Ихъ уже червь подточилъ, тотъ самый червь, который на пепелищѣ-то потомъ рылся, послѣ разрушенія-то и пожарища, червь-то разрушитель всего и подточилъ столбы вѣковые!

«...Печатаніе же о крестьянскомъ быту—все безполезно; сколько ни пишите, бумага все терпитъ, а зло идетъ неустанно, оно не только что не лежитъ, но и не дремлетъ и спать никогда не будетъ, и всѣхъ и вся гонитъ къ розни!

Милостивъ Господь—до время!
Терпитъ до послѣднихъ дней!
О, несносно будетъ бремя
Избранныхъ Творцомъ людей!
Гнѣвъ Господень возгорится,
Славу явитъ Богъ мірамъ!
На воздусяхъ объявится
И разсудитъ по дѣламъ!
Своды неба потрясутся
Отъ Его движенья перстъ!
Всѣ народы возмятутся
На пространствѣ многихъ верстъ!..»

Тотчасъ послѣ стиховъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, слѣдовали такія строки: «Ежели угодно меня видѣть для бесѣды, то послѣ осьмого часу, вечерняго чаю, могу васъ принять у себя; по преклонности моихъ лѣтъ и болѣзней, ни въ какомъ случаѣ прошу меня не требовать для объясненій». И наконецъ слѣдовала подпись: «бывшій довѣренный графовъ Гусыниныхъ, крестьянинъ —ской губерніи Сидоръ Коробковъ».

Фамилія Коробковыхъ стала извѣстна мнѣ съ весьма недавняго времени; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принесли съ почты, вмѣстѣ съ письмами, карточку-объявленіе на толстой бумагѣ о продажѣ керосина, такого содержанія:

Главный и центральный агентъ
высшихъ нефтяныхъ продуктовъ
Н. Коробковъ
получаетъ керосинъ, масла, бензинъ, олеонинъ
изъ первыхъ рукъ.
Экспортъ бочками по востребованію
Парижъ, Лондонъ, Филадельфія.
Высшія награды.

А вслѣдъ за этимъ объявленіемъ, разосланнымъ по всѣмъ селамъ, деревнямъ и помѣщичьимъ домамъ въ окрестности, на станціи желѣзной дороги стали появляться керосиновые вагоны-цистерны; «закипѣло» новое, небывалое керосиновое «дѣло», и закипѣло совсѣмъ на новый ладъ; прежде здѣсь шли только сѣнныя дѣла, и шли, во-первыхъ, на чистыя деньги, — мужику деньги *сейчасъ* нужны,—а во-вторыхъ, шли такъ, какъ Богу угодно; сегодня «даютъ» семь копеекъ, а завтра двадцать семь, а послѣзавтра, глядишь, сѣно и «заиграло» до полтины, а потомъ опять спустилось до пятака. Словомъ, какъ Богу и Петербургу угодно, такъ и шло, такія цѣны и брали. Совсѣмъ не такъ повелъ дѣло центральный агентъ. Широчайшій кредитъ всѣмъ и каждому, конечно, подъ расписку; никакого спора въ цѣнахъ: «ниже всѣхъ» — вотъ цѣна, объявленная центральнымъ агентомъ. И немедленно возникло новое, небывалое въ нашихъ мѣстахъ явленіе,—биржевая игра. У кулачишекъ, у мужичишекъ явилась жажда хватать бочки съ керосиномъ въ долгъ и тутъ же перепродавать съ барышомъ. Словомъ, дѣйствительно «заиграли», а вслѣдъ затѣмъ пошли слухи: «прогоритъ», «безпремѣнно прогоритъ», «лопнетъ». И въ ту самую минуту, когда всѣ думали, что «лопнетъ» и что агента поглотитъ вновь прибывшій «жидъ»,—повсюду разнеслась новая вѣсть, правду сказать, до чрезвычайности радостная для всего кулацкаго міра, именно—вѣсть о томъ, что центральный «надулъ жида»! — «Надуть жида», т.-е. перехитрить самую филигранную работу плутовства, — это огромная заслуга и величайшее удовольствіе для всѣхъ нашихъ кулачишекъ, толкущихся около станціи. И все это сдѣлалось въ самое короткое время, и сдѣлалъ все это очень молоденькій, вполнѣ приличный мальчикъ, лѣтъ двадцати, котораго я очень часто встрѣчалъ на вокзалѣ желѣзной дороги. Съ самой милой улыбкой на молодомъ лицѣ, съ самыми вѣжливыми пріемами обращенія, въ опрятно надѣ-

той шведской курткѣ, онъ былъ совершенно новымъ явленіемъ среди первобытнаго кулачья, обиравшаго народъ «по сѣнной части»: и манера торговать, и манера надувать, и манера держать себя, и совершенно правильная рѣчь, испещренная словами: «экспортъ», «коносаментъ»,—все это было чрезвычайно ново и возбуждало къ молоденькой, веселой, ласковой и предупредительной фигуркѣ центральнаго агента всеобщее ласковое вниманіе, особливо послѣ того, какъ онъ, не теряя ни ласковости ни вѣжливости, сумѣлъ «надуть жида» и остался послѣ этого тѣмъ, чѣмъ и былъ до сихъ поръ.

Мужикъ, принесшій письмо и заглянувшій ко мнѣ на другой день, чтобы спросить: «не будетъ ли какого отвѣта?» объяснилъ мнѣ, что этотъ «центральный агентъ» есть самый младшій сынъ того старика Коробкова, который прислалъ мнѣ письмо; что другія дѣти его держатъ въ разныхъ селахъ лавки и трактиры, но что самъ старикъ не мѣшается «въ эти дѣла», такъ какъ дѣятельность центральнаго агента до того не по сердцу старику, что не разъ онъ грозился «проклясть», сына, несмотря на то, что въ Лондонѣ, Парижѣ и Филадельфіи дѣло его получило высшую награду. Разсказалъ мнѣ этотъ мужикъ, что старикъ—человѣкъ стараго «завѣту», стараго «лѣсу», твердый, кремневый, «упорный», что нониче такихъ мало стало, что, однимъ словомъ, башка на плечахъ у него здоровая. Была проведена параллель между нынѣшнимъ шерамыжнымъ направленіемъ наживы, представителемъ котораго былъ молодой Коробковъ, и старымъ образомъ жизни, образчикомъ котораго наилучшимъ образомъ могъ служить Коробковъ-старикъ, и всѣ выгоды этой параллели, съ крестьянской точки зрѣнія, остались за старикомъ. Старикъ честенъ, внимателенъ къ мужику, не только наживаетъ, но и добро дѣлаетъ, помогаетъ и т. д. Узналъ я также, что старикъ держитъ, неподалеку отъ нашей станціи, большую мукомольную мельницу, гдѣ и живетъ почти безвылѣздно.

— Да ужъ вѣрно, — говорилъ крестьянинъ, принесшій письмо:—что такихъ людей по нонѣшнему времени совсѣмъ не видать... Что нонче? Хоть бы сына его, Николашку, взять,—какое подобіе со старикомъ? Этому Николашкѣ-то только бы деньги наживать, только бы ассигнаціи въ руки попадали, больше ему ничего не надо; «все, молъ, купить можно!»—вотъ нонѣшняя манера. Ну, а по-стариковски-то не такъ,—не туда! Деньги нужны всякому, и старому деньги

нужны, только совѣсть-то ему дороже денегъ. Возьметъ и онъ деньги, только, чтобъ совѣсть не повредить, съ сердцемъ своимъ посовѣтуется; вотъ въ чемъ главное-то дѣло! Ему бы на своемъ вѣку-то какъ можно было хватать? Полный довѣренный по всѣмъ статьямъ, во всѣхъ угодьяхъ,— господа эво гдѣ, за тридесять земель, — загребай въ лапы все-всякое! Да совѣсть въ немъ человѣчья была, вотъ въ чемъ расчетъ-то! Конечно, что польза ему была, говорить нечего, но чтобы правду забыть, чтобы, напримѣръ, Бога безъ вниманія оставить, вотъ ужъ этого нѣтъ! А нынѣшній ужъ давно бы и господъ и мужиковъ «подъ одно» объегорилъ, да въ пинжакъ бы вскользнулъ изъ полушубка-то, да съ цыгаркой въ зубахъ въ первомъ классѣ и укатилъ бы съ курьерскимъ въ Петербургъ; а насчетъ того, что цѣлую тьму народу на своей наживѣ потопталъ, — это ему горя мало! Есть объ чемъ безпокоиться!.. Ну, а старикъ-то нѣ-этъ! Не такой породы!

Еще долго посланный старикомъ мужикъ расхваливалъ и на всевозможные лады, какъ говорится, расписывалъ «рѣдкостнаго по нонѣшнимъ временамъ старца», — но не знаю, удалось ли бы ему этими похвалами настолько соблазнить меня, чтобы я возымѣлъ желаніе завязать личное знакомство со старикомъ Коробковымъ: немало ужъ на своемъ вѣку видалъ я этихъ «упорныхъ», «твердыхъ» и разныхъ иныхъ наименованій стариковъ, обыкновенно весьма неумѣренно расхваливаемыхъ либо стариками же, либо людьми, приближающимися къ старости и выставляющими расхваливаемыхъ ими людей какъ такихъ, какихъ теперь и въ поминѣ нѣтъ. «Теперь такихъ людей нѣту! Гдѣ!» Выходило даже такъ, что умри, напримѣръ, Кузьма Ивановичъ, старикъ изъ числа такихъ, какихъ теперича нѣтъ нигдѣ, — такъ даже жутко становилось за будущее: «какъ же это мы всѣ-то, вся-то Россія, жить будемъ, ежели Кузьма-то Ивановичъ, сохрани Богъ, умретъ?» Но, къ сожалѣнію, при болѣе близкомъ личномъ знакомствѣ съ этими упорными и твердыми стариками, съ людьми, «какихъ по нонѣшнему времени осталось вовсе мало», — оказывалось, что крѣпостной опытъ этихъ стариковъ неширокъ, невеликъ по размѣрамъ потребностей, которымъ опытъ этотъ умѣлъ отвѣчать и которыя теперь неизмѣримо сложнѣе, шире и многозначительнѣе. Еще—такъ ли, сякъ ли — «упорный» старикъ сумѣетъ начертать довольно яркую картину современной деревенской неурядицы, но чтобы исцѣляющимъ

всѣ недуги средствомъ онъ не почиталъ прежде всего «строгость» и чтобы въ его благообразно-старческихъ рѣчахъ не чувствовалось присутствіе основной мысли о какомъ-то религіозно-нравственномъ кулакѣ или отечески-доброжелательномъ тумакѣ, любвеобильной палкѣ, — этого ни одинъ изъ «упорныхъ» старцевъ никоимъ образомъ не могъ избѣжать въ своихъ прожектахъ о томъ, что̀ надо было бы дѣлать теперь, и выше этого религіозно-любезнаго кулака никоимъ образомъ не могъ подняться въ своихъ мечтаніяхъ. Признаюсь, даже и надоѣли мнѣ эти почтенные люди; конечно, жалко смотрѣть на человѣка, который совершенно искренно возмущенъ непорядками, и нельзя не раздѣлять его огорченія; но одинъ ужъ языкъ, которымъ говорятъ огорченные старики, положительно иной разъ измучиваетъ до послѣдней степени: легко ли дѣло, толковать о тысячѣ такихъ вопросовъ, о которыхъ пришлось думать впервые лѣтъ подъ семьдесятъ, и впервые же изобрѣтать слова и обороты рѣчи небывалые, чтобы выразить небывалыя мысли. Иной бормочетъ долго, говоритъ по множеству словъ сразу, и такихъ словъ, что только кожа трещитъ за ушами у слушателя. А въ концѣ концовъ и окажется все то же— «строгости нѣтъ». Думаю, что похвалы мужика не разохотили бы меня на знакомство еще съ новымъ «упорнымъ» старикомъ и не возбудили бы желанія «поскорѣе», покуда еще г. Коробковъ не умеръ, побѣжать къ нему и вывѣдать секретъ исцѣленія общественныхъ недуговъ, но самъ г. Коробковъ былъ точно человѣкъ «упорный» въ желаніи разговаривать, ибо въ тотъ же самый день и тотъ же самый мужикъ опять принесъ мнѣ записку такого содержанія: «Окончательно уѣзжаю къ своему дѣлу нонѣшняго числа на ночной, четырехчасовой машинѣ. Въ противномъ случаѣ меня невозможно будетъ видѣть раньше какъ объ Святой. Слѣдовательно могу принять только на короткое время!»

Тонъ этой записки былъ такъ любопытенъ и занимателенъ, старикъ до такой степени ясно давалъ мнѣ знать, чтобы я спѣшилъ къ нему явиться, а «въ противномъ случаѣ» я уже самъ долженъ пенять на себя, что я почувствовалъ невозможность не исполнить этого... приказанія, поспѣшно одѣлся и пошелъ.

— Вѣдь уѣдетъ, братецъ ты мой! — говорилъ мнѣ тревожнымъ голосомъ мужикъ, съ которымъ мы шли вмѣстѣ.

И оба мы прибавляли шагу.

II.

Подъ воротами, надъ которыми красовалась раззолоченная вывѣска «центральнаго агентства», мимо ярко освѣщенныхъ оконъ керосиновой конторы, прошли мы вмѣстѣ съ моимъ путеводителемъ въ небольшія темныя сѣни и оттуда поднялись наверхъ, въ свѣтелку, по темной и узенькой лѣстницѣ.

Здѣсь, передъ столомъ, на которомъ лежали большіе желтаго цвѣта деревянные счеты, пачки разныхъ бумагъ и связка баранокъ, вмѣстѣ съ недопитымъ стаканомъ чаю, на плетеномъ «выборгскаго издѣлія» креслѣ сидѣлъ крѣпкій, широкоплечій старикъ. Одѣтъ онъ былъ въ тонкаго сукна русскаго покроя чуйку, ситцевую рубаху съ косымъ воротомъ, плотно застегнутую на толстой, обросшей сѣдыми, сильными волосами шеѣ; сѣдая подстриженная борода, сѣдые густые усы, густая шапка въ скобку подстриженныхъ сѣдыхъ волосъ,—все это, вмѣстѣ съ проницательнымъ взоромъ и большимъ выразительнымъ лбомъ, производило впечатлѣніе чего-то дѣйствительно крѣпкаго, коренастаго, напоминало о старческой силѣ и прочности столѣтняго дуба.

Таково было первое впечатлѣніе, когда я только-что вошелъ въ свѣтелку; старикъ сидѣлъ полуоборотомъ къ двери и, освѣщенный двумя свѣчами, стоявшими на столѣ, ярко очерчивался въ типическихъ чертахъ лица и головы. Но когда онъ увидалъ меня и пожелалъ привѣтствовать, то въ немъ тотчасъ же сказались старческіе годы.

Приподнявшись на креслѣ и опираясь о его ручки обѣими руками, онъ съ трудомъ могъ разогнуть колѣни и сказалъ:

— Ужъ извините!.. Ноги-то начали баловаться... не держатъ! Все больше сидишь...

И тотчасъ сѣлъ опять въ кресло. Приказавъ провожавшему меня мужику сказать внизу, т.-е. тамъ, гдѣ жилъ его сынъ, центральный агентъ, чтобы намъ дали чаю, онъ извинился еще разъ въ томъ, что ноги (обутыя въ мягкіе сапоги) не дали ему возможности быть вѣжливымъ такъ, какъ бы слѣдовало. Подвигавшись и посуетившись на креслѣ и что-то пошуршавъ бумагами на столѣ, онъ наконецъ успокоился, сложивъ руки на груди, и, устремивъ на меня свой пристальный, проницательный взглядъ, не только нелюбезно, но даже съ нѣкоторою строгостью въ голосѣ сказалъ:

— Такъ какъ же, господинъ сочинитель, будетъ у насъ съ вами насчетъ, напримѣръ, Россіи-то?

Я не понялъ этого вопроса и въ недоумѣніи спросилъ:

— То-есть что же собственно?

— Да вѣдь растащили націю-то!—не строго, а уже грозно воскликнулъ онъ. — Какъ-никакъ, а кажется, что промотали землю-то, да и народъ-то порасшвыряли, какъ гнилую солому... Вѣдь что же это такое? Возможно ли такъ-то? Какъ же это такъ, милостивый государь?..

Я не успѣлъ, какъ говорится, открыть рта, какъ старикъ вновь заговорилъ до того взволнованно, при чемъ волненіе какъ-то такъ неожиданно, мгновенно и сильно овладѣло имъ, что я не только изумился, а даже и испугался немного.

— Да позвольте!—вдругъ воскликнулъ онъ, хватаясь за голову и тотчасъ же гнѣвно ударяя по столу обѣими руками.—Вѣдь Богъ! Богъ вѣдь есть-съ!.. Вѣдь... да что же это такое? Какому же богу идетъ это служеніе? Изъ-за чего? Что такое нужно? Деньги? Такъ развѣ такъ деньги-то добываютъ? Вѣдь все расточено, все брошено, все безъ вниманія! Что же это? Гдѣ умъ человѣческій? Господинъ писатель! И гдѣ же предѣлъ, конецъ, надежда? Господинъ сочинитель, я спрашиваю васъ,—гдѣ окончаніе этому расточенію душъ человѣческихъ? За что, кому нужна эта гибель,—а ей вѣдь конца не видно! Что же въ сердцѣ-то есть, если ничего, кромѣ гибели, не изобрѣтено?

Лицо старика и въ особенности глаза налились кровью, потъ выступилъ у него на огромномъ лбу; онъ трясся всѣмъ тѣломъ и какъ-то шипѣлъ, ломая пальцы рукъ, когда произносилъ такія слова, какъ «господинъ сочинитель, я васъ спрашиваю!» или «душа! душа вѣдь это человѣческая».

Я не зналъ, что отвѣтить старику, но онъ, очевидно, и не нуждался въ моихъ разговорахъ, а желалъ только имѣть во мнѣ слушателя, который хоть сколько-нибудь могъ понимать его волненія и мысли.

— Двадцать пять годовъ народишко кой-какъ да кое-какъ проковылялъ послѣ крѣпости... Но вѣдь, милостивый мой государь, вѣдь въ немъ еще старинная сила была! Вѣдь это еще бабушкины-дѣдушкины копеечки-то подсобляли! При крѣпости мужикъ все-таки нѣтъ-нѣтъ да и спрячетъ въ подполье рублишко, да и баба какъ-никакъ утаитъ отъ бурмистра полтинку да спрячетъ ее въ шерстяной чулокъ-то, заткнетъ подъ переметъ въ сараѣ. Вотъ

эти-то рублики да полтинники, издавніе, старинные, сотни лѣтъ они накапливались потихонечку, изъ рода въ родъ переходили тайкомъ, шепоткомъ, вотъ они-то еще держали народишко. Изъ этихъ чулокъ вынимали мужичишки деньжонки на избу, на коровенку, на одежонку. Вотъ гдѣ было еще кое-что на мужицкую подмогу,—но вѣдь, сударь вы мой, вѣдь ужъ все это выцарапано, все вытащено, вѣдь телѣги не встрѣтишь исправной, вѣдь скотины нѣтъ такой, чтобы полюбоваться, вѣдь избы просторной не видишь! Вѣдь все рвется, все гнило, все голодно, все скучно, безхлѣбно, все виновато! За что-жъ это? Куда, какъ, зачѣмъ, какой расчетъ, кому какой барышъ, и предѣлъ, предѣлъ-то гдѣ? Каждый дворишко, гдѣ одна лошаденка ростомъ съ зайца, и тотъ скучитъ, и тотъ разбредается! Ни тепла нѣтъ въ немъ ни радости, ничего нѣтъ! Холодно, голодно, скучно—хоть топись! Господинъ писатель, вѣдь въ этомъ случаѣ Россія-то должна растаять, какъ комокъ снѣгу! Она таетъ, таетъ, какъ свѣча! Но вѣдь все это созданіе Божіе! Для чего же, скажите мнѣ вы, авторъ и писатель, для чего же Господь-то создалъ все это? Неужели же въ премудрости Своей Онъ хотѣлъ расточить землю, обратить живыхъ тварей въ смертное уныніе и тоску мертвенную? А вѣдь на дѣлѣ-то такъ вышло: днемъ ли глядишь на народишко, ночью ли думаешь,—вѣрьте истинному Богу,—никогда не на чемъ сердцу отдохнуть! Рѣжетъ его тупымъ ножомъ, рѣжетъ и днемъ и ночью... и ничего не видать облегченія!

Подробности деревенскаго разстройства, въ которыя, понемногу успокаиваясь, вдался старикъ, я не буду передавать читателю; всѣ онѣ давнымъ-давно извѣстны: пьянство, распутство, безхозяйственность, неуваженіе къ старшимъ. Никакихъ особенно новыхъ и яркихъ чертъ, рисующихъ теперешнее трудное время народной жизни, старикъ не прибавилъ къ тому, что̀ ужъ всѣмъ извѣстно, и я не безъ тоскливаго замиранья сердца ожидалъ, что вотъ-вотъ зайдетъ рѣчь и о томъ «религіозно-нравственномъ кулакѣ», который, какъ я уже сказалъ, является почти всегда исцѣляющимъ средствомъ отъ всѣхъ современныхъ недуговъ, если только объ этихъ недугахъ разсуждаютъ вообще старики. Но, къ моему большому счастію, я ошибся.

— А отчего?—пристально глядя мнѣ въ глаза, проговорилъ старикъ, послѣ того какъ картина разстройства и непорядковъ была довольно ужъ выяснена. И въ то время, когда я ожидалъ обычнаго отвѣта:—«Строгости нѣтъ! Страху

мало!»—двѣ крупныхъ слезы затуманили эти пристальные, широко открытые глаза и скатились по затрепетавшимъ щекамъ.

— Сердца въ людяхъ нѣтъ,—вотъ отчего!—сказалъ старикъ глухимъ голосомъ, всхлипнувъ и торопливо утирая ладонью мокрое отъ слезъ лицо.—Вотъ нонѣшнее поколѣніе! (говоря это, онъ энергически тыкалъ пальцемъ по направленію къ полу, и я понялъ, что этотъ жестъ относится къ центральному агенту). Можетъ ли онъ быть гнѣвенъ, или можетъ ли быть онъ добръ? Нѣту! Плюнь ему въ рожу,—у него рука не осмѣлится на оплеуху! Понадѣйся на него,—не выручитъ, будетъ спать покойно, хотя бы ты у него стоналъ всю ночь подъ окномъ. Не гнѣвенъ и не любовенъ; со всѣми ласковъ, но у него всѣ подлецы. Ошибаетесь, любезные! (тотъ же угрожающій жестъ по направленію къ полу). Ты думаешь—«мнѣ бы только самому было хорошо, а прочіе пусть какъ знаютъ, наплевать мнѣ на нихъ!» Ошибаешься! Не будетъ у тебя уюта ни въ домѣ ни въ совѣсти, пока чужіе люди для тебя не люди! Коли твое сердце на чужую жизнь не отзывчиво, такъ ничего въ немъ и не будетъ! Своего, братъ, не выдумаешь ничего! Ну, да пусть попробуютъ, поживутъ на свѣтѣ безъ сердца-то! Нельзя жить, чтобы сердца не слушаться; оно есть то самое мѣсто, гдѣ настоящая правда. Нѣдаромъ говорится пословица: «Что̀ Богъ на сердце положитъ»! Оно, какъ стрѣлка въ часахъ, указываетъ, что̀ въ человѣчьей душѣ; въ немъ то свѣтъ засвѣтится, то тьма пойдетъ чернѣй ночи осенней. Какъ его не слушать! А вотъ этого-то послушанія и не видимъ въ нонѣшнее время! Прежде (вотъ я хоть бы про себя скажу) какой-нибудь бурмистръ, мужикъ, одинъ стоитъ надъ пятью-шестью деревнями, *одинъ за все отвѣчаетъ,*—ну и, глядя по человѣку и по сердцу, и дѣлаетъ какъ придется. Возьми-ка теперь, что̀ попечителей, руководителей, указателей, внушителей! Все съ жалованьемъ, все на тройкахъ, все съ кантомъ и съ бантомъ,—а вѣдь народишко-то не живетъ, а гніетъ, какъ забытый грибъ. А вѣдь, кажется, какъ бы не пожалѣть? И тутъ жалко, и тутъ плохо, и тутъ обидно. Кажется, какъ бы въ гнѣвъ не придти, о правдѣ не зашумѣть? Вѣдь не баринъ надъ ними, какъ надъ нами, бывало, а все-жъ-таки законъ. Какъ же не возопіять-то? Анъ вотъ нѣтъ! Только бы съ плечъ долой! Перомъ почеркалъ, въ конвертъ запечаталъ,—и все тутъ! А народишко гніетъ да гніетъ себѣ! Не видалъ я ни

гнѣвныхъ ни любовныхъ людей изъ этихъ попечителей, учителей и указателей!.. Нѣтъ, не видалъ! Пошебаршитъ бумагой, и поскорѣй на машину да къ себѣ домой.—«Отдохну, молъ, — жена на фортопьянѣ развлечетъ!» Нѣтъ, ангелъ мой, не получишь ты развлеченія настоящаго, потому что сердце твое неправильное; направленіе-то въ немъ заячье! Оно говоритъ: «жалѣй», а ты боишься,—оно говоритъ: «не стерпи, возопи!», а ты опять боишься, ну и, стало-быть, неопрятно у тебя сердце-то, а фортопьянами этого мусора не вычистишь! Вотъ какъ я думаю. Отвыкли сердца слушаться, думаютъ, что квартальный лучше укажетъ, «какъ надо». И идетъ по землѣ не жизнь, а такъ, гнилье грибное...

— Но,—сказалъ я:—вѣдь всѣ эти руководители и наставители, какъ говорите вы, вѣдь всѣ они только исполняютъ приказанія?..

Сверхъ ожиданія, это замѣчаніе почему-то необыкновенно взволновало старика, и, не дослушавъ меня, почти онъ закричалъ:

— А ты не утерпи да закричи! Приказанія! Приказанія исполни! Коли велятъ, все соблюди, подъ козырекъ сдѣлай и ножкой шаркни, и въ бумагѣ нашебарши перомъ, что̀ слѣдуетъ, да и свое-то слово вверни, — вѣдь ты человѣкъ съ совѣстью? Такъ вотъ этого-то и нѣтъ! Знаемъ мы, какъ слѣдуетъ исполнить приказанія, но вѣдь у человѣка и свое сердце есть; какъ же такъ не возопіять? Извивайся, коли такъ, передъ высшими, ползай, да изловчись же сказать и свое! Какъ это не изловчиться? Ежели ты своему сердцу вѣришь, своего сердца не боишься,—такъ ты непремѣнно изловчишься! Да что̀ вы? Мало ли мнѣ что̀ прикажутъ! Да ежели у меня сердце замерло отъ приказа отъ этого, такъ я изогнусь змѣемъ, а ужъ не утаю своего! А то,—скажите, пожалуйста,—велятъ врать, а я и ври? А изъ-за чего-жъ я живу-то, изъ-за чего меня Господь человѣкомъ сотворилъ?.. Нѣтъ, не такъ! Мало ли какія бываютъ злыя гоненія, а въ комъ есть сердце, — изловчались; такъ ли, сякъ ли,—а ухитрялись и правду говаривать! Да позвольте, я вамъ вотъ сейчасъ, для примѣра, документикъ одинъ предоставлю, такъ вы и увидите, что̀ значитъ и приказъ исполнять и начальство не обижать,—а дѣло-то дѣлать такъ, какъ совѣсть и сердце указуетъ!

Проворно роясь въ бумагахъ, лежавшихъ на столѣ, старикъ не переставалъ говорить вполголоса:

— Какая мода! Боятся совѣсти своей повѣрить!.. Жалованья получаютъ не маленькія... и на тройкахъ все... а умѣютъ только бояться!.. Нечего сказать, очень новая мода!.. Образованіе великолѣпное,—а хвостикъ заячій!.. Нѣтъ! понашему не такъ бывало! И мы боялись, пуще всего трепетали, только сердце-то свое въ помойное ведро изъ-за господскихъ милостей не швыряли! Вотъ она! Вотъ эта самая!—воскликнулъ старикъ, вытаскивая изъ груды бумагъ какую-то толстую тетрадь.—Она самая и есть!

III.

— Это, изволите видѣть,—сказалъ онъ, похлопывая ладонью по тетради:—мое оправданіе передъ барыней, графиней Гусыниной, Варварой Андреевной... Надобно вамъ доложить, что я сызмальства безпрестанно находился при господахъ, и то по прихоти своей они меня возвеличивали, такъ что оказывали полное довѣріе, то по прихоти своей и ниспровергали до скотнаго двора, то опять призывали. Былъ я и награждаемъ, и по скуламъ битъ, и за бороду таскапъ, и дранъ на конюшнѣ, былъ и лобызаемъ и хвалимъ. Все было, все я видѣлъ и все претерпѣлъ! Подумать только, милостивый государь, чего только я ни навидался, ни натерпѣлся! Вѣдь власть барина, помѣщика,—это вѣдь не чиновничья власть, это вѣдь не губернаторская, а барская! Что хочу, то и сдѣлаю! Можетъ, у иного желудокъ разстроенъ, колотье въ этомъ мѣстѣ отъ нехорошаго обѣда,—и ежели онъ отъ этого разстройства меня повредитъ, сорветъ на мнѣ зло,—я молчи! Ни закона ни защиты нѣтъ! Такъ извольте вы подумать, какъ было жить въ ту пору человѣку съ совѣстью, чтобы потрафить каждой господской прихоти и чтобы Бога въ своей душѣ не обидѣть? Вѣдь если бы я по-нонѣшнему-то жилъ, то и мнѣ бы только господамъ потакать, что прикажутъ, то и дѣлать по ихъ указанію; вѣдь нонѣшніе руководители только и знаютъ, что исполняютъ точка въ точку, что приказано, а тамъ, между-то людей, хоть трава не расти!.. Но во мнѣ была совѣсть, сердце было чувствительное, а въ сердцѣ правда жила,—и не далъ я ей померсть, не промѣнялъ ее на неправду, на свой покой!

— Я этихъ самыхъ оправданій,—опять проводя рукою по тетради, говорилъ старикъ:—на своемъ вѣку немало настрочилъ... И, могу сказать, очень искусно навострился правду въ глаза говорить. Что я такое? Рабъ! Вотъ меня

житьишко-то и научило, какъ тутъ изворачиваться... Рабствовать-то рабствуй, а правду помни!.. Взять хоть бы вотъ эту самую барыню-покойницу, графиню Варвару Андреевну... Былъ я при ихъ особѣ бурмистромъ болѣе двадцати годовъ; было на моихъ рукахъ пять большихъ деревень на Волгѣ, всякая малость на моемъ отвѣтѣ, все взыскивалось съ меня. А вѣдь покойники господа-то у-ухъ какіе были мастера взыскивать-то!.. Живетъ эта самая степенная графиня Варвара Андреевна почти безъ выѣзда въ Петербургѣ. Дама высокаго ранга; на пальцѣ у нея безперечь пузырекъ со спиртомъ виситъ, на золотой цѣпочкѣ,—потому она въ нервахъ не крѣпка. Окромѣ того, вдова, — это надо расчесть тоже!.. Деревень своихъ она не знаетъ, ничего, съ позволенія сказать, не понимаетъ, а приказы да взысканія съ нея такъ и летятъ, какъ перья изъ дырявой подушки. Пріѣдетъ изъ своихъ деревень какой-нибудь кузенъ, родня, Пьеръ, тамъ, или Жоржъ, — «помилуй, говоритъ, Барбъ (это у нихъ завсегда такая поговорка,—все навыворотъ), помилуй! Мнѣ говорили про твоего управляющаго—онъ грабитъ мужиковъ!.. У меня съ души выходило пятнадцать рублей, а твои платятъ двадцать... Это грабежъ!.. Неужели некому посмотрѣть за этимъ мошенникомъ?» Разстроитъ ее этакимъ манеромъ, а та ужъ и нюхаетъ изъ пузырька и чепцомъ трясетъ, и ужъ приказъ пишетъ... А кузенъ-то этотъ совѣтуетъ ей поручить уличить меня въ грабежѣ хорошему человѣку, да и хорошаго человѣка сейчасъ порекомендуетъ. «Вотъ тебѣ, молъ, хорошій человѣкъ, — аптекарь у меня знакомый въ Балахнѣ, Богданъ Богданычъ. Честный нѣмецъ! Заплати ему тысячи полторы въ годъ, онъ все тамъ разузнаетъ, приведетъ въ порядокъ!» А та и рада! Сейчасъ довѣренность Богданъ Богданычу, а Богданъ Богданычъ тотчасъ же мнѣ начинаетъ строчить свои приказанія: ужъ мошенникомъ-то этотъ Богданычъ меня первымъ дѣломъ окреститъ, да еще на придачу велитъ, чтобъ ему бѣлыхъ грибовъ два пуда представилъ я къ такому-то сроку, а не представишь—барынѣ пожалуется, а та опять разстроится, напишетъ мнѣ бранный приказъ... Это вотъ Пьеръ пріѣхалъ и натворилъ мнѣ хлопотъ. А то пріѣзжаетъ Поль и ужъ на другой ладъ поетъ:—«Помилуй, Барбъ, у тебя золотари наживаютъ по тысячѣ рублей въ годъ, а ты получаешь съ нихъ оброку только пятнадцать рублей! Это навѣрно управляющій грабитъ! Нельзя такъ! Ты добра, ты ничего не видишь... У меня есть въ Москвѣ хорошій человѣкъ, статскій

совѣтникъ Бѣлобрысцевъ,—дай ему довѣренность и обяжи бурмистра еженедѣльно представлять отчеты, и тогда ужъ будь увѣрена, что Бѣлобрысцевъ каждую полушку разыщетъ... Дай ему тысячи двѣ въ годъ жалованья!»—«Ахъ! въ самомъ дѣлѣ!» И, глядишь, еще управляющій нашелся! Одинъ пишетъ мнѣ, что я много беру съ крестьянъ, а другой пишетъ, что мало, и всѣ объявляютъ меня мошенникомъ... А тамъ, глядишь, поговорила съ кѣмъ-нибудь,—пишетъ, учить всѣхъ мальчишекъ, непремѣнно учить грамотѣ, не изнурять работой, кормить бѣдныхъ нищихъ, подавать пособія, раздавать всякія вспомоществованія... И, Боже мой, чего-чего нѣтъ! Это, должно-быть, съ монахомъ либо съ монахиней поговорила, — а не успѣешь опомниться,— новый приказъ: «Почему въ мастеровые не отдаешь? Почему Ѳедька не въ столярахъ?» Это ужъ, надо-быть, Бѣлобрысцевъ внушилъ. Да чего! «Предписываю немедленно высылать мнѣ ту самую горчицу, которая была третьяго года... очень вкусная, и возьми у того самаго купца». Вотъ какіе бывали приказы! Горчицу вспомнила вкусную и сейчасъ приказъ,—а у меня ужъ есть приказъ учить, помогать, въ сапожники отдавать, не грабить и грабить, и Богданычу грибовъ надо, и Бѣлобрысцевъ просилъ два пуда толокна... Вотъ и извольте тутъ управиться, потрафить на каждаго, потому у каждаго полная довѣренность, каждый можетъ и самъ драть и барынѣ жаловаться, а барынѣ все можно. Да вѣдь на всѣхъ этихъ указателей денегъ надо накопить, вѣдь я же долженъ эти деньги-то на своихъ начальниковъ изъ народа взять. Такъ ежели бы я по-нонѣшнему дѣйствовалъ, такъ вѣдь у меня народъ давно бы весь былъ размотанъ, растасканъ по клочьямъ... Но я не таковъ былъ! Нѣтъ! Хотя бы вы и господинъ и начальникъ, — а надъ вами есть Богъ! Надо и васъ иной разъ немножечко урезонить, въ человѣческій умъ привесть!

— И урезонивалъ-съ!.. только съ хитростію надобно все это оборудывать!.. Ну, какимъ родомъ я, напримѣръ, этой барынѣ, графинѣ, скажу прямо правду? Можно ли мнѣ ей сказать, что, молъ, все ты врешь, и Богданычи твои врутъ и ничего не понимаютъ? Вѣдь сказать такъ, значитъ пропасть! «Это грубіянъ, бунтовщикъ, дерзкая тварь; если онъ такъ смѣетъ говорить, такъ вѣдь его хватитъ и зарѣзать. Въ Сибирь его, пока еще не натворилъ бѣды!» Вотъ вѣдь какъ вышло бы, если бы я правду-то по правдѣ говорилъ, а я ужъ травленый волкъ, зналъ, какъ надо дѣлать, и дѣлалъ!

— Беру я перо писать отвѣтъ и думаю: барыня нервнаго сложенія, и раздражать ее нельзя, а кромѣ того, что она нервна, надобно еще знать, что она и барыня. И такимъ образомъ выходитъ, что для начала оправданія надобно мнѣ притвориться рабомъ, тварью бездыханною, нижайшею сволочью распростертою, чтобы ввести ее въ мягкій духъ, разлакомить ее раболѣпіемъ и распростертымъ своимъ видомъ. Вотъ я и пишу... (старикъ взялъ рукопись и, надѣвъ круглыя мѣдныя очки, сталъ читать):

«Ваше сіятельство,

«графиня Варвара Андреевна!

«Приказъ вашего сіятельства съ супругою Богдана Богдановича я получилъ сего марта мѣсяца 2-го числа, на который по случаю моей жестокой болѣзни долго вашему сіятельству не отвѣчалъ; теперь же, хотя еще и очень слабъ, но могу выходить на воздухъ и хотя питаться слегка пищей, то тотчасъ же, по собраніи сколько есть моихъ силъ и разсудка, поспѣшаю обо всемъ подробно вашему сіятельству донести:

«Я всенижайшій рабъ вашего сіятельства и состою во власти вашей. Вы со мною дѣлаете, какъ вамъ заблагоразсудится, но только то смѣю доложить вашему сіятельству, что неизвѣстно, по какимъ причинамъ вы меня жестоко наказали, даже, можно сказать, убили негодованіемъ на непредставленіе отчета о томъ, сколько собрано съ крестьянъ денегъ на мірской расходъ. О томъ же, въ грозномъ видѣ, требуетъ отвѣта его превосходительство г. Бѣлобрысцевъ, а равнымъ образомъ и Богданъ Богдановичъ изъ Балахны. Не въ силахъ постигнуть корень той злобы, которая могла пустить столь ядовитыя вѣтви, я притѣсненъ съ трехъ сторонъ: изъ Петербурга, Москвы и Балахны, настигнутый врасплохъ и неготовый къ оборонѣ, почувствовалъ несносный для себя ударъ и остолбенѣлъ, и таково для меня было по слабости моего здоровья легко, что сдѣлался со мною припадокъ и послѣ, когда всталъ, хотя и съ полумертвымъ моимъ тѣломъ, нашелся вынужденнымъ принести жалобу мою передъ Создателемъ и сказать: «Господи! Тебѣ единому открыты сердца человѣковъ,—не вѣдятъ бо, что творятъ!»

«Что я теперь пишу къ в. с—ву къ моему оправданію, это есть самая сущая правда, безо всякой лжи. Могу признаться в. с—ву въ томъ, что я нелицемѣрно, какъ совѣстію, такъ и душою и сердцемъ, расположенъ и пребуду

навсегда идти къ той цѣли, дабы какими-либо случаями не учинить продерзости и довести в. с—во до безпокойствія; да и есть еще тайна, запечатлѣнная въ сердцѣ моемъ, которую бы долженъ хранить и взять съ собою въ путь, когда отправлюсь въ жилище праотецъ, но по теперешнимъ моимъ обстоятельствамъ принужденъ распечатать камень сердца моего и вынуть слова, сказанныя мнѣ покойнымъ графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ, при раздѣлѣ по кончинѣ родителя ихъ; доставшись я по раздѣлу его с—ву графу Дмитрію Ивановичу, то, призвавши меня, сказалъ: «Сидоръ! Я знаю, что ты служилъ батюшкѣ хорошо, надѣюсь на твою службу и мнѣ, но, буде меня не будетъ, то служи моей графинѣ Варварѣ Андреевнѣ и исполняй должность свою въ порядкѣ». Я выслушалъ эти слова, упавши ницъ къ ногамъ его, и если мнѣ забыть слова его с—ва графа Дмитрія Ивановича, то долженъ быть я заблудшимъ скотомъ».

Старикъ остановился и сказалъ:

— Такъ вотъ пораболѣпствовалъ я этакимъ манеромъ, поразлакомилъ ее своимъ низкопоклоненіемъ, сдѣлалъ ей удовольствіе, легъ въ родѣ пса покорнаго у ея ногъ и думаю: «ну, сударыня, теперича послушай и настоящей правды, отвѣдай сырыхъ мужицкихъ щей!»

«А что касается буде в. с—ву отъ крестьянъ вашихъ или откуда стороною дошли слухи, что съ крестьянъ вашихъ происходятъ сборы излишнихъ денегъ, много болѣе противу прочихъ селеній, то донесено в. с—ву вполнѣ справедливо и никакой въ этомъ клеветы нѣтъ. Если угодно в. с—ву, чтобы не превышали сборы у вашихъ крестьянъ противу прочихъ селеній, то для этого нужно только в. с—ву оказать крестьянамъ такія милости: не извольте получать съ нихъ вмѣсто сборнаго хлѣба деньги, изъ вашего господскаго дома повелите выслать людей, или пускай живутъ гдѣ хотятъ и что хотятъ ѣдятъ. Повелите домъ оставить безъ надзора и сторожей и дворниковъ уволить, и тогда крестьянамъ будетъ много легче. Почему два года назадъ съ души собрано по 17 руб., а въ нонѣшній годъ по 22 руб.? Потому, первое,—что постоянно двое рекрутъ; да в. с—ву за хлѣбъ деньгами дадено, да для дома в. с—ву разъѣздной ямщикъ нанятъ за 600 руб., да на дрова для дому, да на починки, да на мелкіе расходы по дому же. Извольте же изъ 22 рублей вычесть такихъ расходовъ по желанію в. с—ва болѣе семи рублей на душу, и тогда не

будетъ и четырнадцати, а слѣдовательно менѣе прочихъ. Я и самъ доложу в. с—тву сущую справедливость, что нонѣшній или прошедшій годъ, глядя на крестьянъ, сердце выболѣло, не токмо затѣвать такія прихоти. Хмеля не родилось, работъ никакихъ для крестьянъ нѣтъ, хлѣбъ, благодаря Бога, хотя и родился, но и тотъ вытаскали весь, и съ трудомъ, что только можешь собрать денегъ, отсылаешь в. с—ству или уплачиваешь казенныя повинности, въ приказъ. Въ теченіе года не бываетъ залежнаго гроша, людямъ мѣсяца по два харчевыхъ не выдается».

— На-ка вотъ!—заговорилъ старикъ не безъ злорадства, прерывая чтеніе.—Понюхай-ка вотъ этого деревенскаго-то спирту, изъ пузырька на мочалкѣ, а не на золотой цѣпочкѣ! Отвѣдай-ка!.. Разбери-ка, кто тутъ съ кого лишнее-то беретъ, кто тутъ въ грабителяхъ-то оказывается! А поди-ка, не прочитай, что написано, это ужъ и противъ совѣсти: любила читать, какъ я низкопоклонствовалъ, такъ и это люби! Дашь вотъ этакого спирту крѣпкаго, подъ самый носъ подскочишь,—да и опять кубаремъ-кубаремъ подъ диванъ; опять носомъ прикинешься, чтобы загвоздка-то не больно разсердила.

«Нѣтъ, ваше сіятельство,—зачиталъ старикъ инымъ, не злорадным, а рабскимъ тономъ:—много есть резоновъ къ оправданію моей невинности, но всего на бумагѣ не изъяснишь, а полагаюсь на моего Создателя, Онъ защитникъ мой! А вашему сіятельству какъ заблагоразсудится. Я знаю только одно, что вы моя госпожа, а я низкая въ домѣ тварь. А что мнѣ непростительно и самъ я признаю,—такъ это не хватило моей догадки насчетъ горчицы и подновскихъ огурцовъ, а равнымъ образомъ и любимыхъ вашимъ сіятельствомъ крупъ. Съ открытою совѣстью скажу, что все сіе уже я пріуготовилъ, но получая насчетъ онаго какъ изъ Балахны отъ Богдана Богданыча, такъ и изъ Москвы отъ его п—ва г. Бѣлобрысцева строжайшія приказанія и нареканія за бездѣятельность и угрозы о строжайшемъ по вашей довѣренности съ меня взысканіи, а равно и отъ вашего сіятельства саморучные строгіе выговоры и даже отъ жены Богдана Богдановича, Амальи Карловны,—то совершенно отуманился въ умѣ и утерялъ правильное мнѣніе о томъ, куда дѣваться съ огурцами, крупою и горчицей, ибо отовсюду получилъ натискъ, угрозу и строжайшее требованіе. Своевольно подумывалъ я отправить оные огурцы и прочіе продукты съ нарочнымъ прямо въ столицу къ

подножію вашего сіятельства, но не дерзнулъ на сей расходъ и паче того воздержался отъ расхода на разгонъ по тремъ разнымъ мѣстамъ, откуда шли строжайшія требованія, ибо и одинъ разгонный ямщикъ стоитъ ужъ 600 р. серебромъ, за что справедливо укоряете раба вашего въ отягощеніи крестьянъ!»

— Хороши ли огурцы-то подновскіе?—самодовольно взглянувъ на меня черезъ очки, произнесъ старикъ.—И горчица и все есть. Все ей послалъ на бумагѣ съ низкопоклоненіемъ, а не укусишь, потому что я сейчасъ же опять превращаюсь въ тварь бездыханную.

Старикъ торопливо перевернулъ страницу и зачиталъ:

«Нѣтъ, сіятельная графиня! Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ угодно было вашему сіятельству потребовать меня для услуженія, я, какъ заблудшій сынъ въ объятія отца своего, бѣгу съ трепетомъ и приношу жертвы моленія моего, возвышаю голосъ и говорю: «Благодарю Тя, Господи! госпожа моя, которую, Господи, Ты мнѣ опредѣлилъ, — призываетъ и простираетъ ко мнѣ свое милосердіе, требуетъ моей услуги!» И счастливъ я и торжествую! То какъ бы я могъ взять въ свой разсудокъ имѣть жадность къ сребролюбію? А думаю я, что ко вреду моему кто-нибудь внушилъ вашему с — ву, какъ я имѣю семейство и содержу тещу съ двумя дѣтьми, то не взялъ ли я смѣлость дерзнуть безъ позволенія вашего с—ва выдавать ей харчевыя? На что доложу вашему с—ву, что во мнѣ нѣтъ той дерзости, чтобы я могъ какъ-либо поступить безъ позволенія вашего сіятельства. Дѣйствительно, что тещѣ моей, безъ поддержанія моего, пропитаться было нечѣмъ, кромѣ имени Христова, потому что мужъ ея старъ, промыселъ его плохъ; но мой расчетъ былъ тотъ, что теща ли, нѣтъ ли, а мнѣ въ хозяйствѣ женщина нужна. Отъ дѣтей же ея никакого мнѣ нѣтъ расчета; вѣдь они, высокосіятельная госпожа, ваши, а не мои, и буде въ услугу къ сіятельству вашему не годятся, — такъ вѣдь ихъ продать можно; нонче рекрутъ стоитъ 2.000 руб.,—вотъ вамъ и деньги, и всѣ ваши расходы на сиротъ несчастныхъ покроютъ. Ну только, Богомъ данная намъ всѣмъ госпожа, хотя 2.000 руб. за человѣка и хорошія деньги и очень могутъ въ столицѣ пригодиться, только вѣдь сначала надобно человѣка-то вырастить, выкормить его, дождаться возрасту, а потомъ уже и деньги за него класть въ кошелекъ. И еще скажу: одна дѣвчонка-повѣса нарыскала въ Москвѣ мальчонку, родила въ деревнѣ,

а сама завертѣлась у васъ въ Петербургѣ, — оставила на мою шею, и гдѣ бы не надо коровы, принужденъ купить и воспитывать ребенка. Вѣдь ребенокъ не щенокъ, и къ тому же безвинная тварь, вырастетъ — слуга будетъ,—вотъ я и положилъ въ мысляхъ: по вашему строжайшему приказанію, чтобы благодѣтельствовать бѣдныхъ и сирыхъ, дабы мягкосердіе вашего с—ва благословляли и доброту прославляли,—буду я питать, кормить и поить сиротъ, зашего с—ва крѣпостныхъ, дабы они всечасно возносили къ Всевышнему моленія о долголѣтіи вашего с—ва и наслѣдника графскаго дома, сына вашего, Сергѣя Дмитріевича. А между тѣмъ сколь мнѣ горько и до изможденія души прискорбно, что сталъ я въ плутовствѣ подозрѣваемъ. Это все одно и то же, что, не судя и не сдѣлавъ должнаго опредѣленія, взвести человѣка съ завязанными глазами на эшафотъ! Къ сему-то случаю могу напомнить вашему сіятельству писанное ко мнѣ нѣкогда вашимъ с—вомъ нравоученіе по случаю небольшой моей ошибки, которое теперь имѣю смѣлость возвратить вашему с—ву; именно: изволили писать, что «не всякому слуху должно вѣрить, а должно сначала въ точности узнать, а потомъ и судить». Почему я и усматриваю, что ваше сіятельство какимъ-нибудь случаемъ изволили оное правило затерять или заложить въ бюро вашего разсудка, гдѣ оно и лежитъ безъ послѣдствій».

— Ну, тутъ я, дѣйствительно, мало-мальски перепустилъ черезъ край,—только сейчасъ же и спохватился:

«Да и худо быть слугѣ безъ господина своего и кольми паче обязаннаго должностію. На всѣхъ человѣкъ не угодитъ; будь онъ трезвъ,—обнесутъ его пьянствомъ, будь онъ честенъ,—сдѣлаютъ его плутомъ; а когда находишься передъ лицомъ господина своего, то ужъ самъ господинъ видитъ худое и доброе поведеніе. И вотъ по какому случаю душа моя желаетъ напиться прохладнаго нектара, то-есть съ нетерпѣніемъ желаю, чтобы Богъ благословилъ вашему с—ву возвратиться въ вожделѣнномъ здравіи къ намъ, въ тихое родовое пристанище, гдѣ царствуетъ деревенская тишина и спокойствіе, не превращается противъ натуры ночь въ день, а день въ ночь, не оглушаетъ стукъ каретъ, не ослѣпляетъ глазъ блескъ воинскихъ оружій, не надо затыкать сіятельныя уши хлопчатою бумагой отъ грома пушечныхъ ударовъ; нѣтъ надутыхъ гордостію вельможъ, не досаждаютъ крикомъ уличные разнозчики миногами и устерсами, а существуетъ только одна сельская простота, обле-

ченная въ порфиру природной своей красоты! И къ тому же осмѣливаюсь доложить вашему с—ву, по нонѣшнему времени для прожитія въ Петербургѣ доходовъ вашихъ будетъ мало, и ежели его п—во г. Бѣлобрысцевъ не внесетъ 19-го октября въ опекунскій совѣтъ, то вашему с—ву надобно будетъ принять свои мѣры. Да и прибытіе вашего с—ва въ деревню много сдѣлаетъ выгодъ и для крестьянъ— именно вашъ домашній расходъ гораздо уменьшится... А моя выгода—подобна будетъ маннѣ небесной, ибо тогда я уже и лично могу оправдаться...»

— Такъ вотъ этакимъ-то манеромъ брилъ я эту сіятельную госпожу по всѣмъ пунктамъ. Да всего не перечтешь. А подъ конецъ, какъ отбреешь на каждомъ словѣ, да сдѣлаешь ей же хорошее нравоученіе и указаніе, — ну, думается, и пошутить можно, чтобы у нея-то на сердцѣ легко стало подъ конецъ моей науки. Вотъ хоть бы такъ...

Старикъ опять взялся за тетрадь и сталъ читать, улыбаясь:

«А что касается моей болѣзни, то доношу вашему с—ву, какъ прошедшаго февраля мѣсяца, поутру часовъ въ пять, когда, по обыкновенію, я всегда встаю, пришлось мнѣ чхнуть, и чохъ учинился несчастный, и до того крѣпко я чхнулъ, что почувствовалъ въ правомъ боку надъ подгрудными ребрами какъ будто что̀ у меня оборвалось или хрустнуло, и такъ жестоко, что я безъ памяти лежалъ полчаса, и послѣ того оказалось на боку, отъ этого вреднаго чоху, большое пятно синяго цвѣта величиною въ табакерку, и, сохрани Богъ, ежели придется кашлянуть или чхнуть, то тутъ ужъ навѣрно будешь безъ памяти...»

— Ну, вотъ этакимъ манеромъ... Набормочешь ей разнаго мусору, ну, она и не сердится... Такъ вотъ, господинъ, какъ мы, старики, жили!

Старикъ откинулся на спинку кресла и, вздохнувъ, сказалъ уже значительно утомленнымъ голосомъ:

— Отчего же въ нонѣшнее-то время не хватаетъ храбрости этакимъ же родомъ дорожить правдой? Вѣдь насъ, какъ телятъ, продавали, съ нами всякій владѣтель что̀ хотѣлъ, то и дѣлалъ, вся жизнь была въ чужомъ капризѣ, а почему же мы осмѣливались совѣсть свою беречь? Вѣдь вотъ я—чего-чего я своей графинѣ ни сказалъ, вѣдь сколько я ей щелчковъ-то препроводилъ, — а почему? Потому что мнѣ сердце велитъ это сдѣлать, и я хоть и виляю и извиваюсь змѣемъ, — потому всякому человѣку шкура его до-

рога, — а ужъ ни въ чемъ ей не потакаю! Извини! Я и рабскимъ, и холопскимъ манеромъ, а сдѣлалъ же, чтобы ей совѣстно стало, чтобы ей стыдно стало своей господской неправды! А ниниче и рабства нѣтъ, и горя больше, и зла больше, и слезъ больше, — а правды-то всѣ боятся! Испугались, спрятались, хвосты поджали,—«только бы день пережить и слава Богу...» Вотъ и расползается и рвется клочьями, словно гнилой ситецъ, житьишко крестьянское.

. . . . . .

IV.

Съ рукописью въ карманѣ (старикъ охотно далъ ее перечитать) поздно ночью спускался я по темной лѣстницѣ, оступаясь на круглыхъ и узенькихъ ступеняхъ и ища выхода. Шумъ моихъ шаговъ, вѣроятно, былъ услышанъ обитателями «центральнаго агентства», потому что въ то время, когда я ощупывалъ клеенчатую дверь этого агентства, не зная, куда идти, дверь эта отворилась, и передо мной предсталъ молодой Коробковъ съ лампой въ рукахъ и съ своей обычной, тонкой и любезной улыбкой на устахъ.

— Посѣтили старичка?—спросилъ онъ, кланяясь и освѣщая мнѣ дорогу.

— Да,—сказалъ я:—мы побесѣдовали кой-о-чемъ съ вашимъ родителемъ.

— Набрюзжалъ онъ вамъ, должно-быть?

— Напротивъ, я услыхалъ отъ него много любопытнаго... А главное—сердце-то какое славное!

— Ну, да вѣдь что-жъ теперь съ сердцемъ-то? И безъ сердца трудно-съ!

VI. «Расцѣловали!» *).

I.

— Господинъ!—не особенно церемонно пошатывая меня, едва начинавшаго засыпать, за плечо, хриплымъ, рѣжущимъ ухо голосомъ произнесъ хозяинъ постоялаго двора и заставилъ меня открыть глаза.

— Запираемъ-съ! — прохрипѣлъ онъ, заслоняя своимъ

*) «Недѣля» 1888 г., 10. «Изъ забытыхъ страницъ».

гигантскимъ тѣломъ свѣтъ догоравшей на столѣ скверная «номера» сальной свѣчки.

— Какъ? — въ недоумѣніи возразилъ я спросонья.— Теперь который часъ?.. Мнѣ вѣдь на поѣздъ въ четыре?

Огромная фигура, омрачавшая, благодаря огарку, всю комнату мрачною, черною тѣнью, безмолвствовала. Но я чувствовалъ, что она вовсе не желаетъ слушать и принимать во вниманіе моихъ возраженій. Она и ея черная тѣнь какъ бы напираютъ на меня съ какимъ-то настойчивымъ требованіемъ.

— Всего одиннадцать часовъ!.. Зачѣмъ же такъ рано?

— Запираемъ-съ!—холодно, хрипло и грубо опять отрѣзала фигура и продолжала безмолвствовать. А я опять еще сильнѣе почувствовалъ, что она непремѣнно хочетъ меня вытѣснить изъ номера, и что никакіе резоны съ моей стороны не будутъ ею даже услышаны.

— Вещи ваши старичокъ донесетъ.

— Ну, ступайте! — сказалъ я съ сердцемъ. — Ступайте, я встану!

Безмолвно, не спѣша удалился хозяинъ, но не спускалъ съ меня повелительнаго взгляда—такого взгляда, который обязываетъ къ безусловному повиновенію.

Этотъ взглядъ, да и вообще вся фигура и физіономія хозяина поразили меня еще при первой встрѣчѣ съ нимъ на крыльцѣ его постоялаго двора «съ номерами», гдѣ мнѣ пришлось остановиться въ ожиданіи поѣзда.

Такіе постоялые дворы, съ такими «пришлыми» невѣдомо откуда хозяевами, біографіи которыхъ были никому неизвѣстны во всемъ округѣ, стали быстро возникать во время такъ-называемой «желѣзнодорожной горячки», одновременной постройки множества желѣзнодорожныхъ линій. Возникали они большею частью на совершенно дѣвственныхъ мѣстахъ, у такихъ станцій желѣзныхъ дорогъ, которыя приходилось строить въ мѣстностяхъ, гдѣ до этого никогда не было никакого жилья. На самую станцію, въ буфетъ или «на вокзалъ», обыкновенно пробирался, по протекціи, какой-нибудь поваръ, отпущенный баріномъ и освобожденный послѣ 19-го февраля. Но селиться на совершенно новыхъ мѣстахъ, въ двадцати-тридцати верстахъ отъ перваго жилого мѣста, не было охотниковъ изъ мѣстныхъ жителей; засидѣлись они у своихъ лавокъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, застоялись у прилавковъ своихъ трактирныхъ буфетовъ и болѣе тосковали о томъ,

что идутъ новыя времена, чѣмъ стремились воспользоваться этою новизною для новаго рода наживы. Піонерами такихъ смѣлыхъ предпріятій, какъ основаніе поселка тамъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ стоялъ дремучій лѣсъ, или тянулось стоверстное болото, или разливалось-ходило волнами море песку, такими піонерами являлись всегда люди пришлые, видавшіе виды, прошедшіе огонь и воду, правда, не заботившіеся и не знавшіе, что̀ и какъ должно быть въ этихъ мѣстахъ въ будущемъ, но отлично и тонко понимавшіе всѣ нужды «новаго пункта» въ настоящемъ. Бывало, еще и дорога не открыта, еще нѐ достроены станціонныя постройки, и работа идетъ по всей линіи, да и проселка еще не проложено къ станціи отъ ближайшихъ селъ, деревень и городовъ, а ужъ кто-то откуда-то прибылъ, выстроилъ изъ теса какой-то шалашъ, и «публика», уже рвущаяся къ станціи по непроѣзднымъ дорогамъ, знаетъ, что въ шалашѣ можно получить коньякъ, лафитъ, и что за прилавкомъ стоятъ двѣ «премиленькія штучки», что въ шалашѣ не только продаютъ, но и покупаютъ: и куръ покупаютъ у мужиковъ, и овесъ, и сѣно, и все, что̀ угодно. Въ настоящее время на такихъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ совершенно дикихъ мѣстахъ выросли почти цѣлые новые города, отнявшіе жизнь у старыхъ торговыхъ и бойкихъ мѣстъ и понемногу перетянувшіе къ себѣ болѣе или менѣе смѣлыхъ молодыхъ коммерсантовъ. Но начать дѣло могъ только человѣкъ, не теряющійся, попавши въ дремучій лѣсъ или пустыню, человѣкъ риска, смѣлости и почти всегда темной біографіи.

Таковъ, между прочимъ, былъ и хозяинъ постоялаго двора. «Каторжникъ»,—мелькнуло мнѣ, едва я взглянулъ на эту гигантскую темную фигуру. До необычайности пристальные, проникающіе одновременно и въ душу и въ карманъ глаза, холодные какъ ледъ и какъ ледъ остроблестящіе, сразу говорятъ всякому, на кого взглянутъ, что имъ надобно знать, за какія именно свойства характера и кармана слѣдуетъ взяться, и вообще на чемъ слѣдуетъ *истощить* наблюдаемаго человѣка. Именно свойство истощить все, что̀ въ насъ есть подлежащаго истощенію, вотъ какой былъ этотъ взглядъ «каторжника», огромнаго, желѣзнаго тѣлосложенія верзилы, съ лицомъ, изрытымъ, даже изорваннымъ оспой и запечатлѣннымъ тюрьмой. Какъ будто клоки мяса были вырваны оспой вмѣстѣ съ волосами изъ бороды, изъ усовъ и изъ бровей. Большая, по-арестантски

остриженная голова была также изорвана, какъ бы искусана дикимъ звѣремъ, вырывавшимъ зубами клочья мяса вмѣстѣ съ волосами. И ко всему этому — хриплый, рѣзкій голосъ, отрубающій слова, какъ тупымъ топоромъ.

Что-то жуткое чувствовалось отъ этого «каторжника», да и во всемъ его заведеніи и во всѣхъ членахъ его хозяйства чувствовалось что-то, заставлявшее ощущать себя какъ бы въ разбойничьемъ притонѣ. Чѣмъ-то острожнымъ вѣяло отъ работниковъ и работницъ, и какія-то молодыя пѣвицы—присутствовавшія въ заведеніи въ значительномъ количествѣ, въ качествѣ якобы прислуги—также производили впечатлѣніе какихъ-то наглыхъ, холодныхъ и безстыжихъ существъ. За дощатыми стѣнами постоянно слышался тупой и грубый смѣхъ этихъ дѣвицъ, гулявшихъ съ конторщиками и приказчиками, дожидавшимися полученія или отправки товара.—«Ставь, что-ль, рыжій!»—слышалась грубая рѣчь дѣвицъ. И такое времяпровожденіе не мѣшало имъ исполнять свою должность: придетъ и «сунетъ» самоваръ и пойдетъ ублаготворять какого-нибудь рыжаго. Словомъ, мѣсто было темное, хотя учреждено было, надо отдать «каторжнику» справедливость, въ самое «надлежащее» время и организовано самымъ, по тогдашнему времени, практическимъ способомъ.

Денегъ въ ту пору въ образованномъ обществѣ было пока еще много; были деньги у помѣщиковъ, даже еще отъ первыхъ закладныхъ; были деньги огромныя у всѣхъ сортовъ желѣзнодорожниковъ; адвокаты тоже рвали куши «снову» непомѣрные. Бумажками всякихъ сортовъ и видовъ было набито еще множество кармановъ; у иныхъ инженеровъ «сотенныя» торчали даже изъ заднихъ кармановъ, вываливались на полъ изъ перчатки, изъ портсигаровъ. Все это надо было куда-нибудь дѣвать. Въ городахъ пошла оперетка, появились люди, у которыхъ было по четыре жены, количество буфетовъ возросло до невѣроятныхъ размѣровъ. Шампанское цѣлыми пирамидами стало появляться въ глухихъ степяхъ, въ буфетахъ станцій, сіявшихъ яркими огнями среди темныхъ пустынь,—словомъ, шелъ еще всеобщій реформенный «пиръ горой». Пьяныхъ въ поѣздахъ бывало всегда множество, и пьяный разговоръ съ пьянымъ хохотомъ гудѣлъ неумолчно по всѣмъ устроеннымъ и неустроеннымъ станціямъ и линіямъ. «Каторжникъ» сумѣлъ уловить духъ времени и завелъ свой притонъ на новомъ мѣстѣ. Пять-шесть часовъ времени, которые приходится ждать

поѣзда адвокату, ѣдущему въ городъ; пять-шесть часовъ, которые приходится ждать лошадей адвокату, ѣдущему изъ города; инженеръ, дожидающійся телеграммы отъ управленія и отъ m-me X; помѣщикъ, у котораго въ карманѣ хорошій кушъ отъ первой закладной; наконецъ толпа разнаго рода жидовствующихъ и православныхъ обнюхивателей новыхъ мѣстъ, — все это, привлеченное линіей желѣзной дороги къ новому пункту, обѣщающему въ будущемъ большое торговое развитіе, все это въ то время не хотѣло скучно проводить время даже въ теченіе какихъ-нибудь пяти-шести часовъ; надо выпить, съѣсть и «провести время». Ѣли тогда пропасть, безпрестанно, и все по три, по четыре порціи, и пили на всѣхъ буфетахъ одновременно и водку, и вино, и пиво, и шампанское. Какъ только живы оставались, единому Богу извѣстно!

Для удовлетворенія такихъ-то желаній публики, которая не можетъ «праздно» провести и пяти часовъ, и у которой деньги сами просятся изъ кармановъ на волю, «каторжникъ» и воздвигъ свою храмину въ самую настоящую минуту. Сколотилъ онъ на скорую руку девятиоконный домъ съ двумя сараями, устроилъ лавчонку для мужиковъ и, раздѣливъ домъ на двѣ части, на черную и на дворянскую, положилъ начало «оживленію» пустынной мѣстности. Мужикъ тащитъ къ нему куръ, хлѣбъ, сѣно, яйца, и «забираетъ» изъ лавки. «А на праву руку» въ дворянскихъ номерахъ господа пріѣзжающіе также могутъ получить что угодно.

— Маша! Проведи господина!.. Это сирота-съ! по бѣдности взялъ... и другія есть сироты, ваше благородіе! Пелагея! Поди къ барину... убери номеръ... Лафитъ? Лимонадъ? Есть-съ! Паша! Поторапливайся къ барину съ лимонадомъ!

Хлопанье пробокъ лимонада и какая-то возня за перегородками доказываютъ, что и «господинъ купецъ» и просто «господинъ», занявшіе номера на дворянской половинѣ, не уступятъ другъ другу въ умѣніи «провести время». Словомъ, хотя все это заведеніе сколочено на скорую руку, хотя оно и грязно и неряшливо во всѣхъ отношеніяхъ, но въ немъ и для мужиковъ и для господъ—«*все есть-съ!*», рѣшительно *все*, чего душа желаетъ.

Когда «каторжникъ» такъ грубо разбудилъ меня, съ единственною и вполнѣ ясною цѣлью, чтобы я опросталъ номеръ, очевидно, нужный для сиротъ, во всѣхъ номерахъ дворян-

ской половины шло какое-то таинственное распутство: трещали стѣны, столы, полы, хлопали пробки и мурлыкали какіе-то таинственные голоса, изрѣдка прерываемые грубымъ сиротскимъ смѣхомъ. Разсерженный наглостью хозяина и торопливостью укладки вещей, я почувствовалъ усталость, но, не видя хозяина, съ которымъ нужно было расплатиться, сталъ его ждать: сначала присѣлъ на диванъ, а потомъ и прилегъ. Сонъ опять мгновенно оковалъ меня.

— Господинъ! — опять неумолимо повелительно прохрипѣлъ «каторжникъ» и заставилъ меня почти въ бѣшенствѣ вскочить, расплатиться съ нимъ (швырнуть въ рожу) и уйти.

Ночь была непроглядная, грязь невылазная, и дождь лилъ ливмя. Состояніе духа было самое скверное.

II.

— Ахъ, родимый ты мой! Что-жъ ты такъ рано вышелъ? И чего-жъ съ дороги-то не отдохнулъ? — ласковымъ, даже съ какою-то, казалось, нѣжною дрожью, голосомъ говорилъ старичокъ, несшій мои вещи. Онъ плелся позади меня, грузно шлепая по лужамъ, тяжело дыша и шатаясь на ногахъ изъ стороны въ сторону, не то отъ старости и слабости ногъ, не то отъ тяжести чемодана.

Ласковый, радушный голосъ и рѣчь старика пріятно подѣйствовали на мою взбѣшенную «каторжникомъ» душу. Я невольно оглянулся на него, но было темно, да и старикъ шелъ нагнувшись подъ тяжестью моего чемодана.

— Хошь чаю-то попей въ вокзалѣ! Чай-то тамъ есть... Погрѣйся! Да ужъ и меня, родненькій мой, угости, старичонка!

— Пойдемъ, будемъ чай пить! — съ удовольствіемъ сказалъ я.

— Ахъ, ты, Христовъ человѣкъ!—еще съ большею нѣжностью и задушевностью проговорилъ добрый старикъ. — Ахъ, и душа же у тебя добрѣющая! Вотъ христіанская-то душа у тебя!.. Часомъ хочетъ старичонка побаловать!

Все это было сказано нѣжно, ласково до чрезвычайности, но мнѣ показалось въ этихъ ласковыхъ рѣчахъ что-то глубоко-ядовитое, хотя я рѣшительно не могъ понять, почему мнѣ такъ показалось. Мнѣ хотѣлось взглянуть въ лицо этого человѣка, что я тотчасъ же и сдѣлалъ, когда мы вошли въ вокзалъ. Оказалось: сѣдой, худой старикъ съ густыми, нависшими на глаза бровями, не дававшими возможности видѣть выраженіе этихъ глазъ. На первый взглядъ

они показались мнѣ кроткими и старчески-тусклыми. Лицо было изможденное, и щеки глубоко ввалились, какъ бы прилипли къ челюстямъ; жиденькая, трясущаяся бороденка также ничего типическаго къ его непонятному лицу и непонятному выраженію глазъ не прибавляла. Но мнѣ показалось, что онъ какъ будто неохотно смотрѣлъ прямо въ глаза, какъ-то косилъ ими и даже, замѣтивъ, что я хочу его разсмотрѣть, тотчасъ по приходѣ въ вокзалъ и сложивъ мои вещи на скамейку, поспѣшилъ, не оборачиваясь ко мнѣ, совсѣмъ повернуться лицомъ въ уголъ, гдѣ былъ большой образъ съ лампадой. Онъ «истово» молился на образъ, «истово» поклонился и направо и налѣво, затѣмъ въ отдѣльности засвидѣтельствовалъ почтеніе поклономъ буфетчику, присовокупивъ: «отцу и благодѣтелю!»—проходившему оберъ-кондуктору, начальнику станціи, и каждому изъ нихъ отвѣшивалъ поклоны и непремѣнно также присовокуплялъ то эпитетъ «благодѣтеля», то «владѣтеля», «первоначальника». И въ этомъ, повидимому, чистосердечномъ низкопоклонствѣ было что-то «не то», не настоящее.

Едва замѣтное нежеланіе «прямо смотрѣть въ глаза» такъ смутило меня въ этомъ старикѣ, что я ужъ и самъ не рѣшился взглянуть на него «испытующимъ взглядомъ» и, разливая по чашкамъ чай, когда мы наконецъ усѣлись за столикъ у буфета, старался смотрѣть на чайникъ и на чашки, а не на старика. А старикъ опять задребезжалъ своимъ ласковымъ и въ то же время непрерывно раздражающимъ голосомъ:

— И что же, благороднѣйшій мой господинъ, не пожелали вы въ номерахъ-то нашихъ поѣзду-то дождаться? И потеплѣе бы и поуютнѣй бы.

— Хозяинъ сказалъ, что запираетъ, и что ночью некому будетъ отпереть...—отвѣтилъ я ему довольно сухо.

— Запираетъ!.. И не можетъ отпереть?.. Вотъ какой благороднѣйшій человѣкъ хозяинъ-то нашъ! вѣдь надо же такую имѣть доброту въ себѣ! И придумать этакъ!..

Что-то ужъ совсѣмъ «скверное» слышалось въ каждомъ словѣ.

— Подивитесь,—сказалъ старикъ, обращаясь къ буфетчику:—каковъ нашъ орелъ-то премудрый и предобрѣйшій!

— Какой орелъ? Родивонка-то вашъ, разбойникъ?

— Вла-дѣ-тель нашъ, попечитель и благодѣтель! Родивонъ Ивановичъ! А кто такой разбойникъ, это ужъ, видно, вамъ знать... Разбойникъ! Ишь вѣдь что! Чудакъ ты этакій!

Тутъ надобно понимать ангельскую доброту,—вотъ какъ, а не то, чтобы... Посуди ты самъ: пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ Изотовъ, требуетъ номеръ, а номеровъ нѣту. А Родивонъ Ивановичъ, благодѣтель нашъ, столь добръ, добросердъ, что не можетъ онъ покинуть человѣка! Что бы Ивану-то Ивановичу Изотову на дворѣ-то или бы здѣсь дѣлать? Вѣдь онъ какой человѣкъ? Такъ доброта-то Родивону Иванычу не дозволяетъ этого! Вотъ онъ и вытѣснилъ этого самаго господина препріятнаго!

И онъ указалъ на меня, тотчасъ же торопливо и какъ-то особенно звонко проговорилъ:

— И деньги ими, благороднѣйшимъ-то господиномъ вотъ этимъ (опять указалъ онъ на меня), были заплачены за сутки! И то онъ, Родивонъ-то Ивановичъ, благодѣтель-то мой, сердцемъ своимъ не поколебался, а за друга своего, за добродѣтельнѣйшаго Ивана Ивановича Изотова, постоялъ твердо и господина проѣзжающаго выпроводилъ вонъ!

При этихъ словахъ я уже не могъ не взглянуть на старика. Не то плутъ, не то сумасшедшій, не то что-то вообще загадочное и, главное, злобное несомнѣнно было въ немъ. Злобное ясно слышалось уже теперь въ этихъ ласковыхъ нѣжныхъ нотахъ; не нѣжность слышалась въ дрожаніи его нервной и ласковой рѣчи, а именно злость и злость лютая.

— Да какъ же-съ!—взглядомъ мертвыхъ, тусклыхъ, глубоко спрятавшихся куда-то глазъ отвѣтилъ старикъ на мой взглядъ, понявъ, какой именно вопросъ въ немъ заключается. — Вѣдь это надо какую имѣть доброту, чтобы, напримѣръ, ради ближняго своего, вонъ этакъ-то, какъ съ вами, поступить!.. А это означаетъ, что Родивонъ Ивановичъ — человѣкъ вѣрный и за добродѣтельнаго человѣка постоитъ! Иванъ-то Ивановичъ Изотовъ какъ съ сиротами-то съ нашими, съ номерными? Какъ отецъ, попечитель и наставникъ! Онъ о нихъ печется, пригрѣваетъ на своей груди ангельской! Родивонъ Ивановичъ цѣнитъ это: взялъ да и уволилъ господина-то добрѣющаго — вонъ!.. А вѣдь Родивонъ-то Ивановичъ десять годовъ, по Божьему указанію, самъ въ острогѣ просидѣлъ, и то любовь въ немъ горитъ какъ неугасимая лампада! Десять годовъ за невинное убіеніе! Да! Просиди-ка ты, да пламенную душу-то сохрани такъ, какъ Родивонъ-то Ивановичъ, невинно-убивецъ и невинно-страдалецъ, душу-то свою сохранилъ! Вотъ Господь-то ему и далъ! Я ему подчиненный рабъ, изъ-за куска хлѣба,

и цѣлый день я моими ногами еле-еле передвигаю по двору да по навозу, и по преклонности моихъ лѣтъ не имѣю часу передохнуть, иной разъ крохи не вижу, а какъ на ангела взираю на Родивона-то Иваныча, на благолѣпнѣйшаго человѣколюбца!

— Разбойникъ, ужъ извини, пожалуста, твой Родіонъ Иванычъ! — сказалъ буфетчикъ коротко и рѣзко. — Колодникъ, больше ничего... грабитель! Какъ начальство-то допускаетъ!..

— Грабитель? Ахъ, ты, благопріятнѣйшій мой господинъ! И кого-жъ онъ ограбилъ когда? И нешто возможно, чтобы Родивонъ-то Ивановичъ кого-нибудь бы ограбилъ? *Расцѣлуетъ* онъ всякаго человѣка, а не ограбитъ! Вотъ что, превосходнѣйшій мой домоправитель, скажу я! На сколько бы тысячъ ни было, на пять, на десять,—не ограбимъ мы тебя, не разворуемъ твоихъ денегъ, и всѣ твои капиталы рас-цѣ-лу-емъ, раз-ми-лу-емъ! Ограбить! Вотъ помѣщикъ Лукинъ, молодой человѣкъ, котораго Родивонъ Иванычъ принялъ подъ свое благословеніе: что же у него теперь осталось изъ капиталу? И нешто мы ограбили его и разворовали? Даже и подумать этого невозможно! А что расцѣловали его, размиловали у него весь капиталъ до конеечки, такъ это окончательно изъ одной любви! Кто его грабилъ? И Родивонъ Иванычъ, и весь его сиротскій заводъ, и прочіе добросердечные христіанскіе подвижники изъ простонародія, всѣ до единаго, ласками, похвалами, почитаніемъ, поклоненіемъ, угожденіемъ и благоговѣніемъ, такъ постепенно, тихо, благосклонно, благословенно и расцѣловали его со всѣмъ его капиталомъ въ двѣ недѣли!!! И будетъ помнить и хвалить Всевышняго, что не разворованъ, а расцѣлованъ онъ любезными друзьями, на всѣ пятнадцать тысячъ, и должонъ теперь хвалить силы небесныя, потому обиды не видалъ никакой! Грабитель! Родивонъ-то Ивановичъ? Да это купель Силоамля! Теперича бѣдные крестьяне придутъ къ нему, нищіе—«дай! дай!» то соли, то деготьку, то хлѣбушка. «Возьмите! Возьмите, драгоцѣнные мои! (представляя Родіона Ивановича, старикъ притворялся совершеннымъ ребенкомъ, не теряя мертваго выраженія глазъ). Возьмите! только спросите съ чистосердечіемъ!» Спроси у него съ чистосердечіемъ, и все онъ тебѣ дастъ, и все отъ тебя приметъ, все подъ цифру подведетъ: и образъ, и сапогъ, и женинъ платокъ, все, многолюбивецъ, пріемлетъ и ничѣмъ Господа не гнѣвитъ! Даже единое яйцо и то пріемлетъ съ

благословеніемъ! «Давайте, говоритъ, милые мои, дорогіе, безцѣнные мужички, и бабы, и ребята! Давайте все, что̀ вамъ Господь далъ, тащите всякое тряпье, и сиротъ, говоритъ, беру подъ кровъ мой и деньги самъ за нихъ, съ благословенія Божія, выдаю, все волоките ко мнѣ, ведите и несите!» И въ расчетахъ ужъ чисто завсегда выходитъ, какъ вотъ облупленное яичко!

— Да! — сказалъ буфетчикъ. — Истинно такъ! Кто къ нему ни приткнется, отъ него идетъ ужъ точно какъ облупленное яичко. Это ты вѣрно!

— Да! Ужъ чисто, бла-го-ро-дно! Ужъ лучше невозможно! Что̀ ни человѣкъ, то расцѣлуетъ его Родивонъ Иванычъ во всѣхъ смыслахъ, а ужъ не обидитъ!

— Однако, — сказалъ я, не выдержавъ этой кляузно-іезуитской рѣчи и этой непомѣрной злобы, прикрытой нѣжными тонами голоса:—однако вы безъ милосердія отдѣлываете вашего хозяина. Въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, онъ разбойникъ. И лицо-то у него такое ужасное!

— Должно-быть, что и тебя, старика,—присоединяясь къ разговору, сказалъ буфетчикъ:—онъ тоже расцѣловалъ хорошо, на обѣ щеки! Я и самъ ужъ сталъ замѣчать, что ноги-то у тебя какъ будто подламываться стали.

— И подламываются мои ноги! Подламываются, это справедливыя твои слова! И вѣку моего осталось всего на два съ половиною вершка, а я возношу благодареніе. И только одно во мнѣ есть благодареніе и умиленіе! Расцѣловали меня до изнеможенія моего не токмо Родивонъ Ивановичъ, мужественный сиропитатель, а окончательно, со дня моего рожденія и по-днесь, всѣ до единаго, съ кѣмъ Богъ привелъ мнѣ быть и жить. Не разграбили они меня, не разворовали моей совѣсти, моей души христіанской, а всего меня со всѣми моими суставами и со всѣми моими кровями, слезами, мученіями, только рас-цѣ-ло-вали! только раз-ми-ло-вали!—всего дочиста, до капельки! Вотъ почему я съ умиленіемъ и съ благодареніемъ возношу духъ мой къ небеси! Расцѣловала меня жизнь до послѣдняго издыханія!

Начавъ свою рѣчь въ отвѣтъ на слова буфетчика прежнимъ фальшивымъ тономъ, старикъ неожиданно, съ каждымъ дальнѣйшимъ словомъ, сталъ какъ будто терять способность выдерживать эту кляузную манеру мыслить и выражаться. Съ каждымъ словомъ рѣчь его становилась искреннѣе; искреннее горе ясно стало чувствоваться въ его

словахъ, и послѣднюю фразу онъ сказалъ такъ искренно и съ такимъ непритворнымъ отчаяніемъ, что ни на минуту не оставалось сомнѣнія въ глубокомъ, ужаснѣйшемъ горѣ, угнетавшемъ его душу.

Чашка, опрокинутая имъ на блюдечко, билась въ его рукѣ, точно онъ дрожалъ отъ лютаго холода, и лицо было блѣдно, какъ полотно.

III.

— Всѣ до единаго меня такъ-то расцѣловывали въ жизни-то моей!—продолжалъ онъ, оправившись немного.— А ужъ, кажется, и жить-то на свѣтѣ мнѣ отъ Бога не было указанія: думаю я такъ, что обрекъ меня Господь первоначально въ велѣніяхъ Своихъ на погибель въ младенческомъ еще возрастѣ. И мнѣ бы по-настоящему, какъ вотъ обдумаешь все, какъ должно, точно что умереть бы надо въ зачатіи. Потому что рожденіе мое не человѣческое, а рожденъ я, прямо скажу вамъ, господа благородные, отъ пса! Ей-ей, не лгу! Не отъ человѣка рожденъ, а отъ пса! И мнѣ бы лучше помереть... Какой же можетъ быть человѣкъ, ежели онъ отъ пса произрожденъ?

— Да ты что болтаешь-то?—недоумѣвая надъ словами старика и смущенный какимъ-то непонятнымъ озлобленіемъ, снова зазвучавшимъ въ его голосѣ, сказалъ буфетчикъ, самъ какъ будто чего-то испугавшись.

— Чего болтаю? Отъ пса! И рожденъ я псомъ подъ заборомъ, и крещенъ въ смердящей лужѣ, въ грязи! У людей есть мать, и мать своего ребенка кормитъ, молоко ему свое материнское даетъ, тепленькое, няньчитъ его. И меня бы кормила и няньчила мать, если бы я родился отъ матери. Но какъ я рожденъ отъ пса, положенъ въ лужу подъ заборъ и теплаго материнскаго молока не видалъ, то я и не вспоминаю матери, а вспоминаю пса, и говорю въ молитвахъ моихъ: «Ахъ бы, песъ тебя взялъ!» Потому родители мои—псы!

Въ голосѣ старика уже дрожали слезы.

— И надо бы мнѣ собачьею смертью околѣть, да Господь повелѣлъ жить. Хотѣлъ добрымъ людямъ дать способа добрыя дѣла изъ-за меня дѣлать. Вотъ они и взяли меня изъ навозной ямы и стали расцѣловывать постепенно отъ своей единственно любви! Богачъ одинъ, купецъ, вынулъ меня изъ ямы, изъ навозу. Какъ мнѣ Создателя-то не благодарить? Подумайте-ка!.. Вѣдь бросили меня маленькаго,

новорожденнаго младенчика въ лужу, въ яму помойную! Душу-то ангельскую выкинули собакамъ!.. Вѣдь сказывали,— у меня, у новорожденнаго-то, полонъ ротъ грязи набило!

Тихо, но неудержимо и обильно, какъ полая вода, полились изъ глазъ старика слезы. Онъ вдругъ разслабъ, подавленный, очевидно, огромной тяжестью всей огромной обиды жизни. Онъ такъ заливался слезами, не произнося ни слова, что, кажется, и самъ былъ удивленъ,—откуда этихъ слезъ взялась такая сила? Онъ захлебывался, глотая слезы, какъ бы крупными кусками, и всѣми мѣрами старался овладѣть собой. Чрезвычайно долго не удавалось ему привести себя въ порядокъ; но когда онъ наконецъ очувствовался, то продолжалъ свою рѣчь такъ:

— На кухню, по Божьему повелѣнію, попалъ я изъ лужи-то, къ моему спасителю, избавителю и покровителю. Дай ему Богъ царство небесное! Тоже хорошій былъ кровопіецъ! Съ семи лѣтъ я ужъ на работѣ—полы мету, дрова ношу, и ужъ уму-разуму учатъ: то кучеръ, то кухарка, то самъ христолюбецъ. И все шло на пользу: и палка, и кулакъ, и кнутъ...—все на пользу мнѣ и поспѣшеніе!.. И дай ему, Господи, чтобъ могилка его хорошенько придавила и придушила! Извѣстно, отъ кого я рожденъ, такъ и характеръ у меня тоже, дѣйствительно, былъ собачій. И по совѣсти скажу—только съ палкой и можно было со мной на свѣтѣ жить. Не прощалъ я своего горя. Не про-ща-лъ! Ну, иной разъ по этому случаю денька два въ холодной конюшнѣ запрутъ безъ хлѣба! Ничего! Мнѣ и честь псовая!

— Это семи лѣтъ-то?

— Семи, семи годочковъ, ангелы мои благосклоннѣйшіе! Семи годочковъ только! И тогда ужъ во мнѣ бѣшеный характеръ надобно было искоренять! И искореняли!

— Экіе жестокіе люди бывали въ прежнія-то времена!— сказалъ буфетчикъ со вздохомъ.

Старикъ улыбнулся-было на это, и улыбнулся добродушно, но тотчасъ же, и, вѣроятно, потому, что сочувствіе буфетчика успокоило его расходившіеся нервы, онъ вдругъ опять былъ охваченъ давнишней привычкой фальшивой и кляузной рѣчи, глаза его опять потускнѣли, ушли куда-то глубоко-глубоко, скосились, и онъ сталъ говорить въ такомъ же тонѣ и родѣ, какъ говорилъ вначалѣ.

— Жестокія!.. Не жестокія, а самыя прелюбезныя были времена!.. Нашему брату, псовому отродью, не позволяется себя съ дерзостію понимать! Ахъ, ты, добрая душа! Нешто

это жестокость, коль скоро сироту берутъ изъ лужи и помѣщаютъ подъ кровъ? Да нешто это все? По вступленіи моемъ въ возрастъ могъ бы я идтить на всѣ четыре стороны и погибнуть во грѣхахъ своихъ, ибо во грѣхѣ рожденъ я!.. Такъ благодѣтель мой, кормилецъ, заступникъ и покровитель, богоданный мой человѣколюбецъ, не допустилъ меня до погибели! По достиженіи возраста далъ я ему формальный документъ на вексельной бумагѣ, что задолжалъ я ему за мое воспитаніе, обученіе, внушеніе мнѣ по всѣмъ суставамъ моимъ очень великолѣпную сумму. И далъ я ему второй документъ — мою благодарность и просьбу оставить меня у него, у благодѣтеля, въ рабскомъ состояніи навѣки нерушимо, покуда мои долги за внушеніе мнѣ христіанскихъ добродѣтелей и прочія увѣчья я не оплачу моими услугами и трудами, а по скольку богоданный отецъ мой разочтетъ, въ томъ его святая воля!

— Аккуратно!—сказалъ буфетчикъ иронически.

— Да нешто это все? Нешто такъ обожаютъ-то насъ истинные наши отцы и благодѣтели? Такъ ли онъ меня еще успокоилъ!.. Въ самое то время, какъ вошелъ я въ возрастъ,—благодѣтель-то мой былъ вдовый, пятидесятилѣтній человѣкъ... Окромя меня, псоваго сына, не было около него дѣтей...—«Женись, говоритъ: все мнѣ, старику, будетъ куда чаю сходить напиться, посмотрѣть на чужую семью». А ужъ у меня была припасена дѣвица... Кр-рассавица — писаная!.. Но гордая, дерзкая, непокорная.—«Выйду, говоритъ, за богатаго!.. Буду ждать, а ужъ дождусь своего!..» Ну, я благодѣтелю-то моему и открылся, и опять онъ по благосердію своему удостоилъ меня подмогой. Поглядѣлъ невѣсту мою самъ, далъ мнѣ денегъ, взялъ документы: — «Женись, говоритъ, не робѣй! Отработаешь!..» Показалъ я моей гордячкѣ деньги, подумала, поворчала,—пошла! Подхватилъ я ее, облапилъ! И только-что облапилъ, выступаетъ мой добросердечнѣйшій благодѣтель, и опять онъ меня расцѣловалъ, прямо сказать, на смерть!—«За тобою, говоритъ, столько-то и столько-то, и ты мнѣ сослужи службу... Поѣзжай въ такое-то мѣсто, за пятьсотъ верстъ, обревизуй дѣло и донеси!..» Съ благословѣніемъ поѣхалъ я отъ моей молодой жены въ отдаленное мѣсто, поѣхалъ на мѣсяцъ, а пробылъ тамъ три года. Не пускаетъ меня благосклонный мой покровитель—хоть что хошь! Кончишь дѣло, а онъ новое навалитъ! И все я съ ревностью исполнялъ, потому благодѣтель мой также и

за меня, за мои труды, хлопоталъ немало на старости своихъ преклонныхъ лѣтъ, потому что, какъ уѣзжалъ я, была моя жена беременна первымъ ребенкомъ, а воротился я черезъ три года, такъ что-жъ вы, благороднѣйшіе господа, думаете? Трое, ангелы мои, бѣгаютъ, трое! И всѣ въ меня, одинъ въ одинъ! Это все благодѣтель-то мой христолюбивый за меня старался, чтобы время-то у моей жены безъ меня не пропадало въ тоскѣ и въ слезахъ. Ну не ангелъ ли, небеси подобный? И въ ножки бы мнѣ надо ему было поклониться, что воспиталъ онъ меня, возрастилъ, женилъ и семейство мнѣ окомплектовалъ,—да вѣдь порода-то моя не человѣчья, а собачья! Чѣмъ бы въ ножки поклониться, ручку поцѣловать, собачій потомокъ взялъ да и сталъ кусаться, да христолюбивому-то наставнику рожу-то ободралъ, да волосья-то ему выдралъ, а наконецъ, того, ужъ какъ такъ не знаю, и домъ моего благодѣтеля въ ту же ночь до тла весь сгорѣлъ! И ужъ какъ сгорѣлъ—на диво!.. Серебро все слѣпилось въ комки!.. Отдѣлка вышла по первому сорту, и переѣхалъ я, по случаю пожара, на новую квартиру,—слѣдовательно прямо въ острогъ!.. Такъ вотъ какъ расцѣловываютъ-то!.. А все для моей же пользы, чтобы меня во вредныя дѣла не путать. Тутъ-то вотъ, въ острогѣ-то, я съ благочестивѣйшимъ Родивономъ Ивановичемъ встрѣтился и буду ему до гроба молельщикъ и рабъ! Мы знаемъ другъ про дружку мно-о-го хорошаго!.. Восемь годиковъ мы съ нимъ тамъ, въ прохладныхъ-то мѣстахъ, вмѣстѣ на излѣченіи и для души спасенія находились! А какъ вылѣчился я, исцѣлѣлъ, отсидѣлся и отлежался, какъ дурь-то собачью изъ меня выдуло, тутъ ужъ и супруга моя любимая, ангелъ мой небесный, тутъ ужъ и она тоже для моей же пользы постаралась! Было у ней уже пятеро человѣкъ дѣтей, а мой ужъ по десятому году херувимчикъ былъ. Ну, любя меня,—такъ какъ она меня пламенно обожала,—то ко мнѣ она не пошла, говоритъ: «Благодѣтель мнѣ все состояніе обѣщалъ по духовной оставить, твоему же сыну достанется!..» Видите, какой ангелъ? Лучше ему жить въ богатствѣ, чѣмъ въ бѣдности. И по этому случаю пламенная моя подруга моего ребенка мнѣ не отдала:— «Погубишь!» И я самъ зналъ, что погубить мнѣ его нехитро, и отказался. Куда ужъ мнѣ, острожному, христіанскую душу на свой отвѣтъ братъ? Отстраненъ я отъ моего младенца по доброй моей волѣ, по истинной моей любви сердечной! Но была во мнѣ горькая горечь о всей

моей пропащей жизни, и самъ я упросилъ ихъ, моихъ благодѣтелей и благотворителей, оставить меня у нихъ въ услуженіи, на черной работѣ, въ холопахъ! Хоть однимъ глазомъ, думаю, взгляну иногда на моего ангельчика, все мнѣ отрада. Въ ножки имъ, благодѣтелямъ, поклонился, ну, кое-какъ снизошли къ моему моленію, только чтобы я моего сына, ни Боже мой,—не касался! И внушили ему, что, молъ, мужикъ этотъ, который у насъ въ кухнѣ живетъ, на дворѣ работаетъ,—«острожный», и къ нему подходить не надо. И все любя моего младенца! И не подходилъ ко мнѣ мальчонка; да въ окончаніе моей жизни великолѣпной и онъ, ангелочекъ мой, также, по примѣру прочихъ, расцѣловалъ и послѣдніе остатки въ моемъ сердечушкѣ...—«Подойди-ка ко мнѣ,—говорю однажды:—мой мальчоночекъ!» Разжалобился я какъ-то разъ, глядючи, какъ онъ по саду бѣгаетъ съ дѣтями, играетъ.—«Острожный, говоритъ, ты чортъ!»—и убѣжалъ, и дѣтей съ собой увелъ, и нажаловался. «Острожный, говоритъ, пристаетъ!» Такъ вотъ какова ласковая моя жизнь!

«...Ну, ужъ послѣ моего младенчика покончилъ я съ своей жизнью; ушелъ отъ нихъ, да вотъ Господь меня и столкнулъ носомъ къ носу съ Родивономъ Иванычемъ, благодѣтельнѣйшимъ христолюбцемъ!.. И не покину! И такъ-то мы съ нимъ вотъ ужъ никакъ въ пятомъ мѣстѣ все народъ на разныя манеры расцѣловываемъ,—любо-два! Ужъ къ намъ не попадайся! Облапимъ, облюбимъ, обцѣлуемъ, пойдешь отъ насъ какъ облупленное яичко! И тебя бы мы, баринъ благороднѣйшій, расцѣловали (старикъ уже прямо смотрѣлъ на меня холодными, сухими глазами и указывалъ на меня пальцемъ), и я ужъ прикинулъ на тебя глазомъ, какъ ты только въ номеръ вошелъ, да вижу, что у тебя, почитай, ничего нѣтъ. И Родивонъ-то Ивановичъ тоже сразу понялъ тебя. А то бы, ежели-бъ у тебя въ карманѣ-то было потяжелѣй, нешто бы ты ушелъ такъ-то? Ночью-то? А сирота-то как-кая есть у насъ, какая штучка-то сохраняется въ свѣтелкѣ! И-и, голубенокъ! Да мы тутъ съ сиротами да съ прочими всякими обнимками, такъ бы тебя расцѣловали въ одну ночь, что ты бы и на билетъ-то попросилъ у насъ же! Вотъ какъ!.. А нѣту вотъ у тебя, у голубенка, такъ мы и отпустили тебя съ Богомъ, по-хорошему!

— Жду не дождусь, когда это начальство вашъ притонъ накроетъ!—сказалъ буфетчикъ серьезно.

— Вспорхнемъ, милочка! Вспорхнемъ въ самый разъ, не безпокойся! Въ самое время вспорхнемъ съ мѣста! И въ другое, ангелочекъ ты мой! Ммм-ного мѣстовъ-то!.. Сироты у насъ хорошія, обновокъ по этой части сколько хошь, и денегъ у людей много... И-и! Ничего! Немало еще народу расцѣлуемъ, а потомъ ужъ и въ огнѣ горѣть!.. Всему свой чередъ! Нельзя!

Долго ли мы еще разговаривали и какъ разстались, я уже не упомню, но мрачная, изъѣденная жизнью фигура старика вспоминается мнѣ всякій разъ, когда жизнь убѣждаетъ, что именно неповинному-то ни въ чемъ человѣку чаще всего и приходится разсчитываться за чужіе грѣхи.

VII. На Кавказѣ.

(Воспоминанія 83 г., февраль — мартъ — апрѣль).

I.

Еще недавно у всякаго русскаго «путешественника-литератора» первая глава путевыхъ воспоминаній была всегда посвящена трогательному живописанію разлуки съ родными берегами и съ дорогими сердцу друзьями. Вся такая первая глава была написана путешественникомъ «не чернилами», какъ пишутъ въ крестьянскихъ письмахъ, «а слезами». Родина, отечество, родные берега были для него такъ дороги, онъ такъ неразрывно былъ связанъ съ ними, такъ страстно, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ чувствомъ своимъ проникся къ нимъ любовью, что «корабль», — носившій всегда какое-нибудь задумчивое и во всякомъ случаѣ благозвучное названіе, — «Эвріанта», «Ретвизанъ», уносившій путешественника отъ родныхъ береговъ, казался какимъ-то безсердечнымъ, жестокимъ существомъ, насильно отнимающимъ путника изъ жаркихъ объятій близкихъ, дорогихъ людей и отъ всего, съ чѣмъ онъ сроднился, сросся душою и тѣломъ.

Путешественникъ обыкновенно «едва» не лишался чувствъ въ то мгновенье, когда «Ретвизанъ» наконецъ «взмахнетъ крыломъ»; только дуновеніе вѣтра поддерживало его силы, а все лицо его и всѣ лица дорогихъ существъ, остававшихся на берегу, бывали въ моментъ разлуки «залиты», буквально, слезами; сквозь ручьи слезъ видѣлъ путешественникъ, какъ

остающіеся на родинѣ машутъ ему платками, шляпами, посылаютъ поцѣлуи; наконецъ и ручьи слезъ и даль, уже отдѣляющая путника отъ родины, мѣшаютъ видѣть ему что-нибудь, кромѣ неба и моря. Но отъ самаго Кронштадта до Копенгагена онъ не можетъ отойти отъ борта и все смотритъ въ сторону Кронштадта. Затѣмъ даже въ Штеттинѣ и Гамбургѣ онъ пытается устремить взоры въ томъ же направленіи и хотя убѣждается, что родина «далеко», и что усилія разсмотрѣть изъ Гамбурга Кронштадтъ напрасны, но мысль о родинѣ, во всякомъ случаѣ, не покидаетъ его.

Неизвѣстно, когда бы мысль эта наконецъ покинула его, если бы на выручку и для начала второй главы не являлась буря. Понемногу да понемногу — сначала «легкая зыбь», потомъ легкая качка, а тамъ и «шквалъ», а тамъ, глядишь, и лампой ударило путника, а тамъ понемногу да помаленьку придавило его тюфякомъ, на которомъ онъ лежалъ, мечтая о друзьяхъ и о родинѣ; дальше да больше— и дѣло разыгрывается не на шутку; послѣ тюфяка и лампы слѣдуетъ ударъ сорвавшимся со стѣны зеркаломъ; немного погодя путешественникъ «съ трудомъ» вылѣзаетъ изъ-подъ дивана, получаетъ еще ударъ «евангеліемъ» въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками (подарокъ друга), а высвободившись изъ этихъ затрудненій и кое-какъ добравшись до палубы и узнавъ отъ капитана, что никакой опасности нѣтъ, что это даже не буря, а весьма благопріятный «свѣжій вѣтерокъ», — вновь ударомъ огромной волны повергается въ глубину каюты и остается въ безчувственномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока сильнѣйшіе припадки морской болѣзни не возвратятъ его къ жизни.

И только послѣ всѣхъ этихъ испытаній, путешественникъ рѣшается оставить надежду видѣть Кронштадтъ и начинаетъ наблюдать чужеземные мѣста и нравы. На пространствѣ трехъ-четырехъ томовъ онъ добросовѣстно и всегда заманчиво для читателя описываетъ города, древности, обѣды, картины, внимательныхъ и любезныхъ начальниковъ, оказывавшихъ содѣйствіе, и національный танецъ, и встрѣчу акулы, и опять новаго любезнаго губернатора, и мѣстныхъ красавицъ, и храмъ, и танецъ. Но вотъ у путешественника оканчивается срокъ отпуска, данный въ департаментѣ, и уже въ предпослѣдней главѣ онъ вновь начинаетъ тосковать о родинѣ, а въ заключительной у него нѣтъ уже другихъ помысловъ, какъ возвратиться въ отечество. День отъѣзда, который долженъ наступить такого-то числа, всего-то черезъ

двое сутокъ, кажется ему отдаленнымъ на цѣлые года; онъ считаетъ часы и минуты. Наконецъ начинаетъ считать мгновенія, наконецъ ѣдетъ, но не описываетъ ничего, все ему постыло. Жаднымъ взоромъ онъ ищетъ признаковъ родины, жаждетъ родного голоса, родного языка. Вотъ и Штеттинъ, вотъ и Балтійское море. Сердце его стучитъ, какъ молотомъ бьетъ, когда виднѣется Кронштадтъ. Оно таетъ въ благоговѣйныхъ ощущеніяхъ, когда показывается наконецъ и шпиль и куполъ Исаакія. Вотъ и пристань, и друзья, и слезы, но радостныя, счастливыя слезы! И Морская, и Невскій, и Доминикъ, и звукъ колокола къ вечернѣ у Владимірской — все это одинъ безконечный восторгъ! А вотъ Николаевскій вокзалъ и отъѣздъ, съ кучею счастливѣйшихъ родныхъ и друзей, въ деревню. Начинаются благословенныя «тихія» поля, плакучія березы, ивы, нивы, соломенныя кровли, пахарь, родной домъ, самоваръ на берегу, удочки въ рукахъ, тихая рѣка, соломенная шляпа съ широкими полями и... «Спасибо, сторона родная, за твой врачующій просторъ!..»

Вотъ какъ ѣзжали наши предки, старинные русскіе путешественники! Теперь не то! Увы! Далеко не то теперь испытываетъ путешественникъ: уѣзжая въ чужедальнія страны, онъ чувствуетъ себя точно выпущеннымъ изъ лазарета или вставшимъ съ кровати послѣ продолжительной болѣзни, а возвращаясь и оправившись духомъ и тѣломъ, хотя и смутно, но сильно трепещетъ возможности опять попасть въ больные.

Вотъ и я, путешественникъ нашихъ дней, испытывалъ что-то подобное, уѣзжая, если не въ чужеземную страну, то въ чужелюдную, да и возвращаясь, испытывалъ то же самое.

Не знаю, почему такъ, но на пути къ Кавказу и на пути съ Кавказа я ощущалъ на душѣ какую-то неисцѣлимую тяготу и даже какъ бы отчаяніе. Времена ли лѣтъ переходныя, или люди, благодаря этому времени, какіе-то половинчатые (въ томъ числѣ и путешественникъ, конечно), съ помѣсью старыхъ и новыхъ идей и слѣдовательно съ помѣсью въ поступкахъ, не знаю, но та публика, которая встрѣчалась на пути отъ Петербурга до Владикавказа, не давала ни малѣйшей возможности чувствовать себя хоть сколько-нибудь полегче. Разговоръ шелъ вообще о всякаго рода «безобразіяхъ», но, въ частности, разговоръ о безобразіяхъ неправеднаго стяжанія сдѣлался рѣшительно преобладающимъ разговоромъ.

Въ прежнее время, бывало, кто-нибудь изъ мужиковъ разсказывалъ, какъ онъ ходилъ въ Кіевъ и что видѣлъ, или какъ баба-вѣдунья испортила его жену. Попадался и молодой человѣкъ, съ которымъ можно было двое сутокъ говорить о томъ, какъ, когда и гдѣ и въ кого онъ влюбился, и барыня попадалась, разсказывавшая свои романы, и офицеръ, участвовавшій при взятіи Гуниба, разсказывалъ свои похожденія и подвиги. Словомъ, были «разговоры» по человѣчеству. Несомнѣнно, есть эти разговоры и теперь, но разговоръ «о безобразіяхъ» всѣ ихъ заглушаетъ, царитъ надъ всѣми. Вотъ ѣдетъ крестьянская семья изъ Орловской губерніи на переселеніе въ Ставропольскую; поговорите съ мужиками, и со второго же слова начинается повѣсть о всевозможныхъ безобразіяхъ: земельныхъ, мірскихъ, «правленскихъ». Со второго слова начинается повѣсть о томъ, какъ староста обворовалъ, какъ старшина обворовалъ, какъ обворовалъ кабатчикъ. Дорожный мастеръ повѣствуетъ о подвигахъ строителей такія чудеса, о которыхъ во снѣ не приснится, а подрядчикъ желѣзной дороги, въ свою очередь, выдвигаетъ на сцену чудовищныя дѣянія по части наживы дорожныхъ мастеровъ. Земецъ не находитъ словъ, которыми можно бы достаточно точно выразить негодованіе на безобразія администраціи, а господинъ становой приставъ рисуетъ портреты земскихъ дѣятелей въ такомъ видѣ, что именно можно «удавиться съ тоски», если только изображеніе хоть чуть похоже на правду. «Никто ничего не дѣлаетъ, а всѣ воруютъ», — вотъ корень и основаніе этого разговора, угнетающаго всякіе разговоры «вообще», разговоры по человѣчеству.

Кромѣ того, надобно прибавить, что разговоръ «о безобразіяхъ» и «возмутительныхъ фактахъ»—почти единственный изъ разговоровъ, который общедоступенъ, открытъ для всесторонняго обсужденія, договаривается до конца и постоянно имѣетъ свѣжій и обильный газетный матеріалъ, ежедневно сотнями ручьевъ и рѣчекъ, газетъ и газетокъ, какъ мутными потоками разливающійся среди публики поѣздовъ, бороздящихъ Россію; другого разговора, который бы такъ же безъ утаекъ, умолчаній, экивоковъ договорился до конца и такъ же бы обильно получилъ питаніе, разговора, который бы не заражалъ, а освѣжалъ мысль разговаривающихъ, я рѣшительно не слыхалъ и не замѣчалъ.

Напротивъ того, мнѣ, да, какъ я думаю, и не одному мнѣ, множество разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что

обыкновенный живой разговоръ живыхъ людей о живыхъ людскихъ нуждахъ и желаніяхъ, «по нонѣшнимъ временамъ», сдѣлался необыкновенно труднымъ, вслѣдствіе того, что его поминутно приходится поддерживать искусственно, дѣлать усилія для его продленія, зацѣплять готовую замереть фразу новой фразой, которую надо умѣть поскорѣй отыскать, чтобы бесѣда не была прервана мертвымъ молчаніемъ. Въ отношеніи внѣшней отдѣлки такого разговора, такъ сказать, техники его, общество наше сдѣлало огромные успѣхи; никогда на Руси не было такъ много людей, которые бы умѣли говорить такъ складно, умно, закругленно, законченно, — словомъ, «красно»; но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда этого рода разговоръ не страдалъ присутствіемъ того внутренняго холода, которымъ онъ страдаетъ теперь. Отсутствіе не только увѣренности, а и самой тѣни мысли *осуществленія* того, о чемъ идетъ рѣчь, глубоко въѣлось въ самый корень души современнаго обывателя; земецъ, разговаривающій о земскихъ нуждахъ, о деревенской неурядицѣ, о народной школѣ, гласный думы, трактующій о недостаткахъ и задачахъ городского самоуправленія, наконецъ просто отецъ семейства, говорящій о воспитаніи, всѣ они говорятъ такъ резонно и такъ литературно-хорошо, какъ дай Богъ сказать любому, набившему руку на передовыхъ статьяхъ, литератору; да и лучше, несравненно лучше любого современнаго литератора говоритъ огромное большинство обывателей; но эта блестящая рѣчь страдаетъ тою же болѣзнью, которою недугуетъ и рѣчь литературная. Какъ та, такъ и другая лишены жизненной энергіи, утратили связь слова и дѣла и отвыкли представлять собственныя мысли въ реальныхъ, осуществленныхъ формахъ.

Слушать такіе разговоры до крайности тяжело, точно слушать, какъ «безрукій» говоритъ (забывъ свое увѣчье), что вотъ онъ сейчасъ протянетъ руку, возьметъ, сдѣлаетъ. Другое дѣло россійскіе «ордюры»: тутъ человѣкъ можетъ жить вполнѣ и видѣть «на дѣлѣ» осуществленіе своихъ мыслей, удовлетвореніе своего негодованія. Вотъ выплылъ изъ тьмы вѣковъ какой-нибудь, какъ гоголевскій Вій, заплѣсневѣлый и обомшѣлый хищникъ; газета пропечатала всѣ его подвиги, и этотъ разговоръ не останется пустымъ звукомъ. Мы думали и утверждали, что хищника надо покарать, и его, дѣйствительно, карающъ, и если не нашими руками, то чьими-нибудь его все-таки на нашихъ глазахъ и согласно нашему мнѣнію тащатъ въ Сибирь, въ мѣста

не столь и столь отдаленныя. Другихъ явленій жизни, которыя бы также были ярко и ясно видны, также были доступны для полнаго и всесторонняго обсужденія и давали бы возможность видѣть на дѣлѣ осуществленіе ничѣмъ нестѣсненнаго общественнаго о нихъ мнѣнія, я не знаю.

Нѣтъ такого другого общественнаго вопроса, общественнаго дѣла, которое бы могло быть такъ же правдиво, пространно и свободно обсуждено и осуществлено на дѣлѣ, какъ осуществляется на Руси во всѣхъ формахъ своего развитія всякое «ордюрное» дѣло. И немудрено, что ордюрный элементъ разговора преобладаетъ и глушитъ всѣ другіе элементы общественной бесѣды; немудрено, что объ ордюрахъ говорятъ и мужики, и купцы, и чиновники, и земцы, и думцы, — словомъ, людъ всякаго званія и состоянія. Настанетъ, никто не сомнѣвается въ этомъ, время, когда слова: «хищникъ» и «острогъ», цѣлыми годами сосредоточивающія на себѣ свободное вниманіе общества и свободное общественное сужденіе, не будутъ почти единственнымъ исходомъ для удовлетворенія общественной жажды къ проявленіямъ справедливости. Будутъ царствовать въ общественномъ вниманіи другія, не такія мрачныя темы, и желаніе справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ найдетъ возможность проявляться въ иныхъ, мягкихъ и благородныхъ формахъ и по поводу иныхъ, также благородныхъ дѣлъ. Но теперь «ордюръ» царитъ: и аппетитъ къ нему развитъ болѣе, чѣмъ къ чему-нибудь другому, и негодованіе онъ возбуждаетъ болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое явленіе русской жизни. Иногда, право, кажется, что русскій человѣкъ нашихъ дней не можетъ ни видѣть ни понимать насущнѣйшихъ нуждъ времени до тѣхъ поръ, пока не станетъ на ордюрную точку зрѣнія, не разстроитъ своей печени, и вообще такъ или иначе не ожесточитъ себя.

II.

Омраченный и даже, прямо сказать, пришибленный такими, только изнуряющими человѣческое существо впечатлѣніями, я не удивляюсь, что очень долгое время, въ началѣ поѣздки по новымъ мѣстамъ, мои нервы рѣшительно не поддавались впечатлѣніямъ тѣхъ красотъ и прелестей природы, которыя давно бы очаровали нормальнаго человѣка.

Владикавказъ, низенькіе, малороссійскаго типа домики, утопающіе среди высокихъ, съ дѣтства знакомыхъ и милыхъ

тополей, близость и величіе горъ, обступающихъ его съ юга, даже все это не производило того впечатлѣнія, которое должно бы было произвести послѣ снѣговъ, трескучихъ морозовъ и вьюгъ три дня назадъ покинутаго сѣвера. «Хорошо, но мнѣ все равно» —вотъ что говорили разслабленные нервы.

То же самое или почти то же самое говорили они и въ то время, когда раннимъ пасмурнымъ, пахнувшимъ весенней влагой, утромъ мы, усѣвшись въ почтовой каретѣ, выѣхали изъ Владикавказа въ горы.

На мгновеніе только шевельнулось что-то въ окаменѣлой душѣ, когда кондукторъ затрубилъ въ трубу; звукъ этой трубы пробудилъ что-то давно забытое, ранніе годы дѣтства, и опять все затихло въ душѣ. Чувствовалась жажда тишины и молчанія. И эта жажда не покидала и тогда, когда и горы уже подошли къ намъ, стали къ намъ лицомъ къ лицу, удивительныя, суровыя, непонятныя каменныя тайны. Ни шатко, ни валко, ни шибко, ни тихо, мѣрно и ровно катится впередъ карета, позвякивая желѣзною цѣпью тормоза; мѣрно и ровно звучатъ удары копытъ четверки лошадей, и горы обступаютъ насъ понемногу и справа и слѣва. Но все молчитъ въ душѣ, а ощущенія начинаютъ отдаваться, если такъ можно выразиться, уже на тѣлѣ.

Начинаешь ощущать, что какъ будто становишься меньше ростомъ. Еще недавно, часъ тому назадъ, въ гостиницѣ во Владикавказѣ, я какъ будто былъ порядочнаго роста, а тутъ—что за чудо?—становишься все меньше и меньше! И дилижансъ, который часъ тому назадъ, выѣзжая изъ воротъ почтоваго двора, казался какой-то громадиной, едва могъ проѣхать по улицѣ, не зацѣпивъ и не своротивъ съ дороги въ канаву проѣзжавшихъ татарскихъ арбъ съ длинными двухаршинными дровами, теперь же, что дальше въ горы, то онъ все меньше и меньше, и лошади кажутся маленькими, и скоро весь дилижансъ, четверка лошадей, три пассажира, кондукторъ, кучеръ, все это (вы чувствуете это на себѣ) превращается во что-то крошечное, едва-едва ползущее по какой-то какъ нитка бѣлой и какъ нитка тонкой дорогѣ, вьющейся у подножія необычайной громады.

Но уже и въ этихъ физическихъ ощущеніяхъ таится доля исцѣленія духовнаго; чувствуя сначала свою физическую ничтожность, начинаешь иногда чувствовать физическую боль, точно кто ударитъ кулакомъ или морозъ по кожѣ

подереть: такія «непонятныя» ощущенія начинаютъ потрясать нервы непонятными фантазіями непонятной матери-природы. Иногда вырывается крикъ: «Ай!», иногда—«ахъ!» и инстинктивное желаніе спрятаться въ уголъ кареты, иногда безсознательный вопль: «Боже мой, что это такое?»—но все это, *именно потому,* что рѣшительно непонятно, непостижимо, именно потому, что всего этого нѣтъ возможности объяснить, нѣтъ возможности отвѣтить себѣ: «зачѣмъ? на что нужна этакая страсть? этакая прелесть, этотъ ужасъ?»—все это и вытѣсняетъ мгновенно всю ту душевную смуту, которую вы, къ несчастью, такъ долго понимали и надъ которой удручали свой несчастный «смыслъ».

Нуженъ былъ однакожъ хорошій ударъ по нервамъ со стороны матери-природы, чтобы окончательно «попрать смерть» этого удушающаго человѣческаго смысла. И такой ударъ мать-природа не замедлила преподнести намъ въ самомъ скоромъ времени. Могу увѣрить читателя, что ударъ этотъ ничуть не хуже того удара зеркаломъ по головѣ, который приводилъ въ чувство путешественника старыхъ временъ, заставляя его оставить мечту объ отечествѣ и предаться наблюденію иностранныхъ людей и дѣлъ. Этотъ «ударъ» нанесла намъ одна изъ безчисленныхъ выдумокъ непонятной природы, которыми полны эти мѣста. Звать эту выдумку «Гудауромъ».

III.

Еще задолго до приближенія къ станціи, которая носитъ названіе «Гудауръ», проѣзжающіе начинаютъ поговаривать о немъ, какъ о конечномъ пунктѣ всевозможныхъ дорожныхъ ужасовъ и затрудненій. Ямщики, тѣ прямо говорятъ: «Тамъ живо пойдетъ! тамъ, съ Гудаура, на парочкѣ свезутъ живымъ манеромъ! Тамъ ужъ, съ Гудаура, мигомъ!» Слушая такія успокоительныя рѣчи, и самъ начинаешь ожидать Гудаура, какъ мѣста отдохновенія.

А отдохнуть ужъ пора; матушка-природа порядочно-таки надивила своими дивами за время съ семи часовъ утра; нервы поустали, да и, кромѣ усталости, пріѣздъ въ Гудауръ означаетъ окончательное избавленіе отъ всевозможныхъ неудобствъ зимняго переѣзда черезъ горы. Обвалы, «осовы» снѣга, погребающіе путниковъ, все это предшествуетъ Гудауру, а въ Гудаурѣ все это кончается. И какъ бы для того, чтобы ударъ, наносимый Гудауромъ впечатлительности неопытныхъ путниковъ, былъ сильнѣе, послѣдняя предъ

нимъ станція, самая опасная въ зимнее время, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ и осововъ, прошла для насъ самымъ превосходнымъ образомъ. Дали намъ на этой предпослѣдней станціи (забылъ и названіе) возокъ, открытый, на подобіе омнибусовъ, сзади для входа пассажировъ и закрытый спереди и съ боковъ. Видѣть ужасы, которые могли открываться впереди насъ, благодаря описанному устройству омнибуса, намъ не приходилось, мы видѣли только то, что уже благополучно миновали. Мѣсяцъ стоялъ въ небѣ; сани ѣхали по хорошо расчищенной дорогѣ; полозья скрипѣли, морозецъ стоялъ въ воздухѣ; и мимо насъ, уходя отъ насъ куда-то вдаль, проползали всѣ самыя «страшныя мѣста».

Вотъ ушла «Майорша», мрачная, неуклюжая, широкая и плоская горища, снѣга которой, по разсказамъ, погребли немало народу; благополучно уплыла другая «страсть Господня», съ огромной снѣжной утробой, выпятившейся надъ самой дорогой и, кажется, готовой обрушиться отъ малѣйшаго громкаго звука, отъ кашля, чиха. И она, слава Богу,— вонъ ужъ куда ушла! И другія страсти ушли также... И вотъ уже нѣтъ никакихъ страховъ, совсѣмъ нѣтъ: ни громадныхъ вершинъ ни пропастей; дорога идетъ по снѣжной равнинѣ, освѣщенной мѣсяцемъ, равнинѣ, по краямъ которой виднѣются «горки», величины и высоты нашего новогородскаго лѣса. И снѣгъ скрипитъ по-новогородски, и даже новогородскій разговоръ начинается, и все ближе и ближе конецъ всѣмъ страхамъ и ужасамъ. Наконецъ — и Гудауръ. Тутъ все кончилось. Тутъ ужъ, вмѣсто шестерки, восьмерки, запрягаютъ пару.

— Тутъ живо!

— Здѣсь съ одного маху!

— Ну, возись, что ли!

— Ночевать пора... отдохнуть! Поскорѣй бы въ Млеты! Спать хочется!

— Живо довеземъ!

Пара запряжена въ телѣгу, что возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе: кругомъ лежатъ глубокіе снѣга; но вы такъ устали за всю эту дорогу, такъ хотите отдыха и такъ исключительно думаете объ отдыхѣ, зная, что теперь «все страшное кончилось», что теперь «*живое*», «однимъ духомъ»,—что «недоумѣніе» вовсе васъ не тревожитъ, и вамъ ничего иного не рисуется въ воображеніи, кромѣ теплой комнаты и постели. Вы совершенно покойны (все кончилось!), сонъ клонитъ васъ и что-то укачиваетъ. Что такое

укачиваетъ? И почему колеса, скрипѣвшія по снѣгу, гремятъ по камнямъ? Открывъ глаза, вы замѣчаете, что равномѣрныя покачиванія то въ одну, то въ другую сторону происходятъ отъ слишкомъ частыхъ поворотовъ. Едва выѣхали со станціи, какъ круто повернули и, пробѣжавъ пятокъ шаговъ, опять такъ же круто повернули вправо, потомъ ту же минуту влѣво и опять ту же минуту вправо, и такъ безпрестанно: то вправо, то влѣво, и круто, почти подъ острымъ угломъ, и всегда подъ тѣмъ поворотомъ, который только-что успѣли проѣхать.

— Отчего это такъ вертитъ телѣгу?

— Здѣсь спускъ...—спокойно отвѣчаютъ вамъ.—Станція-то вонъ она... видите, чуть-чуть, «черненькое» внизу? Туда вертикально одна верста, а съ поворотами семнадцать... Здѣсь 68 поворотовъ... Спускъ съ высоты трехъ съ половиной тысячъ футовъ.

«Черненькое», которое вамъ указываютъ, вы не видите, но видите, что находитесь на страшной высотѣ, плоской и вертикальной, какъ стѣна буквально, и спускаетесь маленькими поворотами направо и налѣво по дорогѣ, которая прилѣплена къ этой стѣнѣ, какъ полки для посуды къ стѣнѣ кухни. «Тутъ живо пойдетъ! единымъ духомъ!»—почему-то вдругъ вспоминается вамъ, и вы съ ужасомъ представляете себѣ ту бездну, въ глубину которой васъ мчатъ «единымъ духомъ», поминутно раскатывая колесами на поворотахъ, точно полозьями саней.

Чтобы имѣть представленіе о томъ неожиданномъ ужасѣ, который вдругъ, нежданно-негаданно, послѣ того, какъ ужъ «все кончилось», какъ молнія поражаетъ васъ, когда вы неожиданно узнаёте, на какой дьявольской высотѣ вы находитесь и въ какую бездну вы стремитесь, — необходимо сдѣлать нѣкоторое сравненіе. Голая цифра 3.500 футовъ не даетъ вамъ представленія объ этой высотѣ. Но если я скажу, что Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ имѣетъ (если не ошибаюсь) только 350 футовъ, то высота Гудаура, съ которой вамъ приходится съѣзжать, это 10 Исаакіевскихъ соборовъ, поставленныхъ другъ на друга. Теперь представьте себѣ, что вы, на парочкѣ, «живой рукой» спускаетесь съ высоты купола этого десятаго собора, и въ огромной, нескладной почтовой телѣгѣ, безпрестанно виляя съ этимъ нескладнымъ экипажемъ направо и налѣво, то-есть безпрестанно ставя его бокомъ къ отвѣсу (какъ ставите вы ногу, подымаясь на кручу) стѣны, къ которой при-

лѣплена дорога, мѣстами не высѣченная въ скалѣ, а буквально прилѣпленная къ ней искусственнымъ образомъ. Отвѣсъ, къ которому приклеена дорога, такъ крутъ, что вы не видите даже дороги, по которой будете сейчасъ спускаться послѣ перваго поворота: она приклеена какъ будто глубже подножія того перегона, по которому ѣдете вы теперь. Спускаясь съ самой вершины горы, съ купола ея, вы дѣлаете безпрестанные повороты, точно размахи маленькаго маятника; намучившись такими размахами своего экипажа и своего тѣла, вы начинаете замѣчать, что размахи какъ будто увеличиваются и точно съ каждымъ поворотомъ становятся больше и больше. Тутъ вы ужъ начинаете замѣчать и полотно дороги слѣдующаго за поворотомъ участка, но и это не въ утѣшеніе. Въ сумракѣ какого-то тусклаго подслѣповатаго мѣсяца, въ сумракѣ ущелья (здѣсь хребетъ горъ какъ будто далъ долевую трещину, при чемъ одна половина, южная, какъ бы откачнулась немного; вы спускаетесь по сѣверной, прямой, какъ стѣна) этотъ предстоящій вамъ за поворотомъ путь, на этотъ разъ уже длинный и, какъ стрѣла, прямой, кажется также совершенно вертикально опущеннымъ сверху внизъ; бѣлая лента дороги виситъ, какъ бѣлая холстина на заборѣ, и вы съ ужасомъ спрашиваете себя: неужели мы поѣдемъ по ней?

Впечатлѣніе этой мѣстности, по крайней мѣрѣ, для меня было до того сильно, неожиданно, настигло меня въ такую не располагающую ко вниманію минуту (хотѣлось спать), мѣсто было до того дико, т.-е. вполнѣ непривѣтливо, безжизненно, пусто, глухо и грозно, что едва я узналъ, на какой страшной высотѣ мы находимся, едва представилъ себѣ эти 3.500 футовъ въ мало-мальски реальномъ видѣ, какъ сразу почувствовалъ какую-то нестерпимую боль въ головѣ, груди, вискахъ. И шумъ въ ушахъ, головная боль, слѣдствіе неожиданнаго, черезчуръ ужъ великолѣпнаго (для знатоковъ) впечатлѣнія, до того сокрушили физически, что и доѣхавъ до станціи Млеты, гдѣ ужъ дѣйствительно можно было отдохнуть, я не переставалъ чувствовать и ужасъ, и страхъ, и боль, и замираніе сердца, и какое-то смутное, безпрерывное трепетаніе нервовъ. Тяжелымъ сномъ заснулъ я, и всю ночь меня давили какіе-то кошмары. И Гудауръ и нашъ мужикъ Семенъ Никитинъ душили меня, говоря: «Земли, земли давай!»—и урядникъ стоялъ надо мной въ видѣ «Майорши» и тоже собирался душить, и деревенскій кулакъ съ огромной утробой изъ снѣга хотѣлъ обрушить

на меня эту утробу и кричалъ:—«довольно попраздновали!»

Я проснулся отъ собственнаго крика—и возрадовался.

IV.

Теплый, безъ солнца, но нѣжный, весенній день стоялъ на дворѣ. Оглядѣвшись кругомъ, мы уже не видѣли тѣхъ жестокихъ каменныхъ кремневыхъ глыбъ, непривѣтливыхъ, суровыхъ линій скалъ и ущелій сѣвернаго склона кавказскаго хребта, которыя такъ насъ измучили вчера. Начинаются мягкія, нѣжныя линіи красивыхъ, оживленныхъ растительностью горъ,—горъ южнаго склона, южнаго типа людей, южнаго мягкаго, нѣжнаго воздуха. Слава Богу! Гудауръ отбилъ у меня даже охоту вспоминать о сѣверѣ:—«И такъ увижу его!» — думалось мнѣ. И я ни за что не хотѣлъ даже думать, даже мысли допустить о немъ. Что-то холодное, сѣрое, желѣзное, соединенное въ одно, представлялось мнѣ всякій разъ, когда мысль вспомнитъ этотъ сѣверъ. «Тамъ,—думалось мнѣ:—никому ничего нельзя, все проступки да преступленія, да «духъ» какой-то нуженъ необыкновенный. Сѣрое, желѣзное! Ну его!»

Я зналъ, что поѣздка моя не можетъ быть продолжительна, что мнѣ нельзя входить и вникать ни въ какія мѣстныя историческія и бытовыя особенности и подробности; «буду,—рѣшилъ я поэтому:—любоваться цвѣтами, лицами». О краскахъ, о цвѣтахъ мы тамъ на сѣверѣ забыли, давно забыли, точно ничего, кромѣ урядниковъ, и нѣтъ на свѣтѣ. А здѣсь вотъ цвѣты, и какіе прелестные! и я могу на нихъ смотрѣть! Этого давно не случалось, нескончаемо давно. Даже не помню, сколько времени я не видалъ ни цвѣтовъ, ни воды, ни неба, хотя ходилъ и между цвѣтами, и подъ небомъ, и у воды. Гнела каменная тоска. Теперь пусть же не будетъ ея хоть нѣсколько дней!

Новизна и оригинальность внѣшняго вида новыхъ мѣстъ до того овладѣли моимъ вниманіемъ, что я рѣшительно не могъ понимать, почему «цивилизованные» тифлисцы и вообще кавказцы не любятъ нецивилизованнаго, азіатскаго Тифлиса и Кавказа, почему они говорятъ: «Мы не можемъ ужъ жить этою жизнью». Мнѣ, напротивъ, именно азіатское-то и нравилось, а вотъ какой-нибудь грузинъ, цивилизованный фуражкою съ кокардою чиновника казенной палаты, котораго встрѣчаешь на Головинскомъ проспектѣ, былъ мнѣ не по вкусу. Лучше бы, если бы онъ

былъ просто грузинъ, чѣмъ грузинъ съ портфелемъ подъ мышкой.

И вотъ этого красиваго, оригинальнаго, типическаго малаго, шахсеванца, попавшаго прислугой во французскій отель, очень-очень мнѣ жаль. Какъ робко блестятъ его прекрасные глаза, когда онъ несетъ въ рукахъ лампу, какъ онъ трепещетъ, боясь ее разбить, и какъ онъ боится, бѣдняга, неумолимо строгаго взгляда ординарнѣйшей французской буфетчицы, зорко наблюдающей за шахсеванцемъ. Право, казалось мнѣ, лучше бы было, если бы шахсеванецъ не испытывалъ этихъ робкихъ чувствъ ради лампы. Вѣдь генерала Евдокимова или Барятинскаго онъ не такъ боялся, какъ этой ординарнѣйшей буфетчицы? А ужъ какъ эта ординарная французская буфетчица казалась мнѣ ненавистной въ такихъ прекраснѣйшихъ мѣстахъ — этого и выразить невозможно. И вѣдь ничто не беретъ этотъ французскій буфетный типъ. Ни климатъ, ни народъ — ничто! Въ Каирѣ, въ Гонолулу, въ Китаѣ, въ Огненной землѣ и въ Архангельскѣ — вездѣ эта буфетная порода сохраняетъ въ неприкосновеннѣйшей шаблонности фигуру, мысли, пріемы, движенія, обычаи, даже разговоры парижскаго буфетно-трактирнаго племени. Истинно жалко шахсеванца! Какой красавецъ, и какъ испугался этой куклы!..

И вотъ этого красавца-мингрельца также очень жалко мнѣ; представьте себѣ: въ національномъ живописнѣйшемъ костюмѣ стоитъ за буфетомъ желѣзнодорожной станціи и съ какимъ тщаніемъ рѣжетъ сыръ для бутербродовъ! Жалко! И этому-то живописному красавцу какой-то кулачишка, весь, со всѣмъ своимъ внутреннимъ «я», какъ бы сдѣланный изъ мочалы отъ мучныхъ кулей, съ мочальной бороденкой, покрикиваетъ: «Чилаэкъ! бутенброту подай!» Истинно обидно. Охъ, эта цивилизація и желѣзнодорожные пути! Какъ они умиротворяютъ, стираютъ съ лица земли всѣ національныя черты, особенности. Въ старое время этого мингрельца, я думаю, пушкой нельзя было заставить быть лакеемъ купчишки съ мочальной бородой, а теперь вотъ цивилизація «съ путями» заставила: «шестнадцать съ полтиной даетъ, на хозяйскихъ харчахъ!»

И утихаютъ передъ этими благами цивилизаціи дикіе шахсеванцы и красавцы-мингрельцы. Цивилизація привезла сюда, совсѣмъ ужъ «не къ мѣсту», и этого кулачишку, сдѣланнаго кой-какъ на живую нитку изъ мочалъ и рогожъ; и много ихъ «обнюхиваютъ» эти новыя мѣста, раз-

узнавая, нѣтъ ли гдѣ какихъ «способовъ», чтобы запустить лапу? Можете представить мое удивленіе, когда въ горахъ, да въ тѣхъ же самыхъ Млетахъ (кажется), среди оригинальнѣйшихъ построекъ, развалинъ, старинныхъ замковъ, башенъ, вдругъ вижу: «*Овощная и мелочная торговля съ продажею чаю и сахару купца Бѣлобрюкова*». Пробрался и прилѣпилъ свои сахарныя головы, фрукты, китайца, и вотъ, извольте посмотрѣть, стоитъ на крылечкѣ, поглаживаетъ бородку и дивитъ Гудауръ своими сапогами съ бураками. Мало этого. Вотъ Мцхетъ. Здѣсь Арагва сливается съ Курой («Струи Арагвы и Куры, обнявшись, будто двѣ сестры...» и т. д.),—такъ вотъ это самое мѣсто, гдѣ сестры-то обнялись, уже «*арендовано* (читаю я въ одной изъ кавказскихъ газетъ) также какимъ-то купцомъ, и *уже дѣло о злоупотребленіяхъ купца* N. по арендованію рыбныхъ промысловъ при сліяніи Арагвы и Куры, какъ слышно, поступило на разсмотрѣніе» и т. д. Такимъ образомъ не только ужъ мочальная борода пробралась и запустила свою бакалейную и москательную лапу «въ каменную грудь» и въ струю рѣкъ, но уже и злоупотребленіями озаботилась осчастливить новыя мѣста. Все это, подъ свѣжими впечатлѣніями новизны мѣста, было для меня положительно обидно.

V.

Однако, несмотря на то, что каждая минута переѣзда съ мѣста на мѣсто и безпрестанная измѣнчивость и новизна впечатлѣній давали возможность немедленно забывать всякое непріятное, не подходившее къ настроенію, шероховатое явленіе — какъ на грѣхъ, эти шероховатости, эти толки о разныхъ «дѣлахъ» и «нуждахъ» стали все чаще останавливать на себѣ вниманіе, рѣшительно въ нихъ не нуждавшееся и всячески ихъ отвергавшее.

Такъ, не помню уже гдѣ именно, въ первый разъ услышалъ я слово: «Нобель». Услышалъ и пропустилъ мимо ушей; но, по мѣрѣ дальнѣйшаго путешествія, слово это стало повторяться все чаще и чаще. Проѣзжая въ Тифлисъ и изъ Тифлиса въ Баку, и изъ Баку въ Поти, все чаще и чаще стали повторять этотъ невѣдомый мнѣ звукъ. Я ужъ сталъ примѣчать, что слышу его разъ по двадцати въ день, а пріѣхавъ въ Тифлисъ, сталъ слышать его на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ мѣстахъ, каждый день и каждый часъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому непонятному звуку:

«Нобель, Нобель, Нобель» сталъ прибавляться другой невѣдомый мнѣ звукъ: «Палашковскій, Палашковскій, Палашковскій», звукъ, повторявшійся такъ же часто и слышанный мною такъ же на всѣхъ мѣстахъ и во всякій часъ дня и ночи, какъ и звукъ: «Нобель, Нобель, Нобель». Вмѣстѣ съ тѣмъ я сталъ замѣчать, что люди, произносившіе эти звуки, какъ бы разбиты параличомъ, не говорятъ никакихъ другихъ словъ и вмѣсто словъ объясняютъ свои мысли жестами. Да и жесты все неутѣшительные: одинъ, произнеся слово: «Нобель», вздохнетъ отъ самой глубины души и замолчитъ; другой, сказавъ: «Палашковскій», погрозитъ едва ли не самому небу; третій, произнеся одно изъ этихъ словъ, безпомощно ударитъ себя о бедра безпомощными руками. Мало-по-малу, при всемъ моемъ нежеланіи даже догадываться о томъ, что̀ означаютъ эти звуки, я волей-неволей долженъ былъ убѣдиться, что Нобель и Палашковскій начинаютъ на Кавказѣ новую эру и суть предвѣстники пришествія Купона! Всѣ они покамѣстъ только «коготокъ» этого самаго г. Купона обнаружили, а ужъ какъ была потрясена вся кавказская коммерческая старина!

И въ Батумѣ, и въ Тифлисѣ, и въ Баку, между Батумомъ и Тифлисомъ, Тифлисомъ и Баку, взадъ и впередъ вездѣ толпятся цѣлыя полчища согбенныхъ нефтяными драмами людей, исторгающихъ каждый разъ, когда приходится упомянуть о Нобелѣ и Палашковскомъ, изъ измученной груди глубокіе вздохи и прискорбнѣйшія слова: «убьетъ», «аминь», «могила».

Сколько я могъ понять, все дѣло и все горе происходитъ отъ такъ-называемой «свободной конкуренціи». А что̀ такое свободная конкуренція — это опытные люди разъяснили мнѣ такъ: одинъ человѣкъ, имѣющій средства купить обухъ, выходитъ на состязаніе съ другимъ человѣкомъ, у котораго средствъ хватаетъ только на покупку обыкновенной палки. Человѣкъ съ обухомъ, подойдя къ человѣку съ палкой, предлагаетъ ему единоборство, говоря:—«Я буду тебя бить обухомъ, а ты меня колоти палкой; если ты мнѣ проломишь голову—твое счастье, а если я тебѣ проломлю—мое!» Господинъ Нобель взялъ въ руку орудіе борьбы вѣсомъ въ двѣнадцать милліоновъ рублей, пришелъ въ Баку и началъ единоборствовать съ противниками, у которыхъ въ рукахъ были не только конеечныя палки, а просто только курительные папиросники. И госпо-

динъ Палашковскій тоже приготовилъ заблаговременно полновѣсную жестянку и тоже сталъ конкурировать съ людьми, у которыхъ въ рукахъ только бондарная клепка, цѣною въ грошъ. Вотъ въ какомъ видѣ представилось мнѣ выраженіе: «свободная конкуренція». Старые заводы закрываютъ, сотни рабочихъ остаются безъ работы, пароходы и грузовыя суда безъ груза, а нефть льетъ, льетъ, льетъ фонтанами, ручьями, рѣками и въ землю, и въ рѣки, и въ море.

Впрочемъ, при самомъ искреннемъ сочувствіи къ бакинскимъ и батумскимъ нефтянымъ страдальцамъ и, съ другой стороны, при самомъ глубочайшемъ несочувствіи къ тому способу промышленнаго единоборства, которое называется «свободною конкуренціею», мы, во имя справедливости, не можемъ не сказать, что батумскіе и бакинскіе страдальцы добрую половину наносимыхъ имъ ударовъ должны приписать «полностію» собственному своему неблагоразумію. Имѣя подъ руками такіе необъятные источники богатства, какіе представляетъ собою балаханская нефтяная площадь, эти промышленные дѣятели (а еще хвалятъ армянъ за ихъ коммерческія способности!) до пришествія г. Нобеля нисколько не заботились о томъ, чтобы изобрѣсти пункты для продажи этого продукта. Если не ошибаюсь, то только одно бакинское нефтяное общество, не знаю, до, или, кажется, послѣ пришествія иноплеменниковъ, устроило нѣсколько складовъ для своихъ издѣлій изъ нефти по Волгѣ, въ Нижнемъ и по Камѣ. Вся же остальная промышленная братія ничего не измыслила по части рынка, кромѣ того, чтобы валить свои продукты въ Астрахань.

И цѣлые десятки лѣтъ валомъ-валили они свои бочки въ Астрахань, все въ одну точку, и навалили до такой степени, что не только стало некуда дѣвать этихъ бочекъ, не только пресытились всѣ, но пресытился нефтянымъ запахомъ самый воздухъ и вода, пресытилась рыба, пресытилась земля. Да, даже земля пресытилась и притомъ до такой степени, что съ годъ тому назадъ въ газетахъ появилась такая телеграмма: «Астрахань. Здѣсь (въ такомъ-то мѣстѣ) бьетъ нефтяной фонтанъ». Что же оказалось? Оказалось, что это бьетъ бакинская нефть, пролитая изъ бочекъ и пропитавшая землю складовъ до того, что ее стало фонтаномъ выпирать къ небесамъ... въ самой Астрахани и едва ли даже не около самыхъ присутственныхъ мѣстъ!.. А кого ни спросишь: «какъ дѣла?» — всѣ гово-

рятъ: — «смерть», «аминь», «могила», «матъ», «зарѣзъ». Все только слезы, стоны, и нѣтъ другого слова, кромѣ: «плохо», «худо», «хуже и хуже».

Да и не съ одною нефтью творятся такія несчастія. Есть въ этихъ мѣстахъ другія, также неисчерпаемыя богатства,—напримѣръ, рыба,—и то, кого ни спросишь: «какъ дѣла?» — отвѣчаютъ все то же: «плохо», «худо», «хуже и хуже», а тамъ недалеко ужъ и до предчувствій о полной гибели и мечтаній о томъ, что надо хлопотать, ходатайствовать, просить, чтобы «сдѣлали распоряженіе» о дарованіи промышленникамъ спокойнаго расположенія духа.

Обиліе рыбы, преимущественно въ извѣстные періоды времени, поистинѣ изумительно. Одинъ ленкоранскій обыватель, возвратясь нынѣшнею весной съ загородной прогулки и разсматривая свой разрѣзанный чѣмъ-то палецъ, разсказалъ, что этотъ разрѣзъ онъ сдѣлалъ о жабру судака, котораго поймалъ руками прямо изъ рѣки, по берегу которой шелъ: такой воистину сплошной стѣной идетъ рыба въ извѣстные періоды времени. Да вѣдь какіе великаны попадаются. За день до моего пріѣзда на Куру была поймана бѣлуга, вѣсомъ ни много ни мало — въ 42 пуда, при чемъ одной икры выпущено изъ этой знаменитости семь пудовъ. По самой сходной цѣнѣ такая знаменитость не можетъ стоить менѣе 450 руб.! И то все «скучно», «мало», «плохо: некому жаловаться!». Иной рыбопромышленникъ, весь отъ земли до луны обвѣшанный копчеными кутумами, плетями балыковъ, сушеными и солеными судаками, лещами, весь на цѣлую версту обрытый траншеями съ тузлукомъ, въ которомъ просаливаются десятки тысячъ пудовъ севрюги, бѣлуги, осетрины и т. д., сидитъ между этой благодатью, какъ черная туча, какъ Дарьяльское ущелье въ темную, бурную ночь, и нѣтъ у него другихъ словъ, кромѣ: «плохо», «мало», «совсѣмъ плохо». Я видѣлъ одного рыбопромышленника, у котораго была поймана бѣлуга съ бѣлой, какъ бумага (собственныя его слова), икрой, не имѣющей даже и цѣны—и что же? Лицо его не только не повеселѣло, но истинно стало «тюрьмы чернѣй», несмотря на бѣлую икру.

И въ этомъ дѣлѣ опять-таки ничего не изобрѣтено мрачными предпринимателями, какъ и въ нефтяномъ. Ничего, кромѣ Астрахани. Только и знаютъ, что валятъ милліоны и милліоны въ Астрахань и Астрахань, и до того опять-таки навалили, что нынѣшней зимой сгнило въ этой Астра-

хани безъ всякаго толку одного судака 3 милліона штукъ, сгнило самымъ безполезнымъ образомъ, несмотря опять-таки на желѣзныя дороги и пароходы. Тамъ гніютъ милліоны пудовъ рыбы совершенно зря, а вотъ мы, новогородскіе жители, живущіе при самой станціи желѣзной дороги, не можемъ добыть этой, гдѣ-то въ Астрахани гніющей даромъ рыбы. Если и здѣсь, близъ желѣзной дороги, нельзя пользоваться сокровищами морскихъ богатствъ, отъ которыхъ тамъ, на морѣ, т.-е. на мѣстѣ, тоже только скучаютъ и плачутъ, то, спрашивается, когда же эту сушеную рыбу получитъ для собственнаго пропитанія крестьянинъ глухихъ мѣстъ?

VI.

Единственный разъ, когда я не слыхалъ этого унылаго, «какъ скрипъ тюремной двери», стона и сокрушенія о томъ, что «плохо», «худо», былъ при посѣщеніи мною знаменитой рыбной ватаги на рѣкѣ Курѣ, по прозванію—«Божій промыселъ». Здѣсь не говорили ни «смерть», ни «могила», ничего, что̀ слышишь безпрестанно среди нефтяныхъ богатствъ и рыбныхъ сокровищъ другихъ рыбопромышленниковъ. Но вѣдь, чтобы понять, почему здѣсь не видно уныніи и не слышно унылыхъ словъ, надобно знать, что̀ такое *Божій промыселъ*. Это такого рода мѣсто и такого рода рыбное учрежденіе, что, я думаю, будетъ не лишнимъ сказать о немъ подробнѣе.

«Божій промыселъ» находится на Курѣ, на правомъ берегу (по теченію), недалеко отъ впаденія Куры въ Каспійское море. Мѣстность, носящая это названіе, есть нѣчто въ родѣ небольшого городка съ прекрасными постройками для служащихъ, больницей, магазиномъ для сѣтей и другихъ рыбныхъ припасовъ и снастей. На берегу Куры, или, вѣрнѣе, у берега Куры, надъ водою, построены огромные сараи-ватаги, гдѣ рыбу потрошатъ, солятъ, приготовляютъ балыки, которые потомъ развѣшиваютъ за сараемъ на солнцѣ, приготовляютъ икру, рыбій клей. Сарай, выстроенный надъ водой, въ нѣсколькихъ мѣстахъ имѣетъ спуски къ рѣкѣ, подобные тѣмъ спускамъ, какіе мы видимъ у желѣзнодорожныхъ платформъ, приспособленныхъ для вкатыванія бочекъ и перетаскиванія товаровъ съ земли на платформу.

Къ этимъ спускамъ промысловый пароходъ подводитъ баржи съ пойманной рыбой, послѣ чего начинается сущее

рыбное разбойство и кровопролитіе. Часть рабочихъ, стоящая на баржѣ, цѣпляя желѣзными баграми за что ни попало почти всегда живыхъ осетровъ, бѣлугъ, шиповъ, севрюгъ и т. д., — швыряетъ ихъ на плоскости спусковъ; здѣсь другими, но такого же устройства, какъ и первые, желѣзными баграми, запуская ихъ въ живое мясо, подхватываютъ рыбу вверхъ по откосу, гдѣ третій рядъ рабочихъ, тоже желѣзными баграми, тащитъ ее по полу сарая къ мѣсту смерти. Все это время рыба, растерзанная уже въ трехъ мѣстахъ, еще жива, и такихъ растерзанныхъ и живыхъ, бьющихся, разѣвающихъ рты и оттопыривающихъ жабры существъ скоро накопляется на лобномъ мѣстѣ ватаги цѣлыя сотни.

Но въ то время, когда привезенная въ баржѣ рыба еще не вся перетаскана въ сарай, кровопролитіе уже началось. Рабочіе-татары небольшимъ ножикомъ, въ родѣ сапожнаго, моментально, въ буквальномъ смыслѣ, умѣютъ срѣзать спинныя чешуйки, отрубить хвостъ, распороть животъ, выдрать изъ него все, что̀ полагается, и швырнуть еще живое существо другимъ рабочимъ, которые, также моментально, выдернутъ изъ позвоночнаго столба рыбы вязигу (послѣ чего она умираетъ) и настряпаютъ и балыковъ, и тешекъ, и головизнъ. Въ прежнія времена бросали головы осетровъ въ воду, теперь ихъ солятъ и продаютъ, а бросаютъ только хвосты, внутренности и молоки. Отрубленныя головы прежде прямо на лету ловили сомы, которые, говорятъ, кишѣли тогда подъ поломъ сарая въ огромномъ количествѣ. Теперь сомовъ нѣтъ, хвосты не привлекаютъ ихъ аппетита, и они предпочитаютъ глотать судаковъ и кутумовъ цѣлыми семействами, съ головами и хвостами одновременно.

Картина избіенія сотенъ живыхъ существъ, огромныхъ, если можно сказать, «мужественныхъ», «солидныхъ», осанистыхъ, эти потоки крови, окровавленныя внутренности, эти сцены упорной борьбы со смертью (послѣднія нервныя содроганія замѣчаются, какъ разсказываютъ, даже на кускахъ рыбы, ужъ брошенной въ соль), эти со страшною силою бьющіеся головой и хвостомъ объ полъ сарая уже лишенные внутренностей полутрупы съ разлѣзающимися въ разныя стороны боками, — все это производитъ сильное впечатлѣніе, именно впечатлѣніе убійства, кровопролитія. Но... впечатлѣніе это длится нѣсколько мгновеній. Я долго не могъ понять, почему чрезъ пять минутъ кроваваго зрѣлища я почти совершенно потерялъ чувствительность? И я по-

нялъ въ чемъ дѣло: — не было *звука* протестующаго! Все это совершалось въ мертвомъ молчаніи: и избиватели и избиваемые молчали. Вотъ почему и бабы могутъ заниматься этимъ кровопролитнымъ дѣломъ. Но если бы изъ тысячъ этихъ труповъ послышался какой-нибудь звукъ боли, я увѣренъ, всѣхъ бы обуялъ ужасъ. Да, молчаніе успокаиваетъ жестокость, дѣлаетъ ее дѣломъ весьма простымъ, обыкновеннымъ. А сколько хлопотъ бываетъ въ такихъ же случаяхъ, напримѣръ, съ поросенкомъ, пѣтухомъ, курицей! Мужики здоровенные не выдерживаютъ отчаяннаго крика чувствующей бѣду птицы, животнаго.

Вотъ что̀ значитъ протестъ, хотя бы и на куриномъ языкѣ!

Изъ этого смертоубійственнаго сарая перейдемъ въ другое помѣщеніе того же рыбнаго капища, въ помѣщеніе, гдѣ приготовляютъ икру. Икра, вынутая изъ разрѣзанной утробы бѣлуги или другой какой рыбы (большею частью мы ѣдимъ смѣшанную икру разныхъ рыбъ; много очень употребляемъ икры шиповой *) и очень мало настоящей бѣлужьей, которую почти всю съѣдаютъ счастливые южане), уносится въ ведрахъ въ особое отдѣленіе, гдѣ ее выкладываютъ на желѣзныя частыя сѣтки (въ рамахъ), положенныя на чаны, наполненные на одну треть сухою солью. Сквозь эту сѣть рабочіе-татары протираютъ икру руками, отбрасывая негодные остатки; когда икры упадетъ на соль достаточное количество, льютъ тузлукъ (соляной растворъ), приготовляемый въ особомъ отдѣленіи, и послѣ этого начинаютъ мѣшать лопатами, смѣшивая икру съ солью и тузлукомъ. Сухая соль бурлитъ, какъ сода, и этимъ оканчивается все дѣло: икра готова.

Зерна икры почти не мѣняютъ цвѣта противъ того, который они имѣли тотчасъ послѣ свѣжеванія рыбы; послѣ солки они становятся тверже, и по твердости узнаютъ, просолилась икра или нѣтъ. Затѣмъ начинаютъ вынимать икру рѣшетами (она вся всплываетъ на поверхность) и, отцѣдивъ тузлукъ, ссыпаютъ ее въ обыкновенные рогожные кульки; когда кулекъ наполненъ до верха, его завязываютъ и ставятъ подъ прессъ. Прессъ этотъ состоитъ изъ доски, на которую — предварительно пригнувъ ее руками на ку-

*) *Шипъ*—это *незаконно*-рожденный потомокъ разныхъ случайныхъ родителей, почему и бываетъ — *шипъ* — осетровый, *шипъ* — бѣлужій, севрюжій.

лекъ—россійскій мужикъ садится всѣмъ корпусомъ и, нажимая доску своими природными дарованіями, осчастливливаетъ отечество тѣмъ продуктомъ, названіе которому «паюсная икра».

Когда россіянинъ усядется на доску, изъ всѣхъ дыръ кулька начинаетъ лить бѣлая, какъ молоко, жидкость, бѣлокъ икры; а встаетъ онъ съ доски тогда, когда жидкость перестаетъ литься. Всякій разъ, какъ только россіянинъ этотъ сядетъ на доску, изъ-подъ пресса появляется продуктъ, цѣнностью въ сто рублей серебромъ. На лицѣ россійскаго человѣка, производящаго ежеминутно такія цѣнности единственно только помощью природныхъ своихъ дарованій, замѣтно выраженіе сознанія, хотя и не напыщеннаго, собственнаго достоинства. И точно, едва ли Эдисонъ, или вообще какой-нибудь европейскій изобрѣтатель, при всей своей эрудиціи, можетъ похвалиться такими блестящими успѣхами. Сѣлъ—и получай сто рублей.

Кромѣ этого изобрѣтателя, производящаго паюсную икру, тутъ помѣщаются и другіе изобрѣтатели того же направленія; въ маленькіе холщевые мѣшочки рабочіе кладутъ икру руками и приминаютъ ее собственными кулаками; наколотивъ мѣшочекъ достаточно плотно, рабочій завязываетъ его и завязаннымъ концомъ привѣшиваетъ къ гвоздю въ стѣнѣ, а затѣмъ начинаетъ поворачивать (не спуская съ гвоздя) въ одну сторону, выжимая бѣлокъ уже собственными руками; это уже другого рода прессовка, не такая серьезная, какъ въ паюсной икрѣ, и этотъ сортъ продукта называется «мѣшѣчнымъ» (мѣшѣчная икра),—продуктъ превосходный.

Вообще все, что дѣлается по рыбной части для Кавказа, для мѣстныхъ жителей, все дѣлается гораздо лучше, тщательнѣй, гигіеничнѣй, чѣмъ то, что дѣлается для массоваго россійскаго потребленія. Напримѣръ, судакъ, который идетъ въ Россію, свѣжуется самымъ обыкновеннымъ манеромъ: разрѣжутъ ему утробу, выбросятъ, что не годится, и солятъ или сушатъ. Тотъ же судакъ для мѣстнаго употребленія мало того, что потрошится такимъ же родомъ, т.-е. съ брюха, но для лучшей солки и сушки ему разрѣзываютъ спину и сдираютъ твердую часть со спины до конца реберъ, такъ что онъ можетъ быть провяленъ на солнцѣ во всѣхъ направленіяхъ. Балыкъ, который у насъ имѣетъ заднюю поверхность неоткрытую, для здѣшняго употребленія разрѣзывается и на спинѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдоль,—тоже для лучшей сушки и солки, чѣмъ нашъ. Для

потребленія нашихъ рабочихъ массъ, нашихъ милліоновъ мужиковъ, мнѣ на иныхъ ватагахъ приходилось встрѣчать продукты, одинъ взглядъ на которые невольно заставитъ припомнить грубое слово лавочника: «слопаютъ» и вспомнить нашего, «безпереч» мучащагося «животомъ» и частенько помирающаго отъ соленой «ржавой» рыбы потребителя.

Однако мнѣ кажется, пора уже кончить и объ икрѣ и о рыбѣ вообще. Если я и завелъ рѣчь объ этихъ съѣстныхъ предметахъ, то вовсе не для того, чтобы разжигать съѣстные аппетиты читателя, а единственно для того, чтобы упомянуть о «Божьемъ промыслѣ», гдѣ первый и послѣдній разъ, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною промысловъ, я не слыхалъ слова: «плохо», «худо», «все стало».

Правда, и на «Божьемъ промыслѣ» приходилось слышать мнѣ выраженіе, что «съ прошлымъ—нѣтъ никакого сравненія», или: «конечно, какое же сравненіе — теперь и тогда»; но унынія все-таки здѣсь нѣтъ и сокрушенія не видно. Что же касается прошлаго, то это было, дѣйствительно, что-то необычайное. Если теперь, менѣе, чѣмъ въ часъ времени, промысловый пароходъ подвезъ, на моихъ глазахъ, двѣ огромныхъ баржи, нагруженныхъ вплотную по края и верхомъ рыбой, то что же было прежде, когда ловъ происходилъ здѣсь такимъ образомъ: рѣка Кура съ одного берега на другой была перегорожена желѣзной «забойкой», т.-е. двумя рядами желѣзныхъ, вбитыхъ въ дно рѣки столбовъ, между которыми вставлялись желѣзныя рамы-сѣтки; рыба, шедшая изъ моря въ Куру, должна была останавливаться здѣсь вся, какъ есть вся, буквально, сколько бы ея тамъ ни было, и, остановившись, должна была ждать, пока ее всю выловятъ. Ловили ее такъ усердно, что, говорятъ, все устье Куры и самое море около устья превращались въ широкій кровавый потокъ. Конечно, какое же сравненіе! Теперь забойку ломаютъ, и рыба можетъ проходить вверхъ по Курѣ къ истокамъ. Но и теперь, какъ видите, дѣло идетъ не плохо, не худо. А то, куда ни оглянешься, кого ни послушаешь—все неладно!

VII.

Неладно, между прочимъ, и въ Ленкоранѣ. Здѣсь тоже, на несчастіе мѣстныхъ жителей, Господь Богъ даровалъ колоссальнѣйшія богатства въ видѣ удивительнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ лѣсовъ. Ничего подобнаго никогда и положи-

тельно никто изъ россіянъ, живущихъ въ Европейской Россіи (про Сибирь не говорю), не видалъ и не могъ видѣть, если только ему не двѣсти или триста лѣтъ отъ роду. Дѣвственные, тысячелѣтніе (едва ли ошибусь, если скажу: теперь уже остатки) дремучіе лѣса орѣховыхъ, кедровыхъ, дубовыхъ деревьевъ поистинѣ поражаютъ своимъ дремучимъ великолѣпіемъ, — великолѣпіемъ именно лѣса и могуществомъ красоты, до котораго можетъ достигнуть дерево.

Огромные и въ то же время легко и стройно поднимающіеся къ небу лѣса такихъ деревьевъ оживлены персидскими деревеньками, огоньки которыхъ, по вечерамъ мелькая тамъ и сямъ, почти у подножья этихъ великановъ (рѣшительно не нахожу другого слова), придаютъ этимъ лѣсамъ какую-то непередаваемую прелесть,—прелесть сна, сказки. Такъ вотъ эти-то чудные лѣса и послалъ Господь, на ряду съ нефтью, съ рыбой, нашему русскому коммерческому генію на разживу. Геній нашъ, помолясь Богу, подумавъ о пользахъ отечества, взялся за топоръ и занялся лѣсоистребленіемъ на законномъ основаніи и по «билету». Какая дарована ему благодать, можете судить по тому, что всѣ деревья этихъ лѣсовъ — самый лучшій столярный матеріалъ: орѣхъ, красное дерево и т. д. Каждая хорошо распиленная доска такого дерева, привезенная въ Петербургъ, Москву, стоитъ сотни рублей, каждая фанерка—десятки; нужно только пилить, нужно хоть какую-нибудь лѣсопилку завести. Но нашъ «геній» орудуетъ и безъ лѣсопилокъ: найметъ татаръ или персіянъ съ первобытными, доисторическими топорами (длинное, болѣе аршина, прямое топорище и маленькій толстобокій топоръ, съ лезвіемъ длиною много-много въ три вершка), заплатитъ этимъ топорамъ по 30 коп. за сажень дровъ и «жаритъ», сколько влѣзетъ. Изъ одного такого дерева иногда выходитъ пять—семь саженъ дровъ; провезя ихъ три версты, нашъ геній продаетъ ихъ по восемнадцати рублей за сажень для топки печей. Такимъ образомъ, не потративъ на производство этого сокровища не только ни гроша, но даже не въ силахъ будучи оглядѣть доверху эту величественную красоту, нашъ геній, при помощи татарскихъ рукъ, отъ каждаго срубленнаго дерева кладетъ себѣ десятки рублей. А все скучно! все не знаетъ, кому подавать прошеніе, чтобы вывели изъ критическаго состоянія.

VIII.

Въ описываемое время (1883) было на Кавказѣ, кромѣ вышеописанныхъ благословенныхъ мѣстъ, такое мѣстечко, которое, по свидѣтельству очевидцевъ, даже и мѣстнымъ, туземнымъ жителямъ понять было невозможно, а слѣдовательно тѣмъ болѣе простительно было не понять мнѣ, случайно-заѣзжему человѣку. И точно, сколько я ни слушалъ, что разсказываютъ объ этомъ мѣстечкѣ, — ничего не понялъ. Это непостижимое мѣстечко было тогда порто-франко и называлось Батумомъ. Что же такое означаетъ порто-франко и притомъ русское? Вотъ этого-то именно никто и не зналъ и не понималъ. Если бы меня кто-нибудь спросилъ: хорошо или худо то, что называютъ «порто-франко»?— я бы долженъ былъ сказать: «не знаю, ничего не понимаю».

Если я въ любомъ изъ русскихъ уѣздныхъ, губернскихъ, столичныхъ городовъ захочу что-нибудь купить, то я обыкновенно иду въ подходящую лавку и говорю: «позвольте мнѣ ситцу, или позвольте мнѣ вина, или табаку». Все, что я спрошу и выберу, мнѣ завернутъ въ бумагу, получатъ деньги, и я, покупатель, возьму товаръ и пойду домой. Въ Батумѣ было не такъ. Если вы вошли въ лавку и купили какой-нибудь матеріи, то вамъ не завернутъ ее просто, какъ въ обыкновенной лавкѣ, въ бумагу, а поведутъ въ другую комнату, гдѣ-то за лавкой, попросятъ снять пальто, сюртукъ, жилетъ и обмотаютъ матеріей, а обматывая, бормочатъ что-то: «нельзя-съ, порто-франко!». Если вы изъ этой лавки пойдете въ другую и купите, положимъ, бутылку вина, то васъ опять поведутъ куда-то въ темную комнату и опять попросятъ разстегнуться. Табакъ также, продать— продадутъ и деньги возьмутъ, какъ у насъ, а спрячутъ куда-нибудь въ вашемъ платьѣ. И когда вы, купивъ чего вамъ нужно за собственныя свои деньги, выходите изъ лавки, вы мало того, что начинаете чувствовать себя прикосновеннымъ къ какому-то тайному похищенію, но еще физіономію должны дѣлать веселую, безпечную, точно ничего и не украдено. Что бы вы здѣсь ни съѣли, ни выпили, ни купили, все это заставляетъ васъ ощущать, что вы дѣлаете кому-то какой-то вредъ, у кого-то что-то похищаете. Выпили вы рюмку иностраннаго вина и думаете: «Вѣдь это я, кажется, что-то утянулъ у правительства по части акциза?» Купили табаку, и опять что-то какъ будто

украдено, опять же у правительства. Словомъ, какъ только въѣзжаешь въ Батумъ, такъ и превращаешься въ тайнаго похитителя чужого имущества. Нѣтъ здѣсь ни одного поступка вашего, который бы не былъ ущербомъ правительству. Выѣхать изъ Батума, пройти мимо таможенныхъ чиновниковъ съ пристани на пароходъ, это была адская мука! Все у заѣзжаго человѣка краденое, и поэтому онъ дѣлаетъ видъ безпечный, невинный и представляется восхищеннымъ морскимъ видомъ. Все у него краденое, не только подъ сюртукомъ и въ прочихъ мѣстахъ, но и въ желудкѣ-то все, что онъ ѣлъ и пилъ, все неоплаченное пошлиной, безакцизное. Иной ѣдетъ съ пристани на пароходъ, такъ на человѣка бываетъ не похожъ, точно верблюдъ нагруженъ, а лицо дѣлаетъ такое, какъ будто бы онъ и въ самомъ дѣлѣ вѣрноподданный.

Таково было общее впечатлѣніе, которое производилъ тогда Батумъ. Пріѣзжали туда просто обыкновенными людьми, а уѣзжали похитителями чужой собственности, да и вообще частности жизни тогдашняго Батума были весьма загадочны.

Возьмемъ хоть тогдашнее положеніе нефтяного дѣла. Нефтяники разсчитывали на безплатный провозъ въ Батумъ заграничной жести. Изъ этой жести они думали дѣлать жестянки и перевозить въ нихъ керосинъ за границу. Въ то время, когда я былъ въ Батумѣ, благодаря тому обстоятельству, что дѣло бакинскихъ нефтяниковъ организовалъ тамъ г. Нобель, оказалось, что всѣ мѣста для нефтепромышленниковъ отнесены за черту порто-франко, вслѣдствіе чего жестянка, единственная ихъ спасительница, сдѣлалась недоступной. Разъ жесть перейдетъ черезъ границу порто-франко, она ужъ обложена пошлиной, а разъ она обложена пошлиной, дѣлать жестянки невыгодно, а, стало-быть, нѣтъ возможности дешево продавать керосинъ, и, стало-быть, все нефтяное дѣло проиграно въ Батумѣ. Однако нѣтъ. Говорили тогда, что пошлину, дѣйствительно, будутъ брать, но сейчасъ же будутъ ее возвращать. Будетъ будто бы сидѣть на границѣ чиновникъ и записывать— на одной страницѣ книги: «получили», а на другой: «возвратили». Въ сущности онъ не будетъ ни возвращать ни получать, а будетъ ему просто положенъ приличный окладъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ; но зачѣмъ все это нужно,— неизвѣстно.

Пристани также почему-то строить было невозможно и

запрещено: «Нельзя, нельзя и нельзя!»—говорили батумскіе законы, но пристани кое-гдѣ ужъ были выстроены.

— Стало-быть, можно же строить пристани?

— Да! То-есть временно... Въ сущности, впрочемъ... нельзя!

— Но вѣдь вотъ выстроилъ же этотъ господинъ пристань? Вѣдь вотъ она?

— Пристань... да!.. Только видите ли: этотъ господинъ просилъ разрѣшеніе на постройку купальни. «Позвольте мнѣ, молъ, выстроить купальню въ морѣ для семейства».— «Извольте!» Но вѣдь нельзя же ходить въ купальню по водамъ? Вотъ онъ и повелъ отъ берега платформу въ море, сажень на триста, а тамъ на концѣ и повѣсилъ этакій маленькій холстинный саквояжикъ, купальню. Вотъ такимъ образомъ—можно, а по закону нельзя!

«Переходное время», которое переживала батумская административная мысль, безъ всякаго сомнѣнія, служило полнымъ оправданіемъ всевозможныхъ батумскихъ загадокъ. Неудобства переходнаго времени, особливо въ идеяхъ администраціи, были потому особенно чувствительны для обывателей, что, ослабляя ихъ собственную умственную дѣятельность, замѣняли правильность и основательность здраваго разсудка какими-то фантастическими мечтаніями о несбыточныхъ надеждахъ и ожиданіяхъ, смѣняющимися не менѣе несбыточными предчувствіями ни на чемъ неоснованныхъ страховъ и трепетовъ... «Дадутъ то-то и то-то...» «Обѣщали...» «Не-сегодня-завтра будутъ раздавать и деньги и земли; иныхъ простятъ, а такихъ-то и такихъ-то покаютъ, сотрутъ въ порошокъ». Или, напротивъ, вдругъ разнесется вѣсть, что «*все* отнимутъ, *все* закроютъ и *всѣхъ* искоренятъ»... Если такъ-называемыя «переходныя времена и переходныя идеи» приносили такіе результаты на Руси, гдѣ все-таки можно, хотя русскимъ языкомъ, выразить не имѣющее опредѣленнаго смысла приказаніе, то что же должно было происходить въ такомъ мѣстѣ, какъ Батумъ, гдѣ русскія идеи, не имѣющія ни начала ни конца, должны были циркулировать среди населенія, не имѣющаго понятія ни о Россіи ни о русскомъ языкѣ?

Въ то время, когда я былъ въ Батумѣ, агентъ одного с.-петербургскаго общества страхованія разсказывалъ, что всѣ мѣстные жители, турки, были убѣждены, будто бы ихъ будутъ жечь, потому что зачѣмъ-то нужно, чтобы тамъ, гдѣ они живутъ, была улица. Жители, преимущественно изъ

бѣдныхъ классовъ, ничего не понимая, но видя, что готовится что-то необычное, въ огромномъ количествѣ уплелись по-добру, по-здорову въ Турцію, или просто разбѣжались и пропали зря; а тѣ, кого неволя оставила на старыхъ мѣстахъ, массами спѣшили къ агенту, умоляя застраховать ихъ имущество въ какую бы то ни было цѣну.

Кстати, чтобы читатель видѣлъ, до какой степени было замысловато такое учрежденіе, какъ бывшее порто-франко, приведу слѣдующій эпизодъ. Пили мы въ одной гостиницѣ кофе. Къ кофе было подано, между прочимъ, сливочное масло.

— Знаете, откуда получается это масло?—спросилъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, бывшій съ нами.

— Вѣроятно, здѣшнее.

— Нѣтъ. Это масло изъ Марсели. Да это и не масло, а такъ какая-то композиція. Я выписываю изъ Марсели и нахожу выгоднымъ, такъ какъ здѣсь иногда подолгу, по недѣлямъ, нельзя достать масла.

— Отчего же такъ?

— Да жители всѣ разбѣжались. Окрестности пусты. Прежде, бывало, крестьяне придутъ изъ горъ и принесутъ всего, что̀ надо, на рынокъ, а теперь ушли. Какъ порто-франко стало, такъ и ушли, потому что прежде крестьянинъ продастъ, бывало, масло и тотчасъ же купитъ сапоги, сахару, сукна. А теперь купи-ка здѣсь что-нибудь! Его на границѣ остановятъ, обыщутъ, сдерутъ и прибьютъ еще... Вотъ и опустѣло!

Помолчавъ, нашъ собесѣдникъ прибавилъ:

— *Хотятъ* переселенцевъ выписать...

— Откуда именно?

— Съ острова Хіоса...

— Почему же именно съ острова Хіоса?

— Да землетрясеніе тамъ было...

— Но мало ли гдѣ землетрясенія бываютъ! И на Кавказѣ и въ Россіи мало ли охотниковъ до земли?

— Да кавказцы, грузины-мингрельцы,—пожалуй, подойдутъ сюда... Русскимъ здѣсь, особливо въ горахъ, не справиться... Съ горами надо сживаться десятками, сотнями лѣтъ... Впрочемъ, сюда и безъ переселенцевъ приходили старые мѣстные жители, горцы, мухаджиры, но какъ-то распропали... ушли, перемерли...

— Что-жъ, они хлопотали о томъ, чтобы поселиться на старыхъ мѣстахъ?

— Хлопотали, конечно, но такъ перемерли какъ-то.

— Отчего же ихъ не возвратили на старыя мѣста?

— Да, знаете, ничего еще неизвѣстно... Столько столкновеній, затрудненій. Ну, они и того... прекратились какъ-то...

— Прекратились? Люди?—въ недоумѣніи спросилъ я.

— Да, прекратились!

И собесѣдникъ, помолчавъ, тихо произнесъ:

— Конечно, люди!

Въ настоящее время, когда «порто-франко» уже не существуетъ, ничего подобнаго, конечно, не можетъ быть въ Батумѣ. Но когда пришлось быть мнѣ—что̀ ни шагъ, то неожиданность.

Собрались мы уѣзжать изъ Батума.

Пароходъ отходилъ въ 4 часа утра, но, чтобы попасть на него, надо было съѣхать съ берега въ 7 часовъ, такъ какъ послѣ 7-ми часовъ всѣ лодки, и казенныя и частныя, вытаскиваютъ на берегъ, и сообщенія не было. То-есть, если хотите, сообщеніе-то было, и притомъ всю ночь напролетъ, но все-таки существовалъ такой, и притомъ довольно строгій законъ, по которому всякое сообщеніе съ берегомъ послѣ семи часовъ считалось вполнѣ несуществующимъ.

Мы не знали, какъ миновать этотъ законъ, и съ семи часовъ были на пароходѣ, въ двухъ шагахъ отъ города и пристани.

— Хоть бы погулять...—говорили «заключенные» на пароходѣ.

— Нельзя! Законъ! Порто-франко!

— Ну ужъ порто-франко! Сиди вотъ съ семи часовъ, невѣдомо зачѣмъ.

— Отчего меня въ городъ не пускаютъ?—волновался какой-то пассажиръ.—Гдѣ это видано? Что̀ я, воръ, что ли, что меня въ клѣтку засадили? У меня оборота на двѣсти тысячъ, а мнѣ нельзя ходить по берегу?

— Порто-франко!

— Да отчего же я въ Нижнемъ, въ Таганрогѣ, въ Одессѣ—по всему свѣту могу ходить по берегу, а тутъ меня не пускаютъ!? Какое же можетъ быть черезъ это кому облегченіе?

— Законъ!..

— Какой законъ? Вавилонъ здѣсь, а не законъ. Тутъ такой законъ, что и иностранецъ воймя-воетъ, да и русскій ревмя-ревetъ. Вотъ какая тутъ порто-франка!

На пароходѣ разговоры шли также о явленіяхъ, касавшихся также и вообще батумскаго переходнаго времени. И когда такихъ явленій накопилось въ общемъ сознаніи разговаривавшихъ немалое количество, при чемъ каждому невольно представилась какая-то невозможная картина батумскихъ порядковъ вообще, кто-то не вытерпѣлъ и громко спросилъ:

— Да зачѣмъ же все это? Зачѣмъ все это нужно? Какія для всего этого основанія?

— А видите—какія...—отвѣтилъ такъ же кто-то изъ пассажировъ.—Основанія всему этому вотъ какія: Батумъ превращенъ въ порто-франко благодаря берлинскому трактату. Это не подарокъ намъ, русскимъ, а непріятность. Европа, дѣлая здѣсь порто-франко, хочетъ силою трактата сдѣлать брешь въ нашей границѣ для своихъ товаровъ; она, на зло намъ, хочетъ нанести вредъ нашей промышленности и претъ сюда съ своими товарами. Такъ поступаетъ Европа. А Россія, для которой порто-франко составляетъ вредъ, хоть и подчиняется трактату, но мысль, которая ею руководитъ, состоитъ все-таки въ томъ, чтобы порто-франко на дѣлѣ не существовало, чтобы здѣсь иностранные товары не только не имѣли благопріятной почвы для распространенія, а, напротивъ, чтобы всякій иностранецъ, который сюда сунетъ носъ, навѣки бы закаялся соваться. Вотъ что̀ такое порто-франко батумское. Если хотите, здѣсь, въ Батумѣ, Россія и Европа сошлись спина со спиной, одна напираетъ на другую,—ну, разумѣется, между ними никому пальца просунуть и нельзя.

— Такъ и есть, что нельзя!—прибавилъ тотъ пассажиръ, который такъ неодобрительно отзывался о порто-франко.—Говорятъ, иностранцу носу сунуть нельзя. И московскаго-то носу не просунешь! Наши было-сунулись съ московскимъ ситцемъ, такъ и ихъ обмолебствовали въ лучшемъ видѣ. Ужъ можно сказать, хорошее обладили мѣстечко!

IX.

Когда разговоры нѣсколько поутомили пароходныхъ собесѣдниковъ, я вспомнилъ, что мнѣ удалось, находясь въ Батумѣ, добыть пятнадцать №№ мѣстнаго «Батумскаго Листка», къ несчастію, уже прекратившаго свое существованіе. А при какихъ благопріятныхъ условіяхъ начиналъ онъ свое существованіе! Прежде всего, къ числу благопріятныхъ условій надобно отнести собственное благоразуміе ре-

дакціи, не имѣющей ничего общаго съ фордыбаченьемъ столичныхъ газетъ. Въ первомъ же №, въ первой передовой статьѣ редакція, опровергая тревожные слухи, ходившіе въ обществѣ передъ ея появленіемъ въ свѣтъ, слухи о томъ, что изданіе газеты «безнадежно», говоритъ, что такіе слухи и доводы въ пользу ихъ исходятъ «отъ такого люда, который, инстинктивно только понимая пользу гласности, не всегда способенъ обобщать факты въ той мѣрѣ, чтобы разграничить дозволенное отъ недозволеннаго. Даже кругъ, наиболѣе читающій, *подъ вліяніемъ органовъ столичной прессы,* очень часто поддается *излишнему увлеченію*, требуя отъ мѣстной газеты безусловнаго обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые, по самому существу своему, не могутъ входить въ нашу программу, составляя область высшихъ правительственныхъ соображеній». И далѣе: «Не будемъ поселять раздора между населеніемъ, такъ недавно вошедшимъ въ предѣлы Россіи, и той властью, которая поставлена для ея устроенія».

Какъ видите, благоразуміе, руководившее намѣреніями редакціи, было примѣрное и заслуживало всякой похвалы. И точно, въ № 3-мъ «Листка» мы находимъ на мѣстѣ передовой статьи замѣтку, въ которой сказано, что въ опроверженіе «опасеній публики относительно того, что съ нашей стороны невозможно имѣть сужденій о дѣлахъ и нуждахъ, такъ какъ провинціальная газета состоитъ подъ опекою администраціи», редакція заявляетъ: «Наша батумская администрація *не только не стѣсняетъ насъ, но она какъ бы помогаетъ намъ, наводя насъ на тѣ факты и злобы дня, которые имѣютъ дѣйствительный интересъ для публики. Она заявила, что не только не будетъ препятствовать намъ въ обнаруженіи недостатковъ и фактовъ, совершившихся и совершающихся и могущихъ совершиться, но даже будетъ помогать. При такомъ направленіи нашей администраціи мы увѣрены, что дѣла наши пойдутъ успѣшно...*» Итакъ, благоразуміе редакціи, увѣнчанное полнымъ сочувствіемъ администраціи, все это сулило редакціи свѣтлое будущее. Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ благосклоннаго направленія администраціи, она до такой степени почувствовала себя прочной и устойчивой, что въ томъ же № помѣстила стихотвореніе: «Ребенку», въ которомъ безъ всякихъ околичностей и опаски, что̀ называется, на «чистоту», задаетъ ему такой вопросъ:

Ты хочешь ли быть генераломъ,
Иль бѣднымъ кроткимъ либераломъ?

(№ 3, іюня 3, 82 г.).

И разрѣшаетъ его, кажется, въ пользу либерала, «деликатно» умалчивая о генералѣ.

И—увы!—немногимъ болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ газета испустила свой «бѣдный и кроткій» духъ! Наканунѣ своей смерти она писала: «Приступая мѣсяцъ тому назадъ къ изданію нашей газеты, мы *были увѣрены* (а столичную-то прессу зачѣмъ обижали?), что намъ придется идти по тернистому пути...» И путь оказался точно тернистый. «Мы, въ теченіе весьма непродолжительнаго времени, нѣсколько разъ касались животрепещущихъ вопросовъ нашей жизни; путемъ печати мы просили разъясненій и свѣдѣній у лицъ, въ рукахъ которыхъ находится судьба этихъ вопросовъ. Отвѣты на наши запросы мы получали въ формѣ многозначащаго молчанія. Невольно рождается вопросъ: гдѣ причина этого молчанія? Не въ враждебномъ и презрительномъ ли къ намъ отношеніи? Мы полагаемъ, что молчаніемъ не разъяснить всѣхъ недоразумѣній, существующихъ въ нашемъ обществѣ» (№ 14). Такимъ образомъ всѣ надежды редакціи разлетѣлись прахомъ, но южный темпераментъ редакціи сказался и здѣсь: умирая, она воскликнула: «не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ, мы найдемъ возможность сказать правду тѣмъ, которые боятся ея пуще смерти и геенны огненной» (№ 14).

И точно, она пыталась говорить правду и касалась весьма жгучихъ, животрепещущихъ вопросовъ.

Животрепещущихъ вопросовъ въ самомъ дѣлѣ было пропасть, но всѣ они, сколько можно было судить по статьямъ «Листка», были покрыты какой-то непостижимой таинственностью, такъ что, предлагая ихъ, редакція очень часто прибѣгала къ вопросительной формѣ рѣчи: «Спрашивается—почему то-то и то-то? На какомъ основаніи? На основаніи какихъ резоновъ?» И не находила резоновъ. Говоря много и горячо о земельныхъ непорядкахъ, редакція пишетъ: «Насколько намъ извѣстно, у насъ на Кавказѣ земли выдавались или людямъ состоятельнымъ, съ обязательствомъ произвести постройки, или же въ награду за особенныя заслуги отечеству. Спрашивается: чѣмъ въ данномъ случаѣ руководствовалась наша администрація? Если первымъ (основаніемъ для раздачи), то почему мы видимъ на дорогихъ земляхъ—огороды и постройки, напоминающія мака-

ронные ящики? Если же вторымъ, то почему не получили землю люди, обагрившіе вновь пріобрѣтенныя земли своею кровью и, быть-можетъ, болѣе нуждающіеся въ нихъ, чѣмъ лакеи, повара, модистки и т. п. народы, получившіе участки? Желательно бы знать, гдѣ они отличились и какую отечеству принесли пользу?» (№ 9).

Отвѣта не послѣдовало.

Въ № 10 редакція опять вопрошаетъ: «На комъ лежитъ если не законная, то, по крайней мѣрѣ, нравственная отвѣтственность за отнятіе у города лучшей и необходимой его части? Отчего все это дѣлается у насъ спустя рукава? Мы, право, недоумѣваемъ: къ чему отнести такое не только халатное, а даже враждебное отношеніе къ своимъ обязанностямъ? Чѣмъ объяснить такую колоссальную аномалію, какъ дареніе г. Таирову лучшаго городского участка? Таирову за 600 рублей отдана земля, стоящая не менѣе 30.000 руб. сер. Не подарокъ ли это?»

Отвѣта тоже не послѣдовало, и осталось неизвѣстнымъ, подарокъ ли это или не подарокъ?

Въ № 15 редакція разсказываетъ фактъ претензіи г. Я. І. и абхазцевъ на одинъ и тотъ же участокъ; г. Я. І. купилъ его у помѣщика-бека, а абхазцы явились и заявили свои права. Въ качествѣ собственниковъ, они стали рубить на этой землѣ дрова, а управляющій г. Я. І. сталъ эти дрова отнимать. «Результатъ подобнаго положенія дѣлъ можетъ быть кровопролитнымъ»,—говоритъ редакція и взываетъ: «Почему не выяснены до сего времени права абхазскихъ поселенцевъ въ Батумской области, когда для этого имѣются всѣ данныя? Если г. Я. І. признанъ законнымъ собственникомъ, то почему не принимаютъ мѣры для защиты его правъ? Если же абхазцы обижены и права собственности ихъ нарушены, то почему же не приступить къ улаженію дѣла? Для кого же можетъ быть выгодно настоящее положеніе дѣлъ?»

Для кого все это выгодно, опять-таки осталось неизвѣстнымъ, и отвѣта не послѣдовало.

Итакъ, цѣлый мѣсяцъ: животрепещущіе вопросы и жгучія восклицанія, по поводу ихъ, редакціи—и никакого отвѣта. Объясненіе, данное Батуму однимъ изъ пріѣзжающихъ, который, какъ ужъ читатель знаетъ, сказалъ, что здѣсь Россія и Европа сошлись спина съ спиной и такъ крѣпко напираютъ другъ на друга, что исключаютъ малѣйшую возможность просунуться между ними, дѣлалось вполнѣ вѣроят-

нымъ. Дѣйствительно, казалось, что въ Батумѣ сдѣлано все, чтобы отравить его существованіе; всѣ вопросы: земледѣльческій, земельный, городской, нефтяной, всѣ какъ бы умышленно приведены въ такое состояніе, при видѣ котораго можно только восклицать:—«Зачѣмъ? На какомъ основаніи? Что это такое? Какой тутъ смыслъ и резонъ?» И не получить никакого отвѣта, кромѣ мертваго молчанія.

И въ самомъ дѣлѣ, если ужъ мужикъ не можетъ протискаться на базаръ между этихъ двухъ гигантскихъ спинъ, съ своими курами, масломъ, что можетъ сдѣлать кто бы то ни было другой? Я даже не могъ представить себѣ человѣка, который бы нашелся, оріентировался бы въ этой путаницѣ, узналъ бы, въ чемъ тутъ суть, и на этомъ знаніи основалъ бы свое существованіе.

А между тѣмъ именно такой человѣкъ и отыскался почти тотчасъ же, какъ только я рѣшилъ, что такого человѣка быть не можетъ. И отыскался онъ въ томъ же самомъ «Батумскомъ Листкѣ».

X.

Вотъ при какихъ условіяхъ объявился этотъ феноменальный человѣкъ и, какъ увидите, истинно-русскій «геній».

Передовая статья, посвященная этому генію, для того, чтобы должнымъ образомъ освѣтить его, долго и много толкуетъ о торговомъ значеніи Батума. Желѣзная дорога и море съ превосходной гаванью вполнѣ обезпечиваютъ торговую будущность Батума. «Все это ясно сознавалось самимъ городомъ, и слѣдовательно онъ долженъ былъ употребить всяческія усилія для собственнаго процвѣтанія. Для этого городъ долженъ былъ создать особыя статьи дохода, которыя бы давали ему возможность развиваться и удовлетворять общественнымъ нуждамъ. Съ этою цѣлью городъ строитъ городскую пристань, единственное мѣсто для причала судовъ, нагрузки и выгрузки товаровъ. Городская пристань необходима какъ для торговли, такъ и для дохода города, и легко представить, что доходъ этотъ возросъ бы въ значительной степени по открытіи желѣзной дороги, которая должна увеличить какъ вывозъ, такъ и привозъ».

Все это городъ отлично зналъ, понималъ и, подумавъ хорошенько, взялъ да и отдалъ эту самую доходную статью своего бюджета г. Архипову въ аренду, предоставивъ ему право взимать въ собственную пользу по $^1/_2$ к. съ пуда нагружаемыхъ и выгружаемыхъ товаровъ. Вотъ этотъ-то

г. Архиповъ и есть тотъ самый человѣкъ, который зналъ, что въ Батумѣ можно дѣлать и какъ именно дѣлать. Не задаваясь никакими вопросами о томъ, хорошо ли быть генераломъ или же лучше быть кроткимъ либераломъ, русскій, простецкій умъ пошелъ куда нужно, сдѣлалъ бумагу, какую требовалось, и сталъ «владать». Взялъ онъ въ аренду городскую пристань, а бумагу «сдѣлалъ» такую: 1) товаро-отправители и получатели обязаны разсчитываться съ откупщикомъ городской пристани (не сказано: за какой товаръ разсчитываться, за тотъ ли, который на пристани выгруженъ или въ другомъ мѣстѣ), если товаръ въ дѣйствительности выгруженъ; 2) не разсчитавши же откупщика, никто не въ правѣ нагружать и выгружать товаръ. Сдѣлавъ «бумагу» съ такими пунктами, господинъ Архиповъ и сталъ владѣть всѣми пристанями, всѣми товарами, всѣми товаро-отправителями и получателями. Въ этихъ двухъ пунктахъ и сказывается нашъ практическій геній: выходитъ, что онъ арендаторъ и городской пристани, и всѣхъ пристаней вмѣстѣ, какія бы ни выстроились въ Батумѣ. Этотъ человѣкъ, очевидно, зналъ, что дѣлать.

И онъ молчитъ и дѣлаетъ.

«Милостивый государь, г. редакторъ! Прошу васъ дать мѣсто въ издаваемой вами газетѣ слѣдующему моему заявленію.

«30-го іюня, утромъ, я хотѣлъ нагрузить съ *таможенной* пристани на пароходъ 10 пустыхъ бочекъ; въ это время откуда ни возьмись является г. Архиповъ, откупщикъ *городской* пристани, въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ (рѣшительно геніальный умъ), и требуетъ отъ меня расчета за нагрузку бочекъ. Зная хорошо, что ему отдана только городская пристань, я обратился къ стоявшему тутъ же городскому депутату съ вопросомъ: слѣдуетъ ли уплатить г. Архипову деньги или нѣтъ? Я получилъ отвѣтъ, что «нѣтъ». Городской депутатъ, видя незаконное дѣйствіе г. Архипова, попросилъ полицейскаго офицера составить объ этомъ протоколъ, но полицейскій офицеръ отказалъ въ составленіи протокола, заявивъ, что *навѣрно такъ и слѣдуетъ поступать*, какъ поступаетъ г. Архиповъ, что онъ полный хозяинъ, и что обязанность его, т.-е. полицейскаго офицера, помочь ему, а не составлять протоколы...» (№ 12).

Въ № 8 пишутъ: «2 дня тому назадъ прибылъ заграничный пароходъ общества «Пакье», нагруженный известью, вытребованной и купленной батумскими купцами; г. Архи-

повъ является къ агенту общества «Пакье» и требуетъ окончательнаго расчета до выгрузки извести, прекращаетъ выгрузку, и «известь, выгруженная, мокнетъ на дождѣ». Теперь спрашивается: имѣла ли полиція право вмѣшиваться въ дѣла г. Архипова и содѣйствовать ему?»

Черезъ двѣ недѣли читаемъ:

«Говорятъ, въ Батумъ на-дняхъ прибыло одно бѣднѣйшее семейство на фелюгѣ, которая пристала на таможенной пристани, и *въ то самое* время, когда семейство собиралось выгрузить изъ фелюги на пристань багажъ, состоящій изъ ветхой постели, является вездѣсущій г. Архиповъ въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ и до выгрузки требуетъ расплаты у семейства, быть-можетъ, не имѣющаго ни гроша...»

Далѣе:

«Говорятъ, г. Архиповъ остановилъ мушу (рабочаго), стоявшаго по поясъ въ водѣ и державшаго на спинѣ нѣсколько пудовъ камня, и требовалъ немедленной уплаты полукопеечнаго сбора. И все это творится среди бѣлаго дня...»

И такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе!

Нѣтъ, если бы пришлось отвѣчать на вопросъ поэта: «ты хочешь ли быть генераломъ иль кроткимъ бѣднымъ либераломъ?»—то я непремѣнно бы посовѣтовалъ вопрошаемому такъ отвѣтить: «Ни генераломъ ни либераломъ я быть не хочу. Я хочу быть Архиповымъ!» Русскій геній—а что г. Архиповъ русскій, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію—выручитъ его во всевозможныхъ положеніяхъ. Никакія затрудненія, созданныя трактатами, дипломатическими соображеніями, расчетами государственной финансовой политики, общественными и экономическими условіями, времени, мѣста, — ничто, никогда не затмеваетъ ясности его цѣлей, не заставляетъ его колебаться хотя бы только на мгновеніе. Твердо зная, что въ карманѣ есть нѣсколько «сотельныхъ билетовъ», этотъ геній безбоязненно шествуетъ въ какія угодно вѣдомыя и невѣдомыя страны и, помолившись, начинаетъ осуществлять свои цѣли. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ всегда найдетъ почву, готовую для того, чтобы цѣли эти осуществились; всегда, вездѣ, по всѣмъ концамъ Руси, отъ моря и до моря, отъ столицы до послѣдней деревушки, вездѣ онъ найдетъ возможность составить такую бумагу, въ которой ясною для всѣхъ будетъ являться какая-то мизерная 1/2 к., и тьмой будетъ покрыта самая суть

дѣла. Суть же эта всегда — полученіе денегъ, получка безпрестанная и неукоснительная. Ни одна бочка, ни одна веревка, ни на водѣ ни на землѣ, не минуетъ взора этого генія, взора, который ничего иного не видитъ, кромѣ веревокъ и бочекъ, и ничего иного не желаетъ, какъ «получать». Зная, какъ написать бумагу, въ которой изъ двухъ пунктовъ образуется третій, перевертывающій эти пункты вверхъ дномъ, онъ одинъ на всей Руси представляетъ собою типъ, про дѣянія котораго нельзя иначе выразиться, какъ: «навѣрно такъ и слѣдуетъ поступать, какъ поступаетъ г. Архиповъ...»

Воистину это нашъ, русскій цѣльный, самобытный типъ. Другого типа, равносильнаго типу г. Архипова по прочности сознанія своего существованія на землѣ, я рѣшительно на Руси не вижу.

XI.

...Есть на Каспійскомъ морѣ одно весьма любопытное мѣстечко, носящее на географическихъ картахъ какое-то странное, «нежилое», если такъ можно сказать, названіе: «*Девять футъ*».

Подъѣзжая къ этому мѣстечку ночью (когда именно и пришлось ѣхать мнѣ), уже за десять-пятнадцать верстъ начинаешь замѣчать какую-то массу едва мерцающихъ и скученныхъ въ одномъ мѣстѣ огней. Скоро пароходъ вступаетъ въ какую-то «водяную» улицу, обставленную, точь-въ-точь какъ на Невскомъ, съ обѣихъ сторонъ фонарями, укрѣпленными на вѣхахъ въ якоря, и чѣмъ дальше онъ подвигается, тѣмъ ярче становятся огни, которые уже видны издалека. Съ каждой минутой становится виднѣе, какъ много этихъ огней, на какое огромное пространство они разбросались, и въ воображеніи невольно возникаетъ мысль о близости берега, земли и большого, оживленнаго, кипучаго жизнью города.

Но пароходъ идетъ, а ни направо, ни налѣво, ни впереди нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ земли, пароходъ продолжаетъ идти все-таки по морскому, водяному Невскому проспекту, освѣщенному фонарями. Все вода, и справа и слѣва, а огней все больше и больше. Къ огнямъ фонарей понемногу начинаютъ прибавляться огни судовъ, мимо которыхъ приходится проходить, и чѣмъ дальше, тѣмъ этихъ освѣщенныхъ огнями судовъ, баржъ, пароходовъ больше и больше, и вотъ наконецъ пароходъ останавливается въ

самой серединѣ огромнаго каравана всевозможнаго вида и названія судовъ. Это и есть «*Девять футъ*».

Это городъ, весь плавающій въ открытомъ морѣ: на якоряхъ здѣсь качаются огромныя баржи, на которыхъ помѣщаются конторы разныхъ пароходныхъ обществъ, транспортирующихъ клади въ Астрахань и обратно. На этихъ же баржахъ домики для служащихъ, у домиковъ балконы, вышки, въ окнахъ видны занавѣски, лампа, диванъ и неизбѣжная по всей Россіи премія «Нивы»: «Дорогой гость». Въ самой глубинѣ огромныхъ баржъ, на палубѣ которыхъ выстроены конторы и помѣщенія для служащихъ, устроены помѣщенія и для рабочихъ, нары, печка, каморки для «старостъ» и «пріемщиковъ». Такихъ баржъ разставлено въ разныхъ мѣстахъ не одинъ десятокъ, и около каждой баржи скучены десятки перегружающихся судовъ; все это кишитъ народомъ, который работаетъ, играетъ въ карты, пьетъ водку, поетъ романсы, назначаетъ свиданія, налагаетъ штрафы, разсуждаетъ о харчахъ, о торговомъ кризисѣ, о литературѣ.

Словомъ, этотъ плавающій городъ, эта русская, изъ дерева сколоченная Венеція живетъ среди открытаго моря, покачиваясь на якоряхъ, какъ и всякій россійскій городъ на твердой россійской землѣ, съ тѣми огромными преимуществами противъ обыкновенныхъ, родившихся и живущихъ на землѣ обывателей, которыя даетъ обывателямъ море и вода. Кромѣ обыкновенныхъ человѣческихъ ногъ, рукъ, глазъ, у нихъ есть еще «морскія» ноги, «морскія» руки (умѣютъ держать совершенно полную рюмку во время самаго отчаяннаго шторма и не прольютъ капли), «морскіе» глаза.

Ужъ и дѣйствительно глаза у этихъ моряковъ! Въ то время, когда вы, обитатель твердой земли, очутившись въ морѣ, при самомъ превосходномъ зрѣніи не можете, даже при полномъ свѣтѣ дня, при полной тишинѣ и глади моря и при всемъ напряженіи вашего зрѣнія, примѣтить на необъятной линіи горизонта малѣйшихъ признаковъ какого-либо движенія или присутствія какого-либо плавучаго предмета,—морскіе глаза видятъ этотъ предметъ не только днемъ, но и вечеромъ, и съ помощью «морскихъ» устъ, рупора, передаютъ вамъ не только то, что именно идетъ «тамъ», гдѣ вы ровно ничего не видите, т.-е. пароходъ ли, или парусное судно, но скажутъ вамъ и его названіе, узнаютъ, тамъ ли Николай Иванычъ или, вмѣсто него, идетъ Робертъ Карлычъ?

Не хуже морскихъ глазъ и морской языкъ девятифутовыхъ обывателей: вонъ, въ темнотѣ, въ сторонѣ отъ нашей

«Костромы», несется какой-то пароходъ, несется мимо насъ и куда-то въ сторону, но онъ такъ странно свиститъ (точно лаетъ маленькій щенокъ), и притомъ такъ долго, что знающіе этотъ лай съ совершенною точностью переводятъ его на обыкновенный человѣческій языкъ такъ: «Это Филиповскій проѣхалъ на «Вѣрѣ»... кланяется... будетъ якорь бросать...» А вотъ другой пароходъ откуда-то издалека завываетъ, какъ голодный волкъ, завываетъ разъ, два и три— и опять все извѣстно: «Василій Иванычъ зоветъ Петра Иваныча въ шашки играть. Матрасинскаго вина, говоритъ, привезъ изъ Баку...» Въ отвѣтъ на волчій вой послышался откуда-то жалобный звукъ, напоминающій плачъ ребенка:— «Жена не пускаетъ! — перевели знатоки:—говоритъ: напьешься»... Вообще можно еще разъ повторить, что мѣстечко это весьма любопытное.

Здѣсь на «Девяти футахъ» идетъ перегрузка товаровъ изъ большихъ морскихъ судовъ (если товаръ идетъ въ Астрахань) въ малыя, мелко сидящія суда, такъ какъ, начиная съ «Девяти футъ» и особенно въ устьяхъ Волги, изобилующихъ песчаными наносами, глубина воды становится неодинакова, а мѣстами бываетъ весьма незначительна. Точно также здѣсь, на «Девяти футахъ», происходитъ перегрузка и съ мелко сидящихъ судовъ на большія, морскія суда и грузовые пароходы, идущіе въ море, по всему побережью Россіи и Персіи.

Пришлось и намъ, немногимъ случайнымъ пассажирамъ огромнаго, превосходно устроеннаго грузового парохода «Кострома», принадлежащаго товариществу «Каспій», пересаживаться на маленькій, рѣчной пароходикъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Астрахань. Дѣло было въ лунную, ярко-свѣтлую, тихую весеннюю ночь; и небо и вода сверкали обильнымъ разливомъ блеска полной луны. Чудесная была ночь, только чистый, здоровый до тѣхъ поръ морской воздухъ началъ понемногу отравляться запахомъ керосина, которымъ была нагружена бо́льшая часть судовъ и который, кстати сказать, отравляетъ воздухъ всего Закавказья, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, да запахъ сырой рыбы, предвѣстникъ близости рыбныхъ волжскихъ ватагъ.

XII.

Подъѣхалъ къ «Костромѣ» маленькій рѣчной пароходъ, собрали мы свои пожитки, простились съ однимъ добрымъ спутникомъ, остававшимся на «Девяти футахъ», и поѣхали

въ Россію *). Пароходикъ былъ малъ да удалъ, такъ пыхтѣлъ, скрипѣлъ, и не «ѣхалъ», а, какъ говорится, «дулъ напропалую», увлекая насъ къ берегамъ родины...

О родинѣ напоминало и отсутствіе татарской прислуги; всѣ матросы ужъ русскіе, другая пароходная прислуга тоже русаки; и капитанъ ужъ не нѣмецъ или далматинецъ (не то славянскіе итальянцы, не то итальянскіе славяне), которыхъ такъ много «ходитъ» въ Каспійскомъ морѣ, а чистый русакъ, въ полушубкѣ и съ бородой; слышится ужъ не непонятная татарская, или нѣмецкая, или итальянская рѣчь, а русскій, чистый великороссійскій говоръ, крѣпкое, отъ-нечего-дѣлать, по привычкѣ или просто «само собою» сказанное слово. Все русское, все Русью пахнетъ, сулитъ близость Россіи.

И однакожъ что-то стало грызть въ груди, и грызло всю ночь, до бѣлаго свѣта. Слѣдующій день былъ счастливѣе въ этомъ отношеніи. Проснувшись и выйдя на палубу часовъ въ двѣнадцать дня, я прежде всего былъ изумленъ невиданнымъ зрѣлищемъ: пароходъ прошелъ мимо ватаги, на которой работала толпа бабъ, одѣтыхъ въ бѣлую холстину, по-мужски. Оказалась, что бабы и дѣвки работаютъ на всѣхъ ватагахъ, и всякій разъ, когда мимо ватаги проходитъ пароходъ, почти всегда очень близко, бабы не упускаютъ случая, всѣмъ своимъ горластымъ полчищемъ, безцеремонно привѣтствовать проѣзжающихъ безцеремонными словами и движеніями, почему не было случая, чтобы всѣ проѣзжающіе мимо ватаги не хохотали до-упаду.

Блестящая отъ солнца поверхность рѣки во многихъ мѣстахъ была усѣяна поплавками закинутыхъ рыболовныхъ сѣтей; чуть не на каждомъ шагу встрѣчались лодки съ рыбаками, ѣдущими метать сѣти, и другія лодки, полныя только-что пойманной блестящей рыбы. И надъ рѣкой, и

---

*) При словѣ *Россія* мнѣ припомнился одинъ разговоръ съ извозчикомъ, который везъ меня въ Ленкорань съ хутора одного мѣстнаго землевладѣльца (нѣмецкаго происхожденія). Везъ меня извозчикъ-молоканинъ. Дорогой я разговаривалъ съ нимъ кой-о-чемъ и кой-о-чемъ разспрашивалъ: «Какая птица? Какъ названіе рѣчки? Что за дерево? Какая въ рѣчкѣ рыба?» Между прочимъ, какъ-то мнѣ пришлось спросить его: «Что здѣсь такое?»—т.-е. я хотѣлъ спросить, что именно посѣяно въ полѣ, неподалеку отъ котораго мы проѣзжали. Поле было вспахано, виднѣлись чуть-чуть какіе-то ростки, но что такое, я не зналъ. Молоканинъ посмотрѣлъ на запашку и отвѣтилъ:—«Не видно... такъ, должно-быть, какая-нибудь... *рассья!*» Первый разъ въ жизни слышалъ я, чтобы посѣвы носили такое названіе.

надъ сѣтями, и надъ лодками съ пойманной рыбой вились и «хохотали» мартышки-чайки.—«Какая это рыба?»—спросилъ я у сосѣда, похожаго на купца.—«Теперича пошла вобла... Теперича сплошь все вобла. Ишь, вонъ ея сколько валить!»—указалъ онъ глазами на первую рыбачью лодку, наполненную только-что пойманной рыбой: ея было вытащено такъ много, что она буквально верхомъ наполняла лодку, и притомъ форма и размѣры пойманной рыбы были такъ однообразны, одинаковы, что издали казалось, будто лодка наполнена новыми, только-что отчеканенными двугривенными: масса рыбы, и вся она одна въ одну; и на слѣдующей лодкѣ то же, и еще на слѣдующей, и такъ безъ конца. А собесѣдникъ мой все толковалъ: «теперича она сплошь пошла». И дополнялъ это «сплошь» новыми фактами изъ рыбьяго міра, разсказывалъ, что, когда идетъ изъ моря въ рѣки, напримѣръ, сомъ, нельзя проѣхать на лодкѣ, весломъ не разобьешь стада; дно лодки стучитъ этому стаду объ головы, а оно все претъ, и все сплошь и сплошь.

Это слово «сплошь» напомнило мнѣ и предстоящія картины приближающейся родины: и поля, и колосья, и клячонки, и земля, и небо, и деревья, и птицы, и избы, и мужики, и бабы,—все одно въ одно, одинъ въ одинъ, съ однородными мыслями, костюмами, съ однѣми пѣснями,—словомъ, вовсе не то, что̀ я видѣлъ въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, почти все время проведенныхъ въ поѣздкахъ отъ Владикавказа до Тифлиса, отъ Тифлиса до Батума, отъ Батума до Баку, до Ленкорани и т. д. Не было дня, въ который бы не приходилось пять разъ надѣвать и столько же разъ снимать шубу, переодѣваясь то въ осеннее, то въ лѣтнее пальто, и потомъ опять влѣзать въ шубу; холодъ и снѣгъ горныхъ вершинъ поминутно смѣнялись весенними красками и картинами горныхъ низменностей; и сейчасъ только вы видѣли цѣлыя сталактитовыя галлереи горныхъ замерзшихъ потоковъ, а черезъ часъ потоки эти ужъ журчатъ, и видна травка, а еще черезъ часъ—все зелено, повсюду цвѣты, фіалки, лиліи, и солнце печетъ полѣтнему. И что̀ ни мѣстность, то свой типъ обывателя, и костюмъ, и нравъ, и обычай. Вотъ по сю сторону рѣчки за убійство наказываютъ Сибирью и тюрьмой, а по ту—убійца только платитъ денежную пеню и гуляетъ на свободѣ. Сію минуту вы пили мѣстное вино такого-то запаха и вкуса, а черезъ часъ пріѣзжаете въ иную мѣстность, гдѣ

все другое, и народъ, и языкъ, и запахъ, и цвѣтъ и вкусъ вина.

Даже наши русскіе люди, крестьяне-сектанты, поселившіеся, по обыкновенію русскихъ людей, въ долинахъ и равнинахъ Ленкорани, и тѣ, уравненные («хлѣбушко-батюшка») однороднымъ трудомъ, «расейской» породой и однообразіемъ мѣстностей во множествѣ подробностей быта—посмотрите-ка, какъ они здѣсь своевольничаютъ въ своей нравственной самостоятельности! Въ этой деревнѣ живутъ баптисты, а въ этой «общіе», въ десяти верстахъ цѣлая деревня населена субботниками, а еще въ десяти одна огромная деревня, разрѣзанная рѣкой, по сю сторону населена молоканами, а по ту—православными. Мало того, въ иномъ домѣ помѣщается семья, состоящая вся изъ послѣдователей разныхъ сектъ: мужъ баптистъ, жена молоканка, мать ея православная, а отецъ «общій». Все это безконечное, неисчерпаемое разнообразіе климатовъ, растительности, племенъ, нарѣчій, обычаевъ, костюмовъ, религій и сектъ, мѣняющееся на каждомъ шагу путешествія, поминутно возбуждаетъ интересъ къ жизни человѣческой, поминутно говоритъ о томъ, какъ безконечно разнообразна природа и какъ еще безконечнѣй разнообразна, въ своихъ желаніяхъ, душа человѣческая.

Не скажу, чтобы я былъ въ особенномъ восхищеніи отъ нашихъ сектантовъ, среди которыхъ только и рѣчи было, что «о душѣ»,—но я постоянно чувствовалъ себя съ ними легко; я постоянно былъ въ обществѣ людей, жаждущихъ сознательной жизни, стремящихся дать смыслъ своему существованію. Не стѣсняясь своего положенія, въ которое насъ поставила судьба, мы могли вести бесѣду, хотя и не всегда блестящую, но всегда объ общихъ вопросахъ,—добро, зло, правда,—и вели бесѣду на понятномъ другъ для друга языкѣ.

А пароходъ дѣлалъ свое дѣло и быстро уносилъ меня отъ разнообразія впечатлѣній къ однообразію ихъ.

Пріѣхали мы въ Астрахань часовъ въ пять вечера, а въ семь, какъ оказалось по справкамъ, отходилъ пароходъ въ Царицынъ; медлить было нечего, и мы тотчасъ послали взять билеты, а сами принялись укладывать вещи. Наконецъ вещи уложены, оставалось только дождаться посланнаго, взвалить вещи на извозчика и переѣхать на сосѣднюю пристань. Въ ожиданіи посланнаго ходилъ я по пристани; пристань была совершенно пуста; лѣниво ходило и стояло по ней человѣка два-три, не то конторщики, не то

приказчики, словомъ, русскіе мужики въ «пиньжакахъ». Дѣлать имъ было совершенно нечего.

Въ это время, со стороны города, къ пристани шелъ мужикъ, молодой парень, въ короткомъ рваномъ полушубкѣ, очень маленькомъ для его огромнаго роста, и съ огромнымъ вырѣзомъ у шеи. Шея его, длинная и голая, была совсѣмъ не прикрыта полушубкомъ; на ногахъ онучи и лапти, на головѣ рваная рыжая шляпа гречневикомъ. Пришелъ этотъ дѣтина лѣнивой походкой и сталъ на пристань, положилъ одну руку въ карманъ, а другую за пазуху.

Постоялъ онъ такъ минуты двѣ-три, зѣвнулъ во всю мочь, и не успѣлъ закрыть рта, какъ одинъ изъ мужиковъ, «одѣтыхъ въ пиньжаки», подошелъ къ нему и такъ двинулъ въ грудь обѣими руками, что дѣтина грохнулся на спину, высоко поднялъ ноги въ лаптяхъ, а шапка откатилась далеко въ сторону. Поднявшись, дѣтина пошелъ за шапкой и что-то заговорилъ, а «пиньжакъ» пошелъ назадъ и тоже что-то говорилъ, и потомъ опять сталъ на мѣсто.

Все дѣло заняло не болѣе двухъ секундъ, но этотъ эпизодъ сразу возвратилъ меня къ дѣйствительности. За что одинъ «пхнулъ» другого? Я былъ увѣренъ, что *ни за что*, что это было сдѣлано такъ, зря, что малый такъ же мало ожидалъ того, что его «пхнутъ», какъ и этотъ «пиньжакъ» мало думалъ о томъ, что вотъ онъ кого-то пхнетъ. Зачѣмъ это? Не знаю! Вѣроятно, поднявшійся съ земли парень скажетъ:

— Ты чего пхаешь?

И, вѣроятно, пиджакъ отвѣтитъ:

— А ты чего рыло-то выперъ?

— Да мнѣ Иванъ Митрича повидать надо, чортъ этакій!

— Такъ ты и говорилъ бы толкомъ, а не пёръ идоломъ!

— Да, еловая ты голова, ты бы спросилъ, а не пхалъ!

— Да, наспрашиваешься васъ тутъ, дьяволовъ!

Послѣ этого разговора, весьма вѣроятнаго, парень пойдетъ домой, а пиджакъ постоитъ-постоитъ и тоже пойдетъ домой. Итакъ, зачѣмъ же все это? «Ты бы спросилъ!» — вѣдь это, кажется, резоннѣй? Но нѣтъ, этотъ эпизодъ тѣмъ и замѣчателенъ, что въ немъ «нѣтъ резону». «Пхнуть человѣка безъ всякаго резону», вотъ что есть обычное дѣло въ океанѣ нашей жизни и что страшнѣй безднъ настоящаго океана. Впечатлѣніе эпизода было столь поучительно,

что я вновь впалъ въ то самое душевное состояніе, которое два съ половиной мѣсяца тому назадъ привезъ съ собой въ Владикавказъ.

VIII. Въ Царь-Градѣ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 86 года).

I.

Погода во время моей поѣздки была прелестная, тихая; море—какъ зеркало, ни парохода, ни паруса навстрѣчу. Чуть покачиваетъ, и задремать подъ это покачиванье куда какъ пріятно. Походишь-походишь по пароходу, поглядишь на барановъ, которыхъ въ огромномъ количествѣ везутъ въ Константинополь, къ празднику Байрама; поговоришь съ нашими богомольцами, ѣдущими въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, да и приляжешь отдохнуть. Часика 3—4 пройдутъ такъ, что и не замѣтишь.

Вѣроятно, въ спокойномъ и крѣпкомъ утреннемъ снѣ я бы «не замѣтилъ» и входа въ Босфоръ, если бы добрый матросъ не пришелъ разбудить меня. Европейскій и азіатскій берега были ужъ въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ, когда я вышелъ на верхнюю палубу; они почти сходятся между собою, и разстояніе между ними не шире Невы. Но затѣмъ Босфоръ, по которому пароходъ идетъ два часа, то суживается, то расширяется, образуя направо и налѣво заливы, небольшія бухты. При входѣ въ Босфоръ налѣво стоитъ новая турецкая батарея, очевидно, только-что «съ иголочки», солдаты и офицеры виднѣются на зеленыхъ валикахъ, а между валиками пушки торчатъ. И на другой сторонѣ Босфора тоже есть подходящія приспособленія въ этомъ родѣ: казарменныя постройки поминутно и въ значительномъ количествѣ вырисовываются среди массы домиковъ, усѣивающихъ всѣ берега Босфора. Густо гнѣздятся эти домишки по берегамъ заливовъ, въ бухтахъ, наполненныхъ массою судовъ парусныхъ и паровыхъ.

Береговыя постройки не бросаются въ глаза своей восточной оригинальностью; всѣ онѣ европейскаго типа и большею частью деревянныя; только окна мавританскаго стиля, запертыя клѣтчатыми ставнями, говорятъ о чемъ-то восточномъ. Но все это не блещетъ оригинальностью, все

какъ-то ординарно, шаблонно; даже дворцы султанскіе, мимо которыхъ мы проѣзжаемъ, не производятъ особенно оригинальнаго впечатлѣнія. Они стоятъ какъ-то въ ряду съ ординарными полувосточными домиками; рядъ казарменныхъ зданій, совершенно такого же художественнаго впечатлѣнія, какъ и всякія казармы, непремѣнно расположенъ либо сбоку дворца, либо на ряду съ нимъ. Вслѣдъ за казармами идутъ хотя и изъ бѣлаго мрамора, но тоже весьма ординарной постройки флигеля, одинъ, другой, третій, соединенные между собою переходами: это—гаремъ Дольма-Бахче, а эти казарменные флигеля, весьма похожіе на наши губернскія присутственныя мѣста, соединяются съ дворцомъ султана. Можетъ-быть, тамъ, внутри этихъ дворцовъ, и есть что-нибудь оригинальное и поражающее, но, глядя со стороны, думается, что помѣстить въ этихъ трехъ флигеляхъ триста женъ, да евнуховъ также сотни двѣ, едва ли можно съ особеннымъ комфортомъ и великолѣпіемъ. Какая тутъ должна быть куча бабъ, всякаго служебнаго званія, при трехстахъ женахъ; какая куча дѣтей, нянекъ. Не знаю, можетъ-быть, все это показалось мнѣ спросонокъ, но эффекта на меня не произвели ни Дольма-Бахче, ни Чараганъ, гдѣ живетъ Мурадъ и гдѣ въ особомъ помѣщеніи содержится, говорятъ, тьма тьмущая отставныхъ гаремныхъ дамъ.

Чудесные, красивые, гористые, цвѣтущіе до верхушекъ берега Босфора застроены почти только у самыхъ береговъ; иногда дома стоятъ фундаментами прямо въ водѣ, а затѣмъ отъ берега и доверху пусто, а иногда даже дико. Единственное, что невольно обращаетъ вниманіе въ этихъ предмѣстьяхъ Константинополя, это—отсутствіе фабрикъ и заводовъ, свойственныхъ предмѣстьямъ всякаго европейскаго, а теперь и русскаго города. Не примѣтно длинной трубы, охающаго, воющаго или фыркающаго паровика, ниоткуда не слышно фабричнаго свистка, не видно ни чернаго дыма ни бѣлаго пара, за исключеніемъ, разумѣется, неумолкаемаго свистка пароходовъ, которые, по мѣрѣ нашего шествія впередъ, начинаютъ буквально кишѣть вокругъ насъ. Взадъ, впередъ и поперекъ, въ разныхъ направленіяхъ, начинаютъ сновать большіе и малые пароходы, парусныя суда, парусныя лодки, а затѣмъ безчисленное множество лодокъ, каиковъ положительно покрываютъ всю видимую глазу поверхность воды.

И чѣмъ дальше мы идемъ, чѣмъ ближе подходимъ къ Константинополю, тѣмъ труднѣе становится разглядѣть, что

такое передъ нами: лѣсъ, въ буквальномъ смыслѣ, мачтъ, пароходныхъ трубъ, флаговъ, парусовъ и клубы дыма и пара окончательно застилаютъ передъ вами перспективу Золотого Рога, — и когда пароходъ наконецъ остановился (онъ устанавливается посреди бухты, пристаней нѣтъ), то можно было разглядѣть только слѣдующее: налѣво — азіатскій берегъ, Скутари, и на первомъ планѣ опять огромнѣйшія казармы; между Скутари и европейскимъ берегомъ— кишащая судами и каиками гладь Мраморнаго моря, съ голубыми силуэтами весьма недалеко отстоящихъ Принцевыхъ острововъ, и европейскій берегъ, старая Византія.

Этотъ небольшой мысокъ, съ дворцами византійскихъ императоровъ, весьма живописенъ; дворцы невелики, въ родѣ московскихъ кремлевскихъ теремовъ, небольшою бѣлою группою, окруженною невысокими стѣнами съ башенками, красиво съютились на этомъ мыскѣ, утопая среди зелени кипарисовъ. Рядкомъ съ ними—Святая Софія, съ четырьмя огромными минаретами, окружающими сѣрое, закопченное пароходнымъ дымомъ, искаженное пристройками зданіе огромнаго храма. На одной линіи съ Софіей—еще мечети, еще минареты; но потомъ, по линіи къ Золотому Рогу, т.-е. къ глубинѣ изгиба бухты, ничего не видно,—дымъ и лѣсъ мачтъ.

Зато правая сторона видна на большое пространство; тысячи зданій покрываютъ берегъ отъ моря и до верху, и опять-таки ничего бросающагося въ глаза. Мечеть Топхане была бы красива, если бы не была выкрашена охрой и если бы не примыкала къ артиллерійскимъ казармамъ и не была бы обставлена пушками и лафетами. И опять — казарма, казарменная постройка самаго ординарнаго вида мозолитъ глаза прежде всего. Поистинѣ не надъ чѣмъ разыграться фантазіи. Тѣмъ не менѣе фантазія играетъ сама собой, безъ всякаго существеннаго матеріала; думается, что вотъ тамъ, гдѣ ничего-то не видно отъ дыма и лѣса мачтъ, тамъ, гдѣ лежитъ такое очаровательное мѣсто, которое носитъ очаровательное названіе Золотого Рога, тамъ-то, должно-быть, чудеса и небылицы въ лицахъ. Поскорѣй бы съѣхать на берегъ и поскорѣе увидать эти чудеса своими глазами; но оказывается необходимо подождать, и прежде всего потому, что выгружаютъ барановъ, которыми наполнена вся палуба и весь трюмъ и отъ которыхъ буквально нѣтъ прохода. Зрѣлище этой выгрузки однако весьма любопытное; одна часть бараньяго стада, помѣщаю-

щаяся на палубѣ, поражаетъ силою своихъ стадныхъ инстинктовъ: цѣлое стадо очертя голову бросается съ борта парохода въ лодку, стоящую ниже борта на нѣсколько аршинъ, разъ только въ эту лодку брошенъ одинъ баранъ; другая часть бараньяго груза, помѣщающагося въ трюмѣ, выгружается при помощи лебедки такимъ образомъ: по десяти-двѣнадцати барановъ связываются вмѣстѣ за одну заднюю ногу, и этотъ бараній букетъ, головою внизъ, весь дрыгающій, дергающійся всѣмъ тѣломъ, вырывающійся изъ своихъ кандаловъ со страшными усиліями, высоко проносится надъ пароходомъ и быстро опускается надъ той же лодкой.

Наконецъ палуба очищена, но надобно еще подождать, пока *успокоится* таможня. Именно это слово говорятъ вамъ, когда зайдетъ рѣчь о переѣздѣ на берегъ и о перевозкѣ вещей. Многіе изъ пассажировъ везутъ въ Константинополь кое-какіе русскіе товары въ небольшомъ количествѣ и, желая избѣжать пошлины, либо прямо суютъ въ руку бакшишъ турецкому таможенному чиновнику, являющемуся на пароходъ, послѣ чего онъ немедленно уѣзжаетъ, или просто пережидаютъ, пока чиновники турецкой таможни устанутъ ждать, т.-е. не больше полчасика; да и чего ждать?—все это работа на чужихъ людей; подождите полчаса и смѣло поѣзжайте съ вещами на берегъ: чиновники всѣ разошлись, *успокоились,* полагая, что и безъ того ужъ имъ было много труда на пользу отечества.

Переждавъ такимъ образомъ все, что слѣдовало намъ переждать, мы, въ числѣ нѣсколькихъ русскихъ пассажировъ и служащихъ на пароходѣ, сѣли наконецъ въ шлюпку и поѣхали на берегъ. Берегъ близехонько, но пространство между нимъ и нашимъ пароходомъ до такой степени загромождено русскими, австрійскими, англійскими, итальянскими, французскими пароходами, грузовыми, пассажирскими, стоящими на якоряхъ, нагружающимися или выгружающимися, или двигающимися то тихо, то на всѣхъ парахъ, что ѣдемъ мы съ величайшей осторожностью, постоянно озираясь направо и налѣво, и наконецъ кое-какъ добираемся до берега.

Эта часть Константинополя называется — Галата. Знакомство наше съ нею начинается съ того момента, когда лодка останавливается близъ агентства Русскаго общества пароходства, о чемъ свидѣтельствуетъ вывѣска, закопченная каменноугольнымъ дымомъ и прибитая къ двухъэтажному, ободранному, почернѣвшему, облупившемуся дому. Этотъ

облупившійся, вѣющій гнилью и разрушеніемъ домъ есть какъ бы прототипъ всей той гнили и грязи, съ которыми насъ сію минуту познакомитъ Галата въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Пройдя по узкому и закопченному коридору, мы входимъ на черный отъ каменнаго угля небольшой дворикъ агентства, черезъ который и проникаемъ въ первый смердящій переулокъ Галаты. Переулокъ вымощенъ булыжнымъ камнемъ, по которому трудно ходить; онъ узокъ и смердящъ. Изъ этого переулка мы поворачиваемъ въ другой, также смердящій, хотя онъ и носитъ названіе *Cité Française*, и хотя при входѣ въ него красуется вывѣска: «Русская бакалейная торговля». Изъ этого смердящаго мѣста мы выходимъ ужъ не въ переулокъ, а въ длинную, шумную улицу, смердящую уже въ высшей степени. И здѣсь-то начинается то самое *разнообразіе* впечатлѣній, о которыхъ вы наслышались отъ посѣтителей Константинополя, прежде нежели увидѣли его сами. Собственно говоря, первое, что поражаетъ туриста въ этихъ смердящихъ мѣстахъ, это вовсе не хваленое разнообразіе впечатлѣній, а нѣчто другое, именно—собаки. Не обратить на нихъ самаго пристальнаго вниманія невозможно, потому что едва вы сдѣлали шагъ по булыжной и смердящей мостовой, какъ что-то завизжало, залаяло у васъ подъ ногами и заставило васъ броситься въ сторону: вы наступили на спящую собаку. Собаки спятъ кучами, стаями, спятъ какимъ-то бездыханнымъ сномъ, посреди улицы, на тротуарѣ, на камнѣ, свѣсивъ съ него въ изнеможеніи головы и лапы, спятъ онѣ цѣлый Божій день до глубокой ночи, когда просыпаются, чтобы уничтожить всякіе объѣдки, выбрасываемые на улицу. Улицы раздѣлены ими на участки, при чемъ извѣстный участокъ, отъ такого-то пункта до другого, принадлежитъ извѣстной собачьей артели, и перейти изъ одного участка въ другой, чтобы поживиться чужимъ добромъ, невозможно. Вора, нарушителя чужой собственности разорвутъ на части. Всякая собака, которая пожелаетъ «по своимъ дѣламъ» пройти, положимъ, изъ одной улицы въ другую, непремѣнно ластится къ какому-нибудь прохожему, трется о его ногу и этимъ успокаиваетъ ощетинившуюся уже артель; она какъ бы говоритъ этой артели, что идетъ съ хозяиномъ, «по своимъ дѣламъ», что имъ нечего безпокоиться. Не будь этихъ собачьихъ артелей, истребляющихъ массу всевозможныхъ отбросовъ, трудно представить, что бы было съ этими смердящими улицами и переулками Константинополя, и поэтому

названіе «константинопольскихъ санитаровъ», которымъ именуютъ эти артели, совершенно справедливо.

Отдавъ должную дань первому, наиболѣе сильному впечатлѣнію, полученному нами въ Константинополѣ, перейдемъ и къ «разнообразію» впечатлѣній. Разнообразіе это начинается тотчасъ, какъ только изъ смердящаго *Cité Française* мы выйдемъ въ главную улицу Галаты. Улица узка, смердяща, обставлена гнилыми, грязными, двухъ- много трехъэтажными домишками, внизу которыхъ помѣщаются лавчонки съ европейскими товарами всевозможнаго рода, перемѣшиваясь съ безчисленнымъ множествомъ мѣняльныхъ столиковъ и турецкими хлѣбопекарнями. Вторые этажи этихъ домишекъ почти сплошь заняты кафешантанами, подъ всевозможными названіями, въ родѣ: «Олимпъ», «Антилопъ», написанными по-французски и по-гречески. Эти кафешантаны не что иное, какъ кабаки или, скорѣе, грязные публичные дома. Днемъ всѣ эти вертепы молчатъ и спятъ, какъ спятъ собаки, но часовъ съ семи вечера здѣсь начинается сущій адъ. Необходимо упомянуть, что въ то время, когда мнѣ пришлось быть въ Константинополѣ, былъ «рамазанъ», т.-е. постъ. Постъ этотъ продолжается цѣлый день, часовъ до восьми вечера; въ этотъ часъ, или около этого времени, пушечный выстрѣлъ извѣщаетъ о моментѣ, въ который мусульманское населеніе Константинополя можетъ начать ѣсть. Всѣ мечети и минареты освѣщаются тысячами огней, и весь городъ начинаетъ жить на всѣхъ парахъ.

Въ Галатѣ, съ момента этого пушечнаго выстрѣла, начинается сущій содомъ: скрипки заливаются во всѣхъ шантанныхъ вертепахъ, вездѣ визжатъ женскіе голоса, стучатъ ноги танцующихъ, и улица кишмя-кишитъ народомъ; разнообразіе впечатлѣній, которыми она надѣляетъ туриста въ обыкновенное время, возрастаетъ до высшей степени. Вагоны конножелѣзной дороги, съ безпрерывными звонками и скороходами, горланящими во все горло и бѣгущими передъ вагономъ, чтобы прочистить ему путь среди несмѣтной толпы народа, перемѣшиваются съ массою напирающихъ другъ на друга фіакровъ, телѣгъ съ русскими дугами, навьюченныхъ и ревущихъ ословъ; крики разносчиковъ, безпрерывные, раздражающіе звонки торговцевъ прохладительными напитками, соединяясь съ колокольнымъ звономъ греческихъ и православныхъ церквей и подворій, съ визгомъ оркестровъ, визгомъ пѣвцовъ и пѣвицъ, — буквально одуряютъ и утомляютъ до невозможности.

Да и глазъ утомляется не менѣе слуха; по немъ, по этому несчастному глазу, то и дѣло бьетъ что-нибудь новое, неожиданное; солдатъ, монахъ, нашъ мужикъ-богомолецъ, а за нимъ арабъ, негръ, за арабомъ француженка въ турнюрѣ и во всемъ прочемъ, за ней іезуитъ съ голой макушкой, за нимъ турчанка, закутанная съ головы до ногъ, за нею толпа иностранцевъ и т. д. и т. д. Все это кишмя-кишитъ, не понимая другъ друга, не касаясь одни другихъ ни въ чемъ, и стоитъ только разъ или два пройти по этой, исполненной якобы разнообразія впечатлѣній, смердящей улицѣ, чтобы устать, только устать до невозможности. Нѣтъ, это не разнообразіе парижскихъ бульваровъ, улицъ и переулковъ. И тамъ японцы, перувіанцы, и бѣлые, и черные люди толкуются въ общей свалкѣ; но тамъ всѣ племена и народности сошлись въ нравственномъ тяготѣніи къ чему-то общему, чего не хватаетъ въ обиходѣ ихъ національностей, но что плѣняетъ ихъ въ обиходѣ, тонѣ и общемъ смыслѣ французской жизни; тамъ есть что-то высшее, что-то стоящее надъ этимъ чернымъ, бѣлымъ, перувіанскимъ и японскимъ, что-то связующее разнородныя національности въ общей идеѣ; здѣсь только толкучка разныхъ людей, разныхъ племенъ, разныхъ вѣръ, не имѣющихъ между собою никакой связи, смотрящихъ каждый въ свой уголъ и связанныхъ только улицей, по которой не возбраняется ходить и ѣздить кому угодно. Мечта о братствѣ народовъ, о томъ, что люди—одна семья именно здѣсь-то, въ Царь-Градѣ, въ этомъ Константинополѣ, въ этой Византіи, въ этомъ Стамбулѣ никогда не придутъ вамъ въ голову. Въ самомъ обиліи названій, которыми именуютъ «это мѣсто» на земномъ шарѣ, вы видите ужъ полную отчужденность племенъ и народовъ, *молчаливо* толкущихся на этихъ чудныхъ берегахъ. Вы видите, что племена и народы эти *молчатъ*, потому что каждый гложетъ свою кость, что каждый думаетъ «о своемъ», и чувствуете, что оглянись они другъ на друга, попробуй войти въ интересы одинъ другого, и вмѣсто молчанія, среди котораго снуетъ «по своимъ дѣламъ» эта разношерстная толпа, послышится нечеловѣческое рычаніе и полетятъ куски мяса, какъ въ собачьей свалкѣ.

II.

Здѣсь же, въ Галатѣ, на самомъ юру и въ самомъ близкомъ разстояніи отъ агентства Русскаго общества, находятся три русскихъ подворья, устроенныхъ на средства мона-

ховъ Аѳонской горы и предназначенныхъ для пріема русскихъ паломниковъ, отправляющихся на Аѳонскую гору, въ Іерусалимъ и возвращающихся оттуда обратно. На одномъ изъ этихъ подворій, Пантелеймоновскомъ, мнѣ пришлось ночевать нѣсколько ночей. Это самое лучшее, роскошнѣйшее изъ подворій; къ каждому русскому пароходу, приходящему изъ Одессы, Севастополя и Александріи, оно высылаетъ монаха, который и приглашаетъ съ собой русскихъ богомольцевъ. На обратномъ пути изъ святыхъ мѣстъ богомольцы идутъ совершенно обнищалые, и Пантелеймоновское подворье на одинъ только прокормъ этихъ обнищалыхъ богомоловъ тратитъ огромное количество пудовъ хлѣба. Богомольцы, живя на подворьѣ, получаютъ помѣщеніе, пищу, чай—словомъ, все готовое, и платятъ кто что можетъ. Домъ, принадлежащій подворью, одно изъ лучшихъ зданій Галаты: онъ обширенъ, въ 4 этажа, проченъ, солиденъ. Въ большихъ просторныхъ сѣняхъ справа помѣщается лавка, гдѣ продаютъ образа, фотографіи, божественныя книжки и какія-то аѳонскія лѣкарства въ пузырькахъ; отсюда же, изъ сѣней, идетъ широкая каменная лѣстница во второй этажъ и выше, въ номера; они свѣтлы, просторны, чисты, только подушки на кроватяхъ жестки до помраченія ума, и еще есть одинъ недостатокъ: какая-то умопомрачительная вонь, которая не провѣтривается никакими вѣтрами, въѣдается въ платье, въ бѣлье и совершенно уничтожаетъ всякую воспріимчивость обонянія. Вонь эта, происхожденія аѳонскаго, отъ какихъ-то травъ или какихъ-то маслъ, поистинѣ ужасна. Ужасно здѣсь также сосѣдство со всевозможными вертепами Галаты: музыка кафешантановъ, колокольный звонъ, пѣніе русскихъ и греческихъ монаховъ, служащихъ обѣдни и вечерни, звонки конокъ, крики разносчиковъ, сущій адъ кромѣшный. Но среди этого ада подворье есть какъ бы оазисъ или островъ, населенный русскими людьми всякаго званія, преимущественно же мужиками. И островитяне живутъ, повидимому, въ полномъ разобщеніи съ бѣлымъ свѣтомъ и его порядками.

Понадобилось мнѣ выстирать бѣлье, и оказалось, что на островѣ плохо понимаютъ, что это означаетъ. Богомолки стирать — стираютъ, а ужъ гладить «не взыщите!»

— Нѣтъ, этого мы не можемъ! — сказалъ чистосердечно монахъ-послушникъ.

— Да вы спросите тутъ у барыни, куда она отдаетъ бѣлье-то?

— И то правда!

Монахъ ушелъ, спросилъ и, воротившись, сказалъ:

— Она неглаженое носитъ...

— Какъ же быть?

— А ужъ, ей-Богу, не знаю! Мы вотъ какое носимъ...

Онъ вытянулъ изъ рукава подрясника рукавъ рубашки и показалъ, какое онъ носитъ бѣлье.

Но такого бѣлья носить мнѣ не пожелалось.

— Постойте-ка, спрошу тутъ одну женщину.

Женщина «взялась» и преисправно изуродовала все бѣлье; оно получилось рваное, синее, съ крупными мраморными чертами, черными пятнами и желтыми слѣдами раскаленнаго утюга—словомъ, всѣмъ походило на то бѣлье, про которое послушникъ сказалъ: «*Мы вотъ какое* носимъ».

— Отче! — сказалъ я: — это вѣдь не годится!

— Да вѣдь съ крахмаломъ?

— Да вѣдь что же съ крахмаломъ... Оно все черное!

— Будто бы?

— Ей-Богу!

— А какое же по вашему бы желанію?

— А по моему желанію надо бы бѣлое.

— Бѣлое!

Отче крѣпко и чистосердечно задумался.

— А это неужели же не подходитъ къ бѣлому-то?

— Нѣтъ, отче, не подходитъ. Вотъ посмотрите!

Я положилъ чистую рубашку вмѣстѣ съ вымытой, и тогда отче только взглянулъ и тотчасъ же понялъ.

— Э-э! — сказалъ онъ, удрученно качая головою. — Господи помилуй, Господи помилуй, какъ она его!

— Нельзя ли послать серба (сербъ былъ путеводитель богомольцевъ по Константинополю и говорилъ по-русски), пусть поищетъ прачку.

— А что-жъ? Можно!

Пришелъ сербъ, а съ нимъ и отче.

— Найди прачку, пожалуйста.

Сербъ дико посмотрѣлъ на бѣлье, какъ-то искоса и мрачно; очевидно, и онъ, знавшій всѣ древности византійскія, плохо былъ знакомъ съ «этимъ дѣломъ».

— Нѣтъ, — сказалъ онъ наконецъ: — не знаю!

— Да кто тебѣ-то самому стираетъ бѣлье?

— У меня шерстяная рубаха, самъ полощу.

— Спроси у кого-нибудь.

— У кого тутъ спросить!..

Словомъ, дѣло это оказалось очень труднымъ и надѣлало большихъ хлопотъ до чрезвычайности внимательной къ нуждамъ своихъ жильцовъ братіи. Наконецъ одинъ монахъ вспомнилъ какую-то женщину въ Перѣ и, испросивъ благословеніе, увезъ узелъ туда. На этотъ разъ все кончилось благополучно.

Все, что братія дѣлаетъ для своихъ посѣтителей, дѣлается крайне вѣжливо, предупредительно, внимательно до послѣдней степени; на пароходъ отправитъ и съ парохода перевезетъ, и вещи изъ таможни выручитъ. Кормятъ они своихъ жильцовъ, повидимому, отлично; мнѣ не приходилось пробовать обительской трапезы, цѣлые дни я былъ въ городѣ, но частенько встрѣчалъ на лѣстницѣ богомольцевъ и богомолокъ съ огромными мисками рыбныхъ щей, большими ломтями бѣлаго хлѣба. Нерѣдко то тамъ, то сямъ слышится икота, иногда чрезвычайно звонкая, не уступающая звонкимъ нотамъ кафешантанныхъ пѣвицъ. А вѣдь это уже одно свидѣтельствуетъ о полномъ удовольствіи.

Въ бытность мою на подворьѣ, здѣсь, кромѣ Н. И. Ашинова, только-что «воротившагося (!)» изъ Абессиніи, отъ «дружка» негуса Іоанна, проживалъ еще одинъ замѣчательный человѣкъ: это бывшій оренбургскій казакъ, а нынѣ аѳонскій монахъ, живущій на послушаніи въ Константинополѣ. Никогда мнѣ не приходилось встрѣчать болѣе цѣльнаго народнаго типа и болѣе народнаго міросозерцанія.

Первый разъ я встрѣтилъ этого инока (ему лѣтъ сорокъ пять, онъ небольшого роста, коренастый, немного тучный, крошечная бѣлокурая бородка и узкіе сѣрые калмыцкіе глаза) на площадкѣ передъ моимъ номеромъ. Онъ разговаривалъ съ какою-то богомолкой, высокой, худой пожилой женщиной, съ черными проницательными, или, вѣрнѣе, пронзительными глазами.

— Въ Іерусалимъ, матушка? — спрашивалъ монахъ женщину, перебирая четки.

— Да, ваше благословеніе, ко гробу Господню хочется. Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!..

— А въ Россіи-то во святыхъ мѣстахъ бывала?

— Какъ же, владыко, какъ же! Много я исходила по русскимъ прозорливцамъ!

Она опять заохала, отирая постно-сложенныя губы платкомъ; отецъ Амвросій молчалъ, прямо смотря ей въ глаза, точно изучалъ ее, поигрывая четками, и вдругъ, какъ бы

понявъ, что за человѣкъ находится передъ нимъ, прямо, просто и тихо спросилъ:

— Ты блудница?

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ спокойно, просто и, повидимому, былъ такъ вѣрно направленъ, что богомолка вздрогнула, глянула прямо въ глаза монаху (не перестававшему спокойно смотрѣть ей въ глаза и играть четками) и, растерявшись, произнесла:

— Грѣшна, батюшка!

— Грѣшна?

— Грѣшна, владыко! Охъ, грѣшна, грѣшна! И тяжело мнѣ! Отъ этого и иду-то я ко гробу-то.

— И по прозорливымъ людямъ отъ этого ходила?

— И отъ этого отъ самаго, отъ грѣха моего.

— И тяжело тебѣ?

— Тяжко, тяжко, отецъ!

— А ты хочешь, чтобы было легче?

— Да какъ не хотѣть!

— Чтобы грѣхъ-то не давилъ тебя?

— Истинно такъ, батюшка!

— Но вѣдь ты сама знаешь, что дѣлала грѣхъ?

— Знаю, батюшка!

— Сама знаешь, что грѣшила, и думаешь, что какой-нибудь прозорливецъ сдѣлаетъ такъ, что грѣха на тебѣ не будетъ? Такъ? Ну, это ты задумала глупо. Извини! Ты что-жъ, идешь въ Іерусалимъ затѣмъ, чтобы тамъ тебѣ извинили твою пакость? Простили? И ты опять тогда снова здорово, съ легкимъ сердцемъ, задребезжишь? Нѣтъ, матушка, это не такъ! Ни къ прозорливцамъ шляться за тысячи верстъ ни въ Іерусалимъ колесить никоимъ образомъ тебѣ не подобаетъ. Ты сама знаешь, что грѣшна, этого довольно. И гдѣ бы ты ни была, дома ли, въ Іерусалимѣ, въ Камчаткѣ, вездѣ ты блудница, вездѣ совѣсть твоя говоритъ, что ты грѣшна, и слѣдовательно если какой-нибудь прозорливецъ тебя облегчитъ, то онъ обманщикъ, и ты къ нему шла за обманомъ, а не за правдой, и въ Іерусалимъ ты идешь теперь также за обманомъ: хочешь обмануть сама себя, но не обманешь!

— Да вѣдь ходятъ же прочіе-то въ Іерусалимъ-то?

— Ходятъ, конечно! хотятъ голосъ совѣсти заглушить, поддѣлать грѣхъ на «не грѣхъ», вотъ и ходятъ!

— Такъ что же дѣлать-то? Какъ же быть-то?

— Какъ быть? Сиди дома, кайся, не грѣши; знаешь, что

грѣшна, — ну и знай! искупляй грѣхъ добрыми дѣлами, отстраняй другихъ отъ грѣха. Вотъ что дѣлать. А сфальшивить противъ совѣсти съ прозорливцами да съ Іерусалимами не удастся, матушка! Какъ ты была, и сама знаешь, что есть ты блудница, блудная жена, такъ, будь покойна, ты и останешься, и никакимъ родомъ переобразить тебя въ непорочную невозможно. И куда ты ни ходи и какому ты Богу ни молись, хоть турецкому, все ты будешь, матушка моя, блудодѣйка. А вполнѣ для тебя довольно того, что ты сама знаешь свой грѣхъ, а коли знаешь — не дѣлай, помни о немъ, страдай, за другихъ страдай, остерегай! Все это и въ избѣ твоей деревенской можно дѣлать.

— Нѣтъ, ужъ поклонюсь гробу!

— Да поклонись, поклонись, отчего не поклониться. Поклоняться гробу Спасителя нашего слѣдуетъ, только ты не норови обмануть Его, не думай, что Онъ согласится подлости твои оправдать. Онъ проститъ, — это вѣрно, но только ты *какъ слѣдуетъ*, по чистой совѣсти покайся. Покайся по чистой совѣсти, отъ всего сердца, — посмотри, какъ полегчаетъ! Ужъ тогда и самой въ голову не придетъ повторить свой грѣхъ. Ну, а послѣ прозорливца, который тебѣ зубы заговоритъ, и опять можно начать... Ну, молись Богу! — все будетъ хорошо! Ты что, кушала ли сегодня?

— Кушала, батюшка! Благодаримъ покорно!

— Бога благодари, матушка!..

Богомолка поклонилась, вздохнула и медленно ушла.

— Отче, — сказалъ я: — да вѣдь къ вамъ богомольцы перестанутъ ѣздить, если вы будете пробирать ихъ такимъ образомъ?

Отецъ Амвросій улыбнулся и сказалъ:

— Какъ можно перестать! Грѣха много, грѣшниковъ на Руси тьма тьмущая! Правды искать не перестанутъ; но русскому человѣку непремѣнно надобно говорить сущую правду и прямо въ глаза! Я человѣкъ неученый, оренбургскій казакъ, никакихъ кляузныхъ теорій у меня нѣтъ, и ничего я этого не понимаю, — но по здравому уму сужу такъ, что въ этомъ-то и есть русское правовѣріе: не прячься отъ своего грѣха, не отвиливай отъ него, не извиняй его себѣ ни въ какомъ случаѣ и поступай, какъ здравый умъ скажетъ и совѣсть. Не вздыхать, не въ перси бить, не умствовать и разные тонкіе доводы одинъ подъ одинъ подводить, а только, дѣйствительно, сознать свой грѣхъ до глубины сердца и тогда ужъ дѣлать только то, что совѣсть

скажетъ. Вотъ эта блудница-то, можетъ-быть, чью-нибудь семью разстроила, можетъ-быть, изъ-за нея дѣти чьи-нибудь несчастны. И ей тяжело, она ищетъ прощенія, облегченія. Прости-ка ее, анъ зло-то, содѣянное ею, какъ было, такъ и осталось. А я не прощаю ихъ, не лакомлю текстами и на жертвы Богу не поддаюсь, а прямо носомъ въ грѣхъ:— «На! Гляди! Видишь? Ну, такъ и хлопочи на самомъ дѣлѣ, чтобы этого не было, исправься, перестань!» Я на себѣ знаю, что̀ значитъ своей подлости душевной потакать! Сейчасъ тексты найдутся такіе, что не только грѣха на совѣсти не окажется, а превыше праведника о себѣ возмечтаешь! Очень хорошо это знаю на себѣ! Я, батюшка, былъ первѣйшій блудникъ, если вамъ угодно знать, а почиталъ себя сущимъ ангеломъ, выше всѣхъ васъ считалъ себя! всѣ казались мнѣ блудодѣями, а я одинъ, сущая свинья, только и былъ неземнымъ существомъ! Знаю! Знаю, на что способенъ нашъ кляузный умъ, звѣриный! Нашему народу потакать въ этомъ нельзя, его надобно крѣпко держать въ здравомъ умѣ! къ подлости, звѣрству, алчности, — мало ли тамъ чего есть? — ко всему этому надобно относиться прямо, на чистоту. Не безпокойтесь! Вотъ эта богомолка запомнила мои слова крѣпче, чѣмъ медовыя рѣчи прозорливца. Искренно вздохнетъ, настоящимъ образомъ испугается своего зла и грѣха и, можетъ-быть, настоящимъ образомъ поправитъ его. Ишь ты! набезобразничала гдѣ-нибудь въ Курской губ., а каяться идетъ къ іерусалимскому монаху? Нѣтъ, матушка, вороти опять въ Курскъ!

— Іерусалимъ, — продолжалъ отецъ Амвросій: — для нашего мужика все одно, что̀ для барина Парижъ! Насмердитъ гдѣ-нибудь тамъ, въ своей деревнѣ, натворитъ всякой неправды, и, конечно, на душѣ скверно станетъ. — «Поѣду, молъ, въ Парижъ, «освѣжусь»! Тамъ, молъ, умные люди такія мнѣ теоріи предоставятъ, что я останусь правъ, а другіе виноваты; не я, молъ, скотъ окажусь, а обстановка, чужіе гадкіе люди!» Ну, и отдохнетъ, дѣйствительно отдохнетъ отъ своей скверны, забудетъ ее, превознесется, и уже на людей смотритъ свысока. Вотъ и мужичье тоже: нагрѣшитъ, животное, дома, въ избѣ, на міру, награбитъ, назлодѣйствуетъ, накровянитъ свои лапы, и засто-о-нетъ! — «Охъ, молъ, тяжко!.. Пойду къ прозорливцу, не разговоритъ ли меня, не выйдетъ ли такъ, что я не виновенъ?» Въ Камчатку идутъ за этими прозорливцами. За тѣмъ же мно-

гіе и въ Іерусалимъ идутъ, а здѣсь имъ греческіе плуты всѣ грѣхи отпускаютъ. Вотъ, извольте посмотрѣть...

Съ этими словами отецъ Амвросій побѣжалъ въ свою келью и почти тотчасъ же вынесъ оттуда какой-то листокъ.

— Это вотъ іерусалимская такса,—сколько за что платить.

Такса была напечатана по-русски: «Вѣчное поминовеніе—60 руб. Поминовеніе годовое—15 руб. Одинъ разъ—5 руб. Разрѣшительная обѣдня—25 руб. Масличное древо—3 руб.»

— Что же это за масличное древо?

— Да просто кусокъ дерева какого-нибудь на память... Но вы обратите вниманіе вотъ на это,—«разрѣшительная обѣдня»—вотъ это-то и есть самое подлое дѣло! Внесите двадцать пять руб., и греческій патріархъ самъ проститъ вамъ всѣ прошлыя прегрѣшенія, проститъ всенародно, такъ что и думать забудешь о своихъ напастяхъ. И который, положимъ, мужичишка наворовалъ въ деревнѣ, награбилъ, наблудилъ, накровянилъ свои лапы, послѣ этого точно изъ бани вышелъ, съ иголочки, вся гадость съ души слѣзла, «брошу, говоритъ, деревню», т.-е. наплюю на нее и на всѣхъ, кому зло сдѣлалъ.—«Перепишусь въ городъ въ купцы, начну жить заново!» Нѣтъ! Нѣтъ! Нашему народу ни подъ какимъ видомъ нельзя въ этомъ дѣлѣ снисходить!.. Вотъ почему я и бьюсь, чтобы здѣсь, въ Царѣ-то-Градѣ учредить нашу русскую школу, которая бы учила жить только по совѣсти, вопреки всѣмъ іезуитскимъ, кляузнымъ ученіямъ! Тутъ-то, въ Царѣ-то-Градѣ, гдѣ скопилось всесвѣтное зло, и надобно засвѣтить правду, попроще, да почище, да попрямѣе, попрямѣе непремѣнно! У меня и проектецъ уже давно составленъ.

Я не имѣлъ времени узнать и прочитать проекта отца Амвросія, но вообще о русской школѣ въ Константинополѣ сказать кое-что необходимо.

III.

Положеніе школьнаго дѣла у разныхъ національностей, проживающихъ къ Константинополѣ, таково: *греки* добровольными пожертвованіями содержатъ въ Константинополѣ *восемьдесятъ* первоначальныхъ школъ, восьмиклассный лицей съ 720 учениками, коммерческое училище, женскую гимназію съ 400 пансіонерокъ, учительскую семинарію, *восемь* даровыхъ библіотекъ и даютъ образованіе пятна-

дцати тысячамъ дѣтей; *евреи* и *армяне*—имѣютъ здѣсь элементарныя и среднія учебныя заведенія, мужскія и женскія; *французское* правительство отпускаетъ ежегодно 210.000 франковъ на дѣло образованія на Востокѣ и субсидируетъ прекрасно поставленный *Collège St.-Benoit*; *американцы* содержатъ здѣсь буквально великолѣпнѣйшій Робертъ-Коледжъ. Кстати сказать: этотъ Робертъ-Коледжъ—одно изъ величественнѣйшихъ зданій на Босфорѣ и бросается въ глаза своими грандіозными размѣрами гораздо прежде, чѣмъ даже самые султанскіе дворцы. Это роскошно устроенное учебное заведеніе воспитываетъ молодыхъ людей *всѣхъ балканскихъ народностей христіанскихъ вѣроисповѣданій. Нѣмцы*, благодаря лично пожертвованной императоромъ Вильгельмомъ суммѣ 30.000 марокъ, устроили *Bürgerschule*, въ которой обучается 300 дѣтей. *Италія* выдаетъ двумъ своимъ школамъ 14 т. франковъ ежегодной субсидіи; *Австрія* субсидируетъ свою школу 6.000 гульденовъ; наконецъ *англійскія* и *шотландскія* религіозныя общины давно ужъ имѣютъ въ городѣ и предмѣстьяхъ свои школы и дѣятельно ведутъ чрезъ ихъ посредство свою пропаганду.

Всѣ эти свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Д. Р. Б., корреспондентомъ «Спб. Вѣдом.», близко знакомымъ съ положеніемъ школьнаго дѣла въ Константинополѣ, собраны комиссіею, образовавшеюся подъ предсѣдательствомъ г-жи Нелидовой и вызванной настоятельнѣйшею потребностью въ русской школѣ, «выяснившейся особенно неотразимо послѣ пріѣзда въ Константинополь г. Тимирязева, делегата министерства финансовъ, для переговоровъ о русско-турецкомъ коммерческомъ трактатѣ» *). Отсутствіе русской школы оказалось чрезвычайно вреднымъ относительно нашей торговли: «между туземцами никто не знаетъ русскаго языка; ни одна кофейня не выписываетъ русскихъ газетъ». Кромѣ русской колоніи, *всѣ славяне* Балканскаго полуострова съ удовольствіемъ увидѣли бы основаніе русской школы. И въ самомъ дѣлѣ, желая имѣть какое-нибудь нравственное вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ, какимъ образомъ можно было не открыть здѣсь даже школы, когда рѣшительно необходимъ русскій университетъ для славянскаго населенія всего полуострова? Въ настоящее время болгарская учащаяся молодежь направляется въ краковскій и львовскій университеты, чтобы получить высшее образованіе. Чѣмъ же Рос-

*) «Спб. Вѣд.» 86 г., № 51.

сія-то хочетъ вліять здѣсь, *на мьстѣ?* Между тѣмъ она до сихъ поръ выдаетъ субсидіи греческимъ школамъ, субсидіи, въ которыхъ онѣ, какъ мы видѣли выше, вовсе не нуждаются.

А относительно «русской школы» идетъ только безплоднѣйшая и безконечнѣйшая переписка.

Планъ школы выработанъ давнымъ-давно; г. посолъ, г. консулъ и особенно секретарь консульства давнымъ-давно хлопочутъ и горячо сочувствуютъ этому дѣлу; монахи Аѳонской горы готовы внести на постройку школы большія пожертвованія; сто русскихъ торговыхъ людей, проживающихъ въ Константинополѣ, также выразили желаніе жертвовать на это дѣло въ особомъ адресѣ г. послу. Кромѣ этого, министерство финансовъ вполнѣ одобряетъ планъ и программу школы, и г. министръ согласенъ внести въ государственный совѣтъ предложеніе о ежегодной субсидіи училищу въ нѣсколько тысячъ рублей, «*какъ только оно будетъ открыто*». Такимъ образомъ благое дѣло пользуется сочувствіемъ двухъ министерствъ, покровительствомъ мѣстныхъ представителей власти, сочувствіемъ всѣхъ мѣстныхъ русскихъ подданныхъ, не говоря о глубочайшей необходимости ея въ смыслѣ нравственнаго прибѣжища для славянскихъ народностей Балканскаго полуострова, и все-таки нѣтъ никакой школы! Она не можетъ быть открыта безъ разрѣшенія нашего вѣдомства иностранныхъ дѣлъ; даже и разрѣшеніе-то испрошено г. Нелидовымъ *годъ уже тому назадъ, но не получено* (!) въ Константинополѣ до сихъ поръ по причинамъ, которыхъ не можетъ понять даже само наше посольство въ Константинополѣ.

Итакъ, вотъ какъ мы, мечтающіе о томъ, что «св. Софія будетъ наша», сильны уваженіемъ къ нашему нравственному вліянію среди нашихъ братьевъ-славянъ и какъ мы сами внимательны къ своей и чужой духовной жизни. Пишемъ бумаги и думаемъ, что въ этомъ-то и есть *наша* сила, предъ которой почему-то долженъ пасть весь Западъ и Востокъ. Судите сами: я только-что разсказалъ исторію школы, учрежденія въ высшей степени необходимаго; какъ видите, оказывается невозможнымъ сдѣлать дѣло даже и тогда, когда всѣ препятствія устранены. Но, ничего не сдѣлавъ, мы полагаемъ, что переписка можетъ замѣнить настоящее дѣло; и можете ли представить, что возня эта сдѣлала возможнымъ *назначеніе штатнаго учителя* при школѣ, которой не существуетъ. «Да, въ Константинополѣ

живетъ штатный русскій учитель несуществующаго училища!» («Спб. Вѣд.» № 51).

Но и это еще не все!

Учитель этотъ не получаетъ «жалованья ни отъ какого министерства, только *чины* отъ министерства народнаго просвѣщенія» *да запросы*—и какъ вы думаете: о чемъ эти запросы? Подивитесь и послушайте: *запросы о томъ, когда онъ приступитъ къ «преподаванію»!* Вы не вѣрите, что можно дѣлать такія дѣла и *такъ* вліять на Востокѣ? Ну, такъ повѣрьте, что все написанное сущая правда, все это было уже публиковано и кромѣ г. Б., писавшаго объ этомъ въ «Спб. Вѣд.», подтверждено намъ лицами, занимающими въ Константинополѣ офиціальное положеніе на русской службѣ.

А вотъ по части кулачества, барышничества, ничего,—орудуемъ и у врать святой Софіи. По Галатѣ нельзя пройти безъ того, чтобы не получить тысячи приглашеній изъ тысячи публичныхъ домовъ *на русскомъ языкѣ:* «Здравствуй! Заходи, братушка!» Все россійскій товаръ, изъ Одессы, изъ «Россіи». У турокъ нѣтъ ничего подобнаго.

Недурно припомнить также и слѣдующую сценку.

Ѣдемъ мы какъ-то въ Буюкъ-Дере съ однимъ русскимъ семействомъ на лодкѣ и видимъ, что съ берега (лодка ѣхала близко къ берегу) раскланиваются два какихъ-то человѣка. Человѣки были въ «пинжакахъ» и съ бородами «мочалой», а раскланивались съ такимъ гостинодворскимъ жестомъ, что не было возможности не спросить:

— Кто это такіе?

— А это, — отвѣтило лицо, которому адресовались поклоны:—наши русскіе купцы.

— Что же они тутъ дѣлаютъ?

— Да пріѣхали циркъ русскій открывать... кажется, отъ братьевъ Никитиныхъ.

Такимъ образомъ относительно нашего нравственнаго вліянія на Востокѣ и неизбѣжно вытекающихъ изъ него реальныхъ дѣлъ оказывается необходимымъ подождать. А пока наше отечество предъявляетъ себя въ видѣ «живого товара» и въ видѣ мужика, кувыркающагося въ циркѣ.

IV.

Храмъ св. Софіи великъ, обширенъ, но не величественъ, особенно снаружи; у него есть лицо и изнанка, и вся его красота сосредоточена внутри храма, а вся изнанка, т.-е.

все, что было нужно сдѣлать, чтобы перекалѣчить храмъ въ мечеть, все это прилажено снаружи, безъ всякаго вниманія къ внѣшней красотѣ. Минареты красивы и хороши какъ всегда, но, чтобы ихъ можно было приладить къ христіанскому храму, нужно было сдѣлать ненужныя въ архитектурномъ отношеніи пристройки, вывести тяжелыя каменныя стѣны, соединяющія магометанскія пристройки съ христіанскимъ храмомъ и обыкновенно не имѣющія мѣста ни въ христіанскомъ ни въ мусульманскомъ храмахъ, взятыхъ въ отдѣльности.

Камень, изъ котораго сдѣланъ храмъ, также обращенъ наружу изнанкой, онъ не изукрашенъ, какъ соборъ Парижской Богоматери, Кёльнскій соборъ, которые снаружи-то, пожалуй, красивѣе, чѣмъ внутри. Сѣрый нешлифованный камень, закопченный каменноугольнымъ дымомъ пароходовъ, огибающихъ входъ въ Мраморное море и выходъ изъ него, мысокъ, на которомъ стоитъ храмъ (онъ стоитъ близехонько отъ берега Мраморнаго моря, но мѣсто это пустынно и обстроено нищенски), непривѣтливо смотрятъ на путника, пришедшаго подивиться этому историческому зданію. Внутри храма впечатлѣніе, конечно, несравненно болѣе сильное, но въ художественномъ отношеніи и здѣсь оно довольно смутное. Кто бывалъ въ Исаакіевскомъ соборѣ или, еще лучше, въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ, тотъ можетъ себѣ составить впечатлѣніе размѣровъ храма, а храмъ Спасителя, кромѣ того, можетъ дать весьма близкое понятіе о внутреннемъ расположеніи св. Софіи. Нѣчто въ родѣ коридоровъ храма Спасителя есть и здѣсь, когда вы входите съ улицы; верхняя галерея, широкая и свѣтлая, совершенно напоминаетъ вамъ такую же галлерею или хоры въ храмѣ Спасителя, только подниматься надобно не такъ, какъ въ Москвѣ, по желѣзной винтовой лѣстницѣ, а по наружной каменной, помѣщающейся въ обширной пристройкѣ, и, вѣрнѣе, не по лѣстницѣ, а по широкой, постоянно поднимающейся вверхъ булыжной мостовой, на которой, идя въ темнотѣ, поминутно спотыкаешься,—такіе тамъ ямы и ухабы.

Внутренность храма св. Софіи значительно искажена мусульманскими передѣлками; не будь ихъ, планъ ея былъ бы точь-въ-точь такой же, какъ храмъ Спасителя, т.-е. крестообразный, съ четырьмя арками, поддерживающими куполъ. Здѣсь же боковые, правый и лѣвый концы креста застроены рядомъ колоннъ въ восточномъ вкусѣ, близко

одна къ другой разставленныхъ по прямой линіи; то же самое и вверху, такъ что колонны христіанской постройки иногда стоятъ почти рядомъ съ колоннами, пристроенными мусульманами, и безсмысленно загромождаютъ храмъ.

Неряшливость—вотъ что особенно бросается въ глаза при обозрѣніи храма; кое-какъ замазано все христіанское, кое-какъ налѣплено и напачкано мусульманское; стихи изъ корана на круглыхъ зеленыхъ щитахъ, написанные золотыми буквами, грубо укрѣплены на веревкахъ такъ, что и холстъ, на которомъ написаны изреченія, и деревянныя, грубо сдѣланныя рамки, къ которымъ холстъ прибитъ, все это говоритъ, что объ изяществѣ тутъ мало заботятся, не такъ, какъ въ «настоящихъ турецкихъ мечетяхъ». Внизу храма, впрочемъ, все гораздо опрятнѣе, въ верхнихъ галлереяхъ полная безпризорность: птичій пометъ разбросанъ повсюду и мѣстами въ значительномъ изобиліи. Одна сторона верхней галлереи обнаруживаетъ стремленіе развалиться, и полъ, неметеный, грязный, мѣстами осѣлъ, треснулъ, глубоко ввалился и вообще покороблень, на подобіе того, какъ покорожлены были набережныя петербургскихъ каналовъ послѣ наводненія. Мозаическіе потолки вызолочены и разрисованы ничего не означающими фигурами и цвѣтами: и позолота и рисунки неопрятны, закопчены и небрежно намалеваны кое-какъ, такъ что мозаическія изображенія кое-гдѣ проступаютъ чрезъ позолоту. Надъ алтаремъ, напр., ясно видны очертанія Спасителя, распростершаго благословляющія руки, выступающія сквозь позолоту и какіе-то намалеванные на ней цвѣты. Какъ будто сами турки чувствуютъ, что это все только «пока» ихнее, что въ сущности этотъ храмъ—чужой, кое-какъ передѣланный на магометанскій ладъ. По крайней мѣрѣ турокъ, съ которымъ приходится ходить по верхней галлереѣ, самъ ведетъ васъ смотрѣть проступающій сквозь позолоту ликъ Спасителя и самъ говоритъ, что «это, значитъ, храмъ опять будетъ христіанскій».

Сверху видъ на площадь храма съ молящимися не столько эффектенъ, какъ въ другихъ мечетяхъ, сколько любопытенъ: весь полъ храма устланъ широкими цыновками, положенными не прямо поперекъ, а поперекъ наискось, сообразно чему и то, что я назову магометанскимъ алтаремъ, передвинуто съ центра христіанскаго алтаря немного правѣе. Но молящагося народу какъ-то мало здѣсь; въ другихъ мечетяхъ, какъ говорится, яблоку негдѣ упасть: вся она

заставлена правильными шеренгами молящихся, плечомъ къ плечу; всѣ они буквально моментально и какъ одинъ человѣкъ становятся на колѣни, дѣлаютъ поклонъ, разгибаются, опять падаютъ ницъ и лежатъ, уткнувшись лбомъ въ полъ; дисциплина въ молитвѣ образцовая; вотъ ужъ, можно сказать: «вкусно молятся турки», какъ иногда выражаются русскіе простонародные любители богомолья. Огромная площадь храма, сколько мнѣ пришлось видѣть, кое-гдѣ только пестрѣетъ небольшими группами молящихся. Вечеромъ видъ съ хоръ эффектнѣе, чѣмъ днемъ. Масса люстръ, не такихъ, какъ наши, т.-е. не гроздью, а плоскихъ, съ огнями, размѣщенными по кругу, состоящему изъ небольшихъ полукруглыхъ извилинъ, низко и всѣ на одной плоскости висятъ надъ молящимися; сверху видны какія-то огненныя змѣи, извивающіяся въ разныхъ направленіяхъ надъ толпой молящихся, а вверху, въ глубинѣ купола,— тьма: на верхнихъ галлереяхъ—только зрители, иностранцы, группы человѣкъ въ пять-десять и ни одного мусульманина. Въ куполѣ св. Софіи въ четырехъ углахъ, на мѣстахъ соединенія съ куполомъ четырехъ поддерживающихъ его колоннъ, когда-то были, вѣроятно, изображены ангелы съ крыльями, сплетающимися надъ головой, съ боковъ ангельскаго лика и подъ нимъ. Турки «кое-какъ» замазали лики, налѣпили на нихъ что-то мѣдное, въ родѣ мѣдныхъ подносовъ, а могучія крылья такъ и остались, какъ были.

Итакъ, впечатлѣніе, получившееся при посѣщеніи св. Софіи, было весьма смутное: неопрятно, пустынно, заброшено, пусто, безпризорно, «кос-какъ». Никакія историческія воспоминанія почему-то совершенно не шли на умъ при видѣ этого, во всѣхъ отношеніяхъ искаженнаго, почти заброшеннаго храма. Даже иностранцы какъ-то не интересуются имъ; да и вообще среди современныхъ нравственныхъ и политическихъ заботъ, идей и теченія мыслей, на которыя наводитъ васъ константинопольская жизнь, для всѣхъ св. Софія какъ-то въ сторонѣ, она какъ-то одинока со всею своею исторіею, и только русскіе считаютъ своею обязанностью посѣтить ее, снимаютъ шапку, входя во храмъ, крестятся, говорятъ: «хорошо бы, если бы она наша опять поскорѣе стала!» Но, выражая такія пожеланія, и сами русскіе какъ будто бы поослабѣли въ мысляхъ, касающихся рѣшенія участи св. Софіи. Нѣтъ огня, страсти въ этомъ желаніи: «поскорѣй бы была наша!»

Св. Софія находится, какъ я уже сказалъ, въ Стамбулѣ,

въ этомъ константинопольскомъ Замоскворѣчьѣ. Но, воля ваша, наше Замоскворѣчье сохранило больше своихъ типическихъ чертъ. Конечно, здѣсь больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ частяхъ Константинополя, сохранились восточныя черты нравовъ, образа жизни и архитектуры, но все-таки международно-шаблонныя черты, вторгнувшіяся въ жизнь Константинополя, и здѣсь, въ турецкомъ Замоскворѣчьѣ, почти поглощаютъ рѣдкія, характерныя особенности Востока. Казарменныя постройки правительственныхъ учрежденій, шаблонные европейскіе дома съ лавками и кафе внизу, все это изобилуетъ въ количественномъ отношеніи надъ постройками восточнаго типа; эти постройки, со всѣми своими характерными особенностями, тонутъ въ океанѣ-морѣ всевозможнаго рода проявленій шаблоннаго европеизма.

Турецкій рынокъ, турецкая улица мозолятъ вамъ глаза европейскими товарами, европейскими пріемами торговли и разными типами продавцовъ; видъ улицъ, со всѣми мелочными подробностями, въ большинствѣ совершенно европейскій: тротуары, мостовая, фіакры. А переулки, закоулки съ турецкими домишками, большею частью деревянными, и закрытыя ставни этихъ домишекъ такъ кажутся неумѣстными и такими жалкими, что и смотрѣть на нихъ не хочется.

У насъ, на Руси, положительно гораздо ярче выдѣляется мусульманскій элементъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ онъ есть, чѣмъ это есть въ Константинополѣ, въ этомъ, казалось бы, центрѣ мусульманскаго міра. Гдѣ-нибудь въ Казани, въ Тифлисѣ, не говоря о Крымѣ и о такой прелести, какъ Бахчисарай, все мусульманское испорчено у насъ несравненно меньше, чѣмъ здѣсь, а главное, оно у насъ ярче, самостоятельнѣе и рельефнѣе выдѣляется на фонѣ русской жизни.

Кстати сказать, Бахчисарай восхитителенъ именно какъ типическій мусульманскій городъ; все здѣсь, начиная отъ построекъ, отъ внѣшняго вида улицъ до внутренней жизни всего живущаго въ немъ, все вполнѣ оригинально, безъ малѣйшихъ признаковъ какой-нибудь посторонней примѣси или подмѣси: торговля, товары, люди, торгующіе ими, дома, въ которыхъ они живутъ, — все чисто-мусульманское, не только вполнѣ сохранившее свои традиціи, но сильное ими, не допускающее мысли о томъ, что эти традиціи когда-нибудь прейдутъ, напротивъ, твердое ими и вообще во всѣхъ отношеніяхъ ярко-типичное. А вотъ въ Константи-

нополѣ, въ самомъ центрѣ мусульманства, все чисто-мусульманское теряется на сѣромъ фонѣ шаблонно-европейскихъ порядковъ жизни, видимо, чахнетъ отъ нихъ и во всякомъ случаѣ не можетъ не чувствовать собственной отсталости, слабости и, такъ сказать, однобокости жизни, таящей въ глубинѣ своей нездоровое зерно.

Однобокость, отсутствіе въ турецкомъ населеніи силы бороться съ твердыми, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе налегающими порядками чувствуется вами, постороннимъ наблюдателемъ, едва ли менѣе, чѣмъ самими турками. Женщина, изгнанная изъ общежитія, лучше всего доказываетъ, что порядокъ, который считаетъ нужнымъ для своего однообразія и устойчивости запереть на замокъ цѣлую половину рода человѣческаго, который находитъ нужнымъ завязать этому «полу» лицо, ротъ, очевидно, порядокъ этотъ не настоящій и таитъ въ себѣ какую-то язву.

Не думаю, что я сдѣлаю большую ошибку, если приведу заключительныя слова одной мусульманской сказки, какъ очень хорошо рисующія сущность и строй жизни мусульманина. Сказка, разсказавъ длинную исторію бѣдняка, всякими правдами и неправдами добившагося въ концѣ концовъ богатства, заканчивается такъ: «Теперь, — сказалъ Мезула женѣ своей:—ты не будешь упрекать меня въ трусости и лѣности. *И съ тѣхъ поръ* (т.-е. съ момента обогащенія) *никто не видалъ больше Мезулу выходящимъ изъ хаты своей*» (Татарскія сказки В. Х. Кандараки, стр. 11). Добиться того, чтобы никуда не выходить изъ дома своего, это, кажется, и теперь завѣтное желаніе турокъ. Днемъ турокъ служитъ, работаетъ, торгуетъ, но послѣ извѣстнаго часа онъ безвыходно дома, и, какъ разсказываютъ, къ нему въ это время нельзя пробраться ни по какому, самому безотлагательному дѣлу. Вотъ почему вся служба теперешняго турка заключается въ томъ, чтобы имѣть средства—не выходить изъ дому; можно съ грѣхомъ пополамъ выйти, взять бакшишъ, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, ухватить гдѣ-нибудь доходный кусокъ, заложить государственный доходъ съ такихъ-то и такихъ-то статей,— и домой, въ эту мурью съ закрытыми ставнями.

Не разъ приходило мнѣ въ голову спросить себя: что такое тамъ держитъ его въ мурьѣ съ закрытыми ставнями? Точно ли онъ тамъ блаженствуетъ среди гурій, или, напротивъ, онъ среди нихъ какъ въ тюрьмѣ? Особенно неотступно

преслѣдовалъ меня этотъ вопросъ въ одинъ изъ послѣднихъ дней рамазана, когда султанъ, по обычаю, беретъ новую жену, что совершается каждогодно. Весь городъ турецкій горѣлъ огнями, весь турецкій флотъ въ Золотомъ Рогѣ былъ иллюминованъ; мечети, минареты, башни, все было залито огнями; а тамъ, въ темной дали Босфора, въ Ильдизъ-Кіоскѣ, фейерверкъ необычайныхъ размѣровъ: цѣлые снопы, столбы огня летятъ къ небу; оркестры музыки играли часовъ до пяти утра; все турецкое населеніе опьянѣло отъ удовольствія, отъ музыки и вообще отъ какого-то раздражающаго впечатлѣнія свадьбы падишаха, праздновавшаго всенародно тамъ гдѣ-то въ темныхъ садахъ, у темныхъ водъ Босфора, среди огней и музыки,—свой новый бракъ. Почему этотъ праздникъ? Въ чемъ тутъ величіе падишаха? Отчего такая радость и торжество по случаю явно неблагообразнаго поведенія брата льва и дяди солнца? Если онъ точно наслаждается, и если точно толпа рада, что братъ солнца можетъ жениться столько разъ, сколько ему угодно, то и братъ льва и толпа—просто скверны; и этотъ фейерверкъ, эта иллюминація, эта музыка всю ночь — только огромное, ни малѣйшимъ образомъ не допускающее никакихъ смягченій, глубочайшее паденіе въ самую грязную грязь.

Впечатлѣніе глубочайшей грязи отъ этихъ мусульманскихъ постовъ и праздниковъ несомнѣнно; но вотъ что измѣняетъ нѣсколько ваши мысли по поводу этой грязи: чѣмъ объясните вы отсутствіе въ мусульманскомъ строѣ жизни такихъ явленій, какъ проституція, женское монашество, дѣтоубійство и подкидываніе дѣтей? Вѣдь ничего этого нѣтъ. Кромѣ того, не только въ мусульманскомъ мірѣ нѣтъ проститутокъ и монашенокъ, но нѣтъ и торговокъ, горланящихъ: «луку зеленова, лууу-ку-у!», ни торговокъ, сидящихъ на базарѣ на горшкѣ съ рубцами,—все это дѣлаетъ мужчина: онъ шьетъ, онъ вяжетъ, онъ печетъ хлѣбы, продаетъ зелень; словомъ, на трудовомъ рынкѣ — одинъ мужчина, а женщина — тамъ, дома, въ гаремѣ, въ семьѣ, т.-е. при своихъ дѣтяхъ. Получая каждый Божій день по женѣ, можно думать, что мусульманинъ приноситъ себя въ жертву, беретъ на свои плечи бремя, сохраняетъ женщину отъ всякаго зла, давая каждой право быть матерью, то-есть сохранить себя въ чистотѣ. А о естестволюбіи мусульманина можно судить по множеству фактовъ, доказывающихъ, что онъ чтитъ естество во всѣхъ видахъ: чтитъ воду; лѣсъ

чтитъ необычайно, и всѣ лѣса чисты, сильны, могучи; чтитъ животныхъ; возьмемъ хоть бы этихъ собакъ константинопольскихъ: онѣ плодятся и множатся тутъ же на улицѣ, и никто не потопитъ кучу этихъ щенятъ, всѣ они вырастаютъ тутъ же и опять плодятся и множатся. Или это равнодушіе? У насъ, въ былое время, донскіе казаки, занятые войной, топили дѣтей и только постепенно стали снисходить къ мальчикамъ, а потомъ перестали топить и дѣвочекъ. Собакъ, кошекъ у насъ топятъ постоянно, — «жалѣючи»; здѣсь же все это свободно плодится и множится безъ малѣйшей помѣхи. Какъ такъ женщина—да вдругъ не родитъ, не будетъ матерью, не познаетъ мужа? И добродѣтельный турокъ, надо полагать, старается сдѣлать какъ можно болѣе добрыхъ дѣлъ: даетъ сотнямъ дѣвушекъ право быть матерями, множиться, то-есть исполнять то, что имъ непремѣнно надобно выполнить, какъ женщинамъ, какъ существамъ иного пола. Съ этой точки зрѣнія ежегодный бракъ султана можно перетолковать какъ подвигъ, а 80 каретъ (цифра газ. «Новости»), въ которыхъ еле-еле помѣщается султанскій гаремъ, только свидѣтельствуютъ о неисчерпаемой добротѣ падишаха: сколько онъ несетъ бремени! Сколько безплодныхъ смоковницъ воззвалъ къ жизни! Истинно второе солнце, и нѣтъ съ его стороны особенной похвальбы въ томъ, что онъ титулуетъ себя братомъ этого самаго солнца.

Но на какихъ бы логическихъ основаніяхъ ни была построена эта жизнь, результаты ея весьма плачевны. Плачевны въ нравственномъ отношеніи: ничего, кромѣ слова «бакшишъ», не внесъ мусульманскій міръ въ жизнь той массы народностей, которыми онъ владѣлъ и владѣетъ. Мусульманскій міръ ничего не сдѣлалъ ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ, ни въ промышленности. Но еще плачевнѣе результаты оказываются въ физическомъ отношеніи: раса, и особенно высшіе классы ея, вырождается и физически истощена уже въ значительной степени. Откуда это обиліе мрачно задумавшихся, глубокомысленныхъ лицъ, которыя вы постоянно встрѣчаете въ мужчинахъ около сорока лѣтъ возраста? Какія-такія думы гигантскія удручаютъ ихъ огромный умъ? Подъ тяжестью какихъ думъ состарились эти согбенные старцы, которыхъ вы то и дѣло встрѣчаете на улицѣ, въ кафе, вездѣ? Улыбки, веселаго, бодраго лица, въ массѣ мужского турецкаго населенія—ищите днемъ съ огнемъ и не найдете. Но, присмотрѣвшись къ этой глубокомысленности, къ этимъ «вдумчивымъ» лицамъ, вы видите только

серьезность трупа, въ которомъ замираетъ дѣятельность нервовъ. Что же касается женщинъ, то положительно, сколько я ни видалъ ихъ, всѣ онѣ также изнурены безплодной тратою силъ взаперти и безсмысліемъ гаремной жизни. Это большею частью чахлыя существа, мелкія, блѣдныя, сварившіяся въ собственномъ соку. Въ одномъ русскомъ семействѣ съ годъ времени жила одна гречанка, мошенически проданная въ гаремъ. Проживя тамъ съ полгода, она нашла возможность убѣжать оттуда и скрылась въ русскомъ посольствѣ. Эти полгода гаремной жизни не столько развратили, сколько истомили ее, отупили, обезглавили, такъ сказать, обезсилили. Лѣнь, тупая апатія къ жизни, вотъ что вынесла она изъ гарема послѣ шести мѣсяцевъ жизни въ немъ, хотя вошла туда здоровой, работящей женщиной, вольной птицей. Положительно, всякій разъ, при видѣ турчанки, закутанной, завязанной какъ бы въ мѣшкѣ, съ крошечной линіей разрѣза только для глазъ, мнѣ невольно вспоминалась наша россійская баба. Даже вотъ въ качествѣ богомолки-смиренницы она куда какъ не смирна и безпрерывно дѣятельна: полежала-полежала на своей пароходной койкѣ третьяго класса, скучно стало безъ дѣла, пошла къ повару: «дай, молъ, картофь почищу»; чиститъ «картофь», про Іерусалимъ разсказываетъ и каламбуромъ на каламбуръ отвѣтствуетъ. А тѣ наши бабы, солдатскія жены, которыя первыя стали возить почту изъ Владикавказа до Тифлиса, въ то время, когда ни солдаты ни частные предприниматели не брались за это опасное дѣло: пули жужжали не только въ горахъ, въ темныхъ горныхъ трущобахъ, но и въ самомъ гор. Владикавказѣ опасно было жить; никто не брался за эту трудную работу, но бабы взялись, одѣлись по-ямщицки, и валяй на тройкѣ; иная въ полушубокъ завернетъ мальчонку, а иная его рядомъ съ собою посадитъ. Какую массу природныхъ силъ развиваетъ наша крестьянская женщина, и какую, стало-быть, бездонную пропасть этой женской силы безъ толку, злодѣйски, душегубски, удушаетъ мусульманскій порядокъ жизни въ милліонахъ своихъ гаремныхъ женщинъ. Не живутъ и не благословляютъ онѣ своихъ братьевъ солнца и племянниковъ луны, а сгниваютъ, тлѣютъ, сгораютъ сами отъ собственнаго, ни на что не направленнаго, живого огня жизни.

И есть уже признаки, что такъ будетъ не долго идти дѣло: какъ только умретъ валиде, мать султана, «всѣ женщины откроютъ лица», говорятъ одни; другіе говорятъ, что

женщины тотчасъ же снимутъ чадры и будутъ такъ же открыто ходить по улицамъ и смотрѣть въ окна, какъ и всѣ, — *«какъ только придутъ русскіе»*. О проявленіяхъ непокорства въ мусульманскихъ женщинахъ свидѣтельствуетъ и то, что передъ праздникомъ рамазана полиція публиковала правила, касающіяся женщинъ, и строжайше приказывала имъ соблюдать во время этихъ ночныхъ гуляній строжайшій мусульманскій этикетъ, т. - е. появляться на гуляньѣ съ завязаннымъ ртомъ, лицомъ и т. д. Очевидно, дѣло уже неладно. Гуляя ночью во время рамазана въ Стамбулѣ и глядя на безконечную вереницу каретъ, исключительно съ женщинами, мы не разъ замѣчали не только почти открытыя, вопреки полицейскимъ предписаніямъ, лица, но и папироску въ устахъ гаремной затворницы.

Но правовѣрный долженъ быть правовѣрнымъ и, зная, что идеалъ его — «всю жизнь не выходить изъ дома своего» — колеблется и шатается, въ то же время видитъ и чувствуетъ, что голова его отказывается выдумать какой-нибудь другой идеалъ, и поэтому всѣ усилія употребляетъ на то, чтобы всѣми правдами и неправдами дожить свой вѣкъ во имя этого идеала. Распродавая чужимъ людямъ свои государственныя богатства, онъ все-таки стремится «сидѣть дома, не выходить изъ дому» и охраняетъ этотъ порядокъ жизни отъ нашествія иныхъ порядковъ — только оружіемъ. Казармы, крѣпости, пушки, солдаты, военныя школы, артиллерійскіе дворы — первое, на что Турція обращаетъ серьезнѣйшее вниманіе. Только силою и можетъ держаться эта гниль.

Выходя изъ Стамбула на плашкоутный мостъ, соединяющій Стамбулъ съ Галатой и Перой, вы можете видѣть влѣво отъ себя весь турецкій флотъ. Онъ стоитъ въ глубинѣ бухты Золотого Рога, въ самомъ роскошномъ, живописномъ уголкѣ, бережется, какъ зѣница ока, у самаго сердца Стамбула. Флотъ въ большомъ порядкѣ и не малъ; пушки вычищены, прилажены къ своимъ мѣстамъ, и вообще весь видъ флота таковъ, что «хоть сейчасъ». Замѣчательно, что флотъ пріютился въ самомъ живописнѣйшемъ мѣстѣ Константинополя, въ Золотомъ Рогѣ, и что въ то время, когда на 15 верстахъ береговъ Босфора, частью вовсе не застроенныхъ, нѣтъ ни одной фабрики, ни одной дымовой или паровой трубы, здѣсь, въ Золотомъ Рогѣ, въ живописнѣйшей мѣстности, заведены мастерскія, кузни, пылаютъ доменныя печи, стонутъ паровики и несется ко-

ноть, дымъ. Испорчено самое живописное мѣсто, испорченъ удивительно прекрасный берегъ, отъ подножія котораго идетъ по террасамъ, поднимающимся къ Перѣ, роскошная кипарисовая роща. Но когда вы подумаете, до какой степени пушка, корабль, мониторъ, солдатъ, ружье и пуля важны для мусульманскаго міра, что это единственное его спасеніе и опора, то вамъ станетъ понятно, почему естественолюбивые турки рѣшились загрязнить это роскошное мѣсто мастерскими и всякимъ хламомъ, имъ сопутствующимъ: имъ надобно, чтобъ это было подъ руками, передъ глазами, около, близехонько. Самъ султанъ съ Ильдизъ-Кіоскомъ и гаремомъ, утопая въ великолѣпныхъ садахъ, затѣмъ вторично, уже вмѣстѣ съ садами, утопаетъ среди солдатскихъ казармъ и тысячъ солдатскихъ ружей и штыковъ.

V.

Теперь мы идемъ въ Перу, и врагъ, надвигающійся на бѣднаго турка, начинаетъ попадаться намъ все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся изъ Стамбула черезъ плашкоутный мостъ. И здѣсь уже европеецъ, европейскій костюмъ, европейски одѣтая женщина — кишмякишатъ среди турокъ, а черезъ нѣсколько секундъ мы и совсѣмъ уже въ европейскомъ городѣ.

Въ Перу мы попадаемъ помощью подземной желѣзной дороги, вокзалъ которой находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста. Пробывъ нѣсколько секундъ въ плохо освѣщенномъ вагонѣ, мы выходимъ на площадку къ новому, только-что оконченному фонтану; кругомъ европейскія постройки, отели, рестораны, кафе, посольскіе и консульскіе дома и дворцы; по-парижски одѣтыя дамы и мужчины, одѣтые съ иголочки, также по-парижски. Конечно, и здѣсь не обходится безъ типическихъ константинопольскихъ чертъ: собаки тѣ же, что и въ Галатѣ, и осель иной разъ рявкнетъ совершенно не по-парижски; но здѣсь вы ужъ не чувствуете затхлости Стамбула, здѣсь уже вѣетъ чѣмъ-то освѣжающимъ, дышится легче; словомъ, здѣсь вокругъ васъ все вамъ знакомѣй, подходящѣй и вообще покойнѣй. Такую обстановку жизни вы понимаете, глазъ присмотрѣлся къ ней, и если не поражается чѣмъ-нибудь особеннымъ, то и не оскорбляется ничѣмъ, какъ оскорбляетъ васъ помѣсь мусульманскаго и азіатскаго съ европейскимъ въ Стамбулѣ. Достаточно войти въ первый французскій ресторанъ, въ кафе, чтобы совершенно забыть, что вы въ Константинополѣ, на Востокѣ, въ

азіатчинѣ; все здѣсь какъ должно, — газеты, услужливая прислуга, карты кушаній, и кушанья все знакомыя, не то что какіе-то турецкіе чебуреки, къ которымъ и прикоснуться-то боишься.

Итакъ, мы очутились въ Европѣ. Кафе парижское, ресторанъ, гдѣ обѣдаемъ, тоже парижскій, и биргалле точь-въ-точь такое, какъ ему быть должно, и нѣмецъ въ биргалле такъ же сосетъ свою сигару, какъ подобаетъ ее сосать нѣмцу, и кегли стучатъ такъ же, какъ слѣдуетъ. Мы въ Европѣ несомнѣнно; но что значитъ это досадное состояніе духа, которое, зарождаясь понемногу, начинаетъ развиваться въ васъ постепенно, каждую минуту все сильнѣе и сильнѣе? Когда вы бывали въ европейскихъ центрахъ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, то та же самая обстановка и тотъ же обиходъ жизни, какой вы находите здѣсь въ Константинополѣ въ фотографической точности, — все это никогда не производило на васъ того дурного впечатлѣнія, какое производитъ здѣсь. Отчего вамъ нестерпимо скучно здѣсь, среди вполнѣ европейской обстановки жизни, т.-е. среди которой вамъ никогда не было такъ скучно, скверно, досадно, тускло?

Мало-по-малу это непріятное состояніе духа начинаетъ выясняться, т.-е. вы начинаете видѣть, что Европа-то точно Европа, но какъ будто бы *не вся*, что *въ этомъ* европействѣ чего-то не хватаетъ и, напротивъ, чего-то черезчуръ много. И очень недолго придется вамъ ждать отвѣта на вопросъ о томъ, чего именно здѣсь много и чего не хватаетъ. Не хватаетъ, такъ сказать, «парадныхъ комнатъ» европейской жизни, не хватаетъ «господъ» европейскаго жилого дома, не хватаетъ европейскаго генія, таланта, вкуса, мысли европейской не хватаетъ; словомъ, не хватаетъ всего, во имя чего *живетъ* Европа, во имя чего сложился извѣстный порядокъ. «Господа» — тамъ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Берлинѣ, въ Петербургѣ; здѣсь — задній дворъ Парижа, Лондона, Петербурга, Берлина; здѣсь прислуга, вкривь и вкось толкующая о господахъ: «спитъ», «пишетъ», «посылаетъ телеграмму»; тамъ, въ парадныхъ комнатахъ, вдали отъ задняго двора, возникаютъ планы, предпріятія, проекты, — словомъ, тамъ идетъ жизнь; здѣсь только исполняютъ приказанія, платятъ по счетамъ, не кушая отъ трапезы господъ, приносятъ тѣ покупки, за которыми посылали господа, и уносятъ то, что господа велѣли унести. Не разъ я спрашивалъ нашихъ константинопольскихъ аборигеновъ: «Да кто же населяетъ эти пятна-

дцать верстъ по обоимъ берегамъ застроеннаго Босфора? Кто живетъ въ биткомъ набитыхъ шестиэтажныхъ домахъ Перы, раскинувшейся на необозримое пространство?» И мнѣ всегда отвѣчали: «агенты», «банкиры», «комиссіонеры». Я задавалъ мой вопросъ потому, что никакой мѣстной производительности, ни завода, ни фабрики, ничего этого нѣтъ; а если есть, то въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что прокормить всю эту стотысячную массу по-европейски одѣтыхъ людей нѣтъ никакой возможности. Всѣ эти сотни тысячъ могутъ жить только на готовыя деньги; но богачей, тузовъ капитала, которые бы прочно устроились здѣсь на житье, воздвигли бы свои отели, парки, дворцы, — нѣтъ здѣсь. И, поживъ немного въ Константинополѣ, вы убѣдитесь, что ни одинъ магнатъ, ни одинъ крезъ, ни одинъ большой умъ не будетъ здѣсь жить: здѣсь нельзя жить; здѣсь можно только считать, платить, получать, — словомъ, дѣлать черную работу денегъ, а проживать ихъ можно только въ настоящемъ, жиломъ европейскомъ мѣстѣ. И точно: ни театра, ни литературы, ни малѣйшихъ признаковъ общественнаго интереса, ничего нѣтъ здѣсь. Все второй, даже третій сортъ; все одѣто въ платье изъ магазина готоваго платья, одѣто шаблонно по-солдатски, однообразно. На гуляньѣ, въ саду, стоящемъ на высотѣ противъ Золотого Рога, вы видите отборное константинопольское европейство, и все оно средняго, даже третьяго сорта, средняго приличія, шаблоннаго благообразія, мѣщанскаго щегольства; ни одного выдающагося лица, костюма — ни у мужчинъ ни у женщинъ. Француженки, нѣмки, гречанки, итальянки, всѣ онѣ равняются своимъ купленнымъ костюмомъ, однообразіемъ невысоко парящаго вкуса въ туалетѣ и значительно-буржуазною скромностью въ проявленіи умѣнья жить въ свое удовольствіе. Толстоваты онѣ всѣ, грубоваты ихъ корсеты и турнюры, неказисты головные уборы, невыразительны лица, да и рѣчи тоже больше такія, какія говорятся «подъ музыку» и «на гуляньѣ», а музыка, какъ и вездѣ, «который былъ моимъ папашей» играетъ, а публика гуляетъ, а погулявъ, чинно-благородно идетъ по домамъ, спать. Все европейство, которое пришло сюда, все оно средней руки, конторскаго типа, умѣренное и аккуратное, весьма пригодное для того, чтобы женщина, вкусившая его, была примѣрной женой конторщика, конечно, примѣрнаго и аккуратнаго и, конечно, вкусившаго того же самаго аккуратно-умѣреннаго европейства.

Мало-по-малу вы окончательно убѣждаетесь, что Константинополь, ничтожный и ничего не означающій какъ центръ мусульманства, ничтожный какъ городъ европейскій, имѣетъ огромное значеніе какъ *одно изъ звеньевъ* огромнаго многосложнаго механизма европейской жизни. Здѣсь ничего не производится, ни въ какомъ отношеніи ни умъ, ни талантъ, ни изобрѣтательность ничего здѣсь не создали и не создадутъ. Въ европейскомъ обществѣ раздѣленнаго труда, для проявленія дѣятельности человѣческаго генія, есть другія мѣста и другого типа люди; здѣсь только перебрасываютъ выдуманный и сдѣланный въ Англіи ситецъ съ одного корабля на другой, записываютъ въ книгу, выдаютъ квитанціи, пишутъ коносаменты, уплачиваютъ, получаютъ и передаютъ хозяевамъ въ Европу; здѣсь передаточная станція между европейской фабрикой и всѣмъ свѣтомъ, источникомъ и средствомъ этой жизни. Всѣ эти тысячи домовъ, унизывающіе берега Босфора, эти горы домовъ въ самомъ Константинополѣ, биткомъ набитыя шаблоннаго типа народомъ, какъ бы оптомъ купленнаго въ «магазинѣ готовыхъ людей», все это, дѣйствительно, населено мелкой сошкой, маленькими винтиками въ огромномъ европейскомъ механизмѣ. Все это населеніе скучно, низменно, мелко, неинтересно само по себѣ, но какъ *частица* механизма европейской фабрики, какъ винтъ, необходимѣйшій въ этомъ механизмѣ, оно невольно заставляетъ васъ думать именно объ этомъ механизмѣ, во всей его широтѣ, во всемъ объемѣ и значеніи.

«Владѣть Константинополемъ значитъ владѣть міромъ»,— сказалъ, кажется, Наполеонъ; я понялъ эти слова, сидя здѣсь въ саду, надъ Золотымъ Рогомъ, глядя на эту ординарную публику и слушая ординарный оркестръ, наигрывавшій «который былъ моимъ папа-а-а-шей». И теперь вѣдь Константинополемъ владѣетъ султанъ, не безъ начальства эта земля, но міромъ онъ, кажется, не владѣетъ. Этому слову, слѣдовательно, надобно придавать совсѣмъ не то значеніе, какое оно имѣетъ съ перваго взгляда: владѣть міромъ можно именно здѣсь, въ этомъ пунктѣ, въ этой передаточной станціи, въ одной изъ точекъ огромнаго тѣла Европы, только тогда, когда владѣтель захочетъ прекратить правильное теченіе соковъ въ организмѣ; прервн онъ сообщеніе европейскихъ фабрикъ съ рынками всего свѣта и сообщеніе сырья всего свѣта съ фабриками Европы, и онъ не только будетъ владѣть всѣмъ свѣтомъ, но прекратитъ

во всемъ свѣтѣ дыханіе, жизнь, разрушитъ все сущее, весь порядокъ, все, чего достигла цивилизація; словомъ, *все* разрушитъ.

Не знаю, рисовали ли въ своемъ воображеніи эту картину о прекращеніи кровообращенія во всемъ мірѣ тѣ наши патріоты, которые утверждаютъ, что намъ необходимо «владѣть» Константинополемъ. Если они не нарисовали ея, то пусть попробуютъ представить себѣ, что̀ будетъ, положимъ, въ фабричномъ механизмѣ, если какимъ-нибудь образомъ мы вынемъ изъ него одинъ только винтъ, — повидимому, ничтожный, но на самомъ дѣлѣ важный, какъ и все важно и нужно въ извѣстномъ механизмѣ. Немедленно же все въ механизмѣ придетъ въ разстройство, все затрещитъ, зашатается, и начнется разстройство и разрушеніе. На это полное разстройство европейскихъ порядковъ, всего европейскаго строя жизни, непремѣнно должны разсчитывать всѣ тѣ, кто придаетъ слову «владѣть» идею «власти надъ міромъ». Но не думаю, чтобы наши патріоты такъ ужъ стремились къ разрушенію существующаго европейскаго порядка. Не хватитъ у нихъ на это смѣлости, да и фантазіи не хватитъ на то, чтобы представить себѣ, какого рода порядками могли бы они замѣнить уничтоженные.

Но если затруднительно рѣшиться на задушеніе и разрушеніе всего европейскаго строя жизни, и если не хватаетъ фантазіи создать что-либо новое, то владѣть Константинополемъ такъ, чтобъ въ то же время владѣть міромъ, мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если, признавъ существующій европейскій механизмъ за неразрушимый, сами сдѣлаемся въ немъ первенствующими дѣятелями, т.-е. если теперь весь цивилизованный міръ имѣетъ въ Константинополѣ милліонъ своихъ приказчиковъ, то намъ, чтобы преобладать надъ міромъ, не разрушая «существующаго порядка вещей», намъ надобно имѣть два милліона, вмѣсто тысячи кораблей—двѣ тысячи, вмѣсто тысячи фабрикъ—двѣ тысячи фабрикъ; словомъ, намъ надобно развить въ своей странѣ всѣ европейскіе порядки и довести ихъ до высшей степени. Не сдѣлай мы этого, мы будемъ владѣть Константинополемъ такъ же, какъ владѣютъ турки, т.-е. не только не владѣя всѣмъ міромъ, но не владѣя ровно ничѣмъ.

Съ другой стороны, чтобы по-европейски преобладать надъ европейскими порядками, намъ давно слѣдовало бы жить вовсе не такъ, какъ мы живемъ: намъ слѣдовало и

слѣдуетъ обезземелить нашихъ крестьянъ, распространить и развить до огромныхъ размѣровъ пролетаріатъ, накопить милліоны голодныхъ рабочихъ, предлагающихъ за безцѣнокъ свои рабочія руки; словомъ, намъ нужно было бы давно развести въ своемъ отечествѣ всѣ европейскія язвы, и тогда нашъ ситецъ, нашъ сахаръ, сукно—убили бы европейскій ситецъ, сахаръ и сукно; нашъ приказчикъ возобладалъ бы надъ европейскимъ, оттеръ бы его, а за нимъ оттеръ бы и подавилъ капиталиста, и нашъ капиталъ всосалъ бы въ себя капиталы міра. Вотъ тогда мы опять, владѣя Константинополемъ, были бы въ то же время и владыками міра. Но развѣ мы не опоздали въ этомъ направленіи? Развѣ мы догонимъ на этомъ пути Европу? Развѣ мы поспѣемъ наконецъ разстроить нашъ народъ до такой степени, чтобы онъ сталъ дѣлать самый дешевый въ мірѣ ситецъ? И какія бы усилія мы ни дѣлали для того, чтобы разстроить и расшатать нашъ народный организмъ, для того, чтобы пожинать успѣхи и лавры на европейскій образецъ, мы во всякомъ случаѣ «опоздали» уже. «Не догнать тебѣ бѣшеной тройки!» по части ситцевъ и миткалей. Не надо бы крестьянъ освобождать да гуманствовать, а ужъ послѣ того, какъ согрѣшили противъ Европы, сдѣлали одинъ разъ по совѣсти, уже теперь поворачивать назадъ невозможно; ничего путнаго не выйдетъ, т.-е. пролетаріатъ, пожалуй, можно сдѣлать и у насъ, и даже очень, очень хорошій пролетаріатъ, только не знаю, будетъ ли онъ ситцы дешевые дѣлать; онъ уже отвѣдалъ удовольствія мечтать о томъ, что онъ «самъ хозяинъ», и едва ли возблагоговѣетъ предъ перспективою вѣчной поденщины. Нѣтъ, вообще поздно-поздно намъ догонять Европу по части ситцевъ и сахаровъ. А владѣть Константинополемъ и міромъ во имя ситцеваго преобладанія надъ Европой, и притомъ владѣть сейчасъ, теперь же, это даже и не мечтаніе, а нѣчто не подлежащее никакому сужденію.

Но, послѣ всего этого, зачѣмъ же мы стремимся сюда? Зачѣмъ намъ св. Софія, зачѣмъ намъ Константинополь, и во имя чего тѣ огромныя жертвы, которыя мы готовимся принести? Да наконецъ во имя чего, какого Бога все это? Хотимъ ли мы перервать въ этомъ пунктѣ артерію мірового капиталистическаго кровообращенія и обезкровить Европу, со всѣми ея порядками и строемъ жизни, и на разрушенномъ выстроить новое? Нѣтъ, такой прямой и жестокой цѣли у насъ нѣтъ; напротивъ, мы сами постоянно

разстраиваемъ себя, добровольно заражая себя европейскими недугами, и нашей, не-европейской формулы жизни—нѣтъ, мы не скажемъ ее въ двухъ словахъ.

Если же мы не хотимъ, не можемъ и наконецъ не имѣемъ достаточно ясныхъ доводовъ, которые бы давали намъ право перервать кровеносный сосудъ и обезкровить весь существующій европейскій организмъ, то пересилить этотъ организмъ на томъ поприщѣ, на которомъ онъ дѣйствуетъ, превзойти его въ его же дѣлахъ, въ его успѣхахъ, это для насъ, для нашей самостоятельности — очевидная гибель и смерть. И этого мы не хотимъ и не можемъ сдѣлать, хотя и дѣлаемъ, то-есть заражаемъ сами себя европейскимъ зломъ.

Итакъ, опять-таки: чего же мы хотимъ, зачѣмъ намъ нужно быть здѣсь, что̀ мы сдѣлаемъ, что̀ мы скажемъ новаго всему свѣту, когда наконецъ придемъ сюда?

Эти вопросы неотступно угнетали меня въ тотъ самый вечеръ рамазана, когда султанъ праздновалъ свой бракъ. Я и кой-кто изъ русскихъ сидѣли вечеромъ въ саду, слушали музыку, смотрѣли на иллюминованный флотъ въ Золотомъ Рогѣ. Вокругъ насъ кишѣла толпа константинопольскаго европейства, та самая буржуазія третьяго сорта, о которой я уже говорилъ; эта третьяго сорта прислуга европейскихъ господъ ежесекундно напоминала мнѣ о самихъ господахъ, заставляла думать *обо всемъ* строѣ европейской жизни, напирающей на этотъ замкнутый и разлагающійся міръ азіатскій. Никогда, какъ въ этотъ вечеръ торжества съ самымъ низменнымъ и унижающимъ человѣка смысломъ, никогда болѣе ярко не представлялось мнѣ безсиліе всей этой азіатчины передъ напряженно-дѣятельнымъ европейскимъ міромъ, идущимъ ей на смѣну, стирающимъ лѣнивца съ лица земли, для того, чтобы добыть хлѣбъ своимъ труженикамъ, силу своему генію, пищу своему неумолчно-работающему уму... Эти приказчики съ приказчиками ежесекундно говорили о напряженномъ трудѣ европейскаго общества; эти огни, фейерверки, музыка—говорили объ апатіи, лѣни и умираніи... Мы-то при чемъ тутъ? И при чемъ тутъ св. Софія?

Св. Софія невольно вспомнилась мнѣ, какъ одинокая, чуждая среди этихъ двухъ совершенно опредѣленныхъ теченій константинопольской жизни,—и какая-то жалость къ этой лишней, одинокой, сумрачной зрительницѣ чуждыхъ ей жизней, цѣлей и стремленій взяла меня за сердце. Взяла

меня за сердце почему-то жалость и къ намъ: и мы чужды всему этому, чужды такъ же, какъ и Софія; но вотъ мы почему-то здѣсь, почему-то хотимъ быть здѣсь, и оба въ какомъ-то странномъ, неопредѣленномъ положеніи.

IX. Непривычное положеніе *).

(Впечатлѣнія поѣздки по Дунаю 87 года).

I.

Въ былыя времена крѣпостного права, когда въ обществѣ чиновниковъ, купцовъ и господъ могли встрѣчаться «вышедшіе въ люди» крѣпостные крестьяне, нерѣдко, при встрѣчѣ другъ съ другомъ незнакомыхъ людей (особливо въ дорогѣ, на постояломъ дворѣ и чаще всего зимой, равнявшей всѣ сословія однообразіемъ дорожнаго костюма), приходилось слышать вопросъ: *Вы чьи будете?* Отвѣты на этотъ вопросъ бывали разные: одинъ съ гордостью отвѣтитъ: «Я—чиновникъ!» Другой, напротивъ, не безъ нѣкотораго конфуза, скромно скажетъ: «Мы? Мы шереметевскіе-съ!» Третій, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить: «Я—помѣщикъ», только покосится на вопрошателя и скажетъ: «Что-о?», и тѣмъ вполнѣ уяснитъ свое положеніе въ обществѣ. Но тотъ, кто не былъ ни чиновникомъ, ни бариномъ, ни крѣпостнымъ въ старыя крѣпостныя времена, все-таки и онъ весьма точно могъ характеризовать свое положеніе и на вопросъ: «Вы чьи?»—довольно увѣренно отвѣчалъ: «Мы? Мы *свои* будемъ!»

А вотъ мнѣ, такому россіянину, какъ тотъ, который въ былыя времена увѣренно могъ говорить о себѣ: «Я свой!», спустя десятки лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права, когда уже самая тѣнь возможности спросить живого человѣка: «Вы чей?»—исчезла безслѣдно,—мнѣ, помнившему эти минувшія времена только по наслышкѣ, нежданно-негаданно пришлось стать лицомъ къ лицу съ этимъ требованіемъ дать отвѣтъ на вопросъ: «Вы чьи будете?»—и испытать полнѣйшую невозможность вымолвить простой и возможный даже въ старину отвѣтъ: «Я? Я *свой*». И вѣдь кто приставалъ-то ко мнѣ съ этимъ назойливымъ вопро-

*) «Р. М.» 88 г., т. I.

сомъ? Приставалъ ко мнѣ самъ «славный тихій Дунай», приставали ко мнѣ съ этимъ вопросомъ его берега, и правый и лѣвый, задавая мнѣ одинъ и тотъ же вопросъ. Оба они совершенно другъ на друга не похожи, оба другъ другу враждебны, оба требовали отъ меня сочувствія своимъ цѣлямъ и желаніямъ, и такимъ образомъ оба, поставивъ меня въ невозможность даже ротъ открыть, чтобы сказать: «Я свой!»—довели до необходимости сознаться въ глубинѣ души, что я—*ничей!*

II.

Столь прискорбный результатъ получился однакоже не безъ существенныхъ основаній; необходимо было не разъ и не два проѣхать по Дунаю (дѣло происходило послѣ нашего разрыва съ Болгаріей), чтобы постепенно придти въ то безъидейное состояніе, о которомъ выше шла рѣчь. Начало поѣздки по Дунаю, предпринятой главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе желанія чему-нибудь поучиться, что-нибудь узнать, начало этой поѣздки, весною 87-го года, далеко не походило на ея окончаніе.

Въ первые дни поѣздки, когда пароходъ шелъ между румынскими берегами, и слѣдовательно приходилось созерцать цивилизацію «второго сорта», безъидейный впослѣдствіи путешественникъ позволялъ себѣ даже пронизировать надъ этими европейскими порядками жизни второго сорта. Дѣйствительно, начиная съ Сулина, этого вполнѣ нейтральнаго, международнаго пункта, во всѣхъ портовыхъ румынскихъ городахъ никогда не было недостатка въ явленіяхъ, хотя и европейскаго порядка жизни, но въ высшей степени не радующихъ и нескладныхъ здѣсь, въ мѣстахъ еще недавно совершенно не цивилизованныхъ.

По внѣшнему виду, все въ этихъ по-европейски аранжированныхъ государствахъ и городахъ кажется какъ будто бы точно европейскимъ: такія же на парижскій манеръ улицы, та же парижскаго образца архитектура домовъ, тѣ же кафе и какъ будто тѣ же люди, сидящіе за желѣзными столиками съ мазаграномъ и за игрой въ домино.

Но вотъ этотъ лохматый мужикъ, орущій на всю улицу и продающій теленка, этотъ ободранный босой нищій, эта цыганка, растрепанная и, какъ собака, отгоняемая отъ парижскаго кафе, все это какъ будто бы и не по-парижски, и все это вовсе не соотвѣтствуетъ неожиданному появленію на этой не вполнѣ парижской улицѣ совершенно подлин-

наго индійскаго набоба. Этому набобу самое бы настоящее мѣсто въ Гайдъ-Паркѣ или Булонскомъ лѣсу: тамъ ему и мѣсто есть, гдѣ прокатиться, и публика для него подходящая, и часъ наконецъ опредѣленный; а вотъ тутъ, въ этомъ Брайловѣ, по-парижски обдѣланной деревнѣ, онъ, право, не къ мѣсту; со своимъ огромнѣйшимъ экипажемъ, на огромнѣйшихъ колесахъ, съ огромнѣйшимъ хлыстомъ, этотъ по-парижски одѣтый истуканъ вѣдь только еле-еле можетъ выбраться изъ узенькаго переулка. Точно колокольня между деревенскими лачужками, выѣхалъ онъ на площадку и сразу загородилъ ее всю; одна изъ двухъ лошадей, запряженныхъ цугомъ, принуждена была свернуть уже въ другой переулокъ, играющіе въ домино должны были посторониться отъ бича, а телѣга съ теленкомъ уже зацѣпилась за золоченое колесо. Еле выбравшись изъ одного переулка, брайловскій набобъ еле вбирается въ другой, оставивъ впечатлѣніе ошеломляющее и довольно глупое.

Не подходитъ также и это съ зеркальными стеклами зданіе, съ вывѣской *Bursa*, наполненное гешефтмахерами, къ уличной ободранной толпѣ полудикаго вида мужиковъ, и нѣтъ вообще во всемъ строѣ этой на иностранный манеръ, по шаблону (какъ кухмистеры ставятъ купеческія свадьбы) поставленной жизни—цѣльности, неразрывности одного явленія жизни съ другимъ. Настоящій парижскій депутатъ, домохозяинъ этого консьержа, различны въ матеріальномъ отношеніи, въ положеніи, образованіи, но однородны въ интересахъ жизни и вопросахъ дня. Слово «свобода» одинаково понятно тому и другому. Здѣсь же баринъ знаетъ это не хуже французскаго депутата, а его лакей или дворникъ даже и не слыхалъ этого слова и покорно пріемлетъ подзатыльникъ за нехорошо вычищенные этому барину, представителю народа, сапоги.

Но, несмотря на то, что всего этого нерадующаго и нескладнаго, дѣйствительно, довольно много встрѣчается на каждомъ шагу,—не могу утаить, что мое особенное душевное настроеніе побуждало меня какъ бы выискивать это нескладное для собственнаго успокоенія, и поэтому я былъ очень радъ, когда въ Добруджѣ сѣли на пароходъ два сулинскихъ мужика, два нашихъ россіянина-липована, и когда на мой вопросъ: «хорошо ли вамъ, господа, живется въ Румыніи?», оба мужика въ одинъ голосъ воскликнули: «ободралъ насъ румынъ, начисто ободралъ!»—такъ повѣрите ли? мнѣ стало даже просто пріятно и легко... Ру-

мынская *индипенденца* безпокоила меня, съ непривычки заставляла думать о чемъ-то, что нарушало душевную мертвую тишину, а когда я услыхалъ слово: «ободралъ»— такъ во мнѣ сразу установилось что-то уравновѣшенное; слово это не требуетъ ни малѣйшаго напряженія мысли, оно мнѣ знакомо, я сжился съ нимъ вплотную. Слово «индипенденца» меня безпокоитъ, а «ободралъ», напротивъ, успокаиваетъ, вытѣсняетъ «индипенденцу» изъ моихъ мыслей, а стало-быть, и не тревожитъ ее.

Бывали случаи, когда дѣйствительно «хорошее», противъ чего не находилось никакихъ подходящихъ оборонительныхъ средствъ, такъ сильно на меня дѣйствовало, что оставалось только одно: отвернуться и не смотрѣть. Огорчило меня однажды до глубины души дѣйствительно превосходное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня новоустроенный сулинскій рукавъ. Давно ли не было по немъ прохода и проѣзда? Трясина, болото, невылазная грязь покрывали огромное пространство устьевъ Дуная. А теперь, когда онъ находится въ распоряженіи международной комиссіи, во главѣ которой полнымъ и единственнымъ хозяиномъ стоитъ англичанинъ, посмотрите, что сталось съ этимъ невылазнымъ болотомъ! Въ болотѣ прорытъ настоящій каналъ, берега укрѣплены, мѣстами обшиты камнемъ, всѣ болотные протоки загорожены, загорожены всѣ мели, — словомъ, все приведено въ такое превосходное состояніе, что по недавнему болоту теперь совершенно свободно могутъ ходить океанскіе пароходы, достигая Браилова, т.-е. проникая почти въ самый центръ Европы... Заскучалъ я отъ всего этого ужасно и, чтобы не разстроиться окончательно, пересталъ совсѣмъ смотрѣть на англійскія сооруженія и продолжающіяся еще работы по очисткѣ русла, а направилъ стекла большого пароходнаго бинокля на берегъ, на эти маленькія какія-то хижинки. И что же? Сразу же и успокоился!

Съ поразительною ясностью приблизилъ къ моему взору этотъ же самый бинокль наши россійскія хатки, хибарки, лачужки нашихъ россійскихъ мужиковъ-рыболововъ. Все въ нихъ, въ ихъ житьѣ, въ ихъ костюмѣ, было, дѣйствительно, *наше,* достовѣрное, прочно установившееся и успокаивающее боящійся тревоги духъ: у маленькихъ восьмилѣтнихъ ребятишекъ — отцовскія шапки до плечъ, а сами отцы, по обыкновенію, безъ шапокъ и босикомъ. «Легки лодочки», на которыхъ эти вольные люди, напоминающіе

«разбойничковъ», разъѣзжаютъ по Дунаю, разъѣзжаютъ безъ сапогъ, безъ шапокъ и съ кускомъ доски изъ забора, вмѣсто весла, въ рукахъ, сразу разсѣяли во мнѣ горькое чувство оскорбленія, нанесенное моему сердцу англійскими каверзами въ сулинскомъ рукавѣ, унесли мои мысли въ воспоминанія объ атаманахъ-молодцахъ, о вольныхъ казакахъ, о привольномъ, удаломъ разбойничьемъ житьѣ (я передъ этимъ былъ въ Константинополѣ и познакомился съ атаманами-молодцами), и, право, такъ во мнѣ разыгрались казацкіе инстинкты, что и самому мнѣ захотѣлось помутить гдѣ-нибудь въ неприступныхъ мѣстахъ, съ вольными людьми на легкихъ лодочкахъ, и вмѣстѣ съ славнымъ добрымъ молодцемъ, вольнымъ казакомъ Ашиновымъ, покорить какихъ-нибудь нехристей. Словомъ, «молодецкія» мечтанія на тысячи верстъ отнесли меня отъ европейской, второго сорта, дѣйствительности, и ѣхалъ я по Дунаю въ веселомъ, стенько-разинскомъ настроеніи, чувствуя только одно, именно что и «чортъ намъ, съ Ашиновымъ, не братъ», и что, во всякомъ случаѣ, я могу рѣшительно ни о чемъ не безпокоиться.

III.

Но вотъ пароходъ пристаетъ къ первому болгарскому городу, Силистріи, и дѣла принимаютъ другой оборотъ. Начинаетъ дѣйствительность пресѣкать «вольныя казацкія» мечтанія и выказываетъ къ путешественнику крайнюю нелюбезность.

— Позвольте, — спрашиваешь болгарскаго городового, расхаживающаго по плохонькой силистрійской пристани:— позвольте пройти въ городъ на часокъ?

— Не можно!

Городовой очень похожъ (по идеѣ, конечно, выражающейся въ манерахъ и пріемахъ) на того самаго городового Бурнуса, который у насъ въ Петербургѣ *по ошибкѣ* исколотилъ (вмѣсто того, чтобы защитить) доктора Дедюлина и его жену (она потомъ умерла отъ этого), и того другого, однокашника Бурнуса, который также *по ошибкѣ* «сгребъ» извѣстнаго артиста В. Н. Давыдова, который обратился къ нему также за какой-то услугой. По обыкновенію, послѣ *ошибки* и Бурнусъ и его однокашникъ подавали къ мировому, одинъ на Дедюлина, другой на Давыдова, за нарушеніе «общественной тишины».

— Не можно? Отчего же?

Молчаніе непреклонное.

— Г. офицеръ! Будьте добры, позвольте намъ выйти на берегъ. Мы русскіе!—сказалъ я.

— Не можно! не можно!—возопилъ офицеръ и возопилъ даже съ нѣкоторымъ испугомъ.

По счастію, на пароходѣ былъ какой-то полякъ, который былъ тоже на пристани вмѣстѣ со мною. Онъ хорошо говорилъ по-болгарски. Рѣчь его, вѣроятно, была убѣдительна, потому что офицеръ, хотя и пощелкалъ языкомъ какъ-то сожалительно, но пропустилъ насъ, давъ городовому какія-то приказанія.

Мы пошли, а городовой за нами. Пока мы что-то ѣли въ маленькомъ грязномъ турецкомъ кафе, городовой сидѣлъ у двери на корточкахъ, обхвативъ руками шашку (образецъ нашъ). Когда мы вышли изъ кофейни и пошли по улицѣ погулять, то городовой шелъ также съ нами, немного поодаль, и какъ только поровняется съ фонаремъ (городовой былъ выше фонарныхъ столбовъ), такъ и прибавитъ въ керосиновой лампочкѣ огонь.

Погуляли мы немного и, сопровождаемые городовымъ, тихо и смирно возвратились въ отечество, поблагодаривъ, конечно, благосклонное начальство.

А бываетъ еще и такъ.

— Что, будутъ пускать на берегъ въ Рущукѣ? — спрашиваешь матроса.

— Наврядъ чтобы пустили! — отвѣчаетъ матросъ, покачивая головой.—Очень строго стало!

Подъѣзжаемъ. «Человѣкъ», служащій при буфетѣ, идетъ узнать, пустятъ ли? Возвращается и говоритъ:

— Никого не пущаютъ! Буфетчицу, и то на рынокъ не хотѣли пустить. Нѣтъ, ужъ вамъ не рука идти!

— По крайней мѣрѣ, купи хоть газетъ.

— Да и газетчика не пустили на пароходъ. Ни на пароходъ ни съ парохода!

— Пошли булочника, пусть онъ сходитъ въ городъ и принесетъ.

Булочникъ побѣжалъ и скоро принесъ «Свободу» и «Независимость». Но едва «человѣкъ» взялъ эти газеты, какъ болгарскій Бурнусъ ястребомъ налетѣлъ на него и «сцопалъ» газеты (не знаю, какъ по-болгарски «сцопалъ»).

— Такъ, по крайней мѣрѣ, возвратите деньги!—сказалъ служащій.

Бурнусъ поднялъ кулакъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ деньги!.. Хочешь по шеѣ?

— Когда такъ,—сказалъ «служащій»:—такъ, по закону Линча, и я по шеѣ отвѣчу.

И Бурнусъ и лакей подняли кулаки.

Въ этотъ моментъ изъ кафе выскочилъ какой-то офицеръ и закричалъ на Бурнуса:

— Ты чего грозишь ему кулакомъ? Коли его штыкомъ!

«Человѣкъ» опрометью бросился на пароходъ, за нимъ опрометью Бурнусъ и вслѣдъ за однимъ Бурнусомъ другой. Служащій при буфетѣ едва перескочилъ черезъ бортъ и очутился на нейтральной почвѣ: болгарская полиція сама не входитъ на русскій пароходъ (боится, что увезутъ въ Сибирь), какъ и русскихъ не пускаетъ на берегъ.

Такія нелюбезныя отношенія, очевидно, не способствовали развитію въ путешественникѣ своевольныхъ идей, а скоро обнаружилось, что и самый пароходъ, гораздо болѣе, чѣмъ Бурнусъ на пристани, препятствуетъ такому своевольству мыслей путешественника. Русское пароходное общество, устроившее пароходное сообщеніе между Одессой и Систовымъ съ самыми простыми торгово-промышленными цѣлями, волею судебъ и политическихъ обстоятельствъ, получило самое неблагопріятное значеніе для всякаго проѣзжающаго на этихъ пароходахъ. Произошло это главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія въ Болгаріи официальныхъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ, вслѣдствіе чего русскіе пароходы и должны были сдѣлаться единственнымъ связующимъ звеномъ между болгарскими эмигрантами и ихъ родственниками, оставшимися въ Болгаріи.

Эмигрантовъ въ это время было множество; только-что окончилось рущукское возстаніе, которое приписывали русскимъ интригамъ, и неудивительно, что «посредникъ» между врагами регентства, явными и тайными, сдѣлался предметомъ ненависти. Капитанъ русскаго парохода, не желая навлекать на свое торговое дѣло непріятностей со стороны регентства, конечно, могъ бы отказать болгарскому эмигранту, живущему, положимъ, въ Одессѣ или Румыніи, передать письмо его женѣ, оставшейся въ Болгаріи, но можетъ ли онъ это сдѣлать по совѣсти? можетъ ли онъ запретить опускать въ почтовый ящикъ на пароходѣ письма, адресованныя въ Россію, можетъ ли не принять на пароходъ пассажира, спасающагося отъ политическаго преслѣдованія? Отказать во всемъ этомъ невозможно, какъ невозможно не брать пассажировъ, разъ они взяли

билеты, невозможно не пускать на пароходъ посѣтителей съ болгарскаго берега, желающихъ переговорить съ какимъ-нибудь болгариномъ, проѣзжающимъ изъ Румыніи или Россіи. Все это ставитъ пароходную администрацію въ большія затрудненія, которымъ однако необходимо покоряться волей-неволей, и, благодаря такому стеченію обстоятельствъ, вышло такъ, конечно, *само собой*, что на русскомъ пароходѣ, въ первомъ, и второмъ, и третьемъ классахъ, ѣдутъ и встрѣчаются большею частью только приверженцы или рекомендующіе себя приверженцами «русской партіи».

Если на пароходъ пришелъ болгаринъ съ румынскаго берега, т.-е. эмигрантъ, значитъ онъ человѣкъ русской партіи. Если на пароходъ сѣлъ болгаринъ съ болгарскаго берега, значитъ онъ тоже человѣкъ русской партіи, иначе, рискуя на русскомъ пароходѣ встрѣтиться съ врагомъ, онъ бы поѣхалъ на австрійскомъ пароходѣ; если на пароходъ сѣлъ просто какой-нибудь русскій, то, въ виду перерыва торговыхъ сношеній, онъ тоже долженъ быть не чѣмъ инымъ, какъ эмигрантомъ: значитъ, что у него осталась на болгарскомъ берегу семья, жена, наконецъ просто имущество; ѣдетъ дама-болгарка, ей некуда ѣхать на русскомъ пароходѣ иначе какъ въ Россію, — значитъ, она ѣдетъ къ эмигрировавшему мужу, брату, родственникамъ. Словомъ, всѣ эмигранты русскіе, бывшіе на болгарской службѣ и оставившіе свои семьи въ Болгаріи, всѣ эмигранты болгарскіе, находящіеся въ Румыніи и Россіи, не могутъ иначе сноситься по какимъ бы то ни было дѣламъ между правымъ и лѣвымъ берегами Дуная, какъ при посредствѣ русскаго парохода, и слѣдовательно на русскомъ пароходѣ, и особенно въ первомъ и второмъ классахъ, вы всегда можете встрѣтить очень много людей, *неизбѣжно* принадлежащихъ къ русской партіи и пострадавшихъ въ борьбѣ за славянскую идею.

И вотъ почему настала наконецъ въ жизни путешественника, начавшаго поѣздку съ своевольными мыслями, такая поучительная минута, вслѣдствіе которой онъ совершенно притихъ, ибо имѣлъ случай съ полною ясностью познать, что̀ такое означаетъ «русскій пароходъ на Дунаѣ».

IV.

Произошло это событіе при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ теперь помню тихій, темный, теплый апрѣльскій

вечеръ, когда одинъ изъ этихъ самыхъ пароходовъ Черноморско-Дунайскаго общества *(Черноморско-дунавско параплувно дружество)* остановился на ночлегъ у какой-то болгарской пристани, — быть-можетъ, той же Силистріи и Туртукая. Чай былъ отпитъ, время было позднее, и всѣ хотѣли спать, особливо я, человѣкъ, уже начавшій утрачивать цѣль своего путешествія. Тихо, свѣтло и спокойно было въ общей каютѣ перваго класса; пассажировъ почти не было, а всякаго рода начальство, которому предстояло вставать чѣмъ-свѣтъ, разбрелось по каютамъ не то спать, не то побалагурить за бутылкой дешеваго и славнаго болгарскаго вина, такъ что за большимъ общимъ столомъ, подъ ярко горѣвшею лампой, позѣвывая и протирая глаза передъ тѣмъ, чтобы крѣпко закрыть ихъ до утра,—сидѣли только два человѣка: я да купецъ-липованинъ, фигура, хотя и желавшая держаться по-европейско-румынски, т.-е. поопрятнѣй и пофрантоватѣй, но тѣмъ не менѣе сохранившая въ чертахъ лица и въ манерѣ разговора всѣ чисто-русскіе черты и пріемы. Ѣхалъ онъ по Дунаю по коммерческимъ дѣламъ (рыбная часть) и былъ въ своемъ родѣ піонеромъ русскаго дѣла, хотя бы и по рыбной только части. Оба мы, долгое время молча сидѣвшіе на палубѣ и взиравшіе на мрачныя очертанія мрачныхъ турецкихъ крѣпостныхъ построекъ, вѣявшихъ еще мрачными временами «туречины», наконецъ наглядѣлись на все это, одинаково пришли къ мысли, что хотя темныя времена туречины миновали, но что мечтать о будущемъ этихъ историческихъ мѣстъ не подлежитъ сужденію нашему, посторонихъ россійскихъ людей, и что, вмѣсто этихъ безплодныхъ сужденій, намъ именно лучше всего спуститься въ каюту и лечь спать.

Такъ мы и сдѣлали. но, войдя въ каюту, неожиданно увидѣли, что на столѣ валяется нѣсколько нумеровъ разныхъ болгарскихъ и румынскихъ газетъ; румынскія газеты мы уже видали, видали и болгарскія газеты лѣваго румынскаго берега, но болгарскихъ газетъ съ болгарскаго берега не видали, и это заставило насъ на минуту присѣсть у стола и поразсмотрѣть, что̀ такое въ этихъ газетахъ? Принялись мы разсматривать ихъ, позѣвывая и протирая слипавшіяся вѣки, но достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы понять кое-что изъ напечатаннаго на полупонятномъ намъ языкѣ, чтобы и сонъ и зѣвоту «какъ рукой» сняло съ насъ.

Не знаю, былъ ли и липованинъ потрясенъ теперь такъ же, какъ и я (мнѣ не до того было, чтобы наблюдать за нимъ), но я былъ потрясенъ настоящимъ образомъ. Первая же статейка, напечатанная въ газетѣ, издающейся на болгарскомъ берегу (Излиза дважъ въ седмицата. Цѣната му-е единъ брой 20 стотинокъ), невольно остановила мое вниманіе своимъ заглавіемъ: *Русскитѣ параходи по Дунавъ* и съ первой же строчки разогнала мой сонъ, заставила совершенно забыть о покойномъ тюфякѣ каюты, втянувъ меня въ область какихъ-то совершенно для меня непривычныхъ и, главное, жгучихъ интересовъ.

Прочитавъ это заглавіе статейки, я было-поинтересовался ею просто отъ-нечего-дѣлать. «А,—подумалось мнѣ:—«*русскитѣ параходи*»! Это тѣ самые пароходи, на одномъ изъ которыхъ я ѣду? Это любопытно! Что могутъ о нихъ писать?» И съ такими простѣйшими цѣлями и желаніями я, при помощи липованина, приступилъ къ чтенію этой статейки. Понимая ее изъ пятаго въ десятое, мы (и особенно я) однакожъ съ первой же строки стали ощущать, что и въ томъ, что мы понимаемъ, и еще болѣе въ томъ, чего мы не понимаемъ, но только предугадываемъ, таится что-то въ высшей степени для насъ необычайное, а главное, весьма и весьма неласковое.

По тысячѣ причинъ перевести здѣсь эту, потрясшую насъ съ липованиномъ статейку нѣтъ никакой возможности, но чтобы читатель могъ самъ на себѣ почувствовать тотъ самый морозъ, который иногда, какъ говорится, подираетъ по кожѣ, я приведу только самыя доступныя переводу строчки этой статейки, кстати сказать, переводу, сдѣланному уже послѣ поѣздки въ Россію однимъ знающимъ русскій языкъ болгариномъ. Вотъ примѣрно, въ самыхъ поверхностныхъ чертахъ, содержаніе этой ошеломительной статейки:

«...Мы,—сказано въ самомъ началѣ ея:—опять возвращаемся къ вопросу объ этихъ пароходахъ и впредь намѣрены дѣлать то же самое. Если есть сію минуту *что-либо опасное* для мира и спокойствія Болгаріи, то именно эти пароходы! Если какое-нибудь правительство употребляетъ силу для того, чтобы преслѣдовать несчастную лодку съ тремя контрабандистами, перевозящими нѣсколько окъ соли или табаку, и стрѣляетъ въ нихъ изъ ружья, то въ эти пароходы надо стрѣлять изъ пушки. Не соль и не табакъ возятъ тони, а участь и существованіе нашей земли!»

«...Въ нынѣшнемъ году пассажирами этихъ пароходовъ суть редакторы газеты (слѣдуетъ названіе болгарской газеты, издающейся болгарскими эмигрантами на румынскомъ берегу. Излиза дважъ въ седмицата... Редакціята и администраціята на вѣстникъ се намиратъ Bulevardul Cuza...), нѣкто X, Y и Z и прочіе *шалопаи*, которые стараются намутить въ дунайскихъ портахъ. Едва ли кто посмѣетъ войти въ эти водяные вертепы...» «5 или 6 апрѣля на одномъ изъ этихъ пароходовъ отправился изъ Рущука извѣстный вагабонтлюкъ (негодяй, должно-быть?) N, который *заманилъ* префекта ***...» (куда и зачѣмъ, не нахожу удобнымъ передать, но для характеристики г. N, — характеристики, сдѣланной его противникомъ, — мнѣ кажется достаточно и такого слова, какъ *заманилъ*, чтобы видѣть, каковъ, въ понятіяхъ автора статьи, долженъ быть этотъ человѣкъ). «Къ удивленію всѣхъ, этотъ вагабонтлюкъ N гулялъ по пристани на глазахъ всѣхъ властей, чѣмъ, конечно, хотѣлъ заявить, что онъ торжествуетъ...» «Агентами этой партіи, во всякомъ побережномъ городѣ, состоятъ люди, имѣющіе въ виду только погубить свое отечество...» «...Правительство должно взять строжайшія мѣры относительно этой компаніи...» «Будущее Болгаріи не должно обойтись дешево...» «Сколько труда, сколько издержекъ дѣлается только ради ихъ!..» «И мы предоставляемъ имъ еще наши пристани!..» «*Наши читатели должны избѣгать этихъ пароходовъ, какъ чумной заразы*».

Я привелъ положительно только сотую часть тѣхъ подозрѣній, которыя газета высказывала о пароходахъ Дунайскаго общества, сотую часть о тѣхъ подозрительныхъ людяхъ, которые будто бы *только* и ѣздятъ на этихъ пароходахъ, и о тѣхъ рѣшительныхъ мѣрахъ, которыя предлагались для обороны какъ отъ самихъ пароходовъ, такъ и отъ всѣхъ, безъ исключенія, пассажировъ, которые на нихъ ѣздятъ. Но и этого было совершенно достаточно для того, чтобы въ одну минуту все мое спокойствіе разсыпалось прахомъ, и все, что меня окружало на пароходѣ, начиная даже съ этой лампы, подъ которой мы съ липованиномъ читали газету, все вдругъ приняло совершенно иной смыслъ и значеніе, да и самъ я внезапно оказался вагабонтлюкомъ, заговорщикомъ противъ независимости! Ужъ только потому, что я ѣду на этомъ пароходѣ, что я только *пассажиръ* именно этого парохода, и то уже я не смѣю разсчитывать на малѣйшее вниманіе, малѣйшее удобство; я уже возбу-

ждаю отвращеніе, въ меня, вмѣстѣ съ другими вагабонтлюками парохода, могутъ хлопнуть изъ пушки безъ всякаго сожалѣнія, потому что въ числѣ прочихъ я «чумная зараза», контрабандистъ, участвующій въ кражѣ народной независимости, возможно ли мнѣ послѣ всего этого смѣть высунуть голову на Божій свѣтъ изъ этого «водяного вертепа»?

Нѣтъ, оказывается, что это *не просто* пароходъ, а врагъ свободы, а я *не просто пассажиръ*, а опять-таки врагъ свободы и, какъ всѣ прочіе, «вагабонтлюкъ»!

Положеніе оказалось совершенно неожиданнымъ, и, къ моему отчаянію, эта неожиданность съ каждою минутой становилась для меня все болѣе многосложною, затруднительною. Едва я узналъ, что я не просто только «проѣзжій», а вагабонтлюкъ, потому только, что состою пассажиромъ парохода, я тотчасъ же долженъ былъ убѣдиться, что надо мной виситъ уже еще новое несчастье, и я оказываюсь уже прямымъ врагомъ свободы. Все изъ той же статейки о пароходахъ я неожиданно узналъ, что тотъ самый X, который поименованъ статейкою въ числѣ *шалопаевъ*, обозначенныхъ мною буквами Y и Z,—тѣхъ самыхъ, что готовы выскочить съ парохода и сдѣлать непріятность правительству,—этотъ г. X *уже мой личный знакомый!* Я уже лично познакомился съ нимъ на этомъ же пароходѣ, разговаривалъ съ нимъ какъ *простой* путешественникъ, получилъ отъ него газету, брошюру «La question Bulgare». Человѣкъ этотъ показался мнѣ до чрезвычайности живымъ, впечатлительнымъ и, несмотря на немолодые годы, живо интересующимся малѣйшимъ словечкомъ, касающимся Болгаріи, слушающимъ эти словечки съ жаднымъ вниманіемъ. Его знакомство съ русской литературой, сочувствіе всему, что въ ней лучшаго, наконецъ просто милая любезность образованнаго человѣка (какъ и всѣхъ этихъ игрековъ и зетовъ), все это оставило во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. И вдругъ этотъ-то привлекательный и несомнѣнно образованный человѣкъ оказывается шалопаемъ, однимъ изъ враговъ своей родины, причастнымъ къ шайкѣ, которая якобы гнѣздится на пароходѣ и грозитъ братоубійственными замыслами!

Чтобы разрѣшить мое недоумѣніе и разобрать, кто изъ насъ двоихъ правъ, я ли, въ которомъ г. X. оставилъ самое пріятное впечатлѣніе, или господинъ авторъ статейки о пароходахъ, именующій г. X—шалопаемъ, я тотчасъ же

взялся за подаренную мнѣ г. Х имъ же самимъ написанную брошюру «La question Bulgare»—и—увы!—тотчасъ убѣдился, что и съ г. Х, оставившимъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе «вообще» образованнаго человѣка, я также никоимъ образомъ не могу быть просто знакомымъ, не могу относиться къ нему *просто* какъ безпристрастный путешественникъ: его взгляды съ лѣваго берега Дуная на правый весьма не простые и, право, не уступаютъ рѣзкости взглядамъ праваго берега на лѣвый. «Но если, — пишетъ г. Х. въ своей брошюрѣ:—удивленіе предъ попираніемъ всякаго человѣческаго достоинства (по случаю рущукскаго возстанія) достигло повсюду высшей степени, жажда софійскихъ гайдуковъ къ надувательству и захвату власти далеко еще не удовлетворена» (стр. 19). «Глава,—продолжаетъ г. Х. на той же страницѣ: — этой офиціально объявленной софійской шайки не кто иной, какъ ***», — и затѣмъ слѣдуетъ фамилія автора статейки о пароходахъ, котораго г. Х характеризуетъ такъ: «гнусный распространитель всевозможной клеветы, бунтовщикъ вчера, а сегодня корреспондентъ «Бухарестскаго телеграфа», пештскаго «Revue d'Orient», англійскаго «Times'a»... Ab uno disce omnia! Боже, куда мы идемъ?»

Такъ вотъ кто такой этотъ авторъ статейки, рекомендующій стрѣлять изъ пушки! Можно ли было сомнѣваться, что съ своей стороны и г. Х также не скупъ бы оказался по отношенію мѣръ противъ шефа софійскихъ гайдуковъ. И я еще разъ убѣдился, что нашему брату, «постороннему», совсѣмъ не рука толкаться между этими двумя берегами.

— Вы что это читаете? — спросилъ меня липованинъ, перебиравшій и пересматривавшій газеты, послѣ того какъ я оставилъ совмѣстное съ нимъ чтеніе для просмотра брошюры г. Х.

Я разсказалъ, что прочиталъ и почему именно мнѣ надобно было это прочитать.

Услыхавъ изъ моего разсказа фамилію г. Х., липованинъ улыбнулся и сказалъ:

— Вотъ тутъ его (г. Х) также отдѣлываютъ, Ухъ, какъ они его здорово!

Это была уже другая болгарская газета, хотя опять съ того же праваго берега (излиза три пяти седмицата, брой 84), и въ ней мы вмѣстѣ съ липованиномъ, опять-таки понимая написанное изъ пятаго въ десятое, прочитали слѣдующую замѣтку.

Заглавіе замѣтки было: «Ураганъ пакъ избухналъ», т.-е.: «Опять поднялся ураганъ».

«Извѣстный пакостникъ г. Х, или Миллярилло де-Мишь-машь *), снова началъ изданіе своего органа. Онъ издалъ брошюру «La question Bulgare» и вопіетъ: Что сказать объ этомъ—не знаемъ. Плачетъ онъ, Х, и вопіетъ: «Où allons nous, bon Dieu!» Ахъ, бѣдняга!.. Кто знаетъ, сколько онъ проглотилъ мишь-маши, пока произвелъ эту брошюру? Такъ вотъ какъ, дядя Миллярилло! Не знаете вы, бѣдняга, куда идете? Думается, что идете вы прямо къ чорту, въ адъ, воодушевляться мужествомъ, чтобы потомъ выкопать родинѣ яму. Ну что-жъ? Идите къ дьяволу!.. Скоро настанетъ и вашъ часъ!»

Вотъ какъ перекликаются между собою эти берега! Вагабонты, предатели, враги, расхитители отечества — вотъ слова, которыя то и дѣло летаютъ съ одного берега на другой, всегда задѣвая и «водяной вертепъ».

Если ко всему этому я еще прибавлю, что то лицо, которое выше, въ отрывкахъ изъ статейки о пароходахъ, обозначено мною буквою N и котораго статейка обвиняетъ въ умышленномъ «завлеченіи» префекта ***, т.-е. почти въ явномъ предательствѣ, если, повторяю, я скажу, что и этотъ N, такъ же, какъ и г. Х., оказался моимъ знакомымъ и нѣсколько часовъ удостоивалъ меня своею просвѣщенною бесѣдой на пароходѣ, то читателю будетъ наконецъ понятно, что, по крайней мѣрѣ, передъ правымъ-то берегомъ я уже кругомъ виноватъ, да и съ людьми лѣваго не могу уже держать себя просто и независимо и долженъ либо сочувствовать, либо не сочувствовать ихъ убѣжденіямъ, такъ какъ убѣжденія эти у нихъ, несомнѣнно, твердыя. Я теперь увидалъ, что я знакомъ не просто только съ людьми проѣзжими или просто зѣваками, заглянувшими на пароходъ, чтобы поглазѣть и поболтать, а съ людьми острой борьбы, не ограничивающейся только газетною перепалкой и полемикой: префектъ-то вѣдь, дѣйствительно, былъ «завлеченъ»; братъ г-жи С., участвовавшій въ рущукскомъ возстаніи, дѣйствительно вѣдь разстрѣлянъ. Не одни слова, брань и ругательства идутъ между обоими берегами. Я, конечно, не зналъ всей сложности и подробностей этой борьбы, но и того, что я уже видѣлъ, было для меня совершенно достаточно, чтобы знать.

---

*) «Мишь-машь» — напитокъ, смѣсь вина и сельтерской воды. Мишь-машемъ называютъ также пьющаго все безъ разбору.

что путешествовать такъ, просто для отдохновенія и развлеченія, дѣло, въ этихъ мѣстахъ, едва ли возможное.

Выйди я на берегъ, и уже потому только, что я пріѣхалъ на подозрительномъ пароходѣ,—на мнѣ самомъ не можетъ не лежать подозрѣнія въ томъ, что мнѣ извѣстны пароходныя тайны. *Простая* бесѣда на берегу о впечатлѣніяхъ путешествія по Дунаю также никоимъ образомъ не можетъ быть только *простою*, но непремѣнно окажется какъ бы доносомъ на людей другого берега. Точно также и бесѣда въ обществѣ господъ X, Y, Z и N, если бы они случайно заглянули на пароходъ, — бесѣда съ ними о томъ, что я, какъ простой путешественникъ, видѣлъ на правомъ берегу, была бы опять-таки доносомъ на этотъ берегъ о видѣнномъ и слышанномъ.

Въ концѣ концовъ приходилось избрать благую часть и, по возможности, молчать по всѣмъ вопросамъ.

Конечно, молчаніе вообще, какъ извѣстно, золото, но здѣсь, на чужой сторонѣ, гдѣ творится что-то для меня необычное и, къ моему несчастію, что-то берущее меня «за живое», несмотря на всѣ мои усилія сопротивляться этому «живому», здѣсь я не могъ помириться на молчаніи. Мнѣ рѣшительно нечего было сказать, но молчать мнѣ было обидно: мнѣ было до глубины души тяжело чувствовать себя въ такомъ положеніи.

Сонъ, который готовъ былъ овладѣть мною, снялo какъ рукой, я опять вышелъ, уже одинъ (липованинъ заснулъ); на верхнюю платформу парохода, опять сталъ смотрѣть на темныя очертанія мрачнаго города, и вопросъ: отчего именно я-то долженъ молчать, именно я долженъ быть посторонникъ, никого и ничего не касаться? — этотъ вопросъ вызвалъ во мнѣ воспоминаніе всей моей жизни, а жизнь отвѣчала:

— Ничей!

Вотъ къ какому рѣшенію привело меня мое путешествіе

V

Утро однако меня развеселило; оказалось, что хотя дипломатическая война и идетъ между интеллигенціею береговъ и между берегами и пароходомъ, но на всѣхъ берегахъ и на пароходѣ таится примиряющее начало, руководствующееся въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ своими особенными, независимыми отъ дипломатическихъ распрей взглядами.

Къ числу непріятныхъ впечатлѣній, полученныхъ мною у пристани, гдѣ мы ночевали, надо отнести и небольшой пароходикъ, принадлежащій болгарскому правительству (подаренный ему русскимъ правительствомъ), который стоялъ у пристани со спеціальною цѣлью сторожить и наблюдать за русскимъ пароходомъ. На болгарскомъ пароходѣ были болгарскіе матросы и, какъ мнѣ казалось, смотрѣли на насъ враждебно. Всю ночь пароходикъ стоялъ подъ паромъ и, повидимому, не спускалъ съ насъ своихъ враждебныхъ глазъ.

Но утро вечера мудренѣе.

Когда утромъ пароходъ отвалилъ отъ силистрійской пристани, по всему пароходу разнеслась вѣсть, что ночью, когда улеглись и заснули какъ на пароходѣ, такъ и на берегахъ люди политической борьбы, славянской идеи и т. д.,—въ это время вылѣзъ на Божій свѣтъ нашъ россійскій кочегаръ, подошелъ къ борту и сказалъ, обращаясь къ кочегару болгарскому:

— Эй, ты, братушка, полѣзай сюда! Давай долбнемъ добра черна вина!

— Добро, добро!—сказалъ братушка и перелѣзъ съ болгарскаго парохода на русскій, а за нимъ перелѣзли и матросы.

Когда болгарскіе матросы хорошо выпили на русскомъ пароходѣ, то долгъ гостепріимства заставилъ ихъ пригласить и русскихъ матросовъ на болгарскій пароходикъ. И наши пошли туда «тихимъ манеромъ» и выпили. И стали они ходить и пить съ парохода на пароходъ.

Гуляли они, очевидно, хорошо и весело,—у одного изъ служащихъ на нашемъ пароходѣ былъ даже разбитъ одинъ глазъ. Послѣднее обстоятельство, конечно, было «намъ» непріятно, но фактъ существованія и возможности дружескихъ отношеній въ глубинѣ вовсе не сердитыхъ другъ на друга народныхъ массъ былъ чрезвычайно пріятенъ.

VI.

Наилучшее воспоминаніе, за все время моей поѣздки по Дунаю, оставила во мнѣ случайная встрѣча съ однимъ русскимъ солдатикомъ, находившимся на болгарской службѣ семь лѣтъ баттенберговскаго правленія. По удаленіи Баттенберга и онъ былъ уволенъ со службы, но только теперь, дождавшись весны, въ апрѣлѣ 87 года возвращался въ Россію, въ Оренбургскую губернію.

Солдатикъ этотъ сѣлъ на пароходъ въ Рущукѣ со всѣмъ своимъ семействомъ: жена, двѣ взрослыхъ дочери и два маленькихъ сына десяти и одиннадцати лѣтъ. Мать и дочери, несмотря на семилѣтнее пребываніе въ Болгаріи (солдатикъ служилъ на казенномъ конномъ заводѣ близъ Шумлы), сохранили вполнѣ русское обличье и типическія черты русскихъ женщинъ; въ особенности сохранила ихъ мать: непрерывная забота о мужѣ и о дѣтяхъ, т.-е. о своемъ, о томъ, что вокругъ, что требуется каждую минуту, такъ и теплилась, какъ лампадка, въ ея сѣрыхъ, маленькихъ глазахъ.

Въ теченіе семи лѣтъ она не имѣла времени обратить вниманіе на то, что она живетъ въ чужой сторонѣ, что заѣхала она съ мужемъ въ какую-то Болгарію; она все время няньчила, пеленала, кормила, чесала, штопала, шила, и теперь дѣлаетъ то же на пароходѣ и потомъ будетъ дѣлать въ Оренбургѣ, и много-много если припомнитъ въ концѣ жизни, что «ѣхали мы сначала на телѣгѣ, а потомъ по водѣ, а потомъ пришелъ городъ». Какъ городъ называется, она не упомнитъ, а помнитъ, что ночевали точно въ городѣ, потому что зубы у Машутки болѣли, билась всю ночь.

По образцу матери были и дочери, хотя у нихъ замѣтно было стремленіе «держать себя». Видно было, что причесаться и шею повязать платочкомъ, и кофту надѣть такъ, чтобы вѣтромъ ее не поддувало, обнаруживая кое-какъ завязанную юбку и кое-какую рубашку, видно было, что все это дѣвицы считаютъ уже необходимостью и обязанностью. Но нѣкоторая отчужденность отъ людей видна и въ нихъ: всю дорогу, дня четыре, онѣ, двѣ сестры, сидѣли другъ съ другомъ рядомъ, каждая что-то вязала, не глядя по сторонамъ и почти не разговаривая другъ съ другомъ. Но на мальчикахъ было уже очень замѣтно вліяніе чужой стороны и главнымъ образомъ того возбужденнаго и своевольнаго настроенія, которое переживала страна и которое прежде всего отзывается на школьникѣ. А солдатскія дѣти учились въ болгарской школѣ. Самъ отецъ былъ кроткій, тихій, простой человѣкъ, но и эта тихость, всегда на Руси соединенная съ робостью, была въ немъ просто только тихостью; видно было, что и онъ долго «не робѣлъ», а жилъ себѣ тихо, смирно, благородно.

Заслышавъ русскую рѣчь и увидѣвъ вполнѣ русскія лица, я тотчасъ же вступилъ съ соотечественниками въ разговоръ и обратился прежде всего къ матери семейства.

Но едва я сдѣлалъ ей два-три совершенно ординарныхъ вопроса, въ родѣ того, гдѣ «они» жили въ Болгаріи, долго ли?—какъ увидѣлъ въ ней полнѣйшее смущеніе.

— Какъ же, какъ же... жили!—торопливо лепетала она, почесывая грудь.—Ужъ давно... ужъ, пожалуй, годовъ... да вотъ вамъ мужъ лучше все скажетъ. Я-то не знаю... Иванъ Семенычъ! вотъ они спрашиваютъ...

Не желая болѣе смущать ее, я обратился съ разспросами и разговорами прямо къ Ивану Семеновичу.

Иванъ Семеновичъ былъ въ опрятномъ военномъ сюртукѣ, двубортномъ, нашего русскаго образца, въ опрятной фуражкѣ съ козырькомъ, и скромно сидѣлъ на доскахъ, закрывавшихъ отверстіе трюма. Знакомясь съ нимъ, я замѣтилъ, что лицо его было озабочено; не было въ немъ тревоги, но видно было размышленіе. Усѣвшись рядомъ съ Иваномъ Семеновичемъ, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, простой и спокойный, безъ трясущихся поджилокъ, и тѣмъ болѣе интересный, что Иванъ Семеновичъ, покидая Болгарію, былъ подавленъ (какъ оказалось потомъ) самыми разнообразными размышленіями о пережитомъ и о томъ, что̀ предстоитъ ему пережить. Не прошло нѣсколькихъ минутъ послѣ нашего знакомства, какъ я, благодаря простотѣ и дѣльности нашего разговора, могъ уже прямо, просто и безбоязненно спросить Ивана Семеновича:

— Ну, а какъ вы думаете, Иванъ Семенычъ, воротимся мы опять въ Болгарію?

Задать такой вопросъ «безбоязненно» и поставить его просто—не всегда возможно среди публики перваго класса тѣхъ пароходовъ, на которыхъ приходилось ѣздить по Дунаю. Въ числѣ этой публики много народу, смотрящаго на болгарскій вопросъ тенденціозно, подъ впечатлѣніемъ и указаніемъ передовицъ, и говорить съ ними попросту не всегда возможно и вѣжливо. Впрочемъ, объ этой публикѣ рѣчь будетъ особо. Теперь скажу, что «просто» и «свободно» о болгарскихъ дѣлахъ я заговорилъ только съ Иваномъ Семеновичемъ, съ солдатомъ, простымъ, не дипломатическимъ, не тенденціознымъ человѣкомъ, и получилъ отъ него отвѣтъ тоже совершенно не-шаблонный, не взятый изъ газетныхъ передовицъ.

— Мы-то вернемся ли?—съ какой-то жалобной улыбкой переспросилъ меня Иванъ Семеновичъ и, чуть-чуть вздохнувъ, покачалъ головой и сказалъ тихо:—Наврядъ чтобы потребовалось!

Я былъ такъ пораженъ этимъ непатріотическимъ и оскорбительнымъ для моего настроенія отвѣтомъ, что нѣкоторое время не могъ вымолвить слова и въ недоумѣніи могъ сказать только одно:

— Отчего же?

Иванъ Семеновичъ, видимо, тоже затруднился объясненіемъ своихъ словъ; онъ какъ будто сконфузился, проговоривъ ихъ, покраснѣлъ, какъ-то натужился и съ большими усиліями, преодолѣвая, очевидно, множество разнороднѣйшихъ соображеній, осѣнившихъ его мысль, наконецъ вымолвилъ такую фразу:

— Потому что, ежели будемъ говорить, къ примѣру, про нашъ народъ, то не можетъ онъ здѣшнихъ порядковъ превзойтить.

Иванъ Семеновичъ остановился и, подумавъ, уже рѣшительно и оживленно проговорилъ:

— По-моему, оказываетъ по всему такъ, что не превзойтить намъ!

— Иванъ Семенычъ!—сказалъ я.—Что это вы говорите? Это намъ-то не превзойтить Болгаріи? Намъ, которые безкорыстно освободили, пролили море своей крови, усѣяли землю своими костями, не превзойтить этихъ проходимцевъ?

И я, будучи, въ качествѣ пассажира перваго класса, обогащенъ массою свѣдѣній по части возмутительнѣйшаго болгарскаго проходимства, немедленно же и сразу огромнѣйшей массой завалилъ ими Ивана Семеновича, какъ говорится, выше головы. Я сообщилъ ему о продажности и корыстолюбіи дѣятелей: одинъ такой-то продался англійской газетѣ и получаетъ франкъ золотомъ за строчку, чтобы ругать Россію; другой только и думаетъ, какъ бы улизнуть изъ Рущука въ Австрію, гдѣ уже у него куплено имѣніе, такъ какъ денегъ наворовалъ; этотъ потому стоитъ за Баттенберга, что при его возвращеніи состоится концессія на такую-то желѣзную дорогу, и тогда онъ получитъ два милліона, да Баттенбергъ тоже два милліона. Разсказалъ я о Баттенбергѣ, какъ онъ орудовалъ по части женскаго пола, разсказалъ я, какъ они, болгары, бьютъ другъ друга палками, расколачиваютъ головы заключеннымъ въ тюрьму до того, что уши полны крови, что разстрѣливаютъ людей, приговоренныхъ только къ тюрьмѣ, — словомъ, все, самое возмутительное, кровопролитное, корыстное и безчеловѣчное, все, что я слышалъ и читалъ, все это я

преподнесъ Ивану Семеновичу и поистинѣ не безъ крайняго негодованія заключилъ мой длиннѣйшій монологъ такимъ упрекомъ:

— И это намъ-то не превзойти?

Иванъ Семеновичъ сконфузился...

— Я, господинъ, ваше благородіе,—кротко и конфузливо заговорилъ онъ, по солдатской привычкѣ величая меня благородіемъ:—я этихъ дѣловъ разсудить не могу. Конечно, дурного человѣка вездѣ много! Ежели, примѣромъ сказать, поглядѣть и на нашу Россею, такъ и тамъ кое-чего найдется. Начальство объ насъ, объ подданныхъ, печется, старается, какъ чтобы лучше было, но злодѣй не задумается повредить. И мы видимъ. Я, какъ оренбургскій уроженецъ, видѣлъ, какъ можетъ человѣкъ злодѣйствовать! На моихъ глазахъ купцы ли, прочія ли какія сословія, которымъ полное довѣріе завсегда оказывается, а они какъ безобразно поступали! По восьми копеекъ за десятину башкирамъ платили, да съ лѣсомъ, да отламывали по сту, по двѣсти тысячъ десятинъ, это значитъ у человѣка совѣсти нѣтъ, чтобы отнимать у трудящаго кусокъ. И Господь ихъ караетъ. Всѣ, въ окончаніи, подъ судомъ существуютъ. Въ нашихъ мѣстахъ одинъ такой-то посредникъ одному купцу посодѣйствовалъ ограбить башкиръ на двѣсти тысячъ десятинъ, приговоры насильствомъ добывали, судомъ припирали, имущество описывали, даже, прямо сказать, холодомъ морили, на морозѣ въ буранъ по десятеро сутокъ держали, только чтобы довести человѣка до помраченія: «подписывай!» Все сдѣлали и все получили; и посредникъ получилъ семнадцать тысячъ десятинъ, и слѣдователь, и староста, и старшина, и писарь. А чѣмъ кончилось? Господь-то видитъ правду! Посредника мужики застрѣлили, у которыхъ онъ землю отнялъ, всѣ прочіе подъ судъ попали! Вотъ и судите: была земля, благословеніе Божіе, дадено трудящему человѣку, а что вышло?.. Который самый жадный—въ могилу пошелъ, семью оставилъ въ горѣ, въ несчастьѣ, мужики-убійцы въ острогѣ, а всѣ остальные подъ судомъ и все свое достояніе просудятъ. Никому ничего не досталось. Была земля, а въ окончательномъ видѣ—кровопролитіе, тюрьма, слезы, разоренье,—и никому ничего, и земли нѣту! Нѣтъ! злодѣевъ вездѣ много! Это ужъ, видно, Господь насъ грѣшныхъ наказываетъ. Мой баринъ, то-есть начальникъ мой бывшій, тоже русскій, дай Богъ ему здоровья, добрый человѣкъ, бывало, получитъ

здѣсь же, въ Болгаріи, газету изъ Россіи — «хошь, говоритъ, брось!»—Что, молъ, такое?—«Опять, говоритъ, казну надули на двадцать милліоновъ! Подсудимыхъ, говоритъ, столько, что публикѣ мѣста нѣту...» Что будешь дѣлать! Надо терпѣть, покуда Россія очистится отъ этого отъ грѣха!.. То-есть, что только мало-мало хорошаго на пользу сдѣлаютъ, сейчасъ налетитъ шайка—и все навыворотъ преобразитъ. Однихъ банковъ сколько разорили, а сколько сиротъ-то пущено по міру!.. А подите-ка, поговорите съ ними! Нѣту на языкѣ другого слова, окромя что «мы» да «мы». Не будь насъ, молъ, сурьезныхъ гражданъ, такъ давно бы Россія изничтожилась... Видимъ мы, какіе это граждане, какого хорошаго дѣла ни коснуться, вездѣ разоренье да бѣда. Скука одна, больше ничего! Мнѣ тоже, какъ-то въ Варнѣ, одинъ изъ этакихъ же, купчина, встрѣтился въ трактирѣ. Пріѣхалъ съ Дону насчетъ рыбы. Ну, конечно, пьянъ... Раздуло его отъ вина... «Мы да мы!» — «Что вы, спрашиваю, какая ваша заслуга? что вы въ публичномъ мѣстѣ безобразничаете и срамите Россію предъ заграничной публикой?..»—«Ахъ, ты, такъ, и такъ, и такъ! Мы кровь проливали!..» Я говорю на это:—«А вотъ что позвольте вамъ сказать: коль скоро вы проливали кровь, то вы, окончательно, должны состоять въ могилѣ; и коль скоро вы кровь проливали, то должны бы вы быть вмѣстѣ съ прочими, которые кровь пролили, то-есть безъ всякихъ снисхожденій, а прямо въ землѣ, но никакъ не въ трактирѣ и не въ пьяномъ видѣ, а можетъ-быть, что кровь-то вы пили,—ну, это вѣроятно!» Конечно, сквернословилъ, что было въ немъ силъ. Много, очень еще много у насъ этакого народу! А покуда что, я вотъ и докладываю вамъ, что покамѣстъ намъ не превзойти ихъ по мужицкой-то части! Вѣдь вотъ хоть бы этотъ купчина: «мы—мы—мы»... А чѣмъ онъ можетъ превзойти здѣшнюю жизнь? Можетъ ли онъ рекомендовать себя съ лучшей стороны, нежели чѣмъ въ здѣшнихъ мѣстахъ? Вѣдь мы, изъ простого званія люди, довольно хорошо знаемъ ихъ способы: вѣдь онъ не выпуститъ лапу-то изъ нашего брата, покуда въ насъ еще кой-какой сокъ есть, и никакой отъ него отрады во вѣки вѣковъ не дождаться. Нешто онъ пожалѣетъ бѣднаго, трудящаго человѣка?

— А здѣшній-то живорѣзъ развѣ жалѣетъ?—перебилъ я Ивана Семеновича не безъ нѣкоторой жестокости въ голосѣ.

Иванъ Семеновичъ улыбнулся.

— Да и здѣшній живорѣзъ имѣетъ ту же самую манеру... Конечно, ужъ это повсемѣстно одна порода!.. Дай ему волю, хоть и здѣшнему живорѣзу, онъ тоже распорядится не хуже нашего, а нашему... (Иванъ Семеновичъ остановился и махнулъ рукой). Да нашему вся-то Болгарія—не больше бутерброту! Проглотилъ бы и даже не почувствовалъ вкусу! Вонъ господинъ Рыковъ, примѣрно, сколько проглотилъ-то! милліоновъ пятнадцать, сказываютъ по газетамъ,—а и то ничего не оказалось, только что всѣ въ слезахъ остались... И самъ Рыковъ съ семействомъ и тысячъ двадцать прочихъ народовъ не болѣе какъ рыдаютъ, по случаю что пользы никому никакой не видно! И въ здѣшнихъ-то мѣстахъ то же бы было. Но только, что я видѣлъ своими глазами въ здѣшнихъ мѣстахъ—не подходитъ къ нашему способу! Далеко не рука! Есть и тутъ живорѣзъ, но ходу ему такого далеко нѣтъ! Да-а-леко не тотъ ему здѣсь бенефисъ оказываютъ!..

— Будто бы? Какимъ же образомъ здѣсь его смиряютъ?

— А такъ смиряютъ, что дай Господи много лѣтъ жить господамъ, что этакъ-то о трудящемъ человѣкѣ безпокоятся, какъ здѣсь. Позвольте, для примѣра, разскажу я вамъ такой поступокъ. Я жилъ съ семействомъ въ болгарской деревнѣ пять годовъ; въ этой деревнѣ и турецкія еще были семейства, и ни отъ тѣхъ ни отъ другихъ мнѣ вотъ на эстолько обиды не было. Народъ живетъ тихо, благородно, въ достаткѣ, полнымъ хозяйствомъ, дай Богъ всякому такъ-то вѣкъ прожить; и живутъ этакимъ манеромъ потому, что забота есть о нихъ у добрыхъ людей. Сказываютъ старики, что и у нихъ было въ родѣ нашего крѣпостного положенія; и были, вишь, помѣщики ихніе—турки, турецкіе военные, беги назывались, а помѣстья ихнія назывались чифтлики; какъ и у насъ въ крѣпостное время, крестьяне работали на нихъ даромъ; и долго такъ было; потомъ крестьянъ освободили, а земли оставили въ ихнихъ рукахъ. И такъ было, покуда не пришла Россія и турокъ не прогнала. Вотъ, какъ стали турки-то уходить въ свои мѣста, пришлось имъ продавать свои земли и помѣстья, а въ то же самое время и живорѣзы пасти свои раззявили. «Турки, молъ, уйдутъ, а мы на мѣсто ихъ въ помѣщики сядемъ да, прижавши мужика разными способами, и будемъ проклаждаться». Анъ добрые люди-то и не дали имъ мужика съѣсть. Какъ чуть запримѣтили, что зубье-то у живорѣ-

зовъ стало разжиматься, тотъ же часъ и всунули имъ между зубьевъ-то полѣно. Тою же минутою выходитъ повсемѣстная публикація: «не смѣютъ турки, да и никто не смѣетъ вообще ни продавать ни покупать земли болѣе 25 десятинъ въ однѣ руки...»

— Неужели есть такой законъ?

— Да не угодно ли я сундукъ отопру?

Не желая прерывать нашего разговора, я попросилъ Ивана Семеновича отложить распаковывать сундукъ до другого времени и спросилъ его:

— Только 25?

— Меньше можно, а ужъ больше нельзя! Видите, какъ умно-то! Намъ въ такомъ дѣлѣ не похвастать!.. А почему такой законъ? Чтобъ народъ трудящій безъ земли не оставался. Что онъ безъ земли-то? Что же мужикъ безъ своего мужицкаго занятія? Ну, вотъ и позаботились, и воткнули полѣно между зубьевъ! Заботятся, чтобъ каждому человѣку былъ кусокъ, это я считаю по-божески... И еще вамъ скажу: ежели бы и купилъ кто, положимъ, землю у крестьянина и хотя бы меньше 25 десятинъ, да разъ онъ чужанинъ, посторонній человѣкъ, — такъ всякая деревня можетъ ему деньги назадъ отдать, а сама возьметъ его землю, и онъ не можетъ сопротивляться,—«иди съ своими деньгами,—мѣстовъ много; а намъ изъ своей деревни идти, отъ семьи, отъ родныхъ своихъ отрываться не резонъ!» И въ этомъ намъ не превзойтить болгаровъ-то! Вотъ оно что означаетъ, ежели добрый человѣкъ по совѣсти позаботится.

— Да вѣдь и у насъ, Иванъ Семенычъ, много добрыхъ-то людей есть!..

— И оченно даже много! И въ большомъ многочисленномъ числѣ! И сдѣлайте одолженіе, будьте увѣрены, даже на каждомъ шагу добрые люди существуютъ! А позвольте васъ спросить, почему же, напримѣръ, нашъ губернаторъ, господинъ Щепкинъ, не могъ никакимъ родомъ одолѣть вотъ этихъ самыхъ недобрыхъ-то людей, которые земли-то башкирскія растащили? Вѣдь я вамъ разсказывалъ это дѣло,—сами, чай, видите, каковъ народъ? Вѣдь, кажется, губернаторъ—начальникъ, да и человѣкъ-то добрый, а кто одолѣлъ? Они! Какъ почали они его поднимать на разные манеры кляузой, и такъ и этакъ, ну, и пришлось уйти, а недобрые-то побѣдили!

— Ну,—сказалъ я:—тоже не очень-то побѣдили и злые люди!

— Да въ этомъ-то и есть полное наше огорченіе; никто не побѣдилъ,—вотъ въ чемъ дѣло! Это я такъ считаю за божеское попущеніе: наказываетъ насъ Господь, а пока дай, Господи, кротости перетерпѣть. И терпимъ, н-ну, а все-таки противъ здѣшняго обихода нашъ мужикъ, ежели посравнить, такъ окончательно потерпѣлъ полную фіаску! Это ужъ говорить нечего!..

— Будто ужъ такъ? Что же тутъ еще-то хорошаго въ крестьянствѣ?

— Да тутъ, ежели все пересказать, такъ тутъ недѣлю надо разговаривать,—ежели разсказать всякую малость... Возьмите теперь хоть вотъ хлѣбъ. И у насъ хлѣбъ Богъ даетъ и здѣсь также. Только поглядите, что сдѣлали съ хлѣбомъ болгарскіе мужики, только съ однимъ хлѣбомъ! Первымъ дѣломъ—подати. Приходятъ ко мнѣ: «подавай подати, четыре съ полтиной»; а коли у меня денегъ-то нѣту? Вы извольте подумать, что въ нашихъ-то мѣстахъ могу я, мужикъ, сдѣлать, какъ я могу изловчиться? Вотъ я продаю, что подъ руку подвернулось да ежели есть что продать. А какъ нѣтъ мнѣ чего продать, такъ вѣдь со мной что сдѣлаютъ? Извольте попытать въ волостяхъ, сколько кажный годъ за это народу, въ нашихъ мѣстахъ, подъ розгой извиненія просятъ? А между прочимъ откуда же денегъ-то взять? Денегъ-то вѣдь нѣту, а требуются чистыя деньги. Ну, а у болгарскихъ мужиковъ дѣло это помягче утверждено, и даже очень нѣжнымъ манеромъ. Нѣтъ у тебя денегъ,—давай хлѣбомъ. Въ каждомъ округѣ удѣланъ казенный магазинъ; начальники свезутъ хлѣбъ изъ деревень въ окружные магазины и продаютъ оптомъ: и деньги у нихъ въ казнѣ есть, и мужикъ изо всѣхъ кишокъ не вылѣзалъ... И эта торговля хлѣбомъ—первая забота у начальства, самый главный доходъ, а народу облегченіе. Ну, какъ вамъ это? На вашъ вкусъ?

Я сказалъ, что «хорошо».

— И это не все. Существуютъ здѣсь повсемѣстно въ каждомъ окружномъ городѣ кассы, называются земледѣльческія. И деньги въ долгъ изъ нихъ даются только крестьянамъ и только на трудовое дѣло. Какъ нужда, неурожай, другъ за дружку поручились—есть деньги у всѣхъ. И все, опять же, изъ хлѣбушки удѣлали! Кажинный годъ соберутъ кассира по деревнямъ хлѣбъ, продадутъ, а деньги—въ оборотъ!.. Да вѣдь какія деньги-то ужъ накопились! По три, по четыре милліона грошей, а грошъ—нашъ пятакъ! Вотъ

вы и разочтите, что̀ изъ одного зерна можно добра сотворить! И это не все. Это я вамъ разсказывалъ про окружныя кассы—одна на округъ, все одно, какъ одна бы на нашу волость, а то, сказывали мнѣ, въ большихъ деревняхъ въ каждой есть еще кассы *сиротскія*. Потому онѣ такъ называются, что доходы съ сиротскихъ имѣній поступаютъ въ эти кассы и идутъ въ оборотъ. Земля здѣсь, почитай, у каждаго; стало-быть, ежели остаются сироты, такъ у нихъ есть земля, а съ земли—доходъ. Назначатъ опекуновъ, земли сдадутъ, а деньги, за расходами на сиротъ, въ кассу. И ведется это дѣло искони-бѣ, отъ турокъ,—вонъ откуда!—и въ этихъ-то сиротскихъ кассахъ денегъ тоже накопилось сколько угодно. Такъ вотъ, милостивый государь, и разсудите. Нѣту денегъ—плати хлѣбомъ; нѣту хлѣба—вотъ тебѣ одна касса, вотъ тебѣ другая, а все сдѣлано безъ понужденія, полегоньку. Хлѣбъ-отъ, отецъ нашъ, что̀ творитъ! а?.. Истинно благодать Господня!

Даже въ потъ ударило радостно-взволнованнаго разсказчика, да и меня его рѣчи до того умилили, что я рѣшительно не нашелся, что̀ бы ему возразить.

— Я,—продолжалъ Иванъ Семенычъ:—самъ крестьянинъ, знаю крестьянскую нужду... Бывало, на родителя-то смотрѣть сердце разрывается. Холодъ въ избѣ-то, денегъ-то нѣтъ... Добыть негдѣ... Только и слышишь перекоры... «Ты бы,—говоритъ мать отцу въ сердцахъ да съ голоду:—чаю бы меньше пилъ, такъ и были бы деньги-то!.. А то эка!.. Два раза въ день иноды норовитъ...» А бабушка придетъ: «И, говоритъ, какъ у Капустиныхъ-то тепло въ дому! Чистый рай! Хоть отогрѣлась маленько, совсѣмъ бы мнѣ тутъ у васъ помирать...» А отецъ-то сидитъ на лавкѣ, точно полоумный (добрый былъ, нѣжный, царство ему небесное!), еле-еле шепчетъ, чуть не въ слезахъ: «Какъ же мнѣ чаю-то не испить? И такъ теплаго давно не кушалъ! Чего же я сдѣлаю! Нешто бы, родные мои, не упокоилъ я васъ, не угрѣлъ! Нешто мнѣ маменьку-то и жену-то съ дѣтямъ возможно въ голодѣ-холодѣ держать? У меня и такъ сердце оборвалось, все истлѣло отъ тоски. А гдѣ взять?» Говоритъ-говоритъ такъ-то, воетъ-воетъ, да вдругъ и повалится матери въ ноги: «Маменька, родная! Свѣтъ ты мой небесный! Отдай ты мнѣ твои три холста, заложу я! Передъ Создателемъ,—отдамъ! Богъ меня поправитъ! Не оставитъ насъ, сиротъ!..» А бабушка и сама въ слезы: «И такъ вы меня всеё обобрали! Не вижу я съ вами свѣта

бѣлаго! Осталось отъ всей моей каторги три холста, и тѣ отымаетъ сынъ родной!.. О-о-охохо!» Да тутъ слезъ ручьи, рѣки цѣлыя! Еле-еле живы, бывало, къ веснѣ-то!.. Батька— еле ноги таскаетъ, да хоть солнышко грѣетъ, и то слава Тебѣ, Царю Небесному! Бывало, обуетъ тряпками ноги, одѣнется въ послѣднюю рвань и, ежели есть фунтъ хлѣба, положилъ его въ котомку и поплелся на работу... А куда? И самъ не знаетъ! Идетъ-идетъ, постучитъ въ окно,—«не надо ли, молъ?»—«Нѣтъ, не надо».—«Ну, дайте Христа ради!» А гдѣ и возьмутъ, такъ гривенникъ положатъ вмѣсто рубля, голодному какъ не взять?.. А иной работаетъ-работаетъ, расчету не дадутъ,—«пошелъ прочь»; а иной и самъ уйдетъ безъ расчета, потому невмоготу! Знаю я это все! Ночью иной разъ приснится наша нужда, въ слезахъ проснусь, вся подушка мокрая. А нешто мало у насъ такъ-то по Руси народу работы ищетъ? Голодный пошелъ весной, а осенью голодный пришелъ; ноги, руки сломалъ, спину натрудилъ, а домой пришелъ—опять ѣсть нечего. «Неурожай былъ...» Такъ и канителитъ до конца жизни... Ну, а здѣсь этого что-то не видно! Подите-ка, сманите здѣшняго мужика въ прислуги, напр., сапоги чистить!.. Да его золотомъ осыпь, не пойдетъ. Всякій самъ хозяинъ. Теперь, которая прислуга, все больше румынская. Тамъ народу защиты мало. А ежели въ Болгаріи кто пойдетъ,— конечно, вездѣ бѣднаго народу довольно есть,—такъ ужъ, стало-быть, человѣку несчастье такое вышло. Или взять, положимъ, хоть рабочихъ мужиковъ. Это не такъ, какъ наши Христовымъ именемъ побираются и невѣдомо куда идутъ: не шляются болгаре, какъ нищіе, а завсегда артелью съ главаремъ; да не ходятъ по дворамъ или по базарамъ искать покупателя, — а вотъ какъ дѣлаютъ: соберутся артелью, займутъ денегъ изъ кассы, да сами гдѣ-нибудь въ Добруджѣ или въ Румыніи и арендуютъ землю, да и обсѣются, и уберутся на складочныя деньги, а потомъ по деньгамъ и раздѣлятъ. Такія-то артели не отъ бѣдности идутъ, не за кускомъ хлѣба, а отъ большихъ семей, гдѣ и безъ нихъ народу довольно. Семьи здѣсь большущія-пребольшущія!.. Не похожи такія артели на наши, съ «подрядчикомъ». А то есть еще и такія артели, что идутъ прямо въ наемъ, за деньги, работаютъ на чужой землѣ, но тоже всякій разъ не зря идутъ, не вразбродъ, не куда глаза глядятъ, а опять же артелью, и опять же съ выборнымъ, драгоманъ называется. И идетъ въ такія-то артели

самая молодежь: и мальчонки и дѣвушки; такъ вотъ родители-то и не пускаютъ ихъ безъ призора, а безпремѣнно съ драгоманомъ, чтобъ за дѣтями; а пуще за дѣвчонками, надзиралъ. Все обмозговано! Всѣ норовятъ, чтобы трудящему человѣку уютъ былъ. На мой взглядъ, какъ я знаю нашу деревенскую нужду, такъ даже ужъ будто бы и жирненько болгары-то поживаютъ на бѣломъ свѣтѣ! Даже иной разъ думается: «и освобождать бы нечего, больно и такъ сытно!» Ну, а все-таки не налюбоваться,—передъ Богомъ!.. Крѣпко сидитъ здѣшній мужикъ на землѣ, плотно, какъ дубъ, вросъ въ землю и листвой оросъ. Основательный мужикъ. И,—благодарю Бога: ни отъ болгарскихъ ни отъ турецкихъ мужиковъ, сколько ни жилъ, обиды не видалъ. Пальцемъ никто не тронулъ, слова никто худого не сказалъ... И хоть меня новое начальство, дѣйствительно, обсчитало на 200 франковъ, но я на это сердца не имѣю.

— Говорятъ, они, новое-то начальство, охотники до денегъ? Пишутъ въ газетахъ, что за два года впередъ деньги взыскиваютъ, и все мало? Будто бы мужики сопротивляются и денегъ не хотятъ платить, а ихъ за это бьютъ изъ ружей?

— Да вѣдь мало ли злыхъ-то людей! Богъ его знаетъ, можетъ, и правда! А что въ нашихъ мѣстахъ, около Шумлы, ничего худого не слышно. Что слѣдуетъ, мужики платятъ аккуратно и никакого бунтовства нѣтъ, а что у нихъ денегъ маловато, такъ это, дѣйствительно, правда. Мнѣ чиновникъ-то, когда я пришелъ за своими деньгами, говоритъ:—«денегъ, говоритъ, у насъ мало, только-только впору чиновникамъ своимъ заплатить. И потому, говоритъ, мало, что была у насъ война сербская, и набрали мы разнаго провіанту и всякаго военнаго матеріала у жителей на много милліоновъ. Такъ вотъ теперь жители-то и платятъ свои налоги этими записками. Когда забирали у нихъ въ долгъ, такъ давали записки: «взято, молъ, столько-то»; вотъ этими-то записками и расплачиваются. Вотъ отчего трудно... А не брать нельзя,—народъ нашъ не потерпитъ. Надо уважить. Намъ, говоритъ, жиды и англичане суютъ деньги-то—«на!», только боязно брать, зацѣпитъ крючкомъ, втянетъ въ бучило... Пока что крѣпимся, можетъ, и опять все пойдетъ своимъ чередомъ». А мнѣ въ шутку сказалъ: «А ты, говоритъ, любезный Селиверстовъ, ужъ извини Болгарію! Россія потеряла больше твоихъ 200 левовъ и то не жалѣетъ, и ты долженъ брать себѣ примѣръ!..» Да я и

нисколько!.. Дай Богъ здоровья и за то, что̀ дадено... Не съ пустыми руками ѣду домой, и, по совѣсти сказать, не замутись здѣшнія дѣла, вѣкъ бы свѣковалъ! Возьмите хоть ребятишекъ: учатся въ школѣ задаромъ, учатся восемь лѣтъ!.. Вѣдь это наука! что̀ угодно человѣкъ можетъ дѣлать, да и отъ хозяйства не отстанетъ. Васютка!—крикнулъ Иванъ Семеновичъ одному изъ своихъ сыновей:—принеси-ка книжки твои.

Мальчикъ принесъ нѣсколько книжекъ. Всѣ онѣ были большею частью составлены по нашимъ образцамъ. «Книги для чтенія» въ родѣ книги Ушинскаго,—только сказки, легенды, конечно, болгарскія, но планъ одинъ и тотъ же.

— Все аккуратно, уютно утверждено!.. А вѣдь это деревня, по-здѣшнему, называется! Нашему брату-мужику долго еще такъ устроиться!.. А сюда вернуться, ужъ нѣтъ, не вернемся. «Мы сами, говорятъ, все можемъ; триста-четыреста чужихъ чиновниковъ или служащихъ—это намъ обремененіе. Мы здѣшніе, землю свою знаемъ и хоть получили просвѣщеніе господское, а родня у насъ деревенская». Одинъ чиновникъ мнѣ говоритъ: «Я вотъ, говоритъ, большое образованіе имѣю и должность моя большая, а пріѣдетъ изъ деревни мой отецъ, кметъ (по-нашему староста будетъ), такъ я, при всемъ моемъ могуществѣ, сѣсть предъ нимъ не смѣю. Скажетъ: «садись!», ну, сяду,—а не скажетъ—и такъ постоишь! Мы родителей чтимъ, деревню любимъ, намъ деревенскія дѣла забыть нельзя... Всѣ ужъ мы стоимъ за свое. А чужой человѣкъ,—ему что̀ деревня? У него тутъ ничего нѣтъ своего, никакого интересу, а денегъ ему дай вдвое, потому что онъ на чужой сторонѣ. Человѣкъ триста-четыреста такого народа найдутъ себѣ въ такой землѣ, какъ Россія, сколько угодно мѣстовъ. А въ нашей землѣ триста-то человѣкъ они безъ хлѣба оставятъ, потому земля махонькая... Зачѣмъ же? Эти дѣла, да и всякія, и мы можемъ дѣлать, и бумаги писать, и просьбы принимать; тутъ хитрости нѣтъ, а русскимъ тоже обиды нѣтъ,—у васъ эво земли-то! Полсвѣта! Чего же тутъ огорчаться?..» Я ему на это такъ и отвѣтилъ: «Я, говорю, не токмо что огорчаюсь, а дай вамъ Богъ добраго здоровья!» Такъ вотъ и разошлись, каждый въ свою землю!

Звонокъ, призывавшій къ обѣду, заставилъ меня прекратить интересную бесѣду съ Иваномъ Семеновичемъ, бесѣду, которая оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Бесѣда эта «о народномъ благѣ» и, главное, объ осуществленіи его

на дѣлѣ, въ реальныхъ формахъ, дѣло диковинное для насъ, поборниковъ не народной, а какой-то русской идеи, и ничего, подобно разсказанному Иваномъ Семеновичемъ, на дѣлѣ не осуществившихъ.

Нашъ солдатъ, освободитель братушки, имѣетъ полное право негодовать на послѣдняго за его замкнутость, скаредность, холодность, расчетливость, которыми братушка отвѣчалъ на самопожертвованіе, страданіе нашего солдата, на его кровь, на голодовку оставшейся въ русской деревнѣ семьи; у русскаго мужика-солдата на такое отношеніе къ братушкѣ были всѣ основанія, такъ какъ отношеніе между нашимъ солдатомъ-мужикомъ и братушкой почти то же самое, что̀ между «забитымъ и обнищавшимъ крестьяниномъ» и паномъ, который знать его не хочетъ и не обращаетъ на него вниманія. У болгарскаго мужика, по отношенію къ нашему мужику-солдату, быть-можетъ, та же сухость сердца, та же безчеловѣчная невнимательность, какія отличаютъ бароновъ по отношенію къ *черному* народу, и нашему бѣдняку-солдату вообще есть чѣмъ обидѣться передъ этимъ разъѣвшимся барономъ-селякомъ, огородившимъ свой мужицкій замокъ точно такою же каменной стѣной, какъ и нѣмецкій баронъ; а нашему интеллигентному человѣку неожиданная встрѣча съ мужикомъ-бариномъ, вмѣсто угнетеннаго и притѣсненнаго, должна была только связать руки и наложить на его уста печать молчанія. И вотъ почему родственныя намъ племена не ощущаютъ нашего нравственнаго превосходства въ силѣ и искренности пониманія «народнаго» блага, во многомъ не осуществленнаго *на дѣлѣ*.

Это горькое дѣло пришлось испытать на самомъ себѣ пишущему эти строки, когда онъ, во время поѣздокъ по Дунаю и находясь подъ впечатлѣніемъ рѣчей Ивана Семеновича, попробовалъ (въ промежуткѣ времени ожиданія въ Одессѣ отправленія дунайскаго парохода), для собственнаго успокоенія, заглянуть въ одинъ изъ «нашихъ» русскихъ уголковъ, задумавъ съѣздить на ярмарку въ Каховку посмотрѣть на «своихъ».

VII.

Ярмарка эта происходитъ въ селѣ или въ посадѣ Каховкѣ (не знаю, какъ назвать это мѣстожительство, потому что *жительство-то* тамъ бываетъ только въ рабочую пору), куда въ день ярмарки (въ половинѣ іюня) идетъ

изъ Одессы спеціальный пароходъ. Въ Херсонѣ пассажиры пересаживаются на другой, рѣчной пароходъ, который и ходитъ черепашьимъ шагомъ до Каховки.

Есть на этой ярмаркѣ всякій товаръ, нужный въ крестьянскомъ обиходѣ; но первѣйшій предметъ торговли есть нашъ простой народъ, толпами стекающійся сюда передъ рабочей порой, предъ началомъ косьбы и жнитва, и продающій свои рабочія руки.

Скопленію народныхъ массъ именно въ Каховкѣ способствуетъ ея чрезвычайно выгодное положеніе. Она лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, неподалеку отъ станціи Севастопольской желѣзной дороги Александровскъ; отсюда хозяева крупныхъ хозяйствъ Новороссійскаго края и Крыма, безъ особенно большихъ расходовъ, могутъ перевозить партіи рабочихъ какъ въ Крымъ, такъ и по всему Новороссійскому краю, по Екатерининской дорогѣ, пересѣкающей Лозово-Севастопольскую. Рабочимъ же также удобно собираться именно въ Каховкѣ потому, что днѣпровское пароходство за недорогую цѣну доставляетъ ихъ со всей обширной территоріи Днѣпра и его притоковъ,—Десны, Припяти, Ворсклы, Псёла. Да и желѣзная дорога также привозитъ сюда массы рабочаго люда, не говоря о тѣхъ массахъ народа, которыя приходятъ просто пѣшкомъ.

Раннимъ утромъ, едва стало всходить солнце, пароходикъ подвезъ меня къ Каховской пристани. На высокомъ берегу виднѣлись зданія села, а весь берегъ рѣки, несмотря на раннюю пору, былъ уже усѣянъ народомъ: купались, купали лошадей, а главное — умывались. Погода стояла бурная, вѣтряная; все село было въ облакахъ пыли, и, когда я поднимался съ берега на гору въ село, навстрѣчу мнѣ буквально валомъ валилъ народъ—мужчины, женщины, дѣти. Все это спѣшило къ рѣкѣ; достаточно было взглянуть на эти лица, чтобы увидѣть, что всѣ они бѣгутъ умываться: пыль превратила каждаго изъ нихъ въ арапа, запеклась на губахъ, чернѣла въ углахъ глазъ, на пальцахъ, въ ушахъ, словомъ—всѣ они были буквально засыпаны пылью. И немудрено.

Когда я, отыскавъ себѣ *за 5 рублей* въ день какую-то мурью (вотъ какія непомѣрныя цѣны деруть въ Каховкѣ арендаторы постоялыхъ дворовъ и «номеровъ»!), умылся и вышелъ на улицу, то мнѣ придставилось такое зрѣлище. По всѣмъ улицамъ, которыхъ однако немного, и, главное, на огромномъ пространствѣ поля, прямо прилегающаго къ

селу, кучи народа. На улицахъ едва оставлено небольшое пространство посрединѣ, чтобы дать дорогу проѣзжимъ; по бокамъ же этой маленькой тропинки, въ пять и въ шесть рядовъ съ обѣихъ сторонъ, кучи, буквально кучи народа,— другого названія я не могу придумать. По срединѣ кучи людей—узлы, пожитки, а кругомъ нихъ, прислонившись къ нимъ спиной, головой, бокомъ, народъ: мужики, бабы, дѣвушки, парни, подростки. Это на улицѣ, а въ полѣ—и смѣты нѣтъ! Въ облакахъ пыли видны безчисленные холмики, какъ маленькія сопки,—это все пожитки и люди, люди! Эти люди ждутъ и лежатъ въ ожиданіи своихъ депутатовъ,—не толкаться же всѣмъ передъ покупателями, а толпы этихъ депутатовъ въ то же время осаждаютъ постоялые дворы, гостиницы, гдѣ на крыльцахъ, около крылецъ или посреди постоялаго двора вы можете видѣть и господъ покупателей.

Покупатели поминутно подкатываютъ къ Каховкѣ въ бричкахъ, въ коляскахъ, въ жидовскихъ фургонахъ; большею частью покупатели—евреи, арендаторы или управляющіе, при взглядѣ на которыхъ вы именно и чувствуете только одно, что это «покупатель народа». Но и господа съ русскими, малороссійскими и иностранными фамиліями производятъ не лучшее впечатлѣніе. Они галдятъ, хитрятъ, острятъ съ мужиками, съ бабами, съ дѣвками, искусно прислушиваются къ цѣнамъ, и надъ всѣми ихъ отношеніями и сношеніями съ народомъ явственно витаетъ только одна *копейка,* холодная мертвая коммерція, точно дѣло идетъ не о человѣкѣ, а о палой овчинѣ, которую также привозятъ въ Каховку.

Долго ходилъ я между этими кучами народу; народъ большею частью молодой, чистый, съ славными, осмысленными лицами. Грамотныхъ между ними множество, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Лубочная книжка, нравоучительный листокъ Кіево-Печерской лавры, а главное, разныя условія, договоры, которые они читаютъ, поминутно мелькаютъ въ рукахъ этой толпы. «Рабочаго» человѣка, ободраннаго и оборваннаго, напоминающаго вамъ объ одиночествѣ и сиротствѣ, еще нѣтъ или очень мало въ этой многотысячной толпѣ (до 30 т.). Это все почти «новь», выгнанная нуждою изъ своей стороны на чужбину. Живыя, оживленныя бесѣды слышатся поминутно. На вашихъ глазахъ завязываются знакомства между мужчинами и женщинами, парнями и дивчатами и какія группы прекрас-

ныя, какъ все жизненно, оригинально, искренно! Но хотя и хороша эта картина, удивительно хороша съ художественной точки зрѣнія, а что-то странно и какъ-то неловко быть среди нея.

Я долго не могъ понять, отчего это мнѣ какъ-то жутко среди этой тысячной толпы такого симпатичнаго народа? Но вдругъ догадался, что причина этой жуткости не что̀ иное, какъ оставшееся еще отъ Петербурга впечатлѣніе картины г. Полѣнова. Тамъ я тоже все смотрѣлъ на толпу, и живопись Христа приняла для меня только тогда огромное значеніе, когда я понялъ всю безпомощность и темноту этой толпы.

Какое воистину огромное и какое необходимое дѣло—придти въ эту толпу и взять на себя печаль о ея темнотѣ, озаботиться мыслью распутать эти темныя мысли, помочь выйти на свѣтъ, освѣтить умъ и совѣсть. Не будь Христа и Его нѣжнаго сердца, вѣдь эти темные люди, съ глупаго разума, убили бы ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Развратить, опозорить человѣка—это ничего, никто въ этомъ не виноватъ, а когда развратятъ, такъ необходимо убить его. Надо же выпутать темныхъ людей изъ этой ужасной неправды, и вотъ почему на сердцѣ становится хорошо и тепло при видѣ говорящаго живое слово. И мы, простые смертные, также вотъ ходимъ въ толпѣ людей темныхъ и видимъ, что среди нихъ только покупатели, арендаторы, люди, пріѣхавшіе сюда ужъ вовсе не за тѣмъ, чтобы принимать участіе въ судьбѣ людей, которыхъ они покупаютъ, а чего-нибудь хоть тѣни того, что̀ радуетъ въ картинѣ Полѣнова,—нѣтъ! Вѣтеръ, песокъ, народъ и покупатели его, да десятокъ казаковъ прочищаютъ дорогу для чьего-то фаэтона. Какъ всѣ они, вся эта толпа будетъ безъ него жить?

Пришла одна дѣвушка къ одной бѣдной крестьянкѣ, читаемъ мы въ газетѣ, и проситъ ее взять на воспитаніе незаконнаго ребенка, котораго она только-что родила. Она больна, бѣдна и измучена. Ей надо идти работать, найматься, ребенокъ связалъ ее по̀ рукамъ и по ногамъ.—«Брось его въ печь! куда ты съ нимъ дѣнешься?»—говоритъ ей изуродованная жизнью женщина, и та, будучи вся разбитая и удрученная безпомощнымъ положеніемъ на чужой сторонѣ, взяла да и бросила ребенка въ печь. Горе на всю жизнь, тюрьма, и опять горе до конца дней. А вѣдь эта преступница, эта злодѣйка здѣсь, въ этой толпѣ; она еще

только продается, не вѣдаетъ, куда ее броситъ случай и въ какія положенія поставитъ.

На моихъ глазахъ дѣвушка лѣтъ семнадцати принесла отцу-старику деньги, задатокъ, данный ей нанимателемъ.

Отецъ взялъ въ руки пятирублевую бумажку и спросилъ:

— За сколько?

— Шестьдесятъ!

Отецъ держалъ бумажку и молчалъ. Рядомъ стоялъ, вѣроятно, знакомый ему парень.

— Что̀ много?—вдругъ спросилъ парень, подозрительно смотря на дѣвушку. И отецъ смотрѣлъ на нее какъ-то невесело.

— У комнатахъ помогать буду, дакъ прибавилъ пятнадцать.

— Ни-ни, Боже мой! Не бери! Бери сорокъ пять, а пятнадцать ни Боже мой! Слышишь, старый? У комнатахъ! Это онъ вотъ что̀ хоче!

И парень совершенно опредѣленно объяснилъ, чего хоче панъ.

— Неси ему, сучьему сыну, назадъ!.. Иди къ другому... У комнату!

— У комнату!.. Разглядѣлъ, подлая душа, что товаръ хорошъ!

Дѣвушка, сконфуженная этимъ разговоромъ, ушла возвращать задатокъ.

— Что̀, есть хорошенькія?

— Цѣлыхъ восемь штукъ, одна къ одной!

Такой разговоръ идетъ на пароходѣ, куда *чистая публика* (не жиды) ходитъ обѣдать, потому что въ каховскихъ трактирахъ ѣсть ничего невозможно. Кто такіе разговаривающіе, не могу опредѣлить. «Господа» ли они подлинные, по-господски ли навострившіеся жить кулаки, просто ли живорѣзы въ хорошемъ платьѣ, рѣшительно не знаю. Пошлость разговора, который теперь слышишь поминутно, поравняла всѣхъ «дѣйствующихъ лицъ» вообще.

— Цѣлыхъ восемь штукъ! Ну, батюшка, это много! Я у васъ отниму парочку, непремѣнно отниму! А всѣхъ-то вообще?

— Двадцать восемь дѣвокъ!..

— Ну, ужъ какъ хотите, а въ (названіе какой-то деревни) будемъ непремѣнно (то же откровенное слово, что̀ и у парня). Непремѣнно... Да?

— Да, конечно! Что же объ этомъ разговаривать? конечно, зря не бросимъ! Человѣкъ! Карточку!

Жутко, жутко въ толпѣ «безъ Христа»! И когда я понялъ, отчего мнѣ жутко, и увидалъ, что у этой толпы дѣйствительно нѣтъ заступника, то мое воображеніе невольно стало рисовать всевозможныя положенія, въ которыя могутъ стать люди этой толпы «безъ заступника»!..

Несомнѣнно, изъ этой же массы еще наивныхъ, чистыхъ и неиспорченныхъ людей выйдутъ и матери-дѣтоубійцы, а стало-быть, и острожницы, и душевно-больныя. Несомнѣнно, выйдутъ и нищіе, и бродяги, и воры. Откуда берутся такъ-называемыя «босыя команды», которыя теперь составляютъ буквально неизбѣжную принадлежность каждаго не только города, но и мало-мальски порядочнаго села? Все это отсюда, изъ этого резервуара человѣческихъ существъ. Отсюда же выйдутъ и проститутки, и много выйдетъ ихъ именно вотъ изъ этихъ дивчатъ, которыя теперь хохочутъ съ парубками, какъ дѣти, щебечутъ, какъ птицы, много изъ нихъ будетъ куплено публичными домами. Я самъ видѣлъ въ 86 году евреевъ, которые разъѣзжали по Кавказу и Донской области, набирая дивчатъ въ публичные дома Екатеринодара и Новороссійска.

Итакъ, отсюда, изъ этого живого источника чистый, молодой, свѣжій народъ будетъ расхватанъ и растащенъ по всевозможнымъ мѣстамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ родной хатой. Воротившись, рабочій будетъ озлобленъ, онъ придетъ безъ копейки, не говоря о тѣхъ, кто отдастъ Богу душу въ чистомъ полѣ. Много народа воротится до родной хаты, и деньги принесетъ, и поправится; но что и сейчасъ, то-есть въ дни самой жгучей покупки людей, на Каховской ярмаркѣ толпы народа не нашли себѣ покупщиковъ, разбрелись кто куда и, напр., въ Николаевѣ, какъ извѣщали газеты, сбили заработную плату до 20 коп. въ день,—это вѣрно.

Все это ни въ малѣйшей степени не напоминаетъ порядковъ народной жизни, о которой повѣствовалъ Иванъ Семеновичъ, до того не напоминаетъ, что, глядя на толпу «безъ Христа», въ недоумѣніи можешь только спросить себя:

— Что же это такое творится?

Творится именно то, что кладетъ «печать молчанія на уста бездѣйствующаго поборника «якобы» русской, народной идеи».

VIII. Дополненія и поправки.

Чрезъ три года послѣ напечатанія моихъ «впечатлѣній поѣздки по Дунаю» (1886 г.) появилось опроверженіе всего, что̀ разсказывалъ мнѣ солдатъ Иванъ Семеновичъ. Опроверженіе это находится въ примѣчаніи къ переводу книги Э. Лавеле: «Балканскій полуостровъ», сдѣланному г. Н. Е. Васильевымъ.

Такъ какъ *опроверженія* г. Н. Е. Васильева въ высшей степени поучительны именно тѣмъ, что вполнѣ *подтверждаютъ* разсказы Ив. Сем. *офиціальными документами*, то мы и приведемъ ихъ въ краткомъ извлеченіи

Первая *сущая правда*, въ которой обличаетъ насъ съ солдатомъ г. Васильевъ, заключается въ разсказѣ Ивана Семеновича о томъ, что тотчасъ послѣ освобожденія Болгаріи, когда крупными имуществами беговъ захотѣли завладѣть мѣстные болгарскіе богачи, то правительство издало законъ, вслѣдствіе котораго было запрещено кому бы то ни было продавать и покупать болѣе 25 десятинъ *). Крупный землевладѣлецъ, благодаря такому закону, не имѣлъ успѣха, въ виду желаній правительства, чтобы земля распредѣлялась равномѣрно среди народныхъ массъ. Солдатъ, пересказывая объ этомъ мѣропріятіи «безъ всякихъ документовъ», говорилъ объ этомъ дѣлѣ такъ:

— *Какъ чуть* примѣтили, что зубье-то у живорѣзовъ стало разжиматься, *тую-жъ минуту* выходитъ повсемѣстно публикація: не смѣютъ ни турки, да и никто вообще ни продавать ни покупать больше 25 дес. въ однѣ руки.

Пересказавъ все, что̀ было сказано Ив. Сем. по этому дѣлу, г. Васильевъ говоритъ: въ дѣйствительности приходится, къ сожалѣнію, сказать, что разсказанное автору Ив. Семеновичемъ *сущая неправда* **).

И въ доказательство того, что солдатъ и я проповѣдывали, «къ сожалѣнію», сущую неправду, г. Васильевъ приводитъ документы, которые начинаются, также «къ сожалѣнію», почти тѣми же самыми словами, какими началъ разсказъ и солдатъ.

«*Дѣйствительно*,—пишетъ г. Н. Е. Васильевъ:—*первое же* (а солдатъ сказалъ: «*тую же минуту*») болгарское мини-

*) Солдатъ не зналъ наименованія болгарской земельной мѣры: мѣряется не на десятины, а на дюлюмы уврaты, гораздо меньшіе десятины.

**) Стр. 385.

стерство (Бурмова) попыталось, *административнымъ* путемъ, ввести предполагавшіяся мѣры, цѣль которыхъ и средства осуществленія видны изъ слѣдующихъ документовъ».

Первый документъ есть циркуляръ министра Балабанова, отъ 22-го сентября 1879 г., къ предсѣдателямъ окружныхъ судовъ. Препровождая копію съ сообщенія г. министра внутреннихъ дѣлъ *по вопросу о продажѣ въ настоящее время турецкихъ имуществъ, онъ пишетъ:*

«Находя предложенныя въ этомъ донесеніи мѣры *умѣстными и справедливыми* и принимая особенно во вниманіе какъ *положеніе турокъ*, которые, торопясь продажею, часто *дѣлаются жертвою спекулянтовъ*, а также и *положеніе болгарскаго населенія*, которое, вслѣдствіе *разоренія* отъ войны, *не въ состояніи нынѣ бороться съ легкостью противъ всякихъ спекулянтовъ*, предписываю вамъ, г. предсѣдатель, сообразоваться съ мѣрами, сообщенными министерствомъ внутреннихъ дѣлъ».

Документа о мѣрахъ не приведено, но каковы онѣ, это видно изъ *подтвержденія* объ исполненіи ихъ, сдѣланнаго министромъ правосудія въ 1882 г. 1-го сентября.

Обращаясь къ тѣмъ же предсѣдателямъ окружныхъ судовъ, министръ говоритъ:

«По слухамъ, дошедшимъ до ввѣреннаго мнѣ министерства, мѣры, принятыя съ 1879 г. относительно продажи турецкихъ имуществъ въ княжествѣ, *съ цѣлью предохранить населеніе отъ эксплоатаціи разныхъ спекулянтовъ*, были совершенно отринуты окружными судами, послѣдствіемъ чего было то, *что много земель, которыя должно было бы купить земледѣльческое населеніе*, перекупались разными спекулянтами, съ цѣлью перепродажи населенію по значительно высокимъ цѣнамъ, *или для замѣщенія собою прежнихъ чифтлико-владѣльцевъ*». Вслѣдствіе этого г. министръ предлагаетъ судамъ *строго сообразоваться* съ мѣрами 1879 г. (стр. 387).

Въ 1883 г. эти мѣры были отмѣнены, но, отмѣняя ихъ, министръ правосудія говоритъ, *какія именно* мѣры отмѣняются *). И тутъ мы встрѣчаемъ цифру 25, о которой говорилъ «по слухамъ» солдатъ; отмѣняются циркуляры, *«коими ограничивалось право гражданъ покупать болѣе*

*) Впрочемъ, то обстоятельство, что та или другая мѣра «отмѣнена», вовсе не означаетъ, чтобы она не была замѣнена другою, въ иной формѣ, чему ниже будутъ приведены примѣры.

двадцати пяти уватовъ земли». Конечно, у всякаго добросовѣстнаго начинанія не можетъ не быть враговъ. Сократить аппетитъ чорбаджіевъ на остающіяся послѣ беговъ помѣстья—дѣло нелегкое; но что въ Болгаріи были добрые люди, какъ говорилъ мнѣ солдатъ, которые *тую-жъ минуту* поспѣшили вырвать изъ пасти хищниковъ лакомый кусокъ,—развѣ это неправда?

Оставляя непонятныя соображенія г. Н. Е. Васильева въ сторонѣ, приводимъ еще документъ, доказывающій, что вопросъ «о земельныхъ порядкахъ» не былъ выдуманъ Ив. Семеновичемъ зря.

Что касается опредѣленія количества земли, подлежащей отчужденію и выкупу, то въ законѣ «за господарскитѣ и чифтликски земли, 19-го января 1885 г.», сказано:

«Ст. 7. Для прокормленія *одного семейства признаются нужными:* полей (ниви) отъ 8 до 15 дюлюмовъ на душу (мужскую, женскую) и луговъ (ливади) отъ 2 до 6 дюлюмовъ на семейство; но, во всякомъ случаѣ, общее количество земли *не должно превышать ста дюлюмовъ.*

«Ст. 8. Если «момка» (т.-е. наемный работникъ, слуга) или «ортакчията» (т.-е. работавшій изъ извѣстной доли) работали у землевладѣльца, который лично обрабатывалъ и обрабатываетъ свою землю и у котораго земля своимъ размѣромъ не превышаетъ 100 уватовъ, то такой «момка» не можетъ желать выдѣла изъ земли такого чифтлика».

(Изъ преній по поводу этого закона видно, что подъ дюлюмомъ разумѣлось пространство земли, имѣющее 40 шаговъ въ длину и 40 шаговъ въ ширину, и дюлюмъ и уватъ должно считать тожественными другъ другу).

Но если этотъ «момка» не можетъ требовать выдѣла изъ 100 уватовъ на родинѣ за тѣснотой, то онъ, какъ переселенецъ, на новыхъ мѣстахъ пользуется вотъ какими правами.

Въ законѣ «за населяване на ненаселените земи въ Болгария» (20-го мая 1880 г.) сказано:

«Ст. 5. Переселенцамъ, смотря по числу членовъ семейства и состоянію ихъ, дается нужная земля и позволяется безпошлинно нарубить необходимый для построенія жилищъ и земледѣльческихъ орудій матеріалъ въ лѣсахъ, которые будутъ указаны имъ правительствомъ. Одному семейству дается для заселенія и обрабатыванія земли, смотря по числу членовъ семейства и по качеству земли, отъ 30 до 60 дюлюмовъ, а также и соразмѣрное пастбище для скота.

«Ст. 7. Переселенцы пользуются данной имъ землею безъ права продажи или залога ея въ теченіе 20 лѣтъ, и лишь по истеченіи этого срока они дѣлаются ея собственниками».

Въ какомъ же смыслѣ толкуетъ это распоряженіе г. Васильевъ?

«Какъ видно изъ этихъ статей поземельныхъ законовъ, въ послѣднихъ *нѣтъ ничего необыкновеннаго, превосходящаго соотвѣтственныя русскія законоположенія.*

«Такимъ образомъ нельзя согласиться съ Ив. Семенычемъ автора, будто бы въ вопросѣ о владѣніи землею болгары *превзошли* русскихъ; *фактическихъ основаній* для такого вывода, по крайней мѣрѣ, *не представлено...*» (стр. 388).

Не представлено? Самъ Н. Е. В. представилъ наилучшія фактическія доказательства, и самъ утверждаетъ, что *не представлено!*

Но то ли еще будетъ!

Вторая изъ нашихъ *сущихъ неправдъ и полуправдъ* есть разсказъ солдата о земледѣльческихъ кассахъ, которыя образовались, по его словамъ, изъ сбора съ жителей хлѣба и продажъ его, для образованія капитала земледѣльческихъ кассъ. Съ цѣлью и тутъ уязвить насъ съ солдатомъ хоть чѣмъ-нибудь, г. Н. Е. В., по Божьему попущенію, опять-таки пишетъ просто очаровательную страницу въ нашу защиту.

«Далѣе Ив. Сем-чъ передалъ автору о такъ-называемыхъ земледѣльческихъ кассахъ. Эти кассы *дѣйствительно существуютъ* и учреждены онѣ Митхадъ-пашою. Вотъ что пишетъ по этому поводу нашъ бывшій генеральный консулъ въ Рущукѣ Мошнинъ. «Митхадъ-паша, управлявшій этою дунайскою провинціею съ 1864 г. по 1869 г., старался помочь... ненормальному положенію земледѣльческаго населенія (т.-е. его задолженности). Учрежденіе поземельныхъ банковъ являлось наиболѣе существенною мѣрою, которая могла бы въ нѣкоторой степени удовлетворить нужды земледѣльцевъ въ кредитѣ. Но, для учрежденія такихъ банковъ, Митхадъ-паша нуждался въ содѣйствіи чордбаджій, этихъ христіанскихъ представителей угнетенной райи въ турецкихъ судахъ и предъ властями. Но тутъ-то Митхадъ-паша и встрѣтилъ противодѣйствіе, ибо чордбаджіи, съ учрежденіемъ банковъ, теряли лучшее помѣщеніе своимъ капиталамъ. Чордбаджіи очень откровенно отвѣчали грозному правителю, что они живутъ процентами отъ своихъ

капиталовъ, которые съ открытіемъ банковъ не будутъ приносить имъ болѣе 12% въ годъ, такъ какъ землепашцы естественно будутъ обращаться за ссудою къ банкамъ. Но когда *паша, несмотря на то,* что онъ щадилъ чордбаджій, этихъ главныхъ турецкихъ полицейскихъ, *нашелъ все-таки возможность открыть банки,* то чордбаджіи, чтобы парализовать ихъ дѣйствіе, сами стали занимать въ банкѣ деньги по 12%, ссужая потомъ въ розницу землепашцу по 18 и 20% въ годъ. Банки значительно облегчили положеніе землепашца. *Не находя капиталовъ у чордбаджій для основанія кредитныхъ банковъ,* Митхадъ *старался основать послѣдніе при помощи самихъ землепашцевъ.* Съ этою цѣлью онъ постановилъ, чтобы всякому владѣльцу сохи было выдано извѣстное количество кукурузы для посѣва, съ тѣмъ, чтобы сборъ посѣва послѣдней былъ проданъ въ пользу основного капитала сельскаго банка. Затѣмъ крестьяне обязаны были обрабатывать часть необработанной земли и засѣвать кукурузою; такая нововоздѣланная земля поступала въ управленіе самого банка. Такимъ образомъ этотъ губернаторъ успѣлъ образовать огромный капаталъ, и черезъ годъ послѣ принятія этой мѣры въ кассѣ банковъ находилось 200 тысячъ турецкихъ лиръ или 4.600.000 франковъ. Въ 1867 году Митхадъ сообщилъ вилайетскому совѣту о результатѣ дѣятельности банковъ, который казался ему еще недостаточнымъ, и потому было положено продолжать развивать дѣятельность банковъ въ томъ же направленіи. Впослѣдствіи, передъ началомъ войны съ Россіей, турецкія власти увезли капиталы земледѣльческихъ кассъ. И кассы были возстановлены уже во время оккупаціи императорскимъ россійскимъ комиссаромъ, отчислившимъ для этого потребныя суммы изъ общихъ доходовъ Болгаріи. Кассы дѣйствуютъ и понынѣ, но питаются онѣ *не тѣмъ способомъ, про который разсказывалъ автору Ив. Сем—чъ, и помимо занимаютъ деньги у государства».*

«Въ этомъ случаѣ *Митхадъ,* несомнѣнно, превзошелъ нашихъ администраторовъ, *но, по крайней мѣрѣ, и мы можемъ утѣшиться тѣмъ,* что возрожденіе учрежденій Митхада *совершено русскимъ,* княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ» (39 стр.).

Изъ этого примѣра читатель видитъ, что кассы дѣйствительно существуютъ, что онѣ устроены именно такъ, какъ разсказывалъ солдатъ, но что опять-таки мы не миновали уязвленія со стороны г. Васильева именно за то, что кассы

эти учреждены не болгарами, а Митхадомъ, т.-е. туркомъ, и что если въ нихъ есть что-нибудь хорошее, такъ это то, что возстановили ихъ «мы».

Третья, опровергаемая г. Н. Е. В., *сущая неправда* еще пріятнѣй, чѣмъ вторая, и заключается вотъ въ чемъ:

«Далѣе, Ив. Сем—чъ говорилъ автору о существованіи сиротскихъ кассъ и даже разсказалъ, какъ все въ нихъ совершается. Въ дѣйствительности же, вслѣдствіе изданія 12-го октября 1881 г. «закона объ опекѣ», сиротскія кассы ликвидированы къ 1-му января 1882 г. Итакъ, ко времени опубликованія статьи автора сиротскія кассы ужъ пять съ половиною лѣтъ какъ *не существовали*. Вопросъ о совершенномъ измѣненіи турецкаго устава объ этихъ кассахъ былъ поднятъ Петкою Каравеловымъ, и въ соотвѣтственномъ докладѣ его князю объ этомъ онъ выражается такъ: «Необходимо совершенное измѣненіе турецкаго устава о сиротскихъ кассахъ, такъ какъ принципъ, на коемъ онъ основанъ, совершенно несообразенъ съ нынѣшними условіями». Составленная, по его предложенію, комиссія выработала законопроектъ объ опекѣ, который, послѣ извѣстной процедуры, былъ въ эпоху полномочій князя утвержденъ имъ и получилъ силу закона. Согласно 25 ст. этого закона: «Опекунъ обязанъ: деньги, вырученныя отъ продажи (движимаго имущества), а также и доходы, собранные съ недвижимаго имущества, вносить своевременно въ земледѣльческую кассу, гдѣ сиротскія деньги содержатся отдѣльно и подъ вѣрный залогъ или вѣрное поручительство отдаются всякому, съ лихвою 9%». Такимъ образомъ капиталы сиротъ съ 1882 года находятся въ пользованіи земледѣльческихъ кассъ, при чемъ 27 ст. вышеупомянутаго закона гласитъ такъ: «Отъ лихвы на сиротскія деньги: $1^1/_2$% получаетъ опекунъ, $1^1/_2$% удерживаетъ для себя кассиръ земледѣльческой кассы, а остальные 6% остаются въ пользу несовершеннолѣтняго».

Вотъ что мы находимъ о сиротскихъ кассахъ въ оффиціальныхъ документахъ, приводимыхъ г. Васильевымъ. Имѣетъ ли онъ какую-нибудь возможность «оборотить» и эти-то документы противъ насъ съ солдатомъ? Оказывается—имѣетъ!

«Такимъ образомъ,—пишетъ онъ:—въ виду вышеизложеннаго, слова автора: «Вѣдь это правда, что деревня имѣетъ превосходно организованный земледѣльческій кредитъ, сдѣ-

ланный умно и просто, при помощи простого сбора и продажи для общественной пользы продукта»,—представляютъ правду только въ отношеніи исторіи образованія капитала земледѣльческихъ кассъ, въ *остальномъ же* (?) они *далеки отъ дѣйствительной правды* какъ и относительно этихъ кассъ, такъ и относительно кассъ сиротскихъ, *не существующихъ* (?) *уже 5½ лѣтъ*.

«Равнымъ образомъ только формально правы и слѣдующія слова автора: «Вѣдь это правда, что излишекъ кассовыхъ доходовъ идетъ на общественныя дѣла: дороги, школы, церкви». По уставамъ, на бумагѣ, это *должно* совершаться; но на дѣлѣ и самыя кассы непрочны».

Итакъ, въ то время, когда мы съ солдатомъ разсуждали о сиротскихъ кассахъ, ихъ уже не существовало цѣлыхъ пять лѣтъ. Что же доказываетъ вышеприведенный документъ? Уничтожены отдѣльныя сиротскія кассы, но тотчасъ сиротскія деньги помѣщены въ земледѣльческомъ банкѣ, какъ особый сиротскій фондъ, и безъ малѣйшаго перерыва употребляются и расходуются именно такъ, какъ Иванъ Семеновичъ разсказывалъ. Даже и то, что Иванъ Семеновичъ сказалъ объ излишкѣ доходовъ кассъ, употребляемомъ на общественныя надобности, и то оказывается *формально* справедливымъ.

Но не всѣ еще наши «сущія неправды» исчерпаны г. Васильевымъ. Я сказалъ, со словъ солдата, что болгарскій мужикъ, отъѣвшійся и ожирѣвшій въ удобствахъ жизни, можетъ быть даже и противенъ нашему мужику-освободителю, весь вѣкъ живущему безъ дна и покрышки, и что болгарскій крестьянинъ относится къ нашему, какъ баринъ къ мужику. «*Можетъ-быть, онъ и баринъ*»,—соглашается г. Н. Е. В., но тотчасъ же, вслѣдствіе своего упорства доказать самое безпомощное положеніе этого «барина», не дающее ему никакого превосходства надъ положеніемъ нашего крестьянина,—продолжаетъ свою рѣчь такъ: «но пока еще онъ настолько теменъ, *что государственной власти то и дѣло приходится его охранять...*» (409).

Положительно есть что-то непостижимое въ міросозерцаніи Н. Е. В. *Охранять* хуже, чѣмъ не охранять человѣка? Такъ надобно понимать г. Н. Е. В. или иначе? Къ величайшему удивленію оказывается, что именно такъ, т.-е. въ совершенно обратномъ смыслѣ и надобно понимать «охрану» крестьянина государствомъ. Въ доказательство

того, что болгарскій крестьянинъ теменъ и не умѣетъ распорядиться своими матеріальными средствами, онъ, *въ укоръ болгарскому* мужику, печатаетъ слѣдующій циркуляръ (стр. 410):

«Циркуляръ изъ министерства общественныхъ работъ, земледѣлія и торговли, № 74. Гг. окружнымъ управителямъ.

«Для полученія необходимыхъ средствъ къ добыванію сѣмянъ, рабочаго скота и матеріаловъ для своей работы, многіе изъ жителей нѣкоторыхъ округовъ *прибѣгаютъ къ заимодавцамъ-лихоимцамъ и дѣлаютъ займы на такихъ тяжкихъ условіяхъ, которыя, вмѣсто поправленія, доводятъ хозяйство заемщика до совершеннаго разоренія.* Не будучи въ состояніи выполнить въ срокъ эти непосильныя задолжанія, они увеличиваютъ ихъ такими же новыми, и всѣ эти займы, съ теченіемъ времени, возрастаютъ наконецъ до такой степени, что исчезаетъ и самая возможность ихъ удовлетворенія. *Несчастный и довѣрчивый поселянинъ* съ горестью замѣчаетъ впослѣдствіи, что его долги давно превысили его состояніе, что его доходы давно уже и всецѣло заложены и преданы въ руки заимодавца, и что путь ко всякому улучшенію его хозяйства совершенно закрытъ по той простой причинѣ, что весь его доходъ долженъ идти на выплату необдуманно сдѣланнаго займа и легкомысленно принятыхъ задолжаній.

«Такъ какъ подобныя дѣйствія заимодавцевъ *разорительны* для населенія, а *по этому* самому и *противозаконны*, то на правительство налагается *священная обязанность предохранять населеніе отъ рукъ разорителей* объявленіемъ, съ одной стороны, что такіе займы будутъ считаться недѣйствительными, а съ другой стороны, *доставленіемъ поселянамъ средствъ и возможности удовлетворить всѣ неминуемыя и законныя потребности, необходимыя для улучшенія ихъ хозяйства.*

«Вслѣдствіе этого прошу васъ, г. управитель, объявить по ввѣренному вамъ округу: 1) что, по соглашенію между ввѣреннымъ мнѣ министерствомъ и министерствомъ правосудія, *всѣ ссуженныя* торговцами, корчмарями и всякаго рода заимодавцами поселянамъ *суммы, съ лихвою,* превышающею признаваемую дѣйствующими *законами, будутъ считаться въ судахъ недѣйствительными,* какими бы подписями онѣ ни были завѣрены; 2) что окружныя и околійскія власти должны блюсти, чтобы не заключалось подобныхъ неправильныхъ займовъ; 3) что власти должны

сообщать мнѣ своевременно о каждомъ случаѣ нарушенія распоряженій, упоминаемыхъ въ этомъ циркулярѣ; *4) что правительство готово доставить нуждающимся поселянамъ, прямо или черезъ земледѣльческія кассы, какъ необходимые съмена и матеріалы, такъ и средства для увеличенія числа потребнаго скота, и 5) что окружные совѣты должны своевременно изучать нужды сельскаго населенія и сообщать о нихъ министерству, которое своевременно же въ состояніи будетъ озаботиться и ихъ удовлетвореніемъ.* Софія, 7 января 1884 г. Министръ: Т. Икономовъ. Главный секретарь: Д. В. Храмовъ. Нач. отдѣленія: Ив. А. Гошевъ».

Прочитавъ это распоряженіе, что можно сказать о немъ, кромѣ того, что распоряженіе это самое гуманное и самое разумное по отношенію къ крестьянину? Однако же г. Васильевъ и тутъ сумѣлъ все свести на нуль.

Оказывается, что и о сю пору «селяку» есть о чемъ и «умолявать» правительство: такъ много у него нуждъ и затрудненій!

На этомъ я и оканчиваю цитаты изъ подлинныхъ документовъ, которые г. Н. Е. В. приводитъ въ доказательство того, что мы съ солдатомъ ложно свидѣтельствовали о земельныхъ порядкахъ въ Болгаріи. Читатель самъ видитъ, что г. Н. Е. В. наилучшимъ образомъ *подтверждаетъ* все, что сказалъ мнѣ солдатъ и что я передалъ съ его словъ. Но почему г. Н. Е. В. пожелалъ вполнѣ достовѣрные, поучительные для русскаго общества факты низвести до степени полной для насъ незначительности, вмѣсто того, чтобы выяснить ихъ дѣйствительное значеніе, этого я не понимаю, объяснить не могу, и могу причислить это недоразумѣніе только къ тѣмъ явленіямъ русской дѣйствительности, для объясненія которыхъ не найдешь и не соберешь концовъ.

X. Вѣрный холопъ.

(Изъ частной переписки).

I.

Наканунѣ каждаго Новаго года у всякаго обывателя является желаніе обозрѣть какъ свое, такъ и общественное поведеніе за прошлый годъ и опредѣлить въ немъ «хорошія» и «нехорошія» мысли и дѣянія, также личныя и

общественныя. Какъ всякій обыватель, я, по обыкновенію, предавался такимъ размышленіямъ и наканунѣ 89-го года, но, сообразивъ, что канунъ 89-го г.—канунъ года незауряднаго, а послѣдній день и послѣдній часъ двадцатипятилѣтія земскаго строенія, оживотворившаго всѣ стороны всенародной жизни, я понялъ, что мнѣ не подъ силу будетъ одолѣть, въ короткіе часы новогодней ночи, даже и сотую часть того, что̀ пережито и сдѣлано народнымъ стараніемъ въ эту четверть вѣка. Однако потребность и желаніе думать и размышлять объ уходящемъ въ вѣчность двадцатипятилѣтіи не покидали меня и, совершенно неожиданно, заставили вспомнить, что въ моихъ бумагахъ есть довольно много писемъ отъ читателей, написанныхъ, очевидно, вслѣдствіе настоятельной необходимости разобраться въ современной суетѣ-суетъ и выяснить связь или разницу между прошлымъ и настоящимъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я тотчасъ же принялся пересматривать и перечитывать письма читателей, но—увы!—очень и очень скоро потерялъ всякую охоту къ этому трудному занятію. Да, трудному! Достаточно было просмотрѣть пять-шесть такого рода писемъ, авторы которыхъ одинъ за другимъ доказывали полнѣйшую безсмыслицу существованія всякаго русскаго человѣка, чтобъ пропала всякая охота продолжать чтеніе писемъ, уже читанныхъ по мѣрѣ полученія. Я хотѣлъ тотчасъ же собрать и заключить ихъ въ тотъ пакетъ, въ которомъ они находились прежде, когда мое вниманіе случайно привлекли въ одномъ письмѣ подчеркнутыя строки такого содержанія:

«...И, какъ на грѣхъ, такая безсмыслица жизни угнетаетъ насъ всѣхъ тогда, когда всѣ мы, все общество, всякій баринъ и всякій мужикъ, ощущаемъ вообще задачи жизни несравненно многосложнѣе, чѣмъ прежде, и когда вообще *личное* пониманіе другъ друга, личныя другъ къ другу отношенія положительно *измѣнились въ лучшемъ смыслѣ*».

Эти строки, какъ бы случайно сорвавшіяся съ пера автора, заинтересовали меня, и, прочитавъ его письмо, я нашелъ въ немъ нѣчто ободряющее «унылаго человѣка» и рѣшился сдѣлать изъ него кой-какія извлеченія.

II.

Посвятивъ нѣсколько ничего не значащихъ строкъ указанію причинъ, по которымъ, при такомъ успѣхѣ въ осложненіи отношеній барина и мужика, все-таки «ничего не

выходитъ» и которыя я пропускаю, какъ совершенно ненужныя, авторъ продолжаетъ такъ:

«Всѣ партіи, — пишетъ онъ: — люди всѣхъ направленій прежде всего въ наше время, волей-неволей, должны думать о народныхъ массахъ, уже не могутъ существовать, не думая о нихъ, о ихъ положеніи, о ихъ будущности. Похорошему или по-худому думаютъ представители общественныхъ партій о народѣ, все равно, но они, несомнѣнно, думаютъ уже о немъ такъ много и такъ всесторонне, какъ никогда въ прошедшія крѣпостныя времена не бывало. Это разъ. Но самое важное и отрадное въ томъ, что все поколѣніе людей, выросшее умственно и нравственно въ пореформенныя времена, хотя и ничего путнаго на дѣлѣ не совершило, но уже неискоренимо озабочено народнымъ дѣломъ; дѣло это вошло уже въ плоть и въ кровь, и сущность *личныхъ* отношеній современнаго барина къ мужику несравненно человѣчнѣе, чѣмъ это было лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ. «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова заслуживаетъ глубочайшаго нашего вниманія и благодарности къ ея автору, какъ подлинный документъ нашихъ *личныхъ* отношеній къ обществу и къ народу, изобилующихъ фактами полнѣйшаго невниманія ни къ своей ни къ чужой человѣческой личности.

«Не знаю, помните ли вы очерки И. А. Гончарова «Слуги», которые ничуть не менѣе ярко изображаютъ именно *человѣческія* отношенія барина и мужика въ недавнія еще отъ насъ времена?

«Въ этихъ очеркахъ прежде всего поражаетъ и заслуживаетъ благодарности та неприкрашенная и ничѣмъ не смягченная искренность, съ которою авторъ передаетъ о своихъ взглядахъ на народъ и о своихъ личныхъ къ нему отношеніяхъ.

«Простой народъ,—пишетъ онъ въ предисловіи къ этимъ очеркамъ:—т.-е. крестьянъ-земледѣльцевъ, я видѣлъ за ихъ работами, большею частью, изъ вагона желѣзной дороги. Видѣлъ, какъ идутъ наши мужики безъ шапокъ, въ рубашкахъ, въ лаптяхъ, обливаясь потомъ. Видѣлъ, какъ въ Германіи, съ коротенькой трубкой въ зубахъ, крестьяне пашутъ, крестьянки жнутъ въ соломенныхъ шляпахъ; во Франціи *гомозятся* въ поляхъ въ синихъ блузахъ, въ Англіи въ плисовыхъ курткахъ, сѣютъ, косятъ или везутъ продукты въ города. Далѣе, видѣлъ работающихъ на поляхъ индійцевъ, китайцевъ на чайныхъ, кофейныхъ и са-

харныхъ плантаціяхъ. Проѣздомъ чрезъ Сибирь видѣлъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ, — якутъ, бурятъ и другихъ—*и все это издали, со стороны, катясь по рельсамъ, ѣдучи верхомъ, иногда съ борта корабля, и не вступалъ ни въ какія отношенія, — не приходилось, случая не было*» *).

«Этотъ отрывокъ съ поразительною ясностью показываетъ неизмѣримую разницу отношеній между «бариномъ» и «мужикомъ», возможную, какъ видите, не больше какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ и рѣшительно невозможную въ настоящее время. И въ настоящее время въ нашемъ обществѣ есть еще остатки крѣпостничества, прямо проповѣдующіе «розги» для пользы народа, и они, вѣроятно, видятъ народъ только изъ вагона, «издали»; но если и такіе наблюдатели находятъ нужнымъ проповѣдывать о пользѣ розогъ и вообще думать о какихъ-то мѣропріятіяхъ по отношенію къ народу, стало-быть, имъ *уже надо* почему-то думать объ этомъ; не зная народа, они знаютъ, чувствуютъ, что у нихъ уже есть къ нему *какія-то отношенія*, тогда какъ сорокъ лѣтъ назадъ можно было жить, не имѣя къ нему *никакихъ отношеній*, можно было прожить вѣкъ въ такихъ условіяхъ, что *не приходилось* даже и касаться народа, и если *приходилось* видѣть его изъ окна вагона, вообще издали, такъ только потому, что нельзя его не видѣть: онъ самъ лѣзетъ въ глаза, копошится и гомозится на пашняхъ, то въ рубахахъ, то въ куртках, то въ соломенныхъ шляпахъ.

«Въ настоящее время нѣтъ десятилѣтняго ребенка во всей Россіи, который бы не зналъ или, по крайней мѣрѣ, не чувствовалъ своихъ отношеній къ народу. Не о качествѣ этихъ отношеній говорю, а о томъ, что отношенія эти лежатъ уже въ *личномъ* обиходѣ жизни всѣхъ россійскихъ обывателей.

«Европейскій «баринъ» также весь вѣкъ живетъ безъ всякихъ «отношеній» къ европейскому мужику; но кто же можетъ сказать, что для него достаточно только видѣть его изъ вагона, достаточно замѣтить, что онъ въ куртке и надъ чѣмъ-то «гомозится», и потомъ забыть? Не видитъ онъ ничего больше, но думаетъ о томъ, чего не видитъ, уже много-много. Развѣ мало онъ употребляетъ самыхъ существенныхъ усилій, чтобы обуздать эту «невидимку»,

*) Полн. собр. соч., т. IX, стр. 174—175.

хотя и не имѣетъ съ ней никакихъ непосредственныхъ *отношеній*?

«Точно также и у насъ, во всемъ нашемъ обществѣ, «народъ» сталъ уже предметомъ серьезнаго вниманія; не мало и у насъ размышляютъ объ обузданіи, но еще болѣе, и во всемъ почти пореформенномъ поколѣніи, относительно народа уже живутъ исключительно симпатичныя о немъ мысли. Въ личныхъ, ежедневныхъ нашихъ отношеніяхъ къ народу, въ какихъ бы положеніяхъ онъ съ нами ни сталкивался, мы не можемъ уже не относиться къ нему иначе, какъ «къ человѣку», чего рѣшительно могло не быть лѣтъ сорокъ тому назадъ, и притомъ въ средѣ такъ-называемаго «избраннаго» общества, т.-е. людей высшей интеллигенціи. «Тѣ же разсказы И. А. Гончарова о «Слугахъ» доказываютъ это какъ нельзя лучше. Въ предисловіи къ нимъ почтенный авторъ, сдѣлавъ искреннее признаніе о томъ, что онъ не имѣлъ къ народу *никакихъ отношеній*, съ тою же искренностью сообщаетъ, что не разъ ему приходилось за это слышать упреки: «Зачѣмъ не шелъ въ народъ, не искалъ случая сблизиться, узнать, изучить его? Эпикуреизмъ, чопорность, любовь къ комфорту мѣшали?» «Упрекая меня въ невѣдѣніи народа *и мнимомъ къ нему равнодушіи*, замѣчаютъ въ противоположность къ этому, что я немало потратилъ красокъ на изображеніе дворовыхъ людей, слугъ. Это правда. На это бы прежде всего можно было замѣтить, что *слуги, дворовые люди, особенно прежніе крѣпостные, тоже «народъ», тоже принадлежатъ къ меньшей братіи*» *). И слѣдовательно, будучи внимателенъ къ этимъ представителямъ народа, авторъ снимаетъ съ себя обвиненіе *въ мнимомъ къ нему равнодушіи*. Все это высказывается, повторяемъ, безъ всякой утайки, но посмотрите, какая непомѣрная разница въ этомъ *неравнодушіи* по отношенію къ народу, къ меньшей братіи, въ недавнемъ прошломъ и въ настоящее время.

«—*Тебѣ цѣны нѣтъ!* знаешь ли ты, Матвѣй?—такъ въ концѣ долголѣтней совмѣстной жизни говоритъ «баринъ» своему слугѣ, характеризируя ему же его личныя качества.

«Въ числѣ портретовъ «слугъ», портретъ Матвѣя сосредоточиваетъ на себѣ всѣ симпатіи автора. Чѣмъ же онъ такъ хорошъ, что, воротясь изъ кругосвѣтнаго плаванія и найдя Матвѣя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ

*) Стр. 175.

раньше, «баринъ его не могъ не высказать ему самаго искренняго о немъ мнѣнія», слагавшагося въ теченіе долголѣтняго опыта совмѣстной жизни? А вотъ чѣмъ:

«Я жилъ (при Матвѣѣ) точно семейный: безопасно, уютно, не заботясь о цѣлости своего гнѣзда и добра, и благословлялъ случай, пославшій мнѣ такого друга-слугу. Да, друга, потому что въ немъ обнаруживались признаки хотя рабской, т.-е. лакейской, оставшейся отъ крѣпостного права, *но живой преданности ко мнѣ и къ моимъ* интересамъ, матеріальнымъ, разумѣется. Вниманіе *его ко мнѣ*, заботливость о моемъ спокойствіи и добрѣ, *его неподкупная честность* (онъ, несмотря *на жадность* (?), не продалъ бы меня ни за какіе милліоны), потомъ его трезвость и аккуратность, все это, если не привязывало меня къ нему, то заставило дорожить имъ. Потеряй я *его*—онъ былъ бы незамѣнимъ».

«Словомъ, Матвѣй былъ по отношенію къ барину образцовый слуга. Ни одной барской копейки онъ не утаилъ, и точностью и аккуратностью изумлялъ самого барина и даже выводилъ его изъ терпѣнія. Таковъ Матвѣй былъ *для барина*, за что и получилъ отъ него искреннѣйшее привѣтствіе:

«— Тебѣ *цыны нѣтъ!* Знаешь ли ты, Матвѣй?»

«Но каковъ былъ Матвѣй самъ по себѣ? Каковы были его *личныя* качества, и что онъ вообще былъ за человѣкъ? Теперь для насъ эти вопросы о человѣкѣ самаго простого положенія имѣютъ обоюдно-важное другъ для друга значеніе, а тогда какъ было въ этомъ отношеніи? Матвѣй былъ крѣпостной человѣкъ и, чтобы выкупиться на волю, постоянно копилъ деньги. Для этого онъ почти ничего не ѣлъ, кромѣ селедки, и не пилъ ни капли вина, хотя однажды, на праздникъ Пасхи, *объѣлся* положительно *до полусмерти*. Еще задолго до Пасхи онъ мечталъ «запечь» окорочокъ. У него даже глаза блестѣли и явилась смачная улыбка. Онъ почти облизывался. Чуть румянецъ не заигралъ на щекахъ. Потомъ онъ внезапно принялъ свой *мертвый видъ*». У него былъ всегда мертвый видъ, такъ какъ онъ почти постоянно голодалъ, копя каждую копейку. Но въ извѣстные моменты Матвѣй объѣдался ужасно, до того, что, по случаю одного такого обжорнаго дня, баринъ чуть-было не лишился этого примѣрнаго слуги, почему и подробно разсказываетъ хлопоты съ излѣченіемъ слуги отъ послѣдствій этого обжорства. Въ обыкновенное же время Матвѣй почти буквально

ничего не ѣлъ, а все копилъ деньги на выкупъ. Надобно было ему накопить семьсотъ рублей. — «Гдѣ же накопить такую большую сумму?—спросилъ его баринъ.—Изъ жалованья трудно!»

«— Процентами!—тихо, почти съ лукавой улыбкой, сказалъ онъ. — Въ долгъ деньги берутъ и хорошіе проценты платятъ! Это (ростовщичество) не грѣхъ, баринъ! И нашъ ксендзъ (я исповѣдался ему) сказалъ:—«Ничего, говоритъ, если не жмешь очень! Только на церковь не жалѣй!» Я, что-жъ? только два процента беру въ мѣсяцъ и впередъ вычитаю только половину» *).

«*Я забылъ сказать*, что у Матвѣя была *цѣлая* кладовая разнообразныхъ предметовъ, напримѣръ: шубъ, женскихъ платьевъ, офицерскихъ пальто, лисьихъ салоповъ, бархатныхъ мантилій, развѣшанныхъ по стѣнамъ его комнаты и по коридору, тщательно прикрытыхъ простынями, частью лежащихъ на полкахъ, иногда на полу. То англійское сѣдло высовывается изъ-подъ кровати, то пара пистолетовъ виситъ на гвоздяхъ. Золотыя и серебряныя вещи онъ хранилъ, кажется, въ моихъ шкапахъ съ платьемъ и посудой».

Разговоръ о ростовщичествѣ, между бариномъ и слугой, начался въ видахъ опасенія барина, чтобы его самого не приняли за ростовщика, но кончился тѣмъ, что Матвѣй могъ безпрепятственно продолжать свое дѣло: «Я махнулъ ему рукой, чтобы шелъ вонъ». На этомъ разговоръ и кончился. Проживъ весь свой вѣкъ впроголодь и въ постоянномъ напряженіи мысли нажить копейку, Матвѣй уже по возвращеніи барина изъ кругосвѣтнаго путешествія, прослуживъ ему нѣсколько лѣтъ, задумываетъ жениться.

«—Ты? жениться хочешь? Неправда! — сказалъ баринъ, вставъ въ изумленіи съ кресель, и *закатился* хохотомъ.

«— Правда, баринъ, правда!—заторопился онъ и будто застыдился.

«— Ты, семейный человѣкъ, съ женой? съ дѣтьми?—И я опять захохоталъ.

«— Богъ съ ними, баринъ, съ дѣтьми! Какія, баринъ, дѣти? Стану ли я такимъ пустымъ дѣломъ заниматься? Это баловство, тьфу!

«Онъ пошелъ, плюнулъ въ уголъ и воротился.

«— Она почти старушонка!—прибавилъ онъ.

«— Тебѣ-то что за охота связать себя?

---

*) Стр. 251—254.

«— У ней деньги есть...—шопотомъ говорилъ онъ:—говорятъ, за тысячу будетъ и больше, — двѣ, можетъ-быть... Она знаетъ, что и у меня тоже есть... Будемъ вмѣстѣ дѣла дѣлать... Снимемъ большую квартиру, кухмистерскую откроемъ... Залу снимемъ, отдавать подъ свадьбы... Какъ наживемся, страсть!.. Вотъ, баринъ, безъ хозяйки этихъ дѣловъ нельзя дѣлать!» *)

Такимъ образомъ жадность къ копейкѣ, къ наживѣ, составляла основную черту всей нравственной жизни Матвѣя. Ко всѣмъ окружающимъ, кромѣ барина, у него нѣтъ иного отношенія, какъ изъ-за копейки.

Но это еще не все.

Кромѣ мысли когда-нибудь объѣсться до отвала, до полусмерти, которая вызывала на мертвомъ лицѣ Матвѣя даже румянецъ, было еще одно обстоятельство, которое также «вызывало *жизнь* въ мертвенно-блѣдномъ слугѣ». «Это — *ловля воровъ и расправа съ ними. Никогда,* ни въ какомъ охотникѣ, ни прежде ни послѣ мнѣ не случалось замѣчать такой лихорадочной страстности въ погонѣ за самой интересной дичью, какъ у Матвѣя за ловлей воровъ и, *главное, за битьемъ ихъ.* Не разъ онъ, *сіяющій, блещущій жизнью, какъ бы внезапно расцвѣтшій цвѣтокъ* (!), доносилъ мнѣ, что въ домѣ, иногда по сосѣдству, поймали гдѣ-нибудь на чердакѣ, въ подвалѣ, или застали въ квартирѣ, въ лавкѣ вора». Когда баринъ сказалъ ему разъ, что воры могли украсть у него деньги, Матвѣй отвѣтилъ: «Куда ворамъ! Я бы изловилъ ихъ... и вотъ какъ!» Онъ показалъ руками, какимъ бы манеромъ онъ *истерзалъ* вора». Въ разсказѣ приведено нѣсколько сценъ ловли воровъ, когда этотъ мертвенный человѣкъ *расцвѣталъ, какъ цвѣтокъ,* и сіяющій, *блещущій жизнью,* передавалъ барину свои радостныя впечатлѣнія, испытанныя имъ при истерзаніи ненавистныхъ ему людей, но я не буду передавать ихъ здѣсь, такъ какъ все это до чрезвычайности отвратительно, да и того, что уже приведено выше, весьма достаточно, чтобы отношенія Матвѣя къ барину и къ «не-барину» вообще были совершенно ясны.

Ясны также изъ вышеприведеннаго и отношенія барина къ слугѣ, который есть тотъ же народъ. При всей мерзости запустѣнія въ совѣсти Матвѣя, его намекъ уйти, разстаться съ бариномъ возбуждаетъ въ послѣднемъ искреннее горе.

---

*) Стр. 235—253.

«—Ты хочешь покинуть меня? — почти горестно воскликнулъ я.

«Я вздохнулъ.

«—Что же дѣлать, простимся!—сказалъ я.

«—Я вамъ другого поставлю, баринъ,—такого же!

«—Нѣтъ, Матвѣй, такого мнѣ не найти!» *)

III.

Спрашиваю теперь, кто изъ всѣхъ, буквально всѣхъ, живущихъ на Руси въ настоящее время, не исключая даже тѣхъ, кто проповѣдуетъ пользу возстановленія розогъ, кто съ такою *неподдѣльною* искренностью можетъ смотрѣть на простого человѣка такъ, какъ это было возможно сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, то-есть раздѣлять въ этомъ человѣкѣ его личную нечисть и грязь отъ качествъ, проявляемыхъ только въ положеніи слуги? Можетъ ли кто-нибудь, зная Матвѣя въ нераздѣльномъ видѣ, сказать про него: «тебѣ цѣны нѣтъ»? Нѣтъ, не думаю. Въ настоящее время, буквально, всякій россійскій обыватель привыкъ уже цѣнить людей, хоть еще и въ малой степени, единственно по ихъ человѣческому достоинству. Человѣческое существо, виляющее хвостомъ предъ бариномъ, наживающее деньги съ заимодавцевъ и неистовствующее надъ всякимъ, кто также хочетъ взять чужое, только на иной манеръ, эта фигура не можетъ вызвать никакого и ни въ комъ умиленья, если бы въ немъ и сохранились всѣ качества «вѣрнаго пса». Между бариномъ и лакеемъ, какъ между *людьми*, не было *никакихъ отношеній;* теперь они, несомнѣнно, существуютъ и обязательны въ самыхъ обыденныхъ отношеніяхъ барина и мужика.

Табачникъ, который носитъ вамъ самодѣльныя папиросы, по мѣрѣ продолжительности вашего съ нимъ знакомства, *не можетъ* уже оставаться для васъ только обликомъ человѣческимъ, носящимъ наименованіе *табачника.* Писать съ него только *портретъ* невозможно уже современному писателю. Будетъ минута, когда табачникъ, получивъ деньги за тысячу папиросъ, не уйдетъ, какъ обыкновенно, домой, неизвѣстно куда, а *осмѣлится* (онъ самъ чувствуетъ, что это какъ будто и можно уже сдѣлать) попросить прислугу сказать, что онъ хочетъ повидаться съ вами и сказать два слова.

— Извините, сдѣлайте милость! Побезпокоилъ я васъ...

*) Стр. 248—262.

Я хотѣлъ книжечки какой попросить... Работу кончаемъ въ девять часовъ, дѣлать нечего. Очень бы хотѣлось почитать!

Этотъ вопросъ, со стороны ли лакея или дворника, горничной, кухарки, и вообще со стороны всякаго простого человѣка, россійскій обыватель всякаго званія непремѣнно долженъ услышать сегодня или завтра отъ своего меньшого брата, и какъ бы онъ ни старался устранить себя отъ такой «неожиданной» близости отношеній, ему уже нельзя сдѣлать этого. Волей-неволей онъ уже чувствуетъ, что *обязанъ*—просто даже изъ *приличія*—обратить вниманіе на его желаніе, обязанъ подумать: «что бы такое дать ему почитать?»—и не можетъ не перерыть всего количества книгъ, находящихся у него подъ руками, не можетъ не передумать о томъ, что ему подойдетъ, будетъ полезно, и что нѣтъ. А когда табачникъ, прочитавъ книгу, вздумаетъ съ вами подѣлиться впечатлѣніями и попробуетъ пересказать содержаніе,—развѣ вы откажете ему? И если онъ что-нибудь перевретъ или не такъ поймётъ, позволите ли вы себѣ «расхохотаться» надъ его глупостью, какъ безцеремонно могъ дѣлать старый баринъ (разсказъ «Валентинъ»)? Конечно, нѣтъ, и, засмѣявшись, не оставите ошибки безъ разъясненія.

И такимъ образомъ, если бы вы начали ваши болѣе близкія отношенія хотя бы и съ неохотой, сложность жизни и уже проникшая въ ваше сознаніе необходимость вниманія къ «меньшому брату» заставитъ васъ все болѣе и болѣе осложнять эту случайную близость отношеній. Табачникъ, видя и въ васъ не барина, а человѣка, непремѣнно ощутитъ надобность поговорить съ вами впослѣдствіи о податяхъ, о заработной платѣ, о своемъ семейномъ положеніи, и, противъ вашей воли, осложнитъ ваши личныя мысли о личномъ дѣлѣ мыслями, и немалыми, о «меньшомъ братѣ». Если бы случайность вдругъ унесла куда-нибудь съ вашихъ глазъ этого табачника и прервала бы между вами «всякія сношенія», то и тогда ваши человѣческія отношенія вообще все-таки останутся не такими узкими, какъ были прежде, и невольно принятая забота о меньшомъ братѣ никогда уже не изсякнетъ изъ сознанія, разъ оно приняло ее. Наше сознаніе приняло эту заботу о народѣ; уже она составляетъ почти вопросъ личной жизни всего, что, въ прошломъ поколѣніи, было чисто совѣстью и впечатлительно...»

Я опускаю множество страницъ, посвященныхъ исключи-

тельно опять тому же нытью и омраченью того болѣе или менѣе свѣтлаго впечатлѣнія, котораго коснулся авторъ въ приведенныхъ выше отрывкахъ.

XI. Какъ рукой сняло! *)

(Изъ текущей жизни).

I.

Въ первые годы переселенческаго движенія, когда оно не могло еще быть предметомъ вниманія правительства, какъ это мы видимъ теперь, затрудненія, испытываемыя переселенцами, были поистинѣ неисчислимы. Люди наживы первые воспользовались этими толпами ищущихъ счастья въ чужой сторонѣ людей, чтобы взять съ нихъ всѣ тѣ рубли и копейки, которые составляли все ихъ достояніе.

Одинъ изъ пароходчиковъ, принявъ на пароходъ огромнѣйшую партію переселенцевъ, едва вмѣщавшуюся на пароходѣ, обязалъ ихъ, кромѣ того, брать съѣстные припасы непремѣнно у него же, на пароходѣ; съ этою цѣлью онъ не позволялъ переселенцамъ покупать на пристаняхъ, и если были дрова на пароходѣ, то шелъ мимо пристаней; если же надобно было остановиться и нельзя было удержать народъ отъ дешевой покупки продуктовъ, тогда онъ наверстывалъ свои убытки тѣмъ, что шелъ медленнымъ ходомъ, такъ, чтобы дешево купленной провизіи все-таки не хватило переселенцамъ до слѣдующей пристани, и чтобы опять-таки они вынуждены были брать продукты у него же, по самымъ высокимъ цѣнамъ. Тѣснота, нечистота, продолжительныя голодовки, все это развело между переселенцами всевозможнаго рода болѣзни. Пароходъ, приставъ наконецъ къ г. Т., привезъ больше десятка труповъ мужиковъ, бабъ и дѣтей и цѣлыя сотни нищихъ, проѣвшихъ въ дорогѣ все свое достояніе и распродавшихъ уже на пристаняхъ всѣ свои пожитки.

---

*) Года два назадъ въ газетахъ было сообщено какъ «слухъ», что, въ связи съ преобразованіемъ уѣздныхъ управленій, рѣшено приступить къ преобразованію и сельскихъ. Перечисливъ дѣла, остающіяся въ вѣдѣніи сельскаго схода, корреспондентъ сообщаетъ, что, за исключеніемъ этихъ дѣлъ, «всѣ прочія дѣла будутъ *изъяты* изъ вѣдѣнія сельскихъ

Общество г. Т., конечно, не могло и подозрѣвать, что на его, такъ сказать, шею идетъ огромнѣйшая, совершенно чуждая ему забота. У общества и безъ того было много своихъ домашнихъ дѣлъ. Семья, «хлѣбъ», служба, а то и романчикъ, и винтъ, и кутежъ, и клубъ, и сплетня, и «скандалъ». Канцелярская маята, какъ дѣло механическое, мастеровщинское, не особенно осложняла интересы личной жизни. Скука, какъ извѣстно, также весьма примѣтная черта въ общемъ «времяпрепровожденіи» губернскаго общества. Такъ вотъ, въ такую-то среду людей, скучно маячившихъ жизнь изо дня въ день, незамѣтно вторглось большое, совершенно незнакомое ему дѣло. Когда пронесся слухъ, что на берегу рѣки происходитъ между прибывшими переселенцами что-то недоброе, въ обществѣ возбуждено было только любопытство. Явилась возможность поѣхать «посмотрѣть», хоть бы только для того, чтобы прокатиться. Огромное большинство зрителей, несмотря на ужасы, которые были передъ его глазами, такъ и не додумалось бы до какого-нибудь дѣла въ пользу несчастныхъ, если бы въ числѣ глазѣющей толпы не было, по обыкновенію, частицы того меньшинства съ чуткимъ сердцемъ, которое тотчасъ же, не задумываясь, откликается на чужое горе. Звякнулъ пятакъ въ чей-то рваный картузъ, и одно то уже, что пятакъ звякнулъ о другой пятакъ, который, очевидно, былъ положенъ въ шапку тихо и незамѣтно, дало зрителямъ возможность понять, что кто-то хочетъ помочь бѣднымъ, и у каждаго явилась потребность вспомнить и о собственномъ кошелькѣ. Быстро стали звякать не только пятаки, а уже и двугривенные, а еще немного спустя зашуршали въ шапкахъ и бумажки. Порывъ—помочь несчастнымъ—не окончился этими случайными пожертвованіями, но съ каждымъ часомъ выяснялся обществу, какъ прямая его обязанность.

Въ широкихъ размѣрахъ начались сборы пожертвованій; жертвовали всѣ и всѣмъ, кто что могъ,—деньгами, вещами, продуктами; учитель, музыкантъ, булочникъ, сапожникъ,—словомъ, всякій обыватель, котораго забирала за живое не-

---

сходовъ и составятъ предметъ заботы административныхъ властей». Довольно своеобразное опредѣленіе сущности преобразованія, какъ «изъятіе» изъ вѣдѣнія обществъ «всѣхъ прочихъ дѣлъ и заботъ»,—привело мнѣ на память, изъ видѣннаго и читаннаго, нѣсколько такихъ фактовъ изъ текущей дѣйствительности, въ которыхъ эти изъятія имѣли уже видимыя послѣдствія. Кое-что изъ видѣннаго и читаннаго—пересказано въ настоящей замѣткѣ.

обходимость помощи несчастнымъ, считалъ, что ему нельзя не присоединиться къ общему дѣлу, и отдавалъ ему все, что могъ; сапожникъ жертвовалъ сапоги, булочникъ везъ въ комитетъ цѣлый возъ всякаго рода своихъ продуктовъ, учитель устраивалъ публичныя лекціи, музыкантъ и пѣвецъ устраивали концерты, литературные и музыкальные вечера. Даже праздныя дамы и тѣ устраивали вечера танцовальные не иначе, какъ въ тѣхъ же цѣляхъ—помощи несчастнымъ переселенцамъ. Звукъ пятака о пятакъ скоро преобразовался въ переселенческій комитетъ, со множествомъ членовъ, жертвователей и дѣятелей, и вся эта масса людей, захваченная случайнымъ, неожиданнымъ дѣломъ, затронувшимъ въ ней долго нетревожимую жизнью потребность любви къ ближнему, стала проявлять себя все въ большемъ и большемъ обремененіи собственныхъ своихъ плечъ, все бо́льшимъ и бо́льшимъ количествомъ заботъ и «прочихъ дѣлъ», вытекавшихъ изъ скромнаго вначалѣ желанія — помочь чѣмъ-нибудь переселенцу.

Мало того, что всѣ трупы были похоронены, а больные помѣщены въ больницы, были одѣты раздѣтые, накормлены голодные, но для пріюта и пристанища безпріютныхъ людей были съ поразительной быстротой выстроены обширные бараки. Измаивающая суета-суетъ обыденной городской жизни для огромнаго количества обывателей потерялась, пропала, исчезла въ ихъ сознаніи, а постороннее, чуждое личнымъ интересамъ дѣло стало для многихъ и многихъ именно «*предметомъ* личной *заботы*». Дѣло разрасталось, но всякій искренній дѣятель не могъ не видѣть, что дѣлается «мало», ничтожно, сравнительно съ тѣмъ, что надо бы дѣлать, что переселенческое дѣло огромно, что оно дѣло государственное, и что, вслѣдствіе этого, необходима основательная помощь изъ Петербурга, необходима основательная постановка дѣла. Искренніе печальники вопіяли объ этомъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, откуда могутъ дойти до Петербурга вѣсти о трудномъ и важномъ дѣлѣ переселенія и о безпомощномъ положеніи переселенцевъ. Не дремала въ изображеніи горькой дѣйствительности переселенческаго дѣла какъ мѣстная, сибирская, такъ и великороссійская, столичная пресса. И изъ всѣхъ этихъ усилій и содѣйствій наконецъ вышло и дѣло.

«—*Пріѣхалъ новый чиновникъ!*»

II.

Вѣсть эта, какъ благодатный дождь, оросила и освѣжила всѣ сердца, истинно истомившіяся въ трудной работѣ организаціи помощи переселенцамъ. Всѣ искренніе работники и старатели о «несчастненькихъ» были глубоко рады, что наконецъ дѣло это признано «серьезнымъ», важнымъ, и что теперь оно будетъ поставлено такъ, какъ должно. Искренняя радость искреннихъ дѣятелей распространилась и на всѣхъ сотрудниковъ и сотоварищей ихъ. Всѣ вздохнули свободно, радуясь, что «теперь все пойдетъ хорошо».

Марья Ивановна, которая еще вчера не знала минуты покоя и не давала покоя никому изъ своихъ знакомыхъ и даже незнакомыхъ городскихъ обывателей, неумолимо теребя ихъ и выматывая изъ нихъ пожертвованія для переселенцевъ, услыхавъ о пріѣздѣ новаго чиновника и искренно этому обрадовавшись, нашла наконецъ возможнымъ удовлетворить давнишнія просьбы своей пріятельницы — пойти вмѣстѣ на бульваръ и послушать музыку. Пріѣздъ чиновника, снявшій съ ея совѣсти *(изъявшій изъ вѣдѣнія)* скорбь о томъ, что она хоть и бьется для переселенцевъ, но все-таки этого мало, далъ ей возможность съ истиннымъ удовольствіемъ провести этотъ вечеръ. Ужъ и нахохотались же онѣ съ пріятельницей и съ другими знакомыми! Да и музыка была просто прелесть!

На другой день онѣ тоже пошли на музыку: теперь *тамъ* есть!..

И Семенъ Петровичъ тоже былъ истинно радъ, что дѣло стало на «твердую почву». Облегченіе нравственной тяготы дало ему возможность вспомнить, что онъ давнымъ-давно уже не игралъ въ винтъ, который онъ такъ любитъ.

— Слава Богу!—говорилъ онъ, торопливо одѣваясь:— теперь дѣло стало твердо!—И затѣмъ стремительно умчался въ клубъ, жадно отдался любимой игрѣ и чувствовалъ, что давно-давно онъ такъ хорошо не проводилъ время.

Даже Марья Кирилловна обрадовалась пріѣзду чиновника. Все время ея мужъ рѣшительно не давалъ ей возможности разыграть съ нимъ «хорошую», обстоятельную сцену ревности, этакъ часовъ до пяти утра. Цѣлые дни онъ суетился и бѣгалъ по переселенческимъ дѣламъ, да и она, Марья Кирилловна, также должна была бѣгать,—во-первыхъ, для того, чтобы подкарауливать мужа, а во-вторыхъ, потому, что вѣдь всѣ порядочныя дамы также бѣ-

гаютъ. Но пріѣхалъ чиновникъ, и Марья Кирилловна вздохнула отъ истиннаго удовольствія.

«Ну, теперь слава Богу!—подумала она:—кончилось!»

Да и было на чемъ расправить свой «темпераментъ». Мужъ также съ радости, что дѣло стало *на твердую почву,* всю ночь не былъ дома, всю ночь кутилъ съ пріятелями и даже въ семь часовъ утра былъ у Захарьиныхъ и пилъ съ женой Захарьина чай. Пилъ чай *съ ней*!.. Этого было довольно!

— Слава Богу! пріѣхалъ новый чиновникъ!

Такимъ образомъ «умираніе» чувства долга къ ближнему началось въ обществѣ съ момента радостнаго сознанія, что дѣло это приняло *хорошій оборотъ.* Всѣ были этимъ довольны, но сознаніе того, что это уже «не мое», а чье-то чужое дѣло, дѣло, которое куда-то «отошло отъ меня», понемногу стало устранять изъ жизни каждаго дѣятеля потребность личнаго соприкосновенія съ этимъ дѣломъ.

«Со ступеньки на ступеньку», «помалу, по полсаженки», забота о чужомъ горѣ понемножку стала забываться обществомъ, стала выходить изъ обихода его личной жизни. Толпа рваныхъ, голодныхъ переселенцевъ, такихъ же самыхъ, которые, до пріѣзда чиновника, возбуждали состраданіе и обязанность помочь, теперь заставляла только радоваться, что есть уже по этому дѣлу новый чиновникъ, и тщательно указать къ нему дорогу.

— Батюшки! Отцы наши! Помогите сиротамъ!—какъ и прежде слышалось подъ окнами.

Но теперь обыватель не считалъ себя обязаннымъ разспросить переселенца о томъ, откуда онъ, куда идетъ, какія у него средства,—какъ это онъ считалъ необходимымъ для себя сдѣлать два мѣсяца тому назадъ; теперь онъ (но все-таки еще съ искреннимъ сочувствіемъ къ несчастному) лишь подробно объясняетъ ему только одно,—какъ найти новаго чиновника.

— Иди, другъ любезный, прямо вотъ по этой улицѣ... Видишь церковь? Желтая? Такъ пройди ты церковь и поверни направо, и потомъ опять поверни налѣво, ну, а тамъ спросишь!.. *Онъ тебѣ все сдѣлаетъ!..*

А еще миновало нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, и стали слышаться уже и такіе разговоры:

— Батюшки, отцы наши! Помогите!..

— Переселенцы?

— Переселенцы, отцы наши, родимые!

— Идите къ чиновнику! Къ чиновнику идите!
— Да гдѣ-жъ онъ, батюшка, этотъ чиновникъ-то будетъ?
— Спроси у городового!

Въ концѣ концовъ одно изъ тѣхъ *прочихъ дѣлъ*, которое было «изъято» изъ мірского вѣдѣнія и сдѣлалось *заботой* не общества, а спеціально назначеннаго лица, «какъ рукой сняло» съ общественной совѣсти и, конечно, умалило размѣры общественной дѣятельности.

III.

Сказать, что это могло произойти вообще отъ нашего равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, нельзя. Нѣтъ, вотъ хоть бы въ гор. Томскѣ, гдѣ *все* переселенческое дѣло теперь лежитъ на *одномъ* лицѣ, и гдѣ общество ни въ чемъ ему не содѣйствуетъ (да и не можетъ содѣйствовать, такъ какъ *чиновникъ* не можетъ принимать пожертвованій), существуетъ «Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ». Дѣла этого общества всецѣло, всею тяжестью лежатъ на общественныхъ плечахъ, не ввѣрены никакому спеціально назначенному лицу, не изъяты изъ *всѣхъ прочихъ заботъ* томскихъ гражданъ, и что же?— дѣятельность членовъ этого общества какъ нельзя лучше доказываетъ, что объ апатіи общественной не можетъ быть и рѣчи. Дѣятельность этого общества изображена въ отчетѣ въ такихъ подраздѣленіяхъ: 1) *Теплое платье и плата за право ученія.* Изъ 315, просившихъ того и другого, выдано пособіе 300, изъ которыхъ 135—круглыя сироты. 2) *Сверхштатные учителя и учрежденіе своихъ школъ.* Въ 1888 году такихъ *своихъ* школъ было въ Томскѣ 13, съ 1.383 учащимися обоего пола (почти поровну). 3) *Публичныя воскресныя чтенія и вечернія повторительные классы.* Число слушателей доходитъ до 500 челов. 4) *Профессіональное образованіе.* Открыты: женская рукодѣльная школа, женская кулинарная школа и воскресная школа «техническаго рисованія». 5) *Народная безплатная библіотека.* Въ 1887 г. въ ней было 2.381 названіе сочиненій и 796 подписчиковъ. *Расходъ* на все это въ 1882 году, при началѣ дѣятельности общества, былъ 664 р.; въ настоящее время (въ 1887 г.) онъ выросъ до 8.361 руб. Въ приходѣ въ 1882 г. было 3.676 р., а въ 1887 г.—12.456 руб. Вся эта дѣятельность, весь ея приходъ и расходъ держится исключительно на добровольныхъ пожертвованіяхъ людей, сочувствующихъ дѣлу и считаю-

щихъ его въ числѣ своихъ личныхъ нравственныхъ обязанностей. При началѣ своей дѣятельности общество заявило, что оно «открываетъ пріемъ пожертвованій *всевозможными вещами*, имѣющими какую-нибудь цѣнность, начиная *съ полкопейки*» (?). И кто только и чѣмъ только ни жертвовалъ на это дѣло! Рабочая артель въ 1883 г. пожертвовала 6 р. 25 к. Въ реестрѣ пожертвованій находятся: верблюжья и овечья шерсть, грифельныя доски, картины, мебель, дверныя петли, лайковыя перчатки, кресты, пуговицы, готовое платье, книги, матеріалы для платья. А затѣмъ идутъ пожертвованія сотнями, тысячами, а въ 1887 году почетный гражданинъ г. Томска жертвуетъ обществу каменный двухъэтажный домъ, приспособленный для помѣщенія библіотеки, народнаго театра и публичныхъ чтеній (Отчетъ. 1887. Томскъ).

Читатель видитъ изъ этого, самаго микроскопическаго пересказа «очерка дѣятельности общества», что общество, ощутивъ въ личномъ обиходѣ своей жизни нравственную потребность въ извѣстномъ общественномъ дѣлѣ, не задумывается тотчасъ же приступить къ осуществленію этого дѣла собственными средствами и не чувствуетъ тяготы добровольно взятаго имъ на себя бремени *). Но что бы было, если бы и забота о библіотекѣ, о пособіяхъ платьемъ и платой за ученіе, о школахъ, о спеціальныхъ училищахъ, о воскресныхъ и повторительныхъ курсахъ и т. д. была бы снята (изъята изъ вѣдѣнія) съ плечъ общества, сдѣлалась бы *предметомъ заботы* (и, конечно, отвѣтственности)

*) Примѣръ деревенскаго «общественнаго» дѣла: «Изъ *Покровскаго* уѣзда Владимірской губ. пишутъ, что, за недостаткомъ школъ, здѣсь стали открываться временныя, передвижныя школы, только на зиму. Въ деревнѣ Губинской обосновался захожій грамотей Иванъ Никитинъ (изъ Богородскаго уѣзда) и открылъ временную школу грамотности. Крестьянинъ Гордей Епифанскій, *сочувствуя дѣлу грамотности*, предоставилъ въ распоряженіе заѣзжаго педагога только-что отстроенную имъ, послѣ пожара, свѣтлую, просторную избу, *а самъ живетъ въ чужомъ углу*. За двѣ недѣли, какъ началось ученіе грамотѣ въ избѣ Епифанскаго, сюда набралось уже до двухъ десятковъ дѣтей. Значитъ, въ школѣ есть *надобность*. *Раньше* въ Губинской, *года за два*, также организовалъ школу заѣзжій педагогъ Карташевъ. Продолживъ здѣсь зиму съ дѣтьми буквари и часословъ, онъ на лѣто, «согласно Божьей заповѣди», обрабатывалъ землю, а на слѣдующую зиму перекочевалъ въ сосѣднее селеніе Язвищи. И здѣсь Карташевъ съ своею передвижною школою пробылъ только зиму. *Какъ ни упрашивали жители педагога остаться* для дальнѣйшаго обученія дѣтей, онъ отказался: «Будетъ съ васъ и этого!—сказалъ онъ:—теперь сами старайтесь, коли уразумѣли пользу ученія» («Нов. Вр.»).

особо назначенныхъ лицъ, располагающихъ опредѣленными суммами на поддержаніе всего, что̀ устроено на общественныя пожертвованія? Не было ли бы это якобы «упорядоченіе дѣла» опять же ослабленіемъ нравственной жизни добровольныхъ радѣтелей общества? Не было ли бы это убыткомъ въ развитіи и распространеніи въ обществѣ гуманныхъ идей и отношеній?

Освобожденный отъ сознанія сложности своихъ общественныхъ обязанностей, обыватель забываетъ понемногу трудность того дѣла, которое лежало на его плечахъ, и привыкаетъ только критиковать дѣйствія того лица, которое теперь этимъ дѣломъ завѣдуетъ. И дѣйствительно, нельзя не пожалѣть о положеніи этого «особо назначеннаго лица». Лицо теперь *одно* должно дѣлать массу всякаго рода дѣла: разспросить и разузнать во всѣхъ отношеніяхъ положеніе каждаго изъ двадцати тысячъ переселенцевъ, которые осаждаютъ его по указанію его мѣста жительства обывателями. Онъ *одинъ* долженъ заботиться объ ихъ одеждѣ, пищѣ, здоровьѣ; онъ одинъ долженъ заботиться о томъ, чтобы устроить переселенца въ путь, не дать его обмануть барышникамъ при покупкѣ лошади, телѣги; помочь ему деньгами, списаться съ его россійскими родными, съ мѣстными властями, взыскать съ отставного солдата Емельянова, проживающаго въ Обояни, рубль серебромъ, который тотъ взялъ и не отдалъ; онъ долженъ озаботиться нарѣзкой каждому изъ 20 тыс. человѣкъ участка, долженъ удостовѣриться, удобенъ онъ или нѣтъ, долженъ вести огромную переписку съ обществами, откуда выходятъ люди на переселеніе, переписываться съ мѣстными по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями, съ Петербургомъ, министерствомъ, долженъ писать цѣлыя диссертаціи, доказывающія, что, кромѣ выданныхъ 5 тысячъ, необходимо выдать еще хоть тысячу рублей, такъ какъ наплывъ народа, не имѣющаго гдѣ преклонить главу, возрастаетъ съ каждымъ днемъ.

Спрашивается: можетъ ли лицо, на плечи котораго возложено большое общественное дѣло, исполнить его такъ, чтобы оно, въ самомъ дѣлѣ, было «дѣломъ», и чтобы не мучилась его собственная совѣсть?

IV.

Теперь посмотримъ на послѣдствія «облегченія» отъ мірскихъ заботъ среди деревенскихъ обывателей и приведемъ примѣры изъ жизни какъ тѣхъ крестьянскихъ обществъ,

которыя уже пользуются правомъ взваливать свои грѣхи на чужія плечи, такъ и тѣхъ, которыя всѣ мірскія тяготы всецѣло возлагаютъ на самихъ себя.

Наилучшимъ образчикомъ такихъ обществъ, которыя, вслѣдствіе разстройства своихъ внутреннихъ порядковъ, уже нуждаются въ посторонней помощи, могутъ служить намъ сообщенія мѣстной печати о народной жизни *южно-русскихъ губерній*, такъ какъ нигдѣ, въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, вся сложность вліяній, которыя разстраиваютъ трудовую жизнь, не достигла той остроты, какъ это мы видимъ на югѣ.

Малоземелье, недоимки, огромныя арендныя платы, всѣ эти недуги нашего великороссійскаго крестьянина, тысячами идущаго въ переселеніе, все это ничто въ сравненіи съ тѣми новоявленными недугами, которые разъѣдаютъ жизнь южно-русскихъ деревень. Кромѣ общихъ для всей страны земельныхъ непорядковъ, нигдѣ, какъ на югѣ, съ такой смѣлостью не орудуетъ господинъ Купонъ. Орудуетъ онъ здѣсь въ виду крупнѣйшихъ землевладѣльческихъ хозяйствъ, со всѣми механическими усовершенствованіями. Орудуетъ онъ въ видѣ огромнѣйшихъ акціонерныхъ промышленныхъ предпріятій: каменноугольныя и желѣзныя копи, табачныя плантаціи, свеклосахарное производство. Купля, продажа, перевозка—все это идетъ на югѣ въ огромнѣйшихъ размѣрахъ, и все это дѣло «наживы» мало того, что требуетъ несмѣтной массы рабочихъ рукъ, не можетъ не стремиться и къ тому, чтобы руки эти были только руки, которыя бы брали то, что имъ дадутъ, и покорно бы опускались, когда имъ не дадутъ ничего.

Какая-то, прямо притѣснительная, по отношенію къ народнымъ массамъ, мысль явно видна во всѣхъ отношеніяхъ Купона къ крестьянину, къ рабочему человѣку. Припомнимъ, что прочитано нами въ газетахъ въ самое послѣднее время: управленіе Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ обращается съ просьбою къ тремъ архипастырямъ (одесскому, кіевскому, литовскому) о томъ, чтобы они, чрезъ духовенство своихъ епархій, повліяли на народъ въ смыслѣ внушенія ему неуваженія къ праздничнымъ днямъ; Купонъ жаловался, что мужики *ни за какія деньги* не идутъ по праздникамъ на работу, расчищать заносы, чтятъ Бога больше Купона, а это ужъ совсѣмъ не по нынѣшнимъ временамъ. Когда же архипастыри отказались ему содѣйствовать, то Купонъ пожаловался въ другія мѣста, и мы чи-

тали въ газетахъ, что требованіе Купона, кажется, осуществилось.

Но что говорить о такомъ «крупномъ» купонномъ дѣлѣ, какъ общество Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Самые микроскопическіе дѣятели купоннаго дѣла, и тѣ тоже почему-то хлопочутъ только объ «утѣсненіи» рабочаго человѣка. Недавно мы читали проектъ какого-то инженерика, который придумалъ такъ «урегулировать» это движеніе, чтобы рабочій обходился нанимателю дешевле пареной рѣпы; придумалъ нанимать ихъ на мѣстахъ отправленія, т.-е. додумался до того же «способа», который давнымъ-давно практикуется городскими скупщиками съ ѣдущими на городской базаръ крестьянами: они ловятъ крестьянъ за городомъ и скупаютъ у нихъ весь товаръ втридешева, не давая такимъ образомъ доѣхать до базара и узнать настоящую цѣну. Спрашивается: зачѣмъ ему, инженерику-то, въ рабочій вопросъ соваться? Нѣтъ, суется. Да что инженерикъ!

Въ симферопольскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о *сопротивленіи властямъ* крестьянъ одной деревни,—кажется, Херсонскаго уѣзда. Крестьяне эти жили на весьма неудобномъ мѣстѣ. Разливъ рѣки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе заносилъ пескомъ ихъ луга, но этотъ же разливъ давалъ имъ и хлѣбъ: въ ихъ рукахъ былъ перевозъ съ одного берега на другой; на лодкахъ перевозили они людей и товары и успѣвали зарабатывать столько денегъ, что на нихъ можно было содержать скотъ, покупая ему кормъ. Земство, видя, что этотъ перевозъ даетъ хорошій доходъ, и забывъ уваженіе къ принципу самоуправленія деревни, отдало этотъ перевозъ какому-то еврею-пароходчику. Неожиданно для крестьянъ на рѣкѣ появился пароходъ, забралъ пассажировъ, товары и перевезъ все это «однимъ духомъ» къ берегу той деревни, у крестьянъ которой былъ этотъ перевозъ отнятъ. Крестьяне вышли всѣмъ обществомъ на берегъ; у всѣхъ были въ рукахъ длинныя жерди, и съ помощью этихъ жердей они вступили *въ сопротивленіе*... пароходу. Сопротивленіе пароходу (или, какъ сказано въ дѣлѣ, «властямъ») было весьма успѣшно: пароходу нельзя было пристать къ берегу, высадить пассажировъ и выгрузить товаръ, и онъ долженъ былъ уйти назадъ, получивъ даже нѣкоторыя поврежденія. Такъ вотъ за это-то сопротивленіе,—конечно, осложненное вмѣшательствомъ и настоящихъ властей,—крестьяне и были преданы

суду, но судъ ихъ оправдалъ. А не виновато ли тутъ и земство въ чемъ-нибудь?..

Вообще рѣшительно *во всѣхъ* отношеніяхъ «старшаго брата» къ «меньшому брату» замѣчается постоянно какъ бы *косоглазіе*. Коситъ глазами старшій братъ, коситъ онъ и на Купонъ и на меньшого брата, и поэтому потерялъ всякую возможность видѣть дѣло меньшого брата въ настоящемъ его видѣ. Надобно замѣтить, что Купонъ у него никогда и ни въ чемъ не виновенъ, а меньшой братъ, поставленный послѣднимъ въ безысходное положеніе, въ лучшемъ случаѣ оказывается *невиновнымъ* въ своей погибели; но виновникъ этой погибели всегда правъ и всегда неприкосновененъ.

Чтобы видѣть яснѣе, какова жизнь «меньшого» брата на югѣ, необходимо привести еще нѣсколько примѣровъ *косоглазія* (иногда, кажется рѣшительно умышленнаго). Въ вышеприведенномъ примѣрѣ *косоглазіе* не замѣтило того, что виновато *земство,* а вотъ въ слѣдующемъ случаѣ оказывается также вполнѣ невиннымъ явно виновный заводовладѣлецъ. На одну изъ фабрикъ въ Кіевѣ явился наниматься въ работники крестьянинъ буквально великанъ и гигантъ; нужда привела его на фабрику, и поэтому, узнавъ, что денная плата даетъ только 65 коп., гигантъ задумалъ для скорѣйшей «поправки» взяться еще и за ночную, которая давала еще такую же плату. Безжалостный хозяинъ согласился на это предложеніе, т.-е. сообразилъ, что человѣку нельзя не спать въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ (таковъ былъ договоръ), и что если бы гигантъ и выдержалъ эту муку, то судъ ему не повѣритъ, если онъ потребуетъ съ хозяина ночную плату, которой тотъ, очевидно, и не думалъ платить. Но гигантъ сдержалъ свое слово: въ теченіе дня онъ только дремалъ, и то лишь въ обѣденный часъ, и это продолжалось три мѣсяца. Черезъ три мѣсяца отъ него остались только кости да кожа; онъ исчахъ, ослабъ, весь развалился, разбился вдребезги и, едва-едва, какъ дряхлый старикъ-калѣка, передвигая ноги, добрался до суда, гдѣ ему пришлось взыскивать съ хозяина за *ночную* работу. Ему присудили и за дневную и за ночную всего что-то около 125 р., а явное и возмутительное безчеловѣчіе хозяина осталось совершенно безнаказаннымъ.

Или: кіевское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе разослало недавно инструкцію волостнымъ правленіямъ, въ которой указываетъ мѣры къ прекращенію

въ народѣ пьянства. Указавъ волостнымъ старшинамъ и судьямъ и сельскимъ старостамъ ихъ права въ этомъ дѣлѣ, обязанности и отвѣтственность, инструкція въ 5-мъ параграфѣ *) гласитъ такъ:

«Въ сельскомъ быту законъ предусмотрѣлъ особые виды пьянства и установилъ *особыя наказанія*; такъ, напр., напивающіеся пьяными до окончанія обѣдни въ праздничные дни и являющіеся пьяными на сельскій или волостной сходъ *должны быть наказываемы арестомъ;* найденные на улицѣ или въ другомъ мѣстѣ пьяными до безпамятства должны быть присуждаемы къ общественнымъ работамъ срокомъ на одинъ день; бывающіе болѣе времени въ году пьяными, чѣмъ трезвыми, *покупающіе вино подъ залогъ одежды и прочей домашней утвари, а также подъ залогъ скота, земледѣльческихъ и др. необходимыхъ орудій и полевыхъ произведеній, особенно еще неснятыхъ и остающихся на корню, и наконецъ разстраивающіе свое хозяйство по причинѣ пьянства и сдѣлавшіеся несостоятельными къ платежу казенныхъ податей и повинностей должны быть наказуемы розгами.* За неисполненіе со стороны волостныхъ сельскихъ должностныхъ лицъ правилъ... *въ первый разъ* подвергаютъ виновныхъ *штрафу деньгами, во второй разъ—аресту, въ третій же разъ* — удаленію ихъ отъ должности или *преданію суду*».

Издавъ эту инструкцію, крестьянское присутствіе, очевидно, полагало, что оно разыскало и покарало всѣхъ виновныхъ въ пьянствѣ: и пьяницъ и начальниковъ надъ пьяницами; наказаны будутъ и тѣ, кто пьетъ до обѣдни, и тотъ, кто валяется въ канавѣ, и тотъ, кто разоряется: арестъ, общественныя работы, тѣлесное наказаніе; наказываются также и начальники: штрафъ, арестъ, увольненіе, преданіе суду. Но почему же не сказано ни слова о томъ, какъ именно наказывается тотъ разоритель, тотъ хищникъ, который беретъ *подъ закладъ одежду, скотъ, земледѣльческія орудія, домашнюю утварь, полевыя произведенія*, т.-е. почему не обращено никакого вниманія на этого истиннаго разорителя народа, существенный интересъ котораго есть именно народное разореніе и благодаря которому крестьянинъ приходитъ къ невозможности платить подати и повинности?

Безнаказанными остаются и тѣ микробы ростовщичества,

*) «Кіевск. Слово».

которые въ особенномъ множествѣ изъѣдаютъ преимущественно въ южнорусскомъ краѣ городское и сельское населеніе.

Въ газетѣ «Волынь», издающейся въ Житомирѣ подъ редакціей духовнаго лица, мы читали раздирающую душу корреспонденцію сельскаго священника о кабалѣ, въ которой находится духовенство Волыни, попадая въ руки ростовщиковъ съ семинарской скамейки. Жалѣя родителей, но нуждаясь въ необходимомъ, семинаристъ занимаетъ у ростовщика рублей двадцать пять, даетъ вексель на сумму, превышающую дѣйствительный долгъ во много разъ, обязуется при помощи уроковъ и какой-нибудь переписки уплачивать проценты и дѣлаетъ это въ надеждѣ окончательно *«расплатиться по полученіи прихода»*. Это отлично извѣстно ростовщику, и такъ какъ урокъ и переписка не всегда помогаютъ уплачивать даже проценты, то обыкновенно двадцатипятирублевый долгъ, при переписке векселей и приписке процентовъ, къ окончанію курса семинаристомъ вырастаетъ къ сотнѣ рублей. Наконецъ получается *приходъ*, «паства», при чемъ происходитъ поистинѣ потрясающее явленіе: одновременно съ «пастыремъ стада» является въ приходъ и ростовщикъ съ векселемъ. Все это совершается на глазахъ паствы, которая не можетъ не видѣть, почему за свадьбы, похороны, крестины пастырь не можетъ не брать большихъ денегъ.

Если мы припомнимъ теперь хоть только то, что̀ сказано выше, то не можемъ не видѣть, что ничего гуманнаго, внимательнаго ниоткуда не идетъ въ народную среду. Человѣкъ, который *ни за какія деньги не желаетъ* идти на работу, будетъ работать тогда, когда это прикажутъ, и притомъ столько времени, сколько будетъ нужно, и также исключительно по чужому приказанію получитъ за свой трудъ то, что̀ дадутъ. Съ другой стороны, деревенскій человѣкъ, нуждающійся въ работѣ и самъ ищущій ея, только и видитъ, что его стараются захватить врасплохъ, напрягаютъ усилія, чтобы воспользоваться только его силами и затѣмъ отпустить ни съ чѣмъ. Все, что̀ онъ видитъ внѣ деревни, ища по бѣлому свѣту куска хлѣба, все насторожилось противъ него; все же, что̀ находитъ онъ по части поддержки въ разстройствѣ у себя дома, въ своей деревнѣ, все это исчерпывается исключительно разорительной помощью хищника, безнаказанно истощающаго остатки его средствъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что огромное количество южно-

русскаго народа, отрываемое разрушительными вліяніями отъ деревни и опять ими же возвращаемое въ деревню обратно, но уже въ истощенномъ видѣ, съ огорченнымъ и сердитымъ сердцемъ, ложится тяжкимъ бременемъ на тѣхъ общественниковъ, которые почему бы то ни было усидѣли на своихъ мѣстахъ. Изъ этой изломанной толпы выходятъ массы неплательщиковъ, людей, не имѣющихъ средствъ къ жизни, требующихъ помощи, а иногда съ угрозой или прямо силой добивающихся ея. Тѣ, кто видитъ бѣду, снимаются со старыхъ мѣстъ въ переселеніе: на Сахалинъ, въ Сибирь, на Кавказъ; тѣ, кто остается, ограждаютъ свою неприкосновенность тѣми же самыми способами, какими ограждаетъ свою неприкосновенность и самъ господинъ Купонъ.

IV.

Въ виду всего этого въ нашей когда-то тихой деревнѣ, «съ вишневыми садочками», могутъ въ настоящее время быть возможными факты такого рода.

«Въ одной изъ моихъ прошлыхъ корреспонденцій *) я отмѣтилъ *все чаще и чаще* повторяющееся *выселеніе въ Сибирь по приговорамъ сельскихъ обществъ*. Такъ, напримѣръ, было въ Михайловскомъ обществѣ, гдѣ *единовременно было выслано 30 человѣкъ*. Нечего и говорить, что подобные приговоры грѣшатъ зачастую многими несправедливостями, въ чемъ, конечно, они раздѣляютъ вполнѣ участь всѣхъ дѣйствій пресловутаго крестьянскаго *самоуправленія* (?), гдѣ зерцало замѣняется ведромъ водки, этимъ оракуломъ голосистыхъ самоуправниковъ. Но тотъ фактъ, который я сообщу сейчасъ, превосходитъ границы всякаго благоразумія и всякой справедливости и является яркою иллюстраціею къ способамъ составленія такихъ общественныхъ приговоровъ. *По постановленію Бѣлозерскаго крестьянскаго общества* Мелитопольскаго уѣзда, *13 крестьянъ присуждено къ высылкѣ въ Сибирь, а до приведенія въ исполненіе этого приговора всѣ они заключены подъ стражу въ центральномъ симферопольскомъ тюремномъ замкѣ. Прибывъ сюда, приговоренные къ высылкѣ подали* въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе *жалобу*, въ которой указываютъ, что для того, чтобы составилось *требуемое закономъ* большинство голосовъ на приговоръ о выселеніи, *были занесены въ него имена умершихъ членовъ общества*

*) Изъ Симферополя. «Моск. Вѣд.»

и даже самихъ выселяемыхъ. Далѣе, кажется, злоупотребленіе волостныхъ заправилъ идти не можетъ».

Фактъ этотъ мы считаемъ вполнѣ достовѣрнымъ, такъ какъ, дня черезъ два послѣ обнародованія его въ «Московскихъ Вѣдом.», въ газетѣ «Кіевлянинъ» было сообщено, что мѣстное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе предписало волостнымъ правленіямъ *не спѣшить* отправкою денегъ, платимыхъ обществами за ссылаемыхъ ими членовъ, а вносить ихъ въ уѣздныя казначейства и такимъ образомъ дать крестьянскому присутствію время разобраться въ той тьмѣ-темъ приговоровъ о ссылкахъ зловредныхъ общественниковъ, которыми это присутствіе завалено *). Такимъ об-

*) Вотъ какъ широко пользуется этимъ правомъ ссылки нашъ мужикъ надъ своимъ братомъ-мужикомъ. Въ десятилѣтіе 1867—76 годовъ сослано въ Сибирь вообще 151.585 ч., при чемъ въ З. Сибирь *по суду* сослано *семь тысячъ*, административнымъ порядкомъ, и главнымъ образомъ по приговорамъ обществъ, 78.500 чел. Въ теченіе 7 лѣтъ (70—77) сослано вообще 114.370, изъ нихъ адм. пор.—63.443. Наконецъ въ 1880—1886 г. выслано 120.065,—адм. пор. 64.513 и по суду 55.552 ч. («Спб. Газ.»). Объ этомъ же правѣ крѣпостныхъ владѣльцевъ (а теперь исключительно мужиковъ) мы читаемъ слѣдующую цитату изъ Палласа, приводимую Н. М. Ядринцевымъ въ его статьѣ: «Поѣздка по Западной Сибири и въ Горномъ Алтайскомъ округѣ въ 1878 году». Описывая составъ населенія сибирскихъ поселеній, Палласъ, между прочимъ, говоритъ: «Другое хуже обстоятельство, о которомъ нельзя умолчать, есть то, что въ россійскихъ областяхъ у дворянъ, *въ зачетъ рекрутовъ для населенія Сибири*, крестьяне *безотчетнымъ образомъ* принимаемы бываютъ. Я слышалъ, что между ними есть больные, уроды, безумные, женатые, но кои уже долгое время въ безплодномъ супружествѣ жили, и много старыхъ и сѣдинами покрытыхъ людей, кои размноженію подобныхъ себѣ людей вполнѣ неспособны. Еще непзвинительнѣе есть сіе, что многіе состарившіеся отцы отъ ихъ многолюдныхъ семействъ, даже и отъ ихъ женъ, безчеловѣчными и корыстолюбивыми господами разлучены и въ сіи страны, исполненныя печали и бѣдности, посланы. Многіе сказывали со слезами свою печаль объ ихъ оставшихся дѣтяхъ, съ коими бы они въ Сибири были счастливѣйшими, нежели подъ иною какою властью, себя считали и благодарностью исполненнымъ сердцемъ благословлять бы стали того, который бы ихъ избавилъ отъ рабства» (Ст. 21. Записки Западн. Сиб. отд. Имп. русск. геогр. общ., кн. 2. Омскъ, 1880 г.). На 19 стр. той же статьи сказано: «Окончательное созданіе тракта на Барабѣ, на протяженіи 600 верстъ, выпало на долю тобольскаго губернатора Чичерина, который въ четыре года населилъ степь помѣщичьими крестьянами, сосланными за развратное поведеніе въ зачетъ рекрутъ». Выше мы видѣли, изъ какихъ людей развратнаго поведенія состояли эти выброшенные помѣщиками люди. Все, что ненужно, убого, что лишній ротъ,—все вонъ, въ Сибирь. Слабые старики разлучаются съ сильными семьями, выбрасываются семьи, отъ которыхъ нѣтъ «приплода», а также старики и старухи; все же сильное, молодое остается во власти помѣщика «для хозяйства». Какимъ ужасомъ вѣетъ

разомъ оказывается что съ приговорами о ссылкѣ въ Сибирь приходится имѣть дѣло *одновременно* двумъ губернскимъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ—симферопольскому и кіевскому, разъединеннымъ значительнымъ одно отъ другого разстояніемъ, при чемъ извѣстія объ этихъ приговорахъ появляются въ газетахъ почти въ одинъ и тотъ же день или не болѣе какъ въ теченіе двухъ дней. Прискорбнѣйшее явленіе въ народной жизни — очевидно, дѣло вовсе не случайное, и г. корреспондентъ «Моск. Вѣд.» говоритъ совершенную правду, указывая на то, что такія явленія начинаютъ проявляться въ деревняхъ *все чаще и чаще*.

Но едва ли правъ тотъ же г. корреспондентъ, говоря, что этотъ ужасный фактъ иллюстрируетъ участь всѣхъ *дѣйствій пресловутаго крестьянскаго самоуправленія*. Нѣтъ, этотъ фактъ никоимъ образомъ не можетъ вытекать изъ *само*управленія; *само*управляющіяся общины никогда не додумались бы до такого легкаго рѣшенія вопросовъ общественной жизни деревни; никогда мысль выбросить вонъ изъ своей среды человѣческое существо, чтобы не думать объ его судьбѣ, никогда бы она не пришла въ голову ни единому общественнику, ибо каждый обыватель въ общественныхъ дѣлахъ судитъ о своемъ сосѣдѣ, ставя всегда самого себя въ его положеніе; а вѣдь никто бы не пожелалъ, находясь въ крайнемъ затрудненіи, предложить сослать на поселеніе самого себя. Не будь этого *обличающаго* мірскую *заботу* права сваливать общественную обязанность на чужія плечи, міръ, сельское общество, должны бы были волей - неволей *думать* объ иныхъ мѣрахъ къ устройству разстроившихся въ хозяйствѣ односельчанъ. Стали бы міряне ходатайствовать о прирѣзкахъ, додумались бы до казеннаго кредита, пошли бы съ печалями въ земства, къ начальству, послали бы ходоковъ съ прошеніями въ «высшія мѣста» и всегда ясно выражали бы свои требованія, т.-е. то, что̀ нужно для нихъ, чтобы деревенская жизнь была не маятà, а жизнь. Все это пережито народными массами во всѣхъ подробностяхъ, но, какіе бы пріемы ни изобрѣтали эти массы и ихъ «ходатаи», никогда въ нихъ *самовольно* не могло водиться даже и

отъ этой крѣпостной старины! А вотъ та же, еще болѣе возмутительная ссылка крестьянъ крестьянами, практикующаяся въ настоящее время и не только не убавляющаяся, но возрастающая постоянно (*все чаще и чаще*), почему-то не воспрещена до сихъ поръ.

тѣни мысли, чтобы просить и ходатайствовать о правѣ удалять обременяющихъ общество излишними заботами членовъ сначала въ тюрьму, а потомъ и въ Сибирь. Это право не исходатайствовано самоуправленіями деревень, оно дано имъ со стороны и наконецъ-таки привилось и въѣлось въ народную совѣсть. Вотъ *одинъ только* примѣръ облегченія народной совѣсти отъ *«всѣхъ прочихъ дѣлъ»*, примѣръ *изъятія* общественныхъ заботъ *«изъ вѣдѣнія»* общества и возложенія ихъ на чужія плечи, т.-е. превращенія заботъ общественныхъ въ *предметъ заботъ* постороннихъ деревнѣ дѣятелей, но я увѣренъ, что читатель и теперь, послѣ одного только факта «облегченія», уже невесело чувствуетъ себя.

V.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ русская деревня, находящая смыслъ какъ личной своей жизни, такъ и жизни общественной единственно только въ «мірскихъ дѣлахъ и заботахъ».

Въ корреспонденціи изъ Обояни *), между прочимъ, находимъ слѣдующій фактъ, по особеннымъ причинамъ свойственный именно этому уголку Курской губерніи.

«Бѣглецовъ изъ Сибири **), успѣвшихъ перейти ея границу, по большей части ловятъ въ пограничныхъ губерніяхъ, Пермской, Оренбургской и друг. Если бѣглецъ изъ Восточной Сибири, то онъ на вопросы полиціи заявляетъ себя бродягой, непомнящимъ родства, и тогда его отсылаютъ обыкновенно на поселеніе въ Омскую или Тобольскую губерніи. Такимъ образомъ бѣглецъ хитростью пріобрѣтаетъ лишній шансъ на вторичный побѣгъ, такъ какъ уже достигъ того, что переселился изъ Восточной въ Западную Сибирь. Но что̀ интереснѣе всего, это то, что *бо̀льшая часть заявляютъ себя уроженцами Обоянскаго уѣзда; ихъ, конечно, отправляютъ въ обоянскую тюрьму, что̀ имъ и нужно.* Здѣшняя тюрьма переполнена подобными бѣглецами, и, пока идетъ слѣдствіе, они здѣсь благодушествуютъ.

*) «Курскій Листокъ».

**) Огромное большинство этихъ бѣглецовъ — все тѣ же сосланные по общественнымъ приговорамъ. Если общества великорусскія могутъ ихъ изгнать, то и общества сибирскія, куда ихъ навязываютъ насильно, также не задумываются составлять подобные же приговоры. И вотъ по Сибири и по Россіи снуютъ тысячи темнаго и безпріютнаго народа.

Причина этого слѣдующая. По всей Россіи нѣтъ лучше тюрьмы по матеріальнымъ условіямъ и по массѣ подаяній. Всѣ прилегающія къ Обояни деревни населены старовѣрами; весь уѣздъ, да и самъ городъ переполнены также старовѣрами. Послѣдніе, люди все зажиточные, особенно какъ-то симпатично относятся къ бѣглецамъ изъ Сибири. Раскольники грудами доставляютъ арестантамъ мясо, птицу, рыбу, а бѣлый хлѣбъ въ такомъ изобиліи, что его не поѣдаютъ, и служители дѣлаютъ изъ него сухари и отсылаютъ на базаръ.

«Вотъ для примѣра меню обѣда. Въ *скоромный* день: щи съ говядиной, пироги, каша съ саломъ, жареный гусь или куры. Въ *постный*: щи съ грибами, пироги, рыба, картофель, капуста—кто чего желаетъ. Чай, сахаръ, все это въ огромномъ количествѣ доставляется въ тюрьму старообрядцами. Вотъ почему обоянская тюрьма въ особенности такъ переполнена бѣглыми».

Мнѣ, конечно, возразятъ, что этотъ примѣръ, взятый изъ такой замкнутой среды, какова среда раскола, не можетъ быть примѣромъ для нашихъ православныхъ деревень, прежде всего вслѣдствіе коренного мѣжду ними различія, именно религіозной розни. Но достаточно побыть на одномъ только собесѣдованіи православныхъ миссіонеровъ съ старообрядцами, чтобы вполнѣ ясно увидѣть, какъ слабы орудія обороны старообрядческихъ начетчиковъ противъ ихъ православныхъ обличителей, и что, слѣдовательно, религіозную рознь раскольниковъ и православныхъ вовсе не слѣдуетъ смѣшивать съ *бытовыми* порядками русскаго крестьянства, сохранившагося въ наиболѣе самобытныхъ формахъ; сочувствуя этимъ *бытовымъ порядкамъ*, нѣтъ надобности смѣшивать ихъ съ религіозными заблужденіями среды, гдѣ порядки эти сохранились. Если разоренная деревенка Нѣлово или Горѣлово, подъ вліяніемъ *лже*-ученія какого-нибудь безграмотнаго *лже*-учителя, стала вдругъ собираться съ силами, поправляться, перестала пьянствовать, прекратила семейную бойню и пошла вообще къ настоящему благосостоянію, то, интересуясь именно измѣненіемъ взаимныхъ отношеній сельчанъ и обновленнымъ строемъ ихъ трудовой жизни, нѣтъ никакой надобности симпатизировать и восхвалять ни *лже*-ученія ни *лже*-учителя, или негодовать на то, что вчерашніе «неплательщики», ставъ порядочными крестьянами, присвоили себѣ некрасивое наименованіе «шалапутовъ» или, еще хуже, «дыропё-

ковъ». Но, вполнѣ признавая, что ученіе дыропёковъ есть *лже*-ученіе и что «неплательщики» преобразились отъ вліянія *лже*-учителя, нельзя же, глядя на небывалое прежде огромное стадо скота, не придавать этому никакой цѣны и смотрѣть на него какъ на *лже*-стадо, а на огромный табунъ лошадей какъ на *лже*-табунъ, на вниманіе къ ближнему какъ на *лже*-вниманіе.

Такимъ образомъ безпристрастное сужденіе о томъ, что̀ въ расколѣ бѣло и что̀ въ немъ черно, и справедливое раздѣленіе одного отъ другого даетъ читателю полное основаніе обсудить и приведенные выше въ корреспонденціи изъ Обояни факты, также только съ точки зрѣнія бытовыхъ, экономическихъ особенностей раскольничьей общины, и тогда окажется поистинѣ непомѣрная разница въ чистотѣ совѣсти людей, «облегченныхъ» отъ мірскихъ заботъ, и людей, полагающихъ въ этихъ заботахъ цѣль своей жизни.

Чтобы отдѣлаться отъ «вредныхъ элементовъ» собственнаго своего общества, *облегченная* правомъ ссылки ихъ община все-таки не можетъ сдѣлать этого, не пожертвовавъ своимъ карманомъ; чтобы *выбросить* вонъ изъ своей среды тридцать человѣкъ, надобно уплатить въ казну болѣе трехъ тысячъ рублей; чтобы выслать 13,—и то нельзя истратить менѣе 1.500 руб. Но, уплативъ деньги за своихъ братьевъ, ближнихъ, разстроившихся людей, вниманіе къ которымъ было бы обязательно хотя бы изъ чувства самосохраненія, они получаютъ облегченіе отъ многихъ мірскихъ заботъ, кому-то передаютъ «вѣдѣніе» о нихъ, хотя опять-таки *за деньги*.

Въ другой, такой же деревенской общинѣ *тѣ же* самыя деньги тратятся совершенно иначе. *Бродяга*, котораго производитъ *на свои деньги* община, облегченная отъ заботъ, находитъ самую радушную поддержку въ той общинѣ, гдѣ *заботы мірскія* составляютъ именно завѣтъ, основаніе всего строя жизни и взаимныхъ отношеній. Не только раскольники, дѣйствующіе во имя нравственныхъ обязанностей, но и нѣмецкіе колонисты, руководствующіеся строгимъ расчетомъ, не истребили бы въ своей средѣ «для облегченія» самихъ себя ни единаго человѣка и на 3 т. руб. навѣрное прикупили бы земли и «отсадили» на нее излишнихъ въ колоніи членовъ.

Мы, конечно, рады, что губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія уже какъ бы испуганы этой прискорбной

деревенской «новостью» и просятъ волости повременить платить деньги за ссылаемыхъ по общественнымъ приговорамъ, раньше чѣмъ будутъ разсмотрѣны приговоры; но можно быть вполнѣ увѣренными, что дальше того же оправданія *ни въ чемъ* невиноватыхъ людей, т.-е. дальше уничтоженія приговора—нынѣшняя «справедливость» къ меньшому брату не пойдетъ. Тѣ злые люди, которые задумали выбросить на произволъ судьбы своихъ собратій, только получатъ обратно деньги. Но никому изъ всѣхъ, кто будетъ обсуждать эти приговоры согласно духу времени, навѣрное, и въ голову не придетъ оставлять эти деньги въ казнѣ или земствѣ для устройства земледѣльческихъ кассъ (болгарскій крестьянинъ имѣетъ такія кассы) или для покупки разстроеннымъ людямъ земли при помощи крестьянскаго банка.

XII. Рѣчныя поѣздки.

«Рѣчныя поѣздки», о которыхъ рѣчь будетъ ниже, совершались всегда безъ всякой опредѣленной цѣли. Побудительною причиною всегда было желаніе «куда-нибудь» уѣхать весною изъ Петербурга, воскресить въ своемъ сознаніи воспоминанія о природѣ, воздухѣ и дать зрѣнію какую-нибудь пищу, кромѣ «газеты». Берега рѣкъ, постоянныя измѣненія окружающихъ впечатлѣній и чистота воздуха—вотъ главныя основанія, которыя «тянули» къ поѣздкамъ на пароходахъ и пароходикахъ, по столбовымъ и проселочнымъ рѣкамъ, безъ всякихъ указателей и путеводителей *).

*) Въ 1889 году на пароходныхъ пристаняхъ «Самолета» и Зевеке продавался «Путеводитель по Волгѣ» г. Г. П. Демьянова. Относительно точности свѣдѣній этого путеводителя можно судить по слѣдующему изложенію историческихъ событій въ Угличѣ (стр. 22): «До 1521 года, въ Угличѣ княжилъ сынъ Іоанна Грознаго, кн. Димитрій, который незадолго присоединилъ Угличъ къ Москвѣ. Димитрій Іоанновичъ пріобрѣлъ славу воинственнаго и храбраго князя». Итакъ, *въ 1521 году* Іоаннъ Грозный, вступившій на престолъ *трехъ лѣтъ* и только *въ 1533 году*, имѣлъ *уже сына* Димитрія, который, прославившись побѣдами, наконецъ *умеръ*. Умеръ и Іоаннъ Грозный—и... «*послѣ смерти* Іоанна Грознаго, *дума*, правившая государствомъ, распорядилась сослать царевича Димитрія вмѣстѣ съ матерью въ Угличъ. Исторія убіе-

Кромѣ личныхъ побужденій къ безцѣльному скитанію на пароходахъ и пароходикахъ, были и нѣкоторыя основанія почитать такія поѣздки цѣлительными, оздоровляющими. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась брошюра д-ра Голубова (ее можно имѣть на пристаняхъ всѣхъ волжскихъ пароходовъ), спеціально посвященная доказательству оздоровляющаго значенія именно «рѣчныхъ поѣздокъ» *). Кто знаетъ, что̀ такое разстроенные нервы, да еще нервы женскіе, тотъ, конечно, порадуется, узнавъ изъ брошюры г. Голубова, что даже и такіе, иногда кажущіеся неисцѣлимыми, близкими къ полному психическому разстройству недуги въ теченіе нѣсколькихъ дней рѣчного путешествія «исчезаютъ» иногда *безъ слѣда*. «Я знаю больныхъ,—пишетъ г. Голубовъ:—которыхъ на пароходъ вводили подъ руки и которые послѣ 4—5 дней путешествія являлись на мѣсто сравнительно уже бодрыми и крѣпкими; трудно было представить себѣ, что эти самые больные только нѣсколько дней тому назадъ лежали еще въ постели. Я помню много малокровныхъ и *преимущественно нервныхъ* женщинъ, изъ пріѣхавшихъ по Волгѣ на кумысъ, которыя говорили мнѣ: «*Сейчасъ я не могу ни на что пожаловаться; я теперь послѣ дороги совершенно здорова*».

Но, указывая цѣлебность «безцѣльныхъ» поѣздокъ, мы бы никогда не рѣшились утруждать читателя передачею «безцѣльныхъ впечатлѣній», если бы поѣздки, безцѣльно начатыя, почти постоянно не осложнялись самыми неожиданными случайностями, вторженіями дѣйствительности, разрушавшими очень часто всякую малѣйшую возможность какого бы то ни было оздоровленія.

Между прочимъ, нельзя не предупредить всякаго, кто пожелалъ бы освѣжить свои нервы тѣмъ же способомъ безцѣльной поѣздки, непремѣнно принять во вниманіе два существеннѣйшихъ обстоятельства: качества самаго парохода и качества рѣки, по которой предполагается ѣхать. Если сама рѣка не даетъ разнообразія даже мелькающихъ впечатлѣній, ѣзда на пароходѣ — тюрьма; если же рѣка и обильна впечатлѣніями, но самъ пароходъ имѣетъ свойство

нія царевича слишкомъ популярна, почему мы обойдемъ молчаніемъ подробности этого историческаго преступленія» (стр. 22 путевод.). Такимъ образомъ, по свидѣтельству г. Демьянова, *царевичъ, задолго до рожденія своего отца*, воевалъ съ литовцами и проч. и *былъ убитъ* долго спустя *послѣ своей смерти*. (В. В.).

*) Названіе брошюры: «Рѣчныя путешествія».

сосредоточивать вниманіе путника лишь на мысли о самосохраненіи, то воспріятіе разнообразія впечатлѣній становится невозможнымъ, а сосредоточеніе сознанія единственно на чувствѣ самосохраненія сильнѣйшимъ образомъ способствуетъ еще большему разстройству нервовъ, чѣмъ это было до появленія на пароходѣ. Если же и пароходъ и рѣка овладѣваютъ путникомъ сразу двумя вышеуказанными свойствами, т.-е. скудостью впечатлѣній и страхомъ за свое существованіе, то читатель ужъ и самъ можетъ судить, въ какой степени цѣлебны такія «рѣчныя путешествія».

---

1. По Шекснѣ.

I.

Вотъ вѣдь и Шексна тоже рѣка, и такъ же, какъ и по Волгѣ, ходятъ по ней и пароходы, и все на этихъ пароходахъ, если разглядѣть ихъ среди бѣла дня, какъ будто бы такъ же устроено, какъ и на волжскихъ, хотя бы и стараго типа: есть тутъ и каюты, и рубка перваго класса, въ которую воспрещено входить 2-му классу, и верхняя площадка, куда воспрещено ходить третьему классу, есть и *уборная*, есть даже какая-то мурья, съ наименованіемъ: *гардъ-манже*, чего нѣтъ даже и на волжскихъ пароходахъ,— словомъ, все есть, кажется, что̀ должно на пароходѣ быть, чтобы пріѣзжій имѣлъ возможность воспринимать «разнообразныя впечатлѣнія»; а между тѣмъ первое впечатлѣніе при появленіи на пароходѣ оказывается весьма неуспокоительнымъ.

Не знаю, отъ того ли, что былъ холодный день и проливной дождь, т.-е. что уже были и ранѣе появленія на пароходъ неблагопріятныя для поѣздки причины, только съ перваго шага въ рубку перваго класса, маленькую, душную и темную (вся она была обложена товаромъ, застилавшимъ свѣтъ небольшихъ окошекъ), все стало казаться не располагающимъ къ отдохновенію.

— Человѣкъ! Служащій!—въ темнотѣ рубки послышался чей-то кроткій и добрый голосъ. Кто говорилъ, разглядѣть было невозможно, но голосъ продолжалъ:

— Принеси-ка тряпочку! Каплетъ тамъ... Протекло!

Еле-еле начавшій привыкать къ темнотѣ глазъ примѣ-

чаетъ маленькую фигурку старичка-священника. Онъ выглядываетъ съ кривой лѣстницы, идущей въ пассажирскія каюты.

— Протекло въ трехъ мѣстахъ! И снизу что-то булькаетъ и бурчитъ! — объясняетъ старичокъ «служащему», убирающему тарелки, объясняетъ кротко и въ то же время отираетъ свое голое, старческое темя, которое, очевидно, не миновало капели.—Тряпочку бы принесъ!

— Сейчасъ, батюшка, подотру-съ! Вотъ только посуду уберу!

И батюшка, очевидно, принималъ капель въ каютѣ 1-го класса какъ должное. Да и лакей, обѣщавъ «подтереть», однакоже не спѣшилъ съ этимъ дѣломъ. Очевидно, что все это для аборигеновъ парохода было дѣломъ привычнымъ. Но путешественникъ, ищущій отдохновенія, не можетъ не испытывать отъ извѣстія объ этой «капели» ничего, кромѣ тревоги, особливо послѣ того, какъ онъ рѣшится по неосвѣщенной лѣстницѣ спуститься въ свою каюту, окошко которой опять-таки заслонено баржей пристани. Темнота, сырость, пропитанная запахомъ неопрятнаго помѣщенія, гонятъ на палубу, на вѣтеръ и дождь, лишь бы только освѣжить легкія, уже чѣмъ-то отравленныя.

А здѣсь, среди палубной публики, идутъ разговоры, и вовсе не успокоительные.

— Зачѣмъ же вы, сударыня, на этомъ пароходѣ ѣдете, коли онъ васъ такъ пужаетъ?

— Дѣти больны! Ни за что бы не поѣхала, если бы не дѣти!—сердится старушка-помѣщица, отвѣчая пароходному собесѣднику, большею частью приказчицкаго, торговаго типа.

— Напрасно вы, сударыня, обижаете пароходъ-то!—шутилъ онъ.—Имечко у него пріятное,—«Спокойный» называется, чего лучше?

— Да, очень спокоенъ! Онъ сталъ *спокойнымъ* съ тѣхъ поръ, какъ у него дно провалилось!—не безъ иронiи отвѣчала старушка, очевидно, привычная къ разговорамъ съ пароходными аборигенами.

— Ха-ха-ха!—сочувственно смѣялись въ публикѣ.—Какъ дно вышибли, такъ и успокоился? Ха-ха-ха!..

— А какъ же?—присоединился новый собесѣдникъ. — Прежде пароходъ этотъ назывался «Наяда». А какъ вышибъ дно, перепугалъ публику, вотъ его и перемазали въ «Спокойный»!

Этотъ шутливый разговоръ скоро перешелъ и въ дѣловой.

— Перемазали! Чего его перемазывать? Ты бы спросилъ, сколько ему вѣку-то? Ему ужъ давнымъ-давно по Волгѣ-то, сказываютъ, не велѣно ходить... Ужъ годовъ десять котелъ-то запретили... А онъ, вишь, все хрюкаетъ да чхаетъ по Шекснѣ!

— Да, порядкомъ онъ, пароходъ-то, разслабѣлъ!

— Да какъ же! Ни много ни мало, а вышибли вѣдь дно-то! Тяпъ-ляпъ, кой-какъ задѣлываютъ-то...

— Того и гляди, ко дну пойдешь!—шутилъ кто-то.

— А ты какъ бы думалъ? Вѣдь дно-то въ Шекснѣ эва гдѣ! На восемь саженъ, бываетъ, глубины! Вездѣ омута, вертуны... Мы и купаться-то боимся... А тутъ на этакой-то гнилушкѣ!

— Начальство плохо глядитъ!

Критикъ парохода не обратилъ на это вниманія и продолжалъ:

— Хорошо еще, какъ «Наядой»-то онъ состоялъ и дно прошибъ, удержался онъ между двумя камнями. Цѣлую ночь они его, съ пассажирами, поддержали подъ бока. Теперича и безъ камня, пожалуй, развалится, какъ усохлая бочка.

— Чего мудренаго!

— А третьяго-то дня что̀ было *)? Вѣдь «Прогрессъ»-то мало-мало ко дну не пошелъ. Весь носъ разсадилъ объ «Руслана»!

— Чей же это пароходъ «Русланъ»? — полюбопытствовалъ проѣзжающій, очевидно, мало знакомый съ мѣстными порядками.

— Да все ихній же, одной компаніи. И «Прогрессъ» ихній и «Русланъ» ихній.

— А вѣдь и «Руслану» также довольно хорошо попало!— дополнилъ для разъясненія дѣла еще новый свѣдущій человѣкъ.—Вѣдь «Прогрессъ»-то и его тоже порядкомъ разсадилъ, цѣлую каюту напрочь оторвалъ! Да въ щепки вѣдь...

— Вонъ какъ тутъ у нихъ! «Русланъ» разсадилъ «Прогресса», а «Прогрессъ» разсадилъ «Руслана», а у «Спокойнаго» того и гляди дно вывалится. Нечего сказать, хорошо!

---

*) Все это, къ сожалѣнію, неожиданно стряслось между 20 — 22 іюля 88 года.

— Хорошо, хоть помощника-то въ каютѣ не было, а то бы и его-то вдребезги разнесло!

— Ну, ужъ хорошо также и «Прогрессу» досталось! Видѣлъ я его въ Рыбинскѣ на верфи: какъ есть всю ему часть-то, рыло-то, своротило, окончательно этакъ вотъ... Нечего сказать, ловко «Руланъ» сработалъ!

— Разсаживаютъ другъ дружку, а кто кого—и сами не разберутъ!

Конечно, никто во всемъ этомъ не виноватъ: ни компанія, ни капитаны, ни помощники, словомъ, ни одинъ изъ живыхъ людей, честно исполняющихъ свои обязанности въ дѣлѣ завѣдыванія пароходнымъ движеніемъ. Виноватъ погасшій фонарь, виноватъ вѣтеръ, который его погасилъ, виновата черная ночь, виноватъ камень. Все случай, все воля Божія. Но вѣдь омута существуютъ, благосклонный читатель! Существуютъ глубочайшіе омута, глубочайшіе вертуны, надъ которыми трясутся своими разслабленными членами разслабленные пароходы. Вотъ чего не слѣдуетъ забывать путнику, который желаетъ отдохнуть, а не утонуть.

II.

Поутру, подъ обороной дождевого зонтика, пришлось-таки наконецъ волей-неволей «воспринять» и «разнообразіе» впечатлѣній «окружающаго». И опять очень немного потребовалось времени, чтобы еще разъ усомниться въ благотворности вообще рѣчныхъ поѣздокъ, особенно когда, кромѣ неудобствъ передвиженія, и самая рѣка не обнаруживаетъ никакихъ дѣйствительно пріятныхъ и разнообразныхъ качествъ.

Изобилуетъ ими Волга, но совсѣмъ не изобилуетъ Шексна.

Рѣка эта утомляетъ глазъ и перестаетъ интересовать послѣ самаго непродолжительнаго съ ней знакомства, и, какъ на грѣхъ, въ то же самое время и она же почему-то возбуждаетъ настойчивое желаніе опредѣлить ту причину, которая такъ быстро охлаждаетъ вниманіе къ окрестнымъ видамъ. Есть въ ней что-то особенное, скучное; но это «скучное» кажется почему-то достойнымъ объясненія, такъ какъ въ скукѣ и неинтересности впечатлѣній чуется что-то совершенно опредѣленное, даже прямо тенденціозное, что̀ требуетъ непремѣнной разгадки.

По внѣшнему виду она, пожалуй, временами даже и живописна, и вообще это рѣка бойкая, быстрая, сильная,

многоводная, глубокая; берега круто опускаются въ глубокія бездны; безпрестанные повороты ея постоянно мѣняютъ видъ мѣстности, куда направляется пароходъ; есть и села, и деревни, и церковки, и луга, и стога, и заводы, и фабрики, все, что теперь есть на всякой судоходной рѣкѣ; но все это пронизано и въ то же время какъ бы связано одною нитью, совершенно постороннею всему, что даетъ природная обстановка рѣки.

Долго приходится ломать голову надъ рязъясненіемъ этой связующей нити, и наконецъ (не сомнѣваюсь, читатель до крайности удивится тому, что будетъ сказано) нить эта приводитъ допытывающуюся мысль прямехонько на четвертую страницу любой газеты въ то темное мѣсто, гдѣ мельчайшимъ петитомъ напечатано: «сдѣлано 3.000 четв., нат. 126—127 ф., съ запашкомъ, по 7 р. 10 к., мѣшки обратно. Погода перемѣнная при 16° тепла. Съ овсомъ твердо. Устюженскаго 6 п. по 4 р. 37 к., саксонка... самарка... сибирское перепускное 9 р. 90... тихо... слабо... На августъ 4 р. возьмутъ».

Какимъ путемъ мысль ваша попала въ этотъ темный уголокъ газеты, этого невозможно объяснить, но, разъ она попала, все, что есть въ Шекснѣ типичнаго, т.-е. вся ея тенденціозность, выясняется во всѣхъ подробностяхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Понимаешь эти полчища стоговъ сѣна, сотнями столпившихся къ самому краю берега, столпившихся густо, тѣсно, какъ полкъ солдатъ, и, очевидно, ожидающихъ посадки на суда; сѣно-то оно—сѣно, и стога, какъ стога, но тенденціозная биржевая нить уничтожила въ нихъ черты, красящія сельскій лугъ, превратила въ длинную вереницу цифръ, стоящихъ рядами пока на берегу, а потомъ и въ «Вѣстникѣ Финансовъ». Лѣсопильные заводы, однообразнѣйшіе, одинъ въ одинъ, съ однообразнѣйшими складами напиленнаго теса (одна тесина какъ другая), однообразнѣйшія новостроящіяся барки въ безчисленномъ количествѣ, долженствующія поглотить однообразнѣйшія полчища стоговъ, тесинъ, брусьевъ, бочекъ,—все это самымъ неотразимымъ образомъ рисуется исключительно въ видѣ цифръ, цифръ въ биржевыхъ отчетахъ, въ отчетахъ министерства финансовъ, въ торговыхъ берлинскихъ, лондонскихъ телеграммахъ, въ которыхъ овесъ, «политическій горизонтъ», «мѣшки обратно», «Бисмаркъ», «дружественный союзъ», дождь, 16 градусовъ,—все смѣшано въ омрачительную для простыхъ смертныхъ суматоху, въ которой однако недреманное око

передовицъ явственно видитъ источникъ и указаніе для тона, какимъ подобаетъ разговаривать теперь съ Европой.

Тутъ, съ этихъ луговъ, отъ этихъ вереницъ однообразнѣйшихъ барокъ, заводовъ, бочекъ, отъ безчисленнаго количества кряхтящихъ, охающихъ, лающихъ буксировъ—ничего иного не вторгается въ сознаніе путника, кромѣ самыхъ изсушающихъ мыслей о существеннѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, и начинаетъ казаться, что даже и сама Шексна только и думаетъ о государственномъ бюджетѣ и, безпрестанно виляя и извиваясь, хлопочетъ лишь о томъ, чтобы создать какъ можно болѣе удобныхъ пристаней. Вотъ она сдѣлала огромный полукругъ, повидимому, безъ всякаго смысла. Если же вы сообразите, что здѣсь не обошлось безъ участія той нити, одинъ изъ концовъ которой таится тамъ, на вершинѣ бюджета, то тотчасъ же поймете, что Шексна, обогнувъ такое большое пространство и давъ этимъ возможность производить выгрузку въ разныхъ мѣстахъ съ одного и того же луга, вмѣсто того, чтобы стаскивать грузъ въ одно мѣсто, сдѣлала это въ совершенно ясныхъ государственныхъ цѣляхъ. Она сдѣлала это для того, чтобы, при скорой нагрузкѣ, наше отечество скорѣе другихъ странъ могло заявить: «*настроеніе* съ овсомъ, съ сѣномъ, съ пшеницей—*крѣпкое*»,—и тѣмъ получить возможность отвѣтить презрѣніемъ на угрожающія статьи «Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты», внушаемыя, конечно, самимъ «желѣзнымъ канцлеромъ».

Несомнѣнно, что такая тенденціозная рѣка, переносящая мысль путника сначала на биржу, затѣмъ въ бюджетъ, и въ концѣ концовъ развивающая необходимость въ размышленіяхъ о политическомъ положеніи всего свѣта, такая рѣка и поѣздка по ней, несмотря на всю свою поучительность, не утолитъ жажды путникомъ облегченія и успокоенія. Такъ было и въ дѣйствительности, и ничего любопытнаго не предвидѣлось впереди; но судьбѣ было угодно осчастливить несчастнаго путника весьма пріятною неожиданностью.

III.

Неожиданно «Спокойный» остановился у пристани, которой вовсе не было обозначено въ расписаніи остановокъ. Пристань была новенькая, съ иголочки, чистенькая и съ крестомъ на одномъ изъ угловъ крыши. Оказалось, что это новая, только пять лѣтъ назадъ основавшаяся, женская

община; священникъ въ новой ризѣ стоялъ на пристани, ожидая богомольцевъ съ крестомъ въ рукахъ, и было много монашенокъ, которыя смотрѣли въ окно изъ часовни, устроенной на пароходной пристани, а около часовни продавали книжки, крестики, и одна дѣвушка, лѣтъ двѣнадцати, собирала подаянія. Публика повалила съ парохода въ часовню, гдѣ началось служеніе.

Суровыя, скучныя окрестности, суровая коммерческая рѣка огласились хоромъ свѣжихъ, молодыхъ женскихъ голосовъ, заставившихъ позабыть, что на дворѣ и дождь и вѣтеръ. Когда пароходъ отвалилъ отъ пристани, всѣ ѣхавшіе уѣзжали, несомнѣнно, съ хорошимъ впечатлѣніемъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что въ послѣдніе годы въ Россіи стало вообще возникать довольно много «женскихъ общинъ», и кромѣ того немалое количество мужскихъ монастырей преобразовано въ женскіе. И всякій разъ, когда возникаетъ такая новая община, или въ опустѣвшій мужской монастырь переселяются женщины,—какъ на новыхъ, такъ и на старыхъ мѣстахъ начинается самая кипучая, трудовая дѣятельность: полуразвалившійся монастырь, съ разбитыми стеклами, замусореннымъ кельями, съ заросшимъ бурьяномъ дворомъ, — все это въ самое короткое время совершенно преображается. Вездѣ чисто, свѣтло, повалившійся крестъ и прямъ и сіяетъ, а стѣны ограды, еще недавно ободранныя, зіявшія ссадинами отвалившихся кирпичей, рѣзко выдѣляются своей снѣжной бѣлизной въ чащѣ зеленаго лѣса. Не подлежитъ сомнѣнію, что женщина оживляетъ и новыя и старыя мѣста монашескихъ общежитій широчайшимъ развитіемъ всякаго рода труда и рукодѣлья, чего нельзя, къ сожалѣнію, сказать о подвижническомъ времяпрепровожденіи монаховъ мужскихъ монастырей.

Въ прекрасной статейкѣ г-жи В. Н. Свѣтъ «О черничкахъ» *) есть свѣдѣніе о томъ, что нѣкоторыя изъ дѣвушекъ, рѣшившихся поступить въ монастырь, не всегда дѣлаются монахинями. «Часто бываетъ, что такія дѣвушки, если имѣютъ хотя *малѣйшую возможность* прожить *своимъ трудомъ* или при помощи родныхъ, уходятъ изъ монастыря, проживъ въ немъ немного». Оказывается, что въ иномъ монастырѣ бываетъ такъ много работы, что некогда лба перекрестить, не то что пойти въ церковь. «А еще монаш-

*) «Этнографич. Обозр.» № 1. О черничкахъ въ слободѣ Купянской, Хар. губ.

кой зовутъ!» *) Очевидно, жизнь женскихъ монастырей и женскихъ общинъ—жизнь далеко не праздная, и это тѣмъ важнѣе, что на такую-то жизнь идутъ преимущественно молодыя женщины и главнымъ образомъ дѣвушки. «Часто случается,—читаемъ мы въ той же статейкѣ г-жи Свѣтъ:—что больная и слабая дѣвочка (обреченная родителями на безбрачіе и служеніе Богу, т.-е. въ чернички), если она благополучно выздоравливаетъ, и дѣлается красивою, видною, то про нее говорятъ: «хоть бы и не черничка, а настоящая, заправская монашка!» Монашка въ этомъ случаѣ ставится выше чернички, потому что между черничками есть много увѣчныхъ, а въ *монастыри принимаютъ только вполнѣ здоровыхъ дѣвушекъ*».

Молодыя, крѣпкія, здоровыя дѣвушки идутъ не на уединенную созерцательную жизнь людей, отрекшихся отъ міра,—нѣтъ, онѣ знаютъ, что въ монастырѣ онѣ положатъ свои молодыя силы на непрерывный и иногда, какъ мы видѣли, чрезмѣрный трудъ, и это добровольное посвященіе себя не молитвѣ только, а труду, дастъ полную возможность видѣть, какая масса молодыхъ женщинъ въ крестьянской средѣ не находитъ условій, мало-мальски благопріятныхъ для примѣненія тѣхъ же молодыхъ силъ въ собственномъ хозяйствѣ. Солдатчина, отхожіе промыслы, разстроенные земельные порядки, всѣ эти недуги русскаго крестьянства не даютъ массѣ женщинъ быть «*хозяйками*» въ собственномъ своемъ хозяйствѣ.

Есть и другой способъ существованія для женщинъ, не имѣющихъ возможности быть хозяйками,—это отхожіе промыслы, т.-е. уходъ на заработки какъ парней, такъ и дѣвушекъ. Но вотъ какое вліяніе имѣютъ эти заработки какъ на парней, такъ и на дѣвушекъ. «Возвратившіеся съ заработковъ какъ парни, такъ и дѣвки уже не такъ охотно подчиняются родителямъ, особенно когда вопросъ касается денегъ, принесенныхъ ими». «По примѣру парней, дѣвушки не удовлетворяются уже одежей домашняго приготовленія, которую онѣ носили прежде. И вотъ, если заработныхъ денегъ отецъ не даетъ въ полное распоряженіе, дѣвка (по примѣру парней) также разными нечестными способами добудетъ-таки денегъ или готовые наряды». «Изъ дѣвушекъ, ходившихъ на заработки, едва десятая возвращается честной».

Вотъ какъ преобразовываютъ деревенскую женскую мо-

*) Стр. 93—99.

лодежь отхожіе промыслы. «Парни же, вліяніе которыхъ на порчу дѣвушекъ несомнѣнно, возвращаются въ еще болѣе неблаговидномъ настроеніи: пища, которую ѣдятъ отцы, кажется скудной; не занимаетъ въ будничный день домашняя работа, а еще скучнѣе для нихъ праздничные дни, гдѣ днемъ, кромѣ улицы, а вечеромъ, кромѣ вечерницы, нѣтъ никакого развлеченія. И въ эту улицу и въ эти вечерницы они вносятъ новые дурные нравы и пошлыя пѣсни. Если же такого молодца женятъ, то онъ старается отдѣлаться отъ отца и при первой возможности бросить жену и уйти. Въ случаѣ отказа въ деньгахъ, парень не задумается и украсть ихъ у него, а то и у чужихъ, надуть кого-нибудь, занять безъ отдачи». Если ко всему этому принять во вниманіе, что на заработки идетъ не только молодежь, но бываютъ вынуждены уходить и хозяева, люди семейные, вслѣдствіе крайняго разстройства хозяйства, то что же ожидаетъ тѣхъ деревенскихъ дѣвушекъ, у которыхъ женихи ушли въ заработки, а возвратясь, отлынивaютъ отъ брака, а главное, не хотятъ уже быть «хозяевами», какъ ихъ отцы? Что дѣлать этимъ дѣвушкамъ, которыя выросли въ школѣ труда, съ мечтами быть хозяйками, если ко всему разбитная жизнь разбитной дѣвки даже и непонятна имъ? И вотъ она несетъ свои силы на общій трудъ, съ такими же, какъ и она, дѣвушками, которымъ «не вышло быть хозяйками». Но разъ это можетъ случиться—и изъ «монашки», и изъ черницы, и даже изъ гулящей дѣлается настоящая женщина-хозяйка. Если, — сказано въ той же статьѣ г. Свѣтъ:—гулящей «удастся дома выйти замужъ, то прежнее не вспоминается, ей прощается вина, и она бываетъ хорошею хозяйкою и женою» *).

Въ виду сказаннаго, намъ кажется, что о. іеромонахъ Стефанъ, который написалъ «Сказаніе объ основаніи новой Пустынно-Предтеченской общины» **) (у пристани которой остановился пароходъ), не совсѣмъ точно понялъ

*) Стр. 99—101.

**) Вотъ при какихъ условіяхъ возникла эта женская община. Вдова *иркутскаго губернатора* (фамиліи не названо), будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ и живя въ имѣніи своей замужней дочери (въ этой самой мѣстности, гдѣ впослѣдствіи возникла община), крѣпко тосковала о томъ, что дальнія разстоянія отъ церквей не даютъ ей возможности часто бывать на богослуженіи. Чтобы удовлетворить свои религіозныя стремленія, она сначала устроила нѣчто въ родѣ часовни въ своей банѣ, а потомъ выстроила настоящую часовню, а наконецъ пожелала устроить и церковь. Разрѣшеніе было получено, но денегъ не хватало

значеніе и смыслъ ново-возникающихъ женскихъ общинъ, потому что, обращаясь къ благотворителямъ съ просьбою о пособіи инокинямъ, нашелъ возможность мотивировать эту просьбу въ такомъ видѣ: «потому великую награду отъ Бога получитъ тотъ, кто подастъ имъ, инокинямъ, потребное для жизни: хлѣбъ, ленъ, шерсть, деньги, и тѣмъ доставитъ имъ возможность *безмятежно сидѣть въ келіи и въ безмолвіи* служить одному Богу *).

Существенный смыслъ женскихъ монашескихъ общежитій настоящаго времени—это невозможность для огромнаго количества сильныхъ и здоровыхъ женщинъ устроиться своимъ хозяйствомъ и робость случайнаго существованія на случайный заработокъ. Несмотря на короткое время остановки на пристани Пустынно-Предтеченской общины, мы уже могли слышать толки о томъ, что тамъ открыта школа, что предполагается богадѣльня, и что нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ учатся уже въ Петербургѣ *иконописанію*. Очевидно, что дѣло не можетъ ограничиться *безмятежнымъ сидѣніемъ въ безмолвіи*. Много важныхъ причинъ такой траты молодыхъ силъ, но сколько тратится такихъ же силъ въ растлѣвающихъ условіяхъ случайнаго заработка?

IV.

Едва пароходъ отошелъ отъ пристани и я, предположивъ, что отъ Шексны теперь уже ровно ничего путнаго

ни у ея зятя ни у крестьянъ. И вотъ сѣдовласая старушка явилась со сборною книгою въ Петербургѣ, гдѣ ее забрали въ полицію за прошеніе милостыни. Изумленные полицейскіе, разсмотрѣвъ ея бумаги, конечно, выпустили вдову губернатора на волю, и она, «въ бѣдномъ одѣяніи и такомъ же чепчикѣ», пошла по сбору подаяній, при чемъ испытала множество огорченій; но церковь деревянная въ концѣ концовъ была выстроена. Вскорѣ послѣ этой постройки случайно посѣщаетъ ее монахиня, мать *Сергія*, жившая въ монастырѣ около Рыбинска. Посѣтивъ мѣсто своей родины и найдя здѣсь новую церковь, она задумала устроить около нея женскую общину. Полюбились очень ей эти мѣста. Для этого она стала энергически вліять на нѣкоторую купчиху, жену почетнаго гражданина П. Ф., человѣка богатаго, убѣждая ее уговорить мужа, чтобъ онъ купилъ землю у зятя вдовы губернатора. Купецъ рѣшительно упорствовалъ въ исполненіи желанія жены и монахини, но однажды онъ увидѣлъ во снѣ митрополита Никанора, который спросилъ его: «Ты что не покупаешь земли?» — и прибавилъ: «Твое дѣло—купить землю и покончить дѣло». Проснувшись, купецъ немедленно исполнилъ приказаніе митрополита, купилъ 800 дес. земли, двухъ-этажный домъ и передалъ дѣло женѣ и монахинѣ. Послѣдняя и начала постройку общины,—и съ 17 монахинь при началѣ общины число ихъ въ настоящее время, т.-е. въ теченіе 5 лѣтъ, достигло 70.

*) Сказ. стр. 19.

не дождешься, предался-было унынію, какъ судьба опять осчастливила меня новой неожиданностью, да притомъ такой, какой я и подозрѣвать даже не могъ. «Гдѣ я? Что̀ слышу?»—вотъ какіе вопросы задавалъ я себѣ, повергнутый въ величайшее недоумѣніе.

Пусть читатель представитъ себѣ слѣдующую картину: рядомъ со мной, на лавкѣ третьяго класса, сидятъ два совершенно ординарнаго вида мелкихъ приказчика и читаютъ по складамъ какую-то тоненькую книжечку, при чемъ съ устъ ихъ, конечно, съ запинкой и, конечно, въ исковерканномъ видѣ срываются такія великія имена великихъ писателей, какъ Монтескьё, Массильонъ, госпожа Сталь, Лабрюйеръ, Боссюэтъ. Если бы читатель могъ себѣ представить что-нибудь подобное, я увѣренъ, что и самъ онъ сталъ бы втупикъ. Приказчики, едва умѣющіе прочесть по складамъ «Бову Королевича» и въ то же время, поистинѣ въ потѣ лица, едва одолѣвающіе такія кабалистическія слова, какъ Лабрюйеръ, Монтескьё, Боссюэтъ;—какъ и чѣмъ можно все это объяснить?

Но я рѣшительно отказываюсь представить себѣ положеніе читателя, когда прочту ему самъ то именно, что̀ читали приказчики. Я, конечно, не могъ утерпѣть, чтобы не спросить ихъ:

— Гдѣ вы купили эту книжку?

— У монашекъ.

— Дайте мнѣ ее посмотрѣть.

Приказчики не отказали. Я началъ чтеніе съ того мѣста, гдѣ была раскрыта брошюра, и прочиталъ слѣдующее:

Соты духовные.

Назидательныя мысли и добрые совѣты, выбранные изъ твореній мужей мудрыхъ и святыхъ.

I. ПОЗНАНІЕ ИСТИНЫ.

Что̀ значитъ глазъ для тѣла, то самое и умъ для души. Богъ даровалъ намъ его для того, чтобы мы разсѣевали мракъ невѣдѣнія и имѣли правильное понятіе о вещахъ (Златоустъ).

Просвѣщать нашъ умъ—это возвышать нашу душу.

Истина есть свѣтъ ума.

Наука—это бездна, которая глубже океана (Монтескьё).

Предѣлы наукъ походятъ на горизонты: чѣмъ ближе подходятъ къ нимъ, тѣмъ болѣе они отодвигаются (Боастъ).

Смотря по тому, въ чести ли науки или въ забросѣ, онѣ унижаютъ или возвышаютъ государства (Ролленъ).

Желать погрузить людей въ невѣжество — это преступленіе въ оскорбленіи Божества и человѣчества (Боастъ).

Невѣжество — это самая опасная изъ болѣзней и причина всѣхъ прочихъ недуговъ (Боссюэтъ).

Деспотизмъ—любить невѣжество (Боастъ).

Людьми невѣжественными и развращенными нельзя управлять ни съ помощью справедливости ни съ помощью разума. Они возстаютъ не столько противъ зла, которое имъ дѣлаютъ, сколько противъ добра, которое хотятъ имъ дѣлать (Г-жа Сталь).

Лучшее оружіе противъ заблужденія—это истина.

— Да что же это такое? Гдѣ могутъ проповѣдываться такія прекрасныя мысли?

Въ нетерпѣніи я отыскалъ обертку брошюрки и прочиталъ: «Душеполезный Собесѣдникъ». Изд. аѳонскаго русскаго Пантелеймоновскаго монастыря. Москва, 1889 года.

Едва ли не больше, чѣмъ хорошее впечатлѣніе монастырской пристани, повліяло на полное облегченіе моего нравственнаго настроенія именно мѣсто изданія органа, въ которомъ помѣщены эти слова. При какихъ иныхъ условіяхъ кто бы то ни было могъ бы разсчитывать освѣжить свой утомленный мракъ въ такой глуши, какъ шекснинское захолустье, если бы не эти популярные листки, проникающіе туда, куда не проникаетъ ничего, кромѣ цѣнъ на хлѣбъ и свѣдѣній о курсѣ?

Разсмотрѣвъ этотъ листокъ подробнѣе, нельзя было не видѣть, что онъ, отстаивая значеніе науки, не теряетъ изъ виду и той почвы, которая возростила его спеціальныхъ читателей. Такъ, изъ хроники обыденной бытовой жизни разсказано объ одной курской помѣщицѣ, г-жѣ З., которая очень холодно отнеслась къ открытію мощей св. Митрофана воронежскаго. Но однажды во снѣ увидѣла она себя въ Воронежѣ, въ храмѣ, гдѣ почиваютъ св. мощи, среди многочисленной толпы народа. Самъ чудотворецъ въ схимническомъ одѣяніи возсѣдалъ на крышѣ своей раки, обѣими руками благословляя притекавшій къ нему народъ. Подошла къ святителю и г-жа З., но онъ грозно взглянулъ на нее и вмѣсто благословенія ударилъ по лѣвой щекѣ. Проснувшись, она почувствовала сильнѣйшую зубную боль и ломъ во всей половинѣ лица. «И познала она тогда свою виновность предъ угодникомъ Божіимъ и, припавъ предъ его иконой съ искреннимъ раскаяніемъ, получила полное исцѣленіе». Цѣль факта очевидна: наказаніе за грубую, неосмысленную гордость далекаго отъ познанія истины существа.

Читаемъ далѣе: «Игуменъ Петръ внимательно слѣдилъ за поведеніемъ своихъ подчиненныхъ, чтобы всѣ иноки

внимательно относились къ обязанностямъ своего званія, и если замѣчалъ въ комъ упущеніе и недостатки, то своевременно указывалъ ихъ виновнымъ, а иногда таковыхъ и наказывалъ. Замѣтивъ однажды Павла (молодого инока), что онъ задремалъ въ церкви, старецъ укорилъ его. Добрый юноша-инокъ смиренно испросилъ прощенія. Въ слѣдующую ночь игуменъ опять замѣтилъ Павла дремлющимъ и уже ударилъ его по щекѣ. Этотъ ударъ былъ дѣйствительнымъ врачествомъ для новоначальнаго, смиреннаго послушника. Съ этихъ поръ онъ уже не страдалъ этимъ недостаткомъ» *).

Вообще основная идея популярнаго изданія, видимо, состоитъ въ томъ, чтобы, употребляя тѣ средства вразумленія, которыя могутъ быть постижимы, а главное, прочувствованы человѣческимъ существомъ, возросшимъ въ невѣжественной и грубой средѣ, въ то же время не лишать этотъ первобытнымъ способомъ обузданный умъ возможности познанія истинной мудрости.

Пожелавъ изданію успѣха и употребивъ на интересное чтеніе часа два времени, которое безъ интересной тетрадки некуда было бы дѣвать, я съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ, что близко уже тотъ «городокъ», до котораго взятъ былъ билетъ, и былъ весьма доволенъ, что скучная вначалѣ поѣздка въ концѣ концовъ оказалась неожиданно поучительной.

II. По проселочной рѣкѣ.

I.

Но ужъ ровно ничего поучительнаго я не предполагалъ встрѣтить, когда сѣлъ въ Рязани на пароходъ, идущій по Окѣ до Нижняго,—такъ непомѣрно далеко отъ «современности» отбросилъ меня только семичасовой переѣздъ отъ Москвы до Рязани.

Покуда артельщикъ получалъ на рязанскомъ вокзалѣ мои вещи, а я пилъ чай, «современность» полностью владѣла мной. И вся обстановка вокзала, и блестящее освѣщеніе, и публика — все было вполнѣ современное. Даже послѣ того, какъ, выйдя изъ-подъ газовыхъ рожковъ вок-

*) Стр. 47.

зала, я сѣлъ на извозчика съ артельщикомъ и вещами и поѣхалъ къ пристани, все еще современность ощущалась довольно опредѣленно; подъ колесами пролетки загремѣла та же самая мостовая, которая гремитъ и подъ колесами въ Москвѣ; стало безъ газовыхъ рожковъ потемнѣе, это правда, но все-таки я помнилъ, что газовые рожки существуютъ.

Но вотъ, проѣхавъ по мостовой минутъ пять, мы вдругъ какъ бы поплыли на пролеткѣ; ни звука колеса о камень, ни треска, ни стука копытъ. Клюкаетъ что-то слегка, какъ кузнечикъ, въ колесахъ пролетки, а сама она плыветъ не то по облакамъ, не то по волнамъ. Начинаетъ всякаго изъ находящихся въ пролеткѣ покачивать, поламывать, поталкивать, но все-таки довольно нѣжно и плавно. Оказывается, что мостовая только близъ вокзала, а далѣе идетъ самая натуральная грязь, мягкая, нѣжная, какъ вата или перина. Подъ вліяніемъ этого беззвучнаго движенія въ таинственную даль, въ непроницаемой темнотѣ,—такъ какъ и керосиновый фонарь, замѣнившій собою газовый свѣтъ вокзала, очень скоро замѣнился натуральною тьмою ночи, — начинаетъ понемногу забываться суета суетъ, а когда вся пролетка, всѣми четырьмя колесами, и лошадь, всѣми четырьмя ногами, начинаютъ медленно и мягко съѣзжать куда-то подъ гору, и не впередъ, а въ сторону, бокомъ, точно сани, раскатывающіяся въ огромномъ ухабѣ, и когда вслѣдствіе этого надобно лечь на сидѣнье бокомъ, чтобы находиться въ вертикальномъ положеніи къ землѣ, тогда забываются и всѣ огорченія вчерашняго дня, и освѣженная неожиданностью впечатлѣнія мысль сосредоточивается на вниманіи къ вопросамъ совершенно иного качества.

— Ты, кажется, насъ вывалишь? Пожалуйста, поосторожнѣй!

— Будьте покойны! Здѣсь, точно, мѣсто худое... Еще будетъ тутъ три мѣста...

— Еще хуже?

— Еще хуже будутъ три мѣста...

И точно, наступаетъ уже настоящее плаваніе пролетки по водамъ. Присутственныя мѣста, соборъ роскошно обставляютъ океанъ самой непроходимой грязи. Теперь она бьетъ фонтанами изъ-подъ всѣхъ четырехъ колесъ и изъ-подъ всѣхъ четырехъ ногъ лошади. Освѣжающія капли этого фонтана уже ощущаются на щекѣ, на рукѣ, на колѣнѣ. Забывается сразу все политическое положеніе Россіи

и Европы, западничество, славянофильство, народничество, конституціонный режимъ и свобода печати. Еще небольшое движеніе впередъ, еще одинъ ухабъ и паденіе переднихъ колесъ въ какую-то бездну, вслѣдствіе чего очень хорошо узнаёшь, что армякъ на извозчикѣ пахнетъ юфтью, и мысль невольно начинаетъ принимать религіозное направленіе, начинаешь думать о томъ, что человѣкъ имѣетъ душу и тѣло, и что если тѣло можетъ быть потоплено въ лужѣ, то душа потоплена въ лужѣ не будетъ.

— Это еще слава Богу!—въ утѣшеніе и успокоеніе ваше говоритъ извозчикъ:—а то какъ было въ дожди, весной!..

— И-и-и!—задушевнымъ теноромъ аккомпанируетъ ему артельщикъ.— Не приведи-то Царица Небесная! Меня однажды прямо Богъ спасъ. Ѣхалъ я съ кладью...

— Гдѣ? Здѣсь Богъ тебя спасъ?

— Нѣтъ, тамъ дальше будетъ. Теперь тамъ ничего, шоссе сдѣлали, а тогда... И-и-и!

Но этотъ маленькій лоскутикъ шоссе, начинающійся у моря грязи и оканчивающійся у другого моря такой же самой грязи, по которой приходится скатываться къ пристани, есть уже послѣдній проблескъ современности, послѣдняя нить, связующая съ нею, и затѣмъ, скатившись по мягкой грязи, какъ по перинѣ, къ пароходу, сразу оказываешься въ отдаленнѣйшемъ прошломъ.

Прежде всего, всякій человѣкъ, котораго вы встрѣтите на пароходѣ, даже и тотъ, который сѣлъ на него въ Рязани, т.-е. почти прямо съ желѣзной дороги, непремѣнно ужъ является на пароходъ болѣе или менѣе въ грязи; капли грязи у него ужъ есть и на спинѣ и на шапкѣ, не говоря о калошахъ и сапогахъ, которые ужъ непремѣнно весьма серьезно облѣплены грязью; но на первой же остановкѣ, когда сядетъ мѣстный обыватель,— размѣры грязи, облѣпляющей этого мѣстнаго проѣзжаго, сразу становятся весьма значительными. Обыватель ужъ весь въ грязи, онъ весь забрызганъ грязью, и все его платье, «одежда» и обувь,—все приспособлено къ этому неизбѣжному элементу путешествія по проселочнымъ дорогамъ и проселочнымъ рѣкамъ. Не будь дождя, распространяющаго «по всей округѣ» океаны грязи, была бы адская пыль, и обыватель явился бы на пароходъ черный отъ пыли, съ черной бородой, носомъ, ушами,—словомъ, весь въ пыли, такъ какъ въ дождь онъ обязанъ условіями «отдаленнаго прошлаго», въ которомъ живетъ, быть непремѣнно въ грязи.

Тѣмъ именно и хороши поѣздки по сухопутнымъ и рѣчнымъ проселкамъ, что вы здѣсь видите подлинное отношеніе между тѣмъ, что «самобытно» и что занесено изъ чужой земли. На желѣзной дорогѣ трудно видѣть эти подлинныя отношенія между своимъ и чужимъ; тамъ, кромѣ иноземной выдумки,—локомотива, рельсовъ и вагоновъ, т.-е. всего, необходимаго для передвиженія,—движеніе это обставлено и другими чужеземными удобствами: вокзалы, буфеты, комнаты для пріѣзжающихъ, уборныя, газетные шкапы и прочія удобства обыкновенной чужеземной жизни неразлучны съ удобствами передвиженія. Пять-шесть дней такого пути ни на минуту не оторвутъ васъ отъ всевозможныхъ удобствъ обыкновенной «культурной жизни», и путникъ на край свѣта привезетъ самого себя съ тѣми самыми душевными осложненіями, отъ которыхъ именно и хотѣлъ отдохнуть во время поѣздки.

Не то на сухопутныхъ и рѣчныхъ проселкахъ. Здѣсь пароходъ, чужеземная выдумка, самъ по себѣ, а берегъ, съ которымъ пароходъ имѣетъ дѣло, и обыватель, который садится на него съ этого берега, также самъ по себѣ. Поэтому пароходъ устраиваетъ для него бархатный диванъ, а берегъ приноситъ на этотъ диванъ самой свѣжей грязи или пыли; пароходъ устраиваетъ ему буфетикъ съ бутербродикомъ, столикъ для обѣда и пишетъ «карту кушаньевъ», а берегъ тащитъ изъ грязнаго огромнаго мѣшка, занимающаго три мѣста, собственнаго своего жаренаго поросенка, свою водку, свои свертки чая, сахара, булокъ и занимаетъ всѣмъ этимъ весь «культурный» столикъ. Словомъ, между иностранной выдумкой на водѣ и самобытнымъ обычаемъ жизни на берегу не существуетъ на этихъ проселкахъ ни малѣйшихъ признаковъ единенія.

II.

Пароходство по Окѣ существуетъ уже болѣе семнадцати лѣтъ (по крайней мѣрѣ, самый старый изъ пароходовъ, «Дмитрій Донской», ходитъ по Окѣ 17 лѣтъ), а между тѣмъ населеніе нисколько не постаралось облегчить и обставить хоть какими-нибудь удобствами свои сношенія съ этой пришлой выдумкой, называемой пароходомъ. Пароходъ строитъ пристань, т.-е. ставитъ баржу, дрянную, маленькую, ничтожную; соединяетъ эту баржу съ берегомъ двумя бревнами, скрѣпленными веревками, на которыя въ длину настланы доски, и тѣмъ ограничиваетъ свое вниманіе къ

береговому обывателю. Пароходъ такъ экономенъ, что этотъ спускъ доходитъ только до уровня воды, которая иногда плещетъ черезъ концы бревенъ и досокъ, упирающихся въ берегъ, а затѣмъ дальнѣйшее слѣдованіе людей и товаровъ на берегъ и съ берега предоставляется уже мудрости обывателей. И обыватели прямо лѣзутъ на стѣну, по грязи, спотыкаясь, пачкаясь, падая подъ тяжестью чемодановъ, мѣшковъ, а главное — подъ тяжестью всякаго рода товаровъ, тюковъ и бочекъ. Только въ нѣкоторыхъ городкахъ, и то старыхъ, устроены еще кой-какія лѣсенки отъ воды на вершину берега; но это сдѣлано такими городами, у которыхъ уже есть собственной своей исторіи лѣтъ по шестисотъ; тамъ же, гдѣ исторіи всего лѣтъ двадцать, тамъ до этой лѣсенки остается еще шестьсотъ лѣтъ ожиданія.

Пароходъ останавливается у такой новой пристани. Ночь черная, тьма, мороситъ дождь. Ничего не видно, но слышно, что грязь чмокаетъ подъ колесами какихъ-то экипажей и копытами лошадей. Крошечный фонарикъ на пристани еле освѣщаетъ два-три человѣческихъ облика; дальше за ними все тьма; разговоры однако слышны вполнѣ отчетливо.

— Снесъ мои вещи?—слышится гдѣ-то голосъ проѣзжающей мѣстной обывательницы, которая только-что оставила пароходъ.

— Снесъ, сударыня, уложилъ-съ!

— Гдѣ же? Куда идти?

— А вотъ какъ выйдете на берегъ, такъ на лѣву руку норовите... Тамъ колесо запримѣтите, бѣлое, новое. Оно явственно оказываетъ.

— Ну, спасибо...

— Вы какъ на колесо станете, такъ и влѣзайте въ телѣжку, а я поищу ямщика.

— Ну, да, поищи! Ну, спасибо!

— На лѣву руку... И гдѣ это мужикъ-то дѣвался?

Слышно, какъ проворно шлепаетъ по грязи мужикъ, разыскивающій ямщика, и какъ дѣлаетъ рѣдкіе, нерѣшительные шаги барыня; слышно, какъ всхлипываетъ ея резиновая калоша.

— Ахъ, Боже мой! Какъ я влѣзу? Какъ онъ высоко положилъ, — говоритъ барыня сама съ собой. — Ничего не видно... Ахъ, вотъ колесо!

Барыня покряхтываетъ, охаетъ и, очевидно, дѣлаетъ большія физическія усилія, должно-быть, влѣзаетъ на те-

лѣгу. Но вдругъ доносятся странные звуки: точно съ неба падаютъ въ грязь камни; одинъ звонкій шлепокъ отъ падающаго въ грязь тяжеловѣснаго предмета раздается вслѣдъ за другимъ, и затѣмъ слышенъ очень звонкій голосъ барыни:

— Ахъ!.. Кто-нибудь!.. Кто тамъ?.. Подите поскорѣй сюда!..

— Кто тамъ это кричитъ? — спрашиваетъ какое-то начальство во тьмѣ.

— Кричитъ кто-то...

— Подите сюда, пожалуйста! Подите поскорѣй!

— Что такое? Что надо? — громко перекликается неизвѣстное лицо съ барыней.

— Подите поскорѣй! Выньте меня изъ-подъ багажа!

— Подъ багажомъ барыня лежитъ!—поясняетъ какой-то новый голосъ.

— Какъ же она попала туда?

— Да подите же сюда кто-нибудь, — проситъ барыня опять.

— Мишка, пошелъ къ дамѣ!—командуетъ какое-то невидимое начальство. — Пошелъ, вынь даму изъ-подъ багажа!

Барыня именно только «звала вынуть» ее изъ-подъ багажа, а вовсе не кричала и, повидимому, не находила своего положенія чрезвычайнымъ.

— Потащи, пожалуйста, меня. Дай руку! — весьма спокойно совѣтовала барыня прибѣжавшему Мишкѣ.—Сними-ка съ меня узлы-то... Осторожнѣй!.. Ну, хорошо!..

Очевидно было, что даму наконецъ вынули изъ-подъ багажа, потому что ясно слышался ея вздохъ облегченія и начался разговоръ.

— Только было-хотѣла сѣсть въ телѣгу, стала на колесо—все на меня и повалилось!

— Да тутъ никакъ и телѣги-то нѣтъ... Это онъ на керосиновую бочку вещи ваши положилъ... — изслѣдуя ощупью окружающую тьму, говоритъ Мишанька. — Это бочка... онъ на нее и навалилъ... Не видать вѣдь... темь!..

— Экая темнота! — говоритъ барыня.—А колесо-то какое же такое?..

— Колесо?..

Мишанька шлепаетъ по грязи, изслѣдуетъ и говоритъ:

— Это колеса касимовскихъ мужиковъ... везутъ на базаръ... Вотъ они тутъ и постановили... прислонили, значитъ... Ишь, сколько колесъ-то! Эва!.. Эва ихъ!..

— А я думала, телѣга, стала на колесо и полѣзла.

— Да вѣдь нешь увидишь.

— Да гдѣ же это наконецъ извозчикъ? Собери, пожалуйста, вещи... Семь мѣстъ. Нѣтъ ли хоть спички посвѣтить?

Пароходъ ушелъ, и намъ не пришлось узнать окончанія этого, повидимому, вовсе не удивительнаго случая. Грязь и тьма: что же можно тутъ разобрать? Конечно, можно сломать и шею и ногу, что, несомнѣнно, и бывало, но вѣдь какъ же не сломать шеи, когда грязь и тьма, и никто никого не видитъ, а всѣ копошатся во мракѣ и руководствуются только «ощупью»? Въ звукѣ голоса, которымъ барыня звала на помощь, не было рѣшительно ни малѣйшаго признака негодованія; она желала самаго обыкновеннаго: чтобы ее только вынули изъ-подъ багажа, потому что вовсе не этого хотѣла.

Почти на полпути между Рязанью и Нижнимъ, вслѣдствіе развитія пароходства, на Окѣ образовался *новый,* чрезвычайно оживленный пунктъ, «Ватажки» или «Саватьма». Въ этомъ пунктѣ сходятся три или четыре губерніи: Владимірская, Тамбовская, Рязанская и Нижегородская. Но такъ какъ пароходство не слѣдуетъ примѣру желѣзныхъ дорогъ и не устраиваетъ на свой счетъ учрежденій, улучшающихъ и облегчающихъ сношенія съ дорогой товароотправителей (склады, подъѣздные пути, платформы, тачки для тяжестей) и проѣзжающихъ, — буфеты, комнаты для остановки, — то здѣсь, въ Ватажкахъ, въ этомъ самомъ естественномъ пунктѣ оживленнѣйшаго товарнаго и пассажирскаго движенія, до сихъ поръ, въ теченіе 17-ти лѣтъ, не только нѣтъ какихъ бы то ни было ступенекъ, чтобы взойти на берегъ, но ни сарайчика, ни даже кабака, ни лавчонки, ни постоялаго двора, нѣтъ даже торговки молокомъ и печенкой, словомъ, нѣтъ ровно ничего, кромѣ пустыннаго берега! Почти всѣ пассажиры, ѣхавшіе изъ Рязани, вышли въ Ватажкахъ, и нѣкоторое время я былъ въ каютѣ совершенно одинъ, пока гдѣ-то не сѣли три татарина. И вся эта масса народа изъ всѣхъ трехъ классовъ, вышедшая на берегъ въ Ватажкахъ, должна была тутъ же, на пустынномъ берегу, справлять всѣ свои дорожныя дѣла. Хорошо, что не было дождя, можно было подолгу держать дѣтей на воздухѣ, покуда разберутся съ извозчиками, съ вещами. Что же будетъ здѣсь въ слякоть и проливной дождь? Паръ сорокъ извозчиковъ, съ разломанными на безобразнѣйшихъ дорогахъ тарантасами и телѣгами, столпились на берегу безпо-

рядочной тѣсной кучей. Весь берегъ былъ изрытъ колесами тарантасовъ, телѣгъ, нагруженныхъ тяжестями; ямы, ухабы, опять ямы — все это какъ бы нарочно придумано, чтобы измучить человѣка, замотать его, сбить съ ногъ, затолкать, вывалять въ грязи или пыли, вымочить дождемъ, простудить и вообще часа два-три продержать въ невозможномъ положеніи.

Послушайте, какъ звенитъ колокольчикъ,—точно тройка во весь духъ мчится,—такъ и заливается. А если вы послѣдите за этимъ колокольчикомъ, то увидите, что онъ бьетъ набатъ не потому, что тройка мчится, а потому, что она выбивается на Божій свѣтъ изъ ямъ и ухабовъ. Тройка, идущая чуть не на цыпочкахъ, по вершочку, проваливается въ какую-то бездну, и гремитъ колокольчикъ; такъ же гремитъ колокольчикъ, когда тройка выскакиваетъ на какой-то бугоръ, а въ бездну проваливается весь тарантасъ и съ багажомъ и съ пассажирами. Такая мука неизбѣжна для всякаго пріѣзжаго въ Ватажки, кто желаетъ выбиться изъ этого «самобытнаго» ада, отъѣхать отъ берега полверсты и выѣхать наконецъ на какую-нибудь дорогу.

Но что особенно прискорбно, такъ это то, что и другія чужеземныя выдумки, переселяясь на нашу самобытную почву, переселяются далеко не въ томъ полномъ видѣ, въ которомъ выдумка существуетъ на своей родинѣ. Изъ этой выдумки не взято ровно ничего выдуманнаго для облегченія труда человѣческаго; взято только то, что нужно для товара, а для работающаго этотъ товаръ человѣка (и даже для покупателя этого товара) не взято изъ чужеземныхъ выдумокъ ровно ничего.

Въ семи верстахъ отъ пристани «Дощатое» находится чей-то желѣзный заводъ, который и вырабатываетъ свой товаръ точно такимъ же способомъ, какъ и всякій европейскій заводъ. Не знаю, какимъ способомъ заводъ этотъ доставляетъ свой товаръ на берегъ, но на берегу продукты иностранной выдумки производятъ на васъ далеко не иностранное впечатлѣніе. Иностранная выдумка не ограничивается только перевозкой товара отъ мѣста и до мѣста; она хлопочетъ также и о легкости помѣщенія товара на пароходѣ. Конечно, не совсѣмъ пріятно видѣть, какъ лебедка несетъ подъ небесами на-смерть перепуганную лошадь; жалко, конечно, и отупляемаго чисто-механической работой работника: нацѣпилъ петлю на бочку, тюкъ, или расцѣпилъ эту петлю въ глубинѣ трюма, вотъ и весь трудъ. Но замѣна плат-

формъ, рельсовыхъ и подъѣздныхъ путей и лебедки единственно только хребтомъ человѣческимъ, неприкрытымъ даже и тѣмъ искусственнымъ верблюжьимъ хребтомъ изъ дерева, шерсти и кожи, который уже придумали себѣ крючники на Волгѣ, замѣна всего этого однимъ человѣческимъ тѣломъ, силою человѣческихъ мускуловъ и прочностью человѣческихъ костей, зрѣлище всего этого производитъ удручающее впечатлѣніе.

Невѣдомымъ путемъ достигнувъ берега, продукты фабрики помѣщаются здѣсь прямо на землѣ, а въ дождливое время (какое, напр., стояло, когда я ѣхалъ) прямо въ самую гущу грязи. Составныя части паровыхъ котловъ, какія-то непомѣрной тяжести огромнѣйшія гайки, огромные, длинные и тяжелые желѣзные желоба, употребляемые въ нынѣшнихъ постройкахъ, какъ балки въ потолкахъ и полахъ, водопроводныя трубы,—все это сваливается прямо въ бездну грязи, и мало того, что должно быть перенесено съ берега на пароходъ человѣческими руками, оно тѣми же руками и хребтами должно быть извлечено изъ глубины размякшей почвы, куда все это втискивается само собой, собственною тяжестью. При такихъ условіяхъ та самая нагрузка, которая при непрерывномъ дѣйствіи лебедки утомляетъ грохотомъ распускающейся и навертываемой цѣпи, здѣсь сопровождается раздирательными криками человѣческими—криками, кажется, исходящими изъ самой утробы и даже какъ бы раздирающими эту утробу на части, хотя и извѣстными подъ именемъ «Дубинушки». Стоитъ посмотрѣть на эту работу трехъ-четырехъ матросовъ парохода (иныхъ рабочихъ нѣтъ, и фабрика, кажется, не поставляетъ ихъ сама), чтобы увидѣть непомѣрную разницу въ сущности дѣяній чужеземной выдумки и сущности дѣяній самобытнаго обычая.

Первая старается отдѣлаться отъ труда рукъ человѣческихъ, второй безъ всякаго милосердія расходуетъ силу всего человѣка.

III.

На перечисленныхъ особенностяхъ проселочной рѣки слѣдовало бы и окончить хмурыя впечатлѣнія помѣси цивилизаціи съ сѣдой стариной, но — увы!—по обыкновенію, вторглась «современность», вторглась въ самомъ подлинномъ видѣ, т.-е. не напоминая ни цивилизаціи ни старины.

Въ маленькой и тѣсной рубкѣ маленькаго парохода, бѣ-

жавшаго по Окѣ, у маленькаго столика сидѣли и весело играли въ «дурачки» маленькій кадетикъ и его маленькая сестра-гимназистка. Неподалеку отъ нихъ, за другимъ большимъ столомъ, сидѣлъ большой и солидный баринъ, съ большими усами и бакенбардами, курилъ большую папиросу въ большомъ мундштукѣ и ничего не дѣлалъ, хотя и имѣлъ видъ человѣка, котораго непремѣнно надобно уважать и даже побаиваться. Большой этотъ человѣкъ молчалъ такъ многозначительно, и въ глазахъ его, на что бы и на кого бы они ни обращались, было такъ много чего-то необыкновенно серьезнаго, что веселыя дѣти осмѣливались шутить между собою только шопотомъ. Среди мертвой тишины, распространявшейся по всей рубкѣ отъ серьезнѣйшаго большого барина съ большими усами, едва-едва слышался только отдаленный стукъ машины, легкій шумъ разрѣзываемой пароходомъ воды да почти птичье щебетанье кадетика и гимназистки.

Выходя иной разъ изъ каюты на палубу и возвращаясь съ палубы въ каюту, при чемъ всякій разъ надо было проходить черезъ рубку, я постоянно видѣлъ одну и ту же картину: маленькіе пассажиры щебечутъ шопотомъ, а большой пассажиръ молчитъ, и такъ серьезно молчитъ, что, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ нимъ, стало ощущаться нѣчто жуткое и боязное. Не разъ я вопрошалъ себя, отчего происходятъ во мнѣ эти боязныя ощущенія. Не внушила ли ихъ эта, на самый серьезный манеръ сдѣланная физіономія барина, или же его картузъ съ краснымъ околышемъ, лежавшій на столѣ у самаго его локтя, или наконецъ не самый картузъ, а только козырекъ того многозначительнаго размѣра, который свойственъ только козырькамъ главнокомандующихъ арміями? Но ничто изъ всѣхъ декорацій большого барина, разобранное въ отдѣльности, не выясняло мнѣ происхожденія моихъ странныхъ впечатлѣній, и не знаю, какъ бы я вышелъ изъ моего затруднительнаго положенія, если-бъ объ этомъ не позаботился самъ баринъ.

Довольно внушительнымъ мановеніемъ пальца онъ неожиданно поманилъ къ себѣ кадета, когда тотъ случайно взглянулъ ему въ глаза, и кадетикъ, съ головы до ногъ проникнутый привычкою ощущать этотъ командирскій жестъ въ мельчайшихъ оттѣнкахъ, едва запримѣтилъ его, какъ уже вытянулся во фронтъ и бросилъ карты на столъ. Сестренка его смотрѣла на барина испуганными глазами.

— Вы почему позволяете себѣ сидѣть здѣсь въ шапкѣ?— командирскимъ голосомъ провозгласилъ баринъ.

Тонъ вопроса былъ таковъ, что шапка мгновенно, какъ бы сама собой, исчезла съ головы кадетика.

— Вы видите, что здѣсь образъ?..

— Я не видалъ.

— А! А теперь вы видите? Вы два часа съ особеннымъ вниманіемъ интересуетесь картами и не замѣтили образа Божія! Прекрасно!..

— Я не замѣтилъ!

— Не замѣтили! Вы не замѣтили также и того, что игра въ карты въ публичномъ мѣстѣ строго воспрещена воспитанникамъ военноучебныхъ заведеній. Вы знаете это?

— Знаю...

— Вамъ запрещено играть въ карты въ публичномъ мѣстѣ?

— Мы съ ней только въ дураки...

— Но вѣдь здѣсь публичное мѣсто? Вѣдь здѣсь публика? Вѣдь «я» публика? И они (взглядъ по направленію ко мнѣ) публика? Какъ же вы позволяете себѣ публично нарушать строжайшія приказанія?

Кадетикъ молчалъ; его сестра торопливо собирала со столика карты.

— Вы въ какомъ корпусѣ?

Мальчикъ сказалъ.

— Если бы узнало про васъ ваше начальство, — вы знаете, что бы могло быть?

Кадетикъ, очевидно, зналъ что-то, потому что испугался.

— То-то и есть!.. Если въ молодости оказывается возможнымъ нарушать законъ и не исполнять обязанностей...

Кадетикъ и его сестра, понявъ наконецъ, что грѣхи ихъ уже искуплены продолжительностью непрошеннаго правоученія, и что теперь непрошенный начальникъ можетъ говорить ужъ для собственнаго удовольствія, потихонечку стали выдвигаться изъ-за стола и какъ-то незамѣтно юркнули по лѣстницѣ изъ рубки въ каюты, а я также предпочелъ выйти на палубу, и пока я выходилъ и затворялъ дверь, снизу, изъ каюты, донесся развеселый дѣтскій смѣхъ, а въ открытое окно рубки слышались какіе-то отрывочные звуки, а можетъ-быть, и слова.

IV.

Было и еще вторженіе «современности», хотя и не на проселочной рѣкѣ, а ужъ на Волгѣ, но, во-первыхъ, оно произошло тотчасъ, какъ только я пересѣлъ на Самолетскій пароходъ, и, главное, касалось также дурного поведенія дѣтей.

— Это чтобы я-то? Чтобы я? Чтобы я, теперича, довѣрилъ... моем-муу... родному сыну... хотя бы даже только ключъ отъ моей кассы? Н-ни во вѣки вѣковъ!

Сильный, «наотмашь», размахъ руки, едва не опрокинувшій со стола пароходной рубки чайнаго прибора, вполнѣ соотвѣтствовалъ тому гнѣву и раздраженію, съ которыми были произнесены послѣднія слова.

Гнѣвался и шумѣлъ на все маленькое помѣщеніе рубки молодой, лѣтъ тридцати, купецъ, человѣкъ, повидимому, живой, впечатлительный и дѣловитый. Бѣлокурый, небольшого роста, крѣпкій, какъ яйцо «вкрутую», съ живыми глазами, опрятно причесанный и подстриженный, онъ хотя и походилъ на стародавняго купца тѣмъ широкимъ армякомъ, который былъ надѣтъ на немъ сверхъ пиджака, но въ немъ было уже нѣчто и новое, аккуратное и даже чуть-чуть на нѣмецкій образецъ. «Бухгалтерія», правильное, аккуратное веденіе торговаго дѣла были, очевидно, уже не чужды для него, и слово «коммерція» значило для него уже нѣчто большее, чѣмъ чаепитіе въ трактирѣ «подъ машину» и секретный шопотъ съ подмигиваніемъ о разныхъ темныхъ «оборотахъ». «Биржа», «курсъ», «биржевой бюллетень» и даже иной разъ «Берлинъ» уже значили кое-что въ его міросозерцаніи, хотя онъ еще и не разстался со старомоднымъ армякомъ, носилъ высокіе русскіе сапоги и, завидѣвъ гдѣ-нибудь по берегамъ Волги монастырекъ, церковку, не упускалъ случая снять свой опрятный картузъ и истово перекрестился не разъ и не два, а вполнѣ какъ должно настоящему православному человѣку.

Всѣ эти качества новорожденнаго въ нашихъ провинціальныхъ уголкахъ представителя настоящей «коммерціи» и «бухгалтеріи» выяснились мнѣ какъ-то мелочами и во время недолгой поѣздки отъ Нижняго до Казани. Въ ту минуту, о которой идетъ рѣчь, я могъ только удивляться раздраженію этого шумѣвшаго проѣзжающаго, какъ удивлялись и другіе проѣзжіе, находящіеся въ рубкѣ: два гимназистика, какой-то армянскаго типа человѣкъ, угрюмо и сосредоточенно занимавшійся раскладываніемъ какого-то хитросплетеннѣйшаго граншасьянса и къ вечеру сумѣвшій-таки устроить картежную игру, въ концѣ которой былъ приглашенъ въ рубку капитанъ, который и сталъ кричать на игроковъ, иногда упоминая что-то о шулерахъ.

Былъ еще здѣсь купецъ, но уже вполнѣ стараго, раскольничьяго типа, сухой, длинный, съ раскольничьей «чол-

кой» сѣдыхъ волосъ на лбу. Онъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ, пилъ чай, медленно раскалывая щипчиками сахаръ на маленькіе кусочки, и былъ, повидимому, собесѣдникомъ расшумѣвшагося сосѣда, хотя и говорилъ съ нимъ мало.

— Ни подъ какимъ предлогомъ! — бушевалъ расшумѣвшійся купецъ.—Ежели ты съ такого дѣтскаго возраста можешь надувать, ты мнѣ не сынъ!.. Прочь отъ меня!

— Ну, чего такъ ужъ! — добродушно проговорилъ собесѣдникъ и, не спѣша, положилъ себѣ на языкъ маленькій кусокъ сахару.

Но разгорячившійся коммерческій человѣкъ не слушалъ его, да и говорилъ, собственно, не съ нимъ, а такъ, на весь міръ, со всѣмъ обществомъ.

— Нѣтъ, не ничего!—волнуясь и передвигаясь на табуреткѣ съ одной стороны на другую, бушевалъ онъ. — Ничего! Это ничего, что этакіе вонъ мальчонки (онъ на аршинъ поднялъ отъ полу руку) съ этакихъ поръ воровствомъ занимаются?

Эту фразу онъ сказалъ, обращаясь уже ко мнѣ, и, не дожидаясь ни моего вопроса ни моего отвѣта, продолжалъ:

— Я даже обмеръ, какъ онъ меня этимъ огорошилъ! Пріѣзжаю въ Рязань, думаю: возьму мальчонку, по дорогѣ сдамъ его матери на Окѣ, на пристани, а самъ—по дѣламъ въ Нижній, въ Казань, въ Сызрань... Дѣла спѣшныя! Пріѣхалъ, какъ должно, въ самое то число, какъ экзаменту конецъ долженъ быть; пошелъ на фатеру,—сидитъ, зудитъ книжку.—«Кончились экзаменты?»—«Кончились, говоритъ, да опять сызнова еще на недѣлю задержали».—«Какъ такъ?»—И очень просто, словно бы и въ усъ не дуетъ, такія мнѣ подлости объявляетъ: въ Вязьмѣ ли, или въ другомъ мѣстѣ, поддѣлали ключъ, пробрались въ канцелярію, выкрали, напримѣръ, задачи, списали, опять всунули въ ящикъ и, значитъ, какъ ни въ чемъ не бывало! А задачи-то по всѣмъ прочимъ мѣстамъ однѣ и тѣ же, вездѣ подъ ключомъ. Вотъ вяземскіе-то отмытчики и дали телеграммы. «Такъ и такъ, молъ!» И объявили задачи по всѣмъ мѣстамъ! Мой-то пострѣленокъ и говоритъ: «Помолились, говоритъ, Богу, распечатали конвертъ, стали диктовать, а мы списываемъ, точно намъ неизвѣстно, а намъ ужъ извѣстно!..» То-есть какъ ни въ чемъ не бывало!.. Ну, думаю, постой! Однако и не вѣрю еще себѣ—«мой ли, молъ, мальчонко-то?»—«Такъ разскажи, говорю, какъ было по порядку-то?»—«Сначала, говоритъ, молитва»...—«А что замокъ-то воровскимъ мане-

ромъ отворили да задачи скрали, не стыдно было при молитвѣ-то?.. Передъ Богомъ-то не стыдно, говорю, тебѣ, псенокъ ты этакій? Ты вѣдь у Бога просишь помощи, а самъ знаешь, что ужъ украдено?..» Ну, ужъ извините!.. Можетъ, и погорячился, только будетъ помнить! Будетъ!

Его разгнѣванный взглядъ неожиданно остановился на гимназистахъ, которые слушали его сконфуженные, но улыбались.

— Смѣшно-съ?—язвительно бросилъ имъ разсерженный отецъ.—Очень вамъ это смѣшно,что я плутовства не одобряю? А пословицу-то знаете: «каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку»?

— Вѣрный въ маломъ,—медленно и проповѣдническимъ тономъ, опустивъ глаза внизъ и продолжая попрежнему щелкать щипчиками, заговорилъ собесѣдникъ раскольничьяго типа:—вѣренъ и во многомъ, а невѣрный въ маломъ и во многомъ не будетъ вѣренъ!

— И это, можетъ-быть, смѣшно? А плутовать, извините меня, по всѣмъ губерніямъ ничего? И съ этихъ лѣтъ? Ежели разломать у директора столъ или замокъ, такъ почему и кассу, напримѣръ, впослѣдствіи?

— Это вовсе сюда не относится! — сказалъ одинъ изъ гимназистовъ и замолкъ; но другой, смѣшливый и рѣзвый мальчикъ, также смѣявшійся все время бушеванію купца, тоненькимъ и нѣжнымъ голосомъ сказалъ:

— А вотъ тоже гуттаперчевые нарукавники—отлично!

Бушевавшій купецъ тотчасъ же вмѣстѣ съ табуреткой придвинулся къ гимназистику, нагнулся къ нему поближе и съ ехидной улыбкой на сердитомъ лицѣ, стараясь быть ласковымъ, сказалъ:

— То-есть въ какомъ же смыслѣ отлично-съ?

— Твердые, крѣпкіе, можно все написать! Вотъ у меня гуттаперчевый нарукавникъ.

Гимназистикъ все смѣялся и со смѣхомъ вытянулъ изъ рукава нарукавникъ рубашки.

— Вотъ гуттаперчевый—твердый!

Бушевавшій купецъ даже замолкъ.

— Да-да-да!.. Написать? На рукавѣ?

— Напишешь, вытянешь, посмотришь.

— Да-да-да-да-да!.. На гуттаперчевомъ? А ежели на крахмальномъ?

— Крахмальный пришить! Этотъ отстегивается... Этотъ просто такъ надѣтъ... Вотъ!

— Да-да-да-да-да! Это, стало-быть, какъ замѣтятъ, такъ его и сдернулъ?

— Конечно!

— А крахмальный нельзя? Уцѣпится учитель, не оторвешь?

— Этотъ я могу просто сорвать и передать, и онъ уйдетъ подъ столомъ!

— Да-да-да!.. Видите, какъ умно!.. Вамъ сколько годовъ-то?

— Четырнадцатый!

— Безподобно!

Бушевавшій купецъ совсѣмъ осовѣлъ и нѣсколько мгновеній сидѣлъ, опустивъ голову; старшій гимназистъ, сконфуженный и огорченный, дѣлалъ укоризненныя своему маленькому товарищу движенія лицомъ и плечами.

— Безподобно!—какъ ошеломленный, твердилъ купецъ.

Рѣшительнымъ жестомъ головы сконфуженный гимназистъ далъ знать товарищу, что онъ уходитъ и требуетъ, чтобы разболтавшійся мальчикъ ушелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Превосходно!—продолжалъ шептать купецъ.—Гуттаперчевый?.. Ум-но! Вотъ такъ умно!

Онъ поднялся, распахнулъ и опять плотно запахнулъ полы своего армяка, вздохнулъ и сказалъ раскольнику:

— Каково, Родіонъ Кузьмичъ? А?

Родіонъ Кузьмичъ молча покачалъ головой и глубокомысленно прошепталъ:

— Да!

И опять покачалъ головой ошеломленный купецъ, еще разъ распахнулся и запахнулся и опять было-началъ бушевать:

— А жалуются, что удѣлали карцеръ, что въ темную сажаютъ. Да вѣдь это что же такое? Это съ младенческаго-то возрасту?

На этихъ словахъ бѣснованіе купца затихло какъ-то совершенно неожиданно; онъ замолкъ, крѣпко задумался, наконецъ глубоко вздохнулъ и ушелъ куда-то.

Не разъ въ теченіе переѣзда сталкивался я съ нимъ въ разныхъ мѣстахъ парохода, въ сношеніяхъ съ коммерческими людьми всякаго сорта, и невольно слушалъ его дѣловые разговоры, давшіе мнѣ возможность имѣть общее понятіе объ этомъ человѣкѣ; но всегда, при всякихъ обстоятельствахъ и во всякихъ разговорахъ, лицо его неизмѣнно сохраняло ту черту крѣпкой обиды и крѣпкой о

чемъ-то мысли, которая легла на немъ послѣ его послѣднихъ словъ, сказанныхъ предъ уходомъ изъ рубки. За обѣдомъ или за чаемъ, или, наконецъ, въ общей каютѣ, куда пріѣзжіе приходятъ большею частью только полежать, подремать, и тамъ онъ, повидимому, не могъ отдѣлаться отъ огорчившихъ его мыслей. Такимъ огорченнымъ, «осерчавшимъ» (и, кажется, уже не на сына) и вообще крѣпко задумчивымъ ушелъ онъ и съ парохода на казанской пристани.

---

3. «Прискорбное недоразумѣніе».

I.

Раннее лѣтнее утро того іюньскаго дня, когда я «побѣжалъ» на пароходѣ отъ Твери внизъ по Волгѣ, было, дѣйствительно, «чудесное», какъ и весь первый день переѣзда до Рыбинска. Просторъ и блескъ безоблачнаго неба, легкое, прохладное движеніе чистаго, свѣтлаго воздуха — все это оживотворяющею силой влилось во все существо того счастливаго путника, который, проспавъ спокойно всю ночь на пароходѣ, былъ разбуженъ шумомъ его колесъ и вышелъ на рубку. Животворная сила прелестей природы была настолько велика, что и всѣ внѣшнія впечатлѣнія, которыя давала Волга и ея берега, стали восприниматься также въ самыхъ пріятныхъ ощущеніяхъ, и подъ ихъ вліяніемъ невольно возникло сомнѣніе: — «Почему никогда прежде не приходило въ голову избрать «для отдохновенія» именно этотъ, не оживленный «Купономъ», путь поѣздокъ по Волгѣ, а, по примѣру прочихъ путешественниковъ, начинать поѣздку съ Рыбинска, то-есть съ такого пункта, гдѣ Волга уже начинаетъ пахнуть керосиномъ, гдѣ берега не видны за милліонами саженъ дровъ, огромными складами строевого лѣса, безконечными амбарами и безконечными пятиэтажными фабриками, съ длинными желѣзными трубами?»

Пяти минутъ, казалось, теперь совершенно достаточно пробыть въ Рыбинскѣ, этомъ первомъ пунктѣ начинающагося «оживленія Волги господиномъ Купономъ», чтобы имѣть уже полное понятіе о качествѣ впечатлѣній, которыя пред-

*) «Р. М.» 91 годъ. Выдался денекъ! (Изъ путевыхъ замѣтокъ во Волгѣ).

стоятъ въ дальнѣйшей поѣздкѣ, пока не пойдутъ опять такія мѣста, какъ Жигули, куда Купону пока еще не подъ силу втащить свою фабрику и длинную трубу, чтобы и тамъ задымить и засвистать. Масса голытьбы, ломовыхъ лошадей и ломовыхъ людей, тюки, бочки, брусья и листы желѣза, лязгъ котораго иной разъ приходится слушать съ парохода, освѣщеннаго электричествомъ и со всѣми удобствами для успокоенія нервовъ, часа по три, по четыре,— вотъ впечатлѣнія того, что видитъ глазъ по берегамъ «оживленной» Волги и что происходитъ на пристаняхъ у болѣе или менѣе оживленныхъ Купономъ городовъ.

Рыбинскъ сосредоточилъ въ себѣ всю сутолоку и суматоху коммерческаго пункта, такъ какъ здѣсь совпадаютъ сообщенія желѣзной дороги и парохода. Кипучая коммерческая дѣятельность, нагрузка, перегрузка, выгрузка, телеграфъ, кафешантанъ, арфистки, биржа, театръ, — все это обрекаетъ коммерсанта, который уже знаетъ, что «время— деньги», и что съ телеграфа, не теряя времени, надо мчаться къ арфисткамъ, на непрестанную гоньбу по городу изъ конца въ конецъ. Всѣ извозчичьи лошади доведены поэтому до истерическаго состоянія; разбитыя ногами и обхлестанныя кнутомъ, онѣ мчатся въ какомъ-то неистовомъ испугѣ и, видимо, поступаютъ очертя голову; вся мебель въ «номерахъ» расшатана неугомонными коммерсантами, всѣ скатерти пахнутъ невѣдомо чѣмъ, и всѣ двери въ тѣхъ же номерахъ запираются и отпираются не безъ напряженныхъ усилій со стороны проѣзжающаго и прислуги. Проѣзжающему, который не можетъ выйти изъ номера, такъ какъ ключъ поворачивается во всѣхъ направленіяхъ и даже выходитъ насквозь, внимательная прислуга совѣтуетъ потянуть къ себѣ дверь, поддержать ногою одну половину, взять ключомъ «этакъ вотъ, въ сторону». Деревянные счеты на комодѣ и слѣды начинавшагося пожара отъ опрокинутой коммерсантомъ послѣ биржи и арфистокъ свѣчи, — о чемъ свидѣтельствуетъ выгорѣвшее въ полу около кровати мѣсто величиной съ тарелку,—составляютъ принадлежность всякаго номера, всякой гостиницы, и даже часы въ Рыбинскѣ, гдѣ счетъ идетъ по московскому, по петербургскому и еще по рыбинскому времени, также находятся иногда какъ бы въ истерическомъ состояніи: въ одинъ и тотъ же часъ въ разныхъ мѣстахъ показываютъ разное время.

Ничего похожаго на эту коммерческую суматоху не было въ впечатлѣніяхъ Волги и ея береговъ въ «неоживлен-

номъ» ея промежуткѣ между Тверью и Рыбинскомъ. Здѣсь не только не было ни малѣйшихъ слѣдовъ *новыхъ* видовъ оживленныхъ Купономъ пристаней и городовъ, т.-е. дровъ, бочекъ, голытьбы, длинныхъ трубъ, но и недавнихъ до-купонныхъ видовъ, почти обязательныхъ для каждаго губернскаго и уѣзднаго города, также не было и слѣда. Берега были чистехоньки и покрыты зеленью до песчаной полосы, намываемой половодьемъ; да и эта песчаная полоса съ отмелями была въ полной сохранности послѣ спада воды, нерушимо сохраняя всѣ рубежи, которые нарѣзывала на ней спадавшая вода. На водѣ видны только рыбацкія лодочки и лодки для перевозки съ одного берега на другой, а на вершинѣ берега исключительно обывательскіе дома, просторные, каменные старинные дома, окруженные садами, и—что всего лучше—церкви, одна другой красивѣе. Присутственныя мѣста, острогъ, гдѣ-то, должно-быть, помѣщены въ другихъ мѣстахъ; здѣсь же ихъ не видно, какъ не видно и фабрикъ.

Церкви—вотъ истинное украшеніе этихъ береговъ; всегда онѣ поставлены на самыхъ живописныхъ мѣстахъ, видны кругомъ, какъ на ладони, и никогда вокругъ нихъ нѣтъ ни лавокъ, ни трактировъ, ничего базарнаго, что мы видимъ въ «крупныхъ» торговыхъ пунктахъ нижняго Поволжья, гдѣ новостроящіеся храмы ставятся почему-то именно среди торговыхъ площадей. Пространство площади и здѣсь также велико, но въ праздничный день звонъ колоколовъ теряется въ галдѣніи базара. Старинныя же церкви всегда стоятъ уединенно отъ суеты-суетъ, даже и обывательскіе дома отошли отъ нихъ на значительное разстояніе, потому что обывателю надобенъ просторъ двора, надобенъ просторъ сада, широкая улица и вообще мѣсто ровное, широкое. Церкви же всегда на возвышенностяхъ, на уступахъ высокихъ береговъ, при чемъ нерѣдко естественная возвышенность мѣста дополняется искусственной, т.-е. церковь стоитъ на широкомъ каменномъ основаніи, по верху котораго всегда идетъ каменная ограда и куда снизу извивается многими поворотами каменная лѣстница.

Уединенное положеніе старинной церкви отъ суеты-суетъ получаетъ вполнѣ осмысленное значеніе, такъ какъ и въ самой архитектурѣ церквей ощущается мысль строителя—отвлечь суетныя мысли человѣческія отъ тяготы душевнаго мрака суетной жизни и оживотворить ихъ омраченныя сердца ощущеніями «не отъ міра сего». Нѣтъ ни одной

церкви, которая бы омрачила грѣховную душу и грозила бы своимъ видомъ исключительно человѣческому грѣху, упрекала бы его въ ничтожествѣ, какъ омрачаетъ архитектура приплюснутыхъ греческихъ церквей и мусульманскихъ мечетей; но не было въ этихъ старинныхъ церквахъ и того франтовства, которое вмѣстѣ съ непомѣрною тяжеловѣсностью, поражающею обиліемъ кирпича, вошло въ новую современную архитектуру церквей. Проѣзжая мимо Николо-Бабаевскаго монастыря, можно съ полною ясностью видѣть ту непомѣрную разницу въ архитектурѣ старыхъ и новыхъ церквей, которая произошла отъ утраты современными строителями способности выразить въ камнѣ и пробудить въ вѣрующемъ животворныя идеи «не отъ міра сего». Говорю «животворныя» потому, что эта черта оживотворенія идеями не отъ міра сего, а не омраченія тѣми же идеями грѣшной души, есть именно отличительная черта старинныхъ русскихъ церквей, совершенно исчезнувшая въ архитектурѣ церквей новаго, безыдейнаго типа. Въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, среди старинаго типа церквей, воздвигнутъ огромнѣйшій храмъ новаго типа, съ такимъ разодѣтымъ въ блестки и какія-то «толстыя» жирныя звѣзды «кумоломъ», что мысль не только не отвлекается отъ суеты-суетъ, а, напротивъ, къ ней-то именно и привлекается. Вообще «кумолъ», даже и не расфранченный, непремѣнная принадлежность церковныхъ построекъ новаго типа, всегда отличается какою-то жирною тяжеловѣсностью и явными признаками упорной лѣни встать и подняться «пламенемъ сердца» къ небу, вовсе не напоминаетъ того же купола въ старыхъ церквяхъ.

Старина, не ближе какъ временъ Ивана Грознаго и даже болѣе раннихъ, вѣетъ съ обоихъ береговъ этого промежутка не оживленной Куполомъ Волги. Послушайте-ка, какъ переговариваются колокола церквей одного берега съ другимъ, особливо въ праздничный день, когда идетъ «красный звонъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что на колокольняхъ дѣйствуютъ знатоки своего дѣла, и что обыватель, который жертвовалъ на созданіе этого колокола, имѣлъ въ виду не только его тяжеловѣсность.

Существуютъ же какія-нибудь существенныя причины, заставляющія уличанъ ходатайствовать о возвращеніи изъ ссылки того колокола, «въ который въ 15-день мая 1591 г., въ часъ *послѣобѣденнаго сна*, соборный сторожъ Максимъ Кузнецовъ и вдовый священникъ Ѳедотъ, прозваніемъ Огу-

рецъ, усмотрѣвъ убійство благовѣрнаго царевича Димитрія, стали зычно и необычно звонить». Несмотря на то, что колоколъ этотъ, по повелѣнію Бориса Годунова, былъ битъ кнутомъ и сосланъ съ оторваннымъ ухомъ, есть же въ этомъ преступникѣ что-нибудь столь любимое и дорогое, что уличане не жалѣютъ денегъ для расходовъ по ходатайству о возвращеніи преступника съ рваной ноздрей.

Несомнѣнно обыватель, созидающій колоколъ въ своемъ приходѣ, полагаетъ, что и звукъ въ этомъ колоколѣ долженъ быть не тотъ, что въ приходахъ сосѣднихъ. И точно, переговоры этими звуками съ одного берега на другой, очевидно, соблюдаются съ величайшимъ вниманіемъ къ музыкальнымъ качествамъ стопудоваго инструмента. Въ какомъ-нибудь глухомъ городкѣ, безъ малѣйшаго признака удара о край колокола, медленно, «самъ собой», зазвучитъ и разольется по всей окрестности первый могучій звукъ и, долго не теряя своей устойчивой силы, замираетъ медленно, долго, все дальше и дальше разстилаясь по окрестности, пока наконецъ не истаетъ до ненарушимой тишины. Но едва замеръ звукъ въ одной изъ церквей, какъ снова разстилается по всему поднебесью и по всему окрестному пространству другой такъ же могучій, но особенный, своеобразный звукъ и такъ же даетъ время оцѣнить всѣ его преимущества и только ему свойственныя качества. Несомнѣнная гордость за преимущество могучихъ звуковъ «своихъ» колоколовъ ясно ощущается въ намѣреніяхъ тѣхъ колокольныхъ художниковъ, которые любятъ «свои» колокола больше всего на свѣтѣ. Иногда ощущается явный умыселъ въ поступкахъ этихъ колокольныхъ художниковъ: иной какъ будто бы поджидаетъ, чтобы звукъ его соперника совершенно утратилъ произведенное имъ впечатлѣніе, и медлитъ поэтому больше обыкновеннаго, но за то ужъ... и докажетъ!..

— Ка-акъ прихлопнулъ соборный-то!.. У-у-у, ты, Боже мой! силища-то какая!—крестясь и любуясь силищей, разсуждаетъ обыватель.

Но и на эту силищу всегда есть и еще бо́льшая силища; и третій художникъ съ третьей колокольни распространитъ такое могущественное возглашеніе надъ всей вселенной, что иной разъ, видимо, пришибаетъ всѣхъ своихъ соперниковъ.

Долго такъ переговариваются торжественной, могучей музыкой звуковъ оба берега Волги, пока не начнется общій

«красный» звонъ. Въ этотъ моментъ на пароходѣ всѣ оглушены, никто никого не слышитъ и, разговаривая, только безплодно шевелятъ губами, не видя отъ этого никакого толку. Но въ концѣ концовъ даже и этотъ ошеломляющій трезвонъ нимало не убавлялъ удовольствія ощущать себя отодвинутымъ на огромное разстояніе отъ нашей современности, отъ неусыпной заботы о всякаго рода «упорядоченіяхъ», очевидно, безпорядочной жизни, отъ безчисленныхъ «насущныхъ» вопросовъ, ежедневно вырастающихъ въ такомъ множествѣ и съ такой быстротой, съ какою во множествѣ и въ самое короткое время вырастаютъ грибы на старомъ пнѣ.

Хорошо также было и то, что и прошлое, которое ощущалось въ неоживленномъ промежуткѣ Волги, было дѣйствительно *прошлое*, дѣйствительно *далекое*, не оставившее и слѣда отъ поступковъ реформаторовъ давно прошедшаго времени. Все же, что̀ осталось отъ старины вживѣ и въявѣ, все это производило только самыя жизнерадостныя впечатлѣнія. Въ Угличѣ, гдѣ пароходъ останавливается въ самомъ близкомъ разстояніи отъ дворца царевича Димитрія и церкви Димитрія-на-Кровяхъ, вспоминается не убитый и мертвый,—живой паренекъ-царевичъ, окруженный нянь-ками и мамками, которыя гуляютъ съ царевичемъ вотъ на этомъ пригоркѣ и веселятъ его чудеснѣйшими видами Волги и Заволжья.

Такъ, не омрачая темнымъ прошлымъ и не давая возможности ощущать настоящаго, прошелъ цѣлый день и началось утро другого дня.

Никакихъ малѣйшихъ признаковъ вторженія дѣйствительности не ощущалось и не предвидѣлось, и утомленный столичной суетой-суетъ путникъ началъ второй день поѣздки съ полной увѣренностью, что и этотъ день пройдетъ такъ же хорошо, какъ и первый.

Но не успѣло еще солнце второго дня закатиться за горизонтъ, когда путникъ, уже перебравшійся въ Рыбинскѣ на пароходъ Зевеке, былъ совершенно ошеломленъ такъ-называемымъ «прискорбнымъ недоразумѣніемъ» и всячески старался припомнить, что̀ именно съ нимъ произошло?

II.

Какъ въ туманѣ припомнилось путнику раннее утро второго дня, когда пароходъ шелъ по пути къ Угличу.

— Тихій ходъ! задній ходъ! — прозвучалъ басоватый

голосъ капитана по мѣдной трубѣ, и пароходъ, сдѣлавъ то и другое, остановился и принялъ кого-то съ лодки.

Это былъ урядникъ въ полной формѣ, съ портфелемъ и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Его фигурка производила впечатлѣніе какой-то прыгающей и непрестанно движущейся птицы, чему особенно способствовало выраженіе его совершенно птичьихъ глазъ и птичьяго носа. Но, несмотря на обыденность этой птичьей физіономіи, обязанности, налагаемыя на нее «костюмомъ», пріучили этотъ птичій носъ и этотъ птичій глазъ соваться во всѣ мѣста, куда только ихъ можно сунуть: въ ведро съ водой, въ машину, за бортъ, въ пассажира, въ пріотворенную дверь, въ кошелекъ, если онъ окажется въ чьихъ-нибудь рукахъ, въ карманъ, откуда достаетъ проѣзжій папиросы и куда ихъ кладетъ, не говоря уже о безпрестанномъ сованіи носа въ буфетъ, откуда то и дѣло слышался звукъ птичьяго носа о стекло рюмки. Въ этомъ сованіи носа и глазъ во все и во вся, несмотря на птичій типъ лица, однако уже ощущалась возможность какихъ-то послѣдствій, которыя птичій глазъ въ правѣ былъ «предусмотрѣть», но, пока свойственный его обязанностямъ «костюмъ» не обнаружилъ свойственныхъ ему качествъ, урядникъ былъ «самъ по себѣ» и не задумался выяснить собственную свою суть съ нескрываемой откровенностью.

— Вы что-жъ это билетъ-то третьяго класса взяли?— спросилъ его служащій въ буфетѣ, не спѣша направляясь съ посудой за кипяткомъ и остановившись отъ-нечего-дѣлать поболтать.

Урядникъ только-что взялъ билетъ, при чемъ не преминулъ всунуть птичій носъ и птичій глазъ во все, что можно было видѣть въ каютѣ кассира, если при томъ просунуть голову въ кассовое окно.

— Впрочемъ, — продолжалъ служащій: — по военному-то положенію вы, кажется, и во второмъ классѣ можете ѣхать?

— Во-первыхъ,—проскрипѣло птицеобразное существо:— по военному положенію ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, а во-вторыхъ, въ нашемъ сословіи въ три норы можно отъ воинской-то повинности проскользнуть! Ты какого сословія?

— Обыкновенно, изъ помѣщичьихъ, бывшихъ...

— А я изъ семинарскаго! Понимаешь ты разницу? Тебѣ дѣло неминучее—иди! А я въ три норы могу шмыгнуть и подъ пулю не попаду! Понимаешь?

— А какъ изъ норы-то вытащатъ за хвостъ?

— Нѣтъ, братъ, шалишь! Вашего брата—вытащатъ! И попадись кто изъ такихъ-то ко мнѣ, выдерну за хвостъ! А меня не выдернешь! Не въ одну нору, такъ въ другую, не въ другую, такъ въ третью!

— Такъ вѣдь у васъ сабля и все прочее по-военному? Стало-быть, не ушли въ нору-то?

— Тѣмъ-то и ушелъ, что въ урядники нырнулъ, понимаешь? Не понимаешь! А когда я тебѣ скажу, что и въ дьяконы могу поступить, такъ ты и вовсе ошалѣешь!

— Изъ урядниковъ? — съ изумленіемъ спросилъ служащій.

— А какъ бы ты думалъ? Почему офицеръ или тамъ чиновникъ какой можетъ идти въ монахи, а изъ семинарскаго званія не можетъ?

— Вы, стало-быть, изъ семинарскаго званія?

— Про то-то я и говорилъ! И даже вотъ что я тебѣ скажу: даже курса я не окончилъ,—а все-таки могу нырнуть отъ солдатчины въ три норы! Въ первый разъ нырнулъ я отъ солдатчины въ учителя, въ сельскіе. Подзубрилъ, поклонился, выскользнулъ изъ экзамена, у родственника въ селѣ пристроился. Пришла повинность, не тронули: «учитель!» (плутовская ужимка скользнула по птицеобразному лицу). Живу годъ, полтора, а ѣсть-то почитай нечего... Бросить мѣсто,—солдатчина! Жду, не будетъ ли чего хорошаго? Хвать—урядникъ объявился!—«Кто пойдетъ въ урядники, не пойдетъ въ солдатчину!» — Я, Господи благослови, прошеніе! И ту же минуту, не успѣлъ оглянуться, а ужъ верхомъ на лошади, и сабля надѣта, и все, слава тебѣ, Господи!

— Удивленіе!

— Да вотъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, адвокатъ одинъ, тоже изъ нашихъ, въ дьяконы постриженъ. Ну, чего еще тебѣ?

— Такъ ужъ ему бы и идти прямо въ дьяконы?

— Да понимаешь ли ты, отчего я-то, напримѣръ, нырялъ-то? Не окончившихъ тогда не постригали, много было окончившихъ, а теперь не хватаетъ окончившихъ-то! Вотъ и мнѣ и адвокату можно стало! Вотъ въ чемъ расчетъ-то!

Птичій обликъ урядника даже засіялъ при послѣднихъ словахъ, и онъ хитро подмигнулъ служителю, какъ бы говоря: «Ну-ка, изловчись этакъ-то?» Но засіялъ этотъ ликъ отъ собственнаго своего удовольствія, не касающагося высшаго назначенія птицеобразнаго существа.

Ни служащій, ни понемногу собравшійся вокругъ разговаривавшихъ разнаго рода народъ, — два-три матроса въ красныхъ рубахахъ и кожаныхъ шапкахъ,—никто не ощущалъ въ этомъ птицеобразномъ существѣ ничего, кромѣ птичьихъ мыслей, ничтожества его уловокъ и виляній, и однакожъ вотъ это-то птицеподобное существо могло обнаружить себя въ поступкахъ, значительно превышающихъ его птицеподобныя душевныя качества и свойства.

III.

Не прошло и трехъ часовъ послѣ того, какъ птицеподобный появился на пароходѣ, какъ ужъ всѣ мы, не одѣтые въ крестьянское платье, мирные обыватели, въ числѣ которыхъ были бывшій предсѣдатель земской управы, членъ тюремнаго комитета, мировой судья и одинъ помѣщикъ, всѣ мы неожиданно увидѣли себя во власти *) птичьяго глаза и птичьяго носа, которыми птичій носъ находилъ возможнымъ распоряжаться уже во имя качествъ своего «костюма».

— Нѣтъ-съ, господа политическіе!—трещалъ онъ во всю силу своего птичьяго голоса.—Не по-зволю-съ! Нѣтъ-съ!

Онъ подпрыгивалъ и метался по-птичьи, изъ стороны въ сторону, между всѣми политическими преступниками, которыхъ вызвалъ для составленія протокола. Попрыгунъ, до мозга костей проникнутый сознаніемъ значенія своего «костюма» и ожесточенный полною возможностью проявить его, не обращалъ уже никакого вниманія на протесты обвиняемыхъ имъ мирныхъ обывателей.

— Какъ же ты смѣешь орать на весь пароходъ?

— Не смѣй, пьяный ты человѣкъ, позорить передъ народомъ!

— Не по-зво-лю!—тряся пальцемъ передъ лицомъ каждаго преступника и трясясь отъ злобы, трещалъ попрыгунъ непрестанно.—Не позволю политическихъ поступковъ!

— Ахъ, ты, чучело!

— За носъ! За носъ политическаго преступника! Не уйдетъ отъ меня! За носъ, за носъ его, въ темненькое мѣсто!

---

*) Недавно смоленскій окружный судъ приговорилъ урядника Журавлева къ четырехдневному аресту при полиціи за нанесеніе «оскорбленія дѣйствіемъ полицейскому десятскому». Спрошенный на судѣ, урядникъ Журавлевъ заявилъ, что онъ Никитина не билъ, а посадилъ въ арестантскую *«единственно* потому, чтобы не уронить своей власти передъ крестьянами». См. «Вѣсти.».

— Оторвешь носъ-то!—громко сказалъ какой-то не-преступникъ, такъ какъ, хотя попрыгунъ и былъ озлобленъ и трясъ грозящимъ пальцемъ у лица каждаго подсудимаго, но исполнить этого не посмѣлъ и вмѣсто того на самомъ себѣ представилъ, какое униженіе будетъ для преступника, если онъ, «костюмъ», приведетъ въ дѣйствіе свое право. Злоба его была такъ велика, что онъ рѣшительно забылъ о собственномъ своемъ носѣ и теребилъ его съ тою же злобой, какъ бы у него въ рукахъ былъ носъ преступника.

— Вотъ какъ! вотъ какъ-съ! Пожалуйте, господинъ преступникъ, въ кон-то-ру для протокола!

И онъ самъ притянулъ себя за носъ книзу, согнулся, какъ согнулся бы, по его мнѣнію, преступникъ, и, дергая за воображаемый носъ, изображалъ, какъ онъ неумолимо тянетъ преступника съ парохода въ контору.

— Вѣдь ей-Богу оторветъ носъ-то!

— Брось! Носъ-то посинѣлъ!

Всѣ неполитическіе преступники только хохотали, но «политическіе» сами находили, что надобно составить протоколъ на слѣдующей же пристани и вызвать г. исправника.

— Исправника? — хрипѣлъ неистово «костюмъ» и сдѣлалъ изъ пальцевъ такое соединеніе, которое вызвало еще нѣсколько самыхъ откровенныхъ ругательствъ. — Вотъ что исправникъ для меня означаетъ! Моя священная обязанность... Вотъ что мнѣ исправникъ!

Какъ все это ни было безсмысленно, но у подсудимыхъ, о злоумышленіяхъ которыхъ все-таки же слышитъ много простого народу, который ничего не знаетъ и, во всякомъ случаѣ, можетъ думать, что хоть урядникъ и пьянъ, а все-таки было же что-нибудь, что дало поводъ ему разыграться,— у подсудимыхъ ощущалась поэтому настоятельная надобность объяснить каждому встрѣчному, изъ-за чего именно вышла вся эта безсмыслица.

— Ну, посмотрите, пожалуйста! — первому встрѣчному, въ нѣкоторомъ волненіи, говорилъ замѣшанный въ преступленіе мирный обыватель. — Вѣдь чортъ знаетъ что натворилъ! Разговоръ шелъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ...

— Вѣдь какой пройдоха! — присовокуплялъ другой изъ подсудимыхъ.—Какъ вѣдь поймалъ-то! Дѣло шло объ Угличѣ, о дворцѣ Димитрія царевича. Ну, извѣстно, какой былъ у государя Николая Павловича взглядъ? Взглянетъ своимъ вооруженнымъ взглядомъ, такъ вѣдь аминь!

— Нѣтъ! Дѣло было такъ...—рѣшительнымъ тономъ перебивалъ разговаривающихъ третій изъ преступниковъ, стараясь распутать дѣло по возможности въ послѣдовательномъ порядкѣ.— Дѣло было такимъ образомъ. Мы всѣ вотъ четверо пришли во второй классъ пить чай; этотъ балбесъ былъ уже пьянъ, передъ нимъ было уже всего наставлено: бутылка водки, пиво, селедка. Садимся и мы пить чай; онъ начинаетъ соваться въ разговоръ, мы сначала не обращаемъ вниманія, потомъ кто-то говоритъ: «Что вы мѣшаете?» Обозлился, огрызается. «Вы не имѣете права мнѣ запрещать. Вы разговариваете, и я разговариваю. Вы мнѣ тоже мѣшаете...» Затѣмъ ворчалъ и кривлялся и пробовалъ дѣлать замѣчанія. Подошелъ Угличъ, вышли посмотрѣть, опять пришли чай пить, опять онъ торчитъ... Бутылокъ наставилъ цѣлый кругъ и былъ уже золъ, какъ чортъ, не къ чему только было ему придраться. Вотъ въ это время и начинаетъ Иванъ Ѳедоровичъ (вотъ они!) разсказывать про посѣщеніе Углича государемъ Николаемъ. Дворецъ-то старый, ветхій; такъ вотъ одинъ купецъ и поусердствовалъ: закрасилъ всѣ древніе рисунки, раззолотилъ букетами — и думаетъ, что очень его похвалятъ. Только-что самъ императоръ-то глянулъ, осерчалъ и грозно этакъ сказалъ: «Какой *дуракъ* посмѣлъ это сдѣлать?..» Купчишка-то ужъ ни живъ ни мертвъ! Ну, вотъ въ это-то время пьяный пройдоха и зашумѣлъ. «Ка-а-къ!.. про священныхъ особъ?!. Протоколъ!..»

— Какимъ же образомъ онъ сплелъ изъ этого политическое преступленіе?—недоумѣвая, спросилъ я.

— А несъ его знаетъ!.. Должно-быть, что когда я сказалъ *дуракъ* и глянулъ на него, такъ вотъ въ это-то время его и взорвало! А сказалъ-то я громко и прямо глянулъ на него,—это вѣрно!

— Отъ чего это онъ взбѣленился? — спросилъ я служащаго, который съ нимъ разговаривалъ утромъ.

— Да онъ на меня-то прежде всѣхъ и взбѣсился. Я ему говорю: «Можете идти во 2-ой классъ закусывать, господа ушли наверхъ». Такъ онъ на это какъ окрысился-то?— «Мнѣ вездѣ, загалдѣлъ, ходъ! Я вездѣ могу слѣдить!» Хлопнулъ по портфелю и говоритъ:—«Кто сюда попалъ, ползать будетъ передо мной! Боюсь я твоихъ господъ!..» Ну, я ушелъ, и всѣ отъ него посторонились. Вотъ онъ и сталъ водку-то пить со зла.

— Дозволять?.. Чтобъ дозволить? — хрипѣлъ совсѣмъ

упавшимъ голосомъ «костюмъ».—Нѣтъ! Поди-ка, поползай, поползай!..

— Очень жалѣю,—сказалъ ему капитанъ:—что не ссадилъ тебя на мель!

— Ссадите его, въ самомъ дѣлѣ, на берегъ!

— Нѣтъ, пускай протоколъ пишетъ. Посмотримъ! Мы и сами протоколъ составимъ!

«Костюмъ» сдѣлалъ такой же знакъ изъ пальцевъ.

— Вотъ! Выкуси, политическій!

— И скажите, пожалуйста, — съ сожалѣніемъ и потихоньку заговорилъ со мною благообразнаго типа купецъ:— сколько мы времени читаемъ: «будетъ *институтъ* урядниковъ»,—а все нѣтъ! Вѣдь мы видимъ, ежели студентъ пріѣдетъ, какая разница! Изъ технологическаго, или, напримѣръ, лѣсного, изо всѣхъ институтовъ дорогой народъ выходитъ! И вѣдь этого ежели бы оболванить, обтесать его, вѣдь и онъ бы не посмѣлъ безобразничать! А то институтъ, институтъ,—только одинъ разговоръ!

Благообразный купецъ махнулъ рукой и ушелъ, а свалка продолжалась попрежнему.

— А говорятъ, надо дать конституцію! — откуда-то, съ верхней площадки, во всеуслышаніе провозгласилъ какой-то возмущенный обыватель.

— Свободы требуютъ! Чтобъ никакого не было закону! Чтобъ всякій пьяный пройдоха могъ безобразничать!

— Ду-б-би-ну Пе-тра Великаго надо! Ду-би-ну воз-становить!—громогласно, на весь пароходъ и на всѣ берега, провозглашалъ какой-то другой обыватель съ дальняго конца парохода.

— Соціализму захотѣли! Что хочу, то дѣлаю!

— Д-у-у-би-ну Пе-тра Вели-каго! — упорно гремѣлъ во всеобщее поученіе огромнѣйшій басъ, и въ то же время не прекращались визгливые выкрики «костюма»:

— Поползаешь, политическій, поползаешь, какъ прищемлю носъ-то!

IV.

Наконецъ пришли къ пристани. «Костюмъ» нимало не унимался: «Извольте-съ пожаловать въ контору!»—и быстро запрыгалъ по мосткамъ на пристань, а за нимъ пошли всѣ преступники, чтобы видѣть, что будетъ творить «костюмъ», а въ то же время потребовали капитана. Городовой побѣжалъ въ городъ къ исправнику. Постороннюю публику

«костюмъ» удалилъ изъ конторы и оставилъ только преступниковъ, въ числѣ которыхъ оказался и я. «Костюмъ» принялся строчить; но едва онъ спросилъ одного изъ преступниковъ: «имя?»—какъ этотъ преступникъ, а за нимъ и всѣ прочіе ушли вонъ изъ конторы.—«Нѣтъ, когда пріѣдетъ исправникъ, такъ ты тогда прежде всѣхъ имя-то твое говори, а потомъ уже и мы скажемъ!» Ожиданіе пріѣзда исправника нѣсколько подбодрило публику. Явилась даже надежда упечь безобразника, такъ какъ было много свидѣтелей его безобразій. Но исправникъ не пріѣхалъ, а пріѣхалъ довольно поспѣшно помощникъ пристава, и безобразникъ встрѣтилъ его какъ большого пріятеля, потрепалъ даже по плечу.

Политическіе всѣ столпились около помощника пристава. Капитанъ былъ до глубины души возмущенъ этимъ своевольствомъ на его пароходѣ, такъ какъ публика могла на него жаловаться его начальству за допущеніе такихъ безобразій, и настоятельно требовалъ составленія протокола о поступкахъ безобразника. Но сами «политическіе» значительно ослабили дѣло протеста.

Они такъ же громко и раздраженно предъявили свои требованія, какъ и капитанъ, но понемногу въ этихъ требованіяхъ стало слышаться слово: «наплевать!». Безобразникъ былъ въ это время совершенно уже не при чемъ; водворилось на его птичьемъ обличьѣ полное спокойствіе, и онъ только по временамъ ощупывалъ свой носъ, хотя при этомъ подмигивалъ помощнику. — «Наплевать!», сказанное съ глубочайшимъ негодованіемъ, нѣсколько разъ, нѣсколькими политическими, было именно то рѣшеніе, которое до чрезвычайности обрадовало помощника пристава; во все время шума и галдѣнія онъ только пожималъ плечами и старался доказать, что все происшедшее есть только «прискорбное недоразумѣніе». Но когда публика провозгласила—«наплевать!», онъ сразу понялъ, что безсмыслица должна, по обыкновенію, кончиться «ничѣмъ».

— А-п-с-о-лютно наплевать-съ! — прижимая руки къ груди въ знакъ полнѣйшаго согласія, восклицалъ помощникъ пристава.—Наплевать! вполнѣ и исключительно наплевать! и конецъ дѣлу! Почему же предпочитать непріятности? Я составилъ бы, непремѣнно составилъ бы протоколъ, но безпокойство не стоитъ игры свѣчъ!

— Наплевать! Наплевать! Наплевать!..

Этими возгласами оглашался пароходъ, отчаливая отъ

пристани, а урядникъ шелъ вмѣстѣ съ помощникомъ пристава, обнявъ его, по пріятельски, за спину.

Этимъ ошеломляющимъ эпизодомъ оканчиваются, кажется, разъ навсегда всякія самыя малѣйшія попытки, при помощи всякаго рода искусственныхъ средствъ, такъ или иначе устраниться отъ «прискорбныхъ недоразумѣній» дѣйствительности.

РАЗСКАЗЫ.

Жиденокъ.

I.

Всю ночь лилъ дождь; рѣчка Лѣсковица, по имени которой называется «Лѣсковица»—самая бѣдная слобода южнорусскаго г. N., раздулась и бурлила противъ своего обыкновенія. По временамъ слышно было, какъ въ шумѣвшую воду съ грохотомъ скатывались камни, которые вода рвала на крутыхъ изгибахъ своихъ береговъ. По улицамъ слободки тоже шумѣла вода, и еще съ вечера долго плялась заблудившаяся изъ города корова; она громко звала, кто бы помогъ ей въ бѣдѣ, и съ мычаніемъ подходила то къ одному, то къ другому окошку маленькихъ хибарокъ,— но никто и не думалъ выручать ее: въ отчаяньи она шла дальше, останавливалась среди грязи и пускала свои вопли вдоль улицы, вытягивая впередъ голову и перекашивая скулы. А дождь ливмя лилъ. Однообразно барабаня по крышамъ и щелкая подъ окнами, онъ незамѣтно убаюкалъ и усыпилъ весь городъ и всю слободу. Но утромъ въ щели и сердечки ставней билъ до такой степени яркій и ослѣпительно блестящій солнечный лучъ, что проснувшіеся снова жмурили ослѣпленные свѣтомъ глаза. На дворѣ звонко пѣлъ пѣтухъ, въ сѣняхъ весело кипѣлъ самоваръ, и гдѣ-то вблизи раздавались особенно звучные удары топора. Все это: и самоваръ, и свѣтъ, и пѣтухъ, — почему-то рисовало въ воображеніи каждаго обывателя слободы свѣтлую обновленную жизнь предстоящаго дня. Свѣтлое, чудное солнце пристально смотрѣло на землю, словно удивляясь, какихъ чудесъ натворила нынѣшняя ночь; у одной избы, на краю

слободки, оторвало водою уголъ, и разсказывали, что вмѣстѣ съ угломъ въ воду ввалились солдатъ съ женой; у водяной мельницы, на мѣстѣ прорванной плотины, торчали кривыя, понагнувшіяся сваи. Вообще было много бѣдъ, какихъ до сихъ поръ не испытывалъ городъ. Городской житель, разставшійся съ постелью, шелъ купаться; тамъ и сямъ блестѣли лужи; даже моря жидкой грязи участвовали въ общей картинѣ свѣтлаго утра, доставляя возможность солнцу отразиться на своей глянцевитой поверхности. Одно только сокрушало обывателя—это невозможность перебраться черезъ Лѣсковицу къ большой рѣкѣ, протекавшей вдали на лугу,—такъ какъ доска, занимающая мѣсто моста, по всей вѣроятности, снесена вчерашнимъ дождемъ. Доска дѣйствительно снесена, но на мутной и еще бурливой поверхности Лѣсковицы уже крутится, высоко поднявъ свой острый носъ, душегубка... На кормѣ, почти ровнявшейся краями съ поверхностью воды, едва примѣтный, маленькій еврейскій мальчикъ, робко владѣвшій какимъ-то кускомъ драни отъ крыши, вмѣсто весла, кое-какъ перевезъ на ту сторону городского обывателя, получилъ отъ него мѣдную копейку и долго размышлялъ: какъ бы ему обойтись безъ того, чтобы душегубка не вертѣлась изъ стороны въ сторону и не пугала бы господъ? Мѣдяки и тукманки постепенно перепадали отъ перевозимыхъ господъ на долю Юдка,—и былъ Юдко счастливъ и веселъ, какъ было весело все кругомъ него.

Это веселье доставилъ ему вчерашній проливень...

Еще вчера вечеромъ, лежа въ хозяйскихъ сѣняхъ и съ головой кутаясь отъ тяжелыхъ капель, попадавшихъ ему въ лобъ, Юдко соображалъ всѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ этого проливня, загодя зналъ судьбу моста и тутъ же радовался случаю, забросившему на берегъ старую душегубку: онъ будетъ, значитъ, завтра перевозить и заработаетъ деньги.

Юдко былъ круглый сирота. Жилъ онъ у одного еврея, поселившагося на Лѣсковицѣ и имѣвшаго въ городѣ подвалъ съ яблоками и апельсинами. Отецъ Юдка, вмѣстѣ съ матерью, отправился куда-то искать счастья—и вотъ уже три года объ нихъ ничего не слышно. Юдко не зналъ, живы ли его родители или нѣтъ, и продолжалъ изъ-за куска хлѣба биться изо дня въ день. Цѣлые дни, съ утра до ночи, онъ бѣгалъ по городу съ хозяйскимъ товаромъ; цѣлые дни въ пустынныхъ улицахъ города звучалъ его

звонкій голосъ, выкрикавшій: «лимоны, апельсины!». За эту бѣготню онъ что-то ѣлъ, получалъ старые обноски съ хозяйскихъ плечъ и спалъ въ сѣняхъ, гдѣ въ противоположномъ углу помѣщался хозяйскій козелъ. Но Юдко не ропталъ; люди эти, находясь въ постоянной погонѣ за счастьемъ, пока стояли только при началѣ этого дальняго пути и говорили: «только денегъ, денегъ и больше ничего...» Это желаніе Юдко сталъ слышать чуть ли не съ перваго дня рожденія: и отецъ и мать были постоянно вполухахъ — нажить копейку; постоянно хлопотали, какъ бы извернуться, поправиться. Вслѣдствіе этого и игры Юдка не носили веселаго характера: русскія дѣти играютъ «въ дорогу», ѣдутъ въ монастырь «на богомолье», потому что родители пятый годъ собираются поблагодарить Бога за Его великія милости; Юдко играетъ въ отыскиваніе на улицѣ въ сору тряпокъ, старыхъ подошвъ, костей, потому что все это можетъ пригодиться. Топить въ домѣ нечѣмъ, Юдкина хозяйка идетъ искать щепокъ по городу,—и Юдка потомъ играетъ въ это отыскиваніе щепокъ. Однимъ словомъ, все окружающее и окружавшее Юдку съ дѣтства терпѣло, трудилось и хотѣло выбиться изъ бездны, хотѣло денегъ; Юдко тоже трудился, тоже хотѣлъ выбраться на свѣтъ и тоже старался всевозможными средствами залучить въ свой карманъ грошъ-другой. На прошлой недѣлѣ нашелъ онъ на бульварѣ и продалъ кольцо; вчера до костей промочилъ его дождь, однако онъ не особенно страдалъ. Когда, послѣ своей работы, мальчуганъ вытаскивалъ дырявую душегубку снова на лугъ, за рубашкой у пояса громко позвякивали мѣдяки, заставляя мальчика забывать и холодъ, и голодъ, и всѣ неудобства житейскія.

Хибара, которую занималъ Юдкинъ хозяинъ, состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями съ земляным поломъ. Въ одной помѣщался хозяинъ съ семьей и шинокъ, а въ другой половинѣ, то-есть въ тѣсной и душной каморкѣ, жили двѣ дѣвицы. Тѣснотой комнаты дѣвицы были недовольны — низко и тѣсно. Кромѣ того, подъ кроватью каркала гусыня, пододвинутая въ лукошкѣ жидомъ, что вовсе непріятно было «гостямъ»

Перекусивъ чего-то, Юдко тронулся въ путь; онъ былъ босикомъ; широкіе дерюжные штаны мокрыми хвостами трепали его по ногамъ; жидовская свита, съ взрослаго человѣка, была подобрана вверхъ кушакомъ, отчего незастегнутый воротникъ съѣзжалъ на спину; на головѣ, нече-

санной, съ кудрями, свалявшимися въ войлокъ, торчала плисовая, безъ подкладки, шапка, козырькомъ вверхъ; на локтяхъ висѣли двѣ большія плетеныя корзинки, покуда пустыя, и въ одной рукѣ была палочка, которой придется отмахиваться отъ собакъ. Вскарабкавшись по узенькой и извилистой тропинкѣ на вершину стариннаго вала, Юдко на минуту остановился. Съ самаго дѣтства прогулка по городу не производила на него пріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ праздные люди постоянно издѣвались надъ нимъ, и вотъ почему Юдко не сразу пошелъ въ городъ, а погодилъ, приготовился къ непріятностямъ и наконецъ тронулся въ путь,—зашелъ въ ближній хозяйскій подвалъ, нагрузилъ свои корзинки и звонкимъ голосомъ закричалъ, идя по улицѣ: «апельсины, лимоны!..»

Между тѣмъ обыватель воротился съ купанья, напился чаю и ходилъ по комнатамъ, дожидаясь одиннадцати часовъ, чтобъ идти на службу. По временамъ только онъ переступалъ черезъ порогъ чайной комнаты и, держа руки съ платкомъ за спиной, спрашивалъ жену:

— Такъ ты говоришь, деньги-то видѣть—что это?

— Слезы.

— Гм!.. Оно, пожалуй, что и такъ...—соображалъ мужъ и снова отправлялся гулять по комнатамъ. Останавливаясь у окна, онъ видѣлъ передъ собою заборъ, за забором крапиву, а за крапивой дубовое бревно. Чиновникъ глубокомысленно старается обсудить всѣ эти предметы.

— Дубовое...—рѣшаетъ онъ.

— Что мнѣ, на-двое, что ли, разорваться?—кричитъ въ сосѣдней комнатѣ нянька, оглушенная воплями ребятъ, требующихъ чулковъ, башмаковъ, штановъ.

«Надо ребятъ пороть»,—мелькаетъ у него въ сознаніи, но и бревна не забываетъ.

— Хорошо для мебели, хорошо... Стулья можно... дѣлать, столы!..

Но такъ какъ изъ этихъ размышленій ничего путнаго не выходитъ, то чиновникъ входитъ въ женину комнату, приближается къ шкапчику и, чтобы отвлечь подозрѣніе жены, говоритъ:

— Такъ ты говоришь, воду-то видѣть—что это?

— Ты хоть бы до службы-то погодилъ...

— Велика важность—полрюмки...

— Важность не важность, а клевать носомъ будешь...

Чиновникъ опрокидываетъ въ себя рюмку и говоритъ:

— Ты думаешь, мнѣ и самому это очень пріятно? Захочу — брошу, — говоритъ онъ, медленно выступая изъ комнаты.

— Только объ одномъ и молю Бога, — говоритъ вслѣдъ жена.

— Захочу — и не буду... — говоритъ мужъ изъ другой комнаты и, подходя опять къ окну и опять видя бревно, думаетъ: должно-быть, на мебель...

Наконецъ голова его, утомленная такими долгими соображеніями, совершенно отказывается дѣйствовать, и чиновникъ хочетъ почему-то опять отправиться къ шкапу; но къ окну въ это время подходитъ слѣпая старуха.

Голова ея обмотана множествомъ платковъ, сверху которыхъ надѣто что-то въ родѣ шляпки, отъ которой остался только остовъ проволоки; на глаза надѣтъ зеленый, изломанный зонтикъ.

— Не вижу ничего,—говоритъ старуха, щупая тротуаръ и фундаментъ дома длинной палкой, которую она держитъ наравнѣ съ головой.

Старуха костлявой рукой обвела отворенную раму, пощупала подоконникъ и банку съ какимъ-то растеніемъ и нерѣшительно спросила:

— Вы православные?

— Православные, старушка, православные... настоящіе...

— То-то! Часомъ жиды обижаютъ. «Ослѣпла, говорятъ, съ Богомъ-то своимъ...»

— Нехристи подлые!..

Старуха подняла свои мертвые глаза и смотрѣла ими по направленію къ тому мѣсту, гдѣ слышался голосъ... Чиновникъ, нашедшій новый предметъ для размышленія, почти уже не скучалъ.

— Ничего не видишь?

— Ни чуточки ничаво... Десятый годъ... Пѣвчіе очень обижаютъ...

— Которые?

— Архирейскіе... Иромонахъ Виталій говоритъ: «ходи въ трапезу — накормлю»... Мнѣ гдѣ взять, я и приду... А пѣвчіе миску у меня отнимутъ... Я не вижу, лапаю рукой-то, ищу... А они по рукамъ ложкой... Я полковница сама... Говорятъ: «не слѣпая». Басомъ который поетъ—самый аспидъ настоящій: «Она не слѣпая!» (старуха представляла, какъ говоритъ басъ). Тьфу! каторжные...

Старуха замолчала. Успокоившійся чиновникъ хотѣлъ подать ей копеечку и уже шарилъ въ карманѣ, когда та произнесла:

— Это у васъ баринъ-то померъ?.. Я все понимаю...

— Пошла ты!.. Никто тутъ не умиралъ.

Спокойное расположеніе духа чиновника сразу исчезло.

— Накличешь еще бѣды... Ворона!..

— О? А я ему все: дай Богъ царство небесное...

— Ну-ну!.. Вотъ вѣщунья... Ступай-ка...

Чиновникъ хотѣлъ-было затворять окно.

— Не дадите ли хоть на хлѣбъ чего?..

— Съ Богомъ, съ Богомъ.

— Хоть копеечку...

— Пошла, чортова кукла, — крикнулъ чиновникъ такъ, что старуха почти въ ту же минуту была уже среди улицы и, не помня себя, работала старческими ногами, поднявъ палку вверхъ, какъ бы защищаясь отъ всевозможныхъ опасностей.

— Вотъ радости нанесла!.. Слава Богу, чего добраго...— запыхавшись, бормоталъ взволнованный чиновникъ...

— Апельсины...—раздалось подъ окномъ...

— Пошелъ прочь!..

Юдко, котораго только-что прогнали въ одномъ окнѣ, рѣшился показать свою физіономію въ другомъ и повторить: «апельсины!». Чиновникъ опять закричалъ: «прочь поди!..» Юдко опять показалъ свою физіономію въ третьемъ окнѣ и снова сказалъ: «апельсины!». Раздраженный чиновникъ, котораго не оставляли мысли, навѣянныя старухой, порѣшилъ сразу отдѣлаться отъ навязчиваго продавца... «Погоди-жъ!»—думалъ онъ, высовываясь въ окно...

— Эй, ты, поди-ка сюда...

Юдко подошелъ...

— Почемъ?

Юдко нагнулся къ корзинкѣ и началъ открывать тряпку, закрывавшую апельсины; въ это время чиновникъ впился ему обѣими руками въ картузъ и, зацѣпивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и волоса, со злостью началъ возить туда и сюда, приговаривая:

— А это? а это? а это... а?..

— Что я сдѣлалъ? — плачевно молилъ Юдко, поднимая съ земли шапку и убѣгая.

— Только пикни!..

При этомъ чиновникъ стучалъ пальцемъ въ подоконникъ...

Взволнованный этими обстоятельствами, чиновникъ, не опасаясь никакихъ косвенныхъ взглядовъ со стороны жены, прямо направился къ шкапу...

— За что ты жида избилъ?—спрашивала жена.

Глотая рюмку, мужъ соображалъ: за что же, въ самомъ дѣлѣ?

— А ты какъ бы думала?.. — наконецъ проговорилъ онъ.—По-твоему ихъ миловать надо? э-ге!..

Выйдя въ другую комнату и остановившись у окна, чиновникъ сознался втайнѣ, что въ христопродавствѣ Юдко не виноватъ, что собственно онъ, чиновникъ, поступилъ очень, очень несправедливо... Мысли его вырастали на эту тему, но на глаза попалось бревно, и чиновникъ снова подумалъ: «Должно-быть, на мебель! Хорошее бревешко».

Въ такомъ родѣ было и остальное странствованіе Юдки по городу; но горевать было не время, и поэтому онъ, не останавливаясь, шелъ далѣе, и голосокъ его попрежнему звенѣлъ въ пустынныхъ улицахъ. На дворѣ между тѣмъ стоялъ полдень—самое скучное, невыносимое время провинціальнаго дня: мужья и отцы строчатъ въ канцеляріяхъ; жены и дочери не знаютъ, куда дѣться отъ тоски дома. Было бы великое горе, если бы тѣ же обстоятельства, которыя породили эту тоску, не дали вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшенія женамъ и дочерямъ, создавъ для нихъ особый типъ провинціальнаго молодого человѣка: нѣчто среднее между свахой или салопницей и газетнымъ фельетономъ. Образованіе такого типа можно объяснить примѣромъ; кусокъ тѣста, стиснутый съ боковъ яблоками, образуетъ фигуру, вовсе не напоминающую яблоко, а какую-то угловатую, съ острыми концами и впадинами. Точно такъ же и этотъ молодой человѣкъ; ни на кого изъ окружающихъ онъ не походитъ: въ немъ ни сонности, ни скуки, ни апатіи нѣтъ,— а между тѣмъ эти окружающіе и эта апатія произвели его на свѣтъ Божій, безъ него смерть была бы лучшею мечтой бѣдныхъ провинціаловъ, заѣдаемыхъ буднями. Этотъ господинъ вездѣ нуженъ: плачетъ въ церкви ребенокъ,—онъ первый начнетъ его утѣшать, распуская и снова стягивая дамскій зонтикъ, слегка постукивая имъ о клиросъ; поэтому даже такія дѣти, которыя къ своимъ отцамъ не идутъ на руки, къ дяденькѣ идутъ охотно; дяденьку можно и за носъ хватить, и губы сгресть въ кучу, и за волосы дернуть—и все у него будетъ веселая улыбка, все уста его будутъ ле-

нетать: *ляля*... Въ воскресенье онъ даже конфетку принесетъ. И, что главное, возлагая на этого дяденьку порученія въ родѣ: покликать лошадь, отыскать лакея и пр., никто не можетъ разсчитывать на самомалѣйшую тѣнь неудовольствія съ его стороны: *дядя ляля*, напротивъ, чувствуетъ, что это его должность, назначенная ему свыше—отъ самого Господа. Поэтому, если послѣ благодарности за какой-нибудь подвигъ, послѣ *мерси*, забудутъ объ его существованіи,—онъ не только не можетъ обижаться, что его опять вспомнятъ во время нужды, но, напротивъ, долженъ самъ сторожить эту нужду и загодя соображать планъ своихъ дѣйствій. Для будней, для будничной пустоты нѣтъ лучше отвода, какъ этотъ *дяденька*. Всталъ онъ утромъ, свѣтлый, нескучающій, и въ свѣтломъ парусинномъ пальто тронулся въ путь: попадались ему запертыя ставни и ярлычокъ съ надписью «продается»,—онъ останавливался, читалъ, размышлялъ и между тѣмъ слушалъ въ то же время, какъ съ одной стороны двѣ бабы извѣщали другъ друга о падежѣ свиней и совѣтовали такія-то и такія средства; съ другой тоже двѣ бабы толковали о господахъ, и одна разсказывала, какъ барыня ударила барина миской по головѣ. И о падежѣ, и о средствахъ, и о мискѣ примѣчалъ дяденька и такимъ образомъ пріобрѣталъ тотъ капиталъ, который составляетъ его жизнь и даетъ жизнь другимъ. Перебѣгая изъ дома въ домъ, онъ вездѣ разбрасывалъ въ публику приличныя для размышленія вопросы, въ родѣ того: «Отчего Гвоздевы домъ продаютъ? Ужъ не ѣдутъ ли? То-то я видѣлъ, будто лошадей провели», и т. д. *Дядя* такими вопросами и размышленіями будитъ уснувшій городъ, расшевеливаетъ спящее царство спящихъ мозговъ.

— Боже ты мой, Господи,—произноситъ томно нѣкая особа женскаго пола, вышедшая изъ терпѣнія отъ криковъ Юдки:—что этотъ жиденокъ зудитъ.

— А вотъ я его... сейчасъ,—вскакивая, произноситъ дядя и исчезаетъ вонъ изъ комнаты.

— Ѳедоръ!—говоритъ онъ въ кухнѣ кучеру:—возьми, братъ, водоносъ... Марья, ты тово... ты хоть полѣно, что ли.

— Зачѣмъ это вамъ, Михайла Семенычъ?

— А тутъ жиденка надо приструнить.

— Это можно-съ!—вооружаясь водоносомъ, говоритъ кучеръ.

— Дай-ка мнѣ вонъ чапельникъ-то. Ну, съ Богомъ.

— Апельсины!—стонетъ подъ окнами Юдко.

Тссс!—командуетъ дядя:—за мной... Отворяй ворота.

На глазахъ стонущаго Юдка выступаетъ изъ воротъ полчище, вооруженное всякимъ оружіемъ.

— Вотъ онъ!—произноситъ дядя.

Испуганный Юдко пускается бѣжать, ощутивъ на спинѣ паденіе вѣника.

— Ну, счастливъ твой Богъ,—произноситъ вслѣдъ кучеръ, потрясая въ воздухѣ саженнымъ водоносомъ.

Такимъ образомъ здѣсь Юдко потерпѣлъ уже вслѣдствіе деликатной услужливости дяди.

А полдень и безлюдье царили кругомъ въ полной силѣ. Среди улицы встрѣтились двое горожанъ, и между ними произошелъ разговоръ такого рода: — «Ну что, какъ?» — «Ничего... а вы?» — «Я-то?.. Что-жъ... Ничего». — «Ну прощайте!..» — «Прощайте!»

Далѣе встрѣтились еще двое и тоже хотѣли-было что-то сказать другъ другу; даже начали уже шевелить губами, но, не придумавъ ничего, разошлись, махнувъ рукой... Проходя подъ растворенными окнами съ опущенною бѣлою шторою, Юдко слышалъ: «Господи! хоть бы пожаръ или что-нибудь!..» Вихри крутились на перекресткахъ; городскіе часы пробили часъ... Юдко завернулъ за уголъ и началъ стучать въ ворота, принадлежавшія дому купца Крупичетова. Купецъ Крупичетовъ, переселившись въ г. N изъ Калуги, перетащилъ вмѣстѣ съ собою и свои калужскіе нравы: ворота съ тяжелымъ кольцомъ у калитки, лавка около воротъ, для отдохновенія молодцовъ, канарейки въ залѣ, щекотъ которыхъ, вырываясь въ открытыя настежь окна, далеко раздавался по улицѣ; въ углахъ были большіе кіоты въ золотѣ и проч. Дѣтокъ онъ воспитывалъ тоже по-своему; пробовалъ-было сына отдать въ гимназію, но скоро взялъ оттуда, потому что и лѣтъ сынку было подъ двадцать, да и въ наукѣ ему было все равно, что судоходная рѣка, что суховонная. Вся семья ходила по струнке на глазахъ хозяина, а за глаза пробиралась тихомолкомъ въ театръ или, въ лицѣ мужскихъ представителей, бушевала на Лѣсковицѣ, въ жилищѣ Юдкина хозяина. Впрочемъ, при всемъ скрываньи своихъ мыслей и дѣяній, старшій сынокъ не особенно радовалъ родительское сердце. Не разъ по его спинѣ гулялъ желѣзный аршинъ, пущенный родительской рукою въ видѣ нравоученія, но сынъ смирялся только тогда, когда находился въ рукахъ родительскихъ; если же

онъ видѣлъ, что родитель не имѣетъ возможности вцѣпиться ему въ волоса, то выказывалъ самыя непокорныя свойства. Въ такихъ случаяхъ и отецъ принималъ исключительныя мѣры. Ни слова не говоря, поднималъ онъ съ земли полѣно и запускалъ въ сына; тотъ увертывался и, подскакивая на одной ногѣ, повторялъ: «А, да не попалъ... А, да не попалъ...»

— Провались ты, анаѳема!—рѣшалъ отецъ и шелъ въ покои...

Отлучившіеся изъ лавки домой обѣдать приказчики толпились отъ-нечего-дѣлать на дворѣ, сверкая на солнцѣ жирно помасленными головами и любуясь продѣлками молодого Крупичетова, который на бѣгу хватался за перекладину въ каретномъ сараѣ и раскачивался, взмахивая ногами до потолка; или попросту ходилъ по двору колесомъ, при чемъ то ноги, то растопыренныя руки, то всклокоченная голова его видны были даже съ улицы, черезъ заборъ, и заставляли прохожихъ разѣвать рты.

— Какъ вѣдь это онъ чудесно дѣлаетъ, Господь съ нимъ!—трактовала жирная кухарка, высовывая голову изъ кухни.

— Да, меренокъ порядочный!—присовокупилъ одинъ изъ толпы приказчиковъ.

А барчукъ, какъ шаръ, катался по двору, испугавъ даже собаку, отличавшуюся своею примѣрной лютостью и не признававшую ни своихъ ни чужихъ, и находившую, что всѣ икры одинаково вкусны,—даже этотъ лютый звѣрь попятился въ конуру, гремя цѣпью. Барчукъ зацѣпился ногами за перекладину воротъ каретнаго сарая, куда онъ хотѣлъ проникнуть, и сталъ... Стукъ въ ворота заставилъ на время прекратить игрища, изъ опасенія прихода самого. Всѣ притаили духъ отъ страху, и поэтому одно ужъ появленіе въ калиткѣ мизерной фигуры жиденка привело все общество въ негодованіе.

— А, другъ любезный,—сказалъ кто-то изъ приказчиковъ, подкрадываясь на цыпочкахъ къ воротамъ и задвигая ихъ задвижкой.—Иванъ Иванычъ, пожалуйте-ка сюда.

Барчукъ подошелъ къ приказчику; грудь его широко дышала, шапка была на затылкѣ, бѣлая прядь волосъ застилала глазъ. Упершись руками въ бока, онъ произнесъ:

— Ну?..

— Вотъ изволите видѣть,—шепталъ приказчикъ:—такъ какъ, теперича, этотъ жиденокъ все же Христа продалъ...

— Вѣрно!

— Стало-быть, онъ, надо такъ считать,—врагъ нашъ.

— Вѣрно!

— То что же мы можемъ съ нимъ исдѣлать? Какъ съ нимъ поступить?

— Какъ ни на есть подлѣе!

— Въ точку!.. Кузьма! Егоръ! попридержите-ка паренька-то.

Кузьма и Егоръ, дюжіе дворники, устремились на Юдку.

— Бери за ноги,—командовалъ барчукъ.

Юдко былъ блѣденъ и испуганными глазами молилъ пощадить его.

— Что я вамъ сдѣлалъ?

— Не-е-е-е... Крестъ ему написать на лбу... Они, нехристи-то, отъ него сейчасъ въ дребери...

— Пустите меня! а-а-ай!..

— Ваввахъ! — передразнилъ барчукъ, возбудивъ общій смѣхъ.—Что съ нимъ возиться!—несите его, братцы, къ Волчку...

А Волчокъ уже разинулъ пасть, захлебываясь отъ восторга. Юдко ни живъ ни мертвъ.

— Кусь, куси его. Чужой!—командовалъ барчукъ.

Юдко собралъ силы и закричалъ на весь дворъ... Барчукъ слегка прикрылъ ему ротъ: крикъ мгновенно замеръ.

— Сами идутъ!—возвѣстилъ кучеръ.

Какая-то исполинская рука схватила Юдку за шиворотъ и увлекла за собою въ каменный входъ погреба. Все затихло. Самъ медленно прошелъ изъ воротъ къ крыльцу и поднялся по лѣстницѣ въ квартиру. Какъ только каблукъ сапога его спрятался отъ глазъ струсившей толпы, толпа эта высыпала изъ своихъ засадъ, и та же могучая рука, которая втащила Юдку въ погребъ, быстро отнесла его къ воротамъ, поспѣшно отдернула задвижку и не менѣе энергично саданула въ шею, присовокупивъ: «на закуску». Толпа высыпала въ калитку, посмотрѣть, что будетъ дѣлать жиденокъ: ежели будетъ реветь, то можно и еще поразнообразить свои удовольствія,—догнать, выворотить корзину и пр. Но Юдко ограничился только единственнымъ жалкимъ вопросомъ:

— Что я вамъ сдѣлалъ?

Въ отвѣтъ онъ увидалъ оскаленные зубы враговъ.

— То-олько пикни!—пригрозилъ ему барчукъ, помахивая кулакомъ...

Скоро толпа скрылась за калиткой. Такимъ образомъ Юдко и еще претерпѣлъ,—на этотъ разъ оттого, что напалъ на господъ шутниковъ. Истомленный побоищами дня, онъ думалъ-было гдѣ-нибудь заснуть въ тѣни, но кто-то позвалъ его въ окно. Это былъ толстякъ, фигурой своей напоминавшій троянскую лошадь, во внутренности которой помѣстились полчища воиновъ. Толстякъ радъ былъ послѣ обѣда поразвлечься и при появленіи жиденка сдѣлалъ ему такое предложеніе: или выпить два графина воды и получить двугривенный, или все-таки выпить два графина и получить въ шею. Беззащитная голова Юдки посовѣтовала ему взять лучше двугривенный, такъ какъ отъ двухъ графиновъ не уйдешь...

Голова кружилась у него, въ ушахъ шумѣло, усталыя ноги подкашивались... Юдко шелъ, повалился и заснулъ на солнечномъ припекѣ, позабывъ про свои корзины...

И снился Юдкѣ отецъ...

Это былъ типъ еврея, ни минуты не остававшагося безъ дѣла, хватающагося за всевозможныя средства, которыя могутъ дать хлѣбъ.

Юдкѣ было всего только два года, когда онъ, его отецъ и мать выѣзжали изъ какого-то хутора, откуда начальство выгнало жида, твердо исполняя приказаніе: «въ случаѣ упорства, выкладывать всю жидовскую худобу въ окно, на улицу». Выкинутый такимъ образомъ жидъ, успѣвшій-было только здѣсь расположиться, но еще не достигнувшій возможности быть сытымъ и кормить семью каждый день, перебирался теперь въ недалекій помѣщичій поселокъ, съ единственнымъ желаніемъ какъ-нибудь промаячить на бѣломъ свѣтѣ и прокормить семью всѣми средствами, какія только попадутъ подъ руку. Никакимъ трудомъ, никакимъ случаемъ нажить копейку онъ пренебрегать не будетъ, потому что случаевъ этихъ немного, такъ какъ на бѣломъ свѣтѣ есть люди хоть и сытые, а все-таки желающіе нажить деньги и слѣдовательно имѣющіе всякую возможность отбить хлѣбъ у человѣка почти нищаго. Поэтому-то, если попадется ему какая-нибудь возможность добывать хлѣбъ, онъ сдѣлаетъ все, что дастъ ему эта возможность; онъ будетъ вытягивать послѣднія жилы, потому что за брюхомъ не водится такихъ качествъ, какъ великодушіе, жертва и проч. Вслѣдствіе этихъ нераціозныхъ позывовъ брюха, жидъ становится особнякомъ въ православномъ обществѣ, потому что долженъ эксплоатировать для своей

выгоды тоже какую-нибудь, хотя и ничтожную, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимую для православныхъ потребность, отъ которой зависитъ все, которая не страшна православному до тѣхъ поръ, пока жидъ не разовьетъ ея въ виду собственныхъ выгодъ; православный поймете, въ чемъ дѣло, когда будетъ даже въ рукахъ своей же прихоти—привычки, и жидъ—его врагъ, грабитель, разбойникъ.

Послѣ двухдневной ѣзды, еврейское семейство приблизилось наконецъ къ помѣщичьему поселку; на небѣ собирался дождь, облака бѣжали быстро, вѣтеръ дулъ сбоку, вырывая изъ-подъ копытъ лошади пыль, и бѣлыми полосами гналъ ее по темной пашнѣ; вдали прозрачной темно-желтой тучей поднимался песокъ; въ воздухѣ пахло сыростью,—и все это заставляло Юдкина отца торопить лошадь, чтобы загодя поспѣть ночевать въ деревню... Но вѣтеръ, съ силою нагибавшій вѣтви противъ деревенскихъ оконъ, заставлялъ запираться народъ въ своихъ избахъ и, пережидая непогоду, жечь страстныя свѣчи и творить молитвы. Поэтому, сколько ни стучался Юдкинъ отецъ, прося пустить ночевать, никто не рѣшался пустить его, твердо вѣря, что ежели Господь захочетъ зажечь своею огненной стрѣлой чью-нибудь крышу, то выберетъ такую, которая пріютила общаго врага всего міра—жида. Пришлось на первый разъ ночевать въ лѣсу. Перевернувъ телѣгу, Юдкинъ отецъ защитилъ ею отъ дождя сына и жену; а самъ, чтобы не проглядѣть лошадь,—такъ какъ и въ грозу воровать можно,—ухитрился спать верхомъ, отчего ему часто приходилось падать наземь, пробовать лбомъ деревья и пни. Послѣ такой мученической ночи, утро пришло съ тѣми же заботами: ѣсть, пить... Нужно было достать хоть немного денегъ, чтобы собраться съ мыслями, какъ взяться за дѣло, да и за какое еще дѣло. Но достать денегъ не было никакой возможности: крестьяне твердо знали по своимъ сосѣдямъ, что житье еврея не оставляетъ ихъ въ барышахъ. Они могли пересчитать сотни примѣровъ, когда зажиточный крестьянинъ, у котораго жидъ по пріѣздѣ занималъ цѣлковый на обзаведеніе,—потомъ самъ попадалъ ему въ долги, сидѣлъ изъ-за жида въ острогѣ и пр. Все это заставляло смотрѣть весьма враждебно на новаго гостя, и положеніе Юдкина отца было бы очень плачевно, если бы помѣщикъ Сливка не узналъ о его прибытіи. Господинъ Сливка находился уже въ преклонныхъ лѣтахъ и съ давнихъ поръ никуда не показывалъ носу, узнавая о томъ,

что дѣлается по бѣлу, свѣту, только отъ погонщиковъ, шедшихъ съ обозами по большой дорогѣ за его садомъ. Послѣ обѣда выходилъ онъ сюда полежать на травѣ и задавалъ погонщикамъ вопросы: нѣтъ ли гдѣ войны? И ежели есть такая, то кто побѣдилъ? Если побѣдили *наши*, то Сливка съ удовольствіемъ произносилъ: такъ ихъ, подлецовъ, хорошенько! Этимъ ограничивались всѣ свѣдѣнія Сливки относительно отечества и цѣлаго міра. Единственная забота, сокрушавшая Сливку, была: выдать замужъ тридцативосьмилѣтнюю дочь, которая приносила ему каждый годъ большія хлопоты. Каждый годъ приходилось возти ее въ Кіевъ, будто бы на богомолье. Поэтому-то появленіе жида, какъ пронырливаго человѣка, могло выручить помѣщика въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ непремѣнно будетъ знать не только, гдѣ какая война, кто побѣдилъ и проч., но и всевозможныя, самыя мельчайшія новости въ уѣздѣ и въ губернскомъ городѣ, а эти новости слаще даже извѣстія, что «наши побѣдили». Во-вторыхъ, жидъ, можетъ-быть, поможетъ выпихнуть замужъ барышню, отыскавъ какого-нибудь прапорщика, застрявшаго по уши въ долгахъ въ трактирномъ номерѣ, которому осталось или пулю въ лобъ закатить, или жениться. Такимъ образомъ Сливка могъ дѣлать два дѣла, и не показывая при этомъ носу даже на большую дорогу, и сидѣть сиднемъ. Въ этихъ соображеніяхъ помѣщикъ объявляетъ жиду свое покровительство, даетъ лачугу, даетъ денегъ, сколько нужно для того, чтобы начать шинкарить. Это неожиданно ставитъ Юдкина отца въ самое благопріятное положеніе, и онъ понялъ, что на его сторонѣ теперь все, нужно только орудовать, чтобы усѣсться въ поселкѣ попрочнѣе, чтобы разсчитывать на арендную сумму дохода съ него, и, по возможности, сдѣлать такъ, чтобы доходъ этотъ не прерывался. Въ пользу Юдкина отца, кромѣ общаго сочувствія, могутъ служить еще два, не менѣе надежныя орудія — во-первыхъ, общая крестьянская бѣдность, постоянная нужда въ деньгахъ, появляющихся только въ извѣстную пору года, и лѣнь, тоже общая всѣмъ крестьянамъ. Пользуясь этими условіями, Юдкинъ отецъ началъ съ того, что отпускалъ вино въ долгъ, такъ, какъ и самъ бралъ его. Такое самоотверженіе *жида* изумляетъ крестьянъ и тутъ же заставляетъ дать себѣ честное слово расквитаться съ нимъ честь-честью, при первыхъ деньгахъ. Юдкинъ отецъ между тѣмъ употребляетъ въ дѣло другое средство поддержать въ

народѣ это невольное чувство благодарности и, давая вино, не рѣшается даже самъ записывать крючки и кварты. Для этого въ темномъ углу избы виситъ на веревкѣ кусокъ мѣлу; пьющій загребаетъ его въ руки и, какъ только въ его желудокъ попадаетъ извѣстная порція, проводитъ мѣломъ по стѣнѣ палку: одинъ крючокъ, еще одинъ и т. д. Пить идетъ, конечно, весь поселокъ, и поэтому въ непродолжительномъ времени также весь поселокъ и въ долгу у жида. Первыя деньги и первая расплата — съ жидомъ: не отдать жиду—совѣсть замучитъ. Расплатившись, всякій выпьетъ на радостяхъ, что и расплатиться ему пришлось; а продалъ въ городѣ хорошо, — выпьетъ онъ уже вдвое больше, нежели въ обыкновенное время, и такимъ образомъ уйдетъ все-таки съ долгомъ на шеѣ. Мало-помалу мужикъ незамѣтно привыкаетъ къ каждодневнымъ порціямъ; мужицкія ноги особенно прытко ходятъ къ жидовскому шинку,—а долгъ растетъ и растетъ. Юдкинъ отецъ, вполнѣ увѣренный и не сомнѣвающійся, что вино его даромъ не пропадетъ, что пьющій непремѣнно расквитается съ нимъ, старается извлечь выгоду изъ этого положенія мужика. Отпуская въ долгъ водку, онъ рѣшается ждать долгъ только съ условіемъ, вмѣсто, напримѣръ, двухъ рублей, на которые забралъ мужикъ, отдать два съ четвертакомъ. Скоро два рубля вырастаютъ въ четыре, и процентовъ за подожданіе берется уже полтинникъ. Теперь жидъ уже и воръ, и подлецъ, и грабитель. А онъ радъ, счастливъ, благодаритъ Бога за такое житье, потому что эти люди, которые плачутся отъ него, сами отодвинули его отъ себя и заставили смотрѣть на себя исключительно въ интересахъ ассигнаціи.

Другое орудіе, которымъ начинаетъ пользоваться жидъ, закрѣпостивъ въ свои руки животы цѣлой деревушки,— это общая лѣнь. Пользуется Юдкинъ отецъ этимъ народнымъ качествомъ такъ: везетъ мужикъ въ городъ продавать теленка; жидъ сейчасъ является съ предложеніемъ: вмѣсто того, чтобы ѣздить такую даль, да притомъ въ городъ, гдѣ ничего хитраго нѣтъ и въ острогъ невзначай влетѣть, да приплатить изъ своего кармана на разные штрафы, которые начальство ухитрится выдумать,—вмѣсто всѣхъ этихъ неудобствъ, не лучше ли уступить ему? Половину денегъ онъ отдастъ въ руки, а половина пойдетъ въ счетъ долга. Лѣнь и нужда безусловно соглашаются, и теленокъ остается въ рукахъ жида. Нужно обмыть про-

дажу, и вотъ идутъ къ нему же въ шинокъ, и долгъ мужика снова такой же, какъ былъ до продажи теленка, только теленокъ пропалъ за полцѣны.

Такимъ образомъ куры, яйца, масло и проч. и проч.— все это остается въ рукахъ жида; пятка яицъ и полфунта масла въ городъ никто не понесетъ, а жидъ купитъ за полцѣны. Всѣ эти продукты въ непродолжительномъ времени сбываются въ городъ по выгоднымъ цѣнамъ и ужъ, конечно, безъ уступокъ. Все-таки и здѣсь Юдкинъ отецъ увидалъ возможность сдѣлать новый оборотъ: платя хотя и полцѣны, онъ доставлялъ возможность крестьянамъ имѣть подъ рукою деньги, что̀ давало имъ возможность брать и водку и всякій мелочной товаръ на деньги же и должать меньше. Если бы Юдкинъ отецъ получалъ большой барышъ на винѣ, тогда платежъ на чистыя деньги былъ бы выгоденъ; но такъ какъ этого не было, то жидъ долженъ былъ прибѣгать къ хитрости; только впослѣдствіи времени узнали, что мѣлъ, которымъ мужикъ записывалъ свой долгъ въ видѣ палки, былъ такъ устроенъ, что самъ собою выводилъ непремѣнно двѣ палки, потому что былъ заостренъ въ двухъ мѣстахъ. Такая мѣра принята была Юдкинымъ отцомъ на случай разныхъ неудачъ; въ прошломъ было у него много бѣдъ, почемъ знать, что не будетъ ихъ и въ будущемъ. И только вотъ эта-то мѣра постоянно держала мужиковъ въ долгу; поэтому, если бы за крючки платились чистыя деньги, то не могло бы вырасти такимъ чудеснымъ образомъ двойное количество крючковъ и квартъ, за которые мужикъ платилъ безпрекословно, такъ какъ жидъ, на изумленіе его, приводилъ доводъ: «самъ писалъ!» Мужикъ изумлялся, недоумѣвалъ и платилъ... Слѣдовательно, въ виду собственныхъ же выгодъ, нужно было обезсилить мужицкій карманъ. Для этого Юдкинъ отецъ, принимая за половинную цѣну курицу, масло и проч., предлагалъ вмѣсто денегъ—соль, рыбу, которыя крестьянину тоже всегда были нужны... И соль и рыбу онъ отдавалъ тоже не безъ барыша. И выходитъ, что все, что̀ только имѣлъ народъ, все это перешло въ руки Юдкина отца, и если что̀ и осталось еще,—тоже несомнѣнно попадетъ въ тѣ же руки. Съ тоской и сердцемъ залѣзая въ долги, крестьяне надѣялись выпутаться изъ нихъ, во-первыхъ, при помощи Божьей, а во-вторыхъ,—«авось какъ-нибудь... Можетъ-быть, сдѣлаютъ, что не будутъ такъ мучить обывательскихъ лошадей подъ разные проѣзды, тогда кони будутъ свободны, и можно въ

большой бѣдѣ отправиться въ городъ и возить кирпичи»... Проѣзжалъ какой-то баринъ, поклонились ему,—сказалъ «подумаю», да вотъ все что-то извѣстія не даетъ... А Юдкинъ отецъ, не задумываясь, дѣлалъ свое дѣло, потому что попрежнему мужицкія лошади были въ работѣ, попрежнему одолѣвала мужика нужда, теперь вдвое усилившаяся, вслѣдствіе чего мужикъ тоже пилъ вдвое, потому что пилъ уже съ горя.

Вслѣдствіе такого рода дѣлъ оказалось, что жидъ, въѣзжавшій въ деревню съ одними собственными штанами да перпной,—теперь живетъ паномъ, и въ сущности-то голова всей деревни; Рохля, Юдкина мать, пять лѣтъ тому назадъ въ этой же деревнѣ ходившая въ такихъ никуда негодныхъ, заброшенныхъ тряпкахъ, отличавшихся такою невыразимою ветошью и грязью, которую можетъ переносить только еврейское племя,—теперь уже носила на шеѣ цѣлое ожерелье имперіаловъ, ходила въ шелковыхъ платьяхъ, въ наколкахъ и шелковыхъ мантильяхъ, которыя не снимала даже и тогда, когда ей приходилось чистить рыбу или стирать бѣлье. Юдкинъ отецъ тоже щеголялъ въ какомъ-то черномъ, глянцовитомъ сюртукѣ до пятокъ и бархатной ермолкѣ на затылкѣ. По такой системѣ дѣла Юдкина отца шли цѣлыя пять лѣтъ.

Но не вѣкъ же быть счастью.

Женихъ, подысканный имъ для господской барышни, оказалъ въ первый же визитъ такія грабительственныя и буйственныя наклонности, что помѣщикъ, какъ ни радъ былъ спихнуть съ рукъ дочь, принужденъ былъ выгнать его вонъ. Уѣзжая, прокутившіся юнкеръ-женихъ обѣщалъ подпустить «краснаго пѣтуха». Разсерженный и обезпокоенный Сливка пожелалъ отомстить жиду за такого жениха, припомнилъ жалобы на него крестьянъ, про которыя онъ совсѣмъ забылъ, и, не выходя изъ комнаты, рѣшился прибѣгнуть къ закону и вытурить жида. Законъ, долго не думая, вытурилъ его. Юдкинъ отецъ съ семьей тронулся опять въ путь, и такъ какъ ближе всего былъ городъ N, то онъ и поѣхалъ сюда искать счастья. Но въ городѣ N и безъ того было много бѣдныхъ евреевъ; крайняя бѣдность евреевъ и не особенно роскошное житье православнаго населенія южно-русскаго города N объясняются тѣмъ, что всѣ причины, которыя дали возможность основаться этому городу и богатѣть когда-то, теперь давнымъ-давно отжили свой вѣкъ. Отъ древней исторіи города уцѣлѣла одна безобразная колокольня да случайно вырытая на го-

родскомъ валу пушка. Пробовали было слегка возгордиться своими старинными трофеями и съ этою цѣлью старались увѣрить себя, что и пушка и колокольня — вещи историческія, что въ другихъ земляхъ около этакихъ драгоцѣнностей стоятъ часовые съ ружьями и никого близко не подпускаютъ. Но ничего не вышло—и колокольня и пушка остались какъ были. О событіяхъ послѣднихъ годовъ даже въ русскихъ географіяхъ, весьма явственно доказывающихъ, что у насъ не только ступить, но и плюнуть нельзя безъ того, чтобы не попасть на «особенно замѣчательное мѣсто»,—даже, говорю, въ такихъ географіяхъ, при описаніи г. N, сказано только: «также особенно замѣчателенъ своимъ пожаромъ, бывшимъ въ 18... году и истребившимъ городъ до тла». Только титулъ губернскаго города сильно тянетъ къ нему провинціи и силою заставляетъ жить здѣсь народъ; ибо существуютъ здѣсь палаты и присутствія, существуютъ и чиновники, начиняющіе эти палаты. У чиновниковъ, въ свою очередь, существуютъ жены и дѣти: всѣмъ нужно пить, ѣсть, одѣваться, нужны зеленые воротники для фраковъ, нужны кринолины и шлейфы, ибо существуютъ гарнизонные и иные офицеры, которые должны при случаѣ обрывать эти шлейфы и такимъ образомъ найти возможность сказать: «пардонъ!». За удовлетвореніе этимъ потребностямъ казеннаго общества взялись, во-первыхъ, купцы, и то очень немногіе, пріѣхавшіе изъ великорусскихъ губерній; во-вторыхъ—евреи. Купцы были съ капиталами, а потому сразу захватили самую выгодную часть торговли, при чемъ все-таки не было возможности заняться какою-нибудь спеціальностью: торгуя чаемъ, нужно было имѣть въ запасѣ и гвозди и орѣхи. Евреямъ же пришлось перебиваться крупицами, не попавшими въ кругъ дѣятельности капитальныхъ торговцевъ. На долю ихъ выпало содержать шинки, шить сапоги и платье; но такъ какъ евреевъ явилось, какъ всегда, вдвое или втрое больше того, нежели сколько ихъ было нужно, то понятно, что весь ничтожный заработокъ, дѣлившійся на многочисленныхъ членовъ еврейской семьи, давалъ возможность только еле-еле просуществовать и при этомъ все-таки не ограничиваться исключительно шитьемъ сапогъ или сюртуковъ, а не пренебрегать никакъ возможностью зацѣпить деньгу на сторонѣ.

Городъ былъ запущенъ; городское управленіе искало средствъ улучшить свои суммы, хоть бы для того только,

чтобы зажечь ночью два-три фонаря и такимъ образомъ сберечь носы и лбы гражданъ; вслѣдствіе чего городская земля—единственное средство, которымъ могъ располагать пока городъ—продавалась по цѣнѣ, недоступной для бѣднаго класса, и изъ евреевъ только та часть селилась въ городѣ, которая могла одолѣть или усиленную ведерную водочную торговлю, или вполнѣ организованное мастерство; остальная, покупая сообща городское мѣсто у подножія старинаго вала, селилась здѣсь, отгораживая себѣ лоскутокъ землицы, на которой можно было бы поставить хатку въ два окна и хоть подобіе сарая или коровника. Такимъ образомъ устроилась подгородная слободка Лѣсковица. Населяли ее тѣ же нищіе, только не протягивавшіе руки за даровой милостыней. Каждая копейка, откуда бы ни приходила въ ихъ руки, доставалась имъ трудомъ, каковъ бы этотъ трудъ ни былъ.

На даровое житье рѣшалась только та часть этихъ бѣдняковъ, у которыхъ ноги отказались ходить, глаза видѣть и руки работать. И такіе безпомощные люди все-таки не были нищими побирушками; само еврейское общество не допускало ихъ до этого. Помощь бѣднякамъ стояла въ ряду нравственныхъ обязанностей еврея; вся Лѣсковица дѣлилась на кварталы, которые обязывались доставлять необходимое извѣстному количеству нищихъ. Кто могъ, несъ деньги, другой жертвовалъ хлѣбомъ, приносилъ въ пятницу свѣчи, рыбу и проч. и проч. Вслѣдствіе этого побирушекъ-евреевъ встрѣтить рѣшительно невозможно. Юдкинъ отецъ хоть и поживился насчетъ цѣлой деревни, но все-таки не считалъ себя настолько состоятельнымъ, чтобъ поселиться въ городѣ; зато въ Лѣсковицѣ онъ сразу осилилъ шинокъ. Эта форма промышленности — самая удобная для еврея; шинокъ не требуетъ постояннаго присутствія самого Юдкина отца: налить водку и получить деньги можетъ и Юдко, которому теперь уже девятый годъ; а случится буйство, стоитъ закричать среди улицы караулъ, — добрые люди сбѣгутся, заступятся. А между тѣмъ, такъ какъ пьетъ всякій, а тѣмъ болѣе бѣднякъ, населяющій Лѣсковицу, то слѣдовательно доходъ будетъ идти непрерывно, и такимъ образомъ, не нуждаясь въ дневномъ пропитаніи, можно обдѣлывать дѣла и на сторонѣ. И Юдкинъ отецъ искалъ и бѣгалъ за такими дѣлами. Этого требовала оригинально сложившаяся жизнь еврея и особенный складъ городского быта, не допускавшій заниматься исключительно одной ра-

ботой. Поэтому Юдкинъ отецъ брался за все: цѣлые дни онъ бѣгалъ по городу и возвращался разъ двадцать домой, и опять бѣжалъ. Въ городъ пришла почтовая карета, — пассажиръ изъ окна спрашиваетъ: нельзя ли достать сахару? — Юдкинъ отецъ бѣжитъ въ лавку, достаетъ сахаръ и тутъ же съ барина наживаетъ вдвое. Никакого случая къ наживѣ Юдкинъ отецъ не пропускалъ. Кромѣ всякаго рода услуги, онъ въ нѣкоторыхъ домахъ прослылъ какъ коновалъ: лѣчилъ коровъ, лошадей. изобрѣталъ собственныя болѣзни въ родѣ *гадюки на языкѣ*, и самъ только онъ могъ скалывать шиломъ эту гадюку. Операція эта поражала, главнымъ образомъ, своею загадливостью и обширными приготовленіями: корову связывали и валили наземь, для чего сходились толпы народа на подмогу, жидъ говорилъ какія-то слова, при чемъ спрашивалъ: «не гудитъ ли гдѣ?». И въ эту пору, какъ нарочно, всѣмъ казалось, что въ вышинѣ, въ воздухѣ что-то ржетъ невидимо, и т. д. Подобными средствами росла популярность Юдкина отца. Даже Рохля прослыла лѣкаркою и имѣла особенный успѣхъ у женщинъ. Женщина отъ чего лѣчится? или отъ *сердца* — когда любитъ, или отъ *живота*—когда тяжелое подняла. Большинство женщинъ страдаетъ и тѣмъ и другимъ. Рохля даетъ какія-то травы, и говоритъ, что трава помогаетъ.

Такъ устраивалъ отецъ Юдкинъ свое счастіе; послѣ столькихъ лѣтъ неугомонной суетни, онъ наконецъ почти добился этого счастья; по субботамъ Рохля въ цвѣтныхъ нарядахъ и полинялыхъ дорогихъ кружевахъ, оставшихся невыкупленными въ закладѣ, медленнымъ шагомъ прогуливалась въ обществѣ зажиточныхъ евреевъ по бульвару; Юдко тоже былъ молодцомъ; отецъ его гулялъ уже съ такими евреями, которые начинали разживаться въ самомъ городѣ, — да и самъ онъ въ эту пору тоже не отставалъ отъ нихъ. Но среди такого тихаго пристанища, неожиданно и тихонько подкралась бѣда. Спокойно спалъ Юдко на маленькомъ сѣновалѣ; только все ему казалось, что кто-то форткой (калитка) хлопаетъ, и собака рвется къ воротамъ. Юдко открылъ глаза и обмеръ: во всѣ щели драняной крыши смотрѣло красное, какъ кровь, небо: «пожаръ»! Собака лаяла—заливалась. Юдка колотила дрожь. На улицѣ по тротуарамъ сломя голову бѣжалъ народъ, слышались вопросы: «Гдѣ? Это за церковью?»—«Ахъ ты, Заступница!» Юдкинъ отецъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ и присутствіемъ духа не могъ похвалиться передъ сыномъ... А народъ

просыпался и валилъ на пожаръ. Черные клубы дыма подсаживали другъ друга кверху и порой прорѣзывались снизу огненными языками. Въ церквахъ звонили въ колокола: три ровныхъ и торопливыхъ удара въ колоколъ слышались съ одной колокольни, вслѣдъ затѣмъ тоже три, совершенно другого тона, — съ другой, или въ одно время сразу съ двухъ. Этотъ тревожный звонъ особенно какъ-то трогаетъ нервы и заставляетъ бѣжать помогать, спасать... Гдѣ вѣковѣчная апатія города? Ея и слѣда нѣтъ... Этотъ соня, который цѣлые дни не знаетъ, куда дѣться отъ тоски и безсилія, съ разстегнутымъ воротомъ таскаетъ руками обгорѣлыя доски, пропоролъ подошву гвоздемъ и не чуетъ боли въ жару хлопотъ. Впрочемъ, большинство только смотритъ.— «Какъ, братцы мои, забираетъ!» — слышится среди толпы зрителей. Пожарная команда, или легчайшій способъ довести пожаръ до громадныхъ размѣровъ, исправно совершала свое дѣло, такъ что черезъ полчаса половина городскихъ деревянныхъ домишекъ горѣла, какъ свѣчка. Въ Лѣсковицу изъ города доносились неясные вопли: Юдко, отецъ и мать тряслись у воротъ, рыдали и молили у Бога милости... Но милости Богъ имъ не послалъ. Огонь и пожарная команда были заодно, и поэтому пожаръ возросталъ съ каждой минутой, приближаясь къ валу. По небу летѣли головешки, гонимыя поднявшимся предразсвѣтнымъ вѣтромъ, и, падая на жилыя хибары Лѣсковицы, зажигали ихъ со всѣхъ концовъ. Этому помогъ пожаръ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Вѣтромъ вырвало изъ архива загорѣвшееся дѣло «о поджигателяхъ», и когда это дѣло упало въ середину Лѣсковицы, то не было уже никакой возможности остановить пожаръ. Листки дѣла, отрываемые вѣтромъ, порхали по соломѣ крышъ и поджигали ихъ... Вопли, стоны неслись далеко къ небу... Огонь въ минуту съѣдалъ то, что было нажито годами труда, скорби, нужды. Спасая худобу, Юдкинъ отецъ оттаскивалъ свои перины и сундуки только къ дому сосѣда: но сгорѣлъ и этотъ домъ, а съ нимъ и все добро еврея. Къ утру все было кончено. По городу ходили толпы нищихъ. Жители, не погорѣвшіе и погорѣвшіе, толпились на пожарѣ; на этотъ разъ не скучали первые, потому что имѣли значительную тему для разговоровъ... Пожарная команда къ утру сообразила, какъ бы надо было ей дѣйствовать.

Юдкинъ отецъ взялъ съ собою сына и привелъ къ знакомому чиновнику; тотъ пилъ чай.

— Ну, прощайте, баринъ,—говорилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Куда ты?..

— Пойду! въ Одессу пойду или въ Крымъ!

— Что же это?.. Какъ же это ты такъ?—бормоталъ чиновникъ, удивляясь, что при такомъ поистинѣ горестномъ происшествіи у него нѣтъ и тѣни состраданія. — Мѣсто незнакомое... Опять народъ... Что тамъ будешь дѣлать?

— Богъ скажетъ...

Жидъ обтеръ потъ съ лица, на которомъ осталась несмытою копоть.

— Гм!.. Оно такъ-то такъ... Да вѣдь все же... Все сгорѣло?..

— Чисто все...

Жидъ поднялъ съ полу соринку, поднесъ ее къ чиновнику и сказалъ:

— Вотъ этакого не осталось.

Ноздри раздувались у него, глаза хотѣли плакать, но онъ былъ твердъ...

— А сынишку съ собой?..

— Нѣтъ...

— О! что-жъ такъ?..

— У родни оставлю... пусть свой ѣстъ хлѣбъ... Со мной онъ, пожалуй, еще помретъ...

— Гм!..

— Ну прощайте...

— Выпей хоть рюмку—все веселѣй.

— Дайте... Теперь водки выпью...

Чиновникъ поднесъ ему рюмку водки и далъ кусокъ сахару на закуску. Отецъ отдалъ сахаръ Юдкѣ...

— Марья! — сказалъ чиновникъ: — поищи-ка, тамъ подъ кроватью сапоги были... все годится, чай...

Жидъ взялъ сапоги съ истоптанными каблуками, поблагодарилъ, аккуратно сложилъ ихъ и, положивъ подъ мышку, сказалъ:

— Ну, теперь прощайте совсѣмъ...

А самъ готовъ былъ разрыдаться...

— Что дѣлать!.. Видно, такъ ужъ и быть... Счастливо... Дай Богъ въ добрый часъ... авось Богъ...

— Пойдемъ!

Жидъ еще разъ взглянулъ на чиновника, хотѣлъ что-то сказать, но горло было словно стиснуто, и одна горячая слеза вырвалась и покатилась по щекѣ...

— А то остался бы... а!—вскрикнулъ чиновникъ.

Голова жида мелькнула въ окнѣ; онъ не слыхалъ и быстро пошелъ по тротуару.

— Ну, какъ хочешь!.. Жена, вымой-ка рюмку хорошенько. Захочу выпить, такъ послѣ жида-то неловко...

Въ этотъ день всѣ погорѣвшіе ночевали за городомъ, между спасенными сундуками, узлами и проч.; на небѣ были тучи, дулъ вѣтеръ и, поднимая въ разныхъ мѣстахъ золу, ярче показывалъ тлѣвшія уголья... Въ эту ночь никто не спалъ... Мертвая тишина царила надъ убитымъ народомъ,— только по временамъ слышались рыданья... Чуть забрезжило утро, отецъ Юдкинъ вскочилъ на ноги и поднялъ жену.

— Пойдемъ... пора!.. — говорилъ онъ очень скоро и торопилъ жену.—Пока не жарко... Прощай, Юдко!.. Трудись... Скоро придемъ... Пойдемъ... Пойдемъ...

И отецъ почти силою увелъ мать...

Юдко съ рыданьями бросился-было догонять, но они были далеко...

Въ этотъ же день Юдко поступилъ къ хозяину продавать апельсины. Лѣсковица кое-какъ начала изъ обгорѣлыхъ досокъ сколачивать свои домишки и черезъ нѣсколько времени приняла прежній видъ...

IV.

...Открывъ глаза, Юдко увидалъ, что былъ уже поздній вечеръ. Небо свѣтлое; невыразимая свѣжесть и прелесть въ воздухѣ, однако они не произвели на Юдку никакого впечатлѣнія, потому что вспомнился ему хозяинъ и непроданные апельсины. Онъ тотчасъ же вскочилъ и въ короткое время обѣжалъ двѣ-три улицы. Никто не позвалъ его. Съ горестью и боязнью шелъ онъ по валу, размышляя, что̀ и какъ отвѣтить хозяину... Вдругъ онъ услыхалъ музыку, доносившуюся съ рѣки. «Господа гуляютъ, стало-быть, можетъ, и купятъ»,—сообразилъ Юдко, спустился съ вала и побѣжалъ вдоль берега. Посреди рѣки двигались двѣ лодки, нагруженныя дамами, кавалерами и музыкантами. Музыканты размѣстились и въ той и другой лодкѣ, отчего происходило то, что иногда первая фигура кадрили разъѣзжалась на двѣ половины, и чтобы вышла гармонія, гребцы работали веслами, и первая половина музыки сходилась со второй, потомъ опять отставала на два такта. «Что̀ вы, черти!» — кричали имъ и т. д. Люди наконецъ пристали къ берегу; публика размѣстилась на лугу, запылалъ костеръ,

завязались горѣлки, хохотъ, смѣхъ и пр. Юдко стоялъ на противоположномъ берегу и звалъ лодочника, посуливъ ему грошъ. Лодочникъ перевезъ; на этотъ разъ посчастливилось Юдкѣ: господа купили у него два десятка апельсиновъ и, пока не подгуляли, не обращали на него вниманія. Юдко спрятался въ кустъ и выходилъ съ своимъ товаромъ, когда было нужно. Публика долго гуляла здѣсь и отправилась во-свояси поздно... Юдко кой-какъ ухитрился тоже прицѣпиться на носу лодки. Мѣсяцъ смотрѣлъ во всѣ глаза...

— Боже, какъ хорошо,—восклицала дѣвица.

— Да! — подтвердилъ кто-то... — Тутъ какъ будто миришься съ жизнью, забываешь враговъ.

Молодой человѣкъ поднялъ лицо кверху, закрылъ глаза и все вялѣе и вялѣе тянулъ свой панегирикъ ночи.—Тутъ все такъ чисто... прекрасно... благгорро... (монологъ мгновенно обрывается). А гдѣ жидъ?

— Здѣсь,—отвѣчалъ лавочникъ.

— А-ггг-га... голубчикъ!—радостно произноситъ восторженный юноша, вскакивая съ мѣста. — Выходи-ка сюда!.. Анна Николаевна! хотите я для васъ окуну его въ рѣку?

— Ахъ, зачѣмъ?..

— Вы думаете, не окуну?

— Вовсе не думаю... Но зачѣмъ?

Молодой человѣкъ уже былъ около Юдки.

— Гдѣ ты тутъ?.. Вылѣзай-ка! Ахъ, ты, киккимора...

Это было сказано въ шутку, и потому компанія засмѣялась... Въ ту же минуту раздался крикъ Юдки, и юноша тыкалъ уже его голову въ воду, отъ чего лодку начало нагибать набокъ.

Дамы вскрикнули.

— Я не думала, что вы такой шалунъ!..—произноситъ дама среднихъ лѣтъ.

Въ глубокую полночь возвратился Юдко домой и, размышляя о сегодняшнемъ днѣ, никакъ не могъ разрѣшить себѣ вопроса: «что онъ имъ сдѣлалъ такое?» Выходилъ онъ изъ дому съ самымъ безобиднымъ для всѣхъ намѣреньемъ заработать себѣ хлѣбъ; ему давали этотъ хлѣбъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безплатно прогуливались насчетъ всего Юдкина тѣла. Виноватъ ли онъ, что однимъ было скучно, ѣла ихъ свинцовая тоска, и что другихъ ѣла безысходная нужда.

Почему же именно только на немъ да на всякомъ жидѣ, который не можетъ сдачи дать, срываютъ зло и упражняются въ разныхъ шуткахъ...

А обыватель между тѣмъ рѣшаетъ эти вопросы такъ:
— Ежели жида не бить, такъ кого же и бить-то?..

Свѣтитъ ярко мѣсяцъ, и мертвымъ сномъ спитъ измаявшійся жидокъ.
Завтра опять то же...

«Сторона наша убогая».

Очерки.

I.

Корреспондентъ.

(Вмѣсто предисловія).

Скромный обыватель Овчинной улицы, чиновникъ Черниловъ начиналъ разочаровываться въ жизни, которую встрѣчалъ грудами собственноручныхъ стихотвореній, любовью и пр. Стихи писались рѣже и рѣже, потому что любовь все чаще и чаще приносила свои плоды въ формѣ ежегодно возраставшей семьи и усилившихся хозяйскихъ хлопотъ. Черниловъ начиналъ дѣлаться скучнымъ, вслѣдствіе чего на окнахъ его квартиры появились двѣ довольно объемистыхъ бутыли съ наливкою. Какой результатъ имѣло бы осушеніе этихъ двухъ бутылей и не повлекло ли бы оно за собою постояннаго подливанія—сказать не рѣшаюсь, но полагаю, что это было бы такъ, если бы, къ счастію Чернилова, Богъ не послалъ ему утѣшенія, дозволившаго снова открыть свою лирическую душу, снова тронуть перомъ, и притомъ тронуть уже на пользу отечеству, а не для того, чтобы самому наслаждаться плодами своихъ рукъ и головы. Дѣло въ томъ, что Черниловъ получилъ отъ пріятеля изъ Петербурга письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорились такія вещи: «Объ изложеніи не заботься, мы это все пересоорудимъ; главное дѣло, подхватывай на лету факты, событія въ провинціальной жизни, скандальчики (NB. слово *скандалъ* въ провинціи можно относить къ происшествіямъ, вращающимся преимущественно въ области физіономіи, какъ-то: затрещина, оплеуха и другіе, хорошо извѣстные въ *общежитіи* случаи. Въ столицѣ слово «скандалъ» имѣетъ гораздо болѣе примѣненій, потому что народъ развитѣе). Такъ, главнѣе всего, старайся

поболѣе накопить такихъ скандалезныхъ исторій (покража казенныхъ денегъ, г-жу N. застали съ писцомъ К. на хлѣбной площади и проч., понимаешь?). Въ этомъ, надо сознаться, для публики главный интересъ; это распространяетъ изданіе въ провинціяхъ. Но не забывай и столицы: столица всегда смотритъ на вашу братію, провинцію, съ нахмуренными бровями,—дескать: «я тружусь, я думаю за васъ, вы-то сами дѣлаете ли что-нибудь?» Для сего ты въ концѣ каждаго письма прибавляй какое-нибудь извѣстіе, которое бы нашимъ пришлось, какъ говорится, по нутру; напр.: такого-то числа съ быстротою молніи пронеслись слухи объ женской гимназіи; извѣстіе это, какъ электрическій токъ, пробѣжало, охватило, обрадовало, и проч. и проч. въ этомъ родѣ. Или разсказываешь ты, напримѣръ, о томъ, что тогда-то и тогда-то пьяные надѣлали безчинство въ собраніи; ты здѣсь и остановись на минутку, скажи: молъ, грустно, господа, въ настоящее время, когда пароходы, молъ, или тамъ желѣзныя дороги: понимаешь? А въ концѣ все-таки: съ быстротою молніи пронеслись слухи о публичной библіотекѣ, и проч. и проч. Платить тебѣ будутъ аккуратно, и ежели не полѣнишься, — то что̀ твое жалованье...»

Дня черезъ два Черниловъ уже работалъ, запускалъ руки въ волоса и ерошилъ ихъ, отчего видъ физіономіи былъ ужасенъ и заставлялъ домашнихъ скрываться по угламъ сосѣднихъ комнатъ и тамъ сидѣть не шевелясь. При этомъ, несмотря на настоящую серьезность, по лицу Чернилова пробѣгала улыбка; въ эти минуты онъ мысленно трунилъ надъ своимъ пріятелемъ, написавшимъ между прочимъ: «объ изложеніи не заботься, мы это все пересоорудимъ»...

«Гм...—думалъ Черниловъ: — изложеніе. Погляди-ка ты, какое у меня изложеніе». Размышляя такимъ образомъ, Черниловъ писалъ и писалъ. И такъ какъ онъ былъ лирикъ, и кромѣ того, такъ какъ радость, что есть возможность писать о провинціи, вытекала исключительно изъ желанія тронуть свои лирическія струны,—то поимка, напримѣръ, вора съ узломъ изображалась перомъ Чернилова въ такой формѣ: привожу одинъ образчикъ.

«...Мракъ замѣтно бѣжалъ на землю, и на небѣ догорали послѣдніе, позабытые закатившимся солнцемъ лучи, окрашивая тонкими пурпурными штрихами края облаковъ, когда будочникъ Иванъ Федосѣевъ встрѣтилъ на заборѣ хищника.

«— Стой, подлецъ!— энергически произнесъ будочникъ, неколеблющейся рукой хватая вора за полу, и вдали, въ сосѣднемъ саду тысячами переливовъ зазвучало эхо:— «Подлецъ!» — говорили деревья, обнимая другъ друга... «Подлецъ!»—прозвучала даль...«Подлецъ!»—замерло далеко, среди чистаго поля, среди травъ и благоуханій... У забора завязалась драка, и скоро прозвучала пощечина... Этотъ новый звукъ словно ракета, невидимо взвивающаяся въ высь и ниспадающая каскадомъ брильянтовыхъ огней, разсыпался по каждому лепестку сосѣдняго сада, выпорхнулъ въ безпредѣльное пространство, гдѣ подхватили его крылатые духи и унесли къ синему морю. Все это какъ нельзя лучше гармонировало съ картиною вечера чуднаго, очаровательнаго, когда небо какъ бы просилось на землю, а земля какъ бы хотѣла на небо. Не потому ли и вора тянуло на заборъ!..»

Написавъ это, авторъ позвалъ жену и дѣтей, желая насладиться ихъ изумленіемъ.

— Идите папашу слушать!—говорила мать, сзывая ребятъ.—Читать будетъ...

Разыгравшіеся на дворѣ ребята съ изумленіемъ стояли около стола во время чтенія папенькинаго сочиненія... Кто-то изъ нихъ нерѣшительно сапнулъ носомъ и былъ награжденъ ужаснѣйшимъ взглядомъ матери, которая искривленными и сжатыми губами словно говорила: «задеру». Другой, перепугавшись и не зная, что̀ тутъ такое, потянулся къ матери и тоскливо произнесъ: «мама-а, боюсь...», вслѣдствіе того былъ значительно заушенъ. Такимъ образомъ чтеніе кончилось при совершенномъ вниманіи.

— Каково?—спросилъ авторъ...

— Хорошо,—сказала жена, не понимая въ чемъ дѣло

Потомъ, спустя минуту, она прибавила:

— Ты смотри, чего дурного не напиши...

— Нѣ!

— То-то... Тогда тебѣ самому въ шею-то накладутъ...

Мужъ улыбался только и запихалъ письмо въ конвертъ. Пріятеля онъ на первый разъ просилъ, вмѣсто высылки денегъ, выхлопотать ему, Чернилову, награду за отличіе...

Черезъ двѣ съ половиной недѣли пріятель писалъ, между прочимъ:

«Совсѣмъ не то; нужны факты. Для того, чтобы были они въ твоихъ письмахъ, нужно искать ихъ, самому наты-

каться на нихъ... Воръ—это самое микроскопическое явленіе будничной жизни, тѣмъ болѣе, что правосудіе, схвативъ его за полу, тотчасъ же прекратило существованіе злостнаго поступка, и благосостояніе общества не нарушено... Вслѣдствіе всего этого совѣтую выбирать явленія крупнѣе, съ участіемъ лицъ осанистыхъ: подсматривай, подслушивай, подглядывай за фактомъ въ щель, наблюдай на улицѣ, въ трактирѣ, въ салонѣ, — ежели это возможно... Излагай по возможности сухо и кратко; въ прошлый разъ, упоминая о синемъ морѣ, ты увлекся и не подумалъ, что подобнаго моря нѣтъ во всей вселенной... Избѣгай этого и въ концѣ, какъ говорилъ я уже, не забудь о пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ...»

Черниловъ пріунылъ. Работа отрицала всякую возможность подхватить говоръ вѣтра, подсматривать, какъ луна цѣловала землю, и проч. и проч. Нужно было натыкаться на факты...

«Какъ я на нихъ буду натыкаться?» — недовольно думалъ Черниловъ.

«Бросить развѣ?» — размышлялъ онъ опять, — но практическая сторона работы тянула къ себѣ, и Черниловъ продолжалъ тосковать, какъ взяться за нее...

Дѣлать нечего, какъ-нибудь надо...

Въ одинъ день онъ собрался наблюдать...

«Въ салонѣ! — соображалъ онъ. — Это что̀ такое... А чортъ его знаетъ, что̀ такое... про это не нужно... «Наблюдай въ трактирѣ»... Это, пожалуй... ничего... Все-таки чай надо выпить, закусить... Съ женой воевать придется... Избави Господи лихова лиходѣя! Не нужно и этого... Сталобыть, только «на улицѣ» да «въ щель»... Гм...»

Напившись вечеромъ чаю, Черниловъ напятилъ шинелишку,—вышелъ на улицу наблюдать...

Слякоть, тьма, съ крышъ каплетъ — дождь только-что шелъ; ни души... Смерть царитъ кругомъ.

Черниловъ послушалъ эту тишину и произнесъ вслухъ:

— Хоть бы что-нибудь, хоть бы караулъ закричалъ кто... А ни-ни...

Еще послушалъ...

— Тьфу!.. чтобъ вамъ...

Кому? Неизвѣстно... и зашагалъ по грязи...

— Пойду... авось наткнусь на что-нибудь.

Черниловъ прошелъ маленькій переулокъ и очутился въ другой улицѣ.

Та же тьма... Только издали, съ самаго конца улицы доносится чей-то голосъ:

— Я те, шкурья порода, бока те поправлю... Жила! Чортова кукла!..

— Самъ съѣшь,—едва внятно доносилось съ другого конца улицы.—Самъ съѣшь!..

И опять смерть!..

— Тутъ хоть что-нибудь... Но все-таки — что же это... Это не годится... Впрочемъ, подожду...

Опять постоялъ, послушалъ: мертвая тишина, — даже страшно.

— Ничего... Пойду дальше...

Третья улица, и третье царство смерти. Гдѣ-то вдали чуть ухнули сани, донеслись едва внятно два-три аккорда гармоники.

— Ну, что же? будетъ ли что-нибудь? — спрашивалъ Черниловъ себя и мертвое царство...

— Ничего не будетъ, — отвѣчалъ кто-то: будто и самъ Черниловъ, будто и само мертвое царство...

— Господи!—вздохнувъ, произнесъ Черниловъ, подобралъ полы шинели и зашагалъ дальше.

Недолго странствовалъ онъ... Черезъ полчаса Черниловъ сердито скидывалъ калоши въ своей маленькой передней и ворчалъ:

— Натыкайся! Вотъ и наткнулся!

Жена, сидѣвшая въ сосѣдней комнатѣ, сочла нужнымъ испугаться и подумала: «Господи? что тамъ такое? не пьянъ ли?..»

— И наткнулся!—сердито произноситъ мужъ, швыряя шапку черезъ всю компату.—Черти!

Жена взглянула на него и обмерла...

— Гдѣ это тебя угораздило?.. Царица Небесная!

Мужъ стоялъ къ женѣ спиной и молча срывалъ съ себя сюртукъ, жилетъ и проч.

— Думалъ, на фактъ, анъ на пьянаго наткнулся... Чтобъ вамъ всѣмъ издохнуть, — говорилъ Черниловъ, сердитыми руками надѣвая халатъ, схватилъ свѣчку и торопливо вышелъ въ сѣни.

«Ну! втюрился!.. — размышляла жена:—истинно, какъ это говорится: сухо, по самое ухо...»

Изъ сѣней мужъ воротился спокойнѣе...

— Ну, въ другой разъ будешь умнѣй, — сказала жена.

— Теперь ты меня озолоти, — такъ я ни-ни-ни Боже мой, на это дѣло не пойду...

Черниловъ говорилъ это безъ особеннаго сердца и развѣшивалъ около печи свое грязное платье.

Дня черезъ два успокоившійся Черниловъ рѣшился въ послѣдній разъ попробовать удачи посредствомъ послѣдняго источника для наблюденій—щели... И задумалъ совершить это тихонько отъ жены... Случай представился отличный: въ гостиницѣ остановился уѣздный чиновникъ, и множество канцелярской мелкоты хлынуло къ нему за поживой... Это ужъ фактъ—настоящій... Черниловъ радъ былъ, что подкараулилъ наконецъ врага; вотъ онъ у двери... Глаза его прищуриваются въ щель и видятъ множество беззаконій...

— Вы, Егоръ Кузьмичъ, намъ ужъ поровну,—а то ему два цѣлковыхъ, а мнѣ всего шесть гривенъ...—говоритъ мелкота пріѣзжей поживѣ.

— Тебѣ-то за что?

— А какъ же-съ?..

— Вотъ тебѣ еще двугривенный...

— Да какъ же это можно?—говоритъ мелкота обиженнымъ тономъ.

— Не пикни!

— Нѣтъ, пикну! Всѣмъ по цѣлковому да по два, а мнѣ восемь гривенъ. Хуже я кого?.. Не пикни.

— Замолчи,—вонъ выгоню...

— Ихъ, батюшки мой! какія пріужасныя ужасти, — издѣвается канцелярская мелкота, чувствуя обиду:—кто бы попробовалъ...

Пожива грозно вскакиваетъ со стула, мелкота стремится къ двери...

«Это фактъ, можно сказать...» — думаетъ Черниловъ и вслѣдъ за тѣмъ кубаремъ стремится съ длинной лѣстницы трактира, страдая подъ напоромъ собственной тяжести...

«... можно сказать, положительнѣйшій фактъ!..» — додумывала голова, очутившись на улицѣ, и болѣе думать на эту и вообще на какую бы то ни было тему не продолжала, потому что это была уже вовсе не та голова, которая размышляла на плечахъ Чернилова за минуту передъ тѣмъ: отъ верхняго края до нижняго, на физіономіи воздвигались рубцы, по числу ступеней лѣстницы, и всю эту ужасную сцену разрушенія освѣщали нѣсколько фонарей, размѣстившихся въ изобиліи на лбу, вискахъ и пр. и пр.

На улицѣ ходилъ народъ, и поэтому Черниловъ тотчасъ же вскочилъ на ноги и устремился куда потемнѣе...

«... И разрази меня громъ... ежели я... хоть единожды...—слышалось жалобно изъ тьмы.—И съ дѣтьми и съ женой лучше по міру буду, нежели... Провались я сквозь землю... Ахъ, ты, Владычица!..»

Черниловъ бормоталъ это, обтираясь наскоро и по возможности приводя себя хоть сколько-нибудь въ порядокъ.

Придя домой, онъ прямо сталъ противъ жены и сказалъ:

— Каково?

Жена взглянула и ахнула...

Мужъ стоялъ, опустивъ руки въ карманы...

Потрясенная жена испуганными глазами смотрѣла на его физіономію, перевязанную крестъ-накрестъ двумя грязными платками, узлы которыхъ выдвигались съ боковъ головы и напоминали рога.

— Господи!—твердила жена, не отрывая глазъ.

— Наблюдалъ!—съ горчайшей ироніей произнесъ мужъ и попрежнему началъ озлобленно раздѣваться, стоя къ женѣ спиной и говоря:

— Истинно дьяволъ попуталъ!.. Бога забылъ! «Подсматривай»!.. Ежели бы ты мнѣ попался,—я бы тебя не такъ подсмотрѣлъ...

Молчаніе... Мужъ вздыхаетъ, укладывая платье... Жена поняла, что теперь ея очередь, и начала:

— Что я ни говорю, сколько я ни твержу, что я ни совѣтую... Никогда, ни въ одномъ словѣ ты мнѣ удовольствія не сдѣлалъ. Ну и казнись...

Молчитъ.

— И носись съ разбитой рожей... Чиновникъ!

Молчитъ и вздыхаетъ...

— И гдѣ это видано, чтобы подъ чужими дверями подслушивать? Что ты, маленькій, что ли? Слава Богу, не первый годокъ... Вотъ Богъ-то и выдалъ... Хотѣлъ потихонечку да чтобы не знали,—анъ вотъ Господь-то сейчасъ и изувѣчилъ...

Мужъ лежалъ на диванѣ лицомъ къ спинкѣ и молчалъ: стало-быть, жена правду говорила, потому что въ обыкновенное время онъ бы не далъ слова сказать...

Жена помолчала и произнесла:

— Ну, ужъ вставай... Покажи рожу-то, можетъ, я ее свѣчнымъ саломъ вымажу...

Мужъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ. Слышались всхлипыванія...

«Неужто плачетъ?—подумала жена, и у нея изъ глазъ хлынули слезы.

— Ну тебя!.. Вставай!—не владѣя собой, произнесла она.

Когда мужъ всталъ и физіономія была развязана, то жена ревмя заревѣла и покатилась на стулъ...

— Боже мой! Боже мой! Боже мой!—изнеможенно твердилъ мужъ, стоя передъ женой и склонивъ усталую голову на плечо.—Убей ты меня, ежели я хоть разъ... хоть подумаю... За писанье за это...

А слезы, вырываясь изъ закрытыхъ рѣсницъ, журчали по взрытой его физіономіи...

Тяжела доля физіономіи провинціальнаго писателя!

А между тѣмъ изъ нашего города все-таки нѣтъ вѣстей. все не подаетъ онъ своего голоса... — Скорбитъ столичная газета, которой только и заботы, какъ бы насажать въ свои столбцы побольше этихъ «изъ» (изъ Кременчуга, изъ Одессы), дабы все это множество «собственныхъ своихъ корреспондентовъ» говорило, что дѣйствительно очень заботятся умные люди объ своемъ отечествѣ, что дѣйствительно и отечество пробуждается и совершенствуется: дѣла нѣтъ, если съ разныхъ, если не со всѣхъ концовъ вѣсти состоятъ только въ томъ, что солдатка такая-то родила семерыхъ, или градомъ хлѣбъ выбило: умные люди сумѣютъ узнать изъ этого, что отечество все впередъ да впередъ. И непремѣнно только это и узнаютъ.

Грустно столичной газетѣ, понукаетъ она черниловскаго пріятеля, и шлетъ этотъ пріятель письмо:

«... Ждали-ждали — хоть бы словечко; приходится заключить, что или ты не можешь съ непривычки исполнить заказную работу, или дѣйствительно у васъ въ жизни степь сирійская или Сахара, что ли... Если такъ, то вотъ совѣтъ: пробѣги письма изъ другихъ городовъ, подумай надъ общей конструкціей ихъ,—узнай предѣлы, рамку и по возможности нѣсколько окрась мѣстными красками, хоть, откровенно говоря, такой методъ изложенія довольно ветхъ. Но это не будетъ особенно зазорно, — ибо всѣ города на Руси, какъ форменные фраки чиновниковъ,—одни и тѣ же. Поэтому-то и странно, что вы не даете о себѣ слуху; положимъ, такъ: въ благоустроенномъ государствѣ—думы, побужденія, стремленія провинцій—одинакія; всѣ или почти всѣ провинціи заявляютъ намъ свои симпатіи; (положимъ)

заявляютъ о своемъ существованіи и пр. и пр.,—вы—нѣтъ!.. Что это? Въ благоустроенномъ государствѣ одни ѣдутъ впередъ, другіе стоятъ, а третьи ѣдутъ назадъ? Нѣтъ. Это неблагоустроенное государство... Неужели наше отечество не благоустроено??!! Видишь, до какихъ результатовъ, до какихъ страшныхъ словъ привело насъ поведеніе вашего города, и на этотъ разъ особенно твое... А поэтому пиши, пиши и пиши... Пиши, не выходя изъ комнаты, пиши по моему совѣту и не забудь въ концѣ все-таки... Понимаешь? Пароходы, молъ...»

«Не выходя изъ комнаты? — подумалъ Черниловъ.— Что-жъ! Это, пожалуй, и ничего... Тутъ, по крайности, рожи не повредишь... Это можно... Это можно...»

Благое намѣреніе Чернилова скоро имѣло не менѣе благія послѣдствія; онъ тщательно высматривалъ планъ другихъ провинціальныхъ корреспонденцій и скоро нашелъ, что сначала нужно нѣсколько фразъ съ *когда*, а потомъ нѣсколько фразъ съ *тогда*... Дѣло не хитрое; тѣмъ болѣе, что дальнѣйшій планъ писаній тысячу разъ начертанъ петербургскимъ пріятелемъ.

Вслѣдствіе всего этого, въ непродолжительномъ времени совершается слѣдующая сцена:

Вечеръ. Черниловъ сидитъ за столомъ, склонившись надъ листомъ бумаги и запустивъ руку въ волосы; онъ думаетъ; три фразы, начинающіяся съ *когда*, уже готовы, нужно еще одну или двѣ, непремѣнно... Что бы это такое? Владычица, помози...

— Васька, уйди! — произноситъ Черниловъ, топая на сынишку, который увивается около стола...

Васька отходитъ, но не уходитъ...

«Такъ что же бы еще-то?.. про расходы? это внизу»,— думаетъ Черниловъ и еще сердитѣе кричитъ на Ваську:

— Уйди, говорю...

Васька испуганными глазами смотритъ на отца и держится за край стола, не идетъ...

Папенькина рука описываетъ въ воздухѣ полукругъ, и раздается затрещина

Васька принимается голосить, а папаша, какъ бы вдохновленный свыше, мокаетъ поспѣшно перо и выводитъ:

«...Когда воспитаніе дѣтей не ограничивается затрещинами и основано на кроткомъ внушеніи, съ присовокупленіемъ сладкаго конфекта...»

«Готово!» — сіяя, думаетъ Черниловъ. Васька между

тѣмъ, понимая всю прелесть сладкаго конфекта, въ дальней комнатѣ деретъ горло, насколько возможно драть его, а на Чернилова снова сходитъ тоска: «что бы еще?»

Корреспондентъ въ задумчивости принимается ходить взадъ и впередъ...

«Нейдетъ!—думаетъ онъ...—Необходимо тово...»

Онъ подходитъ къ окну, становится на колѣни, нагибаетъ бутыль... За ораньемъ Васьки не слышно, какъ булькаютъ глотки одинъ за другимъ...

Черезъ пять минутъ снова колѣнопреклоненіе...

Еще черезъ пять—снова.

Потомъ въ теченіе десяти минутъ—пять колѣнопреклоненій.

Потомъ въ теченіи пяти минутъ—десять колѣнопреклоненій.

Въ результатѣ оказывается, что Черниловъ плохо владѣетъ ногами. Направляясь къ столу, онъ натыкается на стулъ, и въ головѣ его мелькаетъ опять пріятная мысль.

Кое-какъ улаживаетъ онъ въ рукахъ перо и, помогая ему тыкающимся въ бумагу носомъ, выводитъ такую фразу:

«... Когда повсемѣстная трезвость не ищетъ съ фонаремъ своего друга, когда упившагося столь же рѣдко видѣть, сколь рѣдко видѣть... и когда...»

«Стой!.. стой!.. счасъ это я...» — нервно думаетъ Черниловъ, напрягая пьяную голову, чтобъ догнать какую-то, только-что мелькнувшую мысль...

Мысль однако нейдетъ...

Черниловъ быстро вскакиваетъ съ дивана, быстро подходитъ къ бутыли, выпиваетъ; возвращаясь, онъ уже не чувствуетъ никакой бодрости въ ногахъ, натыкается на столъ, опрокидываетъ его со всѣми принадлежностями, валится самъ на всю эту груду, и въ комнатѣ воцаряется тьма...

Черезъ десять минутъ входятъ кучера съ фонарями (одинъ изъ кучеровъ захватилъ ломъ, на всякій случай), жена чиновника командуетъ, кучера и кухарка подхватываютъ съ земли барина и, сказавъ: «ну-ка, Господи благослови!»—несутъ... Потомъ просятъ на водку...

На другой день поутру Черниловъ снова переписалъ свое сочиненіе и, тоскливо думая, какъ его продолжить, говорилъ женѣ:

— Марѳуша! какъ бы разсольцу!.. Доконала меня эта подлая газета!.. — И въ то же время думалъ, нельзя ли

вставить такой фразы: «Когда утро встрѣчаемъ мы не разсоломъ и кислой капустой, а теплой, можно сказать, даже очень горячей мыслію о благѣ отечества...»

Черезъ недѣлю Черниловъ, глубже вникнувшій въ смыслъ и форму провинціальныхъ корреспонденцій, одолѣлъ-таки корреспонденцію и изъ нашего города... Въ письмѣ этомъ было все какъ слѣдуетъ: нѣсколько разъ *когда* и нѣсколько разъ *тогда,* пароходы и желѣзныя дороги, публичныя библіотеки и женскія гимназіи, просвѣщеніе и трезвость... Въ статьѣ были, кромѣ того, всѣ пріемы петербургскихъ фельетонистовъ: мы пошли, мы съѣли, насъ тронули въ високъ и проч.

Все какъ слѣдуетъ...

Однимъ словомъ, скоро и столичная газета и отечество узнали и продолжаютъ знать теперь, что и нашъ городъ— хоть куда.

Вымученная такими усиленными пріемами корреспонденція, очевидно, много говорила неправды, много врала, потому что наша убогая Овчинная улица попрежнему не думаетъ ни о чемъ, кромѣ самой Овчинной улицы, и живетъ она, какъ жила пять-шесть лѣтъ тому назадъ. Теперь я и буду разсказывать, какъ именно она живетъ.

II.

Овчинная улица.—Моллюски.—Начало реформы.

Овчинная улица, обставленная съ боковъ небольшими чиновничьими домиками въ три окна, тянется на нѣсколько кварталовъ; постоянно подымаясь въ гору, она однимъ концомъ упирается въ бѣлую острожную стѣну, съ красными потеками кирпича, размытаго дождемъ,—другимъ выходитъ на хлѣбную площадь... Десятки лѣтъ стоитъ неизмѣнною эта улица, и все, что ни дѣлается на ней, кажется, дѣлалось уже десять лѣтъ тому назадъ; кажется, та же ворона слетаетъ съ забора на вылитыя среди улицы помои, но карканье ея нѣсколько баситѣе и короче; она знаетъ, что многолѣтняя давность утвердила исключительно за ней право на эти помои, и никто соперничать не будетъ. Такъ же, какъ прежде, скрипятъ калитки и ворота, точно такъ же поютъ куры. Все то же, только времена года даютъ Овчинной улицѣ ту или другую физіономію. Дождь, снѣгъ, вѣтеръ—вотъ полные хозяева, по-своему распоряжающіеся

въ Овчинной улицѣ. Зимою только въ такомъ захолустьѣ, не стѣсняясь, можетъ выть и свистать въ трубѣ вѣтеръ, похлестывая въ нее снаружи промерзлымъ снѣгомъ, — потому что только здѣсь найдется народъ, который долгіе зимніе вечера будетъ слушать этотъ свистъ и это вытье, и будетъ объяснять себѣ всякіе переливы ихъ, и продумаетъ надъ ними цѣлыя ночи: «Это ужъ безпремѣнно къ войнѣ... По вѣтру всегда можно узнать... Кому-жъ теперь очередь воевать-то?» Не довольствуясь однимъ обходомъ вокругъ развалившейся и пригодной ко всякаго рода свистамъ трубы,—вѣтеръ въ зимнюю пору наметаетъ снѣгомъ большіе и глубокіе сугробы, стараясь какъ можно тщательнѣе закрыть всякіе входы и выходы. Весною наша улица представляетъ широкую ленту, прорѣзанную множествомъ сверкающихъ на солнцѣ ручьевъ, которые бѣгутъ по оттаивающимъ колеямъ. Это даетъ Овчинной улицѣ другую физіономію... Лѣтомъ, когда хлещетъ дождь, вѣтеръ нагибаетъ и треплетъ старинныя деревья въ садахъ, — улица наша дѣлается еще беззащитнѣе, еще пустыннѣе, и физіономія ея мертва. Такимъ образомъ все, что хоть слегка разнообразитъ физіономію Овчинной улицы, — все нисколько не зависитъ отъ самой этой улицы.

Въ лѣтніе вечера у воротъ сидятъ дѣвушки и поютъ грустныя пѣсни, не зная такой страны, куда бы дѣться отъ будничной неисходной тоски. Въ лѣтнія прохладныя и свѣтлыя ночи гдѣ-то надъ садомъ, не умолкая, гудитъ спокойнымъ басомъ змѣй, а подъ деревомъ, къ которому привязанъ онъ, сладко грезитъ мальчуганъ, которому чудится совсѣмъ другое житье. Я долженъ познакомить читателя съ житьемъ одного семейства въ Овчинной улицѣ для того, чтобы онъ зналъ, какъ живутъ у насъ. На концѣ улицы стоитъ двухъэтажный необыкновенно узкій, какъ будто сдавленный съ боковъ трехоконный домъ; вверху — жильцы, внизу—хозяева. Какъ тѣ, такъ и другіе въ мельчайшихъ подробностяхъ знаютъ, что дѣлается и даже думается въ извѣстную пору внизу или вверху: стоитъ наверху двинуть стуломъ и потомъ заскрипѣть кровати — какъ внизу уже знаютъ, что это Марья Ильинична легла спать, а потомъ и супругъ, и т. д. Семейство хозяевъ состоитъ изъ вдовы, ея сына и его жены. Все это тріо отличается необыкновенною тишиною нравовъ, признавая единственнымъ законодателемъ и рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ исключительно маменьку. Сама маменька съ этимъ тоже

вполнѣ согласна; кромѣ этого, особенную, исключительную черту этой семьи составляетъ постоянное разстройство желудковъ и вообще крайне плохое тѣлосложеніе: какъ будто матеріалу, изъ котораго вылѣплены эти три существа, отпущено было слишкомъ мало, такъ что едва-едва хватило на всѣхъ ихъ; при этомъ на сооруженіе головы пошли самые обрѣзки и обрубки, съ достаточною дозою воды; стоитъ взять чью-нибудь руку изъ этой семьи, чтобы получить ощущеніе мокрой губки. Такого рода тѣлосложеніе заставляло сызмальства ходить, заткнувъ уши ватой, добиваться испарины и опасаться сквознаго вѣтра; а такъ какъ подобнаго рода враги существуютъ не сегодня только, а ежесекундно, то ежесекундно и вниманіе было обращено исключительно на нихъ; побѣда постоянно желалась только надъ ними, и, стало-быть, полное счастіе было при самыхъ незатѣйливыхъ условіяхъ. Сложилась эта примѣрная семья такъ: покойникъ Пискаревъ, занимавшій какую-то, теперь уже несуществующую должность, оставилъ своей вдовѣ домъ, сына по одному году и какую-то крошечную пенсію. Положеніе вдовы было трудное: первое дѣло—ей теперь одной приходилось имѣть зубы, которые бы равнялись въ сложности зубамъ законныхъ супруговъ, потому что у ней попрежнему существовали куры, попрежнему со всѣхъ сторонъ существовали сосѣди и гнилые заборы, черезъ которые куры будутъ летать точно такъ, какъ и при покойникѣ, только отбить ихъ теперь много труднѣе, потому что нужно устраивать свалку втрое обширнѣе; вторая забота—воспитать сына. Объ этомъ нужно было уже думать и не ограничиваться одними зубами. Но Господь помогъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ; къ великому удивленію, куры, хоть и перелетали черезъ заборъ, но были возвращаемы при первыхъ требованіяхъ; одинъ видъ вдовы Пискаревой, съ мужской продолговатой физіономіей, украшенной круглыми мѣдными очками и большимъ чепцомъ, совершенно ее рисовалъ въ глазахъ сосѣдей той разбитой сосѣдкой, которая обладаетъ необыкновенно визгливымъ горломъ, ежеминутною способностью выступать въ походъ съ ухватомъ и пр. Сосѣдки пожалѣли даже покойника, ибо увидали, что всѣ когда-то происходившіе дебаты изъ-за куръ и пр. происхожденіемъ своимъ обязаны исключительно ему, его организму, созрѣвшему и сложившемуся подъ вліяніемъ Овчинной улицы и слѣдовательно неустанно требовавшему этихъ дебатовъ. Стало-быть, это дѣло улажено.

Вторая трудность—вырастить сына—трудность немалая, но зато и плоды ея тоже неисчислимы: сумѣвъ достигнуть того, чтобы не знать ничего, кромѣ этихъ четырехъ стѣнъ, вдова Пискарева достигла впослѣдствіи полнѣйшаго покоя, сдѣлавъ единственнаго человѣка, который вязался съ ея сердцемъ,—прямымъ порожденіемъ этихъ стѣнъ, почитателемъ ихъ, ежеминутно страдавшимъ при всякой попыткѣ сунуть носъ на сторону. Маменька для него все: маменька сказала, что образъ, который виситъ въ передней и на которомъ, вслѣдствіе полнѣйшей тьмы, Сеня ничего не могъ разобрать,—что образъ этотъ греческаго писанія, что такихъ образовъ теперича нигдѣ сыскать невозможно, — и Сеня теперь умереть готовъ, если ему скажутъ иное... Помнитъ онъ, какъ разъ, въ лютую зиму, вошелъ въ переднюю какой-то оборванный, въ лохмотьяхъ человѣкъ и началъ жалобно болтать на какомъ-то, совсѣмъ не нашемъ языкѣ: повръ, повръ, анфанъ, анфанъ и пр. Маменька все говорила на это: «дома никого нѣту»; *нѣмецъ* снова начиналъ канючить, а маменька снова орала ему: — «говорятъ тебѣ, господа въ городъ ушли». Нѣмецъ долго стоялъ молча, ожидая что-нибудь своимъ бѣднымъ дѣтямъ, но, видя передъ собою только изумленную рожу Сенечки и непрошибимое хладнокровіе старухи, углубившейся въ вязанье чулокъ, вздохнулъ и вышелъ вонъ... Маменька тотчасъ устроила нѣкоторый діалогъ съ кухаркой, по тому поводу, что «не договорюсь, сколько ни говорю, запирай двери на крючокъ». Осмотрѣла, все ли цѣло въ передней, не стянулъ ли нѣмецъ салопа, а потомъ уже удовлетворила любопытство Сенечки, приставшаго съ разспросами: «кто это такой?»—«А это,—говорила мать:—нѣмецъ. Я сейчасъ его узнала по языку... Видѣлъ, какой у него языкъ-то красный, какъ огонь, и длинный, какъ змѣя? Невримѣръ православныхъ языковъ длиннѣе!.. Вотъ ты, Сенюшка, и замѣчай,—какъ сжели увидишь у кого языкъ длинный и красный, и знай ты, что это не нашъ крещенъ-человѣкъ, а нѣмецъ, и говоритъ-то онъ не по-нашему, потому что языкомъ-то ему ворочать трудно, — тяжелый (это *ихъ* Богъ наказалъ),—отъ этого ничего у нихъ и не поймешь...» Сенечка слушалъ эту тираду о языкахъ и націяхъ,—и если ему даже теперь сказать, что у его маменьки языкъ будетъ много подлиннѣе французскаго, и что она между тѣмъ отнюдь не француз, и Богъ между тѣмъ ее не наказываетъ,—онъ умретъ, повторяя: «Анъ нѣтъ,

анъ нѣтъ»,—или соберетъ свои отсырѣлыя силы, и тогда вамъ, пожалуй, плохо. Такимъ-то образомъ всѣ познанія шли къ Сенечкѣ изъ рукъ матери, которая говорила ихъ, такъ сказать, смаху и притомъ съ невыразимою быстротою. Въ гимназіи Сенечка не высидѣлъ и двухъ лѣтъ; въ то время было трудное ученье,—науки были невпримѣръ страшнѣе нынѣшнихъ: то и дѣло раскраивались лбы, отрывались уши, выщипывались цѣлыя лысины дѣтскихъ волосъ, и все это во имя науки. Сеня былъ комплекціи слабой, и материнское сердце, крѣпко болѣвшее надъ явственными признаками посѣщенія Сениной головы наукою, рѣшилось прекратить ученіе; одно уже оторванное ухо ясно говорило, что познаній Сенею захвачено на столько, что съ ними легко можно будетъ одолѣть кой-какія чиновническія обязанности. Такимъ образомъ изъ рукъ мамаши Сенечка былъ переданъ на руки канцелярскихъ старожиловъ; одинъ изъ всѣхъ молодыхъ чиновниковъ, онъ не пьетъ водки, ходитъ и въ лѣтнюю пору съ ватой въ ушахъ и не обнаруживаетъ никакихъ весеннихъ стремленій. Жалованіе все идетъ матери, и сыну оставляется сумма, потребная на покупку чижа.

— Семенъ!—сказала разъ ему мать:—ужъ ты сегодня чижика-то не чисть... некогда,—мы съ тобой къ невѣстѣ пойдемъ.

У Семена и руки и ноги задрожали.

— Къ какой, маменька, къ невѣстѣ?

— Къ твоей...

— Маннька, какъ же это?... Я, ей-Богу, боюсь...

Маменька нѣсколько даже усмѣхнулась...

— Охъ, ты, моя дурашка! Что тебя съѣдятъ, что ли? Будешь теперь съ женой жить,—вотъ и сказъ...

— Да ей-Богу, я не знаю...

— Ну, я научу... ужъ это не твое дѣло...

Сынъ успокаивается,—маменька худому не научитъ. Невѣста оказывается тоже какого-то золотушнаго, губчатаго тѣлосложенія,—съ испуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Весь разговоръ жениха и невѣсты до свадьбы вертѣлся на такихъ предметахъ:

— Покорнѣйше благодарю, я больше чаю не хочу-съ,—говорилъ женихъ.

— А еще не хотите?—съ великимъ испугомъ говорила невѣста.

— Никакъ нѣтъ-съ...

Сеня въ это время смотритъ на маменьку, спрашивая глазами: можно ли еще?

— Пей, чего ты?—произноситъ маменька.

— Ну, позвольте полчашечки...

Или:

— Это ваша кошка?

— Наша.

— У насъ тоже есть, Машкой звать...

— И нашу Машкой...

И т. д.

— Ну что—полюбили вы другъ друга?—спрашиваютъ юную чету родители.

— Полюбили...

— Очень?

— Очень-съ...

— Ну, такъ чего-жъ тутъ волочить-то?..

Волочить, дѣйствительно, не изъ чего; за нѣсколько часовъ до свадьбы мать сыну что-то усиленно шепчетъ на ухо...

— Ей-Богу, я ни за что... какъ это можно!

— Да дуракъ!—шопотомъ произноситъ мать и еще убѣдительнѣе начинаетъ работать губами надъ ухомъ сына.

Сынъ какъ будто убѣждался въ справедливости резоновъ, приводимыхъ матерью, и почти не возражалъ, отчего начинавшая успокаиваться маменька была несказанно изумлена, услыхавъ по окончаніи монолога:

— Ни за что на свѣтѣ!..

— Прокляну!—оставалось сказать ей... Сеня мгновенно притихъ, дѣло было слажено, и Сеня началъ жить съ женою.

Черезъ мѣсяцъ мать спрашивала:

— Ну что, теперь веселѣе жизнь?

— Теперь, маменька, чудесно...

— Привыкъ?

— Привыкъ-съ...

— То-то, дуралей!

Сенечка изображаетъ безпредѣльно-счастливую улыбку: ротъ представляется въ видѣ мѣсяца въ періодъ первой четверти; глаза жмурятся, и хныканье слегка переходитъ въ нѣкоторое ржаніе.

Теперь маменька очень счастлива. Она начала ясно понимать, что жизнь ея идетъ совершенно такъ же, какъ и жизнь всякой достойной уваженія женщины: съ мужемъ

жила она—наживала, домъ выстроили, не хуже другихъ стали; вдовѣла — горя многое множество перенесла, но такъ какъ все Богъ, то и тутъ сумѣла выкарабкаться: сына вырастила, воспитала, на службу опредѣлила и теперь женила. Чтобы, стало-быть, закончить свою жизнь, вполнѣ исполнивъ начертанную годами программу, нужно теперь внучатъ, нужно, чтобы она, Пискарева, была бабушка, чтобы она же няньчила внучатъ, и чтобы, стало-быть, все, что только въ эту пору ни дышитъ около нея, все это ея собственность и безъ нея ни дышать, ни думать, ни шагу сдѣлать—отнюдь не можетъ.

Поэтому всѣ мысли и желанія господъ Пискаревыхъ теперь были о дѣтяхъ. Но, къ великому горю,—дѣтей не было. Ждали годъ, ждали два,—нѣтъ. Общая скорбь одолѣла всѣхъ. Ждали еще годъ,—нѣту; совѣты и попытки помочь горю продолжались безъ конца, раздробляясь на множество варіацій: то совѣтовали Сенечкѣ въ банѣ облить жену черезъ плечо, то испить травы, настоенной на громовой стрѣлѣ, то двѣнадцать зорь говорить, обернувшись спиной къ солнцу, какія-то символическія слова. Однако все это не помогало.

Пріискиваютъ средство другого рода.

— Ты, Сеня, слушай три ночи, какъ у Казанской къ утрени въ первый вдарятъ...

— Маннька, я засну...

— Ну, я тебя разбужу...

Бѣдная мать цѣлую ночь дремлетъ у кровати спящихъ супруговъ, и ея заботливую голову до бѣлаго дня не покидаетъ мысль: «а авось хотя это пособитъ...»

Старуха сидитъ и клюетъ носомъ...

Загудѣлъ колоколъ.

— Семенъ! Семенъ! Оглохъ, что ли... Звонятъ...

Семенъ вскакиваетъ съ ополоумѣвшими глазами...

Опять ждутъ годъ—и опять ничего.

Унынiе одолѣваетъ семью, и иногда все тріо заливается горючими слезами...

Какъ бы то ни было, но госпожѣ Пискаревой пришлось убѣдиться, что внучатъ у нея не будетъ, что невѣстка ея бездѣтна... Дѣти, по всей вѣроятности, своимъ появленіемъ внесли бы множество хлопотъ, и, стало-быть, жизнь пошла бы нѣсколько разнообразнѣе. Этого разнообразія, при данныхъ условіяхъ, ждать было положительно невозможно, и приходилось ограничиваться исключительно тѣмъ, что есть

на глазахъ. Что же такое есть на глазахъ?—Куры,—вотъ за ними надо, стало-быть, усиленнѣе ходить,—и, во-вторыхъ, больные желудки... Надо, стало-быть, лѣчиться, плотнѣе затыкать уши, и пр. и пр. Болѣе другихъ жаждали дѣятельности при внучатахъ маменька и жена,—эту же энергію хлопотъ перенесли онѣ и на заботы о здоровьѣ... Сенечка взялъ въ свое распоряженіе область куръ. Его не трогали, пока онъ мирно велъ бесѣды въ курятникѣ съ любимыми или нелюбимыми курами,—защищалъ здѣсь слабыхъ и каралъ сильныхъ,—но лишь только онъ попадалъ къ комнату, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ попадалъ и въ когти нѣжнѣйшей заботливости жены и матери... Вслѣдствіе этой заботливости весьма часто устраивались такія сцены. Стоитъ Сенечка, послѣ обѣда, съ трубкой, у окна и, глядя на сосѣдняго пѣтуха, гордо разгуливающаго по улицѣ, сладко думаетъ: «Погоди, милый человѣкъ,—я тебѣ прыть-то посшибу... пособью... ты думаешь, хохолъ-то твой застрахованъ... эге, братъ!.. шалишь!..» и проч. А въ это время въ углу за его спиной и мать и жена, сообщая что-то другъ другу на ухо, не спускаютъ глазъ съ Сенечки, качаютъ головами и толкуютъ:

— Что это, быдто онъ въ лицѣ осунулся... Правво!

— И глаза мутные...

— Гм...

Мать исчезаетъ въ однѣ двери, жена въ другія. Черезъ полчаса, въ продолженіе которыхъ Сенечка не оборачивалъ назадъ головы, такъ какъ пѣтухъ приковалъ все его вниманіе,—возвращаются жена и мать, съ самоварами въ рукахъ; изъ средней двери, прямо за спиной Сенечки, выступаетъ кухарка, держа обѣими руками распахнутый тулупъ...

— Заходи, заходи, сзади...—шепчутъ мать и жена...

Кухарка на цыпочкахъ приближается къ барчуку.

— Сразу его!—командуетъ мать...

— Наземь, наземь вали, я перину подослала, — командуетъ жена.

— Ахъ, батюшки!—вскрикиваетъ Сенечка, барахтаясь на перинѣ въ тулупѣ, которымъ плотно завернули его могучія руки кухарки. А въ это время изумленные глаза его, пытливо доискивающіеся, въ чемъ дѣло,—встрѣчаютъ два стакана,—одинъ съ шалфеемъ, другой съ мятой, стремящіеся поспѣшно къ его рту...

— Маннька, что-жъ это такое?

— Пе-ей!.. — съ усиленнымъ удареніемъ говоритъ маменька, накачивая сына мятой...

— Ему бы на животъ припарку?—совѣтуетъ дочь.

— Погоди! дай пропотѣть хорошенько... Вторые поты начнутся,—тогда на животъ...

А сынъ, успѣвши войти въ роль больного, судорожными губами схлебываетъ съ блюдечка то шалфей, то мяту...

— Ну, теперь легче?—спрашиваетъ мать...

— Теперь, маннька, легче гораздо...

— Хорошо, что вò-время захватили...

Скоро окно завѣшено ковровымъ платкомъ, чтобы не особенно ярко билъ свѣтъ и не кусали мухи,—потому что Сенечка спитъ!.. Во время сна постоянно то мать, то жена поминутно подкрадываются къ нему, трогаютъ лобъ руками.

— Что? Жаръ?

— Меньше...

— Ну, слава Богу...

Вечеромъ Сеничка просыпается съ какой-то кислой физіономіей и съ легкимъ кашлемъ.

Такимъ образомъ идетъ жизнь семейства Пискаревыхъ, ограниченная съ одной стороны тѣми интересами, которые возбуждаетъ Овчинная улица, съ другой—собственнымъ характеромъ, обстановкой собственной комнаты, собственными желаніями. Утромъ Сеня отправляется въ канцелярію, изобразивъ изъ своего тѣла палку съ крючкомъ, и крайне недоволенъ, что на пути въ городъ безпрестанно попадаются товарищи, бѣгутъ люди, и все это не даетъ покою. И что имъ не сидится?—размышляетъ Сеня. Мать и жена остаются дома: мать вяжетъ чулокъ и размышляетъ на слѣдующія двѣ темы: что ежели бы Сеню богоявленской водой спрыснуть?—авось какъ-нибудь тогда насчетъ внучатъ дѣло сладится; вслѣдъ за этимъ другое желаніе: чего бы къ обѣду наварить подешевле: картошекъ, что ли?.. только бы навалить этимъ дешевымъ мѣсивомъ блюда и тарелки невпроворотъ... Жена собирается дѣлать любимые Сеней левашники. Тихо идутъ будни,—вдругъ подъ окнами, съ говоромъ, шумомъ и дреколіемъ пробѣгаетъ толпа народа, проснулись собаки, проснулись люди и высунули свои испуганныя лица на улицу...

— Милый человѣкъ!—слышатся вопросы отовсюду.—Не знаешь ли, что такое?

Одинъ милый человѣкъ, запыхавшись, бѣжитъ мимо. Точно такъ же другой, третій. Это даетъ обывателю возможность по-

думать, какъ нынѣшній народъ Бога забылъ... Наконецъ выручаетъ какая-то старушка, при всѣхъ стараніяхъ не угнавшаяся за толпой. Старуха сначала нѣсколько минутъ откашливается, надрывая свою разбитую грудь и напрягая на дряблой шеѣ всѣ жилы, и потомъ говоритъ:

— Такое дѣло, милые мои... Я, признаться, хорошо-то и не знаю, только сказывала куфарка сосѣдская, быдто у Кузьминыхъ кучеръ крысу поймалъ... Этакая большущая, каторжная... Онъ за ней—она отъ него... Хотѣлъ ее, вишь, полѣномъ пришибить,—ушла... Вотъ народъ сбѣжался, погналъ... Не знаю, что̀ дальше... Надыть подождать, поспрошать народъ... Охъ... ноги-то мои не ходятъ, а то бы я это всѐ въ подлинности узнала: ка̀къ и что̀...

Старуха, снова начинающая кашлять, садится отдохнуть у воротъ...

— Который тебѣ годъ, бабочка?

— Да поди девяносто лѣтъ, милая... Охъ, что-то они тамъ, съ крысой-то...

Лицо старухи изображаетъ крайнюю заботу. Наконецъ толпа возвращается назадъ. Кучеръ побѣдоносно несетъ убитую крысу за хвостъ. Общее оживленіе, общій говоръ...

— Ахъ! голубчики!—всплеснувъ руками, вскрикиваетъ отъ радости старуха, снимаясь съ своего мѣста.

— Ловко, Петровичъ... Ей-Богу,—какъ мы ее жиганули...

— Я, братцы мои, гляжу,—что̀ такое? Семъ, думаю, попытаю... Топнулъ ногою-то, а она нырь наружу... А! думаю... не уйдешь...

— Эха, эха, эха... вважна!

— Какъ же это ты ее...

— Я ее перво метлой... Пустился за ней въ каретный сарай, она въ бочку, я метлу туда, только, подлая, какъ шаркнетъ... и проч. и проч.

— Православные? Что̀ такое?..—спрашиваетъ новое лицо.

— Крысу у Кузьминыхъ поймали...

— Ну и хорошо!—произноситъ лицо и отходитъ...

Толпа валитъ; разговоры оживлены, нѣкоторые мастеровые складываются на выпивку...

— Надо поставить самоваръ,—говоритъ женщина:—да позвать Марью Митревну,—послѣ веселья-то скука очень тяжела...

А кучеръ, шествуя безъ шапки, продолжаетъ тащить крысу за хвостъ; отовсюду продолжаютъ слышаться вопросы: «да какъ же это ты, братецъ, ее? а?» Кучеръ съ

тщательностью отвѣчаетъ на каждый изъ этихъ вопросовъ, возбудивъ разсказомъ восклицанія: «Ахъ, чтобъ тебѣ!.. Ей-Богу—важно обработалъ!» и проч. и проч.

Сенечка приходитъ изъ канцеляріи и сообщаетъ такого рода новость:

— Маннька, нониче судейскіе въ газетѣ читали, будто изъ Севастополя наши французовъ шесть верстъ по морю на лошадяхъ гнали...

— Такъ ихъ и надо!..

— Только, маннька, какъ же это по водѣ-то?

— Нукшто-жъ такое? Чай, генералы гнали-то...

— Генералы, маннька, это точно, что генералы.

— Ну вотъ, такъ и есть: ты думаешь, генералъ-то станетъ тебѣ глядѣть, что это вода али земля... Затрубилъ въ трубу,— вотъ и весь разговоръ.

— Я и самъ думаю...

— А у насъ нониче крысу поймали,—извѣщаетъ жена.

— Гдѣ? Когда?

— У Кузьминыхъ кучеръ... Она отъ него въ бочку, а онъ ее метлой...

— Погоди!—останавливаетъ мать:—прямо и въ бочку... Пойдетъ она прямо-то: первое дѣло, Кузьма топнулъ на нее,—она вонъ,—онъ за ней...

— Ну?

— Ну, сбѣжался народъ—убили.

— Ахъ, жалость, ей-Богу, съ этой канцеляріей ничего не увидишь!

— Да, мы тебя вспомнили: страсть народу собралось; Дуняхинъ мужъ опился потомъ.

— Сынъ очень горюетъ...

Приходитъ вечеромъ гость попить чайку, поговорить. Разговоры гость ведетъ такіе:

— Эка свѣчи нынче какія подлыя,—оплываютъ...

— Дда! вы четверикъ палите?..

— Четверикъ... Говорю Костромину: что это, говорю, свѣчи вы даете,—ни на что не похоже... У самихъ, говоритъ, такія, народъ избаловался—вся причина...

Молчаніе. Гость, чтобы занять антрактъ, нюхаетъ табакъ, стараясь какъ можно дольше продлить это удовольствіе, и, запихивая табакерку въ задній карманъ сюртука, говоритъ:

— Хотѣли-было нониче клоповъ обварить, да такъ что-то замѣшкались.

— Намъ, маннька, тоже надо.

— Надо!.. Какъ-нибудь свѣтлый денекъ попаду, я ихъ всѣхъ выжгу, и проч.

— А у насъ,—произноситъ молодой Пискаревъ, замѣтивъ, что гость уже два раза сразу зарядилъ свой носъ и все-таки не находитъ темы для разговора:—а у насъ нониче крысу поймали...

— О?—радостно восклицаетъ гость.

— У Кузьминыхъ,—спѣшитъ сказать жена.

— Кучеръ поймалъ,—спѣшитъ сказать мать.

— Говорятъ, публики было—страсть!—торопится прибавить сынъ.

— Какъ же, благородныхъ очень много прибыло... Должно полагать, какіе-нибудь князья,—подтверждаетъ мать, и проч.

Такъ тянутся дни и вечера; иногда, впрочемъ, Сеня достанетъ какую-нибудь книжку и читаетъ ее вслухъ; книжка всегда почти такого рода, что улыбки и смѣха не возбуждаетъ; описываются предметы чувствительные, заставляющіе всѣхъ вздыхать, женщинъ еще разъ убѣждаться, что всѣ мужчины подлецы и вѣроломщики, а мужчинъ, что всѣ женщины тиранки и тоже вѣроломки. Романъ, который читаютъ семейства Пискаревыхъ, всегда носитъ названіе или «Альфонсъ», или «Кровь и месть», или что-либо подобное, и вертится на такихъ сценахъ. Вначалѣ, въ роскошномъ и тѣнистомъ саду, въ лунную ночь, бродитъ черная мрачная тѣнь,—то Альфонсъ: онъ ждетъ ее... Потомъ въ томъ же саду, въ такую же лунную ночь, бродитъ бѣлая тѣнь, удобосильфиду напоминающая,—то Клавдія: она ждетъ его... Далѣе въ томъ же саду, въ нарочито лунную ночь, напоенную страстію ночь, обѣ тѣни какъ бы нераздѣлены,—то онъ и она... Конецъ таковъ: Клавдія ломала руки, а Альфонсъ, почтительно снявъ и держа надъ ухомъ широкополую шляпу, грустно говорилъ:—«Мы увидимся за гробомъ!» И при этомъ отступалъ къ выходу, дѣлая шаги все чаще и чаще. Клавдія простила его и родившагося сына назвала: Альфонсъ...

Живетъ семейство Пискаревыхъ такъ мѣсяцы, годы и десятки лѣтъ. Вотъ интересы Овчинной улицы,—вотъ ея познанія и симпатіи. Должно-быть, не нужно никакой перемѣны въ нихъ, если этой перемѣны, дѣйствительно, не существуетъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ физіономія Овчинной улицы нѣсколько измѣнилась благодаря только купцу Подтерину, который выкрасилъ яркою красною краской крышу на

своемъ домѣ; да въ кухнѣ отставного умирающаго капитана Прялкина устроилась школа. Какъ ни страннымъ покажется то обстоятельство, что и школа служила единственно для измѣненія только физіономіи нашей улицы, но и въ этомъ наша улица обязана постороннему вліянію, а не собственнымъ желаніямъ и волѣ. Объ этомъ событіи не заявлено, впрочемъ, ни на какихъ столбцахъ, потому что совершилось оно втихомолку, вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній *одной* особы. Особа эта, называвшаяся дворовымъ человѣкомъ князей Ердычевыхъ, появилась въ нашей улицѣ въ одинъ жаркій безлюдный полдень и недоумѣвала: у кого бы разузнать, гдѣ живетъ родня ея, работница Дарья. Какъ ни легко казалось достигнуть этого человѣку, не путавшемуся среди милліоннаго населенія столицы, но Дарья была отыскана только къ ночи, при чемъ оказалось, что эта-жъ Дарья во время поисковъ сама отозвалась незнаніемъ, гдѣ такая Дарья, говоря: «Никакой тутъ Дарьи не живетъ!..» Чѣмъ руководствовалась она, давая такой отпоръ, она и сама доселѣ понять не можетъ. Поселившись въ кухнѣ отставного капитана Прялкина, дворовый человѣкъ Егоръ Егоровъ предался большой тоскѣ. Главнѣе всего его убивала невозможность отыскать по своимъ достоинствамъ мѣста; такихъ господъ, какъ разорившіеся князья Ердычевы, нигдѣ нѣту; къ богатому купцу наняться — невозможно, ибо онъ непремѣнно въ число обязанностей камердинера включитъ носку дровъ и тасканіе воды; а къ такому житью Егоръ Егоровъ непривыченъ: ежели на его вѣку и былъ тотъ грѣхъ, что иногда попадало въ зубы и въ ухо, то попадало это не отъ сиволапой руки, а отъ самой первой дворянской ручки, которую поцѣловать ежели желательно, то требуется бросить многія тысячи. «Извольте-ка поспрошать въ Петербургѣ, въ Литейной части, чьихъ дворовыхъ больше тамъ дирали, — хвалился Егоръ: — всякій скажетъ—господъ Ердычевыхъ. Стало-быть, извѣстные господа! Такъ-то-съ. Къ такой жизни привыкши, гдѣ я могу въ этомъ захолустьѣ занятіе найти?.. А Питеръ, слава Богу,—вытеръ бока-то...» Горевалъ такимъ образомъ Егоръ Егоровъ и въ минуту нужды и отчаянія рѣшился даже отправиться къ первому баламуту и богачу изъ N-скихъ купцовъ—Псунову, наниматься; купецъ съ гордостью объявилъ, что купитъ себѣ обезьяну и заставитъ ее всякія службы служить.

Егоръ долго и упорно провѣрялъ свои знанія и послѣ

тщательной разборки ихъ убѣдился, что, кромѣ умѣнья подносить тарелки, захлопывать каретныя дверцы, произносить, вытянувшись вдоль притолки: «Кушть подано» и пр.— онъ знаетъ читать и писать...

— А что ты думаешь, — сообщалъ онъ Дарьѣ: — *примусь-ка* я ребятенковъ вашихъ учить,—ей-Богу!..

— Ну-к-што-жъ!

— Право... по крайности, самъ хозяинъ... Воюй! Никакого ни отъ кого запрету нѣтъ... Пора и нашимъ костямъ отдохнуть...

— И давно бы пора, — говорила Дарья: — какая тутъ учоба!

— Учоба пустая! Я тебѣ, Дарьюшка, по душѣ скажу, что у меня малость деньжонокъ припасено; хучь, признаться, и невелика ихъ сила, ну все же на пять серебра куплю я, моя милая, завтрешняго числа розогъ. Чтобы ужъ начинать какъ слѣдуетъ... По мелочи-то дороже... Возика два— березовыхъ, лозинки всякой...

— Чаво жалѣть... Дѣло дѣлать, ужъ какъ слѣдуетъ...

— Опосля того и начнемъ народъ сгонять.

Такъ была рѣшена реформа.

На другой день, на гору Овчинной улицы съ трудомъ подвигались возы прутьевъ. Егоръ Егоровъ шелъ сбоку и говорилъ встрѣчнымъ:

— Ведите, православные, ребятъ учить... Чѣмъ въ бабки-то имъ играть, лучше грамоту понимать... Ученье, ребятушки, не накладистое, не шуточное.

Родители, при взглядѣ на возы, сами убѣждались, что ученье не шуточное, и вели своихъ ребятъ...

Черезъ мѣсяцъ ученье шло такимъ порядкомъ:

Въ душной и закопченной кухнѣ слышалось какое-то бѣшеное жужжаніе: въ немъ одинаково перемѣшивалось и зубреніе вслухъ катехизиса и клокотаніе разныхъ кушаньевъ въ печи. Около нея возится кухарка. Поодаль отъ учениковъ, помѣщающихся въ переднемъ углу, сидитъ на лавкѣ учитель, подвернувъ подъ себя одну ногу, и, держась руками за конецъ сапога, спокойно и разсудительно ведетъ разговоръ съ Дарьей.

— А какъ ты, Дарьюшка, полагаешь,—ежели, напримѣръ, въ щелоку я лозину распарю, вѣдь тогда, надо-быть, ученье-то пойдетъ ходчѣй...

— Какъ же можно?..

— Ей-Богу... Ты вотъ что: ноне я на досугѣ отберу

тебѣ дюжинки двѣ хорошихъ — какія поровнѣй — хворостинъ-то, такъ ты ужъ ихъ на ночь въ кипятокъ положь...

— Съ чаво-жъ... это можно...

Учитель слегка взглядываетъ на учениковъ, отчего у тѣхъ захватываетъ духъ, физіономіи блѣднѣютъ, когда-то яркіе и умные, хотя во время игры въ бабки, глаза теперь смотрятъ испуганно и неопредѣленно... Языки сильно работаютъ, такъ что всякіе склады и титла слышны на улицѣ... Видно, что наука беретъ свое...

Учитель обращается опять къ Дарьѣ.

— А что, гдѣ вчерашній прутъ-то?..

— Здѣсь я его схоронила...

— Дай-ка его...

Дарья вытаскиваетъ изъ-подъ печи длинную хворостину, — учитель становится посреди кухни и дѣлаетъ нѣсколько взмаховъ по воздуху: прутъ свищетъ съ ужасающей силою.

— Кузька, ты зачѣмъ третеводни Мартемья сыну азбуку разодралъ? а?

Кузька мгновенно живой мертвецъ.

— Выходи-ка!

И вотъ всегда мертвые, безжизненные полдни Овчинной улицы теперь разнообразятся воплями бѣднаго Кузьки и неистовымъ свистомъ прута...

Это, впрочемъ, только начало реформъ...

Трынъ-трава.

(Провинціальные нравы).

I.

Если въ современныхъ нравахъ нѣтъ особенно яркихъ и видныхъ новинокъ, то взамѣнъ этого съ невѣроятною яркостью выступаетъ предъ взоромъ наблюдателя или просто посторонняго человѣка вся, доспѣвшая до послѣднихъ границъ, старина. Конвульсивныя движенія нѣкоторыхъ явленій ея ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть предметомъ посмѣянія, хотя съ перваго взгляда нельзя удержаться отъ улыбки, возбуждаемой карикатурностью явленія. Въ такихъ-то явленіяхъ сосредоточена вся физіономія провинціальной современности, въ которой особенно

ярко выступаютъ три категоріи «доспѣвшихъ» субъектовъ: осерженныхъ и неимѣющихъ возможности сорвать зло, мстящихъ по силѣ возможности и наконецъ самодовольно скучающихъ о прошломъ.

Къ послѣднему порядку принадлежитъ господинъ Налетовъ. Примѣты, по которымъ всякій можетъ узнать его, слѣдующія: довольно добрый взглядъ карихъ глазъ, щеки, испещренныя множествомъ синихъ жилокъ, рыжіе, довольно полные усы съ сѣдиной и съ признаками кое-гдѣ фиксатуара; на головѣ какая-то удивительная фуражка изъ краснаго сукна, сдѣланная такою ради непрестаннаго намятованія о военной службѣ, каковому воспоминанію, кромѣ фуражки, способствуетъ еще порыжѣлое верблюжье пальто военнаго покроя и панталоны съ кантомъ. Все это въ высокой степени прокурено табакомъ, нагаръ котораго выѣлъ передніе зубы и даже, кажется, въѣлся въ его каріе глаза.

Г-нъ Налетовъ нигдѣ не служитъ и вполнѣ свободенъ. Живетъ онъ на дешевомъ захолустномъ подворьѣ, ожидая какого-нибудь забулдыгу-пріятеля, который заплатитъ за него по счету и увезетъ въ свою деревеньку погрустить о старинѣ и вообще отвести душу. Въ качествѣ человѣка свободнаго, Налетовъ не имѣлъ компаньоновъ въ средѣ провинціальнаго чиновничества и поэтому онъ большею частью всегда одинъ. Въ полдень, когда чиновники преломляютъ перья въ канцеляріяхъ, когда жены и дочери не знаютъ, какъ преломить азіатскую скуку, когда купцы, скучая въ лавкахъ, позѣвываютъ на безлюдную улицу, развлекаясь игрою въ шашки,—въ такую-то пору Налетовъ одинъ-одинешенекъ непремѣнно виднѣется гдѣ-нибудь на пустынномъ тротуарѣ. Не выпуская изъ зубовъ сигары, весьма, впрочемъ, неароматной, онъ не торопясь передвигаетъ ноги, отъ-нечего-дѣлать заходитъ въ лавку, разсмѣшитъ какою-нибудь клубничной остротой купца, ловко ударитъ его ладонью по животу, произведетъ всеобщій и продолжительный взрывъ хохота, зачерпнетъ изъ мѣшка горсть орѣховъ и съ прежнею неторопливостью отправится на бульваръ, гдѣ тоже нѣтъ ни единой души, кромѣ арестантовъ съ тачками; здѣсь онъ сядетъ гдѣ-нибудь въ тѣни и просидитъ часа полтора, мурлыча себѣ подъ носъ старинный романсъ и рисуя палкою на пескѣ разные зигзаги. Затѣмъ онъ заглянѐтъ въ бульварный ресторанъ, снисходительно раскланяется съ буфетчикомъ и спроситъ: —«Какъ торговля?». Узнавъ, что «торговля по теперешнему вре-

мени вовсе ничего не стоитъ», удивится этому. А когда буфетчикъ объяснитъ ему, что время «вобче стоитъ тихое»,— Налетовъ вздохнетъ и спроситъ: — «Не абсентъ ли это помѣщается на верхней полкѣ?» Буфетчикъ вполнѣ подтвердитъ это мнѣніе и выкажетъ готовность налить онымъ абсентомъ рюмку, но Налетовъ утомленной рукой остановитъ его, присовокупивъ:—«Раповато, дружокъ...»—вздохнетъ еще разъ, попроситъ спичку и, раскуривъ окурокъ,— удалится тѣми же неторопливыми стопами.

По уходѣ его, буфетчикъ съ сердцемъ ткнетъ бутылку на верхнюю полку и съ злобной ироніей разскажетъ своей женѣ нѣкоторые подвиги изъ жизни только-что приходившаго барина, ибо подвиги эти, извѣстные всему городу и въ особенности буфетчикамъ и половымъ, — достойны нѣкотораго воспоминанія. То вспоминался Налетовъ въ званіи N-скаго директора театра, со сцены котораго онъ самъ же увозилъ, или, вѣрнѣе, уносилъ актрисъ, схвативъ въ охапку, въ тотъ самый моментъ, когда жертва его страсти напѣвала изъ Кетли: «Я твоя, ты мнѣ отрада». То при имени его вспоминается страшный скандалъ, главною сутью котораго былъ высѣченный канцелярист, то невѣроятный кутежъ съ цыганами, и проч. и проч. и проч. Неизвѣстно, имѣлъ ли Налетовъ какое-нибудь состояніе, позволявшее ему жить на широкую ногу. Извѣстно только то, что въ г. N. жила его троюродная престарѣлая тетенька, совавшая свои капиталы въ разные пріюты, выдававшая по десяти цѣлковыхъ бѣднымъ невѣстамъ и вообще очень любившая благодѣтельствовать. Къ этой-то тетушкѣ очень часто являлся Налетовъ съ разными, невѣроятно выгодными предложеніями. Онъ, напримѣръ, предлагалъ ей помѣняться лошадьми, съ тѣмъ, чтобы тетенька вручила ему двѣсти цѣлковыхъ придачи, ибо жеребецъ, предлагаемый Налетовымъ, былъ всегда удивителенъ и невѣроятно дорогъ. Тетушка вручала двѣсти цѣлковыхъ и, разсматривая въ окно купленную лошадь, съ недоумѣніемъ говорила: «Да никакъ это наша «Звѣздочка»?» На это ей съ неменьшимъ изумленіемъ возражали такъ: — «Похожа, спору нѣтъ,—но вы вглядитесь... Гдѣ же? Помилуйте!» Тетушка соглашалась съ этимъ, упоминала о слабости зрѣнія, о скорой кончинѣ и о прочемъ. Послѣ этого кучеръ Иванъ, показывавшій барынѣ ея собственную «Звѣздочку»,—получалъ красную ассигнацію и вмѣстѣ съ Налетовымъ былъ очень доволенъ судьбою. Затѣмъ тетушкѣ было предложено

одно «милліонное» предпріятіе, именно винокуренный заводъ, за устройство котораго брался «самъ» Налетовъ.

На полуслѣпыхъ глазахъ тетушки цѣлый полулистъ мгновенно исписывался цифрами бойкою рукою Налетова, проводилась подъ ними черта, и затѣмъ въ итогѣ писались громадныя суммы, съ присовокупленіемъ фразы:—«Слѣдовательно въ теченіе года вы будете имѣть чистаго барыша двадцать восемь тысячъ триста двадцать два рубля три четверти копейки...»—«Что же? Это очень хорошо...»—говорила тетушка, изумленная громадностью дохода.—«Даже очень и очень хорошо-съ, тетушка!»—отвѣчали ей. Затѣмъ начиналась постройка завода въ одномъ изъ уѣздныхъ поселковъ тетушки, изъ конторы ея выдавались куши денегъ, такъ какъ—ужъ если вести дѣло, то чтобы не какъ-нибудь, а съ толкомъ, не жалѣя, и проч. На мѣсто завода свозились камни и бревна, въ N—скихъ трактирахъ выбивались зеркала и окна, цыгане сходили съ ума отъ веселаго графчика Налетова, — и винокуренный заводъ постепенно выстраивался. Когда на крышѣ его былъ прибитъ послѣдній кусокъ теса, то винокуренный заводъ какимъ-то чудомъ превратился въ театръ со множествомъ комнатъ для актеровъ и гостей, наѣхавшихъ со всѣхъ концовъ. Пиры и празднества продолжались въ новоустроенномъ замкѣ увеселеній до такой степени долго, что тетушка рѣшительно не понимала, отчего до сихъ поръ нѣтъ изъ Англіи необходимаго котла, прибытія котораго такъ долго ожидалъ Налетовъ. Наконецъ, по извѣстіямъ племянника, котелъ былъ привезенъ, и отъ тетушки требовалось только вѣсколько новыхъ, довольно порядочныхъ расходовъ на машиниста. Тетушка не жалѣла денегъ, ибо знала, что «ужъ если дѣлать дѣло, такъ» и проч. Когда заводъ былъ пущенъ въ ходъ, племянникъ принужденъ былъ купить полштофа водки и для образца поднести его тетушкѣ въ качествѣ плода собственныхъ трудовъ. Затѣмъ потребовались еще маленькіе расходы: сто двадцать тысячъ ведеръ, отправленныя въ Москву, неожиданно сгорѣли на постояломъ дворѣ, потомъ случилось новое несчастье—лопнулъ котелъ. Послали опять въ Англію; въ это же самое время изъ табора увели цыганку и устроили невѣроятныхъ размѣровъ фейерверкъ. Такія увеселенія продолжались лѣтъ восемь, ибо всѣ 8 котловъ, высланные изъ Англіи, лопнули. Въ довершеніе несчастія сгорѣлъ и самый заводъ. Такъ въ древнія времена Налетовъ проводилъ время...

II.

Но все это было до такой степени давно, что герой нашъ едва можетъ припомнить. Новыя времена заступили мѣсто широкихъ розмаховъ жизнью. Въ сущности же Налетовъ остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ, съ той разницею, что въ настоящее время ему нѣтъ никакой возможности разойтись какъ слѣдуетъ; старые друзья-пріятели переженились, сдѣлались степенѣе или умерли; новыхъ такого же сорта людей нѣтъ — не якшаться же съ загулявшими гимназистами! Нигдѣ нѣтъ ужъ тѣхъ пышныхъ баловъ, на которыхъ Налетовъ въ былыя времена производилъ фуроръ мазуркой; словомъ, повсюду стоитъ такое затишье, что даже и широкіе нравы Налетова приняли общій въ современной глуши оттѣнокъ негодованія. Тетушку уже нельзя болѣе подманивать на милліонныя затѣи, потому что она обезумѣла окончательно; вмѣсто ломбарда, деньги ея засунуты подъ перину. Въ этой перинѣ, которую тетушка не оставляетъ ни на минуту, по ея приказанію, разведено несмѣтное множество клоповъ и блохъ, которые, не давая ей спать, спасаютъ ея капиталъ отъ похищенія. Просьбы Налетова, адресованныя къ тетушкѣ, передаются ей черезъ протекцію разныхъ вдовъ, сиротъ, благородныхъ капитаншъ и проч., окружающихъ ее, и, послѣ томительныхъ проволочекъ, въ руки Налетова попадается какая-нибудь крайне ничтожная ассигнація. Получивъ такую ничтожность, Налетовъ спѣшитъ какъ бы то ни было насладиться жизнью и поэтому останавливается около каждаго фонарнаго столба, на какомъ только замѣтитъ онъ лоскутокъ афиши. «Мошенники!»—бормочетъ онъ, читая афишу,—и все-таки идетъ въ общественный садъ, гдѣ ходятъ по веревкамъ какіе-то арабы, похожіе на отечественныхъ солдатъ. Въ кассѣ онъ первый беретъ билетъ и не упуститъ случая узнать о количествѣ выручки; узнавъ, что выручка идетъ плохо, скажетъ, встряхнувъ плечами: — «Этто удивительно!» И отправится гулять.

Медленно похаживая по аллеямъ сада, онъ рѣшительно недоумѣваетъ, какъ объяснить себѣ это упорное молчаніе гуляющихъ, которые умѣютъ только двигать ногами, но рѣшительно не владѣютъ языкомъ...

— Скажите, пожалуйста, — обращается онъ къ сосѣду-чиновнику, присѣвъ къ нему на лавку:—вы, вѣроятно, замѣчаете, какое повсюду, какъ бы сказать, равнодушіе?..

— Хе-хе-хе-хе!.. — закатывается чиновникъ какимъ-то мельчайшимъ смѣхомъ.—Оно что-жъ? конечно... хе-хе-хе...то...

— Не правда-ли?

— Хе-хе-хе-хе... — заливается чиновникъ. Налетовъ смотритъ на него, какъ на помѣшаннаго, и идетъ въ сторону.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое!—бормочетъ онъ.

— Ты что̀ же это барину не отвѣчалъ?—спрашиваетъ жена хихикавшаго чиновника.

— Да шутъ его знаетъ, кто онъ такой!

— И то правда...

Не успѣлъ Налетовъ отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія, произведеннаго чиновникомъ, какъ тотчасъ же налетѣлъ на новую сцену: у вокзала собралась толпа публики, ожидая, не будетъ ли показано какихъ-либо фокусовъ безплатно. Когда же изъ вокзала вышелъ какой-то человѣкъ и началъ позванивать въ колокольчикъ, приглашая тѣмъ публику заплатить по четвертаку,—то оная публика, какъ угорѣлая, бросилась въ сторону и потомъ незамѣтно облѣпила весь вокзалъ, по стѣнамъ, гдѣ только были хоть какія-нибудь щели... Это еще болѣе разстроило и растрогало Налетова; онъ плюнулъ съ сердцемъ и поплелся вонъ изъ сада въ одинъ изъ шумныхъ трактировъ г. N., называвшійся «Утюгъ». Въ этомъ трактирѣ когда-то шли отчаянные кутежи съ цыганами,—и «Утюгъ» поэтому былъ очень памятенъ Налетову.

Войдя въ трактиръ, Налетовъ прошелъ въ самую отдаленную комнату, освѣщенную однимъ рожкомъ лампы, такъ какъ посѣтителей въ этой комнатѣ никого не было. Въ полумракѣ, на стульяхъ и на узенькихъ диванахъ, лѣпившихся около стѣнъ, видны были фигуры цыганокъ-старухъ, съ накинутыми на плечи рваными шубейками, и молоденькихъ въ шелковыхъ, но видимо взятыхъ съ чужихъ плечъ платьяхъ. Всѣ онѣ невыносимо скучали, попѣвая что-то отъ скуки. Одна, самая замѣчательная солистка, лежа на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ и закрывъ глаза, ни на минуту не переставала выводить голосомъ заунывные и задушевные мотивы любимой пѣсни. Страсть къ пѣнію у ней была такъ велика, что она ни на минуту не переставала пѣть. Иногда, среди ея полушопота, полупѣнія, вырывались двѣ-три громкія ноты, и потомъ шло то же тихое, но неумолкаемое полушептаніе съ дрожаніемъ въ голосѣ. Маленькіе цыганята бродили въ другой комнатѣ, выпрашивая у гостей, съ кокетливыми минами въ лицѣ,

папиросу, на ленту, на колечко, и если имъ что-нибудь попадалось, они тотчасъ же несли это своимъ отцамъ и братьямъ, молчаливо сидѣвшимъ за чаемъ и поджидавшимъ какого-нибудь щедраго гостя... Большею частью цыганскія дѣти не получали отъ господъ посѣтителей ничего. Матери снова посылали ихъ, и такимъ образомъ по всему «Утюгу» раздавалось клянченье выпрашивающихъ дѣвочекъ и отрицательные отвѣты посѣтителей. Нѣкоторыя изъ пѣвицъ дремали, другія очень озабоченно толковали о семейныхъ дѣлахъ, третьи наконецъ молча расхаживали по заламъ, а солистка все пѣла, все замирала.

Съ приходомъ Налетова зажгли еще два рожка у лампы, въ комнату начали заглядывать посѣтители. Но всѣ они жестоко терзали Налетова; большею частью это были или мелкіе торговцы, или мелкіе чиновники, всѣ они требовали не болѣе полпорціи и выказывали при этомъ желаніе, что не худо бы, если-бъ это было только возможно, и четверть порціи получить бы... Изъ-за какой-нибудь копейки тащили они на расплату хозяина и поднимали буйство.

— Угостите чаемъ,—жалостно говорила цыганка одному посѣтителю.

— И, матушка... какіе теперь чаи!..

— Ну, пожалуйста!

— Нѣтъ, любезная... Это ты, милая, вонъ къ барину поди попроси... А мы... У насъ этого нѣтъ; не охотники.

— У, безсовѣстные!—сконфузившись и улыбаясь, говорила цыганка и шла къ барину, робкому чиновнику, приткнувшемуся въ углу.

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ чиновникъ издали.—Нѣтъ, пожалуйста...

— Ну, хорошенькій! Ну, хочешь, секретъ скажу...

— Нѣтъ, ради Христа!—пищалъ чиновникъ: — что это такое, пристали... Я закричу... что это такое!

— Зачѣмъ закричу?.. Мы просимъ.

— Ей-Богу... я... Половой! Половой!

Цыганка убѣжала отъ чиновника, до смерти перепугавшагося двугривеннаго, который, подъ видомъ чая, просили у него. Налетовъ злился и въ негодованіи качалъ ногой. Началась снова скука, дремота, клянченье цыганятъ и требованіе полпорцій. Наконецъ въ залу ввалилась какая-то чуть живая фигура чиновника, растерзаннаго и мокраго, съ прилипшими къ угрястымъ щекамъ волосами. Посѣтитель упалъ на диванъ, запустилъ руку въ жилетный

карманъ, свѣсилъ голову на грудь и потомъ захлопалъ въ ладоши.

— Эй! Кто тамъ... Позвать Ѳедьку.

Явился Ѳедька, начальникъ хора, въ франтовскомъ пиджакѣ, съ гитарой въ рукѣ.

— Что̀ сто̀итъ пѣсня?

— Да въ прежнее время по красненькой давали... ну, а теперь...

— Говворри же, чортъ тебя побери.

— Три рублика-съ.

Чиновникъ вдругъ вытянулъ впередъ голову, еще длиннѣе вытянулъ губы и издалъ пронзительный, разочаровывающій свистъ, и затѣмъ понеслись какіе-то удивительные звуки въ родѣ: «Хо-хо-хо-оо!.. Три цѣлков... Хе-е-е...» и т. д. Весь хоръ, только-что оживившійся, пришелъ въ уныніе. Франтъ-цыганъ, съ сердцемъ вышедшій изъ комнаты, вступилъ въ разговоръ и совѣщаніе со своими товарищами.

Чиновникъ снова свѣсилъ полусонную голову и снова неожиданно гаркнулъ:

— Цѣлковый!

Черезъ нѣсколько минутъ франтоватый цыганъ съ гитарой вошелъ въ комнату и сказалъ чиновнику:

— Ну, такъ и быть, извольте-съ.

— Что̀ такое?—изумленно спросилъ чиновникъ вялымъ языкомъ.

— За рубль-съ, одну пѣсню...

— Одну пѣсню за рубль! Хо-о-о! О-о-о! Эхе-хе...

И чиновникъ снова засвисталъ, загорланилъ...

— Полтинникъ хочешь? — кричалъ онъ удалившемуся цыгану.

Изъ другой комнаты отвѣта не было.

— Ну, чортъ съ тобой!—заключилъ чиновникъ, опуская голову...

Налетовъ сидѣлъ въ углу и бѣлѣлъ отъ злости.

— Н-ну, извольте! — отчаянно заговорилъ франтъ-цыганъ.—Такъ и быть.

— Что̀ такое?—еще разъ изумился чиновникъ.

— За полтинникъ-съ...

— А-а... Н-ну, это...

Чиновникъ началъ рыться въ карманѣ, вытащилъ на столъ мѣдные пятаки, принялся считать, и потомъ вдругъ прихлопнулъ деньги рукою, поднялъ голову и сказалъ:

— Нѣтъ,—три пѣсни дамъ полтинникъ!

— Помилуйте!

Цыганъ окинулъ его презрительнымъ взлядомъ.

— А? хочешь,—три?

Ему не отвѣчали. Цыганъ направился къ двери...

— Н-ну, ну! Стой... На!—остановилъ его чиновникъ.— Постой, дуракъ!

Началось снова считаніе мѣдныхъ денегъ. Цыганъ нѣсколько разъ протягивалъ къ нимъ руки, но чиновникъ останавливалъ его, говоря:—«Погоди, погоди... Сколько тамъ... Гривенникъ? Двадцать... двадцать три... три... А за четвертакъ одну?»

Цыганъ плюнулъ, хотѣлъ бросить гитару, но въ это время случилось что-то необыкновенное. Въ углу раздался трескъ упавшаго стула, пальто Налетова упало на голову пьянаго чиновника, цыганъ обѣими руками ловилъ десятирублевую бумажку, порхавшую по воздуху, гитара его какимъ-то чудомъ очутилась въ рукахъ Налетова, который уже стоялъ среди во мгновеніе ока собравшагося хора и взмахнулъ гитарой... Сразу исчезли сонъ и тоска, и повсюду, благодаря громадѣ голосовъ, выводившихъ: «М-меня въ гости зва-аали!»—поднялась какая-то буря, какое-то крушеніе деревьевъ, вырываемыхъ силою вѣтра съ корнемъ. Духъ захватывало и морозъ подиралъ по кожѣ отъ этого дикаго, съ горя начавшагося пѣнія... Чиновникъ онѣмѣлъ отъ ужаса и смотрѣлъ на Налетова, орудовавшаго гитарой, разинувъ ротъ.

Черезъ пять минутъ Налетовъ выбѣжалъ изъ «Утюга» и среди непроницаемой темной ночи, задыхаясь, крикнулъ:

— Извозчикъ! Ночникъ!

Спустя нѣсколько времени къ нему, съ понуканіемъ кнута, подъѣхало что-то скрипучее, волочившееся по землѣ словно лубокъ. Чей-то гробовой голосъ присовѣтовалъ Налетову «не вдругъ садиться, а осторожнѣе, потому что тутъ вотъ дыра... тутъ пружина этакая упираетъ... Пуще всего спину берегите... Да, чего Богъ избави, глазъ ушибете... Да спину...» Налетовъ пренебрегъ этими совѣтами и прямо бросился въ таинственный экипажъ.

Ободравъ щеку и спину, голову и глазъ, онъ провалился одною ногою до самой земли и, не обращая вниманія ни на что, крикнулъ:

— Пошелъ, пошелъ, чортъ тебя побери..

Миръ его праху!

Оглавленіе

II ТОМА.

СТР.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Матеріалы къ его біографіи. *Н. А. Рубакина* I

Новыя времена, новыя заботы.

1. Книжка чековъ 3
2. Неплательщики 26
3. Хочешь-не-хочешь 51
4. На старомъ пепелищѣ 91
5. Неизлѣчимый 141
   1) Глухой городокъ . . . . . —
   2) Разсказъ 151
   3) Вечеркомъ въ глухомъ уголкѣ.—Разсказъ. 159
   4) Учительница 172
   5) Болѣзнь 185
6. Не воскресъ 189
7. Голодная смерть 211
8. Три письма 240
9. Больная совѣсть 289

Очерки переходнаго времени.

1. Отцы и дѣти 316
2. Семейныя несчастія 352
3. Остановка въ дорогѣ 358
4. Старый бурмистръ 385
5. Заячья совѣсть 419
6. Расцѣловали 439
7. На Кавказѣ 454
8. Въ Царь-Градѣ 496
9. Непривычное положеніе 529
10. Вѣрный холопъ 571
11. Какъ рукой сняло 581
12. Рѣчныя поѣздки 600
    1) По Шекснѣ 602
    2) По проселочной рѣкѣ 614
    3) Прискорбное недоразумѣніе. 629

Разсказы.

Жиденокъ 643
Сторона наша убогая . . . . . —
   1) Корреспондентъ 667
   2) Овчинная улица.—Моллюски.—Начало реформы . . . 677
Трынъ-трава 691

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

Матеріалы къ его біографіи.

Большого художника съ большимъ, въ два обхвата сердцемъ ожидаетъ полчище народу, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа немощнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и несомнѣнно къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ; сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу; сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ, сколько злыхъ, оскалившихся отъ злости. И надъ всѣмъ тяготѣетъ одна и та же болѣзнь сердца, боль, вторгнувшаяся въ это сердце, правда, убивающая и мучащая однихъ и наполняющая душу другихъ несокрушимою силою. Минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который несомнѣнно долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій.

Гл. Успенскій. („Хочешь-не-хочешь"). Сочин., т. III, стр. 63—64. Изд. 1883 г.

„Успенскій — это литературный схимникъ, добровольно отвергшій всѣ соблазны столь доступныхъ его блестящему таланту беллетристическихъ успѣховъ, чтобы всецѣло отдаться молитвѣ о народномъ счастьѣ".

„Успенскій, какъ писатель, можно прямо сказать, палъ жертвою лихорадочнаго интереса къ вопросу о народномъ благѣ".

С. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Изд. II. СПБ. 1907 г. Стр. 93—95.

I.

Отъ начала сороковыхъ до пятидесятыхъ годовъ.

13 октября 1843 года, въ «богоспасаемомъ» городѣ Тулѣ, на Бариновой улицѣ, случилось маленькое и къ тому же самое обыкновенное событіе: въ семьѣ довольно зажиточнаго чиновника, Ивана Яковлевича Успенскаго, секретаря тульской палаты государственныхъ имуществъ, родился сынъ. Правда, объ этомъ событіи, какъ водится, заговорили и долго его обсуждали всѣ обитатели Бариновой улицы, потому что среди нихъ, да и вообще въ городѣ, семейство Успенскихъ занимало довольно видное положеніе; но, конечно, никто не гадалъ и не думалъ въ то время, какія огромныя послѣдствія будетъ имѣть это «событіе» для русской литературы и для

изученія русской народной жизни, наконецъ, для исторіи русскаго общественнаго сознанія.

Какъ извѣстно, сороковые годы — одна изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ русской исторіи XIX столѣтія, съ «равненіемъ подъ одно», военными поселеніями, «угашеніемъ духа» — въ школѣ, церкви, литературѣ, съ быстро растущимъ безотвѣтственнымъ чиновничествомъ, съ темнымъ и безотвѣтнымъ народомъ. Иванъ Яковлевичъ Успенскій, отецъ писателя Глѣба Ивановича, былъ однимъ изъ представителей типичной николаевской бюрократіи, и къ тому же своеобразно кристаллизовавшейся—провинціальной. Въ лицѣ Ивана Яковлевича Успенскаго николаевскій режимъ имѣлъ вѣрнаго, усерднаго и, по тогдашнему времени, даже довольно образованнаго слугу, дѣйствовавшаго во имя его и его процвѣтанія даже не за страхъ, а за совѣсть. Происходилъ Иванъ Яковлевичъ Успенскій изъ духовнаго званія, такъ какъ его отецъ былъ сельскимъ дьякономъ. Какъ водится, по традиціи, для подготовки къ духовному званію, прямо изъ родной деревни, изъ родной семьи, Иванъ Яковлевичъ попалъ въ духовную семинарію, въ бурсу, въ которой тогда господствовали тѣ самые «нравы», какіе такъ ярко описаны въ «Очеркахъ бурсы» Н. Г. Помяловскаго. Человѣкъ отъ природы довольно способный, Иванъ Яковлевичъ взялъ отъ духовной семинаріи все, что только она могла ему дать. Онъ былъ, по своимъ успѣхамъ въ наукахъ, однимъ изъ первыхъ учениковъ, учился блестяще, усиленно мечталъ о духовной академіи и даже объ архіерейскомъ клобукѣ. Однимъ изъ первыхъ онъ окончилъ и курсъ семинаріи, что, впрочемъ, не помѣшало ему отбросить не только мечты о клобукѣ, но даже и мечты вообще о духовномъ санѣ. По окончаніи курса Иванъ Яковлевичъ поступилъ на государственную службу, вошелъ въ самыя нѣдра тогдашней провинціальной бюрократіи, сдѣлался плотью отъ плоти ея. Случилось это какъ-то само собой и довольно неожиданно. Дѣло въ томъ, что въ это самое время въ томъ же городѣ, гдѣ жили Успенскіе, проживалъ, въ качествѣ довольно важной «чиновной особы», очень интересный и, по-своему, весьма оригинальный человѣкъ — Глѣбъ Ѳомичъ Соколовъ, которому и суждено было сдѣлаться дѣдомъ писателя. Соколовъ занималъ тогда довольно высокую должность управляющаго тульской казенной палатой. У него была жена Людмила Ардаліоновна и нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ дочь Надя. Это была довольно красивая дѣвочка съ черными блестящими глазами, смугловатымъ лицомъ, слегка покрытымъ изящнымъ румянцемъ, и длинными и черными какъ смоль волосами. Глѣбу Ѳомичу Соколову нуженъ былъ толковый и способный учитель для его дѣтей. За рекоменда-

ціей такого учителя Соколовъ обратился къ ректору мѣстной духовной семинаріи, а тотъ и рекомендовалъ ему Ивана Яковлевича Успенскаго, какъ свѣдущаго и способнаго человѣка, который «ужъ, разумѣется, не ударитъ лицомъ въ грязь». И вотъ въ одинъ прекрасный день Иванъ Яковлевичъ уже усердно давалъ уроки въ семьѣ Соколова, самъ того не сознавая, какое вліяніе это будетъ имѣть на всю его послѣдующую судьбу. А послѣдствія этихъ уроковъ обнаружились очень быстро. Глѣбъ Ѳомичъ Соколовъ, человѣкъ очень умный и проницательный, быстро оцѣнилъ и умъ, и работоспособность, и всякіе другіе «таланты» Ивана Яковлевича, и рѣшилъ, что такихъ, какъ онъ, поддержать слѣдуетъ, и прежде всего во имя пользы отечества, такъ какъ въ тѣ глухія и душныя времена образованные, толковые и работящіе чиновники встрѣчались еще рѣже теперешняго. Соколовъ нѣкоторое время внимательно присматривался къ Ивану Яковлевичу, а такъ какъ тотъ давалъ да давалъ уроки его дѣтямъ одинаково усердно и толково, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то въ концѣ концовъ Глѣбъ Ѳомичъ предложилъ Ивану Яковлевичу мѣсто столоначальника у себя въ палатѣ. Быть-можетъ, сдѣлать это побудили его и кой-какія «родительскія соображенія». Дѣло въ томъ, что къ этому времени изъ его дѣвочки Нади уже сдѣлалась прелестная дѣвушка-невѣста, а между нею и Иваномъ Яковлевичемъ, какъ водится, начался романъ. Проницательный Глѣбъ Ѳомичъ ничего не имѣлъ противъ этого романа со способнымъ и работящимъ чиновникомъ и самъ рѣшилъ помочь ему сдѣлать обычную чиновничью карьеру. Романъ Ивана Яковлевича Успенскаго съ Надеждой Глѣбовной Соколовой благополучно окончился счастливымъ бракомъ, а въ результатѣ этого послѣдняго и родился сынъ, котораго, въ честь его дѣдушки Глѣба Ѳомича, тоже нарекли Глѣбомъ.

На характеристикѣ этого «дѣдушки», въ виду того значенія, которое онъ имѣлъ въ жизни всей семьи Успенскаго, и въ виду того вліянія, которое онъ оказывалъ на нее, необходимо нѣсколько остановиться. Глѣбъ Ѳомичъ былъ своего рода глава, своего рода идейный представитель двухъ большихъ чиновныхъ семействъ, соединившихся, породнившихся между собою семейными связями,— Соколовыхъ и Успенскихъ. Онъ давалъ имъ обѣимъ и тонъ и направленіе; онъ же и держалъ ихъ въ своихъ крѣпкихъ рукахъ, и не только въ смыслѣ «твердой» семейной власти, но и въ смыслѣ экономическомъ. Это было естественнымъ слѣдствіемъ его служебнаго положенія, благодаря которому маленькіе чиновники и до сихъ поръ экономически зависятъ отъ крупныхъ. Глѣбъ Ѳомичъ Соколовъ былъ еще болѣе яркимъ представителемъ николаевскаго режима, чѣмъ П. Я. Успенскій. Въ самыя нѣдра семьи

онъ перенесъ тѣ принципы твердой власти, которыхъ держался и николаевскій режимъ. Глѣбъ Ѳомичъ былъ даже фанатичнымъ сторонникомъ этихъ принциповъ, и впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, его же внукъ, писатель Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, далъ ему такого рода характеристику: «Во имя блага, идущаго сверху», Глѣбу Ѳомичу «ничего не стоило погубить родного отца. Интересъ казны, интересъ такихъ отвлеченныхъ представленій, какъ государственное могущество (?), которымъ располагалъ этотъ интересъ, захватили большія природныя силы» Глѣба Ѳомича. «Весь отдавшись безпрекословно служенію своей идеѣ, онъ безстрашно порвалъ всякую связь съ вопросами вообще личной жизни, какъ своей, такъ и съ вопросами личной жизни и убогихъ интересовъ толпы, надъ которою онъ безстрашно и выполнялъ все, что повелѣвали ему сверху. Собственно семья его—жена и дѣти—была какъ бы маленькимъ образчикомъ его отношеній къ (т.-е. не-государственнымъ) интересамъ жизни. Къ ихъ *) не-государственнымъ, простымъ желаніямъ, къ ихъ индивидуальнымъ стремленіямъ онъ относился поистинѣ безъ пощады. Дѣти Глѣба Ѳомича «съ ранняго дѣтства, а жена съ перваго дня замужества должны были отказаться отъ всякаго права на какую-нибудь свободу, на какое-нибудь даже самое ограниченное, но самостоятельное желаніе. Въ исполненіи его обязанностей (считавшихся имъ священными, хотя, большею частью, эти обязанности не заключали въ себѣ ничего, кромѣ жестокости и безчеловѣчія) никто не долженъ былъ мѣшать ни крикомъ, ни стукомъ, ни привязанностью къ чему бы то ни было и къ кому бы то ни было, ни характерною чертою (своего) нрава,—словомъ, ни какимъ бы то ни было, даже самымъ малѣйшимъ проявленіемъ самостоятельности». У Глѣба Ѳомича было семь человѣкъ дѣтей: Владиміръ, Михаилъ, Дмитрій и четыре дочери. Жена его Людмила Ардаліоновна (рожденная Томская) была женщина «чрезвычайно кроткая, терпѣливая и глубоко-сердечная»,—словомъ, такой матеріалъ, надъ которымъ не особенно трудно изощряться семейному деспотизму. Гораздо больше сопротивленія представили въ этомъ отношеніи сыновья Глѣба Ѳомича, который въ концѣ концовъ и довелъ нѣкоторыхъ изъ нихъ до роковой развязки съ жизнью. Въ семьѣ Глѣба Ѳомича, въ сущности, шла, не переставая, глубокая семейная драма: борьба твердой, деспотической власти отца съ индивидуальностью всѣхъ другихъ членовъ семьи и борьба этихъ послѣднихъ (впрочемъ, довольно слабая, не напряженная) за свою индивидуальность. Въ отличіе отъ такой же борьбы въ «темномъ царствѣ», нарисованной рукою

*) Т.-е. жены и дѣтей.

А. Н. Островскаго, въ семьѣ Соколовыхъ (а затѣмъ и Успенскихъ) она отличалась тѣмъ, что послѣдняя семья принадлежала къ числу провинціальныхъ семей, довольно образованныхъ для своего времени, и была богата даровитыми, талантливыми людьми; а такимъ-то людямъ и приходится особенно тяжело страдать, испытывая постоянный и для нихъ непреоборимый гнетъ надъ ихъ индивидуальностью. Дѣло въ томъ, что и самъ Глѣбъ Ѳомичъ былъ человѣкомъ образованнымъ. Онъ, какъ и Успенскіе, происходилъ изъ духовнаго званія,—его отецъ былъ священникомъ села Митково (Твер. губ.). Окончивъ блестяще курсъ въ тверской духовной семинаріи, Глѣбъ Ѳомичъ былъ оставленъ при ней въ качествѣ преподавателя греческаго и латинскаго языковъ, которыми онъ, по отзывамъ Филарета (будущаго митрополита московскаго), владѣлъ въ совершенствѣ. Впрочемъ, ученая карьера ему не улыбалась, и онъ разстался съ духовнымъ званіемъ, всецѣло посвятивъ себя государственной службѣ, въ цѣляхъ которой, при помощи книгъ, знакомства со свѣдущими людьми и наблюденія надъ жизнью, онъ сумѣлъ запастись очень обширными и разносторонними знаніями, настолько къ тому же основательными, что впослѣдствіи съ нимъ переписывался не только его тульскій землякъ Левъ Толстой, но и кой-какія столичныя свѣтила. Относясь строго къ своему собственному образованію, Глѣбъ Ѳомичъ не могъ не дать его и своимъ дѣтямъ. Но, понимая самое назначеніе человѣка, какъ уже было сказано, чрезвычайно узко и во вкусѣ понятій николаевскаго режима, Глѣбъ Ѳомичъ весь свой вѣкъ, давая дѣтямъ образованіе, никогда и не думалъ принимать въ расчетъ индивидуальность дѣтей, ихъ склонности и таланты. Главная его задача состояла въ томъ, чтобы сдѣлать изъ всѣхъ своихъ дѣтей такихъ же ретивыхъ, прямолинейныхъ и односторонне-узкихъ, хотя по-своему и идейныхъ чиновниковъ, какъ и онъ самъ. Старшій сынъ его Владиміръ имѣлъ прекрасныя способности къ живописи, которой онъ выучился самоучкой; несмотря на это одна изъ его картинъ, написанная масляными красками, фигурировала даже на какой-то провинціальной художественной выставкѣ. Второй сынъ Глѣба Ѳомича, Михаилъ Глѣбовичъ, тоже отличался талантомъ, и опять-таки художественнымъ: онъ былъ замѣчательный самоучка-музыкантъ. О его способностяхъ къ музыкѣ можно судить, напримѣръ, по тому, что, не видавши на своемъ вѣку ни одной оперы и не слыхавши даже порядочнаго оркестра, Михаилъ Глѣбовичъ все-таки сумѣлъ написать порядочную увертюру къ задуманной имъ оперѣ; эта увертюра была играна публично подъ его дирижерствомъ въ Тулѣ и имѣла большой успѣхъ. Извѣстный К. Н. Лядовъ, ознакомившись съ нею, призналъ въ ея авторѣ несомнѣнный талантъ. Третій сынъ Глѣба

Ѳомича, Дмитрій, тоже былъ музыкантомъ (віолончелистомъ) и учился въ спб. консерваторіи у проф. К. Давыдова; кромѣ того, онъ былъ не чуждъ и литературѣ, и его разсказы находили радушный пріемъ въ такихъ періодическихъ изданіяхъ того времени, какъ, напр.: «Дѣло», «Будильникъ» (60-хъ годовъ) и даже «Современникъ» (1865 г.). «Пописывали» и другіе братья. Какъ же относился къ ихъ талантамъ Глѣбъ Ѳомичъ? Онъ ломалъ и калѣчилъ ихъ нещадно. Поставивъ цѣлью своей жизни сдѣлать изъ своихъ дѣтей хорошихъ слугъ государства, онъ разсматривалъ ихъ индивидуальность, какъ помѣху своимъ цѣлямъ. «Коли у ребенка проявилось стремленіе къ живописи, музыкѣ, — это чепуха, вздоръ, который надо вырвать съ корнемъ теперь же,—такъ разсказываетъ о своемъ дѣдѣ, Глѣбѣ Ѳомичѣ, самъ писатель, его родной внукъ. — Ребенокъ (по мнѣнію Глѣба Ѳомича) долженъ вырасти чиновникомъ, такимъ же безпримѣрнымъ и безотвѣтнымъ, какъ и отецъ,—въ этомъ высшая цѣль жизни,—въ этомъ (по его мнѣнію) вся заслуга человѣка и передъ Богомъ и предъ родиной. Дочь хочетъ выйти замужъ за человѣка, который ей понравился,—но коли этотъ человѣкъ не служитъ,—и браку этому не бывать: ее самъ отецъ выдастъ за того, кого онъ (отецъ) полюбитъ за исполнительность и за какія-нибудь другія выгодныя для казеннаго интереса качества». «Желѣзною волею такого человѣка, какъ Глѣбъ Ѳомичъ, была раздавлена въ самомъ корнѣ всякая живая самостоятельность, вся жизнь сердца, ума, во имя чего-то неизмѣримо далеко отстоящаго отъ скромныхъ требованій и желаній живого человѣка. Личность была до того подавлена въ этой семьѣ, что даже въ поколѣніи *внуковъ* была замѣтна какъ бы боязнь чего-либо мало-мальски самостоятельнаго» *). Такъ пишетъ о Глѣбѣ Ѳомичѣ его родной внукъ, очевидно, въ подтвержденіе того отрицательнаго вліянія, какое оказалъ на него вмѣстѣ съ прочей семьей деспотизмъ дѣда. Кряхтѣлъ, вынося на себѣ его, и Иванъ Яковлевичъ Успенскій, сдѣлавшись членомъ семьи Соколовыхъ: онъ былъ непомѣрно счастливъ, когда его, по дѣламъ службы, перевели изъ Тулы въ Черниговъ. Но особенно тяжело пришлось отъ дѣдовскаго деспотизма Михаилу Глѣбовичу Соколову, музыканту: его чуткая душа не вынесла ломки, и Михаилъ Глѣбовичъ захирѣлъ и погибъ. Онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ. Описаніе его жалкой судьбы и трогательной смерти читатели найдутъ въ «Разорень», гдѣ Михаилъ Глѣбовичъ фигурируетъ подъ именемъ Вани Птицына. Жизнь другихъ сыновей и дочерей Глѣба Ѳомича тоже была испорчена навсегда, ихъ индивидуальности обезличены,

*) Г. И. Успенскій. «На старомъ пепелищѣ».

ихъ таланты изломаны, исковерканы. И въ маленькомъ видѣ Глѣбъ Ѳомичъ добился въ своей семьѣ того же самаго, чего добился Николай I въ большомъ видѣ по отношенію къ огромному государству. Всѣ, кто не сумѣлъ тяжелою и упорною борьбою отстоять своей индивидуальности, жестоко поплатились за свое неумѣнье или недостатокъ энергіи. Природа, противъ которой шелъ тотъ, кто не боялся и не стѣснялся производить такого рода безсмысленную ломку надъ живыми людьми, въ концѣ концовъ наказала жестоко и его самого: онъ увидѣлъ подъ конецъ своей жизни, что, стремясь, по его мнѣнію, какъ будто бы и къ добру, онъ кромѣ зла въ сущности не дѣлалъ ничего. И это сознаніе, купленное такою страшной цѣною, было до такой степени невыносимо, что бѣдный Глѣбъ Ѳомичъ, искренно стремившійся весь свой вѣкъ насаждать свое собственное добро своею деспотической властью, не вынесъ такого сознанія—и *умеръ отъ этого*. Такъ свидѣтельствуетъ его родной внукъ—тотъ самый внукъ, который, какъ мы увидимъ дальше, сумѣлъ такъ или иначе отстоять свою индивидуальность и спасти ее отъ безсмысленной гибели. Но отстоять ее удалось изъ всей семьи *только ему одному*.

Такова была, если можно такъ выразиться, семейно-правовая обстановка жизни Соколовыхъ и Успенскихъ. Всякій мало-мальски живой и отзывчивый человѣкъ не могъ не задыхаться въ ней и не рваться изъ нея на просторъ и на свободу, отрицая всею силою своей души самые корни, самыя основы, на которыхъ она держалась. Противорѣчіе живой, мыслящей человѣческой личности и такого рода среды было въ сущности непримиримо. То же самое можно сказать и объ экономической подкладкѣ, на которой держался такого рода семейный строй.

Какъ уже было упомянуто, семейство Успенскихъ было не изъ бѣдныхъ. То же самое можно сказать и о семьѣ Соколовыхъ. Обѣимъ семьямъ жилось даже очень недурно. Жалованье, которое получалъ Глѣбъ Ѳомичъ Соколовъ на службѣ, было вполнѣ достаточно для такого проживанія всей его семьи. По общимъ отзывамъ всѣхъ знавшихъ его людей, Глѣбъ Ѳомичъ былъ человѣкъ безусловной честности, и его взгляды на казенное добро не имѣли ничего общаго съ взглядами на это огромнаго большинства чиновничества. Онъ ревностно охранялъ интересы казны, а въ своей жизни довольствовался лишь своимъ жалованьемъ, которое, при тогдашней дешевизнѣ жизни, было довольно приличнымъ. Но не всѣ чиновники имѣли возможность (да и желаніе) вести себя по отношенію къ такъ-называемымъ «безгрѣшнымъ доходамъ» подобно тому, какъ держалъ себя Глѣбъ Ѳомичъ. Казеннаго жалованья имъ не хватало, а потребности ихъ собственныя и семьи были болѣе или менѣе ве-

лики. Приходилось покрывать дефициты въ своихъ бюджетахъ разными способами, иной разъ и не прислушиваясь къ голосу своей совѣсти, если она еще не заглохла въ данномъ отношеніи. Повидимому, на такомъ именно фундаментѣ держалось, въ значительной степени, и матеріальное благополучіе Ивана Яковлевича Успенскаго. По крайней мѣрѣ родной братъ его жены, Дмитрій Глѣбовичъ Соколовъ, разсказываетъ о немъ слѣдующее: «Иванъ Яковлевичъ поступилъ на государственную службу еще въ то время, когда не было ни одной должности, ни одного мѣста въ казенныхъ учрежденіяхъ (частныхъ тогда совсѣмъ не было), *которыя не были бы связаны съ доброхотными даяніями*». Когда Иванъ Яковлевичъ поступилъ на казенную службу, ему «предстояло одно изъ двухъ: или *плыть по теченію*, или бросить службу. Но послѣднее было уже невозможно: корабли сожжены, а покинутый берегъ далеко» *). И Иванъ Яковлевичъ въ концѣ концовъ поплылъ по теченію, «утверждая» свое благополучіе на тѣхъ же экономическихъ основахъ, какъ и другіе чиновники, вступая въ нѣкоторую, довольно интимную близость съ посѣтителями, имѣвшими нужду въ томъ казенномъ учрежденіи, гдѣ онъ служилъ. Будучи секретаремъ этого учрежденія (палаты госуд. имуществъ), Иванъ Яковлевичъ постоянно сталкивался съ крестьянствомъ. Ежедневно, съ утра до конца занятій, въ палатѣ толпились «мужички», пришедшіе иной разъ изъ очень далекихъ мѣстъ, съ разными заявленіями и просьбами. Они ходили и на домъ къ секретарю, толпились и во дворѣ его дома, набивались иногда и въ сѣни къ нему и въ прихожую, иной разъ плакали, стенали, валялись на колѣняхъ, «добиваясь правды» или, по крайней мѣрѣ, хоть какого-нибудь удовлетворенія самыхъ неотложныхъ своихъ нуждъ. Иные сами совали пятаки, гривенники, рубли, и, «плывя по теченію» и имѣя на своей шеѣ большую семью и многочисленную родню, Иванъ Яковлевичъ, по словамъ Д. Г. Соколова, не всегда отъ нихъ отказывался, даже будучи во многихъ отношеніяхъ лучше другихъ тогдашнихъ чиновниковъ. Особенно силенъ былъ такого рода «напоръ снизу», изъ глубины народныхъ массъ, въ тѣ моменты, когда просители хлопотали «насчетъ рекрутчины». Съ другой стороны, цѣлыя толпы родственниковъ напирали тоже, а въ результатѣ выходило то, что Ивану Яковлевичу не приходилось и думать о высокихъ принципахъ своей молодости. О нихъ сталъ думать, и къ тому же очень рано, его сынъ Глѣбъ Ивановичъ, впитывая такимъ образомъ самое глубокое, органическое отвращеніе и къ правовымъ и къ экономическимъ устоямъ той жизни, въ которой ему пришлось проводить свое дѣтство. Онъ рано вдумался

*) Д. Васинъ (Д. Соколовъ). «Рус. Бог.», 1894 г., № 4.

въ эту окружавшую его жизнь—жизнь въ нѣдрахъ заскорузлой бюрократіи, въ той чиновничьей средѣ, которую онъ впослѣдствіи охарактеризовалъ мѣткими названіями *«чиновничьяго полипа»* и «лихоимнаго гнѣзда» и которая строила свое благополучіе на безправіи и нищетѣ темнаго и запуганнаго народа. И подобно тому, какъ воспоминанія дѣтства были полны, съ одной стороны, картинами гнета и насилія, видѣнными, пережитыми внутри семьи, такъ, съ другой стороны, эти воспоминанія были отравлены сознаніемъ вопіющихъ экономическихъ противорѣчій въ укладѣ жизни «не трудящагося» и трудящагося классовъ. На такомъ двойномъ фундаментѣ создавалась обстановка, дѣйствительно убійственная для мало-мальски живой и отзывчивой человѣческой личности... Она не только находилась въ тискахъ гнета и лихоимства,—она кромѣ того была со всѣхъ сторонъ обвѣяна фальшью, всѣмъ ясной и всѣмъ видимой, и ложью, всѣмъ даже черезчуръ понятной. Глѣбъ Ивановичъ Успенскій характеризуетъ свое родное гнѣздо, имъ описанную «растеряевщину», слѣдующими выразительными словами:

«Всѣ наши родственныя фамиліи съ давнихъ поръ составляли одно *лихоимное гнѣздо,* какихъ вездѣ много и какія дорого обходились народу. Полученныя ни за что ни про что чужія деньги устроили въ средѣ этого гнѣзда самые идиллическіе нравы». Въ разговорахъ «не было и помину о грабежахъ, — толковали объ отвлеченныхъ предметахъ, о душѣ, о царствіи небесномъ, ходили къ обѣднѣ, пили, спали, цѣловали другъ у друга ручки, дѣлились добычей поровну, пьянствовали, родили, крестили и среди этой нечловѣческой атмосферы ростили дѣтей» *). Разумѣется, дѣти занимали въ такой обстановкѣ одно изъ центральныхъ, а иногда и самое центральное мѣсто: самый фактъ ихъ существованія уже служилъ обыкновенно хоть нѣкоторымъ оправданіемъ цѣлаго ряда компромиссовъ, на которые шли во имя ихъ покладистые родители. Повидимому, такую роль игралъ въ раннемъ своемъ дѣтствѣ и маленькій новорожденный Глѣбъ, будущій писатель, попавшій съ самаго своего рожденія въ такую душную и лживую обстановку. Посмотримъ теперь, какой именно слѣдъ оставила она на всю жизнь въ душѣ Глѣба Ивановича.

Здѣсь мы дошли до центральнаго пункта біографіи знаменитаго русскаго писателя. Какъ читатель знаетъ изъ статьи Н. К. Михайловскаго, приложенной къ I тому этого «Собранія сочиненій», основною особенностью Успенскаго является то, что онъ самъ называетъ «болѣзнью совѣсти», которая и ведетъ за собой, какъ естественный и необходимый результатъ, страстную жажду духов-

*) «Разоренье». Гл. III.

ной гармоніи, душевнаго равновѣсія. Гдѣ же источникъ этой болѣзни и этого стремленія? Отвѣты на эти вопросы даетъ біографія Глѣба Успенскаго, и именно исторія его ранняго дѣтства, протекавшаго въ той тяжелой и, по самому существу своему, глубокобезсмысленной обстановкѣ, на характеристикѣ которой мы, по этому самому, должны были нѣсколько остановиться. Значеніе этой обстановки въ жизни Глѣба Ивановича было особенно велико и особенно удручающе. Быть-можетъ, на какого-нибудь другого человѣка, съ иной нервной организаціей, она и не произвела бы такого впечатлѣнія и не оказала бы такого удручающаго вліянія, и не потребовала бы отъ него такой затраты нервныхъ силъ на борьбу съ собою. Но въ томъ-то и дѣло, что природа надѣлила маленькаго Глѣба отъ самаго его рожденія такими свойствами души и характера, какія очень рѣдко встрѣчаются среди людей. Она дала ему тонкій и глубокій, совершенно незаурядный умъ, поразительную впечатлительность и необыкновенную чуткость и отзывчивость. Обыкновенно всѣ эти качества встрѣчаются у людей, будучи отдѣлены одно отъ другого, и умные люди далеко не всегда бываютъ впечатлительными и отзывчивыми людьми. Въ душѣ Глѣба всѣ эти свойства были тѣснѣйшимъ образомъ соединены, словно спаяны между собою; казалось, не было и даже не могло и быть какой-либо такой идеи, которая не была бы окружена цѣлой атмосферой чувствъ, эмоцій, всякаго рода душевныхъ переживаній, которыя отъ малѣйшаго впечатлѣнія, пришедшаго изъ внѣшняго міра, быстро распространялись, такъ сказать, по всѣмъ направленіямъ, захватывая душу до самой ея глубины. Въ душѣ Глѣба Ивановича Успенскаго, отъ самаго его рожденія и до его преждевременной и трагической гибели, мысль была всегда неотдѣлима отъ чувства, а чувство отъ мысли, а душа, вся цѣликомъ, жила глубокой и напряженной жизнью, волнуясь, трепеща и страдая, и реагируя на внѣшнія впечатлѣнія съ такою силою, какая встрѣчается лишь у исключительно одаренныхъ натуръ. Но Глѣбъ Ивановичъ и былъ такою именно натурой. И со стороны отца и со стороны матери ему досталось хорошее наслѣдство. Съ достаточной точностью можно даже прослѣдить, отъ кого именно какія свойства души имъ были унаслѣдованы. Мы уже имѣли случай отмѣтить, что родители Глѣба Ивановича были довольно одаренные люди. Мы обратили вниманіе читателей также на то, что семья матери его въ значительной степени изобиловала талантливыми и художественно-чуткими людьми. Но отъ предшествующаго поколѣнія Глѣбъ Ивановичъ получилъ не только «дары рая». Эти дары достались ему за непомѣрно дорогую цѣну, — они были куплены жгучими страданіями болѣзненно отзывчивой души, вся жизнь ко-

торой, по мѣткому выраженію Н. К. Михайловскаго, была *сплошнымъ трепетомъ*. Эту способность души трепетать и мучиться, переживая въ себѣ всѣ неурядицы, всѣ мало-мальски темныя стороны жизни (за которыми всегда такъ мало свѣтлыхъ сторонъ, что ихъ иной разъ и не видно),—эту способность души, говоримъ мы, Глѣбъ Ивановичъ тоже получилъ по наслѣдству; его душа была съ малыхъ лѣтъ не только непомѣрно-чуткая, но и неуравновѣшенная, даже *болѣзненно* неуравновѣшенная, и въ этомъ-то свойствѣ его души и лежали задатки той мучительной болѣзни, которая въ концѣ концовъ и свела его въ могилу. Весь свой вѣкъ переживать всѣми силами такой впечатлительной души и чувствовать со всей напряженностью все то, что творится вокругъ,—это ли не сплошныя мученія? Имѣть вѣчно «обнаженные» и вѣчно трепещущіе нервы—это ли не страданіе? Но и это не помѣшало бы однако Глѣбу Ивановичу быть болѣе или менѣе уравновѣшеннымъ человѣкомъ, если бы семейныя условія, его окружавшія, были нормальны. Но вся окружавшая его жизнь была полна вопіющихъ противорѣчій, которыя не могли не вліять соотвѣтственнымъ образомъ на душу ребенка. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ преувеличивать значеніе неуравновѣшенности въ дѣтскіе годы, хотя она и была тогда—надо полагать—тоже налицо. Неуравновѣшенность, о которой теперь идетъ рѣчь, тоже была получена Глѣбомъ Ивановичемъ по наслѣдству, такъ какъ среди его предковъ, а именно со стороны отца, встрѣчались, и даже не одинъ разъ, люди тоже неуравновѣшенные. Таковъ, напримѣръ, былъ Григорій Яковлевичъ Успенскій (братъ Ивана Яковлевича, отца маленькаго Глѣба). Этотъ Григорій Яковлевичъ, профессоръ греческаго языка въ тульской семинаріи, какъ пишетъ о немъ Дм. Глѣб. Соколовъ (Д. Васинъ), «былъ человѣкъ со странностями и впадалъ въ пьянство»; его братъ Семенъ тоже былъ натурой неуравновѣшенной; наконецъ третій братъ, Никаноръ, по словамъ самого Глѣба Ивановича, умеръ психически-больнымъ *). На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, врачъ-психіатръ имѣетъ уже право сдѣлать тотъ выводъ, что Глѣбъ Ивановичъ, отъ самаго рожденія, уже былъ натурой не только чуткой, но даже и болѣзненно, ненормально чуткой. И вотъ такой-то душѣ и предстояло переварить въ себѣ тѣ впечатлѣнія, которыми безъ устали снабжала ее затхлая обстановка его роднаго угла. Уже заранѣе можно предвидѣть, каковы были результаты этого психическаго дѣйствія и воздѣйствія. При такой обстановкѣ мальчикъ уже заранѣе былъ обреченъ на непрерывныя страданія.

*) Объ этомъ сообщаетъ д-ръ Б. С. Синани со словъ самого Г. И. Успенскаго. Впрочемъ, въ это время Г. И. уже былъ безнадежно боленъ, и къ его показанію надо отнестись съ большою осторожностью.

И онъ дѣйствительно страдалъ, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ и въ своей автобіографіи и во многихъ своихъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе вкрапливать, внѣдрять то ту, то другую подробность автобіографическаго свойства. Сначала его страданія были дѣтски-безсознательны, и маленькій Глѣбъ самъ не понималъ, не отдавалъ себѣ отчета, почему собственно въ такой, казалось бы, уютной, спокойной, удобной обстановкѣ ему чувствуется все-таки не по себѣ. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ пробуждалось его сознаніе и сильнѣе работала его мысль, становилось напряженнѣе и его страданіе. Оно охватывало собою всѣ изгибы души и всю окружающую жизнь, до самой ея глубины, и страданія рѣзко выраженной индивидуальности какъ бы сливались съ міровой скорбью.

Изъ этого основного свойства души Г. И. Успенскаго—свойства, выдѣляющаго его изъ цѣлаго ряда другихъ русскихъ писателей—естественно вытекаютъ и имъ прежде всего объясняются не только особенности его произведеній, но и вся его біографія.

Біографія Г. И. Успенскаго есть прежде всего біографія его души, исторія ея развитія, расцвѣта и гибели, исторія переживаній всѣхъ главнѣйшихъ событій русской общественной жизни почти за цѣлое полстолѣтіе. Въ этихъ-то внутреннихъ, психическихъ переживаніяхъ, въ этихъ отраженіяхъ жизни въ такой феноменально-отзывчивой душѣ, и заключается главнѣйшій интересъ этой біографіи, потому что если изъ нея выбросить внутреннюю жизнь души, ея содержаніе, то отъ біографіи почти ничего не останется,—такъ она бѣдна внѣшними событіями. Но написать біографію души такого писателя, какъ Г. И. Успенскій, по справедливому замѣчанію Н. К. Михайловскаго, «далеко еще не настало время, да и нескоро настанетъ». Правда, самъ Г. И. Успенскій говоритъ въ своемъ письмѣ къ Ф. Ф. Павленкову, что всѣ его сочиненія—это и есть его автобіографія, потому что онъ «заносилъ въ свои сочиненія (примѣрно съ половины 60 годовъ) чуть ли не изо дня въ день все, что переживалъ и передумывалъ». Но въ данномъ отношеніи *онъ* былъ несомнѣнно не правъ: его сочиненія хотя и представляютъ отраженіе его души, но во всякомъ случаѣ далеко не *всей* души, а лишь незначительной частицы ея; а судить о цѣломъ по одной его части было бы несправедливо. Въ нашемъ очеркѣ мы будемъ говорить именно о *внѣшней* біографіи Г. И. Успенскаго, оставляя въ сторонѣ ея внутреннюю сторону, о которой отчасти говоритъ въ своей статьѣ Н. К. Михайловскій. Пусть читатель не ищетъ въ нашемъ очеркѣ и характеристики Г. И. Успенскаго какъ человѣка,—это отчасти уже сдѣлано его близкими друзьями (Н. К. Михайловскимъ и В. Г.

Короленко *). Что же касается внѣшней стороны жизни Глѣба Ивановича, то о ней мы имѣли до сихъ поръ лишь цѣлую груду отрывочныхъ и разрозненныхъ данныхъ, разбросанныхъ въ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ, данныхъ нерѣдко неточныхъ и даже вовсе не заслуживающихъ довѣрія. Мы дѣлаемъ лишь скромную попытку разобраться въ этихъ сырыхъ матеріалахъ, привести ихъ въ мало-мальски стройную систему, облегчивъ такимъ способомъ черновую работу послѣдующимъ біографамъ Г. И. Успенскаго. Послѣ этого краткаго, но необходимаго отступленія переходимъ къ изложенію внѣшнихъ событій жизни Глѣба Ивановича, начиная съ ранняго дѣтства.

Глѣбъ Ивановичъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній, даетъ намъ картину за картиной изъ своего ранняго дѣтства и о немъ же говоритъ въ своей автобіографіи. И впечатлѣніе, которое мы выносимъ изъ его словъ, — самое тяжелое, самое мрачное. Онъ опредѣленно и рѣшительно говоритъ о своемъ дѣтствѣ: «Вся моя личная жизнь, вся обстановка моей личной жизни лѣтъ до двадцати обрекала меня на полное затменіе ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость, и вообще отдаляла отъ жизни бѣлаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Для того, чтобы *жить* хоть какъ-нибудь, надобно было непремѣнно, до послѣдней капли *забыть все* это прошлое, истребить въ себѣ всѣ внѣдренныя имъ качества». Воспоминанія дѣтства, образы любящей матери и добраго отца для каждаго человѣка—самыя дорогія, самыя нѣжныя воспоминанія. Для Глѣба Ивановича было какъ разъ наоборотъ,—въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ слѣдующимъ образомъ комментируетъ свое отношеніе къ своему далекому прошлому. Онъ рано сталъ понимать всю ложь, фальшь и несправедливость, окружавшія его въ то время. «Для ребенка,—говоритъ онъ:—дѣлалось все, говорилось только о немъ и о желаніи ему разныхъ благъ, а между тѣмъ, въ настоящую пору, когда этотъ ребенокъ уже имѣлъ время сознательно припомнить свое *пряничное* дѣтство, ему видится несчастье, корень всякихъ бѣдъ, именно въ этой безграничной и крайне безпутной любви, которая окружала его. Мать готова была каждую минуту положить за своего ребенка жизнь и какъ будто въ силу этой безграничной любви старалась *очистить* голову сына отъ всякой работы. При этомъ она руководствовалась тѣмъ же правиломъ, какъ и другіе. У другихъ же считалось главнымъ достоинствомъ въ дѣтяхъ, чтобы они не мѣшали и не шумѣли. Мать принимала всѣ мѣры, чтобы сдѣ-

*) См. «Рус. Бог.» 1902, № 5, ст. В. Короленко и «Послѣднія сочиненія» Н. К. Михайловскаго, т. I.

лать изъ сына тихаго ребенка, который бы не нарушалъ гармонію семейнаго быта и былъ *вполнѣ* прилаженъ къ ровному, тихому житью. Съ этой цѣлью она, словно макомъ спаивала, нагружала его разными наставленіями о кротости и смиренствѣ. Такія доблести сына поощрялись лакомствами, развивавшими самыя назойливыя изъ всѣхъ прихотей — *прихоть пріятныхъ чувственныхъ ощущеній*, что̀ причинило ему много вреда впослѣдствіи» *).

Нельзя не обратить вниманія на эти послѣднія слова Успенскаго, въ которыхъ, быть-можетъ, заключается косвенный упрекъ родному гнѣзду въ томъ, что оно не предохранило его отъ «питейной болѣзни», причинившей ему немало вреда впослѣдствіи... Но не въ этомъ главное значеніе вышеприведенной цитаты. Изъ нея мы не можемъ не видѣть, что Успенскій протестуетъ здѣсь противъ того обезличенія, какое практиковала надъ нимъ его семья, противъ ея стремленія придавить, приглушить, уничтожить его, хотя бы и дѣтскую индивидуальность и выщелочить изъ души самыя свѣтлыя, самыя характерныя ея черты. А такой человѣкъ, какъ Глѣбъ Ивановичъ, уже въ силу своей, необычайно рѣзко выраженной индивидуальности, не могъ не отстаивать ее всѣми способами, какіе только имѣлись у него въ распоряженіи. Въ сочиненіяхъ Успенскаго читатели найдутъ высоко-художественный очеркъ, носящій названіе, по имени его героя, «Парамонъ юродивый». Этотъ очеркъ представляетъ изъ себя не что̀ иное, какъ одно изъ самыхъ яркихъ воспоминаній дѣтства, какъ бы точное воспроизведеніе его. Другъ и сверстникъ дѣтства Глѣба Ивановича, Дмитрій Глѣбовичъ Соколовъ свидѣтельствуетъ, что Парамонъ юродивый—вовсе не выдуманное лицо, и что подъ нимъ скрывается нѣкій Еремѣй, который и послужилъ главнымъ оригиналомъ для очерка. Вотъ что̀ пишетъ здѣсь, между прочимъ, Глѣбъ Ивановичъ объ эпохѣ своего ранняго дѣтства: «Все, что̀ въ эти же (40-ые) годы родилось и провело свое дѣтство, было близко къ потерѣ сознанія человѣческаго достоинства, съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, пріучалось боязливо мыслить, чувствовать и вовсе отвыкало отъ аппетита какъ-нибудь поступать, какъ-нибудь дѣйствовать. Не шевелиться, хоть и мечтать, не показывать виду, что *думаешь*, не показывать виду, что *не боишься*,—показывать, напротивъ, что *боишься*, трепещешь, тогда какъ для этого и основаній никакихъ нѣтъ,—вотъ что̀ выработали эти годы въ русской школѣ. Надо постоянно бояться,—таковъ былъ корень жизненной правды. Все остальное могло быть, но могло и не быть, да и не

*) «Очерки переходнаго времени». I.

нужно было всего этого, остального: «еще наживешь хлопоть». Вотъ что носилось тогда въ воздухѣ и угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать... Ни у кого не было даже увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право *жить*. Въ церкви я былъ виноватъ передъ всѣми угодниками, образами, даже паникадилами; въ школѣ—передъ всѣми и всѣмъ, начиная съ вѣшалки; на улицѣ—какъ не бояться будочника и т. д. Словомъ, атмосфера, въ которой я росъ, была полна страховъ, была полна впечатлѣніями непріятныхъ, непривѣтливыхъ лицъ и такихъ же отношеній, угрозъ безпрестанныхъ, безпрерывныхъ и невѣдомо откуда и какъ, но во множествѣ являющихся огорченій. *Такъ дѣйствовала на меня эта унылая мертвая атмосфера, созданная людьми, искони потерявшими смыслъ и аппетитъ жизни, что я семи или восьми лѣтъ уже чувствовалъ тотъ самый камень на сердцѣ, какой чувствовали и всѣ мои родственники и всѣ мои сверстники*». Прозябая въ такой атмосферѣ, многіе изъ нихъ, что называется, сдались, подчинились; но маленькій Глѣбъ не могъ сдѣлать этого органически. Онъ протестовалъ, онъ не могъ не протестовать, переживая своей чуткой душой непомѣрнѣйшія страданія всюду унижаемой, оскорбляемой и считавшейся ни во что человѣческой личности. Онъ протестовалъ и за себя и за другихъ, выражая свой протестъ слезами или какъ-нибудь иначе. «Я помню,—пишетъ онъ въ своей автобіографіи:—что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20 лѣтъ сердце у меня было когда-нибудь на мѣстѣ». Тѣмъ же своимъ слезамъ Г. И. Успенскій даетъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующее объясненіе: «Я не могу и теперь забыть этихъ томительныхъ зимнихъ вечеровъ, съ мертвою тишиною, стуканьемъ маятника и отдаленнымъ храпомъ. Что значили эти безконечныя слезы, которыя я проливалъ среди мертвой тишины всеобщаго сна и которыхъ не могли унять никакія просьбы, обѣщанія, угрозы?.. Я чувствую, вижу, что *этими слезами вся человѣческая природа моя протестовала противъ этой нечеловѣческой жизни, которая была кругомъ меня*» *). Далѣе, въ очеркѣ: «На старомъ пепелищѣ», Успенскій снова оплакиваетъ свое дѣтство горькими слезами. Онъ называетъ его «искусно произведенной атрофіей сердца». Онъ говоритъ, что этотъ его первый дѣтскій протестъ противъ обезличенія и нивеллировки, эта первая борьба за индивидуальность обошлись ему крайне дорого. Они наложили отпечатокъ на всю его жизнь, измучили и даже изломали его душу, заложивъ въ нее сѣмена той нравственной болѣзни, которую впо-

*) Слова Васи Черемухина въ «Разореніи», гл. X. Въ лицѣ этого Васи Г. И. Успенскій, какъ извѣстно, выводилъ самого себя.

слѣдствіи Глѣбъ Ивановичъ назвалъ «болѣзнью совѣсти». «Тысячи тысячъ разъ,—пишетъ онъ въ очеркѣ «На старомъ пепелищѣ»:— я былъ бы радъ Богъ знаетъ что̀ дать, чтобы забыть мое дѣтство, мою раннюю юность, сбросить съ себя эти вериги, наложенныя на мои плечи любовью *родины*, внушившею мнѣ жажду самаго ограниченнаго счастія, ослабившею во мнѣ силу мысли, силу сердца, и, разумѣется, ради только того, чтобы, *будучи силенъ и тѣмъ и другимъ*, я не изорвался, не измучился, не истерзался, а прожилъ бы не волнуясь, покойно, счастливо, былъ бы здоровъ и веселъ. Ошиблись добрые люди, и, благодаря имъ, я измучился въ тысячу разъ больше, чѣмъ если бы былъ и мыслью силенъ и смѣлъ и сердцемъ лютъ». Мыслью силенъ и смѣлъ и сердцемъ лютъ Глѣбъ Ивановичъ былъ всю свою жизнь до самой смерти; но что обстановка ранняго дѣтства оставила въ немъ тяжелый слѣдъ на всю жизнь, въ этомъ, разумѣется, нельзя сомнѣваться.

Говоря о впечатлѣніяхъ ранняго дѣтства, нельзя не отмѣтить еще одного обстоятельства. Какъ мы уже упоминали, дѣтство Глѣба Ивановича проходило въ такой обстановкѣ, которая какъ бы воплощала собою въ маленькомъ видѣ режимъ николаевскихъ временъ съ его основными принципами. Врядъ ли нужно доказывать, что и логическимъ выводомъ изъ этихъ трехъ началъ является коренное и принципіальное отрицаніе элементарныхъ правъ человѣческой личности. Казалось бы, все благопріятствовало тому, чтобы изъ Глѣба Ивановича вышелъ въ концѣ концовъ такой же сторонникъ николаевскаго режима, какъ и его отецъ и дѣдъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ. Еще въ годы ранняго дѣтства старое николаевское міросозерцаніе въ концѣ было подточено и подорвано въ душѣ Глѣба Ивановича, и это произошло совершенно безъ всякихъ внѣшнихъ и постороннихъ вліяній, если не считать «посторонними» для его семейной среды вліяній нѣкоторыхъ людей изъ народа. Распаденіе отцовскаго и дѣдовскаго міросозерцанія въ душѣ Глѣба Ивановича произошло очень рано и само собою подъ вліяніемъ вѣяній самой жизни. Маленькій Глѣбъ имѣлъ случай своими глазами видѣть, что̀ такое этотъ давнымъ-давно отжившій режимъ. Доходило до дѣтской души кое-что и изъ того, какъ отражался этотъ самый режимъ на простомъ русскомъ рабочемъ человѣкѣ, на трудовомъ крестьянствѣ. Въ коридорахъ казенной палаты, на дворѣ отцовскаго дома, какъ уже было упомянуто, постоянно толпились крестьяне. Лѣтомъ чуть не каждый годъ Глѣбъ Ивановичъ ѣздилъ въ деревню съ своему дядѣ Василію, сельскому священнику (родному брату Ивана Яковлевича).

У отца Василія былъ сынъ Николай, даровитый и умный мальчикъ, лѣтъ на шесть постарше Глѣба Ивановича. Впослѣдствіи

этотъ самый Николай Васильевичъ Успенскій сдѣлался довольно извѣстнымъ писателемъ, пока его талантъ не погибъ отъ «питейной болѣзни». Проживая въ деревнѣ, Глѣбъ, разумѣется, имѣлъ случай наблюдать народную крестьянскую жизнь. Къ людямъ изъ народа онъ близко стоялъ и въ городѣ. Въ «Отцахъ и дѣтяхъ» онъ разсказываетъ, что друзьями маленькаго героя этого очерка были ужъ никакъ не чиновничьи ребятишки, а кучера и дворники. «Въ дѣтствѣ,—пишетъ Глѣбъ Ивановичъ:—я много пережилъ и перевидалъ крестьянскихъ бѣдствій. Взяточничество царило повсюду. Рекрутскіе наборы, волостные старшины, писаря и вся тяжебная волокита были мнѣ хорошо извѣстны».

Но нигдѣ и ни въ чемъ униженіе человѣческой личности—личности тогдашняго русскаго, закрѣпощеннаго «тремъ китамъ» человѣка—не сказывалось до такой степени ярко и ужасно, какъ въ гоньбѣ сквозь строй. И эту гоньбу маленькій Глѣбъ тоже имѣлъ случай видѣть своими глазами, и къ тому же не разъ, и онъ самъ описываетъ то потрясающее впечатлѣніе, какое производила на него эта пытка (въ очеркѣ «Волей-неволей»). По его собственному признанію, дальше этого издѣвательства надъ личностью человѣческой идти было некуда, и міросозерцаніе стараго, дореформеннаго режима было подорвано въ душѣ Глѣба Ивановича навсегда. Вмѣстѣ съ тѣмъ было заложено основаніе новаго, которое и было ясно, какъ мы увидимъ дальше, съ первыхъ же шаговъ литературной дѣятельности Глѣба Ивановича. Въ такомъ разрушеніи стараго міросозерцанія книга сыграла лишь позднѣйшую и второстепенную роль, потому что это міросозерцаніе было, въ сущности, подорвано еще тогда, когда до Глѣба Ивановича не успѣла дойти ни одна мало-мальски живая книга, а такая дошла до него не раньше половины пятидесятыхъ годовъ, много лѣтъ спустя послѣ того, какъ мальчикъ научился читать. Посмотримъ теперь, какъ шло ученье даровитаго мальчика. Началось оно въ то время, когда Глѣбу было всего лишь 6½ лѣтъ. Кто впервые научилъ его азбукѣ—неизвѣстно. Надо полагать, отецъ, который занимался съ нимъ и гораздо позднѣе; а можетъ-быть, впервые былъ просвѣтителемъ мальчика какой-нибудь Михалычъ, о которомъ Глѣбъ Ивановичъ такъ мило и просто разсказываетъ въ своемъ первомъ печатномъ произведеніи. На эту мысль наводитъ тотъ фактъ, что разсказъ «Михалычъ» несомнѣнно имѣетъ автобіографическій характеръ. Дальнѣйшими просвѣтителями Глѣба были разные доморощенные учителя изъ семинаристовъ и гимназистовъ. Когда ему исполнилось девять лѣтъ, отецъ и мать отвезли его гостить и учиться въ Калугу, гдѣ въ это время проживалъ и служилъ дѣдушка Глѣбъ Ѳомичъ. «Глѣбъ Ѳомичъ очень любилъ меня,—разска-

зываетъ Г. И.:—и хотѣлъ оторвать отъ семейства». «Тамъ я учился въ школѣ у вдовьяго дьякона», о которомъ повѣствуется въ томъ же разсказѣ «Михалычъ». «Дѣдушка мой былъ чиновникъ. У него былъ сынъ Митя (Дмитрій Глѣбовичъ), мой дядя, старше меня двумя годами. Дѣдушка былъ очень строгій, и когда онъ, бывало, гладитъ по головѣ, то все думаешь: «а ну-ка гладитъ-гладитъ, да вдругъ вцѣпится»... «Насъ (меня и Митю) отдали въ школу къ дьякону. Учитель у насъ былъ дрянной. Придемъ это мы, а онъ сидитъ за столомъ пьяный совсѣмъ, носомъ въ книгу тычетъ, а иногда зацѣпитъ носомъ книгу, да такъ со стола и спихнетъ ненарочно». Въ 1852 году Г. И. поступилъ въ тульскую гимназію. Какъ извѣстно, гимназія того времени была далеко не то, что гимназія временъ графа Д. А. Толстого. Мальчикъ поступилъ въ первый классъ и, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, а можетъ-быть, и не безъ вліянія родителей на начальство гимназіи, скоро сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ. Иванъ Яковлевичъ внимательно слѣдилъ за ученіемъ сына и, случалось, самъ занимался съ нимъ. «Юный Глѣбъ Ивановичъ,—разсказываетъ о немъ его двоюродный братъ Н. В. Успенскій:—былъ образцомъ трудолюбія и прилежанія». Мальчикъ посѣщалъ гимназію очень ретиво, чуя, быть-можетъ, что даже въ гимназической средѣ больше жизненныхъ элементовъ и меньше лжи и фальши, чѣмъ въ затхлой обстановкѣ чиновной семьи. Впрочемъ, и тогдашней гимназіи нечѣмъ было особенно похвастать, такъ какъ основные принципы николаевскаго режима проводились во всемъ строѣ гимназической жизни довольно послѣдовательно и прямолинейно. На первомъ планѣ стояла муштра, на послѣднемъ—такъ-называемая «наука», — попросту сказать, кой-какой наборъ отрывочныхъ и неосновательныхъ, и во всякомъ случаѣ тенденціозно-подобранныхъ «знаній». Глѣбъ Ивановичъ, въ запискахъ Тяпушкина (см. оч. «Волей-неволей»), съ ужасомъ вспоминаетъ «старую душную школу этихъ мертвыхъ годовъ», съ типичнымъ начальствомъ — «людьми мертваго сердца, мертваго ума»... «Тишина, молчаніе, фронтъ, стрижка подъ гребенку, аккуратно всѣхъ поголовно, всѣхъ въ извѣстный день и часъ, — вотъ матеріалъ, на которомъ начальство практиковало свое мертвое сердце. Инспекторъ не могъ переносить разнообразія даже въ фамиліяхъ учениковъ — и это уже казалось ему какимъ-то безобразіемъ, своевольствомъ, безпорядкомъ и полнымъ отсутствіемъ стройности и гармоніи». Все, что выходило хоть немножко изъ казенной нормы, считалось если не преступленіемъ, то недостаткомъ. И проступки и успѣхи записывались, а по субботамъ всему подводился итогъ. Въ гимназіи практиковалась цѣлая система наказаній, до жестокой порки включи-

тельно. Пороли и за «недостаточные успѣхи» въ зубрежкѣ. Г. И. разсказываетъ, какъ шло ученье въ гимназіи: «черезъ каждыя три фразы (у преподавателя) четвертая непремѣнно была такая: «мы расширили свои предѣлы *отъ... до...*» Затѣмъ слѣдовали новыя три фразы и мудрое приказаніе въ томъ же духѣ, а за нимъ—опять та же четвертая...» Учиться такимъ способомъ для Г. И—ча прежде всего было невыносимо скучно, хотя ученье давалось очень легко. Впрочемъ, и это не избавило бы его отъ обычныхъ наказаній и даже порки, если бы не положеніе отца въ мѣстной чиновной іерархіи. «Ѣдучи въ гимназію,—вспоминаетъ Г. И.:—я зналъ, что мнѣ не поставятъ единицы, не оставятъ меня безъ обѣда, не тронутъ пальцемъ. Тамъ уже позаботились, чтобы ничего этого не было. Даже такъ позаботились, что учителя явно несправедливо ставятъ мнѣ отличныя отмѣтки». Очевидное дѣло, успѣхи Г. И. въ тульской гимназіи объяснялись не однимъ только его прилежаніемъ и способностями, которымъ невозможно было и развернуться какъ слѣдуетъ при тогдашнемъ гимназическомъ режимѣ. Начальство гимназіи благосклонно принимало всякія «благожелательныя подачки», и онѣ несомнѣнно спасали отъ розги. Такимъ способомъ былъ спасенъ отъ нея и Г. И., который ни разу не былъ наказанъ за все время своего ученья въ дореформенныя времена. Впрочемъ, однажды дѣло чуть не дошло до порки, такъ какъ Г. И. потерялъ свою «жестянку» (т.-е. гимназическій нумеръ), и Ивану Яковлевичу лишь съ большимъ трудомъ удалось спасти сына отъ позорнаго наказанія, которое несомнѣнно отозвалось бы на немъ самымъ удручающимъ, а можетъ-быть, и трагическимъ образомъ. Такъ или иначе, находясь въ тульской гимназіи, Г. И. несомнѣнно «трепеталъ» тѣмъ самымъ трепетомъ, о которомъ уже было упомянуто выше. И трепетать было отъ чего, такъ какъ гимназическій режимъ давалъ этому трепетанію, если можно такъ выразиться, самую обильную пищу. Содрогалась душа, дрожали обнаженные нервы мальчика. И все-таки его положеніе было куда лучше, чѣмъ многихъ другихъ. И еще того лучше, чѣмъ положеніе тѣхъ арестантовъ, которыхъ онъ чуть не каждый день видѣлъ изъ гимназическаго окна. А изъ этого окна раскрывались предъ Г. И. дѣйствительно ужасныя картины. Гимназія, гдѣ учился Г. И., помѣщалась на хлѣбной площади, — на той самой площади, гдѣ происходили и экзекуціи такъ-называемыхъ «преступниковъ». Окна перваго класса выходили прямо на площадь. Изъ нихъ можно было видѣть и колесницы и экзекуціи. Обыкновенно истязанія происходили около 12 часовъ дня, когда въ гимназіи бывала «большая перемѣна». Экзекуціи производили на Г. И. самое удручающее впечатлѣніе. «Въ эти страшныя минуты, — разсказываетъ

другъ его дѣтства:—Г. И. въ ужасѣ отбѣгалъ отъ окна, боясь услышать раздирающіе крики истязуемаго, раздававшіеся послѣ каждаго удара палача, на площади надъ заледенѣвшею отъ ужаса толпою». Нетрудно себѣ представить, какое вліяніе могла оказать на Г. И., послѣ такихъ зрѣлищъ, даже самая лучшая, самая гуманная книга, въ которой развивались хотя бы самыя высокія идеи... Всякая такая книга не могла не усилить и безъ того отрицательнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности. И оно понемногу нарастало, уходя куда-то все глубже и глубже въ душу.

Впрочемъ, книга все-таки не сыграла въ жизни Глѣба Ивановича такой рѣшающей роли, какую она сыграла въ жизни многихъ другихъ писателей. Не она открыла ему глаза на самую сущность окружающей дѣйствительности. Глаза открылись сами собой, благодаря безконечно-отзывчивому сердцу, которое билось горячей любовью къ людямъ и въ груди ребенка, и подростка, и тѣмъ болѣе юноши. Билось, любя и жалѣя. Г. И. Успенскій, устами Тяпушкина, говоритъ о себѣ самомъ: «Въ моемъ маленькомъ звѣрушечьемъ сердцѣ, помимо ощущенія тяжести пережитого, *было уже зерно жалости*, жалостливой тоски *не о моемъ горѣ и бѣдѣ*, а о какомъ-то чужомъ горѣ и бѣдѣ. Была жалость къ какимъ-то «нимъ» и «тѣмъ»... Тяпушкинъ-Успенскій говоритъ далѣе, что это чувство жалости *спасло* его,—онъ даже «испугался самого себя, когда увидѣлъ, что, подъ гнетомъ всего имъ пережитого и воспринятаго со стороны, собственное его сердце до сихъ поръ еще оставалось нетронутымъ, то-есть дикимъ». Но сердце Г. И. Успенскаго никогда не было дикимъ. Въ этомъ отношеніи онъ намѣренно или ненамѣренно ошибался...

II.

Конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ.

Такъ или иначе, духовный образъ будущаго писателя съ ходомъ жизни все болѣе и болѣе обрисовывался. Еще глядя на него въ то самое время, когда онъ сидѣлъ на гимназической скамьѣ, можно было видѣть въ немъ будущаго печальника многомилліоннаго русскаго народа. Онъ не могъ не сдѣлаться такимъ печальникомъ уже по тому одному, что сердце его становилось все болѣе и болѣе отзывчивымъ и все больше и больше наполнялось жалостью, — той самой, о которой было сейчасъ сказано, — если такъ можно выразиться,—*міровой* жалостью,—подобно тому, какъ у другихъ оно наполнялось міровой скорбью. Міровая жалость на второй планъ отодвигала въ сердцѣ Г. И. міровую скорбь, и философско-этическіе,

отвлеченные вопросы во всякомъ случаѣ никогда не захватывали Глѣба Ивановича своей отвлеченной стороной. Міровая жалость заставляла его всегда и всюду держаться возможно ближе къ землѣ, и изъ того, что Г. И. видѣлъ на этой самой землѣ, вокругъ себя, онъ и почерпалъ свою энергію, свою силу. Его собственный обликъ обрисовывался все яснѣй. Интересно, что, читая книги, гимназистъ Успенскій обращалъ въ нихъ главное свое вниманіе опять-таки на эту эмоціональную сторону ихъ содержанія. Онъ читалъ много съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ научился читать. Въ домѣ его отца книги водились, хотя и не въ большомъ изобиліи. Были лучшіе авторы того времени,—Пушкинъ, Лермонтовъ, Карамзинъ и другіе. Разумѣется, въ этихъ книгахъ далеко не все было понятно гимназисту второго-третьяго класса, но многое онъ схватывалъ сердцемъ и передѣлывалъ схваченное такимъ способомъ на свой особенный ладъ. Онъ глоталъ книги, и не понимая ихъ цѣликомъ. Въ это самое время многіе его товарищи занимались еще чтеніемъ басенъ и изученіемъ старинныхъ хрестоматій; а маленькій Глѣбъ Успенскій уже успѣлъ выучить наизусть чуть ли не всѣ сказки Пушкина. Онъ съ какой-то особенной таинственностью и вдохновеніемъ декламировалъ начало пушкинской поэмы «Русланъ и Людмила» («У лукоморья дубъ зеленый»), воочію доказывая таковой своею декламаціей, что имъ совершенно правильно схваченъ и прочувствованъ самый колоритъ сказки. Эта маленькая подробность, характеризующая маленькаго Успенскаго какъ читателя, доказываетъ какъ нельзя лучше его отношеніе къ эмоціональной сторонѣ книги. Но вѣдь эмоціи эмоціямъ рознь, и высшія общественныя эмоціи не доходили еще до души Успенскаго изъ тѣхъ книгъ, которыя онъ тогда читалъ, или, точнѣе говоря, доходили въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, въ смутной формѣ, — напримѣръ, подъ видомъ очень робкихъ, боязливыхъ, сильно замаскированныхъ намековъ на вредоносность и несправедливость крѣпостного права и т. п. Въ душѣ читателя, разумѣется, создавалось, благодаря этому, нѣкоторое настроеніе; впечатлительность читателя тоже дѣлала при этомъ свое дѣло; но это общее настроеніе общаго доброжелательства и любви къ людямъ было еще далеко не то, что называется «новыми вѣяніями» 60-хъ годовъ. Эти вѣянія вошли въ душу Глѣба Ивановича нѣсколько позднѣе. Но почва для нихъ была уже приготовлена, расчищенная, какъ мы видѣли, самою жизнью и отчасти уже оплодотворенная сѣменами гуманитарныхъ воззрѣній лучшихъ русскихъ людей тридцатыхъ, сороковыхъ и отчасти пятидесятыхъ годовъ. Новыя строго-демократическія и освободительныя вѣянія вошли въ душу Глѣба Ивановича не въ его родной Тулѣ, а въ Черниговѣ, куда должно было переселиться все семейство Успенскихъ. Случи-

лось это къ облегченію самого Ивана Яковлевича, а главнымъ образомъ по настоянію Глѣба Ѳомича. Этотъ фанатикъ государственной идеи считалъ своимъ прямымъ долгомъ исполнять всѣ циркуляры и предписанія высшаго начальства, въ томъ числѣ и его распоряженіе о томъ, чтобы въ одномъ и томъ же казенномъ учрежденіи не состояли одновременно на службѣ чиновники, связанные между собою близкимъ родствомъ.

Въ 1856 году Иванъ Яковлевичъ перевелся на службу въ Черниговъ, а одновременно съ этимъ его сынъ Глѣбъ перешелъ изъ тульской гимназіи въ черниговскую.

Какъ извѣстно, въ 1856 году уже повсюду чувствовалось, что старому крѣпостному режиму пришелъ несомнѣнно конецъ. Окончилась позорная крымская война, вскрывшая всѣ главнѣйшія язвы этого режима. И въ народѣ, и въ такъ-называемомъ «обществѣ», и въ печати говорили о близкомъ паденіи крѣпостного права. Общимъ достояніемъ дѣлались такія самыя идеи, такое міросозерцаніе, какое еще только вчера считалось абсолютно запретнымъ. Старый режимъ отжилъ свой вѣкъ. Всѣ его мрачные принципы отодвинулись и отъ семьи Успенскихъ. Случилось это даже по одному тому, что окончилось наконецъ ея совмѣстное житье подъ властью семейнаго абсолютизма дѣдушки Глѣба Ѳомича, который попрежнему остался на своемъ старомъ мѣстѣ въ Тулѣ.

Перемѣна мѣста службы благопріятно отразилась и на матеріальномъ положеніи Успенскихъ, такъ какъ Иванъ Яковлевичъ въ Черниговѣ сталъ получать больше жалованья. Переселеніе въ Черниговъ оказало сильное вліяніе и на маленькаго Глѣба, который въ это время находился уже въ четвертомъ классѣ гимназіи. Новое мѣсто жительства, новые люди, новыя вѣянія, все это освѣжающей волной захватило его душу, какъ бы наполняя ее новымъ содержаніемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она наполнялась и новымъ, такъ сказать, самомучительствомъ, потому что это новое ея содержаніе находилось еще въ большемъ и непримиримѣйшемъ противорѣчіи съ укладомъ семейной и общественной жизни семьи Успенскихъ. Духовная жизнь впечатлительнаго мальчика пошла еще напряженнѣе, и это-то обстоятельство, быть-можетъ, и помѣшало ему увлечься гимназіей и войти въ главный кругъ гимназическихъ интересовъ—по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Не до того ему было. Во всякомъ случаѣ, въ черниговской гимназіи ученье Успенскаго пошло плоховато и даже совсѣмъ плохо. Недружелюбно встрѣтили его и новые товарищи. «Меня, «кацапа», товарищи приняли какъ слѣдовало, — добродушно разсказываетъ объ этой порѣ своей жизни самъ Глѣбъ Ивановичъ:—и поляки, и малороссы, и вообще люди, *не застоявшіеся* на одномъ мѣстѣ и имѣвшіе историческую біогра-

фію». Маленькій Глѣбъ, очевидно, не давалъ своимъ товарищамъ должнаго отпора въ ихъ враждебныхъ отношеніяхъ, такъ какъ признавалъ за ними ихъ историческія права. Дѣло съ ученьемъ шло ужъ совсѣмъ плохо. «Первый годъ я сидѣлъ на послѣдней скамейкѣ,—разсказываетъ Глѣбъ Ивановичъ.—Годовые баллы оказались самыми печальными и даже «гнусными». Г. И. получилъ *въ среднемъ* за годъ двѣ единицы (по геометріи и латинскому языку), шесть двоекъ, четыре тройки, а четверокъ и пятерокъ ни одной. Даже по русскому языку будущій знаменитый писатель не получилъ мало-мальски удовлетворительной отмѣтки. До переходнаго же экзамена въ V классъ дѣло такъ и не дошло, и Г. И. остался на второй годъ въ четвертомъ классѣ. Этому обстоятельству посодѣйствовала и какая-то болѣзнь, которою Г. И. хворалъ много и долго, посѣщая классъ самымъ неправильнымъ образомъ. На другой годъ ученье Г. И. пошло гораздо успѣшнѣе, а начиная съ пятаго класса—и совсѣмъ даже хорошо, хотя и не такъ блестяще, какъ въ тульской гимназіи. Впрочемъ, до самаго окончанія гимназическаго курса Г. И. не очень-то «старался». Онъ никогда не отличался особеннымъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ. Сердце его, повидимому, больше всего увлекалось «новыми вѣяніями», о которыхъ тогда повсюду уже шли разговоры и споры. Гимназическая среда тоже не была чужда имъ. Повидимому, существовали тогда и въ черниговской гимназіи особые кружки, участники которыхъ занимались чтеніемъ и дебатами. «Появились у меня, — разсказываетъ Глѣбъ Ивановичъ о тѣхъ временахъ: — товарищи изъ лучшихъ учениковъ, — Иванъ Ильичъ и Михаилъ Ильичъ Петрункевичи. Съ ними я и впослѣдствіи жилъ въ Петербургѣ и потомъ постоянно имѣлъ связи». Вѣянія освободительныхъ реформъ доходили до гимназистовъ и чрезъ учителей. «Когда послѣ крымской войны повѣяло весной, — разсказываетъ объ этомъ самъ Глѣбъ Ивановичъ:— запахло разрытой землей, предвѣщавшей конецъ чему-то отжившему, блѣдному какъ смерть и разлагающемуся какъ трупъ, для молодежи настали дѣйствительно иныя времена. Чего никогда не бывало, мы увидѣли людей, которые стали относиться къ намъ съ величайшей вдумчивостью, приглашали къ себѣ, чтобы «потолковать», разсѣять наши недоразумѣнія, если они есть, спросить о томъ, что насъ интересуетъ и чего мы не понимаемъ. Наилучшіе типы учителей стали намъ читать, какъ студентамъ, отличнѣйшія, интереснѣйшія лекціи». Появились и новыя книги, книги свѣжія, захватывающія, жизненныя. Явилась возможность добывать ихъ и изъ читальни, которая тогда уже имѣлась въ Черниговѣ. Особеннымъ успѣхомъ среди гимназической молодежи пользовались, разумѣется, «Современникъ» и «Русское Слово». Статьи

Добролюбова и Писарева читались «нарасхватъ» и «въ засосъ». Глѣбъ Ивановичъ былъ ярымъ поклонникомъ статей Добролюбова, и, какъ знать, не къ этому ли періоду его жизни относится начальное оформленіе (если не зарожденіе) народническихъ взглядовъ Глѣба Ивановича? Въ этомъ періодѣ жизни, по свидѣтельству его самого, книга сыграла уже несомнѣнно важную роль въ дѣлѣ выработки его общественныхъ взглядовъ, хотя нерѣдко еще больше, чѣмъ прежде, не удовлетворяла его своею отвлеченностью. «Я,—разсказываетъ намъ о себѣ самомъ Г. И. Успенскій въ запискахъ Тяпушкина («Волей-неволей»):—благодаря новымъ наставникамъ, прямо бросился на книгу и быстро дошелъ до послѣдней страницы, и эта страница сказала какъ разъ то самое, къ чему меня привели неотразимо, волей-неволей, и школа и жизнь: «убавляй себя для общаго блага, для общей справедливости, для умаленія общаго зла». И общее горе и общую несправедливость «послѣдняя страница» выяснила мнѣ въ самой точной, самой прозаической формѣ, — точно, сухо, неопровержимо доказала мнѣ пункты зла, пункты дѣла, самыя корни язвъ, бѣдъ, несовершенства, несправедливости... Книга *овладѣла* мною въ это время. Съ каждой минутой своими сухими, но многозначительными цифрами она доказывала мнѣ, что я обязанъ идти туда-то, быть тамъ, гдѣ терпятъ и стонутъ». Но книга *уже не удовлетворяла* юношу. «Я чувствовалъ что мнѣ надо бѣжать отъ людей (которые окружали меня до тѣхъ поръ), съ которыми я ничего общаго не имѣю, но бѣжать не къ какимъ-то другимъ *людямъ*, а къ какимъ-то живымъ массамъ несправедливостей, неурядицъ, требованій, одушевленныхъ въ видѣ человѣческихъ массъ, а не человѣческихъ личностей». Словомъ сказать, книга давала свои указанія, по мнѣнію Глѣба Ивановича, черезчуръ отвлеченно, и человѣческая личность не занимала того мѣста, какое ей подобаетъ занимать во всѣхъ теоретическихъ и научныхъ построеніяхъ. Это признаніе чрезвычайно характерно для Г. И. Успенскаго, и тѣмъ болѣе характерно то, что, по его же признанію, такое недовольство отвлеченной книгой проявилось у него еще на гимназической скамьѣ. Въ душу будущаго писателя оно засѣло крѣпко, — такъ крѣпко, что даже въ концѣ своей литературной дѣятельности, работая надъ своей серіей очерковъ: «Живыя цифры» («Четверть лошади» и другіе), Глѣбъ Ивановичъ ставилъ себѣ особой задачей выразить отвлеченную, безстрастную цифру въ видѣ яркаго образа живой, чувствующей, страдающей личности человѣческой. Душа будущаго писателя, постоянно полная яркихъ образовъ и эмоцій, какъ-то сама собой являлась коррективомъ всякимъ отвлеченнымъ построеніямъ. Она *провѣряла* эти послѣднія при помощи первыхъ.

Научныя, хотя бы и самыя точныя и логически правильныя опредѣленія ровно ничего не говорили еще. И Глѣбъ Ивановичъ былъ уже въ тѣ времена органически неспособенъ воспринимать на одну только вѣру, безъ такой провѣрки, никакія, даже самыя ходячія, наиболѣе распространенныя теоріи. Но эта провѣрка не могла идти быстро, а потому не быстро кристаллизовалось и міросозерцаніе Глѣба Ивановича. Какъ мы увидимъ дальше, оно оформилось лишь въ семидесятыхъ годахъ, и тогда Глѣбъ Ивановичъ въ своихъ воззрѣніяхъ пришелъ именно къ тому міросозерцанію, отъ котораго его быстро увлекающіеся и быстро размагничивающіеся товарищи къ этому времени уже успѣли благополучно «отойти». И даже болѣе того: провѣрка эта не только шла медленно,— это былъ долгій, мучительный процессъ, на какой только и способны глубоко-искреннія, отзывчивыя души, страстно ищущія правды-истины и правды-справедливости, — а такова-то и была душа Глѣба Ивановича съ самаго ранняго дѣтства. На «проклятые вопросы» онъ сплошь и рядомъ не находилъ никакого отвѣта и отъ этого невыносимо страдалъ. Благодаря этой самой работѣ души и невозможности разрѣшить, выяснить противорѣчія окружающей жизни, душевныя страданія быстро возрастали. По словамъ родной сестры Глѣба Ивановича, въ годы своей гимназической жизни въ Черниговѣ онъ, какъ и прежде, *плакалъ*, и къ тому же такъ часто и такъ много, плакалъ иногда (какъ будто бы) безпричинно, что мать часто говорила: «У Глѣба, видно, глаза на мокромъ мѣстѣ». Мать не очень-то понимала то, что творилось тогда въ душѣ ея сына. Надо полагать, не понимала она и его отрицательнаго отношенія къ самымъ основамъ ея семейной жизни и общественнаго положенія. Да и другіе не понимали, чего это Глѣбъ Успенскій такъ нервничаетъ? А онъ «нервничалъ только потому, что его нервно-мозговая система реагировала на окружающую дѣйствительность съ такой силой впечатлительности, какая очень рѣдко встрѣчается у людей. Но вѣдь эта-то способность такъ реагировать и составляетъ наиболѣе характерную черту Глѣба Ивановича и какъ человѣка и какъ писателя, и много лѣтъ спустя одинъ изъ его друзей, В. Г. Короленко, отмѣчалъ, какъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ его оригинальной личности, его *настроеніе непереносимости обычныхъ житейскихъ условій* — всей этой лжи и фальши, привычной неправды и страданій, мимо которыхъ мы, люди съ болѣе грубыми нервами, проходимъ довольно равнодушно» («Восп.», «Рус. Бог.» 1902 г., № 5). Это выраженіе—«настроеніе непереносимости обычныхъ житейскихъ условій» — чрезвычайно мѣтко характеризуетъ личность Г. И. Успенскаго. И это настроеніе свое Глѣбъ Ивановичъ сохранилъ до конца своихъ дней. Оно лучше

всего объясняетъ его отношеніе къ окружающей жизни, столь ярко выразившееся и въ его произведеніяхъ. Глѣбъ Ивановичъ *органически долженъ* былъ страдать душой, видя чужія страданія, потому что при всякомъ такомъ зрѣлищѣ нервы его дрожали, а вся душа проникалась мучительнымъ трепетомъ. Не будемъ же забывать этой черты его личности, читая разсказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ его жизни. Благодаря этой же его чертѣ своеобразно слагались всѣ его отношенія къ людямъ. Она вела къ тому, что, видя чужое горе, Глѣбъ Ивановичъ вполнѣ просто и естественно забывалъ самого себя, не дѣлая никакого различія между страданіями отдѣльной человѣческой личности и всего человѣчества. Это вполнѣ ясно опредѣлилось еще на гимназической скамьѣ. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, о Глѣбѣ Ивановичѣ его родная сестра Елизавета Ивановна въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ: будучи гимназистомъ, «часто Глѣбъ приходилъ домой въ однихъ обрывкахъ рубахи, изорвавъ ее всю на перевязки какому-нибудь нищему. Однажды онъ настоялъ, чтобы мать непремѣнно купила сапоги одному бѣдняку, его гимназическому товарищу. А этого «товарища» никто въ классѣ не любилъ за его склонность къ доносамъ. «Ну что-жъ,—говорилъ о немъ Глѣбъ:—да вѣдь онъ же теперь босой ходитъ». Въ другой разъ Глѣбъ Ивановичъ добивался отъ матери, чтобы она посылала побольше каши въ какой-то пансіонъ, въ которомъ плохо кормили дѣтей. Такое отношеніе Глѣба Ивановича къ людямъ нетрудно прослѣдить и по его произведеніямъ. Не забудемъ и эту его черту, читая его жизнеописаніе. Она несомнѣнно бывала, и даже не одинъ разъ, одной изъ постоянныхъ причинъ цѣлаго ряда коллизій въ его жизни. Правда, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, все это были коллизіи очень мелкія, но, въ своей совокупности, онѣ несомнѣнно представляли изъ себя нѣчто очень крупное и являлись характерною особенностью своеобразной личности Г. И. Успенскаго.

Во время пребыванія Глѣба Ивановича въ черниговской гимназіи, вполнѣ опредѣлилось и его отрицательное отношеніе къ тѣмъ основамъ, на которыхъ держалась дореформенная жизнь не только въ семьѣ и въ гимназіи, но и во всемъ русскомъ государствѣ. Вышло какъ-то само собой, что Глѣбъ Ивановичъ довольно рѣзко выказалъ свои оппозиціонныя качества. Скоро это стало замѣтно и родителямъ, и товарищамъ, и начальству. Но не всѣ одинаково понимали, до какой степени глубоко пустило свои корни это отрицаніе въ душѣ юноши. Оно не имѣло ничего общаго съ тѣмъ крикливымъ и фразистымъ отрицаніемъ, которое было такъ широко распространено въ русскомъ обществѣ въ концѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. О глубинѣ этого отрицанія читатели могутъ составить понятіе, познакомившись съ такими произведеніями Успенскаго, какъ,

напр., «Разоренье», «Тише воды», «Наблюденія одного лѣнтяя», «На старомъ пепелищѣ», «Парамонъ юродивый» и многими другими. Глѣбъ Ивановичъ не могъ не быть такимъ «отрицателемъ основъ» уже потому, что онъ слишкомъ любилъ, цѣнилъ и чувствовалъ правду жизни и слишкомъ горячо еще съ малыхъ лѣтъ умѣлъ ненавидѣть все, что стояло на пути къ ея уразумѣнію и что поддерживало ложь и гнетъ. Разумѣется, такой юноша, какимъ былъ тогда Глѣбъ Ивановичъ, не могъ не вліять на своихъ гимназическихъ товарищей. Когда онъ находился уже въ старшихъ классахъ, нерѣдко въ его квартирѣ собирался товарищескій гимназическій кружокъ; устраивались также и вечеринки, на которыхъ присутствовали, кромѣ товарищей, и гимназистки, и даже нѣкоторые изъ самыхъ любимыхъ учителей. Всѣ участники такихъ вечеринокъ дружнымъ хоромъ распѣвали «нелегальныя» пѣсни того времени, въ особенности же «Зібралыся всі бурлаки». Устраивались и общія чтенія; читались и рефераты, въ томъ числѣ и написанные самимъ Глѣбомъ Ивановичемъ. Къ этому-то времени и относятся его первоначальные «литературные опыты», впрочемъ, еще не удостоивавшіеся того, чтобы появляться въ печати. О чемъ писалъ Глѣбъ Ивановичъ—неизвѣстно. Достовѣрно только то, что онъ уже умѣлъ пописывать,—умѣлъ настолько, что къ нему то и дѣло обращались за помощью насчетъ «классныхъ» и «внѣклассныхъ сочиненій» чуть ли не всѣ его одноклассники. Очевидно, Глѣбъ Ивановичъ уже выдѣлялся тогда среди нихъ своей начитанностью и развитіемъ. Разумѣется, начальство не могло не замѣтить этого. Нашлись и такіе «ревнители» и «охранители», которымъ Глѣбъ Успенскій, какъ водится, показался не только подозрительнымъ, но и опаснымъ. Стали къ нему присматриваться повнимательнѣй. Вскорѣ было установлено съ точностью и достовѣрностью, что Глѣбъ Успенскій состоитъ однимъ изъ главныхъ редакторовъ журнала, издававшагося тогда гимназистами. Дошло до начальства, что тотъ же воспитанникъ иной разъ выражается кой-о-комъ даже очень непочтительно и «вольно». Короче говоря, этотъ самый воспитанникъ, еще будучи въ гимназіи, попалъ «подъ подозрѣніе». За нимъ стали форменно послѣживать. Какія-то темныя личности подсылались къ Глѣбу Ивановичу на домъ и наблюдали за нимъ. Захаживали къ нему и гимназическіе надзиратели. Приходилось заблаговременно принимать мѣры противъ ихъ нашествія, припрятывать книги и бумаги. Очевидно, не все то, что «попысывалъ» тогда Глѣбъ Ивановичъ, бывало «цензурно». По крайней мѣрѣ, былъ съ нимъ такой случай: мать Глѣба Ивановича однажды сочла необходимымъ просто-напросто *сжечь* какія-то «записки» своего сына (вѣроятно, дневникъ его) о черниговской жизни. Бывало и такъ, что подосланныхъ

соглядатаевъ не боялись, а... возможно лучше угощали ихъ. Какъ бы то ни было, Глѣбу Ивановичу удалось-таки окончить курсъ въ черниговской гимназіи, несмотря на свое «крамольное направленіе». Въ іюнѣ 1861 года, въ самый годъ паденія крѣпостного права, будущій писатель-народникъ получилъ наконецъ прямо въ свои руки гимназическій дипломъ.

* * *

Въ это время Глѣбу Ивановичу было около 18 лѣтъ. Приближался конецъ тому періоду его жизни, который, по его собственнымъ словамъ, онъ считалъ необходимымъ возможно скорѣе забыть («примѣрно до двадцати лѣтъ»). Интересно, что къ этому періоду, подлежащему скорѣйшему забвенію, Глѣбъ Ивановичъ относитъ и тѣ два года, въ теченіе которыхъ онъ числился студентомъ сначала петербургскаго, а затѣмъ московскаго университета. Этотъ фактъ не можетъ не показаться особенно страннымъ и непонятнымъ, такъ какъ Россія переживала въ этотъ моментъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ періодовъ своей новѣйшей исторіи, когда освободительными демократическими идеями было охвачено не только студенчество, но и общество. Въ круговоротѣ этихъ идей долженъ бы былъ почувствовать себя особенно хорошо именно такой человѣкъ, какъ Глѣбъ Ивановичъ, только-что имѣвшій возможность оторваться наконецъ отъ давившей его кровли отеческой, отъ родимой «растеряевщины», и зажить своей собственной, самостоятельной жизнью. Ничего подобнаго съ Глѣбомъ Ивановичемъ не произошло. Хотя онъ и порвалъ и внутреннія, а теперь и внѣшнія связи съ растеряевщиной, но въ томъ-то и дѣло, что эта послѣдняя вовсе не порвала своихъ связей съ нимъ. Она крѣпко-накрѣпко вцѣпилась въ его душу, отравила лучшіе годы его жизни, заразила его мучительной болѣзнью совѣсти, не разставаясь съ которою Глѣбъ Ивановичъ и покончилъ свой вѣкъ. На этомъ моментѣ его жизни необходимо нѣсколько остановиться и разобраться въ тѣхъ скудныхъ данныхъ, какія мы имѣемъ для характеристики университетскихъ лѣтъ жизни Глѣба Ивановича. Эти годы не дали ему духовнаго удовлетворенія и равновѣсія, а почему именно, — пусть объ этомъ разскажетъ намъ самъ Глѣбъ Ивановичъ устами Васи Черемухина *), яркій портретъ котораго онъ, какъ извѣстно, въ значительной степени писалъ съ самого себя. Вася Черемухинъ — дѣтище, воспитанное растеряевской средой. Въ его душу подъ кровлею отеческой тоже «не запало ни одно жизни общечеловѣческой плодотворное зерно». Правда, это самое зерно вошло все-таки въ концѣ концовъ въ его душу, но произошло это помимо отеческой кровли, — благо-

*) См. «Разоренье».

даря вліянію нѣкоторыхъ людей изъ народа, а это послѣднее вліяніе, по сознанію Васи, было все-таки чрезвычайно мало—«величиною съ заржавленный грошъ» и не могло дать ему того, что̀ собственно и было необходимо до зарѣзу, какъ противовѣсъ затхлой растеряевщины. Вася вырвался-таки изъ родного дома, отправился въ Петербургъ, поступилъ въ университетъ, сталъ студентомъ, вошелъ въ кругъ учащейся молодежи. Глѣбъ Ивановичъ тоже вырвался-таки изъ родного дома, изъ Чернигова, отправился лѣтомъ 1861 года въ Петербургъ, минуя не столь далекую отъ Чернигова Москву, предпочтя петербургскій университетъ московскому, и въ концѣ іюля этого года былъ уже въ Петербургѣ. Иванъ Яковлевичъ нисколько не противился тому, чтобы Глѣбъ Ивановичъ продолжалъ свое образованіе. Не противился и дѣдъ Глѣбъ Ѳомичъ, питая въ глубинѣ души надежду, что изъ его внука выйдетъ со временемъ хорошій чиновникъ. Глѣбъ Ивановичъ, покидая отчій домъ, смутно надѣялся на то, что ему предстоитъ дѣйствительно новая или, по крайней мѣрѣ, радикально обновленная жизнь. Вышло не то, и прежде всего по внутреннимъ, чисто-психологическимъ причинамъ. Главной причиной было то, что у Глѣба Ивановича, какъ у Васи Черемухина, не оказалось для новой жизни «настоящаго человѣческаго капитала». Его не дали ему до тѣхъ поръ ни люди ни книги. «А за отсутствіемъ этого капитала, изъ котораго могли бы выйти человѣческіе интересы», онъ, студентъ, «сталъ наполняться всякою дрянью». «Литература лишь потрафляла испорченной нравственности» (т.-е. не дала того, чего онъ отъ нея ожидалъ). А люди? «Правда, были и голоса *призывавшіе*, но ихъ было не слышно въ растеряевской ямѣ». Но вотъ «принеслось другое время, — заговорили и другіе люди (Добролюбовы, Чернышевскіе и т. д.)». Эти ужъ были слышны, они «пробрали» растеряевца, потому что «слова ихъ начали осуществляться въ окружающей массѣ. Но не *заржавленнаго гроша потребовали новые дни для нравственнаго обихода.* Каждое дѣло, каждое настроеніе новыхъ дней потребовало *большого капитала,* большихъ силъ», а у растеряевскаго студента былъ лишь грошъ. Сознаніе ему говорило: отъ тебя требуется то-то и то-то. То, чего оно требовало, не имѣлось въ наличности. Было только стремленіе къ нему. И совѣсть разошлась съ фактомъ, и душа захворала болѣзнью совѣсти. «И мнѣ страшно стало,—разсказываетъ Вася Черемухинъ.—Попробовалъ притвориться, задумалъ честно зарабатывать хлѣбъ (т.-е. не беря его изъ «лихоимнаго гнѣзда») — и не могъ. Лѣнь, скука, мало. Рванусь впередъ за какимъ-нибудь такъ-называемымъ общимъ дѣломъ, — и на второмъ же шагу ужъ начинаетъ дѣйствовать вся эта нравственная арлекинада».

Но было кое-что и въ самомъ содержаніи университетской жизни, и въ самой наукѣ, и даже въ этихъ самыхъ «новыхъ вѣяніяхъ» нѣчто такое, что приводило въ смущеніе глубоко-правдивую и чуткую душу молодого студента. Эта жизнь, наука, «вѣянія» сразу раскрывали передъ нимъ, какъ онъ выражается, «всѣ сотни направленій», и къ правдѣ жизни, правдѣ человѣческихъ отношеній, и къ «дѣлу» ему «приходилось подходить *по сорока семи дорогамъ* и будучи осѣняемъ сорока семью разнородными взглядами. И въ результатѣ — нуль, вредъ дѣлу». Другой бы человѣкъ, не съ такою душой, какая была у Глѣба Ивановича, не пришелъ въ смущеніе ни передъ сорока семью и даже ни передъ ста направленіями: пошелъ бы сначала по одному, а если оно почему-либо не удовлетворило его, перешелъ бы на другое, перемахнулъ бы затѣмъ на третье, четвертое и т. д., и дѣлалъ бы это то искренно, то неискренно, то полуискренно. Но вся душа, вся нравственная личность Глѣба Ивановича органически не позволяла ему такого шатанія. Не будь онъ человѣкомъ такимъ вдумчивымъ и глубокимъ, онъ удовлетворился бы какимъ-либо «направленіемъ» безъ провѣрки. И ему не помѣшало бы и то обстоятельство, что въ немъ растеряевщина была еще сильна, «и не за что еще (внутри его) держаться хорошему намѣренію,—нѣтъ правды, нѣтъ любви, *нѣтъ убѣжденія*». «И тутъ я палъ, братецъ ты мой»,—говорилъ студентъ тому простому рабочему человѣку, отъ котораго и получилъ «грошъ правды» (см. «Разореніе»). Университетъ не только не удовлетворилъ его, но и не могъ удовлетворить, и къ тому же по самымъ глубокимъ психологическимъ причинамъ.

Впрочемъ, къ тому же самому вели и причины внѣшнія, зависящія не отъ Глѣба Ивановича Успенскаго, а отъ всего склада русской жизни и того историческаго момента, какой переживала тогда Россія. Глѣбу Ивановичу пришлось быть студентомъ въ такіе годы, когда, въ сущности, университетовъ не существовало; точнѣе говоря, они не дѣйствовали, занятія въ нихъ почти не шли. Почти всѣ русскіе университеты за время 1861—63 гг. были охвачены волненіями, которыя происходили отчасти отъ обще-русскихъ, отчасти отъ спеціально-академическихъ причинъ. Въ годъ освобожденія крестьянъ, въ годъ первой, мало-мальски радикальной мѣры, направленной къ улучшенію крестьянскаго быта, главной злобой дня былъ, разумѣется, крестьянскій вопросъ,—тотъ самый вопросъ, на детальное изученіе котораго отдалъ всѣ свои силы, всю свою жизнь, весь свой художественный и публицистическій талантъ Глѣбъ Ивановичъ. Какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ, такъ и въ студенчествѣ больше всего шло дебатовъ именно о крестьянствѣ, объ устояхъ его быта, о землѣ, объ общинѣ и т. д., словомъ, о томъ

самомъ, о чемъ говорилъ впослѣдствіи и Глѣбъ Ивановичъ въ длинномъ рядѣ своихъ статей. Но эти дебаты и толки за немногими исключеніями представляли изъ себя нѣчто такое, къ чему душа Глѣба Ивановича могла отнестись не иначе какъ отрицательно. Его не могли не оттолкнуть теоретичность и отвлеченность многихъ разсужденій; онъ не могъ не замѣтить и явнаго незнакомства съ народной жизнью, которымъ грѣшили многіе разсуждавшіе и писавшіе. Онъ не могъ не чувствовать, наконецъ, и глубокой фальши и вообще неискренности, которой были проникнуты иныя разсужденія. Отъ вдумчиваго, впечатлительнаго человѣка, надѣленнаго отъ природы глубокимъ аналитическимъ умомъ и чистымъ, глубоко-искреннимъ сердцемъ, нельзя было и ожидать иныхъ отношеній. Но такъ или иначе вопросъ о крестьянствѣ, о народѣ стоялъ передъ всѣми ребромъ. Въ немъ необходимо было разобраться и самому Успенскому; а чтобы въ немъ разобраться, необходимо было его изучить, накопить въ себѣ побольше знаній, встать съ народной жизнью лицомъ къ лицу, сдѣлаться наблюдателемъ народной жизни. Несомнѣнно, въ это время Глѣбъ Ивановичъ, въ глубинѣ души, уже мечталъ обо всемъ этомъ,—по крайней мѣрѣ это замѣтно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его «Наблюденій одного лѣнтяя». Но знанія и пониманія все-таки въ наличности у него не было,—намѣренія же такъ и оставались намѣреніями цѣлыхъ 16 лѣтъ, до второй половины 70-хъ годовъ, когда Глѣбъ Ивановичъ получилъ наконецъ возможность осуществить ихъ. Но самый тотъ фактъ, что онъ хранилъ въ своей душѣ столь продолжительное время эти намѣренія, показываетъ, до какой степени глубоко затронулъ его душу крестьянскій вопросъ. Шестьдесятъ первый годъ не безплодно прошелъ для души Глѣба Ивановича, и молодой студентъ не безплодно вслушивался въ дебаты, которые шли вокругъ него, и вчитывался въ литературу того времени. Все это было необходимо для выработки его народническаго міросозерцанія, центральное мѣсто въ которомъ занимаетъ народъ или, точнѣе говоря, трудящійся классъ. На долю Глѣба Ивановича выпало великое счастье жить въ такія времена и проводить время въ такой средѣ, которая была всецѣло на сторонѣ самаго широкаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Такъ именно относилось къ нему тогдашнее студенчество. Студенты съ крѣпостническими взглядами или несочувственно относившіеся къ надѣлу крестьянъ землей встрѣчались рѣдко. «Университетская молодежь того времени,—разсказываетъ Сорокинъ («Рус. Стар.» 88 г., № 12):—почти цѣликомъ примкнула къ тѣмъ слоямъ общества, которые жили великими идеями и реформами царствованія Александра II. Надо сказать правду, студенты учились мало, но они чрезвычайно воспріимчиво мыслили, а высокими чувствами

были преисполнены до того, что, казалось, и по землѣ ходили приподнятыми. Всестороннее возрожденіе Россіи и, въ особенности, благо народное было у всѣхъ не только на языкѣ, но и въ умѣ и въ сердцѣ». Словомъ сказать, студенческая среда, въ которой тогда волей-неволей вращался Г. И. Успенскій, была глубоко проникнута широко-общественнымъ настроеніемъ. Могло ли оно не подѣйствовать на душу Глѣба Ивановича? Какого бы худого мнѣнія онъ ни былъ о своихъ собственныхъ силахъ, о своемъ «духовномъ капиталѣ», какъ бы ясно ни сознавалъ всю угнетающую силу растеряевщины, свившей прочное гнѣздо въ его душѣ, все равно—закрыть глаза и уши и со всѣхъ сторонъ огородить себя отъ идей, фактовъ и настроеній, носившихся тогда вокругъ него въ воздухѣ,—онъ не могъ, да и не думалъ, и не хотѣлъ этого дѣлать. Но тѣмъ не менѣе Глѣбъ Ивановичъ остался совершенно въ сторонѣ отъ общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Произошло это не только потому, что міросозерцаніе его, какъ мы сказали выше, въ то время еще недостаточно оформилось и кристаллизовалось, и онъ еще не опредѣлилъ въ точности, какого изъ «сорока семи направленій» ему держаться, но и потому, что по самому складу своего характера Глѣбъ Ивановичъ никогда не былъ общественнымъ дѣятелемъ и борцомъ. Это былъ аналитикъ и созерцатель, способный переживать общественную жизнь, общественное движеніе въ себѣ, въ своей душѣ, до чрезвычайности способный живо реагировать на всѣ явленія этой жизни, но реагировать не борьбой, а мыслью, чувствомъ, перомъ. Правда, повинуясь своей впечатлительности и отзывчивости, какъ мы уже видѣли, Глѣбъ Ивановичъ былъ всегда способенъ отдать ближнему свою послѣднюю рубашку, раздѣлить свои послѣднія деньги; онъ умѣлъ страдать вмѣстѣ съ другими и за другихъ, но всѣ эти качества не есть еще качества общественнаго борца: чтобы быть таковымъ, нужно кое-что другое. Разумѣется, не могъ не понимать этого и самъ Глѣбъ Ивановичъ. Можно думать, что, быть-можетъ, это-то сознаніе, это пониманіе и было одной изъ причинъ болѣзни его совѣсти, и доказательства этому мы еще увидимъ, когда будемъ говорить о второй половинѣ семидесятыхъ годовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ раннихъ произведеній Глѣбъ Ивановичъ говоритъ, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ странѣ нужны были люди сильные духомъ и борцы, а онъ не былъ ни тѣмъ ни другимъ. Въ запискахъ Тяпушкина, въ которыхъ Глѣбъ Ивановичъ вложилъ столько автобіографическаго матеріала, онъ спрашиваетъ: «можетъ ли онъ обновить *самого себя* реальной работой для борьбы и труда, во имя реальной справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ?» Что же *я*-то внесу въ общественное дѣло? Чѣмъ *я* оживлю общественныя учрежденія? Какъ и чѣмъ

я-то заявлю свой протестъ противъ явно негодныхъ общественныхъ отношеній и условій? И Тяпушкинъ-Успенскій даетъ на это слѣдующій отвѣтъ: «У меня лично *нѣтъ* матеріала для общественнаго дѣла, да и на дѣлѣ мы видимъ, что при безпрестанномъ гомонѣ, толкотнѣ и разговорахъ объ общемъ благѣ, о народѣ и т. д. ровно ничего человѣчески-простого, нужнаго другимъ такъ же, какъ и мнѣ, не сдѣлано».

Вышеизложенное въ достаточной степени опредѣляетъ отношенія молодого студента Успенскаго къ вопросамъ общерусской жизни начала 60-хъ годовъ и къ общественному движенію того времени. То же можно сказать, въ сущности, и объ его отношеніяхъ чисто-академическихъ, собственно университетскихъ. Во все время своего пребыванія въ университетѣ Глѣбъ Ивановичъ держался далеко отъ студенческаго движенія, но все же ему пришлось вмѣстѣ съ другими студентами, послѣ волненій 1861 года, или совсѣмъ покинуть петербургскій университетъ, или же переселиться въ какой-нибудь другой. Передъ нимъ встала дилемма: или сдѣлать еще одну попытку продолжать (или, точнѣе говоря, начинать) свое высшее образованіе, или же вовсе махнуть на него рукой и теперь же подумать о «кускѣ *собственнаго* хлѣба» и о томъ, что̀ дѣлать и кѣмъ быть? Изъ родного дома попрежнему слышались голоса, усиленно совѣтовавшіе «поступить на службу» (такіе голоса не переставали раздаваться по крайней мѣрѣ до конца шестидесятыхъ годовъ). Заработки дѣйствительно были нужны, и не только для того, чтобы жить, не беря ни одного растеряевскаго гроша, но и на поддержку семьи. Матеріальное положеніе ея въ это время сильно измѣнилось. Когда-то домъ Успенскихъ представлялъ изъ себя своего рода «полную чашу». Но это было въ «доброе дореформенное время». Какъ-никакъ, а оно безвозвратно прошло. Наступили новыя времена,—появились новыя заботы. Повѣяло новымъ духомъ даже въ «канцеляріяхъ», «присутствіяхъ» и «палатахъ». «Доходы» поуменьшились, требованія къ служащимъ повысились, а главное—и народъ сталъ не тотъ,—не одни только «просители» появлялись изъ его среды. На семью надвигалось если еще не настоящее разореніе, то во всякомъ случаѣ нѣчто новое и не совсѣмъ пріятное для растеряевщины. Въ это самое время на Успенскихъ кромѣ того обрушилось, правда, случайное, но тѣмъ не менѣе очень крупное несчастье. Дѣло въ томъ, что Иванъ Яковлевичъ получилъ какую-то командировку въ Крымъ. Поѣздка оказалась очень несчастливой: во время путешествія Иванъ Яковлевичъ схватилъ жестокую малярію, которая совершенно покачнула его здоровье. Онъ вернулся домой неспособнымъ ни къ какой службѣ. Прежніе заработки исчезали. На житье не стало хватать. Иванъ Яковл. отъ своихъ многолѣтнихъ

трудовъ не только не нажилъ себѣ каменныхъ палатъ, но и ничего не отложилъ на черный день для семьи. У него едва-едва хватало, чтобы ежемѣсячно посылать по 25 рублей въ Петербургъ Глѣбу Ивановичу на прожитіе и на ученіе. Но и эту маленькую сумму становилось все труднѣе и труднѣе посылать. Растеряевскій источникъ изсякалъ. Глѣбу Ивановичу приходилось подумать, и къ тому же очень серьезно, о какомъ-нибудь другомъ. Этотъ вопросъ всталъ передъ нимъ особенно весною 1862 года, то-есть въ то самое время, когда, тоже волей-неволей, приходилось переселяться изъ петербургскаго университета въ московскій. Когда наступила весна, положеніе дѣлъ въ университетахъ нисколько не перемѣнилось къ лучшему. Они попрежнему были закрыты. Дольше проживать въ Петербургѣ ради университета совершенно не имѣло никакого смысла.

Но и выбраться-то изъ Петербурга было не такъ легко. Не было денегъ на дорогу. Пришлось продать и заложить кой-какіе отцовскіе подарки, чтобы купить мѣсто въ дилижансѣ. Какъ извѣстно, желѣзной дороги до Чернигова тогда еще не существовало. «Погода тогда (т.-е. весною 1862 г.) была холодная. Ѣхалъ я однако въ лѣтнемъ пальто,—разсказываетъ Глѣбъ Ивановичъ:—а рядомъ сидѣла деревенская баба. Она прислонилась—и пригрѣла меня».

Когда Глѣбъ Ивановичъ добрался наконецъ до Чернигова, онъ засталъ отца уже очень больнымъ. Иванъ Яковлевичъ чувствовалъ себя чрезвычайно плохо. Старикъ долго жалѣлъ и печаловался, «зачѣмъ я плохо учился и зачѣмъ заложилъ золотые часы и шубу»,—разсказываетъ Глѣбъ Ивановичъ. Иванъ Яковлевичъ въ это время сильно страдалъ.

Все лѣто 1862 года Глѣбъ Ивановичъ прожилъ въ Черниговѣ, въ кругу своей семьи, созерцая и чувствуя на себѣ самомъ ея быстро прогрессирующее разореніе. Въ это-то время, быть-можетъ, и созрѣвала въ его душѣ мысль написать исторію «Растеряевой улицы», ея «лихоимныхъ гнѣздъ» и «чиновныхъ полиповъ», и разоренія этихъ послѣднихъ съ наступленіемъ новыхъ временъ. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что разнаго рода литературные планы дѣйствительно копошились уже въ головѣ Глѣба Ивановича. Это было, впрочемъ, и раньше. Объ этомъ свидѣтельствуетъ (хотя и не безъ ироніи) его двоюродный братъ Николай Васильевичъ Успенскій, съ которымъ у Глѣба Ивановича попрежнему поддерживались еще дружескія и родственныя отношенія. Онъ усиленно собиралъ наблюденія, копилъ факты, внимательно присматривался, изучалъ. Стремленіе писать, потребность письменно высказать то, что накопилось на душѣ, не только уже были налицо, но все быстрѣй и быстрѣй разрастались. Если бы въ это время

около Глѣба Ивановича былъ хоть одинъ такой человѣкъ, который сумѣлъ бы вдуматься въ его душевное состояніе, онъ, разумѣется, тогда же угадалъ бы въ молодомъ эксъ-студентѣ петербургскаго университета будущаго писателя. А Глѣбъ Ивановичъ словно и родился имъ. Весь складъ его души, характера, всей его личности, даже самый темпераментъ его былъ, если можно такъ выразиться, писательскій. Именно такимъ и долженъ быть художникъ-публицистъ, печальникъ горя народнаго, живущій одною общею жизнью со своимъ роднымъ народомъ, переживающій вмѣстѣ съ нимъ его страданія, болѣющій вмѣстѣ съ нимъ своею душой, мыслитель и изслѣдователь, воплощающій въ своемъ лицѣ и вѣчное стремленіе къ правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости и жгучее трепетаніе злобы дня. То, что въ человѣкѣ другой спеціальности явилось бы несомнѣннымъ недостаткомъ, у Глѣба Ивановича, какъ писателя, оказалось какъ разъ на самомъ мѣстѣ. Это горѣніе души, это кипѣніе жизни, трепетаніе мысли, это метанье, болѣзненно-чуткая воспріимчивость, безудержное желаніе непремѣнно подѣлиться съ другими тѣмъ, что накипѣло на душѣ, рѣзко выраженная индивидуальность, полнѣйшая неспособность подводить себя подъ установленныя и общепринятыя нормы—все это качества, которыя крайне цѣнны для писателя. Но могъ ли выйти изъ такого человѣка, напримѣръ, хорошій чиновникъ, какого мечталъ «сдѣлать» изъ Глѣба Ивановича Глѣбъ Ѳомичъ, а по его слѣдамъ—и Иванъ Яковлевичъ? Впрочемъ, самъ Глѣбъ Ивановичъ еще не въ достаточной степени сознавалъ въ это время самого себя. Онъ рѣшительно не зналъ и не понималъ, для чего собственно онъ еще можетъ пригодиться. Ему казалось тогда, что ни для чего и ни для кого, что онъ—человѣкъ совершенно «никчемный», навсегда отравленный растеряевщиной, неспособный къ борьбѣ. Онъ не сознавалъ еще и того, что есть борьба и борьба, что въ борьбѣ взглядовъ, направленій, идей и настроеній могутъ быть борцами—и еще какими!—и такіе люди, какимъ, къ счастію для Россіи, уродился и онъ; что бороться съ міросозерцаніемъ, враждебнымъ всему трудящемуся народу, можно и должно не какимъ-либо однимъ способомъ, а многими, въ томъ числѣ и съ перомъ въ рукахъ. Работа перомъ уже занимала очень опредѣленное мѣсто въ сознаніи Глѣба Ивановича въ это самое время. Какъ бы ни сложились обстоятельства его жизни впослѣдствіи, все равно Глѣбъ Ивановичъ могъ бы идти впередъ лишь по одной опредѣленной дорогѣ, а именно по *писательской*.

Лѣтомъ же 1862 года Глѣбъ Ивановичъ сдѣлалъ и первый, хотя и не очень рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи. Онъ написалъ маленькій, простенькій, но очень изящный разсказъ, подку-

пающій одновременно и своей правдивостью и своей художественностью, а именно: «Михалычъ». Разсказъ этотъ былъ написанъ для дѣтей. Кажется, это единственная вещь, написанная Глѣбомъ Ивановичемъ для дѣтей. Съ этого-то произведенія и началась литературная дѣятельность писателя, такъ какъ осенью того же 1862 года «Михалычъ» появился въ печати.

Первымъ крестнымъ отцомъ Глѣба Ивановича въ литературѣ былъ не кто иной, какъ Левъ Николаевичъ Толстой, который издавалъ тогда свой педагогическій журналъ «Ясную Поляну».

Дѣло въ томъ, что Глѣбъ Ѳомичъ давнымъ-давно былъ знакомъ съ Львомъ Николаевичемъ, который съ нимъ, какъ мы уже упоминали, даже переписывался по вопросамъ крестьянскаго хозяйства и крестьянской жизни. Было немножко знакомо съ Л. Н. Толстымъ и семейство Успенскихъ, въ то время, когда оно еще проживало въ Тулѣ, въ томъ числѣ и Николай Васильевичъ, двоюродный братъ Глѣба Ивановича. Николай Васильевичъ принималъ въ «Ясной Полянѣ» небольшое участіе. Благодаря его посредничеству, попала въ редакцію этого журнала и статья Глѣба Ивановича. Впрочемъ, ею одной и ограничилось его сотрудничество въ «Ясной Полянѣ», такъ какъ въ концѣ того же 1862 года журналъ прекратилъ свое существованіе.

Жгучее ощущеніе какой-то особенной радости, которую испытываетъ каждый писатель, видя въ печати свое первое произведеніе, — было уже налицо и властно требовало повторенія. Мелькали въ душѣ и довольно смутныя надежды, что литература дастъ и какой-нибудь заработокъ, въ которомъ такъ нуждался тогда и самъ Глѣбъ Ивановичъ и его семья. Средствъ не было, а мечта о высшемъ образованіи попрежнему была въ душѣ. Глѣбъ Ивановичъ рѣшилъ сдѣлать еще разъ попытку получить его и осенью 1862 г. отправился въ Москву, чтобы поступить тамъ въ московскій университетъ, прямо на второй курсъ юридическаго факультета. Такъ какъ переходныхъ экзаменовъ съ перваго на второй курсъ тогда не существовало, то это представлялось возможнымъ и позволяло выгадать время. Попытка получить высшее образованіе, въ сущности, была довольно рискованной и еще заранѣе грозила неудачей. Это сознавалъ и самъ Глѣбъ Ивановичъ, не очень-то разсчитывая на свои силы и умѣнье по части добыванія заработковъ. Но обстоятельства измѣнились къ худшему и съ другой стороны, а именно со стороны правительства, которое «изъ высшихъ государственныхъ соображеній» рѣшило поставить кой-какія, и къ тому же весьма серьезныя преграды для доступа въ россійскіе университеты разночинной бѣднотѣ. Девятымъ пунктомъ путятинскихъ «правилъ», Высочайше утвержденныхъ 31 мая

1861 г., предлагалось всѣмъ университетамъ освобождать отъ платы за слушаніе лекцій *только по два* студента отъ каждой губерніи, входящей въ составъ того учебнаго округа, гдѣ находится данный университетъ. Между тѣмъ огромное большинство студентовъ, нахлынувшихъ въ университеты, лишь только повѣяло свѣжимъ воздухомъ, принадлежало именно къ разночинной бѣднотѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ такіе студенты не имѣли ни малѣйшей возможности вносить плату за слушаніе лекцій. По путятинскимъ «правиламъ» петербургскій университетъ имѣлъ право освободить отъ этой платы всего лишь 12 человѣкъ студентовъ; около того же числа и московскій. Тѣмъ не менѣе притягательная сила университета оказалась куда сильнѣй, чѣмъ путятинскія правила, которыя вовсе не остановили наплывъ бѣдноты. Молодежь собирала съ неимовѣрными усиліями гроши и копейки, не останавливалась ни передъ страхомъ голода и холода ни передъ другими лишеніями и все-таки наполняла университеты и даже вносила установленную плату. Молодежь была готова на все, лишь бы добиться высшаго образованія. Къ такой молодежи принадлежалъ и Глѣбъ Ивановичъ. Онъ также былъ готовъ на все. До него съ разныхъ сторонъ доходили извѣстія и разсказы о той буквально неслыханной нуждѣ, которую приходится переносить недостаточнымъ студентамъ въ Москвѣ; разсказывали, что студенты въ полномъ смыслѣ слова голодаютъ; ходятъ холодные и голодные безъ калошъ и теплаго платья, иногда безъ квартиры и безъ всякаго своего угла, гдѣ бы можно было хоть переночевать; ночуютъ въ дощатыхъ будкахъ изъ-подъ известки, даже въ какихъ-то шкапахъ, на скамейкахъ въ паркѣ; питаются всухомятку однимъ ситнымъ хлѣбомъ съ морковью, или сайкой съ рубцомъ, двумя-тремя бутербродами и кружкой пива, и наконецъ буквально умираютъ съ голоду *). Глѣбъ Ивановичъ, разумѣется, зналъ и понималъ, что и его ожидаетъ въ Москвѣ жизнь наподобіе вышеописанной, какъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Время, проведенное имъ въ стѣнахъ московскаго университета, было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ его жизни. Приходилось бѣгать за работой, искать уроковъ, переписки, корректуры и тому подобныхъ занятій, которыми живутъ и въ настоящее время тысячи учащейся молодежи; приходилось и голодать въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Самъ Глѣбъ Ивановичъ говоритъ въ своихъ автобіографическихъ наброскахъ, что онъ «здѣсь, въ Москвѣ, *голодалъ долго*». Найти хоть какую-нибудь работу было очень нелегко. За нею приходилось «гоняться

*) См. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», Острогорскій: «Изъ исторіи моего учительства», С. Аливскій: «Исторія студенч. волненій», «Совр. Міръ» 1907, № 8 и др.

какъ за дичью» и «скитаться по мытарствамъ». Одно время Глѣбу Ивановичу удалось пристроиться корректоромъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а затѣмъ въ газетѣ «День». Впрочемъ, Глѣбъ Ивановичъ, какъ и нужно было ожидать, оказался очень плохимъ корректоромъ. Работа, требующая механическаго прилежанія и вниманія, вовсе не соотвѣтствовала его натурѣ. Сколько онъ ни старался быть исправнымъ, — работѣ мѣшала все та же его впечатлительность. Въ концѣ концовъ случился «инцидентъ»: Глѣбъ Ивановичъ пропустилъ въ своей корректурѣ не только грубую, но просто-напросто совершенно неприличную опечатку. Редакція «Дня» отказала Глѣба Ивановича отъ мѣста. Въ погонѣ за работой приходилось невольно забывать объ университетѣ и университетскихъ занятіяхъ. Да настоящихъ занятій въ 1862—63 г. не было и въ московскомъ университетѣ, такъ какъ волненія среди учащейся молодежи еще продолжались. Не приходилось принимать никакого участія и въ студенческихъ дѣлахъ. Не до того было. Наконецъ оставались въ прежней силѣ и тѣ соображенія, какъ чисто-личнаго, такъ и общественнаго свойства, которыя годъ передъ тѣмъ терзали душу Глѣба Ивановича и которыя онъ впослѣдствіи высказалъ устами Васи Черемухина. Но не только это. Къ прежнимъ мученіямъ физическимъ присоединились еще новыя, чисто-нравственныя мученія. Глѣбъ Ивановичъ видѣлъ вокругъ себя, среди учащейся молодежи, такую бѣдность, нищету, безысходную нужду, которая буквально выматывала изъ него всѣ нервы, приводила его въ состояніе крайне нервнаго напряженія, и это послѣднее усиливалось тѣмъ болѣе отъ полнѣйшей невозможности кому-либо чѣмъ-нибудь помочь. Изъ дома тоже доходили вѣсти одна другой печальнѣе. Какъ ни терзали душу Глѣба Ивановича оставшіеся въ ней слѣды старой растеряевщины, все-таки свое семейное горе онъ, разумѣется, принималъ очень близко къ сердцу. Положеніе съ каждымъ днемъ становилось безвыходнѣе. Возможность получить высшее образованіе исчезала. Числиться студентомъ и впредь не имѣло никакого смысла. Мало-по-малу въ душѣ Глѣба Ивановича созрѣвало рѣшеніе совершенно разстаться съ университетомъ. Этому были, повидимому, и другія причины, чисто-идейнаго свойства. Университеты въ это время уже начали терять, и даже въ значительной степени, свою притягательную силу въ глазахъ учащейся молодежи. Въ нѣдрахъ общества созрѣвали новыя теченія, которыя проявились лишь нѣсколько позднѣе. Многіе студенты покидали университеты по чисто-идейнымъ соображеніямъ, какъ это сдѣлалъ, напр., П. Якушкинъ (а въ свое время и Л. Н. Толстой). По рукамъ ходили прокламаціи, проповѣдывавшія отрицательное отношеніе къ университетамъ. Выразителемъ этого отношенія выступилъ

Н. Огаревъ въ «Колоколѣ» и въ горячо написанномъ воззваніи къ учащейся молодежи доказывалъ, что служить народу можно и помимо университета. Въ круговоротѣ такихъ настроеній и созрѣвало въ душѣ Глѣба Ивановича рѣшеніе разстаться съ университетомъ. Имѣли ли какое-либо вліяніе на него тѣ идеи, которыя высказывалъ Огаревъ въ своей статьѣ? Судя по тому, что много лѣтъ спустя высказывалъ самъ Глѣбъ Ивановичъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ Тяпушкина, необходимо отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, съ тою только оговоркой, что въ теченіе всей своей жизни Глѣбъ Ивановичъ никогда не поддавался чужимъ вліяніямъ и внушеніямъ съ большою легкостью. Гарантіей противъ этого былъ его вѣчно анализирующій умъ, тонкое чувство правды и впечатлительность, которая если и увлекала его въ какую-либо сторону въ такой-то моментъ, то могло его увлечь съ такою же силой въ другой моментъ и въ другую сторону, и т. д. Въ такихъ колебаніяхъ, правда, съ очень небольшой амплитудой въ обѣ стороны, и прожилъ Глѣбъ Ивановичъ всю свою жизнь, всегда оставаясь самимъ собою, всегда ведя свою линію, своеобразную и по существу неизмѣнную.

Зимою 1862 — 63 гг. Глѣбъ Ивановичъ окончательно вышелъ изъ числа студентовъ московскаго университета, въ которомъ такимъ образомъ, по его собственному оригинально-милому выраженію, «благополучно курса и не окончилъ». Какія же перспективы рисовала передъ нимъ въ это время судьба? Самыя неопредѣленныя. Чуть ли не единственнымъ якоремъ спасенія оставались все-таки литературныя занятія. Правда, и на нихъ приходилось возлагать очень туманныя надежды, но, по крайней мѣрѣ, къ литературнымъ занятіямъ всецѣло лежало сердце. Случилось какъ-то само собой, что надежды на литературу вытѣснили изъ души всякія другія надежды, а литературная работа оттѣснила на второй планъ всѣ другія занятія. И это вовсе не потому, что, какъ-никакъ, а она давала хоть кое-какой заработокъ, — этого-то какъ разъ и не было,—а потому, что литература, въ самомъ лучшемъ, въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, имѣла для Глѣба Ивановича съ давнихъ еще поръ неопреборимую притягательную силу. И литература быстро завладѣла всѣмъ его существомъ. Также какъ-то само собой случилось и то, что Глѣбъ Ивановичъ, еще не будучи «настоящимъ литераторомъ», уже отдалъ всѣ свои силы на служеніе литературѣ, точнѣе говоря—на *литературное служеніе* окружающей жизни. Для него это было не простое занятіе, это былъ своего рода культъ, священнодѣйствіе, и въ его служеніи литературѣ нельзя не видѣть прямо религіознаго оттѣнка. Но на долю Глѣба Ивановича, какъ и другихъ русскихъ писателей-разночинцевъ, выпала судьба крайне

тяжелая. Ему пришлось служить такому божеству, которое пожираетъ своихъ поклонниковъ, жжетъ ихъ внѣшнимъ и внутреннимъ огнемъ, калѣчитъ, ломаетъ и, измочаливъ въ конецъ, выбрасываетъ, какъ ни къ чему уже негодный соръ...

А для того, чтобы сдѣлаться профессіональнымъ писателемъ, время было самое подходящее. Къ писательству побуждало многое,— не только потребность души, но и историческій моментъ, который переживался тогда Россіей. «Это было удивительное время,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ современникъ Глѣба Ивановича, Н. В. Шелгуновъ:—время, когда всякій хотѣлъ думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотѣлъ высказать это громко. Эта заманчивая работа тянула къ себѣ всѣхъ болѣе даровитыхъ и способныхъ людей и выдвинула массу молодыхъ публицистовъ, литераторовъ и ученыхъ».

Такъ или иначе, послѣ своего выхода изъ московскаго университета Глѣбъ Ивановичъ сталъ «исключительно человѣкомъ литературнаго труда» и сталъ существовать почти исключительно на свой литературный заработокъ. Онъ сдѣлался тѣмъ самымъ «литераторомъ-разночинцемъ», о пришествіи которыхъ въ литературу говоритъ въ своей статьѣ Н. К. Михайловскій. И вотъ, послѣ двухъ слишкомъ лѣтъ скитаній студенческихъ, начались для Глѣба Ивановича еще болѣе горькія и мучительныя скитанія—писательскія. Продолжались они, по словамъ самого Глѣба Ивановича, около шести лѣтъ—съ 1862 по 1868 г.

Съ этого-то момента, т.-е. съ выхода своего изъ университета, Глѣбъ Ивановичъ и начинаетъ свою «новую біографію». Только въ этотъ моментъ началось для него такое время, о которомъ онъ уже не говоритъ, что его «нужно забыть». Нѣтъ, онъ считаетъ подлежащимъ забвенію только то, что было пережито имъ «примѣрно до двадцатилѣтняго возраста». Чѣмъ же собственно объясняется такой его взглядъ на моментъ начала его новой біографіи? Не тѣмъ ли, что теперь-то только онъ и порвалъ свою идейную связь съ родной растеряевщиной? Не тѣмъ ли, что онъ эту связь дѣйствительно *порвалъ*, наотрѣзъ отказавшись слѣдовать совѣтамъ родныхъ насчетъ поступленія на службу? Не тѣмъ ли, что сдѣлался окончательно писателемъ противъ воли родныхъ? Для того, чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы съ фактической опредѣленностью, мы въ настоящее время не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ точныхъ данныхъ и потому оставляемъ эти вопросы въ сторонѣ. Во всякомъ случаѣ для насъ ясно, что съ 1863 года для Глѣба Ивановича начинается новая біографія *писателя*, а до этого времени онъ писателемъ *еще не былъ*. Къ писательству же вообще, какъ уже было упомянуто нами, относились не только скептически, а даже

и вообще подозрительно и Глѣбъ Ѳомичъ и другіе родные. Но Глѣбъ Ивановичъ уже считалъ себя въ это время настоящимъ отщепенцемъ отъ родного гнѣзда. Впрочемъ, несмотря на это, онъ всегда сумѣлъ сохранять довольно хорошія отношенія съ своей семьей.

Посмотримъ теперь, какъ пошла жизнь Глѣба Ивановича начиная съ 1863 года. Покинувъ московскій университетъ, первое время Глѣбъ Ивановичъ проживалъ въ Москвѣ, но затѣмъ, въ концѣ 1863 года, мы уже находимъ его въ Петербургѣ, который съ этого времени и дѣлается его постояннымъ мѣстопребываніемъ. Кстати сказать, въ Петербургѣ же проживали въ это время и нѣкоторые родственники Глѣба Ивановича (съ отцовской и съ материнской стороны). На первыхъ порахъ Глѣбъ Ивановичъ остановился въ Петербургѣ у Успенскихъ — сначала у своего двоюроднаго брата Якова Васильевича Успенскаго, а затѣмъ у М. В. и Н. В. Успенскихъ. Своего собственнаго жилья у него въ это время, повидимому, не было, такъ какъ дѣла попрежнему шли очень плохо во всѣхъ отношеніяхъ.

Настало лѣто 1864 года. Въ это время надъ семьей Глѣба Ивановича разразилось большое несчастье. Изъ Чернигова, изъ родного, отчаго гнѣзда, пришло къ нему печальное извѣстіе о внезапной смерти его отца. Иванъ Яковлевичъ умеръ совершенно неожиданно, и его кончина чрезвычайно поразила Глѣба Ивановича. «Вызвали меня къ матушкѣ, — такъ разсказывалъ онъ впослѣдствіи объ этомъ моментѣ своей жизни.—Семья у насъ была большая, я— самый старшій, а тамъ еще три брата,—младшій еще совсѣмъ крошечный былъ. Также четыре сестры»... Экономическое положеніе семьи было, разумѣется, самое тяжелое. Разсчитывать на чью-либо помощь не приходилось. Глѣбъ Ѳомичъ Соколовъ былъ въ это время уже въ отставкѣ, жилъ маленькой пенсіей, которая едва-едва хватала ему самому. Семья сидѣла не только безъ гроша денегъ, но и безъ имущества, съ которымъ ей пришлось поневолѣ и немедленно разстаться. Началась усиленная его распродажа, и то, что за него удалось выручить, ушло на уплату длиннаго ряда долговъ, вынырнувшихъ неизвѣстно откуда. Разореніе семьи было полное. Впрочемъ, семья Успенскихъ еще жила въ томъ самомъ домѣ, гдѣ и раньше.

Когда Глѣбъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Черниговъ, отецъ его уже былъ похороненъ. Еще одной родственной, и къ тому же самой близкой связью съ растеряевщиной стало меньше. Для поддержки семьи необходимо было предпринять что-нибудь рѣшительное. Глѣбъ Ивановичъ распростился съ родными и въ дилижансѣ снова поѣхалъ въ Петербургъ, хлопотать о пенсіи или пособіи, право на которое Иванъ Яковлевичъ выслужилъ давнымъ-давно.

И вотъ въ 1865 году мы видимъ, что Глѣбъ Ивановичъ усиленно хлопочетъ въ Петербургѣ о казенномъ пособіи, пуская въ ходъ всѣ свои, впрочемъ, не очень-то многочисленныя знакомства и связи. Можно себѣ представить, чего это стоило самому Глѣбу Ивановичу, не умѣвшему до конца своихъ дней ни политиканствовать ни кланяться. Кое-какъ все-таки удалось выхлопотать у казны небольшое пособіе, и то только единовременное, и то лишь на воспитаніе дѣтей. Министерство государственныхъ имуществъ удостоило выдать на воспитаніе дѣтей Ивана Яковлевича 1600 р., да и то разсрочивъ эту сумму на четыре года (по 400 р. въ годъ).

Впрочемъ, и этими ничтожными деньгами можно было порадовать почти обнищавшую семью. Выхлопотавъ пенсію, Глѣбъ Ивановичъ тотчасъ же отправился въ Черниговъ, чтобы окончательно устроить тамъ дѣла семьи, а главное—чтобы перевезти старушку-мать изъ Чернигова на старое, насиженное пепелище—въ Тулу, гдѣ, какъ-никакъ, а все-таки былъ еще живъ ея отецъ Глѣбъ Ѳомичъ. Перевезя семью, Глѣбъ Ивановичъ при первой же возможности снова уѣхалъ въ Петербургъ.

Это было лѣтомъ 1865 года.

Послѣ этого Глѣбъ Ивановичъ ѣздилъ въ Тулу, «на родное пепелище», каждое лѣто или каждую весну (въ 1866, 1867 и 1868 гг.).

Что же дали самому Глѣбу Ивановичу эти 1862—68 годы—годы его литературныхъ скитаній и мытарствъ? Кромѣ дальнѣйшаго обостренія его и безъ того острой неуравновѣшенности, они дали ему прежде всего цѣлый рядъ страданій, непріятностей, горя и нужды. Но не только это. Въ эти годы Глѣбъ Ивановичъ уже создалъ себѣ крупное литературное имя. Его замѣтили не только журнальные и вообще литераторскіе круги, но и читающая публика. Какъ писатель, Глѣбъ Ивановичъ въ это время уже прочно стоялъ на своихъ ногахъ. Талантливость его, и къ тому же крупная, не нуждалась уже въ доказательствахъ, и дальнѣйшая дорога въ литературѣ для него была открыта. Да онъ и въ эти 1862—68 годы постоянно шелъ впередъ и, начавъ съ маленькихъ журнальчиковъ, быстро проложилъ себѣ дорогу къ лучшимъ журналамъ того времени. Въ этомъ отношеніи особенно полезнымъ оказался для него кружокъ «Искры», редакторъ которой, В. С. Курочкинъ, весьма душевно относился къ начинающимъ писателямъ. Глѣбъ Ивановичъ очень часто бывалъ въ этомъ кружкѣ *). Какъ извѣстно, «Искра» сумѣла сгруппировать тогда около себя такихъ

*) Объ отношеніи Г. И. къ «Искрѣ» см. П. Мартьянова: «Дѣла и люди вѣка». Т. I, стр. 238. О кружкѣ «Искры» см. у Н. К. Михайловскаго: «Литературныя воспоминанія» I. Соч. т. III, стр. 593—600, М. Лемке: «Очерки по исторіи русской цензуры».

талантливыхъ людей, какъ, напримѣръ, В. С. и Н. С. Курочкины, А. Жемчужниковъ, А. Мей, Д. Минаевъ, П. Вейнбергъ, Г. Елисѣевъ и др. Глѣбъ Ивановичъ нѣсколько лѣтъ участвовалъ въ «Искрѣ» и, значитъ, бывалъ и въ кружкѣ, который, быть-можетъ, и повліялъ на своеобразное развитіе юмористической стороны его таланта. Благодаря этому же кружку, Глѣбъ Ивановичъ завязалъ довольно близкое знакомство съ нѣкоторыми сотрудниками «Современника» (въ началѣ 1865 г. Глѣбъ Ивановичъ сотрудничалъ уже въ «Искрѣ», а въ концѣ того же года—и въ «Современникѣ». Какъ извѣстно, «Искра» составляла въ это время одну общую литературную группу съ «Современникомъ»). Попавъ въ сотрудники «Искры», Глѣбъ Ивановичъ безъ труда завязалъ (въ концѣ 1866 г.) связи и съ «Современникомъ» черезъ Г. З. Елисѣева. Въ 1868 г. Г. И. начинаетъ съ апрѣля мѣсяца сотрудничать въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ имъ былъ помѣщенъ прекрасный его разсказъ «Будка», навсегда обезсмертившій и до сихъ поръ ходовой типъ будочника Мымрецова, умѣющаго, ради государственной пользы, дѣлать только два дѣла—«тащить» и «не пущать». Въ томъ же 1868 г. Глѣбъ Ивановичъ въ майской книжкѣ помѣщаетъ одинъ свой очеркъ въ «Дѣлѣ», а въ октябрѣ другой—въ «Модномъ Магазинѣ». Затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ съ 1869 — 70 гг., Глѣбъ Ивановичъ уже является передъ нами къ качествѣ постояннаго сотрудника исключительно «Отечественныхъ Записокъ», лучшаго журнала того времени. Съ этого начинается новый періодъ его жизни, о чемъ будетъ сказано дальше.

Присмотримся теперь нѣсколько поближе къ литературнымъ скитаніямъ Г. И. Успенскаго и сдѣлаемъ краткій обзоръ его литературной дѣятельности, которую съ внѣшней стороны можно раздѣлить на три періода: во-первыхъ, періодъ собственныхъ литературныхъ скитаній, во-вторыхъ, періодъ «Отечественныхъ Записокъ», періодъ наиболѣе яркаго расцвѣта силъ, и наконецъ періодъ, послѣдовавшій за закрытіемъ «Отечественныхъ Записокъ» до конца литературной дѣятельности. Тяжелые годы «литературныхъ скитаній» начинающаго писателя продолжались, по словамъ самого Успенскаго, съ 1862 г. по 1868 г., т.-е. съ появленія перваго произведенія Г. И. въ «Ясной Полянѣ» до перехода «Отечественныхъ Записокъ» въ руки Н. А. Некрасова.

Въ общемъ литературная дѣятельность Успенскаго въ эти годы представляетъ нижеслѣдующую картину: въ 1862 г. Г. И. помѣщаетъ второй свой разсказъ («Идиллія») въ «Зрителѣ» *) (редакція С. Калошина), въ 1863 г. еще *одинъ* тамъ же и *одинъ* въ «Библіотекѣ для чтенія» (ре-

*) Полное заглавіе этого журнала: «Зритель общественной жизни, литературы и спорта».

дакція П. Боборыкина), въ 1864 г.—*четыре* въ «Русскомъ Словѣ» (редакція Г. Благосвѣтлова) и *два* въ «Сѣверномъ Сіяніи» (редакція В. Генкеля), въ 1865 г.—*четыре* въ «Будильникѣ» (ред. Н. А. Степанова), *три* въ «Сѣверномъ Сіяніи», *одинъ* въ «Библіотекѣ для чтенія», *два* въ «Русскомъ Словѣ», *пять* въ «Искрѣ» (ред. В. С. Курочкина) и *одинъ* въ «Современникѣ» (ред. И. И. Панаева и Н. А. Некрасова) («Деревенская встрѣча»). Въ 1866 г.—*девять* очерковъ въ «Женскомъ Вѣстникѣ» (редакція г-жи Мессарошъ), *два* въ «Дѣлѣ» (г. Благосвѣтлова), *четыре* въ «Современникѣ» (ред. Некрасова) и *одинъ* въ сборникѣ «Лучъ» («Перепутье»). Въ 1867 г.—*одинъ* въ «Будильникѣ», *три* въ «Русскомъ Базарѣ» (ред. В. Мамышева), *одинъ* въ «Невскомъ Сборникѣ», *одинъ* въ «Грамотеѣ» (ред. Н. Ф. Савича), *одинъ* въ «Женскомъ Вѣстникѣ». Эта табличка, составленная нами на основаніи библіографіи, приложенной къ сочиненіямъ Г. И. Успенскаго, изд. 1903 г., и исправленная по «Русской словесности XI—XIX столѣтій» А. Мезьеръ, въ достаточной степени характеризуетъ литературныя скитанія Глѣба Ивановича «въ темномъ лѣсу русской журналистики» за періодъ 1862—68 годовъ. Библіографія въ изданіи Фукса не совсѣмъ полна и грѣшитъ ошибками. Это видно изъ сравненія ея съ библіографіей, помѣщенной въ «Русской словесности XI—XIX вѣка» А. Мезьеръ, изд. подъ ред. Н. А. Рубакина. Въ изданіи Фукса не указано ни времени ни мѣста появленія 17-ти произведеній Г. И. Успенскаго. Нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ, «Старики», «Злыя новости», «А. Щаповъ») вовсе не вошли въ это изданіе. Повидимому, Г. И. сотрудничалъ еще въ «Иллюстраціи» («Иллюстрированной газетѣ») ред. З. Зотова.

Г. И. пришлось скитаться по очень многимъ періодическимъ изданіямъ, и онъ не сразу вошелъ въ число сотрудниковъ такъ-называемыхъ «толстыхъ» журналовъ («Современника» и «Русскаго Слова»), занимавшихъ первое мѣсто въ тогдашней русской журналистикѣ. Это случилось два года спустя послѣ начала литературной дѣятельности Глѣба Ивановича, но это отнюдь не прекратило его «скитаній по задворкамъ». Несомнѣнно, всѣ они были обусловлены цѣлымъ рядомъ случайныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ необходимо поставить, въ сущности, большую бѣдность русской журналистики того времени идейными органами, ея недостаточное развитіе въ количественномъ отношеніи, а можетъ-быть, за немногими исключеніями, и низкій уровень въ качественномъ отношеніи. Тѣхъ органовъ печати, въ какіе Глѣбъ Ивановичъ могъ бы идти по своему, такъ сказать, общему направленію, было относительно немного, такъ что и выбирать было иной разъ не изъ чего. Это явленіе, имѣющее очень мало общаго съ потребностями русской общественной жизни, объясняется прежде всего чисто-внѣшними, правовыми и политическими условіями, въ которыя была поставлена въ то время русская журналистика именно прогрессивнаго направленія.

Повсюду, гдѣ Г. И. *еще могъ* сотрудничать, тамъ онъ и сотрудничалъ, исчерпавъ всю наличность подходящихъ журналовъ. Что касается цензурныхъ «случайностей», то, разумѣется, онѣ оказали

огромное вліяніе на его скитанія. Это превосходно иллюстрируетъ самъ Г. И. въ предисловіи къ первому изданію своихъ сочиненій (1888 г.)... «Времена, пережитыя русской журналистикой за послѣднія двадцать лѣтъ (1862—82 гг.),—говоритъ онъ:—были преисполнены всевозможныхъ случайностей, безпрестанно разстраивавшихъ правильное ея теченіе и развитіе. Мои очерки много пострадали отъ этихъ невзгодъ журнальнаго дѣла чисто во внѣшнемъ отношеніи. Правда, аргусамъ нечего было въ нихъ искоренять: цензурныя бѣды обрушивались и не на такого рода литературныя явленія. Но, въ общемъ водоворотѣ, ничто не можетъ оставаться нетронутымъ. Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что эти мои очерки вышли бы рельефнѣе, полнѣе и осмысленнѣе, если бы журнальная жизнь была устойчивѣе и представители печати могли чувствовать себя поспокойнѣе». Нерѣдко писателю, нуждающемуся въ заработкѣ, чтобы не умереть съ голоду, приходилось относиться къ выбору редакціи очень терпимо. Это отчасти отразилось и на литературной дѣятельности Успенскаго, который въ 1863 г. печатался, напр., въ «Библіотекѣ для чтенія», гдѣ въ 1862 г. появился извѣстный фельетонъ Писемскаго, получившій рѣзкую отповѣдь со стороны Г. З. Елисѣева *). Далѣе, какъ извѣстно, «Рус. Слово» и «Современникъ» представляли изъ себя два враждебныхъ лагеря. Г. И., стоя въ сторонѣ отъ этой вражды и не принимая никакого участія въ ихъ полемикѣ, печатался въ обоихъ этихъ органахъ одновременно. Слѣдуетъ замѣтить, что Г. И., повидимому, стоялъ далеко отъ обѣихъ редакцій. «Въ редакціи «Современника» я его ни разу не встрѣчалъ,—пишетъ намъ М. А. Антоновичъ:—а также и въ кружкѣ литераторовъ, группировавшихся около «Современника», я его не видалъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о литературныхъ скитаніяхъ Г. И. и о ихъ вліяніи на его работы, достаточно будетъ привести одинъ примѣръ, который приводитъ онъ самъ. Первое крупное его произведеніе: «Нравы Растеряевой улицы» задумано было въ 1863—64 гг., а начало печататься въ «Современникѣ» въ 1866 г. (№№ 2 и 3). Какъ извѣстно, въ этомъ же году «Современникъ» былъ закрытъ по Высочайшему повелѣнію. Г. И. сдалъ продолженіе своихъ очерковъ въ редакцію «Русскаго Слова». Но этотъ журналъ тоже былъ тогда же закрытъ, и тоже по Высочайшему повелѣнію. Чтобы какъ-нибудь удовлетворить читателей, редакція «Русскаго Слова» рѣшила выпустить особый сборникъ «Лучъ», гдѣ и появилась статья Успенскаго. У каждаго изъ этихъ двухъ журналовъ, по многимъ вопросамъ державшихся далеко не сходныхъ и даже противоположныхъ взглядовъ, имѣлся болѣе или

*) Лемке. М. «Эпоха цензурныхъ реформъ», стр. 123.

менѣе свой особый кругъ читателей и почитателей. И вотъ Г. И. пришлось, въ силу этого, приспособлять «очерки» къ такой перемѣнѣ мѣстожительства,—кое-что въ нихъ уничтожать, обрѣзывать, выкидывать, передѣлывать, перекраивать, «для того, чтобы *продолженіе* имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной», приходилось и дѣйствующимъ лицамъ давать новыя имена, и ставить ихъ въ иную обстановку, и, разумѣется, мѣнять названіе очерковъ. Но изданіе сборника «Лучъ» тоже ограничилось однимъ первымъ томомъ. И вотъ Г. И. опять переноситъ продолженіе «Растеряевой улицы» въ новый журналъ, на этотъ разъ въ «Женскій Вѣстникъ», такъ какъ тогда «совершенно не было другихъ литературныхъ журналовъ». Судите по этому,—говоритъ Г. И.:—что должна была претерпѣть Растеряева улица съ своими пьяницами, сапожниками и мастеровщиной, появляясь въ журналѣ, посвященномъ *женскому* развитію и *женскому вопросу*. При всемъ моемъ глубокомъ желаніи, чтобы пьяницы вели себя въ дамскомъ обществѣ поприличнѣй; всѣ они до невозможности пахли водкой и сокрушали меня. Но что же было дѣлать? Я ихъ и умылъ и пріодѣлъ, а они отъ этого стали только хуже, а правды въ нихъ меньше».

Но какъ бы тамъ ни было, а жить было нужно, литературные же заработки были мизерны. Приходилось принимать въ расчетъ не только качество, но и количество своей работы. Для Г. И. эта сторона дѣла была особенно тягостна, потому что онъ, какъ говоритъ Н. К. Михайловскій, никогда не писалъ изъ-за денегъ. Даже самыя маленькія, самыя незначительныя его произведенія лились у него изъ души. Иначе онъ не умѣлъ и не могъ писать. Но денежная сторона тогдашней литературной работы составляла тоже очень больное мѣсто въ литературныхъ скитаніяхъ Г. И. Писательскіе гонорары шестидесятыхъ годовъ были значительно ниже современныхъ; число подписчиковъ даже у самыхъ распространенныхъ журналовъ никогда не достигало той цифры, какой достигаетъ иногда теперь; даже очень порядочныя редакціи сплошь и рядомъ находились «въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ» и, какъ водится, наводили экономію за счетъ сотрудниковъ, попросту говоря, жестоко эксплоатировали ихъ. Такой эксплоатаціи подвергался и Г. И. Правда, не всѣ издатели были таковы. Напримѣръ, въ редакціи «Современника» Н. А. Некрасовъ уплачивалъ гонорары довольно аккуратно. Но имѣть дѣло съ разными Калошиными, Мессарошами, Благосвѣтловымъ и Н. Благовѣщенскимъ (ред. «Русскаго Слова») было не очень-то пріятно. «Благовѣщенскій, — разсказываетъ самъ Г. И.:—совсѣмъ не платилъ. Онъ мнѣ за одинъ разсказъ пять рублей далъ, ей-Богу!.. Всего только пять рублей... У самого, говоритъ, только 13 р. 60 к. А дѣвать-то повѣсть было

некуда...» Очень непріятно было имѣть дѣло начинающимъ писателямъ и съ Благосвѣтловымъ, который, вообще говоря, недолюбливалъ ихъ и рѣзко отругивалъ Н. Шелгунову. Разумѣется, эксплоатація, которой подвергался Г. И., въ значительной степени зависѣла и отъ того, что и самъ-то онъ былъ человѣкъ крайне непрактичный и по робости и скромности всегда соглашался на предлагаемыя условія. Но еще хуже была эксплоатація писательской *души*—беззастѣнчивая передѣлка редакторами самаго текста статей, безъ всякаго на то согласія авторовъ. Съ текстомъ статей Г. И. иной разъ господа редакторы обращались тоже крайне безцеремонно и продѣлывали съ нимъ все, что имъ было угодно. Случалось нерѣдко, что Г. И. съ горечью показывалъ своимъ друзьямъ корректуры, на которыхъ были сдѣланы гг. редакторами безчисленныя указанія, что въ этихъ корректурахъ надо «уничтожить» и что «передѣлать» *). Но крайне тяжелыя условія для литературной работы заключались не только во внѣшней обстановкѣ, во внѣшнихъ условіяхъ,—было и въ самой литераторской средѣ нѣчто такое, что весьма мучительно отзывалось на всей тогдашней жизни Глѣба Ивановича.

Это была жизнь настоящей литературной богемы, литературнаго пролетаріата, жизнь *безпріютная*, жизнь *одинокая*, какъ выражается о ней самъ Г. И. «Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы приставать начинающіе писатели, — тогда не было. Все удручало васъ и дѣлало одинокимъ». «А между тѣмъ общество, вступившее въ совершенно новый періодъ жизни, требовало отъ литературы, и имѣло на это право, многосложной и внимательной работы» **). Для Г. И. это было одиночество особаго рода — одиночество ищущаго правды, глубоко искренняго, но еще не вполнѣ опредѣлившагося человѣка, стоящаго предъ лицомъ «сорока семи направленій» и еще не разобравшагося въ нихъ, но человѣка, тѣмъ не менѣе, вполнѣ сознающаго свою неподготовленность къ дѣланію великаго дѣла, которое *нужно* дѣлать, и, какъ мы уже сказали, органически неспособнаго пристать къ тому или другому рѣшенію какого-либо вопроса съ закрытыми глазами, подмѣняя *углубленіе* предвзятымъ *рѣшеніемъ*». Какъ мы видѣли, Г. И. никогда особенно не считался съ «кружковщиной», а отъ литературныхъ споровъ и даже разногласій стоялъ болѣе или менѣе въ сторонѣ. Это былъ человѣкъ, обходившійся *всю свою жизнь* безъ какихъ-либо предвзятыхъ взглядовъ. Впрочемъ, то общественное теченіе, которое представляетъ самымъ фактомъ своего существо-

*) Предисловіе къ изданію соч. Г. И. 1883 г.
**) П. В. Быковъ. «Биржевыя Вѣдомости» 1902 г., № 27, мартъ.

ванія какъ бы отвѣтъ на основное требованіе русской жизни послѣ 1861 г., тогда еще лишь робко назрѣвало въ странѣ, появляясь въ эпоху 60-хъ годовъ только въ нѣкоторыхъ, очень немногочисленныхъ, интеллигентскихъ кругахъ. «Настоящіе люди», на которыхъ намекаетъ и Вася Черемухинъ, что «они есть»,—и тогда уже не побоялись сдѣлать опредѣленныхъ выводовъ изъ очевидно-правильныхъ посылокъ русскаго политическаго и соціальнаго силлогизма. Но центръ *практическаго* разрѣшенія вопроса былъ, разумѣется, не въ этихъ немноголюдныхъ кружкахъ, а въ самой народной массѣ, въ трудящихся классахъ. А эти-то массы и не умѣли и, по многимъ причинамъ, и не могли сдѣлать тогда какихъ-либо, не только практическихъ, но даже и теоретическихъ выводовъ. Народъ въ 60-е годы былъ своего рода гигантскимъ иксомъ, котораго сначала нужно было хорошенько узнать, изучить, изслѣдовать и понять,—понять такимъ, каковъ онъ и есть, а для этого пожить съ нимъ лицомъ къ лицу, идти «въ народъ», войти съ нимъ въ непосредственныя отношенія, узнать такимъ способомъ его самого, его настоящія нужды и требованія и его волю, и уже затѣмъ начинать опредѣленную практическую работу. Такова и была логика русской общественной мысли и въ исторіи. Но она начала развертываться лишь въ 70-е годы, а въ 60-е мысль ходила лишь вокругъ да около, не умѣя отвѣчать на запросы «новаго періода жизни». Не одинъ Вася Черемухинъ (Успенскій) не умѣлъ и не зналъ, что дѣлать. Такихъ дѣйствительно «было много на Руси, и всѣ такіе стояли болѣе или менѣе одиноко». Какъ отсутствіе школы, такъ и глубокое внутреннее сознаніе, что «теперь» обновляющаяся жизнь требуетъ большихъ дарованій и задаетъ имъ огромныя задачи,—дѣлали то, что незначительная способность написать «разсказецъ» или «очеркъ» ослаблялась внутреннимъ сознаніемъ *ненужности* этого дѣла. «Все это не то,—думалось тогда: — и вслѣдствіе этого матеріалъ обрабатывался плохо, «кое-какъ» появляясь въ видѣ отрывковъ», безъ начала и конца. Подобно Г. И—чу *были одиноки* всѣ тѣ разночинцы литературной богемы, среди которыхъ онъ тогда жилъ. «У нихъ не было даже своего круга читателей», и «они писали неизвѣстно для кого». И въ самомъ Глѣбѣ Ивановичѣ и въ тогдашней компаніи, которая его тогда окружала, въ сущности, не было никакого болѣе или менѣе опредѣленнаго міросозерцанія. «Даже малѣйшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на общество, на народъ, на цѣли русской интеллигенціи ни у кого рѣшительно не было»,—говоритъ самъ Глѣбъ Ивановичъ. Признаніе это въ высшей степени характерно, если сопоставить его съ тѣми 47 путями, о которыхъ, какъ мы видѣли, говорилъ Вася Черемухинъ. Очевидно, что въ эти годы молодой писатель совершенно не нашелъ

еще своей настоящей *опредѣленной* точки, до которой дошелъ лишь гораздо позднѣе и не безъ вліянія и не безъ помощи кружка обновленныхъ «Отечественныхъ Записокъ». Разумѣется, говоря о «точкѣ», отнюдь не слѣдуетъ подразумѣвать подъ этимъ словомъ того равновѣсія, котораго Глѣбъ Ивановичъ такъ страстно искалъ всю свою жизнь и до котораго такъ никогда и не дошелъ. Лишь много лѣтъ спустя онъ выяснилъ себѣ въ концѣ-концовъ, откуда именно выйдетъ и благодаря чему сдѣлается ему понятенъ самый «смыслъ его существованія, и смыслъ его слова, и смыслъ и серьезность жизни вообще» *). Узналъ онъ это не тогда, когда тосковалъ среди «талантливыхъ разночинцевъ, страдающихъ питейною болѣзнью», а когда судьба закинула его въ нѣдра народа—въ глухую деревушку, и тамъ поставила лицомъ лицу съ «властью земли», съ той «зоологической правдой» **), за которой несомнѣнно должна послѣдовать и послѣдуетъ правда человѣческая, въ силу которой «имущество принадлежитъ тому, чьимъ творчествомъ оно создано» (слова Г. У. ***). Но въ годы разоренія дореформеннаго строя самъ Глѣбъ Ивановичъ и его литературные товарищи еще очень мало думали о придавленной деревушкѣ настоящаго и о свѣтлой зарѣ будущаго. Не было ни знаній, для этого необходимыхъ, ни идеаловъ, ни... «опредѣленныхъ взглядовъ». И вотъ, вспоминая о годахъ своего писательскаго мыканья, Глѣбъ Ивановичъ разсказываетъ, что въ это время его «личная душевная жизнь», сдѣлавшись уже чѣмъ-то неразрывнымъ съ его литературной работой, поддерживалась и подкрѣплялась долгіе годы, безъ всякой личной или нравственной поддержки съ чьей-либо стороны. «И такъ было до 1868 года, когда я уже сталъ ощущать и нравственную поддержку добрыхъ и симпатичныхъ мнѣ людей (Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова, Н. К. Михайловскаго, Г. З. Елисѣева и др.). Но лѣтъ семь (1862—68) во мнѣ было лишь упорное желаніе не ослабѣть, въ неотразимомъ сознаніи, что у меня никакой прошлой біографіи нѣтъ». Полное душевное одиночество Глѣба Ивановича въ эти годы, разумѣется, вовсе не нарушалось тѣмъ, что въ это время у Глѣба Ивановича было множество литературныхъ знакомствъ и связей. И даже какъ разъ обратно,—среди нихъ Глѣбъ Ивановичъ чувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ. Дѣло въ томъ, что Глѣба Ивановича окружала тогда очень своеобразная писательская компанія. Это были литераторы изъ той же разночинской богемы, къ которой принадлежалъ и онъ самъ. «Съ крупными писателями я не имѣлъ

*) См. статью Н. К. Михайловскаго.

**) «Волей-неволей».

***) «Изъ деревенскаго дневника». Цитир. у Бельтова (Плеханова): «За двадцать лѣтъ», стр. 36.

никакихъ связей,—говоритъ самъ Глѣбъ Ивановичъ:—а мои товарищи-литераторы, люди старше меня лѣтъ на десять, почти всѣ безъ исключенія погибали на моихъ глазахъ отъ «сивушной болѣзни», такъ какъ пьянство было почти чѣмъ-то неизбѣжнымъ для тогдашняго талантливаго человѣка». Глѣбъ Ивановичъ чрезвычайно мрачными красками рисуетъ тотъ литературный мірокъ, среди котораго ему пришлось вращаться столько лѣтъ. Правда, все это былъ народъ добрый, душевный, но «питейная драма, питейная болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ названіемъ «послѣ вчерашняго», занимало въ нихъ жизни слишкомъ большое мѣсто». Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ именъ литераторовъ-разночинцевъ шестидесятниковъ, принадлежащихъ къ тому самому типу ихъ, о которомъ говоритъ здѣсь Глѣбъ Ивановичъ,—Рѣшетниковъ, біографію котораго написалъ самъ Глѣбъ Ивановичъ, Левитовъ, Помяловскій, Н. В. Успенскій и т. д. «Всѣ эти, подверженные сивушной гибели люди были уже извѣстны въ литературѣ. Спившихся съ круга талантливѣйшихъ людей было множество, начиная съ такой потрясающей въ этомъ отношеніи фигуры, какъ П. Якушкинъ*). Въ такомъ видѣ въ пору было опохмелиться, а какая ужъ тутъ «литературная школа»? Похвальбы въ пьяномъ видѣ было много, посуловъ—еще больше, анекдотовъ—видимо-невидимо. А такъ, чтобы отъ всего этого повеселѣть—этого не скажу». Немудрено, что ясно сознаваемое горе запивалось сивухой самыми «талантливѣйшими людьми». Люди гибли. Погибалъ Вася Черемухинъ, который когда-то восклицалъ: «и я, братецъ ты мой, палъ». Погибъ Рѣшетниковъ, погибалъ Левитовъ и другіе. Погибалъ, спускаясь все ниже и ниже, талантливый Н. В. Успенскій, мрачная и безпутная жизнь котораго неразрывно сплетается съ біографіей Глѣба Ивановича и который болѣе 25 лѣтъ велъ эту самую «сивушную жизнь», погубившую и другихъ такихъ же, какъ онъ **). Въ 1862—68 годы Н. В. Успенскій былъ съ Глѣбомъ Ивановичемъ въ довольно тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ. Онъ былъ даже самымъ близкимъ человѣкомъ къ Глѣбу Ивановичу ***), хотя и напоминалъ ему собой растеряевщину ранняго дѣтства и гимназической молодости. Д. Сильчевскій разсказываетъ, что близость эта доходила до того, что Николай Васильевичъ даже прочитывалъ и исправлялъ

*) О дружескихъ отношеніяхъ Глѣба Ивановича къ Левитову разсказываетъ Нефедовъ въ его біографіи, приложенной къ т. I «Собранія сочиненій» Левитова, изд. Солдатенкова.

**) Какъ извѣстно, Н. В. Успенскій въ 1889 году покончилъ свое жалкое существованіе, зарѣзавшись у забора въ какомъ-то московскомъ переулкѣ.

***) Михайловскій, «Р. Б.» 1902 г., № 4, стр. 134.

въ началѣ литературной дѣятельности произведенія Глѣба Ивановича, а Глѣбъ Ивановичъ, случалось, давалъ ему темы для его работъ и даже вставлялъ въ его разсказы цѣлые діалоги и страницы *). Близость Глѣба Ивановича къ своему двоюродному брату была, повидимому, во весь тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь. Въ іюлѣ 1864 г. Глѣбъ Ивановичъ даже жилъ у Николая Васильевича. Не къ нему ли и относятся тѣ строки автобіографіи Глѣба Ивановича, гдѣ говорится о «людяхъ огромнаго дарованія, которые «не въ себѣ»? И позднѣе Николай Васильевичъ тоже не порывалъ связей съ Глѣбомъ Ивановичемъ, который никогда не отказывалъ ему въ поддержкѣ и помощи, хотя отлично понималъ, что она ни къ чему. Впослѣдствіи «не разъ,—разсказываетъ Н. К. Михайловскій:— Глѣбъ Ивановичъ прямо съ дрожью говорилъ мнѣ о своей близости съ этимъ утопленнымъ въ водкѣ талантомъ» **).

Спрашивается теперь, страдалъ ли въ это время самъ Успенскій тою же сивушной болѣзнью, которою страдали другіе литераторы, его знакомые? Повидимому, да; но онъ не только страдалъ сю,— онъ велъ съ нею страстную, если и не энергичную борьбу.

Онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, что въ это самое время онъ созидалъ свою собственную, новую духовную жизнь, и что это-то созиданіе и привело его къ мысли, что ему *лично* «нечего дѣлать» среди тѣхъ талантливыхъ страдальцевъ, которые его тогда окружали. Душа властно требовала чего-то совершенно иного, словно въ нее была уже заложена такая сила, которая только и могла создать какую-то другую жизнь. Во всякомъ случаѣ, съ своей сивушной болѣзнью того времени Глѣбъ Ивановичъ справился, и пьянство и пьяныя компаніи его не засосали, и онъ не погибъ отъ тѣхъ самыхъ причинъ, отъ какихъ погибли многіе другіе. И даже болѣе того: ему дѣйствительно удалось *создать* «свою собственную новую духовную жизнь», и въ настоящее время въ достаточной степени выяснено, что, какъ онъ самъ выражается, «питейная болѣзнь» вовсе не сыграла большой и мрачной роли въ его жизни. Объ этомъ мы имѣемъ вполнѣ опредѣленныя свидѣтельства столь близкихъ къ Глѣбу Ивановичу людей, каковы, напр., Н. К. Михайловскій, В. Г. Короленко, С. Н. Кривенко, Е. С. Некрасова, С. Елпатьевскій и др. Нерѣдко до сихъ поръ еще приходится слышать, что алкоголизмъ былъ единственнымъ темнымъ пятномъ на свѣтломъ образѣ этого замѣчательнаго человѣка, и что онъ принесъ Глѣбу Ивановичу неисчислимый вредъ и въ концѣ концовъ довелъ его даже до психической бо-

*) «Бирж. Вѣд.», 1902 г.

**) Михайловскій. «Еще матеріалы для біографіи Г. И. У.». «Р. Б» 1902 г., № 4, стр. 134.

лѣзни. Это совершенно невѣрно. «Я отнюдь не говорю,—пишетъ Н. К. Михайловскій въ своихъ «Матеріалахъ»:—что Глѣбъ Ивановичъ въ этомъ отношеніи былъ безгрѣшенъ. Но, не говоря о моральной сторонѣ дѣла,—ибо не знаю, много ли найдется въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался, людей, имѣющихъ право суда въ этомъ отношеніи,—я думаю, во-первыхъ, что слухи о его грѣхѣ сильно преувеличены (въ покаянномъ настроеніи онъ самъ способствовалъ этому преувеличенію), а во-вторыхъ, грѣхъ этотъ былъ, во всякомъ случаѣ, не столько *причиною*, сколько *слѣдствіемъ* того нервнаго разстройства, которое окончилось нервною болѣзнью» *). «Очень можетъ быть,—говоритъ В. Г. Короленко:—что и неумѣренное куренье и вино оказали свое вредное вліяніе и ускорили наступленіе болѣзни. Но меня всегда коробитъ и оскорбляетъ, когда я читаю или слышу объ алкоголизмѣ или «обычномъ порокѣ талантливыхъ людей» въ примѣненіи къ Г. И. Успенскому... Мнѣ кажется, что у него не было любви ни къ вину ни къ вызываемому виномъ измѣненію личности. Да такого измѣненія и не было; онъ оставался все тѣмъ же, съ тѣмъ же грустно-задумчивымъ взглядомъ и тою же улыбкою... У него было какое-то ровное, безпрестанное и чрезвычайно интенсивное горѣніе мозга и нервовъ, и въ этомъ горѣніи совершенно утопало впечатлѣніе наркотика. Это были просто капли, шипѣвшія на раскаленной плитѣ. Но плита не раскалялась ими» **).

Въ сущности, этими двумя свидѣтелями вопросъ объ алкоголизмѣ Г. И. Успенскаго совершенно исчерпанъ. Но, чтобы разъ навсегда покончить съ вопросомъ объ этомъ, приведемъ свидѣтельство самого Успенскаго, что̀, собственно, его «выпрямило» въ этомъ отношеніи. Случилось это немного позднѣе (въ началѣ 70-хъ годовъ)—въ то самое время, когда Глѣбъ Ивановичъ жилъ вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ за границей и посѣщалъ тотъ самый Лувръ, гдѣ на него производили такое впечатлѣніе классическія произведенія античнаго искусства. Въ эти же годы, проведенные за границей, появились у Глѣба Ивановича довольно близкія знакомства съ заграничными представителями новой русской молодежи, которой, быть-можетъ, поневолѣ приходилось проживать тамъ. И вотъ Глѣбъ Ивановичъ пишетъ Гольцеву: «За границей-то я и пришелъ въ себя и, несмотря на крайнюю бѣдность, сталъ писать по возможности сознательно. Наша хорошая молодежь, среди которой я былъ, *окончательно прервала мою связь съ пьянымъ міромъ*». Признаніе это въ высшей степени трогательно и характерно. Когда это произошло, Успенскому было около 30-ти лѣтъ.

*) «Русск. Бог.» 1902, № 3, стр. 40.
**) «Русск. Бог.» 1902, № 5, стр. 113.

Чтобы покончить съ разсказомъ о литературныхъ мытарствахъ Глѣба Ивановича, какъ «начинающаго» писателя, разскажемъ объ одномъ, довольно комическомъ эпизодѣ его жизни, крайне характерномъ для обрисовки его оригинальной личности. Дѣло было въ 1867 году. «Матеріальныя обстоятельства» Глѣба Ивановича, какъ водится, находились тогда въ самомъ плачевномъ состояніи. Правда, самъ Глѣбъ Ивановичъ успѣлъ уже нѣсколько освоиться съ своей пролетарской жизнью, но его многочисленная семья несомнѣнно насѣдала на него, требуя, и къ тому же весьма настоятельно, самой энергичной поддержки. Приходилось брать хоть какое-нибудь, только постоянное мѣсто. «Жить было нечѣмъ»,—такъ мотивируетъ самъ Глѣбъ Ивановичъ свое первое поступленіе «на службу». Вопреки полному сознанію своей собственной абсолютной непригодности ни къ какой службѣ, Глѣбъ Ивановичъ долженъ былъ все-таки сдѣлать уступку. И вотъ,—лѣтомъ 1867 года, въ свой обычный лѣтній пріѣздъ въ Тулу, къ семьѣ, не будучи въ силахъ вынести удручающаго зрѣлища ея бѣдности, если только не нищеты, Глѣбъ Ивановичъ рѣшился-таки сдѣлаться народнымъ учителемъ, написалъ и подалъ куда слѣдуетъ подобающее прошеніе. Чтобы сдѣлаться учителемъ, ему пришлось испытать еще одинъ довольно непріятный искусъ,—а именно держать экзаменъ на званіе «уѣзднаго учителя». Экзаменъ сошелъ удачно, необходимыя бумаги получены, и 20 августа 1867 г. «учитель Успенскій», какъ говорится въ официальной бумагѣ, былъ «допущенъ» «къ преподаванію русскаго языка въ епифанскомъ уѣздномъ училищѣ» (Тульск. губ.), а 22 числа того же мѣсяца уже вступилъ «въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей». Разумѣется, заранѣе уже можно было ожидать, что̀ изъ этихъ «отправленій» у него выйдетъ. Какъ извѣстно, городъ Епифань и въ настоящее время представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ заскорузлыхъ тульскихъ медвѣжьихъ угловъ, а 40 лѣтъ назадъ онъ былъ таковымъ тѣмъ болѣе. Уѣздное училище, гдѣ «отправлялъ свои обязанности» нашъ писатель, помѣщалось на такой улицѣ, которая каждую зиму заносится огромными сугробами снѣга. «Мы всѣ тамъ (въ этомъ училищѣ) пили,—разсказывалъ впослѣдствіи самъ Глѣбъ Ивановичъ:—и дьячокъ, и я, и смотритель. Такъ я и прожилъ четыре мѣсяца. И мнѣ страсть какъ надоѣло». Епифанцы не взлюбили Глѣба Ивановича,—онъ почему-то казался имъ ужъ больно необычнымъ и подозрительнымъ. Да и званіе «писатель» звучало въ ихъ ушахъ какъ-то особенно. Обыватели избѣгали съ нимъ знакомиться, «боялись его какъ чумы», при встрѣчѣ съ нимъ кидались въ разныя стороны,—«какъ бы онъ ихъ не описалъ» *). Разумѣется, такія

*) «Бирж. Вѣд.» 1903 г., № 362, ст. И. Пархоменко.

отношенія Глѣбъ Ивановичъ замѣчалъ прекрасно, но ими нисколько не огорчался. Ему были въ то время интересны главнымъ образомъ не «обыватели», дающіе тонъ всей провинціальной жизни, а народъ, именно трудящійся народъ во всей своей массѣ, всей своей толщѣ. Вниманіе Глѣба Ивановича было всецѣло устремлено на «жителей сосѣднихъ деревень, обитателей убогихъ лачужекъ», находящихся во власти кулаковъ и торгашей. Каждый базарный день Глѣбъ Ивановичъ выходилъ на торговую площадь, вертѣлся среди пріѣзжаго простого народа и велъ съ нимъ разговоры. Это еще болѣе обостряло его отношенія съ обывателями, а кромѣ того мѣшало самой службѣ. Никакого толка изъ нея не выходило. Изъ Глѣба Ивановича вышелъ довольно плохой учитель. Дольше тянуть канитель онъ и самъ не захотѣлъ и, дотянувъ кое-какъ до рождественскихъ каникулъ, «махнулъ рукой на свое учительство, на службу, на Епифань съ его обывателями» и—самымъ комическимъ образомъ, чуть ли не тайкомъ, сбѣжалъ куда глаза глядятъ. «Не могу больше! Увольте!»—взмолился онъ неизвѣстно кому. «Я и сказалъ сослуживцамъ, что ѣду вотъ ненадолго въ Тулу, — разсказываетъ самъ Глѣбъ Ивановичъ.—Пріѣхала за мной тройка. На улицѣ были такіе сугробы, что лошади подъѣхать не могли. Наконецъ сѣлъ я и поѣхалъ. Лошади понесли,—сдѣлали кругъ и снова приволокли опять назадъ къ тому же училищу. Просто бѣда. Я снова сѣлъ и опять поѣхалъ. И, разумѣется, не вернулся. Плохо въ это время жилось, ужасно плохо!»

III.

Семидесятые годы и начало восьмидесятыхъ.

Въ 1868 г. въ петербургскомъ литературномъ мірѣ произошло событіе. Н. А. Некрасовъ, по особому договору съ собственникомъ «Отечественныхъ Записокъ», А. А. Краевскимъ, сдѣлался полнымъ хозяиномъ въ этомъ журналѣ.

Переходъ «Отечественныхъ Записокъ» въ руки Н. А. Некрасова оказалъ огромное, можно даже сказать, рѣшающее вліяніе не только на всю послѣдующую литературную дѣятельность Г. И. Успенскаго и на окончательную выработку его міросозерцанія, но и на всю его жизнь. Въ этомъ журналѣ Глѣбъ Ивановичъ помѣстилъ свои крупнѣйшія произведенія: «Разореніе», «Тише воды, ниже травы», «Наблюденія одного лѣнтяя», «Власть земли». Изъ всего, что онъ написалъ за всю свою жизнь, бо́льшая часть была напечатана именно въ «Отечественныхъ Запискахъ» (болѣе чѣмъ въ 60-ти книжкахъ), тогда какъ въ «Русской Мысли»—въ журналѣ, который стоитъ въ литературной дѣятельности Г. И. на второмъ мѣстѣ—

его статьи появились всего лишь въ 35 книжкахъ, то-есть почти въ два раза въ меньшемъ количествѣ. Съ самаго перехода «Отечественныхъ Записокъ» въ руки Некрасова до самаго закрытія ихъ въ годы реакціи, то-есть съ 1868 по 1884 г., Глѣбъ Ивановичъ состоялъ въ числѣ постоянныхъ и самыхъ близкихъ сотрудниковъ этого журнала, исторія котораго, и его общественное значеніе, и его вліяніе такъ же тѣсно связаны съ именемъ Г. И. Успенскаго, какъ и біографія послѣдняго съ именемъ «Отечественныхъ Записокъ». И даже болѣе того. Г. И. Успенскій, никогда не будучи редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», оказалъ такое громадное вліяніе на выработку ихъ журнальнаго облика, какое оказали, кромѣ Успенскаго, всего лишь пять человѣкъ: Н. А. Некрасовъ, Г. З. Елисѣевъ, М. Е. Салтыковъ, Н. К. Михайловскій и С. Н. Кривенко *). «Отечественныя Записки» явились первымъ органомъ соціалистическаго народничества. Въ исторіи этого послѣдняго Г. И. Успенскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Съ другой стороны, и самъ Успенскій очень многимъ обязанъ «Отечественнымъ Запискамъ», или, точнѣе говоря, ихъ руководителямъ, въ смыслѣ окончательной выработки своего міросозерцанія, которое въ эпоху 1873—1884 гг., а можетъ-быть, и нѣсколько раньше, тоже опредѣлилось, какъ народническое и соціалистическое. Правда, какъ мы сейчасъ увидимъ, на выработку этого послѣдняго оказало громадное вліяніе и пребываніе Глѣба Ивановича за границей въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, его знакомство съ П. Л. Лавровымъ и другими русскими эмигрантами. Но не меньшее вліяніе въ томъ же направленіи оказалъ на Глѣба Ивановича и редакціонный кружокъ «Отечественныхъ Записокъ», особенно же Н. К. Михайловскій. Далѣе, насильственное закрытіе «Отечественныхъ Записокъ» въ маѣ 1884 г. нанесло жестокій ударъ не только самому журналу и людямъ, стоявшимъ во главѣ его, но и ближайшему сотруднику, Г. И. Успенскому, котораго этотъ ударъ навсегда выбилъ изъ колеи, лишилъ его уюта, обрекъ на новыя литературныя скитанія, наконецъ лишилъ даже нѣкоторыхъ близкихъ друзей (напримѣръ, С. Н. Кривенко, который въ 1884 г. былъ арестованъ и сосланъ въ Тарскій округъ Тобольской губ.). Поэтому на періодѣ «Отечественныхъ Записокъ» необходимо нѣсколько остановиться, говоря о дальнѣйшей выработкѣ міросозерцанія Г. И. Успенскаго и о лучшихъ годахъ его жизни.

Какъ извѣстно, въ исторіи русской журналистики «Отечественныя Записки» явились продолженіемъ идейныхъ традицій «Современника», и не только ихъ продолженіемъ, но также и дальнѣйшей

*) Послѣдній, впрочемъ, состоялъ въ редакціи относительно недолго.

эволюціей ихъ, потому что «Отечественныя Записки» оформили то, чего не оформилъ или еще недостаточно оформилъ «Современникъ». Въ чемъ заключается главная заслуга этого послѣдняго передъ лицомъ русскаго общества и его значеніе въ исторіи общественной мысли? Въ томъ, что «Современникъ» явился самымъ яркимъ выразителемъ того глубоко-демократическаго направленія, которое на первый планъ выдвигало интересы *народа,* а именно интересы крестьянства, изъ котораго и состоитъ главная толща народной массы; около этихъ интересовъ, какъ около общаго центра ихъ, располагались всѣ остальные общественные вопросы. Но въ «Современникѣ» это еще не было собственно народничество, выразителемъ котораго явились затѣмъ «Отечественныя Записки». Какъ мы знаемъ, Н. Г. Чернышевскій, который именно и былъ однимъ изъ руководителей «Современника» и творцомъ его литературно-общественной физіономіи, былъ совершенно чуждъ нѣкоторыхъ тенденцій позднѣйшаго народничества *). Съ другой стороны, въ «Современникѣ» уже звучали ясно выраженныя, насколько это было возможно въ то время, соціалистическія нотки, напримѣръ, въ статьяхъ Н. Г. Чернышевскаго и нѣкоторыхъ другихъ сотрудниковъ. «Современникъ» первый установилъ въ русской литературѣ классовую точку зрѣнія на явленія общественной жизни, создавая въ области русской мысли элементы общественной партіи **), такъ энергично заявившей себя въ эпоху 1901—1907 годовъ. Далѣе, проводя въ теченіе почти десяти лѣтъ свои взгляды въ сознаніе читающей публики, «Современникъ», какъ извѣстно, отнюдь не оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Онъ уже имѣлъ опору въ довольно широкихъ кругахъ общества, которое, съ его насильственнымъ закрытіемъ, осталось безъ своего органа. Между тѣмъ въ то время потребность именно въ такомъ органѣ была настолько сильна въ обществѣ, что одно время велись даже переговоры объ изданіи «Современника» у А. И. Герцена за границей, куда и ѣздилъ для переговоровъ Н. Г. Чернышевскій ***).

Такимъ образомъ, выступая подъ флагомъ того же Н. А. Некрасова, который стоялъ и во главѣ «Современника», и являясь продолженіемъ этого послѣдняго, «Отечеств. Записки» сразу же заняли одно изъ первыхъ и даже самое первое мѣсто въ русской журна-

---

*) Н. Ѳ. Анненскій. «Сорокъ лѣтъ назадъ» (см. сборникъ: «На славномъ посту»), стр. 449.

**) Шишко, Л. «Къ характеристикѣ движенія начала 70-тыхъ годовъ». «Русское Бог.» 1906 г., № 10, стр. 53. Превосходная характеристика «Современника» см. у Богучарскаго: «Изъ прошлаго русскаго общества», стр. 352—3, и у Шелгунова, Собр. соч., т. II, стр. 690.

***) Воспоминанія Огаревой-Тучковой, стр. 163.

листикѣ конца шестидесятыхъ годовъ, которое и занимали во все время своего существованія.

Кому же былъ главнымъ образомъ обязанъ этотъ журналъ своимъ успѣхомъ, и съ какими людьми судьба связала здѣсь Глѣба Ивановича? Какъ извѣстно, первое время во главѣ «Отеч. Записокъ» стояли Н. А. Некрасовъ и Г. З. Елисѣевъ, къ которымъ вскорѣ примкнулъ и М. Е. Салтыковъ; нѣсколько позднѣе къ нимъ присоединился Н. К. Михайловскій, а затѣмъ, еще позднѣе,— С. Н. Кривенко. Некрасовъ, какъ и Елисѣевъ, уже давно очень хорошо относились къ Г. И. Успенскому, замѣтивъ несомнѣнно очень крупное литературное дарованіе начинающаго писателя. Самъ Глѣбъ Ивановичъ разсказывалъ, что свое сотрудничество въ «Современникѣ» онъ началъ *по приглашенію* Н. А. Некрасова. Это приглашеніе, полученное отъ такого крупнаго литературнаго человѣка, какъ Н. А. Некрасовъ, уже показываетъ, до какой степени высоко стояло тогда имя Глѣба Ивановича въ литературныхъ кругахъ. Но доброжелательныя отношенія Некрасова выражались не только въ дѣловомъ знакомствѣ. Еще въ 1865—66 гг. Глѣбъ Ивановичъ часто бывалъ у Некрасова и даже гостилъ у него на дачѣ въ Чудовѣ, и гостилъ, повидимому, подолгу; случалось, что Некрасовъ даже открывалъ Глѣбу Ивановичу кой-какія свои писательскія тайны, которыми обыкновенно ни съ кѣмъ не дѣлился, такъ, напримѣръ, тайну о своей поэмѣ: «Кому на Руси жить хорошо», давъ на этотъ мудреный вопросъ очень остроумный отвѣтъ, что у насъ хорошо живется только пьяному. Такое отношеніе Некрасова не могло не оказывать на Глѣба Ивановича самаго ободряющаго дѣйствія. Кстати сказать, что наиболѣе крупныя произведенія Успенскаго напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» въ тѣ самые годы, когда въ редакціонныхъ дѣлахъ этого журнала Некрасовъ принималъ очень большое фактическое участіе. Какъ отзываются о Некрасовѣ его близкіе друзья, это былъ безусловно образцовый редакторъ — умный, дѣльный, энергичный, зорко слѣдившій за своимъ журналомъ и считавшій совершенно необходимымъ прочитывать самымъ внимательнымъ образомъ всѣ корректуры, редакторъ необыкновенно усердный, «практическій» и къ тому же безъ мелкаго редакторскаго самолюбія. Вдобавокъ къ этому, Некрасовъ никогда не былъ грѣшенъ въ эксплоатаціи начинающихъ сотрудниковъ. «Онъ платилъ хорошо,—разсказывалъ о немъ самъ Глѣбъ Ивановичъ: — но только ужасно безалаберно. Въ немъ былъ еще старый помѣщикъ: вдругъ придетъ ему фантазія, — и онъ начнетъ валить деньгами *такъ*, ни съ того ни съ сего. И это было нехорошо»,—добродушно добавляетъ Глѣбъ Ивановичъ. «А вотъ у Салтыкова было гораздо лучше. Онъ охотно увеличивалъ плату, *самъ*

увеличивалъ, но выдавалъ деньги только въ извѣстное время, — не любилъ впередъ давать».

Салтыковъ, только-что уволенный съ государственной службы по личному желанію имп. Александра II, находившаго, что «совмѣщеніе литературной дѣятельности со служебной неудобно» *), какъ извѣстно, занялъ въ обновленной редакціи «Отеч. Записокъ» самое центральное мѣсто. Онъ былъ ихъ идейный руководитель и главный вдохновитель. Къ своимъ редакторскимъ обязанностямъ онъ относился еще болѣе строго, чѣмъ Некрасовъ. Въ его глазахъ литературная работа была не чѣмъ инымъ, какъ общественнымъ служеніемъ, и во имя этого служенія онъ нерѣдко бывалъ жестокъ и безпощаденъ къ начинающимъ писателямъ. Онъ передѣлывалъ и перекраивалъ принятыя редакціей статьи, вставлялъ въ эти статьи однихъ дѣйствующихъ лицъ, выбрасывалъ другихъ, внушалъ сотрудникамъ, чтобы они писали статьи на облюбованныя редакціей темы, и, разумѣется, строго-настрого слѣдилъ за общимъ направленіемъ журнала. Но, несмотря на свой вѣчно суровый видъ, Салтыковъ питалъ къ Глѣбу Ивановичу не только любовь и дружбу, а даже какую-то особенную нѣжность, относясь къ нему иногда буквально по-отечески, что, впрочемъ, не мѣшало ему исправлять, иной разъ тоже очень жестоко, и статьи Глѣба Ивановича въ корректурахъ и при этомъ еще ворчать на него. Но случалось, что Салтыковъ и восторгался статьями Успенскаго, высказываясь о нихъ съ восхищеніемъ, хотя въ это самое время онъ со многими взглядами и выводами его вовсе не былъ согласенъ. Случалось, впрочемъ, и такъ, что Успенскому отъ Салтыкова, какъ говорится, «здорово попадало», и Глѣбъ Ивановичъ даже побаивался его. «Я Михаила Евграфовича боюсь»,—такъ выражался о Салтыковѣ Глѣбъ Ивановичъ. Впрочемъ, къ воркотнѣ Салтыкова подавалъ всякаго рода поводы самъ Глѣбъ Ивановичъ: во-первыхъ, онъ никакъ и никогда не умѣлъ распоряжаться съ своими деньгами, а потому для него было совершенно немыслимо обходиться безъ авансовъ, давать которые Салтыковъ очень не любилъ; во-вторыхъ, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ и не надѣясь получить новаго аванса отъ Салтыкова, Глѣбъ Ивановичъ иной разъ отдавалъ свои работы въ другія изданія. Салтыковъ всегда бывалъ очень недоволенъ этимъ. Онъ буквально обижался, если какой-либо сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ» (изъ «постоянныхъ») печатался гдѣ-нибудь на сторонѣ. Сейчасъ же Салтыковъ начиналъ разспросы: «зачѣмъ да почему вы на сторонѣ печатаетесь? Или чѣмъ-нибудь недовольны? Въ такомъ случаѣ отчего прямо не сказать объ этомъ? А то еще

*) Восп. П. Бѣлоголоваго, стр. 205.

скажутъ, что мы разгоняемъ людей *)». Впрочемъ, на такого человѣка, какъ Глѣбъ Ивановичъ, совсѣмъ невозможно было сердиться, да и Глѣбъ Ивановичъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ основаній, чтобы быть чѣмъ-нибудь недовольнымъ за все время своего пребыванія въ «Отечественныхъ Запискахъ», даже тѣмъ, что Салтыковъ иногда отказывалъ ему въ выдачѣ авансовъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» Глѣбъ Ивановичъ получалъ такой же гонораръ, какъ и самъ Салтыковъ (болѣе 200 р. за печатный листъ). Но, разъ получивъ гонораръ, Глѣбъ Ивановичъ чрезвычайно быстро спускалъ его направо-налѣво, а самъ оставался безъ гроша и снова шелъ за авансомъ. Тогда у него съ Салтыковымъ начинался примѣрно такой разговоръ:—«Опять?»—грозно спрашивалъ Глѣба Ивановича Салтыковъ и принимался допытываться отъ него, куда же онъ дѣвалъ тѣ 800 р., которые взялъ всего лишь нѣсколько дней тому назадъ? Глѣбъ Ивановичъ на этотъ грозный окрикъ, пощипывая бородку, въ замѣшательствѣ отвѣчалъ:—«Да вотъ купилъ фунтъ сыру»... и умолкалъ. — «Ну, а еще что?» — спрашивалъ Салтыковъ. — «Ну, что же еще?.. Право, уже не запомню... Ну, фунтъ сыру»... Такъ больше фунта сыра Салтыковъ обыкновенно ничего и не могъ отъ него добиться. Некрасовъ разсказываетъ объ удивительно комичныхъ проявленіяхъ того страха, какой чувствовалъ Глѣбъ Ивановичъ, идя къ Салтыкову разговаривать объ авансѣ. Это бывало даже тогда, когда Глѣбъ Ивановичъ уже почувствовалъ «уютъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Какъ же относился къ Глѣбу Ивановичу третій редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», Г. З. Елисѣевъ? О его отношеніяхъ можно судить уже по тому, что онъ еще раньше Некрасова оцѣнилъ и отмѣтилъ дарованіе Успенскаго, и ему Глѣбъ Ивановичъ отчасти тоже обязанъ приглашеніемъ не только въ «Современникъ», но и въ «Отечественныя Записки», такъ какъ списокъ сотрудниковъ этихъ послѣднихъ Некрасовъ составлялъ совмѣстно съ Елисѣевымъ. До какой степени Елисѣевъ цѣнилъ Успенскаго, можно видѣть изъ надписи, сдѣланной имъ на одномъ экземплярѣ его сочиненій, который подаренъ былъ Елисѣевымъ одному изъ его близкихъ друзей. Такой оцѣнки со стороны Елисѣева удостоивались очень немногіе. Но отношеніе Елисѣева къ Глѣбу Ивановичу выражалось не только въ этомъ. Есть основанія думать, что Елисѣеву Глѣбъ Ивановичъ былъ многимъ обязанъ и въ отношеніи своего міросозерцанія, подобно тому, какъ ему же были обязаны очень многимъ и «Отечественныя Записки», духовная физіономія которыхъ была создана, въ очень значительной степени, именно благодаря Елисѣеву же.

*) С. Кривенко. М. Е. Салтыковъ, 77—8.

Г. З. Елисѣевъ, бывшій профессоръ русской исторіи въ казанской духовной академіи, разорвавшій съ нею всякія идейныя связи, разночинецъ по происхожденію, крупнѣйшій публицистическій талантъ, внутренній обозрѣватель «Отечественныхъ Записокъ», дававшій всему журналу тонъ своими внутренними обозрѣніями и др. статьями, подъ которыми онъ, по своей удивительной скромности, никогда не подписывался, былъ, по своимъ народническимъ взглядамъ, къ Успенскому даже болѣе близкимъ человѣкомъ, чѣмъ Некрасовъ и Салтыковъ. И это былъ народникъ не только глубоко убѣжденный, но и широко образованный. «Мужикъ», который занималъ такъ много мѣста въ «Отечественныхъ Запискахъ» за все время ихъ изданія (съ 1868 г.) и давалъ имъ ихъ народническій цвѣтъ, обязанъ былъ въ этомъ именно Елисѣеву. «Конечно, не Елисѣевъ «мужика» выдумалъ, но онъ его сконцентрировалъ въ журналѣ, котораго былъ душою, и можно сказать, что всего болѣе Елисѣеву обязанъ «мужикъ» тѣмъ, что къ нему повернулось въ 70-хъ годахъ и даже еще раньше общественное мнѣніе, и что наконецъ явилась даже «мужицкая» внутренняя политика» *).

Какъ знать, не подъ вліяніемъ ли, или, по крайней мѣрѣ, не при участіи ли Елисѣева и принялся Глѣбъ Ивановичъ за самое серьезное и вдумчивое изученіе крестьянской жизни?

Вотъ въ какую обстановку, идейную и матеріальную, и вотъ въ кружокъ какихъ людей, и къ тому же кружокъ тѣсный и даже довольно замкнутый, попалъ въ 1868 г. Глѣбъ Ивановичъ, къ величайшему счастью не только его самого, но и всей русской литературы. Некрасовъ, Салтыковъ и Елисѣевъ—это были первые крупные писатели, съ которыми близко пришлось столкнуться Глѣбу Ивановичу, тогда какъ до 1868 г., по собственнымъ его словамъ, онъ «съ крупными писателями не имѣлъ никакихъ связей» (не считая Некрасова).

Что же представлялъ изъ себя самъ Глѣбъ Ивановичъ въ 1868 г.? Сравнительно съ этими крупными писателями, Глѣбъ Ивановичъ, даже несмотря на свое, тогда уже популярное литературное «имя», все-таки былъ не что иное, какъ «начинающій литецъ». Хотя ему и было уже 25 лѣтъ отъ роду, но огромная и мучительная работа по выработкѣ опредѣленнаго міросозерцанія ему еще только предстояла. До своего вступленія въ кружокъ «Отечественныхъ Записокъ», Глѣбъ Ивановичъ не былъ еще ни народникомъ ни соціалистомъ. Выработка этого его міросозерцанія и не могла ему достаться такъ легко, какъ достается многимъ другимъ, потому что самый складъ ума Глѣба Ивановича, всей его личности,

*) Соч. Шелгунова, II, 670—71.

его души съ ея болѣзненной чуткостью и способностью къ глубокому и тонкому анализу, и съ ея болѣзнью совѣсти, и другимъ наслѣдіемъ растеряевскаго кладбищенства, стояли ему поперекъ дороги въ этомъ трудномъ дѣлѣ выработки общественнаго міросозерцанія. «Первые годы въ «Отечественныхъ Запискахъ», — пишетъ Глѣбъ Ивановичъ:—тоже мнѣ было мало уюта».

«Все, что собралось тамъ, было значительно поломано нравственно и физически, пока наконецъ дѣло не стало на широкую дорогу. А пока оно складывалось, жить въ неустановившемся и неуютномъ обществѣ большей частью до послѣдней степени изломанныхъ писателей (съ новыми я едва встрѣчался еще) не было никакой возможности». Зная надломленность души Некрасова, страдавшаго весь свой вѣкъ тоже «болѣзнью совѣсти», хотя и не совсѣмъ такою, какою страдалъ Глѣбъ Ивановичъ, зная рѣзкій характеръ М. Е. Салтыкова, къ которому нужно было привыкнуть и привыкнуть и котораго Глѣбъ Ивановичъ «боялся», по его словамъ, «весь свой вѣкъ»; зная угрюмый и молчаливый характеръ Г. З. Елисѣева, никакъ нельзя не понять того, что собственно хотѣлъ выразить Успенскій вышеприведенными словами.

Въ числѣ новыхъ и молодыхъ писателей, съ которыми Глѣбъ Ивановичъ познакомился благодаря кружку «Отечественныхъ Записокъ», на первомъ планѣ необходимо поставить Н. К. Михайловскаго, имя котораго въ исторіи русской общественной мысли и общественнаго движенія занимаетъ и всегда будетъ занимать столь же почетное мѣсто, какъ и имена Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго. Ни одинъ писатель, ни одинъ редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» не оказалъ на Г. И. Успенскаго такого глубокаго и благотворнаго вліянія, какое оказалъ на него Н. К. Михайловскій; ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ ему близокъ, какъ именно Михайловскій. 34 года спустя послѣ начала знакомства Н. К. Михайловскій писалъ объ Успенскомъ, что первая встрѣча, первое знакомство съ нимъ *), «это самое дорогое, самое милое, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ самыхъ трагическихъ моихъ воспоминаній». «При всемъ моемъ уваженіи къ Некрасову, Салтыкову, Елисѣеву и при всемъ ихъ добромъ расположеніи ко мнѣ,—писалъ Михайловскій:—между мною и ими не могло быть тѣхъ истинно-дружескихъ отношеній, какія установились у меня съ Успенскимъ. Съ нимъ мы были ровесники и какъ-то сразу, съ перваго же свиданія, пришлись другъ другу по душѣ, и потомъ много было въ продолженіе многихъ лѣтъ вмѣстѣ передумано, пережито веселаго и

*) Первая встрѣча съ Г. И. Успенскимъ, о которой пишетъ Н. К. Михайловскій, имѣла мѣсто въ 1868 г., то-есть въ первый же годъ сотрудничества Успенскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ».

мрачнаго... Я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ его добрыхъ ко мнѣ чувствахъ и платилъ ему горячей любовью, съ одной стороны, и чувствомъ жалости, а съ другой—почтеніемъ къ его блестящему таланту и высокимъ нравственнымъ качествамъ». «Я увѣренъ, что такое сочетаніе жалости и почтенія знакомо всѣмъ, кто имѣлъ счастіе сколько-нибудь близко знать Успенскаго» *).

Ни Глѣбъ Ивановичъ ни Михайловскій не думали и никогда не могли предугадать, какое вліяніе будетъ имѣть ихъ знакомство не только на нихъ самихъ и ихъ судьбу, но и на судьбу самого журнала и на его значеніе въ исторіи русской литературы, русской общественной жизни, русскаго освободительнаго движенія. «Мнѣ помнится,—разсказываетъ Н. К. Михайловскій:—я тогда уходилъ отъ В. С. Курочкина. На лѣстницѣ, этажомъ ниже стоялъ у дверей какой-то молодой человѣкъ съ неправильнымъ, но чрезвычайно оригинальнымъ лицомъ, на которомъ вниманіе не могло не остановиться. Къ удивленію моему, молодой человѣкъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—«Вы Михайловскій?»—«Да».—«Я—Успенскій... Зайдите ко мнѣ... Я вотъ тутъ живу». Оказалось, что мы стоимъ какъ разъ около квартиры Успенскаго. Онъ меня зналъ по наслышкѣ отъ Курочкина и другихъ, я его зналъ, какъ автора «Нравовъ Растеряевой улицы» въ «Современникѣ» и разсказовъ «Будка» и «Остановка» («Въ дорогѣ»), только-что напечатанныхъ въ 1868 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 4 и № 7). Онъ былъ тогда холостъ и жилъ необыкновенно. Квартира его состояла изъ одной комнаты и кухни. Въ кухнѣ, которая, разумѣется, никогда не исполняла своего спеціальнаго назначенія, онъ устроилъ себѣ спальню, а комната изображала собою кабинетъ, салонъ, пріемную и все прочее. Прислуги не было. Разная хозяйственная утварь, если и была, то въ весьма незначительномъ количествѣ. Зато была половая щетка, и когда нужепъ былъ самоваръ или что-нибудь въ этомъ родѣ, Глѣбъ Ивановичъ стучалъ этой щеткой въ потолокъ. Это былъ условный знакъ, по которому изъ квартиры Курочкина являлась на зовъ его кухарка. Кухня-спальня отоплялась плитой, а въ салонѣ было очень сыро и скверно. Это не мѣшало хозяину, который не отличался аккуратностью, блистать заразительнымъ весельемъ и неподражаемымъ мастерствомъ разсказовъ». Такъ началось знакомство Глѣба Ивановича съ Н. К. Михайловскимъ, которое затѣмъ перешло въ близкую дружбу. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что особенно тѣсное сближеніе его съ Михайловскимъ произошло значительно позднѣе, что, быть-можетъ, вполнѣ понятно, если принять въ расчетъ всю противоположность

*) «Русск. Бог.» 1902, № 30, стр. 31.

личнаго склада, личныхъ особенностей, какія только могутъ существовать между человѣкомъ большого сердца и человѣкомъ большого ума даже при прочихъ равныхъ условіяхъ. Михайловскій оказалъ несомнѣнно очень большое вліяніе на Успенскаго въ смыслѣ окончательной выработки его общаго міросозерцанія. Объ общемъ ходѣ этой выработки мы можемъ судить по дальнѣйшей литературной дѣятельности Глѣба Ивановича, который чутко и глубоко на себѣ самомъ отразилъ эволюцію русской народнической мысли отъ семидесятыхъ до девяностыхъ годовъ, начиная съ эпохи такъ-называемаго «хожденія въ народъ», затѣмъ переходя къ блестящему періоду «народной воли», а отъ нея къ послѣдующимъ годамъ, подготовившимъ общественное движеніе 900-тыхъ годовъ.

Былъ въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» еще одинъ человѣкъ, вошедшій въ составъ редакціи гораздо позднѣе Михайловскаго, но дружба съ которымъ навсегда оставила свои глубокіе слѣды въ жизни Глѣба Ивановича. Это былъ душевнѣйшій и благороднѣйшій С. Н. Кривенко, участіе котораго въ «Отечественныхъ Запискахъ» началось около половины 70-тыхъ годовъ и продолжалось вплоть до прекращенія этого журнала и до его ареста. Дружественныя отношенія между С. Н. Кривенко и Глѣбомъ Ивановичемъ начались тоже какъ-то сразу и быстро сдѣлались неразрывными. Случалось, Глѣбъ Ивановичъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ семьѣ Кривенко, посвящая его во всѣ свои литературные планы, бесѣдуя о житейскихъ мелочахъ и обо всемъ, о чемъ только можно дѣлиться съ самымъ близкимъ и роднымъ по духу человѣкомъ. По своей натурѣ С. Н. Кривенко принадлежалъ къ тому же типу людей, какъ и самъ Глѣбъ Ивановичъ,—къ типу людей удивительно скромныхъ, отзывчивыхъ и глубоко-сердечныхъ. Постоянно преисполненный доброжелательства ко всѣмъ людямъ, убѣжденный народникъ, принимавшій близкое участіе въ цѣломъ рядѣ революціонныхъ, литературныхъ и иныхъ предпріятій, С. Н. Кривенко, въ теченіе всѣхъ 6—7 лѣтъ своего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ», былъ изъ всей редакціи самымъ близкимъ человѣкомъ къ Успенскому. Глѣба Ивановича связала съ С. Н. Кривенко трогательная сердечность, искренность и вдумчивость этого послѣдняго, сходство типа и сходство взглядовъ, которые въ это время (конецъ 70-хъ годовъ) уже сложились въ душѣ Успенскаго.

Въ чемъ же выразилась и какимъ образомъ шла литературная дѣятельность Глѣба Ивановича въ эпоху «Отечественныхъ Записокъ», т.-е. въ періодъ 1868—84 гг. *).

*) Начавъ свое сотрудничество въ этомъ журналѣ въ 1868 г., Г. И.

Начавъ свое сотрудничество въ «Отечественныхъ Записках» типомъ будочника Мымрецова, Глѣбъ Ивановичъ закончилъ его типомъ Тяпушкина, разночинца, уходящаго «въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви». Интересно еще отмѣтить, что наибольшее развитіе литературной дѣятельности Успенскаго въ «Отечественныхъ Записках» приходится на 1877—84 гг., а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ — на 1880 — 84 гг., т.-е. на годы лорисъ-меликовской «диктатуры сердца» и послѣдовавшаго затѣмъ общественнаго возбужденія, не сразу сломленнаго реакціей 80-тыхъ годовъ. Такое совпаденіе максимальнаго развитія литературной дѣятельности Глѣба Ивановича съ началомъ 80-тыхъ годовъ находитъ свое объясненіе лишь отчасти въ томъ, что въ 1880—81 гг. цензурныя условія, какъ извѣстно, одно время были нѣсколько легче, чѣмъ въ концѣ 70-тыхъ и во время реакціи 80-тыхъ годовъ. Но, разумѣется, не въ цензурныхъ условіяхъ надо искать главныя объясненія этому факту, а вѣрнѣе всего въ томъ, что, поддаваясь общему возбужденію общественнаго настроенія конца 70-тыхъ и начала 80-тыхъ годовъ, Г. И. Успенскій не могъ не реагировать на него въ этотъ историческій моментъ гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде.

Далѣе, изъ приведенныхъ таблицъ видно, что въ сотрудничествѣ Глѣба Ивановича въ «Отечественныхъ Записках» случались не только заминки, но и перерывы. Такъ, напримѣръ, въ 1872 году Глѣбъ Ивановичъ не напечаталъ въ «Отечественныхъ Записках» ни одной статьи, а въ 1873—75 гг. его литературная производительность была весьма слаба. Это ея ослабленіе объ-

---

Успенскій продолжалъ его и въ слѣдующіе два года (1869—71 гг.) самыми крупными своими произведеніями («Разореніе», «Тише воды, ниже травы», «Наблюденія одного лѣнтяя»). Затѣмъ его сотрудничество въ «Отечественныхъ Записках» выразилось слѣдующими цифрами: въ 1872 г. имъ не помѣщено тамъ ни одного произведенія; въ 1873 г.— два, въ 1874 г.—одно, въ 1875 г.—одно, въ 1876 г.—три, въ 1877 г.— шесть, въ 1878 г.—три, въ 1879 г.—три, въ 1880 г.—шесть, въ 1881 г.— восемь, въ 1882 г. — шесть, въ 1883 г. — восемь, въ 1884 г.—четыре (въ этомъ году только и вышло четыре книжки «Отечественныхъ Записокъ». Составлено на основаніи библіографіи, приложенной къ изданію Фукса и «Русской словесности» А. Мезьеръ, ред. Н. Рубакина). Впрочемъ, говоря объ участіи Глѣба Ивановича въ «Отечественныхъ Записках» 1868 г., слѣдуетъ имѣть въ виду, что, несмотря на ворчаніе Салтыкова, Глѣбъ Ивановичъ за эти самые годы принималъ участіе не въ однѣхъ только «Отечественныхъ Записках», а кромѣ того еще: въ 1868 г.—въ «Дѣлѣ», въ «Модномъ Магазинѣ», «Недѣлѣ» и въ сборникѣ «На нѣсколько лѣтъ»; въ 1871 г.—въ «Библіотекѣ для чтенія», въ 1871—72 гг. въ «Грамотѣ», въ 1874—79 гг. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ 1872—78 гг. въ «Пчелѣ» (М. Микѣшина), въ 1880 г. въ «Русскомъ Богатствѣ», въ 1881—82 гг. въ «Русской Мысли».

ясняется прежде всего обстоятельствами личной жизни Глѣба Ивановича, къ обзору которыхъ мы теперь и переходимъ.

27-го мая 1870 г. произошла дѣйствительно большая перемѣна въ личной жизни Глѣба Ивановича. Онъ женился. Его жена Александра Васильевна (урожденная Бараева) была родомъ изъ богатой купеческой семьи, — отецъ ея былъ фабрикантомъ черепаховыхъ издѣлій (фирма эта существуетъ въ Петербургѣ и понынѣ, хотя и находится въ другихъ рукахъ). Впрочемъ, Александрѣ Васильевнѣ не пришлось воспользоваться отцовскимъ богатствомъ, такъ какъ отецъ ея рано умеръ, а фирма перешла къ опекуну. Александра Васильевна была учительницей и одно время работала даже въ деревнѣ. Окончивъ, 23 декабря 1862 года, курсъ въ спб. Маріинскомъ институтѣ, она жила сначала уроками, затѣмъ, хорошо владѣя языками, стала заниматься переводами, которые между прочимъ печатались въ большинствѣ случаевъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», отчасти въ «Библіотекѣ переводн. беллетристики» А. В. Каменскаго *). Александра Васильевна была человѣкъ несомнѣнно незаурядный, умный, образованный и, разумѣется, проникнутый до глубины души тѣми же общественными стремленіями, какъ и Глѣбъ Ивановичъ. Но главное—Александра Васильевна была человѣкъ безконечно любящій и самоотверженный; она и доказала это всею своею жизнью, которую беззавѣтно принесла въ жертву Глѣбу Ивановичу не только какъ человѣку, но и какъ писателю. Именно ей онъ обязанъ тѣмъ, что всѣ свои 32 г., протекшіе послѣ свадьбы, онъ былъ окруженъ самой теплой и душевной заботливостью, какая мало кому выпадаетъ на долю. Всякаго рода житейскія непріятности и досадливыя мелочи жизни, какія столь свойственны болѣе или менѣе хроническому литераторскому безденежью, отчего бы оно ни происходило, Александра Васильевна принимала на себя.

Какъ разсказываетъ А. М. Скабичевскій, свадьба Г. И. была очень веселая. Но денежныя обстоятельства повобрачныхъ, несмотря на возможность постоянной работы въ «Отеч. Запискахъ», были чрезвычайно плохи. А главное—душа Г. И. попрежнему рвалась куда-то, и мучила его все та же безотчетная тоска и «болѣзнь совѣсти», которыхъ не излѣчило и счастье семейной жизни—даже съ такимъ человѣкомъ, какъ Александра Васильевна. Неудовлетворенное стремленіе къ душевному равновѣсію и гармоніи доставляло, повидимому, въ это время Г. И—чу особенно жгучія страданія, и душа жаждала «выпрямленія». Быть-можетъ, этимъ и объясняется,

*) Александрѣ Васильевнѣ принадлежитъ, между прочимъ, переводъ «Разсказовъ» Кладеля, къ которымъ написалъ предисловіе Тургеневъ, «Лѣсничаго Фредерика» Эркмана-Шатріана и др.

что вскорѣ послѣ свадьбы, въ томъ же 1870 году, Г. И. рѣшилъ впервые побывать за границей, куда онъ и съѣздилъ съ братомъ первой жены Н. К. Михайловскаго. Но путешествіе, продолжавшееся всего лишь мѣсяца два, было скорѣе похоже на прогулку. Года черезъ два Глѣба Ивановича снова потянуло за рубежъ, а именно въ 1873 году. Въ это время Глѣбъ Ивановичъ уже былъ отцомъ семейства и имѣлъ сына Александра. «Случайно удалось получить триста рублей,—разсказываетъ самъ Глѣбъ Ивановичъ:—и съ этими маленькими средствами въ маѣ 1873 года мы выѣхали съ женой и ребенкомъ», и тамъ пришлось прожить цѣлыхъ два года, лишь по временамъ наѣзжая въ Россію. Какіе именно мотивы побудили Глѣба Ивановича ѣхать за границу—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, онъ и за границей не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Даже болѣе того, онъ пережилъ тамъ такіе моменты, «когда готовъ былъ даже наложить на себя руки». Онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ къ В. А. Гольцеву. Чѣмъ именно было вызвано столь мучительное состояніе—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ не семейными обстоятельствами, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи Глѣбъ Ивановичъ былъ счастливъ весь свой вѣкъ. Врядъ ли были причиной этому и денежныя нужды. Правда, нуждаться приходилось изрядно, но все-таки бывали и кой-какія «получки». Такъ, напримѣръ, около этого времени Глѣбъ Ивановичъ получилъ отъ книгопродавца Базунова небольшую сумму за право отдѣльнаго изданія (въ «Библіотекѣ современныхъ писателей») нѣкоторыхъ своихъ произведеній. Для характеристики той эксплоатаціи, которой Глѣбъ Ивановичъ подвергался весь свой вѣкъ то отъ одного, то отъ другого издателя, отмѣтимъ кстати, что Базуновъ заплатилъ Глѣбу Ивановичу ни больше ни меньше, какъ по восьми рублей за печатный листъ, введя кромѣ того въ свой договоръ съ писателемъ еще такія «условія», освободиться отъ которыхъ впослѣдствіи Г. И. было очень трудно, такъ что понадобилась помощь болѣе практичныхъ друзей.

Объ заграничныя поѣздки оставили глубокій слѣдъ въ душѣ Глѣба Ивановича. Онѣ дали ему случай посѣтить Парижъ, еще «избитый прусскими и коммунарскими бомбами и пулями», воочію увидать, «какъ судятъ версальскіе военно-полевые суды и какъ они приговариваютъ къ смерти сапожниковъ и башмачниковъ». Тоже своими глазами пришлось увидать Глѣбу Ивановичу и такія явленія современнаго общественнаго строя, какъ, напр., германскій милитаризмъ и англійскій капитализмъ. «Я мало писалъ объ этомъ (путешествіи), — разсказываетъ Глѣбъ Ивановичъ:—но многому научился, много записалъ въ мою душевную родословную книгу навсегда». О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ Глѣбомъ Ивановичемъ изъ

его заграничныхъ путешествій, даютъ намъ нѣкоторое представленіе довольно многочисленныя вкраплины и вставки, разсѣянныя по разнымъ произведеніямъ его и рисующія заграничную жизнь. Такого рода вставки мы встрѣчаемъ даже въ очеркахъ, написанныхъ лѣтъ десять спустя послѣ его поѣздокъ. Интересно, что даже тотъ очеркъ, въ которомъ Глѣбъ Ивановичъ какъ бы подвелъ итогъ своимъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ-за границы, и который намъ кое-что разъясняетъ въ ея вліяніи на общее настроеніе писателя, тоже написанъ около десяти лѣтъ спустя послѣ возвращенія въ Россію. Мы говоримъ о превосходномъ эпизодѣ изъ неоконченныхъ записокъ Тяпушкина («Выпрямила»,—см. «Русск. Мысль» 1885 г., № 5).

Каковъ же итогъ впечатлѣній, вынесенныхъ Глѣбомъ Ивановичемъ изъ его путешествій? Его можно формулировать однимъ словомъ, а именно самымъ названіемъ этого послѣдняго очерка. Пребываніе за границей тоже *выпрямило* Глѣба Ивановича. Оно облегчило его давнишнюю застарѣлую болѣзнь совѣсти, его безотчетную и постоянную тоску о цѣльности человѣческой личности, его страданія въ поискахъ душевнаго равновѣсія и гармоніи; словомъ сказать, заграничное пребываніе какъ бы развѣяло въ его душѣ ту растеряевщину и ея наслѣдіе, которыхъ онъ такъ желалъ и такъ не могъ забыть. Во время заграничнаго пребыванія Глѣбъ Ивановичъ, по его собственнымъ словамъ, «*пришелъ въ себя*».

Въ чемъ же состояло это облегченіе застарѣлой болѣзни, это «выпрямленіе»? Какія именно обстоятельства, встрѣчи, личныя знакомства и другія впечатлѣнія заграничной жизни дали все это наболѣвшей душѣ Успенскаго? Насколько позволяютъ намъ судить объ этомъ отрывочныя данныя о внѣшней исторіи этого періода его жизни, «выпрямленіе» души Глѣба Ивановича за границей произошло не безъ вліянія русской заграничной колоніи,—во-первыхъ, русской зарубежной молодежи—той самой, которой, какъ мы видѣли, Глѣбъ Ивановичъ былъ обязанъ, по его собственнымъ словамъ, своимъ исцѣленіемъ «отъ питейной болѣзни» *), а во-вторыхъ—подъ вліяніемъ тогдашнихъ русскихъ эмигрантовъ, въ числѣ которыхъ прежде всего выступаетъ мощная фигура Петра Лаврыча Лаврова. Исторія его общенія съ Глѣбомъ Ивановичемъ несомнѣнно представляетъ очень интересный эпизодъ изъ біографіи писателя.

Для Глѣба Ивановича Лавровъ не могъ быть совершенно чуждымъ и чужимъ человѣкомъ и до поѣздки за границу. Дѣло въ томъ, что и Успенскій и Лавровъ уже много лѣтъ состояли постоянными сотрудниками одного и того же журнала. Съ самаго возникновенія

*) См. предыдущую главу.

«Отеч. Записокъ» П. Л. Лавровъ помѣщалъ въ нихъ свои (правда, безыменныя, по внѣшнимъ, цензурнымъ условіямъ) статьи *). Весьма естественно, что въ бытность свою за границей Глѣбъ Ивановичъ завелъ съ Лавровымъ и личное знакомство, которое, разумѣется, не могло не оставить глубокаго слѣда въ душѣ вдумчиваго писателя. По крайней мѣрѣ, къ такому выводу мы приходимъ на основаніи нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ. Въ 1876 году мы уже встрѣчаемъ Глѣба Ивановича въ числѣ сотрудниковъ русскаго заграничнаго періодическаго органа «Впередъ», выходившаго тогда подъ редакціей П. Л. Лаврова **).

Весьма возможно, что именно знакомство съ Лавровымъ и его единомышленниками подготовило въ немъ почву для идейнаго сближенія съ Н. К. Михайловскимъ, въ душѣ котораго въ это самое время тоже шла напряженная внутренняя работа (это сближеніе произошло послѣ возвращенія Глѣба Ивановича изъ-за границы).

Спрашивается теперь, въ чемъ же собственно выразилось выпрямляющее дѣйствіе заграничныхъ знакомствъ на душу Глѣба Ивановича? Отвѣтъ на этотъ вопросъ читатели найдутъ въ самомъ очеркѣ «Выпрямила», который мы усиленно рекомендуемъ ихъ вниманію. Въ этомъ очеркѣ Глѣбъ Ивановичъ передъ нами рисуетъ, немногими, хотя и яркими чертами, образъ «дѣвушки строгаго, почти монашескаго типа» ***),—единую цѣлостную человѣческую личность, съ чистой душой и здоровой совѣстью, прекрасную въ своей гармоніи мысли и дѣла и равновѣсіи всѣхъ другихъ свойствъ души. Анализъ этого уравновѣшеннаго типа и его отношеній къ психологіи Глѣба Ивановича читатели найдутъ въ статьѣ Н. К. Михайловскаго, и потому останавливаться на немъ мы здѣсь не будемъ. Скажемъ только, что такой именно типъ — съ его точки зрѣнія типъ идеальный—Глѣбъ Ивановичъ и нашелъ сначала за границей, а потомъ и въ Россіи, въ средѣ русской молодежи того вре-

*) «До человѣка», «Цивилизація и дикія племена», «Современныя ученія о нравственности», «Противники исторіи» и т. д. Почти всѣ онѣ вышли въ 1906 г. отдѣльными изданіями въ Спб.

**) Это изданіе было предпринято П. Л. Лавровымъ въ 1873 г., въ формѣ не-періодическаго сборника, а затѣмъ стало выходить въ видѣ довольно большой двухнедѣльной газеты. Такъ оно и просуществовало до 1877 г. Въ послѣдній годъ его существованія, П. Л. Лавровъ уже не былъ его редакторомъ, отказавшись отъ редакторства по идейнымъ мотивамъ, такъ какъ сотрудники органа, настроеннаго менѣе радикально, чѣмъ редакторъ, не согласились придать изданію болѣе боевого характера. См. ст. Н. Русанова. «Былое» 1907 г., № 2, стр. 271.

***) Мы теперь знаемъ, на основаніи свидѣтельства многочисленныхъ друзей Г. И., что подъ этими словами онъ подразумѣвалъ страдальческій образъ В. Н. Фигнеръ.

мени, и съ этихъ-то поръ, т.-е. съ возвращенія изъ-за границы послѣ двухгодичнаго пребыванія тамъ, и опредѣлились общественныя симпатіи Глѣба Ивановича. Онъ сталъ все болѣе и болѣе склоняться къ тѣмъ формамъ освободительнаго движенія, которыя характеризуютъ періодъ конца 70-хъ годовъ и начала 80-хъ. Въ эпоху 1874—81 годовъ въ душѣ Глѣба Ивановича происходила эволюція, шедшая, такъ сказать, параллельно съ эволюціей русской, наиболѣе передовой общественной мысли. Его собственное участіе въ этомъ движеніи и было тѣмъ выпрямляющимъ средствомъ, которое лучше всего и помогло въ его болѣзни совѣсти. Подобно тому, какъ ушелъ въ «станъ погибающихъ» Тяпушкинъ *), такъ ушелъ туда, по мѣрѣ своихъ силъ, способности и умѣнья, и Глѣбъ Ивановичъ, отдавая себя всего цѣликомъ служенію тому же «большому дѣлу»! (а не «маленькимъ дѣламъ», въ чемъ его иные, какъ, напр., Протопоповъ, напрасно обвиняли). Этотъ характерный моментъ въ жизни Глѣба Ивановича, эту знаменательную эволюцію его взглядовъ лучше всего можно иллюстрировать его же собственными словами, сдѣлавъ нѣсколько небольшихъ цитатъ изъ его произведеній эпохи 1876—81 гг., а также и изъ нынѣ появившихся въ печати кой-какихъ писемъ его. Вѣдь передъ Глѣбомъ Ивановичемъ, какъ и передъ Тяпушкинымъ, стоялъ цѣлый рядъ основныхъ, хотя и самыхъ элементарныхъ вопросовъ, отвѣты на которые уже опредѣляютъ отношенія человѣка ко всему строю окружающей жизни и его работу,—ту работу, участіе въ которой «выпрямило» не одного только Глѣба Ивановича: «Исходный пунктъ этихъ работъ,—пишетъ Тяпушкинъ (Успенскій):—былъ для меня чрезвычайно простъ: можно ли кому-нибудь умирать съ голоду? Нѣтъ. Ну и надо дѣлать, чтобы не умирали. Хорошо ли такое явленіе, какъ проституція? Нѣтъ. Стало-быть, и не надо, чтобы оно было. Нравится вамъ типъ вора? Нѣтъ. Надо, чтобы его не было. А типъ убійцы? А типъ тонкаго хищника? А невѣжество, вольное и невольное? Нѣтъ. Значитъ, *надобно идти* туда, гдѣ никто ничего не знаетъ, гдѣ кишитъ нужда въ тысячахъ вещей, — идти туда и дѣлать то, что велитъ жизнь. Именно *отсюда только и выйдетъ смыслъ моего существованія и смыслъ моего слова*, и смыслъ и серьезность жизни вообще» («Волей-неволей»). Но что значитъ «идти», и куда именно идти *ему*, писателю, съ его склонностью къ анализу, его впечатлительностью, его способностью вести общественную борьбу только съ

*) См. «Волей-неволей»: «Отъ всѣхъ готовыхъ удобствъ (существующаго строя) можно съ ума сойти и можно возопить наконецъ не своимъ голосомъ: «уведи меня въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви», какое бы безстрашіе для этого ни требовалось».

перомъ въ рукахъ? Глѣбъ Ивановичъ говоритъ: «надо отвоевать для деревни право пещись не о единомъ хлѣбѣ». «Это одна изъ обязанностей интеллигенціи». «Народъ, идя къ рѣшенію того или иного занимающаго его вопроса, бредетъ ощупью, не зная завтрашняго дня; а мы (интеллигенція) знаемъ этотъ день и молчимъ». Глѣбъ Ивановичъ прямо ставитъ вопросъ объ «отвоеваніи права». Въ своемъ очеркѣ «Хочешь-не-хочешь» онъ, чуть ли не словами А. Квятковскаго, говоритъ «о кроткихъ какъ агнецъ людяхъ, которые однако являлись передъ публикой, «напр., въ печати» вовсе не такими, потому что *надо* было являться именно *такъ*»; говоритъ «о людяхъ, о множествѣ людей, заглушавшихъ въ себѣ кротость для необходимой въ данную минуту вражды со зломъ, заглушавшихъ въ себѣ отвращеніе для необходимой теперь, именно потому-то и потому-то любви» *).

Вышеприведенныя цитаты, относящіяся къ періоду 1876 — 81 гг., съ достаточной ясностью показываютъ, въ какую сторону шло «выпрямленіе» души Глѣба Ивановича съ момента его возвращенія изъ-за границы. Впрочемъ, вникая въ самую суть этихъ выписокъ, отнюдь не слѣдуетъ забывать, что онѣ должны быть принимаемы съ большой оговоркой. Дѣло въ томъ, что, какъ уже было сказано, Глѣбъ Ивановичъ, по самому складу своей натуры, совершенно былъ неспособенъ къ какой-либо общественной борьбѣ, если не считать борьбу литературную. Если онъ и примыкалъ все болѣе и болѣе, по своимъ теоретическимъ взглядамъ, къ народовольчеству конца 70-хъ годовъ, то изъ этого все же не слѣдуетъ, что онъ когда-либо былъ партійнымъ человѣкомъ. Для этого онъ былъ слишкомъ большой индивидуалистъ. Даже болѣе того,— никогда Глѣбъ Ивановичъ не фиксировалъ (и не могъ фиксировать) свои мысли на какой-либо опредѣленной политической или иной программѣ.

Десятилѣтіе, прошедшее послѣ возвращенія Глѣба Ивановича изъ-за границы, должно быть названо самымъ кипучимъ періодомъ его жизни. «Выпрямленіе», имъ испытанное, самымъ блестящимъ образомъ отозвалось и на качественной и на количественной сторонѣ литературной работы Глѣба Ивановича. Съ 1876 г. начинается новый періодъ его біографіи,—періодъ наибольшаго расцвѣта его таланта. Въ этомъ періодѣ жизни Глѣбъ Ивановичъ уже *знаетъ*, куда ему идти и что дѣлать; въ его душѣ уже имѣется вполнѣ сложившійся критерій для оцѣнки всѣхъ, — и крупныхъ и мелкихъ явленій русской жизни; со своей «новой біографіей» онъ уже вполнѣ освоился, смыслъ своей жизни опредѣлилъ; больная совѣсть

*) Глѣбъ Ивановичъ при этомъ комментируетъ эти слова, взятыя имъ изъ одной книжки, оттѣняя темныя и свѣтлыя стороны вопроса.

его, отравленная растерявщиной, выпрямилась настолько, что не попрежнему уже мучила его. Въ этомъ періодѣ его жизни Глѣба Ивановича больше всего начинаетъ интересовать *крестьянство*, или, какъ выражался П. Л. Лавровъ, «сельское населеніе», «народъ съ существующей въ немъ традиціей общинной и артельной солидарности». Что представляетъ изъ себя *этотъ* народъ, этотъ иксъ, о которомъ такъ много и такъ долго пишутъ и къ которому еще никто, въ сущности, не подошелъ вплотную, прямо и просто? Каковъ онъ въ неприкрашенномъ видѣ, т.-е. на самомъ дѣлѣ, не искаженный ничьимъ предвзятымъ взглядомъ? Какими способами, гдѣ и кому предстоитъ узнать о народѣ *настоящую правду?* «Подлинная правда жизни,—пишетъ Глѣбъ Ивановичъ въ своей автобіографіи:—повлекла меня къ *источнику*, т.-е. къ *мужику*». Глѣбъ Ивановичъ вполнѣ опредѣленно и сознательно рѣшилъ поселиться въ деревнѣ, «идти въ народъ», но только совсѣмъ не такъ, какъ ходили туда пропагандисты 70-хъ годовъ. Глѣбъ Ивановичъ пошелъ въ деревню не подъ видомъ человѣка изъ народа, а, напротивъ, въ своемъ обычномъ образѣ, — онъ просто-напросто взвалилъ на себя работу, для народа нужную и полезную. Онъ сталъ работать *для народа на глазахъ у народа*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изучать народную жизнь, вникая во всѣ ея мелочи, всѣ неурядицы, въ своеобразныя внутреннія и внѣшнія отношенія, въ ихъ правду и неправду. Работа, которую рѣшилъ взвалить на себя Глѣбъ Ивановичъ, была нелегка, особенно же для него, какъ для городского жителя, видавшаго до тѣхъ поръ деревню или мелькомъ, или издалека. Но противъ влеченія «подлинной правды жизни» Глѣбъ Ивановичъ и не думалъ бороться. Еще больше тянуло его «къ мужику», потому что, возвращаясь въ Россію изъ-за границы, онъ видѣлъ этого самаго мужика въ новомъ и особенномъ, дотолѣ неслыханномъ видѣ, — а именно въ качествѣ добровольца, проливающаго свою кровь *за правду* и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивающаго ее противъ «турокъ внѣшнихъ». Такъ неужели же этотъ самый народъ, по замѣчанію самого же Глѣба Ивановича, неспособенъ отстаивать свою правду и противъ «турокъ внутреннихъ» *)? Въ началѣ 1877 года мы уже находимъ Глѣба Ивановича въ деревнѣ и стоящаго лицомъ къ лицу у самаго «источника», о которомъ онъ много передумалъ еще съ гимназическихъ лѣтъ, сначала жадно глотая статьи Добролюбова и Чернышевскаго, а затѣмъ бесѣдуя о народѣ съ Некрасовымъ, Елисѣевымъ, Салтыковымъ, съ молодежью лавровскаго кружка и съ самимъ Лавровымъ. Теперь предстояло всѣ ихъ взгляды и теоріи

*) Выраженіе М. Драгоманова.

провѣрить непосредственнымъ наблюденіемъ и собственнымъ опытомъ. Переселеніе Глѣба Ивановича въ деревню произошло отчасти при помощи одного изъ его друзей — Константина Михайловича Сибирякова, интеллигентнаго и богатаго сибиряка, доброжелательно расположеннаго къ народу и къ интеллигенціи. Въ имѣніи Сибирякова (Самарской губерніи, Криволуцкой волости, м. Сколковѣ, недалеко отъ села Преображенскаго) и поселился Глѣбъ Ивановичъ. И ему и его женѣ Александрѣ Васильевнѣ въ Сколковѣ нашлись опредѣленныя занятія. Дѣло въ томъ, что, при содѣйствіи того же К. М. Сибирякова, въ его имѣніи было устроено ссудо-сберегательное товарищество, съ цѣлью помочь деревенской бѣднотѣ обходиться безъ ростовщиковъ и кулаковъ. Въ этомъ товариществѣ и получилъ мѣсто Глѣбъ Ивановичъ, несмотря на то, что весь свой вѣкъ былъ очень плохимъ и своеобразнымъ финансистомъ. Мѣсто было платное. Быть-можетъ, и это обстоятельство не осталось безъ вліянія на то, что Глѣбъ Ивановичъ согласился взять его, такъ какъ денежныя дѣла Успенскихъ и теперь, какъ видно, были плохи. Александра Васильевна въ это время взяла платное же мѣсто учительницы въ мѣстной сельской школѣ. Занятій по товариществу было не очень много, и Глѣбъ Ивановичъ разсчитывалъ одновременно заниматься и литературнымъ трудомъ.

Такъ началось для Глѣба Ивановича его изученіе русскаго крестьянства, изученіе, изумительное по глубинѣ, правдѣ и искренности и не прекращавшееся до самаго конца его сознательной жизни. Глѣбъ Ивановичъ дѣйствительно подошелъ къ источнику вплотную, какъ, быть-можетъ, до него еще не подходилъ никто. Онъ чрезвычайно быстро ориентировался не только въ обиходѣ крестьянской жизни, но и въ своеобразной крестьянской психологіи. Хрустальная чистота души, поразительная и постоянная искренность и вдумчивость, любовное отношеніе къ каждому человѣку, обаятельность самой личности Глѣба Ивановича быстро разрушили ту стѣну недовѣрія и подозрительности, съ какими обыкновенно относилось тогда крестьянство, наученное горькимъ опытомъ многихъ вѣковъ, ко всякому «барину», «чистому господину» (тѣмъ болѣе пріѣхавшему откуда-то со стороны).

Но деревня не порадовала Глѣба Ивановича,—та самая деревня черноземной Самарской губерніи, гдѣ онъ тогда жилъ. «По несчастію,— разсказываетъ онъ самъ объ этомъ эпизодѣ своей жизни:—я попалъ въ такое мѣсто, гдѣ *источника* видно не было». «Власть земли» здѣсь вовсе не чувствовалась. Зато была до очевидности ясна «власть капитала». «Деньга привалила въ это мѣсто, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь полтора года не зналъ ни дня ни ночи покоя». И

правда, то, что Глѣбъ Ивановичъ увидѣлъ въ *такой* деревнѣ, не только его не радовало, но причиняло жгучія и продолжительныя страданія его душѣ. Но онъ пришелъ къ «источнику» безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и, разумѣется, ужъ вовсе не для того, чтобы скрывать отъ кого-нибудь настоящую правду о народѣ. И Глѣбъ Ивановичъ тогда же сталъ смѣло писать о народѣ все, что онъ видѣлъ и чувствовалъ, писать, не кривя душой и ничего не скрывая, не подчищая и не сглаживая. Глѣбъ Ивановичъ, ради «настоящей правды», отнюдь не побоялся энергично приняться за «развѣнчиванье мужика», хотя и вызвалъ этимъ противъ себя очень многонарекапій. «И меня тогда ругали, что я не люблю народъ,—простодушно разсказываетъ Глѣбъ Ивановичъ.—А я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи».

Съ 1877 года стали появляться въ «Отеч. Запискахъ» знаменитые его «Очерки деревенской жизни» и «Изъ деревенскаго дневника», которыми и открылся новый періодъ въ его литературной дѣятельности. Какъ извѣстно, до того времени въ своихъ очеркахъ Г. И. выводилъ почти исключительно лишь разночинцевъ, горожанъ, чиновниковъ, «мастеровщину» и т. п. городскую бѣдноту, среди которой лишь изрѣдка фигурировали крестьяне. Съ этого же момента въ произведеніяхъ Глѣба Ивановича рѣшительно выступаетъ на первый планъ мужикъ, съ самой сокровенной стороны его жизни, которую Глѣбъ Ивановичъ сумѣлъ проникнуть съ удивительной чуткостью и любовью.

Во время пребыванія Глѣба Ивановича въ Самарской губерніи, ему пришлось познакомиться съ такъ-называемыми «внѣшними» или «независящими обстоятельствами». Дѣло въ томъ, что въ половинѣ 70-хъ годовъ въ Россіи уже началось «смутное время», которое лѣтъ 6—7 спустя и привело къ катастрофѣ 1 марта. Въ тѣ самые годы, которые Глѣбъ Ивановичъ прожилъ за границей, русское освободительное движеніе пережило фазу, извѣстную подъ названіемъ «хожденія въ народъ». Этимъ движеніемъ были захвачены тысячи русской молодежи, которая и несла съ собой идею бакунинскаго анархизма и лавровскаго «научнаго соціализма». Административныя власти были поставлены на ноги и зорко смотрѣли за тѣмъ, чтобы «подходить вплотную» къ мужику безъ особаго дозволенія на это со стороны начальства не смѣлъ никто. Такому надзору «подвергся», разумѣется, и Глѣбъ Ивановичъ *).

Обязательная работа въ ссудосберегательномъ товариществѣ, обыденныя, мелочныя и постоянныя сношенія съ мѣстными крестья-

*) «Народов.» № 3, стр. 98.

нами не помѣшали Глѣбу Ивановичу, за время его пребыванія въ Сколковѣ, много поработать и для литературы. Страдая своимъ обычнымъ порокомъ—слишкомъ большой впечатлительностью,—Глѣбъ Ивановичъ весь свой вѣкъ былъ «страстенъ и золъ на работу», а «работа (въ качествѣ наблюдателя народной жизни)—дѣло трудное именно для впечатлительнаго человѣка». Эти слова, поставленныя нами въ кавычки, принадлежатъ самому Успенскому, который писалъ ихъ о Демертѣ, не понимая, что они приложимы и къ нему самому. Теперь «почти вся личная жизнь его была поглощена его дѣломъ, и оно-то и могло дѣлать его и веселымъ, и грустнымъ, и злымъ... Причинъ къ нервному разстройству было много». Врядъ ли можно сомнѣваться, что этотъ рабочій запасъ не остался безъ вліянія на ускореніе погубившей его болѣзни, такъ какъ «въ разстройствѣ его умственныхъ способностей едва ли не главную роль играло *свойство* его работы». Но Глѣбъ Ивановичъ не могъ не браться за перо, когда у него *накипѣло*, и вотъ это-то «накипѣло» и было тѣмъ матеріаломъ, который цѣлые годы, изо дня въ день, онъ «обозрѣвалъ», т.-е. продумывалъ и переживалъ. Съ этого времени лихорадочная литературная работа Глѣба Ивановича не прекращалась до самой его болѣзни. Онъ работалъ быстро, волнуясь и спѣша, стараясь сколь возможно скорѣе запечатлѣть на бумагѣ всѣ мысли, впечатлѣнія и настроенія своей души, не гонясь за внѣшней формой, весь поглощенный содержаніемъ своей темы *). Въ такой работѣ и прошли лучшіе годы его жизни (1876—90).

Въ 1879 г. Успенскій изъ Самарской губерніи переселился совсѣмъ на другой конецъ Россіи, — въ губернію Новгородскую. Этотъ его переѣздъ въ другую крестьянскую среду и другую обстановку сослужилъ огромную службу дальнѣйшей литературной эволюціи Глѣба Ивановича. Въ Новгородской губерніи и раскрылась передъ его глазами, до самой ея глубины, «власть земли», власть лѣсной и звѣриной правды, которая все же должна въ концѣ концовъ перейти когда-нибудь въ правду человѣческую. «Изъ шумной, полупьяной, развратной самарской деревни забрался я въ лѣса новгородскіе, — разсказываетъ Глѣбъ Ивановичъ: — въ усадьбу, гдѣ жила только одна крестьянская семья». И на его глазахъ «дикое мѣсто стало оживать подъ сохою пахаря, и вотъ я тогда первый разъ въ жизни увидѣлъ дѣйствительно одну подлинную, важную черту въ основахъ жизни русскаго народа, именно «власть земли». Пребываніе его здѣсь было болѣе продолжительнымъ, хотя и съ частыми и большими перерывами.

*) См. статью Н. К. Михайловскаго.

Поселился онъ здѣсь сначала въ имѣніи Ляднахъ, принадлежащемъ А. В. Каменскому, старинному другу всей семьи Успенскихъ, извѣстному переводчику и земскому дѣятелю. Лядны находятся недалеко отъ дер. Сябринцевъ, близъ станціи Чудово (Николаевск. ж. д.). Эти самые Сябринцы и сдѣлались вскорѣ постояннымъ мѣстожительствомъ всей семьи Успенскихъ, а впослѣдствіи (въ 1881 г.), благодаря истинно героическимъ усиліямъ Александры Васильевны Успенской, Глѣбъ Ивановичъ, при содѣйствіи К. М. Сибирякова, обзавелся здѣсь даже небольшимъ имѣніемъ *). Благодаря своему «имѣнію», Глѣбъ Ивановичъ какъ бы бросилъ якорь въ Новгородской губерніи. Правда, иногда онъ проживалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Петербургѣ, но нерѣдко и очень подолгу онъ гостилъ у себя въ Сябринцахъ, а его душа, если можно такъ выразиться, постоянно витала въ деревнѣ. Теперь весь интересъ Г. И. былъ всецѣло сосредоточенъ на наблюденіи и изученіи народной жизни. Въ Ляднахъ были написаны имъ очерки: «Новгородскія лядины» и часть очерковъ «Власть земли», и начатъ очеркъ «Крестьяне и крестьянскій трудъ».

Какъ водится, одновременно съ развитіемъ литературной дѣятельности Успенскаго, начались и цензурныя гоненія на него. Правда, цензурныя «непріятности» случались съ Глѣбомъ Ивановичемъ и раньше **), но во вторую половину 70-хъ годовъ гоненія на него сдѣлались совершенно невыносимы. Ему пришлось одно время писать не подъ своимъ именемъ, а подъ псевдонимомъ Г. Иванова, что, впрочемъ, сдѣлалось очень скоро «секретомъ полишинеля», и статьи «Г. Иванова» производили такое же дѣйствіе на публику, какъ и статьи Успенскаго. Правда, и редакторы «От. Зап.», въ томъ числѣ и Н. К. Михайловскій, немало сокращали и «общензуривали» статьи Успенскаго, не считая того, что и самъ онъ никогда не забывалъ о существованіи въ Россіи «Устава о цензурѣ и

*) Исторія этого имѣнія такова. Въ 1881 г. на имя А. В. Успенской былъ купленъ домъ и при немъ полторы десятины земли въ дер. Сябринцахъ, у чиновника Малиновскаго, при помощи присяжн. повѣреннаго Дезобри. Домъ этотъ находится въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ 3½ верстахъ отъ ст. Чудово. Чтобы раздѣлаться съ Малиновскимъ, долгъ былъ переведенъ въ 1881 г. на К. М. Сибирякова. Этотъ долгъ семья Успенскихъ погасила окончательно лишь въ 1907 г. изъ денегъ, полученныхъ отъ фирмы А. Ф. Марксъ. Домъ и земля стоили всего лишь 1.200 р. Въ настоящее время здѣсь находится школа имени Г. И. Успенскаго, построенная на собранныя деньги. Земля подъ школу отведена безплатно дѣтьми Глѣба Ивановича.

**) Напр., въ 1874 г. одна книжка «Отеч. Записокъ» (№ 2) была задержана, и журналъ получилъ предостереженіе между прочимъ за статью Глѣба Ивановича: «Очень маленькій человѣкъ». См. Богучарскій, «Изъ исторіи русск. общества», стр. 391.

печати». Тѣмъ не менѣе то, что, по мнѣнію Глѣба Ивановича, было *необходимо* сказать читателямъ,—говорилось имъ, если не прямо иносказательнымъ, то «эзоповскимъ языкомъ», на которомъ такъ виртуозно умѣлъ говорить Салтыковъ-Щедринъ. Во всякомъ случаѣ писатель Успенскій «пописывалъ», а его «читатели почитывали», отлично понимая всякіе намеки и «тонкости».

Врядъ ли мы ошибемся, сказавъ, что въ эти годы его литературной дѣятельности вліяніе Глѣба Ивановича на русское общество было огромно. Имя его гремѣло, а каждая его статья возбуждала толки и споры въ печати разныхъ направленій, въ томъ числѣ даже въ ретроградныхъ органахъ, которые тоже отдавали должное правдивости и искренности Успенскаго. Глѣбъ Ивановичъ сталъ любимымъ писателемъ широкихъ круговъ читающей публики и занялъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ исторіи русской литературы и русской общественной мысли. Онъ сдѣлался однимъ изъ ея вожаковъ, страстно и самоотверженно преданныхъ народному благу.

Въ концѣ 70-хъ годовъ въ редакціи «Отеч. Записокъ» произошли большія перемѣны. Въ 1877 г. умеръ Н. А. Некрасовъ, а положеніе главнаго отвѣтственнаго редактора занялъ М. Е. Салтыковъ. Н. К. Михайловскій сдѣлался однимъ изъ главныхъ членовъ редакціи. Къ этому времени относится начало все болѣе и болѣе тѣсной дружбы Глѣба Ивановича съ Н. К. Михайловскимъ и тѣснее же единеніе всѣхъ руководителей и постоянныхъ сотрудниковъ на почвѣ опредѣленнаго соціальнаго и политическаго міросозерцанія, которое было вмѣстѣ съ тѣмъ и міросозерцаніемъ передовыхъ борцовъ освободительнаго движенія конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Къ началу 80-хъ годовъ кругозоръ Глѣба Ивановича, какъ наблюдателя и изслѣдователя народной жизни, жизни трудящихся классовъ, сталъ все болѣе и болѣе развертываться. Глѣбъ Ивановичъ уже не довольствовался и продолжительнымъ пребываніемъ въ деревнѣ и сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ. Онъ стремился узнать, понять, охватить своею мыслью и чувствомъ всю Россію, во всемъ ея географическомъ разнообразіи, кладущемъ свой отпечатокъ и на народную жизнь. Онъ жаждалъ все повидать «своими глазами», ощупать язвы ея своими руками и пожалѣть, и помочь, а если ужъ не помочь, такъ по крайней мѣрѣ открыть доступъ въ свое «большое, въ два обхвата, сердце» чьимъ угодно страданіямъ. И вотъ, незамѣтно для самого себя, Глѣбъ Ивановичъ, изъ обитателя и бытописателя деревенскаго, превратился въ писателя странствующаго, своего рода «вѣчнаго странника», но зато и «вѣчнаго печальника горя народнаго». Мы не будемъ говорить о его много-

численныхъ странствованіяхъ, которыми наполнена добрая половина его жизни, начиная съ 1875 по 1893 г. Объ этомъ достаточно сказано въ статьѣ Н. К. Михайловскаго. Замѣтимъ только, что за это время Глѣбъ Ивановичъ перебывалъ (иногда по нѣсколько разъ) въ слѣдующихъ городахъ и другихъ мѣстахъ: Кисловодскѣ, Чудовѣ, Баку, Калугѣ, Новороссійскѣ, Перми, Козловѣ, Рязани, Ростовѣ, Одессѣ, Ялтѣ, Москвѣ, Казани, Воронежѣ, Нижнемъ, Самарѣ, Томскѣ, Бѣлгородѣ, Минскѣ, Владикавказѣ и т. д. Кромѣ того, онъ былъ еще въ Парижѣ, Константинополѣ, Софіи. Даже изъ одного этого перечисленія нельзя не видѣть, какъ былъ широкъ кругъ наблюденій, на который опирался Глѣбъ Ивановичъ, работая надъ своими статьями. Но не въ широтѣ этого круга главная суть дѣла, а въ глубинѣ самыхъ наблюденій, въ ихъ поразительной тонкости, въ умѣньи вдумываться въ мелочи, но за ними не только не забывать самаго главнаго, а именно при помощи анализа мелочей-то и раскрывать это «главное». А. М. Скабичевскій совершенно правильно называетъ сочиненія Г. И. Успенскаго «настоящей энциклопедіей народной жизни». Но это не только энциклопедія,—это цѣлый «возъ, нагруженный камнями горя человѣческаго» (выраженіе самого Успенскаго о сочиненіяхъ другого писателя).

Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ 1 марта 1881 г. наступила реакція, которая не замедлила тотчасъ же отозваться и на «Отеч. Запискахъ». Ихъ идейная близость съ народовольцами была замѣчена правительствомъ; благодаря доносамъ Дегаева, правительству сдѣлались извѣстны и кой-какіе факты о революціонной дѣятельности нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ». И вотъ, 20 апрѣля 1884 г. журналъ этотъ былъ закрытъ, С. Н. Кривенко арестованъ и вмѣстѣ со своей женой сосланъ административнымъ порядкомъ въ г. Тару (Тоб. губ.), Н. К. Михайловскій еще до закрытія журнала былъ высланъ изъ Петербурга. Разгромъ этотъ произвелъ на Глѣба Ивановича самое гнетущее, самое удручающее впечатлѣніе. При такихъ условіяхъ отзываться на злобу дня стало затруднительно, а то и просто невозможно. И гдѣ наконецъ писать? Писателю со столь опредѣлившимся направленіемъ и рѣзко выраженной индивидуальностью, какимъ былъ Глѣбъ Ивановичъ, было чрезвычайно мудрено пристраиваться къ какому-либо чужому литературному гнѣзду. Пришлось бы во всякомъ случаѣ сильно приспособляться къ нему и его уставу. Да и органовъ подходящихъ уже не было. «Дѣло», во главѣ котораго стоялъ другъ Н. К. Михайловскаго, Н. В. Шелгуновъ, «Слово», которое находилось въ рукахъ небольшого кружка писателей народническаго соціалистическаго направленія (въ томъ числѣ С. Н. Кривенко, П. В. Засодимскаго),—оба эти журнала по-

гибли подъ цензурнымъ гнетомъ за періодъ 1881—84 г. Выбирать приходилось между «Вѣстникомъ Европы» и «Русской Мыслью». Глѣбъ Ивановичъ рѣшилъ-было идти въ «Вѣстникъ Европы», редакторъ котораго, М. М. Стасюлевичъ, къ тому же предлагалъ Глѣбу Ивановичу писать у него съ гонораромъ въ 150 р. за листъ. Все-таки «Русская Мысль» казалась Глѣбу Ивановичу симпатичнѣе, тѣмъ болѣе, что въ этомъ журналѣ онъ сотрудничалъ и раньше (съ 1881 г.). «Едва-едва дышу, не имѣя впереди ничего, кромѣ самой ужасной нужды и тоски безконечной,—писалъ въ это время Глѣбъ Ивановичъ своей старинной знакомой, Е. С. Некрасовой.—Однако порядочно же я избитъ и изуродованъ за время существованія «Отеч. Записокъ», и въ особенности за послѣдній годъ, и въ особенности за послѣдніе дни, жестокіе и безчеловѣчные».

Впрочемъ, и на этотъ разъ, какъ всегда, письмо свое Глѣбъ Ивановичъ писалъ подъ впечатлѣніемъ непомѣрно удрученнаго настроенія, которое у него то и дѣло мѣнялось, и уже 1 января 1885 г. онъ писалъ той же Е. С. Некрасовой: «Не печальтесь! Все хорошо на этомъ свѣтѣ!» А черезъ 10 дней онъ снова писалъ ей: «А мнѣ какъ скучно,—вы и представить не можете! Такъ жизнь и пройдетъ чортъ знаетъ въ чемъ,—буквально, сколько ни живу на свѣтѣ, всѣ хорошія минуты наперечетъ,—если ихъ сложить, такъ и дня полнаго не выйдетъ». И заканчиваетъ: «Я вѣрю, что когда-нибудь все будетъ хорошо!»

Съ 1884 г. снова начались скитанія Глѣба Ивановича по цѣлому ряду періодическихъ изданій. Впрочемъ, главнымъ его пристанищемъ за это время до самой болѣзни все-таки была «Русск. Мысль», къ которой слѣдуетъ еще прибавить «Русск. Вѣдомости» и «Сѣверный Вѣстникъ». Этотъ послѣдній журналъ, какъ извѣстно, былъ довольно неудачной попыткой возобновить подъ другимъ названіемъ «Отеч. Записки» и ихъ традиціи. Глѣбъ Ивановичъ вмѣстѣ съ Н. К. Михайловскимъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Сѣв. Вѣстника» и началъ въ немъ рядъ очерковъ, которые онъ хотѣлъ объединить одной общей идеей — «власти капитала» (въ pendant къ «власти земли»). Сотрудничество Глѣба Ивановича въ «Сѣв. Вѣстникѣ» продолжалось до тѣхъ поръ, пока этотъ журналъ находился въ рукахъ литераторовъ, болѣе или менѣе близкихъ по своему духу къ прежнимъ «Отеч. Запискамъ». Но цензура «угадала комбинацію» и душила немилосердно. Съ ея тисками Глѣбъ Ивановичъ не въ силахъ былъ примириться; наконецъ ему было маловато одного только «Сѣв. Вѣстника», и онъ одновременно писалъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ *). Въ 1892 г. Глѣбъ

*) Вотъ краткій обзоръ его литературной дѣятельности за послѣднія

Ивановичъ уже ничего не напечаталъ въ періодическихъ изданіяхъ *), а въ 1893 г. въ журналѣ «Русское Богатство» появился его послѣдній разсказъ: «Подкидышъ», которымъ и закончилась блестящая литературная дѣятельность Глѣба Ивановича.

Періодъ 1884—91 г. по тому душевному состоянію, какое въ это время переживалъ Глѣбъ Ивановичъ, былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ его жизни. Душевное равновѣсіе, гармонія, начавшіе-было возстановляться, были нарушены: душа была выбита изъ наладившейся-было колеи, а жизнь выдвигала цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ; жизнь оказалась гораздо болѣе сложной, чѣмъ это предполагали теоретики и практики конца 70-хъ годовъ и начала 80-хъ годовъ. Жизнь ставила передъ русской общественной мыслью новыя задачи, которыхъ если и нельзя было рѣшить, то необходимо было немедленно рѣшать. И чуткая душа Глѣба Ивановича, пережившая, перестрадавшая въ себѣ самой сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы русской исторіи XIX ст., ихъ рѣшала. Рѣшала, страдая и съ болью. И теперь это страданіе за другихъ, за всю Россію, стало еще болѣзненнѣе, еще тяжелѣе... «Съ конца 1887 г. и до начала 1889 г. я часто навѣщалъ Глѣба Ивановича, обитавшаго на Васильевскомъ островѣ,—разсказывалъ В. Г. Короленко.—Онъ сильно измѣнился. Онъ сталъ еще болѣзненно-нервнѣе, чаще волновался, да и самое лицо стало старообразнѣе, а на лбу прибавились морщины. Лицо у него было совершенно искажено внутренней болью, одна бровь поднялась значительно выше, глаза страдающіе» **). Въ его письмахъ проглядывало уже недовольство своей литературной дѣятельностью, и онъ уже говорилъ о ней такъ, словно онъ занимается ею изъ-за хлѣба ***), чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было. Была, прежде всего, боль переполненнаго сердца, которому нѣтъ никакой внѣшней возможности высказать то, что накопилось, наболѣло внутри него. Но, несмотря на цензурныя условія и мрачную эпоху восьмидесятыхъ годовъ и въ нѣсколько просвѣтлѣвшіе девятидесятые годы, Глѣбъ Ивановичъ попрежнему внимательно слѣдилъ за рус-

---

6 лѣтъ (съ 1887 по 1893 гг.): его статьи помѣщались въ 1887 г.—въ «Сѣв. Вѣстникѣ», «Русск. Мысли», «Русск. Вѣдомостяхъ»; въ 1888 г.—въ «Русск. Мысли», «Сѣв. Вѣстникѣ», «Русск. Вѣдомостяхъ», «Сибирской Газетѣ»; въ 1889 г.—въ «Русск. Мысли», «Русск. Вѣдомостяхъ»; въ 1890 г.—въ тѣхъ же двухъ изданіяхъ; въ 1891 г.—въ «Русск. Мысли» и «Недѣлѣ».

*) Одна его статья: «Изъ памятной книжки» напечатана въ 1892 г. въ сборникѣ «Помощь голодающимъ», изд. «Русск. Вѣд.».

**) Короленко, «Русск. Бог.» 1902 г., № 5, стр. 62.

***) Письмо къ Иванчину-Писареву. Апр. 1885 г. «Былое», 1907 г., 10, 47.

ской общественной и прежде всего народной, крестьянской жизнью и съ былой настойчивостью будилъ общественную совѣсть, и голосъ его не утрачивалъ прежней силы. Но эта работа въ концѣ надорвала его нервный и ужъ сильно изломанный жизнью организмъ. Измученный умъ не выдержалъ великой скорби чуткаго сердца, и тьма и смерть уже поглощали понемногу его свѣтлый талантъ. Когда же наступятъ лучшія времена? Когда же окончится это переходное время? Глѣбъ Ивановичъ горько жаловался на невообразимую продолжительность «переходнаго времени» *), которое наступило еще въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ и не окончилось и въ концѣ 80-хъ. Но еще тяжелѣе было то, что въ тѣ тяжелые восьмидесятые годы проявилась реакція и въ обществѣ, реакція противъ того самаго міросозерцанія, противъ тѣхъ самыхъ традицій, которымъ Глѣбъ Ивановичъ служилъ съ такою опредѣленностью съ половины 70-хъ годовъ. Шла реакція противъ «мужика», а значитъ, и противъ «сочиненій Успенскаго». Глѣбу Ивановичу приходилось получать за этотъ періодъ и непріятныя, и тяжело и грубо несправедливыя письма **). Правда, ихъ было немного, сравнительно съ тѣми выраженіями читательскихъ симпатій, которыми всегда былъ осыпанъ Глѣбъ Ивановичъ. Но они все-таки *были* и они жгли. Въ концѣ 80-хъ годовъ особенно мучительно сказалось въ душѣ Глѣба Ивановича то настроеніе, которое Короленко называетъ «настроеніемъ неискренности обычныхъ житейскихъ условій всей этой жизненной, обычной лжи и фальши, привычной неправды и страданій, мимо которыхъ мы, люди съ болѣе грубыми нервами, проходили довольно равнодушно» и мимо которыхъ Глѣбъ Ивановичъ, въ силу самой своей психической и нервной организаціи, органически не могъ проходить.

Въ 1887 г. истекло двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Г. И. Успенскаго. Письмомъ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» Глѣбъ Ивановичъ отклонилъ это празднованіе. Тѣмъ не менѣе оно состоялось, и Глѣбъ Ивановичъ получилъ много привѣтствій (17 адресовъ и письменныхъ привѣтствій, въ томъ числѣ одинъ адресъ съ юга съ 1271 подписями, много писемъ и телеграммъ, нѣсколько подарковъ, альбомъ фотографій (изъ Одессы), а отъ дѣтей села Аксиньина—вѣнокъ изъ собранныхъ ими полевыхъ цвѣтовъ). Общество Любителей Россійской Словесности избрало Г. И. Успенскаго своимъ почетнымъ членомъ. На это избраніе онъ прислалъ прекрасный и своеобразный отвѣтъ, совершенно «въ стилѣ Успенскаго». Въ этомъ отвѣтѣ онъ особенное значеніе придавалъ нарожденію интеллигентнаго читательства въ трудящихся клас-

*) Е. Мякотинъ: «Изъ исторіи русскаго общества». «Г. Успенскій».
**) Короленко. «Русск. Бог.» 1902, № 5, 138.

сахъ, вліяніе котораго и не замедлило въ половинѣ 90-хъ годовъ сказаться и въ русской общественной жизни. Такимъ образомъ Глѣбъ Ивановичъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ какъ бы провидѣлъ то явленіе, которое легло въ основу движенія начала девятисотыхъ годовъ.

Послѣ своего юбилея Глѣбъ Ивановичъ писалъ Гольцеву: «Мой юбилей провелъ границу между прошлымъ моей жизни и работы и будущимъ. Повторяться—это значитъ пропасть. Да я лучше совершенно перестану писать. Но писать я хочу».

Но Глѣбъ Ивановичъ не повторялся. Его мысль неустанно работала, упорно, во всѣхъ мелочахъ выясняя ту самую идею, *основную* идею, за осуществленіе которой идетъ борьба и понынѣ,—что земля не можетъ и не должна быть ничьей частной собственностью. Эта идея, какъ извѣстно, свѣтится во многихъ произведеніяхъ Глѣба Ивановича. Въ концѣ 80-хъ гг. имъ уже былъ задуманъ цѣлый рядъ новыхъ работъ, которыя лучше всего показываютъ, до какой степени тонкимъ и отзывчивымъ наблюдателемъ текущей жизни былъ Глѣбъ Ивановичъ, сумѣвшій и здѣсь провидѣть многое въ послѣдующихъ событіяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ В. М. Соболевскому, что у него задумано три новыхъ очерка. Первый займется вопросомъ—«что̀ будетъ» (не «что̀ дѣлать», не «какъ̀ жить на свѣтѣ» — этому ужъ *не время*, — прибавляетъ Успенскій въ скобкахъ). Второй будетъ называться—«что̀ будетъ съ фабрикой». Третій—«что̀ будетъ съ бабой». Во второмъ «будутъ собраны всѣ обѣщанія марксистовъ о тѣхъ превосходнѣйшихъ временахъ (курсивъ Г. И.), до которыхъ *должна* дожить фабрика». Въ третьемъ будутъ представлены доказательства, что баба есть человѣкъ, который «никоимъ образомъ не пропадетъ безъ мужика, и все сдѣлаетъ, и просуществуетъ на бѣломъ свѣтѣ, одна и съ дѣтьми. Какъ и почему капитализмъ долженъ ее (*пока*) въ порошокъ растереть». Но это были не единственныя, задуманныя имъ работы. Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: «Я, право, усталъ. Но не въ этой устали дѣло. Дѣло въ томъ, что я *теперь* поглощенъ хорошею мыслью, которая во мнѣ хорошо сложилась, *подобрала и вобрала* въ себя множество явленій, которыя *сразу* выяснились, улеглись въ порядкѣ. Подобно «Власти земли», то-есть условій трудовой народной жизни, мнѣ теперь хочется до страсти писать рядъ очерковъ «Власть капитала». Мнѣ не хочется мучить свою голову, отрываясь отъ этой любимой мысли для нелюбимыхъ, да вотъ работаю изъ-за нужды. Если «Власть капитала» названіе неподходящее, то я назову «Очерки вліянія капитала». Вліянія эти опредѣленны, неотразимо ощущаются въ жизни неминуемыми явленіями. Теперь эти явленія изображаются цифрами, у меня же будутъ цифры и дроби

превращены въ людей... Увѣренъ, что ужасность ихъ (этихъ явленій) будетъ понята читателями, когда статистическія дроби придутъ къ нимъ въ видѣ людей—изуродованныхъ и искалѣченныхъ» *).

IV.

Г. И. Успенскій какъ человѣкъ.

Эта послѣдняя фраза чрезвычайно характерна для Глѣба Ивановича... Чтобы раскрыть предъ читателемъ «ужасность» какого-либо явленія, Глѣбъ Ивановичъ воплощаетъ, олицетворяетъ, рисуетъ это послѣднее въ видѣ «*изуродованныхъ и искальченныхъ людей*». Онъ продѣлываетъ это даже со статистическими данными, съ дробями, и съ теоріями, и со всякими другими отвлеченностями, которыя только тогда понимаются, чувствуются, *ощущаются* имъ, когда встаютъ предъ его глазами въ видѣ страдающаго человѣчества. Мы уже упоминали объ этой особенности мышленія Глѣба Ивановича. Теперь мы должны показать, что такая особенность *мышленія*, какъ таковая, чрезвычайно характерна для оцѣнки всей личности Глѣба Ивановича. Онъ мыслилъ особымъ способомъ, при которомъ интеллектуальная и эмоціональная стороны всегда оставались органически нераздѣльны одна съ другой. «Успенскаго нужно считать личностью совершенно отличною отъ людей нашего типа, привыкшихъ думать *мыслями*. Онъ производитъ скорѣе впечатлѣніе такого человѣка, который только и можетъ мыслить *образами*. Эта особенность у него развита въ высшей степени». Такъ отзывается о Глѣбѣ Ивановичѣ извѣстный психіатръ Б. Н. Синани. Но эта характеристика мышленія еще не все выражаетъ. Глѣбъ Ивановичъ

*) «Русск. Бог.», 1902 г. № 3, 44—45. Для характеристики отношеній Г. И. Успенскаго къ вопросу, затронутому имъ въ этомъ его письмѣ, очень интересно напомнить отзывъ Успенскаго объ извѣстномъ «письмѣ К. Маркса къ Н. К. Михайловскому», гдѣ между прочимъ К. Марксъ писалъ: «я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла въ 1861 году, то она *лишится самаго прекраснаго случая, какой когда-нибудь представлялся народу исторіей, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя*» (курсивъ Г. И.). «Вѣдь это смертный приговоръ! — восклицаетъ Глѣбъ Ивановичъ въ письмѣ къ Соболевскому.—Вотъ тутъ и *было* наше *дѣло*, да сплыло. Теперь одинъ самохвалъ изъ статистическихъ данныхъ извлекаетъ однѣ прелести жизни народной, великое будущее, выбрасывая всю мерзость запустѣнія, а другіе—Марксы-*карлики*—выбрасываютъ изъ этихъ же данныхъ все, что еще живо оригинальностью,—конечно, случайно и со всѣми перипетіями. А такихъ словъ, великихъ и простыхъ, какія говоритъ самъ Марксъ и какія требуютъ огромнаго дѣла, мы не говоримъ, и потому дѣла не дѣлаемъ никакого. Какъ это письмо меня тронуло!».—Тамъ же.

мыслилъ не только образами, но, если можно такъ выразиться, и *эмоціями*, чувствами, которыя играли въ его разсужденіяхъ весьма важную роль. Очень характерный случай, для иллюстраціи этого, разсказываетъ В. Г. Короленко въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ началѣ 90-хъ гг. нѣкая госпожа Л. читала публичную лекцію въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ. Какъ водится, на такой лекціи присутствовало множество учащейся молодежи. Въ лекціи шла рѣчь, между прочимъ, о «среднемъ типѣ проститутки». «Лекторша,—говоритъ В. Г. Короленко:—приходила къ заключенію, что типъ «этихъ женщинъ»—ниже средняго женскаго». Приводились въ доказательство этой якобы научной мысли и факты, и цифры, и мнѣнія такихъ научныхъ авторитетовъ, какъ, напр., Ломброзо, Ферри и т. д. Истина, казалось, выступала передъ публикой во всей своей объективной неуязвимости и величіи. Тѣмъ не менѣе лекція такъ возмутила Глѣба Ивановича, что всю дорогу отъ Петербурга до Нижняго онъ ворчалъ и волновался, и лишь только сошелъ съ парохода на пристань, какъ воскликнулъ, обращаясь къ встрѣчавшимъ его друзьямъ: «Читали о лекціи-то?», и уставился въ нихъ «своими выразительными глазами съ притаившеюся въ нихъ тревогой и печалью». И вотъ что̀ характерно: особенное вниманіе Глѣбъ Ивановичъ обратилъ, говоря о лекціи, на одну, въ сущности очень ничтожную подробность: по словамъ лекторши выходило, что на основаніи точнѣйшихъ научныхъ измѣреній, произведенныхъ надъ проститутками, у нихъ немножко выступаетъ впередъ нижняя челюсть,—среднимъ числомъ на какую-то долю миллиметра, сравнительно съ остальными «средними» женщинами. «Вся эта физіолого-анатомическая статистика, въ которой утопаетъ столько живого, личнаго, индивидуальнаго горя, страданій и позора,—разсказываетъ В. Г. Короленко: — это разсѣченіе живого и болящаго явленія на предопредѣляющія особенности физіолого-анатомическаго свойства не только оскорбило Глѣба Ивановича, но привело его въ негодованіе. Онъ зналъ «жертвы», и притомъ «жертвы общественныхъ условій и общественнаго неустройства». А здѣсь, въ лекціи, выдвигался «низшій типъ», осужденный уже фатально — несовершенствомъ собственной организаціи. Центръ тяжести всей вины, тревожившей совѣсть и взывавшей къ справедливости, переносился лекторшей такимъ образомъ изъ *отвѣтственной* соціальной среды въ фатальныя условія *природнаго предопредѣленія*». И вотъ въ душѣ Г. И. тотчасъ же встаетъ коллективный образъ интеллигентныхъ женщинъ, слушательницъ-курсистокъ, пробивающихъ себѣ дорогу къ знанію и свѣту, а за нимъ — другой образъ — тысячи «этихъ» женщинъ, этихъ «помраченныхъ существованій», о кото-

рыхъ читала лекторша. И Глѣбъ Ивановичъ одновременно и почувствовалъ и понялъ, что добродѣтельная женщина, съ холоднымъ пренебреженіемъ, закрываетъ глаза на горе своей погибающей сестры и уже принимаетъ теорію «низшаго типа». И Глѣбъ Ивановичъ смотрѣлъ на В. Г. Короленко съ печальнымъ недоумѣніемъ и укоромъ, и говорилъ:—«Ну вотъ, вотъ! А гдѣ же оно, *самое главное?* Въ челюсти-то оно развѣ выражено? Бездушіе особенное... женское!.. Челюсть — и больше ничего! Полтора миллиметра — и кончено!»

И, сразу обидѣвшись за недобродѣтельную сестру, Глѣбъ Ивановичъ сталъ безпощаденъ къ добродѣтельной и принялся приводить примѣръ за примѣромъ, иллюстрируя ими женское бездушіе и удивляя слушателей кажущеюся неожиданностью и какъ бы безсвязностью своей рѣчи. Оставивъ разговоръ о челюсти, онъ вдругъ заговорилъ... о мочалкѣ, но заговорилъ такъ, что между нею и челюстью оказалась въ концѣ концовъ очень опредѣленная и логическая и эмоціональная связь. «Вотъ теперь въ такомъ-то журналѣ (гдѣ была издательницей женщина) мочалка пойдетъ,—улыбаясь своей страдальческой улыбкой, говорилъ Глѣбъ Ивановичъ.—Приходитъ въ редакцію господинъ... Мрачный... грива дьякопская... подъ мышкой рукопись. «Вотъ! О производствѣ мочалокъ! Въ N-ской волости такой-то губерніи».—«То-есть позвольте... какихъ мочалокъ?»—«А просто: мочалка! которая въ банѣ... или, напримѣръ, рогожа».—«Ахъ, вотъ что! Скажите, пожалуйста: ма-а-чалка! Въ N-ской волости!.. Непремѣнно, непремѣнно, непремѣнно напечатаемъ! Мочалка! Ахъ, какъ это интересно!»

Слушатели Глѣба Ивановича не понимали, чего ради онъ заговорилъ обо всемъ этомъ. Но вдругъ Глѣбъ Ивановичъ замолчалъ и, съ особенной силой прижимая два пальца правой руки къ лѣвому лацкану пиджака (такой былъ его всегдашній и характерный жестъ), закончилъ внезапно измѣнившимся голосомъ:

— Да, вотъ... мочалка! А заступиться за женщинъ, за несчастныхъ... за погибающихъ... Этого вотъ нѣтъ! Помилуйте! У нея вотъ челюсть на полтора миллиметра... Что тутъ подѣлаешь?.. Нѣ-ѣтъ! Сдѣлайте одолженіе! Вымѣряйте получше. Можетъ, у нея-то челюсть поаккуратнѣе вашей... И аплодируютъ,—молодыя, хорошія... счастливыя... *)

Въ этой небольшой сценкѣ, нарисованной рукою искуснаго художника, передъ нами Г. И. Успенскій выступаетъ во всей своей душевной красотѣ и неподражаемой оригинальности и сразу обрисовывается и съ внѣшней и съ внутренней стороны. Стоитъ того,

*) «Рус. Бог.» 1902 г., № 5. Восп. В. Г. Короленко.

чтобы немного вдуматься въ эту картинку и внимательно прослѣдить самый ходъ мысли Глѣба Ивановича, или, что въ данномъ случаѣ одно и то же,—страданія его души. И правда, говоря о челюсти и мочалкѣ, Глѣбъ Ивановичъ дѣйствительно переживалъ страданія, и вся его душа какъ бы дрожала, полная безчисленнымъ количествомъ образовъ, фактовъ, волненій, и сердце его болѣло, и онъ весь горѣлъ. Въ большое сердце большóго художника сразу вошли «*ты*, съ челюстью», которыя не входили въ другія, даже женскія сердца... И Глѣбъ Ивановичъ переживалъ свои впечатлѣнія *нераздѣльно* всѣмъ своимъ существомъ—и умомъ, и сердцемъ, и волей. Знаніе, пониманіе, настроеніе у него всегда представляли дѣйствительно единое и нераздѣльное цѣлое. Онъ не умѣлъ жить и никогда не жилъ чѣмъ-нибудь однимъ. При всей своей неуравновѣшенности, онъ тѣмъ не менѣе былъ цѣльный человѣкъ. Онъ потому и страдалъ отъ нарушенія равновѣсія и отсутствія гармоніи (какъ говоритъ Н. К. Михайловскій въ своей статьѣ), что былъ цѣльнымъ человѣкомъ. Та же цѣльность проявлялась на каждомъ шагу и въ его жизни, всегда и всюду, окрашивая личными, своеобразными тонами всякій его шагъ, всякое его слово и всю его жизнь. Когда его душа горѣла, она горѣла *вся*, всѣми своими сторонами. Она если вспыхивала, то сразу, цѣликомъ, словно порохъ отъ искры, и благодаря такой ея цѣльности на нее производили одинаковое впечатлѣніе и отвлеченныя идеи и мелочи жизни. Эту сторону его личности отмѣчаетъ и В. Г. Короленко, говоря «*объ особенной чуткости* Глѣба Ивановича, которая *даже общимъ отвлеченнымъ понятіямъ придавала силу и боль реально ощущаемыхъ явленій*». «До сихъ поръ я помню,—разсказываетъ В. Г. Короленко:—выраженіе лица, съ какимъ Глѣбъ Ивановичъ произносилъ такія слова, какъ: «страданіе», «горе», «подлость человѣческая». *Для него это не были простыя понятія:* каждое изъ нихъ отражалось болью на его выразительномъ лицѣ».

Но не только въ этомъ заключается характернѣйшая особенность Глѣба Ивановича, какъ мыслителя, и не въ томъ, что въ процессѣ мышленія разомъ и цѣликомъ вспыхивала вся его безконечно-богатая душа, а въ томъ, что для этихъ вспышекъ, какъ мы видѣли, достаточно было, съ точки зрѣнія обыкновенныхъ людей, причинъ самыхъ ничтожныхъ, безконечно неуловимыхъ и незамѣтныхъ со стороны. Эта необычайная впечатлительность и воспріимчивость, способность реагировать на всякую, даже микроскопически-малую искорку, попадавшую въ его душу изъ внѣшняго міра,—это и составляетъ, по признанію самыхъ близкихъ его друзей, главную особенность личности Глѣба Ивановича, его индивидуальность, отличающую его отъ всѣхъ другихъ русскихъ писате-

лей. Н. К. Михайловскій, между прочимъ, пишетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Какой-то русскій досужій декадентъ издалъ книжку подъ заглавіемъ: «Обнаженные нервы». Я не знаю этого декадента, но я близко зналъ писателя, къ жизни и писаніямъ котораго какъ нельзя болѣе подходитъ это гиперболическое названіе. Г. И. Успенскій былъ человѣкъ оригинальнѣйшаго ума, колоссальнаго таланта, дѣтской безпомощности въ практикѣ жизни и *совершенно изъ ряда вонъ выходящей воспріимчивости*. Всѣ явленія жизни, — свѣтлыя и мрачныя, — увы! они были большею частью мрачныя!—на которыхъ онъ наталкивался, точно дѣйствительно били его по нервамъ, неприкрытымъ мускулами и кожей. И онъ не избѣгалъ этихъ ощущеній, а, напротивъ, жадно искалъ ихъ, съ этою цѣлью то проживая въ деревнѣ, то разъѣзжая по всей Россіи и за границей. Въ его писаніяхъ эта нервность отражалась, какъ и въ обиходѣ его личной жизни, безпорядочностью».

Тою же особенностью индивидуальности объясняется и его манера писать, перемѣшивая художественные образы съ публицистикой. «Несмотря на огромный талантъ,—пишетъ далѣе Н. К. Михайловскій:—писанія Успенскаго изрѣзаны вдоль и поперекъ публицистикой, и эта послѣдняя является прямымъ слѣдствіемъ той же феноменальной отзывчивости, потому что не могъ онъ не откликаться на ударявшія его по обнаженнымъ нервамъ впечатлѣнія немедленно, не ожидая такой отъ нихъ удаленности, которая позволила бы имъ спокойно воплотиться въ законченные образы и картины. Страстная потребность, если можно такъ выразиться, опорожнить свою душу отъ переполнившихъ ее впечатлѣній, съ тѣмъ, чтобы вновь и вновь подставлять имъ свои обнаженные нервы, влекла за собой многописаніе и быстрописаніе. Неустанно подновлявшійся приходъ его впечатлѣній и наблюденій съ избыткомъ покрывалъ ихъ расходъ. Онъ не успѣвалъ даже расходовать все имъ воспринятое отъ жизни. Онъ жегъ свою свѣчку съ двухъ концовъ и наконецъ сгорѣлъ» *). «У Успенскаго была душа обнаженная, вѣчно гонимая, беззащитная», такъ характеризуетъ его другой старинный его знакомый **). Другіе сравнивали его съ ртутью, которая вся дрожитъ, отражая; другіе находили въ немъ нѣчто общее между нимъ и очень чувствительной фотографической пластинкой. Въ результатѣ такой, черезчуръ развитой индивидуальности вся жизнь Глѣба Ивановича превратилась, говоря словами самого Успенскаго, въ «сплошное сердечное содроганіе».

Эти два слова, какъ мы и старались показать въ предыдущихъ главахъ, характеризуютъ исторію всей жизни Глѣба Ивановича,

*) Н. К. Михайловскій. «Рус. Бог.» 1902—4 г., 118—19 стр.
**) Д-ръ С. Я. Елпатьевскій. «Рус. Вѣд.» 1902 г., № 146.

потому что вся она была однимъ такимъ содроганіемъ, начиная съ сороковыхъ и кончая девятисотыми годами. Оно охватывало и вѣчную истину и злобу дня, и отвлеченную идею и случайную встрѣчу, и народную массу и отдѣльную личность. Въ воспоминаніяхъ друзей и знакомыхъ о Глѣбѣ Ивановичѣ мы находимъ цѣлый рядъ фактовъ изъ его жизни, которые, несмотря на все свое разнообразіе, въ сущности являются не чѣмъ инымъ, какъ самымъ логическимъ выводомъ изъ вышеупомянутой характерной его черты. Вотъ, напримѣръ, собрались литераторы на вечеринку, бесѣдуютъ, веселятся, даже танцуютъ подъ музыку. А Глѣба Ивановича въ это самое время больше всего тревожитъ, не устали ли музыканты, не хотятъ ли они попить, поѣсть, отдохнуть. Сидя въ какой-то провинціальной гостиницѣ, Глѣбъ Ивановичъ близко къ сердцу принимаетъ интересы номерной прислуги, о которой не заботится никто, а которую мучаютъ всѣ. Въ Нижнемъ *) онъ проявляетъ отзывчивость свою буквально на каждомъ шагу — и къ семьѣ странствующихъ музыкантовъ-итальянцевъ, и къ арфисткамъ и т. д. Е. С. Некрасова разсказываетъ, что Успенскій постоянно хлопоталъ о комъ или о чемъ-нибудь, о какой-нибудь «личности человѣческой» — «то о бѣднякѣ-студентѣ, который ему почти незнакомъ, то заботился о добываніи волшебнаго фонаря для бѣднаго сельскаго учителя (къ учителямъ и учительницамъ онъ относился особенно участливо), то о помѣщеніи статьи какого-нибудь несчастнаго писателя». И въ этихъ хлопотахъ онъ все время безпокоится, страдаетъ за другихъ, и это до тѣхъ поръ, пока не устроитъ чужого дѣла; если же ему удается устроить, онъ радуется, какъ дитя» **). Предъ лицомъ какихъ-либо невзгодъ, постигшихъ ту или иную личность человѣческую, что значатъ деньги? Н. К. Михайловскій разсказываетъ, что къ деньгамъ Г. И. относился, какъ къ «безразличному сору». Онѣ для него вовсе не были его личной собственностью, — это было дѣйствительно лишь средство для облегченія въ томъ или иномъ отношеніи несчастнаго и тяжелаго положенія любой человѣческой личности ***). Даже *догадка* о страданіяхъ личности приводила уже всю душу Глѣба Ивановича въ сердечное содроганіе. Логическимъ слѣдствіемъ отсюда являлось такое самое отношеніе къ деньгамъ, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ друзья и знакомые Успенскаго. Болѣе неумѣлое отношеніе къ «презрѣнному металлу» трудно себѣ и представить. Это было что-то до высшихъ степеней комичное, въ высшей степени наивное, дѣтское. Какъ извѣстно, литература составляла единственный источ-

*) Короленко. «Русск. Богатство» 1902 г., № 5, 158 стр.
**) «Русск. Мысль.» 1903 г., № 9. Восп. Е. С. Некрасовой.
***) «Русск. Богатство» 1900 г., № 11 (стр. 119, 2. Михайловскій).

никъ существованія Глѣба Ивановича съ его немалой семьей. Нельзя сказать, чтобы (съ 1868 г.) трудъ его плохо вознаграждался; напротивъ, редакціи журналовъ, въ которыхъ онъ работалъ, всегда цѣнили его очень высоко. Но въ сложной натурѣ Г. И. все было одно къ одному, причины и слѣдствія связывались въ такой неразрывный комокъ, въ которомъ никакихъ концовъ найти было нельзя. Въ результатѣ, Успенскій всегда нуждался въ деньгахъ и всегда былъ безъ денегъ, всегда въ долгахъ, всегда получалъ авансы изъ редакцій, а когда деньги попадали наконецъ въ его руки, онъ тотчасъ же раздавалъ ихъ направо и налѣво тѣмъ, кто нуждался въ нихъ, по его мнѣнію, больше, чѣмъ его семья и онъ самъ. И это вовсе не были какія-либо грошовыя подачки, и въ нихъ, какъ и во всей отзывчивости Г. И. Успенскаго, вовсе нѣтъ и не было даже и слѣда какой-либо сентиментальности. Онъ не только не былъ, но даже и не могъ быть сентиментальнымъ, потому что его спасали отъ этого архибуржуазнаго свойства не только его замѣчательный умъ, ясный, тонкій, захватывающій своимъ анализомъ самыя глубины самыхъ сложныхъ коллизій жизни, — прежде всего спасала его всегдашняя искренность и правдивость, другими словами — все та же воспріимчивость къ тому, *что есть,* къ той же дѣйствительности. «Эту правду, незнакомую сентиментальности и всегда жестокую, потому что безпощадную правду» *) Успенскій чуялъ всегда и во всемъ, въ силу все той же своей отзывчивости,—какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ человѣческихъ отношеніяхъ, и въ общественномъ строѣ, и въ всемірно-историческомъ процессѣ.

Не было слѣда этой сентиментальности и въ личныхъ отношеніяхъ Успенскаго къ тѣмъ людямъ, которымъ ему приходилось помогать деньгами или инымъ способомъ. Успенскій никогда не *жертвовалъ.* Онъ просто-напросто *отдавалъ,* и къ тому же иной разъ до послѣдней копейки и большими суммами **). Однажды въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ такой случай (о немъ разсказываетъ В. Г. Короленко, у котораго тогда останавливался Успенскій). «Я проснулся среди ночи и, раскрывъ глаза, увидалъ слѣдующую картину: *въ окно* тихо, съ осторожностью пробирался изъ сада Глѣбъ Ивановичъ, а за окномъ виднѣлась фигура одного изъ нашихъ общихъ друзей, очевидно, указавшаго Глѣбу Ивановичу этотъ путь для незамѣтнаго выхода и возвращенія». Это Глѣбъ Ивановичъ тайкомъ ходилъ отдавать свои послѣднія деньги осетинкѣ-арфисткѣ, которая «своимъ

*) Выраженіе С. Елпатьевскаго. «Русск. Вѣд.» 1902 г., № 146.

**) Разсказы объ этомъ мы находимъ у Елпатьевскаго, Короленко, Некрасовой, Михайловскаго, Скабичевскаго, Васюкова, въ воспоминаніяхъ В. Н. Фигнеръ, И. Джабадари, О. Любатовичъ (лично намъ сообщенныхъ) и многихъ другихъ.

нѣніемъ зарабатывала хлѣбъ на содержаніе своего ребенка». «Да... вотъ... ребеночекъ...—говорилъ Успенскій.—А она тутъ поетъ до самой зари! Человѣка захватитъ какая-нибудь этакая шестерня и ломаетъ, ломаетъ всего... Что же тутъ челюсть?.. Подлость тутъ наша, а не челюсть!.. Нѣтъ, не челюсть» *).

Самъ Глѣбъ Ивановичъ послѣ ночного путешествія остался, какъ водится, совсѣмъ безъ денегъ, и когда на другой день, рано утромъ, въ сопровожденіи друзей, онъ пріѣхалъ на пароходъ, да пошарилъ въ карманахъ и заглянулъ въ кошелекъ, то тамъ не оказалось ни копейки. «А вѣдь у меня денегъ-то... что-то ужъ и нѣтъ!..» Глѣбъ Ивановичъ нерѣдко произносилъ эти самыя слова, и всегда съ легкимъ удивленіемъ, и притомъ виновато улыбался.

Въ такіе моменты Глѣбъ Ивановичъ шутя говорилъ, что «курсъ его рубля упалъ ниже кармана штановъ» **). Бывали и случаи, когда, во время своихъ странствованій, раздавъ деньги, Успенскій самъ не зналъ, откуда ихъ добыть себѣ на обратную дорогу. Такъ, напримѣръ, однажды его выручилъ изъ бѣды желѣзнодорожный сторожъ, въ другой разъ—московскіе студенты, устроившіе складчину, въ третій разъ—совсѣмъ незнакомые люди, раздобывшіе для него обратный билетъ изъ Одессы въ Москву. Въ Одессѣ, какъ разсказываютъ намъ И. С. Джабадари и О. В. Любатовичъ, Глѣбъ Ивановичъ роздалъ мѣстнымъ бѣднякамъ довольно значительную сумму денегъ изъ числа только-что полученныхъ отъ Сибирякова и Павленкова за второе изданіе «Собранія сочиненій». Былъ такой случай въ 1881 г.: ѣдучи въ Самарскую губернію на голодъ, Успенскій встрѣтилъ какого-то бѣдняка-студента и принялъ въ немъ такое участіе, что отдалъ ему всѣ свои деньги, а самъ лишь съ большими трудностями вернулся въ Москву. Повторилась исторія совершенно въ духѣ «Двухъ стариковъ» Л. Н. Толстого, хотя Успенскій никогда не принадлежалъ къ числу «толстовцевъ». Впрочемъ, онъ и во многихъ другихъ случаяхъ поступалъ, какъ и въ этомъ, «по-толстовски»... Всѣ воспоминанія объ Успенскомъ блещутъ такого рода фактами.

Нужно ли говорить о томъ, что самъ Глѣбъ Ивановичъ всю свою жизнь былъ мученикомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, своей чрезмѣрной впечатлительности и воспріимчивости, которыя уже прямо граничили съ несомнѣнно болѣзненной неуравновѣшенностью? Но таковы ужъ были отъ природы его нервы, полученные отъ предковъ и культивированные вѣчно необезпеченной жизнью русскаго литератора-разночинца, умственнаго пролетарія. Свойства, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, были чѣмъ-то стихійнымъ. Казалось

*) «Русск. Богатство». 1905 г., № 5, стр. 154.
**) «Русск. Богатство». 1905 г., № 7, стр. 194.

иногда, что весь Глѣбъ Ивановичъ сотканъ изъ однихъ нервовъ. Онъ рѣзко реагировалъ на всякія внѣшнія впечатлѣнія. На него сильно дѣйствовала, напримѣръ, гроза; онъ боялся собакъ, лошадей, крутыхъ спусковъ съ горъ, онъ громко кричалъ во время купанья, когда входилъ въ воду и т. п. Ѣздить съ нимъ на извозчикѣ бывало иногда истиннымъ мученіемъ пополамъ со смѣхомъ. Опасности ему чудились постоянно, и не только за себя, но и за другихъ. Ѣдущій впереди сѣдокъ, пересѣкающій конку въ добрыхъ трехъ саженяхъ отъ него, приводилъ его въ волненіе,—«вотъ онъ сейчасъ попадетъ подъ конку!» Достаточно было Глѣбу Ивановичу лишь подумать о какой-либо опасности, чтобы она сейчасъ же представилась ему вполнѣ реально и ярко. То же самое наблюдалось не только по отношенію къ опасностямъ, но и къ радостямъ и ко всему прочему. Впрочемъ, такое нервничанье въ мелочахъ не мѣшало Глѣбу Ивановичу пренебрегать опасностями болѣе серьезными, какъ это мы видѣли, говоря объ его участіи въ кружкахъ конца семидесятыхъ годовъ (Н. К. Михайловскій).

Представимъ себѣ теперь такого нервнаго человѣка, наполненнаго «сердечнымъ содроганіемъ» и переживающаго всею своей душой всю русскую исторію, начиная съ сороковыхъ и кончая девятидесятыми годами.

Его жизнь захватила и мрачныя времена послѣднихъ лѣтъ николаевщины, она насквозь прошла эпоху крымской войны, послѣднихъ дней крѣпостного права и его паденія, и его борьбы за свое существованіе, эпоху разоренія прежнихъ порядковъ и эпоху великихъ реформъ. Успенскій видѣлъ и переживалъ своею душою и реакцію во времена польскаго возстанія и каракозовскаго выстрѣла, и эпоху «хожденія въ народъ» семидесятниковъ, и всѣ перипетіи ихъ дальнѣйшей борьбы, мирными и боевыми средствами, эпоху чайковщины, долгушенства, лавристовъ и бакунистовъ, эпоху «земли и воли», и мирныхъ «черныхъ передѣльцевъ», и боевой «народной воли». Успенскій пережилъ и лорисъ-меликовскую «диктатуру сердца», и гроznое 1-е марта 1881 года, и правительственную и общественную реакцію 80-хъ годовъ съ ея вдохновителями—Д. Толстымъ, М. Катковымъ и К. Побѣдоносцевымъ. Успенскій чуткой своей душой уже предвидѣлъ въ будущемъ и крестьянскія голодовки и крестьянскія «свои средствія», нарожденіе пролетаріата и быстро поднимающійся надъ Россіей рабочій вопросъ. Онъ уже услышалъ и подмѣтилъ первыя нотки начинающейся идейной борьбы народниковъ и марксистовъ, и онъ же болѣлъ сердцемъ при видѣ всероссійскаго разоренія и оскудѣнія, первые признаки котораго словно громъ прокатились надъ Россіей въ 1891—93 гг. Все это проходило черезъ большое сердце писателя, неустанно и безъ

перерыва наполняя его скорбью и трепетомъ. Особенно за послѣднія 10—15 лѣтъ своей сознательной жизни Глѣбъ Ивановичъ съ какой-то болѣзненной лихорадочностью присматривался ко всѣмъ деталямъ русской общественной жизни, прислушивался къ голосамъ печати, внимательно слѣдилъ за газетами и журналами, дѣлалъ вырѣзки, а иногда и выписки, жадно искалъ свѣжихъ и сѣдущихъ людей, отъ которыхъ можно было бы узнать настоящую правду о томъ, что творится тамъ, глубоко, въ народной средѣ, въ народномъ сознаніи (объ этомъ печать поневолѣ помалкивала), и все учитывалъ въ своей вѣчно напряженной работѣ. Пишущій эти строки какъ сейчасъ видитъ передъ собой рабочую комнату Глѣба Ивановича въ его небольшой и довольно неуютной квартиркѣ на Васильевскомъ островѣ, простой рабочій столъ, заваленный бумагами, газетами, газетными вырѣзками и книгами, кровать подъ простымъ одѣяломъ, наполовину закрытую тоже газетами, полку съ книгами, два-три портрета на стѣнѣ, книги и газеты подъ столомъ. Помнится и разговоръ о новыхъ явленіяхъ, уже начинавшихъ то здѣсь, то тамъ вспыхивать на фабрикахъ въ 1890 году, и лихорадочный интересъ, который проявлялъ къ этимъ явленіямъ Глѣбъ Ивановичъ, неустанно, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ по-своему своеобразно сопоставлявшій это «фабричное явленіе» съ общимъ ходомъ прекрасно ему извѣстной русской жизни. Глѣбъ Ивановичъ дѣйствительно ощущалъ, переживалъ ее, и это-то внутреннее переживаніе русской исторіи его времени и составляетъ собственно біографію Г. И. Успенскаго. «Ея интересъ,—справедливо говоритъ Н. К. Михайловскій:—заключается именно въ томъ, какъ эта нѣжная, чуткая душа, эти «обнаженные нервы» откликались страданіемъ и радостью на явленія своей и чужой жизни».

«Никакихъ кратко выраженныхъ подробностей моей нравственной жизни,—говоритъ и самъ Глѣбъ Ивановичъ:—никоимъ образомъ невозможно изложить въ краткой замѣткѣ. Надобно перебрать все, что я написалъ, указать каждую страницу, объяснить, отчего она написана такъ, а не иначе, чтобы видѣть, какія условія жизни заставили меня и жить и думать такъ, какъ я думалъ и писалъ, и чѣмъ я жилъ лично... Вся моя повая (т.-е. съ 1862 г.) біографія пересказана почти изо дня въ день въ моихъ книгахъ. Больше у меня ничего въ жизни личной не было и нѣтъ».

Эта послѣдняя фраза Глѣба Ивановича не совсѣмъ соотвѣтствуетъ истинѣ. У него было еще кое-что, а именно въ личной жизни—его семья, которую и онъ нѣжно любилъ и которая его любила. Семья его состояла изъ семи человѣкъ, въ томъ числѣ изъ пятерыхъ дѣтей (трехъ дочерей и двухъ сыновей), жившихъ общею идейною жизнью со своимъ отцомъ. Всѣ дѣти Глѣба Ивановича

получили хорошее образованіе, не ниже средняго, а въ большинствѣ случаевъ высшее, окончить которое помѣшали дочерямъ лишь независящія обстоятельства.

Впрочемъ, непрактичность Глѣба Ивановича, его неумѣнье обращаться съ деньгами, его полнѣйшая неспособность къ финансовымъ комбинаціямъ (хотя финансовыхъ плановъ всегда было очень много въ его головѣ), его неаккуратность, разсѣянность, его вѣчное «не отъ міра сего», разумѣется, причиняло немало огорченій сёмьѣ, въ особенности же Александрѣ Васильевнѣ. Но все это огорчало и самого Глѣба Ивановича, и онъ иногда говорилъ о себѣ: «Какой я семьянинъ? Развѣ я семьянинъ?» Но семья никогда и ни въ чемъ его не обвиняла, потому что и не въ чемъ было обвинять такого человѣка, страдающаго за свои грѣхи вольные и невольные больше всѣхъ другихъ...

Разумѣется, кромѣ семьи, были у Глѣба Ивановича и другія проявленія чисто-личной жизни. Онъ, можно сказать, постоянно былъ окруженъ людьми, любящими его не только какъ писателя, а какъ человѣка. Его любили даже литературные его враги, если только имъ случалось съ нимъ познакомиться, и вообще люди, смотрѣвшіе на явленія русской общественной жизни совсѣмъ иными глазами, чѣмъ онъ, и предъявлявшіе ей прямо противоположныя требованія, чѣмъ какія предъявлялъ онъ. Въ настоящее время въ печати появилось уже довольно много воспоминаній объ Успенскомъ личныхъ его друзей и знакомыхъ. Всѣ они проникнуты какою-то особенною любовью къ «дорогому Глѣбу Ивановичу». Даже такому замѣчательному человѣку, какъ Н. К. Михайловскій, по его собственнымъ словамъ, общеніе съ Глѣбомъ Ивановичемъ казалось *счастіемъ*. «Это было счастье, какъ всякое общеніе съ богатою натурою, и притомъ рѣдкое счастье, потому что всякая оригинальность—рѣдкость, а въ Успенскомъ былъ оригиналенъ каждый вершокъ. Оригиналенъ ходъ его мысли, оригиналенъ языкъ, письменный и словесный, оригинальна форма его писаній, оригинальны его отношенія къ людямъ и весь складъ его жизни» *). То же самое разсказываетъ В. Г. Короленко: «Онъ былъ одинъ, самъ по себѣ, ни на кого не былъ похожъ и никто не былъ похожъ на него. Это былъ уникъ человѣческой породы, рѣдкой красоты и рѣдкаго нравственнаго достоинства» **). А. М. Скабичевскій, который былъ знакомъ съ Г. И. Успенскимъ съ 1868 г., пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ ***): «Это былъ одинъ изъ тѣхъ феноменальныхъ людей, которые поражаютъ всѣхъ окружающихъ какъ своей край-

*) «Русск. Бог.» 1902 г., № 3, стр. 31.
**) «Русск. Бог.» 1902 г., № 5, стр. 137.
***) «Новости» 1902 г., № 98, 9 апр.

ней оригинальностью, выходящею изъ всѣхъ обычныхъ нормъ, такъ и такою нравственною высотою, какая свойственна лишь особымъ избранникамъ судьбы и праведникамъ. По крайней мѣрѣ, для меня лично встрѣчаться съ нимъ всегда было большимъ счастьемъ. Послѣ каждаго свиданія съ нимъ я чувствовалъ себя словно обновленнымъ, исполненнымъ свѣтлой и теплой отрады. Выходилъ же онъ изъ всѣхъ тѣхъ нормъ, какія свойственны обыкновеннымъ людямъ, не только своимъ талантомъ, умственною и нравственною высотою, но, можно сказать, всѣмъ своимъ существомъ, при чемъ даже недостатки его, предосудительные въ другихъ людяхъ, въ немъ, напротивъ того, нравились».

Дать характеристику такого человѣка въ немногихъ словахъ—дѣло не только трудное, но и невозможное, и не только для пишущаго эти строки. Лучше всего это доказывается тѣмъ, что ни В. Г. Короленко, ни Н. К. Михайловскій, ни другіе друзья Глѣба Ивановича, писавшіе о немъ много и даже не разъ, все-таки не дали намъ полной и всесторонней характеристики его личности. Тѣмъ болѣе не умѣстится она въ тѣ сравнительно немногія страницы, какія имѣются въ нашемъ распоряженіи. Но, говоря о личности Глѣба Ивановича, нельзя не упомянуть еще объ одной его чертѣ въ его отношеніяхъ къ людямъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться,—именно о его постоянномъ стремленіи ободрять, поддерживать и объединять борцовъ и простыхъ работниковъ. Случалось не разъ, что Глѣбъ Ивановичъ писалъ самыя душевныя письма совершенно незнакомымъ ему людямъ, напримѣръ, начинающимъ писателямъ, которыхъ, по его мнѣнію, нужно было подбодрить. Такія письма получилъ, напримѣръ, отъ него В. Г. Короленко. Въ 1890 г. пишущій эти строки тоже былъ удивленъ и глубоко обрадованъ, когда къ нему, въ то самое время, когда онъ проживалъ на фабрикѣ, явился незнакомый человѣкъ съ привѣтомъ отъ Г. Успенскаго—того самаго писателя, на сочиненіяхъ котораго еще въ студенческіе годы создавалось и вырабатывалось его міросозерцаніе... И такіе случаи далеко не единственные.

Впрочемъ, бывало и такъ, что Глѣбъ Ивановичъ бранился и ворчалъ,—ворчалъ даже на женщинъ, называя особенно назойливыхъ даже «ядовитыми каракулями». Случалось, что онъ безъ церемоніи выпроваживалъ изъ своего дома даже «народниковъ», оказавшихся не въ мѣру назойливыми, какъ это было съ однимъ господиномъ, который въ гости къ Глѣбу Ивановичу въ Чудово пришелъ или, точнѣе говоря, прилѣзъ чрезъ окно, высадивъ раму, а затѣмъ, въ подражаніе «русскому крестьянству», вздумалъ ходить по квартирѣ Глѣба Ивановича босикомъ. Этой фальши и нахальства даже кроткая душа самаго кроткаго изъ людей не вы-

несла и закричала: «вонъ!». Но такіе случаи въ жизни Глѣба Ивановича были рѣдки.

На молодежь Глѣбъ Ивановичъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Помнится намъ одинъ вечеръ, когда Глѣбъ Ивановичъ, въ кругу студентовъ и курсистокъ, бесѣдовалъ «о будущихъ временахъ». Что̀ ожидаетъ Россію? Что̀ ожидаетъ народъ? Несмотря на то, что многія произведенія Глѣба Ивановича проникнуты довольно рѣзко выраженнымъ пессимизмомъ, въ этотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, онъ былъ настроенъ вовсе не пессимистически, а въ тонъ другихъ своихъ произведеній, въ которыхъ то и дѣло звучатъ бодрящія нотки. Одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ его, какъ понимать разсѣянныя во многихъ мѣстахъ его произведеній мысли о томъ, что землею долженъ пользоваться (но не владѣть) только тотъ, кто обрабатываетъ ее своими руками, безъ наемныхъ рабочихъ? «Ваши ли это мысли, или вы развиваете здѣсь воззрѣнія нѣкоторыхъ представителей народа?»—спросили Глѣба Ивановича. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ, и на него получили опредѣленный отвѣтъ, что таковы и воззрѣнія Глѣба Ивановича, и онъ считаетъ ихъ несомнѣнно воззрѣніями трудящагося класса. И Глѣбъ Ивановичъ долго говорилъ о будущемъ строѣ жизни, основанномъ на началахъ общественнаго производства и распредѣленія, о «свободномъ союзѣ свободныхъ людей,—именно людей *независимыхъ вполнѣ*, каждый изъ которыхъ, выражаясь словами кольцовской пѣсни, *слуга* самому себѣ и *хозяинъ* самого себя... т.-е. человѣкъ, не налагающій ни на кого никакихъ путъ и самъ не запутанный никакими и ничьими путами» *). На слушателей произвела глубокое впечатлѣніе чистая и искренняя, и какъ-то особенно простая, естественная вѣра Глѣба Ивановича, что къ такому-то строю и идетъ дѣло. «А то какъ же?»—улыбаясь, спрашивалъ онъ, словно въ порывѣ особаго историческаго предвидѣнія. И онъ дѣйствительно многое чувствовалъ и предвидѣлъ въ процессѣ исторической жизни, когда, напримѣръ, писалъ и о такихъ временахъ, когда «Ивапы Ермолаичи покроютъ землю уже не кроткимъ, а сердитымъ пищенствомъ и внесутъ въ общество, вмѣсто устраиваемой *для нихъ* цивилизаціи, иные взгляды на человѣческія отношенія» **). Предвидѣлъ Глѣбъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ многими другими безпристрастными наблюдателями и изслѣдователями народной жизни, и голодовку 1891—93 гг. Далѣе мы увидимъ, что эта голодовка сыграла самую роковую роль въ его жизни. Печальникъ народнаго горя, весь свой вѣкъ жившій радостями и страданіями народа, не вынесъ этого бѣд-

*) Слова эти взяты нами изъ «Писемъ съ дороги» Г. И. Успенскаго. Курсивъ принадлежитъ ему.

**) Слова изъ «Власти земли».

ствія. «Душевный трепетъ», «сердечное содроганіе» достигли своего наибольшаго напряженія. Не случайно, что болѣзнь Глѣба Ивановича опредѣленно проявилась именно въ этотъ голодный годъ. Этотъ годъ сильно ускорилъ трагическую развязку. Иначе и не могло быть у большого человѣка съ большимъ сердцемъ.

* *
*

Нѣсколько лѣтъ назадъ пишущему эти строки пришлось услышать на югѣ Россіи, отъ одного старика-еврея, нижеслѣдующую поэтическую легенду:

«Гдѣ-то въ народѣ,—разсказывалъ старикъ:—а гдѣ именно—неизвѣстно, можетъ-быть, тутъ же, около насъ, а можетъ-быть, далеко-далеко, живетъ семь умныхъ-умныхъ и безконечно добрыхъ и отзывчивыхъ людей, семь праведниковъ, которые вмѣстѣ со всѣми людьми обо всемъ думаютъ и вмѣстѣ со всѣми нами страдаютъ нашими страданіями, потому что имъ никогда и ничье горе не чуждо. Они во все вникаютъ и все понимаютъ, и сердца ихъ открыты для всякаго человѣка, хотя бы самаго послѣдняго изъ послѣднихъ, и такъ для всѣхъ людей и для всего человѣческаго рода. Иди къ нимъ, кто хочешь и кому только нужно,—и эти семеро его примутъ. Примутъ и пожалѣютъ. И обласкаютъ. И утѣшатъ. И скажутъ ему то самое, что̀ ему-то, такому, и нужно сказать,—объ его душѣ, объ его жизни, объ его обстоятельствахъ, о дѣлахъ, о мысляхъ, о стремленіяхъ, обо всемъ, обо всемъ. Эти семеро для всѣхъ ищутъ дороги къ правдѣ, и къ счастью, и къ свѣту, а на этой думѣ только и можетъ держаться міръ. Иной разъ случаются такія времена, что вмѣсто семи такихъ праведниковъ остается ихъ на свѣтѣ всего лишь шесть или пять. Но лишь только ихъ число уменьшается,—тотчасъ же родъ человѣческій начинаетъ клониться къ гибели, потому что ему нужны настоящіе хранители настоящей правды и неподдѣльнаго добра,—такіе, которые ее чувствуютъ всею своей праведной душой. Зато, когда на землѣ больше становится такихъ праведниковъ, тогда тотчасъ же всѣмъ намъ, обыкновеннымъ людямъ, начинаетъ легче дышаться, и легче жить, и свѣтлѣе, и веселѣе, и отраднѣе, и тьма, и горе, и всякія бѣдствія становятся не такъ страшны и не такъ давятъ своей безнадежностью, потому что когда есть на свѣтѣ хоть одинъ такой, какъ эти семеро,—ужъ никто на всей землѣ не чувствуетъ себя въ конецъ одинокимъ»...

Если бы эта поэтичная легенда была дѣйствительностью, то однимъ изъ этихъ праведниковъ былъ бы несомнѣнно Г. И. Успенскій.

V.

Болѣзнь и смерть.

Душа Глѣба Ивановича всегда была полна всякаго рода литературными проектами и планами. Но этимъ литературнымъ намѣреніямъ Глѣба Ивановича не суждено было осуществиться. Болѣзнь, естественное слѣдствіе тяжелой, безпокойной, вѣчно кипучей и вѣчно рабочей жизни, основанной на постоянномъ кипѣніи и «горѣніи съ двухъ концовъ», уже давно подкрадывалась къ Глѣбу Ивановичу. Въ письмахъ къ Е. С. Некрасовой онъ жаловался на серьезное нездоровье еще въ 1883 году: «Ужасно, ужасно боленъ! Со мной необычайное какое-то нервное разстройство, чего *никогда* не бывало. Право, я иногда думаю, какъ бы мнѣ не сойти съ ума, что-то вообще со мной ужасно худо, необычайно худо... Не знаю, какъ и быть. Я сейчасъ пишу это письмо и радъ, что могу держать перо, хотя буквы и прыгаютъ у меня, какъ сумасшедшія. Сейчасъ же долженъ такимъ же нелѣпымъ образомъ писать статью за январь. *Долженъ!* Когда мнѣ только страшно чего-то и холодно до невозможности. Не буду писать, потому что кое-какъ держу перо въ рукахъ»... И далѣе: «Пожалуйста, пишите мнѣ. Кажется, я лягу въ больницу мѣсяца на два, патри» *).

Года четыре послѣ того, въ 1887 году, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Нижній, Глѣбъ Ива́новичъ произвелъ на В. Г. Короленко такое впечатлѣніе, что его здоровью угрожаетъ, дѣйствительно, «что-то страшное». Въ немъ уже тогда была тревожная печаль, неотвязность болѣзненныхъ и грустныхъ мыслей и особенная чуткость. «Но вѣдь инымъ я его не зналъ,—пишетъ В. Г. Короленко:—и все это казалось нормальнымъ состояніемъ человѣка, уже въ юности плакавшаго безъ видимыхъ причинъ и содрогавшагося при всякомъ напоминаніи о прежней дореформенной средѣ и прежней жизни. Правда, къ чувству умиленія, вызываемому этой удивительной человѣческой особью, уже и тогда присоединялось смутное опасеніе, какъ бы предчувствіе, что такая впечатлительность, такая жизнь не можетъ быть прочной. Но это было именно только смутное предчувствіе, дѣлавшее симпатію къ нему близко знавшихъ его людей чуткой и опасливой! Но самъ онъ бывалъ еще оживленъ, остроуменъ, веселъ, много работалъ, и тревога смолкала» **).

На С. П. Швецова, видѣвшаго Глѣба Ивановича въ Томскѣ лѣ-

*) «Русск. Мысль» 1902 г., № 9, стр. 58.
**) «Русск. Бог.» 1902 г., № 5.

томъ слѣдующаго 1888 г., онъ произвелъ впечатлѣніе несомнѣнно больного уже человѣка, а вскорѣ послѣ юбилея Глѣбъ Ивановичъ писалъ В. А. Гольцеву: «Я всю нынѣшнюю осень нахожусь въ небываломъ нервномъ разстройствѣ и поэтому въ лихорадочномъ состояніи. Мнѣ до крайности необходимъ не отдыхъ, а перерывъ въ моихъ работахъ мѣсяца на два. Необходимо сообразить и обдумать дальнѣйшія работы».

Правда, бывали и раньше тяжелыя, мрачныя минуты и даже дни въ настроеніи Глѣба Ивановича, который всегда былъ во власти своихъ настроеній, но они бывали—и проходили. Съ конца же 80-хъ годовъ общее состояніе души оставалось неизмѣнно мрачнымъ и съ теченіемъ времени становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. «Я утомленъ,—писалъ онъ въ 1888 же году: — 25 лѣтъ работы никакъ не прошли мнѣ даромъ, и я такъ больше писать не могу. Я не хочу сравниться такой лихорадочной работой, на которую вынужденъ теперь». 19 февраля 1891 г., посылая В. А. Гольцеву III томъ своихъ «Сочиненій» (изд. Ф. Павленкова), Глѣбъ Ивановичъ писалъ ему, что посылаетъ этотъ томъ безъ автографа, потому что не уважаетъ этого тома: «все, что писалось съ 1888 г... писалось въ ужаснѣйшихъ условіяхъ, въ *душевномъ разстройствѣ, не предвѣщающемъ ничего, кромѣ гибели.* Такъ вы можете судить, поднимется ли у меня рука преподнести надгробный камень въ знакъ уваженія?» *). Очевидно, Глѣбъ Ивановичъ самъ какъ будто чувствовалъ приближеніе чего-то страшнаго. Въ томъ же 1888 г. и въ началѣ 1889 г. онъ писалъ В. А. Гольцеву изъ Воронежа: «Дѣло мое худо», затѣмъ изъ Чудова: «У меня голова идетъ кругомъ. *Гибель виситъ надо мной*». Но, и больной и измученный, тѣмъ не менѣе онъ все работалъ и работалъ и весь отдавался жизненнымъ впечатлѣніямъ, а эти впечатлѣнія вызывали въ его душѣ глубокое горе **). Наконецъ въ 1891 г. болѣзнь Глѣба Ивановича опредѣлилась съ совершенной очевидностью, и рѣшающимъ моментомъ въ наступленіи ея былъ *голодъ* въ 20 губерніяхъ, великое народное бѣдствіе 1891—92 гг., которое Глѣбъ Ивановичъ не могъ не принять близко къ сердцу, и оно наконецъ не выдержало... И онъ писалъ В. А. Гольцеву: «Голодовка затмила всѣ мои темы, опредѣлившіяся для будущихъ очерковъ». И правда, въ 1891—92 годахъ Глѣбъ Ивановичъ работалъ уже совсѣмъ мало. Въ 1892 г. мы не встрѣчаемъ ни одной его статьи въ періодическихъ изданіяхъ и лишь одну статью («Изъ памятной книжки») въ сборникѣ «Помощь голодающимъ» (изд. «Рус. Вѣд.»). Но это была

*) «Русск. Мысль» 1902 г., № 4, стр. 188.

**) Южаковъ: «Изъ переписки Г. И. Успенскаго». «Русск. Бог.» 1905 г., № 6, стр. 191.

буквально работа *сверхъ силъ,* и въ это время Глѣбъ Ивановичъ уже страдалъ галлюцинаціями. Въ слѣдующемъ году его страданія обострились. 26 іюня 1892 г. семья Успенскихъ впервые вызывала д-ра Б. Н. Синани въ Сябринцы, гдѣ жилъ тогда Глѣбъ Ивановичъ. 30 іюня, т.-е. 4 дня спустя, онъ уже былъ помѣщенъ въ психіатрическую лѣчебницу д-ра Фрея (въ С.-Петербургѣ), а 21 сентября того же года переведенъ отъ д-ра Фрея въ Колмовскую психіатрическую больницу новгородскаго земства, гдѣ и оставался около 8 лѣтъ на попеченіи такого образованнаго и гуманнаго психіатра, какъ д-ръ Синани, старинный другъ всего семейства Успенскихъ.

Въ началѣ 1893 года стало для всѣхъ несомнѣннымъ, что Глѣбъ Ивановичъ потерянъ навсегда. Въ 1893 г. въ «Русск. Бог.» былъ напечатанъ его послѣдній разсказъ «Подкидышъ»», и въ томъ же году Глѣба Ивановича какъ писателя не стало... Кажется, онъ это и самъ понималъ: «Погибъ я, пропалъ навсегда», — сказалъ онъ С. Н. Кривенко, встрѣтивъ его на подъѣздѣ.

Впрочемъ, въ первые годы болѣзни бывали еще промежутки, когда болѣзнь какъ бы пріостанавливалась, куда-то скрываясь, и тогда наступало хоть временное просвѣтлѣніе. Но затѣмъ она снова являлась, и тогда свѣтъ снова погасалъ. Бывали промежутки и продолжительнѣе, и въ одинъ изъ такихъ промежутковъ, лѣтомъ 1893 г., Глѣбъ Ивановичъ, въ сопровожденіи своего старшаго сына Александра Глѣбовича, совершилъ даже довольно большое путешествіе. Онъ въ послѣдній разъ побывалъ на Волгѣ и посѣтилъ Нижній-Новгородъ. «Глѣбъ Ивановичъ, — разсказываетъ объ этой поѣздкѣ С. Я. Елпатьевскій, въ семьѣ котораго онъ остановился:— пріѣхалъ *уже психически-больнымъ,* съ глубокими морщинами печальнаго состарѣвшагося лица и съ тѣми удивительно переданными на портретѣ Ярошенко жуткими, напряженными глазами, въ которые нельзя было смотрѣть безъ боли и жалости»... Но и въ эти свѣтлые промежутки галлюцинаціи все-таки мучили Глѣба Ивановича почти ежедневно, особенно ночью, и тогда онъ говорилъ тревожнымъ шопотомъ Елпатьевскому: «Видите, видите,—*она* опять пришла... Видите, вотъ *она*,—бьется крыльями... въ бѣлой одеждѣ». Иногда *она* была свѣтлая, иногда же *она* была темной монахиней, приникшей къ стеклу, со строгимъ и печальнымъ лицомъ. Но

*) «Русск. Мысль» 1902 г., № 4, стр. 189.

Звалъ онъ къ жертвѣ, любви
Весь любовью дыша.
Онъ горѣлъ какъ маякъ,—
И сгорѣла душа...

П. Я.

кого же собственно видѣлъ Глѣбъ Ивановичъ? «Одинъ разъ,—разсказываетъ авторъ воспоминаній:—онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ, что это «Святая Евфросинія», другой же разъ, полнымъ горя шопотомъ, тихо выговорилъ: «*вся Россія, вся Россія*». Въ эту свою послѣднюю поѣздку Глѣбъ Ивановичъ прожилъ въ Нижнемъ около двухъ недѣль, бывая иногда у В. Г. Короленко и Н. Ѳ. Анненскаго. «Часто, среди разговора, даже въ многочисленномъ обществѣ, Глѣбъ Ивановичъ вдругъ закрывался ладонью исхудалой, тонкой руки и начиналъ шептать,—разсказываетъ В. Г. Короленко. — Мнѣ онъ говорилъ нѣсколько разъ просто и задушевно, что въ эти минуты онъ бесѣдуетъ съ «инокиней Маргаритой»,—чистѣйшимъ существомъ, въ которомъ странным образомъ сливаются нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ *боровшіяся и пострадавшія въ борьбѣ*. И она говоритъ ему хорошія вещи, иногда горько упрекаетъ его, а иногда ободряетъ, и онъ «дѣлается легкій... и скоро полетитъ»... А затѣмъ онъ совершенно просто переходилъ къ житейскимъ темамъ и нѣсколько разъ, помню, говорилъ: «*Смотрите на мужика... Все-таки надо... надо смотрѣть на мужика*»... *). Такимъ образомъ и въ это время Глѣба Ивановича преслѣдовали тѣ же самыя основныя идеи — о народѣ и о борьбѣ, которыя, какъ мы видѣли выше, уже давно сдѣлались господствующими идеями всего его существа.

Но и послѣ этой поѣздки, несмотря на галлюцинаціи, Глѣбъ Ивановичъ все-таки не уходилъ отъ общества. Такъ, напр., въ 1894 году (24 марта), даже вопреки совѣту доктора, онъ еще присутствовалъ на юбилейномъ обѣдѣ А. М. Скабичевскаго, гдѣ и намъ лично пришлось его увидѣть въ послѣдній разъ и побесѣдовать нѣсколько минутъ о нарастающей въ народѣ его собственной, народной интеллигенціи, изученіе которой крайне интересовало Глѣба Ивановича. Но шумъ и застольныя рѣчи, обычныя на всякаго рода банкетахъ, произвели на Глѣба Ивановича болѣзненное впечатлѣніе, и съ нимъ тутъ же, за столомъ, начались его обычныя галлюцинаціи. Онъ вдругъ увидѣлъ сквозь потолокъ звѣзды и ангеловъ и заговорилъ съ ними и о нихъ **). Вскорѣ послѣ этого Глѣбъ Ивановичъ былъ помѣщенъ въ больницу окончательно и безвыходно, и для него началась «долгая, мучительная, полная страшныхъ видѣній духовная ночь, съ короткими промежутками просвѣтлѣнія, въ своемъ родѣ не менѣе мучительными».

Къ этому времени относится слѣдующій эпизодъ. 5 февраля 1895 года тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, въ своемъ «довѣрительномъ» (секретномъ) письмѣ «къ его сіятель-

*) «Русск. Бог.» 1902 г., 5, 165.

**) Михайловскій, «Рус. Бог.» 1902, 4, стр. 146, Васюковъ.

ству графу И. Д. Делянову», за № 799, указывалъ на Г. И. Успенскаго, какъ на особенно зловреднаго писателя, мутящаго народъ и *стоящаго во главѣ спб. комитета грамотности* *).

Но вотъ что замѣчательно. «Даже и будучи больнымъ,—говоритъ Н. К. Михайловскій:—онъ оставался все тѣмъ же Глѣбомъ Ивановичемъ, какимъ мы его знали здоровымъ,—все такъ же возвышенно настроеннымъ, все такъ же занятымъ борьбой со зломъ и мракомъ, которыя только теперь обратились всѣ *внутрь его собственной души*... Наконецъ даже все такимъ же талантливымъ, потому что нѣкоторыя изъ его безумныхъ фантазій поражаютъ своею оригинальною красотой». Въ этомъ смыслѣ даже самая болѣзнь Глѣба Ивановича представляетъ глубокій интересъ не только въ психологическомъ, но и въ біографическомъ отношеніи, и мы позволяемъ себѣ познакомить съ нею документально.

Д-ръ Б. Н. Синани, психіатръ, директоръ Новгородской Колмовской больницы, въ своемъ дневникѣ формулируетъ сущность болѣзненныхъ идей и видѣній Глѣба Ивановича слѣдующимъ образомъ **): «Съ самаго заболѣванія Глѣба Ивановича и до сихъ поръ въ его сознаніи идетъ борьба между двумя началами: началомъ справедливости и началомъ, неясно выражаемымъ, но противоположнымъ первому. Ему кажется, что его «я»—раздвоено и состоитъ изъ *двухъ* личностей, борющихся другъ съ другомъ. Первая личность — это *Глѣбъ* (Успенскій), вторая личность — это Глѣбъ *Ивановичъ* Успенскій (N. B. Отецъ матери назывался Глѣбомъ, Иванычъ—отъ Ивана, значитъ отца его ***). Но какъ ни

*) Вотъ эти удивительныя слова изъ письма министра:

«Если принять во вниманіе, что *во главѣ* одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ по распространенію народныхъ учрежденій — спб. комитета грамотности — стоитъ нѣсколько лицъ, политическая благонадежность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна, и что въ *изданіи* и *распространеніи* народной литературы принимаютъ горячее участіе лица, извѣстныя своимъ *либеральнымъ* (sic) направленіемъ, какъ Михайловскій, Гольцевъ, Засодимскій, *Успенскій*, Рубакинъ и многіе другіе, то представляется вѣроятнымъ, что указанное выше движеніе, вызванное наружу народнымъ бѣдствіемъ послѣднихъ лѣтъ, будетъ развиваться систематически въ духѣ, несогласномъ съ видами правительства» и т. д. (см. «Былое», 1907 г., № 5, стр. 70). Г. министръ въ этомъ своемъ письмѣ смѣшалъ Н. К. Михайловскаго съ Я. Т. Михайловскимъ, старшимъ фабричнымъ инспекторомъ (до пребразованія инспекціи). Глѣбъ Ивановичъ къ спб. комитету грамотности никогда не имѣлъ почти никакого отношенія. Все его участіе въ народной литературѣ состояло въ томъ, что онъ разрѣшилъ нѣкоторымъ издательскимъ фирмамъ, напр., фирмѣ «В. И.» («Баронесса В. И. Икскуль»), издавать нѣкоторыя свои произведенія.

**) «Русск. Бог.» 1902 г. 4, стр. 156—38.

***) Ср. I гл., гдѣ рѣчь идетъ о той части автобіографіи, которую «надо забыть».

борется «Глѣбъ», однако ему очень трудно не только уничтожить, убить «Ивановича», но даже устоять противъ власти его. Со времени его болѣзни борьба между ними идетъ ожесточенная. Случалось, что «Глѣбъ» какъ будто бы отвоевывалъ свое существованіе, пріобрѣталъ свою половину, но это ему удавалось ненадолго. «Ивановичъ» снова вторгался въ его область, пренебрегая всякими уговорами, всякими условными компромиссами, часто разрушая ихъ, и заполнялъ «Глѣба». При полномъ его пораженіи, больной не только казался себѣ, но и дѣйствительно являлся въ самыхъ несимпатичныхъ, безобразныхъ, отвратительныхъ видахъ, до буквальнаго образа свиньи включительно, съ ея черепомъ, и мордою, и хребтомъ, и ребрами, и даже перестановкою верхнихъ конечностей снаружи внутрь. Возвращеніе, если оно являлось наиболѣе крайней формою выраженія побѣды Ивановича, повидимому, наступало всякій разъ, какъ настроеніе ухудшалось, и, соотвѣтственно съ этимъ, въ сознаніи его начинали преобладать представленія мрачнаго характера; въ его сознаніи и самоопредѣленіи все болѣе и болѣе преобладала личность Ивановича. Однажды ночью онъ наконецъ отрекся отъ самого себя, отъ Глѣба, въ пользу Ивановича. И какъ только онъ подписалъ это «отреченіе отъ самого себя въ свою же пользу», съ нимъ начались превращенія въ отрицательномъ направленіи. Какъ онъ ни боролся, но руки его такъ и тянулись къ тому, чтобы срастись съ грудью и направиться впередъ. Онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы вернуть ихъ въ нормальное положеніе, перетянуть назадъ, но, когда это ему не удавалось, онъ тогда-то, повидимому, и совершалъ насилія надъ самимъ собою: старался разбить себѣ голову, перерѣзывалъ горло, огнемъ жегъ себя, чувствовалъ, какъ онъ горитъ. Иногда ему казалось, что онъ въ большей или меньшей степени достигаетъ цѣли,—что если не внутри, то хотя снаружи слѣзаетъ съ него его отрицательное «я». Бывали случаи, когда чрезъ мракъ затемнявшей и заполнившей его отрицательной личности пробивался свѣтлый лучъ въ образѣ то дѣйствительныхъ лицъ, какъ Короленко, то фантастическихъ образовъ, какъ ангелъ, какъ монахиня Маргарита *). Бывало, что они отстоятъ «Глѣба», но потомъ опять все это рушится, и «Ивановичъ» вступаетъ въ полное владѣніе. Торжество «Ивановича» не ограничивалось однимъ отрицательнымъ превращеніемъ его личности въ смыслѣ его самооцѣнки, самопониманія, самоопредѣленія. Онъ совершилъ чудовищныя преступленія, — напримѣръ, убивалъ своихъ дѣтей **), свою семью, переотравилъ всѣхъ ихъ до

*) Напомнимъ очеркъ: «Выпрямила».

**) Очерки: «Волей-неволей» и «Возмутительный случай въ моей жизни».

единаго стрихниномъ... Повидимому, представленіе у него имѣло склонность сопровождаться галлюцинаціями (или псевдо-галлюцинаціями) тѣхъ органовъ чувствъ, которыя играютъ роль въ образованіи этихъ представленій».

Иногда больной переживалъ такія состоянія. Однажды ночью онъ сталъ испытывать удивительныя явленія превращенія во всемъ тѣлѣ. «По всему тѣлу стало разливаться, начиная съ ногъ, какъ электрическій токъ, что-то хорошее, теплое. Онъ весь преобразился, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, онъ воскресъ, онъ чувствовалъ себя такъ, какъ никогда за всѣ свои 50 лѣтъ. Онъ былъ совершенно чистъ, безъ пятнышка, совсѣмъ святой. Онъ долженъ былъ сохранить это состояніе навсегда. *Навѣки*. Объ этомъ-то состояніи и остались въ немъ воспоминанія. Долго спустя онъ говорилъ, что оно въ немъ не исчезло. И онъ вѣрилъ, что будетъ испытывать это состояніе все чаще и больше, и что въ концѣ концовъ оно въ немъ укрѣпится, и онъ окажется окончательно и навсегда «воскресшимъ», и какъ человѣкъ и какъ писатель. И будетъ онъ *чистымъ, святымъ*, будетъ писать» *). Глѣбъ Ивановичъ постоянно и упорно сосредоточивалъ, въ этомъ своемъ состояніи, свою мысль на томъ, что онъ необходимо, обязательно долженъ «окончательно воскреснуть», и съ этой цѣлью даже выработалъ нѣкоторые особые пріемы. Однимъ изъ нихъ явилась привычка постоянно что-то про себя шептать. Но и здѣсь сказался основной мотивъ всей жизни Успенскаго: посредствомъ такого способа, какъ объяснилъ Глѣбъ Ивановичъ доктору, онъ «ведетъ *борьбу* съ *тьмою*, не совсѣмъ еще исчезнувшей изъ его головы. Да, онъ ведетъ борьбу, онъ содѣйствуетъ упроченію своего воскресенія, своего счастья. Когда другимъ кажется,—говорилъ Глѣбъ Ивановичъ:—что онъ свиститъ, дуетъ и т. п.,—это вовсе не такъ. Это онъ дѣлаетъ свое дѣло въ пользу искорененія дурного, мрачнаго, темнаго, тѣмъ, что шепчетъ два слова: «честью и совѣстью». А когда онъ вскидываетъ голову, это онъ какъ бы отмахивается отъ мрачныхъ мыслей и шепчетъ: «счастіе». Теперь онъ убѣжденъ, что онъ восторжествуетъ окончательно. Будетъ такъ, что въ немъ останутся только честь, совѣсть, любовь, счастіе и т. п., и тогда онъ будетъ писать». «Повидимому,—замѣчаетъ отъ себя д-ръ Синани: — Глѣбъ Ивановичъ то и дѣло какъ бы производитъ надъ собой эксперименты самовнушенія» **).

Но и этимъ еще далеко не закончилось развитіе его безумныхъ, бредовыхъ и все-таки возвышенно-оригинальныхъ идей, которымъ никоимъ образомъ нельзя отказать даже въ своеобразной красотѣ.

---

*) Б. Синани. «Русск. Бог.» 1902 г., № 4, стр. 143.
**) Синани, тамъ же, стр. 143—4.

Ихъ дальнѣйшая эволюція продолжалась, и Глѣбъ Ивановичъ, увлекаемый ею, какъ бы стремясь все выше и выше, какъ бы поднимался надъ землей, надъ людьми, надъ всѣмъ человѣчествомъ, уносясь въ космическія сферы, къ тому вѣчному равновѣсію, вѣчной гармоніи, которой такъ давно и такъ тщетно Глѣбъ Ивановичъ искалъ весь свой вѣкъ на землѣ. Однажды изъ Колмовской больницы Глѣбъ Ивановичъ написалъ своей женѣ такое письмо, въ которомъ было, между прочимъ, сказано: «Увѣряю тебя, дорогая моя, горячая любовь къ Богу съ каждой минутой охватываетъ меня все больше и больше. Величайшее счастье жить на бѣломъ свѣтѣ, свѣтлое далекое будущее обрадуетъ всѣхъ, кто меня любитъ, кто возлагаетъ большія надежды. А я люблю всѣхъ и *воскресаю въ любви ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ*» и т. д. Д-ру Синани Глѣбъ Ивановичъ въ это время говорилъ, что онъ «воскресъ» въ любви къ Богу, а «Бога,—читаемъ далѣе въ «Дневникѣ» Б. Н. Синани: — Глѣбъ Ивановичъ понималъ вовсе не въ богословскомъ смыслѣ, а примѣшивалъ къ нему любовь и безконечность не то какъ атрибуты, не то какъ синонимы. Выходило поэтическое, довольно стройное міросозерцаніе, мало похожее на величавый, слабоумный бредъ паралитика. Говоря о безконечности, о мірахъ и т. п., больной прибавлялъ, что все это у него въ головѣ. Въ головѣ его—вселенная со звѣздами и т. п.». Еще позднѣе—Глѣбъ Ивановичъ уже сталъ себя считать «ангеломъ», «Господомъ», «всемогущимъ». Но и эти слова, которыя Глѣбъ Ивановичъ прилагалъ уже не только къ себѣ, но и къ другимъ, имѣли въ его устахъ своеобразный смыслъ: такъ онъ называлъ людей и себя потому, что *всякаго* человѣка считалъ, въ силу заложеннаго въ него свойства, до такой степени существомъ способнымъ къ всестороннему совершенствованію и къ великому развитію способностей, что они могутъ подняться и до степени ангеловъ и даже выше. А для того, чтобы удержаться на достаточной высотѣ, необходимо, чтобы ничѣмъ не нарушалась позднѣйшая гармонія въ ихъ организаціи,—необходимо, чтобы ихъ нисколько не касалось вліяніе земного, порочнаго, насильственнаго. Потому что, лишь только коснулось ихъ что-нибудь низменное,—они сразу начинаютъ быстро терять свои небесныя качества и принимаютъ глубокія формы и размѣры земныхъ существъ, обыкновенныхъ людей. «Въ этой мистически расположенной фантазіи,—справедливо замѣчаетъ Н. К. Михайловскій:—нетрудно усмотрѣть тотъ идеалъ, который манилъ къ себѣ Глѣба Ивановича и въ здоровомъ состояніи, и приближеніе къ которому онъ видѣлъ и въ укладѣ мужицкой жизни, и въ Венерѣ Милосской, и въ «дѣвушкѣ почти монашескаго вида», и осуществленія котораго въ самомъ себѣ онъ такъ страстно желалъ. Оно на-

ступило наконецъ, это осуществленіе, но уже въ безумной фантазіи. Да и фантазія эта не разъ разбивалась о страшныя видѣнія»...

Вотъ въ какомъ мірѣ видѣній, то свѣтлыхъ, то ужасныхъ, Глѣбъ Ивановичъ прожилъ около десяти лѣтъ.

18 марта 1900 г. онъ былъ перевезенъ изъ Колмовской больницы (откуда «новыя вѣянія» вытѣснили въ 1899 г. д-ра Синани) въ Спб. городскую Новознаменскую больницу, что на 16—17 верстѣ по Петергофскому шоссе, между ст. Сергіево и Лигово. Здѣсь и застала его смерть. Г. И. умеръ 24 марта 1902 года въ павильонѣ № 4. Смерть послѣдовала отъ паралича сердца.

Почувствовалъ себя плохо Глѣбъ Ивановичъ еще 21 марта. Состояніе его духа было въ высшей степени угнетенное еще за много мѣсяцевъ до смерти. Онъ какъ-то весь присмирѣлъ, осунулся и съ большой неохотой принимался за ѣду. Агонія продолжалась недолго и не была мучительна. Смерть подкралась къ нему не неожиданно. И даже болѣе того. Она явилась даже какъ желанная гостья, и смерти великаго страдальца были рады всѣ, кто лично или заочно зналъ и любилъ Глѣба Ивановича. А такихъ были милліоны во всѣхъ концахъ русской земли.

Г. И. Успенскій похороненъ въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ, на Литераторскихъ мосткахъ, недалеко отъ могилы Шелгунова, Костомарова, Надсона и Павленкова.

Н. Рубакинъ.

П. Данич.

PG
3470
U8
1908
v.2

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich
Polnoe sobranie sochinenii
v. 2

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY